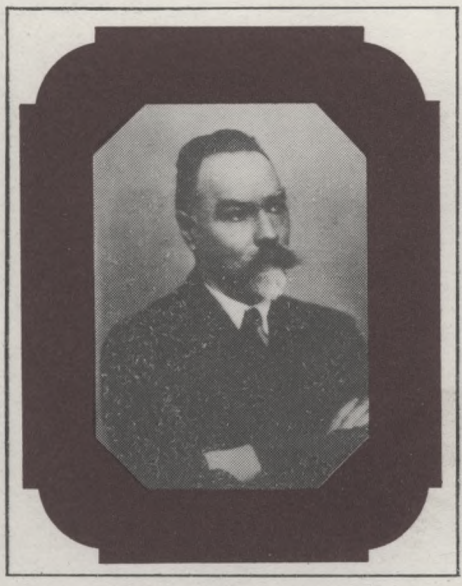
Валерий БРЮСОВ и его корреспонденты

Литературное наследство 98 Книга вторая

Валерий БРЮСОВ и его корреспонденты



Валерий Брюсов

Литературное наследство

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
и его корреспонденты

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Г. П. БЕРДНИКОВ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н. В. КОТРЕЛЕВ,
Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ (гл. редактор), А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. М. РОЗЕНБЛЮМ,
Н. Н. СКАТОВ, Л. А. СПИРИДОНОВА, Н. А. ТРИФОНОВ, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 9 · 4

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н.А. ТРИФОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 9 · 4

Книга издается
при финансовой поддержке
фонда "Культурная инициатива"
и
Российского фонда
фундаментальных исследований

РЕЦЕНЗЕНТЫ
К.Д. МУРАТОВА и Э.А. ПОЛОЦКАЯ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Л $\frac{4603020000\text{-}173}{042(02)\text{-}94}$ 415-94, I полугодие

ISBN 5—02—011362—X
ISBN 5—02—011375—I (кн. 2)

© Коллектив авторов, 1994 г.
© Российская академия наук, 1994 г

ПЕРЕПИСКА С С.А. ПОЛЯКОВЫМ (1899—1921)

Вступительная статья и комментарии Н.В. Котрелева
Публикация Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир

Переписка с С.А. Поляковым позволяет проследить историю четвертьвековой связи Брюсова с одним из ближайших к нему людей в его бытовом и литературном окружении. Но важнее, пожалуй, то, что эта переписка – основной исходный документ для воссоздания и осмысления сложных взаимоотношений Брюсова с издательством "Скорпион", владельцем которого был Поляков. Начиная с "Tertia vigilia" в 1900 г., все книги Брюсова, доставившие ему литературное признание, а затем славу, выходили под маркой "Скорпиона". "Весы", ставшие брюсовской цитаделью в литературной борьбе, выходили под той же маркой. Издательство, по сути дела, не было "поляковским", просвещенный меценат был в нем скорее соратником Брюсова, Бальмонта и других, оно стало по воле владельца коллективным орудием самоутверждения литературной школы символистов. Работа Брюсова определила многие характернейшие черты в облике "Скорпиона". Целое десятилетие литературной жизни Брюсова, с 1900 по 1910 г., нельзя сколько-нибудь полно и верно представить, не разобрав скрупулезно его отношений со "Скорпионом". А русский литературный процесс, расстановку литературных сил и книгоиздательскую конъюнктуру в это десятилетие нельзя понять, не учитывая деятельности "Скорпиона" и стоящего за ним Брюсова.

Специальному исследованию ни с литературно-исторической, ни с книговедческой точки зрения история "Скорпиона" и его взаимоотношений с Брюсовым не подвергалась[1]. Переписка Брюсова с Поляковым затрагивает самые различные стороны издательского обихода и издательской политики в целом. К сожалению, однако, почти ежедневные личные встречи, наличие телефона делали письменное общение сравнительно редким и нерегулярным, поэтому их переписка доносит историю "Скорпиона" фрагментарно и неравномерно. Воспоминания и биографические работы о Брюсове пестрят словами о титанической литературно-организационной и редакционно-издательской деятельности Брюсова. Преувеличение тут, кажется, невозможно. Но, для того, чтобы речь о брюсовской работоспособности, организаторских талантах, о самой его одержимости литературным трудом была бы безусловно убедительна для читателя, необходимо показать поэта и труженика в его сверхмерной и упоенной загруженности и мелкими, и крупными событиями, и заботами литературного и издательского быта, только совокупность которых являет единство и полноту литературной жизни и жизненного пути. Поэтому мы старались в комментариях обильно приводить, казалось бы, разнородный материал, привлекать внимание к иным, как будто и второстепенным темам, добиваясь многомерности видения. В этой связи хочется сослаться себе в поддержку на прекрасную формулировку, данную В.Н. Топоровым по другому, но более чем сходному природной сложностью объекта поводу: "Примеры из текстов ⟨...⟩ в данном случае имеют не столько доказательную, сколько напоминательную функцию (следует помнить, что более полный набор примеров образует самостоятельную ценность, восстанавливая те или иные фрагменты ⟨...⟩ текста и обозначая густоту соответствующего образного слоя)"[2].

* * *

Судьба Сергея Александровича *Полякова* (1874–1943) характерна и обыкновенна для людей его классового слоя – купцов и промышленников во втором – третьем поколении, когда часть молодежи от хозяйских конторок уходит в науку, культуру, отдается меценатству. В России последних десятилетий минувшего века и первых нынешнего, когда стремительно складывалась буржуазная интеллигенция, появились такие замечательные фигуры, как К.Т. Солдатенков, С.И. Мамонтов, М.В. и С.В. Сабашниковы, коллекционеры Щукины и Морозовы, К.С. Станиславский и мн. др. В этом ряду занимает свое естественное (пусть более скромное) место и С.А. Поляков, в жизни которого реализовались все данные его положением возможности: он оставался капиталистом, будучи пайщиком семейной мануфактуры и занимая высокую должность в ее правлении, он был литератором-художником, он был меценатом, поддерживающим многие культурные начинания.

С.А. Поляков вышел из "серой – по оценке Брюсова – купеческой семьи"[3]. Главой дома был его отец, Александр Яковлевич *Поляков* (1822–1907). Семейное благосостояние обеспечивало "Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова" (на почтовой бумаге которой С.А. Поляков порой писал Брюсову). В начале XX в. оно было одним из 63 крупнейших в России шерстоткацких предприятий, составлявших числом всего 10% в этой промышленной отрасли, но на которых трудилось 61,4% всех занятых в ней рабочих[4].

Брюсов со второй половины 1899 г. бывал на подмосковных поляковских фабриках[5], и в их губайловском имении Баньки (не только у Сергея Александровича, о чем заходит речь в нижепубликуемых письмах, но и у Бальмонта, проводившего там много времени[6], в доме Поляковых на Таганской горе (не сохранился), и в конторе их предприятий в китайгородском Юшковом переулке – все эти точки необходимо учесть на картах "брюсовских" Москвы и Подмосковья.

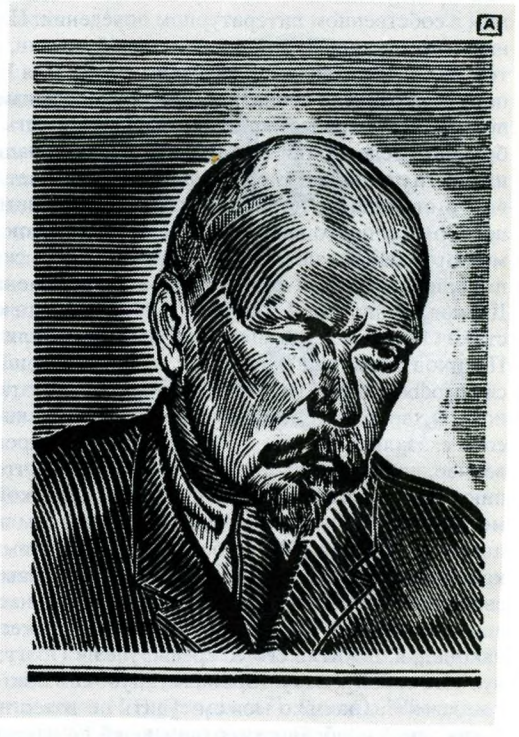
Поляковы приязни к себе в Брюсове не пробудили. Публикаторы дневников поэта опустили часть записи о встрече нового 1900 г. в поляковском имении, которая в 1927 г. могла жалить самолюбие еще живых людей: «Нельзя сказать, чтоб эти два дня "на Баньках" не были томительны. Старшие братья С.А. люди достаточно невыносимые и на меня поглядывающие довольно косо»[7]. Среду, породившую и его самого, Брюсов знал и чувствовал тонко, и известные нам материалы не позволяют оспаривать его дневниковые и эпистолярные оценки людей из нее. Между Поляковыми Брюсов выделил одного Сергея Александровича, с остальными, судя по полному отсутствию их имен даже в его переписке с издателем и другом, он поддерживал отношения только в силу этикетных обязанностей. И тем не менее Поляковых, тот общественный слой, который они представляли, биограф обязан учитывать как естественную жизненную среду Брюсова, не менее важную, чем среда литературно-артистическая. Сейчас нам важно обратить внимание на одну ее характеристику, особенно важную для понимания облика С.А. Полякова.

Мать Сергея Александровича, Анна Ивановна (1831–1913), не умела скопировать буквы заграничного адреса дочери, и сын-полиглот заказывал для нее в типографии конверты с оттиснутым адресом. Дети получили образование. Они усвоили социально-психологические навыки, поведенческие стереотипы других социальных слоев. Поляковы коллекционируют живопись[8], дочь А.Я. Полякова "Нетти" – увлеченная ботаник-дилетантка. Заметнейшей чертой новой интеллигенции, в состав которых вливается значительное число выходцев из патриархальных буржуазных семей, оказывается эстетизм, становящийся знамением века. Подобного массового увлечения искусством не только как предметом потребления, но и как полем приложения сил, как средством реализации человеческого "я", самоидентификации не знало русское общество ни до, ни после. Искусство и художник оказываются едва ли не самыми продуктивными мифообразующими символами общественного сознания. Апогея этот процесс достигает, кажется, в 1910-х годах, но первыми его протагонистами были люди поколения Полякова и Брюсова. Сохранившиеся в поляковском архиве (к сожалению, немногочисленные) письма и записки родственников и близких, интеллигентно-купеческой молодежи пестрят именами и темами культуры "конца века", понятыми, как правило, поверхностно, снобистски, пошло. Новости из мира искусства прекрасно заполняют досуг: «Очень жалею, – говорит Полякову корреспондентка, – что Вы вчера у меня не были. Обед прошел довольно оживленно, благодаря отзывам о "Накипи" декадентов символистов в "Русском листке"»[9]. И все же элитарные группы, выкристаллизовывавшиеся в этой среде, не теряют обычно многообразных жизненных связей с материнской породой. Показательна плотность семейных связей: К.Д. Бальмонт и брат С.А. Полякова, Яков Александрович, женаты на родных сестрах, на купеческой дочери того же круга женится Ю.К. Балтрушайтис[10], на Нетти Поляковой женится М.Н. Семенов и т.д. Когда в 1903 г. Поляков хлопотал о разрешении ему издавать "Весы", из канцелярии московского генерал-губернатора в Главное управление по делам печати было сообщено, что он "знакомство ведет в интеллигентном купеческом кругу", а "образа жизни и нравственных качеств хороших"[11].

Читатель увидит, что в поведении Полякова проскальзывали изредка и невольные, видимо, жесты замоскворецкого купца, что вкус его, литературный и художественный, небезупречен, что издательская деятельность, работа в литературе для него высокая забава. Поляков оставался, несомненно, человеком своего круга, но в его жизни культура и самый культ искусства, эстетизм обретают человеческую подлинность, вбирая в себя глубокую и разностороннюю образованность, бескорыстную жажду знаний и деятельности, душевную мягкость, щедрость и щепетильность.

Поляков окончил с золотой медалью шестую московскую гимназию в 1893 г.[12], в 1897 г. – математическое отделение Московского университета с дипломом первой степени[13]. В автобиографической анкете, заполненной в 1924 г., Поляков писал: "Хотя не был оставлен в

свое время при московском Университете, но готовился к магистерским экзаменам по математическим наукам; оставил это, переменив специальность на литературу"[14]; впрочем, еще учась в университете, он параллельно слушал курсы на историко-филологическом факультете[15]. К тому времени относится первый литературно-издательский опыт Полякова – он переводит с немецкого и печатает на собственные средства брошюру В. Мейера о планете Марс[16]. Отметим, что математические вопросы стали одной из точек встречи Полякова и Брюсова. В самое первое время их знакомства, летом 1899 г., Брюсов заносит в дневник: "Бальмонт угрюмо молчал. Мы с Поляковым толковали о бесконечно малых и многомерных измерениях"[17]. Математические темы превратились, видимо, в одну из скреп дружбы, как свидетельствуют два публикуемых письма гораздо более позднего времени, ценность которых еще и в том, что они позволяют представить себе меру и тип брюсовских интересов в математике.



С.А. ПОЛЯКОВ

Гравюра А.Д. Гончарова. 1920-е годы

Собрание Р.Л. Щербакова, Москва

Неизмеримо более важной скрепой дружеских отношений Брюсова с Поляковым было их увлечение полиглотством и языковедением. Поляков, как большинство литераторов-символистов (за исключением – из крупных – кажется, лишь Белого и Блока), свободно и жадно читал на нескольких языках. В поздней анкете он показал, что только переводил с французского, итальянского, немецкого, английского, шведского, норвежского и польского[18]. Этими неординарными языковыми возможностями Поляков обладал уже к моменту встречи с Брюсовым, так как в первые годы их знакомства, в ранние "скорпионовские" годы, выполнены основные переводы Полякова из К. Гамсуна, Г. Ибсена, С. Пшибышевского, Ш. Ван Лерберга[19]. Европейские языки были само собой разумеющимся минимумом, предпосылкой нормальной жизни в культуре для Брюсова с Поляковым, а жажда знания увлекала их дальше – к грузинскому языку, древнееврейскому, арабскому и персидскому, санскриту (кроме публикуемых писем, см. также: *Дневники,* с. 119–120), к азартным попыткам разгадать письмена майя, заставлявшим друзей-издателей забывать о настоятельных делах конторы[20]. С годами Поляков приобрел, несомненно, значительные общелингвистические познания – так, во всяком случае, считал Брюсов, за разрешением специальных вопросов отсылавший к Полякову профессионального сербского языковеда (см. п. 138). Знание языка для Полякова прежде всего расширяло возможности постижения письменной культуры[21], основной ценностью для него была книга. Он был библиофилом, видимо, того же типа, что и Брюсов – книгу оба ценили как необходимый инструмент познания-наслаждения. Нестесненный в средствах Поляков мог приобретать много больше книг и более дорогие, чем Брюсов, но переписка показывает, что у них один тонус книжной страсти, в их архивах фактуры от одних и тех же книгопродавцев на сходные книги; и когда Брюсов пишет о виденных книгах или выполняет поляковские книжные просьбы, мы не улавливаем и нотки неравенства положений: мы слышим голоса друзей, связанных общей и уравнивающей страстью, когда меценат может оказываться в книжном долгу, так же как, в свою очередь, и менее состоятельный Брюсов. Знаменательно, что библиотека каждого из них открыта для другого, что возможно в библиотеке рабочей, а не библиоманской. Впечатления от поляковской библиотеки — самые, кажется, положительные и привлекательные для Брюсова из впечатлений от Полякова в первые месяцы знакомства.

Вот в октябрьском письме 1899 г. Брюсов рассказывает И.И. Ореусу о напряженном чте-

нии французских поэтов, углубляющем знакомство с новейшей школой, которая служит образцом в собственном литературном поведении: П. Фор, Вьеле-Гриффен, Р. де Гурмон – "из собрания того странного поклонника новой поэзии, о ком я говорил Вам – С. Полякова" (см. наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским, п. 23). Для Брюсова приверженность новому искусству в эту пору равнозначна социальному нонконформизму, и потому в облике Полякова ему видится непонятная, противоестественная двойственность. "Это человек любопытный. Он кассир в своем большом деле, по образованию математик, написал несколько статеек о числах (не знаю, изданы ли), а по любви – поэт; пишет стихи, читает Verlain'a, Verhaeren'a, Régnier"[22]. Поляков мгновенно становится полноправным и незаменимым членом кружка артистической молодежи, центром которого видит себя Брюсов. Тем контрастнее внутреннее противоречие, усматриваемое Брюсовым в новоприбывшем – на фоне, скажем, Модеста Дурнова, декадента par exellence, покорившего тогда поэта: "Вчера были у меня все наши – Бахман, Балтрушайтис, Поляков, Дурнов, Ланг; был и Любич. ⟨...⟩ Но особенно хорош Дурнов своей неодолимой самоуверенностью. Он не умен, но мыслил и мыслит, не слишком талантлив, но умеет быть оригинальным. Поляков ⟨странный?⟩ декадент, купец, сидящий целый день за прилавком и также упивающийся Strindberg'ом и Hamsun'ом..."[23] Вероятно, эта раздвоенность и остается в глазах Брюсова основной характеристикой Полякова. Несомненно, в расширении литературного кругозора Брюсова сказались беседы с Поляковым. Но определяющим оказывался другой полюс личности, вернее, возможность для нее совмещать то, что не подлежало, по мнению Брюсова, совмещению. Так, полагаем, нужно понимать дневниковую запись поэта, относящуюся уже к тому времени, когда Поляков был ему хорошо знаком по едва ли не ежедневному в течение года общению, – к октябрю 1900 г. (более поздних интимных, сделанных "для себя" общих оценок Полякова мы не знаем): "Много видался с Поляковым. За отъездом Балтрушайтиса он обратил свое свободное время на меня, да и общих дел у нас оказалось много. Кроме того, что видал днем, еще я был у него на каком-то семейном торжестве, потом он у меня был с М. Шестеркиным, и, наконец, я, похитив его со среды, увез в Прагу; мы пили и толковали. Опять на миг он мелькнул сам собой – потусторонним, глубоким... но на миг. Человек, приученный жизнью казаться пошлым"[24]. Сколько можем судить по известным нам документам, в поведении Полякова не было одной особенности, отличавшей почти всех представителей "нового искусства": в нем не было неотступной (безразлично – естественной или натужной) стилизации себя в специальной роли – мага и тайновидца, гения-поэта, теурга, сатаниста и т.д. Даже обыкновенная "богемность" с ее "свободой" была ему чужда. Художественная деятельность и жизнь среди художников, похоже, не связывались у него с ощущением потребности как-то дополнительно выделиться из общего человеческого круга, выработать себе особую маску и роль, которая противопоставила бы его "простым смертным". Это делало его и здесь "дилетантом".

Как бы то ни было, постоянное общение Брюсова с Поляковым сблизило их настолько, что в крайних жизненных положениях Поляков для Брюсова не раз оказывался сугубо доверенным человеком. Когда 11 ноября 1902 г. Брюсов составляет домашнее духовное завещание, то душеприказчиками он "назначает и просит быть" Я.К. Брюсова и С.А. Полякова, последний выступает и свидетелем[25]. Поляков был и невольным поверенным тягостной хроники отношений Брюсова с Н.И. Петровской.

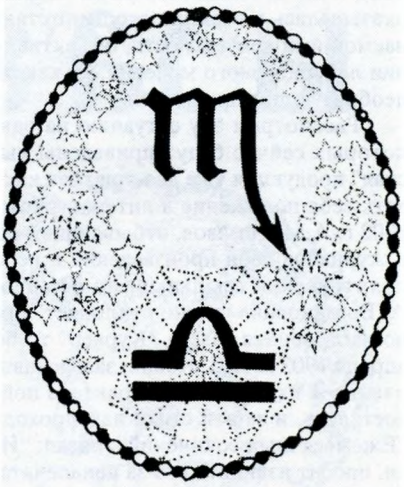
Несомненно, имущественное неравенство для гордого Брюсова усложняло общение с Поляковым. Отчасти тут причина постоянных и хорошо известных брюсовских сетований на неустроенность конторы "Весов". "Прошу покупать книги для рецензий, тщетно, – писал Брюсов Вяч. Иванову 28 июля 1904 г. – Неловко настаивать по поводу 2–3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу" (*ЛН*. Т. 85. С. 456). С обычной лапидарностью свое восприятие этой стороны внутрииздательских отношений Брюсов запечатлел в дневниковой записи, сделанной a posteriori:

"1904. Начало года.

Естественно было, чтобы в Весах всем распоряжался я. Но это устроилось не сразу. Сергей Александрович в первое время выказывал притязания на фактическое редакторство. Впрочем, он желал бы, чтобы делал все я, но под его руководством. Разумеется, я не мог согласиться на это. Мне было бы легко обманом, хитростью везде проводить свои решения. Но мне не хотелось хитрить. При выходе первого № у нас было несколько столкновений с Сергеем Александровичем, и я решительно подумывал бросить все дело. Понемногу все обошлось, хотя и поныне есть у Сергея Александровича неприятный еще начальнический голос, из-за которого я часто готов бросить дело.

Работников, конечно, не оказалось. Все делаю я один, и, разумеется, не без ошибок. И мне достаточно обидно, если тот же Сергей Александрович находит возможным попрекать меня за

эти ошибки. Юргис делает очень мало, но у него притязание сдавать свои писания в печать непосредственно помимо меня"[26].



ИЗДАТЕЛЬСКАЯ МАРКА
"СКОРПИОНА" и "ВЕСОВ"

По рисунку Н.П. Феофилактова

Мы должны сейчас только коснуться важнейшей темы, к которой нам придется вернуться позже, – положение Брюсова в "Скорпионе" и "Весах". Здесь человеческие отношения определялись и осложнялись различной оценкой собственного вклада в общее дело, в конечном счете различием представлений о назначении дела. Для Брюсова, стремившегося быть вождем школы и бывшего им по существу, издательство и журнал – орудие в его руках, а основной по ценности вклад – реальная литературная и организационная работа, работа Брюсова. В Полякове же Брюсов увидел притязание владельца на распорядительство в журнале по праву собственника. Вне этих рамок, очерчивавших, однако же, основное поле встречи двух личностей, деликатность Полякова избавляла, кажется, Брюсова от ощущения неравенства положений. Единственный нам известный пример недоразумения на этой почве – в письме Полякова № 99.

Конторские неурядицы, как признавал и Брюсов, происходили от деловой безалаберности Полякова, странной в кассире процветающего миллионного дела. Лично Поляков был обходителен и добр, участлив к человеческой нужде, как это видно по многим письмам безвестных просителей в его архиве. Он – неизменный участник благотворительных складчин – в пользу ли тяжко больного писателя Н.Е. Пояркова[27], Румянцевского ли Музея[28], лондонской "Школы театрального искусства"[29], стипендии имени П.Д. Боборыкина, учрежденной по подписке в Московском университете по случаю 50-летия литературной деятельности писателя[30], Красного Креста[31]. Сохранились документы о раздаче Поляковым сотен экземпляров "скорпионовских" изданий раненым, о бесплатной рассылке "Весов" и книг в библиотеки[32]. К помощи Полякова прибегали и книжные предприятия – книготорговец И.Г. Балашов (см. примеч. 6 к п. Полякова от 17 декабря 1903 г.), А.М. Кожебаткин, издававший книги под маркой "Альциона"[33]. Но, разумеется, истинным делом Полякова-мецената был "Скорпион" с его "Весами". Нам представляется необходимым остановиться более подробно на начальной поре деятельности книгоиздательства, когда его роль в русском литературном процессе была особенно принципиальна и значительна.

* * *

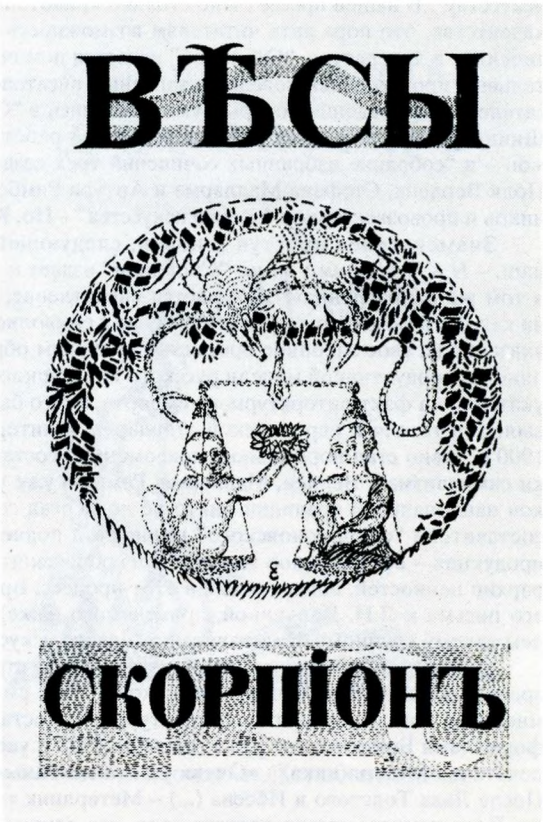
К концу 1899 г., когда началась работа над первыми "скорпионовскими" книгами, русский символизм имел за плечами уже почти десятилетнюю историю публичных выступлений – начиная с программных деклараций Д.С. Мережковского и Н.М. Минского. Для современников, для публики (как и для участников движения, если глядеть на него именно как на неформальную, но достаточно четко сознающую свое единство литературную группу) важнейшими явлениями в этом процессе были "борьба за идеализм" "Северного вестника" и выпуск в свет первых книжек Брюсова и собранных им "Русских символистов". Но платформа журнала изжила себя, а было сплотившийся вокруг него литературный кружок распался. Брюсовские дебюты были громогласно освистаны. Безвестным для общественного мнения осталось то, что Брюсов получил от представителей молодого поколения немало предложений и просьб напечатать в новых выпусках их произведения. А это означало, что заявленная художественная позиция отвечала запросам определенной части читающей публики. К сожалению, до сих пор не описан в полноте и сложности процесс возникновения в русском обществе интереса к "новому искусству" и его постепенное, но все более убыстряющееся утверждение в общественных вкусах. Мы можем сейчас только констатировать, что уже современные наблюдатели обнаруживали с каждым годом, а потом и месяцем все более определенные черты "декадентства" в общественной психологии и поведенческих стереотипах. В области оформления быта культура модерна становилась универсальной, подчиняя своей линии все, от кроя одежды и архитектурных форм вплоть до самой пластики человеческой фигуры. В живописи уже в середине 90-х годов "новое искусство" получает права гражданства и легко коммерциализуется, представляя собою не

только элитарный полюс художественного авангардизма, но и легко покоряя поставщиков "салона", чья деятельность была направлена на удовлетворение массового спроса[34]. Литература оказывалась в этой плоскости отстающей. Как бы ни сознавали сами "скорпионы" цели начинаемой ими деятельности, объективно одной из них была легитимация в общественном сознании литературного модернизма как определенным образом скоординированного единства стилеобразующих принципов.

Рассмотрим эту ситуацию на одном весьма характерном примере. Правда, документы, из которых сейчас будут приведены выдержки, относятся к тому времени, когда "скорпионовская" продукция уже два-три года как находила себе покупателей, – но тем ярче можно вообразить себе положение в литературном мире и на книжном рынке в канун нового века. С конца 1902 г. А.М. Ремизов, отбывающий ссылку в Вологде, неустанно рассылает по редакциям газет и журналов свои произведения и переводы в надежде на литературный заработок. Ремизов – политический ссыльный, но официоз русского литературного народничества рукой самого А. Богдановича "резко отклоняет" присланное[35]. "Журнал для всех" – отклонил[36]. Прогрессивно настроенная газета "Курьер" то берет у Ремизова материал, то отказывается от него[37]. 21 апреля 1903 г. И.Д. Новик, заведовавший редакцией газеты, писал ему: «Ваши стихи вследствие очень уж их странного характера пойти не могут. В свое время за рассказ "Бебка" нам сильно досталось, и за эти стихи нам проходу не дадут»[38]. 24 февраля 1903 г. К. Степанов, секретарь "Ежемесячных сочинений", писал: "И.И. свидетельствует Вам свое почтение и, возвращая стихи, просит извинить его за ненапечатание в журнале, так как они – хотя он и сочувствует новой поэзии – чересчур своеобразны – и надо считаться со вкусом толпы"[39]. На бланке "Журнала для всех" 26 октября 1904 г. писал Л. Андрусон: «Я лично, да и редакция считаем "Мою вечернюю песню" Яна Каспровича глубоким и ценным произведением. Но ввиду ее недоступности для понимания широкой публикой, – как глубины ее содержания, так и необычной стихотворной формы – редакция не считает возможным помещение этой вещи в "Журнале для всех"... Будьте добры прислать переводы более простых, доступных "широкому" пониманию поэтов»[40]. Показательно, что после афронта в "Мире Божием" Ремизов обращается только в те немногие периодические издания, где декадентов (и в частности, Брюсова) изредка привечали. Но не берут и оригинальный, и переводной ремизовский материал даже "свои". Отказывает "Мир искусства"[41]. 23 января 1903 г. пишет Ремизову Брюсов: «Мне очень "нравятся" и рассказы, и "В плену". Боюсь только, что последнее по "бессюжетности" отпугнет читателей» (см. наст. кн., Переписка с Ремизовым, вступительная статья А.В. Лаврова, где подробно разбирается оценка ранних вещей Ремизова Брюсовым). В январе 1903 г. ремизовскую прозу принимает "Новый путь", но вскоре П.П. Перцов просит автора сгладить форму "Медведюшки"[42]. Наконец, отклик Н.М. Минского, которому Ремизов послал свои переводы из Метерлинка: «Перевод Ваш мне очень понравился, но редакция "Нового пути" боится печатать эти стихи, чтобы не дать критике слишком яркую мишень для нападок»[43]. В результате переводы назначаются не в журнал, а только в собрание сочинений бельгийского символиста, шедшее приложением к журналу "Звезда", но и тут не обошлось без потерь: «Что же касается "Водолазного колокола", то оно по странности образов показалось мне рискованным. Я попросту струсил нашей придирчивой и очень малопонимающей критики»[44].

Знаменательно, что неприемлемы для редакций и переводные (и с польского, и с французского), и оригинальные произведения, а основанием суждения выступает форма, взятая в своем поверхностном смысле, помимо ее содержательности. Отвергается в принципе модернистское искусство слова. Для нас, однако, важнее другой аспект литературно-организационной ситуации, засвидетельствованной судьбой дебютанта. Все представители газетно-журнального мира (кроме, разумеется, Богдановича) подчеркивают свою личную и представляемых ими редакций симпатию к "новому искусству". Отказ мотивируется ссылкой либо на неграмотность "широкой публики", либо на неграмотность и недоброжелательство критики. Меньше чем через десять лет, уже через пять лет, формальная новизна или усложненность превратились в лакомую приманку для публики. Конечно, в этой перемене вкусов сказались и приход нового, молодого поколения читателей, и обновление установок в критике. Но не следует абсолютизировать эти два фактора: по-видимому, потенциальный читательский спрос на модернистскую литературу был налицо уже и в 1902–1903 гг., к которым относятся цитированные документы; иначе трудно объяснить столь стремительную перемену в социолитературной ситуации. Непрозорливая медлительность руководила прогнозами читательского спроса, редакционные работники неверно моделировали, говоря сегодняшним языком, динамику читательского спроса. Их оценки учитывали в лучшем случае сиюминутную конъюнктуру, истолковывавшуюся сквозь призму предыдущей ситуации. Замечательно, что и Брюсов, смело экспериментирующий в собственном творчестве, предсказывая читательскую реакцию, не выходит за рамки объективного предостережения.

Примеры, подобные приведенным, можно было бы без труда многократно умножить. Их совокупность доказывает, что следующее утверждение критика неверно: "К началу века символисты уже вышли из положения отверженных, они создают свои собственные печатные органы и во все больших масштабах начинают диктовать публике свои вкусы и взгляды. Их литературная продукция находит повышенный спрос на журнальном и книжном рынке, переживавшем необыкновенное оживление накануне первой буржуазно-демократической революции в России"[45]. А. Нинов на пять—семь лет сдвигает назад по времени те характеристики, которые определяли положение литературного и книжного дела в России с 1905–1906 гг., а за эти пять—семь переходных и боевых лет ситуация качественно изменилась (как всегда в сложном процессе, элементы новой ситуации можно указать и в 1904 г., и в 1903 г., но смешивать два существенно различных этапа нельзя).



КАТАЛОГ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА "СКОРПИОН". 1907

Обложка по рисунку С.Ю. Судейкина

Как бы ни формулировали для себя Поляков, Брюсов, Бальмонт и Балтрушайтис цели, ради которых они приступали в конце 1899 г. к подготовке первых изданий под маркою "Скорпиона", ретроспективно мы можем различать две задачи, разрешенные "скорпионами". Во-первых, им предстояло выявить подспудные перемены в читательских вкусах, удовлетворить запросы на "декадентскую" книгу, наличествовавшие уже в определенной части общества. Одновременно нужно было вести борьбу и за более широкого читателя, переубеждая какую-то часть "староверов" (или просто привлекая их внимание, доказывая социальную значимость своего присутствия в литературе и на книжном рынке, что обеспечивало сбыт "скорпионовской" продукции) и воспитывая новое поколение читателей. Во-вторых, едва ли не более важной задачей (более сложной, во всяком случае) была борьба с критикой, борьба за узаконение модернизма в профессиональной среде. Обе задачи между собой неразрывно связаны, поскольку критика в самой значительной степени формирует читательское сознание (и не только "массы", но и "элиты"), а анонимный читательский спрос оказывает ощутимое давление на позиции средней расхожей критики и массовой периодики.

В конце 1901 г. "Скорпион" подготовил свой каталог, выпустив в свет к тому времени за два года деятельности едва десяток книг; издательство в предисловии к нему оговаривалось, что оно «не успело осуществить и самой малой части своих предположений и все еще "в будущем", как говорят о начинающих поэтах»[46]. Именно это обращение "К читателям" дает развернутое изложение платформы, на которой "скорпионы" намеревались развить свое книжное дело.

«Книгоиздательство "Скорпион", – начинается манифест, – имеет в виду преимущественно художественные произведения, а также область истории литературы и эстетической критики. Желая стать вне существующих литературных партий, оно охотно принимает в число своих изданий все, где есть поэзия, к какой бы школе ни принадлежал автор. Но оно избегает всякой пошлости, хотя бы и укрывающейся под знамя великих идей, и избитых трафаретов литературных ремесленников, даже если их имя окружено почетом»[47]. Очень интересен тот факт, что на первом месте в издательской программе выставляется иностранная литература: «Широкое место отводит "Скорпион" изданию переводов тех авторов, которые служат так называемому "новому

искусству". В нашей прессе было столько кривотолков по поводу пресловутых символизма и декадентства, что пора дать читателям возможность составить самостоятельное мнение о новых течениях в литературе. "Скорпион" надеется помочь этому, издавая переводы наиболее замечательных произведений новейших западных писателей»[48]. Далее характеризуются имена тех писателей, произведения которых уже появились в "Скорпионе", – Ибсена, Гамсуна, д'Аннунцио, Шницлера, и дается проспект переводческой работы – Пшибышевский, Стриндберг, Р. де Гурмон – и "собрание избранных сочинений трех создателей французской символической школы: Поля Верлена, Стефана Маллармэ и Артура Римбо", и обещается ретроспектива предшественников и провозвестников "нового искусства" – По, Красиньского, Новалиса, Блейка.

Знаменателен приступ к новой, следующей теме издательского манифеста (курсив наш. – *Н.К.*): «*Рядом с этим* "Скорпион" издает и произведения русских авторов, работающих в том же направлении»[49]. Создается впечатление, что "скорпионы" отчетливо понимали, что на какой-то момент русским декадентам и символистам было выгодно и тем самым необходимо указание на свое законное преемство западным образцам. Они апеллировали к давно традиционной и продуктивной модели русского культурного сознания. Дело, однако, было не столько в указании на факт литературного импорта, будто бы гарантирующего качество. "Скорпион" отсылал читателя к европейской стандартной литературной ситуации, в которой модернизм к 1900 г. давно стал нормальной, правомочной составляющей (в частности, французские классики символизма – Верлен, Малларме, Рембо – уже умерли, и их репутацию законных наследников национальной традиции никто не подвергал сомнению). Таким образом, Брюсов и другие составители "скорпионовского" манифеста подчеркивали, что их собственная литературная продукция – естественное звено общеевропейского литературного процесса. Более того, в иерархии ценностей, вовлеченных в этот процесс, Брюсов отводил себе (как видно, например, из его письма к Л.Н. Вилькиной, приводимого ниже) и своим соратникам место более высокое, чем такому крупному представителю "нового искусства", как М. Метерлинк.

Очень важно и то, что новое издательство стремится обратиться к читателю помимо посредничества враждебной критики, хочет дать ему "возможность составить самостоятельное мнение о новых течениях в литературе". Сопоставим все сказанное с замечательно четкими формулами Брюсова, как раз в сентябре 1902 г. увещевавшего Л.Н. Вилькину "не откладывать печатания Метерл⟨инка⟩": «Очень уж *многие замышляют начать то же* ⟨...⟩ Да это и понятно. После Льва Толстого и Ибсена ⟨...⟩ – Метерлинк теперь *наиболее читаемый писатель* в Европе. Если немного умело повести дело, его сочинения *должны дать издателю верный доход*. Только печатайте прилично, чтобы книжки не расползались, чтобы поля страницы не обрамлялись в узенькую рамку. Именно покупатели Метерлинка таковы, что потребуют этого. Будет ли приложен к собранию портрет М⟨етерлинка⟩ и очерк жизни? Ах, это не дорого стоило бы, а было бы очень приятно. Хлопочите, добрая Людмила Николаевна, старайтесь. Метерлинк – это тот *мост, который будет перекинут от новой поэзии к среднему читателю*. Метерлинка могут читать все, и он научит всех, как читать и Вас, и меня, и Ник⟨олая⟩ Макс⟨имовича Минского⟩, и тех, кто близко в Вашем лагере, и кто в лагере "Ваших недругов"»[50].

Если учесть, что в своем проспекте издательство обещало и полное собрание сочинений Ибсена, и новое издание Мицкевича, и брюсовский перевод "Энеиды" – помимо названных выше классиков XIX в. и современности, то нужно признать, что в его переводной программе главным орудием самоутверждения была ставка на расширение культуры читателя, своеобразный культуртрегерский академизм (что делает "Скорпион" естественным наследником лучших издательских традиций в России). Широко задуманная программа не была осуществлена с должной, достойной ее последовательностью, хотя переводные книги составляют около трети в репертуаре издательства за все шестнадцать лет его активной деятельности (1900–1916 гг.). Большая часть переводимых изданий и более принципиальные из них, с точки зрения издательской политики, увидели свет в первую половину этого срока[51]. Подробный анализ этой стороны истории "Скорпиона" предпринят нами в специальной работе (см. примеч. 1), к которой мы и отсылаем читателя. Здесь же необходимо отметить, что именно в широте и "академичности" программы сказалось ближайшее участие в ее разработке Брюсова. И не удалось ее реализовать постольку, поскольку вклад Брюсова в общее дело издательства сосредоточился на подготовке книг русских литераторов. В частности, не выполненными оказались как раз брюсовские обещания: перевод "Энеиды" так и не был завершен; несомненно, за анонсом книг Верлена, Малларме и Рембо стоял Брюсов (пусть, быть может, и не один), но только в 1911 г. появляется "Собрание стихов" Верлена в брюсовском переводе, а своего Малларме и Рембо "Скорпион" так и не дал русскому читателю. Появление же под маркой "Скорпиона" других брюсовских переводов, "Стихов о современности" Верхарна (1906) и драм Верхарна и Метерлинка (1907 и 1909) органично вписывалось в профиль издательства, но вызвано не начальным общим пла-

ном его деятельности, а позднейшими творческими побуждениями Брюсова (отклик на события первой русской революции, работа для В.Ф. Комиссаржевской). Основными переводчиками "Скорпиона" были сам его владелец, К.Д. Бальмонт и М.Н. Семенов, в поздние годы к ним можно было отнести и М.Ф. Ликиардопуло. Брюсов в первую половину существования издательства был целиком поглощен изданием книг своих соратников по литературной школе, собственно – ее организацией на базе и вокруг "Скорпиона".

* * *

Не менее важной для символистов, претендовавших на роль обновителей национальной литературной традиции, была борьба за признание их законными ее наследниками. Ретроспективный анализ давно показал корневые связи творчества Брюсова, Блока, Вяч. Иванова, Ремизова, Андрея Белого, Сологуба и других символистов со стихией русского фольклора, с древнерусской словесностью, с литературой XVIII в., с наследием великих классиков и XIX в. в целом. Но современники на рубеже веков абсолютизировали издержки символистского новаторства, приписывали Брюсову и его школе нигилистические установки. Очень важно, что и в среде массового интеллигентного читателя, и в профессиональной среде бытовали обуженные представления о литературных ценностях и многие первоклассные имена (Тютчев, Баратынский, например), и даже направления и даже эпохи – XVIII в. – недооценивались, а то и предавались забвению. В этих условиях работа "Скорпиона" с классической литературой не просто отводила от символистов обвинения в варварстве. Более того, это была борьба со стереотипами общественного сознания за новое качество понимания литературной традиции, за полноту и целостность литературного наследия[52]. Красноречиво говорит об этом уже цитировавшийся манифест издательства: «...деятельность "Скорпиона" не ограничивается одной областью нового искусства (...) в скором времени появится большое исследование Н. Лернера "Хронологические материалы для биографии Пушкина"[53], в которых известная "канва" Я. Грота[54] *увеличена почти втрое*; книга эта *должна* служить *необходимым* пособием для всех, занимающихся Пушкиным. К изданию намечены еще: том различных сочинений Пушкина, *не вошедших* ни в одно из собраний его сочинений, том *таких же* сочинений Е. Баратынского, собрание сочинений и переводов К. Павловой»[55]. Мы подчеркнули выражения, в которых явна культуртрегерская позиция "Скорпиона", выступающего за обновление литературного канона, расширение и углубление литературного вкуса, восполнение историко-литературной перспективы. Замечательно, что ко всем этим программным работам ближайшим образом причастен именно Брюсов – как автор или редактор (в частности, подлежит особому исследованию история и степень его вмешательства в подготовку первого издания лернеровских "Трудов и дней" Пушкина). При том, что никогда формального раздела компетенций в издательстве не было, Брюсов оказывается ответственным за представительство в "скорпионовском" каталоге русской классики. Тут не только его личная инициатива и его собственные культурные пристрастия: издательство идет им навстречу. Неслучайно работа, предпринятая Брюсовым, подается как коллективная: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством "Скорпион". Редакция и примечания Валерия Брюсова» (М., 1903)[56].

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ"
КАТАЛОГЪ
№ 10
МОСКВА—1911

КАТАЛОГ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА "СКОРПИОН". 1911

Титульный лист

Книжных изданий русской классики "Скорпион" дал, однако, немного – собственно говоря, только два упомянутых пушкинских[57]. Но та же линия издательской политики обнаружилась в становлении первых выпусков его альманахов. «Особенно ярко беспристрастие ли-

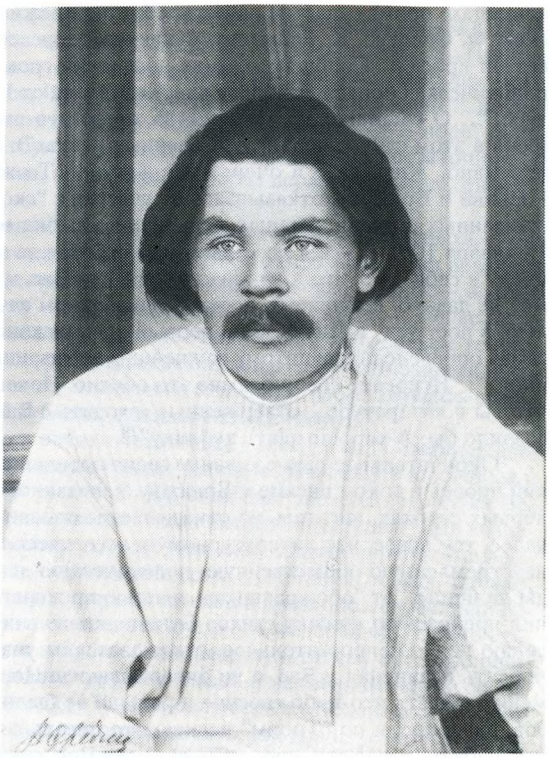
тературных суждений "Скорпиона" выразилось в изданных им альманахах "Северные цветы" на 1901 и 1902 годы», – заявлял все тот же манифест, перечисляя современных авторов разных направлений, давших в "Северные цветы" свои произведения. И добавлял еще одно свидетельство широты культурных притязаний "Скорпиона": "В историческом отделе издательству посчастливилось поместить нигде не напечатанные письма Пушкина, записки Тютчева, стихи А. Фета, Я. Полонского и К. Павловой, письма А. Фета, Ив. Тургенева, Н. Некрасова и Вл. Соловьева, мемуары кн. А.И. Урусова и т.д."[58] Переговоры о приобретении неизданных материалов русских писателей XIX в. с Н.Н. Черногубовым, самый отбор их вел именно Брюсов – Поляков только принимал в этом участие и платил.

Современники легко улавливали присутствие классики в "скорпионовском" репертуаре. Порой они готовы были даже противопоставить друг другу элементы, на неразрывной связи которых настаивала литературная группа. Так было с Н.О. Лернером, который, осуждая декадентство молодой литературы, писал Брюсову: "Северным Цветам этот балласт простится за записочку Пушкина, письма Фета и Вл. Соловьева и превосходную критику Фомы Гордеева, принадлежащую покойному кн. Урусову"[59]. Брюсов против этого и в защиту "новых веяний" возражал так резко, что отношения его с Лернером, было принимавшие очертания эпистолярной дружбы, едва не были разорваны и позже уже не достигали прежнего тонуса.

Далеко не всех обманывала, по-видимому, "беспристрастность" "скорпионовских" интересов к прошлому. Разумеется, любой литературно-исторический документ, впервые опубликованный "Скорпионом", мог найти себе место в любом другом русском издании. Но выставленный им *ряд* имен обозначал совершенно иную линию в развитии русской литературы, нежели та, которая к началу XX в. представлялась самым широким слоям интеллигенции магистральной, если не единственно значимой и приемлемой, – линию от Пушкина через Тютчева, романтиков к Вл. Соловьеву и А.И. Урусову (хотя и зачислявшему в письме, напечатанном "Северными цветами", русских декадентов в маньяки, но бывшего поклонником Бодлера и французских символистов). Специфическую направленность "скорпионовского" подбора материала на примере публикации деловой, коммерческой записки Некрасова (*СЦ 1902*) – в соотнесении сугубо прозаичного документа с возвышенным образом демократического поэта – отмечал и М.Н. Семенов: «То, что Вы стукнули лбами рецензентов[60] – меня привело в неменьший восторг, чем письмо Некрасова, помещенное в "Север(ных) Цветах". Оно настолько хорошо и типично, что даже закрадывается сомнение в его подлинности. Вот размахнулись-то!»[61]

В фокусе всех "скорпионовских" интересов находилось, разумеется, русское современное литературное движение. Несомненно, и в самом начале, когда издательство замышлялось, был, в общем, ясен круг возможных сотрудников из числа уже заявивших о себе писателей-модернистов, была надежда на появление новых литературных сил. Но возможными представлялись и такие литературные союзы, которые позже оказались либо неосуществимыми, либо ненужными (подчас одновременно теми и другими). Сохранился достаточно плотный ряд документов, засвидетельствовавших попытку "Скорпиона" установить альянс символистов с Чеховым, Горьким и Буниным. Крушение расчетов на такое сотрудничество провело в 1902–1904 гг. те водоразделы, которые определили некоторые важнейшие черты в картине русской литературной жизни нашего века. Но на самое короткое время в рубежные между двумя столетиями годы будущее представлялось и "скорпионам", и их партнерам не таким, каким оно осуществилось. Важность прошедшего размежевания заставляет нас остановиться на его истории с особым вниманием. Существенно здесь не только критическое оправдание конечных результатов и ретроспективное выяснение их глубинных причин (действие которых могло быть неявно вообще или на каком-то этапе и самим участникам процесса); для истории равно важно и восстановление мотивации событий на каждый данный момент.

Контакты "Скорпиона" с Чеховым и М. Горьким установились в связи с работой над первым альманахом "Северные цветы" – и тогда же, очень быстро, выяснилась их непродуктивность, бесперспективность. Мы не можем здесь разбирать проблемы взаимоотношений М. Горького и литературного модернизма во всей ее сложности[62], поскольку должны ограничиться ее рассмотрением только под знаком "Скорпиона". В сентябре 1900 г. М. Горький отвечал на предложение Бунина участвовать в затеваемых "Северных цветах": «Альманах? Могу. Но когда он выходит и к какому сроку я должен доставить рукопись? Не торопите, Христа ради. (...) Привлеките в альманах Телешова. А Вы сами? Я думаю, что напишу маленький рассказик "Подсолнечник" об одной рыжей девице из публичного дома. Это ничего, что из публичного – дело-то будет происходить на лоне природы. Вот. А Вы в этот альманах давайте тоже прозу. Кто еще будет?»[63] Кажется, в письмах М. Горького именно к Бунину, предшествовавших данному, можно найти факты, объясняющие готовность, с которой М. Горький откликнулся на предложение "Скорпиона". Осуществление всеобъемлющего протеста против строя русской



М. ГОРЬКИЙ

Фотография. 1901

Музей М. Горького, Москва

жизни М. Горький на раннем этапе мог видеть в молодежном бунте: «Не можете ли Вы ⟨...⟩ принять участие в "Жизни", – призывал М. Горький Бунина в апреле 1899 г. – В "Жизни" марксисты не столь жесткие, как в "Начале", – доказательство апрельская книга. Давайте работать в одном органе!? Давайте соберемся – вся молодежь – около этого журнала, тоже молодого, живого, смелого»[64]. В.А. Келдыш пишет, что в горьковском руководстве "Жизнью" сказывалось уже "другое", в корне отличное от либерально-марксистских "синтезов" "устремление мысли", но так же справедливо и замечание исследователя, что это направление, приведшее М. Горького к большевизму, было в 1899–1900 гг. "еще неоформленным"[65]. Имена литераторов, привлеченных М. Горьким в журнал, свидетельствуют о том, что "молодых" сотрудников он искал в наследниках революционно-демократических традиций русской литературы – В. Вересаев, А. Серафимович, Скиталец, Л.Андреев. Но ведущими поэтами "Жизни" стали Бунин и – Бальмонт, один из сооснователей "Скорпиона", регулярно печатавшийся в журнале с марта 1899г.[66] Обращает на себя внимание и значительное количество материалов от "новой", "молодой" культуры, появившихся в "Жизни" в 1899–1900 г., когда она оказалась под руководством М. Горького. Журнал публикует не только снисходительно-сочувственный обзор П. Ге (с иллюстрациями) "Арнольд Беклин, Франц Стук и Саша Шнейдер"[67], но и перевод "Эгоизма" М. Метерлинка[68], переводы стихов[69] и прозы[70] Ницше. М. Горький охотно нес солидарную ответственность за позицию литературной молодежи: в середине августа 1900 г. он, например, писал Бунину: «На днях некто ругал *всех нас. И меня ругал, и Вас, и Бальмонта, и еще многих*. Говорил: "Моллюски вы!" Я сказал: "Пускай моллюски! Но *коралловый храм истинного искусства именно мы строим, именно мы*! А вы заботитесь о построении казармы для благополучия мещанского"»[71]. Та же положительная программа определила приятие М. Горьким брюсовской поэзии вопреки тому, что личное впечатление от нее у писателя было отрицательное. "Стихи В. Брюсова мне не нравятся, я писал ему об этом, но не нравятся потому, что в них много истории и мало поэзии. ⟨...⟩ В Брюсове нет мещанства"[72]. В литературной платформе и практике модернистов М. Горький угадывал слом глубинных структур общественного сознания, той системы норм (этических и эстетических в первую очередь, но не только), которые регулировали бытие так называемого "образованного" русского общества, причем в первую очередь атака шла на вековое "мещанство". Эту сторону культурного процесса верно отмечает, например, А. Нинов, когда пишет: "Символизм занял заметное место в литературном движении начала века, поскольку он выражал эстетический бунт против действительности, совпадавший в известной мере с политическим протестом буржуазной мысли, с традиционными притязаниями индивидуализма, восстающего против изживших себя полуфеодальных ограничений"[73]. Именно тут и открывалась возможность сотрудничества М. Горького со "Скорпионом".

«В Москве познакомился я с Брюсовым, – писал М. Горький между 1 и 7 октября 1900 г. – Очень он понравился мне, – скромный, умный, искренний. Книгоиздательство "Скорпион" – Брюсов и прочие декаденты – затевают издать альманах. Просят у меня рассказ. Я – дам. Непременно. Будут ругать меня, потому и дам»[74]. Брюсов вполне точно и откровенно охарактеризовал в письме к Горькому литературную направленность "скорпионовского" альманаха, перечислив его будущих вкладчиков: "Из петербургских писателей в замышленном

альманахе примет участие почти вся братия прежнего Сев⟨ерного⟩ Вестника – З. Гиппиус, Минский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Фофанов, Мережковский"[75]. Это не смутило Горького – в ответ он просил: "Сообщите-ка мне последний срок для альманаха"[76]. Общественные события, политическая борьба все более властно увлекают Горького, определяя и его позицию в литературе. "...О сборнике думать некогда, не то что писать, – говорил он Бунину в начале 1901 г. (речь в этом случае шла не о "Северных цветах"). – Да и вообще писать – некогда, не хочется, противно. Жить надо и очень надо жить"[77]. То же самое, еще более определенно, сообщал Горький и Брюсову, отказываясь от участия в "скорпионовском" альманахе. "Ряд событий, неожиданных и очень нелепых, совершенно выбил меня из колеи, – писал М. Горький Брюсову 12 января 1901 г., – и я не только ⟨не⟩ работал за это время, но не знаю даже, когда, наконец, приду в себя. Все, что я начинал писать для Вас, – противно плохо и, кроме усталости, ничего мне не давало. Извиняться перед Вами и в этом случае было бы глупо. До поста не войду в колею, в пост уеду в Питер. Ваш первый альманах выйдет без меня". Далее в этом письме дается самая определенная и потому важнейшая мотивация горьковской временной симпатии к "Скорпиону": "Искренне говорю – мне это обидно. Почему? А – извините за откровенность – потому что вы в литературе – отверженные и ходить с Вами мне приличествует. Да и публику это разозлило бы. А хорошо злить публику"[78].

Окончательное размежевание своих позиций с позициями московских декадентов М. Горький провел в ярком письме к Брюсову, написанном 4 или 5 февраля 1901 г. Как будто и здесь, в первых строках, писатель не отказывается от эпатажных мотивов, звучавших прежде; но, чем далее, тем яснее, что литературному и эстетическому бунтарству М. Горький предпочитает целеустремленную общественную, политическую деятельность – во имя защиты именно "свободы личности" от "обожравшихся властью прохвостов": «С благодарностью извещаю, что получил прекрасную книжку стихов Бунина, коего считаю первым поэтом наших дней. Знаю, что делаю нечто непростительное, отказываясь от участия в "Сев⟨ерных⟩ цветах", и не могу даже просить извинения у Вас, и не оправдываюсь. Но, пожалуй, объясню, в чем дело – времени у меня написать что-либо сносное и раньше не было, и теперь нет, теперь – особенно. Вы, Брюсов, наверное, и по "Троим" видите, что писать я – не могу. Настроение у меня – как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если Вас, сударь, интересуют не одни Ассаргадоновы надписи да Клеопатры и прочие старые вещи, если Вы любите человека – Вы меня, надо думать, поймете. Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентов в солдаты – мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце, и я бы был рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников, кои будут читать Ваши "Сев⟨ерные⟩ цветы" и их похваливать, как и меня похваливают. Это возмутительно и противно до невыносимой злобы на все – на "цветы", "Скорпионов" и даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю – как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо? Вы мне страшно нравитесь, я не знаю Вас, но в лице Вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера. Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека, вот что. Бальмонт! Вам нравится его демонизм в книге Сатурналий? Мне – противно. Все это выдумал он, все это он напустил на себя. "Людишки – мошки". Врет он. Людишки – несчастны не менее его, и – что, если они более его заслуживают внимания и уважения»?[79]

Брюсов же в своем ответе настаивал как раз на тотальном – эстетическом – бунте, на неприятии общечеловеческих основ социальной несправедливости, утверждая и собственную готовность к самоуничтожению – во имя обновления мироздания: "Хочу Вам написать откровенно, чтобы Вам перестать нравиться. Именно о студентах. Меня никогда эти внешности, эти мгновенности не волнуют. Почему мне волноваться из-за студентов? Разве это, именно то же, не бывало уже тысячи тысяч раз в прошлом и при Ассаргадонах, и при Петрах. Было. И те были люди. Какая разница прежде и теперь. Для меня – никакой. ⟨...⟩ Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты о днях, когда все это будет сокрушено. ⟨...⟩ я не считаю себя вне борьбы. Разве мои стихи, мои стихи, дробящие размеры и заветы, не нанесли ни одного удара тому целому, которое и сильно своей цельностью. И если можно будет, о как весело возьмусь я за молот, чтобы громить хоть свой собственный дом, буду жечь и свои книги"[80]. Литературные и политические пути М. Горького и московских декадентов, от имени которых вел переговоры Брюсов, разошлись принципиально и окончательно.

Отказ Горького, вероятно, мало кому в стане "Скорпиона" был понятен в своих значимых для самого писателя причинах. Многие – как, например, Вл.В. Гиппиус – готовы были прежде всего усмотреть тут потерю рекламно-притягательного "имени", сулившего успех альманаху:

"Отчего же жмется Горький? – спрашивал 12 февраля 1901 г. Гиппиус Брюсова, получив от него какие-то тревожные известия. – И Чехова нет. А Минский, а Мережковский?"[81]. Показательно, что петербургский символист называет только писателей с репутацией. Наиболее безусловным "именем" обладал из них, разумеется, Чехов, который в конце концов и дал "Скорпиону" – благодаря настоятельному посредничеству Бунина – свой ранний рассказ "В море" (в новой редакции, под названием "Ночью"). История этой публикации освещена достаточно[82], и нужно сделать, собственно, лишь два замечания, проясняющие образ первого издательства русских декадентов.

С одной стороны, характерен чеховский выбор рассказа для декадентского альманаха. В его стилистике, прозе нет, кажется, ничего, что хоть как-то сближало бы его с формальными поисками модернистов (впрочем, с достаточной определенностью сказавшимися именно в прозе – позже). Появление чеховской вещи в "Северных цветах" мог оправдывать только сюжет – "мопассановский", соединяющий ситуацию эротической новеллы с будто бы циническим нарушением тематических табу (вуаерство, подчеркнуто нейтральное, репортерское описание безнравственности) и социальной критикой. Существенно важно как раз то, что именно эти черты представлялись спецификой художественного модернизма и широкой публике, и большинству критиков[83].

Нужно отметить, что критики разошлись в оценке чеховского рассказа из "Северных цветов". Большая их часть негодовала[84]. В неожиданном союзе Чехова с "компанией юродивых и шарлатанов"[85] многие усматривали корыстный расчет. В. Буренин был убежден, что «г-на Чехова издатели привлекли в альманах, конечно, в качестве "знаменитого" писателя»[86]. Не возникало даже подозрения о том, что Чехов мог бы заинтересоваться «кое-какими черточками в деятельности только что организованного тогда книгоиздательства "Скорпион"», как, однако, констатировал три года спустя Бунин[87]. Оставляя в стороне сложный и малоисследованный вопрос о роли чеховского новаторства в становлении поэтики русского модернизма, нужно сказать, что во всех попытках (как бы они, по сути дела, не были безрезультатны) организационного альянса с Чеховым модернисты подчеркивали, преувеличивали родственные черты собственных и чеховских устремлений. Например, когда С.П. Дягилев убеждал Чехова в возможности и необходимости совместного издания журнала, он приводил и такой довод: «"Новый Путь" ясно показал нам, насколько вся работающая в нем партия далека от литературы и вообще от эстетики, и этой ошибки нам главным образом следует избегнуть в будущем. ⟨...⟩ Что касается Вашей принципиальной розни с Мережковским и "Новым Путем", то уверяю Вас, что я сам слишком большой приверженец эстетизма, чтобы принять взгляды поборников нового мистического движения»[88]. Позиция Дягилева по отношению к "Новому пути" логически совпадает с позицией Брюсова (ср. примеч. 80) – и, скорее кажущимся, чем парадоксальным образом, с позицией Чехова.

Тем не менее критики, заподозрившие "скорпионов" в меркантильности, имели на то достаточно права. Ищущей общественного признания группе нужно было звучное "имя". Без тени смущения, как об очевидном и естественном факте об этом писал Чехову тот же Дягилев летом 1903 г.: "Открывать новое дело без Вашего участия мы ни в коем случае не будем, во-первых, потому что у нас недостаточно для этого сил, и, во-вторых, потому, что и материально нам это дело на ноги не поставить. Одно дело – хлопотать о денежной поддержке предприятия, в котором Вы заинтересованы, и другое дело – начинать это предприятие без Вас. На последнее не найдется ни охотников, ни средств"[89]. Прямых "скорпионовских" заявлений такого рода у нас нет. Но именно в этом ключе сам Чехов истолковал издательскую рекламу альманаха. «Публикует "Скорпион" о своей книге неряшливо, – писал Чехов Бунину, – выставляет меня первым, и я, прочитав это объявление в "Русских Ведомостях", дал себе клятву больше уже никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами»[90]. В результате Бунин просил 2 мая 1901 г. Полякова: "Уважаемый Сергей Александрович, будьте добры не делать объявлений отдельно о Чехове, если можно, – его это очень стесняет. Он был даже недоволен, что в перечне фамилий его фамилия была поставлена первой"[91]. Нет нужды преувеличивать значение неделикатной "скорпионовской" рекламы в формировании негативного отношения Чехова к декадентству. Но никаких попыток снова привлечь Чехова к сотрудничеству Поляков и Брюсов, сколько известно, больше не предпринимали. Видимо, полного доверия заслуживает известная и едкая мемуарная запись Бунина о Чехове: «Нет, все это новое московское искусство – вздор, – говорил он. – Помню, в Таганроге я видел вывеску: "Заведение искуственных фрухтовых вод". Вот и это тоже – заведение искусственных фруктовых вод!»[92]. Та же чеховская насмешка, уже вплотную задевающая Брюсова, в подписи эпистолярного характера: в архиве Бунина сохранилась почтовая открытка – фотопортрет А.Н. Емельянова-Коханского, по верхнему ее краю Чехов вывел: "Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!" По левому обрезу сделана пояснительная надпись: "Это письмо прислал мне в шутку Чехов. Ив. Бунин"[93].

Из писателей других литературных лагерей, случайно и временно оказывавшихся в сфере притяжения "Скорпиона", наиболее сложными – уже в силу их продолжительности – были отношения с ним у Бунина. Во многом это объясняется тем, что еще задолго до возникновения издательства Бунин познакомился с Брюсовым, и связь их, по признанию самого Брюсова, могла перерасти "в серьезную дружбу"[94]. Одной из первых "скорпионовских" книг стал бунинский "Листопад". Книга шла в издательстве на обычных "скорпионовских" условиях: "Первые корректуры – работа черная; ее выполним мы сами, – писал Бунину в начале ноября 1900 г. Брюсов. – А по приезде в Москву вы получите полуисправленные листы"[95]. Вел книгу именно Брюсов, на него и пала черная работа – история "Листопада" отразилась в переписке поэтов[96]; к Полякову известны только два бунинских письма – касающиеся покупки рукописей, рекламы, гонораров, т.е. вопросов литературно-коммерческих по преимуществу[97]. Бунин нашел, что "Листопад" издан прекрасно[98], он считал, что до *СЦ 1901*, вызвавших чеховские нарекания, "скорпионы" издавали "все чудесные вещи"[99], более того, он склонен был относиться к ним "как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим ⟨...⟩ по настроениям и единомыслию во многом"[100]. Однако ни литературные, ни человеческие отношения у Бунина со "скорпионами" не сложились, и отделить здесь одно от другого, по-видимому, нет возможности. "Скорпионы", и в первую очередь Брюсов, не могли простить Бунину немотивированного высокомерия[101]. С другой стороны, чем определеннее выяснялись литературные позиции Бунина и – Брюсова со "Скорпионом", тем меньше оснований оставалось для дальнейшего сотрудничества. Характерно, что инициатором разрыва был Брюсов и в личных отношениях, и в литературных. В то же время Брюсов старался обставить дело так, чтобы разрыв оказался инициативой противной стороны, убеждая в этом и Бунина. «Вы сами отказались от участия в "Северных Цветах", – писал ему "скорпион"-Брюсов. – Это очень точно. Не помню кто, кажется С.А.⟨Поляков⟩ спросил Вас, будете ли Вы участвовать, и Вы ответили, что у Вас сейчас не осталось ничего, что Вы могли бы дать. В чем тут недоразумение»[102].

Последнюю попытку быть "скорпионовским" автором Бунин сделал осенью 1901 г. 1 сентября 1901 г. он писал Полякову из Одессы: "Уважаемый Сергей Александрович! Пишу Вам то же, что и Вал⟨ерию⟩ Яковлевичу[103], хочу этой осенью выпустить четыре книги: второе изд⟨ание⟩ рассказов "На край света", втор⟨ое⟩ изд⟨ание⟩ "Песни о Гайавате", новую книжку новых рассказов и новую кн⟨ижку⟩ новых стих⟨отворений⟩. Не хотите ли взять что-либо для издания Вы? Очень рекомендую Вам купить "Песнь о Гайавате" – это замечательная кн⟨ига⟩ и, благодаря рекоменд⟨ации⟩ М⟨инистерства⟩ Н⟨ародного⟩ Пр⟨освещения⟩ для всяких учебн⟨ых⟩ зав⟨едений⟩, идет очень хорошо. Затем кн⟨ижка⟩ новых стихов. Следили ли Вы за ними в журналах? "Листопаду" во всяком случае не уступят. Подумайте и напишите мне. Еду завтра в Ялту, так что пишите туда: *Ялта, дача А.П. Чехова*. Напишите, пожалуйста, также и о том, как поживаете, где Балтруш⟨айтис⟩ и как идет "Листопад". Ваш Ив.Бунин»[104]. Под натиском Брюсова новый договор не состоялся, ни "Гайавата", ни собственные стихи и рассказы Бунина не вписывались в "скорпионовский" репертуар, и их коммерческая перспективность могла лишь на мгновение увлечь Полякова (см. п. 14; ср. попытку Полякова улучшить материальное положение издательства за счет выпуска чужеродной ему книги Дрейфуса – п. 9). Но и со стороны Бунина к разрыву со "Скорпионом" основания были не только личные и литературно-идейные. У Бунина и "скорпионов" на момент их встречи был различный статус в литературе. "Скорпион" представлял литературную группу, добивающуюся признания у публики и в профессиональной, цеховой среде. Бунин это признание недавно, но уже безоговорочно получил, и ему необходим был адекватный канал связи с читателем, обеспечивающий присутствие на рынке, – соответствующий издатель. Дело, однако, не только в том, что во имя органичности издательской позиции "Скорпион" отказывается от коммерчески заманчивых бунинских предложений. И "Скорпион", в свою очередь, не устраивал Бунина – в частности, коммерческой неловкостью, издательским дилетантизмом. Уже в октябре 1901 г. (т.е. сразу после отказа в "Скорпионе") Бунин ведет переговоры с "Знанием"[105], а 27 июня 1902 г. Бунин в письме М. Горькому в связи со своими издательскими предложениями дал очень любопытную зарисовку "скорпионовской" практики, которая, несомненно, не могла удовлетворить запросы "состоявшегося" писателя: «Дорогой Алексей Максимович! Весною Вы предлагали мне скупить у "Скорпиона" "Листопад" и издать в "Знании". Очень мне улыбается эта мысль, и Вы оказали бы мне большую услугу, если бы помогли мне в этом деле. ⟨...⟩ Дела мои с изданиями стихов обстояли до сих пор из рук вон. Все издания "Скорпиона", не имеющего ни конторы, ни агентов, лежат в спальне Полякова, как он сам мне сказал. "Но⟨вые⟩ стихотв⟨орения⟩" изданы всего в *500 экз.* и находятся в "Труде" как моя собственность. Взявши из этих двух книг избранные стихотворения, можно было бы выпустить к концу осени славную книжечку. ⟨...⟩ Если бы издало их "Знание", получилось бы, наконец, нечто серьезное, в особенности, если принять во внимание, что оно выпустило "Рас-

сказы" и выпустит "Гайавату". Несколько книг, выпущенных почти одновременно, одной фирмой, помогали бы друг другу и увеличили бы значительность авторской физиономии. "Листопад" я скуплю»[106].

Рецензент первых "Северных цветов" утверждал, что "случайно и очень некстати попали сюда А.П. Чехов, И.А. Бунин, стихи и письма Пушкина, Тютчева, Павловой, Вл.Соловьева и кн. Урусова"[107]. Верность этого заявления более чем ограниченна – символисты, печатая классиков, стремились выявить и утвердить свое законное правопреемство, печатая непосредственных предшественников и современников, искали свое место в литературной действительности, приемлемых для себя союзников. В центре этих поисков признания стоял Брюсов, ближайшим образом участвовавший в подборе литературно-исторических материалов, ведший переговоры с Буниным и издательскую работу с рукописями Бунина и Чехова. Но быстро прояснялся общий облик нового издательства, становившегося все более безусловным, однозначным органом "нового искусства". Временные и случайные альянсы лишь компрометировали принципиальность литературной позиции. "Скорпионовские" альманахи стали собираться из произведений одних символистов, как получивших уже какое-то признание, так и впервые заявляющих о себе; издательский портфель был подобран из рукописей крупнейших представителей школы. И эту работу Брюсов провел уже практически один – "ответственность" за выявление культурного потенциала "Скорпиона" падает, по сути дела, на одного Брюсова[108].

* * *

Издательство "Скорпион", возникшее в конце 1899 г.[109], стало цитаделью русских символистов. В русской культурной традиции привычною была иная модель – сплочение единомышленников вокруг периодического издания, журнала, реже газеты. Почему Поляков, Брюсов, Бальмонт, Балтрушайтис отказались от этого пути (тем более что у русских символистов как литературной группы был уже опыт выпуска журнала – "Северного вестника") – их собственных высказываний, кажется, нет. Более того, на выпуск "Весов" они решились только через четыре года, под влиянием энергичного М.Н. Семенова[110], да и по весьма необычной в России для ангажированной литературной группы "формуле" библиографического журнала[111]. Правдоподобным, кажется, выглядело бы предположение, что московские символисты в 1899–1900 гг. вполне реалистично учитывали, что для ведения самостоятельного специально-декадентского журнала литературных сил вокруг них еще не было (как мы и видели выше на примере "Мира искусства", искавшего опоры в Чехове, и "Нового пути", соединившего – неповзволительно, по убеждению Брюсова, а с ним и Полякова, Семенова и других "москвичей" – эстетизм с "религиозной общественностью"). С другой стороны, отдельно изданная, собственная книга должна была обладать большей ценностью в аксиологической системе индивидуализма, чем по определению коллективный журнал. Не случайно несколько позже, но уже в самом начале "Весов" Вяч.Иванов, хоревг "младших символистов", стремившихся к преодолению индивидуализма, убеждал Брюсова: «... что ты скажешь о моей идее – о желательности передовых статей на общие темы, анонимных, подписанных именем или знаком "Весов"? ⟨...⟩ Это учреждение было бы органом самоопределения нашей секты; и публика стала бы, может быть, прислушиваться к общему голосу. Желающие могли бы узнать о нас кое-что новое, кроме того, что мы – "декаденты". Знаю, что это предложение опасно: оно может внести рознь. ⟨...⟩ Во всяком случае, для каждой такой "передовой статьи" необходимо согласие всех лиц, близко стоящих к делу»[112]. Не случайно в этой связи и то, что именно в кругу "старших символистов", прежде всего у Брюсова и З. Гиппиус, сформировалось представление о поэтической книге как самостоятельном художественном организме, художественной целокупности высшего порядка, собственно, особом литературном жанре.

Первым "серьезным" заявлением "Скорпиона" о себе как об органе символизма было, однако, решение о выпуске альманаха, что должно было расцениваться как паллиативное решение за отсутствием у школы какой бы то ни было *общей, объединяющей* трибуны (ибо "Мир искусства" ею не был)[113]. Отсюда то неумеренное, как показалось Брюсову, внимание Мережковских к Брюсову, Полякову и Бальмонту при их ноябрьском свидании в Петербурге, предпринятом специально в видах сбора материалов для альманаха: «Вечером были у Мережковских. Встретили нас, как скупщиков, любезно до нельзя. "На задние лапки садились", по выражению Бальмонта»[114]

"Северные цветы" выходили поначалу тиражами бо́льшими, чем книги "скорпионовских" поэтов[115]. Против 3025 экземпляров *СЦ 1901* "Собрание стихов" Александра Добролюбова с программными статьями Коневского и Брюсова и брюсовская "Третья стража", вышедшие в 1900 г. тиражом соответственно 300 и 600 экземпляров, выглядят более чем скромно – а ведь с этими книгами за душой издательство открыло свои действия! (Для сравнения укажем, что бу-

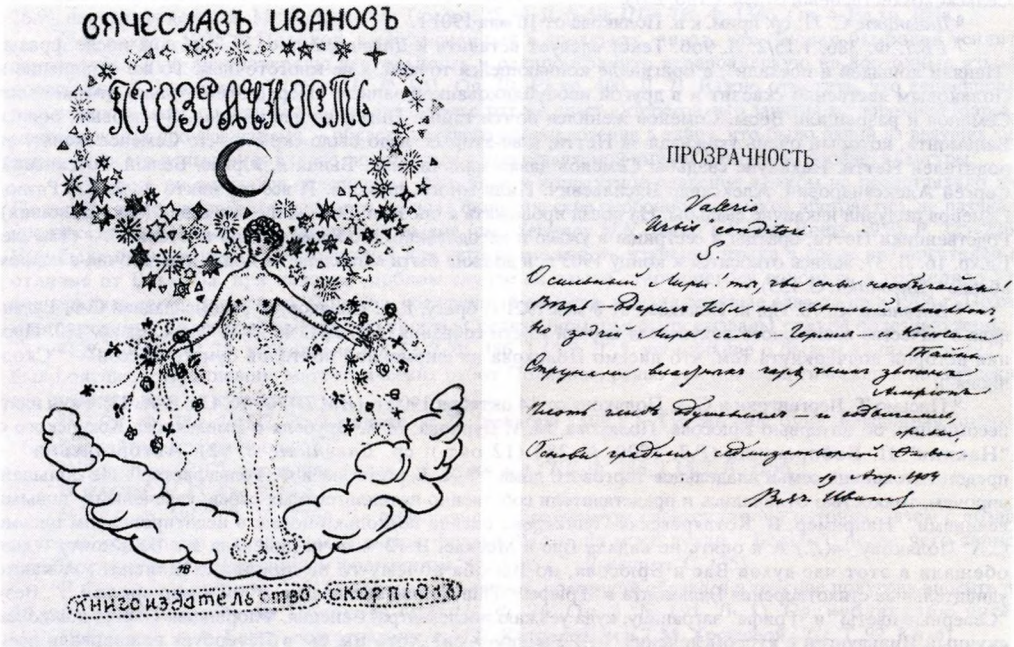
нинский "Листопад", третья "скорпионовская" книга стихов и восьмое его издание вообще, был выпущен тиражом 1800 экз.) Возможно, издательство исходило из предположения, что коллективные выступления читатель ценил выше или подходил к ним с большим доверием. И тем не менее законченность образ направления получил в ряде книг, выпущенных "Скорпионом" в 1903–1904 гг., которые подводили итоги развития школы и тем самым определяли притязания на будущее: К.Д. Бальмонт. Будем как Солнце (1903, 1200 экз.); Валерий Брюсов. Urbi et Orbi (1903, 1200 экз.); З.Н. Гиппиус. Собрание стихов, 1889–1903 г. (1903, 1200 экз.); Д.С. Мережковский. Собрание стихов, 1883–1902 гг. (1903, 1200 экз.); Федор Сологуб. Собрание стихов: Книги III и IV, 1897–1903 г. (1903, 1200 экз.); Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений (1903, 2000 экз.); К.Д. Бальмонт. Собрание стихов. Т. 1–2 (1904, 2400 экз.); Андрей Белый. Золото в лазури (1904, 1200 экз); Вячеслав Иванов. Прозрачность. Вторая книга лирики (1904, 1200 экз). Книга Иванова увидела свет в марте 1904 г., закрывая собою "серию" (это слово мы употребляем не случайно, так как часть названных сборников появилась даже в одинаковом графическом оформлении). Следующая большая поэтическая книга вышла в "Скорпионе" почти два года спустя – это был брюсовский "Венок". За ним последовало еще немало знаменитых в истории русской поэзии книг ("Из книги невидимой" Добролюбова, "Нечаянная Радость" Блока, десятитомное "Полное собрание стихов" Бальмонта, "Пути и перепутья" Брюсова, "Cor ardens" Вяч. Иванова, "Сети" Кузмина, "Жемчуга" Гумилева), но это были книги, рассеянные во времени, тогда как в списке перечисленных нами выше очевиден сосредоточенный подбор, смотр достижений школы.

За этим рядом книг и тремя первыми выпусками "Северных цветов" – геракловы труды Брюсова, организационные и редакционные[116]. Как видно из публикуемых нами писем, три первых выпуска "Северных цветов" буквально "вылеплены" Брюсовым и Поляковым, причем если в работе над первым Поляков взял на себя бóльшую часть технической работы[117], то позже и тут главным исполнителем стал, кажется, Брюсов. Характерна уже брюсовская заметка в автобиблиографии "Я и мир" о *СЦ 1901*: «Вышел в апреле 1901, после Пасхи. Моего там: стихи, поэма, "Истины", предисловие, примечания»[118]. Брюсов подбирает авторов для "Скорпиона". Он отстраняет от издательства Бунина во имя чистоты школьного, ангажированного профиля издательства. Но во имя качества "скорпионовской" продукции он же, например, настоятельно не допускает в "скорпионовский" каталог и такого ветерана движения, каким был Н.М. Минский[119]; из-за брюсовского к нему недоверия – другой пример – не сразу "Скорпион" принимает Блока[120]. Брюсов предложил издательству первую "скорпионовскую" поэтическую книгу – Добролюбова. Он же предложил издать посмертную книгу Коневского, которая была сделана под его же руководством. По его почину составляются книги Мережковского, Гиппиус, Сологуба. При этом Брюсов сам готовит наборную рукопись[121], более того – компонует книгу и устанавливает графику текста[122]. Брюсов наблюдает за печатанием "Прозрачности" Вяч. Иванова, и тот доверяется "дружественному и филологическому вниманию", уподобляя "скорпиона" мифологическому всевидящему Линкею[123]. Освещать подробно роль Брюсова в создании всех этих этапных книг здесь нет возможности, да и естественно это сделать в специальных публикациях его переписки с их авторами. Печатаемые ниже письма Брюсова и Полякова касаются лишь малой части повседневных забот об издательском портфеле, о рукописях, корректурах, оформлении книг и их продаже. Не зная этих подробностей в их совокупности, мы не будем знать меру брюсовского самопожертвования делу школы. А зная, поймем, насколько именно воле и трудам Брюсова по преимуществу школа обязана своим признанием.

* * *

Мы сознательно остановились на самом неисследованном аспекте исторического образа Брюсова, который открывает нам публикуемая переписка. Читатель найдет в ней много нового и в том, что касается "скорпионовских" – но прежде всего брюсовских – "Весов"; и деталей к биографии, к истории связей Брюсова со многими современниками и т.п. Но главное в этой переписке – отношения Брюсова-литератора с его издательством и с его издателем. Показательно в этом смысле самое распределение материала переписки (и обязанностей Брюсова в издательстве): интенсивный обмен письмами по поводу книжных дел – до появления "Весов"; устранение от первых – во имя полной самоотдачи вторым; переписка сходит практически на нет с 1909 г., когда Брюсов устраняется из журнала, и журнал умирает. Переписки нет, хотя Брюсов печатается в "Скорпионе", постоянно встречается с Поляковым в литературно-художественной Москве...

Письма Брюсова к Полякову хранятся в Отделе рукописей *ИМЛИ* (ф. 13, оп. 3, № 28–36), письма Полякова Брюсову – в Отделе рукописей *ГБЛ* (ф. 386, 99.17 и 18). Переписка дошла до нас с явными утратами, тем более огорчительными, что нам недоступны подчас крайне важные



ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. ПРОЗРАЧНОСТЬ. М., "СКОРПИОН", 1904

Обложка по рисунку Н.П. Феофилактова и авантитул с дарственной надписью: «Valerio "Urbis" conditori S. О сильный Лиры! ты, чьи сны необычайны || Верь — озарил тебя не светлый Аполлон, || Но зодчий Лиры сам — Гермес — с Ключами Тайны || Струнами властных чар, чьим звоном Амфион || Плоть глыб одушевлял — и содвигались живы || Основы градные седмизатворной Фивы. 19 Апр. 1904 Вяч. Иванов»

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

письма (например, относящиеся к поре кризиса "Весов"). По всей видимости, надежд на обретение этих писем нет. Частично восполняют лакуны сохранившиеся брюсовские черновики (*ГБЛ*, ф. 386, 72.16) и случайные копии (см. пп. 2, 10, 87, 125). Часть конвертов по разным причинам хранится отдельно от соответствующих писем, в примечаниях к ним мы оговариваем эти распавшиеся связи. Всего известно 86 писем Брюсова к Полякову и 68 встречных от Полякова к Брюсову. Мы печатаем почти все, за исключением записок, малосодержательных настолько, что их не удалось датировать с желательной определенностью.

С удовольствием исполняем долг благодарности, выражая признательность за помощь в работе Н.В. Дувакиной. Н.А. Кайдаловой, А.В. Лаврову, М. Люнгрену и В.П. Якубовичу.

[1] Существует обширная и основательная литература о "Весах", но в ней история журнала рассматривается практически вне учета связи с породившим его издательством. Из работ, ближе подходящих к нашей проблематике, следует особо упомянуть как основной до сего дня источник обзор С.С. Гречишкина "Архив С.А. Полякова" – *Ежегодник 1978*. С. 3–22. Необходимое дополнение к настоящей работе: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства "Скорпион" // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 68–133.

[2] *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Тр. по знаковым системам. 18. Тарту, 1984. С. 4 (в приведенной выдержке речь идет о цитатах из "петербургского текста").

[3] Письмо к П.П. Перцову от 20 декабря 1900 г. (см.: Русский современник. 1924. № 4. с. 229).

[4] *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917). М., 1963. С. 28. И в этой группе 63 Поляковы стояли не на последнем месте, т.к. В.Я. Лаверычев включил в нее предприятия, на которых было занято не менее 500 рабочих, у Поляковых же за Знаменской мануфактурой в это время числилось более 1000 рабочих. По другим данным, в 1913 г. Знаменская мануфактура принадлежала к числу тех 25 "фабрик-гигантов", которые составляли всего 4,1% от общего числа русских шерстяных фабрик, но сосредоточили при этом 35,7% рабочих-шерстянщиков (см.: *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: Шерстяная промышленность. М., 1955. С. 189).

[5] *Дневники*. С. 75, 79. Возможно, биографу Брюсова следует иметь в виду, что у отца С.А. Полякова было большое имение и в деревне Жуковка Дмитровского уезда (Вся Россия... СПб., 1900. Т. 2: Сельскохозяйственный отдел. Стлб. 287).

[6] *Дневники*. С. 71; ср. прим. к п. Полякова от 16 мая 1901 г.

[7] *ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 9об. Текст следует вставить в *Дневники* на с. 79, с абзаца после фразы: "Наняли лошадей и поехали", в оригинале кончающейся точкой, а не многоточием. То же отношение к Поляковым явственно сквозит и в другой неопубликованной записи: "Перед этим только что женился Семенов и разрешили Весы. Семенов женился почти тайно. Никто из нас не знал. Во-первых, боялся Бальмонта, который очень ухаживал за Нетти, а во-вторых, надо было скрыть, что Семенов женат, от родителей Нетти. Накануне свадьбы Семенов давал мальчишник. Были: я, Юргис, Белый, Россинский, Сергей Александрович, Александр Васильевич. Пили много, шумели. И все же никто не узнал. Развод Семенов получил накануне свадьбы. На поезд провожать я опоздал (болела щека и сидел Макс Волошин). Родственники Нетти, братцы и сестрицы в ужасе и негодовании. Молодые уехали в Италию". – (Там же. Ед.хр. 16. Л. 37; запись относится к концу 1903 г. и должна быть вставлена на место многоточия в первом абзаце – *Дневники*. С. 135).

[8] *Дневники*. С. 75. Ср. п. Полякова от 8 мая 1921 г. брату, Г.А. Полякову, с рекомендацией С.Ф. Буданцева в качестве возможного покупателя картин из его собрания (*ЦГАЛИ*. Ф. 2268. Оп. 1. Ед.хр. 180. Ирония истории подчеркнута тем, что письмо Полякова на фирменной почтовой бумаге "Весов" – "Скорпиона").

[9] Письмо Т. Бергенгрин к С.А. Полякову от 14 октября 1900 г. (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 37). Речь идет, несомненно, об интервью Брюсова, Полякова, М.А. Дурнова, М.А. Врубеля и Емельянова-Коханского о "Накипи" П. Боборыкина (*РЛ*. 1900. № 282 (12 окт.); ср. *Дневники*, с. 92). Автор письма — представительница семьи владельцев торгового дома "Ф.К. Бергенгрин и Ф. Гольдфретер". Не большей, впрочем, тонкостью отличались и представители собственно интеллигентных слоев, увлеченных "новыми веяниями". Например, В. Котляревская-Пушкарева писала несколько позже в недатированном письме С.А. Полякову" «⟨...⟩ А я опять не видала Вас в Москве. В 12 ч. ночи приехала я к Бальмонту – мне обещали в этот час духов Вас и Брюсова, но Вы оба почему-то не пришли... Жалела... А какие удивительные стихотворения Бальмонта в "Грифе" "Тише, тише совлекайте..." "Я в мир пришел...". Везу "Северные цветы" и "Грифа" заграницу, куда уезжаю послезавтра. Венеция, Флоренция, Париж и наконец скучный Вильдунген с курсом лечения. ⟨...⟩ Увидимся ли? Хоть Вы бы в Петербург пожаловали всем сонмом, что-нибудь бы прочли, поспорили, оживили бы нас – эту зиму мы как-то киснем» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3, № 102. Л. 4 и об.; ее письма к Полякову представляют собою интересный документ по истории восприятия декадентства массовым сознанием – см. там же ее восторженные отзывы о "Пане" Гамсуна, отклики на разные выпуски "Северных цветов", сообщения о реакции на "скорпионовскую" продукцию в Польше, рекомендацию в качестве переводчицы польских модернистов М.Б. Корпачевской и т.п.).

[10] Брюсов, Бальмонт, Поляков были шаферами при венчании (*Дневники*. С. 75). Нищий поэт-литовец и дочь богатейшего купца венчались вопреки воле родителей и тайно (см.: *Дауётите В.* Юргис Балтрушайтис. Вильнюс, 1983. С. 19–23). М.Н. Семенов, ближайшим образом знавший и Балтрушайтисов, и свидетелей, писал, однако, что по недоразумению родители М.И. Оловянишниковой получили на нежелательный для них брак благословение отца Иоанна Кронштадтского, бывшего для них непререкаемым авторитетом. См.: *Semenov M.N.* Bacco e Sirene. Roma, 1950. P. 230.

[11] *Цехновицер О.* Символизм и царская цензура // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 76, вып. 11. С. 276. Цит. документ ныне находится: *ЦГИА*. Ф. 776.8.1753. Л. 6 (ср. *Ежегодник 1978*. С. 4).

[12] Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1896/97 академический год. М., 1896. С. 321.

[13] *Ежегодник 1978*, С. 4.

[14] *ЦГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 10. Ед.хр. 490. Л. 6.

[15] Там же. Л. 1, 2.

[16] *Мейер В.* Марс, по наблюдениям 1892–94 г. М., 1897. Позже Поляков издает еще одну переводную брошюру: *Бидшоф Ф.* Планета Марс. М., 1900. Тиражи обеих, несомненно, не разошлись, в "скорпионовском" каталоге на 1904 г. они показаны как чужие издания (без имени переводчика), имеющиеся на складе. Возможно, следует подчеркнуть, что внимание Полякова привлекает "модная" (после открытия на ней в 1877 г. "каналов") планета, занимающая в это время первое место в построениях фантастов, эксплуатирующих естественнонаучную тематику; то же мы наблюдаем и у Брюсова (ср.: *ЛН*. Т. 85. С. 70–71), а также упоминание противостояний Марса в стихотворении "Волшебное зеркало" ("Все шло – точь в точь обыкновенно"... – III, 208).

[17] *Дневники*. С. 75 (см. также с. 78, 95). Характерно, что и здесь избрана тема (многомерных пространств), легко подвергавшаяся мифологизации (ср. фантазии В. Хлебникова и других футуристов, не говоря уже о неоднократном возвращении к этой теме самого Брюсова; см., например, стихотворение "Мир N измерений" – "Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты..."). Из крупнейших деятелей русского символизма Балтрушайтис, Поляков, Андрей Белый получили естественнонаучное образование, тяготение Брюсова к темам и мотивам точных наук общеизвестно. Пора, кажется, специально поставить вопрос об архаическом или рецидивном – по отношению к позитивизму 60–70-х годов – сциентизме в русской литературе, искусстве и в их авторефлексии на рубеже веков.

[18] *ЦГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 10. Ед.хр. 490. Л. 6

[19] Библиография их дана С.С. Гречишкиным (*Ежегодник 1978*. С. 3. Более поздние переводы, уже советского времени, указаны там же, с. 5). В автобиблиографиях Поляков среди переведенных им авторов

называет Стриндберга, Гауптмана, Синга, Йитса, Поттера, Юнга (*ЦГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 10. Ед.хр. 490. Л. 2); Выспянского (совместно с И.А. Новиковым), Мак Орлана (Там же. Л. 7); многие работы остались неизданными; см., в частности, названный перевод трагедии Ст. Выспянского "Проклятие" (*ГБЛ*. Ф. 718, 26.9); перевод сонетов А. Мицкевича см.: Там же, 25.30. Л. 6–59; *ЦГАЛИ*. Ф. 1346. Оп. 4. Ед.хр. 105а.

[20] В анкете 1925 г. Поляков, уже стесненный в средствах, писал, что "желал бы более усилить самостоятельную литературную деятельность и распространить переводческую на восточные языки, котор⟨ыми⟩ ⟨...⟩ занимался" (*ЦГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 10. Ед.хр. 490. Л. 7). Важно отметить, что дешифровка письменности майя, по сути дела, представляет все тот же пласт интересов, что занятия астрономией Марса и многомерными пространствами, – область волевого проникновения в тайну, что было одной из ведущих тем поведения и его осмысления в среде символистов и представляемой ими (на элитарном уровне) культуры.

[21] И здесь он оставался дилетантом. Активное и корректное владение языком не представляло для Полякова, кажется, никакой ценности, он знал фонетические особенности языков абстрактно, не развивая произносительных и вообще речевых навыков (см.: *Semenov M.N.* Bacco e Sirene. Roma, 1950. P. 225–226). Ему была безразлична столь доступная для него возможность изучения языка в среде его носителей (в отличие от Брюсова, при каждом удобном случае на языке старавшегося говорить и горделиво это подчеркивавшего). За границу Поляков, убежденный домосед, выехал впервые едва ли не в 1904 г. Позже многомесячные ежегодные выезды на курорты Средиземноморья были вызваны тяжкой болезнью жены.

[22] *Дневники*. С. 75; восполнено по: *ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 5: упоминание о былом капитале в 1927 г. было опущено. Публикации математических работ Полякова, равно как и математические и поэтические его рукописи, нам не известны.

[23] *ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 9; запись от 22 ⟨декабря 1899 г.⟩. Тут же еще одна неизданная оценка: "Балтрушайтис несомненно поэт".

[24] *Дневники*. С. 92; последняя фраза – по рукописи *ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 22об.

[25] *ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 2. № 4.

[26] *ГБЛ*. Ф. 386, 1.1,. Л. 37об. За приведенным фрагментом следует строка отточия, затем с абзаца другими чернилами и почерком обрывок фразы: "История моей дуэли с Белым", после чего записи возобновляются опубликованным фрагментом "Из 1905 г." (*Дневники*. С. 135).

[27] Согласно с письмом С.А. Соколова к Полякову, последний обязался в течение полугода вносить по 20 рублей на содержание Пояркова (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 191. Л. 1). Ср. публикацию писем Н.Е. Пояркова к А.А. Блоку, подготовленную Н.В. Котрелевым и Т.М. Хромовой (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4).

[28] См. расписку в получении двадцатипятирублевого взноса, выданную Полякову от Общества Друзей Румянцевского Музея – (*ИРЛИ*. Ф. 240, 3.39. Л. 15).

[29] См. п. Г. Крэга Полякову на бланке "School for the Art of the Theatre" (*ИРЛИ*. Ф. 240, 3.84. Л. 15).

February 1913

Dear monsieur Sergius Poliakoff.
I have much pleasure in announcing that my school
for the art of the theatre has received sufficient
financial support to open this spring.
At this moment I remember with gratitude the support
you have given my work by allowing your name to appear
on the list of the International Committee.
I shall send you regularly news of our progress.

Your sincerely
Gordon Craig*

Ср. в п. М.Я. Шика к Полякову от 20 октября 1914 г. из Флоренции: "Вижусь здесь с Гордоном Крэгом и часто вспоминаем Вас" (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 217. Л. 1).

[30] См. расписку, выданную Полякову Брюсовым в приеме взноса, от 4 ноября 1911 г. (*ИРЛИ*. Ф. 240.3.115. Л. 142).

[31] См. переписку Полякова с известной благотворительницей Е.Ф. Джунковской по поводу безвозмездного разрешения воспроизводить на открытках, выпускаемых общиной Св. Евгении в пользу Красного Креста, работ К.А. Сомова, приобретенных "Скорпионом" (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 7 и 66).

[32] *ИРЛИ*. Ф. 240.3.82. Ср. просьбу Полякова А.М. Кожебаткину выслать в Рим для библиотеки им. Н.В. Гоголя издания "Мусагета" и "Альционы" (вероятно, "скорпионовские" были доставлены им лично). См.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 9.

[33] Там же. № 95.

Февраль 1913.

* Уважаемый господин Сергей Поляков.

С большим удовольствием сообщаю Вам, что моя школа театрального искусства получила достаточную финансовую поддержку для того, чтобы открыться этой весной.

Сейчас я с благодарностью вспоминаю о поддержке, которую Вы оказали моему делу, когда разрешили, чтобы Ваше имя появилось в списке Международного Комитета.

Я буду регулярно сообщать Вам новости о нашей работе.

Искренне Ваш Г о р д о н К р э г
(*англ.*)

[34] См. основополагающую работу: *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М., 1970. К сожалению, она не имеет до сих пор аналогов в таких областях, как история литературы, историческая психология, история быта, история культуры в целом.

[35] *ГПБ.* Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 2,24. Свою "входящую" переписку Ремизов переплетал в хронологическом порядке, подбирая письма по "местам жительства", где они были получены, вплетая другой бытовой материал, делая свои пометки и замечания, так что получался своеобразный дневник. К сожалению, в целях обеспечения сохранности администрация не только расплела тетради (что было необходимо, так как листы ломались именно по месту склейки), но и сгруппировала материал традиционно по адресантам, не сохранив структуру очень выразительного памятника, дававшего ценнейший срез биографии – в последовательных контактах с внешним миром.

[36] Там же. Л. 5, 23.

[37] Там же. Л. 6, 7 и далее.

[38] Там же. Л. 21. Рассказ "Бебка" был напечатан в газете 21 ноября 1902 г.

[39] *ГПБ.* Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 34.

[40] Там же. Л. 78–78об.

[41] Там же. Л. 25.

[42] Там же. Л. 13, 15. Рассказ "Медведюшка" был напечатан в июньском номере журнала на 1903 г.

[43] *ГПБ.* Ф. 634. 249. Л. 38.

[44] Там же. Л. 42 (п. от 18 декабря 1903 г.).

[45] *Нинов А.* М. Горький и Ив.Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л., 1973. С. 95.

[46] Каталог книгоиздательства "Скорпион". К началу 1902 г. М., 1902. С. 8. Каталог вышел в свет в начале апреля – см.: Список изданий, вышедших в России в 1902 г. СПб., 1903. С. 147 (1–8 апреля). Авторство неподписанного обращения "К читателям" атрибутируется безоговорочно Брюсову (*Библиография/I.* № 131), однако не подлежит сомнению коллективный характер этого документа. Брюсов в "Скорпионе" был "специалистом" по "воззваниям" (ср. его письмо от середины июля 1903 г.), и даже окончательная редакция этого текста могла принадлежать именно ему. Но в "скорпионовских" книгах и каталогах мы находим множество именно коллективных предисловий и т.п. с подписью "Скорпион" или без всякой подписи; как правило, они выражают позицию *издательства* и стоящей за ним *редакции*, шире – *группы литераторов*; по статусу своему такие документы требуют к себе особого отношения. Из "скорпионов" явно не принимал участия в подготовке обращения (по крайней мере, в его окончательной форме) М.Н. Семенов, которые писал Полякову 24 апреля 1902 г. из-за границы: «⟨...⟩ сегодня получил каталог и "Северные цветы" ⟨...⟩ Впрочем, каталог я получил уже вчера, но иначе отпечатанный, зелененький и жиденький. Он доставил мне истинное огорчение, так как на зеленой обложке и тонкой бумаге рисунок совершенно пропадает. Не находишь ли ты предисловие немного рекламным?» (*ИМЛИ.* Ф. 76. Оп. 3. № 181. Л. 13–13об.). Тем более не один Брюсов составлял план выпуска изданий, который складывался из предложений всех ближайших сотрудников и принятых рукописей других литераторов.

[47] Каталог книгоиздательства "Скорпион". К началу 1902 г. С. 5.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 6.

[50] *Ежегодник 1973.* С. 128; курсив мой. – *Н.К.*

[51] К моменту выпуска первого каталога в репертуаре издательства переводные книги преобладали: за 1900–1901 гг. "Скорпион" выпустил книги Ибсена (двумя изданиями), Гамсуна (две), Д'Аннунцио, Шницлера, По, Красиньского (издание было изъято из продажи), Добролюбова, Брюсова, Бунина, а также *СЦ 1901* – восьми переводным изданиям противостояло только четыре отечественных. Но основной объем издательского "задела" к этому времени составляли книги русских писателей, над подготовкой к печати которых работал Брюсов.

[52] На знамени символистов, всего их движения в целом было написано "культура", что закономерно, поскольку своеобразные (противоречивые – в рамках школы – и с разной степенью последовательности развитые) представления о культурной общенародной и общечеловеческой "памяти" лежали в самых глубинах их учений о символе и мифе. Это справедливо применительно и к пионеру Мережковскому, и к такому символисту рубежа веков, каким запечатлел себя безвременно погибший Коневской, и к Вяч. Иванову, и к Блоку, и к московским и "весовским" символистам во главе с Брюсовым (о последних – в связи с лозунгом "культура" – см. в статьях Д.Е. Максимова, написанных в соавторстве с К.М. Азадовским – *ЛН.* Т. 85. С. 295 и сл. – и А.В. Лавровым – в кн.: Русская литература и журналистика XX века, 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 105 и сл.). Далее меняется модель самоутверждения новых поколений в литературе. Ближайшие преемники символистов – футуристы, противопоставляя свое поведение прежде всего поведению именно символистов, провозглашают отказ от всякой культуры, всякого наследия, миротворчество заново; антитрадиционная и избирательная установка в 20-е годы становится доминирующей.

[53] А.С. Пушкин: Труды и дни: Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М.: Скорпион, 1903.

[54] Речь идет о работе: *Грот Я.К.* Хронологическая канва для биографии Пушкина // Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Впервые напечатана в 1887 г., позже неоднократно переиздавалась.

[55] Каталог книгоиздательства "Скорпион". К началу 1902. С. 7.

[56] Роль Полякова была, несомненно, меценатской по преимуществу – он приобретал пушкинские материалы; эдиционная работа проделана Брюсовым.

[57] Только в 1907 г. к ним прибавилась еще одна (и последняя в этом ряду) книга Брюсова "Лицейские стихи Пушкина. По рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам. К критике текста".

[58] Каталог книгоиздательства "Скорпион": К началу 1902 г. С. 7.

[59] П. от 25 июля 1901 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.12. Л. 5об.). Ср.п. от 8 августа 1901 г. (Там же. Л. 8): «В 5-й кн⟨ижке⟩ "Рус⟨ского⟩ Богат⟨ства⟩" прочел рецензию на "Северные Цветы", замечательно глуп отзыв о Влад. Соловьеве и "господах Фете и Страхове". Правда, наши либералы люди ужасно "честные", но – "по мне уж пей, да дело разумей"» (ср. ниже. прим. 61).

[60] Речь идет о неоднократно приводившемся выше каталоге "Скорпиона" к началу 1902 г., где при описании отдельных "скорпионовских" изданий давались отзывы прессы, не только сочувственные, но и самые бранные. "Скорпион" отрабатывал свою технику использования литературного скандала для укрепления собственной репутации. Позже она была развита Брюсовым и Поляковым в коротких язвительных заметках "весовских" хроник.

[61] П. к Полякову от 11/24 апреля 1902 г. – *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 181. Л. 13об. (интересно продолжение приведенного отрывка: "Розановского рассказа, хоть убей, не понял. Впрочем, этого он, может быть, и хотел. Брюсовский же рассказ очень хорош. Стихи едва пробежал. Хороши опять же Брюсовские песни, остальное, пожалуй, жидковато"). "Скорпионовская" диффамация стереотипного образа Некрасова не означала недооценки Некрасова-поэта, речь шла о новом подходе к его наследию; ср. сближение Брюсовым Некрасова с Бодлером и Тютчевым, указание на оригинальность поэтического инструментария и общее суждение: «Поэзия Некрасова до сих пор не оценена справедливо, и, конечно, первая причина тому – его "гражданское служение". Оно сделало из его стихов предмет партийных споров и лишило их спокойных читателей и критиков» (VI, 74 – "Анкета о Некрасове". 1902 г.; ср. также брюсовскую статью "Некрасов и Тютчев" – *РА*, 1900. № 2. – и его же заметку с указанием на необходимость нового собрания сочинений поэта "По поводу 25-летия со дня смерти Некрасова". – Там же. 1903. № 1). Следует заметить, что "Скорпион" представил Некрасова в неприемлемой для тогдашней народнической критики форме уже в *СЦ 1901* – ср.: «С искренним огорчением узнали мы, между прочим, из "Северных Цветов", что стихотворение покойного Вл.Соловьева "Поэту-Отступнику" относится к Некрасову. Перечитывая в 1885 г. "Последние песни" великого печальника горя народного, эти песни, на которых лежит печать не только одухотворенности, но и истинно-поэтической красоты, Соловьев имел столько безвкусия и бестактности, что написал и послал Фету аляповатые вирши, которые поместил затем и в собрании своих стихотворений. Даже для идеалиста Соловьева, очевидно, не прошло даром многолетнее общение с господами Фетом, Страховым и им подобными» (Русское богатство. 1901. № 5; речь идет о стихотворении "Восторг души расчетливым обманом..." в книге Соловьева "Стихотворения", утратившем первоначальное заглавие). "Скорпион", перепечатывая в своем каталоге эту реплику "Русского богатства", дал к ней в высшей степени характерное примечание, настаивающее на снятии табу во имя полноты знания: «В "Северных Цветах" эти стихи напечатаны, по письму Вл.Соловьева, в иной редакции, чем в собрании его стихов. С⟨корпио⟩н» (Каталог книгоиздательства "Скорпион" к началу 1902 года. С. 25).

[62] См.: *Муратова К.Д.* Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966. С. 164–200; *Удонова З.В.* Горький в борьбе с декадентами. М., 1968; *Крутикова Н.Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978; *Литвин Э.* Горький и Брюсов: (К истории личных и литературных отношений) // Тр. Ленингр. библ. ин-та. 1957. Т. 2. С. 79–100; см. также мн. др. работы, посвященные частным вопросам по данной теме.

[63] Горьковские чтения, 1958–1959. М., 1961. С. 16. В печатной публикации отмечающая этот факт дневниковая запись Брюсова воспроизведена не вполне точно, с искажением интонации и смысла, рукопись дает такой текст: «Альманах, замышленный Скорпионом, прельстил почему-то Бунина, и у нас началась погоня за литераторами, стали мы альманашниками. Бунин писал Макс.Горькому (=Алекс. Макс. Пешков). Тот отвечал: "Альманах? – Могу"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 15/2. Л. 21об.; ср.: *Дневники*. С. 91). Судя по точному воспроизведению в дневнике горьковских слов, Бунин показывал или читал Брюсову ответ Горького.

[64] Горьковские чтения, 1958–1959. С. 11. Ставку на литературную молодежь делал и В.А. Поссе, с приходом которого началась коренная перестройка "Жизни": «Вокруг "Жизни", думал я, должны сгруппироваться не только марксистские ученые и публицисты, но и *наиболее талантливые молодые* беллетристы, поэты» (*Поссе В.А.* Мой жизненный путь: Дореволюционный период, 1864–1917 гг. М.; Л., 1929. С. 143; курсив мой – *Н.К.*). Подробно история журнала освещена в новейшей работе: *Келдыш В.А.* "Жизнь" // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века, 1890–1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 231–308.

[65] Там же. С. 236.

[66] Там же. С. 298–300. В поздней анкете С.А. Поляков показал, что он работал в горьковской "Жизни" в 1899 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 941. Оп. 10. Ед.хр. 490. Л. 6). В подтверждение этому заявлению можно указать на стихотворение Полякова "Дума" («Родимся – вскрикнем: "Минута протеста..."»). См.: Жизнь, 1900. Дек. С. 239.

[67] Жизнь. 1899. Февр. Кн. 4. С. 119–138.

[68] Там же. Янв. Кн. 2. С. 46–49.

[69] Из Фр.Ницше (с нем.). ("То в полночь ветер осторожный..."). (Пер. М.Славинской. Там же. Янв. Кн. 1. С. 12). На этот перевод М.Горький, вероятно, не мог не обратить особого внимания, т.к. он напечатан на той странице, где заканчивается горьковский рассказ "Курилка".

[70] *Фр.Ницше*. Афоризмы // Там же. Июнь. С. 89–96; *Фр. Ницше*. Предисловие к "Человеческому,

слишком человеческому" / Пер. с нем. Д. Жуковского // Там же. Янв. Кн. 2. С. 11–16. Д.Е. Жуковскому, позднее игравшему заметную роль в становлении модернистской журналистики, принадлежит, по всей вероятности, и рецензия на перевод Н.Н. Полилова книги Ницше "Происхождение трагедии" (СПб., 1899), подписанная "Д.Ж." (Там же. Т. 4. С. 344–349). В 9 т. "Жизни" появился большой (с. 85–105) и положительный очерк С.Штейнберга "Фридрих Ницше". К той же области интересов "Жизни" нужно отнести и рецензию "А.П." на книгу Д. Рескина (Там же. Т. 3. С. 391). Мы указали лишь небольшую часть ницшеанских и модернистских материалов "Жизни", помещавшей их на деле в каждом номере. Эта тема требует самого серьезного осмысления.

[71] Горьковские чтения, 1958–1959. С. 15. Курсив мой – *Н.К.*

[72] Там же. С. 18. Нужно заметить, что тут же М. Горький в собираемый нижегородский альманах зовет не Бунина и Брюсова, а Вербицкую, Щепкину-Куперник, Лохвицкую, Белоусова.

[73] *Нинов А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений: Проблемы творчества. Л., 1973. С. 96.

[74] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 135.

[75] *ЛН.* Т. 27–28. С. 640. Письмо написано после 14 ноября 1900 г.

[76] *Горький М.* Собр. соч. Т. 28. С. 141.

[77] Горьковские чтения, 1958–1959. С. 20.

[78] *Горький М.* Собр. соч. Т. 28. С. 150.

[79] Там же. С. 152–153.

[80] *ЛН.* Т. 27–28. С. 642. Брюсов, противопоставляя эстетику этике (а тем самым и политике и религии), принимал сторону первой принципиально, независимо от конкретности, в которой выявлялась установка на общественную активность. В этом была основная причина конечного расхождения Брюсова с Мережковскими, которые "Новый путь" подчинили поискам "нового религиозного сознания". В 1903 г. Брюсов писал Мережковскому: «Разве же я враждебен "Нов⟨ому⟩ Пути"? Ваши слова ("чтобы сделать прыжок, надо отступить") объяснили мне многое, больше чем длинные письма П.П. (Перцова). Но все же "антиэстетичность" " Н⟨ового⟩ П⟨ути⟩" я никак не могу признать кажущейся. Увы! это очень реальная опасность. И вот с этой-то реальностью, необходимость которой я так и не признаю, мне очень трудно примириться» (*ГБЛ.* Ф. 386, 71. 60. Л. 9–10; черновик).

[81] *ГБЛ.* Ф. 386, 82.32. Л. 11.

[82] Помимо материалов, цитируемых ниже, см.: *ЛН.* Т. 84, кн. 1. С. 456–458; *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1975. Соч. Т. 2. С. 530–533; Там же. М., 1980. Письма. Т. 9. С. 532; Там же. М., 1981. Т. 10. С. 13, 280.

[83] Прямым и ярким тому свидетельством служит, в частности, цензурная история *СЦ 1901*, где произведение Чехова по своему "направлению" было приравнено к декадентским. 5 апреля 1901 г. в Московский Цензурный Комитет из мамонтовской типографии поступил отпечатанный без предварительного разрешения тиражом 3025 экз. альманах. В заключении рассмотревшего его действительного статского советника Егорова говорилось: «Настоящее издание представляет сборник, составленный преимущественно из произведений писателей декадентского направления, как-то: Бальмонта, Сологуба, Бальтрушайтиса, Гиппиус, Валерия Брюсова, Фофанова и других; тут встречаются также и произведения иного направления, как-то: Фета, Владимира Соловьева, Князя Урусова и др., но их сравнительно меньше, чем произведений декадентских. В цензурном отношении в этом сборнике обращают на себя внимание лишь 4 произведения: драма "Святая кровь соч. З. Гиппиус", 2, рассказ Антона Чехова, под заглавием "Ночью", 3, "Выписка из Записной книжки А.И. Урусова" и 4, "Афоризмы В. Розанова"». Далее цензор, как всегда в подобных документах, точно излагает сюжеты произведений Гиппиус и Чехова, обозначает содержание записок Урусова и Розанова и заключает: «Принимая во внимание, что рассказ "Святая кровь" может подать повод к неблагоприятным в религиозном отношении толкованиям, рассказ "Ночью" обращает на себя внимание по безнравственности его содержания и что в записной книжке Урусова впервые в печати обнаруживаются сведения о сношениях его с государственными преступниками по Нечаевскому процессу, а в афоризмах Розанова ведутся крайне темные и сбивчивые рассуждения по вопросам о браке и кровосмесительстве, я считаю долгом донести о них Московскому Цензурному Комитету». 7 апреля 1901 г. Московский Цензурный Комитет извещал Главное Управление по делам печати о том, что он, обсудив доклад Егорова, "не нашел оснований для применения мер строгости по отношению к указанным здесь статьям, но в виду того, что рассмотренный сборник, по своему декадентскому направлению, представляет нечто выдающееся в Московской печати, постановил представить об этом издании на усмотрение Главного Управления по делам печати". На представлении Московского Цензурного Комитета в Петербурге 9 апреля поставили визу: "К сведению", последствий дело не имело (см.: *ЦГИА* СССР. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Д. 478. Л. 20–21). "Нецензурность" за своим рассказом, судя по записи Брюсова, предполагал и сам Чехов (*Дневники.* С. 101) (да и многие другие авторы – то ли учитывая "боевой" характер альманаха, то ли, напротив, не надеясь на его успех и потому не придавая реальности его выхода в свет особого значения – дали "скорпионам" зацензурованные прежде произведения).

[84] См. обзор откликов: *Соболев Юр.* Чехов – "декадент" // Огонек. 1928. № 47 (18 нояб.). С. 10. Следует предположить, что восторженные и положительные отзывы на рассказ не случайно появились в "Русском листке" (1910. № 110), "Русском вестнике" (1901. № 5) и "Неделе" (1901. № 17), поскольку там обыкновенно привечали "декадентов", печатали Брюсова.

[85] Выражение из рецензии Н.Е. Эфроса на *СЦ 1901* (Новости дня. 1901. № 6414. 24 апр. Подп.: Али).

[86] Новое время. 1901. № 9037 (27 апр.).

[87] *Бунин И.* Памяти Чехова // Сборник товарищества "Знание" за 1904 год. СПб., 1905. Кн. 3. С. 265.

[88] Из архива А.П. Чехова: Публикации. М., 1960. С. 213–214; ср. также с. 211. Знаменательно, что и

Д.С. Мережковский отчетливо сознает внутреннее различие двух течений, Дягилев ссылается тут же на его мнение, что "эстетический" обновленный "Мир искусства" (с Чеховым во главе) мог бы существовать одновременно с ангажированным религиозно и общественно "Новым путем", ибо речь шла бы о двух изданиях, "слишком разных, со слишком самостоятельными и разнородными целями".

[89] Там же. С. 214. Ср. в письме от 3 июля 1903 г.: "Все эти дни обдумывал наш разговор с Вами и все больше убеждаюсь, что судьба будущего журнала и вообще всего дела зависит от Вашего к нему отношения. Это – не фраза, и вот почему: обновление Мира Искусства может быть только от прилива к нему новых сил, мы сами уложили в него столько силы, что одни продолжать дело не можем. Нам совершенно необходима помощь, подмога человека, стоящего вне нашей кружковщины и вместе с тем близкого нам, ценимого нами – такой человек – Вы" (Там же. С. 212).

[90] *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1980. Письма. Т. 9. С. 228 (п. от 14 марта 1901 г.; о "скорпионовской" рекламе – в прим. на с. 532). См. также: Там же. М., 1981. Т. 10. С. 13 (п. к Бунину от 20 апреля 1901 г.).

[91] *ИМЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. № 20. Л. 1. Далее Бунин пишет: "Послали ли Вы ему Альманах? Он сейчас в Ялте. Послали ли также деньги за его рассказ в Таганрог, на имя той госпожи, фамилию и адрес которой я сообщал Валерию Як⟨овлевичу⟩?" (в связи с последним вопросом см. п. Бунина к Брюсову от 4 марта 1901 г. – *ЛН.* Т. 84. Кн. 1. С. 457).

[92] *Бунин И.* Памяти Чехова. С. 265.

[93] *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Письма. Т. 11. С. 65, 383. Открытка датируется по почт. шт. 26 октября 1902 г. Емельянов-Коханский в литературной хронике запомнился как одна из скандальных фигур раннего символизма (см.: *Тяпков С.Н.* К истории первых изданий русских символистов (Брюсов и А. Емельянов-Коханский). – Рус. лит. 1979. № 1. С. 143–152). Репутацией "декадента" Емельянов-Коханский был обязан прежде всего эротике своих писаний – ср. плотную цензурную историю "Московской Нана" и "Из гаремной жизни" (*ЦГИА* г. Москвы. Ф. 31. Оп. 2. Д. 319; Оп. 3. Д. 419. Л. 52, 53, 54, 134–137, 146–148, 150, 204, 215; Д. 419а. Л. 20–22, 35, 38 и др.). Вероятно, это обстоятельство (при устойчивом соединении образов Брюсова и Емельянова-Коханского в представлениях Чехова о декадентстве) отчасти объясняет выбор рассказа "Ночью" для декадентского альманаха.

[94] См. публикацию А. Ниновым переписки двух писателей: *ЛН.* Т. 84. Кн. 1.

[95] Там же. С. 450.

[96] Там же. С. 448 и сл.

[97] *ИМЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. № 20. Одно из них почти полностью приведено выше – см. прим. 91, другое – см. с. 18.

[98] *ЛН.* Т. 84. Кн. 1. С. 455; ср., однако, дневниковую запись Брюсова – прим. 2 к п. от 6 октября 1901 г.

[99] Как писал Бунин Чехову, оправдываясь в приглашении его в "скорпионовский" альманах (*ЛН.* Т. 68. С. 411).

[100] *ЛН.* Т. 84, кн. 1. С. 455.

[101] Пристрастная недоброжелательность в отношении Бунина к С.А. Полякову видна была даже В.Н. Муромцевой-Буниной, Полякова защищавшей. См.: *ЛН.* Т. 84, кн. 2. С. 173.

[102] Приводим черновик (*ГБЛ.* Ф. 386. 72. 25. Л. 2об.). В окончательном тексте назван не С.А. Поляков, а "кто-то из нас" (*ЛН.* Т. 84, кн. 1. С. 456).

[103] Речь идет о письме Бунина к Брюсову от того́же 1 сентября 1901 г., более кратком – *ЛН.* Т. 84, кн. 1. С. 461.

[104] *ИМЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 2.

[105] *Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений: Проблемы творчества. С. 124.

[106] Горьковские чтения, 1958–1959. С. 22.

[107] *РМ.* 1901. № 11. Отд. 2. С. 334.

[108] Необходимо отметить лишь одно, намеченное в это время, но не состоявшееся издание – книги Н.Ф. Федорова, высоко ценимого в кругу "скорпионов": «Совсем затеяно было издание книги Федорова "Самодержавие". Но Петерсон, узнав об этом, забрал все рукописи Федорова и увез в Асхабад» (дневниковая запись Брюсова под сентябрем 1902 г. – *ГБЛ.* Ф. 386, 1. 16. Л. 22). Попытка этого издания также естественно вписывается в поиски издательством и группой своего ближайшего культурного контекста, как и публикация бумаг Вл. Соловьева, А. Урусова, Фета и т.д.

[109] Обычно в названии издательства видят датировку его указанием на знак Зодиака, под которым оно возникло. Нельзя, вероятно, упускать из виду специфически декадентского обертона в семантике названия: средневековая космология в мужском теле знаки Скорпиона ставила в соответствие с областью гениталий. "Скорпионы", несомненно, знали об этом, хотя бы потому, что были хорошо знакомы с часословом герцога де Бери (одна из миниатюр которого была ими выбрана в качестве постоянного фронтисписа "Весов") и, следовательно, с его "Зодиакальной миниатюрой". См.: *Старозубова В.* Братья Лимбурги: Времена года. М., 1974. С. 38.

[110] Анналистам русской культуры рубежа XIX–XX вв. предстоит обрисовать должным образом фигуру этого забытого литератора, поскольку с его именем связан ряд важнейших – самых разнохарактерных – явлений – в частности, переход в руки марксистов "Нового слова", многое в истории "Скорпиона" и в том числе возникновение "Весов", создание зубовского института истории искусств в Петербурге и т.д. Михаил Николаевич Семенов род. в 1872 г. в дер. Кикино Рязанской губ., ум. от рака 11 декабря 1952 г. в Неаполе, в больнице. Свою жизнь до 1900-х годов Семенов (с изрядной долей фатовства и прикрас) рассказывает в написанных по-итальянски мемуарах (*Semenov M.N.* Bacco e Sirene. Roma, 1950). С точки зрения истории рус-

ского модернизма важно отметить, что к декадентству Семенов пришел из лагеря демократически настроенной молодежи. В.А. Поссе показывал, что "Новое слово" было приобретено именно благодаря напору и находчивости Семенова, чтобы стать журналом "таким смелым и сильным, что он всю нашу жизнь перевернет" (см.: *Поссе В.А.* Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864–1917 гг.) / Ред. и прим. Б.П. Козьмина. С. 118–121); цитированные слова мемуарист приписывает именно Семенову (с. 120). В связи с хождением по цензурным мытарствам Брюсова и Семенова следует иметь в виду, что необходимые навыки в этом деле Семенов (ср. восхищение им Брюсова) получил в пору "Нового слова", которое «... выходило без предварительной цензуры, но, чтобы избежать постоянных конфискаций и до некоторой степени предупредить окончательное закрытие, редакция через посредство М.Н. Семенова вошла в соглашение с цензором, которому поручено было Главным управлением по делам печати просматривать книжки журнала в момент их выхода и в случае обнаружения "преступных мыслей" делать доклад о конфискации. Цензором "Нового Слова" был Африкан Африканович Елагин, отъявленный взяточник. Ему Семенов отвозил ежемесячно по сто рублей и давал на просмотр особенно "опасные" статьи. ⟨...⟩ Но ⟨...⟩ взятки не спасли "Нового Слова". Елагин, убедившись, что высшее начальство решило покончить с "Новым Словом", поспешил сам составить доклад о его вредном направлении» (Там же. С. 134).

М.Н. Семенов, по сообщению директора департамента полиции, относящемуся ко времени приобретения Семеновым прав на издание "Нового Слова", "занимался литературным трудом, средства к жизни имел ограниченные, вращался в кружках учащейся молодежи и хотя к делам политического характера не привлекался, но находился в сношениях с проживающим ныне в Цюрихе дворянином Владимиром Бонч-Бруевичем, который стремился, при посредстве Семенова, обойти цензурные затруднения при издании некоторых сочинений" (Красный архив. 1925. № 9. С. 242; со ссылкой на дело Главного управления по делам печати 1893 г., № 36). Тогда же в справке Главного управления о переходе журнала в руки Семенова говорилось, что он «придерживается убеждений "марксистов" и намерен сделать "Новое слово" органом последнего направления»; за этим в записке следовали более развернутые сведения о Семенове: "... дворянин... вольнослушатель С.-Петербургского университета (родственник сенаторов Семеновых), с конца прошлого года стал обращать на себя внимание сношениями с Бонч-Бруевичем, которому обещал всевозможную поддержку в обход цензурных правил при рассмотрении цензурою предполагаемых к изданию сочинений и переводов тенденциозного содержания" (Там же. С. 243; ср. с. 256, 260, где Семенову властями прямо приписывается уже издание "сочинений социалистического направления"). Ср. в связи с этим договор о продаже Семеновым издателю Д.П. Ефимову перевода книги Ф. и М. Пеллютье "Жизнь французских рабочих", заключенный уже накануне соединения со "скорпионами" – в сентябре 1901 г. (*ГБЛ.* Ф. 611, 1, 81.), а также записку Семенова к Н.А. Рубакину (*ГБЛ.* Ф. 358. 273. 52).

Нужно отметить также и тот факт, что Семенов был достаточно знаком с семьей Ф.М. Достоевского. См.: *ГБЛ.* Ф. 93/II. К. 4. Ед. хр. 3. Л. 4, 5, 7об., 8, 14, 17–18, 19; Ед. хр. 5. Л. 1 и об., 5об., 11об., 12.

Позднее Семенов был близок с Дягилевым и его труппой. Перед первой мировой войной он поселился в Италии, где и прожил большую половину жизни. На склоне лет он занимался "доходной торговлей привозной рыбой, что позволяло ему жить в полном довольстве" (Capri, 1905/1940: Frammenti postumi/A cura di L. Vergine; Ric. e testi de E. Fermiani, S. Lambiase. Milano, 1983. P. 153). Как утверждает Э. Фермиани, автор только что цитированной статьи, "большая часть необъятной библиотеки" Семенова "на многих языках, с большим числом ценных русских книг находится в Колумбийском университете" (Ibid. P. 173); о местонахождении архива Семенова, в котором должны были находиться важные письма Брюсова, Полякова, Бунина, Дягилева, Стравинского и многих других деятелей русской культуры, у нас сведений не имеется.

[111] См. в тексте рекламного объявления о подписке на журнал:

«С 1904 г. будет издаваться в Москве новый научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал

"В е с ы"

В "Весах" будут помещаться статьи по вопросам науки, искусства и литературы. "Весы" будут делать ежемесячный обзор литературной жизни России, Западной Европы, Америки и Азии, как в критических статьях и библиографических заметках о новых книгах, так и в письмах своих специальных корреспондентов из всех центров умственной жизни. "Весы" будут следить за всеми выдающимися явлениями в театральном, художественном и музыкальном мире. В "Весах" будут помещаться сведения о жизни писателей, ученых, художников, композиторов и артистов. В своих суждениях и отзывах "Весы" будут стремиться к полному беспристрастию, не понимая под этим беспринципности и безразличия.

В "Весах" примут участие: К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, Валерий Брюсов, Андрей Белый, З.Н. Гиппиус, Вячеслав Иванов, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, П.П. Перцов, В.В. Розанов, М.Н. Семенов, Ф. Сологуб и мн. др.»

(Русские ведомости. – 1903. – 23 ноября.).

[112] *ЛН.* Т. 85. С. 459 (письмо от 6/19 сентября 1904 г.).

[113] Ср. также письмо Д.В. Философова С.А. Полякову от 3 ноября 1901 г.: «На днях я прочел в какой-то газете, что книгоиздательство "Скорпион" намерено издавать литературный журнал "Муравей". Не откажите сообщить мне, верны ли эти слухи? Вы поймете, конечно, что мною руководит не пустое любопытство. "Миру искусства" очень важно знать, появится ли ему сотоварищ или нет. Признаться, стихи и "беллетристика" – наше больное место. Имея среди сотрудников столько поэтов и беллетристов – мы не можем не интересоваться всякой попыткой издавать чисто-литературный журнал. Буде у Вас есть действительно намерение предпринять издание журнала – я надеюсь, что Вы сообщите также и кой-какие подробности о программе его» (*ИРЛИ.* Ф. 240. 1. Ед. хр. 96).

[114] Неизданный фрагмент дневника – *ГБЛ.* Ф. 386, 1. 15/2. Л. 27об. (относится к с. 98 печатного текста *Дневников*); см. также еще один опущенный отрывок из описания все той же альманашной поездки – о Мережковском, говорившем "скорпионам": "Я вас ругал, о как я вас ругал! (А сам всучил-таки С.А.⟨Полякову⟩ для издания три старых статейки)" – *ГБЛ.* Ф. 386, 1. 15/2. Л. 28 (соответственно: *Дневники.* С. 99). Ср. также п. Брюсова к Коневскому от середины ноября 1900 г. (наст. т, кн. 1. Переписка с Коневским, п. 48).

[115] *СЦ 1901* – 3025 экз. (этот тираж оказался явно завышенным – возможно, из-за расчета на рекламную силу имени Чехова); *СЦ 1902* – 1800 экз.; *СЦ 1903* – 1200 экз. Из остатков тиражей первых двух альманахов и части тиража третьего был составлен *СЦ 1901–1902–1903* – 600 экз.; *СЦ 1905* – 1100 экз.; юбилейные *СЦ 1911* – 1600 экз.

[116] К выпуску книг Бальмонта (как в серии 1903–1904 гг., так и после) Брюсов редакторского отношения не имел, мы их упомянули здесь ради выяснения общего облика издательства в 1903–1904 гг., сформированного в основном энергией Брюсова.

[117] "Хлопот по печатанию было много. Последние дни читали по две, по три корректуры в день. Сергей Александрович бывал в типографии раза по три в день, я же непременно каждый день" (*Дневники.* С. 101–102).

[118] ГБЛ. Ф. 386, 1. 20. Л. 47.

[119] Ср.: *Дневники.* С. 101. О выбросе стихотворения Минского из *СЦ 1901*.

[120] См.: *ЛН.* Т. 92, кн. 1. С. 466–468, 479–481; кн. 3. С. 177–178, 187–188.

[121] См. об этом: Записки отдела рукописей ⟨*ГБЛ*⟩. М., 1978. Вып. 39. С. 58. В письме из Петербурга от 17 ноября 1902 г. Брюсов просил жену: «Если есть у тебя свободное время, спиши стихи Мережковского из *1-ой* его книги ("Стихотворения", а *не* "Символы" и *не* "Новые стихотворения"). Те, что отмечены им. А если некогда, не надо» (*ГБЛ.* Ф. 386, 69. 2. Л. 31об.).

[122] "Вполне согласен, – писал 31 августа 1903 г. Брюсову Сологуб, – чтобы Вы мне не высылали корректур; ничего не имею против расстановки стихотворений в том порядке, который Вы найдете лучшим, против разбивки на строфы и т.п." (п. от 31 августа 1903 г. – Записки отдела рукописей. ⟨ГБЛ⟩. Вып. 39. С. 59). Необходимо оговориться, что подобный отказ от самой ревнивой заботы о форме книги, свойственной символистам, – явление редчайшее; свое доверие к издательству поэт оговаривал в одном из писем к Брюсову: «Что до корректур, то если не затруднит, будьте любезны присылать, – иногда это может быть полезно; но я лично на этом не настаиваю, т.к. убежден, что книга будет издана, как и все, что издается "Скорпионом"» (*ГБЛ.* Ф. 386, 103. 25. Л. 22). Сологуб обещал "Скорпиону" свою книгу по просьбе Брюсова: "Я, конечно, вовсе не против издания моих стихов книгой; о выпуске 3-й книги моих стихов я уже думал. Но у меня самого теперь нет лишних денег, а для издателя мои стихи не окажутся выгодным делом" (п. от 21 мая 1901 г. – *Там же.* Л. 10).

[123] *ЛН.* Т. 85. С. 443.

1. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 29 июня 1899 г.⟩

Милостивый Государь!

Константин Дмитриевич Бальмонт просил сообщить Вам, что завтра, в пятницу, он будет в Москве и зайдет к Вам в три часа.

С. Поляков

29 июня ⟨18⟩99.

Почт. бумага "Высочайше утвержденного товарищества Знаменской Мануфактуры А.Я. Полякова". Написано до личного знакомства Полякова с Брюсовым, которое брюсовский дневник датирует – "июль–август" 1899 г. (*Дневники.* С. 74); продолжение записи – *ГБЛ.* Ф. 386, 1.15/2. Л. 3–3об. Брюсов записку не получил, так как находился в это время в Крыму (*Дневники.* С. 72).

2. БАЛТРУШАЙТИС И ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва, 6 марта 1900 г.⟩

Располагая крайне ограниченным количеством времени, сидим в "Эрмитаже" и возжаждали повидаться с Вами. Если располагаете досугом, не откажите подарить нам несколько минут, чем горячо обрадуете давно не лицезревших Вас –

Юргиса
Сергий

6 марта ⟨19⟩00

ГБЛ. Ф. 386. 75. 43. Л. 5. Рукой Балтрушайтиса; рукой Полякова – дата и его подпись.

Ю.К. БАЛТРУШАЙТИС
Фотография, 1900-е годы
Литературный музей, Москва

З. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Москва, 22 июня ⟨19⟩00.

Любезный Валерий Яковлевич!

В Москву я вернулся уже давно, числа четвертого, тут же узнал от Юргиса Ваш адрес[1], но по причине моего кочевого образа жизни и врожденной медлительности до сих пор не собрался написать Вам и переслать "La vie de Rimbaud"[2]. Был очень порадован Вашим письмом и известием о начале воплощения "Tertia vigilia"[3].

Путешествием своим я не очень доволен, так как мне именно не удалось "проникнуться морем и обвеяться ветром"[4], хотя я около трети всего путешествия провел на море (от Ялты до Батума и обратно до Одессы). Причиной того – постоянное передвижение; мы нигде не были подряд более 4–5 дней. Я же начинаю чувствовать, пробыв на месте гораздо более продолжительный срок. Но все-таки было и несколько приятных часов, главным образом в самом Туапсе, где нам приходилось переправляться верст 30 по морю на "фелюге" и созерцать необыкновенно яркое свечение моря. Много также я любовался в Сухуме летающими светляками и евкалиптами, которые, согласно с учебниками географии, действительно не дают тени и меняют кору. Между прочим: Ваши гелитиции не что иное, как Gleditschia triakanthos, большое дерево, цветущее лиловыми пахучими цветами[5].

Дорогой занимался, конечно, грузинским языком, научился читать, но вообще преуспел мало, хотя и успел приобрести внутреннее убеждение, что это язык индоевропейский, а не какой-то совершенно особенный, как мне о нем приходилось читать. Разыскивал молодую Грузию, но тщетно; теперь предпочитают читать по-русски, хотя и на грузинском языке книг издается порядочно.

Перехожу к текущим делам. "Скорпиона" враги его время от времени вспоминают, но уже не с таким ожесточением.

Причислили к нему и Бальмонта, именуя его сборник "Несгораемыми пнями" г-на Скорпионова[6]. "Tertia vigilia" "Скорпион" также жаждет, как и прежде; быть может, Вам будет жалко их отдать сему отвратительному насекомому. Интересуюсь очень Вашими теперешними работами и не подозреваю, что бы это могло быть. Ясинского Монт и мне советовал посмотреть, но я еще не успел[7]. Извиняюсь за Rimbaud, которого я задержал: вышлю во вторник, 27-го; начал читать, хочется дочесть. "Soeur Béatrice" Готье не получил; уверяет, что это издание брюссельское и все уже разошлось, но вскоре будет парижское. Я с своей стороны нигде не нашел упоминанья о французском издании драмы. В немецком же переводе она была в марте 'Insel'я"[8]. Пожалуйста, не стесняйтесь просьбами о книгах: Вы знаете, что это для меня только удовольствие. Следует ли зайти за Шницлером или его выдадут только Вам? О воздаянии чиновнику попомним[9].

В июне "Мира Искусства" был отзыв о Добролюбове Шестакова, конечно, очень умеренный и похваляющий "внешнее изящество" издания. Самым художественным он считает обложку, которой посвящает несколько строк. Надеюсь, разберете[10].

Ваш С. Поляков.

Ответ на неизвестное письмо Брюсова, в котором он, видимо, спрашивал Полякова о впечатлениях, вынесенных тем из черноморского путешествия, справлялся о критических откликах на "скорпионовские" издания, сообщал о совете Бальмонта прочесть новое произведение Ясинского, осведомлялся, не получена ли в Москве новая драма Метерлинка, напоминал о необходимости "воздаяния" цензурному чиновнику; кроме того, Брюсов писал своему издателю о судьбе рукописи *TV* (см. прим. 3).

[1] Июнь – июль 1900 г. Брюсовы провели на море, под Ревелем, в Екатеринентале (дача фон Ден), куда и было адресовано, судя по сохранившемуся конверту, комментируемое письмо. С Поляковым Брюсов расстался 27 апреля, как видно из его дневниковой записи (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 16).

[2] Речь, вероятно, идет о первой биографии французского поэта (Paterne Berrichon. La vie de Jean-Arthur Rimbaud), неоднократно переиздававшейся. Брюсов заказал у книгопродавца биографию Рембо в апреле 1900 г. См. наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским, п. 35, прим. 16.

[3] Уезжая из Москвы, Брюсов отдал рукопись сборника в цензуру, поручив заботу о ней Ю.П. Бартеневу. На титульном листе цензурной копии имеется номер, под которым она зарегистрирована при сдаче, и дата регистрации: № 2064. 24 мая 1900; авторское предисловие в этой рукописи датировано: 1900 май. Ревель. (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 11). 3 июня 1900 г. Ю. Бартенев писал Брюсову: "Мои ожидания, что цензора по лени еще не принимались за Ваш сборник, оправдались, и я успел переговорить с председателем. Через неделю сборник будет утвержден" (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.17. Л. 13). Скорее всего, именно об этом сообщил Брюсов в неизвестном письме Полякову. В указанной рукописи имеется разрешение: "Дозволено цензурою. Москва. 14 июня 1900 года". С 16 июня цензором был назначен Ю.П. Бартенев, приступивший к исполнению обязанностей после 27 июня (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.19. Л. 1–2). Уже 1 июля он уведомил Брюсова о том, что его предшественник выбросил из книги ряд стихотворений, в результате чего потребовалась ее переработка (Там же. Ед. хр. 17. Л. 14 и сл.). Об этом говорит бартеневское обращение к Брюсову на другом рукописном экземпляре "Tertia vigilia": «Итак, весь сборник могу разрешить. Но в Ваших же интересах рекомендовал бы изъять Ламию, в "Городе" (стр. 83–4) № 6[й] и, хотя это весьма жалко, смягчить в "Аганатисе" отмеченное мною. Попрошу дать "Сказанию о разбойнике" другое соседство. Ю.Б. 9/VII» (см. наст. том. кн. 1, Переписка с Самыгиным, п. 31, прим. 14–18, 21). Разрешение в этом экземпляре дано 2 авг. 1900 г.

[4] Источник цитаты установить не удалось.

[5] Речь идет о дереве гледичия обыкновенная (в современной номенклатуре – Gleditsia triacanthos. Ср. наст. том, кн. 1, Переписка с Курсинским, п. 31.

[6] Источник цитаты установить не удалось. Сб. Бальмонта "Горящие здания" (1900) вышел не в "Скорпионе", а в "издании автора".

[7] О каком произведении И.И. Ясинского идет речь – неясно.

[8] Пьеса М. Метерлинка "Сестра Беатриса" первоначально увидела свет в немецком переводе с рукописи в лейпцигском журнале "Die Insel" (1900, № 3). Сведения о брюссельском и парижском изданиях, вероятно, были ошибочны: судя по библиографическим справочникам, по-французски она появилась впервые в третьем томе брюссельского издания "Театра" Метерлинка в 1901 г. (*Maeterlinck M.* Théâtre. Bruxelles, Deman, 1901. III; были выпущены два варианта издания – с иллюстрациями и без них – см.: *Brucher R.*

Maurice Maeterlinck. L'oeuvre et son audience. Essai de bibliographie, 1883–1960. Bruxelles, 1972. P. 29–30; Maurice Maeterlinck. Le centenaire de sa naissance. Bruxelles, 1962. P. 83–84); известно также параллельное брюссельско-парижское издание (Lacomblez, Lamme) третьего тома "Театра", выпущенное в том же 1901 г.

[9] Вероятно, речь идет о получении из цензуры рукописи книги А. Шницлера "Зеленый попугай. Трилогия. Парацельс. Подруга. Зеленый попугай" (пер. М.О.И.). Она была выпущена "Скорпионом" в конце октября 1900 г., ее цензурное разрешение датировано 26 июня 1900 г.

[10] Д. Шестаков, разбирая "скорпионовскую" книгу (*Добролюбов А.* Собр. стихов / Предисл. Ив. Коневского и Валерия Брюсова. М., 1900), признавался, что сочинения этого поэта он не решился бы назвать стихами, что они на него "производят впечатление густого тумана" и т.п. В заключение рецензии он писал: «Добавим, что изданы "стихи" прекрасно, на белой и плотной бумаге, что они снабжены примечаниями, вариантами, указателем имеющихся рукописей стихотворений, что книжка заключена в благородно-простую обложку, как-то неуловимо напоминающую старые, умные книги, и что обложка эта, по нашему искреннему убеждению, оказывается самой художественной частью книги» (Мир искусства. 1900. № 6. Отд. "Художественная хроника". С. 242).

4. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 31 окт⟨ября 19⟩00.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам требование Суворина на "Tertia vigilia"[1]. У меня в конторе не оказалось экземпляров, так как типография отправила оставшиеся 300 экз. к Юргису[2].

Доставьте, пожалуйста, требуемое Суворину, если возможно, завтра утром, конечно, за наличные.

Завтра буду у Вас в 3ьем часу. Пишу из типографии; справлялся о Бунине – набирают[3].

Чириков определенного ответа не дал, должно быть от обиды, но надежду оставил. От Поссе имеются некоторые предложения[4].

До свидания. Ваш С е р г и й.

Приложен фирменный конверт "Товарищества красильно-аппретурной фабрики, в д. Щелкове", родственного "Товариществу Знаменской мануфактуры"; контора обоих предприятий находилась на Ильинке, в Юшковом пер., д. Александрова, амбар № 10/11.

[1] «"Tertia vigilia" вышла в окт⟨ябре⟩ 1900 г. Объявления в "Русс⟨ких⟩ Вед⟨омостях⟩" и "Нов⟨ом⟩ Вр⟨емени⟩"» – отмечал Брюсов в автобиблиографии "Я и Мир" (*ГБЛ.* Ф. 386, 1.20. Л. 43). Требование суворинского магазина на книгу Брюсова при письме не сохранилось. В "Списке изданий, вышедших в России", сборник Брюсова зарегистрирован под 16–23 октября 1900 г.

[2] До появления у "Скорпиона" собственного помещения его издания хранились в конторе "Знаменской мануфактуры" и на квартирах у Полякова, Брюсова, Балтрушайтиса. Ср. в п. И.М. Брюсовой к Полякову: «Приходили сегодня из "Труда", спрашивали "Tertia V⟨igilia⟩"», "у Скорпиона больше не хотят давать этой книги, нет ли у вас" (*ИМЛИ.* Ф. 13. Оп. 4. № 6. Л. 5, п. 22 янв. 1903 г.); «Посылаю 6 пачек по 35 шт⟨ук⟩ "Северных Цветов" и без счета каталогов» (Там же. Л. 3, письмо не датировано, но относится, вероятнее всего, к 1902 г. – ср. ниже, письма Брюсова к Полякову от 2 и 29 апреля 1902 г.).

[3] В начале октября 1900 г. Бунин передал "Скорпиону" рукопись своей книги "Листопад" (М., 1900), с тем, чтобы корректуры были ему доставлены в Париж. Он не получил их и дважды, 6/19 октября и 27 октября/9 ноября, запрашивает Брюсова о судьбе рукописи и положении дела. После известия от Полякова Брюсов ответил Бунину на эти письма своим, датируемым началом ноября 1900 г. См.: *ЛН.* Т. 84, кн. 1. С. 449–450.

[4] Речь идет о сборе материала для первого выпуска "Северных цветов". Е.Н. Чириков, причин обиды которого на "Скорпион" мы не знаем, в альманахе не участвовал, но в письме Брюсова к Сологубу ⟨от середины ноября 1990 г.⟩ сообщается, что он свое участие обещал (*Ежегодник 1973.* С. 105). В.А. Поссе представлял Максима Горького, в конце концов отказавшего в материале "скорпионам". См.: *Дневники.* С. 93.

5. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 10 марта 1901 г.⟩

Валерий Яковлевич, оставляю первый лист стихов, делайте передвижения и пометьте, где можно вставить виньетки, если возможно, даже приклейте их там[1]. Извиняюсь в самоуправстве, в похищении Бунина, прочту и отдам в типографию. Напишите ему, что корректуру ему пошлем, но ждать обратной не будем[2]. Спросите в письме, можно ли будет в крайнем случае поторопить телеграммой Чехова, – в крайнейшем, конечно[3].

Всех благ Вам.

С е р в и й

10 марта ⟨19⟩01.

[1] Речь идет о композиции *СЦ 1901* – см. следующее п.

[2] Поляков говорит, как видно, о рукописи бунинского очерка "Поздней ночью", доставку которой автор задержал настолько, что 4 марта писал Брюсову: "Не ждите меня и печатайте альманах. Если не получите рукописи через три дня после этого, – ну скажем, через четыре, – значит, ничего не пришлю". Он выслал рассказ, по-видимому, 7 марта. Если текст Чехова "скорпионы" не могли печатать без авторской корректуры, то корректуры своего очерка молодой Бунин не имел еще и 19 марта (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 457). Брюсов Бунину о корректуре не писал.

[3] Помещенный в *СЦ 1901* чеховский рассказ "Ночью" Бунин попросил у автора для альманаха по собственному почину, когда выяснилось, что в нем не будет участвовать Максим Горький (*Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений: Проблемы творчества. Л., 1973. С. 121). Посылая около 20 февраля 1901 г. рукопись рассказа издателям, Бунин оговаривал, что необходимо доставить Чехову корректуру, добавив: "Если даже это задержит, – думаю, все-таки вы не прогадаете". 4 марта он спрашивал, послана ли Чехову корректура (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 456–457). К 14 марта Чехов ее уже получил (см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 9. С. 228).

6. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 16 марта 1901 г.⟩

Валерий Яковлевич, не возможно ли выкинуть "Скептические стихи" или оба стихотворения поместить на одной странице[1]. Далее: стихи Саводника, как?[2] Нельзя ли для авторов с одним стихотворением не соблюдать новостраничия? В предыдущих листах противоречия не будет, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Добролюбов не в счет, как полуживой для мира[3]. Сжимайте, елико возможно: Юргиса одного будет, должно быть, целый лист. Если посылаемого Вам листа нужно сделать корректуру и нельзя сразу подписать, то пошлите его, если это возможно, в субботу же в типографию.[4]

Где возможно, после авторов ставьте: "Виньетка №", а какой – я помечу в субботу или понедельник, когда оные будут готовы.

Ваш Сергий.

16 марта ⟨19⟩01

Писано карандашом.

[1] В брюсовском архиве сохранился автограф стихотворения П.П. Перцова "Скептические стихи" ("Не люблю я стихов о любви..." – 1901; *ГБЛ*. Ф. 386, 129.16). В альманахе помещено другое стихотворение Перцова – сонет "Перед клеткой обезьян" ("Природе суждена томительная ночь..."). Вероятно, об этих двух пьесах и говорит Поляков.

[2] О каких стихах В.Ф. Саводника идет речь, установить не удалось.

[3] Единый композиционный принцип в верстке *СЦ 1901* выдержать не удалось. Каждое с новой страницы в разделе "Стихи" помещены произведения Фета (с. 69–70), К. Павловой (с. 71–74), А. Добролюбова (с. 75), Фофанова (с. 76–77), Случевского (с. 78). Затем следуют подборки стихотворений (каждая – с новой страницы и со спуском, внутри подборки – стихотворения в подверстку): Бальмонта (две подборки, с. 79–81 и 82–89), Сологуба (с. 90–93), М. Лохвицкой (с. 94–95), Владимира Г⟨иппиуса⟩ (с. 96–100). К последнему стихотворению Гиппиуса на с. 100 подверстано стихотворение Г. Бахмана, подписанное факсимильным летронимом "G.B.", в оглавлении переданном как "Б" (псевдонимы раскрыты в «Азбучном указателе авторов, принявших участие в альманахах "Северные Цветы" на 1901, 1902 и 1903 г.», прилагавшемся к строенному выпуску альманаха). С. 101 занимает набранный со спуском сонет П. Перцова "Перед клеткой обезьян" (см. прим. 1), а далее на с. 102–106 идут представленные 1–2 стихотворениями, набранными все одно за другим в подверстку, Анастасия Мирович, А. Курсинский, Лев Жданов, А. Федоров. На с. 107–108 помещена подборка из трех стихотворений А.Л. Миропольского (Ланга), на с. 109–117 – произведения Коневского, к последнему из которых подверстан цикл из двух стихотворений "Тютчев и Баратынский" Д. Фридберга. Завершают раздел «Отрывки из поэмы "У предела"» Балтрушайтиса (с. 119–126) и подборка брюсовских стихотворений (с. 127–137).

[4] Суббота приходилась на 17 марта.

7. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨18? апреля 1901 г.⟩ Среда. Архив[1]

Не пошлете ли еще (разумеется, "С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩") в "*Ниву*". (СПб. Малая Морская 22). Там в апреле (Ежем⟨есячное⟩ прилож⟨ение⟩) о "Tertia Vigilia": "Зеленый червячок и стремление к северному полюсу". Бранят заодно с Минским и Бальмон-

ЭКСЛИБРИС С.А. ПОЛЯКОВА

По рисунку Н.П. Феофилактова. 1900-е годы

В книге: Н. Феофилактов. 66 рисунков. 1909

том, тех полегче; меня пожесточе[2]. В "Ниве" очень *подробно* и *четко* перечисляются полученные книги, а подписчиков 150.000.

В.Б.

Датируется по упоминанию апрельского номера "Ежемесячных литературных приложений" к журналу "Нива", имевшего цензурное разрешение от 11 апреля. Среды приходились на 18 и 25 апреля, первое из этих чисел, предпочтительнее как более раннее – Брюсов внимательно следил за упоминаниями своего имени в печати и должен был познакомиться с отзывом о "Tertia vigilia" вскоре после рассылки номера.

[1] Т.е. контора журнала "Русский архив", где поэт служил в это время.

[2] Речь идет о ежемесячном "Критическом очерке" Р.И. Сементковского "Что нового в литературе". Часть статьи, посвященная разбору книг Брюсова и Минского (Новые песни. СПб., 1901), в преамбуле-содержании статьи означена: «Г.г. Минский и Брюсов. – О "зеленом червячке" и стремлении к северному полюсу. – Северный полюс и нирвана»; критик при этом характеризует Брюсова сквозь образы его стихотворения "Зеленый червячок" и поэмы "Царю северного полюса" (Ежемесячные "Литературные приложения" к журналу "Нива". 1901, апр.). Видимо, альманах в "Ниву" послан не был – он не упоминается в списках книг, поступивших в редакцию журнала за май–август 1901 г.

8. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Петровское-Разумовское. 1901 г., конец апреля или начало мая.⟩

Привет Вам, желанный и давно далекий Сергей Александрович!

Где и как увидеть Вас, не знаю. Помню, Вы просили написать прилагаемые письма. Может быть, они уже не нужны? На всякий случай вот они и вот наши расчеты:

Вл. Вас. Гиппиус (С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩б⟨ург⟩. Фонтанка 116) 35 р⟨ублей⟩[1]

Фед. Куз. (Сологуб-)Тетерников. Вас⟨ильевский⟩ Остр⟨ов⟩. 7 линия 20. – 28 р⟨ублей⟩[2].

Ив. Алекс. Бунин. Почт⟨овая⟩ ст⟨анция⟩ Лукьяново Тульской губ⟨ернии⟩. Ефремовск⟨ого⟩ у⟨езда⟩ 35 р⟨ублей⟩[3]

Вас. Вас. Розанов. Петербургская сторона Павловская 2 кв. 24* от 35 до 50[4].

Можете вложить такие содержимые прямо в мои письма, все вместе в конверты и направить по адресу. Еще было бы лучше, если б Вы моими письмами вовсе не пользовались... но.

Бывают ли у Вас свободные вечера? Точно ли, что Юргис заточаем в субботу?[5] Когда прибывает Бальмонт? Не напишете ли?[6] Застать меня (это пишу уже без надежды) можно здесь, на даче, по всем праздникам и по вечерам вторников, пятниц и суббот. Точный адрес: Петровское Разумовское, В ы с е л к и, дача Кутырина, рядом

* Так как Р⟨озанов⟩ за границей, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, летний адрес и иной. Необходимо сохранить расписку почты. – *Прим. В.Я. Брюсова.*

с дачей Калинина. Извозчик должен везти за рубль. Паровая от Бутырской з⟨аставы⟩ 15 к⟨опеек⟩[7].

Ваш Валерий Брюсов

P.S. Сегодня от Сологуба получил первое взывание о гонораре[8].

Приложение

БРЮСОВ – Вл.В. ГИППИУСУ

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Прошу извинить за некоторое промедление. Пересылаю Вам по поручению Скорпиона причитающийся Вам гонорар. Надеюсь, что самый альманах получен Вами уже давно.

Ваш Валерий Брюсов

1901.

БРЮСОВ – ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

Многоуважаемый Федор Кузмич!

Прошу извинить за некоторое промедление. Пересылаю Вам по поручению Скорпиона гонорар, причитающийся на Вашу долю. Надеюсь, что самый альманах получен Вами уже давно.

Ваш Валерий Брюсов

1901.

БРЮСОВ – И.А. БУНИНУ[9]

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Сегодня поручено мне "Скорпионом" доставить Вам Ваш гонорар, что сим и выполняю. Надеюсь, что письмо мое, направленное в Лукьяново, Вы получили.

Ваш Валерий Брюсов

1901.

БРЮСОВ – В.В. РОЗАНОВУ[10]

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Не зная Вашего Римского адреса, не могли направить Вам гонорар в Италию. По совету П.П. ⟨Перцова⟩ придерживаемся Вашего Петербургского адреса. – Не сердитесь на всякие переделки и сокращения в Ваших афоризмах. Цензура и так сделала нам некоторое послабление, дозволив бесцензурное издание *сборника* (т.е. книги разных авторов) в 10 листов (а не в 20). Поэтому нам приходилось быть особенно осторожными. Теперь, когда все обошлось, мы сами раскаиваемся в своей трусости.

Уважающий сердечно Валерий Брюсов.

Конверт от этого письма теперь хранится отдельно, в фонде Брюсова (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 2. № 3). Там же как особые единицы хранения находятся и письма Брюсова к "скорпионовским" авторам, которые должны были сопровождать их гонорар за произведения, напечатанные в *СЦ 1901*: Вл.В. Гиппиусу – Ф. 13. Оп. 3. № 8; Федору Сологубу – Там же. № 40; И.А. Бунину – Там же. № 5 (описано как письмо к И.А. Белоусову); В.В. Розанову – Там же. № 37. Приложения к письму получили особые инвентарные номера еще при поступлении поляковского архива в "Литературный Музей Всероссийского Союза Писателей" (см. его "Инвентарную книгу..." (*ИМЛИ*), с. 115).

Возможно, уточняют датировку письма Бунина, цитируемые в прим. 3; на этой основе можно было бы предположить, что комментируемое письмо написано в двадцатых числах апреля 1901 г.

[1] 5 января 1901 г. Вл.В. Гиппиус писал Брюсову: "Предложение участвовать в сборнике более меня тронуло, чем побудило к действию (...) готов служить своими стихами (их еще и прилагаю), если только сборник не будет иметь ни в каком отношении никакого направления, кроме хорошего литературного тона. Затем – продаю и даже назначаю цену, не менее полтины за стих; наперед прошу сохранить как порядок, так и число стихотворений, их же немного, а порядок имеет как-никак смысл. Подпись, как поставил: полное имя и начальные буквы фамилии: Г. и ъ".

Брюсов просил Гиппиуса изменить подпись и предложил от "Скорпиона" другой гонорар, петербургский поэт ответил настоянием на своем первом предложении. Авторское пожелание о подписи издательство исполнило, однако цену, видимо, оно выторговало более низкую, так как цикл Гиппиуса в *СЦ 1901* "Пять стихотворений" насчитывает 105 строк, что при его запросе дало бы гонорар в 52 руб. 50 коп. В письме к Брюсову, помеченном только 1901 г., Гиппиус говорил: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Обращаюсь к Вам с просьбой, будьте милостивы. Дело в том, что издатели "Сев(ерных) Цв(етов)" должны мне за стихи, а я теперь нуждаюсь в деньгах. Не откажите им напомнить об этом от моего имени или сообщите имя и адрес, куда обратиться – именно теперь. Вы единственный человек, с которым я переписывался по поводу моих стихов в сборнике. Сборник издан красиво, как все, что издает "Скорпион", только что жаденек. Кое-кого существенно не хватает, кое-кого мало и пр. Главное, что не полно и как-то неубедительно. Напечатанием своих стихов доволен и Вам очень благодарен» (*ГБЛ*. Ф. 386, 82.32. Л. 7–11).

[2] В *СЦ 1901* напечатано семь стихотворений Сологуба.

[3] См. прим. 2 к п. Брюсова от 10 марта 1901 г. – 18 апреля Бунин просил Брюсова выслать ему один экземпляр *СЦ 1901* и гонорар за них по адресу, приведенному Брюсовым (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 457–458), а 30 апреля он в письме к другому адресату уже давал характеристику альманаху (*ЛН*. Т. 68. С. 411).

[4] Розанову в *СЦ 1901* принадлежат "Заметки на полях непрочитанной книги".

[5] Вероятно, имеется в виду лагерный режим Балтрушайтиса, призванного на военную службу.

[6] Бальмонт выехал из Петербурга в Москву 12 мая (см. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 48, прим. 1).

[7] Паровая конка от Бутырской заставы до Петровского-Разумовского была снята только в 20-е годы. См.: *Февральский А.* Московские встречи. М., 1982. С. 5.

[8] Это письмо Сологуба обнаружить не удалось.

[9] Необходимо отметить, что в письме к Бунину Брюсов с особой настоятельностью – сравнительно с другими тремя письмами – представляет себя только простым исполнителем воли "Скорпиона", сознательно выстраивая преграду между собою и адресатом (ср. предисл. к наст. публ. и прим. к п. Полякова от 6 октября 1901 г.).

[10] В архивохранилище к приводимому письму отнесен листок с постскриптумом, на деле не имеющим к нему отношения (речь идет о фрагменте брюсовского письма к П.П. Перцову от 16 октября 1899 г. См.: Инвентарная книга Литературного Музея Всероссийского Союза писателей. С. 100).

9. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

(Москва.) 16 мая (19)01.

Валерий Яковлевич!

Надеясь с Вами увидаться в наискорейшим времени, пишу лишь существеннейшее.

К.Д. в Москве, в благоразумном расположении и хочет Вас видеть[1]. Собирались даже к Вам в Выселки[2]. Бальмонт имеет пребывание в доме Лисицына, кв. Сабашникова, Толстовский пер. Назначьте как-нибудь в эти дни, где-нибудь, нам троим свидание: ведь Вы бываете в Москве[3].

Дрейфуса около трети книжки уже набрано, но позволения представлять в корректурах не дано, посему приходится теперь разгонять посредством пустых мест. О предисловии – при свиданьи[4].

"Цветы" изредка спрашивают по 10 экз., нынче от Карбасникова[5].

Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш Сергий.

Почт. бумага. "Товарищества Знаменской Мануфактуры".

[1] К.Д. Бальмонт, высланный "из столиц и университетских городов" за чтение на литературном вечере своего стихотворения "Маленький султан", жил в мае–июне 1901 г. в подмосковном имении Поляковых "Баньки", а бывая в Москве, останавливался у Сабашниковых. – См.: *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1983. С. 198.

[2] Дачный адрес Брюсовых в 1901 г.: д. Кутырина, Выселки, Петровское-Разумовское.

[3] Брюсов приезжал в Москву регулярно по службе в "Русском архиве". Описывая в *Дневнике* (с. 103) лето 1901 г., Брюсов отметил: "Я вяло и неохотно разыскивал Бальмонта. Раза два он писал мне приглашения из ресторанов, один раз из Эрмитажа, когда Скорпионы сидели вместе с Мережковским и З. Гиппиус, но меня эти записочки не заставали". Ср.: *ЛН*. Т. 85. С. 630–637. Увиделись Брюсов с Бальмонтом только на проводах последнего (см. ниже телеграмму Полякова от 13 июня 1901 г.).

[4] В 1901 г. "Скорпион" предпринял, рассчитывая на коммерческий успех в видах расширения своей деятельности, издание записок А. Дрейфуса. Книга шла вразрез с общественной физиономией фирмы и была выпущена анонимно (для надежной идентификации этого издания у меня нет оснований; из ряда одновременно выброшенных на рынок книг в "Скорпионе", скорее всего, подготовлена: *Дрейфус А.* Пять лет моей жизни (1894–1899): Пер. с фр. / Изд. Г. Ижорова. М.: Тип. т-ва А.И. Мамонтова, 1901). Книга ожидаемого успеха не имела. Брюсов писал 15 июня 1901 г. А.А. Шестеркиной: "Дрейфус почти напечатан. Книга скучная и плохая" (*ЛН*. Т. 85. С. 638). Издание застряло на складе издательства. Подробно история этого издания освещена в статье: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства "Скорпион" // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 98–101.

[5] Известная книготорговля Н.П. Карбасникова, имевшая магазин в Москве.

10. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 13 июня ⟨19⟩01 г.

Монт завтра уезжает надолго[1], будьте в 2 у Сабашникова[2].

Телеграмма. Оригинал неизвестен, текст зафиксирован Брюсовым (см.: *Дневники*. С. 103); в автографе дневниковая запись выглядит так: "Монт (прозвище Бальмонта, как и Джо) завтра уезжает надолго" и т.д. (*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 15/2. Л. 34 об.); слова в скобках – пояснение Брюсова, либо рассчитанное на будущего читателя дневника, либо отмечающее чуждое собственному идиолекту прозвище (Джо – С.А. Поляков).

Датируется на основании п. Брюсова к Шестеркиной от 14 июня 1901 г., где говорится: "Увидался, наконец, с Бальмонтом. ⟨...⟩ Вчера и сегодня прощаемся с ним и провожаем его" (*ЛН*. Т. 85. С. 637).

[1] См. п. 9, прим. 1. Ср. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 48, прим. 1.

[2] См. п. 9.

11. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. Между 13 и 17 июля 1901 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Позвольте мне распорядиться временем, а Вы распоряжайтесь местом: приду и приеду, куда ни укажете, но лишь в точные часы.

Вторник: с 3 до 3½ буду на Цветном, свободен до 5.

Среда: с 2 до 2½ буду на Цветном, свободен до 5.

Четверг – то же, что среда.

Пятница – свободен весь день с 10 утра до 12 ночи, но в этих гранях.

Совершенно случайно у меня заняты вечера вторника, среды и четверга, ибо у нас сестра жены, та, о которой я говорил Вам. Видеть Вас хочу очень, очень желал бы, чтобы вы уделили время в мои свободные часы. Напишите или известите еще как. Жду.

От К.Д.⟨Бальмонта⟩ у меня два письма (всего)[1]. От Юргиса нет. Едет вновь Бунин, издавать книгу рассказов[2]. Caveant consules[3]... Писал ли я Вам о втором отзыве в России о С⟨еверных⟩ Ц⟨ветах⟩?[4]

Неоконченный черновик. Был ли он перебелен и отправлен – неизвестно.

Датируется по содержанию: письмо писалось по получении письма от Бунина (см. прим. 2) и ранее брюсовского письма А.А. Шестеркиной от 21 июля, где говорилось: "Я видел С.А. Полякова – он весел. Юргис в Норвегии, пишет письма" (*ГБЛ*. Ф. 218, 128.6. Л. 32; датируется по почт. шт.); но 17 июля поэт сообщал ей же об ожидании на даче у Брюсовых М.М. Рунт: "... завтра на два дня приедет сестра жены" (Там же. Л. 6; датирую по почт. шт.; ср.: *ЛН*. Т. 85. С. 645). По связи с последним сообщением наиболее вероятной датировкой представляется 16 июля, т.к. вторник приходился на 17 (но крайним сроком записки может быть и утро вторника).

[1] Упоминание об одном из писем Бальмонта см. в п. к А.А. Шестеркиной от 2 июля 1901 г. (*ЛН*. Т. 85. С. 642).

[2] 12 июля 1901 г. Бунин писал Брюсову: "Я пока у себя в деревне ⟨...⟩. Осенью, должно быть, выпущу две книги – новых стихов и рассказов. 15-го еду с братом Юлием в Москву" (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 461).

[3] Caveant consules, ne quid res publica detrimenti capiat – Пусть консулы бдят, чтобы республике не потер-

петь какого-либо ущерба (*лат.*). Римская формула сенатского постановления, означавшая введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. Крылатое выражение, предупреждающее об опасности, призывающее к бдительности.

[4] Вероятно, речь идет о статье А.В. Амфитеатрова (под псевдонимом "Old Gentlmen") "Литературный альбом" (см.: Россия. 1901. 25 июня. № 776).

12. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

1901, Август ⟨между 10 и 18⟩.
Петр⟨овское⟩.-Разумовское, Выселки, д. Кутырина

Умер Ив. Коневской-Ореус, утонул, купаясь в Аа. Потеря незаменимая, бедственная для всей молодой поэзии. Необходимо издать собрание его сочинений. Согласен ли на это Скорпион? Если да, я тотчас вступлю в переписку с отцом Коневского, с "боевым генералом" Ореусом.

Книжка Лернера *не* будет предложена Скорпиону[1]. Я вернусь в город не раньше конца августа. Что Красинский? – я не знаю[2].

Ваш Валерий Брюсов

Датируется по связи с письмом от Ореуса-отца, известившем Брюсова о гибели сына (помечено 10 августа – см. наст. том, кн. 1, Переписка с Коневским, Приложение 1, п. 1).

[1] Речь идет о выпущенной "Скорпионом" в 1903 г. книге Н.О. Лернера "Труды и дни А.С. Пушкина". Первоначально Лернер надеялся напечатать ее в "Русском архиве" П.И. Бартенева; когда это не удалось, он в письме от 10 апреля 1901 г. спросил Брюсова: «В случае, если мне не удастся напечатать мою работу в Одессе, не возьмет ли на себя издание Ваше книгоиздательство "Скорпион"?» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.12. Л. 2 об.). Дальнейшая переписка Лернера с Брюсовым заполнена сложными переговорами по поводу этого издания, которое Лернер передал "Скорпиону" после больших колебаний. 15 мая 1901 г. Лернер писал Брюсову: «Напрасно Вы думаете, что я рассчитываю на какой-нибудь доход от работы моей. Я только хотел бы, чтобы она была напечатана. За 100 экземпляров я отдал бы право издания. Явитесь в этом случае ходатаем моим перед Вашим "Скорпионом": м.б. он не только не обратит против Вашего покорного слуги свое смертоносное жало, но даже будет для меня счастливым созвездием» (Там же. Л. 3 и 3 об.). Однако 25 июля Лернер сообщил Брюсову, что его работа наверное будет напечатана в записках Императорского Одесского Общества истории и древностей (Там же. Л. 6).

Брюсов, видимо, доводит до Полякова собственное решение не принимать Лернера в "Скорпион", так как в начале августа Лернер как раз подчеркивал, что ему было бы предпочтительно издать книгу не в Одессе, а в "Скорпионе" "за 100 экземпляров" (Там же. Л. 7 – письма от 8 августа). Повторил он свое настоятельное предложение и 16 августа (Там же. Л. 9 об.). Тем не менее переговоры продолжались, и 28 августа Лернер излагает свои условия "Скорпиону": «*1*) Изящная внешность (вроде "Северных Цветов"), *2*) Формат немного больший, *3*) Напечатание *немедленное*, *4*) Мне – сто (100) экземпляров, *5*) Присылка мне корректурных листов вместе с листами оригинала на просмотр» (Там же. Л. 13 об.). Брюсов выговаривает себе право вмешательства в текст, и Лернер соглашается на "изменения ⟨...⟩ по ⟨...⟩ *взаимному* соглашению" (*ГБЛ*. Ф. 336, 92.12. Л. 17 об.). 4 октября 1901 г. Лернер из Тифлиса, где он тогда жил, выслал Брюсову рукопись своего труда (Там же. Л. 23; на л. 23 об. – 24 – указания по оформлению и набору). В ноябре 1901 г. Брюсов сообщил Лернеру, что книга отдана в набор. В дальнейшем Брюсов – что видно по его переписке с Лернером – внес в книгу значительное число поправок как по просьбе автора, так и от себя лично. См. также п. Брюсова от 15 мая 1902 г.

[2] См. наст. том, кн. 1, Переписка с Курсинским, п. 60, прим. 1, 2.

13. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 18 авг⟨уста19⟩01.

Дорогой Валерий Яковлевич!

"Скорпион", конечно, согласен издать собрание сочинений Ивана Коневского и просит Вас исполнить Ваше намерение немедленно вступить в переписку с надлежащими лицами. Но, прежде всего, следовало бы извлечь из кладовых книжных магазинов или достать со склада в Петербурге уже имеющийся сборник его творений[1]. Вы, я думаю, напишете со временем в одном из доступных Вам журналов статью о поэзии и личности Коневского и заинтересуете соответственную публику[2].

Красинский набирается, но, очевидно, Курсинский долго задерживает корректуру, так как после первых двух листов я уже недели две ничего не получаю, в типографию же заходить по некоторым соображениям не хочется. Не назначите ли Вы полу-

часовое свидание в один из дней между понедельником и субботой следующей недели. Юргис приезжает во вторник[3]. Ваш С.П.

На поч. бумаге "Товарищества Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова", приложен фирменный конверт.

Ответ на предыдущее п.

[1] Речь идет о единственной прижизненной книге Коневского "Мечты и думы, 1896–1899" (СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1900).

[2] На смерть Коневского Брюсов откликнулся статьей "Мудрое дитя (Памяти И. Коневского)". – См.: Мир искусства. 1901. № 8–9.

[3] Письмо писано в субботу, вторник следующей недели приходился на 21 августа. Ю. Балтрушайтис возвратился в этот день из Норвегии (см.: *Дневники*. С. 105).

14. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 6 окт⟨ября19⟩01.

Валерий Яковлевич!

Я был Вам во вторник[1] очень благодарен за то, что Вы удержали меня от приобретения второго Бунина, хотя, быть может, это и очень выгодно, что меня, было, и увлекло, а никак не те возвышенные чувства, которые Вы во мне предполагаете[2]. Собрание деловое необходимо, но все-таки не на частной квартире: мне представляется это каким-то торжеством семейственности и признанием нашего бессилия перед Латур Бланш и Тур Дамур[3]. Раз Московский имеет уже свои традиции, можно выбрать другое общественное место. Я нынче увижу Юргиса, и в понедельник мы к Вам зайдем и предложим избранное. Сейчас написал письмо Митеньке[4], и предстоит еще два письма, а потому кончаю, не входя в разбор Ваших предложений.

Ваш Сергий П о л я к о в

На почт. бумаге книгоиздательства "Скорпион", приложен фирменный конверт издательства. Любопытно, что адрес издательства тот же, что и у конторы "Товарищества Знаменской мануфактуры" (Юшков переулок, дом Александрова, амбар 10/11), однако слово "амбар" в адресе утонченного издательства выглядело, вероятно, чужеродным и было сокращено до одной буквы "А".

Возможно, это письмо – ответ на неизвестное п. Брюсова, в котором тот "предполагал" в Полякове "возвышенные чувства" к Бунину, предлагал собрание на частной квартире, противопоставляемой неким традициям "Московского Трактира", где часто проходили вторники "Скорпиона".

[1] Письмо писано в субботу. Вторником было 2 октября. По всей видимости, об этом "вторнике" речь идет в дневнике Брюсова: "На скорпионовском вторнике я с ним ⟨Буниным. – *Н.К.*⟩ опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное скучны и т.д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи" (*Дневники*. С. 106; "опять" отсылает, вероятно, к эпизоду, описанному в приводимой в прим. 2 дневниковой записи 1900 г.).

[2] Неприязнь к Бунину, личная и литературная, оформилась в Брюсове много раньше. В частности, еще в пору выпуска "Скорпионом" бунинского "Листопада" Брюсов писал в дневнике (декабрь 1900 г.): «В Москве был Бунин. На всех нас за свои последние приезды произвел он впечатление плохое. Обращался он со Скорпионом нахально, хотя и прикрывал это шуткой. Он взял с нас письменное условие издания, и нам, получив деньги (300 р⟨ублей⟩), не дал расписки и т.д. Приехав вторично из-за границы (за границей он, конечно, не видал ничего, только, уподобляясь Тартарену, взбирался пешком на Ричи Кульм), обиделся за шрифт, хотя избрал его* сам. С.А. ⟨Поляков⟩ сказал ему, что дурно отказываться от собственных слов...

– А хотите вы, скорпион вы эдакий, я вам голову проломлю этим подсвечником? – спросил Б⟨унин⟩.

Это тоже, конечно, в шутку. Но слишком уж много было этих шуток. В театре на Ибсене ходил в фойэ, как гоголь, не кланяясь жене моей, на дяде Ване – прятался, чтобы публика не устроила ему овации, как Горькому... Наконец он вывел меня из терпения до того, что на одном из вторников я решил отомстить ему; положил я голову на руки и начал говорить голосом ласковым:

– Вы знаете, как я вас люблю, И⟨ван⟩ А⟨лексеевич⟩. Я считаю вас поэтом с дарованием огромным, да... но –

И в этом *но* сказал все, что Бальмонт выразил в своем письме. "Бунин, может быть, был когда-то умен, но теперь он груб, пошл и нагл". Бунин бледнел и краснел, слушая меня. С.А. и Юргис в смущении

* В тексте: ему.

вышли, я продолжал отчитывать. В отчаянии Бунин что-то залепетал, что он лишь играет роль самоуверенного, что это лишь внешность... Но все же он был оскорблен в самое сердце и не простит мне моей речи никогда» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 29–29 об.; см. также наброски эпиграммы на Бунина – Там же. Л. 41).

Однако Бунин, находясь на распутье, мог еще видеть себя в будущем литератором "скорпионовского", модернистского круга. *1* сентября 1901 г. он известил Брюсова, что предложил письмом Полякову выбрать для "Скорпиона" одну из четырех его книг, намеченных к изданию в ближайшее время, в том числе были две новые – сборник рассказов и сборник стихотворений (см. письмо Бунина к Полякову – наст. публ., вступительная статья и прим. 104 к ней).

Решилось дело в начале октября и при личном свидании, как видно из публикуемого письма.

В "Автобиографической заметке" 1915 г. Бунин приписывал почин разрыва со "Скорпионом" себе (*Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 264), из письма Полякова видно обратное, и главным действующим лицом оказывается Брюсов. История со "Скорпионом" стала для Бунина дополнительным побуждением к тесному сближению со "Знанием" (ср.: *Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин. С. 121).

[3] О чем идет речь – прояснить не удалось.

[4] Это письмо Полякова к Д.С. Мережковскому неизвестно.

15. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 5? ноября 1901 г.⟩

Во вторник в Охотн⟨ичьем⟩ Клубе "Попугай" Шницлера. Будете ли Вы там? Так как почти никаких новостей для альм⟨анаха⟩ нет, то встреча там могла бы заменить вторник. Хорошо бы, если б Вы ответили и сообщили о своем распределении вторника. А также, воспользовались ли Вы теми переводами[1].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

В архивохранилище к этому письму отнесен конверт с почт. шт. 6 ноября 1901 г., тогда как к следующему – конверт без почт. шт. (оба адресованы в контору "Товарищества Знаменской мануфактуры"). Представляется логичным поменять их местами, так как в комментируемом п. Брюсов, вероятно, наперед (значит, 5-го, а может быть, и ранее) справляется о планах Полякова на вторник 6 ноября, а в следующем п. речь уже определенно идет о "сегодня".

Драматическая трилогия А. Шницлера "Парацельс. Подруга жизни. Зеленый попугай" впервые была сыграна силами "Общества искусства и литературы" в помещении Русского Охотничьего клуба (Воздвиженка, д. гр. Шереметева) как раз в день отправки следующего письма – во вторник 6 ноября 1901 г., а затем спектакль повторялся с благотворительными целями в пятницу, 9, и во вторник, 13 ноября. Вероятно, спектакль 13 ноября и имеет в виду Брюсов в следующей записке. Пьеса шла в переводе Э.Э. Матерна – см.: Московские ведомости. 1901. № 311 (11 нояб.); Русское слово. 1901. № 306, 307, 312, 314 (6, 7, 12, 14 нояб.), тогда как "Скорпион" осенью 1900 г. выпустил в свет трилогию Шницлера в переводе М.О.И. (раскрыть летроним не удалось). Вторник был днем "скорпионовских" редакционных собраний.

[1] О чем идет речь – неизвестно.

16. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 6 ноября 1901 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович! Я очень спутал! "Попугай" в *будущий* вторник! Итак, если можно Вам, приезжайте ко мне сегодня, с Юргисом, часов в *10*, буду очень ждать.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Если можно, ответьте, будете ли.

Комментарий см. при предыдущем письме.

17. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 6 нояб⟨ря 19⟩01.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я не могу ручаться за Юргиса, а потому не ждите особенно. Если Вы все равно нынче вечером дома, то я оставляю себе возможность зайти к Вам не раньше 10 час⟨ов⟩. Но если нет, то все равно: мне по дороге.

Зиночка прислала громадный рассказ[1].

Ваш Сергий

P.S. Усиленно делаем объявления о Джоконде, и оказывается, ⟨действует?⟩[2]

С.П.

Ответ на предыдущее письмо.

[1] Ср. запись в *Дневниках* о З.Н. Гиппиус: "Зиночка (это, кажется, ее единственное общепринятое имя) вышла" (с. 109). Поляков говорит о ее повести "Небесные слова", предназначенной для *СЦ 1902*. Ср. в письме Д.С. Мережковского к Брюсову от 4 ноября 1901 г.: "Получил ли С.А. ⟨Поляков⟩ повесть З.Н. ⟨Гиппиус⟩? Попросите его известить" (*ГБЛ*. Ф. 386, 94.43. Л. 1 об.).

[2] Речь идет о книге: *Д'Аннунцио Г.* Мертвый город. Джиоконда. Слава. Трагедии / Пер. Ю. Балтрушайтиса. М., 1900 (выпущена в свет очень большим для "Скорпиона" тиражом – 2400 экз. – в сентябре 1900 г.). Вероятно, следует предположить, что "Скорпион", рекламируя уже старое издание, решил использовать интерес публики к драме "модного теперь итальянского писателя" (Московские ведомости. 1901. № 306. 6 ноября), возникший в связи с гастролями в России (10 и 11 ноября в Москве) немецкой труппы во главе с Адель Зандрок, в репертуар которой эта драма входила (ср. рецензию на спектакль: *Exter*. Театральная хроника // Там же. № 312. 12 нояб.).

18. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 6 декабря 1901 г.⟩

Мережковский завтракает пятницу Славянский базар два часа

Валерий

Телеграмма; писарская, на бланке. Послана Полякову на дом, дублируя п. 19, адресованное в контору "Товарищества Знаменской мануфактуры".

19. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 6 декабря 1901 г.⟩

Мережковские остановились в Слав⟨янском⟩ Баз⟨аре⟩ № 49. Ругают всячески Волынского. Гиппиус говорит, что ушла из "Сев⟨ерного⟩ Вестн⟨ика⟩" потому, что не может печататься в той же книге, где Вол⟨ынский⟩[1]. В пятницу после завтрака везу Д⟨митрия⟩ С⟨ергеевича⟩ к Юшеньке[2]. Сегодня, в четверг, будем с ними, у Соловьевых[3]. Вечером в пятницу – у меня. Иоанна Матв⟨еевна⟩ посему в отчаяньи. Полагаю, что следуя петербургским обычаям, не должно устраивать ужина, а насыщать прибывших бутербродами?[4]. Зин⟨очка⟩ довольно-таки мила, но по временам показывает жало. Д⟨митрий⟩ С⟨ергеевич⟩ уже дал *три* стихотворения, она дает *два*. Там есть стих, что у нее

И сердце как игла.

Хороши страсти![5] То-то раздолье Буренину![6] Мне некогда самому позвать на завтра Юргиса. Успеем ли сделать это завтра, в пятницу?

Ваш Валерий.

Датируется по содержанию: приезд Мережковских в Москву в четверг 6 декабря 1901 г. и четыре дня их пребывания в Москве подробно описаны Брюсовым – (см.: *Дневники*. С. 108–113). В архиве это письмо датировано 7 декабря 1901 г., на основании почт. шт. отнесенного к нему конверта; однако конверт этот следует отнести к п. 20, если только не предположить задержку письма на почте.

[1] В ноябре 1901 г. А.Л. Волынский в аудитории Исторического Музея прочел лекцию "Современная русская беллетристика и журналистика", (программу-тезисы см.: Русское слово. 1901. № 313. 13 нояб.). "Лекция, – записал Брюсов, – была полна личных выходок, но не лишена красивых характеристик" (*Дневники*. С. 107). Мережковский и Гиппиус не могли не воспринять болезненно выступление Волынского, прежде близкого к ним, соратника по "Северному вестнику": «Мережковский – как флюгер вращается по воле ветров, дующих в разные стороны и с разных сторон. Лектор хлестко разносит этого писателя за "Леонардо да Винчи", произведение, сшитое из клочков различных авторов, без ссылки на них. Этот писатель – декадент рассудочный, – так излагал анонимный рецензент лекцию Волынского. – Гиппиус, в противовес ему, – декадентка ощущения. Ее писания – паутина ощущения; в них глубоко спрятанная фальшь» (Русское слово. 1901. № 314. 14 ноября). В архиве Брюсова сохранилось письмо к Мережковскому (возможно, не

МОСКВА. СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

Открытка. 1900-е годы
Литературный музей, Москва

черновое, а неотправленное ввиду болезненной реакции Мережковского на эту тему) с подробным описанием выступления Волынского в Москве. В частности, там говорится: "... Ожесточеннее всего, кажется, бранил он именно Вас". Мережковский в своем письме к Брюсову от 23 ноября 1901 г., извещая об окончательно принятом решении не читать в Москве лекции о Достоевском, одной из причин выставляет то, что "аудитория загажена плевками Волынского" (*ГБЛ*. Ф. 386, 94.43. Л. 5; то же самое он повторяет и в п. от 28 ноября 1901 г. – Там же. Л. 7).

В общении с Мережковскими лично Брюсову приходилось быть тем более осторожным, что он готовился стать московским обозревателем в газете "Еженедельник", фактическим редактором которой должен был быть Волынский (вышло всего четыре номера в январе 1902 г., посланный Волынскому брюсовский материал опоздал – *ГБЛ*. Ф. 386, 81.1).

Положение "скорпионов" было еще сложнее, поскольку для *СЦ 1902* уже набиралась статья Волынского "Современная русская поэзия", ближайшим образом связанная с его упомянутой лекцией и купленная сразу после нее (*Дневники*. С. 107). Брюсов сумел внести некоторые изменения в статью Волынского (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 70.23. Л. 1–3). Тем не менее они не освободили "Скорпион" от необходимости особо оговориться в предисловии к альманаху: «Издатели не видели затруднения поставить рядом с письмами И.С. Тургенева рассуждения Фета и поместить у себя статью А. Волынского, критически относящегося к поэтам, обычно участвующим в изданиях "Скорпиона"» (*СЦ 1902*. С. [3]).

Столкновение в одной книге враждующих литераторов вызвало в писательских кругах недоумение; в частности, К.К. Случевский писал Брюсову 18 апреля 1902 г.: "Статья Волынского во многом, как характеристика, мне нравится, но здесь многие недовольны, что Вы поместили ее именно в той же книжке, в которой имеются и самые стихи поэтов" (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 112. Л. 1; ср. также. п. Брюсова Полякову от 23 ноября 1902 г.). А рецензия на *СЦ 1902* Д.В. Философова была практически целиком посвящена упрекам "Скорпиону" за помещение статьи Волынского. «Трудно что-нибудь сказать, – утверждал критик, – о физиономии альманаха, в котором наряду с Розановым – участвует Волынский, наряду с Мережковским – Балтрушайтис (несомненно, первый и последний появились только для того, чтобы развести Волынского с Мережковским, причем противопоставление первых двух могло быть оскорбительно для Волынского. – *Н.К.*)... Издатели утверждают, что авторы сами должны отвечать за себя. Но если это так, то зачем же... в "Северных Цветах", из году в год, наряду с образцами "искренней и новой" поэзии – печатаются образцы "искренней и новой" критики, которая нещадно разносит сотрудников альманаха... В прошлом году наряду со стихотворениями Бальмонта мы читали рассуждения Урусова, доказывающие, что лирика молодого поэта – "психиатрический документ", нынче мы почти то же читаем и в статье г. Волынского... Наконец, помещение подобных самобичеваний, по моему мнению, просто непрактично» (Мир искусства. 1902. № 4. Апр. С. 80–81).

З.Н. ГИППИУС

Фотография Фасетти с дарственной надписью:«" ... Мне близок Бог – но не хочу молиться, || Хочу любви – и не могу любить!" Федору Тетерникову от З.Н.М.Г. 29–3–95 г. 3 ч. пополуночи»

Институт Русской литературы АН СССР, Ленинград

[2] Юрий Петрович Бартенев. Сохранился черновик начала брюсовского письма к Мережковскому: "С.А. Поляков сообщил мне по Вашему письму, что Вам запрещена лекция о гр⟨афе⟩ Толстом, у нас, в Историческом Музее. Вчера я говорил об этом с Ю.П. Бартеневым" (*ГБЛ*. Ф. 386. 71.60. Л. 3). Брюсов взялся хлопотать о разрешении Мережковскому лекций в Москве перед попечителем учебного округа (через Ю.П. Бартенева) и Московским Психологическим обществом (для чего встречался с С.Н. Трубецким и Ю.И. Айхенвальдом). См. письма Мережковского к Брюсову: *ГБЛ*. Ф. 386.94.43. Л. 1–12, а также: *Дневники*. С. 107–108 с восполнением по подлиннику (*ГБЛ*. Ф. 386. 1.15/2. Л. 38об.). В результате было разрешено чтение в Московском Психологическом обществе, где "было народу мало, так как Психологическое Общество страха ради иудейского не печатало объявлений" (*Дневники*. С. 111; там же описание лекции Мережковского).

[3] Ольга Михайловна (1852–1903) и Михаил Сергеевич (1862–1903) *Соловьевы*, вокруг которых со-

брался кружок декадентской молодежи – Б.Н. Бугаев (будущий Андрей Белый), их сын С.М. Соловьев, А.С. Петровский, А.А. Блок. Об их отношениях с Брюсовым и Мережковскими, в частности, о вечере у них 6 декабря 1901 г., см.: *Дневники*. С. 106, 109–110; *ГБЛ*. Ф. 386.1.16. Л. 4; *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 178, 181–182, 191.

[4] См. запись об этом вечере: *Дневники*. С. 111, ГБЛ. Ф. 386, 1.16. Л. 5об.

[5] 23 ноября Мережковский, договариваясь с Брюсовым по частностям организации его выступления в Москве, писал: «Вклад в "Северные Цветы" я привезу сам» (*ГБЛ*. Ф. 386, 94.43). В *СЦ 1902* помещены четыре стихотворения Мережковского и три – Гиппиус, в т.ч. "Сосны" ("Желанья все безмернее..."), строку откуда приводит Брюсов. Отзыв об этом стихотворении в письме, кажется, противоречит дневниковой записи, сделанной, вероятно, после отъезда Мережковских, где говорится, что Мережковский "читал свои стихи... довольно плохие. Потом читала Зиночка, прекрасные.

И сердце как игла..." (*Дневники*. С. 109).

[6] Виктор Петрович *Буренин* – поэт и публицист. Из-за многочисленных антидекадентских фельетонов, печатавшихся в "Новом времени", он получил среди модернистов репутацию зоила.

20. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 7 декабря 1901 г.⟩

Я могу прийти в Славянский лишь в *2*, но Вы приходите половина второго или еще лучше $1\frac{1}{4}$, и не в ресторан, а *в Гостиницу* в № 49. Ибо мы не уговорились, где завтракать, в общем зале или нет. Итак, придя в $1\frac{1}{4}$ в № 49 Сл⟨авянского⟩ Б⟨азара⟩, найдя гг. Мережковских, займите их беседами до $1\frac{3}{4}$, после идите завтракать. Но *непременно* распорядитесь в прихожей, где швейцары, чтобы мне указали, где вы все, чтобы я мог вас найти. С гг. Мережковскими не говорите пока о Волынском; они при одном его имени неистовствуют[1]. Вечером сегодня мы все будем у меня. Напомните это им.

Ваш В а л е р и й

А днем едем к Юшеньке, посему найти Вас всех мне необходимо.

7 1/2 утра.

В архиве отнесено к 1904 г., однако из содержания п. следует, что оно написано утром на следующий день после п. 19.

[1] См. п. 19, прим. 1.

21. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва.⟩ Понедельник ⟨21 января 1902 г.⟩

Сейчас узнаю (ночь, 12 ч.), что в этот вторник мне читать в Худ⟨ожественном⟩ Кружке. Если только можно, приходите. А то я буду покинут один среди врагов. Положение очень плохое, еще и реферат не написан.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Датируется по содержанию – по дате выступления Брюсова в Московском литературно-художественном кружке. Приложен конверт со штемпелем погашения 22 января 1902 г.

22. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Москва 14го февраля ⟨1902 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич, в ночь на день Вашего отъезда мои недомогания разрешились наконец настоящей болезнью: уже целую неделю лежу, не сплю и стражду ухом; был нарыв на барабанной перепонке, а теперь последствия оного... Пишу Вам в Петербург, рискуя не застать Вас там, для того, чтобы попросить Вас зайти в антикварный магазин В.И. Клочкова (он, кажется, на Невском, или на Литейном)[1]. Посмотрите там следующие книжки: 1 – Барон Услар. Кюринский язык[2]. 2. Березин, о персидских наречиях[3]. 3 – Жуковский о том же[4]. 4 – Lucretius "De natura rerum", парижское издание тысячу пятьсот какого-то года. 5 – что-то о Венеции, издание XVIго столетия[5]... Каталоги у меня в конторе, и не могу вспомнить всего, но Вы, пожалуй-

ста, спросите показать имеющиеся у них другие вещи по языкам. Особенно спросите, нет ли у них какого-нибудь персидского словаря, напр(имер): Вуллерса[6]. Кроме того там есть много различных изданий Вергилия, быть может, что Вы найдете для себя[7].

Больше всего жалею, что не попал на "Валькирию"[8] и не попаду на Мережковского. Думаю, что Вы найдете возможным и после отъезда Митеньки посетить меня, не надеюсь на раньшее, т.к. Вам придется занимать гостей[9].

До свидания. Ваш С е р в и й.

P.S. Из поименованных книг купите для меня во всяком случае 1, 3 и 4.

Два листа иллюстрированной почт. бумаги, на одной стороне листа "японский" рисунок. Год проставляю по содержанию.

Февральская поездка 1902 г. в Петербург описана в *Дневниках*, с. 114–118.

[1] Магазин известного петербургского букиниста Василия Ивановича *Клочкова* (1861–1915) находился на Литейном проспекте, в д. 55.

[2] Кюринский язык – по новейшим представлениям – одна из трех основных групп диалектов лезгинского языка. По-видимому, речь идет о шестом томе капитального труда Петра Карловича *Услара* (1816–1875) "Этнография Кавказа. Языкознание" (Тифлис, 1896), посвященном кюринскому языку.

[3] Речь может идти о книге Ильи Николаевича *Березина* (1818–1896): *Berésine E.* Recherches sur les dialectes persans. Casan, 1853.

[4] Вероятно, имеется в виду книга Валентина Алексеевича *Жуковского* (1858–1918) "Материалы для изучения персидских наречий" (СПб., 1888).

[5] Соответствующих каталогов В.И. Клочкова обнаружить не удалось, тем самым уточнить, о каких изданиях идет речь, не представляется возможным.

[6] Речь идет о двухтомном справочнике известного ориенталиста Иоганна Антона *Вуллерса* (Vullers, 1803–1880): Lexicon persico-latinum... Bonnae ad Rhenum, 1855–1864.

[7] В этой связи следует отметить, что анонс брюсовского перевода "Энеиды" долгое время держался в "скорпионовских" каталогах, появившись впервые в каталоге при вышедшей в сентябре 1900 г. книге: *Д'Аннунцио Г.* Мертвый город. Джиоконда. Слава. Трагедии.

[8] Всего вероятнее, речь идет о вызвавшей большие ожидания и хорошо встреченной (см., например: Московские ведомости. 1902. № 41, 43, 44–10, 12, 13 февр.) московской постановке оперы Р. Вагнера "Валькирия", впервые шедшей на сцене Большого театра (11 февраля 1902 г. по первому абонементу, 14 – по второму, повторения – 20 и 23 февраля; далее, в связи с началом Великого поста, императорские театры закрывались, и услышать оперу можно было только 7 марта). Следует предположить, что Брюсов побывал на спектакле 20 или 23 февраля, т.к. билет на 7 марта предлагался уже не ему, а его сестре. См. письма Полякова от 14 и 16 февраля и 7 марта 1902 г.

[9] Публичная лекция Д.С. Мережковского "Судьба Гоголя" состоялась в аудитории Исторического музея в воскресенье 17 февраля, в 8 часов вечера (см. объявление: Русские ведомости. 1902. № 46. 5 февр.). 9 февраля Е.И. Образцова, "мясистая дама-модерн" (*Белый А.* Начало века. М. 1990. С. 199), меценатка и интимный друг Мережковского, писала Брюсову (не зная, что тот находится в Петербурге): «Получила Вашу записку и стихи, вернувшись из Петербурга, где провела целую неделю. Мережковский и Перцов – приедут в субботу – 16 – будут в этот день обедать у меня в семь час(ов) вечера. Может быть, и Вы заглянете? Верно и Вас заинтересует разговор о будущем "Новом Пути"» (*ГБЛ.* Ф. 386, 96.33. Л. 16; ср. также Л. 18). А Брюсов 15 февраля, в пятницу, сообщал жене: "Выезжаю в субботу ⟨...⟩ Буду здесь, в Москве, в воскресенье. А Мережковские будут сегодня. Итак, приеду и буду сразу пропадать с ними" (*ГБЛ.* Ф. 386, 69.2. Л. 5). Описание встречи Мережковских в Москве 17–19 февраля 1902 г. – *Дневники*. С. 118–119. Ср. в более позднем п. Брюсова к А.А. Шестеркиной от 27 октября 1903 г.: "...приезжают Мережковские. Это гости редкие и почетные, надо их ублажать, ухаживать за ними" (*ГБЛ.* Ф. 218, 128.11. Л. 29).

23. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 14 февраля 1902 г.⟩

Книг обратно не привозите[1] билеты возьмете от меня[2] ибо болен.

С е р в и й

Телеграмма, писарская на бланке. Адресована Брюсову в петербургскую "Северную" гостиницу.

[1] Брюсовская поездка в Петербург имела, помимо прочих, и коммивояжерскую цель, он доставлял "скорпионовские" издания книгопродавцам – ср. его заметку: "В пятницу развозил книги по магазинам" (*Дневники*. С. 117). В данном случае речь должна идти о нераспространенных экземплярах; не следует ли предположить, что был запрос Брюсова на этот счет, возможно, с указанием условий, на которых можно было их оставить в Петербурге.

[2] См.прим. к п. Полякова от 14 февраля 1902 г. и ср. следующее письмо.

24. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Гончарная ул. Старо-Козьмодемьяновский пер.
с⟨обственный⟩ д⟨ом⟩
16-го февраля ⟨1902 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

вопреки телеграмме, посылаю Вам билеты на дом. Билетов между 2ым и одиннадцатым рядом не было[1].

Поговорить о делах заходите не раньше четверга[2], к каковому дню я думаю приобрести вновь способность рассуждения. Если вздумаете навестить болящего, приходите когда угодно, буду очень рад.

Вместе с письмом посылаю корректуру вставок в каталог. Нужно наконец с ним покончить. Разместите вставки и велите сверстать[3].

Ваш С е р в и й.

Иллюстрированная почт. бумага: на одной стороне листа "японский" рисунок.
Год проставлен по содержанию: связь с телеграммой от 14 февраля, болезнь Полякова, работа над "скорпионовским" каталогом.

[1] См. п. 22, прим. 8.

[2] Писано в субботу, следующий четверг падал на 21 февраля.

[3] Речь идет об издании: «Каталог книгоиздательства "Скорпион". К началу 1902 года». М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1902 (ценз. разрешение 29 января 1902 г.). Ко времени завершения работы над каталогом и *СЦ 1902* относится недатированная записка Брюсова к Н.А. Баженову, сотруднику мамонтовской типографии: «Многоуважаемый Н.А. Прилагаю стихи для "С⟨еверных⟩ Цветов". А что же Каталог! Сверстано ли! Скажите прислать мне сверстанные листы, и я *вставлю* в них обещанные рецензии. Ваш В.Б.» (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 3. Л. 2; судя по "Инвентарной книге Литературного Музея Всероссийского Союза Писателей" – см. о ней во вступительной статье к наст. публикации, – записки поступили в хранилище в составе архива Полякова).

25. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва, 23 февраля 1902 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич, пожалуйста, не отдавайте в типографию рукопись части "Homo Sapiens", переданную Вам Юргисом[1]. Это – недоразумение. Если Вам будет можно, заходите ко мне не в понедельник, как Вы намеревались, а в среду[2], когда будут уже сверстаны остаток прозы и стихи. Спросите, пожалуйства, в типографии новый оттиск обложки[3].

Ваш С е р в и й.

23го ф⟨евраля⟩

Изобразит. открытка, фото "красотки".
Год определяется по почт. шт.

[1] См. п. 46, прим. 6 и п. 53, прим. 2.

[2] Письмо писано в субботу, ближайшие понедельник и среда падали на 25 и 27 февраля.

[3] Речь идет о подготовке *СЦ 1902*.

26. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 7 марта ⟨19⟩02

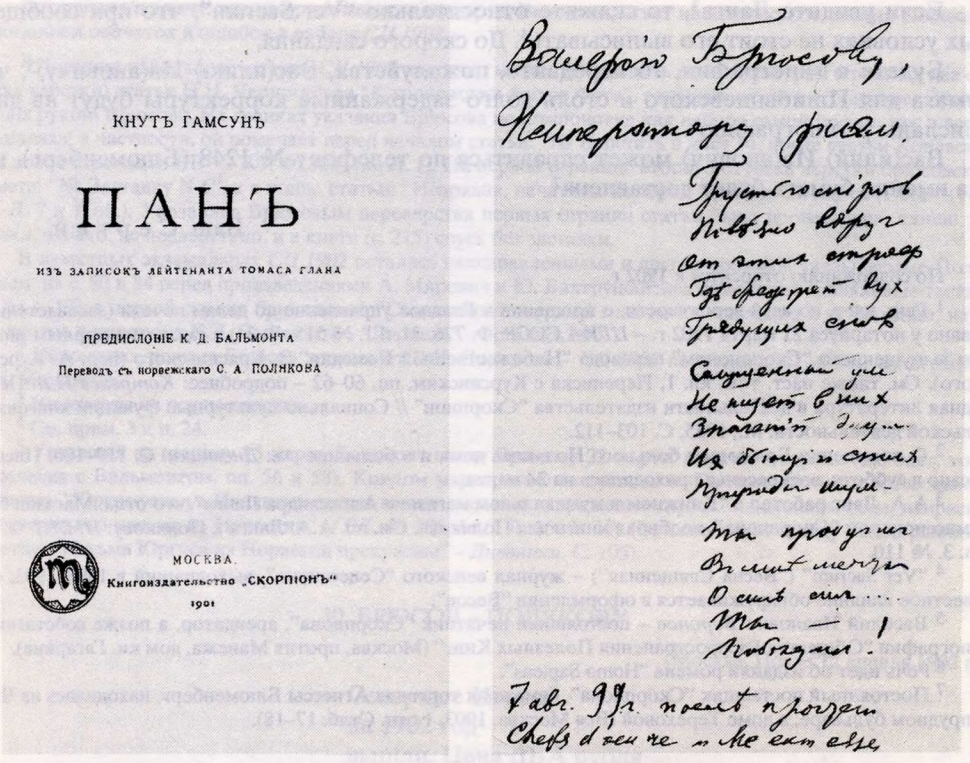
Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам для Вашей сестрицы или, в случае ее отказа, для кого Вам угодно билет на сегодняшних "Валькирий", которые в нашей области не нашли себе достаточно рьяных поклонников[1].

Жду Вас в субботу[2], так как доктор пока еще не перенес свой визит на этот день.

Ваш С е р в и й.

На свободном полулисте – библиографические записи Брюсова, относящиеся к его пушкинистским занятиям: "Р⟨усская⟩ С⟨тарина⟩ ⟨18⟩99 № 5. Р⟨усская⟩ С⟨тарина 18⟩87 II ⟨стр.⟩ 464" и др. Имеются в виду соот-


КНУТЪ ГАМСУНЪ

ПАНЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛЕЙТЕНАНТА ТОМАСА ГЛАНА

ПРЕДИСЛОВІЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

Переводъ съ норвежскаго С. А. ПОЛЯКОВА

МОСКВА
Книгоиздательство „СКОРПІОНЪ"
1901

Валерію Брюсову,
Императору рифм.
Грустью миров
Повеяло вдруг
От этих строф,
Где брезжет дух
Грядущих снов
Смущенный ум
Не ищет в них
Значений дум
Их бьющий стих
Природы шум.
Ты пробудил
Во мне мечты
О силе слов...
Ты — !
Победил.

7 авг. 99 г. после прочтения Chefs d'oeuvre и Me eum esse

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С.А. ПОЛЯКОВА

на книге К. Гамсуна "Пан". М., "Скорпион", 1901 (Перевод С.А. Полякова): «Валерию Брюсову, Императору рифм. Грустью миров || Повеяло вдруг || От этих строф, || Где брезжет дух || Грядущих снов || Смущенный ум || Не ищет в них || Значений дум || Их бьющий стих || Природы шум. || Ты пробудил || Во мне мечты || О силе слов... || Ты – // Победил! 7 авг. 99 г. после прочтения Chefs d'oeuvre и Me eum esse».

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

ветственно майский номер 1899 г., целиком посвященный Пушкину и его окружению, и заметка П. Устиновича "Стихотворения, посвященные Н.М. Языкову", с перечнем стихотворений Пушкина, Баратынского, Дельвига, Вяземского и Арбузова; там же – записи дат: "30 с⟨ентября⟩ 1826; 22 н⟨оября⟩ 26 и 28 апр⟨еля⟩ 30".

[1] В феврале 1902 г. Большой театр печатал объявление о двух образцовых представлениях двух частей "Нибелунгова Перстня" Рихарда Вагнера – "Валькирии" (7 марта) и "Зигфрида" (10 марта) – См.: *РВ*. 1902. № 41 (10 февр.); Московские ведомости. 1902. № 53 (22 февр.) и т.п. Ср. прим. 8 к п. Полякова от 14 февраля и п. от 16 февраля 1902 г.

[2] Письмо написано в четверг, суббота – 9 марта.

27. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 23го марта ⟨1902 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю Вам вместе с письмом засвидетельствованное прошение, хотя и довольно странн⟨ое?⟩ оборот⟨ами?⟩, но кажется вполне достаточным[1]. Если найдете сколько-нибудь возможным, передайте прошение Курсинскому. Я мог бы и не утруждать Вас этой передачей и переправить его прямо по назначению, но сейчас совершенно не в состоянии писать Курсинскому.

Сегодня отправляюсь в больницу, повторяю адрес: Лечеб⟨ница⟩ Жирмунского, рядом с полицмейстером. Операция будет в воскресенье. Когда можно будет посетить – извещу[2].

Если увидите Ланга[3], то скажите относительно "Ver Sacrum"[4], что при сообщенных условиях не стоит его выписывать[4]. До скорого свидания.

Будете в типографии, то передайте, пожалуйства, Вас⟨илию⟩ Ив⟨ановичу⟩[5], что бумага для Пшибышевского и столь долго задержанные корректуры будут на днях присланы в типографию[6].

Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ может справиться по телефону № 1248 (Блюменберг), когда именно бумага будет доставлена[7].

Ваш Сергий.

По содержанию относится к 1902 г.

[1] Речь идет, по всей вероятности, о прошении в Главное управление по делам печати (засвидетельствовано у нотариуса 21 марта 1902 г. – *ЦГИА* СССР. Ф. 776. 21, 4.1. № 515. Л. 24) в связи с цензурным запретом выпущенного "Скорпионом" перевода "Небожественной Комедии" З. Красиньского (пер. А. Курсинского). См. также наст. том, кн. 1, Переписка с Курсинским, пп. 60–62 – подробнее: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства "Скорпион" // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 103–112.

[2] О посещении Брюсовым больного Полякова дома и в больнице см.: *Дневники*. С. 119–120. Письмо писано в субботу, воскресенье приходилось на 24 марта.

[3] А.А. Ланг работал в "Книжном и музыкальном магазине Александра Ланга", его отца. Магазин был комиссионером "Скорпиона", подбирал книги для Полякова. См. пп. А.А. Ланга к Полякову: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 110.

[4] "Ver Sacrum" ("Весна Священная") – журнал венского "Сецессиона", выходивший в 1898–1903; его известное влияние обнаруживается в оформлении "Весов".

[5] Василий Иванович *Воронов* – постоянный печатник "Скорпиона", арендатор, а позже собственник типографии "Общества Распространения Полезных Книг" (Москва, против Манежа, дом кн. Гагарина).

[6] Речь идет об издании романа "Homo Sapiens".

[7] Постоянный поставщик "Скорпиона", бумажная торговля Агнессы Блюменберг, находилась на Чистопрудном бульваре, в доме Тереховой (Вся Москва. 1903. 1 отд. Стлб. 17–18).

28. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 26го м⟨арта 1902 г.⟩ Больница.

Валерий Яковлевич, если Вам возможно, приходите в четверг часов около 6ти. Спросите, пожайлуста, в типографии, пришла ли бумага от Блюменберга?

Ваш Сервий.

P.S. Если есть какие дела, захватите.

Иллюстр. открытка: репродукция с гравированного изображения миланского Собора. Год – по почт. шт.

Комментарий см. в прим. 6 и 7 к п. 27. Письмо писано во вторник, четверг приходился на 28 марта.

29. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 2 апреля 1902 г.⟩

Ошибку на стр. 80 и 84 (одинакия заставки) исправить уже нельзя; чья ошибка, моя или типографии, не дознались. Вся беда в том, что не присылали вовремя чистых листов.

Ошибку стр. 131 – *Китаем* – без ъ исправят.

На стр. 215 виньетку поставят.

На стр. 252 в оглавлении при стихах Лионеля нужную цифру поставят[1].

Если знаете еще какие ошибки, пишите прямо Вас⟨илию⟩ Ив⟨ановичу⟩[2]. Кстати, он, видимо, намерен посетить Вас и, кажется, хочет предлагать открывать собственную типографию Скорпион[3].

Каталог отпечатан, скоро Вы получите первые экземпляры[4].

От Б⟨альмонта⟩ и Ю⟨ргиса⟩ вестей нет[5].

Ваш Валерий

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте. Вероятно, ответ на неизвестное письмо Полякова с указанием опечаток и ошибок в наборе *СЦ 1902*.

[1] Историю набора и печатания *СЦ 1902* частично можно проследить по корректурам (гранки и два оттиска верстки) статьи Н.Н. Черногубова "К хронологии стихов Фета", сохранившимся в его архиве. Правка на них рукою Брюсова. На гранках указания Брюсова по компоновке как набора самой статьи, так и всего альманаха; в частности, он помечает перед началом статьи: "№ Верстать в лист 14, после статьи Коневского с новой страницы. ВБ" (*ГБЛ*. Ф. 328, 1.6. Л. 1). На первой странице второго оттиска верстки брюсовская помета: "№ Заставку N 6", а в конце статьи: "Исправив, печатать. Валерий Брюсов. 27 марта ⟨1⟩902" (Там же. Л. 7 и 11об.). Указанная Брюсовым переверстка первых страниц статьи была произведена, клише заставки, однако, не подверстано, и в книге (с. 215) спуск без заставки.

В известных экземплярах *СЦ 1902* остались неисправленными и другие промахи, указываемые Поляковым: на с. 80 и 84 перед произведениями А. Мирович и Ю. Балтрушайтиса помещены одинаковые заставки, на с. 131 в первой строке брюсовской "Солдатской" твердый знак не выставлен, а в оглавлении, на с. 252 против псевдонима К.Д. Бальмонта – "Лионель" – остались 000.

[2] Непонятно, почему Брюсов упоминает В.И. Воронова – *СЦ 1902* печатались "Тов-вом типографии А.И. Мамонтова".

[3] Намерение не осуществилось.

[4] См. прим. 3 к п. 24.

[5] Уехавший за границу 15 марта Бальмонт писал Брюсову 22 марта, а затем 4 апреля (см. наст. том, Переписка с Бальмонтом, пп. 56 и 58). Концом марта помечена запись о Балтрушайтисе в брюсовском дневнике: "Юргис уехал в Италию и оттуда пишет письма в напряженно-глубокомысленном тоне; напрасно я похвалил его письма из Норвегии" (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.16. Л. 16об.–17) (Брюсов имеет в виду более раннюю заметку: "Письма Юргиса из Норвегии прекрасны" – *Дневники*. С. 105).

30. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. После 12 апреля 1902 г.⟩

Северные Цветы
на 1902 год
вышли. Цена ДВА рубля
У Суворина, Вольфа, Карбасникова и др.[1]

Это в "Курьере", а в "Р⟨усских?⟩ В ⟨едомостях?⟩", Вы вероятно, видели.

P.S. Книги переслал в Контору М⟨ануфакту?⟩ры[2]

Датируется по времени появления объявления в газете "Курьер" – 12 апреля 1902 г. Упоминаемое в письме объявление в "Русских ведомостях" не обнаружено.

[1] Текст – вырезка из газеты.

[2] Т.е. в контору "Знаменской Мануфактуры". Ср. п. Полякова от 31 октября 1900 г.

31. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 23 апреля⟩ 1902.

Книжка, которой Вы интересовались, Сергей Александрович, называется:
Maya Handschrift d. Kgl. Oeffentl. Bibliothek zu Dresden. Herausg. von E. Poestemann. Dresden. 1892.

У Гирземана Каталог № 253, книга № 605, цена 200 m* [1]

Читали ли еще отзыв в "Русс⟨ких⟩ Вед⟨омостях⟩"[2]. Приличнее, чем прелестный Любошиц: тот мстит за то, что не прислал книги, и за Худож⟨ественный⟩ кружок[3].

От Б⟨альмонта⟩ открытка, что ему хорошо[4].

Ваш В а л е р и й.

Датируется по почт. шт. и по содержанию. См. также прим. к п. 32.

Возможно, ответ на неизвестное п. Полякова.

[1] Лейпцигский антиквар и издатель Карл *В. Гирземанн* (Karl W. Hiersemann, 1854–1928), имевший большую клиентуру в России (о чем говорит наличие у него секретаря, владевшего русским языком, – ниже упоминаемые документы составлены по-русски), был постоянным поставщиком Полякова и Брюсова (см.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3, № 1 и 58, а также: *Ежегодник 1978*. С. 16). Брюсов пишет об издании важнейшего

*м⟨арок⟩ (*нем.*).

памятника письменности Майя: Die Maya-Handschrift der Königlichen offentlichen Bibliothek zu Dresden, hrsg. von E. Förstemann. 2 Aufl. Dresden. 1892*. Каталога К.В. Гирземанна, упоминаемого Брюсовым, обнаружить не удалось. В одном из счетов, поданных этим книгопродавцом поэту (от 30 сентября 1904 г.), значатся как приобретенные им другие книги по истории Майя; эти описания не точны: в одном случае речь идет, видимо, о каком-то из выпусков труда: *Förstemann E.W.* Zur Entzifferung der Mayahandschriften. Dresden, 1887–1898, в другом – об одной из двух публикаций П. Шелльхаса, выходивших в 1892 и в 1897 гг. под одним названием: Die Göttergestalten der Mayahandschriften (*ГБЛ.* Ф. 386, 112. 17. А. 18–19).

[2] Заметка без подписи: "Северные цветы на 1902 г." (*РВ.* 1902. № 109. 22 апр.).

[3] *Любошиц С.Б.* (за подписью – бо –). "Северные цветы" // Новости дня. 1902. № 6775. 22 апр. Ср. уничижительные отзывы Брюсова об этом журналисте – *Дневники.* С. 132, 183 (см. также: *ЛН.* Т. 85. С. 777, 797). Следует предположить, что то ли ему лично, то ли его газете не был послан экземпляр *СЦ 1902* на рецензию; о каком столкновении "скорпионов" с ним в Литературно-художественном кружке говорит Брюсов – неизвестно. Ср. в более позднем от 28 января 1903 г. письме И.М. Брюсовой к мужу: «Видел ли ты в "Н⟨овостях⟩ Дн⟨я⟩" в воскресенье продолжение гнусностей Любошица?» (*ГБЛ.* Ф. 386. 69. 11. Л. 14).

[4] См. наст. т., кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 60.

32. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 23 апреля 1902 г.⟩

Адрес Бальмонта
Оксфорд, 12 Museum Road[1].
Каталог посылаем[2].
Объявления завтра.

В.

Возможно, ответ на неизвестное п. Полякова.

Датируется по карандашной записи, относящейся, по-видимому, к 1920–1930-м годам: "23 апреля ⟨19⟩02 г.". По дате можно было бы присоединить эту записку к предыдущему п., однако в "Инвентарной книге Литературного Музея Всероссийского Союза Писателей" (*ИМЛИ*)эти два листа имеют различные инвентарные номера (соответственно 4890 и 4980) без указания на их связь между собой.

[1] См. п. 31, прим. 4.

[2] См. п. 24, прим. 3 и п. 29, прим. 4.

33. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва, 26 апреля 1902 г.⟩

Простите, что не ответил вчера с посланной – у меня был Перцов; вечером был Бугаев. Посылаю милую вырезку из Нов⟨ого⟩ Времени[1]. Отдал сегодня туда объявление[2]. Каталоги посланы[3].

Буду у Вас в субботу, в 5[4]. Ведь можно?

Юргис жалуется, что ему не пишут – из Неаполя[5].

Ваш В а л е р и й

1902

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте. Упоминаемое в письме приложение (см. прим. 1) не сохранилось, оно не упоминается уже в "Инвентарной книге Литературного Музея Всероссийского Союза Писателей" (*ИМЛИ*).

[1] Следует, кажется, предположить, что Брюсов посылал издателю вырезку из раздела "Литературные новости", где приводились выдержки из писем Тургенева к Фету, опубликованных в *СЦ 1902* (Новое время. 1902. № 9387. 24 апр.). В том же номере отмечалось поступление альманаха и книги А. Белого "Симфония (2-я драматическая)" в редакцию газеты между 15 и 22 апреля 1902 г.

---

*Рукопись Майя Королевской публичной Дрезденской библиотеки. Изд. Е. Форстемана. Дрезден, 1892.

[2] См. объявление, в котором – необходимо отметить – подчеркнута связь "Скорпиона" с традицией, тогда как современники – участники альманаха не названы: «Книгоиздательство "Скорпион". "Северные Цветы на 1902 год. Цена 2 р. В историческом отделе стихи и письма А. Пушкина, А. Фета, Я. Полонского, И. Тургенева, Н. Некрасова» (Новое время. 1902. № 9394 1 мая).

[3] Речь идет о рассылке "скорпионовского" каталога. См. прим. 3 к п. 24.

[4] Ближайшая суббота приходилась на 27 апреля.

[5] Брюсов имеет в виду открытку от Балтрушайтиса: "1 мая/18 апреля. Везувий. Привет с высоты Везувия. Отчего не пишете ни Вы, ни С.А. ⟨Поляков⟩: целый месяц ничего не получаю. Ваш Юргис" (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.31. Л. 56). Прежде Брюсовым было получено еще несколько писем от Балтрушайтиса, но ответов на них не последовало, либо они не настигли кочевавшего по Италии поэта (см.: Там же).

"ВЕСЫ", 1907, № 1

Виньетка работы К.А. Сомова

34. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 29 апр⟨еля 19⟩02 г.

Дорогой Валерий Яковлевич, отпустите с посланной 10 экз⟨empляров⟩ "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов⟩" для меня и 10 экз. "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов⟩" + 20 экз. или больше каталогов для Шибанова[1]. Это Вы "будете любезны" завернуть отдельно и вручить той же посланной.

Имею письмо от Дягилева с просьбой о воспроизведении обложки и виньеток в "М⟨ире⟩ И⟨скусств⟩", в №, где будет отзыв о "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветах⟩"[2]. В награду Дягилев предлагает неиз⟨данные⟩ стихотворения Тютчева, и, в случае надобности, доступ с правом пользования в собрания автографов Вакселя, Дашкова и др.[3] Конечно, соглашаться? – хотя бы и ценою обесценивания обстановочной стороны "Цветов".

Благодарю за вырезку из "Новостей" и сообщение о "Майях". Я получил каталоги, где имеются даже словари языка Майев, есть и указанная Вами рукопись и тоже ценой в 250 р., но перевода ее нет, хотя в каталоге главным образом указываются переводы разных текстов.

Когда соберетесь ко мне? Я теперь всегда свободен, ибо перевязки бывают до 4-х ч⟨асов⟩.

До свидания.

Ваш С е р в и й.

Вероятно, ответ на неизвестное письмо Брюсова.

[1] Павел Петрович *Шибанов* (1864–1935), владелец известного московского книжного магазина.

[2] Текст дягилевского письма неизвестен. Вопрос Полякова о согласии риторический, так как 27 апреля Дягилев телеграфно благодарил его за разрешение перепечатки и просил выслать оригиналы виньеток, обложку воспроизводить отказавшись (см. его телеграмму: *ИМЛИ*. Ф. 76, Оп. 3. № 70). Несколько "скорпионовских" сомовских виньеток с увеличением было использовано в оформлении апрельского номера "Мира искусства" (№ 4, ц.р. 28 мая; см. с. 197, 203, 204, 213, 217, 218), без указания, кому они принадлежат. Одновременное их появление с рецензией Д. Философова на *СЦ 1902* (отдел "Художественная хроника", с. 80–81) также никакой пользы с рекламной точки зрения не могло принести, так как рецензия представляла собою, по сути дела, выговор "Скорпиону" за помещение статьи А. Волынского (см. п. Брюсова от 6 декабря 1901 г.). В конце статьи автор писал: «С типографской точки зрения – альманах на 1902 г. красивее первого, так как все заставки и концовки были специально для него сделаны таким мастером, как К. Сомов. К сожалению, обложка не удалась художнику. Несущаяся по небесным пространствам вычурная дева – слишком сладка и манерна. Шрифт и бумага по-прежнему желают лучшего. Видно, что в "Скорпионе" мало любят книгу и ее внешний вид».

[3] Платон Львович *Ваксель* (1844–1918) – музыкальный критик и собиратель автографов, его коллекция находится в *ГПБ*. Вероятно, речь идет о собрании Павла Яковлевича *Дашкова* (1849–1910), основная часть которого находится в *ЦГАЛИ*. Связана ли тютчевская публикация В. Саводника в *СЦ 1903* с этим предложением Дягилева – неизвестно. А в дальнейшем "Скорпион" перестал печатать историко-литературные материалы и посредничество Дягилева утратило смысл.

35. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Апреля 29 ⟨дня 190⟩2

Мы забыли, увлекшись дешифрацией майевских письмен, о делах. Письмо прилагаемое напоминает. Сей девице т.е. им двоим я передам причитающееся. Но как быть с остальными[1]? День моего отъезда назначен на пятницу точно, ибо мы должны встретиться в Варшаве с отцом[2]. Буду у Вас в четверг – в *6* не раньше, если не опоздаю. Будет еще Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩, который приходил ко мне, видимо, выведать настроение[3]. Еще. Оставить ли "Цветы" и Каталог у меня? Сотню во всяком случае привезу Вам[4]. Привезу также рукописи Б., С., М. и З.[5] Но Вы не напишете ли – так ли?

Ваш Валерий

Почт. бумага журнала "Русский архив"; в ⟨ ⟩ – типографский текст. При регистрации этого письма в "Инвентарной Книге Литературного Музея Всероссийского Союза Писателей" (*ИМЛИ*) сделано примечание: "С вложенной в письмо запиской А. Мирович"; в настоящее время местонахождение приложения неизвестно. Конверт хранится отдельно (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 2. № 3).

Написано после получения предыдущего п.

[1] Речь идет о выплате гонорара по *СЦ 1902*, в частности А. Мирович, просившей, вероятно, вручить кому-то причитающиеся ей деньги.

[2] Таким образом отъезд Брюсовых был намечен на 3 мая. Однако они задержались в Москве. См. след. письмо.

[3] Речь идет о В.И. Воронове, возможно, в связи с его намерением, упомянутым в п. 29.

[4] См. прим. 2 к п. 4 и п. 37. прим. 2.

[5] Речь идет о рукописях, вероятно: 1) Бальмонта, над книгой которого "Будем как солнце" работало издательство (ср. п. Полякова от 12 июня 1902 г.); 2) Сологуба и названных под обычными для них в этой переписке прозвищами 3) "Митеньки" (Д.С. Мережковского) и 4) "Зиночки" (З.Н. Гиппиус), чьи стихотворные книги, вышедшие также в 1903 г., собирал Брюсов для "Скорпиона".

36. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. Начало, не позднее 5 мая 1902 г.⟩

Забыл один перевод, С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩: Перцову. Не пошлете ли ему хотя бы почтовыми марками 4 рубля по адресу

Петербург Пушкинская Пале Рояль Петру Петровичу Перцову[1].

И, пожалуйста, пошлите прилагаемую бандероль[2].

Остаюсь в М⟨оскве⟩ на день еще.

Пишите Венецию P⟨oste⟩ R⟨estante⟩.*

Датируется по упоминанию отъезда в Венецию. Брюсовы выехали 5 мая (*Дневники*. С. 120); первоначально отъезд назначен был на 3 мая (см. предыдущее п.).

[1] Перед отъездом в Италию Брюсов, как видно, подготовил расчет с авторами по *СЦ 1902* (ср. п. Полякова от 22 мая, ниже). Здесь речь идет в таком случае о гонораре Перцову, который тот просил у Брюсова в письме от 29 апреля 1902 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 98.8).

[2] Речь может идти о посылке книг Бальмонту (ср. п. Полякова от 22 мая).

37. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Венеция 11 го ⟨24 мая 1902 г.⟩

В Варшаве объяснялись по-польски; в вагоне с полькой вели беседу по-французски, а с некоей гречанкой (учительницей английского языка в Москве) – по-гречески. В Вене, конечно, говорили по-немецки, но кое-где в поезде и по-чешски. На пути из Вены познакомились с некоей девицей-американкой из Иллинойса, путешествующей без спутников и со знанием одного только английского языка. До сих пор проводим дни с ней; беседуем по-английски и ее речи переводим на немецкий, французский и итальян-

*До востребования (*франц.*).

ВЕНЕЦИАНСКИЕ СУМЕРКИ

Рисунок А. Мартини, 1907
"Весы", 1909, № 4

ский язык[1]. С гондольерами, конечно, все по-итальянски. Многоязычное путешествие!

Ваш В а л е р и й

Пишите: Венеция, Ferma in posta*[2]

Открытка: Стиль датировки проставлен в соответствии с почт. шт.: Москва 17 V 1902.

[1] Ср. дневниковую запись Брюсова: "На пути познакомились с американкой, девушкой, лет 25. Она путешествовала одна по Европе, зная лишь англ⟨ийский⟩ яз⟨ык⟩. Жили с ней 3 дня в отеле Vittoria. Разговаривали по-английски (конечно, на 3/4 знаками). У нее ум был очень американский. Она определяла расстояния днями, а художеств⟨енные⟩ произведения их стоимостью. Miss Tittemore из Peoria, Illinois" (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.16, Л. 19об. – 20).

[2] Ко времени доставки письма в Москву (см. выше) Поляков мог уже получить датированное 16 мая письмо от Н.Я. Брюсовой (выехавшей в Венецию позже) с постоянным венецианским адресом Брюсовых: «Сергей Александрович, сейчас я получила от Валерия его адрес, который он просил вам сообщить: Italia, Venezia, Calle Vallaresso. К нам привезли 880 "Северных цветов", так это и подобает?» (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 4, № 6. Л. 2; п. находится среди пп. И.М. Брюсовой).

*до востребования (*итал.*).

38. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция.⟩ 12⟨/25⟩ мая, ⟨1⟩902.

Американка наша уехала. Вместо английского языка начинаем приучаться к итальянскому. Умоляю: если знаете, напишите адрес *Юргиса*. От него нет известий[1]. Нам пишите Venezia ferma in posta Valerio Brussoff – точно фамилию, а то не выдают.

Ваш В.

Открытка. Датировка уточнена в соответствии с почт. шт.: Venezia 27.5. 02; Москва 18. V. 1902.

[1]Балтрушайтис писал Брюсову в недатированной открытке, адресованной наугад в Венецию: "Валерий – узнал только что о Вашем выезде в Италию. Телеграфируйте, где Вы. Я пробуду здесь еще месяц. Было бы досадно не встретиться. ⟨...⟩ То же пишу во все города Италии" (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.31. Л. 51; открытка того же содержания, востребованная Брюсовым позже во Флоренции, – Там же. Л. 47).

39. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция. 15/28 мая 1902 г.⟩

Да, такие улицы есть! да, Венеция хороша, лучше, чем я думал, хотя и обращена в международный базар. В Варшаве у Карбасникова – "Сев⟨ерные⟩ Цветы" и "Симфония" в окне[1]. Пусть набирают дальше Лернера. Пришлю корректуры отсюда[2]. Пишите: наш адрес по меньшей мере на две недели: Italia, Venezia. Calle Valaresso N 1326, Giraldi a Valerio Brussoff. Ах, если б Вы приехали сюда. Совершенствуюсь в английском, французском и итальянском. В книжн⟨ых⟩ магазинах Мережковский[3], Аннунцио, старые итальянцы и персидские[4] рукописи.

Ваш В.

Видовая открытка: Венеция, Мост Вздохов. Датирую по почт. шт.: Venezia 28.5 (обозначение года отсутствует).

[1] Речь идет о *СЦ 1902* и о "Симфонии (2-ой, драматической)" Андрея Белого (1902), выставленных на витрине варшавского филиала фирмы Н.П. Карбасникова.

[2] См. п. 12, прим. 1 и п. 40, прим. 1.

[3] По всей вероятности, Брюсов говорит о выпущенных в 1901 г. в миланском издательстве "Тревес" в переводах Н. Романовской первых двух частях трилогии Мережковского: "La morte degli dei: Giuliano l'Apostata" и "Ressurrezione degli dei: Leonardo da Vinci."

[4] В это время Поляков занимался "усердно персидским языком, и в связи с ним арабским и санскритским" (*Дневники*. С. 119–120).

40. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция.⟩ 1902, 21 мая/3 июня

Я послал Вам 1-й лист Лернера[1]. Прочтите его еще однажды, подпишите и заставьте их набирать дальше. 2[й] лист пришлю на днях[2]. Пишите мне. Не получал от Вас еще ни строчки. Адрес точный: Italia. Venezia. Calle Vallaresso. 1326. Будем жить здесь еще 2 недели. Ваш Валерий Б.

Объясняюсь довольно прилично на языке Габриеля[3]. Сам удивляюсь. Читаю только итальянские газеты. О России не знаю ничего. – В.–

Видовая открытка: Венеция, Мост Вздохов. Адресована Полякову на Таганку.

[1] Видимо, корректура первого листа была выслана накануне: среди писем Брюсова к Полякову сохранилась обертка от заказной почтовой бандероли (особый вид почтового отправления для печатных материалов, "stampe sotto fascia", предусматривавшийся и в русском почтовом тарифе) с почт. шт. "Venezia 2.6.02" и "Москва 26.V.1902"; в качестве обертки Брюсов использовал обрывок своей рукописи обзора русской литературы для английского журнала "Атенеум", который в архиве был учтен как фрагмент письма к Полякову.

[2] Среди писем хранится еще одна обертка от бандероли с печатным текстом; на ней венецианский почт. шт. от июня 1902 г., но число срезано, московский – от 28.V.1902 г. Несомненно, перед нами обертка от второго листа книги Лернера. Однако в нее, как в конверт, еще при инвентаризации поляковского архива в конце 20-х годов была вложена визитная карточка Брюсова (см. "Инвентарную Книгу Литературного

Музея Всероссийского Союза Писателей", о которой говорится в предисловии, № 4947). На лицевой стороне визитной карточки написано: "Привет! В.Б.", на обратной – адрес: Ярославская ж.д. // Ст. Болшево // дер. Бурково дача Ив. Горд. Перелетова. Вероятно, что попала карточка в бандероль позже и случайно.

[3] Т.е. Г.Д'Аннунцио.

41. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

22 мая ⟨19⟩02 г. Баньки.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Получил Ваши три открытки[1], но уже здесь, в деревне, а потому и пишу много дней спустя.

Со времени Вашего отъезда новости: Лернер прислал корректуру, где, по-видимому, Ваши изменения возвращаются назад, наши значки (, ') заменяются (« ») и пр. Посему лист к печати не подписывал[2]. К тому же мы так и не решили, сколько печатать[3]. Кстати о Пушкине: знаете ли Вы, что Шляпкин в издании Стасюлевича обещает выпустить "Неизд⟨анные⟩ соч⟨инения⟩ Пушкина" – в майской книжке В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩ помечено – "печатается"![4]

Лернер же прислал отзыв от "Цветах", где превозноситесь Вы, он сам и Юргис. Пришлю из Москвы.[5]

Вторая новость: я вызывался в полицию по делу "Комедии": просили доставить доказательства о количестве отобранных экземпляров; стало быть, прошение действует. Переписывался с Курсинским по этому поводу: он, кажется, смягчился[6].

Книги Бальмонту и разные переводы послал тогда же, но о получении денег ни от кого уведомления не получал: вероятно, будут писать Вам[7]. Быть может, мы увидимся с Вами в Италии, так как мы с сестрой собираемся в начале июня. Посему, уезжая из Венеции, оставьте мне там "ferma in posto"* письмо с Вашим предполагаемым маршрутом.

Адрес Юргиса: Viareggio, Albergo della Pace[8].

Поклон Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне.

Итак, быть может, до скорого свидания. На дворе совсем светло и поют соловьи, а посему хочу спать.

Дней через пять, наверно, сниму повязку и буду здоров.

Ваш С е р в и й

P.S. Выеду не раньше 7-го июня, а посему не оставляйте меня без известий, пока можно их получать.

[1] По всей видимости, речь идет о письмах из Венеции от 11, 12 и 15 мая ст.ст.

[2] Брюсов получил от Лернера право вносить изменения в его книгу (см. прим. 2 к п. Брюсова, датируемому "между 10 и 18 августа 1901 г."). Читанной Брюсовым корректуры первого листа, высланной из Венеции 20 мая/2 июня (см. прим. 1 к п. от 21 мая/3 июня), Поляков, вероятно, еще не получил.

[3] Книга Лернера была выпущена тиражом 600 экз.

[4] Речь идет о книге: *Шляпкин И.А.* Из неизданных бумаг А.С. Пушкина СПб., 1903. По всей видимости, анонс этого издания помещался среди "объявлений", листы которых при переплете обычно выбрасывались – ни в одном из доступных экземпляров майского номера "Вестника Европы" рекламных листов нет, и проверить сообщение Полякова не удалось.

[5] 3 июля 1902 г. Лернер спрашивал Полякова: «Получили ли Вы № "Бессарабских Губернских Ведомостей" с моей статьей о "Северных Цветах" на 1902 г.?» (*ИМЛИ*. Ф. 76, Оп. 3, № 118. Л. 3). Рецензия Лернера была опубликована в № 99 / 3 мая/ за 1902 г. В ней, в частности, говорилось: «"Северные Цветы" представляют собой образец ярко расцветшего на нашем севере символизма, лучшим представителем которого у нас следует считать Валерия Брюсова». Лернер очень высоко оценил цикл "Мой песенник" Брюсова и утверждал: «Беллетристика в сборнике хромает. Достойны внимания только "Легенда о факелах" Балтрушайтиса и "Теперь, когда я проснулся"». Не называя имени публикатора, рецензент особо отмечал свою публикацию "Записки Пушкина".

[6] См. прим. 1 к п. Полякова от 23 марта 1902 г.

[7] См. п. Брюсова от начала мая 1902 г.

[8] См. п. Брюсова от 12/25 мая 1902 г.

---

*до востребования" (*итал.*).

42. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Venezia Calla Vallaresso 1326. /Адрес достаточный
⟨27 мая/⟩ 9 июня 1902

Получил Ваше письмо. На Лернера внимания не стоит обращать. Впрочем, посмотрите, – что́, по Вашему усмотрению, годно из его поправок, возьмите. Наши знаки, конечно, оставьте. Пишу ему одновременно. Печатать я думаю 800 экз⟨empляров⟩, из них 200 он себе выговорил как гонорар[1], и, конечно, не более 1200. Отчего нет Лествицы?[2]. Мы еще [с неделю] больше недели будем в Венеции, потом едем через Флоренцию, Viareggio, Геную, Комо и Милан обратно[3]. К началу **июля*** мне необходимо быть в Москве. Думаю, что увижу Вас там до Вашего отъезда. Пишите чаще, мы изнываем без вестей.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

По какому адресу писать Вам?
А может Вам можно выехать раньше?

Видовая открытка: Венеция, панорама Пьяцетты с парохода. Ответ на предыдущее письмо. Стиль проставлен по почт. шт.: Venezia 9.6.02; Москва 31.V.1902. Послано на адрес "Товарищества Знаменской Мануфактуры".

[1] Брюсову изменила память, Лернер просил 100 экземпляров (см. п. Брюсова, написанное между 10 и 18 августа 1901 г., прим. 1).

[2] Речь идет о наборе книги: *Миропольский А.* Лествица: Поэма в VII главах. М.: Скорпион, 1902. Миропольский-Ланг 17 и 21 мая уведомлял Брюсова, что корректур он все еще не имеет (*ГБЛ.* Ф. 386, 91.41. Л. 31, 35).

[3] Как видно по дальнейшим письмам, пребывание Брюсовых в каждом городе непременно продлевалось против начальных планов. Подлинные маршрут и сроки путешествия засвидетельствованы в сохранившемся туристском билете И.М. Брюсовой, купленном в Центральном бюро Сан-Марко 23 июня 1902 г.; отметки в нем делались, видимо, в день отъезда: Венеция – 23 июня н.ст., Флоренция – 5, Пиза – 5, Санта Маргерита Лигуре – 15, Генуя – 15, Милан – 16 июля (*ГБЛ.* Ф. 386, 136.11. Л. 112).

43. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция. 28 мая/10 июня 1902 г.⟩

Читаю новую книгу Аннунцио Novelle della pescara[1]. Плохо. Повстречал здесь Лидию Лебедеву, переводчицу Пшибышевского и сестру К.Д. ⟨Бальмонта⟩, особа нестерпимая, кажется[2]. Уверяет, что Руно в *ее* переводе идет этой осенью в Петербурге, для Комиссаржевской[3]. Что дела, что Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ и его типография?[4]. Как бы нам встретиться на пути, хотя бы в Милане? Или на Гарда[5]. Пишите. Нам Ваши письма нужнее. Коневской готов к печати[6]. Но где типография.

Валерий Б р ю с о в

29 мая ⟨1⟩902.
Calle Vallaresso 1326

Видовая открытка: Венеция, Большой канал и Палаццо Вендрамин. Датируется по почт. шт.: Venezia. 10.6.1902. Адресована Полякову на Таганку.

[1] Речь идет о книге Г.Д'Аннунцио "Пескарские новеллы", где были переизданы новеллы, входившие в неизвестные в России сборники Д'Аннунцио 80-х годов. В связи с этой книгой между Брюсовым, Балтрушайтисом и Поляковым произошел интересный обмен письмами. 10 июня Балтрушайтис, регулярно снабжавший Полякова из своих путешествий книжными новинками и библиографическими известиями, выслал другу вырезку статьи Э.де Амичиса о Г.Д'Аннунцио из итальянской газеты, на полях которой была приписка: «Из римской "La Tribuna". 10 giugno[2*] 1902. Посылаю сию вырезку; сохрани на всякий случай! Завтра вышлю тебе "Novelle". Один экземпляр уже получил; читаю; два прочитанных на выбор рассказа довольно интересны. По внутреннему сложению книга, очевидно, значительно отличается от прежнего d'Annunzio. Здесь он тоже в "опрощенном" виде. Впрочем, такова и живописуемая среда. Письмо с Банек получил. Спасибо. От Брюсова тоже имею записку» (*ИРЛИ.* Ф. 240. Оп. 3. Ед. хр. 71). Упомянутое письмо Полякова из имения Баньки Балтрушайтис подразумевал, вероятно, когда писал Брюсову в конце первой декады июня: "Сегодня было известие от С.А. ⟨Полякова⟩, Maeterlinck напечатал две книги: Le temple enseveli и драму

*июля *ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩ – Прим. В.Я. Брюсова.*

2* июнь (*ит.*).

ВЕНЕЦИЯ. ПЬЯЦЕТТА. ВИД С МОРЯ

Открытка Брюсова к С.А. Полякову. Венеция, (27 мая) / 9 июня 1902 г.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Monna Vanna*. Вышел сборник d'Annunzio: Le novelle della Pescara (19 рассказов). И все" (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.31. Л. 49). 11 июня н. ст. Балтрушайтис уже сообщал Брюсову: "Novelle della Pescara прочел. Из 19ти три в разной степени интересные, остальное – для упражнения в итальянском языке. Даже как этнография просто" (Там же. Л. 41). Брюсов в неизвестном письме, по всей видимости, рассказал, что ему понравилось стихотворение Д'Аннунцио (см. следующее п. Брюсова к Полякову), и спросил, какие новеллы имел в виду Балтрушайтис в прежнем своем письме. Балтрушайтис отвечал 1/14 июня: «Оду, о которой Вы пишете, я уже читал и оценил. Лучшим рассказом считаю "La veglia funebre"[2*] (забывая, что на ту же тему гораздо искуснее написан в прошлом году рассказ Гамсуном). Затем идут La vergine Orsola и La contessa d'Amalfi[3*]. Но они лучшие из плохих, и только. Но что значат оды, новеллы, драмы и все трилогии Аннунцио вместе взятые в сравнении с Монною Ванною Мэтерлинка, которую я только что прочел» (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.31. Л. 45).

*Сокровенный храм" и "Монна Ванна" (*фр.*).

[2*]"Ночное бдение" (*ит.*).

[3*]"Девы Орсола" и "Графиня Амальфи" (*ит.*).

ВЕНЕЦИЯ. КАНАЛ ГРАНДЕ И ДВОРЕЦ ВЕНДРАМИН

Открытка Брюсова к С.А. Полякову. Венеция, 28 мая/10 июня 1902 г.
Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

[2] Речь идет о Лидии Петровне *Лебедевой* (См. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 53). В дневнике Брюсов, описав случайное знакомство с нею на почте, продолжает: "Она два дня надоедала нам: рассказывала о Пшибышевском; в голове у нее Пшибышевский и Метерлинк рядом со Спасовичем, Бальмонт (ее двоюродный брат) – с Анг. Богдановичем. Вообще она жаждет знакомств с великими людьми. Взяла у меня автограф" (*Дневники*. С. 121; в рукописи еще одна фраза: "По счастью, уезжала скоро" – *ГБЛ*. Ф. 386, 1.16. Л. 19 об.). 13 июня н.ст. Балтрушайтис пересказывал в письме к Полякову неизвестное письмо Брюсова: «Брюсов в начале будущей недели переезжает во Флоренцию, где мы и свидимся. Очень буду рад повидать его и свою Флоренцию. Пишет, что в Венеции встретился с Лидией Лебедевой, "существом несносней шим"» (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 6). Брюсов не мог не знать, что еще в декабре 1901 г. Лебедева прислала в "Скорпион" образцы своих переводов из Пшибышевского, в частности, упоминаемую ниже драму "Золотое руно" (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 116. Л. 3). Равным образом он должен был быть осведомлен и о содержании следующего письма Лебедевой Полякову из Италии от 4/17 марта 1902 г. (в частности, поясняющего появление имени В.Д. Спасовича в цитированной дневниковой записи: «... Только что получила письмо от двоюродного моего брата К.Д. Бальмонта и высылаю на Ваше имя мой перевод З. Красинского, равно как и очерк о Красинском, написанный мною. Составляя его, я руководилась главным образом перепиской самого поэта. Бальмонт и Спасович одобрили этот очерк. Вместе с остальными рукописями Вы ⟨...⟩ получите перевод "Небожественной Комедии" моего отца. Он напечатан был Катковым в "Русском вестнике" в 1874 г., и самой излюбленной моей мечтой было видеть перевод этот напечатанным в общем собрании сочинений Красинского. Теперь не знаю, возможно ли это, и наконец не знаю, одобрите ли Вы мой перевод "Иридиона" и "Летней Ночи". ⟨...⟩ Ваше решение относительно моих переводов Пшибышевского для меня жгучий вопрос, так как он связан с желанием автора видеть все свои сочинения в моем переводе. Вы были так добры, написали мне в Варшаву (как я узнаю из сообщения секретаря "Скорпиона"). Но этого столь важного для меня письма я до сих пор не получила, несмотря на неоднократные требования. Все это меня глубоко волнует – письмо Бальмонта блеснуло для меня светлым лучом» (Там же. Л. 1–2); "секретарем" "Скорпиона" мог быть, скорее всего, Брюсов. Несмотря на неблагоприятное впечатление Брюсова от знакомства с переводчицей, сотрудничество "Скорпиона" с ней началось, осенью 1902 г. пьесы Пшибышевского в ее переводе были уже набраны для издательства (Там же. Л. 5), но по неизвестной причине издание расстроилось (сведений об издании перевода Лебедевой нет, гранки набора "Золотого руна" "мамонтовской" типографии, датированные 28 сентября 1902 г., – *ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 31). Перевод драмы Красиньского также, вероятно, остался неизданным; он был в рукописи представлен в цензуру, но по заключению цензора А.А. Венкстерна 30 октября 1902 г. был запрещен, поскольку "герои этой чрезвычайно фантастичной и местами мало понятной драмы, изображающей заговор и бунт против Императора Гелиогабала, проникнуты непримиримой ненавистью к идее всемогущего Рима, т.е. к идее государственности и объединения, а равным образом и к христианскому учению" (*ЦГИАМ*.

Ф. 31.3.419. Л. 349–349об.). См. также расписку в получении от "Скорпиона" гонорара Лебедевой за какую-то работу, "в окончательный расчет", от 28 июня 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 3. Ед. хр. 100. Л. 50). Ср. также в автобиографии К.Д. Бальмонта, которому Лебедева приходилась двоюродной сестрой по матери: "Дочь П.С. Лебедева, Лидия Лебедева – современная малоизвестная поэтесса" (Русская литература XX века: 1890–1910/Под ред. С.А. Венгерова. М.: 1914. Т. 1. С. 58).

[3] Перевод Лебедевой на столичной сцене не зарегистрирован. См.: История русского драматического театра. М., 1987. Т. 7. С. 445–560.

[4] Речь идет о В.И. Воронове, возможно, в связи с его предположением открыть собственную типографию. См. п. Брюсова от 2 апреля 1902 г.

[5] Озеро в Италии.

[6] Т.е. посмертный сборник Коневского "Стихи и проза", в работе над которым принимал участие Брюсов.

44. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция. 31 мая/⟩ 13 июня ⟨1⟩ 902

Мы писали Вам и Анне Александровне[1] по разным адресам: в Таганку и в контору[2]. Напишите мне о типографских делах; Лернеру я написал: на него смотреть не сто́ит. Читал Novelle della Pescara Аннунцио. Плохо. Его песнь 1-му мая в июньск⟨ом⟩ № Secolo XX[3] лучше. Встретил здесь Лидию Лебедеву, сестру своего брата; несносна. Уверяет, что ее перевод Руна идет осенью в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ для Комиссаржевской. Править ли дальше Лернера и что "Лествица"[4]. Мы едем обратно в конце июня, в 28-х, 30-х, 1-х числах; нельзя ли Вам тогда уже ехать в ? Мы встретились бы где-нибудь в Милане. С Юргисом переписываемся. Из Венеции уезжаем скоро. Если будете писать: Firenze ferma in posta. Упражняюсь очень в итальянском. Ничего не пишу. Прельщаюсь католичеством.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Открытка. Стиль проставлен по почт. шт.: Venezia 13.6.02. Не получая ответа от Полякова, Брюсов адресовал это п. его родственникам: Близ Брестского вокзала, Брестская улица, дом Поляковых⟨...⟩ (на Баньки).

[1] Анна Александровна, сестра Полякова, впоследствии жена М.Н. Семенова.

[2] Т.е. на домашний адрес Поляковых и в контору "Товарищества Знаменской Мануфактуры".

[3] Ср. в п. Балтрушайтиса Полякову от 13 июня н. ст.: «Посылаю самого последнего д'Annunzio канцонетту, напечатанную в 1ом № нового журнала (Milano Treves) "Il Secolo XX. Rivista popolare illustrata" (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 6).

[4] Ср. прим. 2 к п. Полякова от 22 мая и прим. 2 к п. Брюсова от 27 мая/9 июня 1902 г.

45. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Венеция⟩. 6/19 июня ⟨1⟩ 902.

Писал Вам по трем адресам[1]. Едем во Флоренцию. Адрес: Italia Firenze, via Nazionale 20, pensione Norche, Valerio Briussov. От Вас лишь одно письмо[2]. Корректур никаких. Встретимся ли мы на пути или в Москве? Если нет, напишите точно, делать ли что-нибудь и где? Еще. Любопытствовали ли вы достать книги о Майях. Если да, и если уезжаете, дайте возможность мне их поизучать[3]. Усовершенствовался в итальянском очень. Жалею, что не захватил еврейской грамматики. Пишу длинные стихи в стиле Верхарна[4]. Мои стихи в Журнале для Всех???[5] Итальянки, право, красивы, а вина не очень хороши. Novelle della pescara – юношеские вещи Аннунцио, но его Calendomaggio* в Secolo XX № 1[6] очень хорошо. Пишите, жду.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Видовая открытка: Венеция, рыбачьи лодки. Адресована в контору "Товарищества Знаменской Мануфактуры".

[1] См. п. 44, прим. 1–2.

---

* "Майская песнь" (*итал.*)

[2] Т.е. п. от 22 мая.

[3] Ср. выше, п. от 23 и 29 апреля 1902 г.

[4] Брюсов говорит, по всей вероятности, о стихотворениях "Италия" ("Страна, измученная страстностью судьбы!.." – 1, 300–302), "Город женщин" ("Домчало нас к пристани в час предвечерний..." – 1, 357–359), "In hac lacrimarum valle" ("Весь долгий путь свершив, по высям и низинам..." – 1, 306–309), над которыми он работал в Венеции (в частности, последнее датируется, как и это письмо, 6/19 июня 1902 г.).

[5] Брюсов откликается на известие о том, что в майском номере "Журнала для всех" был помещен его перевод "Из Ленау" ("В ясном небе без движенья...").

[6] См. п. 44, прим. 3.

46. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

12 июня ⟨19⟩ 02. Баньки.

Дорогой Валерий Яковлевич, не писал Вам, в ожидании решения вопроса о нашем отъезде. Я писал Вам, что выеду не раньше 7 июня, так что в таком случае мы встретились бы с Вами еще в Италии, но теперь уже 12ое, и я все еще не знаю, когда мы выедем.

Вероятно, мы поедем прямо на озера и там можно будет встретиться.

Вы спрашиваете о том, что в Москве. Но что же может быть в Москве летом? Впрочем – Коммисаржевская, которая очень хороша...[1]

Печатные наши дела в таком положении: Лернера дальше не набирают, так как 2 листа еще я не отдал печатать[2]. Лернер прислал несколько писем; послал ему часть гонорара: теперь, надеюсь, успокоится[3].

"Лествица" вся набрана, Ланг Вам ее пришлет[4].

Бальмонта отдам в печать на этой неделе[5]. Я ждал, когда В.И. ⟨Воронов⟩ достанет эльзевир, а он ждет, когда я дам материал. Когда Вы приедете и если Вы будете не особенно заняты, – нужно начать печатать все сборники, чтобы было готово к осени; можно сразу в двух типографиях. У Мамонтова дела теперь, по-видимому, наладятся, т.е. у них учреждена администрация. 1. Пшибышевский набран почти весь, и первая часть уже напечатана[6].

Получил письмо от Гамсуна, где он сообщает о том, что его вещь окончена и отдана издателю, так что вскоре он будет высылать корректуры[7]. Прислал он свою фотограф⟨ическую⟩ карточку и жены, которая очень мила.

Я уже недели с две освободился от повязки и первое время чувствовал себя даже хуже, т.к. не мог привыкнуть к изъяну за ухом; теперь почти пришел в норму.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Пишу Вам с нашей новой станции в ожидании поезда[8]. Письма по всем адресам получил, за каковые весьма благодарю[9]. До скорого свидания.

Ваш С е р в и й.

Часть письма карандашом. Адресовано во Флоренцию, в пансион Norche.

На конверте карандашная запись Брюсова, сделанная, вероятно, при осмотре флорентинского кладбища: "Здесь‖ покоится‖ Викентий Меленевский‖ род. в Киевской губ.‖ ум. во Флоренции‖ на 46 году от рожд. 5/17 Февраля. 1853‖ Помолитесь за его душу".

[1] Речь идет о выступлении в Москве "товарищества артистов с.-петербургских театров" при участии В.Ф. Комиссаржевской, В.В. Стрельской, В.Н. Давыдова и В.П. Далматова.

[2] См. п. Брюсова от 15/28 мая, 21 мая/3 июня и 27 мая/9 июня и п. Полякова от 22 мая.

[3] В п. от 30 мая и 3 и 14 июня, адресованных издательству "Скорпион" и лично С.А. Полякову, Лернер настоятельно просил выплатить ему за его книгу 100 руб., вместо первоначально (см. прим. 1 к п. Брюсова ⟨между 10 и 18⟩ августа 1901 г.) обусловленной выдачи 100 бесплатных ее экземпляров (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 118; аналогичное письмо Лернера от 10 мая, упоминаемое там же, л. 1, мне неизвестно). 18 июня он через контору издательства извещал Полякова о получении 50 рублей и просил дальнейшие корректуры (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 3. Ед. хр. 113. Л. 15).

[4] О получении корректуры Ланг-Миропольский уведомил Брюсова 11 июня, а 13 июня писал подробнее: "Получил корректуру нашей Лест⟨вицы⟩. Что с ней делать? Не лучше ли дождаться твоего приезда, хотя Воронов и стонет? ⟨...⟩ С.А. П⟨оляков⟩ тебя ждет – предполагают что-то печатать (со слов Воронова)" (*ГБЛ*. Ф. 386.91.41. Л. 29, 32–33). Ланг называет "Лествицу" "нашей", видимо, не только потому, что Брюсову принадлежали в книге большое предисловие и стихотворение памяти И. Коневского; Ланг,

КНУТ И МАРИЯ ГАМСУН

Фотография L.Lómo. Elverum, 1910

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

несомненно, сознавал чрезвычайную степень "авторизации" Брюсовым самого текста поэмы – ср. ее корректурные листы, где целые страницы в буквальном смысле слова переписаны Брюсовым (*ГБЛ*. Ф. 386, 56.30).

[5] Книга Бальмонта "Будем как солнце" (1903).

[6] Речь идет о "романе в трех частях" С. Пшибышевского "Homo Sapiens" (перевод М.Н. Семенова), печатавшемся в "Типографии Т-ва А.И. Мамонтова". Печатание было закончено к декабрю 1902 г., но книга попала под цензурный запрет. Подробнее см.: *Котрелев Н.В.* Переводная литература в деятельности издательства "Скорпион" // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 112–116.

[7] Речь идет, вероятно, о "Драме жизни" К. Гамсуна, выпущенной "Скорпионом" в переводе Полякова в конце 1902 г. Упоминаемое п. норвежского писателя неизвестно, ответ Полякова на него – *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 5 (по-русски и по-немецки, с правкой немецкого текста другой рукой, делавшей некоторые пояснения к правке по-французски). Следует отметить, что небольшой фонд К. Гамсуна в *ИМЛИ* (ф. 312) составился из документов поляковского архива. Там хранятся, в частности, два более поздних письма Гамсуна

к Полякову (одно от 18 августа 1902 г.; видимо, ответ на только что указанное п. московского издателя) и наборная рукопись поляковского перевода романа "Пан" с замечаниями по переводу, сделанными, возможно, Брюсовым.

[8] Вероятно, речь идет о станции "Павшино" Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д.

[9] См. прим. к п. Брюсова от 6/19 июня 1902 г.

47. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Флоренция. 18 июня/1 июля 1902 г.⟩

Ваше письмо карандашное получил. Спасибо за вести о себе, С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩, и радуюсь, что все хорошо, а то при вашем молчании я забоялся. На озера теперь не ездите: жара нестерпимая, отели закрывают с 1/2 июня по сентябрь. Мы в пятницу едем на итальянскую Ривьеру, где прохладно, к морю, опять купаться: – на 10–12 дней[1]. Приезжайте! Флоренция после Венеции меня не пленила. Странно и отвратительно, что по улицам ездят лошади, на них грязь, что есть шум экипажей. Венеция маленькая, выхоленная. Флоренция громадная и тяжелая. Я вовсе не представлял себе Флоренции. Но сила былого творчества в галлереях Uffici, Pitti и Accademi'и действительно поразительная. Боттичелли, Анджелико, Филиппо Липпи ужасают глубиной – Мик⟨ель⟩ Анджело – мощью.

Вернувшись, буду совершенно свободен, начинайте все печатать, за всем буду приглядывать. Зачем гонорар Лернеру? Он от него отказался[2].

Наш адрес: Italia, Genova, ferma in posta. Valerio Briussoff. Фамилии через iш. Тотчас сообщу более подробный.

Видовая открытка: Венеция, лагуна с гондолами. Датируется по почт. шт.: Firenze. 1.7.02. Адресована Полякову на контору "Т-ва Знаменской Мануфактуры".

Ответ на предыдущее письмо.

[1] В предыдущих письмах к Полякову нет упоминаний о купанье в Венеции; в архивах Брюсова сохранились входные билеты взрослого отделения "Больших купален Лидо" (*ГБЛ*. Ф. 386, 136.11. Л. 62).

[2] См. п. 46, прим. 3.

48. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

12 июля ⟨19⟩02

Дорогой Валерий Яковлевич!

В Москве я бываю теперь редко; если у Вас окажется свободное время, приезжайте сюда: ст. Павшино, Виндавской ж.д., им. Губайлово. По тому же адресу предупредите меня о том, с каким поездом приедете, если соберетесь. Я же буду в Москве не раньше следующей недели. Мое приветствие Иоанне Матвеевне.

Ваш С е р в и й.

Художественная открытка: орнаментальная рамка и женский бюст на текстовой стороне.

49. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 14 июля 1902 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Буду у Вас в этот понедельник, с поездом, отходящим из Москвы в 4.30. Очень хочу Вас видеть. Если в этот день нельзя, – известите.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

1902 июль. Москва

Датируется по приложенному конверту и связи с предыдущим письмом, ответом на которое могло бы явиться это. Однако письмо к адресату попало много позже, т.к. по каким-то причинам "заблудилось" на почте, еще 18 июля, судя по почт. шт., оно было в Москве.

Если датировка верна, то упоминаемый понедельник – 15 июля.

50. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

(Москва. 29 июля 1902 г.)

Дорогой Сергей Александрович!

Перед Вами – виноват, ибо обещания не выполнил. Первый день не пошел, ибо лень было, второй болен был, а на третий пошел, уже опоздал: они корректуру Вам услали[1]. — Тщетно Вас жду. Нового из типографий далее ничего. Ник.Ник. Черногубов, вечный, предлагает Вам такую сделку: отдает для Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов 1⟩903 года вновь им отысканное стихотворение Фета (надо будет, конечно, убедиться, не подложное ли, – лучше бы даже снять fac-simile)[2], а взамен берет остаток Дрейфуса. Мне кажется – ибо Дрейфус вещь без-ценная – что сие можно принять. Часть экземпляров он согласен оставить на всякий случай – штук 100. Экземпляры будут им проданы в провинцию[3].

Ответьте, а еще лучше приезжайте однажды завтракать.

Ваш В а л е р и й Б.

P.S. Бальмонт прочно в Оксфорде (12 Museum Road) и молит о корректурах[4]. О Нов⟨ом⟩ Пути слухов нет[5].

Датируется по приложенному конверту.

[1] О чем идет речь – неясно.

[2] Николай Николаевич *Черногубов* (1873–1942) – исследователь жизни и творчества Фета, искусствовед, коллекционер. Из материалов, приобретенных у него, составлялись разделы публикаций в *СЦ 1901* и *СЦ 1902*; основные переговоры с Черногубовым вел Брюсов. Среди бумаг Черногубова сохранился неоконченный черновик договора: «Мы, нижеподписавшиеся, представители товарищества "Скорпион", с одной стороны, и Николай Николаевич Черногубов, с другой, заключили между собой настоящее условие, в силу которого 1) Я, Черногубов, уступаю кн⟨игоиздательс⟩тву для напечатания в издаваемом им альманахе "Северные цветы" двадцать пять нигде не напечатанных писем Владимира С. Соловьева, причем подлинники писем должны быть возвращены мне. 2) Цена за напечатание этих писем – сто рублей за печатный лист формата сборника. 3) Расчет должен производиться за все сданные письма (25), будут ли они все напечатаны или нет. 4) Двадцать шестое письмо, уступленное в журн⟨ал⟩ "Русское обозрение", мы, к⟨нигоиздательст⟩во "Скорпион", имеем право перепечатать бесплатно. 5) ⟨ пробел. – *Н.К.* ⟩. 6) Я, Черн⟨огубов⟩, уступ⟨аю⟩ к⟨нигоиздательст⟩ву два стих⟨отворения⟩ Фета ..... для 7) цена ⟨нрзб.⟩ стихотворений шест⟨ьдесят⟩ (60) р⟨ублей⟩ 8) Уплата ⟨далее нрзб.⟩» (*ГБЛ*. Ф. 328, 7.6; автограф Брюсова, который уже с пункта 6 переходит на свою хорошо известную черновую скоропись, с сокращениями; судя по читающимся элементам, в неразобранной части обусловливались сроки уплаты вознаграждения Черногубову). Окончательно сделка была оформлена также Брюсовым, этот документ, может быть, еще любопытнее, поскольку упоминает пушкинский автограф: «Я, Николай Черногубов, уступил книгоиздательству "Скорпион" для напечатания в альманахе "Северные цветы" на 1901 год следующие вещи: 1) Записку А.С. Пушкина к А.А. Муханову февраля 1824 г. за 50 рубл⟨ей⟩ (пятьдесят). 2) Два стихотворения А.А. Фета "Твоей приветливой щедротой" и "Рододендрон", неизданные, за шестьдесят рубл⟨ей⟩, а именно первое за 35 рубл⟨ей⟩, а второе за 25 рубл⟨ей⟩. 3) Двадцать пять писем Вл.С. Соловьева к А.А. и М.П. Фет с платой по 100 р⟨ублей⟩ за печатный лист (38000 букв); уплата должна производиться за все двадцать пять писем, хотя бы напечатаны они были не все. Представитель книгоиздательства "Скорпион" Валерий Брюсов 28 января 1901 года» (*ГБЛ*. Ф. 328, 4.21. Л. 5; автограф Брюсова). Начало переговоров с Черногубовым поэт относит еще к сентябрю 1900 г. (*Дневники*. С. 91). Ср. недатированное п. Брюсова к Коневскому от середины октября 1900 г. (наст. том, Переписка с Коневским, п. 46). В *СЦ 1901* появилась и записка Пушкина, и оба фетовских стихотворения, но только 19 соловьевских писем (одно действительно было опубликовано – см.: Русское обозрение. 1901. № 1). Важно отметить, что какие-то письма Соловьева к Фету находились в руках Брюсова еще в начале 1920-х годов, когда он упоминает их, оценив в 250 рублей, в описи своего собрания рукописей русских писателей XVIII–XX вв., видимо, предназначенного к продаже (составлена после смерти В.В. Розанова, т.е. после 1920 г.; упомянуты также автографы А.М. Ремизова, М.А. Кузмина, А.А. Блока, Андрея Белого, Н.С. Гумилева, В.И. Иванова, З.Н. Гиппиус и др. – *ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 2. № 22).

Готовя *СЦ 1902*, "скорпионы" снова обратились к Черногубову, который 10 октября 1901 г. уведомлял Брюсова: «Я кое-что отобрал для Ваших "Северных цветов". Не зайдете ли посмотреть завтра после 9 ч⟨асов⟩?» (*ГБЛ*. Ф. 386. 107.33. Л. 7). Брюсов, вероятно, был у коллекционера, однако либо остался недоволен его выбором, либо просил подыскать еще что-либо дополнительно, т.к. 19 октября он просит разрешения заехать к Черногубову с тем, чтобы захватить «то, что будет "переколочено", дабы при первом случае показать скорпионам» (*ГБЛ*. Ф. 328, 4.21. Л. 9, открытка, дата – по почт. шт.). И на этот раз документ о сделке составил Брюсов: «Я, представитель книгоиздательства "Скорпион", купил у Николая Николаевича Черногубова 1) 9 листочков отрывков из Тургеневских писем, не напечатанных доселе, от 1859 по 1873 г. 2) Стихотворение А. Фета "Перекладывают тройки" 3) Стихотворение его же "Не толкуй об обезьяне" 4) Отрывок о школах и университете из статьи А. Фета "Где источник" 5) Записка Некрасова Н.А. к Фету

6) Стихотворение Я.П. Полонского "На Воробьевском флигеле". Все сие, нигде не напечатанное, продано за двести рублей. 27 октября 1901 года Валерий Яковлевич Брюсов" (*ГБЛ*. Ф. 328, 4.21. Л. 1). Копия этого документа рукою Черногубова сохранилась в брюсовских бумагах; там следует отметить неографическую характеристику тургеневских документов – "9 листочков (из блок-нот)" – и важную оговорку (ту же, что и в составленном Брюсовым договоре 1901 г., – см. выше), запечатлевшую то представление об издательстве, которое держалось в кругу ближайших к нему людей: Черногубов говорит о продаже материалов «товариществу "Скорпион"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 107.33. Л. 9–10; на обороте л. 10 библиографическая запись Брюсова по текстологии неканонических евангелий: Antilegomena. Die Reste der ausserkanonischen Evangelien und urchristlichen Überlieferungen. Hrsg. und übersetzt von Lic. Theol. Erwin Preuschen 1901. Verlage J. Ricker in Giessen). В *СЦ 1902*, помимо приобретенных у Черногубова автографов, была помещена его собственная статья "К хронологии стихов Фета"; расписка Черногубова в получении части денег за автографы и за свою статью, помеченная 29 октября 1901 г., осталась у Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 107.33. Л. 19).

О чем идет речь в комментируемом письме – непонятно. В *СЦ 1903* стихотворения Фета не печатались. Но что-то Поляков у Черногубова приобрел, возможно, имея в виду новый "скорпионовский" альманах, т.к. 19 октября и 21 декабря 1903 г. он переслал ему значительную сумму – 75 рублей, "за обещанные ⟨...⟩ материалы" (*ГБЛ*. Ф. 328, 5.44. Л. 1, 33).

[3] См. прим. 4 к п. Полякова от 16 мая 1901 г

[4] См. п. 44, прим. 5, а также наст. том, Переписка с Бальмонтом, п. 71.

[5] Т.е. о журнале "Новый путь".

51. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 7 августа⟩ 1902.

Дорогой Сергей Александрович!

Можно ли приехать к Вам в это воскресенье[1], с Иоанн⟨ой⟩ Матв⟨еевной⟩? С поездом 4.30? По краткости времени молчание Ваше да будет позволением, а если нельзя, – то есть неудобно – известите. Печатание идет, хотя и медленно. Еврейского языка не изучаю. Занят Пушкиным. При встрече прочту Вам разные его рифмы (не для дам). Пример:

Мы наслаждение удвоим
И, взявши в руки свой уд, воем...

Это все прочел записанным у Бартенева со ссылками на подлинные рукописи[2]. Сообщу ("под секретом") *любопытное* о "Новом Пути" и Митеньке[3].

Ваш В а л е р и й Б.

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте.

[1] Если датировка верна, то воскресенье падает на 11 августа.

[2] Это двустишие и ряд сходных Брюсов опубликовал в своей книге "Письма Пушкина и к Пушкину" (М., 1903); позже и Брюсов, и другие редакторы неоднократно печатали их в корпусе сочинений Пушкина. Л.Б. Модзалевский атрибутировал рукопись и стихи Л.С. Пушкину – см. заметку, с анализом той рукописи, к которой восходит копия Бартенева: *Модзалевский Л.Б.* Мнимые экспромты Пушкина. К вопросу о стихах "День блаженства настоящий", "Мы наслаждение удвоим" и пр. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1. М.; Л., 1936. С. 218–219. Современная пушкинистика разделяет точку зрения Л.Б. Модзалевского.

[3] Под августом 1902 г. Брюсов отмечает в дневнике, что Образцова "по разным причинам избрала" его "наперсником своих тайн". Далее он скрупулезно заносит в дневник рассказы Образцовой об интимной стороне ее отношений с Д.С. Мережковским. Образцова субсидировала издания книг Мережковского, принимала участие в финансировании "Нового пути"; новости о журнале Брюсов мог слышать и от П.П. Перцова, о встречах с которым в Москве в начале августа так же пишет в дневнике (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.16. Л. 20об. – 21).

52. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 12 сентября 1902 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю статью о Пушкине на Кавказе, быть может, пригодится для "Канвы"[1]. Посылаю в закрытом конверте для удостоверения правильности Ваших убеждений о городской почте[2].

Видели ли Юргиса? Он вернулся во вторник.

Ваш С е р г и й.

P.S. Завтра, наверное, зайду к Вам.

12 сент⟨ября 19⟩02

[1] Поляков имеет в виду работу Брюсова над книгой Лернера (см. п. 12, прим. 1).
[2] О чем идет речь— неясно.

53. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Петербург. 23 ноября 1902.

Дорогой Сергей Александрович!

Ведь Вы не сердитесь, что я Вам не писал до сегодняшнего дня. Вам письма Семенова, конечно, заменяли мои[1]. Ах, что это за неоцененный человек, т.е. для "деловых дел". Куда мы с Вами. Смотрю на него и завидую. Если б распоряжался "Скорпионом" он, издательство приносило бы тысячи в год доходу. Обедаем с ним ежедневно, да и так встречаемся. Как и Вам, мне он очень теперь по душе[2].

О здешних людях писать Вам не буду, расскажу при встрече. Мережковский, не смотря *на все*, очень интересен. Принужден уступить его; дарю ему жизнь. А вот Зиночка явно стареет. Она отказывается ради своего неохристианства ото всего, в чем была ее прелесть, и впадает в ничтожество, становится фигуркой с пепельницы[3]. Минский не меняется, да и не изменится до смерти ровно. С женой его, знаменитой Людмилой, видаюсь каждый день, в какой-то фантастической ее комнате, со ступенями вниз, в их роскошном полувенецианском палаццо на берегу Невы. "Играем в любовь". (По счастью, я скоро уеду). Был у Случевского, но испугался: не люди, а какие-то скоты, рассказывающие холостые анекдоты[4].

Зиночка дала для "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩" рассказ "Месса", не очень цензурный[5]. Митенька ничего[6]. Оба дали дополнения к стихам, он даст предисловие. Просят 400 р. выслать им в декабре[7]. Минский даст стихов (ах, и Людмила тоже)[8]. Случевский даст стихов (немного)[9]. От Розанова взял две статьи – малоцензурные, но прекрасные[10]. Волынского нельзя печатать. Минский и прошлый раз чуть не устроил скандала[11]. Набивается еще Рафалович, декадентствующий юноша, поклонник Верхарна[12]. М⟨ережковск⟩ие предлагают еще разные издания, расскажу, приехав.

Печатаете ли Вы что-нибудь? Отдайте набирать Бугаева![13] – Дягилеву о Тютчеве и Сомове говорили с С⟨еменовым⟩[14]. – Художника будем искать. А не поручить ли Баксту? он стал рисовать прекрасно![15]

Надеюсь приехать в Четверг[16].

Сегодня писали доклад цензору о Н⟨omo⟩ S⟨apiens⟩[17].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] Брюсов и М.Н. Семенов прибыли в Петербург 11 ноября 1902 г. Кому-то одному из них или обоим принадлежит неподписанная телеграмма Полякову, в которой содержится только указание, где они остановились: "Северная гостиница" (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 235). Можно предположить, что составлял ее Брюсов, поскольку точно такую же он послал жене в свой прежний приезд в Петербург ("Северная 190. Брюсов" – *ГБЛ*. Ф. 386, 69.2. Л. 1). Основной причиной поездки Семенова были цензурные хлопоты (см. прим. 2), Брюсова – участие в подготовке первых номеров "Нового Пути". 13 ноября он писал жене: «Перцов всюду меня представлял: "секретарь нашего журнала", хотя я ему очень определенно писал, что теперь секретарем не буду. Видимо, они хотят принудить меня согласиться с совершившимся фактом. Был в типографии, видел все вороха корректур, был в Литературной Книжной Лавке etc. etc. Все довольно-таки убого и совершенно безнадежно. Есть 5 годовых подписчиков и 1 на 1/2 года, итого 5 1/2. Есть при журнале кошка "Мопассан", диван клеенчатый и медная доска, которую хозяин дома не позволяет прибить к дверям. ⟨...⟩ В субботу ⟨16 ноября. – *Н.К.*⟩ "банкет" в пустой редакции "Нов⟨ого⟩ Пути"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.2. Л. 13–14). Судя по дальнейшим ежедневным письмам Брюсова к жене, постепенно он втянулся в редакционные дела журнала. Письма Семенова Полякову из этой поездки в Петербург см.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 181.

[2] Ср. в п. Брюсова жене от 20 ноября 1902 г.: "Вчера ⟨...⟩ с Семеновым бродил по скорпионьим делам. Как деловой человек сей Семенов просто неоценен" (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.2. Л. 34об.). М.Н. Семенов и Брюсов хлопотали в Петербурге по делу о "скорпионовском" издании романа С. Пшибышевского "Homo Sapiens",

переведенном Семеновым. Книга была отпечатана без предварительной цензуры (поскольку превышала объемом 20 печатных листов), однако Главное управление по делам печати приостановило ее выпуск в свет. В результате обращения Брюсова и Семенова в Главное управление по делам печати после исключения из книги "отдельных нецензурных мест и помещенного на обложке рисунка" запрет с нее был снят (*ЦГИА* г. Москвы. Ф. 31.3.419[а]. Л. 38; см. также п. 46, прим. 6). Семенов появился в орбите "Скорпиона" только осенью 1901 г., и первое впечатление Брюсова от него было неблагоприятное: «С.А. Поляков приводил ко мне некоего Семенова, племянн⟨ика⟩ сенатора, бывшего издателя "Нов⟨ого⟩ Слова": ныне переводчика Пшибышевского. Господин с белыми усами, достаточно развязный; впрочем, я почти не говорил с ним» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.15/2. Л. 37об.; опубликовано частично: *Дневники*. С. 106). Еще в сентябре 1902 г. Брюсов записывал: "В Москве Семенов, Мих.Ник. Мы с ним, встречаясь, тотчас спорим. Он меня раздражает своей сытостью, самоуверенностью и трехмерностью. Сергей Александрович уверяет, что он иной" (*Дневники*. С. 122). Только в этот приезд в Петербург Брюсов открывает для себя, что «Семенов лучше при ближайшем исследовании. Он чувствует "новые" настроения» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.16. Л. 26об.). Случай посвящает Семенова в интимную жизнь Брюсова, на короткое время Семенов становится его конфидентом. См.: *Semenov M.* Bacco e Sirene. Memorie. Roma, 1950. P. 226–229; *Дневники*. С. 127).

[3] Наблюдение Брюсова предупреждено самохарактеристиками Гиппиус в их эпистолярной полемике. Например, еще в п. от 24 декабря 1901 г. Гиппиус говорила в ответ на признания Брюсова: «Ах, Валерий Яковлевич! Отчего у вас так много страха в душе? Когда придет в нее Любовь? "У нас уже нет страха, ибо совершенная любовь изгоняет страх, а мы имеем дерзновение". Боитесь как бы не поступить "неблагородно", пристав к "сильному". Боитесь "Спасителя мира", потому что вдруг окажется, что Атлантида не для вас опустилась на дно, а для него. Боитесь отречься от Себя, – и этим, не замечая, *отрекаетесь* от Себя, ради себя; а не боялись бы момента отреченья – так и вышло бы оно, отреченье, *от себя для Себя*, т.е. тогда-то и было бы уже не "я", а "Я". ⟨...⟩ Да, ну, конечно, я не христианка в вашем, в общем смысле, значении. Я не говорила с Вами об этом слове так. Я говорила, как с "сотаинником" с вами. А вы не захотели понять, потому что иначе не спрашивали бы, как я, "колючая", могу быть христианкой. Оттого и могу, что колючая, оттого и колючая, что могу» (*ГБЛ*. Ф. 386, 82.36. Л. 3об.–4; ср. недатированное письмо конца 1901 г. – начала 1902 г. – Там же. Л. 5–10). Брюсов же и в "Дневнике" подчеркивал именно почудившуюся ему было утрату высоко ценимой им колючести в Гиппиус: "Зиночка очень много потеряла, стала мягче и скучнее. Говорит о божественности. Словно у нее жало вырвали" (*Дневники*. С. 128).

[4] Ср. о том же – *Дневники*. С. 124.

[5] Рассказ "Месса. (Переводная картинка)" напечатан в *СЦ 1903*. Автограф рассказа, с вычеркиваниями ⟨редактора?⟩ см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 128.14.

[6] В *СЦ 1903* Мережковский поместил отрывок «Из черновых набросков к роману "Петр и Алексей"» с примечанием: "Этот отрывок, в сильно измененном и переработанном виде, войдет в III главу романа". Черновой автограф этого фрагмента со значительной авторской правкой см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 129.3.

[7] Речь идет о подготовке в "Скорпионе" стихотворных сборников Гиппиус и Мережковского (ср. п. Брюсова от 29 апреля); Гиппиус говорила в письме к Брюсову от 3 ноября 1902 г.: "⟨...⟩ хочу написать о наших книжках. Бакст на днях приготовит обложку. Насчет условий – Д⟨митрий⟩ С⟨ергеевич⟩ поручил мне сказать следующее: он желал бы получить по 250 руб. за книжку, если же это дорого – по 200 р., а если и это дорого – то уж назначьте сами. Соображаясь с Сологубовскими условиями,мы, приблизительно, и ставим свои, его книга будет, кажется, напечатана лишь в 400 экз⟨емплярах⟩; наших же придется, думаю, выпустить 1200, – обычное число. Стихи мои (окончание, их довольно много) передам вам здесь – ведь вы сейчас приедете?" (*ГБЛ*. Ф. 386, 82.36. Л. 26об.–27об.). Ср. прим. 6 к п. Брюсова от 22 января 1903 г.

[8] Стихотворения Минского в *СЦ 1903* не появлялись, однако там была опубликована его статья "О двух путях добра. (Два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях)". В разделе "Разногласье" альманах поместил одно стихотворение Л. Вилькиной – "Освобождение (Из женских сонетов)" ("Я не любви ищу, но легкой тайны...").

[9] В *СЦ 1903* Случевский был представлен одним стихотворением – "Рецепт Мефистофеля" ("Я яд дурмана напущу...") – в разделе "Разногласье".

[10] В *СЦ 1903* были напечатаны розановские "Звериное число" и "Мимолетное", "статья" и "заметка" (как названы они в подзаголовках, выставленных только в оглавлении). Автограф с авторской правкой статьи "Звериное число" см.: *ГБЛ*. Ф. 386. 129.19.

[11] См. прим. 1 к п. Брюсова от 6 декабря 1901 г. Волынский в *СЦ 1903* не печатался.

[12] В *СЦ 1903* помещены в разделе "Разногласье" два стихотворения С. Рафаловича – "Первое желание" ("Когда запретный плод сорвать решилась Ева...") и "Два друга" ("Рабски предан мне и верен...").

О знакомстве с Рафаловичем см. также: *Дневники*. С. 125.

[13] Брюсов говорит о книге Андрея Белого "Северная симфония" ("1-я, героическая"), выпущенной "Скорпионом" в октябре 1903 г. (на книге – 1904). 8 ноября 1902 г. Белый уведомлял Брюсова о скорой доставке рукописи (*ЛН*. Т. 85. С. 350).

[14] Возможно, речь снова зашла о том обмене, о котором Поляков писал Брюсову 29 апреля 1902 г.

[15] По всей видимости, Брюсов говорит об обложке для *СЦ 1903*, действительно порученной Баксту (о судьбе ее см. примеч. 5 к п. Брюсова от 18 декабря 1902 г.). Еще 17 ноября 1902 г. Брюсов писал жене из Петербурга: «Бакст нарисовал прекрасную "марку" для "Нового Пути" (формата громадного). Перцов не хочет ее брать как декадентскую. Я ее намерен взять для "Сев⟨ерных⟩ Цветов". Скажи об этом Серг⟨ею⟩ Ал⟨ександровичу⟩. Очень хорошо сделано, в два тона». А 20 ноября он рассказывал ей, что накануне в редакции "Мира искусства" «говорили ⟨...⟩ о треугольнике Бакста с "Н⟨овым⟩ П⟨утем⟩" (его, вероятно, возьмет сам Мир И⟨скусства⟩» (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.2. Л. 26об.–27, 34). Ср. с записью в *Дневнике* под 20 ноября:

«Бакст нарисовал прекрасную марку для журнала "Новый Путь". Мережковским она очень понравилась. Но Перцов отверг ее решительно за декадентство. – "Это будет не "Новый путь", а "Мир искусства" или "Северные Цветы"» (*Дневники*. С. 125). 28 ноября Семенов сообщал Полякову: "Сейчас идем с Бр(юсовым) к Баксту" (*ГБЛ*. Ф. 386, 102.32).

[16] Ср. в только что цитированном п. Семенова: "Брюсов остается до субботы, стало быть, я тоже". Последнее письмо поэта из Петербурга жене датировано пятницей, 29 ноября (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.4. Л. 29).

[17] См. прим. 2.

54. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 18 декабря⟩ 1902.

Дорогой Сергей Александрович!

Следовало бы увидаться. Но где? В среду Вы на дне?[1] Если нет, заглянете? Или мне к Вам в базар?[2] *Все просят денег*. Просят Мережковские, обещая выслать все остающееся[3]. *Просит Бальмонт* – выслать скоро, по телеграфу, 100–150 р⟨ублей⟩ за Сев⟨ерные⟩ Цв⟨еты⟩, или за Ибсена, или хоть в долг[4]. И других всяких дел много. Если в среду не увидимся, в четверг зайду. Иначе напишите.

Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Бакст согласен нарисовать обложку[5].

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте: Москва. 18.12.1902 и по содержанию; однако писано письмо, скорее всего, накануне гашения марки, т.к. 18 декабря 1902 г. было средою.

[1] 18 декабря 1902 г. на сцене Московского Художественного театра состоялась премьера пьесы М. Горького "На дне".

[2] Имеется в виду ресторан "Славянский базар". Ср. в воспоминаниях М.Н. Семенова, рассказывающего, как он осенью 1901 г. с рукописью перевода "Homo Sapiens" С. Пшибышевского приехал в Москву, «где только что возникло издательство "Скорпион", которое, по моим предположениям, должно было согласиться его напечатать. В Москве мне сказали, что "Скорпион" – это С.А. Поляков, который обретается на Ильинке, в Юшковом переулке, в "Знаменской Мануфактуре". ... Иду. Передо мною большой многоэтажный дом. Это "Знаменская мануфактура". Спрашиваю С.А Полякова. Мне предлагают подняться лифтом на восьмой этаж. Большой зал, множество столов, за которыми сидят погруженные в работу люди, щелкающие на счетах. Часть зала выгорожена стеклянной стенкой. Касса. Перед окошком главный кассир С.А. Поляков, выдает и приходует тысячерублевые билеты сотнями. Невысокого роста, худой, светлая бородка, очень похож на портрет Достоевского. Представляюсь. Начинаю говорить о Пшибышевском. – Ах, что вы, простите, не здесь. Приходите в два завтракать в "Славянский базар", справа от входа спросите столик Полякова» (*Semenov M.N.* Bacco e sirene. P. 224–225).

[3] См. прим. 7 к п. Брюсова от 23 ноября 1902 г и прим. 6 к его же п. от 22 января 1903 г.

[4] См. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 86.

[5] Как видно из п. Бакста к Брюсову от 16 декабря, тот – то ли на свой страх и риск, то ли получив указание от Полякова (ср. п. Брюсова от 23 ноября 1902 г.) – заказал художнику обложку к *СЦ 1903*: «Простите меня, – писал Бакст, – что не навестил Вас в Петербурге; все откладывал со дня на день, а потом мне в "М(ире) И(скусства)" сказали, что Вы уже уехали. Дела действительно пропасть. Хотелось бы очень сделать заглавный лист Вам – но скажите *самый крайний* срок и – постараюсь. Неужели 1 января выпускаете книжку? Ответьте. ⟨...⟩ Условия – сомовские». 28 декабря художник снова спрашивал: "Если к 30 января – не поздно – то пришлю Вам обложку". Только 15 марта он извещал, что обложка готова: «Оставил в "Мире Искусства", так как думал, что Вам удобнее ее оттуда взять, да и журнал привык и умеет отсылать рисунки, не портя их. Если возможно, сохраните формат книжки согласно обложке, не уменьшая ее – будет красивее и стильнее. Кроме того, если возможно тоже, не печатайте ничего набором на обложке» (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.31, Л. 1–5). Историю обложки *СЦ 1903* освещает черновик письма, которым Брюсов отвечал на просьбу Бакста из Франции (письмо к Брюсову от 17/30 апреля 1903 г. – *ГБЛ*. Ф. 386, 75.31. Л. 7) выслать ему гонорар за обложку: «Я не мог Вам ответить раньше, потому что меня не было в Москве – тоже бродил "за границей", совсем недалеко от Вас. А Скорпион не знал Вашего адреса. Чек посылаю. А рисунок Ваш, как Вы, вероятно, знаете, цензура запретила. Бессмысленное варварство! Наскоро мы вставили в Вашу рамку какую-то старинную гравюру. Я распорядился снять с обложки Вашу подпись. Так как Вашего рисунка не оказалось, мы почли себя в праве и *прибавить* внизу несколько слов, по возможности в стиле Вашего заглавия. Все это чудовищно, конечно. Получилась совершенно немыслимая смесь. Но что нам оставалось делать, когда накануне выхода книги нам запрещают обложку!» (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.24. Л. 1–2; Там же. Л. 3–4 другой вариант этого п.; оба черновика помечены только годом – "1903", написаны они, вероятно, сразу по возвращении Брюсова из Парижа после пребывания там в конце апреля – начале мая). Подлинник бакстовской обложки хранится в *ГЛМ* – КП 4806. На обложке *СЦ 1903*, в которой альманах поступил в продажу, Баксту принадлежит рамка и частично шрифтовые элементы, гравюра, вставленная в первоначальную рамку – немецкого художника Отто Вениуса. Часть текста на обложке написана М.А. Волошиным. См.: *СЦ 1903*. С. 192.

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ "СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ"
По рисунку Л.С. Бакста
"Весы", 1906, № 2

ОБЛОЖКА "СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ".
М.,"СКОРПИОН", 1903
Часть текста (внизу) – М.А. Волошина.

55. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 11 января⟩ 1903

Дорогой Сергей Александрович!

Нов⟨ый⟩ Путь намерен выйти *1го* февраля. Поэтому, если можно, переведите что-либо тотчас. А если уж нельзя, – известите. А Юргис отказался[1]. Состоится ли наша встреча в понедельник, о которой Вам говорил М⟨ихаил⟩ Н⟨иколаевич⟩[2]?

Ваш В а л е р и й

[1] Речь идет о подборе материалов в первые номера журнала – ср. след. п.
[2] М.Н. Семенов.

56. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 14 янв⟨аря 19⟩03

Дорогой Валерий Яковлевич!

Заглавного листа я не видал еще, но если Вы находите его возможным, то подписывайте. Я от Лернера тоже получил письмо, которое Вам пересылаю[1]. В четверг[2] постараюсь быть, так как сижу дома уже три дня и выздоравливаю.

Относительно чего-нибудь переводного для "Пути" могу сообщить Вам следующее: у меня есть готовый рассказ, даже переписанный, Дагни Пшибышевской; я вам его пришлю. Если же он не годится, то Альтенберг будет на днях, или могу прислать Вам в С⟨анкт⟩ П⟨етер⟩б⟨ург⟩ "Зверей" Гамсуна[3].

До свидания. Ждет околоточный.

Ваш С е р в и й.

P.S. Мой привет Иоанне Матвеевне.

К п. прилагалась открытка Лернера, цитируемая в прим. 1.

Несомненно, ответ на п. от 11 января и, видимо, на неизвестное п., в котором Брюсов сообщал о получении из типографии "заглавного листа" (скорее всего, именно книги Лернера) и о письме последнего (в архиве не сохранившемся, если только речь шла не о письме Лернера от 30 декабря 1902 г. – см. прим. 1).

[1] Речь идет, очевидно, об открытке, сохранившейся среди писем Лернера к Брюсову. Она помечена 6 января 1903 г., адресована «Книгоиздательству "Скорпион"». В ней говорится: "Так как я долго не получаю известий о Вал.Як. Брюсове ⟨...⟩, то покорно прошу уважаемое Книгоиздательство отправить мне (в зачет остальных следуемых мне денег двадцать пять (25) экземпляров моей книги, которая, к⟨ак⟩ писал мне Валерий Яковлевич, уже вышла из печати" (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.14. Л. 1). Перед тем, 30 декабря 1902 г., Лернер обращался с той же просьбой (" в счет не целиком еще мною полученного гонорара") к Брюсову (Там же, 92.13. Л. 41). Лернер, видимо, получил свои 25 экземпляров. См.: Там же. 92.14. Л. 28, 9). См. также прим. 3 к п. Полякова Брюсову от 12 июня 1902 г.

[2] 16 января.

[3] В 1903 г. никаких переводов Полякова в "Новом пути" не появлялось.

57. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 16 янв⟨аря 19⟩03.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Все-таки к Вам нынче я не попадаю, к моему величайшему сожалению, так как, кроме всего, мне хотелось бы встретиться с Бальмонтом именно у Вас; завтра же Вы уезжаете[1], и, таким образом, мое желание теряет возможность быть исполненным. Завтра, если Вам возможно, встретимтесь в Славянском в 1 ч⟨ас⟩ дня. Пригласите на наше собрание и Константина Дмитриевича: быть может, он найдет возможным прийти.

Ваш С е р г и й.

[1] Брюсов отложил отъезд в Петербург из-за смерти О.М. и М.С. Соловьевых (16 января) (*Дневники*. С. 129).

58. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

20 января 1903 г.
П⟨етер⟩б⟨ург⟩, Северная, 188.

Когда сидели мы, дорогой Сергей Александрович, на станции, некие люди купили "Долой Гауптмана"[1]. Я было обрадовался. Но вдруг они рассмотрели, что это не Гауптман; а они прочли "Долой" – Гауптмана. И, рассердившись, стали они ругаться:

– Черт знает, что такое! Шарлатанство! Настоящий подлог! Вот тебе и декадентская обложка! Ловко товар сбывают! Небось какой-нибудь идиот за пятачок написал.

Я уже хотел дать им семь гривен, но они пошли в киоск и обменили книжку на какой-то "Перелом".

Я так огорчился (расспросите И⟨оанну⟩ М⟨атвеевну⟩), что в Клину купил бутылку Beaujolais, изделия Депре, и пил одиноко. Вино – дрянь поразительная, какой-то медок (если это слово происходит от "мёд")[2]. Теперь сижу в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ и еще уныл.

Я увез с собой корректуры Пушкина (моего), ибо прочел, что книга Шляпкина вышла. Я ее куплю и использую для "дополнительных" примечаний[3].

Похлопочите о Лернере. Его адрес до 25 янв⟨аря⟩: Кишинев, Николаевская 79, Ник⟨олаю⟩ Ос⟨иповичу⟩.

Пишите мне.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Присылайте сюда М⟨ихаила⟩ Н⟨иколаевича⟩ или хотя бы "Homo Sapiens". Я распространю[4].

Черновик этого письма – *ГБЛ*. Ф. 386, 76.16. Л. 3.

Спутником Брюсова и его жены должен был быть М.Н. Семенов – черновик, в целом идентичный окончательному тексту письма, начинается словами: "Ехал я очень скучно, дорогой Сергей Александрович, надеялся, что будем вместе с М⟨ихаилом⟩ Н⟨иколаевичем⟩, но он изменил".

[1] Речь идет о выпущенной "Скорпионом" еще летом 1902 г. по предложению и в переводе М.Н. Семенова книге немецкого критика Г. Ландсберга "Долой Гауптмана!"

[2] Упомянуто московское виноторговое "Товарищество К.Ф. Депре". Каламбур основан на омонимии французского названия рода вина: "медок" (médoc) и уменьшительного от слова "мёд"; подразумевается, что мед употребляется при фальсификации вина.

[3] Ср. в "Предисловии" к упоминаемой книге, подписанном "Скорпион", но составленном, несомненно, Брюсовым: «В Приложениях помещены поправки и дополнительные примечания, сделанные во время печатания книги. Между прочим, здесь использованы данные, обнародованные в только что появившейся книге И.А. Шляпкина "Из неизданных бумаг А.С. Пушкина". СПб., 1903» (Письма Пушкина и к Пушкину: Новые материалы, собранные книгоиздательством "Скорпион" / Ред. и прим. Валерия Брюсова М., 1903. С. VII). Ср. прим. 4 к п. Полякова от 22 мая 1902 г.

[4] Московский цензурный комитет разрешил выпустить из типографии исправленный тираж романа Пшибышевского 18 декабря 1902 г. Брюсов изъявляет готовность развезти издание по петербургским книгопродавцам.

59. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Петербург. 22 января⟩ 1903.

Дорогой Сергей Александрович!

У меня есть к Вам две *полу*денежные просьбы.

1. В несчастный час поручил я Мих⟨аилу⟩ Ив⟨ановичу⟩ сделать "виньетки". Он что-то сделал. Если мыслимо, возьмите их у него – б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, пригодятся. А я сейчас совсем разорен. Он же и не спросит многого[1].

2. В книге о Пушкине сделаны были мною выкидки – я кое-что начал было печатать, а после отдумал (листа 2–3). Я хотел было заплатить за них В.И. ⟨Воронову⟩, да все денег не было. Возьмите их в общий счет книги. Это будет и не очень несправедливо, ибо я верю, что книгу будут покупать. Подумываю уже о втором издании[2]. В книге будет 12 листов, 4 fac-simile и 5 рисунков Пушкина. Полагаю, ей можно назначить цену 1 р. 50.

Третья просьба от "Нового пути":

Дайте "Викторию" – поскорей и побольше. Чтобы начать печатание в 3-й книжке, надо получить начало к 1 февраля или в самом начале февраля. (Кстати, что же М⟨ихаил⟩ Н⟨иколаевич⟩ не шлет Альтенберга?)[3]

У "Нового пути" подписчиков 1217. Каково! "С⟨еверные⟩ Цв⟨еты⟩" так не расходятся![4] Сколько раз мы уговаривали Вас издавать журнал[5]. Эти 1217 были бы наши! Я думаю, что успех создан объявлениями. Перцов уже истратил на них 2000 р. и тратит еще, а получил больше 8000 р. – процент хороший. Пусть-ка и "Скорпион" примется за объявления и за рассылку плакатов. Хотите, я займусь этим в Петербурге? Присылайте текст объявлений и деньги. Буду наполнять "Скорпионом" "Н⟨овое⟩ Вр⟨емя⟩", "Журн⟨ал⟩ для Всех" и т.д. А то Розанов рассказывал мне, что один его знакомый хотел купить "Сев⟨ерные⟩ Цветы" и *не нашел* их в Петербурге!!!

Мережковские ... обиделись на 400 р.: они ждали 500[6]. "Ну публика", как сказал бы Дорошевич.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Пишите мне, и заглядывайте иногда к Иоанне Матв⟨еевне⟩.

Северная. № 188, С⟨анкт-⟩ П⟨етер⟩б⟨ург⟩.

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте и по содержанию.

[1] Речь идет о художнике *М.И. Шестеркине* (1866–1908) (об отношениях с ним Брюсова см.: *ЛН*. Т. 85. С. 623). Виньетки Шестеркина в "Весах" появились только однажды (1908, № 7), но те ли это, о которых говорит Брюсов, – неизвестно.

[2] Речь идет о выпущенной "Скорпионом" книге "Письма Пушкина и к Пушкину" (ред. и прим. Валерия Брюсова). Объем ее – 11 печатных листов, номинальная цена – 1 р. 50 коп.; единственное издание увидело свет в 1903 г.

[3] См. п. 56.

[4] Ср. в п. Брюсова жене от ⟨21? января 1903 г.⟩: "Нов⟨ый⟩ Путь идет прекрасно. Подписчиков 1184. Редакция обставлена как следует – столы, конторки. Получается множество газет, журналов. Приятно быть" (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.4. Л. 6об.). – *СЦ 1901* были отпечатаны тиражом 3025 экз., *СЦ 1902* – 1800 экз., *СЦ 1903* – 1200 экз; одновременно с выпуском *СЦ 1903* были пущены в продажу все три альманаха под одной новой

обложкой В.Э. Борисова-Мусатова – *СЦ 1901–1902–1903*, тиражом 600 экз., с использованием неразошедшихся тиражей первых двух выпусков.

[5] Под "мы" нужно понимать в первую очередь "скорпионов" – Брюсова, Балтрушайтиса, Семенова, возможно, Бальмонта. Семенов в мемуарах приписывал себе основную заслугу в том, что Поляков решился издавать "Весы": «Издательство "Скорпион" росло. Вокруг собиралось все, что только было приметного в русской литературе. Ему не хватало только своего органа, журнала. И тогда ⟨...⟩ я стал настойчиво просить Полякова о журнале и даже придумал ему название. Так в скорости появился журнал "Весы"» (*Semenov M.N.* Bассо e sirene. P. 250).

[6] Ср. прим. 7 к п. Брюсова от 23 ноября 1902 г. В декабре 1902 г. Брюсов выслал Мережковским гонорар за их произведения для *СЦ 1903*, еще даже не полученные редакцией. Мережковский, отправляя в Москву свой "набросок" (см. прим. 6 и 7 к п. Брюсова Полякову от 23 ноября 1902 г.), писал Брюсову: «Деньги получил – 200 р. – но нахожу, что это очень мало. Может быть, можно побольше? Мне кажется, что за две книги стихов было бы справедливо – не 400, которые мы уже получили, а 500 р. Наверное не помню, сколько было окончательно установлено, 200 или 250, за книгу. Но нельзя ли походатайствовать за 250? И отрывок о Петре, пожалуй, стоит один 200 р.? Он довольно забавен? Ну, впрочем, как хотите – спорить не буду... Я ведь потому это, что в "Н⟨овом⟩ П⟨ути⟩" ни гроша не получаю, так что мы совершенно обеднели... Пригласите Мирович. Для "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩" стихи Гиппиус: "Числа", "Алмаз", "За дьявола Тебе молю, Господь...". Если решите прислать больше (я все-таки надеюсь) – то пришлите поскорее. Когда приедете. Жаль, что Вы нам изменили! Вас очень нам недостает... Наберите тщательно, исправьте аккуратно и пришлите корректуру непременно. Заглавия не меняйте» (*ГБЛ*. Ф. 386, 99.44. Л. 18 и об.). Объясняться с Мережковскими насчет гонораров пришлось Брюсову. Сохранился черновик его ответа (или неотправленное письмо?) на цитированное письмо Мережковского, помеченный "1903", но датирующийся достаточно определенно по содержанию: «Я писал Вам, что посылаю от Скорпиона двести рублей, не как полную "оплату" Ваших (и Зинаиды Николаевны) страниц в Сев⟨ерных⟩ Цветах, но "в счет". Как-то однажды Зинаида Николаевна писала нам, что считает свой гонорар в 150 р. с печатного листа. Так мы и продолжаем считать. И Вы хорошо знаете, что это гонорар довольно значительный. Северные же Цветы пока давали издателю только убыток. Что до оценки сборников стихов, то 200 и 200 р. – цифры, опять указанные Зинаидой Николаевной. Притом ее сборник будет так невелик, что за него назначить нельзя даже 1 р⟨убля⟩ в продаже. Сделайте расчет, и Вы увидите, что Скорпион едва получит обратно свои деньги, если издание даже распродастся до конца» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.60. Л. 7–7об.).

"ВЕСЫ", 1905, № 2

Виньетка по рисунку В.Э. Борисова-Мусатова

60. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 23 января ⟨19⟩03

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо меня очень расстроило по многим причинам, но об этом после; пока же сообщаю Вам, что Лернер вышел и был весь уже готов в субботу[1], и прошу у Вас разрешения продавать его до выхода Вашего "Пушкина". Впрочем, это как Вы хотите и считаете нужным.

Счет за Лернера подали в 392 руб., что с прочими расходами представит сумму, превышающую возможную выручку, но, конечно, дороже рубля Лернеру цену назначать было нельзя[2]. Книжка внешним видом мне очень нравится.

Всех благ.

Ваш С е р в и й.

На почт. бумаге "Товарищества Знаменской Мануфактуры А.Я. Полякова".
Ответ на п. Брюсова от 20 января.

[1] Писано в четверг, субботою было 18 января.
[2] Номинальная цена книги Лернера – 1 рубль.

61. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 25 янв⟨аря – 27 января 19⟩03

Дорогой Валерий Яковлевич!

Огорчение, которое я было приписал Вашему последнему письму, оказалось вызванным разными предшествовавшими событиями, и я рад, что не высказал его тотчас же...

27 янв⟨аря 19⟩03

Видите, я сам отказался от своего огорчения, раньше Вашего 3ьего письма, но не нашел времени дописать письмо.

Лернера буду держать: это, конечно, теперь я сам вижу, лучше и солиднее.

"Викторию", конечно, не пришлю, так как Вы мне назначили раньше 17 февр⟨аля⟩. М.Н. ⟨Семенов⟩ не прислал Альтенберга, не найдя ничего подходящего, пришлет "Эпипсихидион" Пшибышевского, который на днях будет набран[1]. Вообще же, я думаю, переводов "Путь" найдет тысячи и Вы только так, что говорится "любя", нас упрекаете.

В заключение все-таки возвращаюсь к Вашему 2ому письму[2].

Легким поводом к огорчению для меня, без всякого основания, было недовольство Мережковских: из Ваших слов я понял, что четырехстами они удовольствуются, а они, очевидно, обиделись сильно, ибо даже не известили о получении денег. Сообщите им, что остальное они получат, когда мы получим остальной материал.

Второе огорчение – Ваше северное заключение о судьбе нашего журнала, если бы он когда-нибудь осуществился: + 1.200 – никогда бы не было, но были – 500 и больше, чего в Вашем "Пути", в такой мере, вероятно, нет.

Далее, объявления!!! Но это, Вы знаете, мое больное место! нет во мне веры в них.

Остальные Ваши замечания приму к сведению, хотя Вы все-таки с Мих.Ив. когда-нибудь сами поговорите, ибо он возьмет с меня не менее 15 руб. за рисунок, как раза два получал Ягужинский[3], что Мих.Ив., конечно, известно. Я все никак не выздоровею и потому, должно быть, злюсь. Всех благ.

Ваш С е р г и й

Почт. бумага "Товарищества Знаменской Мануфактуры А.Я. Полякова".
Ответ на пп. Брюсова от 20 и 22 января и, по всей вероятности, еще на одно, неизвестное "третье письмо" из Петербурга, в котором Брюсов откликался на "огорчение" Полякова, просил "Лернера ⟨...⟩ держать", а перевод для "Нового пути" прислать до 17 февраля – ср. комментируемое письмо.

[1] См. прим. 3 к п. Полякова от 14 января и прим. 3 к п. Брюсова от 22 января.
[2] Т.е. к п. от 22 января 1903 г.
[3] Мих.Ив. – Шестеркин; Сергей Иванович *Ягужинский* (1862–1947) – художник, оформил для "Скорпиона" бунинский "Листопад" (1901). О каких рисунках его говорит Поляков – неизвестно. О гонораре художникам в "Скорпионе" можно судить, например, по расценкам Н.Н. Сапунова, получавшего за виньетки для декабрьского номера "Весов" на 1905 г. (он же январский на 1906 г.) по 7 руб. 50 коп., за рисунки – по 25 руб. (*ИМЛИ*. Ф. 76, 3.178); виньетки и рисунки К.А. Сомова Поляков покупал по 20–30 руб. (*ИМЛИ*. Ф. 76, 3.15).

62. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Петербург. 30 января 1903 г.⟩

А что объявления полезны, по-моему, явный пример "Новый Путь". Теперь *свыше* 1400 подписчиков[1]. И объявления печатаем беспрерывно. Есть и разные другие способы распространения. Есть артель "Книжный мир", есть в Москве "адресное дело"[2] и т.д. и т.д. Неужели же из печатаемых ныне третьих С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩ разой-

"ВЕСЫ", 1905, № 8

Рисунок Н.К. Рериха к пьесе М. Метерлинка "Принцесса Мален"

дется столько же, сколько вторых? Руки опускаются. Здесь Пшибышевский, лично ставит свои пьесы. Пойду смотреть. Едет Метерлинк.

903. В.

Пришлите мне несколько Лернеров, пожалуйста.

Открытка.
Ответ на предыдущее письмо.

[1] Ср. дневниковую запись: «Жил в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ еще три недели. "Новый Путь" стал на ноги. Подписчиков прибыло при мне до 1700. Каждый день по 20–30. Перцов принял деловой вид» и т.д. (*Дневники*. С. 129).

[2] Возможно, Брюсов по делам "Нового пути" сталкивался с одной из фирм "адресного дела", о роде услуг которых дает представление рекламное объявление "Первого С.-Петербургского Адресного дела": "Всевозможные готовые АДРЕСА лиц, учреждений и торгово-промышленных фирм ВСЕЙ РОССИИ, готовые для наклейки на конверты и бандероли при рассылке прейскурантов, проспектов, каталогов и пр." (Весь Петербург на 1908 год: Адресная и справочная книга С.-Петербурга. 15-й год изд. СПб., 1908. С. 1100). В данном случае Брюсов имеет в виду, очевидно, московскую фирму "Адресное дело" (основана в 1891 г.).

63. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 17 февраля⟩ 1903.
Ч⟨истый⟩ П⟨онедельник⟩.

Дорогой Сергей Александрович!

Необходимо **тотчас** решить, какие виньетки пойдут в Сев⟨ерные⟩ Цв⟨еты⟩ этого года[1]. Без этого нельзя подписывать к печати 1 листа, а он готов. Также затрудняюсь я без Вашего согласия установить первую страницу; есть причины[2]. В среду Вы будете у нас? Но это поздно. Надо бы во вторник. Не заедете ли днем? или если Вы точно будете в Славянском[3], я зайду туда, тогда известите. И самые клише захватите. Времени у нас на 16 листов всего 4 недели (5-ая цензура, 6–7-продавать).

Ваш В а л е р и й

Датируется по помете неизвестной рукой на отнесенном к письму конверте: "1903, Ч.П. (чистый понедельник)", то же сокращение при годе на письме; имеется в виду первый день Великого поста, что согласно с последней фразой письма, указывающей ритм выхода альманаха по неделям поста, чтобы успеть к предпраздничной торговле.

[1] В *СЦ 1903* "Скорпион" дал вперемешку виньетки, украшавшие оба предыдущих выпуска альманаха.

[2] Что имеет в виду под "первой страницей" Брюсов, неизвестно. В окончательной композиции *СЦ 1903* открываются кратким предуведомлением за подписью "Скорпион", текстовая часть начинается со стихотворения Тютчева "Самосознанье" ("Святая ночь на небосклон взошла...").

[3] Т.е. в ресторане "Славянский базар".

64. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 21(?) февраля⟩ 1903.

Дорогой Сергей Александрович!

Я подписал 1-ый лист "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩", но в типографии есть только "особая" бумага – для первых 600 экз., а обычной нашей бумаги для других 600 нет. Первой бумаги (особой) много, до 9000 листов, так что ее хватит и на все 1200 экз⟨емпляров⟩ (на 1000 наверное), но тогда нельзя будет сброшюровать три года в одну книгу. Я, согласно решению, подписал печатать 600 на одной и 600 на другой[1].

Ответьте, приглашать ли Случевского. Он не очень нужен, конечно, но м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ для почета? А также настаивать ли на Минском, которому я уже говорил в свое время? Затем – самое важное. Если печатать отрывок из "Петра" Мережковского, то надо ему теперь же послать за него деньги[2]. Решите.

Наконец: у Вас ли стихи Зиночки, первые, которые она отдала еще в прошлом году? Кажется, я Вам передал их перед отъездом за границу[3].

Ответьте. Ах, если б была уже контора и определенные часы встреч! "Это необходимо", как говорит Тернавцов[4]. Снимайте; неужели ждать возвращения М.Н. ⟨Семенова⟩?

Вчера я был у юношей-поэтов, затеявших журнал[5]. Они рассказывали мне, с какими трудностями добывали они "Tertia Vigilia". Ныне наконец ее нельзя добыть вовсе нигде. Так ли? Оберите оставшиеся экземпляры из магазинов. Они очень понадобятся при продаже "Urbi et orbi". А все-таки я не верю, что несколько пачек не погребены где-то у Юргиса[6].

Контору! Контору! Контору! – Надо же иметь Скорпиону свою нору.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте: Москва. 21.II.1903; однако шт. гашения марки не сохранился, тем самым письмо могло быть написано и днем раньше.

[1] О тираже *СЦ 1903* см. прим. 4 к п. Брюсова от ⟨22 января⟩ 1903 г. По известным экземплярам *СЦ 1903* выяснить, существовал ли тираж на "особой" бумаге, – не удалось. Известные экземпляры тройного выпуска *СЦ* печатаны на однородной, "обычной" бумаге "Скорпиона".

[2] См. прим. 6, 8 и 9 к п. Брюсова от 23 ноября 1902 г.

[3] Ср. п. Брюсова от 29 апреля 1902 г. В *СЦ 1903* помещен цикл из трех стихотворений Гиппиус – "Числа"; речь может идти, однако, и о стихах, назначавшихся в выпускаемый "Скорпионом" сборник поэтессы.

[4] Валентин Александрович *Тернавцев* (1866–1940) – синодский чиновник, богослов, участник петербургских Религиозно-философских собраний.

[5] Брюсов, вероятно, говорит о собрании у С.А. Соколова, описанном в *Дневнике* (с. 131). После несостоявшейся попытки издавать журнал Соколов выпустил альманах "Гриф", положивший начало деятельности одноименного издательства.

[6] Ср. прим. 2 к п. Полякова от 31 октября 1900 г.

65. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 22 февраля⟩ 1903

Дорогой Сергей Александрович!

Курсинский просил меня "похлопотать", чтобы Вы дали ему взаймы тысячу р. Делаю это. Во-первых, я полагаю, что ни 1000 р. ни 2, 3, 4 ему не помогут. Причина его бед не вне, а в нем. Во-вторых, полагаю, что если б и избавился он ⟨от⟩ своих бед,

получился бы только скучный подражатель Бальмонта или Леонида Андреева (кого случится). А впрочем, он очень жалок и, видимо, действительно пропадает[1].

Я получил оттиск рисунка Фидуса на чудовищной серой бумаге. Надо светлую бумагу, бледную, яркую, яркую! Будем как солнце![2]

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Мне необходимо нужен 1 экз⟨емпляр⟩ Лернера: должно поднести П.И. Бартеневу, которому книга *посвящена*. При случае захватите, прошу очень[3].

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте.

[1] Ср. запись С.И. Танеева о том, что Курсинский "хочет разводиться и ищет занять 500 руб." (*Танеев С.* Дневники. М., 1985. Кн. 3. С. 15).

[2] Книга Бальмонта "Будем как Солнце" (1903) выпущена "Скорпионом" под обложкой работы немецкого художника Фидуса (Х. Хеппенера). Обложка была тиражирована на розоватой бумаге.

[3] Книга Лернера посвящена одновременно Бартеневу и Брюсову. «Вы знаете, что я посвятил ее П.И. Бартеневу, – писал автор Брюсову, – я хочу этим принести дань уважения его 50-летним трудам "на жестких глыбах сорной нивы". Вам, как моему другу и брату по духу, я хочу засвидетельствовать мою дружбу и признательность и присоединить к этому посвящению и Вас. Надеюсь, что Вы против этого ничего иметь не будете» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.12. Л. 18).

66. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Париж.⟩
9 Floréal an⟨née⟩ 111 ⟨14/27 апреля 1903 г.⟩

Холодно, холодно, холодно. Дождь. Это припев всем нашим речам. По пути пили усердно мадеру. Ибо ехали в летних пальто. Мадера по мере удаления от Москвы становилась все хуже. Наконец в Варшаве подали нам вино, которое при перемене ярлыка могло сойти не только за портвейн, но и за английскую горькую. В Кельне обмерзали совсем в нетопленом №. Пили Рейнвейн и Мозельвейн. Здесь все тот же дождь, но хорошее красное вино. В самых последних ресторанчиках, в "бульонках", расхожее, но съедобное вино. О, старое, мудрое правило: вино можно пить лишь в той стране, где их (так. – *Н.К.*) выделывают. И⟨оанна⟩ М⟨атвеевна⟩ блуждает по универсальным магазинам. Они подобно Дантовскому аду разделены на ярусы или круги. Сонмы дам, изображающие мучимых грешниц, кричат, вопят, теребят выставленные предметы, продающих и друг друга. Шум, свист. Я убегаю в Salons de lecture* . Здесь бесплатно газеты и бумага для писем. Бюсты основателей магазинов и их имена в лавровых венках. Они заслужили эти венки! Кстати. Как мало декадентства и нового стиля в Париже! Впятеро меньше, чем в Москве. Напишите мне.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Rue et hôtel Port Mahon[2]*
№ 9 № 29

P.S. Собирайте, прошу, рецензии о Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етах⟩ и вообще весь бранный лепет пеков⟨?⟩

V

На почт. бумаге "читальной залы магазинов Бон Марше, Париж ("Salon de Lecture des magasins du Bon Marché, Paris"). Датировано по французскому республиканскому календарю, исчисляющему новую эру от 22 сентября 1792 г.

---

* Читальные залы (*фр.*).

[2]* Улица и гостиница Пор Маон (*фр.*).

67. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Париж 25 апреля/8 мая 1903 г.⟩

Познакомился здесь и много видался с Вячеславом Ивановым[1] и его женой, автором "Пламенников"[2]. Он очень интересен, хотя и томителен с своим Дионисом. Она – довольно-таки пустая особа, извне набитая чужими идеями, как чучело соломой. Иногда говорит она вещи глупые до поразительности. А ведь Вы на издание романа согласились?

Очень прошу, пошлите "Сев⟨ерные⟩ Цветы" Морфилу. (3 вып⟨уск⟩) Адрес: William R. Morfill. Oxford. 4 Clarendon Village[3].

Выезжаем в воскресенье[4]; сутки в Берлине. Не разглашайте это особенно среди грифов[5].

Ваш Валерий

На почт. открытке парижской гостиницы "Пор Маон", где останавливались Брюсовы.

[1] История отношений Брюсова с Ивановым отражена в их переписке (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 428–549). В конце апреля – начале мая 1903 г. Иванов читал курс по истории древнегреческих дионисийских культов в Высшей русской школе общественных наук.

[2] К жене Иванова, Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал, и ее творчеству Брюсов и позже сохранял устойчивую антипатию (ср.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 243). Предложение романа Зиновьевой-Аннибал "Скорпиону" предшествовало знакомству Брюсова с Ивановым, в феврале-марте 1903 г. он записал в дневник: «Являлась г-жа Замятнина* от Вяч. Ив⟨анова⟩ пристроить роман его жены "Пламенники"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.16. Л. 31об.; о М.М. Замятниной см.: *ЛН*. Т. 85. С. 434). Работа над книгой не была окончена, и она осталась неизданной.

[3] О связях Брюсова с английским славистом Уильямом Р. Морфиллом см.: *Ильёв С.* Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // В. Брюсов и литература конца XIX–XX века. Ставрополь, 1979. С. 90–106.

[4] Писано в пятницу.

[5] Т.е. в окружении С.А. Соколова (ср. прим. 5 к п. Брюсова от 21 февраля 1903 г.).

68. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨28 мая? 1903 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

В этот понедельник мне быть в М⟨оскве⟩ не пришлось – приезжала И⟨оанна⟩ М⟨атвеевна⟩. Я буду в следующий понед⟨ельник⟩, [1]привезу корректуры. Постараюсь увидать Вас. Очень надеюсь, что Вы приедете к нам. Есть еще один поезд *от* нас, в *3 ночи*, если не хотите ночевать дважды.

Ваш Валерий Б.

⟨1⟩903

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте, в котором скорее следует читать май, а не июнь или июль, как значится в хранительских пометах, соответственно на конверте и на самом письме.

Лето 1903 г. Брюсовы проводили в Старом Селе Можайского уезда.

[1] "Этот понедельник" приходился на 25 мая, "следующий" – на 1 июня.

69. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Июнь, до 17?⟩ 1903, Можайский уезд
Старое Село, и⟨мение⟩ Новицких.

Дорогой Сергей Александрович!

Я послал сегодня В⟨асилию⟩ И⟨вановичу⟩ два стихотворения, нужные, по его мнению, для красоты типографской. Если будете в типографии, пожалуйста, поместите их куда следует, а именно: первое (я их здесь "прилагаю") в первый отдел, *четвертое*, второе – во второй отдел, *предпоследним*. Я пишу об этом подробно В⟨асилию⟩ И⟨вановичу⟩, но боюсь, как бы все-таки не вышло путаницы[1].

---

* *В автографе:* Замятина.

ПАРИЖ. ТЕАТР "GRAND OPERA" И ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА НА ПЛОЩАДИ КАРУСЕЛЬ

Открытка Брюсова к С.А. Полякову. Париж, 25 апреля/8 мая 1903 г.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Если точно соберетесь к нам в *этот* понедельник, пожалуйста, захватите с собой, хотя бы со станции, бутылку мадеры, а то отец, может быть, вернется лишь вечером в понедельник и, следовательно, только

Неоконченный черновик; было ли письмо окончено и отправлено – неизвестно. Датируется по содержанию.

[1] В библиотеке Брюсова имеется экземпляр корректурных листов *UO* (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 5). Он не имеет титульного листа и оглавления (только шмутцтитул к нему), сброшюрован, обрезан и переплетен. Собран этот том из листов, разновременно подававшихся типографией В.И. Воронова поэту: на шмуцтитуле первого раздела "Думы. Предчувствия" (с. [1] типографской пагинации как в окончательной версии, так и в корректурных листах) стоит штамп типографии с пометой "17/VI" (л. 1), та же, кажется, дата была выставлена на л. 25 (с. 49 набора, начинавшей третий печатный лист), однако эта надпись почти вся пришлась на срез; на л. 50 – шмутцтитул "Сонеты и терцины" (с. [97], начало седьмого печатного листа – стоит "2/VIII"; на л. 58 – с. [113], начало восьмого печатного листа (первое стихотворение раздела "Картины. На улице" – "Люблю одно" ("Люблю одно: бродить без цели...")) – "28/VIII", а на л. 81 – с. 161, начало одиннадцатого печатного листа (седьмое стихотворение раздела "Оды и послания" – "Июль 1903" ("Да, пробил последний, двенадцатый час...")) – "16/IX". В целом корректурные листы очень близки к книге в ее окончательном виде как с точки зрения текста, так и с точки зрения графики. Распределение материала по печатным листам там и тут практически совпадает, серьезные расхождения встречаются редко, как правило, в пределах одной тетради. В частности, четвертым стихотворением в первом разделе корректуры идет, как и в конечной версии, "У себя" ("Так все понятно и знакомо..."), и там и тут на странице шестой; отмечу, что расхождение начинается с номера седьмого этого раздела, под которым в корректурных листах было помещено стихотворение "Свобода" ("О, неужели не придет..."), из окончательного текста книги изъятое. Второй раздел, "Песни", не претерпевает уже изменений, но в корректурном экземпляре оказалась пропущенной именно предпоследняя, шестая, "Девичья" ("То-то жизнь наша прискорбна..."), при том, что "Веселая" ("Дай мне, Ваня, четвертак...") несет свой законный номер "VII". Таким образом, публикуемый фрагмент и "вмешательство" В.И. Воронова в компоновку сборника следует отнести ко времени до 17 июня 1903 г., которым и помечена корректура первого листа книги. Более ранний этап работы отражают гранки части цикла "Песни", к сожалению, не датированные (ГБЛ. ф. 386, 5.16. Л. 9–17). В частности, "Веселая" имеет тут номер "VI", и можно предположить, что стихотворений во втором разделе, до того, как была сделана по просьбе типографа вставка, было именно шесть (отмечу, однако, что и оно было дополнением к циклу – на сильно правленной гранке, видимо, первом оттиске, помета поэта: "Верстать после подписанного к верстке. В.Б.").

70. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨27 июня⟩ 1903, Старое Село.

Дорогой Сергей Александрович!

Мы встретились как на станции "скрещивающиеся" поезда, и я не успел передать Вам всего, что желал бы. Во-первых – если не сообщил Вам М.Н. ⟨Семенов⟩ – Зинаида Ник⟨олаевна⟩ просит *по дюжине* карточек каждого типа. Она не знает, конечно, их цены[1]. Ответьте ей (Луга, Петерб⟨ургской⟩ губ⟨ернии⟩, д⟨ом⟩ Киселевой) – при всей Вашей нелюбви к письмам* , что-нибудь ответить необходимо[2]. Во-вторых – я *писал* Вяч. Иванову, что "Скорпион" согласен на Редона, хочет Редона, но цены пугается и спрашивает, нельзя ли камень сделать в России, а художнику заплатить гонорар. Так ли? В том-то и дело, что не помню, так ли мы решили![3]

В начале недели вместо меня приедет И⟨оанна⟩ М⟨атвеевна⟩. Но дела никакого в типографии быть не может, ибо еще не вернутся корректуры от Мережковских[4]. Свои же корректуры я пришлю с ней[5]. Вновь набранное она отвезет мне, и я пошлю его по почте из Можайска.

Читали ли о Бальмонте в "Нов⟨остях⟩ Дня"[6], и о моих стихах (из "Нового Пути") в "Курьере" – № 115 – ?

Очень ваш Валерий Брюсов

Приезжайте к нам.

Датируется по почт. шт. на приложенном конверте.

1 Речь идет о фотографии и фототипии "О. Ренар" (принадлежавшей Н.С. Никольскому и помещавшейся на углу Тверской и Козицкого), где З.Н. Гиппиус снималась, будучи в Москве. Ср. в ее письме Брюсову от 21 июня 1903 г.: «Ваш Ренар прислал мне три портрета. Со мной они почти ничего общего не имеют, но безотносительно очень милы. И если заранее условиться, что это не христианская мученица, не актриса, и не идольская жрица, – то можно будет удовлетворить ими надоевшую мне толпу коллекционеров, годами требующую у меня моих портретов. Тем более, что я ни за что не полезу снова ни на одну фотографическую лестницу. Если еще будут меня снимать – то на столе. Ввиду всего этого (и помня ваш понравившийся мне вопрос "... сколько дюжин?..") я хочу спросить вас, если это не слишком, заказать для меня по дюжине каждого снимка. Д⟨митрий⟩ С⟨ергеевич⟩ теперь огорчается, что тоже не поехал к Ренару: может быть, тоже вышел бы каким-нибудь безотносительным пророком» (ГБЛ. Ф. 386, 82.36. А. 33 об. – 34). Много позже, 24 февраля 1906 г., Гиппиус просила Брюсова заказать у фотографа, видимо сохранявшего негативы, еще партию ее портретов, "но самого малого количества, если они дороги, ибо, – писала поэтесса, – тратиться для удовольствия моих друзей я не хочу" (ГБЛ. Ф. 386, 82.38. А. 4 и об.).

2 Писем Полякова к З.Н. Гиппиус я не знаю.

3 10/23 июня Вяч. Иванов через Брюсова предложил "Скорпиону" заказать рисованную обложку к роману Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Пламенники" (см. примеч. 2 к п. Брюсова от 25 апреля/8 мая) у французского художника О. Редона, с которым Иванов уже имел предварительную договоренность; большая часть издержек при этом пришлась бы на литографский камень (*ЛН*. Т. 85. С. 436). Ответное письмо Брюсова Иванову неизвестно, суть его выясняется комментируемым письмом. Иванов должен был продолжить переговоры с Редоном, но издание не состоялось, а проект, видимо, был отложен.

4 См. прим. 7 к п. 53.

5 Речь идет о наборе *UO*. В частности, 23 июня помечена верстка пятого листа книги (раздел "Баллады"), первоначально, судя по пагинации, бывшего четвертым (с. 49–64); позже выросли первые разделы (*ГБЛ*. Ф. 386, 5.16. Л. 1–8; ср. прим. 1 к предыдущему п.).

6 Речь идет, по всей видимости, об антидекадентских выпадах в газете "Новости дня": 1) анонимной заметке "Будет как солнце!"; 2) следовавшей за нею эпиграмме "Г. Бальмонту" (Бальмонт, Бальмонт!...) за подписью "Созвонный излом" – 18 июня (№ 7195); 3) "Будем как солнце!" – 19 июня (№ 7196), подпись – "Солнце".

71. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 1903, около 5 июля?⟩

Дорогой С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩.

По "корректурным" делам мне придется быть *здесь*, в "конторе", вечером, в 7–*8*. Не свободны ли Вы? "На момент"? Решить бы о бумаге и количестве Коневского и кое-что еще.

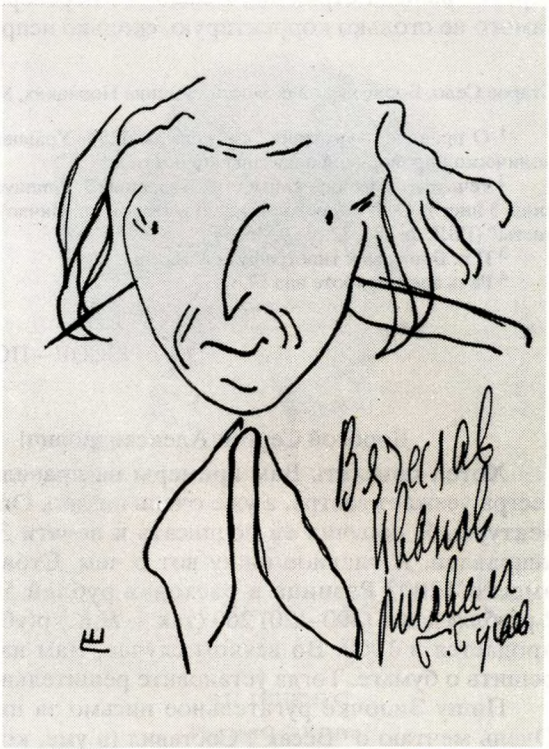
Ваш В.Б.

⟨1⟩903, июль.

---

* *В автографе:* к письмах.

Датируется предположительно, по времени пребывания Брюсова в Москве: 4 июля им помечено письмо из Москвы к П.П. Перцову, 6 июля – к А.А. Шестеркиной (*ЛН*, Т. 85. С. 653); сведений о более поздних поездках в Москву в июле 1903 г. нет. Если эта датировка верна, то предлагаемая встреча, скорее всего, не состоялась, т.к. 7 июля (см. следующее п.) Брюсов сообщает Полякову сведения о наборных работах, которые тот и сам имел бы, если бы за день-другой перед тем побывал в конторе издательства. Вопрос же о тираже книги Коневского обсуждается и в письме, весьма вероятно, относящемся к середине июля (п. 73).



В.И. ИВАНОВ

Рисунок А. Белого. 1922

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

72. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

7 июля (1)903, Старое Село.

Дорогой Сергей Александрович!

Пропорция в способе "Эльхатайн" такова: разность ошибок так относится к первой ошибке, как разность предположений к некоему x, которое надо или прибавить, или отнять от первого предположения (смотря по тому, были ли наши ошибочные ответы больше или меньше истинных), чтобы получить искомое. Если в условии есть a и первое предположение x_1, и дает при поверке a_1, а второе предположение x_2 и дает a_2, то

$$\frac{(a_1-a)-(a_2-a)}{(a_1-a)}=\frac{x_1-x_2}{y}; \qquad x_1+y=x.$$

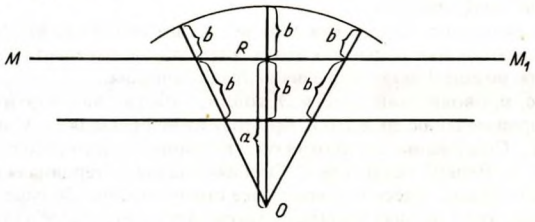
Этим способом можно решать уравнения *всех* степеней, конечно, с довольно грубым приближением.

Гармоническая пропорция $\frac{a-b}{c-d}=\frac{a}{d}$

Непрерывная $\frac{a-b}{b-d}=\frac{a}{d}$

При этом $\frac{1}{a}-\frac{1}{c}=\frac{1}{c}-\frac{1}{d}$

В конхоиде все $в$ равны



и если a расстояние от 0 до MM_1, то принимая R за начало абсцисс $\frac{(a+x)^2}{y^2}=\frac{x^2}{b^2-x^2}$.

Но выразить это отношение приличнее и более явно не умею[1].

Коневского набрано листов 6–7. Правлю его теперь и пишу примечания (краткие, но "ученые"). Гиппиус (называю по-типографски) прислала 3 и 4 лист, но там при

верстке выпала страница, и надо все переверстывать[2]. Пишу В.И. ⟨Воронову⟩[3]. Себя самого не столько корректирую, сколько исправляю[4].

Ваш Валерий

Старое Село, Борисовской в⟨олости⟩, имение Новицких, Можайск⟨ий⟩ у⟨езд⟩.

[1] О правиле "эльхатайн" см. прим. к п. 74. Уравнение т.н. "конхоиды Никомеда" и связь ее с гармонической пропорцией показаны корректно.

[2] Речь идет о наборе книги стихотворений З. Гиппиус. 29 июня поэтесса писала Брюсову: "Я получила лишь 3 лист Д.С-ча ⟨Мережковского⟩ и второй (вторично) мой"; и 13 июля: "Только сегодня получила 5 и 6 листы" (ГБЛ, ф. 386, 82.36. Л. 36, 39).

[3] П.п. Брюсова к типографу неизвестны.

[4] Речь идет о работе над *UO*.

73. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Старое Село, 1903 г., середина июля.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Хотел прислать Вам примеры на правило "двойной ошибки"[1], но некогда, ибо сестра уезжает завтра, а уже очень поздно. Она будет в "Ск⟨орпионе⟩" и возьмет корректуры. Я поручил ей подписать к печати 3-й лист Коневского, к⟨отор⟩ый совсем исправлен. А главное пишу вот о чем. Сто́ит ли уж печатать 1000 экз⟨empляров⟩, вместо 1200? Разница в расходах рублей 50, не так ли, а 200 экз⟨empляров⟩ по 2 р⟨убля⟩ дают (400–120) 260 ⟨так. – *Н.К.*⟩ р⟨ублей⟩. Впрочем, лично я не надеюсь, что продастся и 1000. Во всяком случае, Вам надо бы побывать у Мамонтова, чтобы решить о бумаге. Тогда установите решительно и число экз⟨empляров⟩[2].

Пишу Зиночке ругательное письмо за письмом. Не знаю, что́ будет отвечать[3]. Очень мечтаю о "Весах". Составил (в уме, конечно) все объявления, все циркуляры, все воззвания... Жаль, если пропадет[4]. В "Весах" удобно будет осуществить и давно нами задуманную анкету о первом поэте[5].

Статью о Бальмонте писал до 4 утра[6]. А в 9 уходил поезд. Написал, но не слишком хорошо.

Ваш Валерий Брюсов

P.S. Простите: стихи Юргиса пришлю из Вереи, в воскресенье[7].

Датируется по предположению, что это написано после письма от 7 июля, возможно, до воскресенья 13 июля (другие воскресенья приходились на 6, когда Брюсов был в Москве, 20 и 27 июля).

[1] См. п. 74.

[2] Около этого времени написано недатированное письмо Н.Я. Брюсовой к Полякову, где говорится: "⟨...⟩ у Мамонтова меня просили передать вам, что они не знают, на какой бумаге печатать Ореуса, просят сообщить им" (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 4. № 6. Л. 6). В конце концов книга Коневского издана в 2000 экз.

[3] В брюсовских бумагах сохранилось несколько черновиков летних писем 1903 г. к З.Н. Гиппиус (см.: ГБЛ. Ф. 386, 70.37).

[4] Прошение Полякова о разрешении издавать журнал помечено 3 июля 1903 г., разрешение Главного управления по делам печати последовало 4 ноября (ЛН. Т. 85. С. 261).

[5] Никаких опросов "Весы" не проводили.

[6] См.: Брюсов В.Я. К.Д. Бальмонт. "Будем как солнце". Книга символов. М., 1903 // Мир искусства. 1903. № 7–8. О том, что Брюсов обещал рецензию этому журналу, он извещал П.П. Перцова в письме, полученном адресатом 29 июня, но еще 4 июля рецензия не была написана.

[7] Юргис Бартрушайтис, проводивший лето в Эстонии, работая над поэтической книгой, слал "скорпионам" в Москву свои произведения; ср. в его п. Брюсову из Меррекюля от 24 июня: «Как Ваша книга – ? Я свою привезу с собой... Содержание ее, против объявленного, будет несколько иное: из поэм войдут лишь "Спутники Колумба" и "Вечер", остальное – "Осенняя баллада", терцинная сюита "Sempre lo stesso" и несколько стихотворных отделов... Здесь мое последнее стихотворение, больше переименовывать некогда. Я Вас прошу прочесть то, что я на днях посылал Сергею Александровичу" (ГБЛ. Ф. 386, 75.44. Л. 6; ср.: Там же Л. 1–4 ряд стихотворений, присланных тогда же Балтрушайтисом Брюсову, – Там же. Л. 7–12). Книга поэм Балтрушайтиса "Бедуины. Морской царь. Вечер. Спутники Колумба" впервые была объявлена "Скорпионом" летом 1902 г. (см. каталог при книге: Ландсберг Г. Долой Гауптмана). В цитированных письмах Балтрушайтис настойчиво обещает привести в "Скорпион" свою книгу осенью; она держится среди "печатающихся" изданий в каталогах издательства до 1906 г., когда оно перестает печатать анонсы. Вышла первая книга стихов Балтрушайтиса "Земные ступени" только в 1911 г.

74. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨3 августа⟩ 1903. Старое Село и Верея.

Дорогой Сергей Александрович!

Примеры на правило эльхатайн.

I. Запаса воды достало бы экипажу на 20 дней; чтобы достало его на 30 дней, надо раздавать ежедневно на 5 стаканов меньше (каждому). Сколько стаканов (каждому) раздавалось ежедневно?

Предположим (1), что 8; тогда 8·20 = 160; а (8–5).30 = 90; ошибка (1) = 70.

Предположим (2), что 10; тогда 10.20 = 200; а (10–5)·30 =150; ошибка (2) = 50.

Разность между ошибками так относится к первой ошибке, как разность между предположениями к x'.

$$(70 - 50) : 70 = (8 - 10) : x'$$

$$x' = \frac{-140}{20} = -7; \qquad x = 8 - (-7) = 15$$

З.Н. ГИППИУС

Рисунок Л.С. Бакста.
Карандаш, мел, сангина, 1906
Третьяковская галерея, Москва

II. Найти сторону куба, вдвое большего, чем данный, сторона которого 2.

Предположим (1), искомая сторона 3. Тогда искомый куб 27. Но он должен быть $2 \cdot 2^3$, т.е. 16. Ошибка (1) = 11.

Предположим (2), искомая сторона $2\ 1/2$. Тогда искомый куб $\frac{125}{8} = 15\frac{5}{8}$. Ошибка (2) = $= \frac{3}{8}$

Разность между ошибками так относится к первой ошибке, как разность между предположениями к x'.

$$10\frac{5}{8} : 11 = \frac{1}{2} : x'; \qquad x' = \frac{44}{85};$$

$$x = 3 - \frac{44}{85} = \text{(приблиз⟨ительно⟩)}\ \sqrt[3]{16}$$

III. Та же задача в несколько более общем виде. Сторона данного куба a.

Предполагаем (1) сторону искомого $1\ 1/2\ a$; тогда куб $\frac{27}{8}a^3$, но он должен быть $2a^3$; ошибка (1) – $1\frac{3}{8}a^3$

Предполагаем (2) сторону $2a$; тогда куб $8a^3$; ошибка (2) – $6a^3$

$$4\frac{5}{8}a^3 : 1\frac{3}{8}a^3 = \frac{1}{2}a : x';$$

$$x' = \frac{11\,a^3 \cdot a \cdot 8}{8 \cdot 2 \cdot 37a^3} = \frac{11}{74}a;$$

$$x = 1\ 1/2\ a - \frac{11}{74}a = \frac{100}{74}a;$$

Истинный ответ $a\sqrt[3]{2}$

$100 : 74 = 1{,}35\ldots$; $\sqrt{2} = 1{,}41\ \ldots$

Не очень точно, но все же около!
Простите плохую бумагу, на которой пишу: другой нет здесь.

Ваш Валерий Брюсов

Самодельная почтовая бумага, вырезанная в нужном формате из бóльших листов.
Датируется по почт. шт. на приложенном конверте.
Правило "эль хатайн" (точнее, "аль-хатайн" – буквально "две линии"), или правило "двойной ошибки", – один из методов, известных еще в древности, точного решения задач, сводящихся к решению линейного уравнения или системы линейных уравнений, а также приближенного решения уравнений с одной неизвестной любой степени. Правило в общем виде изложено Брюсовым в п. от 7 июня 1903 г. В первом примере, предложенном поэтом, применение правила корректно, вычисления правильны, но описка в последней формуле, где должно быть: 8 – (–7) = 15. Применение правила во втором примере неверно, Брюсов не учитывает, что ошибки имеют разный знак. Третий пример корректен, но получающееся приближение оказывается довольно плохим из-за того, что выбранные ошибки имеют один знак; есть ошибки и в вычислении: истинный ответ равен не $\sqrt{2}$ = 1,41..., а $\sqrt[3]{2}$ = 1,260... (Этими разъяснениями я обязан дружеской консультации С.Г. Влэдуца.)

75. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨9 августа 1⟩903. Верея.

Дорогой Сергей Александрович!

Я совсем загостился в "Старом". Печатание однако идет своим чередом. Послал В.И. ⟨Воронову⟩ 7 и 8 листы Зиночки и жду от него 6 и 7 листы Митеньки[1]. Своей книги послал 6-ой лист[2]. Коневского сверстан и почти готов 4-ый, а набрано листов 12. В сентябре все "поспеет". Буду в Москве в *начале* недели[3]. Надеюсь, что встретимся. С "Нов⟨ым⟩ путем" рассорился, кажется, окончательно. Перцов также рассорился с Мережковскими. Мои мечты теперь двуликие: или "Весы"; или, если нет, Париж.

Ваш Валерий Брюсов.

Открытка. Число и месяц – по почт. шт.

[1] Ср. прим. 2 к п. Брюсова от 7 июля 1903 г.
[2] Шестой лист (стр. 81–96, л. 42–49) в указанной выше (примеч. 1 к п. 69) корректуре *UO* не датирован типографией, но следующий помечен 22 августа. В конце пятого листа стоит брюсовское указание: "К понедельнику", а в начале шестого: "Прошу исправить сегодня к 1 часу дня. Зайду за листом во втором часу. В.Б." (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 5. Л. 41об., 42).
[3] Писано в субботу.

76. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва, 1903 г., первая половина декабря?⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Коневского не так сброшюровали, предисловие поместили в конце, дайте им знать о том, чтобы в других экземплярах этого не случилось. Буду в "Скорпионе" около 6 час⟨ов⟩. Пришли Mercure и Ermitage, где о Гогене. Скажите также в типографии, чтобы сделали пробу портрета карандашом.

Ваш Сергей

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы". Написано, скорее всего, незадолго до "подачи" книги Коневского. См. п. Брюсова от ⟨15 декабря 1903 г.⟩, а также письмо Ореуса-отца к Брюсову от 27 декабря 1903 г. с уведомлением о получении накануне неверно сброшюрованного экземпляра книги (част. т., кн. 1, Переписка с Коневским, *Приложение* 1, п. 22.).

77. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 11 декабря 1903 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Я забыл, что *завтра*, в пятницу, ни мне, ни Вам в 8 быть в "Скорпионе" не придется: мы будем оба на Метерлинке.

Ваш В.Б.

Датируется предположительно по содержанию: в пятницу 12 декабря 1903 г. в Москве был первый спектакль труппы Ж. Леблан-Метерлинк. Ее гастроли знаменовали собою дальнейшее распространение вкуса к "новому искусству" в русской публике. Ср. отчет Брюсова (подп. Аврелий) "Гастроли г-жи Леблан-Метерлинк" (Весы. 1904. Янв. С. 61).

78. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 15 декабря ⟨1⟩903 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Я-таки расхворался, болен, сижу дома, не выхожу. Всякими "делами", впрочем, распоряжаюсь при помощи сестры.

Посылаю Вам Коневского, которого в субботу "подали". Посмотрите. Но после верните, ибо типография дала только один экз⟨емпляр⟩, а обложка и портрет еще не подписаны к печати – надо их немного преобразовать.

Посылаю и расчет, о котором однажды мы говорили: занесите его на левую сторону нашей "Книги бытия"[1]. Нельзя ли будет мне *до Рождества* получить от "Скорпиона" еще 95? – Работ разных почти исполненных много и "нужно".

Не приедете ли сегодня к нам, хотя бы не надолго? Могу угостить Вас мадерой, котлетами, чаем и воспоминаниями о Бальмонте, коего видел дважды. Прилагаю здесь же экз⟨емпляр⟩ Шелли, назначенный для Вас с новой рифмой[2].

Ваш Валерий Брюсов

Понедельник.

Urbi et Orbi	200 р⟨ублей⟩
Мережковский 12 л⟨истов⟩	60 р⟨ублей⟩
Гиппиус 12 л⟨истов⟩	60 р⟨ублей⟩
Сологуб 12 л⟨истов⟩	60 р⟨ублей⟩
Белый 8 л⟨истов⟩	40 р⟨ублей⟩
Коневской 17 л⟨истов⟩	85 р⟨ублей⟩
	505 р⟨ублей⟩[3]
Взято	610 р⟨ублей⟩
За мной	105 р⟨ублей⟩

P.S. Расчет "приблизительный", но приблизительность его в пользу "Скорпиона".

Датируется по помете Брюсова "Понедельник" и связи с ответным письмом Полякова (см. ниже). "Расчет" приложен на особом листке.

По всей видимости, именно это письмо упомянуто в недатированной записке Балтрушайтиса, опознанной среди писем" неизвестных" к Брюсову: "Дорогой Валерий – С.А. Поляков тоже болен (ведь Вы больны?). К сожалению, не могу сегодня навестить Вас. Буду завтра днем. Книги и Ваше письмо посланы С.А. в Таганку. Где Бальмонт? Ваш Юргис" (ЦГАЛИ, Ф. 56, 2.53. Л. 3).

[1] Бухгалтерские книги "Скорпиона", если они существовали, неизвестны.

[2] Речь может идти об одной из двух книг П.Б. Шелли, в переводе Бальмонта выпущенных в свет издательством "Знание" в конце 1903 г. (у обеих в выходных данных выставлен 1904 г.): о лирической драме в стихах "Освобожденный Прометей" или втором томе "Собрания сочинений".

[3] Речь идет об авторском гонораре за UO и за редакторскую работу над "скорпионовскими" изданиями.

79. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

16 дек(абря 19)03 Таганка.

Дорогой Валерий Яковлевич,

В пандан к Вам я тоже сижу дома и страдаю левой стороной лица, которая у меня отекла, вроде как у Вас после операции; жду и надеюсь, что оное раздутие скоро кончится, как и Ваши немощи, и мы снова вместе будем измышлять способы для улавливанья и повешиванья.

Рад, что Коневской выйдет все-таки до Рождества, но обложка меня сильно смущает: я видел точно такую обложку на каком-то издании Суворина; сходство в квадрате, а потому, чтобы избежать его, нельзя ли шрифт взять покрупнее и в такой пропорции, чтобы квадрат превратился в облон. Впрочем, впечатление квадрата может измениться, когда он будет отпечатан на бумаге Аннунцио и синей краской, но, во всяком случае, зверей после 1904 года нужно оставить, а то год как-то на отлете[1].

Портрет на данной бумаге совершенно невозможен; быть может, типография найдет меловой.

В заключение сообщаю две замеченные опечатки из объявлений: быть может, они еще не напечатаны. Одна из них относится к несчастному Лукрецию и достойна Парфенова; а именно: Лукрецкий, очевидно, по аналогии с Лаврецким, а на стр. 256, 1 стр(ока) сверху – Москва имеет маленькую букву, в то время как Съ – заглавную[2].

Уехал ли Бальмонт, из газет узнал, что умер Евреинов[3] и старец Федор[4].

Коневского при сем прилагаю.

Ваш С е р в и й

К этому п. отнесен фирменный почтовый конверт "Товарищества Знаменской Мануфактуры" с перечеркнутой адресной стороной, где типографски оттиснут флорентийский адрес сестры Полякова, Анны Александровны, бывшей замужем за М.Н. Семеновым, – конверты были отпечатаны для ее матери, не умевшей надписать заграничный адрес; рукой Полякова конверт переадресован Брюсову на Цветной бульвар.

[1] Речь идет о композиции шрифтовой обложки книги Коневского. Упоминаемая "бумага Аннунцио" – голубовато-серая (возможно, часть тиража была в зеленоватых обложках – см. экземпляры *ГБЛ* А 265/359 и W 22/98, различие между которыми в наборе обложки, титульного листа и его оборота позволяет предположить существование двух вариантов тиража "скорпионовского" издания трагедий Г. Д'Аннунцио "Мертвый Город. Джиоконда. Слава", 1990); эта книга на какое-то время оказалась ориентиром в работе над другими изданиями. В конце концов книга Коневского была одета в белую, возможно, слегка тонированную бумагу. Текст на обложке был тиснут синим. Имя автора, заглавие, выходные данные были собраны в единый компактный прямоугольник, в который вписывается и полустрока кассовых украшений.

[2] В известных экземплярах книги Коневского указанные опечатки не исправлены; в "скорпионовской" рекламе в конце книги напечатано "Лукрецкий" вместо "Лукреций", а в объявлении о подписке на "Весы" капитальный набор слова "Москва" оказывается ниже стоящей в непосредственной близости заглавной буквы предлога "С".

[3] Речь, по всей видимости, идет о сообщениях о смерти 15 декабря Алексея Владимировича Евреинова, бывшего директора Московского отделения Императорского Русского Музыкального общества – см.: Русские ведомости. 1903. 16 дек. № 345; ср.: Курьер. 1903. 19 дек. № 291.

[4] Философ Николай Федорович *Федоров* умер 15 декабря 1903 г. Ю.П. Бартенев, у которого Брюсов познакомился с ним 20 апреля 1900 г., писал на следующий день: "Мне весьма обидно, что Вы вчера у нас подверглись столь свирепому нападению несомненно замечательного, но невыдержанного старца. Не сетуйте на меня и снисходительно отнеситесь к 80-летнему мыслителю, от которого претерпевали и Соловьев, и Толстой. Его необузданный язык и горячий нрав ничем не могут быть удержимы. Вчера он только что приехал из Асхабада, где живет его Аарон. Смотря на него, я все более убеждаюсь, как слаб даже самый святой человек" (*ГБЛ*, Ф. 386, 76.17. Л. 11; брюсовский парафраз этого письма и подробности встречи – *Дневники*. С. 85). Ср. прим. 8 к п. Полякова от 17 декабря 1903 г.

Н.Ф. ФЕДОРОВ НА БАЛКОНЕ МОСКОВСКОГО РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

Рисунок М.И. Шестеркина

"Весы", 1904, № 6

80. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 16 декабря 1903 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Обновляю бумагу[1], но, вероятно, мы увидимся раньше, чем Вы прочтете это письмо, ибо надеюсь, что завтра, в среду, Вы покинете козьмодемьянское затворничество.

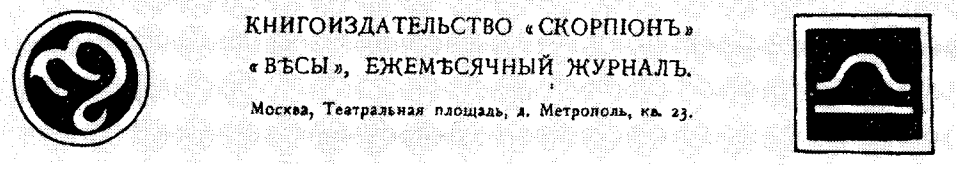
Я сегодня, ради приемного дня, добрался до "Скорпиона". Нового мало: скудные подписчики, отсутствие покупателей – все как по-старому, как до Метерлинка. Распорядился переделать обложку Коневского, ибо действительно что-то сходное у Суворина было. Что до Лукрецкого и Москвы, то, если лист еще не отпечатан, то и это поправим; кажется, *не* отпечатан. Очень они заторопили перед цензурным днем! – Каталог сегодня подписываю к печати. Следовало бы с Вами раньше переговорить, но нет времени: завтра середина последней рабочей недели[2]. Корректуру, кроме меня, читала И⟨оанна⟩ М⟨атвеевна⟩ – опечаток много быть не должно*; а если что̀ упущено, то как без того! – Беру с собой французские воззвания и завтра напишу адреса[3]. Жаль, что *конвертов* для них не сделали! – Не знаю, что сделать с обозрением Яворского; предлагал ему исправить – не хочет. Думаю – *не* печатать[4].

*Предыдущую корр⟨ектуру⟩ посылаю Вам. Если что окажется *очень* не так, известите прямо в типогр⟨афию⟩. – *Прим. В.Я. Брюсова.*

Итак, воскресайте! Хотя завтра, в среду, *Ваш* день, но я приду в "Скорпион", на случай, если Вас не будет, и на случай, если будете: давно не виделись и дел накопилось много. Если читаете это письмо все в заточении, – напишите.

От Бальмонта в свое время были утренние посыльные, потом было его личное "вечернее" посещение, наконец, вчера, в понедельник, пришел он середь дня совершенно явный, уверяет что из банка, куда положил 2000 за Шелли. Надо полагать – уехал[5].

Ваш Валерий Б р ю с о в



РЕКВИЗИТЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА "СКОРПИОН". ФРАГМЕНТ

"Русь" со 2 № поминает Валерия Брюсова[6]. А Иероним в "Беседе" напечатал мой портрет (банальный профиль à la "Novosti Dnia"). "Всероссийская" известность!

P.S. Прислали "для отзыва" "Ad Lucem". Прислали первую рукопись со стороны... о деле Эмберов.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы".

Датируется по связи с предыдущим письмом, на которое отвечает Брюсов, и следующим, а также по упоминанию, что письмо написано во вторник, приемный день в редакции "Весов".

[1] Письмо написано на фирменной почт. бумаге, заказанной издательством в связи с началом выпуска собственного журнала. В "шапке" каждого листа правый и левый угол занимают зодиакальные знаки "Скорпион" и "Весы", между которыми размещен адрес издательства и журнала; ср. прим. 2 к следующему п. Позже для "Скорпиона" – "Весов" Н.П. Феофилактов нарисовал марку, в которой зодиакальные знаки были замкнуты в овал (см., например, наст. кн., с. 123); издательство и журнал имели большой набор стильной почтовой бумаги разных форматов, с перфорацией и без нее, конвертов, открыток с этой маркой.

[2] Имеются в виду рождественские праздники.

[3] Речь идет, вероятно, о франкоязычных рекламных объявлениях "Весов" и предложениях редакциям зарубежных органов печати об обмене собственными изданиями. В архиве "Скорпиона" сохранилось подобное типографическое письмо, только более позднее, с предложением об обмене в 1909 г. (*ГБЛ.* Ф. 386,113.19).

[4] Возможно, речь идет о музыковеде и пианисте Болеславе Леопольдовиче *Яворском* (1877–1943). Материалов за его подписью в 1904 г. "Весы" не печатали.

[5] По всей видимости, к этому времени относится недатированное письмо Балтрушайтиса к Брюсову: «Бальмонт домой не возвращался. "У него" я застал некое "трагическое упоение". Там дрожат за судьбу денег, которых у него якобы очень много (он получил за 2й т⟨ом⟩ Шелли 2.500). Буду у них, как говорил, завтра утром. Обо всем буду сообщать по мере важности. Не придавайте особенного значения: люди и без Вас преувеличат» (*ГБЛ.* Ф. 386,75.45. Л. 1).

[6] С 11 декабря 1903 г. в Петербурге начала выходить новая газета "Русь" (редактор-издатель – А.А. Суворин). Во втором номере (12 дек.) появилась за подписью "Мордвин" зарисовка нравов "Разговор", где примером новейших поэтических вкусов выставлялся брюсовский моностих "О, закрой свои бледные ноги".

81. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 17 дек⟨абря 19⟩03.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Все еще сижу дома и страдаю довольно несносно чем-то вроде флюса на передних зубах и освобожусь, вероятно, не раньше субботы. Если Вы оправитесь совершенно и если будут какие важные дела, очень рад буду Вас видеть на нашей печальной "Горе"[1].

О каталоге я все эти дни думал Вам написать или переговорить, но за зубными страданиями все забывал и ко всему был равнодушен. Теперь же узнаю, что каталог подписан и что уже "поздно". Впрочем, все мои соображения относились к первой и последней странице: опять все и М.Н. ⟨Семенов⟩ будут говорить, что "пестро и шаблонно", и мы будем сознавать и горевать. Потом мне куда-нибудь хотелось вместить знаки, а то совсем как-то неловко: для громадного распространения, и знаков нигде нет[2]. Но все это теперь лишь "тщетная предосторожность", а следующее, быть может, исправимо (пишу Вам с тем, чтобы Вы послали в типографию, ибо я не имею чистой корректуры, на которой можно было бы исправить ясно для Вас. Ив. ⟨Воронова⟩): стр. 9. Пшибышевский Кн⟨ига⟩ II. Напечатано: *Готовится...*, нужно: **печатается.** 2) стр. 14. напечат⟨ано⟩: *В Дамаск*, нужно: **На пути в Дамаск**. 3) стр. 14 (это очень важно) напечат⟨ано⟩: *Барбьи*, надо **Барбей.** 4) стр. 14 (это самое важное): в рубрике Дрейфус: напечат⟨ано⟩: ц⟨ена⟩ *1 р. 20 к.* – надо ц⟨ена⟩ **1 р.**[3]

Затем еще очень важное о Лукреции: скажите, пожалуйста, Василию[4], чтобы он по мере получения нумеровал экземпляры; он, вероятно, уже несколько послал ненумерованных, а это производит скверное впечатление на читателя[5]; кроме того, скажите ему, чтоб он послал (перенумеровав непременно) 30 экз⟨емпляров⟩ Рачинскому и 40 Ив. Григорьевичу[6]. Предлагать магазинам или оставить до выхода Коневского, решите сами; если предлагать, сделайте распоряжение Василию и скажите ему, чтоб он говорил в магазинах, что в первый раз мы сделаем скидку в 30%, а потом лишь по 20%; чтобы о том же Василий написал Ивану Григорьевичу.[7] Простите, что осыпаю Вас столь обильными просьбами за немощью и заточением моим.

Если увидите Черногубова (он, вероятно, придет к Вам), попросите у него какую-нибудь заметку о "Старце" для первого номера "Весов"[8].

До свидания.

Ваш С е р г е й.

Ответ на п. 80.

[1] Поляков жил в той части Москвы, которая именуется Швивой (в обиходе – Вшивой) горкой, на Таганке.

[2] Тираж каталога установить не удалось, знаки "Скорпиона" и "Весов", вероятно, после вмешательства владельца издательства были помещены на последней странице (служившей и обложкой) каталога, при объявлении о подписке на "Весы"; были использованы клише, изготовленные для печати собственной почтовой бумаги издательства (см. п. 80, прим. 1).

[3] Указанные опечатки в каталоге были исправлены.

[4] Письма Полякова к В.А. Курникову см.: *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 11.

[5] Речь идет о переводе поэмы Тита Лукреция Кара "О природе вещей" выпущенной "Скорпионом" в переводе И. Рачинского в 1903 г. (на обложке – 1904). Это было единственное в "скорпионовской" практике библиофильское издание с объявленным тиражом в 400 нумерованных экземпляров; рассылка ненумерованных экземпляров лишила бы издание престижа. Необходимо отметить, что такой поклонник латинской культуры, как Брюсов, не имел практически никакого отношения к выпуску этой книги: она была предложена "Скорпиону" М.Н. Семеновым (когда перевод был уже у переводчика вполне готов), технические отношения с Рачинским Поляков вел сам или через Семенова (см. письма переводчика к ним: *ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 3. № 26 и 79).

[6] Иван Григорьевич *Балашов* – владелец петербургской книготорговой фирмы "Комиссионер" (Садовая, 18). В его судьбе, видимо, большую роль играла помощь Полякова – 17 июня 1910 г. книгопродавец, намерившийся приобрести полумиллионный "товар" М.В. Пирожкова, писал владельцу "Скорпиона": «...тогда дела мои безусловно поправляются окончательно, а ведь одно время я думал совсем закрывать лавочку, и не поддержите Вы меня, "Комиссионера" давно бы не существовало на свете» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 35. Л. 3). Балашова для "Скорпиона" нашел М.Н. Семенов еще в 1902 г., на долгие годы тот стал петербургским контрагентом издательства. Брюсов по делам "Скорпиона" имел сношения с Балашовым; сохранилось, в частности, его письмо к книготорговцу (конец лета 1906 г.) с просьбою выплатить Сологубу гонорар и с распискою на нем Сологуба в получении денег (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 4; ср. в п. Сологуба Брюсову от 4 апреля 1904 г. о получении гонорара через Балашова – *ГБЛ*. Ф. 386, 103.25. Л. 34). См. также прим. 1 к п. Брюсова от 19 января 1906 г.

[7] Подобные письма от "Скорпиона" к Балашову неизвестны.

[8] В первом номере "Весов" был помещен небольшой некролог "Николай Федорович Федоров. († 15-го декабря 1903 г.)", за подписью "Н". Вероятно, автором его был Н.Н. Черногубов. Ср. п. Ю.П. Бартенева Брюсову от 9 января 1904 г.: «Прослышал я, что для "Весов" Черногубовым сделана статья о Н.Ф. Федорове. Вы знаете, как я был близок к покойному, что мне известна история знакомства Ч⟨ерногубова⟩ с Н.Ф. и умственно-нравственный обиход первого. Боюсь, что в подобном зеркале величавый лик старца не только будет перекривлен, но прямо изуродован до неузнаваемости. Вы правы располагать Вашим материалом, и

я далек от мысли стеснять Вас в этом отношении, но мне бы очень хотелось просмотреть статью ранее, чем она будет пущена во всеобщее пользование. Это необходимо и потому, что 13-го января состоится совещание почитателей покойного о том, как поступить с рукописями его, находящимися в нашем распоряжении. Материал велик и разнообразен. Не найдете ли возможным доставить мне гранки статьи на некоторое время? Если же статьи нет, то, после 1го № "Весов", буде кафедра окажется подходящею, я не прочь сам написать памятку о великом старике» (*ГБЛ.* Ф. 386,76.18. Л. 11–12). Во втором и шестом номерах на 1904 г. "Весы" снова поминали Федорова. Там были опубликованы его статьи "Астрономия и архитектура" (№ 2) и "О письменах" (№ 6). Черногубов предоставил журналу портрет философа работы Л.О. Пастернака и фото с посмертной маски (№ 6) – см. п. Брюсова, вероятно, к фотографу, от 25 апреля 1904 г., сохранившееся в бумагах Черногубова (*ГБЛ.* Ф. 328. 4. 22. Л. 3). Кроме того, см. увлеченное изложение в "Весах" (1904, № 6, с. 65–66) статей Вл. Кожевникова о Федорове в "Русском архиве" за 1904; эта хроникальная заметка без подписи принадлежит, по всей вероятности, Брюсову: листок с нею сохранился среди авторской подборки вырезок из журнала (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 44. Л. 22).

82. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва.⟩ 10 марта 1904

Дорогой Сергей Александрович!

Благодарю за присланные 100[1].

Я просил сестру взять в "Скорпионе" – "Новое Время" и "Русс⟨кие⟩ Вед⟨омости⟩" с книжными объявлениями для составления "перечня книг"[2]; также "Правду" № 2 и "Renaissance Latine"[3] для объявлений. Последние два – возвращу завтра.

Дела:

1) Необходимо подписать 3-ий лист. Но я усмотрел, что в нем *подзаголовки* сделаны более мелкой нонпарелью, чем в №№ 1 и 2. Сегодня говорил об этом В.И. ⟨Воронову⟩: надо будет переменить.

2) Прочтите, пожалуйста, в 4 листе рецензию о Krag'е ради норвежских слов[4]. О Роденбахе, за недосугом, я ничего не написал своего, только перевел страничку из Кана. Мне кажется, это прием дозволительный, а во всяком случае в рецензиях новый. Кто знает слова Kahn'а о Роденбахе![5] – Если хотите что̀ переменить в заметке о Моск⟨овском⟩ Товариществе, конечно, не смущайтесь -ским и переделывайте прямо по своему усмотрению[6].

3) Пробегите хоть наскоро рецензии: не заметите ли чего неподходящего.

4) В следующем, 5, листе закончится библиография и пойдут хроники. Там тоже есть сомнения, напишу после.

5) Пришлите мне *объявления* из 2 изд⟨ания⟩ Пшибышевского для Белого и Иванова[7]. О недостаче бумаги слышал.

6) Какие объявления от Скорпиона будут в № 3. Хорошо бы:

Бальмонт –

Белый –

Иванов –

Находите ли возможным?

Вряд ли попаду к Вам раньше субботы, ибо свободен лишь рано утром.

Что Юргис и его маленький Юргис?

Ваш Валерий Б р ю с о в

Личный конверт Брюсова. Часть текста – пункт пятый – подчеркнута красными чернилами (письмо писано черными), подчеркивание, скорее всего, принадлежит Полякову, т.к. для Брюсова этот прием, кажется, не характерен.

[1] Речь идет, по всей видимости, о деньгах-гонораре или авансе.

[2] Т.е. для составления библиографического указателя новых книг, бывшего в "Весах" регулярной рубрикой; в частности, в № 3 "Весов" на 1904 г. был помещен "Перечень новых книг. Издания о Дальнем Востоке", состоявший из разделов "Географические карты", "Русские книги и брошюры", "Иностранные книги"; авторство его, хотя бы частично, следует, приписать Брюсову.

[3] В "скорпионовских" изданиях, в том числе и в "Весах", объявления занимали часть последней тетради. В журнале, однако, они иногда помещались особым кустом, в конце, на низкосортной тонкой и подцвеченной бумаге, как это практиковалось и в других издательствах. Именно так, среди прочих, в мартовском номере на 1904 г. дано объявление московского журнала "Правда" (редактор-издатель В.А. Кожевников;

М., 1904–1906), с росписью содержания февральского номера на 1904 г. Рекламы парижского журнала "La Renaissanse latine" (выходил с мая 1902 г. по июнь 1905 г.) там нет.

[4] Речь идет о рецензии А. Маделунга на кн.: *Krag T.P.* Sorte Skove. Kjöbenhavn: Gyldendalske Forlag, 1903 (см., Весы. 1904. № 3. С. 59–60).

[5] Рецензия Брюсова (за подписью "К.К.К.") на три книги Ж. Роденбаха в переводе М.В. Веселовской практически состоит из большой цитаты из очерка Г. Кана о бельгийском писателе. См.: Весы. 1904. № 3. С. 62–63; ср.: *Kahng.* Symbolistes et décadents. P, 1902. P. 191–192. Книга имелась в личной библиотеке Брюсова (в той части, которая не была передана в *ГБЛ* (см.: *ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1681).

[6] В обсуждаемом номере "Весов" помещена статья "Московское Товарищество художников. Выставка картин в Московском Историческом музее" (с. 49–50), за подписью: "Александр -ский").

[7] "Скорпионовские" подвижные каталоги при книгах Андрея Белого "Золото в лазури" и Вяч. Иванова "Прозрачность" помечены 17 марта 1904 г. Между собой они отличаются только частностями набора, оригиналом для них послужил каталог, помещенный в предыдущей "скорпионовской" книге – втором издании романа С. Пшибышевского"Homo Sapiens".

83. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Москва, 28 марта ⟨19⟩04

Дорогой Валерий Яковлевич!

Доктор сам болен: говорит, если несколько поправится, будет завтра утром; утверждает, что болезнь Иоанны Матвеевны последствием предыдущей ни в коем случае быть не может, а что-нибудь прившедшее. В "Скорпионе" все спокойно, есть 2 подписки полные, Василия, конечно, нет, но ключ большой был предусмотрительно оставлен у швейцара.

Ваш С е р в и й.

Почт. бумага издательства "Скорпион" – журнала "Весы".

84. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

21 апр⟨еля 1⟩904.

Дорогой Сергей Александрович!

Бальмонт на горизонте не показывался. Ни даже прожекторами открыть его нельзя было. Посылаю Вам листы 3 и 4. Оба идут исправленными в типографию. Так что прочтите только **свою** статью[1], и в 4 листе мое о Белом и Иванове[2], дабы решить, можно ли так. Лист 3 ий с началом Вашей статьи и со статьей Рачинского пришлю Вам вечером[3]. Этот 2 ой лист надо бы подписать к печати, но можно ли, не дожидаясь ответа от Рачинского, которому корректура послана? На мой взгляд, ждать немыслимо.

Ваш Валерий Б.

P.S. Читали ли о сегодняшних событиях Немир⟨овича-⟩ Данченко, Русс⟨кое⟩ Слово № и *первое* приложение? Стоит прочтения[4].

[1] В апрельском номере (с. 30–35) "Весов" на 1904 г. помещена статья Полякова (за подписью "С. Ещбоев") "Реторика. Цитаты из статьи Реми де Гурмона. Mercure de France, Mars 1904".

[2] См.: *Брюсов В.* Андрей Белый. Золото в лазури. Первое собрание стихов. М., 1904. – Вячеслав Иванов. Прозрачность. Вторая книга лирики. М., 1904 // Весы. 1904. № 4.

[3] Статье Полякова (см. прим. 1) предшествует статья И.И. Рачинского "Гуго Вольф" (с. 17–29). Автор предложил ее Полякову для нового выпуска "Северных цветов" (см. его письмо от 18 апреля 1904 г. – *ИМЛИ.* Ф. 76. Оп. 3. № 171), но с началом издания "Весов" выпуск очередного альманаха был отложен, а статья принята в журнал.

[4] Речь идет о телеграммах Вас. И. Немировича-Данченко, военного корреспондента "Русского слова" на Дальнем Востоке. В № 111 от 21 апреля 1904 г. он описывал отражение ночной атаки японских брандеров на Порт-Артур; приложений к этому номеру газеты найти не удалось.

"ВЕСЫ", 1904, № 12
Обложка по рисунку А.Г. Якимченко

85. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Ока. 1904. Июнь. ⟨27.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Опять сажаю капусту, как Диоклетиан[1]. Жду № 6. Не случилось ли чего. Молю: делайте объявления – хотя бы по одному в "Р⟨усских⟩ В⟨едомостях⟩" и "Руси". (В.И. ⟨Воронов⟩ текст прислал Вам?)[2]. Очень жалею, что нам не пришлось обсудить как следует вопрос о статье Розанова. Перечтя ее здесь еще раз, я окончательно пришел к убеждению, что быть ей в "Весах" ни к чему. Зачем нам начинать кампанию против духовенства? Предоставим это "Новому Пути". Напишу об этом Розанову со всей возможной ласковостью, так что он не обидится[3]. Но, конечно, мне уже невозможно написать статьи о Фивейском[4]. Вместо того на первой вехе напишу о стихе Бальмонта

Я женщин как высшую тайну люблю

Это у меня давно задумано[5].

Сегодня послал оригинал В. Ив-у ⟨Воронову⟩. Не переведете ли Вы для него второе письмо Дагнии?[6] Очень прошу: скажите Василию все-таки купить и прислать мне брошюрку Эд. Мейера "Вопросы Истории" (ц. 50 к.) – или напишу о ней в библиографии, или буду говорить о ней на второй вехе[7].

Хорошо бы подписаться на "Neue Rundschau", а то у нас из читаемых немецких журналов одно "Echo" – мало. Теперь уже, конечно, на *второе* полугодие[8].

Если Юргис прислал наконец свои "страницы" о Jorio, отдайте их, пожалуйста, в набор[9].

Не напишете ли мне? Я пробуду здесь до начала июля – до числа 5–6. Не увижу опять и Дерби. Оно – завтра.

Пишу Вам "стилографом", который подарила мне Лидия Дмитриевна. Отбыли ли, наконец, они, многомедлющие, к своим женевским пенатам?[10].

Что Бальмонт?

Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Прилагаю записку Василию: это обещанные нами экземпляры Van Bever'у[11].

Приложение

БРЮСОВ – В.А. КУРНИКОВУ

Василию:

Надо послать *три* экземпляра № 4 (апрель) "Весов" Ван Беверу. Адрес его есть, напечатанный, в числе бесплатных иностранных. На всякий случай вот этот адрес:

Франция. Париж, г. Ван-Беверу.
France, Paris, A. Van Bever. 68, Rue de Babylone.

Число проставлено по почт. шт. на приложенном конверте (с типографским текстом по нижнему краю лицевой стороны: "От Валерия Брюсова, Москва, Цветной б., 24").

[1] Нередко Брюсов казавшиеся ему удачными формулы повторял в письмах к разным адресатам, ср. зачин его письма к В.В. Розанову (помеченного: "29 июня, 1904, на берегах Оки"): "Я – отдыхаю от зимних работ, в деревне, как Диоклетиан, сажаю капусту".

[2] Как видно, Брюсовым был составлен и послан Полякову через типографа текст рекламы "Скорпиона" – "Весов" с указателем содержания первых шести номеров журнала и сообщением о новых книгах издательства – см.: Рус. ведомости. 1904. 28 июня. № 178; Русь. 1904. 3 июля. № 201.

[3] В цитированном выше письме Розанову читаем: «Нам нѐ надо уверять Вас, что мы не только всегда рады Вашим рукописям, но и высоко ценим Ваше участие в "Весах". Мы все учимся на Ваших статьях, и Вы для нас всегда останетесь старшим. Но решительно нам кажется невозможным после того, как у нас было уже две статьи о рассказе Андреева, помещать третью» и т.д. Ср. прим. 4.

[4] В предыдущем, майском номере "Весов" о повести Л. Андреева писали М. Пантюхов (в рецензии на «Сборник товарищества "Знание"», где она была напечатана) и Вяч. Иванов (в особой статье «Новая повесть Леонида Андреева "Жизнь Василия Фивейского"»). Как видно из комментируемого письма, Брюсов статьей о новом произведении Андреева хотел открыть задуманную им постоянную журнальную рубрику "Вехи". Однако отказ в помещении статьи Розанова сделал появление статьи Брюсова невозможным. Кроме указанных двух, уже в шестом номере появился еще один, положительный отзыв о повести Андреева – Н.Е. Пояркова, в рецензии на следующий выпуск сборника "Знания". Впечатление Брюсова от нее было сугубо негативное, ему было важно высказать свою точку зрения, и в сентябрьском номере журнала он поместил свой обзор новинок русской литературы за 1904 г., написанный для английского журнала "The Athenaeum", где мог свободно говорить об Андрееве, не стесняясь "весовским" отказом Розанову.

АРТЕЛЬЩИК "ВЕСОВ" В.А. КУРНИКОВ С ЖЕНОЙ

Фотография из альбома Б.А. Садовского, 1910-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

[5] См. статью *Брюсов В.Я.* Вехи. 1. Страсть // Весы. 1904. № 8.

[6] Речь идет, видимо, о Дагни Пшибышевской.

[7] "Весы" в 1904 г. ничего о брошюре Эд. Мейера не писали (ср. следующее примеч.). Статья, названная в примеч. 5, была первой и последней "вехой" в 1904 г., замысел "веховской" рубрики получил развитие только в следующем году.

[8] В конце июля 1904 г. Брюсов описывал в письме к Вяч. Иванову то отчаянное, по его мнению, положение, в котором оказались "Весы"из-за отсутствия редакционных работников и из-за "беспечности" Полякова в делах. При этом Брюсов, в частности, жаловался: «...я с января прошу выписать для "Весов" "La Revue", "Neue Rundschau", некоторые английские журналы, и тщетно. Прошу покупать книги для рецензий, тщетно. Неловко настаивать по поводу 2–3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу» (*ЛН*. Т. 85, С. 456).

[9] Еще 6/19 декабря 1903 г. сестра Полякова А.А. Семенова писала из Флоренции: «A d'Annunzio написал новую драму, которая скоро будет играться в Милане. Она из Сицилийской жизни и называется "Figlia di Jorio". Во Флоренции, как видно, совсем не интересуются d'Annunzio. Нигде нет ни портретов, ни его книг» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 185. Л. 5). Хроника "Весов" дважды отмечала успех драмы на сцене (№ 3, с. 77–78; № 4, с. 80–81). О пьесе вызвался дать заметку в "Весы" Балтрушайтис, однако исполнение обещания он затянул и 16 июня объяснялся в п. к Брюсову: «Со строками о "Иорио" я так и не поспел, по причинам такого свойства, что придется умолчать о них» (*ГБЛ*. Ф. 386, 75.44. Л. 13).

[10] Конец весны и начало лета Л.Д. и Вяч.И. Ивановы, постоянно жившие тогда в Женеве, провели в Москве, близко сойдясь с московскими символистами (см. наст. том, Переписка с Волошиным, п. 21, прим. 5). "Многомедлящие" – ирония по отношению как к стилистике ивановского слова, так и ивановского поведения (ср. долгие сборы Ивановых в Москву, отразившиеся в письмах к Брюсову, – *ЛН*. Т. 85. С. 443–448).

[11] Адольф *ван Бевер* (1871–1925) – французский литератор, постоянный корреспондент "Весов". В упомянутом номере журнала была помещена его большая статья "Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа" и две библиографические заметки.

86. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. Лето 1904 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Я – в Москве. Дома (на Цветном) все воскресенье, до поздней ночи. Днем (часов до 8–9) надо звониться с улицы, после – ко мне, со двора. Причина: что я то на одной, то на другой половине квартиры. Но в крайнем случае достаточно из одного подъезда перейти в другой, чтобы дозвониться наверное и найти меня.

Ваш Валерий Б р ю с о в

1904.

P.S. Что делается на Востоке! Прочел сразу два дня газет и чуть не болен от событий![1]

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о событиях русско-японской войны.

87. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 28 июля 1904 г.⟩

Если можно приезжайте субботу, понедельник еду Женеву[1].

Телеграмма. Текст известен по одному из черновиков брюсовского ответа на п. Вяч. Иванова от 22 июля/14 августа 1904 г. (*ЛН*. Т. 85. С. 452–454); Брюсов писал из Антоновки: «Вернувшись сюда, нашел Твое длинное письмо (о посещении Волошина, М.Н. ⟨Семенова⟩, Котляревского и многом другом). За письмо – спасибо, очень и очень. Оно вызвало меня говорить о делах, о том участии Твоем в редактировании "Весов", о котором я Тебя так просил в Москве. Я почти тотчас начал Тебе длинный ответ. Написал три страницы такого же формата, как эта. Вдруг получаю телеграмму от Серг⟨ея⟩ Алек⟨сандровича⟩. "Если можно приезжайте субботу, понедельник еду Женеву". Все сразу изменилось. Длинное мое письмо стало ненужным. Теперь все должно определиться Твоими женевскими встречами с С⟨ергеем⟩ А⟨лександровичем⟩. Изложу только вкратце, что я писал» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.18. Л. 10; п. опубл. (по другой версии черновика): *ЛН*. Т. 85. С. 455–456).

Датируется по упоминанию этой телеграммы в письме Брюсова к А.А. Шестеркиной от ⟨28 июля 1904 г.⟩ (см. прим. 1 к следующему п.).

[1] Суббота приходилась на 31 июля, понедельник – на 3 августа.

88. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 28 или 29 июля 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

Только что приехал[1] и в понедельник опять уезжаю к сестре и Михаилу Ник⟨олаевичу⟩; так стремительно потому, что провожаю сестру, которая должна быть в Женеве к известному сроку[2]. Простите, что я уехал в Сибирь без оповещения: как-то вышло тоже скорей, чем я ожидал. Надеюсь, что теперь мы увидимся до отъезда. Приезжайте, если Вам возможно, в субботу. Поклон Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне. До свидания. Ваш С е р г е й.

P.S. Послал телеграмму, но не надеюсь на ее исправность.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы".

Датируется по связи с предыдущей телеграммой, поскольку письмо написано в тот же день или на следующий. К нему, по всей вероятности, относится конверт, адресованный рукой Полякова Брюсову в Антоновку, с почт. шт. "Москва. 29.7.04" (конверт отделился от основного массива переписки и хранится отдельно, описанный как конверт письма Брюсову от журнала "Весы" – *ГБЛ*. Ф. 386, 148.63).

[1] См. в брюсовском письме к А.А. Шестеркиной, датируемом 11 июля 1904 г. по почт. шт. на конверте: «Вы наказываете меня слишком жестоко и безжалостно, за мое молчание и за то, что я не могу приехать в Верею. Увы! в мире общежития невозможности существуют. Между прочим, я совершенно один в "Весах", так как теперь уехал и Сер⟨гей⟩ Алекс⟨андрович⟩ – в Омск, провожая Верочку». Позже, в письме, датируемом также по почт. шт. ⟨28 июля 1904 г.⟩, он сообщал ей: "Пишу в Тарусе ⟨...⟩ С.А. только что вернулся из Омска (как сообщает мне телеграммой) и едет в Женеву. Завтра еду в Москву" (*ГБЛ*. Ф. 218, 128.13. Л. 2,4). Выехал в Москву Брюсов позже – см. его телеграмму от 30 июля.

[2] Ср. сообщение Полякова в письме от 6/19 сентября 1904 г. о рождении дочери у А.А. и М.Н. Семеновых.

89. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Таруса. 30 июля 1904 г.⟩

Приеду воскресенье иначе нельзя оставьте письмо где увидимся.

Брюсов.

Телеграмма, писарская на бланке. Ответ на предыдущие телеграмму и письмо Полякова. Подана в пятницу, воскресенье приходилось на 1 августа.

В письме, датируемом по почт. шт. на конверте ⟨4 августа 1904 г.⟩, Брюсов сообщал А.А. Шестеркиной: "И опять Ваше письмо получил на пути на вокзал, этот раз один. Приезжал провожать С.А. ⟨Полякова⟩ в Женеву. Пишу в вагоне не пером, а стило, подаренным мне г-жой Ивановой, изделие лондонское" (*ГБЛ*. Ф. 218, 128.13. Л. 10; упомянута Л.Д. Иванова, в литературе – Зиновьева-Аннибал).

90. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Антоновка, 1904, август ⟨11⟩.

Дорогой Сергей Александрович!

Пишу Вам под шум неумолкающего четыре месяца дождя. Холодно, сыро. Неужели у Вас из окна видна Юра?[1] Собираюсь – через три дня – окончательно в Москву. – Беседовал недавно в поезде, случайно, с одним нашим провинциальным подписчиком. Он высказал мне совершенно справедливую мысль, что мы читателей ошарашиваем. Сразу целый океан новых имен, которых раньше и не слыхивали. По-видимому, надо давать поменьше отвлеченных статей, а побольше конкретных, напр⟨имер⟩ биографий, которые до известной степени могут заменить беллетристику. Я ду-

"ВЕСЫ", 1905, № 7

Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко

маю начать такие попытки уже со следующего № и хочу приспособить одну из маленьких книжек, купленных Вами, о Реми де Гурмоне, в виде компилятивной статейки. Благо только что вышел 2ой том "Epilogues" Гурмона: предлог есть[2]. А для следующего № можно составить биографию Мане, по той книге, едва не загубленной Ник⟨олаем⟩ Ник⟨олаевичем⟩[3]. – Читаете ли Вы газеты? Здесь все удручены, у всей России вид побитой собаки. Даже Росс из "Русс⟨кого⟩ Слова" притих[4]. Сбавило тон и "Новое Время". Теперь вряд ли кто стал бы держать пари, что Артур устоит, 100:100[5]. – Напишите мне, хотя бы гиероглифами, мне очень хочется получить весть из Женевы. Были ли Вы у Ивановых? Будьте все-таки!

Телеграфичность письма зависит от того, что ждет человек, отправляющийся на почту. Итак, оно не более как привет Gruss aus Antonovka*.

Ваш Валерий Б.

Число проставлено по почт. шт. на приложенном конверте. Послано Полякову на адрес М.Н. Семенова, жившего подле Женевы.

[1] Вероятно, отзвук п. Вяч. Иванова от 22 июля/4 августа, где поэт говорил, что его гость, С.А. Котляревский, "влюбился в пювисшавановский силуэт Юры, близко ограничивающий нашу долину" (*ЛН*, Т. 85. С. 453).

[2] Речь идет о рецензии на книгу: *Gourmont R.* Epilogues. 2-e série. P., Mercure de France, 1904; за подписью "Ch." она напечатана в отделе "мелкого шрифта" (Весы. 1904. № 8. Авг.). При статье имеется примечание: "Фактические сведения взяты нами из этюда о де Гурмоне недавно скончавшегося Пьера де Керлона. Этюд этот вошел в серию "Les Celebritées d'aujourd'hui", E. Sansot (Bibliothèque International d'édition)".

[3] О чем идет речь – прояснить не удалось. Николай Николаевич, возможно, Черногубов. О Мане "Весы" 1904 г. не писали.

[4] Росс – псевдоним Михаила Александровича Российского.

[5] Ср. в п. Брюсова к А.А. Шестеркиной от 4 августа 1904 г.: «Читаете ли Вы газеты? Я каждое утро после телеграмм болен бываю от уныния. Дошел до того, что почти ничего не могу делать и на "Весы" смотреть не хочется» (*ГБЛ*. Ф. 128, 128.13. Л. 9).

91. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Антоновка, 1904 август ⟨14⟩.

Дорогой Сергей Александрович!

Получил статью о Ропсе. Спасибо очень. Не знаю, та ли это статья Р. де Гурмона, о которой Вы мне говорили, или что иное, но во всяком случае, статья любопытная. Однако воспользоваться ею мне не придется: то, что написал я, подходит к тому же вопросу совершенно с иных путей, и мы с автором статьи не совпадаем нигде – разве в бесконечности, если продолжить линии наших мыслей. Но Вы в свое время мою статью прочтите, прошу[1]. – Шик прислал письмо о Сецессионе, интересное. Необходимо печатать в этом №, и так предмет почти устарел[2]. Если к этому вдобавок Венкстерн[3] пропустит еще статью Вяч. Ив⟨анова⟩ о Сологубе, № будет переполнен[4]. Подумываю, в таком случае, не перенести ли статью Суворовского о Чайковском в 9 №?[5] – Ван Бевер прислал любопытную, на новых материалах основанную, биографию Метерлинка. Перевожу и прочу тоже для 9 №. Шлет еще В⟨ан⟩ Б⟨евер⟩ груду рецензий[6]. – Бакст предлагает сделать за 50 р⟨ублей⟩ обложку к "Судьбе Гоголя". Сообщите, что отвечать[7]. Шик все предлагает рисунки Лилиена, Kubin и Бемера. Не отказать ли?[8] А набор "Судьбы Гоголя", право, надо разобрать: с каждым днем он все несноснее для глаза. – Газеты немного занимаются "Весами". Шлю одну (из "Руси") рецензийку, и как раз они ухитрились выбрать самое случайное, что есть в "Весах"[9]. "Н⟨овый⟩ Путь" в № 7 очень хвалит "Весы", видели ли Вы?[10] Еще в "Руси" была статья о Бальмонте, того же Амфитеатрова, который "хвалил" меня. Хвалит и Бальмонта. Мода. – Простите, что надоедаю Вам в Швейцарии московскими дрязгами. Тем здесь живем. Очень надеюсь на ваше письмо. С послезавтрего в Москве.

Ваш Валерий Брюсов

Кажется, в адресе неверно Champel – Champelle пишу по памяти.
P.S. Сологуб прислал длинный рассказ для "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов⟩".

Число проставлено по почт. шт. на приложенном личном конверте Брюсова; п. адресовано в Шанпель (близ Женевы), М.Н. Семенову для передачи Полякову.

При письме вырезки из журнала и газеты (см. ниже, прим. 8 и 9).

[1] Возможно, Поляков при знакомстве с замыслом или набросками статьи Брюсова "Вехи. I. Страсть" услышал в ней перекличку с неизвестной нам статьей Р. де Гурмона, которую и прислал Брюсову; ср. упоминание о Ф. Ропсе в названной статье – Весы. 1904. Авг. № 8. С. 26.

---

* привет из Антоновки (*нем.*)

[2] Речь идет о статье: *Schick M.* Письмо из Берлина. IX Берлинский Сецессион // Весы. 1904. № 8. Авг. Поначалу эту статью автор предлагал доставить к февральской книжке журнала (*ГБЛ.* Ф. 386, 108.34. Л. 6).

[3] Алексей Алексеевич *Венкстерн* – литератор, цензор.

[4] Статья В. Иванова "Рассказы тайновидца" о "скорпионовском" сборнике Сологуба "Жало смерти" (1903) вошла в № 8 "Весов".

[5] Статья случайного автора "Весов" Н.П. Суворовского "Чайковский и музыка будущего" была все же помещена в № 8 журнала.

[6] Большая статья "Морис Метерлинк" открывала сентябрьский номер журнала (Весы. 1904. № 9. С. 1–23; подпись: Ad. van Bever; переводчик не указан, публикуемое п. позволяет атрибутировать перевод Брюсову). Рецензий А. ван Бевера в 9–12 номерах 1904 г. "Весы" не печатали.

[7] 6 августа 1904 г. Л.С. Бакст писал Брюсову: «Д.С. Мережковский просил сделать ему обложку для "Гоголь и черт", которую я и охотно сделал бы; просил меня написать Вам об этом и о Вашем заключении. Если устраивается, то прошу Вас очень прислать мне размер книги, точную надпись (полную) и я примусь за нее. Условия те же, что и Сомову. Если не ошибаюсь – 50 руб⟨лей⟩?» (*ГБЛ.* Ф. 386, 75.31. Л. 15). Книга Мережковского появилась в 1906 г. (на обложке – 1905) в обложке Н. Феофилактова.

[8] С начала 1904 г., когда готовились первые номера "Весов", М.Я. Шик, живший в Берлине, настоятельно предлагал журналу, через Брюсова, сотрудничество немецких художников-модернистов, в частности Эфраима Мозе Лильена (Lilien, 1874–1925), с которым Шик был лично дружен, Альфреда Кубина (Kubin, 1877–1959). 2/15 августа 1904 г. Шик писал Брюсову: "Шлю Вам несколько плохих репродукций рисунков Кубина. Рисунки старые. Его теперешние значительно лучше и интереснее" (*ГБЛ.* Ф. 386, 108. 34. Л. 21; см. также предыдущее письмо); три вырезки из какого-то немецкого массового иллюстрированного журнала сохранились при письме (Там же. Л. 24–26); еще одна была препровождена при комментируемом Полякову. На ней воспроизведены работы Кубина "Страх" и "Безумие"; на вырезке помета Брюсова: "Кубин. Прислал Шик в пример рисунков Kubin".

[9] При письме сохранилась газетная вырезка с пометой Брюсова: "Русь, 4 авг⟨уста⟩", с репликой на заметку-рецензию самого Брюсова "Латинский язык, как всемирный: Ch. André. Le latin et le problème de la langue internationale. P., 1903" (Весы. 1904. № 7; подпись "Аврелий"). Газетный обозреватель, в частности, утверждал: «Журнал "Весы" предлагает новый волапюк – латинский язык, но не тот латинский язык, которым писали Цицерон и Вергилий, а новый латинский язык с упрощенной грамматикой и без всяких исключений. Прибавив к этому упрощению латинского языка еще упрощение русской орфографии, получим, в общем, необременительный курс среднего учебного заведения ⟨...⟩ Таким образом, от "разных матерей" европеец приживет "сорок диалектов" прекрасных под общим названием латыни. Но причем тогда объединение человечества с помощью новой живой латыни от многих "матерей"?»

[10] Брюсов имеет в виду отзыв, появившийся без подписи в разделе "Цитаты и заметки". В связи с выходом июньского номера "Весов" петербургский журнал, особо отметив статью Белого "Маска", писал: «Будем надеяться, что московские "декаденты" со временем будут давать более полные обозрения книг и журналов. "Весы" единственный ежемесячник, который дает отзывы об иностранных книгах: желательно, чтобы этот отдел был поставлен шире. Но и теперь уже нельзя не приветствовать этого журнала, который вносит в нашу серую "литературу" дух культурного изящества и утонченного вкуса. Это так необходимо теперь, когда наши толстые и длинные журналы систематически развращают вкус публики» (*НП.* 1904. Июль. С. 260–261).

92. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Женева, 6/19 сент⟨ября 19⟩04.

Дорогой Валерий Яковлевич,

непростительно не исполнял обещания высылать открытки из временных мест пребывания; тому виной, кроме моего обычного отвращения к писанию писем, – "правильная" заграничная жизнь с строго определенными часами завтраков, обедов, ужинов и пр⟨очего⟩, за которыми пропадает весь день. Впрочем, кроме 4[х] дней в Париже и дня в Лондоне, я все остальное время провел пока в Женеве, а в Италию, должно быть, так и не попаду ввиду всеобщей стачки, охватившей, между прочим, и железнодорожных служащих. Конечно, в Италию попасть теперь интереснее, чем когда-либо, но пришлось бы идти пешком от Кьясоо[1] до Милана, верст 100. Меня думает сопровождать Мих⟨аил⟩ Ник⟨олаевич⟩, и он, кажется, согласен даже на пешеходное путешествие. Как бы то ни было, вернусь в Москву 15–17 нашего сент⟨ября⟩, не позже: подожду еще дня два и, если стачка "chemineaux"* не прекратится, поеду прямо через Вену[2].

В Женеве, здесь, проводим целый день в странствиях; сестра, Мих⟨аил⟩ Ник⟨олаевич⟩, я – все живем в разных местах, так как у сестры родился ребенок, и она живет в клинике, а мы ее навещаем по несколько раз в день, так что совсем не чувствуешь се-

* "железнодорожников" (*фр.*).

бя туристом и мало видишь природы, кроме, конечно, специальных, немногочисленных, аусфлюгов[3].

Вечером собираемся в кафе Ландольта, куда часто приходят Ивановы и другие женевские обитатели, бывал там постоянно и Волошин. Много рассуждали о ведении и распространении "Весов"[4]; результатом одного из таких заседаний явилась статья Иванова о индивидуализме, которую Вы, вероятно, уже получили[5]; быть может, явятся и еще какие результаты со стороны Волошина и Мих⟨аила⟩ Ник⟨олаевича⟩, который начинает оживать и собирается работать для "Весов"[6]... Таким образом, и вечера более напоминают о Москве, чем о Женеве.

В Париже я довольно много видел, Макс был ко мне безжалостен и буквально меня "ухаживал", но общего впечатления у меня не получилось, ибо "настоящее" входит медленно и случайно, в меня, по крайней мере.

В Лондоне был один день, да и тот день был воскресенье; бродил без плана и цели, и он совсем остался бы в моих воспоминаниях фантастическим городом, если бы то не было в день взятия Лаояна...[7]

Вашим письмам был очень рад, так как о Москве думаю с вожделением, ибо начинаю страдать "тоской по родине", или, вернее, тоской от абсолютного неделания.

Из Ваших вопросов без колебаний могу ответить на предложение Бакста: пусть делает обложку, если Мережковский не против того, т.е. если он не *очень* против того. О предложениях Шика поговорим в Москве, присланные им образцы рисунков Кубина мне не нравятся – какой-то "обезображенный" Штук. Поклон от меня Иоанне Матв⟨еевне⟩ и Надежде Яков⟨левне⟩. Кончаю, чтобы послать письмо сейчас же. Ждем последние "Весы".

Ваш Сергий.

[1] Контрольный пункт на итало-швейцарской границе.

[2] Поездка в Италию состоялась – см. след. п.

[3] От немецкого Ausflug – прогулка, экскурсия.

[4] Ср. описание женевских встреч и разговоров "весовцев" в п. Вяч. Иванова от 6.19 сентября (*ЛН*. Т. 85. С. 458–459). См. также наст. том, Переписка с Волошиным, п. 42, прим. 4. и воспоминания: *Semenov M.N.* Bacco e Sirene. Memorie. P. 258–260 (ср. также p. 197).

[5] Упомянута статья Вяч. Иванова «"Копье Афины". Поскольку мы – индивидуалисты?» (Весы. 1904. № 10). Много позже, 23 ноября 1904 г., М.Н. Семенов писал Брюсову из Парижа: «Очень хороша статья Иванова "Копье Афины". Впрочем, я ее уже раньше знал – это результат наших женевских бесед о "Весах"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 102. 31. Л. 15); к этому месту в письме примечание, характерное для отношения московских "скорпионовцев", в том числе Брюсова, к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: "И ужасно длинна, запутана и сумбурна статья его жены".

[6] Семенов в первой половине 1904 г. пережил очередной приступ неврастении, не позволявшей ему регулярных занятий.

[7] После двухнедельных боев под г. Ляояном в Маньчжурии, в общем достаточно успешных для русской армии, генерал А.Н. Куропаткин отдал малооправданный приказ оставить город, который заняли японцы 22 августа 1904 г.

93. ПОЛЯКОВ И М.Н. СЕМЕНОВ – БРЮСОВУ

⟨Милан.⟩ 11/24 сент⟨ября 19⟩04 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

наконец я возвращаюсь, даже удивляюсь на себя, как это я вынес такое долгое отделение от Москвы. Извиняюсь за беспокойство телеграммой, тем более, что я уехал, не дождавшись ответа. Здесь с Мих⟨аилом⟩ Ник⟨олаевичем⟩: он свободно объясняется по-итальянски, и я как у царя за пазухой.

Был на вышке собора, и "мраморный orto"[1] меня очаровал, но вида не почувствовал. Буду в Москве в субботу[2].

Ваш Сергий

⟨*Приписка М.Н. Семенова:*⟩

Извиняюсь, дорогой Валерий Яковлевич, за свое упорное молчание. Напишу подробно по приезде в Париж. – Пьем за Ваше здоровье и процветание "Весов" на многие, многие лета! Ваш М. Семенов

Видовая открытка: кровля Миланского собора

[1] "Сад" (*ит.*) – имеются в виду многочисленные мраморные украшения соборной кровли.

[2] Писано в субботу, следующая суббота приходилась на 18 сентября.

94. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Венеция. 13/26 сентября 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

мы в Вашей любезной Венеции[1], стоим в "Capello", хотя Мих⟨аил⟩ Ник⟨олаевич⟩ ни за что не хотел, предпочитая немецкие отели. Жалко уезжать.

Ваш Сергей.

Видовая открытка: Венеция, Рио Сант-Агостино.

Датируется по почт. шт.

[1] Ср. отзывы Брюсова о Венеции в пп. 39 и 47, а также недатированное п. Брюсова З.Н. Гиппиус от середины июля 1902 г.: «А Италию, если нужно видеть, то лишь затем, чтобы убедиться, что она нам более не нужна. Прекрасна, но не нужна. Такое же чувство, как когда меня уверяют, что Тургенев прекрасный писатель. Но что же мне с ним делать? Италия бесспорно прекраснее Тургенева, но и с ней мне делать нечего, ни с Липпи, ни с Ботичели, ни даже с Тинторетто и Беллини. Остается воздать им честь, что они были действительно художниками и действительно искателями, но нам эти мертвецы уже не помогут. [Вполне] Мне по душе пришлась [мне] одна Венеция. Люди, [здесь] насильно [были вырваны] вырванные из обычных условий жизни людей, [и без своей воли] стали [a]здесь[–a*] немного нелюдьми. При всей своей теперешней базарности, Венеция [не впала и *не может*, если б даже хотела, впасть в обыденную пошлость] *не может* стать пошлой. И потом еще, – она ненужный город среди других [итальянских] городов, [бесцельный, ныне бессмысленный, что̀ тоже не может не обольстить былого читателя Бодлера.], и мне это дорого в ⟨память? – нрзбр.⟩ Бодлера. "J'aime les nuages, les nuages qui passent"[2*]. И право , в Венецию стоит приезжать весной, когда хочется ничего не делать и не мыслить» (*ГБЛ*. Ф. 386, 70.37. Л. 30).

Г. ИБСЕН

Гравюра Ф. Валлотона
"Весы", 1905, № 7

Перед нами – черновик ответа на п. Гиппиус от 9 июля 1902 г., имевшее в виду неизвестную открытку Брюсова, посланную из Италии: «...скажу вам, что наше путешествие, на Керженец и Светлояр, в противоположность вашему, было столь неожиданно, важно и ошеломляюще, что мы до сих пор не можем опомниться. Я не совсем согласна, что побывать в Италии "не необходимо", я думаю, если бы мы не потратили на нее столько времени, радости и внимания во дни юных лет – мы и это путешествие не могли бы теперь совершить с такой удачей, и не увидели бы многого, что увидали и поняли» (*ГБЛ*. Ф. 386, 86.36. Л. 20 об.).

95. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 21 ноября 1904 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Бальмонт сегодня (воскресенье) будет дома, ибо болен и не выходит. Я сказал ему, что мы у него будем в 8. Я опоздаю и приду в 9-ом. Будьте. Да и надо Вас повидать – "дела". Читали ли письмо Саблина?[1]

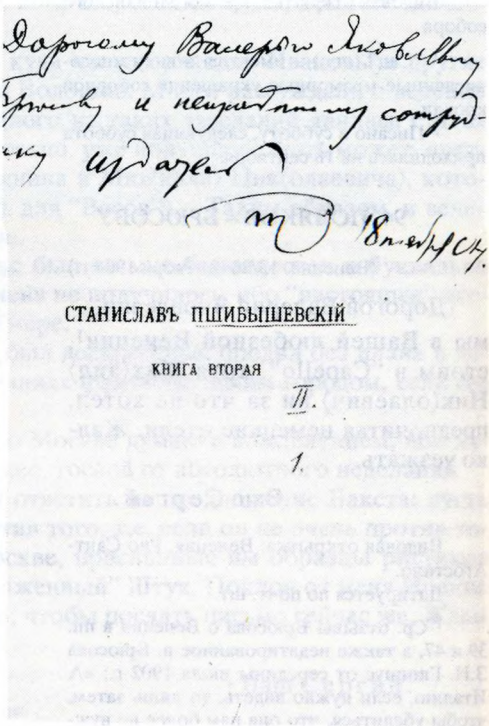
Ваш Валерий Брюсов

21 н⟨оября 19⟩04.

---

*a–a вставка карандашом, тем, которым шла правка. – *Н.К.*

[2*] "Я люблю облака, облака, которые приходят и уходят" (*фр.*).



СТАНИСЛАВ ПШИБЫШЕВСКИЙ. DE PROFUNDIS. М., "СКОРПИОН", 1905

Обложка по рисунку Н.П. Феофилактова и форзац с дарственной надписью С.А. Полякова: "Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову и неизменному сотруднику издатель ⟨"Скорпиона"⟩ 18 ноября 04"

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Личная почтовая бумага и конверт Валерия Брюсова

[1] Речь идет о столкновении "Скорпиона" с В.М. Саблиным по поводу приобретения у С. Пшибышевского авторских прав на русский перевод его произведений.

96. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 3 января ⟨19⟩05 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

четвертый день сижу в таганском заточении[1], хотя больше по доброй воле, чем по необходимости, – перевожу Пшибышевского[2]. Завтра думаю все-таки появиться в свет.

Как у Вас дела? Началась ли типографская деятельность? Если Вы не заказали еще предполагавшегося объявления в "Русс⟨ких⟩ Вед⟨омостях⟩", сделайте, пожалуйста, соответствующее распоряжение на завтра – у Василия деньги должны быть. А обещанное покушение все-таки было. После него, кажется, правительству нечего бояться террористов – не попадают на расстоянии 4[x] шагов – даже вчуже досадно. До свидания завтра. С новым годом.

Ваш Сергий.

P.S. Напишите, пожалуйста, на письме адрес Белого: я, конечно, его потерял. И скажите Василию послать письмо, марок у меня здесь тоже нет.

С.П.

[1] См. прим. 1 к п. 81.

[2] Речь идет, вероятно, о стихотворениях в прозе "Аметисты" и "День Вознесения", которые пришлось вставить во второй том "скорпионовского" собрания сочинений С. Пшибышевского вместо вырезанной по требованию цензуры "Заупокойной мессы" (см. издательское предисловие к кн.: *Пшибышевский С.* Собр. соч. М., 1906. Т. 4. Ненум. с. в начале книги; второй том вышел в свет в апреле 1905 г.).

97. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 9 января 1905 г.⟩

Сеанс сегодня (воскресенье) в 8 1/2 часов или 9 вечера[1]. Адрес: Остоженка, дом Варваринского Общ⟨ества⟩, кв. 68, Малиновского. Будьте!

Ваш Валерий Брюсов

9 янв⟨аря⟩ 1905

P.S. Был снова. Ждал Вас до 8 1/4. Уезжаю. Приезжайте! Не поздно будет и в 9 1/2; а позже можете примкнуть ко 2-ой половине, после перерыва.

[1] Речь идет о сеансе фехтования, которым в это время увлекались "скорпионы".

98. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨1905 г., февраль, после 6⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Оказалось мне необходимым быть в некоем месте. Поручил вместо себя быть здесь Бр⟨ониславе⟩ М⟨атвеевне⟩[1]. Объявления сдал. Зина Ник⟨олаевна⟩ очень хочет писать в "Весах", но спрашивает, каков гонорар[2]. Вечером буду непременно. От Хомякова нет вестей[3]. Рецензии Бачинского сдал в набор[4].

Ваш Валерий

Почт. бумага "Весы" – "Скорпион", франкоязычный вариант. Датируется по упоминанию п. З.Н. Гиппиус (см. прим. 2).

[1] Б.М. Рунт (1884—1993) сестра И.М. Брюсовой.

[2] В конце 1904 г. Брюсов, еще не зная подробностей разрыва Мережковских с созданным ими журналом "Новый путь", письмом предложил им сотрудничество в "Весах". Предложение, по всей видимости, было повторено и через Н.Я. Брюсову и А. Белого, приезжавших в Петербург (последний возвратился оттуда 5 февраля). В результате Гиппиус писала Брюсову 6 февраля 1905 г.: «Ваша сестра (которая мне очень понравилась) и Бугаев (которого я очень люблю) объяснят вам историю "приостановки" "Нового Пути" и нарисуют истинную картину положения. Посему не буду распространяться. Благодарим за широко открытые двери! Я не уверена, впрочем, сознательно ли вы их так широко открываете? Что будет на практике? Мне это так интересно, что я пришлю вам статейку скорее, чем вы думаете. Я знаю, что "Весы" никогда не существовали, как мое несчастное дитя ⟨т.е. "Новый Путь", где ближайшие сотрудники не получали гонорара. – *Н.К.*⟩, а потому позволяю себе спросить, каков там полагается нам гонорар? Или это нескромно? Что всем нам *неизмеримо* ближе "Весы", чем "Вопросы Жизни", вы, теперь, после устных объяснений, – уже знаете? Не правда ли?" (*ГБЛ*. Ф. 386, 82. 37. Л. 18 и 19об.; см. также письмо от 20 февраля 1905 г. – л. 20–21).

[3] О чем идет речь, установить не удалось.

[4] Три библиографические заметки А.И. Бачинского помещены в февральском номере "Весов" на 1905 г. (с. 56–58, 63–64).

99. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 23 февраля 1905 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

очень жалею и бесконечно извиняюсь в том, что вышло так неладно с приглашением Иоанны Матвеевны. Но клянусь всем святым и поганым, что это вышло случайно, так как супруга моя[1] еще вчера ни за что не хотела присутствовать на этом обеде, почему я и не решался приглашать дам заранее. Марья Ивановна[2] некоторым образом заявила желание присутствовать лишь во время спектакля. Если Иоанна Матвеевна естественно обиделась и не захотела приехать, то я надеюсь, что Вы, Валерий Яковлевич, хоть на мгновение заглянете к нам, если на то есть хоть какая-нибудь возможность. В ожидании увидеться.

Весь Ваш С. Поляков

23 фев⟨раля 19⟩05.

[1] Софья Ромуальдовна *Полякова* (рожд. Дузек).

[2] М.И. Балтрушайтис.

100. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 10(?) марта 1905 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Вчера, не знаю как (очень уж много событий было), забыл принести Вам свою благодарность за орхидеи, которую, впрочем, должен бы был, следуя подписи, обратить к сорока мученикам. В самом деле, спасибо. Цветочки милые, бело-невинные и дьявольские.

Вчера заходил вечером, но Вас уже не было. Оставляю Вам 3 и 4 лист "Цветов": может быть, удосужитесь проглядеть[1]. "Дел" пока нет, ибо самое важное, первые листы 3 №, в руках у Кат. Алекс.[2]

Буду вечером. Если Вам нельзя, сообщите, пожалуйста.

Ваш Валерий Брюсов

1905.

А Белый избрал-таки часы, когда меня не бывает[3]!

Почт. бумага "Весы" – "Скорпион".

Датируется по упоминанию "40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся", именем одного из которых был назван при крещении автор письма; видимо, речь в нем идет о поднесении цветов в день именин Валерия Брюсова – 9 марта (см. и упоминания третьего, мартовского номера "Весов"), при цветах была несохранившаяся, по-видимому, записка от Полякова.

[1] Речь идет о *СЦ 1905*.

[2] Имеется в виду корректура перевода Е.А. Андреевой (Бальмонт): *Уайльд О.* De profundis. Отрывки из тюремных записок // Весы. 1905. № 3 (март). С. 1–42.

[3] Решение Белого понятно в контексте мучительных его отношений с Брюсовым, в конце февраля 1905 г. едва не вылившихся в дуэль. Подробнее см.: *ЛН*. Т. 85. С. 332–339, 381–394.

101. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨1905, весна⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Ждал Вас долго и тщетно. Были поочередно – Сережа Соловьев[1], Н.П. Фео[2], Эттингер[3] – и тоже тщетно ждали Вас. Пожалуйста, оставьте здесь записку, *когда* (с каким поездом) уезжаете Вы (завтра, в четверг?) и удобно ли "проводить" Вас на вокзал.

Ваш Валерий Брюсов

Датировка архивная.

[1] Сергей Михайлович *Соловьев* (1885–1943) – поэт.

[2] Николай Петрович *Феофилактов* (1878–1941) – художник.

[3] Павел Давидович *Эттингер* (1866–1948) – искусствовед.

102. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва.⟩ *Пятница* ⟨25 марта 1905 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Был вчера на обеде. Произнес речь. Поругался за политические свои убеждения с какими-то либералами (в том числе особенно с неким Пржевальским – адвокатом-сыном[1]) – и жестко поругался. Слушал à parte откровенные признания Дягилева. *Взял его речь, написанную, для Весов*. Взял клятвенное обещание писать для Весов с Досекина, который был единственный поддерживавший меня, и очень остроумно, в споре. Впрочем, частью поддерживал еще С.И. Щукин.

Ваш Валерий Брюсов

Почт. бумага. "Скорпион" – "Весы". Датируется по содержанию. Публикацию речи С.П. Дягилева "В час итогов" ("Весы", 1905. № 4) сопровождало редакционное примечание, составленное, по всей видимости,

Брюсовым, которое объясняет публикуемое письмо: «24 марта, пользуясь проездом С.П. Дягилева через Москву, кружок его московских почитателей, по инициативе И.С. Остроухова, предложил ему скромное чествование, в форме товарищеского ужина. В ряде обращенных к С. Дягилеву речей говорившие указывали на его заслуги, как редактора-издателя "Мира Искусства", прекращение которого оставило ничем не заполненный пробел в русской журналистике, и на замечательный подвиг – создание "Историко-художественной выставки портретов", образующей целую эпоху в истории русского искусства. С. Дягилев отвечал на приветствия приводимой речью, за позволение обнародовать которую редакция "Весов" приносит ему свою благодарность» (Там же. С. 45).

[1]Вероятно, имеется в виду Владимир Владимирович *Пржевальский*, сын известного цивилиста и общественного деятеля Владимира Михайловича *Пржевальского* (1840–1900), также юрист и общественный деятель либерального толка.

Ю. БАЛТРУШАЙТИС. ЗЕМНЫЕ СТУПЕНИ. М., 1911

Титульный лист с дарственной надписью: "Другу мосму Павлу Давыдовичу Эттингеру со старой любовью Балтрушайтис. 19. III. 1912. Москва"

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

103. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

⟨Москва. 1905, середина мая.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Оказалось, мой поезд идет в 5.30 – и мне надо будет выезжать из дому в 4.30. Пытался сказать Вам по телефону в Сл⟨авянский⟩ Баз⟨ар⟩, но все было "занято" – говорят словно я.

Подписал к печати 1 и 2 листы, с оговоркой, чтобы статью Вяч⟨еслава⟩ дали прочесть ему[1]. Виньетки расположил смешанно – и старые, и новые – ибо они разностильные, и не хотелось ради новизны портить стильность[2]. Если будет у Вас время, поглядите у Вас. Ив. ⟨Воронова.⟩ Листы 3 и 4 настаивал, чтобы послали Вам[3].

Достал 10 оттисков Писем Бальмонта[4] и послал Кат⟨ерине⟩ Алекс⟨еевне⟩[5] с Василием.

Статья моя о Белом, хотя и резка, но, на мой вкус, очень хороша. Если Вам покажется, что ее не удобно печатать в "Весах", пошлю ее в "Вопросы жизни"[6].

До понедельника.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы" (с овальной маркой); конверт от этого письма (фирменный, но с двумя марками – издательства и журнала) хранится отдельно (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 2. № 3).

Датируется по содержанию. Упоминаемый отъезд не может быть отъездом в Финляндию, т.к. прощается Брюсов с Поляковым "до понедельника" (который в мае 1902 г. мог приходиться на 2, 9, 16, 23 и 30). Ц.р. № 5 "Весов" на 1905 г. – 28 мая.

[1]Речь идет о первых листах майского номера "Весов", единственного в 1905 г. со статьей Вяч. Иванова на втором печатном листе ("О нисхождении. Возвышенное, прекрасное, хаотическое – триада эстетических начал" – с. 26–36). Ср. в письме Вяч. Иванова к Брюсову из Петербурга от 11 мая 1905 г.: "Дорогой Валерий, буду в Москве в Воскресенье рано утром, хотелось бы видеть тебя в воскресенье же, – если можешь, обеспечь свидание. Вероятно, А.Н. Чеботаревская передала тебе набросок (увы, набросок только) моей статьи. Если бы имел его в гранках, то мог бы очень усовершенствовать, не увеличивая значительно объема. Если нельзя, исправлю в корректуре небрежность формы" (*ГБЛ*. Ф. 386, 87.3. Л. 20).

[2]Речь идет о виньетках Н.П. Феофилактова, оформившего майский номер "Весов"; часть из них появлялась в журнале прежде.

[3]Обычный объем "Весов" – пять печатных листов; в майском номере пятый лист был занят хроникальными разделами "В журналах и газетах", "Из жизни" и библиографией "Перечня новых книг" и "Из последних книжек журналов".

[4]Речь идет о первом выпуске публикации: К. Бальмонт "В странах солнца. Письма к частному лицу из кругосветного путешествия" (Весы, 1905. № 4); позже путевые письма Бальмонта появились в 6 и 8 номерах журнала.

[5]Е.А. Бальмонт.

[6]Речь идет о полемике, последовавшей за статьей Андрея Белого "Апокалипсис в русской поэзии" (Весы. 1905. № 4). Брюсов выступил в следующем номере журнала – "В защиту от одной похвалы. Открытое письмо Андрею Белому", что вызвало ответ Белого – "В защиту от одного нарекания. Открытое письмо Валерию Брюсову" (Там же. № 6). О получении этой реплики в редакции Брюсова уведомила Б.М. Рунт в п. от 11 июня (см.прим. 4 к п. Брюсова от 11 июня): «А. Белый прислал большущую статью "В защиту от одного нарекания" – что-то длинное, скучное, грязное (конечно, грязен только почерк), начинающееся с: "Любезный Валерий..." Необычайный размер сего произведения напугал С.А. Полякова; он, кажется, не хочет его помещать в этом fameux numéro* , который имеет появиться когда-нибудь» (*ГБЛ*, Ф. 386, 101. 9а. Л. 5). Несколькими днями позже в недатированном письме Рунт сообщала дополнительно: «А ответ Белого будет напечатан. Он приезжал на 2 дня в Москву. С.А. попросил его сократить свое послание; в утешение Вам могу сказать, что ответ безобиден, есть даже некоторые "злоупотребления" его широкими правами. Только в одном месте называет Вас Бурениным – это все же лучше дурака. Б⟨орис⟩ Н⟨иколаевич⟩ приезжал в последний раз в "Скорпион" сильно напудренный; отправился в Тверь к М.К. Морозовой (будет там, после хорошего обеда, за кофе говорить ей о запредельном ужасе). С.А. просил ничего не говорить Вам о том, что письмо Белого будет напечатано, так уж, пожалуйста, милый Валерий Яковлевич, не принимайте никаких мер, – а то я обещалась ничего не писать» (*ГБЛ*. Ф. 386, 101. 9а. Л. 3).

104. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

Гельсингфорс, 2 июня 1905.

Дорогой Сергей Александрович!

Вот я и в стране, где говорят по-шведски. Объясняюсь, но плохо. Понимаю лучше. Читаю шведские газеты. Был сейчас в bodega espagnola[2*]. Знаете Вы такое пристанище? Обстановка в стиле парижских кабаре, подают девицы, наливая прямо из бочки мадеру[1]. Видел Атенеум[2]. Хорош Галэн[3] и Родэн. Эдельфельд[4] сносен. Опять хорош Галонен[5]. Есть Сомов, дар С. Дягилева. В Атенеуме выставка. Шлю о ней корреспонденцию для хроники: пустая выставка[6]. В Петербурге Маковского не разыскал – дали мне неверный адрес. Но выставку портретов видел, купил каталоги (8 №№), и если Маковский ничего не пришлет, напишу сам[7]. Чулков показывал мне рецензию Перемиловского на De Profundis, т.е. на перевод Троповского, страниц 6, все уличения в неверном переводе. Спрашивал, можно ли печатать. Я сказал, что если печатать, то необходимо рядом другую рецензию – на издание Саблина. На том и порешили[8]. Свои рецензии, т.е. те, что обещал, напишу[9].

Простите почерк – нет чернил, одна гуща (а ночь).

Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. А все же, должно быть, в конце концов попадем в Ханге[10].

P.P.S. Пока мой адрес (на всякий случай) Гельсингфорс, poste restante.

Личная почт. бумага Брюсова; фирменный конверт "Hôtel Pennia. Helsingfors".

Уезжая 28 мая из Москвы, Брюсов предполагал посетить Ладожское озеро; однако уже 1 июня он писал жене из Гельсингфорса: "На Ладогу не поехал: бури, да и в Валааме, говорят все, ничего примечательного. Решил блуждать по Финляндии. Базой будет мне Гельсингфорс. ⟨...⟩ Я очень твой и буду очень твоим – это совсем верно" (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.5. Л. 4).

[1]Ср. в письме жене от того же числа: "Сейчас ночь. Только что пришел из испанской бодеги, где подают испанские вина и прислуживают женщины. Но мне уже потому не было особой опасности быть там, что и по-шведски-то они плохо понимают, а я по-фински ни полслова" (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.5. Л. 6об.).

[2]Художественный музей в Гельсингфорсе.

[3]По всей видимости, имеется в виду Аксели Вальдемар Галлен-Каллела (1865–1931) – крупнейший ху-

---

* пресловутом номере (*фр.*).

2* испанский подвал (*исп.*).

дожник финского модерна; в той же форме его фамилию Брюсов приводит в своей заметке о выставке в "Атенеуме" (см. прим. 6).

[4]Альберт *Эдельфельт* (1854–1905) – финский художник.

[5]Пекка *Халонен* (1865–1933) – финский художник.

[6]В июньском номере "Весов" (с. 81–82) в разделе "Из жизни. Хроника литературная, художественная и театральная" появилась неподписанная заметка "Нам пишут из Гельсингфорса" (в оглавлении – "Выставка в Атенеуме"), принадлежность которой Брюсову устанавливает, по-видимому, публикуемое письмо. См. также п. Брюсова от 16 июня 1905 г.

[7]Еще в хронике "Из жизни" мартовского номера редакция журнала обещала (с. 91): «О замечательной Исторической Выставке портретов, устроенной в Петербурге С.П. Дягилевым, "Весы" дадут подробный отчет в следующем №» (с. 91). Однако в апрельском номере появилась только речь Дягилева, косвенно связанная с петербургской выставкой (ср. прим. к п. Брюсова от 25 марта 1905 г.). Вероятно, редакция уже тогда (или позднее?) имела какую-то договоренность о статье с С.К. Маковским. Но ни его статьи, ни статьи самого Брюсова, которая могла бы ее заменить, в журнале не появилось, была напечатана статья Н. Степанова "Выставка исторических русских портретов" (Весы, 1905, № 8. С. 37–42; № 9–10. С. 58–64; ср. прим. 2 к п. Брюсова от 16 июля 1905 г.). Брюсов был на выставке еще 30 мая 1905 г. и на следующий день писал жене: "Выставка портретов – целый мир; в один день осмотреть ее смешно и думать" (*ГБЛ*. Ф. 386.69.8. Л. 3–4).

"ВЕСЫ", 1905, № 2

Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова

[8]1 июня 1905 г. критик и переводчик В. Перемиловский писал Г.И. Чулкову: «Пользуюсь настоящим случаем, чтобы спросить Вас об участи тех трех заметок, что лежат у Д.В. Философова (Отец, Homo Sapiens, Достоевский и Ницше), – возмете ли Вы их для "В⟨опросов⟩ Ж⟨изни⟩"? А⟨лексей⟩ Михайлович ⟨Ремизов⟩ писал, что заметка моя о Сынах Земли не пройдет, – жаль, надеюсь, по крайней мере, виной тому не я, а переводчик?» (*ГБЛ*. Ф. 371, 4.38). Несомненно, речь шла о нелестном для "Скорпиона" разборе выпущенного им второго тома "Полного собрания сочинений" С. Пшибышевского (включавшего: "Pro domo mea. De profundis". Пер. М.Н. Семенова; "Аметисты. День Вознесения". Пер. С.А. Полякова; "У моря. Вигилии". Пер. М.Н. Семенова; "Сыны Земли. Пер. Е.Н. Троповского). Роман "Сыны Земли" в том же переводе вышел в "Скорпионе" ранее и отдельно. В разборе романа Пшибышевского "Homo Sapiens" могла быть затронута и честь одного из "скорпионов" – М.Н. Семенова, в чьем переводе он печатался и отдельно, и в виде первого тома собрания сочинений. Подобное выступление могло повредить репутации "Скорпиона", тем более в виду одновременно выпускавшегося конкурирующего издания сочинений Пшибышевского у В.М. Саблина. Благодаря покровительственному отношению Чулкова разбор Перемиловского (писавшего о польской литературе в "Новом пути" и "Весах", но литературно далекого от московско-петербургской элиты символизма) в "Вопросах жизни" не появился, равно как, однако, и критика саблинского издания. Характерно, что через месяц Брюсов выступил с нелицеприятным разбором чулковских переводов – в классической статье "Фиалки в тигле" (Весы. 1905. № 7), больно задевшей Чулкова.

[9]Речь может идти о брюсовских рецензиях на книги: *Семенов Л.* Собрание стихотворений. СПб.: Содружество, 1905; *Генигин И.Ф.* Прибалтийские напевы: Стихотворения. Рига, 1905; *Парфеньев И.* Идеи непрерывности и прерывности. Казань, 1905. См.: Весы. 1905. № 6.

[10]Ханко – город на юге Финляндии.

105. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

8 июня 1905, Rauha.

Дорогой Сергей Александрович!

Вчера, торопясь, написал я Вам письмо[1] с просьбой прислать мне сюда каких-нибудь рублей, ибо расчеты мои оказались неверны и на обратный путь сохранившихся у меня марок недостанет. Но, кажется, я забыл, во-первых, прибавить адрес (Иматра, пансион Рауха), а во-вторых, просьбу – не сообщать никому, что я здесь пробуду целую неделю: всем я пишу, что остаюсь здесь всего два-три дня.

После нелепых скитаний или вернее метаний в течение девяти дней воистину хо-

"ВЕСЫ", 1905, № 2
Обложка по рисунку
В.Э. Борисова-Мусатова

рошо пробыть дни в "раухе" (по-фински – покой)[2]. Стоит она на самой Сайме, а Сайма куда лучше Балтийского моря, особенно в шхерах. Шхеры мне эти решительно не по вкусу: между ними не заливы, а просто соленые лужи! Не понравилась мне и Иматра. Только что перед этим видел я водопад Кюменне, на котором каждое лето жил Александр III: Иматра может немного побольше, но уже и менее яростна, менее остервенела. К тому же к Кюменне можно подойти совсем близко, можно как бы вступить с ней в общение. А Иматра какое-то интернациональное зрелище, и стоит над ней здешний "Вавилон" – ресторан Каскад. Кстати. Имею передать Вам приглашение, которого – увы! – по всем видимостям, Вы не примете: некто[3] очень зовет приехать Вас в воскресенье в этот Каскад пить ночью мадеру и давить стаканы. Расстояние от Москвы всего 30 часов.

Написал немало стихов в пополнение Стефаноса[4]. Послал Вам краткую заметку о выставке в Атенеуме[5]. Приеду в конце июня – числа 29–30. Здесь жара тропическая. "Старожилы не запомнят". Газет не вижу пятый день.

Опишу забавное приключение при приезде на Иматру в следующем письме[6]. Пока буду писать часто.

Ваш В а л е р и й Б.

P.S. Вспоминаю еще, что на вчерашнем письме, на адресе, не написал "Москва". Вероятно, письмо вовсе до Вас не дошло. Была в нем только просьба, свойственная путешественникам. Надеюсь на "доброть" Вашу. И, если можно, сделайте перевод по телеграфу. Дело в том, что только эту неделю я и проведу оседло, а там опять начнутся скитания, и меня даже письмом нельзя будет нигде перехватить.

Приложен личный почт. конверт Брюсова.

[1]Видимо, письмо не дошло до адресата (если его отправка – не мистификация Брюсова).

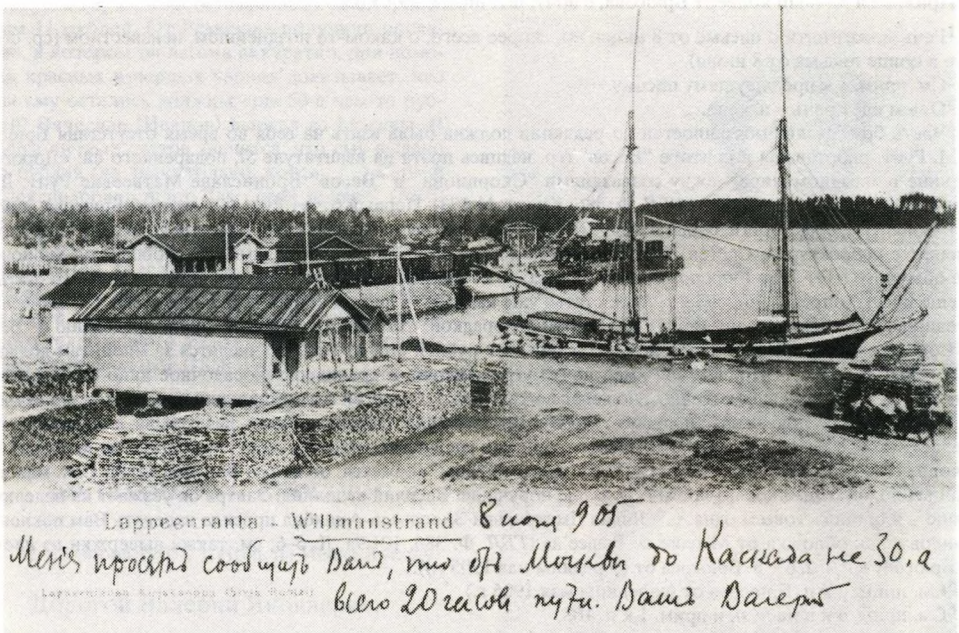
[2]Ср. п. Коневского Брюсову от 1 июня 1900 г. – наст. том, Переписка с Коневским, п. 40.

[3]Брюсов путешествовал с Н.И. Петровской; вероятно, ее он и имеет в виду.

[4]Раухой помечены все стихотворения цикла "На Сайме" в *St.* Три из них, в виде маленького цикла со сквозной нумерацией и под сохраненным позже общим заглавием (I. "Меня, искавшего безумий..." II. "Я – упоен! Мне ничего не надо!.." III. "Желтым шолком, желтым шолком..."), Брюсов послал 13 июня 1905 г. Вяч. Иванову, находившемуся тогда в Москве. Стихи играли роль доверительного письма-признания, при них была приписка: "Стихи только для Тебя, Вячеслав, и еще для Серг⟨ея⟩ Алекс⟨андровича⟩, если он захочет прочесть. Пиши мне по адресу: Иматра, Рауха. Жду писем очень. Твой Валерий" (*ГБЛ.* Ф. 109). Помету "7 июня ⟨1⟩905 Rauha" несет черновик стихотворения "Фаэтон" ("Как в полдень колесница Феба...") – *ГБЛ.* Ф. 386,6.7. Л. 65, на визитной карточке.

[5]См. прим. 6 к предыдущему письму.

[6]Подобное письмо неизвестно.



ОТКРЫТКА БРЮСОВА С.А. ПОЛЯКОВУ

8 июня 1905 г.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

106. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

⟨Lappeenranta *Willmanstrand.*⟩ 8 июня ⟨1⟩905

Меня просят сообщить Вам, что от Москвы до Каскада не 30, а всего 20 часов пути[1].

Ваш В а л е р и й.

Видовая открытка: Lappeenranta-Willmanstrand.
Текст в ⟨ ⟩ – печатный, частично подчеркнут Брюсовым.

[1]Ср. предыдущее письмо.

107. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

11 июня ⟨1⟩905, Rauha (Imatra).

Дорогой Сергей Александрович!

Получили ли Вы наше пьяное письмо,"глубоко пьяное". Очень в нем раскаиваемся. Но уже поздно поправить дело[1]. За исключением припадков, когда пробуешь все здешние вина, веду жизнь мирную до поразительности. Встаю в 9, ложусь в 11, пью кофе в 10, завтракаю в 12, обедаю в 6, пью чай в 9: пансион, все по часам! Написал 10–12 стихотворений, но все не окончательно завершены[2]. Написал рассказ, но тоже не доделал. Напишу статью для "Весов"[3]. Ах, что "Весы"? Не имею никаких вестей из Москвы. Напишите хотя бы строки[4]. Что Белый? Прислал ли возражение на мое "Открытое письмо"[5]. И что Вячеслав?[6] Бальмонт прислал мне открытку – вполне бесцветную, которую можно было написать из страны майев, а можно и из Индии, можно было адресовать мне, а можно и Вам. Хороша Сайма, но очень уж тихая. Если я взаправду проживу здесь 8 дней, я совсем затихну.И так уж в душе словно все спать улеглись. Нет, Москва куда мятежнее, чем путешествия, даже при самых экстраординарных условиях.

Очень жду вести.

Ваш Валерий Б⟨р ю с о в⟩.

Финляндия. Иматра, п⟨ансион⟩ Рауха.

Приложен личный конверт Брюсова, с почт. шт. Imatra. 25.VI.05.

[1]Речь может идти о письме от 8 июня, но, скорее всего, о каком-то позднейшем, неизвестном (ср. обещание в конце письма от 8 июня).

[2]См. прим. 4 к предыдущему письму.

[3]О чем идет речь – неясно.

[4]Часть брюсовских обязанностей по редакции должна была взять на себя во время отсутствия Брюсова Б.М. Рунт, работавшая в конторе "Весов" (ср. надпись поэта на авантитуле *St*, подаренного ей: «Дорогой сопутнице в звездном мире между созвездиями "Скорпиона" и "Весов" Брониславе Матвеевне Рунт. Дек⟨абрь 1⟩ 905. Валерий Брюсов» – *ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 873). Первый отчет Рунт, посланный Брюсову, помечен 11 июня; там, в частности, сообщается: «"Весы" пока что не очень издаются. Василий Иванович ⟨Воронов⟩ не спешит с корректурой; Сергея Александровича иногда не видно целыми днями. Но в общем он хлопочет более обычного... От Ренэ Гиля получила 2 письма; во втором он просит не печатать продолжение его статьи. С.А. еще ничего определенного не решил, статья уже набрана, и первая корректура исправлена. ⟨...⟩ Вячеслав Иванович до сегодняшнего дня хворал крапивной лихорадкой. Сегодня же появился, привез рецензию о "Венском Сецессионе" и спросил у С.А. "немного денег, так рублей сто, из тех, что числятся за мной, там должно быть гораздо больше"... Причем вид имел почти угрожающий, а крапивно-лихорадочное лицо было совсем алым. С.А. сказал "конечно, конечно", но денег пока не дал. ⟨...⟩ Сергей Александрович просил Вам кланяться. Валерий Яковлевич, приезжайте поскорее. Без Вас столько дела! Перевела Гиля – два отзыва, а он пишет, что не желает, чтобы эти отзывы были помещены, прислал два других, их опять надо переводить, да поскорей. А еще корректура – один Белый чего стоит: 10 гранок "Гидры" (кажется, он ее без Вас прислал?)! С.А. мил необыкновенно, но бестолков по-прежнему. Ваше поручение Василий исполнил. Завтра он уезжает на неделю в деревню – я остаюсь совсем одна. ⟨...⟩ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал просила передать Вам поклон – она лилова, как обложка от Mercure de France'a» (*ГБЛ*. Ф. 386, 101.9а. Л. 5–6; см. также выдержки из писем Рунт Брюсову в прим. 6 к п. Брюсова от ⟨середины мая 1905 г.⟩).

[5]См. прим. 6 к п. Брюсова от ⟨середины мая 1905 г.⟩

[6]См. прим. 4 и к наст. п. и прим. 1 к п. 108.

108. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

Вуоксениска, 16 июня ⟨1⟩905

Дорогой Сергей Александрович!

Из письма Брониславы Матвеевны я понял, что моя заметка до Вас не дошла[1]. Я уже побаивался этого, ибо помнил, что на адресе забыл написать "Москва". Посылаю вторично. Думаю, ее еще можно будет поместить в самом конце хроники июньского №. *Имена все верны*. Не знаю только, верно ли я сказал, что последние из упомянутых вещей составляют "собрание картин, принадлежащих В. Вестциптиусу". В каталоге стоит:

Aflinde hofrådet W. Westzynthius' efterlemnade tafvelsamling[2].

Грех Вам, что не хотите мне написать. Я видал, какие длинные пишете Вы письма. Если соберетесь теперь, адресуйте так: *"Гельсингфорс"* (опять!), *"до востребования Ар.Ар."* Вернусь в Москву в конце июня.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Что за дрянь – шведский пунш!

Приложен конверт с почт.шт.: Imatra, 1.VII.05.

[1]К этому заключению Брюсов пришел, вероятно, от отсутствия упоминаний заметки о выставке в Атенеуме (см. прим. 6 к п. Брюсова от 2 июня) в письмах Б.М. Рунт от 11 июня (см. прим. 4 к п. Брюсова от 11 июня) и в недатированном (если только оно не было отправлено вместе с письмом от 19 июня – см. ниже), где свояченица передавала Брюсову содержание полученных писем от "г-жи Добролюбовой", М. Хондыревой, А. Белого (см. текст – *ЛН*. Т. 85. С. 384), С. Соловьева, В. Эглита, В. Нилендера, К. Бальмонта (о котором, в частности, сообщалось: "Бальмонт скоро вернется. К.А. ⟨Бальмонт⟩ уже собирала деньги ему на дорогу. С.А. ⟨Поляков⟩ дал 600 рублей") (*ГБЛ*. Ф. 386, 101.9а. Л. 3). Неполучение брюсовской заметки было подтверждено письмом Б. Рунт от 19 июня: «Как ни сильно мое желание de vous initier dans ce qui se fait* в "Весах" – право, сама не знаю où nous en sommes[2*], ничего определенного не могу Вам сказать. Сейчас у меня на руках имеется III[й] – лист, 2 первых были по одному разу исправлены, первая корректура вся готова, гранки у Вас.Ив. ⟨Воронова⟩ ⟨...⟩ Когда он пришлет еще корректуру – неизвестно. Вашей заметки мы не получали. Валерий Яковлевич, может, Вы напишете мне, как это делается "Хроника". Я совсем не представляю себе. В "Скорпионе" теперь бываю от 2 до 7. Там все идет по-прежнему. От времени до времени приходит Фео ⟨Феофилактов⟩, заходил Черногубов, Вашкевич. Приезжал из Пе-

* посвящать вас в то, что делается (*фр*.).

2* где мы (*фр*.).

тербурга Рерих, взял остававшиеся за Скорпионом 11 рублей. От Ремизова получили послание, в котором он весьма аккуратно, при помощи красных и черных чернил доказывает, что мы ему остались должны еще 50 с чем-то рублей! Вячеслав ⟨Иванов⟩ выехал из Москвы. В книге личных счетов значится, что ему выдано 65 рублей (не знаю только, когда). ⟨...⟩ Сергей Александрович шлет Вам свой привет" (*ГБЛ*. Ф. 386, 101.9а. Л.4).

[2]"Собрание картин, оставленных покойным надворным советником В. Вестциптиусом" (*швед.*). Речь идет о собрании основателя "Центральной типографии" в Гельсингфорсе и Финского телеграфного агентства Хермана Вольдемара *Вестциптиуса* (1858–1905).

Б.М. РУНТ
Фотография Бенделя, 1910
Литературный музей, Москва

109. ПОЛЯКОВ — БРЮСОВУ

22–23 ⟨июня 1905 г.⟩, Ночь на Ивана Купалу[1]

Дорогой Валерий Яковлевич,

напрасно гневаетесь на мое неписание – "Весы" в застое, что же могу написать: стыдно, прочее – тоже в стационарном положении и не дает толчков к писанию, а Вы знаете, *какие* мне нужны сильные толчки.

Очень был тронут приглашением и приехал бы, если бы это не было так легко "собственно говоря". Я так был тронут, а Вы извинялись[2]. До скорого свидания.

Ваш С. П о л я к о в.

Художественная открытка: репродукция с картины Н. Пуссена "Полифем", с адресом, указанным Брюсовым в предыдущем письме.

Ответ на письма Брюсова из Финляндии.

[1]Иван Купала – народное название праздника Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, совершаемого православной церковью 24 июня.

[2]См. п. 105 и 106.

110. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

⟨Москва.⟩ 16 июля ⟨1⟩905.

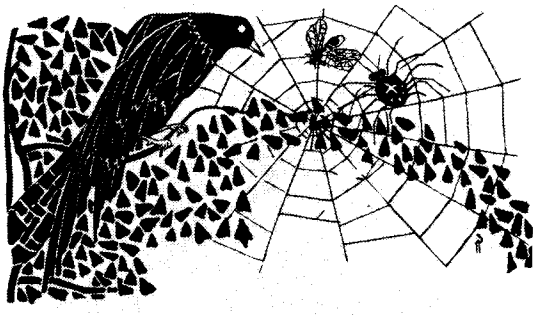
Дорогой Сергей Александрович!

Сегодня довелось мне поймать Ник. Петр. Ге, внука знаменитого художника, сотрудника "Мира Иск⟨усства⟩" и "Вопр⟨осов⟩ Ж⟨изни⟩". В "Вопр⟨осах⟩ Ж⟨изни⟩"он написал статью о выставке портретов[1]. Я поручил ему написать такую статью и для нас, с точки зрения исключительно художественной. Обещал исполнить на этой неделе. Постоянно он живет в П⟨етербурге⟩ и будет, со знанием дела, писать нам о петербургских выставках[2]. – Рецензию о Кондратьеве я написал[3] и передал Б⟨ронславе⟩ М⟨атвеевне⟩[4] (цитаты из ассирийской поэмы сделал по нашедшемуся у меня Kaulen'y)[5]. Рецензию о Дымове написала (как я узнаю из письма) Нина Ив⟨ановна⟩[6]. Поглядите ее. Хотел бы написать об "Инее", но нет книги. Покупать уже поздно[7]. Уезжаю.

Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Хронику вышлю из деревни[8].

Личн. почт. бумага Брюсова и фирменный конверт "Скорпион" – "Весы".



"ВЕСЫ", 1905, № 9

Виньетка А.А. Арапова

[1]По-видимому, Н.П. Ге следует приписать статью "Выставка русских портретов в Таврическом дворце", за подписью "Н. Николаев", помещенную в "Вопросах жизни" (1905, апр.-май, с. 187–194).

[2]В "Весах" статья о выставке появилась за подписью "Н. Степанов". Нет оснований судить, псевдоним это или подлинное имя. Материалов за подписью Н.П. Ге "Весы" в 1905 г. не печатали.

[3]См. рецензию Брюсова на книгу А. К.(ондратьева) "Стихи" (СПб., 1905) – Весы. 1905. № 7. С. 53–56.

[4]Б.М. Рунт.

[5]Разбирая в упомянутой рецензии стихотворения Кондратьева на древневосточные сюжеты, Брюсов приводил свои примеры по книге известного ориенталиста Франца-Филиппа Каулена (1827–1907) "Assirien und Babylonien nach den neuesten Entdeckungen". (5 Aufl. Freiburg, 1899). См. ее каталог – ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681.

[6]См.: *Петровская Н.И.* Осип Дымов. Солнцеворот. Издание Содружества. СПб., 1905 // Весы. 1905. № 7. С. 57–58.

[7]Рецензировать книгу П.С. Соловьевой (Allegro)"Иней" (СПб., 1905) изъявляли желание Л.Н. Вилькина (*Ежегодник 1973*. С. 133), Вяч. Иванов – неоднократно (*ЛН*. Т. 85. С. 475, 480), но написал о ней сам Брюсов, более чем сдержанно. См.: Весы. 1905. № 8.

[8]Имеется в виду постоянный раздел "Весов", составлявшийся по преимуществу Брюсовым (ср. п. 108, прим. 1). Июнь 1905 г. Брюсов провел в деревне Антоновка близ Тарусы.

111. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 12 января 1906 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

зашел к Вам, чтобы сказать, что зайду попозже, после 7 часов, так как сейчас должен ехать по моему "денежному" делу, обстоятельство, о котором я не знал во вторник и которое объявилось только позже.

Ваш С. П о л я к о в.

12 янв. ⟨19⟩06.

112. БРЮСОВ — ПОЛЯКОВУ

19 янв⟨аря 1⟩906. Петербург.

Дорогой Сергей Александрович!

Вот в самых кратких, в "итожных" чертах мой отчет о блужданиях по П⟨етер⟩б⟨ургу⟩. – *Ив. Григ.* заплатил 350 р. (за Иванова) и 209 р. (за Весы 1905), и взялся сделать объявлений на 150 р., и представил квитанции за объявления, сделанные после присылки им отчета, тоже приблизительно на 150 р. Таким образом, приблизительно 800 р. им уплачено[1]. – Я передал 350 р. *Вяч. Иванову*, который, однако, относительно расценки "Тантала" остался *при особом мнении*, соглашаясь, впрочем, подчиниться воле редакции[2]. Участвовать в "Весах" он, конечно, согласен, будет, и даст для февраля стихи и статью[3]. Подробнее о нем расскажу лично. – *Мережковские* очень набросились на "Весы", отрекаются от "Руна" и готовы завалить нас стихами, статьями и рассказами[4]. Я всячески удерживаю их рвение. Впрочем, один № Зин⟨аиде⟩ Ник⟨олаевне⟩ обещал (для стихов)[5], так же как *Ф. Сологубу*[6] и *Блоку*[7]. Сам Мережковский Дм. дает стихотворение и новую статью[8]. Он пишет *трагедию* "Павел I" и предлагает ее. Но это в далеком будущем[9]. – *Ф. Сологуб* предлагает многое. Удерживаю его. – Поиски

В.Я. БРЮСОВ

Фотография. 1905

Литературный музей, Москва

"молодых" и"новых" идут очень успешно. – Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта *Городецкого*[10]; во-вторых, нашел весь состав Зеленого Сборника, из которых *Верховский* и *Кузмин* могут быть полезны как работники в разных отношениях[11]; в-третьих, видел очень много еще более молодых, которых просил присылать на просмотр стихи, статьи, рассказы etc. – может, что и выберется: это *В. Пяст, Н. Хомяков* и др. – Затем видел бывший состав "Мира Искусства", *Нурока, Нувеля* etc. – все они обещали писать в "Руне", но готовы одновременно писать и в "Весах". Я думаю в виду этого не очень-то приглашать их. – Сегодня буду у Сомова, но, конечно, не для приглашений, а только для наблюдений[12]. – "Факелы" – пуфф, их нет и не будет[13]. – "Антигона" отложена, и потому я медлю. – "Среды" Вяч. Иванова это Ноевы ковчеги, где бывает до 50–60 человек!! – Статью Философова печатать *не надо*: решение З. Гиппиус.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы" (вариант на франц. яз.).

Поездка Брюсова в Петербург была вызвана перестройкой "Весов", в частности, появлением в них беллетристического отдела (ср.: *ЛН*. Т. 85. С. 278–283).

[1]Среди бумаг С.А. Полякова сохранилось его недатированное письмо к И.Г. Балашову (см. прим. 6 к п. Полякова от 17 декабря 1903 г.), в котором, в частности, говорится: «Михаил Николаевич ⟨Семенов⟩ привез нам Ваш расчет. Я не знаю, входит ли туда, т.е. в этот расчет, прошлогодний наш счет, но во всяком случае некоторая сумма в нашем распоряжении имеется. Так вот, уплатите, пожалуйста, из этой суммы 350 руб⟨лей⟩ Вячеславу Иванову и его супруге. Деньги можете передать Валерию Яковлевичу. Точно также можете передать ему остальную причитающуюся "Скорпиону" сумму, если это возможно, за что Вам буду благодарен, так как нам деньги нужны, а Вы с Вашими революционными брошюрами добудете их, сколько угодно. Посылаем Вам, Иван Григорьевич, телеграмму, потому что в Москве прошел слух, что Вы арестованы, но, слава Богу, Вы целы». С этим письмом Брюсов побывал у Балашова, в результате чего на свободном месте листа появилась расписка: "18 января 1906 г. получено триста пятьдесят рублей (350 р⟨ублей⟩). Валерий Яковлевич Брюсов" (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. № 25; в архиве описано как черновик письма к неустановленному лицу); в 1906 г. Балашов, используя острый общественный интерес к революционной тематике, издавал произведения деятелей революционного движения (например, собрание сочинений К.Ф. Рылеева и др.), отличавшиеся крайней небрежностью в подготовке текстов и оформлении – см. резко отрицательные рецензии в журнале "Былое" (1906, № 1, с. 319–320; № 2, с. 301—304). – Подобного рода деловые издательские поручения к Балашову Брюсов исполнял и позже; в частности, хорошо документируется его комиссия осенью 1906 г. 24 октября Поляков писал Балашову: «Передайте Валерию Яковлевичу рублей 100 в счет Скорпиона, нужны для петербургских сотрудников, а у нас в Москве "денег нет, денег нет", как поется в какой-то оперете». На обороте этого письма расписка Брюсова: "Получил сто рублей (100 р) 27 октября 1906. Валерий Яковлевич Брюсов" (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 1. В архиве значится как "письмо к Ивану Григорьевичу"). Ср. в письме Брюсова к жене от 27 октября 1906 г.: «Начал "метания" по делам. Сегодня весь день провел с Балашовым и какими-то темными личностями из "Глав⟨ого⟩ Упр⟨авления⟩ по делам печати". Было очень забавно. Балашов "угощал" меня в каком-то "книгопродавческом" кабаке. ⟨...⟩ Деньги (100 р.) с Балашова получил» (*ГБЛ*. Ф. 386,60.6. Л. 5, 7).

[2]Речь идет о трагедии Вяч. Иванова "Тантал", напечатанной в *СЦ 1905*.

[3]См. цикл стихотворений Вяч. Иванова "Северное солнце": (Весы. 1906. № 2). В ближайших номерах журнала статей Вяч. Иванова не появлялось.

[4]Этой встречей с Мережковскими следует, вероятно, датировать начало того сближения с ними, в результате которого в 1906–1908 гг. З.Н. Гиппиус становится одним из ближайших сотрудников "Весов" (подробнее см.: *ЛН*. Т. 85. С. 289–293).

[5]См. цикл стихотворений З. Гиппиус "Водоскат" (Весы. 1906. № 3–4).

[6]Стихотворений Сологуба "Весы" в 1906 г. не печатали.

[7]См. цикл стихотворений А. Блока "Тишина цветет" (Весы. 1906. № 5). С Блоком Брюсов виделся накануне на "среде" у Вяч. Иванова (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 235–236).

[8]Д.С. Мережковский поместил в первых номерах "Весов" на 1906 г. стихотворение "Л.Н. В⟨илькиной⟩" ("Ослепительная свежесть...") (№ 3–4) и статьи "Пророк русской революции. К юбилею Достоевского" (№ 2, 3–4) и "Декадентство и общественность" (№ 5).

[9]Драма Мережковского "Павел I" вышла только в 1908 г. в петербургском издательстве М.В. Пирожкова.

[10]С.М. Городецкий дебютировал в "Весах" (1906, № 2) двумя стихотворениями.

[11]Видимо, к этой встрече с участниками "Зеленого сборника" следует отнести записи адресов Ю.Н. Верховского и М.А. Кузмина, сделанные ими на визитной карточке В.Г. Каратыгина, сохранившейся в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 80.3. Л.38; обе записи – одним и тем же лиловым карандашом, имя, отчество и фамилия владельца карточки зачеркнуты им же). В первой половине 1906 г. ни тот, ни другой в "Весах" не участвовали, но в дальнейшем оба стали постоянными "скорпионовскими" авторами.

[12]Ни Сомов, ни названные выше литераторы в первой половине 1906 г. в "Весах" не печатались.

[13]Речь идет о замысле нового, по сути дела, художественного общества "Факелы", с театром, журналом, который возник в среде революционно настроенной петербургской творческой интеллигенции (В.Э. Мейерхольд, Г.И. Чулков, Вяч. Иванов и мн. др.). Замысел не осуществился (удалось выпустить только три номера одноименного альманаха), но в ближайшей связи с ним стоит создание журнала "Адская почта", некоторые стороны в деятельности театра В.Ф. Комиссаржевской и т.п.

113. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

7 июля ⟨1⟩906, ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩. Висби.

Дорогой Сергей Александрович!

Завтра мы уезжаем с Готланда. В общем здесь довольно-таки плохо. Третью неделю живем здесь без вестей с родины. Надеемся, однако, что забастовка пекарей не погубила никого в Москве. Шведские газеты пишут, что в Москве паника. Не очень верим[1].

Посылаю небольшую библиографическую заметку. Может быть, поспеет в

июль. Там должны быть еще две-три мои заметки (о книге Курсинского, о "Былом" и, кажется, еще о чем-то)[2]. Как путешественник, забочусь не только о гонораре за них, но и о маленьком авансе. Можно ли надеяться, что Вы пришлете нам скромную сумму в 100 крон, которой недостанет нам на обратный путь? Сейчас не могу еще точно означить нашего адреса, но позвольте через несколько дней телеграфировать Вам его и не откажите выслать эти 100 Kr тоже по телеграфу[3]. К 1 августа хотим быть непременно в Москве.

Думал написать что-нибудь о своей поездке, о Готланде, но все здесь очень и очень ординарно: таково, каким и должно быть в шведской провинции. Впрочем, посмотрю еще[4].

Unga poeter'ов* изучаю[5].

Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Пока наш адрес: Stockholm, poste restante. Если бы Вы пожелали, чтобы я собрал для Вас новинки шведской литературы (такие есть) – напишите несколько слов по этому адресу (хотя Вы и не доверяете p⟨oste⟩ – r⟨estante⟩). Но тогда не откажите присоединить к 100 Kr. еще 10–15, а то у нас, как всегда у путешественников, все расходы рассчитаны до ёрика (öre)[6].

Полуторамесячная поездка летом 1906 г. в Швецию описана – *Дневники*. С. 137. См. также среди "реликвий" брюсовских путешествий шведские – *ГБЛ*. Ф. 386, 136.11. Л. 55 и 53 (театральные билеты), 139, 158 (расписание пароходов на Висби) и др. (о термине "реликвии" – *Ашукин*. С. 159).

[1] Ср. в п. к Брюсову М.Ф. Ликиардопуло от 5 июля 1906 г.: "В Москве бастуют булочники, сидим без хлеба" (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.22. Л. 15).

[2] О посылке какой заметки говорит Брюсов – неизвестно. В июльском номере "Весов" на 1906 г. опубликованы рецензии Брюсова на книги: *Курсинский А.* Сквозь призму души. М., 1906; *Браман Чаттерджи.* Сокровенная религиозная философия Индии. Калуга, 1906, подпись "Гармодий"; *Горнфельд А.Г.* Муки слова. СПб., 1906, подпись "Аврелий". Судя по публикуемому письму, Брюсову принадлежит также заметка (из раздела "В журналах и газетах) "Подложный Лермонтов" – протест против атрибуции Лермонтову (в журнале "Былое", 1906, май) неуклюжих стихов "неизвестного стихокропателя" только по их антисамодержавной направленности. Кроме того, И.М. Брюсовой было установлено брюсовское авторство неподписанных "Горестных замет" – Там же. С. 83 (см.: *Библиография I*, № 444). Ср. в п. к Брюсову М.Ф. Ликиардопуло от 5 июля 1906 г.: "№ 7 почти весь набран – остались мелочи по библиографии и хронике" – *ГБЛ*. Ф. 386, 92.22. Л. 15).

[3] Телеграмма Брюсова неизвестна.

[4] Брюсову принадлежит "Письмо из Швеции. Художественная выставка в Норчёпинге" (Весы. 1906. № 8).

[5] Речь идет, видимо, о поисках книжных новинок "молодых поэтов", в связи со специальным интересом Полякова к шведской литературе (ср. далее в этом же письме).

[6] Брюсов обыгрывает название мелкой шведской монеты – эре, образуя от него русское "уменьшительное".

114. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

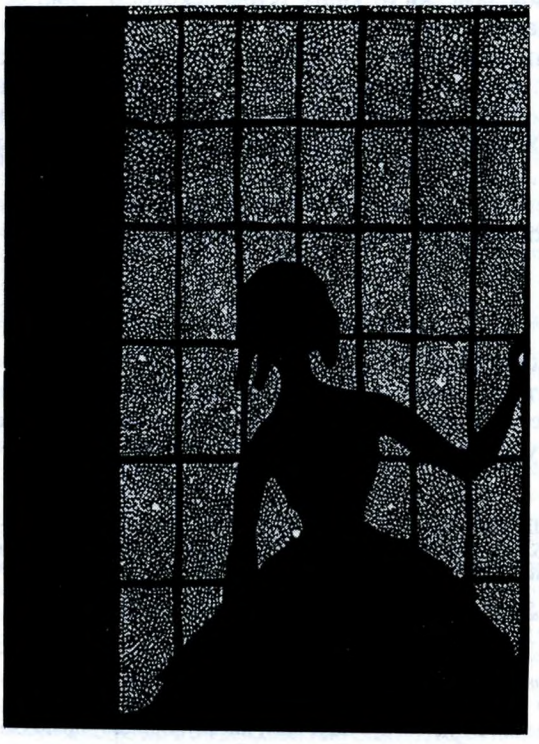
19 июня ⟨19⟩07. Алупка

Дорогой Валерий Яковлевич, скоро и так мы с Вами увидимся, но пишу, чтобы не оказаться безответным. Благодаря смерти Сергея Ильича Покровского и вызванных этим различных семейных обстоятельств, мы должны бы быть в Москве уже 21[1], и только некоторые лечебные соображения задержат нас здесь на неделю.

Я все время собирался "отдыхать", и потому мне не хотелось уезжать отсюда, но теперь убедился, что отдохну я уже в Москве, а пока купаюсь и лечусь мышьяком.

Получил долгожданные №№ 4[2] и 5 "Весов", пятый – новый для меня от первой до последней строчки (исключение – статья Кузмина[3] и две-три строчки стихотворений Гиппиус[4]. Номер очень интересный и содержательный[5]. Прочел все, хотя, как Василий, своих изданий не читаю; исключение – Эллис, очень он, должно быть, старался, и потому получилось слишком назидательно и скучно: быть может, это от длинноты заметки[6]. Ваш роман, становясь связным, теряет в чтении отрывками, притом через

* Молодых поэтов (*шведск.*).



НОЧЬ

Рисунок Н.В. Зарецкого
"Весы", 1907, № 7

такие большие промежутки времени; все равно как бы пить настоящее рейнское ликерными рюмками. Мне эти две последние главы (главу II я тоже прочел уже только в Алупке) очень нравятся яркостью и сдержанностью одновременной; меня испугали было стуки, но больше в заглавии, чтение же меня примирило; жалко все-таки, что для окончательного примирения нет теперь уже "примечаний"[7]. Нравится мне также очень Ваше египетское стихотворение, а "Пазифаю" – не понимаю[8].

Трехцветка без сетки удалась, только, мне кажется, несколько оттенков пропало[9]. Но какие рисунки найдутся для № 6, я как раз сейчас получил корректуры 3-х листов[10]. Есть рисунок Вальзера – по словам Вельмана[11], но я что-то плохо ему верю, так как никогда не видал ни одного оттиска. Потом, мне кажется, можно воспользоваться Зарецким[12]. Но где достать виньетки?

До скорого свидания, привет от меня Иоанне Матвеевне и Вам от Софьи Ромуальдовны.

Искренне Ваш Сергей П о л я к о в

[1] Эти семейные обстоятельства выяснить не удалось.

[2] Апрельский номер "Весов" на 1907 г. весь заняла "сатирическая комедия" Ш. Ван-Лерберга "Пан" в переводе Полякова.

[3] Речь идет о статье М. Кузмина "Драматический театр В.Ф. Коммисаржевской. Сезон 1906–1907 г." (№ 5. С. 97–99).

[4] Имеются в виду три стихотворения З.Н. Гиппиус, помещенные в майском номере журнала: "Овен и Стрелец" ("Не март девический сиял моей заре..."), "Между" ("На лунном небе чернеют ветки..."), "Боль" ("Красным углем тьму черчу...").

[5] Кроме материалов, упомянутых в прим. 3, 4 и 6, 7, 8, в майском номере были помещены три стихотворения Н. Минского, первое "видение" "Незнакомки" А. Блока, седьмая статья Андрея Белого из цикла "На перевале" ("Штемпелеванная калоша"), статьи З. Гиппиус о "Шиповнике" (подп. "Антон Крайний") и "Трихина" (подп.: "Товарищ Герман"), отчет И. Грабаря о выставке общества "Голубая Роза", брюсовский разбор "Снежной Маски" Блока.

[6] Речь идет о пространной рецензии Эллиса на "сборник стихов и прозы" "Корабли" (М., 1907) (Весы. 1907. № 5. (Май). С. 73–76). Рецензия насыщена теоретизирующими лозунгами в защиту "истинного, строгого символизма, как эстетического непосредственного содержания сущностей в хаосе случайностей", и острыми выпадами против "мистического анархизма". Майский номер "Весов" в целом с его критическими выступлениями Белого, Гиппиус, Брюсова (см. выше) был программным выступлением "весовских" символистов, руководимых Брюсовым, против "петербуржцев" с Г.И Чулковым, Вяч. Ивановым, Блоком во главе.

[7] Речь идет о романе Брюсова "Огненный Ангел", отдельными главами печатавшемся в "Весах" начиная с февральского номера на 1907 г.; вторая глава появилась в мартовском номере; в майском – глава третья, с заглавием "Как мы поселились в городе Кельне и как были обмануты таинственными стуками". Вероятно, Поляков по названию заподозрил в романе анахронизм, помещение в обстановку XVI в. своего рода "спиритического сеанса". В самом конце журнальной публикации 3-й главы со сноской от фамилии автора шло примечание: «В "Примечаниях переводчика", которые появятся при отдельном издании этой Повести, будет указано, что ее автор, рассказывая о "стучащих демонах", не стоит одиноко в литературе своего времени. Уверенность, будто существуют "духи", которые дают о себе знать стуками и с которыми, при помощи этих стуков, можно вступить в общение, не составляет исключительного достояния современных спиритов. Мы имеем описания подобных явлений, относящиеся к самому началу XVI века» (Весы. 1907.

№ 5. Май. С. 48). Соответствующее примечание в отдельном издании романа, не разъясняя ничего по сути дела, лишь отсылало к статье Брюсова "Спиритизм до Рочестерских стуков" (Ребус. 1902. № 7, 11, 14, 18, 29; подпись "В").

[8] В том же номере журнала помещены стихотворения Брюсова "Встреча" ("Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра..."), "Газэла" ("Лишь одного: я быть с тобой хочу!.."), "К Пасифае" ("Нет, не тебя так рабски я ласкаю...").

[9] Речь идет о цинкографическом воспроизведении в три цвета "Неизданного рисунка" А. Силина (Там же. Между с. 31 и 32).

[10] В оформлении июньского номера "Весов" на 1907 г. были использованы перепечатки из немецкого журнала "Insel" рисунков Жоржа Де *Фера* (de Feure, 1868–1943) и рисунки Л. *Мейстер* и Н.П. Феофилактова.

[11] Карл *Вальзер* (Walser, 1877–1943) – швейцарский художник. Полякову, видимо, изменила память – исключительно работами Вальзера оформлен десятый номер "Весов" на 1906 г.; при этом были репродуцированы и его виньетки и рисунки (фототипически), и ксилография, и офорт. Позже его работы воспроизводились во втором номере журнала на 1908 г. Юрий Карлович *Вельман* — московский цинкограф и хромолитограф.

[12] Николай Васильевич *Зарецкий* (1876–?) – живописец и рисовальщик; его работы использованы в оформлении июльского номера "Весов" за 1907 г.

115. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва, 12 сентября 1907 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Что-то давно нам не случалось встречаться. Виноват в этом, по всей видимости, я, ибо увлекся театром сверх меры. Сегодня, наконец, это увлечение кончается: все уезжают[1].

А не зайдете ли Вы сегодня вечером к нам: будет Ф. Сологуб, Юргис и др. И рад был бы Вас видеть я, и Вы, может быть, нашли бы о чем поговорить с Сологубом.

Если Софья Ромуальдовна[2] в Москве и уже не так меня боится, как шутит об этом, мы были бы очень рады и признательны ей, если бы она захотела приехать с Вами.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в

Среда, 12 сент⟨ября⟩

Год – по содержанию, см. прим. 1.

[1] Речь идет о гастролях театра В.Ф. Комиссаржевской в Москве с 30 августа по 11 сентября.
[2] Жена С.А. Полякова.

116. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Около Минска, 26 июля ⟨1⟩908, вагон-ресторан.

Дорогой Сергей Александрович!

Простите, что утаил от Вас точный день своего отъезда. Но Вы лучше других знаете, что бывают в жизни случаи, когда надо бывает иное таить. Москва за последнее время замучила меня совершенно. Надеюсь почерпнуть новых сил в Европе. Корректуры и статьи, кои увез с собой, доставлю без промедления из Вены. Пью Ваше здоровье рюмкой шерри, собственной выписки компании Sleeping Car*. Приветствую всех скорпионов.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в

Открытка; писана карандашом.
Летнее путешествие по Европе 1908 г. описано Брюсовым (см.: *Дневники*. С. 139–141).

117. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

10/23 ноября⟨19⟩08. Сан⟨та⟩-Маргерита.

Дорогой Валерий Яковлевич,

получил от Вас уже второе письмо, а обещанного телеграммой письма еще не посылал. На этот раз так случилось не от обычного моего нерасположения к письмам и

* Спальных вагонов (*англ.*).

отсутствия свободного и спокойного времени, а от сущности самого вопроса, подлежащего обсуждению в письме.

И теперь я не думаю заниматься обсуждением этого вопроса, так как это было бы слишком длинно, сложно и остро в письме, между тем как при личном разговоре могло бы быть решено скоро, просто и безобидно. Я напишу только о том, что для Вас, как организатора "новых" "Весов", существенно важно. Когда мы не раз перед Вашим последним отъездом[1] рассуждали с Вами о судьбе "Весов" в 1909 г., я никогда не мог ответить определенно на Ваш вопрос о размере субсидии, которую я мог бы выдавать на "Весы" ежемесячно в будущем году. Точно так же и теперь я этого определенно не мог бы ответить, если бы Вы сами не поставили границы между 300–200. Итак 1) Я согласен выдавать эту субсидию, пусть в высшем размере (3600 р. в год, если это необходимо). Далее, 2) Я согласен предоставить журналу для редакции и склада то помещение, в котором они находились при моем единоличном издательстве*, на условиях, которые можно будет выработать лишь тогда, когда будут известны мне новые соиздатели. 3) Я согласен остаться на первое время и, если это будет желательно, на весь год *номинальным* редактором-издателем для того, чтобы избежать хлопотов об утверждении нового редактора и учреждении какого-то издательского "товарищества" или чего-либо подобного. Но тут-то у меня и возникает сомнение, какая же, собственно, разница этой предложенной Вами комбинации от Вашего первого "испанского" предложения 3.000?[2] Ведь все время у меня с Вами шел разговор о тяжести для меня *материальных* затрат на дело, которое даже самые ближайшие участники и духовные создатели его стали считать ненужным и даже вредным. Конечно, я прекрасно понимаю, что во второй комбинации с меня снимается риск, так как предполагаемых 7.000 подписки может и не быть[3], а журнал придется доводить до конца года; [a–]Вы даете уверение, что подписчики будут во всяком случае удовлетворены или 12 №№ или деньгами. Но ведь это обязательство, пусть только моральное, невольно я буду считать распространяющимся и на меня, как соиздателя, и требующим выполнения независимо от обещанных сумм[–a2*]. Впрочем, это все рассуждения, которых я не хотел затрагивать в письме и которые, быть может, все отпадают при Ваших новых комбинациях, упоминаемых в Вашем втором письме. Жду разъяснений.

Очень извиняюсь перед Вами, что не ответил на Ваше испанское и парижское письма[4], но, быть может, и к лучшему, так как тогда я был настроен в высшей степени отрицательно к каким бы то ни было "Весам" прежнего ⟨т.е. не уменьшенного⟩ размера[5].

Пока до свидания, думаю – не очень отдаленного. Мой искренний привет Иоанне Матвеевне. Софья Ромуальдовна просит также передать свой поклон Вам и Иоанне Матвеевне.

Ваш С. П о л я к о в

Почт. бумага и фирменный конверт отеля "Мирамаре" ("Hôtel Miramare". S[la] Margherita Lig⟨ure⟩. Riviera di Levante. C. Kuoni – Stoppany).

Ответ на два, вероятно, не сохранившихся брюсовских письма.

Первое из них было помечено 28 октября/10 ноября. Наиболее важным для корреспондентов был в нем вопрос о принципиальной возможности передачи "Весов" на 1909 г. в руки "компании" их сотрудников; в случае согласия Поляков должен был дать телеграмму обусловленного текста (см. цитаты из этого письма в п. Полякова от 29 декабря/12 января). Возможно, уже в этом первом письме содержалось брюсовское "уверение, что подписчики будут во всяком случае удовлетворены или 12 №№ или деньгами"; гарантией тому Брюсов должен был выставить либо какие-то собственные обязательства, либо ожидаемое участие в деле еще чьих-то денег.

Поляков около 4 ноября (ср. п. Брюсов от 16 ноября) отвечал телеграммой, упоминаемой в начале комментируемого письма, не только положительно решавшей принципиальный вопрос, но и обещавшей дополнительные письменные разъяснения об условиях (ср. его письмо от 11/24 декабря) передачи издания.

По получении телеграммы Брюсов в новом письме, "втором" из тех, что Поляков имеет в виду в первой фразе, кажется, просил разрешить деловые вопросы, содержание которых достаточно вырисовы-

---

* Конечно, в том случае, если это будет желательно новым соиздателям. (*Прим. С.А. Полякова*).

[2*a–a] подчеркнуто, несомненно Брюсовым, простым карандашом; ср. ниже письмо Полякова от 11/24 декабря 1908 г. – *Н.К.*

вается из трех пунктов поляковского ответа, кроме того, третий Брюсов повторил в своем неотправленном письме от 16 ноября. Во втором письме Брюсов также излагал какие-то "новые комбинации", долженствовавшие обезопасить владельца "Весов" от возможного убытка.

В общих чертах история осенних переговоров 1908 г. о продолжении издания "Весов" изложена в статье Д.Е. Максимова и К. М. Азадовского (*ЛН*. Т. 85. С. 302–305).

[1] Брюсов выехал из Москвы 26 июля – см. предыдущее письмо.

[2] Недошедшие до нас выкладки Брюсова о необходимой "Весам" дотации следует датировать, вероятно, серединой августа: 3/16 августа Брюсов уведомлял Вяч. Иванова, что будет в Биаррице, французском городке близ границы с Испанией, "через неделю" (*ЛН*. Т. 85. С. 511).

[3] Речь идет не о предполагаемом тираже "Весов", а о сумме, которую Брюсов намечал получить от подписчиков, планируя, таким образом, тираж в 1200 экз. – при цене годовой подписки в 5 рублей (ср. более определенные на этот счет показания ниже, в п. Полякова от 14/27 декабря 1908 г.). В 1907 г. у "Весов" было 1095 подписчиков, в 1908 – 1691 (*ЛН*. Т. 85. С. 299). Прогноз Брюсова был очень точен – в 1909 г. "Весы" получили 1190 подписчиков (там же, с. 312).

[4] "Парижское", второе из двух писем Брюсова о судьбе "Весов", нужно датировать октябрем 1908 г. (ср.: *ЛН*. Т. 85. С. 792).

[5] См. ниже, в п. от 11/24 декабря, где подробнее обрисован поляковский подход к преобразованию "Весов".

118. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Москва, 16 ноября 1908.

Дорогой Сергей Александрович!

Тацит рассказывает, что некоего Вибия Серена – римский сенат приговорил к пожизненному заключению на безводном и безлюдном острове. Тиберий воспротивился тому, говоря, что человека, коему дарована жизнь, нельзя лишать способов к поддержанию жизни[1].

Вы, Вашей телеграммой, даровали жизнь "Весам". Не лишайте их способов к поддержанию жизни[2].

Вот почти две недели, как мы ждем от Вас указаний, на каких условиях Вы передаете нам "Весы". Не зная этих условий, мы крайне затруднены во всех наших действиях, а между тем решительно каждый день дорог. Нам надо безо всякого промедления:

1). Заказать бумагу для 1909 г.

2). Делать объявления и иными способами рекламировать "Весы" 1909 г.

3). Приглашать сотрудников и собирать материал (коего на будущий год не было запасено вовсе).

4). Искать соиздателей или вообще денежного "пособия", ибо одной той субсидии, которую Вы, может быть, предложите "Весам", вероятно, будет недостаточно.

Но можно ли начать что-либо, не получив Вашего окончательного и полного ответа на наши первоначальные просьбы? Странно было бы заказывать на 1.500 р(ублей) бумаги, которая может оказаться ненужной. Как делать объявления, когда неизвестно, какую сумму можно на них истратить? Как брать у сотрудников рукописи, когда не можешь гарантировать их напечатание? Наконец, как просить денежной помощи у кого-либо, когда не знаешь, на какие его условия имеешь право согласиться, на какие нет.

Между тем подписной сезон разгорается. "Руно" усердно рекламирует себя, а газеты упорно сообщают, что "Весы" прекращаются. – Верю и догадываюсь, что у Вас могут быть обстоятельства личной жизни столь сложны, что они требуют напряжения всей воли и внимания, так что Вам трудно писать письма. Но издание "Весов" не столь ничтожное дело, чтобы ради него не стоило сделать над собой того усилия, какое необходимо, чтобы написать нам несколько строк.

Нам необходимо знать следующее:

1). Предоставляете ли Вы мне (как представителю группы) делать все то, что необходимо делать *редактору* и *издателю* "Весов", т.е. делать объявления о журнале, приглашать сотрудников, выбирать материал для печати, принимать подписные деньги, принимать от имени "Весов" денежные обязательства и оплачивать их из сумм,

принадлежащих "Весам", а также вступать с разными лицами в соглашения об их участии в издании журнала?

2). Находите ли Вы возможным в течение одного года (1909) выдавать "Весам" ежемесячную денежную субсидию – в размере 300 р⟨ублей⟩ или – minimum – 250 р⟨ублей⟩?

Я нарочно ставлю эти вопросы в форме деловой, юридической, чтобы Вам легче было на них ответить. В первом случае я говорю от своего лица, чтобы избежать неопределенного, коллективного "мы", за которое так легко укрыться. Если Вы найдете возможным на первый вопрос ответить утвердительно, я принимаю перед Вами всю ответственность на себя, и даю Вам слово, что не допущу в "Весах" 1909 г. ничего такого, что Вам было бы неприятно, и тем более, что могло бы Вам повредить (напр⟨имер⟩: обязуюсь удовлетворить все денежные обязательства, какие приму от имени "Весов").

Повторяю и то, что писал в прошлом письме. Если Вы не хотите или находите более неудобным оставаться при изменившихся обстоятельствах ответственным издателем и редактором "Весов", – это легко будет изменить тотчас по Вашем возвращении в Россию. Я лично предпочитал бы очень, чтобы Вы своего имени с "Весов" не снимали. Надеюсь также, что Вы не откажетесь и от прежнего личного участия в делах редакции.

Письмо это Вы получите в 20-х числах ноября ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩. Это – крайний срок для того, чтобы нам начать самые решительные действия. Если бы и после этого письма Вы не нашли возможным мне ответить, Вы поставили бы "Весы" в невозможность вести дело. Тогда оказалось бы, что формально дав согласие, Вы фактически берете его назад, чего, конечно, Вы делать не хотите.

Вот почему я всячески прошу Вас немедленно по получении этого письма *телеграфировать* нам, согласны ли Вы в принципе на новых два вопроса, а потом, тоже немедленно, *написать* нам ответ подробный и вполне определенный. Я решаюсь просить Вас об этом, потому что то и другое нам необходимо *существенно*.

По получении Вашего согласия по телеграфу, мы закажем бумагу, сдадим объявления (проспекты, обменные предложения etc), обратимся к сотрудникам с просьбами о материале. Переговоры же с возможными соиздателями и особенно окончательные решения по этим переговорам мы отложим до получения Вашего письма, где Вы подробно изложите условия, на которых передаете "Весы" нам.

Еще и еще раз прошу простить мое упорство, но оно объясняется и, кажется мне, оправдывается, как важностью дела, о котором идет речь, так и крайней необходимостью торопиться.

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в

P.S. Еще один вопрос и еще одна просьба, на которую тоже непременно надо получить ответ: можно ли предложить подписчикам 1909 г., как премию, те же издания "Скорпиона", которые были даны в 1908 г.

Неотправленное письмо; приложен конверт с итальянским адресом Полякова, но без следов заклейки. Письмо было составлено в связи с тем, что от Полякова не было ответа на второе п. Брюсова из Москвы. Оно, несомненно, фиксировало общее мнение группы литераторов, намеревавшихся взять журнал в свои руки.

Комментируемое письмо было едва окончено, когда, очевидно, было получено в Москве предыдущее п. Полякова (п. 117), брюсовское письмо стало ненужным (но его постскриптум был повторен в следующем письме к издателю – ср. п. Полякова от 11/12 декабря 1908 г.). В связь с необходимостью ответа Полякову следует поставить, вероятно, встречу членов комитета – ср. в письме Ликиардопуло Белому от 20 ноября 1908 г.: "Дорогой Борис Николаевич! Приходите непременно к В.Я. Брюсову (домой) в субботу 22 ноября к 9 час. веч. Очень важное дело. ⟨...⟩ P.S. Сообщите также Сереже ⟨Соловьеву⟩ и Эллису" (*ГБЛ*. Ф. 25, 28.21. Л. 8).

[1] См.: *Тацит К.* Соч.: В 2 т. Л., 1970. Т. 1. Анналы. Кн. IV.30. С. 128.

[2] См. вводное прим. к предыдущему письму.

119. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

11/24 декабря 1908. С(анта) Маргерита.

Дорогой Валерий Яковлевич, я все более и более убеждаюсь в справедливости моего мнения относительно того, что почти невозможно договориться о чем-либо двум лицам посредством писем. Вы совсем ложно поняли цитируемую Вами фразу из моего предыдущего письма, где я говорю об "обязательстве, которое я буду считать распространяющимся и на меня... и т.д."[1] Между тем, на этом основании вы строите новое предложение, которое для меня не совсем ясно. В упомянутой фразе я нисколько не сомневаюсь, да никак и не мог сомневаться, в какой-либо Вашей "состоятельности", совсем наоборот, я сомневаюсь там в твердости моего решения участвовать в "Весах" 1909 г. только известной определенной суммой, так как в Вашем первом предложении не было указано никакого предела вверх и, следовательно, я не мог предположить, что бóльшее обещанного мной участие, в случае надобности и в случае моего желания, мне будет запрещено. Переходя к Вашему новому предложению передать ведение "Весов" в 1909 г. лично Вам, под Вашу полную ответственность, я, конечно, вполне соглашаюсь на него, так как это была бы первая попытка поставить дело ведения журнала на твердый и правильный путь, – попытка, которая, по моему глубокому убеждению, может привести только к "общему" благу. Но только я должен оговориться, что я передал сотрудникам и предполагаемым соиздателям "Весы" лишь на 1909 г., а вопрос об издании журнала в 1910 г. и дальнейших я оставляю открытым. Я считаю себя в праве так поступать, так как я не намеревался прекращать издания "Весов", наоборот, я хотел, уменьшив размер журнала в наступающем году, попытаться довести расходы на его издание до размеров, для меня не обременительных, и тем упрочить существование журнала в дальнейшем будущем, поставив его вне зависимости от подписки. Правда, иногда я разделял в разговорах с Вами Вашу мысль прекратить "Весы" совершенно за их полнейшей ненадобностью, но я никогда не допускал возможности передать журнал для дальнейшего издания кому бы то ни было, тем более совершенно посторонним лицам, как в данном случае В.П. Рябушинскому[2] или компании С.А. Грифа. Но из многих мест Вашего последнего письма я вправе заключить, что Вы именно так поняли мою передачу журнала сотрудникам. Так, Вы пишете, что "Весы" не ждут от меня субсидии в 1910 г. и, если я откажусь от соиздательства, то дело можно будет организовать на новых началах, т.е. Вы мне оставляете только одно право отказаться от *соиздательства*, считая "Весы" уже полной собственностью компании, а потому и не спрашивая меня, захочу ли я *чьего-либо соиздательства* в 1910 г. Этим я, конечно, не хочу сказать, что я, с своей стороны, не признаю никаких прав на "Весы"соиздателей этого 1909 г.: новые соиздатели остались бы соучастниками дела, при своем желании, и в дальнейшем с правами, которые были бы выработаны по обоюдному соглашению. Так я пониманию те условия ("conditions"* телеграммы), на которых я уступал сотрудникам "Весы" на 1909 г. В письме я упомянул, что, ввиду некоторой остроты вопроса, подробное обсуждение условий я оставляю до личного свидания, тем более, что я не считал этих условий, чисто материальных, существенно важными для идейной стороны дела. Но получилось недоразумение, и мне пришлось коснуться неприятного для меня вопроса. Из Ваших проектов о дополнительном деньгоснабжении я решительно отвергаю проект, касающийся С.А. Соколова, с которым я ни в какие издательские комбинации вступать не желаю, ничуть не из-за какого-либо личного враждебного к нему отношения, но из-за его фатального влияния на печатное слово[3]. Так долго не отвечал на Ваше письмо из-за обмена письмами с Михаилом Николаевичем, которого через Ваше посредство также коснулись колебания "Весов" и который, между прочим, заявляет о некоторых своих правах на журнал, как один из их инициаторов. Конечно, это мои личные с ним дела и никаких проектов никак касаться не могут. Упоминаю Вам об этом только потому,

---

* условия (*франц*).

ОСЕНЬ

Рисунок Н.П. Феофилактова
"Весы", 1909, № 12

что Вы, очевидно, сходитесь с ним во взгляде на его инициаторство, иначе зачем бы Вам было ему писать[4].

На премии книгами и скидками на книги я согласен, предоставляя выбор премий на Ваше усмотрение, но окончательно выработанный список желал бы иметь на рассмотрение, тем более, что я теперь вообще не имею никаких сведений о "Весах" и, может быть, даже уже должен за них сидеть в тюрьме или платить какие-либо штрафы. Это пишу, конечно, не серьезно, но серьезно интересуюсь, чем кончилось дело о стихах Соловьева в № 8[5]. О каких-либо расчетах "Весов" с "Скорпионом" по поводу премий книгами нахожу рассуждать преждевременно, но совершенно не согласен с тем взглядом, что эти книги могут идти в уплату за объявления о "Скорпионе" в "Весах", так как мне кажется, что таковые объявления есть не что иное, как бесплатные обменные объявления[6].

Мой искренний привет Вам, надеюсь, что какие-либо недоразумения между нами происходят лишь от "письменности" и при личном свидании, до которого осталось меньше месяца, свободно разъяснятся.

Ваш С. П о л я к о в.

P.S. Пишу в здешний сочельник, и хотя уже заполночь, но все слышно из разных мест перезвон колоколов.

Почт. бумага отеля "Мирамаре" (см. прим. к п. Полякова от 10/23 ноября 1908 г.). Ответ на неизвестное п. Брюсова, написанное после 16 ноября. В этом письме Брюсов, вероятно, во-первых, более определенно, чем, в частности, в неотправленном письме от 16 ноября, формулирует предложение передать "Весы" "лично" ему. Кроме того, он намечал соучастников-финансистов издания – С.А. Соколова ("Грифа") и В.П. Рябушинского. Наконец, Брюсов ставил вопрос о книжной премии "весовским" подписчикам и об оплате "скорпионовской" рекламы в "Весах". Комментируемому письму предшествовала телеграмма, упоминаемая в тексте, означавшая принципиальное согласие на передачу журнала "компании" в лице Брюсова.

[1] Ср. брюсовское выделение именно этого места в п. Полякова от 10/23 ноября.

[2] Владимир Павлович *Рябушинский* – финансист и политический деятель. Брюсов познакомился с ним в июне 1907 г. (*Дневники*. С. 137), когда начались переговоры о привлечении через Брюсова русских модернистов к сотрудничеству в октябристской газете "Голос Москвы", издававшейся Рябушинским. Брюсов энергично откликнулся на приглашение, вел переговоры с Рябушинским (*ГБЛ*. Ф. 386, 101.22. Л. 1), получил согласие на участие в газете Сологуба (*Ежегодник 1973*. С. 112–113), Блока (*ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 501–506; ср.: Кн. 3. С. 311). Ср. в п. Н.И. Петровской от 11 июля 1907 г., извещавшей одного из своих друзей о том, что ей предложили писать в "Голос Москвы": «"Перевал" ⟨т.е. С.А. Соколов. – *Н.К.*⟩ не одобряет, а "Сам" ⟨В.Я. Брюсов. – *Н.К.*⟩ советует. Говорит "хуже у левых писать"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2об.).

[3] Н.С. Ашукин в комментариях к *Дневникам* историю борьбы за журнал поздней осенью 1908 г. резюмирует так: «Переговоры о "Весах" заключались в следующем: в конце 1909 г. С.А. Поляков решил прекратить издание журнала; сотрудники "Весов" предложили продолжать издание совместно; Поляков согласился, не зная, что главным пайщиком в издание вступает "Гриф" – С.А. Соколов. Но узнав это, от издания отказался» (с. 189). Н.С. Ашукина консультировал сам Поляков (Там же. С. 192), и проставление 1909 г. в

примечании, скорее, не опечатка, а ошибка памяти издателя журнала, смешавшего ситуацию 1908 г. с ситуацией последних месяцев "Весов". В любом случае характерно, что главной причиной отказа в передаче "Весов" "компании" оказывается именно притязание на них С.А. Соколова. Ср. ниже замечание об отношениях Полякова с Соколовым в п. Брюсова от 15/28 августа 1909 г.

[4] Письма Брюсова к М.Н. Семенову неизвестны. 7/20 ноября 1908 г. Семенов писал Брюсову из Рима: «Дорогой Валерий Яковлевич, недавно С.А. ⟨Поляков⟩ обратился ко мне за советом по поводу Вашего предложения относительно "Весов". Конечно, ничего другого, как согласия на Ваш проект, я ему посоветовать не мог, ибо нахожу, что это единственный способ сохранения журнала в пристойном виде. Когда С.А.⟨Поляков⟩ был у меня во Флоренции, он носился с идеей уменьшенных "Весов", но это, на мой взгляд, было бы ступенью к совершенному прекращению издания и, конечно, уронило бы его в мнении как подписчиков, так и критики. Кроме того, я глубоко убежден, что, не явись Ваше предложение, журнал с нового года должен был прекратиться. Только искренне предупреждаю Вас от коллективности в вопросах денежных, в материальной стороне, и от формальных "условий", как с сотоварищами, так и с издателем. На этом погибло не одно благое начинание; я могу считать себя на этот счет достаточно опытным. Кроме того, я думаю, что при месячном пособии в 250–300 руб⟨лей⟩ со стороны С.А., как он мне писал, + подписная плата Вы можете обойтись и без других затрат, особенно если уничтожите помещение рисунков, как затею дорогую, трудную и неблагодарную. Конечно, виньетки, заставки, фронтисписы и пр⟨очее⟩ могут и остаться, но в виде для редакции необязательном. Я бы очень был благодарен Вам, если бы Вы ознакомили меня с своим взглядом на будущность журнала, тем более, что С.А. Поляков вызывает меня к себе по поводу этой аннексии, ⟨...⟩ увижусь с С.А., вероятно, недели через две" (*ГБЛ*. Ф. 386, 102.31. Л. 31–32). О роли, которую Семенов отводил себе в создании "Весов", см. прим. 5 к п. 59.

[5] 13 октября 1908 г. М.Ф. Ликиардопуло сообщал Брюсову, находившемуся за границею: «№ 8 "Весов" конфискован, и С.А. Полякова привлекают по 1001 ст⟨атье⟩. За стихи Сережи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.22. Л. 41). Причиной к изъятию журнала послужил цикл стихотворений Сергея Соловьева "Сельская цевница". Однако цензор А.А. Венкстерн, старший по возрасту друг С.М. Соловьева, в своем заключении сумел показать, что инкриминируемый автору эротический натурализм стилистически оправдан для стихотворений "в антологическом роде", поскольку был широко распространен и нравственно допустим в античной лирике (*ЦГИА* г. Москвы. Ф. 31.3.888; ср. в статье: *Цехновицер О.* Символизм и царская цензура // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 76. Сер. филол. наук. Вып. 11. С. 314). Запрет с номера был снят, а дело С.А. Полякова прекращено.

[6] Поскольку раздел между журналом и издательством не состоялся, внутрииздательские расчеты не имели смысла.

120. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

14/27 дек ⟨абря 19⟩08. С⟨анта⟩ Маргерита

Дорогой Валерий Яковлевич, Ваше письмо от 8 с⟨его⟩ м⟨есяца⟩ получил, когда, к счастью, ответ на предыдущее Ваше письмо я считал уже отправленным, хотя, как я узнал это нынче из квитанции, вследствие праздничного бездействия почтамта, дело было не так – мой ответ был послан только нынче утром[1]. К счастью – потому, что иначе я стал бы, наверно, снова переделывать свое письмо и никогда бы его не послал. Говорю это по поводу имеющейся там фразы о С.А. Грифе – я никак не ожидал, что он представит в Ваше распоряжение такого "солидного" пайщика. Не зная конкретного предложения, в письме я выразился вполне определенно о своем нежелании иметь участником в "Весах" С.А. Соколова, но теперь я в совершенном недоумении: я не могу преодолеть своего инстинктивного нежелания иметь какое-либо общее дело с С.А. Соколовым и в то же время, имея в виду "общее" благо, не беру на себя смелость отказаться от такого предложения. Далее, если г-н Владимиров желает сделаться официальным соиздателем, внося в нынешнем году сумму, равную (с известной точки зрения) моей сумме, то он желает, очевидно, и теперь и впредь считаться половинным владельцем журнала, а с этим, как видно и из предыдущего моего письма, я не могу согласиться, я тогда буду считать нового соиздателя половинным и равноправным соиздателем, когда его затраты на журнал сравняются с моими, с чем он, конечно, не согласится. Потом, с какими планами и целями вступает М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩ Владимиров[2] в соиздательство "Весов" и знаете ли Вы его лично? Потом, почему Вы оставили комбинацию с В.П. Рябушинским, который является лицом несомненно более нейтральным? Или он отказался? Мне кажется, что можно подождать моего решительного ответа, пока Вы мне не разрешите моих сомнений, а тогда я отвечу определенно да или нет телеграммой. Что же касается содержания рекламы, а пожалуй, и размера ее, то неужели Вы находите возможным существенно изменить размер и характер журнала на лишние (против первоначального расчета) 3–4

тысячи, принимая во внимание, что подписные 7 тыс⟨яч⟩ есть сумма неопределенная и лишь в пределах между 5.000 и 8.000. Итак, для окончательного решения жду от Вас ответа. Впрочем, может быть, решусь и раньше Вашего ответа, но сейчас нахожусь в полнейшей неопределенности.

На предложение Д.С. Мережковского принципиально согласен, но считаю нужным иметь сведения о числе тысяч букв предполагаемых 15 томов, о количестве экз⟨empляров⟩ последних изданий произведений Мережковского Пирожковым (приблиз⟨ительно⟩, конечно) и о том, как понимать срок в 5 лет – для каждого тома или для первых только, в каковом случае для последних срок превратится в двухлетний. Быть может, Д.С. ⟨Мережковский⟩ даст эти сведения. Пока до свидания. Мой привет Иоанне Матвеевне, а Вам от Софьи Ромуальд⟨овны⟩, которая значительно поправилась здесь.

Искренне Ваш С. П о л я к о в.

Почт. бумага отеля "Мирамаре" (см. прим. к п. Полякова от 10/23 ноября 1908 г.).
Ответ на неизвестное п. Брюсова от 8 декабря 1908 г.

[1] Речь идет о предыдущем письме.

[2] Вероятно, именно в п. от 8 декабря Брюсов впервые называл возможным соучастником издания "Весов" Владимирова. Две заглавные буквы при этой фамилии авторы лучшей истории "Весов" прочли как инициалы имени и отчества (*ЛН*. Т. 85. С. 303, 305; ср. с. 839). Комментарий Н.С. Ашукина, благодарившего Полякова за помощь, при упоминании Брюсовым "изворотов" "четы Владимировых" в деле с "Весами", отождествляет Владимирова с художником Василием Васильевичем *Владимировым* (1880–1931), близким другом С.А. Соколова (см.: *Дневники*. С. 189). Последнее отождествление представляется более вероятным, отсюда предложенное конъектурное чтение сокращения в письме; ироническими кажутся и кавычки при выражении "солидного" (пайщика), поскольку дополнительная субсидия Владимирова была сравнительно не велика, как видно из дальнейшего – те же "3–4 тысячи", которые обещал журналу и Поляков.

121. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

С⟨анта⟩ Маргерита.
29 декабря 1908⟨/12 января 1909 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

Вы обвиняете меня в том, что я в последнем письме не столько разъяснил первое, сколько изменил[1]. Вы поступаете еще проще: Вы прямо отказываетесь, вопреки пословице, от некоторых, самых существенных, выражений Вашего первого письма сюда (28 ⟨октября⟩/10 ноября с⟨его⟩ г⟨ода⟩) и приписываете себе другие, которых во всех остальных письмах, кроме последнего, не имеется. В письме от 28 окт⟨ября⟩ Вы пишете: «И вот мы все (т.е. я, А. Белый, Эллис, С. Соловьев, М.Ф. Ликиардопуло и др.) обращаемся к Вам с последней просьбой: передайте "*Весы*" *в 1909 г.* в наши руки, позвольте нам попытаться вести их самостоятельно». И самое важное в конце письма, где Вы устанавливаете формулу условной телеграммы: «Если мы получим телеграмму Consens Balance*, мы будем знать, что Вы согласны отдать нам "*Весы*" *на 1909 г.*». Я дал телеграмму именно этой формулой. Следовательно, отвечая на просьбу Вашего письма, я *соглашался отдать "компании" "Весы" на 1909 г.* Слова, прибавленные к формуле, нисколько не расширяли ее, но лишь давали обещание дальнейших разъяснений письмом. Далее, в Вашем первом письме нет никаких слов, которые можно было бы понять как просьбу о передаче "Весов" в *полную собственность* компании. Спора относительно вышеприведенных выражений быть никакого не может, так как они имеются в Вашем подлинном письме от 28 окт⟨ября⟩/10 нояб⟨ря⟩ с⟨его⟩ г⟨ода⟩. Потому, во-первых, я не считаю положение дел сколько-нибудь изменившимся после моего предпоследнего письма и требующим каких-нибудь экстренных мер, вроде приостановки подготовления январского №[2]; во-вторых, виновным во "всех этих неопределенностях" я считаю не себя, а Вашу забывчивость и утрату черновой письма от 28 ⟨октября⟩/10 ноября. Ввиду совершенной ясности просьбы Вашего первого письма, а следовательно, и пределов моего согласия, я считаю излишним опровергать Ваши

* Согласен "Весы" (*франц.*).

ГРОЗА

Рисунок Н.П. Крымова
"Весы", 1908, № 12

доказательства от противного и комментарии разных выражений моего письма. Приведу только одно из цитируемых Вами выражений, которое подтверждает как раз мое понимание уступки журнала: «Я согласен остаться на первое время или, если это будет желательно, *на весь год* номинальным редактором-издателем "Весов" и т.д.». Если вместо слова "номинальным" перенести внимание на выражение "или на весь год", то станет ясным, что "весь год" означает здесь предел заключаемых нами условий. Если бы я уступал "Весы" на "вечные времена", то я должен был бы после "весь" прибавить слово первый. Далее, о Ваших правах, всяческих, в том числе и материальных на "Весы", я имею, Валерий Яковлевич, вполне ясное представление, никогда этих прав не оспаривал, и в случае, если бы у "Весов" оказались доходы, считал бы Вас законным участником в них, но я утверждаю, что "Весы" к новому 1909 г. – не были "брошенной вещью и ничьими". Вы указываете на то, что Вам с большим трудом пришлось собирать материал для последних №№ этого года[3], но Вы, ведь, не извещали меня о том, что Вы отказываетесь от редактирования последних №№ 1908, а вернуться Вы намеревались в середине октября. Переходя ко второй части Вашего письма, я, по примеру Вас, сопоставляю цитаты из Вашего первого и последнего письма. 28 окт⟨ября⟩/10 нояб⟨ря 19⟩08 г.: «...И вот мы все(.....)* обращаемся к Вам с последней просьбой: передайте "*Весы*" *в 1909 г.* в наши руки.... Если мы получим телеграмму Consens Balance, мы будем знать, что Вы согласны отдать нам "*Весы*" *на 1909 г.*». Через 2 месяца 21 дек⟨абря 19⟩08./3 янв⟨аря 19⟩09: «Я уверен, что ни наша "компания" и никто иной не согласится взять издание "Весов", так сказать, *на поддержание на год...*».

Таким образом, в последнем письме Вы едко издеваетесь над безумцами, обращавшимися ко мне, два месяца тому назад, с просьбой передать им для издания "Ве-

* Отточие в круглых скобках поставлено Поляковым.

сы" на 1909 г. Но вместе с тем Вы от лица компании издеваетесь и надо мной. После двух месяцев всевозможных волнений, перенесенных мной по поводу всей этой истории с "Весами", уступленных мной "компании" на издание в 1909 г., согласно ясно выраженному и Вами переданному ее желанию, Вы заявляете, что на моих, т.е. предложенных компанией, условиях никто не согласится взять издания "Весов", и ставите совершенно новые условия. Рассуждать об этих новых условиях я согласен тогда, когда "компания" заявит, что ее первая просьба была подложной и что только теперь ею высказана ее настоящая просьба. В заключение я, конечно, вполне согласен с Вашим мнением, что не следует останавливать подготовительных работ для январского №, и полагаю, что выход из получившихся недоразумений, во всяком случае, можно будет найти, когда мы поговорим обо всем этом лицом к лицу, так как я твердо надеюсь быть в Москве в первой половине января.

Благодарю Вас за распоряжение о высылке мне декабрьского № "Весов", который я получил вчера. Я еще не читал его, но из рисунков мне очень нравится Крымовский[4]. Итак, до скорого свидания. Верьте, Валерий Яковлевич, в искренность моих "мирных и благоволящих"[5] чувств к Вам, несмотря на наши письменные препирательства, хотя, увы, мне, жителю Тигулийского залива, трудно ждать таких же чувств от Вас, пришельца с Атлантического океана[6].

Мирно Ваш С. П о л я к о в

Почт. бумага отеля "Мирамаре" (см. прим. к п. Полякова от 10/23 ноября 1908 г.).

Ответ на неизвестное п. Брюсова от 21 декабря 1908 г./3 января 1909 г.; отдельные фрагменты из этого письма приведены у Полякова. Брюсов, несомненно, пытался своим письмом добиться возможно большей «эмансипации "Весов" от "Скорпиона"» (как определял он желанную для него цель еще 12 ноября 1908 г. – *ЛН*. Т. 85. С. 516), поскольку предыдущие письма Полякова не меняли, как ему казалось, принципов ведения журнала. Действительно, 23 декабря 1908 г. Брюсов говорил Вяч. Иванову: «Не писал тебе до сих пор потому, что все еще не мог выяснить нового положения "Весов". К сожалению, и до сих пор это их новое положение ⟨...⟩ остается невыясненным. Пока что дело ведется прежним порядком и, хотя это и грустно, может быть, так и будет вестись весь год» (*ЛН*. Т. 85. С. 519). Брюсову хотелось обеспечить журналу перспективу существования – не только на ближайший год, но и далее.

[1] Речь идет о п. Полякова от 10/23 ноября и, скорее, о предпоследнем, от 11/24 декабря, а не о последнем, от 14/27 декабря, представляющем к предыдущему только дополнение и не вносящем принципиально новых тем.

[2] Ср. в недатированном п. М.Ф. Ликиардопуло к Андрею Белому: «Приходите непременно в понедельник 15-го ⟨в 1908 г. возможно только: декабря. – *Н.К.*⟩ в 7 ч. вечера к Валерию Яковлевичу на очередное собрание редакционного комитета "Весов". Ваше присутствие необходимо во что бы то ни стало, т.к. надо выяснить содержание № 1 за 1909 и решить целый ряд неотложных вопросов, тактических, и пр⟨очее⟩» (*ГБЛ*. Ф. 25, 28.21. Л. 9).

[3] К концу 1908 г. в брюсовском дневнике относится запись: «Усиленная работа в "Весах"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.17. Л. 12; фраза выпала при публикации, в рукописи она непосредственно предшествует фразе: "Сношения с С.А. Соколовым" – *Дневники*. С. 141).

[4] См. рис. Н. Крымова "Гроза" – Весы. 1908. № 12. С. 51. В этом номере были помещены также работы В. Дриттенпрейса и Н. Феофилактова.

[5] Возможно, цитата из п. Брюсова, на которое отвечает Поляков?

[6] Тигуллио – часть Генуэзского залива, между Рапалло и Кьавари. Брюсов летом 1908 г. был на Бискайском заливе. Кажется правдоподобным, что Поляков под "пришельцами" с Атлантики вспоминает разбойников-норманнов, в Средние века грабивших зажиточное Средиземноморье.

122. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩13 марта 1909 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

я никогда не считал Вас мелочным человеком и никогда не мог подумать, что условленная посылка дубликата на Ваше имя для передачи отделению "Скорпиона" в С⟨анкт-⟩П⟨етер⟩Б⟨урге⟩ Вас могла обидеть. Со своей стороны приношу Вам всяческие извинения в моей невежливости и благодарю за Ваш дружеский совет и выговор, хотя все-таки не понимаю, почему дубликат должен был отправить лично я, а не "контора", представителем которой является Василий. Не знаю, выслушаете ли Вы меня после случившегося и имею ли я право отвечать на Ваше первое письмо, но все-таки

скажу, что от обещанного я не отказываюсь никогда и книжку Гумилева "Скорпион" издаст, но назначить срок я могу лишь по выяснении точном ближайших предполагаемых изданий "Скорпиона", что надеюсь сделать к лету[1].

Относительно сборника Верховского[2] и рассказа Гумилева[3], я ничего не знаю и передал жалобы по назначению. Гумилев, между прочим, уже после Вашего письма, писал М.Ф. ⟨Ликиардопуло⟩, что рассказ его был Вами принят в свое время[4], и тем самым, мне кажется, вопрос решается, так как на наших с Вами последних совещаниях было постановлено, что материал, принятый для предполагавшихся "новых" "Весов", останется принятым и для "старых" "Весов".

С чувством незаслуженной обиды пребываю Вашим покорным слугою.

С. Поляков.

РУССКИЙ И ФРАНЗУЗКИЙ ВАРИАНТЫ РЕКВИЗИТОВ ЖУРНАЛА "ВЕСЫ". ФРАГМЕНТЫ

По рисунку Н.П. Феофилактова

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы".

Ответ на два неизвестные п. Брюсова из Петербурга (третье в издательстве не было получено, по словам Полякова, – см. следующее п.). Брюсов приехал в Петербург 1 марта (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 512). В этих письмах Брюсов пытался выяснить по просьбе авторов судьбу сборника Ю.Н. Верховского, печатавшегося в "Скорпионе", и рассказа Н.С. Гумилева, принятого к публикации в "Весах" в конце 1908 г.; кроме того, Брюсов осведомлялся, не предпримет ли "Скорпион" издание книги Гумилева. Ситуация, отраженная комментируемым письмом, определялась тем, что к этому времени отстранение Брюсова от руководства "Весами" стало фактом и переживалось Брюсовым болезненно, несмотря на то, что совершилось в значительной мере в согласии с его собственной волей. Молчание "Скорпиона" в ответ на его письма раздражало Брюсова, а полученное вместо ответа деловое поручение от издательства (видимо, такое же, какие Брюсов прежде неоднократно исполнял) вызвало резкий ответ, который, в свою очередь, задел Полякова. Ср. в п. Брюсова жене из Петербурга от 7 марта 1909 г.: «"Скорпион" мне ничего не отвечает. Черт с ним, говоря вежливо. Сегодня в "Руси" уже сообщается, что я покинул "Весы". Должно быть, Макс Волошин постарался» (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.6. Л. 14; имеется в виду сообщение в газете "Новая Русь" от 7 марта 1909 г., № 68). 19 апреля 1909 г. Брюсов описывал свое столкновение с "Весами" Бальмонту: «Все, что ты сообщаешь об отношении к тебе конторы "Весов", ужасно, даже чудовищно. Но должен сознаться, что удивить меня твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус, Н. Лернер, А. Элиасберг и др. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда жил в Петербурге. Помнится, я уже рассказывал тебе, как я написал в "Весы" пять писем (два – Сергею Александровичу, три – Ликиардопуло) и получил в ответ одно, подписанное нашим Василием» (наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 139).

Комментируемое письмо, очевидно, сняло недоразумение, Брюсов ответил на него миролюбиво (ср. следующее письмо).

[1] Речь идет о книге Гумилева "Жемчуга", выпущенной "Скорпионом" весной 1910 г.

[2] Можно предположить, что издательство, выпустившее книгу Ю.Н. Верховского "Разные стихотворения" в ноябре 1908 г., не доставило авторских экземпляров либо экземпляров, запрошенных автором дополнительно. 17 марта 1909 г. Верховский писал Брюсову в Москву: «"Весов" пока не получаю. Вместе с ними буду ждать своей книги. Очень надеюсь на Ваше ходатайство перед "Скорпионом"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 80.3. Л. 35).

[3] Речь идет о новелле Гумилева "Скрипка Страдивариуса" (Весы. 1909. № 7).

[4] Письмо Гумилева к Ликиардопуло неизвестно.

123. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩15 марта 1909. "Скорпион".

Дорогой Валерий Яковлевич,

очень рад разъяснению инцидента. Под влиянием, очевидно, своих личных угнетений, я в Вашем письме увидел желание намеренно обидеть меня, тем более, что я получил от Вас только *одно* письмо, и всего за день или два до Вашего письма со вложением. Зная, что Вы никогда не ждете от меня быстрых ответов, я не понял истинной подкладки Вашего сурового тона. Что Ваше одно письмо пропало, об этом я и раньше предполагал по намеку в открытке на имя М.Ф. ⟨Ликиардопуло⟩, теперь же вижу, что это факт[1].

Зашел в "Скорпион" на минутку и нашел Ваше письмо, на которое спешу ответить, так как это неожиданное обострение меня очень угнетало. Надеюсь, что скоро увидимся.

Искренно Ваш С. П о л я к о в.

P.S. Извиняюсь, что посылаю письмо без марки, так как здесь не мог найти, а купить теперь негде.

С.П.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы".
Ответ на неизвестное п. Брюсова – ср. предыдущее письмо.

[1] Упомянутое п. Брюсова к Ликиардопуло неизвестно.

124. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Бриенц 15/28 авг⟨уста⟩ 1909.

Дорогой Сергей Александрович!

Мне очень грустно возобновлять нашу переписку просьбой денег. Но так пришлось. Я говорю о телеграмме, которую Вы должны были получить дней пять назад. Еще более грустно мне, что я должен был просить Вас передать эту сумму (250 р⟨ублей⟩) именно С.А. Соколову. Знаю, что Вам было это неприятно. Но опять-таки "так пришлось". Между прочим, виновата и швейцарская почта, которая не бралась переслать имевшиеся со мною % бумаги, требуя, чтобы я запечатал их какой-то особой печатью, с личными инициалами. А где было мне ее взять? Но Вы понимаете, что С.А. Соколов был только передаточной инстанцией... Во всяком случае очень простите за хлопоты, за неприятность, за просьбу. У меня, впрочем, есть маленькая надежда, что часть этих денег пришла на мое имя от Брокгауза за мои статьи в III томе Пушкина[1]. Если нет, вычтите их, пожалуйста, из моего гонорара за II изд⟨ание⟩ "Ангела", которое, надеюсь, вышло[2].

Исполнением просьбы Вы вновь ("который раз"!) меня очень обязали.

Завтра (и это без обмана) напишу Вам подробнее о своем состоянии[3]. Сегодня только спешу объяснить телеграмму.

Вчера послал Вам корреспонденцию о Сецессионе[4]. Дня через два вышлю Гиля[5]. До 9–10 сент⟨ября⟩ (нов⟨ого⟩ ст⟨иля⟩) мой адрес Brienz (Suisse), hôtel du Lac. Но, конечно, сообщаю его только для Вас.

Ваш Валерий Б р ю с о в

[1] Речь идет о гонораре за статьи "Домик в Коломне" и "Медный Всадник" в кн.: *Пушкин А.С.* Соч. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз – Ефрон, 1909. Т. 3. Библиотека Великих писателей.

[2] Второе издание брюсовского романа зарегистрировано "Книжной летописью" на 1909 г. среди книг, выпущенных в свет между 27 августа и 3 сентября.

[3] Подобное письмо Брюсова не известно.

[4] Имеется в виду статья Брюсова "Берлинский Сецессион. Письмо из Берлина" (Весы. 1909. № 8; подпись – "Турист").

[5] Речь, видимо, идет о переводе двух больших рецензий Р. Гиля, помещенных в том же номере "Весов", что и названная статья Брюсова: 1. "Oliver Calemard de la Fayette. La Montée. Poème. Hachette et C-ie" (Paris, 1909); 2. "Christian Marèchal. Josselin. Inédit de Lamartine, d'après les manuscrits originaux". Blond et C-ie (Paris, 1909). (Переводы не учтены в *Библиографии*.)

125. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Париж, 2 окт⟨ября 1⟩909, н⟨ового⟩ ст⟨иля⟩

Многоуважаемый и дорогой Сергей Александрович!

Несколько раз, с разных этапов своего путешествия, я писал Вам. Очень огорчен, что у Вас не нашлось времени мне написать, – по крайней мере, Ваших писем до меня не дошло. Мне очень хотелось бы узнать новости о Вас.

Печатается по копии И.М. Брюсовой с ее пометой: "Черновик письма к Сергею Александровичу (должно быть, Полякову). См. *наброски стихов 1909 г.*" (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.16. Л. 10). Отыскать оригинал не удалось. Предположение И.М. Брюсовой весьма вероятно – перед нами первый набросок того важного для Брюсова письма, которое было помечено 21 сентября ст. ст. с каким-то важным предложением Полякову (см. его ответ в следующем письме) и с обещанием стихов для последнего номера журнала.

126. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

1(–2) октября 1909. Губайлово.

Дорогой Валерий Яковлевич,

оставив всякие околичности к концу письма, отвечаю Вам на Ваш деловой запрос от 21 сент⟨ября⟩ н⟨ового⟩* с⟨тиля⟩. Прочтя Ваше предложение, я даже сразу не совсем понял его смысл; конечно, это произошло от всегда присущей мне и в последнее время развившейся особенно подозрительности. Вообще же я Ваш вопрос считаю совершенно формальным, так как я, разумеется, согласен на Ваше предложение и условия и полагаю, что и Вы не могли думать, чтобы это было иначе[1]. Теперь же я жду с "нетерпением" начала Ваших "Грехов" для следующей книжки "Весов"[2]. Жду, кроме вообще интереса к роману, еще и по тому же моему вечному желанию за последние месяцы – переменить физиономию номеров. Мысль мою дать окончание "Голубя" целым № мы осуществляем и № 8 (август, который, увы, еще не вышел до сих пор) уже без "Голубя", который набирается для самостоятельного № и имеется уже в количестве 3–4 листов[3]. Я надеюсь, что Вы, быть может, дадите в "Весы" и все три главы, т.е. Ваш роман войдет во все три "последние" номера "Весов", и, таким образом, журнал окончит свое существование при былом, всеобщем, к нему интересе, что исключит мысль о естественной смерти. Очень рад также Вашему плану дать стихи в последний №[4].

Положение дел в "Скорпионе" и "Весах" довольно плачевное. № 8 еще не выходил, для № 10 не набрано ни строчки, набрана только половина № 9 ("Голубь")[5]. Книг покупают очень мало, хотя сезон можно считать уже вполне начавшимся – завтра премьера в Художественном, и было десяток премьер в других театрах. "Ангела" при первой продаже брали лишь по десятку экз⟨емпляров⟩[6]. Потом только Карбасников на "петербургских" условиях взял сразу 50 экз⟨емпляров⟩. Каждый вторник делаем объявления, пока в одних "Русских ⟨Ведомостях⟩". Об "Ангеле" было дважды. Обложку на "Ангела" до сих пор я совершенно еще не установил, так как та, в которой имеете книгу Вы, понравившаяся мне по цвету и по толщине, – неудобна по ломкости и загибанию[7].

История с Эллисом, о которой Вы своевременно были осведомлены, так и осталась загадкой, так как разбирательства мирового судьи, которое должно было состояться два-три дня тому назад, – не было за неявкой обвинителя, т.е. Румянцевского музея; а на этом разбирательстве Эллис обещал разъяснить дело в подробностях[8]. Лично нам он много раз объяснял все – своей рассеянностью, чему я искренне верю по личному опыту его месячного секретарства[9]. Но, вообще, дело это было для "Весов" одним из значительных ударов, более, конечно, во внутреннем отношении, так как за эти два последние месяца ни Эллис, ни Белый, ни Соловьев, т.е. весь наличный комитет (Балтрушайтис в Крыму)[10], не появлялись в "Скорпионе", а если и появлялись – то расстроенными.

Я со своей семьей только завтра переезжаю в Москву и два последние месяца почти каждый день бывал здесь, уезжая притом из Москвы возможно раньше после закрытия Знаменской конторы, что лишало меня возможности даже соразмерно моим жела-

* Очевидно, описка, следует: "старого".

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА "ВЕСЫ".
1909, № 12

Обложка по рисунку Н.П. Феофилактова

ниям влиять на дела "Скорпиона" и "Весов". Происходило это от разных семейных, главным образом, болезненных, обстоятельств (между прочим, внезапного заболевания нашей "англичанки" дифтеритом – роковая для меня болезнь, который, впрочем, к счастью, дальше не распространился).

Уезжаю из деревни, несмотря на очень приятную погоду и мою любовь к осени, из-за ставших для меня совершенно невыносимыми каждодневных переездов "туда и обратно" и, сверх обыкновения, с удовольствием думаю о "спокойной" жизни в городе.

Итак, надеюсь, до скорого свидания. Мне кажется, что Вы скоро вернетесь. Мой искренний привет Вам.

Ваш Сергей П о л я к о в.

2 окт⟨ября⟩. Москва.

P.S. По телефону сейчас Мих⟨аил⟩ Фед⟨орович⟩[11] сообщил Ваш определенный адрес и потому посылаю по нему.

С.П.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы".
Ответ на неизвестное п. Брюсова, набросок к которому см. выше.

[1] В чем состояло брюсовское предложение – выяснить не удалось.

[2] В брюсовских записях творческих планов "Intentions 1908–1909" значится роман "Семь смертных грехов" (см.: *ЛН*. Т. 27–28. С. 460–461); 25 января/7 февраля 1909 г. он сообщил Н.И. Петровской: «Оставив "Весы", я занялся приготовлением к печати разных, давно задуманных книг. В течение 1909–1910 года хочу напечатать их *двенадцать* ⟨...⟩ Пишу повесть "Семь смертных грехов" – из "будущей" жизни, о которой говорят, что я в ней специалист» (*ЛН*. Т. 85. С. 797). Произведение закончено не было, отрывки из первой его части напечатаны в *СЦ 1911*. Подробнее см.: *Э.С. Литвин*. Неоконченный утопический роман В.Я. Брюсова "Семь земных соблазнов" // *Чтения 1976*.

[3] Роман Андрея Белого "Серебряный голубь" печатался в "Весах" с № 3 1909 г., затем в номерах 4, 6, 7. В девятом номере, где Поляков, как видно из разбираемого письма, намеревался закончить публикацию, "Серебряный голубь" не печатался вовсе. Пять печатных листов романа появились в сдвоенном номере 10–11, а конец его (6,5 печатных листов) – только в самом последнем номере журнала, двенадцатом за 1909 г.

[4] Планы Брюсова не осуществились. Вместо большой прозы только в № 12 был опубликован "Через пятнадцать лет. Рассказ нашего современника", а вместо собственных стихотворений – перевод поэмы Э. Верхарна "Золото" (Там же).

[5] Ср. в п. от 2 октября 1909 г. от М.Ф. Ликиардопуло, к которому Брюсов обратился с просьбой рассчитаться с ним по "скорпионовским" изданиям: «Не сердитесь и Вы на меня за то, что не ответил на письма и не выслал расчета. Кассовые книги С.А. ⟨Поляков⟩ отвез к себе на дачу, и так⟨им⟩ образом я не мог произвести точно расчета. Я ему говорил, что Вы просили произвести расчет и что Вам нужны будут деньги; т.ч. он на этот счет осведомлен и имеет Вас в виду. Сейчас его нет в Москве, но могу поручиться, что деньги Вы получите не позже 7-го. Если он приедет завтра, то Вы их получите и раньше. Дела наши в ужасном положении, никто не ходит, никто ничем не интересуется, никто палец о палец ударить не хочет – а мне, в конце концов, вся работа по "Весам" не по силам. №№ запаздывают потому, что никто ничего во время не приносит, все корректуры задерживаются, а если я начну сам корректировать и печатать – выйдет опять нарушение "конституции". Все же кругом требуют, придираются, злятся. При таком положении дел, вряд ли и я выдержу, и тоже брошу все. Я понимаю Ваше недовольство мною, но поймите, что и у меня только человеческие силы и трудно одному исполнять работу 3 или 4 людей. И поэтому не сердитесь» (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 93).

[6] Речь идет об издании: *Брюсов В.* Огненный ангел. Изд. 2-е, испр. и доп. прим. М.: Скорпион, 1909.

[7] В личной библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 33) сохранился экземпляр второго издания "Огненного ангела" в обложке из очень плотного картона, тогда как в дальнейшем тираж выпускался в более мягких обложках того же, серого, цвета (ср., например, экземпляр ГБЛ V $\frac{265}{207}$ инвентарный номер ф. 294721, с типографской рекламной пометой на четвертой странице обложки: "Вторая тысяча").

[8] В августе 1909 г. Эллис был обвинен в порче и хищении книг Румянцевского музея. С неявкой обвинителя к мировому судье, о которой пишет Поляков, дело было прекращено. В подробностях оно никогда так и не прояснилось. По всей видимости, вина Эллиса была несоразмерна огласке, поскольку в течение нескольких месяцев газеты подавали дело как общественный скандал, воплотивший в себе общую моральную низость всех литераторов-модернистов. Кружок "Весов" перенес инцидент как глубокое потрясение (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 307).

[9] Эллис секретарствовал в журнале в июне-июле 1909 г. (см.: Там же).

[10] Делами "Весов" в 1909 г. распоряжался "комитет" из Полякова, Балтрушайтиса, Ликиардопуло, Соловьева и Эллиса (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 304, где к ним присоединен и Брюсов, к "комитету" формального отношения, кажется, не имевший). Ведущую роль в нем играл Андрей Белый (см.: Там же. С. 306–310); ср. в п. Белого от 17 июня 1911 г. к Э.К. Метнеру, где Белый апеллирует к опыту коллективной работы в "Весах", столкнувшись с диктаторской, по его мнению, манерой работы Метнера: «И в "*Весах*", когда мы были не *трое*, а шесть, когда отсутствовали *четверо*, естественно в журнале деятельней были остающиеся *двое*; и возвращавшийся *Брюсов* Андрею Белому не говорил: "Вы без меня меня свергли". Мы без Вас в начале сезона сочиняли проекты, торопя Вас вернуться, чтобы их рассмотреть. Вы же заговорили о превышении власти. Дорогой, Андрей Белый, считающий себя *лидером символизма*, не ожидал, что одни планы на будущее уже у друга-редактора возбудят недовольство в превышении власти. Мы были не *капралы* и *офицер* между собой, а трио, а *сотоварищи*. Вашу фразу "*Вашу деятельность, как писателя русского, не сливайте с деятельностью Мусагета*" я понял: не слишком уже вмешивайтесь в *Мусагет*. Но А. Белый по самому своему темпераменту и по своему боевому прошлому, после руководства *Весами* последнего года существования "*Весов*" (органом, пока что вписавшим большую страницу в историю литературы, нежели Мусагет) – А. Белый, с которым считались и Мережковский, и Брюсов в *Весах*, которого во всем слушал последние два года Весов Поляков, не может быть пешкой в *ыыы* Мусагета. Он или должен сознавать и создавать *свою линию* в нем, или глядеть во все стороны» (*ГБЛ*. Ф. 167, 2.43. Л. 8–8 об.).

[11] М.Ф. Ликиардопуло.

127. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва.⟩9 янв⟨аря⟩ 1910.

Дорогой Сергей Александрович!

Вы обещали мне полчаса или час для малюсенького делового разговора, так как застать Вас в "Скорпионе" мне не удавалось, то решаюсь напомнить Вам о Вашем обещании письмом. Нельзя ли – так как я все подумываю о поездке в Петербург – устроить этот разговор в течение наступающей недели? Я свободен все дни и часы, кроме вечеров среды ("Эстетика") и субботы ("Дирекция")[1]. Может быть, Вы напишете мне, когда Вам возможно дать мне этот час, или (так как писать письма Вы не любите) – передадите мне это через Василия. Буду весьма признателен.

Ваш Валерий Брюсов

[1] Имеются в виду "Общество свободной эстетики" и "Московский литературно-художественный кружок".

128. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

Москва. Апрель 1910 г.

Дорогой Сергей Александрович!

Я забыл просить Вас вчера отправить причитающийся гонорар *Верхарну*, т.е. сто франков. Его адрес: Emile Verhaeren, 5 rue de Montretout, St. Cloud (Seine et Oise, près Paris).

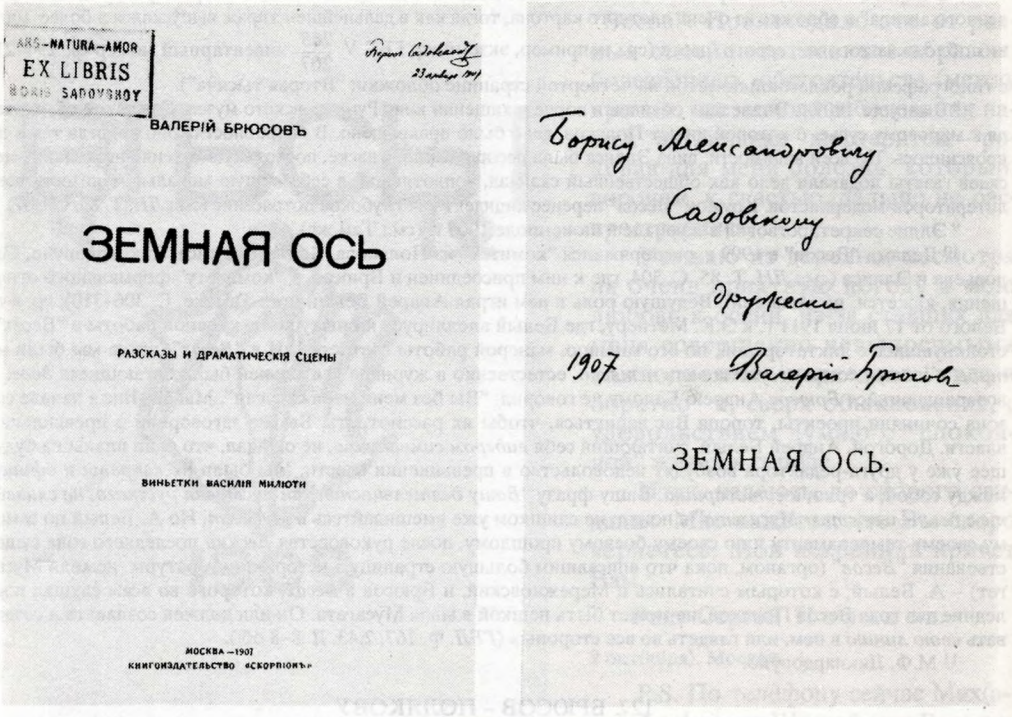
Сегодня будем Вас ждать на товарищеский ужин.

Ваш Валерий Брюсов

1910, апр⟨ель⟩.

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы" (вариант на франц. яз.).

Э. Верхарн еще в мае 1909 г. просил Брюсова опубликовать в переводе какое-либо стихотворение из готовившегося к печати его сборника "Великие деяния". 17 февраля/2 марта 1910 г., Брюсов уведомил Э. Верхарна: «Ваше стихотворение ("Золото") напечатано в двенадцатом номере "Весов", который выйдет дней через 10–12. Увы, это последний номер "Весов", их выход прекращается». Но только 17/30 апреля последовало сообщение: «"Весы" напечатали "Золото" – вы должны были получить номер журнала, а также и гонорар». Верхарн 25 апреля/7 мая ничего еще не получил, правда, он в начале месяца переехал из Парижа в Брюссель; Брюсов в п. к Полякову указывал старый адрес (*ЛН*. Т. 85. С. 592–601). "Золото" Верхарна "Весы" (1909, № 12) напечатали в переводе Брюсова.



В. БРЮСОВ. ЗЕМНАЯ ОСЬ. М.,"СКОРПИОН", 1907

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью:
"Борису Александровичу Садовскому дружески 1907 Валерий Брюсов"
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

129. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

25 мая 1910.

Дорогой Сергей Александрович!

Рассмотрев бумагу, на которой напечатаны два листа 2-го издания "Оси", я увидел, что она вовсе не тождественна с бумагой других моих книг[1]. Формат более узок и более длинен; оттенок иной. Таким образом, не может быть и речи об том, чтобы продолжать печатание на бумаге, заказанной раньше (как то предлагал М.Ф. ⟨Ликиардопуло⟩). Сознаюсь, однако, что меня не очень радует и решение, принятое нами вчера: продолжать печатание на той же бумаге, на которой оно начато. Дело в том, что этим нарушится давнее мое желание – иметь все мои книги изданными в одном формате. "Ось" окажется более высокой и менее широкой, нежели "Перепутья" и "Ангел". Но я, конечно, понимаю, что решиться на уничтожение двух уже отпечатанных листов, в количестве 2100 экз⟨емпляров⟩, слишком трудно. Для типографии это составит расход на бумагу свыше 60 рублей, не считая расходов за набор и за печать... Книгоиздательство же (т.е. лично Вы) во всем этом всего менее повинно и, конечно, не может принять этого расхода на себя. И в конце концов я вижу, что должен признать в совершившемся некий рок и покориться ему. По крайней мере я иного выхода не нахожу. Пусть "Ось" отличается от своих со-братьев и со-сестер не только рисунками, но и форматом... Впрочем, окончательное решение дела оставляю на Вашу волю. Одновременно с этим письмом отправляю другое М⟨ихаил⟩у Ф⟨едорович⟩у[2], прося его спросить у Вас последних распоряжений, прежде чем вновь заказывать бумагу у Блюменберга...

Что до брошюры о персидском словаре, то не премину доставить ее Вам[3].

Всегда Ваш Валерий Брюсов

P.S. Оба отпечатанных листа посылаю Вам.

Машинопись; подпись и постскриптум – автограф.

[1]Второе издание "Земной оси" выпущено "Скорпионом" осенью 1910 г. (Книжная летопись. 1910. № 39. 1–7 окт.), в обложке и с иллюстрациями итальянского художника Альберто *Мартини* (Martini, 1800–1900). Если бы его внешние характеристики совпадали с таковыми прежде выпущенных трех томов "Путей и перепутий" и второго издания "Огненного ангела", Брюсов стал бы обладателем своего рода "собрания сочинений" (которое было уже у Бальмонта, Сологуба, Мережковского). Полоса набора прозаических книг идентична. Однако уже иллюстрации этих изданий были различны: тома стихотворений украшали обычные "скорпионовские" виньетки, роман – копии с немецких гравюр XVI в., "Земную ось" – модернистские рисунки. Форматы книг, зарегистрированные "Книжной летописью", как будто опровергают опасения Брюсова; они таковы: "Пути и перепутья", т. I – 16 × 23, т. II – 17 × 24, т. III – 17 × 26, "Огненный ангел" – 16 × 23, "Земная ось", 2-е изд. – 15 × 23, 3-е изд. – 16 × 24. В п. к Ликиардопуло (см. прим. 2) Брюсов отмечал, что у бумаги, на которой были напечатаны листы "Земной оси", "оттенок иной". Судить теперь о первоначальных оттенках бумаги невозможно, во всех известных экземплярах она пожелтела различно. Сорт ее для всех рассматриваемых книг один и тот же, но, судя по вержерам, партия бумаги для каждой покупалась своя. Не лишено, конечно, основания предположение, что появление почти одновременно двух изданий "Земной оси" объясняется недоразумением с бумагой: третье выпущено тиражом в 1500 экз. (Книжная летопись. 1910. № 46. 18–25 окт.), а второе – 500 экз., тогда как по письму второе должно было быть выпущено тиражом в 2100 экз., каким печатались "Пути и перепутья" и "Огненный ангел". Возможно, тщательное исследование большого количества экземпляров покажет, что второе или третье издание "Земной оси" по бумаге приближено к предыдущим брюсовским книгам.

[2]П. к Ликиардопуло от 25 мая 1910 г. (*ГБЛ*. ф. 386, 71.50. Л. 1). От п. к Полякову оно отличается лишь частностями: "⟨...⟩ я затрудняюсь возложить расходы по бумаге, испорченной для двух листов, на типографию. В конце концов решение всего этого затруднения я передаю Сергею Александровичу. ⟨...⟩ Мне остается только просить Вас решить все это дело по возможности сегодня, не откладывая его надолго... По более точному подсчету, в моей книге будет всего 13 листов". В первой из приведенных фраз, при сопоставлении ее с соответствующим местом в письме к Полякову, можно услышать новый упрек безалаберности "Скорпиона". "Земная ось" вышла меньшим объемом, чем намечал Брюсов, – 10 печатных листов плюс пол-листа издательских объявлений.

[3]О чем идет речь – неизвестно.

130. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

⟨Алупка.⟩ 23 окт⟨ября⟩ 1910.

№ 1

Дорогой Валерий Яковлевич,

пишу Вам открытки лишь для того, чтобы мне не неловко было с Вами встретиться по возвращении в Москву, т.е. через 2–3 дня по получении

№ 2

Вами их. Все время собирался ответить на Ваше письмо, а потому не послал Вам даже открыток из Бахчисарая, где мне все время вспоминалось о Вас. До скорого свидания. Мой привет Иоанне Матвеевне.

Ваш С. П о л я к о в.

Две иллюстрированных открытки: фото интерьеров бахчисарайского дворца; пронумерованы Поляковым. Город – по почт. шт.

Упоминаемое п. Брюсова неизвестно.

131. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

31 января 1911.

Дорогой Сергей Александрович!

Посылаю Вам* для каталога рецензию на "Северную Симфонию", разысканную мною в "Новом Пути"[1]. Для Кузмина я предлагаю воспользоваться моей рецензией, которая была помещена в "Весах" (1907 г., № 7)[2].

Я сделал подсчет моих денежных отношений с "Скорпионом". Если все уплаты в книгах записаны, то я состою должным "Скорпиону" что-то около 1000 р⟨ублей⟩

* В конверте на имя Н.А. ⟨Баженова⟩ (*прим. В.Я. Брюсова*).

(немного меньше [960, кажется])*. Эта сумма может быть покрыта гонораром за те две книги, что сейчас печатаются. Я полагаю, что Вы согласитесь считать мой гонорар в размере 15% с валовой продажной цены издания, и думаю, что этот гонорар выразится в суммах: для "Далеких и близких" (2000 экз⟨емпляров⟩ по 2 р⟨убля⟩) в 600 р⟨ублей⟩[3], для "Верлена" (1800 экз⟨емпляров⟩ по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ или по 1 р⟨ублю⟩ 60 к⟨опеек⟩, а, может быть, и дороже?) в 400–450 р⟨ублей⟩[4].

Я очень просил бы Вас сделать распоряжение, чтобы в один из первых дней февраля я мог получить свой ежемесячный гонорар[5].

Простите, что пишу, а не заехал лично: весьма занят выпуском февральской книжки "Русской Мысли", которая запоздала.

"Верлена" напечатано (т.е. подписано к печати) *шесть* листов и подготовлено к печати еще три: всего в книге будет свыше 12 лист⟨ов⟩. "Далеких и близких" напечатано тоже *шесть* листов; дальше набирается. В.И. ⟨Воронов⟩, увы! не на высоте положения![6]

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

Машинопись; правка, примечание и подпись – автограф. К письму отнесен фирменный конверт "Московского литературно-художественного кружка".

[1]Речь идет о подготовке десятого "скорпионовского" каталога (М., 1911). В то же время составлялись *СЦ 1911*; Брюсов писал в недатированной записке к упоминаемому в примечании Н.А. Баженову (судя по нескольким документам поляковского архива, если не служившему в "Скорпионе", то имевшему к его делам непосредственное отношение): "Многоуважаемый Н.А. Прилагаю стихи для С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩. А что же Каталог! Сверстано ли! Скажите прислать мне сверстанные листы, и я вставлю в них обещанные рецензии. Ваш В.Б." (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп.3. № 3. Л. 2; записка перенесена в фонд Брюсова из поляковского). Упоминаемой вырезки или копии, посланной Баженову, обнаружить не удалось; однако в каталоге (с. 11) при описании книги Белого дана выдержка из заметки П.А. Флоренского: «Спиритизм, как антихристианство. (По поводу двух поэм: "Лествица". Поэма в VII главах А.Л. Миропольского, 1902. А. Белый, "Северная симфония (1-я героическая), 1903» (*см.: НП*, 1904. Март).

[2]В названном каталоге, при рекламе "Второй книги рассказов" М.А. Кузмина (с. 18–19; книга выпущена "Скорпионом" в 1910 г.), дан отрывок из библиографической заметки Брюсова (Весы. 1907. № 7) о двух петербургских изданиях писателя – о романе "Приключения Эме Лебефа" и сборнике "Три пьесы", увидевших свет в 1907 г.

[3]Тираж и цена книги "Далекие и близкие", указанные Брюсовым, соответствуют данным официальной регистрации. Книга выпущена в конце октября 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 43. 20–27 окт.), год издания на книге – 1912.

[4]Книга брюсовских переводов из Поля Верлена "Собрание стихов" выпущена "Скорпионом" в 1911 г. тиражом 1800 экз., ценой в 2 р.

[5]За плохой сохранностью "скорпионовских" бухгалтерских документов не удалось уточнить размер ежемесячных гонорарных выплат Брюсову. Ср., однако, п. Брюсова Полякову от 25 октября 1912 г.

[6]Книга Верлена имела 12 печатных листов собственно авторского текста, "Далекие и близкие" – 13, в обеих оглавление, список опечаток и т.п. вместе со "скорпионовским" каталогом давали еще по одному печатному листу.

132. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Неаполь, 10 октября 1911.

№ 1

Дорогой Валерий Яковлевич, очень мне стыдно, что до сих пор не послал Вам открыток, но сверх обыкновения я на этот раз не жил на одном месте, а все переезжал и, купив открытки в одном городе, увозил в другой, не использовав. Перед отъездом в Рим прочел начало Вашего романа[1]. Очень интересно изображено у Вас отношения религий.

№ 2

Очень трудно только, мне кажется, Вам будет и дальше также соблюдать нейтралитет. В Риме я решил остановиться после долгих колебаний и лишь на два дня, был лишь в музеях Ватикана, Капелле и Колизее; форум видел только сверху, через Термы – проехал. Соблазнился пойти на выставку картин и был в большом восторге от Зулоаги и Англады[2], которых видел в первый раз. Самое интересное на выставке.

* Квадратные скобки поставлены Брюсовым.

P.S. До скорого свидания. Привет Иоанне Матв⟨еевне⟩. Ваш С.П.
P.P.S. Простите, что посылаю на "Скорпион", забыв ⟨фамилию?⟩ д⟨омовладельца?⟩[3]
P.P.S. Высылаю Вам только теперь "Vérités menteuses", которые я захватил из деревни, чтобы Вам передать, а затем увез сюда и забыл про них. Быть может, они Вам уже не нужны, но да исполнится обещание[4].

С.П.

Две художественные открытки: репродукции помпейских фресок; пронумерованы Поляковым.

[1]Первые главы романа "Алтарь победы" были опубликованы в сентябрьской книге "Русской мысли" на 1911 г.

[2]Речь идет об испанских художниках Игнасио *Зулоаге* (Zuolaga, 1870–1945) и Эрменхильдо *Англаде-и-Камарасе* (Anglada-y-Camarasa, 1872–1959).

[3]Брюсов жил на 1-й Мещанской в доме 32 (Владелец – Иван Козмич Баев).

[4]Неясно, о чем идет речь.

133. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Алупка, 16 окт⟨ября⟩ 1912.

Дорогой Валерий Яковлевич,

шлю Вам привет из Алупки и ⟨нрзб.⟩ воды ее "несравненного Н.Ф. Панина", одинаково прельстительного для дам и мужчин. С удовольствием думаю о возвращении в Москву, где буду не позже 26 с⟨его⟩ м⟨есяца⟩. Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш С. П о л я к о в

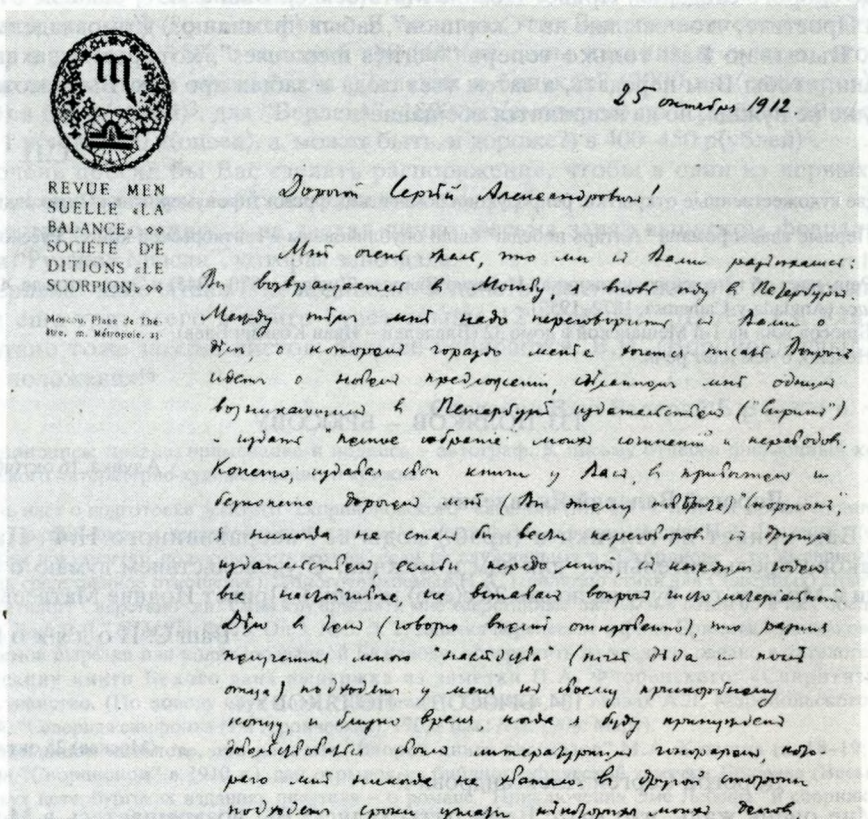
134. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨Москва⟩ 25 октября 1912.

Дорогой Сергей Александрович!

Мне очень жаль, что мы с Вами разъехались: Вы возвращаетесь в Москву, я вновь еду в Петербург. Между тем мне надо переговорить с Вами о деле, о котором гораздо менее хочется писать. Вопрос идет о новом предложении, сделанном мне одним возникающим в Петербурге издательством ("Сирин") издать "полное собрание" моих сочинений и переводов[1]. Конечно, издавая свои книги у Вас, в привычном и бесконечно дорогом мне (Вы этому поверите) "Скорпионе", я никогда не стал бы вести переговоров с другим издательством, если бы передо мной, с каждым годом все настойчивее, не вставал вопрос чисто материальный. Дело в том (говорю вполне откровенно), что разные полученные мною "наследства" (после деда и после отца) подходят у меня к своему прискорбному концу, и близко время, когда я буду принужден довольствоваться своим литературным гонораром, которого мне никогда не хватало. С другой стороны, подходят сроки уплаты некоторых моих долгов, неосторожно сделанных мною, "когда легковерен и молод я был"[2], в том числе брату в 3.000 р⟨ублей⟩ и отцу моей жены – свыше 1.000 р⟨ублей⟩[3]. Таким образом, как это мне ни обидно, я не могу в вопросе об издании своих книг руководствоваться одними своими влечениями (которые не позволяют мне и желать ничего лучше "Скорпиона", кому я был верен со дня его возникновения), но принужден считаться и с условиями издательства.

"Сирин", который безусловно *может* выполнить свои обязательства, предлагает мне: издать в течение нескольких лет (соответственно срокам, когда были выпущены предыдущие издания моих книг) собрание в 27–30 томов (в том числе несколько новых), в 3.000 экз⟨емпляров⟩ (с сохранением матриц для дальнейших изданий), ценою по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ за том, и согласен уплатить мне 25% с номинальной цены издания, т.е. приблизительно 30.000 р⟨ублей⟩, из коих авансом, в день подписания договора, готов выдать мне сумму от 7 до 10 тысяч р⟨ублей⟩[4]. Эти предварительные условия сообщил мне специально для того приехавший ко мне Р.В. Иванов-Разумник, назвавший мне и имена издателей, людей более чем "солидных" в денежном



REVUE MENSUELLE «LA BALANCE» ◇◇ SOCIÉTÉ D'ÉDITIONS «LE SCORPION» ◇◇

Moscou, Place de Théâtre, m. Métropole, 23

25 октября 1912.

Дорогой Сергей Александрович!

Мне очень жаль, что мы и Вами разъехались: Вы возвращаетесь в Москву, а вновь еду в Петербург. Между тем мне надо переговорить и Вами о Вем, о котором гораздо менее хочется писать. Вторично извещаю о новом предложении, сделанном мне одним возникающим в Петербурге издательством ("Сирин") - издать "полное собрание моих сочинений и переводов". Конечно, издавал свои книги у Вас, в приятном и вероятно дорогом мне (Вы знаете почему) "Скорпионе", я никогда не стал бы вести переговоров в других издательствах, если бы передо мной, в каждый почти час не возставал вопрос чисто материальный. Дело в том (говорю вполне откровенно), что ранняя получение мною "наследства" (после деда и моей отца) подходит у меня на весьма критическую пору, и именно время, когда я буду принужден довольствоваться своим литературным гонораром, которого мне никогда не хватало. В другой стороны подходят сроки уплаты некоторых моих долгов, неотложно обязывающих меня, "пока заложником я молодость был", в том числе брату в 5000 р. и отцу моей жены - свыше 1.000 р. Такую сумму, как Вы мне ни обидно, я не могу в. вопрос от издания своих книг руководствоваться одними своими выгодами (которые не позволяют мне и желать лучше "скорпиона", кому я обязан верой и Вы его вдохновителей), но и в "условиях" принудят отказаться и от условий издательства.

Ваш.

ПИСЬМО БРЮСОВА С.А. ПОЛЯКОВУ
Москва, 25 октября 1912 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

отношении[5]. Более подробные сведения я имею получить в Петербурге, куда выезжаю завтра (по делам "Русской Мысли").

Разумеется, такие предложения для автора весьма выгодны. Вы знаете, что 25% с номинальной цены издания – % очень высокий[6], и "Сирин" может его предложить лишь потому, что это – предприятие не коммерческое, а художественное, чуть-чуть не "меценатское". Но, говорю Вам искренно, для меня могут иметь значение не столько самые эти "условия", сколько возможность одновременно получить некоторую, – для меня значительную, – сумму денег, которая мне весьма нужна и которую все равно, если не в этом году, то в следующем, я был бы принужден искать. Однако мне будет очень нелегко пойти навстречу предложениям "Сирина", потому

что они связаны с разрывом моих прямых отношений со "Скорпионом" (хочу надеяться, не с Вами лично, Сергей Александрович?). Не говорю уже о том, что, по правилам простой литературной этики, я считаю своим долгом, прежде какого бы то ни было договора с другим издательством, предложить раньше его условия "Скорпиону", которому я столь многим обязан. Но и, *помимо этого*, мне настолько приятнее, дороже, важнее видеть свои книги в издании Вашего "Скорпиона", чем любого другого издательства, существующего или возникающего, что я готов поступиться многими преимуществами, чтобы только видеть свои стихи и свою прозу с прежней, вечно "любезной" мне маркой звездного неба и двух знаков зодиака.

Вопрос в сущности идет о том, может ли "Скорпион" в какой-либо степени компенсировать мне предложения "Сирина". Иначе говоря, – пожелали бы Вы (если бы предложения Сирина оказались вполне обоснованными) и имели ли бы возможность выдать мне единовременно сумму, приближающуюся к авансу, предлагаемому мне "Сирином", т.е. 7 или хотя бы 6 тысяч рублей, сохраняя за мною при этом дальнейший гонорар в 150–200 р⟨ублей⟩ в месяц[7], так чтобы в течение лет 5 я мог бы получить если не 30.000 р⟨ублей⟩, о которых говорит "Сирин", то хотя бы 18–20 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩. Если бы у Вас была охота и возможность предложить мне что-либо подобное, я, конечно, немедленно прервал бы все дальнейшие переговоры с "Сирином" и был бы от души рад такому исходу дела.

Повторяю, пока я имел только предварительные переговоры. Возможно, что при уяснении деталей, обнаружатся такие факты, такие обстоятельства, которые сделают для меня предложения "Сирина" вообще неприемлемыми. Но, если дело обстоит так, как мне его изложил Иванов-Разумник (т.е. аванс 7–10.000 р⟨ублей⟩ и выплата 15–20 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ в течение 5 лет), мне было бы очень трудно отказаться от такого предложения, не вследствие моей "алчности", но, главное, в виду необходимости расплатиться с долгами и обеспечить себе еще несколько лет сравнительно свободной жизни. Поэтому для меня чрезвычайно важно иметь Ваш ответ на мой вопрос: можете ли Вы, т.е. Ваш "Скорпион", предложить мне что-либо подобное предложениям "Сирина": единовременный аванс в несколько т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ и ежемесячный гонорар в течение 4–5 лет. Я очень прошу Вас, Сергей Александрович, написать мне об этом в Петербург, по адресу "Русской Мысли" (Нюстадская, 6), так чтобы я мог руководствоваться Вашим ответом при моих переговорах с "Сирином". Конечно, если в настоящее время Вы не имеете возможности выдать аванс в таком размере, Вы можете просто телеграфировать мне одно-два слова, и этого будет достаточно, потому что, как я говорил, важнейшим пунктом условий для меня является именно предложение единовременного аванса.

Мне хочется, чтобы Вы верили, что я весьма неохотно приступаю к самым переговорам с другим издательством. Если только предлагаемые им условия не будут, действительно, в такой мере важны для меня, как это мне указывалось, – я, конечно, не позволю себе вступать ни в какие соглашения. Точно так же, если "Скорпион" найдет какую-либо компенсацию к предложениям "Сирина", я буду очень рад воспользоваться именно ею. Только в том случае, если этот "Сирин" действительно предложит мне условия, вполне выручающие меня из тягостного положения, которое скоро мне предстоит, а Вы не будете иметь возможности чем-либо заменить эти условия, я, с величайшей неохотой, буду вынужден пойти навстречу этим Петербургским соблазнам. Но, во всяком случае, я считаю своим долгом, своей обязанностью позаботиться об том, чтобы при возможном моем договоре с новым издательством интересы "Скорпиона", связанные с ранее изданными им моими книгами, не quid detrimenti capiant*. Так, напр⟨имер⟩, переиздание книг, еще имеющихся в "Скорпионе" в значительном количестве, конечно, должно быть отложено на самый конец предполагаемого издания "полного собрания".

Еще раз: мне очень жаль, что приходится обо всем этом говорить письменно. Но я не могу отложить своего отъезда из-за дел "Русской Мысли", и потому мне

* потерпели бы какого-либо ущерба (*лат.*)

приходится просить и Вас о письменном или телеграфическом ответе. Во всяком случае Вы понимаете, как мне важно было бы в близком будущем узнать maximum того, что̀ мне может предложить "Скорпион", так как я всегда буду готов и рад удовольствоваться много меньшим, чем мне предлагает "Сирин", только бы по-прежнему быть издаваемым Вами.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в

Почт. бумага "Скорпион" – "Весы" (франкоязычный вариант). Черновик; вместе с ним в архиве хранится другой, неоконченный вариант – фрагменты из него, имеющие самостоятельное фактографическое значение, приводятся в прим.

[1]Осенью 1912 г. в Петербурге возникло издательство "Сирин". Оно существовало на деньги представителей богатейшей сахарозаводческой семьи – М.И., П.И. и Е.И. Терещенко (о семье Терещенко дают представление воспоминания о другом ее ответвлении: *Егоров И.В.* От Монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 138–149). Ближайшее участие в делах издательства принимали А.М. Ремизов, А.А. Блок и Р.В. Иванов-Разумник, который стал его фактическим руководителем. В первую очередь "Сирин" приступил к изданию сочинений Ф. Сологуба, Ремизова, о том же велись переговоры с А. Белым и Блоком, был выпущен альманах "Сирин". Издание брюсовского собрания сочинений намечалось, несомненно, еще на организационных собраниях: «Основание издательству "Сирин", – писал Ремизов, – положено было 10-го октября в среду» (*ЛН*. Ф. 92. Кн. 2. С. 371), а в конце десятых чисел уже велись переговоры с Брюсовым. В связи с войной М.И. Терещенко все свои усилия и денежные средства сосредоточил на помощи фронту, широко развернутое издательство уже с января 1915 г. приостановило деятельность "на все время войны" (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 441), как оказалось – навсегда. Ни одно собрание сочинений не было доведено до конца, Брюсов к этому относился как к катастрофе (см. подробнее: *ЛН*. Т. 27–28. С. 498–502).

[2]Из стихотворения Пушкина "Черная шаль" ("Гляжу, как безумный, на черную шаль...").

[3]В неоконченном варианте этого письма немного иначе: "⟨...⟩ подходят сроки моей расплаты по некоторым долгам ⟨...⟩, в том числе с моим братом, которому я должен по векселю свыше 3.000 р⟨ублей⟩".

[4]В неоконченном варианте условия менее выгодны: «"Сирин" ⟨...⟩ предлагает мне издать ⟨...⟩ 25–27 томов, по 2.000 экз⟨емпляров⟩, по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ в продаже, и предлагает мне 25% с номинальной стоимости, что составляет в общем приблизительно 20.000 р⟨ублей⟩ – 21.000 р⟨ублей⟩, из коих авансом, в день подписания договора, готов выдать мне *до половины* всей суммы 8–10.000 р⟨ублей⟩».

[5]Уже 20 октября 1912 г. Иванов-Разумник телеграфировал Брюсову: "Буду воскресенье два часа дня" (*ГБЛ*. Ф. 386, 148.90), т.о. встреча должна была состояться 22 октября.

[6]Ср. в неоконченном варианте: «⟨...⟩ условия этого "Сирина" и вообще весьма щедры (25% с номинальной цены есть % ⟨...⟩ исключительный». В "Скорпионе" Брюсов получал 15% – см. его п. от 31 января 1911 г. (однако, неизвестно, обычное ли это гонорарное условие, или относится только к определенному периоду сотрудничества писателя с издательством).

[7]После заключения договора с "Сирином" Брюсов получал от него ежемесячно по 300 рублей (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 88.1. Л. 5, 17, 28, 35).

135. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

2/15 июля 1913/Гаага ⟨Mauritshuis – *s-Gravenhage*.⟩

Дорогой С.А.!

Шлю Вам привет из Гааги, в надежде, что Вы уже в Москве. Смотрю на море, на деревянные сабо и на голландские женские чепчики. Типы женщин точь-в-точь из Рубенса, немного из Метсу[1]: мужчин – из Рембрандта. Пытаюсь лепетать по-голландски. Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо. Думаем отсюда ехать в Бальмонтовский "Тихий Амстердам"[2].

Ваш В.Б.

Художественная открытка – репродукция с картины Рембрандта "Урок анатомии". В угловых скобках – печатный текст, курсив – Брюсова. – Большое количество "реликвий" от поездки по Голландии *ГБЛ*. Ф. 386, 136.11.

[1]Габриель *Метсю* (Metsu, или Metsue, 1629–1667) – голландский жанрист.

[2]См. стихотворение Бальмонта "Воспоминание о вечере в Амстердаме" ("О, тихий Амстердам..." – сб. "Горящие здания").

136. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Рим. 28 дек⟨абря⟩ 1913 / ⟨10 января 1914 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

поздравляю и желаю Вам и Иоанне Матвеевне. Очень неловко, что не послал Вам

С.А. ПОЛЯКОВ

Фотография. Венеция. 1912

Литературный музей, Москва

раньше открытки, пришлю из Палермо адрес, напишите, не гневаясь на меня, о Москве. Софья Ромуальдовна присоединяется к поздравлению.

Ваш С. П о л я к о в.

Художественная открытка: репродукция старинной гравюры с видом руин храма Сивиллы в Тиволи. Дата по н. стилю — почт. шт.

137. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

18 ⟨февраля⟩/3 марта 191⟨4⟩ г. Валлетта, пароход Сонари

Дорогой Валерий Яковлевич,

шлю привет Вам с острова Мальта: очень интересное место. Здесь и восток (женщины из фаты сделали себе очень оригинальное головное украшение), и Испания (типы женщин и закрытые балконы), и Англия (полицейские лондонские), а язык восточный – мальтский...

С.П.

Одна из главных достопримечательностей Валлетты: истинно художественное произведение из человеческих костей.

Раскрашенная фотооткрытка – "Капелла черепов" (капелла на Мальте, все убранство которой состоит из человеческих черепов и костей).

138. БРЮСОВ – ПОЛЯКОВУ

⟨6 октября 1916 г.⟩

Дорогой Сергей Александрович!

Позвольте рекомендовать Вашему вниманию профессора (Сербского университета) Радована Кошутича. Г. Кошутич желал бы побеседовать с Вами о вопросах, которые, конечно, живо заинтересуют Вас: о русском произношении и т.под.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в

6 окт⟨ября⟩ 1916.

Приложен личный конверт Брюсова, с синим штемпелем: Валерий Яковлевич // Брюсов // Москва // Мещанская, 32.

Радован *Кошутич* (Кошутић, 1866–1949) – сербский славист, много занимавшийся фонетикой русского литературного языка и метрикой; мировая война застала его в России, на родину он смог возвратиться только в 1919 г. Среди брюсовских бумаг сохранилась визитная карточка Кошутича (*ГБЛ*. Ф. 386, 150.6).

139. ПОЛЯКОВ – БРЮСОВУ

Санаторий "Сергиево", 1 ноября 1921 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

по своей обычной медлительности я, месяц тому назад, перед отъездом в Санаторий, не успел послать условленного между нами извещения, а отправил его Вам уже только из санатория. Но и это извещение до Вас не дошло, как я узнал о том от моего сына, который должен был передать его Вам. Письмо затерялось на пути между Сергиевым и Москвой – обычная история в здешней почтовой практике. Сейчас посылаю Вам сохранившуюся у меня копию того письма, свидетельство же от доктора перешлю, как только выяснится на днях, на очередном приеме у доктора, буду ли я оставлен здесь еще на дальнейшее лечение. Я здесь поправляюсь и надеюсь явиться в Москву с действительной способностью что-нибудь делать.

Шлю Вам искренний привет. До скорого свидания, надеюсь.

Ваш С. П о л я к о в

Приложение:

Санаторий "Сергиево", 24 сент⟨ября⟩ 1921 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

После долгих стараний и испытаний я, наконец, попал в санаторий, куда меня еще в июне посылали врачи после бывших у меня двух приступов обострения туберкулеза легких. Здесь я пробуду не менее месяца, на какой срок и прошу считать меня в отпуске. Благодаря неожиданности моего отъезда я не успел известить Вас о нем, находясь еще в Москве. В случае надобности могу доставить теперь же или по приезде свидетельство от здешнего врача.

Адрес мой следующий: ст. Сергиево, Сев⟨ерной⟩ж/д. Санаторий – "Сергиево", почт⟨овый⟩ ящ⟨ик⟩ № 8.

Мой искренний привет Вам.

С. П о л я к о в.

Оба письма на почт. бумаге "Скорпион" – "Весы" (реквизиты по старой орфографии, текст писем – по новой).

Уточнить, какое учреждение имеется в виду, не удалось, скорее всего, какое-то из подразделений Наркомпроса; приложенный к письму конверт адресован Брюсову в "Дворец искусств".

ПЕРЕПИСКА С А.М. РЕМИЗОВЫМ (1902–1912)

Вступительная статья и комментарии А.В. Лаврова
Публикация С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) принадлежит к довольно большому числу тех писателей символистского окружения, чье вступление в литературу происходило при самом непосредственном содействии Брюсова. Значительная часть их переписки относится к той поре, когда Ремизов совершал свои первые, во многом еще безуспешные шаги на поприще писательской и переводческой деятельности. Роли в этом эпистолярном диалоге с самого начала распределились вполне однозначно: Брюсов – "мэтр" "нового искусства", искушенный ценитель и требовательный критик, стоящий у врат символистской цитадели; Ремизов – неофит символизма, упорно и настойчиво стремящийся в эти врата проникнуть, быть принятым в кругу "избранных" и понимающих. Печать этой изначальной субординации сохранялась в их отношениях и переписке даже в ту пору, когда Ремизов уже стал общепризнанным мастером слова и его известность и занимаемое им место в литературе стали вполне соотносимыми с престижем Брюсова.

История общения Брюсова и Ремизова не богата событиями, она никогда не завязывалась узлами, которые выразительно могли охарактеризовать особенности их литературно-эстетической позиции или индивидуального человеческого облика. Составляющие эту историю крупные и мелкие факты с достаточной полнотой запечатлелись в переписке, поэтому здесь нет необходимости восстанавливать во всех подробностях событийную канву, достаточно выделить только наиболее существенные акценты, проясняющие тональность переписки и взаимоотношений двух крупных писателей начала XX в.

Брюсов был одним из первых столичных профессиональных литераторов, с которыми познакомился Ремизов. «В первый раз напечатали мой рассказ в "Курьере" (московская газета с участием Горького и Л. Андреева) в 1902. И в этом же году об эту пору познакомился я с В.Я. Брюсовым, который принял меня в "Северные Цветы"», – писал Ремизов в автобиографии[1]. "Плач девушки перед замужеством" Ремизова был опубликован в "Курьере" 8 сентября 1902 г., 22 сентября там же были напечатаны еще два ремизовских стихотворения в прозе – "Мгла" и "Осенняя песня", а личное знакомство с Брюсовым состоялось 1 ноября. Дневниковая запись Брюсова об этой встрече, насыщенная обычным для него ироническим скепсисом, передает впечатления от общения "с целым рядом новых и молодых": "Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. Этот Ремизов немного растерянный, маньяк, если не сыщик"[2]. С первой встречи Брюсов определил Ремизова в ряд второстепенных начинающих авторов, в отличие от Блока и Андрея Белого, которых он сразу выделил из большого числа "новых и молодых". Однако и Ремизов его по-своему заинтересовал – прежде всего своей принадлежностью к кружку вологодских ссыльных. О повторной встрече с Ремизовым (6 ноября) Брюсов записал: «... виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды. Пришел к "нам" из крайнего красного лагеря. Говорил интересное о Н.Бердяеве, Булгакове и др. своего, Вологодского кружка»[3].

Вологодский кружок политических ссыльных действительно был в начале 1900-х годов одним из самых примечательных объединений русской оппозиционной интеллигенции. "Колония вообще была очень многочисленной и жила интенсивной общественной и умственной жизнью", – отмечает А.В. Луначарский[4]. К тому времени в среде ссыльных еще не произошло неизбежного расслоения, которое отчетливо обозначилось в ходе революции 1905 г., а после Октябрьской революции окончательно развело бывших вологодских поселенцев. В колонию входили А.В. Луначарский, А.А. Богданов (Малиновский) и другие социал-демократы, составлявш-

А.М. РЕМИЗОВ

Фотография. Пензенский тюремный замок, 1899
Центральный архив литературы и искусства, Москва

шие, по свидетельству Луначарского, "количественно и качественно самую сильную группу в Вологде"[5]; один из создателей боевой организации социалистов-революционеров – Б.В. Савинков и его жена Вера Глебовна, дочь Г.И. Успенского; друг и сподвижник Савинкова И.П. Каляев, часто приезжавший из Ярославля; один из идеологов "легального марксизма", философ-идеалист, а впоследствии религиозный мыслитель – Н.А. Бердяев; будущий известный историк и литератор П.Е. Щеголев и многие другие. В мемуарной книге "Иверень" Ремизов с полным основанием окрестил Вологду тех лет "Северными Афинами": «...в начале этого века ⟨...⟩ таким именем "Афины" звалась ссыльная Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!»; «Все книги, выходившие в России, в первую голову посылались в Вологду, и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же П.Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д.В. Философов, он высылал "Мир Искусства", А.А. Шахматов, П.Б. Струве, Д.Е. Жуковский, а из Москвы – В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно "прямой провод"»[6].

Ремизов появился в Вологде, уже имея за плечами тяжелый опыт пребывания в тюрьмах и ссылках: арестованный в Москве 18 ноября 1896 г. как "агитатор" на студенческой демонстрации, он был исключен из университета и выслан в Пензенскую губернию на два года под гласный надзор полиции; в Пензе принял участие в организации Пензенского рабочего союза, распространял прокламации и нелегальную литературу и поплатился за это – после полуторагодового следствия и нескольких месяцев одиночного заключения – ссылкой в Усть-Сысольск Вологодской губернии на три года[7]. Общение с вологодскими ссыльными помогло ему, начавшему писать еще в конце 1890-х годов, найти пути в литературный мир: и Луначарский, и Щеголев, и Савинков к тому времени уже печатались в столичных периодических изданиях и имели определенные связи; при этом Щеголев и Савинков тяготели к "новому искусству", которое служило Ремизову образцом в его литературных опытах. «Сделавшись писателем, – вспоминал Ремизов, – я, с "разрешения" Щеголева и Савинкова, задумал проехать в Москву на литератур-

ные разведки. Увижу двух демонов: Леонида Андреева и Валерия Брюсова. Л.Андреев заведовал литературным отделом в "Курьере", он и пропустил мою Эпиталаму ⟨...⟩ А Брюсов – декадентское издательство "Скорпион", сборники "Северные цветы" – как раз по мне и "скорпион" и "цветы"»[8].

Разумеется, при первых встречах Ремизов был интересен Брюсову прежде всего особенностями своей биографии: в 1902 г. русские "декаденты" еще не числили в узком кругу своих последователей и почитателей "политических преступников". «Впервые в окружении Брюсова появился человек, который не понаслышке, а по собственному опыту знал, что такое политическая борьба и политическая репрессия в условиях полицейского произвола, – так оценивает появление Ремизова в "Скорпионе" современный исследователь. – Голос его не был голосом зрелого политика и профессионального революционера. Ремизов был скорее жертвой режима ⟨...⟩ И тем не менее, как фактический участник движения, как умственный протестант и зоркий, правдивый свидетель происходящего в "красном лагере", он стал для Брюсова настоящим открытием. Ремизов знал в подробностях ту действительность, о которой только догадывался автор "Каменщика" ⟨...⟩ »[9]. Но в судьбе Ремизова знакомство с Брюсовым сыграло еще более значительную роль. Хотя Брюсов с самого начала не выказывал восторженного отношения к его творческим опытам и принимал ранние произведения Ремизова с большой избирательностью, все же в его лице начинающий писатель нашел единомышленника по многим литературно-эстетическим вопросам, а главное – инициативного литератора, способного открыть обнадеживающие перспективы.

Первые годы творческой деятельности Ремизова отмечены упорными, многочисленными и, как правило, безуспешными попытками опубликовать свои произведения. Письма его к Брюсову 1902–1904 гг. изобилуют примерами подобного рода. Лишь малая часть написанного и переведенного Ремизовым в начале 1900-х годов увидела свет, значительное количество этих опытов не сохранилось даже в рукописи. Будучи поначалу не связанным принадлежностью к какой-либо определенной литературной группировке, Ремизов предлагал свои произведения в печатные органы самых различных убеждений и репутаций – в издания "традиционалистские" и модернистские, "направленческие" и не имевшие отчетливо сформулированной программы, высокопрестижные и нетребовательные провинциальные. Почти во всех случаях ответ следовал однозначный: отказ публиковать либо без мотивировки причин, либо с указаниями на непонятность, необычность, экстравагантность произведений Ремизова, в особенности его стихотворений и поэм в прозе, на боязнь отпугнуть ими читательскую аудиторию. "Ваши стихи вследствие очень уж их странного характера пойти не могут", – писал, например, Ремизову секретарь редакции "Курьера" И.Д. Новик[10]. Даже сочувственно относившийся к исканиям Ремизова Н. Минский с осторожностью писал ему о его стихотворениях в прозе: "... высказать о посланных решительное мнение боюсь. Сильный язык, полная свежесть образов – все это подкупает меня. Но многих мест я не понял"[11].

Некоторые стихотворения в прозе Ремизова все же были опубликованы в ярославской газете "Северный край", благодаря ходатайствам И.П. Каляева, служившего там корректором, и А.В. Тырковой[12]; некоторые – в херсонской газете "Юг"[13]; другие его творческие опыты также проникали – время от времени и в результате большого отбора – в печать, в значительной мере благодаря приобщенности Ремизова к колонии вологодских ссыльных. В воспоминаниях Ремизов, в частности, излагает предысторию своего литературного дебюта: «В Вологду по "конспиративным" делам приехала Лидия Осиповна Цедербаум (Дан), сестра Юлия Осиповича Мартова. Я познакомился с ней у Савинкова. Она и была проводником меня и Савинкова в литературное святилище ⟨...⟩ Из Вологды она поедет к Горькому в Арзамас: Савинков дал ей ⟨...⟩ мою "декадентскую" Эпиталаму и мой рассказ "Бебка" ⟨...⟩»[14]. Но даже "благоприятные" для радикальных изданий обстоятельства биографии Ремизова не всегда способствовали выходу в свет произведений. Упомянутый рассказ "Бебка" был опубликован в "Курьере"[15] (Горький переслал рукописи Ремизова из Арзамаса в Москву Л. Андрееву, который и рекомендовал их к печати), но ранее был отвергнут народническим "Русским богатством", куда он был представлен Б.В. Савинковым, уже печатавшимся в этом журнале[16]. В.Г. Короленко писал Ремизову от имени редакции (Полтава, 4 сентября 1902 г.):

«Милостивый Государь Алексей Михайлович.

Очерк Ваш "Бебка" ⟨sic!⟩, присланный мне Вашим товарищем Б. Савинковым, я прочел. Для журнала он не подходит уже по своей миниатюрности. Написан очерк литературно, но это как будто запись слов и движений одного ребенка, не переработанная в художественный типический образ.

Всего хорошего. Вл. Короленко»[17].

Миниатюрность, сюжетная непритязательность, а главное – специфическая "детскость", наивная непосредственность иных повествовательных произведений Ремизова, не отвечавшие строгим требованиям общественного предназначения литературы, зачастую были не менее серьезным камнем преткновения, чем усложненная образная ткань, композиционная хаотичность ("тарабарщина", по юмористическому определению самого Ремизова[18]) и нарочитое сгущение эмоциональных красок, характерные для его "лирических" опытов. Настроения отчаяния, которые преобладали, в частности, в прозаической поэме Ремизова "В плену", отразившей опыт его тюремной и поднадзорной жизни, вызвали резкое неприятие М. Горького: "Похоже на истерические вопли, и не думаю, чтобы способствовало оно подъему духа человеческого на должную, для борьбы за жизнь, высоту"[19]. Ни "наивные", ни исхищренные на типично "декадентский" лад произведения Ремизова не могли найти себе понимания и одобрения в среде писателей-реалистов, к которой начинающий писатель поначалу готов был примкнуть: "наивные" рассказы были неинтересны, "декадентские" экзерсисы – неприемлемы. Позднее Ремизов заключал: "Старшее поколение писателей: Короленко, Горький, Леонид Андреев, Бунин, Куприн, Серафимович и другие прославленные относились к моему отрицательно"[20]. Признания своих творческих опытов Ремизов с бóльшим основанием мог ожидать в кругу издательства "Скорпион", с которым пытался наладить связь еще до своего приезда в Москву в ноябре 1902 г.: первое письмо Брюсова к Ремизову, направленное в Вологду в середине сентября 1902 г., предшествовало их личному знакомству и содержало ответ на просьбы о книгах и оттисках статей.

Свою первую встречу с Брюсовым 1 ноября 1902 г. Ремизов в подробностях охарактеризовал в этот же день в письме к П.Е. Щеголеву. Письмо это любопытно, в частности, тем, что Ремизов воспроизвел в нем в лаконичной форме некоторые суждения, высказанные Брюсовым в беседе:

«Видел Брюсова.

Смуглый с черными сливающимися бровями, довольно тонкий с черной круглой бородой, в черном сюртуке и черном галстуке.

Застенчив, когда говорит, кажется, слова раздвигают красные губы.

Пришел в 12 ч., принял в своем кабинете в роде Вашей комнаты у ⟨*1 нрзб.*⟩; аккуратно расставлены книги по полкам, висит портрет Тютчева, на столе Вл. Соловьев и листы "Будем как солнце".

Очень удивился просьбе прислать сочинения по литературе. Специалистом не считает себя, писал, изучая интересующие его литерат⟨урные⟩ явления.

Сейчас готовит книгу, которая ничего не имеет общего с "Рус⟨скими⟩ символистами" (вып. I и II), которых он пережил.

"Я и Бальмóнт" – эта фраза очень часто повторялась у него, особенно по поводу критики новейшей рус⟨ской⟩ поэзии.

Миропольский (Березин) – не так, чтобы очень важный, Добролюбов – подвижник (на поруках у матери в Петер⟨бурге⟩), Ф. Соллогуб* – застыл.

Об остальных не расспросил, пойду в среду вечером, специально для разговора.

"Новый путь" набраны первые листы, в январе выйдет, религиоз⟨но⟩-литер⟨атурный⟩ журнал, Мережковского.

Бальм⟨онта⟩ и Брюсова "допускают" к Ясенскому[2*] в его "очень посредственный" журнал "Ежемес⟨ячное⟩ Обозрение" и т.д. ⟨...⟩

P.S. Показывал Брюсов обложку для "Будем как солнце". Да-да – меня очень порадовало, что у него такое отношение к внешности.

Очень жаль, что в Москве у нас не было знакомых, оказывается, переводы из "Serres chaudes" нужны были Минскому, и он долго не мог достать их»[21].

Через Брюсова Ремизов познакомился с другими представителями издательства "Скорпион"; поощренный Брюсовым, он направил свои рукописи в журнал "Новый путь", где в 1903 г. часть из них была напечатана: цикл "На этапе" (№ 3) и рассказ "Медведюшка" (№ 6), – в годовом обзоре русской литературы для журнала "The Athenaeum" Брюсов отметил эти публикации в числе "удачных выступлений"[22]. Свои переводы стихотворений М. Метерлинка из книги "Теплицы" ("Serres chaudes"), о которых Ремизов упоминает в письме к Щеголеву, ему также удалось опубликовать[23]. После московских встреч с Брюсовым и его литературными соратниками

---

* Сохраняем авторское написание фамилии через два "л".

2* Сохраняем ошибку Ремизова в написании фамилии "Ясинский".

в ноябре 1902 г. Ремизов вполне уже мог считать себя приобщенным к "скорпионовской" группе авторов.

Предпринимая последующие шаги на писательском поприще, Ремизов неизменно возлагал на "Скорпион" самые большие надежды, видя в нем наиболее близкое себе издательское объединение. На какое-то время Брюсов становится для Ремизова своего рода путеводной звездой в хитросплетениях литературной жизни: письма Ремизова к нему из Вологды, Херсона, Киева пестрят расспросами, просьбами о содействии или о совете; более всего они, естественно, полны забот о напечатании ремизовских произведений или переводов. Присущие Ремизову застенчивость, житейская неприкаянность и "униженность", нередко превращавшиеся в сознательно выбранную и устраивавшую его самого маску, сказываются в этих письмах также в полной мере. Брюсов в своих ответах не проявляет той аккуратности и отзывчивости, которых, возможно, ожидал от него Ремизов, многие заданные ему вопросы вообще оставляет без внимания, и это объяснялось, безусловно, не только его постоянной перегруженностью литературными делами, но и весьма сдержанным отношением к предложениям и хлопотам своего корреспондента. Бесспорно, что Брюсов в 1903–1904 гг. не включал Ремизова в "актив" "скорпионовской" группы символистов и склонен был публиковать и пропагандировать его произведения лишь после строгого и взыскательного отбора, в сравнительно малых дозах[24]. В том, что Ремизова не особенно охотно и часто печатали в "Скорпионе" и "Весах", сказывалось и неприятие его творчества руководителем издательства С.А. Поляковым (см. п. 39); в частности, этим могло объясняться отсутствие ремизовских произведений в "Весах" в 1906–1908 гг., когда в журнале был введен беллетристический отдел (к этой поре издания относится замечание Брюсова о том, что Поляков в "Весах" "лично заведует отделом беллетристики"[25]). В таких обстоятельствах особенно примечательно стремление Ремизова сохранить свою причастность к брюсовской группе, как к наиболее значимому и авторитетному для него литературному объединению: в ситуации конкурентного противостояния между "Скорпионом" и издательством "Гриф" он предпочитает напечатать свои вещи в "скорпионовском" альманахе (п. 42), позднее по первому же предложению Брюсова без колебаний отдает рассказ "Жертва" в "Весы", хотя этот жест грозит ему осложнением отношений с журналом "Золотое руно", часто и охотно, в отличие от "Весов", публиковавшим его произведения (п. 70).

ПОДПОЛЬЕ

Рисунок А.М. Ремизова. Вологда, 1903

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Сдержанность Брюсова в отношении Ремизова вполне объяснима. Тот творческий профиль писателя, который позволяет говорить о нем как об одном из крупнейших русских прозаиков начала XX в., ярком и самобытном художнике слова, на новый лад развивавшим традиции Гоголя, Достоевского, Лескова, писателей-шестидесятников, в первые годы его литературной деятельности еще не определился. Ранний Ремизов находился лишь на подступах к той индивидуальной манере письма, которая принесла ему признание; будущий Ремизов обнаруживал себя в этих опытах лишь отдельными проблесками. Если творчество зрелого Ремизова позволяет даже говорить о нем как о писателе, занимающем своеобразное "промежуточное" положение между символизмом и реализмом[26], то ранние его произведения вполне однозначно – в основной массе своей – соотносятся с модернизмом в специфически "декадентском" обличье. Ориен-

тация Ремизова на декадентство была вполне целенаправленной и демонстративно выраженной. "Ношу кличку декадента и не жалуюсь", – заявлял он, например, в письме к Ф.Ф. Фидлеру 9 января 1906 г.[27] "Декадентство" Ремизов трактовал, впрочем, весьма расширительно: «То, что называется "декадентством", охватывает и реальные сюжеты, лишь бы они открывали новое, связывали это новое с смыслом бытия. В таком смысле писал Достоевский, Л. Толстой, Ибсен»[28]. Однако тематическим и стилевым ориентиром для раннего Ремизова было именно декадентство в узком смысле этого термина, характерное для литературного процесса рубежа веков.

Вступая в литературу, Ремизов еще не вполне обрел и осознал себя как творческая индивидуальность; наибольшие надежды он возлагал на те писательские опыты, в которых был и наиболее уязвим. Не поддаются полному учету предпринятые им с различных языков многочисленные переводы, которым он – чаще всего тщетно – пробивал дорогу в печать; профессиональным требованиям эти плоды его труда, отнимавшие немало времени и сил, как правило, не удовлетворяли. "Переводчика из него не вышло, – заключает Н.В. Кодрянская. – Он заметил, что чем больше трудится над переводом, тем больше вносит своего, глушит оригинал своим голосом"[29]. Если в переводах было слишком много самого Ремизова, то его ранние оригинальные вещи страдали изобилием заемного, наносного, несмотря на все стремление писать сугубо индивидуальным "ладом". В первую очередь это относится к стихотворениям и поэмам, написанным ритмической прозой, в которых более всего заметно воздействие Станислава Пшибышевского, ставшего кумиром Ремизова в вологодский период его жизни и образцом в собственных литературных опытах. Творчество польского модерниста, пользовавшееся в России в 1900-е годы чрезвычайно высокой популярностью[30], было не свободно от примет вульгарного, расхожего декадентства, от выспренности и ложной многозначительности, нарочитой усложненности образных ассоциаций, и все эти особенности писательской палитры Пшибышевского характерны в полной мере для раннего Ремизова, заключая в себе, по единодушному мнению писателей и критиков, наиболее ущербную сторону его произведений[31]. Вынесенное Ремизовым в ходе мучительных, трагических столкновений с действительностью представление о жизни как о кошмаре, алогичном бреде и ужасе, терзающем человека, побуждало прибегать и к соответствующим средствам художественного выражения: стихотворения и поэмы в прозе Ремизова представляют собой по большей части стихийный, неорганизованный поток эмоций, как бы несущийся по собственной воле, движимый внутренней энергией, без учета художественно-композиционной логики и привычных законов восприятия.

Показательный образец "лирического" стиля раннего Ремизова – этюд, навеянный впечатлениями от знаменитой картины Врубеля "Демон поверженный", экспонировавшейся в Москве на выставке "Мир искусства", открывшейся 16 ноября 1902 года. Потрясенный этим произведением и выраженной в нем трагедией человеческого духа, Ремизов попытался воссоздать в словесной форме некий эмоциональный и смысловой эквивалент миру врубелевских красок, каким он его чувствовал и понимал. Собственная боль и подлинные переживания пробиваются здесь у Ремизова сквозь толщу надрывно-экспрессивной фразеологии, заимствованной у Пшибышевского. Литературные опыты подобного рода либо остались в рукописи, либо затеряны в периодике начала века, сам автор если и печатал их впоследствии, то в кардинально переработанном виде, поэтому, чтобы отчетливее представить себе доминирующую стилевую манеру Ремизова в начальный период его творчества, приведем "Демона" целиком[32].

ДЕМОН

(к картине Врубеля)

Ночь волнистою, темною, душною грудью мира коснулась,
лики земные дыханием тусклым покрыла.
Здания спящие, башни зорко-томящихся тюрем, дворцов
и скитов безгрёзною, бледною тишью завеяны.
Не услышат, не пронзятся стуком сердца моего.
Оно бьется, оно рвется, оно стонет.
Не услышат..
В оковах забот люди застыли, в кошмарах задыхаясь
нужды, нищеты.
И ржавое звяканье тесных молитв завистливых
скорбно ползет дымом ненастным по крышам.
А судьба могилы уж роет и люльки готовит и золото
сыплет и золото грабит.

Не услышат, не пронзятся стуком сердца моего.
Оно бьется, оно рвется, оно стонет.
Не услышат...

*

Полночь прошла.
Изнемогая в предутреннем свете, время устало несется.
Мне же, незримому здесь в этот час, жутко и холодно,
жутко и холодно.
Отчего не могу я молиться родному и равному, но из
царства иного?
Царство мое – одиночество – одиночнее, глубже.
Люди и дети и звери мимо проходят, мимо с проклятьем
и страхом.
Я в волны бросился, в волны речные, земные.
Ты мне скажи, ты не забыла, ты сохранила
образ мой странный и зов мой, зов в поцелуе?
Да, сохранила, я знаю...
И ушла с плачем глухим в смелом сердце своем.
А мое разрывалось...
Так в страсти, любви к страсти, любви прикасаясь, – я
отравляю.
Даже и тут одинок: слышу тоску и измену и холод
в редких и долгих лобзаньях.
А сердце мое разрывалось.

*

Алые ризы утренних зорь загорелись.
И черные волны морей в пурпурных гребнях затлелись.
Устами прильнули вы, люди, к седым пескам
пустынь своих повседневных,
ищете звонких ключей в камнях стальных,
в мечты облекаетесь в мутные, блёклые!
У меня есть песни!
Хоры песен истомленных, пышных я несу в тайне, молча!
Ливнем звуков мир кроплю!
Слышите голос мой – кипение слёзное? ..
Затаились, молчите в заботах, в невзгодах.
Алые ризы утренних зорь кровью оделись.
Царство мое – одиночество – еще углубилось,
словно золото облачных перьев крепкою бронью
заставило путь между мною и вами.
Так вечно, всю мою жизнь...
А кто-то живет, мечтая, надеясь и здесь и на небе!
Так вечно, всю мою жизнь,
вечно желать безответным желаньем,
скорбь глодать и томиться.
Власть и тоска!
Тоска беспросветная, горькая
и одинокая...

Именно в произведениях "исключительной формы", подобных "Демону", Ремизов, начиная литературный путь, усматривал наиболее значительные свои творческие достижения. Однако его ритмизованные поэмы и стихотворения отвергались не только "традиционными", но и модернистскими изданиями; ремизовские опыты подобного рода отпугивали своим надрывным пафосом, "чрезмерностью" художественных красок, им предпочитали "беллетристические"

миниатюры писателя – ростки его позднейшего зрелого творчества[33]. Брюсов, при всей своей принципиальной установке на модернизм, в том числе и на модернистские "крайности", также относился достаточно настороженно к "лирическим" произведениям Ремизова; их косвенная оценка заключена в его кратком отзыве о ремизовском рассказе "Медведюшка", помещенном в "Новом пути": "Ремизов ⟨...⟩ читаемее, чем обычно. Но все же трудно..."[34].

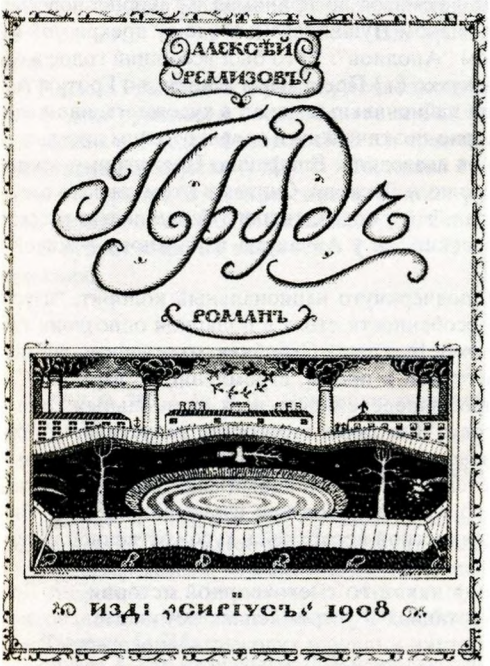
Думается, что "нечитаемость" поэм и стихотворений Ремизова заключалась для Брюсова не только в сумбурности их содержания и нечеткости формально-композиционного рисунка, но и в определенной идейно-эстетической тональности. Ранний Ремизов мог бы стать для Брюсова полноправным и ценимым литературным сподвижником в пору издания сборников "Русские символисты"; внутренний пафос ремизовских лирических медитаций был вполне созвучен настроениям, которые воплотились в брюсовских стихотворениях середины 1890-х годов:

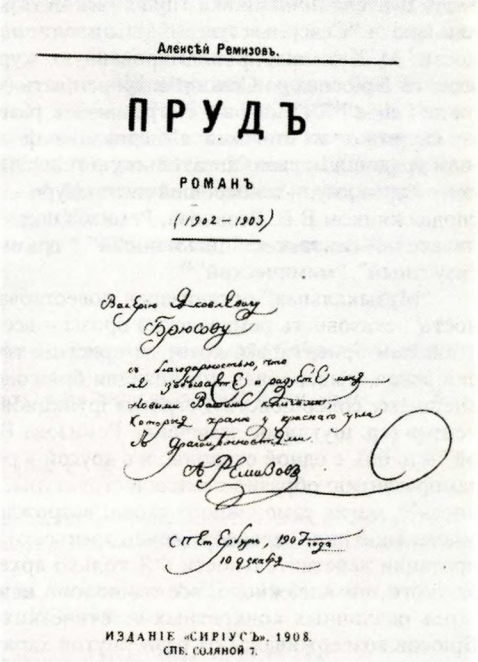
Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной –
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

("Свиваются бледные тени...", 1895; I, 89).

Однако в начале века Брюсов ставил уже совсем иные литературные задачи, горизонты его творчества раздвинулись, поэтическое мировидение обогатилось и усложнилось. В такой ситуации индивидуалистический пессимизм и декадентская аффектация, невнятные "надмирные" томления и натуралистические детали, сигнализирующие о "демонических" началах бытия, которые сказывались в его произведениях 1890-х годов и которыми в избытке были насыщены ремизовские опыты, заключали в себе для Брюсова уже известный анахронизм. Брюсов напечатал в "Весах" в 1904–1905 гг. несколько корреспонденций Ремизова, однако риторика в духе провинциального декаданса, которой не избежал писатель в статье о деятельности "Товарищества новой драмы", рассуждая о миссии модернистского театра ("... назначением его должно быть изображение той борьбы и томлений и тех ужасных криков, что горячими потоками необузданно с шумом погибающих водопадов, сокровенно с грозовым затишьем молитвы, от отчаяния изнывающей, выбиваются из груди человеческой, живут и плавят и точат сердце человеческое, придавленное всею тяжестью повседневной жизни" и т.д.[35]) не могла его не покоробить, несмотря на все сочувствие основному пафосу ремизовского выступления. Новая корреспонденция Ремизова на ту же тему, представленная им в "Весы", в журнале не появилась (см. п. 38). После переезда Ремизова в начале 1905 г. в Петербург даже эпизодические его выступления в "Весах" на долгое время прекратились. Брюсов отрицательно расценил роман Ремизова "Пруд" в его первопечатной редакции, публиковавшейся в 1905 г. в журнале "Вопросы жизни". "Как плохи романы Ремизова и Сологуба!" – восклицал он в письме к жене от 23 июля 1905 г.[36] Если отношение Брюсова к сологубовскому "Мелкому бесу" в данном случае может вызвать недоумение, то оценка романа "Пруд", представлявшего собой квинтэссенцию ремизовского повествовательного стиля в ранний период творчества писателя, не является неожиданной.

Преодоление Ремизовым декадентского "лиризма" и постепенный поворот к "объективной" манере повествования и обретению собственного стиля, которым отмечено его творчество второй-половины 1900-х годов, встретили у Брюсова сочувственную оценку. Он высоко отозвался о сказках из книги "Посолонь" (п. 65), ставшей первым крупным и безусловным литературным успехом Ремизова. Брюсов входил в состав жюри на конкурсе "Золотого руна", присудившего в декабре 1906 г. премию рассказу Ремизова "Чертик" – одному из первых произведений, в которых уже были налицо особенности его зрелой повествовательной манеры. За "Чертиком" последовали такие замечательные рассказы Ремизова, как "Занофа", "Суд Божий", "Царевна Мымра", "Жертва" и другие, в которых, по словам Блока, уже не было "корявости" и "мучительности" прежних опытов: "Ремизов как бы научился править рулем в океане русской речи ⟨...⟩ Ремизов овладел образами, словами, красками; он уже свободно, без субъективных лирических опасений, отпустил их в объективную эпическую даль ⟨...⟩"[37]. "Жертву" – один из лучших своих рассказов новой "эпической" манеры – Ремизов опубликовал в "Весах" (1909, № 1) – после того, как Брюсов призвал его возобновить сотрудничество в журнале. Позднее, взяв в свои руки литературно-критический отдел "Русской мысли", Брюсов также старался заполучить произведения Ремизова, преодолевая настороженное отношение к ним редактора-издателя П.Б. Струве. Высылая ему осенью 1910 г. статью Иванова-Разумника о Ремизове, Брюсов писал: "Вы видите, что я не одинок в своей защите Ремизова. Я уверен, что своего круга чи-





АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ПРУД. РОМАН. СПб., "СИРИУС", 1908

Обложка по рисунку М.В. Добужинского и титульный лист с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову с благодарностью, что не забываете и радуете меня новыми Вашими книгами, которые храню у красного угла с драгоценностями. А. Ремизов. С.-Петербург, 1907 года 10 декабря"

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

тателей, и не маленького, он добьется"[38]. «... Сейчас Ремизов хорошее "имя"», – вновь подчеркивал Брюсов в письме к Струве от 10 марта 1911г.[39]

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что Брюсов, плодовитый и оперативный критик, писавший фактически обо всех крупных писателях символистского круга (а о многих и по нескольку раз), произведениям Ремизова, в начале века выпущенным в свет в нескольких десятках отдельных изданий, не посвятил ни одной своей статьи, ни одной рецензии[40]. В этом забвении мог быть какой-то элемент случайности; могло сказываться и обычное для Брюсова-критика предпочтение поэзии – отзывов о стихотворных книгах у него неизмеримо больше, чем о художественной прозе. Едва ли в этом играли роль идейные мотивы: Брюсов в целом не разделял убеждений о "нелепости жизни, иррациональности человеческой психологии" (как он обобщенно характеризовал общий смысл ремизовского творчества[41]), не разделял и представлений Ремизова о "богооставленности" человека в мире и его роковой обреченности на страдание, сходных с основными положениями позднейшей философии экзистенциализма[42], – но со свойственным ему "плюрализмом" признавал право писателя на исповедание собственной "правды" и в обсуждение вопросов мировоззренческого характера с ним не вступал. Скорее всего, в критическом невнимании Брюсова к Ремизову могло сказываться принципиальное несходство их творческих устремлений и стилевых тенденций.

Справедливы замечания о том, что ремизовская проза организована "симфонически", с использованием музыкальных композиционных принципов[43]. Сам Ремизов заявлял: «... я никакой рассказчик, я песельник, и из меня никогда не вышло романиста: мой "Пруд", "Часы", "Крестовые сестры", "Пятая язва", "Плачужная канава" и даже "Оля" – какой-то канон и величание, но никак не увлекательное зимнее чтение моего любимого Диккенса. Мне легче говорить от я, не по тому что я бесплоден ⟨...⟩ и вовсе не по "бесстыдству", а потому что "поется"»[44]. Другая важнейшая особенность ремизовской прозы – предпочтение "школьному синтаксису" "лада природной речи"[45]. Выразителями "школьного синтаксиса" (в более уважительном варианте – "русской искусственной книжной речи"[46]) для Ремизова были крупнейшие писатели XIX в. –

Пушкин, Гончаров, Тургенев, Чехов и др.; Брюсов естественным образом примыкал к этому ряду. В русле "книжной", "пушкинской" традиции Ремизов воспринимал и "скорпионовские" альманахи "Северные цветы" ("Символисты под знаком Пушкина"[47]), и идею "прекрасной ясности" М. Кузмина, прокламированную журналом "Аполлон": "Это был всеобщий голос и отклик от Брюсова до Сологуба. Мне читать было жутко ⟨...⟩ Прекрасная ясность по Гроту и Анри де Ренье"[48]. Ремизов же стремился к развитию национальных начал в художественном слове, какими он их понимал, к следованию фольклорно-поэтическим и древнерусским литературным традициям; свою писательскую генеалогию он возводил к Епифанию Премудрому, протопопу Аввакуму, а в новейшей литературе – к Гоголю и Лескову. Считая в этом смысле своим сподвижником В.В. Розанова, Ремизов подчеркивал, что у подавляющего большинства русских писателей синтаксис "письменный", "грамматический", а у Аввакума и Розанова –"живой", "изустный", "мимический"[49].

"Музыкальная" организация повествования, подчеркнуто национальный колорит, "изустность", сказовость ремизовской прозы – все эти особенности стоят в полярной оппозиции тем стилевым ориентирам, которые присущи творчеству Брюсова. Стройная, отчетливая, логически ясная, выверенная композиция брюсовских стихов и прозы, стремление к "гармонии" и внешнему совершенству, строгая функциональная определенность всех формальных компонентов (ср. шутливое замечание Ремизова Брюсову: "Вы таких строгостей напустили, что ой-ой" – п. 66), с одной стороны, и с другой – ремизовский "хаос", фабульные ходы, подчиненные саморазвитию образно-стилевой структуры, "плетение словес" на новый лад – орнаментальная проза[50], магия самоценного слова, возрожденного из дали веков или извлеченного из глубин диалектной речи, пренебрежение логической и ценностной иерархией в художественной интерпретации действительности ("Я только археолог, – отмечает Ремизов, – для которого нет ни важного, ни неважного, все одинаково ценно для какой-то смехотворной истории")[51]. При столь различных конкретных эстетических ориентациях и устремлениях неудивительно, что Брюсов воздерживался от развернутой характеристики и оценки художественного мира Ремизова, далекого ему и не особенно созвучного, – признавая, впрочем, его значение и его право на суверенное существование. Ремизову творчество Брюсова (и прежде всего его проза) также в целом оставалось достаточно чуждо, и хотя он на всю жизнь сохранил признательность поэту, способствовавшему его вступлению в литературу, среди современников-символистов он выделял на первый план две другие, более близкие ему фигуры – Блока и Андрея Белого.

Личные отношения Брюсова и Ремизова, не развившись во внутреннюю близость, остались в рамках корректной взаимной доброжелательности.Иначе, видимо, и произойти не могло даже при самых благоприятных обстоятельствах, поскольку и в жизненном обиходе Брюсов и Ремизов являли собой два противоположных типа поведения. У Брюсова, предпочитавшего формализованный, суховатый, конструктивно-деловой стиль общения с недостаточно близкими ему людьми, едва ли могло вызвать ответный отклик стилизованное поведение Ремизова – его чудачества, розыгрыши и всевозможные "игры". "В нем было много актерского; но поприщем, на котором это его свойство проявлялось, была не сцена, а жизнь", – вспоминает о Ремизове В. Пяст[52]. Это игровое начало окрашивает и письма Ремизова к Брюсову (хотя в них оно присутствует в смягченном виде, оставаясь лишь неким смысловым и стилевым фоном, но никогда не становясь самодовлеющим содержанием).Андрей Белый сетовал в письме к Ремизову, что «в Москве людей мало среди ⟨...⟩ знакомых: больше "*сюртучные пары*"», что «между ними человеческого общения нет: все больше "*сюртучное*"»[53]. Игровая окраска бытового поведения у Ремизова скрывала и его стремление к "эзотерической" доверительности отношений, к своеобразному выявлению в них "человеческого" начала, однако Брюсова скорее устраивало "сюртучное", по определению Белого, общение, и в ремизовских стилизациях он, в отличие от некоторых других знакомых и друзей писателя, не мог и явно не хотел стать даже пассивным партнером. Закономерно, что переписка Брюсова и Ремизова затухает, как только для ее продолжения не оказывается новых сугубо деловых поводов.

Десятилетие своего знакомства с Брюсовым Ремизов отметил в дарительной надписи на 8-м томе своих Сочинений, выходивших в издательстве "Шиповник": "Валерию Яковлевичу Брюсову А. Ремизов 1912 г. 15/28 X СПб. Нынче в ноябре – 18-го десять лет исполнится нашему знакомству: приехал я тогда из Вологды, показался в Охранном отделении да к Вам на Цветной пошел. Десять лет прошло, а кажется, сто лет! Тогда Вы были московским, а теперь всероссийским. А. Ремизов"[54]. Эта надпись, обозначая определенную временну́ю веху, стала в известном смысле итоговой: в течение последующих двенадцати лет жизни Брюсова история его отношений с Ремизовым новыми примечательными событиями и эпизодами не обогатилась.

Письма Брюсова к Ремизову печатаются по автографам, хранящимся в архиве А.М. Ремизова в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: письма 1902–1904 г. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249; письма последующих лет – Там же. Ед. хр. 67.

Письма Ремизова к Брюсову печатаются по автографам, хранящимся в архиве В.Я. Брюсова в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина (*ГБЛ*. Ф. 386, 100. 13–16), за исключением п. 8 (от 1 февраля 1903 г.), хранящегося в коллекции Московского литературно-художественного кружка (*ГБЛ*. Ф. 176; папка 1 – М 8224. 17б), и п. 50 (от 29 июля 1905 г.), хранящегося в архиве В.Я. Брюсова в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 109).

В публикацию не включены 7 писем (2 – Брюсова, 5 – Ремизова), незначительных по содержанию.

[1]Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф.Ф. Фидлер. М., 1911. С. 225.

[2]*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 16. Л. 22. При публикации этой записи слова "если не сыщик" были сняты. См.: *Дневники*. С. 122.

[3]*Дневники*. С. 123.

[4]*Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 78.

[5]Там же. С. 29.

[6]*Иверень*. С. 242, 249–250. Ср. характеристику вологодской колонии политических ссыльных в кн.: *Струмилин С.Г.* Из пережитого, 1897–1917 гг. М., 1957. С. 139–144; см. также: наст. кн., Переписка со Щеголевым, предисловие С.А. Фомичева и Е.Ю. Литвин.

[7]Подробнее см.: *Гречишкин С.С.* Архив А.М. Ремизова // *Ежегодник 1975*. С. 21–23; *Андреев Ю.А.* О писателе Алексее Ремизове // *Ремизов А.М.* Избранное. М., 1978. С. 6–12.

[8]*Иверень*. С. 215.

[9]*Нинов А.* Так жили поэты: Документальное повествование // Нева. 1984. № 10. С. 124.

[10]Письмо от 21 апреля 1903 г. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 21.

[11]Письмо от 7 апреля 1903 г. – Там же. Л. 39об.

[12]В "Северном крае" в 1903 г. были напечатаны стихотворения в прозе Ремизова "Кутьи-войсы" (№ 42, 14 февр.), "Музыка" (№ 56, 2 марта), "Влага" (№ 102, 20 апр.), "Над колыбелькою" (№ 118, 6 мая).

[13]В газете "Юг" в 1903 г. были напечатаны стихотворения в прозе Ремизова "Чайка" (№ 1558, 12 авг.), "Лепесток" (№ 1560, 14 авг.) и стихотворение в прозе Ст. Пшибышевского "Памяти Шопена" в переводе Ремизова (№ 1556, 9 авг.). Библиографические данные о публикациях произведений Ремизова сосредоточены в работах: Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Etablie par Hélène Sinany. Paris. 1978. 256 pp.; *Lampl H.* Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M. Remizovs // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 2. S. 301–326.

[14]*Иверень*. С. 212.

[15]См.: Курьер. 1902. № 325. 24 нояб.; подпись: А. Ремизов (Н. Молдаванов). В этом же номере газеты было помещено стихотворение в прозе Ремизова "Колыбельная песня".

[16]В 1902 г. в "Русском богатстве" были напечатаны, как явствует из книги гонораров сотрудникам журнала за 1902 год (*ГПБ*. Ф. 211. Ед. хр. 1262. Л. 5–7, 9, 13), 8 рецензий Б.В. Савинкова. В хронологическом указателе анонимных рецензий с раскрытием авторства «Литературная критика и история литературы в журнале "Русское богатство" (1895–1918)» М.Д. Эльзона эти рецензии ошибочно приписаны сестре Савинкова В.В. Савинковой (*ЛН*. Т. 87. С. 669–670).

[17] ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 3.

[18]*Иверень*. С. 243.

[19]Письмо к А.М. Ремизову от 21 мая 1902 г. – *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 246–250.

[20]*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 121.

[21]*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1581. "Ежемесячное обозрение" – журнал И.И. Ясинского "Ежемесячные сочинения". О переводах Ремизова из Метерлинка см. прим. 23.

[22]*Ильёв С.П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала "The Athenaeum" (1901–1906) // *Чтения 1980*. С. 315.

[23]Ремизов предложил Н.М. Минскому в письме от 10 февраля 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 322) переводы семи стихотворений Метерлинка из "Теплиц" и выслал их ему 21 февраля. Предполагалось, что переводы будут напечатаны в "Новом пути", однако Минский сообщил Ремизову 1 марта 1903 г., что «редакция "Нового Пути" боится печатать эти стихи, чтобы не дать критике слишком зоркую мишень для нападок» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 38). Ремизовские переводы ("Госпиталь", "Душа", "Стеклянные колпаки", "Теплица") были опубликованы в 6-м выпуске Сочинений Метерлинка, выходивших в 1903 г. в виде приложения к петербургскому журналу "Звезда" (с. 142–146). В архиве Минского сохранились автографы этих переводов с правкой Минского; кроме указанных выше, имеется также перевод стихотворения "Водолазный колокол" (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 1135).

А.М. РЕМИЗОВ

Портрет работы С.В. Малютина.
Тушь, перо. 1923
Литературный музей, Москва

[24]В этой связи представляется не вполне точным замечание Н.В. Резниковой: "В 1902 г., в ссылке, Ремизов переписывается с Валерием Брюсовым, который считается с ним, как со зрелым писателем" (*Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 134).

[25]Письмо к А.С. Элиасбергу от 7/20 августа 1907 г. (*Лазарев В.А.* Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 116. Очерки по истории советской литературы, сб. 3. М., 1962. С. 102).

[26]См.: *Келдыш В.А.* Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 267–268.

[27]*ЦГАЛИ*. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 309.

[28]Письмо к О. Маделунгу от 2 марта 1904 г. – *Письма к Маделунгу*. С. 22.

[29]*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж [1959]. С. 149–150. Ср. письмо Ремизова к А.П. Зонову от 4 апреля 1904 г. – о пьесе Ст. Пшибышевского "Снег", переведенной Ремизовым совместно с женой: «Коммисаржевской наш перевод не понравился, говорит, слишком много там "необычного", ремизовского. Пшибышевский и не думал о таких вещах» (копия из Собр. Р.Л. Щербакова, Москва); автографы писем хранятся в Киеве (РО ЦИБ АН УССР. III. 11958–12046).

[30]См.: *Цыбенко Е.З.* Польская литература рубежа XIX и XX веков в России // Русская и польская литература конца XIX – начала XX века. М., 1981. С. 246–253; *Barański Z.* Literatura polska w Rosji na przełomie XIX–XX wieku. Wrocław, 1962. S 121–126; *Galska H.* Przybyszewski i literatura rosyjska // Przegląd Humanistyszny. 1972. N 4. S. 70–89; *Tichomirowa I.* Dramat Stanisława Przybyszewskiego na scenie rosyjskiej // Materiałły Międzynarodowej sesji naukowej Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1976. S. 63–73.

[31]Так, Вяч. Иванов, в целом сочувственно воспринявший первопечатную редакцию романа Ремизова "Пруд", с укоризной писал ему 25 мая 1905 г.: "Только вот внешний легкий налет Пшибышевского как-то застит" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 114). Слабую сторону романа Ремизова "Часы" (ранняя редакция) Андрей Белый видел в том, что в нем "стилистика разбита рублеными строчками à la Пшибышевский" (Весы. 1908. № 6. С. 68; подпись: Яновский.). В статье "Противоречия" (1910) А. Блок связывал творческие завоевания Ремизова-прозаика с освобождением "от влияния С. Пшибышевского, которое некогда связывало его" (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 407).

[32]Беловая рукопись "Демона" сохранилась в архиве П.Е. Щеголева (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 1–3). См. также письмо Ремизова к Щеголеву от 18 ноября 1902 г. (Там же. Оп. 4. Ед. хр. 1499).

[33]Так, редактор "Нового пути" П.П. Перцов писал Ремизову 29 января 1903 г.: "Может быть, у Вас найдется что-либо еще, подходящее для нас – особенно по части *беллетристики*?" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 13об.) Редактор журнала "Правда" В.А. Кожевников в ответ на предложение Ремизова опубликовать его переводы из Пшибышевского писал ему 26 октября 1903 г.: "⟨...⟩ несравненно интересней была бы Ваша оригинальная беллетристика, в коей, как я слышал, Вы уже далеко не начинающий. Почему Вы не присылаете мне Ваших рассказов?" (Там же. Л. 32).

[34]Письмо к П.П. Перцову от 7 июля 1903 г. – *ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 23.

[35]*Ремизов А.* Товарищество новой драмы: Письмо из Херсона // Весы. 1904. № 4. С. 36.

[36]*ГБЛ*. Ф. 386, 69. 5.

[37]*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 407 (статья "Противоречия", 1910).

[38]*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 43. Свою общую позицию по отношению к Ремизову Струве отчетливо сформулировал в письме к Брюсову от 7 сентября 1910 г.: «"⟨...⟩ признавая таланты и важность сотрудничества Сологуба и Ремизова, я все-таки относительно этих двух писателей считаю необходимой особую осторож-

ность и осмотрительность для редакции "Русской Мысли", ибо они сами, на мой взгляд, не достаточно осторожно "печатаются"» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 59).

[39] *Лит. архив*. С. 334.

[40] Укажем лишь на краткую характеристику, данную Брюсовым книжке Ремизова "Электрон" (Пб.: Алконост, 1919): «"Электрон" А.Ремизова написан тщательно и вдумчиво; это – ряд "мыслей", изложенных ритмической прозой; но, во всяком случае, книжка – для весьма ограниченного круга читателей» (Художественное слово. Временник Н.К.П. М., 1920. Кн. 1. С. 57; подпись: В.Б.).

[41] Письмо к П.Б. Струве от 10 марта 1911 г. – *Лит. архив*. С. 333.

[42] О "предэкзистенциалистском" характере творчества и мировоззрения Ремизова см.: Сёке К. "Апофеоз беспочвенности": Лев Шестов и Алексей Ремизов // Dissertationes slavicae, XV. Szeged, 1982. С. 105–120.

[43] См.: *Безродный М.* Генезис лейтмотивов у А.М. Ремизова // Сборник трудов СНО филологического факультета: Русская филология, V. Тарту, 1977. С. 98–109.

[44] *Иверень*. С. 21.

[45] Там же. С. 151.

[46] Из письма Ремизова к Н.В. Кодрянской от 2 декабря 1948 г. (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 216).

[47] Дневниковая запись Ремизова от 19 ноября 1956 г. (Там же. С. 301).

[48] *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 178.

[49] Там же. С. 112. О глубоком интересе Ремизова к Аввакуму см.: *Ремизов А.М.* Письма к В.И. Малышеву / Публ. С.С. Гречишкина и А.М. Панченко // *Ежегодник 1977*. С. 203–215.

[50] О связи между стилем "плетения словес" XIV–XV в. (Епифаний Премудрый) и орнаментальной прозой начала XX в. см.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 115–118.

[51] Запись Ремизова от 24 июня 1948 г. (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Вклейка между с. 48–49).

[52] *Пяст В.* Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 30. Подробный анализ внутреннего смысла "игрового" поведения Ремизова, представлявшего собой своеобразный вариант символистского "жизнетворчества", претворения быта в искусство, дан во ступительной статье З.Г. Минц к переписке А.А. Блока с Ремизовым (*ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 74–79).

[53] Письмо от 10 января 1906 г. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 57.

[54] *ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1318. Ремизов неточен, указывая на 18 ноября; знакомство его с Брюсовым состоялось 1 ноября 1902 г.

1. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва⟩ 1902. ⟨Около 16 сентября⟩

Милостивый Государь Алексей Михайлович!

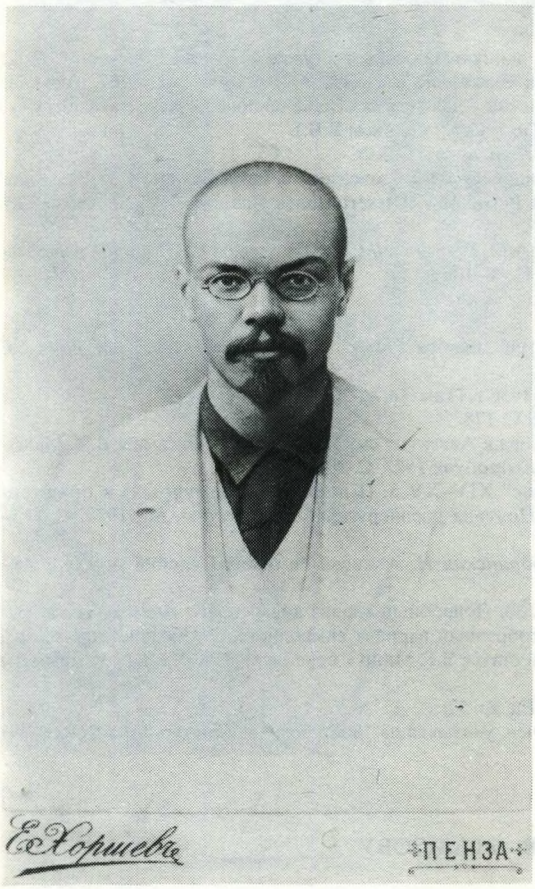
Из Ваших просьб могу исполнить лишь немногое[1]. "Juvenilia" не были изданы[2]. Сборники "Русс⟨кие⟩ символисты" уцелели у меня в единственном экземпляре, который часто бывает мне нужен[3]. Оттиски более любопытных моих статей из "Русс⟨кого⟩ Арх⟨ива⟩" – о Тютчеве, о поэзии Вл. Соловьева, о Акад⟨емическом⟩ изд⟨ании⟩ Пушкина[4] – разошлись до конца. Я посылаю Вам те оттиски, какие у меня есть; это малоинтересные полемические статейки[5]. Другие мои статьи Вы найдете в "Ежемес⟨ячных⟩ Сочинениях" (журнал, издаваемый И. Ясинским)[6] и в "Мире Искусства" за 1901–1902 г.[7] Простите, что не могу служить большим.

Уважающий Валерий Б р ю с о в

Датируется на основании пометы Ремизова на письме: "18 сент⟨ября⟩ получен⟨о⟩".

[1] Обращение с просьбами о книгах среди писем Ремизова к Брюсову не сохранилось.

[2] Объявление об этом сборнике стихотворений Брюсова было помещено в его книге "Chefs d'oeuvre. Второе издание с примечаниями и дополнениями" (М., 1896. С. 4): «*Juvenilia*. (Перепечатка произведений, помещенных в трех выпусках "Русские символисты", с дополнениями, автобиографическими заметками и портретом автора). – Выйдет осенью 1896 г.». В сборнике Брюсова "Me eum esse" (с. 4) было указано, что книга "Juvenilia" "печатается". Выпустить в свет этот сборник Брюсову тогда не удалось, однако в библиографических справках при его книгах "О искусстве" (с. 4) и "Tertia vigilia" (с. 4) он указывался наряду с вышедними книгами ("Juvenilia (1893–94)") без каких-либо пояснительных помет. Впервые под общим заглавием "Juvenilia" юношеские стихотворения Брюсова 1892–1894 гг. были напечатаны в *ПСС I*; в примечаниях к этому изданию Брюсов указал: "Книга приблизительно с тем же подбором стихотворений ⟨...⟩ была



А.М. РЕМИЗОВ

Фотография Е. Хоршева. Пенза, 1900

Литературный музей, Москва

подготовлена к печати в 1896 г. (цензурное разрешение 9 августа 1896 г.), но издана не была" ((с. 251). Цензурный экземпляр сборника см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 5.1.

[3] Ср. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 16, прим. 9.

[4] Статьи Брюсова, опубликованные в журнале "Русский архив": "О собрании сочинений Ф.И. Тютчева" (1898, № 11), "Некрасов и Тютчев" (1900, № 2), "По поводу нового издания сочинений Ф.И. Тютчева" (1900, № 3), "Поэзия Владимира Соловьева" (1900, № 8), "Что дает академическое издание сочинений Пушкина" (1899, № 12).

[5] Видимо, Брюсов послал Ремизову оттиски других своих статей из "Русского архива": "Баратынский и Сальери" (1900, № 8), "Пушкин и Баратынский" (1901, № 1), "Старое о г-не Щеглове" (1901, № 12), в которых полемизировал с И.Л. Леонтьевым-Щегловым в связи с оценкой им личности и творчества Е.А. Баратынского. Не исключено, что были посланы и оттиски еще двух статей: "О собраниях сочинений Е.А. Баратынского" (1899, № 11) и "О новом издании сочинений Белинского" (1900, № 10).

[6] "Ежемесячные сочинения" – "Литературный журнал И. Ясинского (Максима Белинского)", издававшийся в Петербурге в 1900–1903 гг. В этом журнале Брюсов, хорошо знакомый с издателем, известным беллетристом Иеронимом Иеронимовичем Ясинским, поместил статьи "К теории анекдотов" (1901, № 4) и "Ложные доводы (Маленькие переоценки)" (1901, № 10). См. также: *Ясинская З.И.* В. Брюсов и И. Ясинский // *Чтения 1971*; наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 52, прим. 2 и *Тетради*, п. 4.

[7] В 1901–1902 гг. Брюсов опубликовал в "Мире искусства" статьи: "Ответ г. Андреевскому" (1901, № 5), "Мудрое дитя (Памяти И. Коневского)" (1901, № 8–9), "Ненужная правда. (По поводу Московского Художественного театра)" (1902, № 4).

2. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Вологда. 17 октября 1902 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Сегодня получил Ваши оттиски[1], очень благодарен Вам.

А. Ремизов.

17 ок⟨тября⟩ 1902.
Вологда. Желвунцовская, д. № 31.

[1] См. п. 1.

3. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

1902 ⟨Около 2–4 ноября⟩

Уважаемый Алексей Михайлович!

Совершенно неожиданно на эту среду[1] перенесено заседание Литературного Кружка, которое всегда бывает по вторникам. Я в этом кружке состою чле-

ном именно "вторничной" комиссии и принужден быть там[2]. Если хотите меня видеть, приезжайте в клуб по прилагаемой карточке. Очень извиняюсь. Известил бы Вас раньше или зашел бы к Вам лично, но не знаю здешнего Вашего адреса[3].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] Предполагалось, что в среду 6 ноября Ремизов вторично посетит Брюсова в его доме. «В среду у Брюсов⟨а⟩ познаком⟨люсь⟩ со всем "Скорпион⟨ом⟩"», – писал Ремизов 4 ноября П.Е. Щеголеву (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1493).

[2] В сентябре 1902 г. Брюсов вошел в состав комиссии, ведавшей лекционными "вторниками" Московского литературно-художественного кружка (1898–1920), объединявшего представителей московской писательской и театральной общественности. В среду 6 ноября 1902 г., вместо вторника 5 ноября, в "Кружке" состоялось выступление И.Ф. Шмидта "Роль режиссера в современном театре" (Новости дня, 1902. № 6973. 6 нояб.).

[3] Письмо Брюсов оставил у себя дома для передачи Ремизову, который воспользовался его предложением. Подробный отчет о встрече с Брюсовым и другими представителями "Скорпиона" 6 ноября в Московском литературно-художественном кружке Ремизов дал в письме к П.Е. Щеголеву от 8 ноября 1902 г.; в нем же приведены некоторые суждения Брюсова о писателях, близких к "Скорпиону":

«Пошел к Брюсову.

Дома не оказалось, письмо с карточкой в Литер⟨атурный⟩ Круж⟨ок⟩. Пошел туда, застал прения о роли режиссера: говорили Немирович и Сумбатов – самодовольно и нахально с ничего не говорящим "вообще" и с кричащим "элементом".

Потом сел за столик "Скорпиона".

Познакомил⟨ся⟩ с Поляковым – ой, Семеновым.

Пили какое-то черное вино, от которого к 4 ч. утра у меня полетели виски с головы.

Ан. Белый – Бугаев, сын профессора (держит псевдоним в секрете) ⟨...⟩

На Скорпион – гонение цензуры нового управления: задерживают и конфисковывают.

Анаст⟨асия⟩ Мирович – в сумасшед⟨шем⟩ доме (также и Врубель) – "Тигров спящих дыхание" у Брюсова вызывает полуулыбку.

Коневской, студ⟨ент⟩ 2 курса "очень талантливый" утонул, Березин, Курсинский – ничтожество. (Намечаю пункты, чтобы рассказать Вам подробнее отзывы "Скорпиона" о сотрудниках.)

Читает Брюсов с ударениями ("По улицам *шу*мным, в *теа*трах, в *садах*" и т.д.).

Семенов М.Н. здоровый детина из "купчиков", склонный материть и веселиться, Поляков – делец, с испитым лицом, Полякова – с лягушачьими глазами и ⟨в⟩ "безумном" (уж очень дорогом) одеянии и т.д.» *ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1494; в письме упоминаются Владимир Иванович *Немирович-Данченко* (1858–1943) и Александр Иванович *Южин-Сумбатов* (1857–1927); "Тигров спящих дыханье" – цитата из стихотворения "Памяти встречи" (*СЦ 1901*) поэтессы Анастасии Григорьевны Мирович; А. Березин – один из псевдонимов А.А. Ланга; Анна Александровна *Полякова* – сестра С.А. Полякова, впоследствии жена М.Н. Семенова; "По улицам шумным..." – очевидно, неточно приведенная первая строка стихотворения Брюсова "По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил..." (I, 269).

4. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Вологда. 29 дек⟨абря⟩ 1902.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

посылаю "В плену", прошу Вас, скажите мнение Ваше, а также, возможно ли напеча⟨та⟩ть его в "Новом пути"[1].

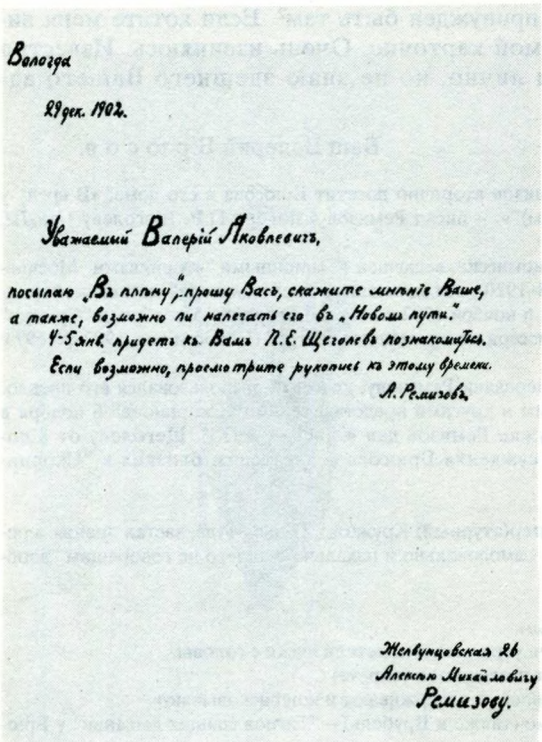
4–5 янв⟨аря⟩ придет к Вам П.Е. Щеголев познакомиться[2].

Если возможно, просмотрите рукопись к этому времени.

А. Р е м и з о в

Желвунцовская 26.
Алексею Михайловичу Ремизову.

[1] В конце 1902 г. Брюсов был секретарем редакции петербургского журнала "Новый путь". "В плену" – законченная в Вологде в 1902 г. поэма Ремизова, написанная ритмической прозой и отразившая в своих образно-сюжетных мотивах обстоятельства его одиночного тюремного заключения и ссылки в Усть-Сысольск. Та редакция текста поэмы, о которой идет речь в письме, в полном объеме опубликована не была; беловой автограф ее сохранился в архиве П.Е. Щеголева (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 68). Ранее Ремизов предпринял неудачную попытку опубликовать поэму "В плену" в журнале "Мир божий". А.И. Богданович, член редакции журнала, писал ему 18 апреля 1902 г.: «Полученная через г. Бердяева рукопись "В плену" не будет напечатана. Этот вид литературы не удобен для нашего журнала вообще – не то стихи, не



Вологда
29 дек. 1902.

Уважаемый Валерий Яковлевичъ,

посылаю „Въ плену", прошу Васъ, скажите мнѣніе Ваше, а также, возможно ли напечатать его въ „Новомъ пути." 4-5 янв. придетъ къ Вамъ П.Е. Щеголевъ познакомиться. Если возможно, просмотрите рукопись къ этому времени.

А. Ремизовъ.

Желвунцовская 26
Алексѣю Михайловичу
Ремизову.

ПИСЬМО А.М. РЕМИЗОВА БРЮСОВУ

Автограф.
Вологда, 29 декабря 1902 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

то метрическая проза. Что же касается содержания, то, не разбирая его по существу, что завело бы нас слишком далеко, – редакция находит его вымученным, претенциозным и неестественным. Слишком приподнятый тон в связи с неясным содержанием делает все произведение нехудожественным» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 2–2 об.).

В переработанной редакции и под заглавием "Белая башня" поэма впервые была опубликована в кн. "Проталина" (альманах 1-й. СПб., 1907), вошла в кн.: *Ремизов А.* Чертов лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы. СПб.: Eos, 1908. С. 197–246. Впоследствии в кардинально переработанном виде и в иной композиционной последовательности фрагментов поэма стала составной частью текста автобиографической повести Ремизова "В плену" (1896–1903), состоящей из трех частей (ч. 1 – "В секретной", ч. 2 "По этапу",ч. 3 – "В царстве полуночного солнца"); напечатана в кн.: *Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1910]. Т. 2. См.: *Ремизов А.* Избранное. М., 1978. С. 37–71.

[2] "Познакомился с Щеголевым (пришел ко мне)", – отметил Брюсов в записи, датированной: "Дек. 1902, Янв. 1903" (*Дневники*. С. 129); см. также наст. кн., Переписка со Щеголевым, предисл. С.А. Фомичева и Е.Ю. Литвин. "Общая участь и книжное почитание сблизили нас", – вспоминал Ремизов о знакомстве со Щеголевым (*Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. С. 267). В неразобранной части архива П.Е. Щеголева в *ИРЛИ* сохранилась поэма в прозе Ремизова "Павел Елисеевич Щеголев" (осень 1902 г.), посвященная проводам Щеголева из ссылки в Петербург. Позднее Ремизов писал о нем в "завитушке" перед повестью "Корявка": "Павел Елисеевич Щеголев, историк, один из архивных глав в России ⟨...⟩ живет в Петербурге, сторожит Россию" (*Ремизов А.* Корявка: Повесть. Берлин, 1922. С. VIII).

5. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1903. 13 янв⟨аря⟩ Вологда.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

хочу попросить Вас, когда прочтете "В плену", отослать его по адресу:
С. Петербург. Торговая д. 20, кв. 20, Александру Корниловичу Бороздину[1].

А. Ремизов.

(Вологда, Желвунцовская 26)

[1] Александр Корнилиевич *Бороздин* (1863–1919) – историк, публицист, специалист по русскому расколу; с 1896 г. преподавал в Петербургском университете. Через Бороздина рукопись должен был получить П.Е. Щеголев, который, находясь в это время в Петербурге, занимался устройством литературных дел Ремизова. 15 января 1903 г. Ремизов извещал Щеголева: "Брюсову написал об отсылке рукописи на имя А.К. Бороздина" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1502). Однако эту рукопись Брюсов уже отослал ко времени получения письма Ремизова редактору-издателю "Нового пути" П.П. Перцову. В письме, полученном Перцовым 13 января 1903 г., Брюсов извещал: "Сегодня послал Вам заказной бандеролью Ремизова" (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 22). Брюсов выполнял в данном случае просьбу Перцова, писавшего ему 8 января 1903 г.: «Пошлите мне "В плену" Ремезова ⟨sic!⟩ (я читал здесь 2 его очерка: и *очень* заинтересован⟩» (*ГБЛ*. Ф. 386, 98.10).

6. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1903. 24 ян⟨варя⟩ Вологда.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

Прихожу к Вам за помощью. В ноябре, когда был в Москве, отдал С.А. Полякову перевод "Гостей" (Пшибышевского), обещал "посмотреть".

Посылаю письмо за письмом, кладу марку, – ни звука.

Валерий Яковлевич, Вы встречаете его, спросите, что же, будет принят перевод или нет; если нет, попросите прислать в Вологду на мое имя (Желвунцовская 26 А.М. Ремизову).

Перевод не мой, переводчик прохода не дает, спрашивает[1].

Извините за постоянные прошения.

А. Ремизов.

[1] О знакомстве Ремизова с Поляковым см. п. 3, прим. 3. Перевод "драматического эпилога" Станислава Пшибышевского "Гости" ("Goście", 1901) был выполнен вологодской знакомой Ремизова Верой Григорьевной Тучапской (Крыжановской) (см.: *Иверень*. С. 245, 368), женой политического ссыльного, социал-демократа Павла Лукича Тучапского (см.: *Струмилин С.Г.* Из пережитого. С. 139), выпустившей в 1902 г. отдельным изданием свои переводы произведений другого польского модерниста, Казимежа Тетмайера (*Тетмайер К.* Сочинения / Пер. с пол. В. Тучапской. М.: изд. В.М. Саблина, 1902). 8 ноября 1902 г. Ремизов сообщал П.Е. Щеголеву из Москвы: «"Гостей" – снесу к Полякову (это для В⟨еры⟩ Григ⟨орьевны⟩)» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1494). 10 декабря 1902 г. в письме к Полякову, содержавшем просьбу прислать два экземпляра "Драмы жизни" Кнута Гамсуна (М.: Скорпион, 1902; пер. С.А. Полякова) и "экземпляров 10" каталога издательства "Скорпион", Ремизов напоминал: «Переводчица "Гостей" с нетерпение⟨м⟩ ждет Вашего решения» (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 84). Перевод Тучапской "Скорпионом" издан не был. Возможно, что он был опубликован в 4-м томе (Драмы) "Полного собрания сочинений" Пшибышевского в издании В.М. Саблина (изд. 1 – М., 1905); на титульном листе обозначено: "переводы В. Тучапской, А.С., В.В. и Н. Эфроса"; однако более конкретных указаний об авторстве переводов, напечатанных в томе, не дается. Наиболее вероятно, что в издании В.М. Саблина в переводе Тучапской была опубликована драма Пшибышевского "Золотое руно"; этот перевод Ремизов передал издателю в Москве 4 ноября 1902 г. "Был сегодня у Саблина ⟨...⟩, – сообщал он в этот день П.Е. Щеголеву. – Золот⟨ое⟩ Руно взял – (это для В⟨еры⟩ Григ⟨орьевны⟩). Объясню лично" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1493).

7. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

1903 29 янв⟨аря.⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Все не выберу мгновения написать подробно, но все же напишу. Мне очень "нравятся" и рассказы и "В плену". Боюсь только, что последнее по "бессюжетности" отпугнет читателей[1]. Надо, чтобы рассказы были помещены в "Н⟨овом⟩ П⟨ути⟩". По всему судя, так и будет[2]. Жду, что Вы переселитесь к нам.

Ваш Валерий Брюсов.

Петерб⟨ург⟩, Невский 88[3] – или Москва, Цветной 24.

[1] Ремизов надеялся на получение от Брюсова более определенного ответа в связи с прозаической поэмой "В плену". Еще до получения брюсовского письма он сообщал П.Е. Щеголеву о своих планах (19 января 1903 г.): «Так "Плен" и тут застрял, не везет ему; если бы издать в "Скорпионе"; не пишет Брюсов, как он смотрит на него; или в Сев⟨ерных⟩ цветах 1903» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1503).

[2] "Рассказы" Ремизова – три прозаических этюда, переданные П.Е. Щеголевым в редакцию "Нового пути" и вошедшие в публикацию под заглавием "На этапе. Эскизы" (*НП*. 1903. № 3).

9 января 1903 г. Ремизов писал П.Е. Щеголеву (из Вологды в Петербург): «Написал "Скандальников", прилагаю к письму. Что скажете, если попробовать предложить Перцеву ⟨sic!⟩ напечатать в таком виде:

На этапе.

1. (Распутница). 3. (Скандальники).
2. (Черти). 4. (Эпитафия).

Эпитафию пообделаю и очень скоро Вам вышлю.

Если надо, в таком порядке вышлю прямо в Редакцию" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1501). П.П. Перцов (видимо, после обсуждения рассказов с другими членами редакции "Нового пути" и, в частности, с Брюсовым, бывшим в конце января в Петербурге) сообщал Ремизову 29 января 1903 г.: «Павел Алексеевич ⟨sic!⟩ Щеголев передал в наш журнал Ваши три рассказа: "Распутница", "Черти" и "Скандальник"

(под общим заглавием "На этапе"). Рассказы эти, обнаруживающие несомненный талант беллетриста, всем нам очень понравились, и если Вы ничего не имеете против, то они будут напечатаны в мартовской книжке. Весьма желательно было бы иметь и дополнительный *четвертый очерк*, который, по словам П.А., у Вас вполне готов. В случае согласия будьте любезны выслать его нам *тотчас же* по получении этого письма, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ при этом условии может быть присоединен к остальным трем и появиться также в марте ⟨...⟩ Вообще считайте нас литературными сочувственниками Вашего свежего и своеобразного дарования» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 14–13 об.). 4 февраля 1903 г. Перцов писал также П.Е. Щеголеву: "Хотелось бы получить 4-й рассказ Ремизова (все 4 идут в марте – первые 3 уже сданы в набор ⟨...⟩" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1409). Четвертую часть цикла ("Эпитафия") Ремизов выслал Перцову, однако она не была включена в публикацию. «Рассказы уже набраны ⟨...⟩ Присылайте еще. – "Эпитафия" пока осталась – она не вяжется с теми тремя», – писал Перцов Ремизову 10 февраля 1903 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 16). О том, что Перцов не уловил связи "Эпитафии" с ранее полученными прозаическими этюдами Ремизова, свидетельствует и его письмо к Щеголеву от 10 февраля 1903 г.: «Жду 4-го рассказа Ремизова. Он прислал (под заглавием "Эпитафия"), да должно быть не то» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1410). О публикации "Эпитафии" см. п. 11, прим. 3.

[3] Адрес редакции журнала "Новый путь". "Здесь теперь Брюсов, который всегда от 3 до 6 ч. в редакции", – сообщал Перцов Щеголеву 29 января 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1408).

8. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Вологда. 1 фев⟨раля⟩ 1903.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

так я был рад Вашему письму! Все время нетерпеливо ждал отзыва. А с "Пленом" опять не ладно, в Н⟨овом⟩ П⟨ут⟩и могут быть напечатаны только два отрывка[1], нельзя ли поместить его в Сев⟨ерных⟩ цвет⟨ах⟩ 1903[2].

Не знаю, что делать с ним и стихотворениями "исключительной формы"[3].

Жду Вашего ответа.

А. Ремизов.

Вологда, Желвунцовская 26.

Ответ на п. 7.

[1] 29 января 1903 г. П.П. Перцов писал Ремизову: «П.А. Щеголев передал нам также Вашу поэму "В плену" и несколько стихотворений, но их исключительная форма делает их мало удобными для журнала. Впрочем, из поэмы можно бы напечатать, к⟨ак⟩ отдельные отрывки, два места: *сцена в вагоне* и *заутреня*. Если Вы согласны на это (можно напечатать с пометкой: "отрывки из поэмы такой-то") – известите, пожалуйста» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 13об.); видимо, Перцов неточен, сообщая, что получил поэму "В плену" от Щеголева, а не от Брюсова (ср. прим. 1 к п. 5). Ремизов согласился на предложение редактора "Нового пути", хотя и скрепя сердце. «Объясняю свои погрешности (Перцев – отрывки "Плена") – думал, пусть себе печатает, хоть два, а то и совсем ничего не попадет в книги ⟨...⟩», – писал он Щеголеву 7 февраля 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4, Ед. хр. 1504). Получив согласие Ремизова на приобщение отрывков из прозаической поэмы "В плену" к циклу "На этапе", Перцов писал ему 6 марта 1903 г.: «"На этапе" уже отпечатано, и книжка выйдет дней через 10 (держит цензура). Я позволил себе воспользоваться Вашим разрешением и поставить отрывок "В вагоне" первым в рассказе, а "Заутреню" – последним. Таким образом, общий порядок теперь такой: I. В вагоне. II. Тараканий пастух. (Я позволил себе изменить заглавие, дабы не смущать читателя). III. Черти. IV. "Скандальники". V. Заутреня. Наше общее суждение, что таким образом впечатление стало определеннее и полнее. *Только три* рассказа давали бы слишком оборванное и незаконченное впечатление ⟨...⟩ взятые из "Плена" отрывки, конечно, могут оставаться в полном тексте поэмы и их появлению в свет в связи со всем остальным ничто не препятствует» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 15–15об.). Характерно, что впоследствии, при подготовке произведения для второго тома своих "Сочинений" ("В плену" в трех частях; см. прим. 1 к п. 4), Ремизов сохранил общую композиционную последовательность фрагментов, предложенную Перцовым, и даже редакторское заглавие "Тараканий пастух", заменившее первоначальное авторское ("Распутница"). См.: *Ремизов А.М.* Избранное. С. 45–57.

[2] Прозаическая поэма "В плену" в *СЦ 1903* напечатана не была. Ремизов пытался вновь пристроить ее в "Мир божий", предлагая переработать текст в соответствии с требованиями редакции, но неудачно; А.И. Богданович (см. п. 4, прим. 1) вновь писал ему 8 июля 1903 г.: «Я хорошо помню Вашу повесть "В плену" и не думаю, чтобы ее можно было переделать. Для нас она не подходит. Н.А. Бердяев верно передал мое мнение. Может быть, я ошибаюсь, но то, что Вы хотели передать, не вышло, а то, что получилось, именно производит впечатление приподнятости и неясности, чего-то истеричного, отрывистого и надуманного, деланного. Поэтому едва ли нужно пересылать рукопись еще раз» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 24–24об.).

13 июля 1903 г. Ремизов писал С.П. Довгелло о приговоре Богдановича: "Получив этот отзыв, я задумался: да не вправду ли это так? Очень было мучительно сознавать эту правду. И потом с какой-то ненавистью к самому себе – к своему – набросился на бумагу и писал вот до полночи" (*На вечерней заре*. С. 187).

[3] Характеристика из письма Перцова к Ремизову от 29 января 1903 г. (см. прим. 1).

9. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

8 фев⟨раля⟩ 1903. Вологда.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

П.Е. Щеголев писал мне, он отдал Вам три стихотворения: "Ветер поет", "Колыбельная песня"[1], "Северные цветы".

Набрался мужества послать Вам еще несколько: "Вереницы дней", "После зноя желаний", "Северные цветы" (в одном месте исправленные, как думаю).

Что скажете, допустимы ли они до Северных цветов?[2]

Не могу ли я через Вас проникнуть в "Ежемес⟨ячные⟩ соч⟨инения⟩"?[3]

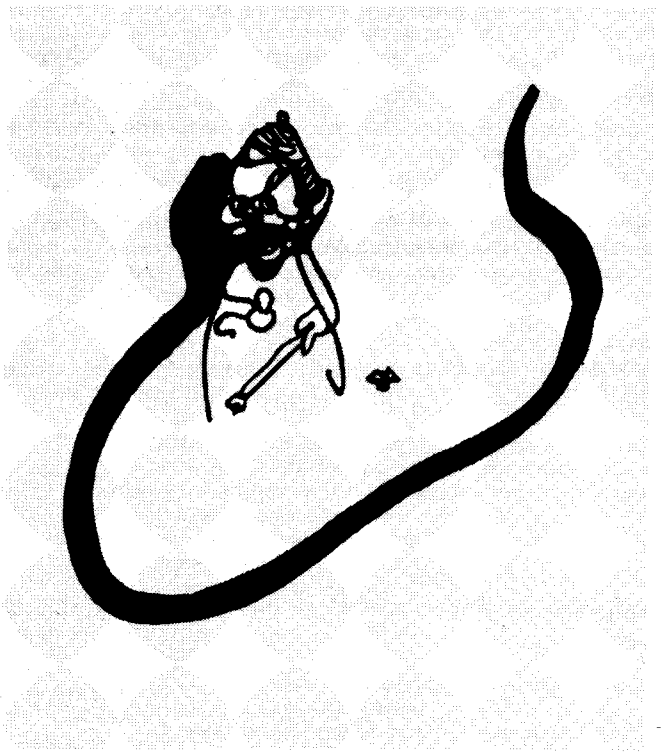
А. Ремизов.

Вологда, Желвунцовская, 26.
Алексею Михайловичу Ремизову.

ПОСЛЕ ЗНОЯ ЖЕЛАНИЙ

Катится легкими, звонкими струями дождь с летнего неба.
Летнее небо – сад черных душистых цветов.
И мелькают, скользят, вырываются жгучие груди голубеющих,
млеющих молний.
И стальными когтями бьет об утесы огненных звезд отдаленных
страшный, испачканный
кровью, яростный зверь,
Бьет и ревет.
Окна раскрыты.
Я один...
Я стараюсь проникнуть в тайну взбешенных туч и
музыки громов.
А предо мною идут изваянья всех прожитых моих дней:
Людей вспоминаю тех, что встречал, обнимал, убивал;
Сказки и песни и чары вновь оживают,
вновь оживают улыбки, гримасы.
И скотский гам гогочет и мудрость обезьянья глубокомысленно
мечтает.
И что-то засмеялось, заплакало и засмеялось.
Цветы, что сохраняю, как память дорогую, я вспомнил.
Их я срезал, когда встречал...
Узорный, старый ключ запел, и серебро на крышке,
тускло тая, заиграло.
Я отворил старинную шкатулку – ларец заветный.
Одни сухие листья и черные бутоны, как уголья забытых очагов,
на дне лежат...
Одни сухие листья!
И что-то засмеялось, заплакало и засмеялось.
Всею душой уношусь в душу иссохших и пыльных цветов,
Всею душой припадаю к сердцам.
Они мне сулили, они обещали...
И снова протягивают руки,
Слова, те слова, повторяют...
Вдруг муха зажужжала слепая, большая муха,
она ест человечье мясо – падаль.
К свечи, на желтое больное пламя, то подлетит, то скроется,
то снова вьется.
Невольное в душе, прикованное к бренности,
дрожит, смеясь.
И где-то в глубине бездонное, немое плачет.
Настала тишина, сон охмелевших туч.
Земля насыщенная, черная покойно, ровно дышит.
А муха все жужжит, жужжит...

Алексей Ремизов.



В.Я. БРЮСОВ

Рисунок А.М. Ремизова. 1900-е годы
Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ВЕРЕНИЦЫ ДНЕЙ

Задумчиво-тихо.
Темная ночь зорким ухом к окошку прильнула.
Мысли льются слезами, красные, бледные мысли.
Жутко.
Кто это, кто?
Слова шелестят, застонали лобзанья.
Окно ужаснулось: безгромная молния пасть
голубую раскрыла.
Трепетно-тихо.
В тоске цепенею, затаился, прислушиваюсь жадно.
О повтори, повтори!
Красные, бледные мысли льются слезами.

* * *

Долго не мог я заснуть в эту ночь.
Мне виделся кто-то невидимый в изголовье моем.
В стекла тонкими пальцами дождь колотил.
Прохожий о чем-то кричал...
Затихало, затихло.
Забытые капли повторяли одно только слово и умирали.
Открывая глаза, я следил в темноте,
Я следил за тем темным, темнее, чем тьма, – он стоял у окна.
Тишина затаилась.
Стаями птиц разговоры души понеслись,
И неясные мысли, в людей превращаясь, шли вереницей:
безобразно-кричащие карлики, уроды гнусавые,
сладострастные, великаны седые, туманные.

Я же хотел, так хотел рассказать о чем-то томящем вон тому...
Он безмолвно стоял у окна.
И я уж вставал, подходил...
Так всю ночь.
Только поздно, под утро что-то тяжкое, колкое
придавило глаза, и веки сомкнулись.
Тысяча уст, перебивая друг друга, болтали,
Болтая, сливались.
А пасмурный день уж задергивал окна пыльной, кисейною шторой.

Алексей Ремизов.

[1] "Колыбельная песня" ("Детка, ложись со мной, я согрею тебя...") была тогда уже опубликована (см. вступ. ст., прим. 15), однако Ремизов об этом вовремя не узнал; 9 января 1903 г. он извещал Щеголева из Вологды: «Бунину напишу, пусть в двух хотя словах даст ответ о "Колыб⟨ельной⟩ песне" и "Сев⟨ерных⟩ цветах"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1501); 15 января вновь уведомлял его же: «Написал еще раз Бунину с маркой; у него лежат "Сев⟨ерные⟩ цветы" и "Колыб⟨ельная⟩ песня"» (Там же. Ед. хр. 1502).

[2] Из стихотворений, приложенных к письму, в альманахе *СЦ 1903* были помещены только "Северные цветы" ("Цепкий плаун колючими хищными лапами..."; с. 116); два других стихотворения не были напечатаны (воспроизводятся здесь впервые). Об устройстве в печать этих произведений Ремизов советовался с П.Е. Щеголевым: «"Сев⟨ерные⟩ цветы" не попробовать ли послать в "Сев⟨ерные⟩ цветы 1903» (19 января 1903 г. – *ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1503); «Павел Елисеевич, а где "После зноя желаний", не послать ли Брюсову для "С⟨еверных⟩ цв⟨етов⟩"?» (7 февраля 1903 г. – Там же. Ед. хр. 1504). Какое из произведений Ремизова было предложено под названием "Ветер поет" – неизвестно.

[3] В журнале И.И. Ясинского "Ежемесячные сочинения" (см. п. 1, прим. 5) произведения Ремизова не печатались. Ремизов направил туда стихотворение "Белые ночи" и получил в ответ письмо секретаря журнала К. Степанова от 24 февраля 1903 г.: "И⟨ероним⟩ И⟨еронимович⟩ свидетельствует Вам свое почтение и, возвращая стихи, просит извинить его за ненапечатание в журнале, так как они – хотя он и сочувствует новой поэзии – чересчур своеобразны – надо считаться со вкусами толпы" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 34).

10. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Вологда. 6 апреля 1903 г.⟩

Христос Воскресе[1]

Валерий Яковлевич,

посылаю стихотворение "Прелюдии", не подойдет ли оно к "Сев⟨ерным⟩ Цвет⟨ам⟩"[2].

Не осудите за самонадеянность.

Уважающий Вас А. Ремизов.

Вологда, 6 апреля 1903.

ПРЕЛЮДИИ

Дни поцелуев и ласк на вечерней заре увядают.
Летняя, знойная ночь поджигает сонные села.
В кровавых лучах дымного солнца крепчает мороз.
Пожары желаний вспыхнули в тюрьмах,
Я прохожу по вешней дороге...
Липкие листья смеются,
Хруст же и немощь осенних навевает волненье о бренности жизни.

*

Завтра Светлая Ночь.
Ходят туманные тучи, мягкие стелют постели для белого света.
Снега, увядая, ткут стебельки из синих снежинок.
Зной наступает, небо тоскует о грозах, ненастье.
Завтра новая жизнь, завтра солнце умрет!
О вчерашнем тоскую...
Сны призываю, где идут и сходятся тесно Вчерашнее с Завтра.

В печально-усталых аккордах,
В блеклости меркнущих красок
Внятен мне отзвук.
С болью таюсь я с забитым желаньем
В рубище смрадном уродства.
Взоры страды безысходной неотступно следят и волнуют.

А.А. БЛОК

Рисунок А.М. Ремизова. 1921
Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

А.А. АХМАТОВА

Рисунок А.М. Ремизова
1919–1920 гг.
Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

Медный оркестр адских желаний,
Беззастенчиво-вольные струны,
Бессовестно-пьяные позы
Бурями хлещутся в знойно-темнеющих думах.
Беззаботно-катящийся хохот наступает потопом.
Изуверские казни за казнями идут.

Облитая яростно-ярким закатом к утру седеет
и жмется земная кора.
В пышных уборах цветистый лишай загнивает
ненастьем тягуче-слезливым.
Переменная осень...
Трон вакханалий.
Рыдание скрипок.

А. Ремизов.

[1] Пасха в 1903 г. была 6 апреля.
[2] В *СЦ 1903* стихотворение не было помещено; воспроизводится здесь впервые.

11. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 9 апреля 1903 г.⟩[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

В "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етах⟩" напечатаны Ваши "Сев⟨ерные⟩ Цв⟨еты⟩" (увы! в первоначальной редакции[2]; это – случайность, не сердитесь) и "Красная коробочка"[3]. Больше нельзя было, не потому, чтобы я не хотел, а по внешним причинам. Мне Ваши безразмерные стихи нравятся очень. Пишу наскоро. Сегодня уезжаю в Париж.

Ваш Валерий Брюсов.

P.S. В "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етах⟩" есть мучительнейшая опечатка. Не проклинайте нас[4].

[1] Дата проставлена Ремизовым (видимо, по почт. шт.; конверт не сохранился).

[2] Подразумевается редакция текста, полученная Брюсовым от П.Е. Щеголева до того, как Ремизов сам прислал ему текст стихотворения (при п. 9); значительных различий между редакциями нет. Некоторые мелкие изменения внесены в текст "Северных цветов" при их публикации в кн.: *Ремизов А.* Чертов лог и Полунощное солнце. С. 251. В существенно исправленном и сокращенном виде "Северные цветы" вошли в окончательную редакцию повествования "В плену". См.: *Ремизов А.М.* Избранное. С. 70–71.

[3] Имеется в виду "Эпитафия" (по плану Ремизова – четвертая часть цикла "На этапе" (см. п. 7, прим. 2), начинавшаяся словами: "Мир тебе, коробка с красной печатью!" (*СЦ 1903*). Текст "Эпитафии" был получен Брюсовым от Перцова. «Пришлите мне, пожалуйста ⟨...⟩ если не будете печатать, "Красную коробку" Ремизова», – писал он Перцову 10 февраля 1903 г. (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 22).

[4] 20 апреля 1903 г. Ремизов писал Щеголеву: «Брюсов прислал письмо: едет в Париж, в "Сев⟨ерных⟩ цвет⟨ах⟩" напечатаны "Сев⟨ерные⟩ цве⟨ты⟩" и "Красненькая коробочка" (Эпитафия), пишет о какой-то "мучительной опечатке"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1509). В стихотворении "Северные цветы" вместо "лишаи к елям бегут" в альманахе напечатано "лишаи к елеям бегут" (с. 116).

12. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

Париж ⟨25 апреля⟩ 8 мая 1903.

Дорогой Алексей Михайлович!

Все мечтаю о том, чтобы написать Вам много; есть о чем. Но все занятия да скитания. Изв⟨и⟩нялся ли я перед Вами, что "С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩" напе⟨ча⟩таны в первой редакции?

Очень Ваш Валерий Б р ю с о в.

13. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Вологда 18 мая 1903.

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Очень благодарен Вам за напечатание в "Северных Цветах" и моих произведений[1].

Советуете ли переводить из Rimbaud?[2] 30 мая уезжаю из Вологды[3].

В.Э. Мейерхольд предлагает поступить к нему в театр (Херсон) по заведованию репертуаром[4].

Собирается этим сезоном сделать опыт постановки пьес нового театра.

Мне очень хотелось бы поговорить с Вами на этот счет и попросить Вашего совета и указаний[5].

С 1 июня адрес: Москва, Ильинка, Биржа. Виктору Михайловичу Ремизову[6] для А.М.Р.

Уважающий Вас А. Р е м и з о в.

[1] См. п. 11.

[2] Произведения А. Рембо Ремизов, насколько известно, не переводил. Ср. письмо Ремизова к С.П. Довгелло из Херсона от 29 июня 1903 г.: "Какая досада: хотел переводить Rimbaud, открыл словарь, а словарь-то немецкий. И как это я забыл об этом!" (*На вечерней заре*. С. 176).

[3] Ремизов выехал из Вологды 31 мая. «Завтра утром уезжаю, – на день задержали "бумаги", – писал он 30 мая П.Е. Щеголеву. – На Москву еду, потом, Бог знает, куда ⟨...⟩ Прощался сегодня с Вологдой, благодарил ее: и наставила она меня, научила» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1511). 31 мая Ремизов прибыл из Вологды в Ярославль, а 1 июня – в Москву (см.: *На вечерней заре*. С. 168–169).

[4] В.Э. Мейерхольд был близким знакомым Ремизова с юношеских лет. "Мейерхольд учился в Московской филармонии с моим братом. Мой брат по классу пения (баритон), Мейерхольд – на драматическом", – вспоминает Ремизов (*Иверень*. С. 100). Особенно сблизились Мейерхольд и Ремизов в Пензе в 1897–1898 гг., где Ремизов отбывал ссылку, а Мейерхольд играл в пензенском Народном театре. «А.М. Ремизов ⟨...⟩ крепко подружился с Мейерхольдом и принялся за его воспитание. В ту пору Ремизов поглощал марксистскую литературу и втягивал своего юного приятеля в чтение Плеханова, подсовывал ему "Историю Французской революции", привлек к участию в одном конспиративном "утре" читать отрывок из Глеба Успенского, заставлял помогать по созданию рабочих организаций» (*Волков Н.* Мейерхольд, 1874–1908. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 60–61). В июле 1898 г. Мейерхольд писал жене о Ремизове: «Его энергия, его идеи одухотворяют меня, его терпение не дает мне малодушничать. Я чувствую, что если я повидаюсь с ним, снова запасусь энергией, по крайней ме-

О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ И Н.А. КЛЮЕВ

Рисунок А.М. Ремизова. 1920

Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Н.А. КЛЮЕВ

Рисунок А.М. Ремизова. 1921

Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ре, на год. Да не одной энергией! Вспомни, какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество, а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении "Ткачи". Да, он переродил меня» (Там же. С. 109–110. См. также: *Макагонова Т.М.* Архив В.Э. Мейерхольда // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 124). Мейерхольд и Ремизов совместно перевели с немецкого очерк: *Родэ А.* Гауптман и Нитцше: К объяснению "Потонувшего колокола". М.: изд. В.М. Саблина, 1902. В 1902 г. Мейерхольд возглавил организованную им труппу и два сезона работал в Херсонском театре: в 1902–1903 г. – "Труппа русских драматических артистов под управлением А.С. Кошеверова и В.Э. Мейерхольда", в 1903–1904 г. – "Товарищество новой драмы". 20 апреля 1903 г. Ремизов сообщал П.Е. Щеголеву из Херсона: "Мейерголд ⟨*sic*!⟩ прислал предложение поселиться в Херсоне при театре, не знаю пока в каком качестве и с каким вознаграждением" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1509).

[5] В июне 1903 г. Ремизов с Брюсовым в Москве не встретился; Брюсов в конце мая поселился на даче (Старое Село Можайского уезда). 18 июня 1903 г. Ремизов сообщал Щеголеву из Одессы: "У Брюсова Брюсова не застал, разговаривал с m⟨adam⟩e" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1513).

[6] В.М. Ремизов – старший брат писателя, главный бухгалтер Московского коммерческого банка.

14. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1903, 6 августа. Херсон,
Ганибаловская ул. Новый дом Бенович, кв. Гескиса[1].

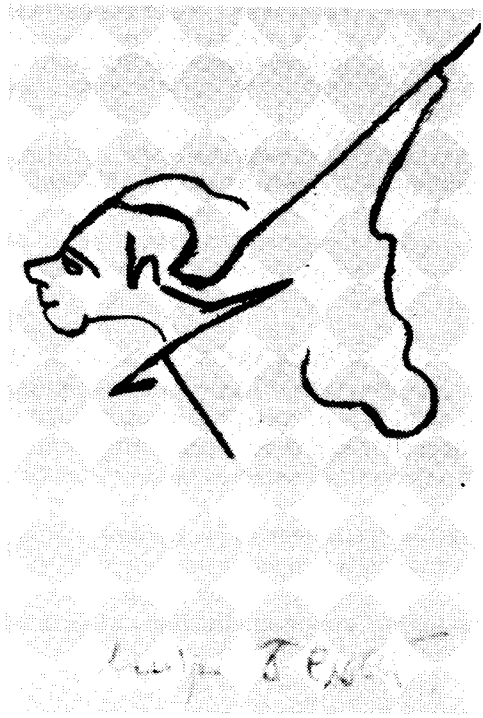
Дорогой Валерий Яковлевич!

Хочу просить Вас: поговорите с С.А. Поляковым, не включит ли он в издание С. Пшибышевского драму "Снег", не надобны ли ему "стихотворения в прозе"? (обращаюсь к Вам, а не к С.А. – снизойдите до моей запуганности!)[2].

М. ГОРЬКИЙ

Рисунок А.М. Ремизова.
1919–1920 гг.

Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград



А. БЕЛЫЙ

Рисунок А.М. Ремизова.
1919–1920 гг.

Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Посылаю перевод "Тоски" (Tęsknota), исходивший многие редакции и возвращенный со смехом[3].

Между прочим, о "Снеге" пишу П.П. Перцову и жду отказа[4].

Глубоко уважающий Вас Алексей Р е м и з о в.

[1] Ремизов поселился в Херсоне 19 июня 1903 г. (см.: *На вечерней заре*. С. 171–172) – сначала в гостинице Лондонской, а с 4 августа – по указанному адресу (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1515). 17 июля 1903 г. Ремизов писал из Херсона А.П. Зонову: "Месяц назад приехал сюда, взял нумер и затворился, выходя на свет только на полчаса в библиотеку".

[2] Драма Станислава Пшибышевского "Снег" (Śnieg, 1903) и его же стихотворения в прозе в переводе Ремизова в Собрании сочинений Пшибышевского, предпринятом в изд-ве "Скорпион" (кн. I–IV. М., 1904–1906), напечатаны не были. Драма была выпущена отдельным изданием: *Пшибышевский С.* Снег. Драма в 4-х актах / Пер. Серафимы Ремизовой и Алексея Ремизова. М.: тип. М.А. Добрышева, 1903 (дата цензурного разрешения – 17 декабря 1903 г.). В своей рецензии на русские переводы "Снега" С.А. Поляков (Весы. 1904. № 5; подпись: С. Ещбоев) подверг ремизовский перевод резкой критике – в частности, за ошибки в передаче польских слов и выражений: "...полагаю, что перевод в значительной мере способствовал затемнению многих мест пьесы и вполне оправдывает недоумение публики".

[3] Рукопись "Тоска (стихотворение в прозе) С. Пшибышевского (перевод А. Ремизова)" сохранилась при письме. "Тоска" является частью прозаической поэмы Пшибышевского "В долине слез" (см.: *Пшибышевский С.* Полн. собр. соч. М.: изд. В.М. Саблина, 1905. Т. 1: Поэмы. С. 53–56). Текст перевода "Тоски", фактически идентичный (за исключением отдельных незначительных разночтений) тексту, присланному при письме к Брюсову, опубликован в кн.: *Письма к Маделунгу*. С. 79–80 (Пшибышевский Ст. Тоска. Перевод А.М. Ремизова и И.П. Каляева). «Каляев перевел "Тоску" Пшибышевского», – указывает Ремизов в воспоминаниях (*Иверень*. С. 200); видимо, Ремизов, готовя собственный перевод "Тоски", учитывал опыт Каляева, с которым часто виделся в Вологде: «Иван Платонович Каляев служил корректором в "Северном крае" и часто приезжал в Вологду к Савинкову» (Там же). Окончательная отделка перевода была осуществлена Ремизовым; ср. фразу в его письме к С.П. Довгелло из Одессы от 18 июня 1903 г.: «Переписал "Тос-

ку". Думаю, и еще раз» (*На вечерней заре*. С. 171). В письме к О. Маделунгу от 9 сентября 1903 г. Ремизов сообщает, что ему удалось получить похвальный отзыв о своем переводе "Тоски" от самого Пшибышевского: «Не в похвальбу, а в правду: Пшибыш⟨евский⟩ находит перевод моей Тоски таким, о котором он "не мог подумать, не мог погрезить" Он "ужаснулся родственности"» (*Письма к Маделунгу*. С. 14–15.). Среди "многих редакций", о которых упоминает Ремизов, в первую очередь следует назвать редакцию херсонской газеты "Юг". «Познакомился с газетой "Юг", у нас издается, – писал Ремизов Щеголеву 16 августа 1903 г. – Намучился и натерпелся; все, что ни скажу, – "декадентство и декадентство" ⟨...⟩ Над "Тоской" Пшибыш⟨евского⟩ хохотали...» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1516).

[4] 7 августа 1903 г. Ремизов сообщал О. Маделунгу: «Перевожу сейчас "Снег", последнюю драму Пшибышевского ⟨...⟩ Может, напечатают в Нов⟨ом⟩ Пут⟨и⟩» (*Письма к Маделунгу*. С. 13). Упоминания о переводе "Снега" в известных нам письмах Перцова к Ремизову отсутствуют.

15. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

1903. Старое Село. ⟨Середина августа⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Ваш перевод "Тоски" и "Стихотв⟨орений⟩ в прозе" может пойти в нашем издании, но лишь в 3-ем томе, т.е. не скоро[1]. 2-ой том почти весь напечатан[2]. "Снег" у нас есть в переводе какой-то дамы, которой Пшибышевский дал "авторизацию". Хотя он дает их очень-таки неосмотрительно, но все же как не уважить "воли" автора[3].

Что́ доставите нам для "Цветов" 4⟨-го⟩ года? В этом году они будут особенные – с бесконечным числом рисунков – и желательно получить материал пораньше: м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ с ним можно будет сочетать "картинку"[4]. Выработаны у нас и новые "условия" для авторов, единообразные для всех, вместо прежнего деления на "знаменитых", грабивших "Скорпион" (каковы Мережковские и др.), и "скромных"... увы! грабимых "Скорпионом".

Напишите мне о себе.

Очень Ваш Валерий Б р ю с о в.

Москва. Цветной. 24.

[1] По получении этого письма Ремизов сообщал Щеголеву (16 августа 1903 г.): «Брюсов обещает отдать мне перевод "Стих⟨отворений⟩ в прозе"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1516). В III томе Собрания сочинений Пшибышевского (М.: Скорпион, 1906) был помещен роман "Дети сатаны" в переводе Евг. Троповского; "Поэмы в прозе" вошли в IV том (1906), но переводы Ремизова в нем не были напечатаны.

[2] II том "скорпионовского" Собрания сочинений Пшибышевского ("Pro domo mea", "De profundis", "У моря", "Сын земли" в переводах М.Н. Семенова, Е.Н. Троповского и С.А. Полякова) вышел в свет гораздо позднее (на титульном листе – 1905 г.).

[3] Драма "Снег" в "скорпионовском" Собрании сочинений Пшибышевского не была напечатана. Видимо, ее перевод был выполнен Лидией Петровной Лебедевой (см. о ней также: наст. кн., Переписка с Поляковым, п. 43, прим. 2), которой принадлежит также перевод пьесы Пшибышевского "Золотое руно" (1902), не вышедший в свет и сохранившийся в архиве С.А. Полякова (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 31); 8 ноября 1902 г. Ремизов писал Щеголеву из Москвы: "Золот⟨ое⟩ Рун⟨о⟩ – набрано, переводчица Лебедева, лично знакомая с Пшибышевск⟨им⟩ и им рекомендованная" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1494). Позднее Ремизов касался темы "авторизации" переводов Пшибышевского в письме к А.П. Зонову от 15 августа 1905 г.: «...особенно осторожно относитесь к предложениям через доверенного Пшибышевского. Он свою доверенность раскидывает направо и налево. А потом и сам не помнит. Так случилось с Ал. Вознесенским из "Одес⟨ских⟩ новостей", которому Пшибышевский отдал все свои драмы. Так случилось с Саблиным, которому одновременно с "Скорпионом" он дал разрешение на исключительное издание своих произведений» (копия из Собрания Р.Л. Щербакова).

[4] Очередной выпуск альманаха "Северные цветы" вышел не в 1904 г., а в 1905 г. под названием «Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства "Скорпион"» (М., 1905). Альманах был издан с рисунками и заставками Н.П. Феофилактова, выполненными по образцам ассирийского искусства.

16. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Херсон, 18 авг⟨уста⟩ 1903.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Если перевод "Poezye prozą" никому не отдан, дайте его мне. Переведу с любовью. Часть книги уже готова[1]. Не знаю, полагается ли гонорар, если да, попросите прислать сколько-нибудь: очень у меня денежные дела плохи.

Перевод "Снега" отсылаю в Гл⟨авное⟩ Упр⟨авление⟩ по Дел⟨ам⟩ Печ⟨ати⟩, а потом Мейерхольду отдам[2]. Досадно и больно: "Мещанами" да "Днами" запрудили театр[3].

В "С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩" мечтаю прислать "Иуду". Как только отделаю, к Вам на суд[4]. А то, что у Вас имеется, думаю переделать и опять к Вам. Хотелось "Демона" (к карт⟨ине⟩ Врубеля) увидеть, да "М⟨ир⟩ Иск⟨усства⟩" задерживает в неопределенности. Д.В. Философов писал, может, в Врубелевском № пойдет[5]. Да, Валерий Яковлевич, послал я в Гриф несколько стихов. Так ли я сделал?[6] Из "Н⟨ового⟩ П⟨ути⟩" жду обратно "Мир зырянский"[7]. Пришлю полюбоваться северными химерами. Зиму пробуду в Херсоне. Поступил к Мейерхольду в театр пьесы подбирать для репертуара. Думает он день в неделю посвящать одиноким: ставить старого Метерлинка, Пшибышевского, устраивать вечера памяти По, Бодлэра[8]. Что из этого выйдет – не знаю. Город прежде всего глупый, потом косный. Стихов не любят, даже самых доступных про "хвылю" и про "хмару", которые распевает здешняя поэтесса "Днипрова Чайка"[9]. Но, удивительное дело, слово "декадентство" знают, оно у них вроде "желтого билета"... Впрочем, что я: это ведь и везде так. Так оно и должно.

А пьесы подбирать придется во утешение публики...[10]

Не разберусь никак в "Н⟨овом⟩ П⟨ути⟩". Можно ли им посылать переводы из "Химеры"[11]. Не попытать ли снова представить вновь переработанный "Плен"?

Глубоко уважающий Вас Ал. Р е м и з о в.

Херсон, Ганибаловская, Новый дом Бенович,
Фотография Гескиса[12].
Алексею Михайловичу Ремизову.

Ответ на п. 15.

[1] Беловой автограф перевода "Поэм в прозе" Станислава Пшибышевского, выполненного Ремизовым и его женой Серафимой Павловной Ремизовой-Довгелло (по изданию: *Przybyszewski S.* Poezye prozą. W-wa, 1902), сохранился в архиве Ремизова (*ЦГАЛИ*. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 42). Рукопись составляют следующие поэмы и фрагменты: "Памяти Юлия Словацкого", "Предвечный источник", "Тоска", "Где взять Тебя?", "Introibo", "Аметисты", "Над фиордом", "Эдем", "Cupio Dissolvi", "Памяти Шопена", "Толедо" (ввиду неразработанности библиографии Ремизова, данными об их публикации мы не располагаем). Роль С.П. Ремизовой-Довгелло в переводах, предпринимавшихся Ремизовым с польского, была весьма значительной. 16 августа 1903 г. Ремизов писал Щеголеву: "Научила меня С.П. по-польски переводить" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1516).

[2] Ремизов отсылал перевод "Снега" в Главное управление по делам печати для получения разрешения пьесы к постановке. 16 ноября 1903 г. Мейерхольд писал А.П. Чехову из Херсона: "Скоро я пришлю вам новую пьесу Пшибышевского "Снег" (перевод моего друга Ремизова). Вам пьеса очень понравится. Мне кажется" (*ЛН*. Т. 68. С. 446). Ремизовский перевод, по замечанию С.А. Полякова, был единственным из четырех изданных в 1904 г. переводов "Снега" дозволенным к представлению (Весы. 1904. № 5. С. 56). См. также п. 26, прим. 5.

[3] Подразумевается сценический успех пьес М. Горького "Мещане" и "На дне". Отстаивая позиции символистского театра, Ремизов, однако, не разделял однозначно отрицательной оценки многими модернистами творчества Горького. «Горького стал знать с его первых книг в годы моей пензенской ссылки – 1898, – вспоминает Ремизов. – Его рассказы были мне, как весенний ветер, и это ничего не значит, что я зачеркиваю и перечеркиваю страницы, я говорю о моем чувстве. Познакомился в Петербурге – 3 января 1906 года – и записал в дневнике общими словами: "какой умный и сердечный человек"» (*Петербургский буерак*. С. 125). В книге воспоминаний "Подстриженными глазами" (1951) Ремизов признается: «Горького я принял с восторгом, побеждая свое природное уродство – чрезмерно обостренный слух: у Горького было то, к чему открыты мои глаза: "легенда"» (*Ремизов А.М.* Избранное. С. 485).

[4] 26 июня 1903 г. Ремизов писал С.П. Довгелло из Херсона: «Взялся за "Иуду". Вчитываюсь в евангелие, чтобы изобразить "рамку"» (*На вечерней заре*. С. 175); 16 августа 1903 г. он же сообщал П.Е. Щеголеву: «Набросал поэму "Иуда" для "Сев⟨ерных⟩ цвет⟨ов⟩"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1516). Видимо, в августе 1903 г. Ремизов подготовил лишь самый предварительный набросок этого произведения. 9 сентября 1903 г. он писал О. Маделунгу: "Приступаю к Иуде"; аналогично сообщение в письме к Маделунгу от 12 октября: "За Иуду принимаюсь" (*Письма к Маделунгу*. С. 14, 16).

[5] Речь идет о стихотворении в прозе Ремизова (полный текст его см. во вступ. ст. к наст. публ.). Рукопись была представлена Ремизовым в редакцию журнала "Мир искусства". Член редакции Д.В. Философов писал П.Е. Щеголеву 23 января 1903 г.: "Не забудьте статьи Р⟨емизова⟩ о Врубеле" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1818); он же сообщал Ремизову 28 марта 1903 г.: «Относительно Вашей рукописи о "Демоне" Врубеля пока определенно высказаться не могу. Не можете ли Вы оставить у нас рукопись еще на некоторое время?» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 25). 30 мая 1903 г. Ремизов, упоминая в письме к С.П. Довгелло о «по-

здравительном письме от "Мира Искусства"», отмечал: «...насчет моего "Демона" ни слова» (*На вечерней заре*. С. 167). Письмо Философова, в котором шла речь о предполагаемом "врубелевском" номере журнала, в архиве Ремизова не сохранилось.

[6] Еще 8 июня 1903 г. Ремизов сообщал С.П. Довгелло из Москвы: «Приготовил для "Грифа" стихотворение "в прозе", завтра отсылаю» (*На вечерней заре*. С. 170). В «Альманахе "Гриф"» (М., 1904) были напечатаны три произведения Ремизова – "Молитва", "Последний час" и "Иван-Купал". Редактор-издатель "Грифа" С.А. Соколов извещал Ремизова о получении его вещей для альманаха 5 августа 1903 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 27). Ремизов представил в "Гриф" большее количество произведений, чем то, которое было включено в альманах. Соколов писал ему 16 сентября: «Некоторые из Ваших вещей пойдут в декабрьском альманахе. "Молитва" – наверное, "Неизгладимое" – почти наверное, из остальных не все. Вы хорошо сделали бы, если бы прислали нам рассказ, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ стихотворный отдел (куда я отношу и стихотворения в прозе) у нас представлен весьма обильно» (Там же. Л. 28). По получении от Ремизова рассказа "Иван-Купал" Соколов сообщал ему (5 ноября 1903 г.), что этот рассказ и "стихотворения в прозе за исключением одного или двух пойдут во II Альманахе, который по разным обстоятельствам выйдет в свет не в декабре, а в январе" (Там же. Л. 29). Какой из рассказов Ремизова был предложен "Грифу" под заглавием "Неизгладимое" – неизвестно.

[7] 23 июня 1903 г. Ремизов сообщал С.П. Довгелло: «Написал: "Омель и Ен", "Бубыля". Все это под общим "Зырянский мир". Если все будет по-хорошему, напишу "Кикимора" и "Икёта". Думаю послать З.Н. Гиппиус» (*На вечерней заре*. С. 173–174). На следующий день он писал ей же: «Закончил "зырянский мир" ⟨...⟩ Пожалуй, лучше послать Брюсову»; 25 июня: «Целый день переписывал "Зырянский мир", ждет вас, чтобы поехать к Брюсову» (Там же. С. 174, 175). Однако это намерение тогда не было осуществлено. 17 июля 1903 г. Ремизов сообщал Щеголеву: «Написал ряд картинок: "Сотворение мира" (вариант заглавия – "Омель и Ен". – *А.Л.*), "Кикимора", "Бубыля", "Икёта", "Заклинание Ветра" под общим названием "Мир зырянский". Пришлю раньше, а куда их – пообсудите, написаны неразмеренным стихом» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1514). В письме от 27 июля Ремизов предлагал Щеголеву пристроить "Мир зырянский" в "Новый путь" (Там же. Ед. хр. 1515). В "Новом пути" этот цикл не был напечатан. Часть произведений, составлявших "Мир зырянский", была напечатана в составе цикла "Полунощное солнце" в альманахе *СЦ 1905*: I. Омель и Ен. II. Полезница. III. Кутья-Войса. IV. Икёта. V. Плач девушки перед замужеством. VI. Кикимора. Произведения на темы зырянского (мансийского) фольклора были объединены в цикле Ремизова "Северные цветы" (см.: *Ремизов А.* Чертов лог и Полунощное солнце. С. 251–289).

[8] 22 июля 1903 г. Ремизов писал Н.М. Минскому: "Из Вологды переехал в Херсон. Столичные губернии ограничили на 5 лет. Поступил тут в театр Мейерхольда заведовать репертуаром. Предполагают один раз в неделю ставить пьесы нового театра" (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 322). В составе группы "Товарищества новой драмы", арендовавшей херсонский театр, "на афише стояло имя А.М. Ремизова без обозначения его обязанностей; на самом деле Ремизов был чем-то вроде заведующего репертуаром и литературным консультантом Товарищества. Влияние нового заведующего литературной частью сказалось уже в проспекте. Основным репертуаром сезона объявлялись четыре пьесы Ибсена, три Метерлинка, четыре Пшибышевского, пять Гауптмана и три Шнитцлера" (*Волков Н.* Мейерхольд. Т. I. С. 169).

Ср. позднейшие свидетельства Ремизова: "Сезон 1903 до поста 1904 г. в Херсоне с Театром. ⟨...⟩ "Заведование репертуаром" оказалось шире, чем я думал. И вначале я совсем растерялся: в мои обязанности входила и корреспонденция и отправка на почту. Заниматься своим не оставалось времени. Вспоминаю это время, как тягчайшее. Тем более, что для театра в прямом смысле мало чего было сделано" (*На вечерней заре* 2. С. 237).

[9] Дніпрова Чайка – псевдоним украинской писательницы Людмилы Алексеевны *Василевской* (1861–1927). Ремизов был с нею лично знаком; 27 января 1904 г. он писал из Херсона Щеголеву: «Перевожу "Иуду" Конисского. С⟨ерафима⟩ П⟨авловна⟩ и Днипрова Чайка помогают» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1529). Александр Яковлевич *Конисский* (1836–1900) – украинский писатель; упоминаемый перевод "Иуды" был напечатан в апрельском номере журнала "Правда" за 1904 г.

[10] Неудовлетворенность началом своей службы в херсонском театре Ремизов высказывал и в письме к О. Маделунгу от 9 сентября 1903 г.: "Впервые познал, что такое служить на жало⟨ва⟩нии и идти куда велят, оставлять дорогое, с незаглохшим стоном вычислять проценты. Странно Вам слышать: вся моя, *моя* деятельность в театре только в мечте, а пока нагружают земным и я несу, понимаете Аггей Андрееви⟨ч⟩, как верблюд несу" (*Письма к Маделунгу*. С. 14). Впрочем, после открытия сезона (16 сентября) круг обязанностей Ремизова ограничился. «Жизнь установилась, – писал он Щеголеву 1 октября 1903 г. – Всякую "рассылку" и беготню с меня сняли ⟨...⟩ Получаю 40 р.» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1518). Сетования на театральную рутину и на неподготовленность публики, которая "хохочет плюющим хо́хотом и в ладоши хлопает и понукает и злорадствует", имеются и в корреспонденции Ремизова "Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона" (Весы. 1904. № 4. С. 37).

[11] "Химера" ("Chimera") – основной журнал польских модернистов, издававшийся в Варшаве в 1901–1907 гг.

[12] 6 июля 1903 г. Ремизов писал из Херсона С.П. Довгелло: "Взял две очень хорошие комнаты, 25 р. в месяц. Никакой мебели покупать не надо, полагается и прислуга. В фотографии! ⟨...⟩ Но – с 1 августа" (*На вечерней заре*. С. 182–183).

17. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

20 авг⟨уста⟩ 1903. Херсон.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Так ведь помнил и забыл совсем в прошлый раз: если никому не отдан перевод Nad morzem, очень, очень бы хотел взять себе[1]. Там такая оргия огней-жал, огней-песен, огней-криков... Читал весной перевод одной барышни, и страшно стало: Ну как, думаю, и у вас в такие руки попадет.

Может быть, самонадеян я...

Глубоко Вас уважающий А. Р е м и з о в.

[1] Поэма в прозе Ст. Пшибышевского. 9 сентября 1903 г. Ремизов сообщал О. Маделунгу: «С помощью Серафимы Павловны перевожу "Над морем"» (*Письма к Маделунгу*. С. 14). Перевод Ремизова опубликован не был.

18. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

Москва, август 1903.

Дорогой Алексей Михайлович!

Вы спрашиваете, что такое "Нов⟨ый⟩ Путь". Бальмонт охарактеризовал его очень точно: "Это – помойная яма, не достаточно глубокая, чтобы иметь прелесть отвратительности". Теперь и Вы знаете секрет полишинеля[1].

Я бы очень хотел услужить Вам. Но совсем не знаю, как достичь этого. III-ий том Пшибышевского только предполагается и в каком-то далеком будущем, никак не раньше чем через год, ибо II-ой еще не напечатан[2]. А потом сейчас "времена трудные" – осень, новых изданий продавать не начали, а оплачивать надо очень многое. Хуже же всего то, что в денежных делах "Скорпиона" я никакой роли не играю: это всецело во власти С.А. Полякова и М.Н. Семенова. Наибольшее, что́ могу сделать – передать Ваше письмо им, но никак не берусь Вас обнадеживать. Присылайте скорей "Иуду", м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это поможет.

Дело Ваше в Херсоне всеконечно безнадежное. Из По, Бодлэра, Метерлинка здесь ничего не выйдет, ибо это уже не Вологда и еще не Париж. А слово "декадентство" в столицах перестает быть ругательством. Напротив, очень явно декадентство становится модой. Что́ хуже, не знаю. Бранить декадентство – делается провинциализмом, переходит на страницы провинциальных газет.

"Грифы" существа безвредные. Посылайте им – это хорошо. А то собственные их изделия очень уж слабы[3].

Знаете ли, что мироискусники взамен большого Мира затеивают маленький, но (это лучше, чем просто микрокосм) со стихами, рассказами, драмами![4] Было бы хорошо, по-настоящему. Но это пока "секрет".

Сердечный (на самом деле) привет Мейерхольду.

Очень Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 16. Написано не ранее 21 августа. Ремизов сообщил о его получении О. Маделунгу 9 сентября 1903 г.: "Письмо Вал. Б. хорошее" (*Письмо к Маделунгу*. С. 14).

[1] Брюсов пересказывает фрагмент из письма К.Д. Бальмонта к нему от 26 июля 1903 г. (см. наст. том, кн. I, Переписка с Бальмонтом, п. 94). Приводя эти же слова Бальмонта в письме к Андрею Белому (август 1903 г.), Брюсов добавляет: "Он не неправ" (*ЛН*. Т. 85. С. 362). Ср. письмо Брюсова к Андрею Белому (около 20 августа 1903 г.), также содержащее резкую критику "Нового пути" (*ЛН*. Т. 85. С. 365).

[2] Сп. п. 15, прим. 2.

[3] Ко времени написания письма был издан первый «Альманах книгоиздательства "Гриф"» (М., 1903), который Брюсов расценил как "серый и по обертке, и по содержанию" (*Дневники*. С. 131).

[4] 4 августа 1903 г. Д.В. Философов писал Брюсову: «Вы испуганы судьбой "Мира Иск⟨усства⟩". Не пугайтесь. Это не так страшно, тем более, что в случае прекращения "М⟨ира⟩ И⟨скусства⟩" предположено основать новый журнал, с более широкой программой, т.е. со стихами и беллетристикой» (*ГБЛ*. Ф. 386, 106, 32). О проекте реорганизации "Мира искусства" Брюсов писал в августе 1903 г. также Андрею Белому (*ЛН*. Т. 85. С. 365). Ни этот замысел, ни проект объединения "Мира искусства" и "Нового пути" в один

журнал с привлечением к сотрудничеству А.П. Чехова, также обсуждавшийся летом 1903 г. (см.: *Лавров А.В.* Архив П.П. Перцова // *Ежегодник 1973*. С. 43–46; *Корецкая И.В.* "Мир искусства" // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века, 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 169–171), не были реализованы.

19. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1903 окт⟨ября⟩ 1.
Херсон, Ганибаловская, Нов⟨ый⟩ д⟨ом⟩ Беновича,
Фотография Гескиса (А.М. Ремизов).

Дорогой Валерий Яковлевич!

Напишите мне, пожалуйста, пьесы, которые, на Ваш взгляд, следовало бы перевести[1].

Просто надо самим создавать репертуар.

Никак не припомню заглавие пьесы, о которой Вы говорите в статье о Художественном театре[2].

Кланяется Вс.Э. Мейерхольд.

Уважающий Вас глубоко А. Р е м и з о в.

[1] Переводы пьес предполагались для постановки в "Товариществе новой драмы".

[2] Видимо, Ремизов имеет в виду либо драму Вилье де Лиль-Адана "Новый свет", либо драму Г. Ибсена "Когда мы, мертвые, пробуждаемся", о которых идет речь в статье Брюсова "Ненужная правда. (По поводу Московского Художественного театра)" (Мир искусства. 1902. № 4); драма Ибсена при этом в тексте не называется, упоминаются только ее герои – Рубек и Ирена. См.: VI, 69, 71.

20. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 1903. ⟨Октябрь⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Трудно что-либо посоветовать Вам. Драм "новых" поэтов я знаю много, но все они либо "несценичны", либо очень трудны к постановке. Таковы драмы Эм. Верхарна, Самэна, С. Пеладана[1]. Более подойдут драмы Стринберга[2], хотя они растянуты. Легко поставить "Смерть Тициана" Гофмансталя[3], но на мой вкус она неинтересна. Лучше его "Мировая трагедия"[4], но Ваша публика заскучает. Почему не хотите Вы поставить "Драму жизни" Гамсуна (др⟨аматической⟩ ценз⟨урой⟩ разрешена) и драмы Аннунцио (в нашем изд⟨ании⟩ тоже)?[5] или из старых вещей Метерлинка, хот⟨я⟩ бы "Тэнтажиля"?[6]

Писал ли я Вам, что "Снег" Пшибышевск⟨ого⟩ у нас есть (перевод)[7], а "У моря" даже уже напечатано[8].

Ждем чего-либо для "Сев⟨ерных⟩ Цветов" – лучше бы всего рассказ.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Если цензура не остановит, получите скоро книгу моих новых стихов[9].

Ответ на п. 19.

[1] Подразумеваются пьесы Эмиля Верхарна "Зори" ("Les Aubes", 1898), "Монастырь" ("Le Cloître", 1899), "Филипп II" ("Philippe II", 1901), лирическая драма "Полифем" ("Polythème", издана в 1901 г.) французского поэта Альбера Самена (1858–1900); пьесы Жозефена (Сара) Пеладана "Вавилон" ("Babylone", 1895), трилогия о Прометее ("La Prométhéïde", 1895), "Эдип и Сфинкс" ("OEdipe et le Sphinx", 1897), "Семирамида" ("Sémiramis", 1897). Ремизов с вниманием отнесся к брюсовским рекомендациям. "Хотелось бы познакомиться с Верхареном, С. Пеладаном (театр)", – писал он Щеголеву 8 ноября 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1523). Ни одна из пьес этих авторов "Товариществом новой драмы" поставлена не была; однако Ремизов и Мейерхольд надеялись включить в репертуар произведения модернистов, готовясь к тифлисскому сезону 1904–1905 гг. 16 января 1904 г. Ремизов писал Щеголеву: "За лето переведем пьес 12 для Тифлиса самых новейш⟨их⟩. Сара Пеладана, Верхарена, де Лиль Адама, Гофмансталя" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1528). Ср. письмо Ремизова к О. Маделунгу от 27 января 1904 г.: "А драм переводим уйму: всего Пшибыш⟨евского⟩, Гофмансталя, Арно Holz'a, Dehmel'a, Verhaeren'a, Сара Пеладана. Все будут поставлены в театре Мейерхольда на будущий год" (*Письма к Маделунгу*. С. 18).

[2] Из многочисленных пьес Августа Стриндберга "Товарищество новой драмы" избрало для постанов-

ки социально-психологические драмы "Отец" ("Fadren", 1887; премьера состоялась в Тифлисе 18 января 1905 г.) и "Фрекен Юлия" ("Графиня Юлия") ("Fröken Julie", 1888; премьера – в Тифлисе 19 марта 1906 г.). Ср. свидетельство Н.В. Кодрянской: «"Фрекен Юлия", пьеса Стриндберга, в переводе Ремизова ставилась Мейерхольдом в Тифлисе"» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 149).

[3] "Смерть Тициана" ("Der Tod des Tizian", 1892) – драматический отрывок крупнейшего австрийского писателя-символиста Гуго фон Гофмансталя (Hofmannsthal, 1874–1929). "Товарищество новой драмы" поставило другую пьесу Гофмансталя – "Женщина в окне" (премьера в Тифлисе 14 декабря 1904 г.) – в переводе Ремизова; ср. сообщение А.П. Зонова в письме к Ремизову 1905 г.: «"Женщ⟨ину⟩ в окне" ставили в Вашем переводе» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 113).

[4] Пьесы под таким заглавием у Гофмансталя нет. Возможно, Брюсов подразумевает его одноактную пьесу "Безумец и Смерть" ("Der Tor und der Tod", 1893; издана в 1899 г.).

[5] Имеются в виду издания "Скорпиона": *Гамсун К.* Драма жизни / Пер. с норв. С.А. Полякова. М., 1902; *Д'Аннунцио Г.* Трагедии / Пер. с ит. Ю. Балтрушайтиса. М., 1900 ("Мертвый город", "Джиоконда". "Слава").

[6] Драма Мориса Метерлинка "Смерть Тентажиля" ("La Mort de Tintagiles", 1894) была намечена к постановке "Товариществом новой драмы" (об этом Ремизов писал Щеголеву 1 и 31 октября 1903 г. – *ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1518, 1521), наряду с двумя другими его пьесами – "Непрошенная" ("Втируша") и "Там, внутри" ("За стенами дома"), согласно сообщению в письме Ремизова Н.М. Минскому от 28 октября 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед.хр. 322). Однако 6 декабря 1903 г. Ремизов извещал Минского: "Постановка Втируши и Смерти Тентажиля отлагается на некоторое время за болезнью антрепренера" (Там же). В "Товариществе новой драмы" эта постановка так и не состоялась. Позднее, летом 1905 г., в Москве Мейерхольд подготовил постановку "Смерти Тентажиля" в переводе Ремизова в "Театре-студии", который не был открыт. Ремизов сообщал П.Е. Щеголеву в недатированном письме 1905 г.: «В театре "Студия" (Москва) спектакли начнутся 2 октября. Для открытия ставится "Смерть Тентажиля" Мориса Метерлинка в переводе Алексея Ремизова"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1554). Ремизовский перевод, по всей вероятности, вызвал критические замечания Брюсова. 20 сентября 1905 г. Мейерхольд писал ему: «От имени всей труппы слезно молю подправить нам текст ремизовского перевода "Смерти Тентажиля" ⟨...⟩ Вы уж подправьте самые безнадежные места» (*Мейерхольд В.Э.* Переписка, 1896–1939. М., 1976. С. 57). Премьера "Смерти Тентажиля" в постановке Мейерхольда состоялась в Тифлисе 19 марта 1906 г. (см.: *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1. С. 95–96, 329–330). Когда было принято решение о работе Мейерхольда в театре В.Ф. Комиссаржевской с лета 1906 г. (окончательный договор подписан в Москве 25 мая 1906 г.), Ремизов выражал надежды на постановку в этом театре "Смерти Тентажиля", ссылаясь на мнение Брюсова; 20 мая 1906 г. он писал Мейерхольду: «"Смерть Тентажиля" не имею черновика. Перепишу немедленно, как только получу от Вас экземпляр ⟨...⟩ По мне оставить лучше "Смерть", Брюсов то же думает» (*ЦГАЛИ*. Ф. 998. Оп. 1. Ед.хр. 2303). Однако Мейерхольд в театре Комиссаржевской эту пьесу Метерлинка не ставил.

После Октябрьской революции было принято решение опубликовать "Смерть Тентажиля" в переводе Ремизова и "с режиссерскими примечаниями Мейерхольда" в библиотеке "Репертуар" (см. протокол заседания бюро Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса от 10 февраля 1919 г. – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. Ед.хр. 5. Л. 133), но запланированное издание не было осуществлено.

[7] См. п. 15, прим. 3.

[8] Прозаическая поэма Пшибышевского "У моря" вошла во II том его "скорпионовского" Собрания сочинений (см. п. 15, прим. 2).

[9] Книга *UO* вышла в свет в середине октября 1903 г.

21. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

25 окт⟨ября⟩ 1903, Херсон.
Ганибаловская, Н⟨овый⟩ д⟨ом⟩ Бенович,
Фотогр⟨афия⟩ Гескиса. А.М. Ремизов.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Иуду.

Найдете его достойным Сев⟨ерных⟩ Цвет⟨ов⟩, – очень рад буду[1].

А из того, что послал Вам зимой и весной, будет что-нибудь напечатано?

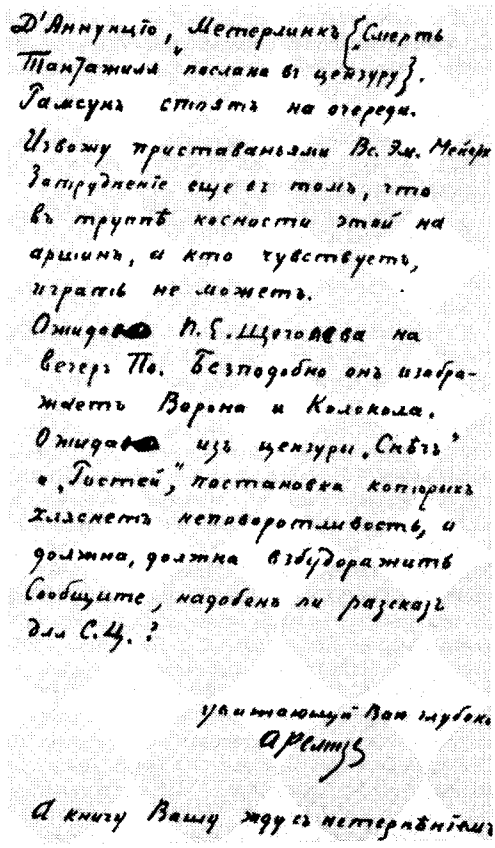
Или мне пересмотреть и Вам прислать?

Пожалуй, последнее лучше.

Те книги, о которых писали, выписал.

У нас тут многие владеют чужими языками: и Верхарена, и С. Пеладана, и Гофмансталя, всех их переведут и в цензуру[2]. Услышите о новой какой пьесе, пишите сюда.

Д'Аннунцио, Метерлинк ("Смерть Тентажиля" послана в цензуру), Гамсун стоят на очереди[3]. Извожу приставаньями Вс. Эм. Мейерх⟨ольда⟩. Затруднение еще в том, что в труппе косности этой на аршин, а кто чувствует, играть не может[4].



25 окт. 1903

Херсонъ
Ганибаловская, Н.д. Беновичъ, Фотогр. Гескиса
А. М. РЕМИЗОВЪ.

Дорогой Валерій Яковлевичъ!
посылаю Иуду.
Найдете его достойнымъ Сѣв. Цвѣт.,
– очень радъ буду.
А изъ того, что послалъ Вамъ
зимой и весной, будетъ что нибудь
напечатано?
Или мнѣ пересмотрѣть и Вамъ
прислать?
Пожалуй, послѣднее лучше.
Тѣ книги, о которыхъ писали,
выписалъ.
У насъ тутъ многіе владѣютъ
чужими языками: и Верхарена
и С. Пеладана и Гофмансталя
всѣхъ ихъ переведутъ и въ цензуру.
Услышите о новой какой пьесѣ,
пишите сюда.

Д'Аннунціо, Метерлинкъ {„Смерть
Тантажиля" послана въ цензуру}.
Гамсунъ стоятъ на очереди.
Извожу приставаньями Вс. Эм. Мейерх
Затрудненіе еще въ томъ, что
въ труппѣ косности этой на
аршинъ, а кто чувствуетъ,
играть не можетъ.
Ожидаю П.Е. Щеголева на
вечеръ По. Безподобно онъ изобра-
жаетъ Ворона и Колокола.
Ожидаю изъ цензуры „Снѣгъ"
и „Гостей", постановка которыхъ
хляснетъ неповоротливость, и
должна, должна взбудоражить
Сообщите, надобенъ ли разсказъ
для С.Ц.?

уважающій Вас глубоко
А Ремизъ

А книгу Вашу жду съ нетерпѣніемъ

ПИСЬМО А.М. РЕМИЗОВА БРЮСОВУ

Автограф. Херсон, 25 октября 1903 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Ожидаю П.Е. Щеголева на вечер По. Бесподобно он изображает Ворона и Колокола[5]. Ожидаю из цензуры "Снег" и "Гостей", постановка которых хляснет неповоротливость, и должна, должна взбудоражить[6]. Сообщите, надобен ли рассказ для С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩?[7]

Уважающий Вас глубоко А. Р е м и з о в.

А книгу Вашу жду с нетерпением.

Ответ на п. 20.

[1] Поэма "Иуда" была закончена Ремизовым во второй половине октября 1903 г. "Сейчас Иудой занимаюсь", – писал Ремизов Щеголеву 17 октября 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1519); 25 октября он сообщал ему же: "Посылаю Иуду. Послал его в С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩ (Брюсову). Если найдете нетвердым его, можно и назад взять" (Там же. Ед. хр. 1520).

[2] См. п. 20, прим. 1 и 3.

[3] Пьесы Кнута Гамсуна и Габриэле Д'Аннунцио "Товариществом новой драмы" не ставились. О постановках Метерлинка см. п. 20, прим. 6.

[4] О неподготовленности актеров к произведениям "нового" репертуара Ремизов писал и в корреспонденции "Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона" (Весы. 1904. № 4. С. 37).

[5] Стихотворения Эдгара По "Ворон" ("The Raven", 1844) и "Колокола" ("The Bells", 1849). Вечер Эдгара По в Херсоне, по всей вероятности, не состоялся. В архиве Щеголева сохранилась присланная ему Ремизовым вырезка из газеты "Юг" (1903, № 1574, 3 сент.) – прозаический перевод"Ворона" Э. По за подписью: Н. Филиппов; напечатан под рубрикой "Фельетон" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 2. Ед.хр. 66).

[6] См. п. 16, прим. 2. 25 октября 1903 г. Ремизов также писал Щеголеву: «Ожидаю "Гостей" (пришлось переводить самому с указаниями С⟨ерафимы⟩ П⟨авловны⟩ ⟨...⟩), "Снега", "Смерть Тентажиля", "Бранта"»

(*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1520; "Брант" – драматическая поэма Г. Ибсена "Бранд", "Товариществом новой драмы" поставлена не была). 28 октября Ремизов сообщал Н.М. Минскому, что "Снег" и "Гости" намечены к постановке "с ноября" ("С. Пшиб⟨ышевский⟩, разреш⟨енный⟩ в перев⟨оде⟩ моей жены") (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 322). Перевод пьесы "Гости", выполненный, по всей вероятности, Ремизовым в соавторстве с женой, напечатан не был, хотя Ремизов предпринимал попытки его опубликовать: «"Гости" – печатаются, пришлю», – сообщал он Маделунгу 27 января 1904 г. (*Письма к Маделунгу*. С. 18). Поставлена пьеса "Товариществом новой драмы" также не была. 5 октября 1904 г. Ремизов писал А.П. Зонову: «Добиваюсь от Всеволода постановки "Гостей" и "Драмы Жизни", о которых мечтаю написать». Когда Мейерхольд организовал в Москве летом 1905 г. "Театр-студию", Ремизов вновь пытался обратить его внимание на пьесу Пшибышевского. «Ходатайствуйте перед Всеволодом о постановке "Гостей" Пшибышевского, – писал он Зонову 1 июля 1905 г. – Убедите его, это драма великого значения» (Там же).

[7] 17 октября 1903 г. Ремизов писал Щеголеву о своих намерениях в этой связи: «... отделаю рассказ "Пожар" для С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1519). В *СЦ 1905* был напечатан только цикл прозаических поэм Ремизова "Полунощное солнце". Рассказ "Пожар" (1903) впервые опубликован в журнале "Золотое руно" (1906, № 4).

22. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

4 дек⟨абря⟩ 1903. Херсон
(Витовская, Бунцельман, кв. Бурлюк. А. Ремизов).

Дорогой Валерий Яковлевич!

Перевел "Сынов земли" (С. Пшибы⟨ше⟩в⟨ского⟩), первую часть (Малярия), вторую начал[1].

Нельзя ли в "Весах" пристроить?[2] С этой просьбой и обращаюсь к Вам.

Уважающий Вас Ал. Ремизов.

Спасибо Вам за книжку[3].

[1] "Сыны земли" ("Synowie ziemi", 1901) – роман Ст. Пшибышевского в трех частях ("Малярия", "Сумерки", "Ultima Thule"). В начале XX в. этот роман восемь раз издавался в русских переводах (см.: *Цыбенко Е.З.* Польская литература рубежа XIX и XX веков в России // Русская и польская литература конца XIX – начала XX века. М., 1981. С. 247), в том числе во II томе "скорпионовского" Собрания сочинений Пшибышевского и отдельным изданием в "Скорпионе" (М., 1905) в переводе Евг. Троповского. 27 января 1904 г. Ремизов писал Маделунгу: «Может, через год издаст Скорпион "Сынов земли" (последняя повесть Пшибышевского, с которой очень хотелось бы Вас познакомить: в Одессе попытаю счастье предложить ее тоненькому журнальчику ⟨...⟩)» (*Письма к Маделунгу*. С. 18; "журнальчик" – "Южные записки"). Ремизовский перевод романа Пшибышевского был отвергнут владельцем "Скорпиона" С.А. Поляковым; 27 мая 1904 г. Ремизов писал жене из Москвы: «Виделся с С.А. Поляковым. О "Сынах земли": Пшибышевский прислал в "Скорпион" перевод не только I и II, но и III-ей части, которая по-польски появится позже. Поляков заметил, что в нашем переводе есть ошибки; ему было очень неловко возвращать мне рукопись». «Конечно, никакой неловкости не было, – добавляет Ремизов в позднейшем пояснении, – а о III ч⟨асти⟩ – выдумка, и никакого перевода Пшибышевский не присылал, переводил Пшибышевского "свой человек" М.Н. Семенов» (*На вечерней заре* 2. С. 243).

[2] О начале издания с января 1904 г. в Москве символистского журнала "Весы" Ремизов мог узнать из печатного проспекта, который распространялся в конце 1903 г., или из объявлений в периодической печати. См.: *ЛН*. Т. 85. С. 262.

[3] См. п. 20, прим. 9. Отношение Ремизова к книге Брюсова "Urbi et Orbi" было весьма скептическим. 31 октября 1903 г. он писал Щеголеву: «Прочитал Брюсова: мучает меня одна вещь в современных писателях – "не глыбко мыряют", за плечами ничего, ровно ничего не чувствуешь ⟨...⟩ Все ждешь, на чем бы остановиться, запомнить, как запоминается Ворон, Неизгладимое, Тоска (Пшибышевск⟨ого⟩). Только у Бальмонта, единственного в "К⟨нигоиздательств⟩е Скорпионе", звучит долгая страшная нота из корней сердца, а остальные "играют в игры любовные"» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1521).

23. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1903, 6 дек⟨абря⟩.
Херсон, Витовская ул., д. Бунцельман, кв. Бурлюк.
(А.М. Ремизов)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Только что бросил письмо к Вам и опять пишу. Извиняюсь, а вынуждают обстоятельства.

Не могу ли еще попросить Вас дать мне перевод "Поэм в прозе" С. Прибышевс⟨кого⟩ (в издании "Скорпиона")[1].

Сообщите и об этом, назначьте срок.
Еще раз извиняюсь.

Уважающий Вас А. Р е м и з о в.

[1] Эту просьбу Ремизов ранее высказывал Брюсову в п. 14 и 16. См. также п. 15, прим. 1.

24. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 13 декабря 1903 г.⟩

Но, уважаемый Алексей Михайлович, ведь "Весы" *критический* журнал, наподобие английского Athaeneum'a[1]; в нем не будет ни стихов, ни драм, ни повестей – только статьи, корреспонденции и библиография. Вот бы Вы написали корреспонденцию о Вашей деятельности в Херсоне! Было бы очень интересно.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 22 и 23.
Датируется по почт. шт.

[1] См. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 47, прим. 7.

25. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 1903. ⟨Не ранее 24 декабря⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

"Новый Путь" предлагает Вам у себя "должность" секретаря. Условия – скромные: 60 р. и квартира. Хотите ли Вы? А главное, можно ли Вам жить в Петербурге? Ответьте – мне, а если *согласны и можно*, то Петру Петровичу Перцову – Казань, Поперечно-Грузинская, д⟨ом⟩ Токаревой (не телеграммой ли?)[1].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] Вопрос о предполагаемом секретарстве Ремизова в "Новом пути" Брюсов и П.П. Перцов должны были обсуждать 24 декабря 1903 г.; неизвестно, кому именно из них принадлежала инициатива приглашения Ремизова на эту должность. 16 декабря 1903 г. Перцов писал Брюсову из Петербурга: "*Чрезвычайно важно*: я *23-го* отсюда поеду в Казань. В Москве – на один день. Это будет: *24-го*, среда, сочельник. Сообщите *экстренно*: *когда в этот день можно Вас застать дома*? Видеться необходимо: есть очень важная тема". О том, что темой беседы Брюсова и Перцова должен был стать вопрос о вакантной должности секретаря "Нового пути", которую с января 1903 г. занимал Е.А. Егоров, можно судить по другой фразе из того же письма Перцову: «У нас крупная новость: Егоров едет на войну корреспондентом "Нов⟨ого⟩ Врем⟨ени⟩" (конечно, если война осуществится)» – подразумевалась назревавшая русско-японская война (*ГБЛ*. Ф. 386, 98.11). Брюсов в ответном письме, полученном Перцовым 20 декабря, выразил готовность встретиться с ним в назначенный день (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед.хр. 23). Однако планы Егорова уйти из "Нового пути" тогда не осуществились; он пробыл на должности секретаря по апрель 1904 г. См.: *Ежегодник 1973*. С. 47.

26. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Херсон. 3 янв⟨аря⟩ 1904*
Витовская, д. Бунцельман, кв. Бурлюк.
(А.М. Ремизов)

С Новым годом!

Дорогой Валерий Яковлевич!

Никак не могу в Петербурге жить: еще 4 года и 5 месяцев Запрету[1].

Очень благодарен за извещение. А мне бы очень хорошо было некий приют найти – в феврале сезон оканчивается[2].

Зажмурившись, в Киев поеду[3], а там как птица. В Весы напишу не о том, что было, а о чем мечталось в "Театре новой драмы"[4].

Удалось поставить "Снег". Два представления и почти полные сборы[5]. Знаю, Ва-

*У Ремизова описка: 1903.

лерий Яковлевич, у Вас теперь с Весами много работы, не хочу затруднять Вас ответами. Зайдет к Вам знакомый херсонец, займет у Вас мгновенье, а Вы ему скажите:[6]

I. Представляет ли что-нибудь тот Иуда, которого послал Вам[7], могу ли надеяться увидеть его в "Сев⟨ерных⟩ Цвет⟨ах⟩" 1904? (Прочитал Иуду Каспровича[8] – нехорошее шевельнулось в сердце против себя – у того боль, боль...)

II. Что делать с "Полунощным Солнцем?[9]

III. Прислать ли для С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩ те прошлогодние стихи, которые тогда запоздали? Не поручит ли мне Скорпион перевести Поэмы в прозе С. Пшибышевского?[10]

Уваж⟨ающи⟩й Вас глубоко Алек⟨сей⟩ Р е м и з о в.

Ответ на п. 25.

[1] После окончания вологодской ссылки (31 мая 1903 г.) Ремизову было запрещено проживание в столицах в течение пяти лет.

[2] Последняя премьера "Товарищества новой драмы" в Херсоне в сезон 1903–1904 г. ("Вишневый сад" А.П. Чехова) состоялась 4 февраля. 19 февраля Ремизов уехал из Херсона в Одессу (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. х.р 249. Л. 55).

[3] В Киеве Ремизов поселился 21 июня 1904 г. (Там же).

[4] В своей корреспонденции "Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона" Ремизов говорил о высшем предназначении "нового" театра: «... театр подымется на высочайшие вершины – глянут в глаза человека великие дали, разверзнутся у подножия темные глуби – разыграется священная мистерия... И актер и зритель, как один человек, объятые экстазом, погрузятся в единое действие, в единое чувство. Голоса души невнятные и странные, голоса души, слышные лишь в страшные минуты, запылают огненными языками неведомых образов. И осветится земля улыбкой красавицы-мученицы. Театр – не забава и развлечение, театр не копия человеческого убожества, а театр – культ, обедня, в таинствах которой сокрыто, быть может. Искупление... О таком театре мечтает "Новая Драма"» (Весы. 1904. № 4. С. 36–37).

[5] К письму приложена программа спектакля "Снег" (по пьесе Ст. Пшибышевского в переводе А. и С. Ремизовых и в постановке В.Э. Мейерхольда), состоявшегося 19 декабря 1903 г. (премьера) и 2 января 1904 г. в херсонском театре. Сохранился режиссерский экземпляр ремизовского перевода "Снега" с пометами и записями Мейерхольда (*ЦГАЛИ*. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 43). В своем "Письме из Херсона" Ремизов отмечал: «"Товариществу новой драмы" принадлежит инициатива постановки на русской сцене "Снега" Ст. Пшибышевского ⟨...⟩ Постановка, в которой сказалось большое художественное чутье режиссера Мейерхольда, сумевшего сочетать в тоне, красках и пластике символику драмы с ее реальным сюжетом, желанное, любовное отношение актеров к своим ролям, все это сыграло симфонию снега и озими, успокоения и неукротимой жажды, изобразило исстрадавшуюся душу и трепетно-дерзкое сердце творца "Тоски" ⟨...⟩ Первые два представления сделали сборы выше среднего» (Весы. 1904. № 4. С. 38, 39). Ремизов уделил внимание в этой статье также разбору отдельных ролей в пьесе.

[6] Сохранилась записка Ремизова к Брюсову, датированная 5 января 1904 г.: "Валерий Яковлевич, вот тот человек, о котором писал Вам, скажите ему, о чем просил" (*ГБЛ*. Ф. 386, 100. 14. Л. 4).

[7] См. п. 21, прим. 1.

[8] "Иуда" ("Judasz") – написанная свободным стихом поэма крупнейшего польского поэта конца XIX – начала XX в. Яна Каспровича (Kasprowicz, 1860–1926), входящая в его символический цикл "Гимны" ("Hymny", 1902). См.: *Kasprowicz J.* Dzieła wybrane. Kraków, [1958]. T. II. S. 99–114.

[9] См. п. 16, прим. 7. Беловой автограф цикла "Полунощное солнце" (состоящего из стихотворений: "Сотворение Мира", "Ветер", "Кикимора", "Бубыля", "Кутья-войса", "Икёта") сохранился в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 100. 16. Л. 16–29); в автографе имеются варианты по отношению к тексту, опубликованному в *СЦ 1905*.

[10] См. п. 23.

27. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. Около 7–10 января 1904⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

О "Иуде" я Вам писал дважды (точно)[1]. Раз спрашивал об отношении Вашей поэмы к поэме Каспровича. Второй раз сообщал, что Ваша поэма *будет* напечатана в "С⟨еверных⟩ Цв⟨етах⟩", если только Вы **не** участвуете в альманахе Грифа. Сотрудники двух альманахов этого года *должны* быть различные[2]. Очень обидно, если это письмо не дошло. Вам также писал Перцов и не получил ответа[3]. Не затеривались ли письма к Вам при Вашем переезде[4]? Пшибышевский все в старом положении. II том еле печатается, материал для III тома (куда могут войти Ваши переводы), ко-

нечно, нужен, но когда будет этот III том напечатан – Бог весть. Вероятно, и не в 1904 году[5].

Присылайте корреспонденцию о мечтах "Театра Новой Драмы", но сообщите и о реальных событиях. Известите о своем адресе в Киеве. Пишите корреспонденции из Киева – о театре, художеств⟨енных⟩ выставках, лекциях, событиях в музеях, реставрациях в храмах etc. etc. Если хотите, пришлем "сотруднический билет", но не знаю, поможет ли он пред разными дирекциями.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

1904.

Ответ на п. 26.

[1] Эти письма Брюсова в архиве Ремизова отсутствуют.

[2] Еще летом 1903 г. Ремизов послал в «Альманах "Гриф"» свои произведения (см. п. 16, прим. 6). Попытка Брюсова ультимативным образом разграничить участников "Северных цветов" и альманахов "Грифа" не увенчалась успехом, наткнувшись на сопротивление со стороны других "скорпионовцев"; в частности, на этой почве в начале декабря 1903 г. произошел инцидент между Брюсовым и Андреем Белым (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 371–374). О возможности предъявления подобного "ультиматума" Ремизова предупреждал редактор-издатель "Грифа" С.А. Соколов в письме от 5 ноября 1903 г.: «"Скорпион", недовольный развитием деятельности "Грифа", намерен потребовать от всех своих сотрудников, дабы они не печатались в "Грифе", на том основании, что "Гриф", будучи по направлению в общем аналогичным "Скорпиону", по мнению последнего, является совершенно "лишним" ⟨...⟩ Как бы то ни было, вероятно, Вы получите со временем со стороны "Скорпиона" ультиматум в том смысле, что участвующие в "Грифе" не будут принимаемы в "Северные цветы". Как отнестись к такому ультиматуму, дело Вашей совести, но мне хочется думать, что Вы поступите так, как должен поступить человек, которому дорога его внутренняя свобода. Прошу не замедлить ответом, как решили Вы отнестись к возможному ультиматуму "Скорпиона"» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 29–29об.; ср. письмо Соколова к Блоку от 3 ноября 1903 г. аналогичного содержания – *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 529). В своем ответе (текст его нам неизвестен) Ремизов выразил солидарность с Соколовым; последний писал ему 23 ноября 1903 г.: «Прочел Ваше письмо с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. "Свободный" человек иначе поступить не мог. Могу сообщить Вам, что так же поступили: Бальмонт, Белый, Миропольский и Александр Блок» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 30). В тот же день Соколов извещал Блока: "Наши отношения с Скорпионом по-прежн⟨ему⟩ неопределенны. Его ультиматум, как видится, ни на кого не производит должного впечатления. По крайней мере, с ним решительно отказались считаться, кроме Вас – Бальмонт, Белый, Миропольский и Ремизов" (*ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 530). 27 января 1904 г. Ремизов писал Маделунгу: «"Иуду" моего приняли в "С.Ц.", но появится ли он в печати, вопрос. Почему-то надо мое неучастие в "Грифе", а там в скором времени появится несколько стихов» (*Письма к Маделунгу*. С. 17). Позднее, в письме к жене из Москвы от 24 мая 1904, г., Ремизов сообщал: «В "Весах" встретил Брюсова. "Иуда" будет напечатан непременно» (*На вечерней заре 2*. С. 240).

[3] В письме от 20 ноября 1903 г. П.П. Перцов предлагал Ремизову прислать в "Новый путь" «что-нибудь "беллетристическое" – и чем скорее, тем лучше» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 18).

[4] Ремизов переехал на другую квартиру (Херсон, Витовская ул., дом Бунцельмана, квартира Бурлюк) в начале ноября 1903 г. (впервые этот адрес он сообщает в письме к Щеголеву от 8 ноября 1903 г. (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1522). Квартира принадлежала семье поэта и художника Д.Д. Бурлюка. «Серафима Павловна всегда считалась "ученицей" Д.Д. Бурлюка. С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и с Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С.П. многолетняя дружба» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. [Берлин]: изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 77). Д.Д. Бурлюк отмечает во "Фрагментах из воспоминаний футуриста": "В 1903 г. встречался, или, вернее, жил в одном доме с Алексеем Михайловичем Ремизовым, он снимал в Херсоне, в квартире моей матушки" (*ГПБ*. Ф. 552. Ед. хр. 1).

[5] См. п. 15, прим. 1 и 2.

28. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

13 янв⟨аря⟩ 1904.

(Херсон, Витовская, д. Бунцельман, кв. Бурлюк)

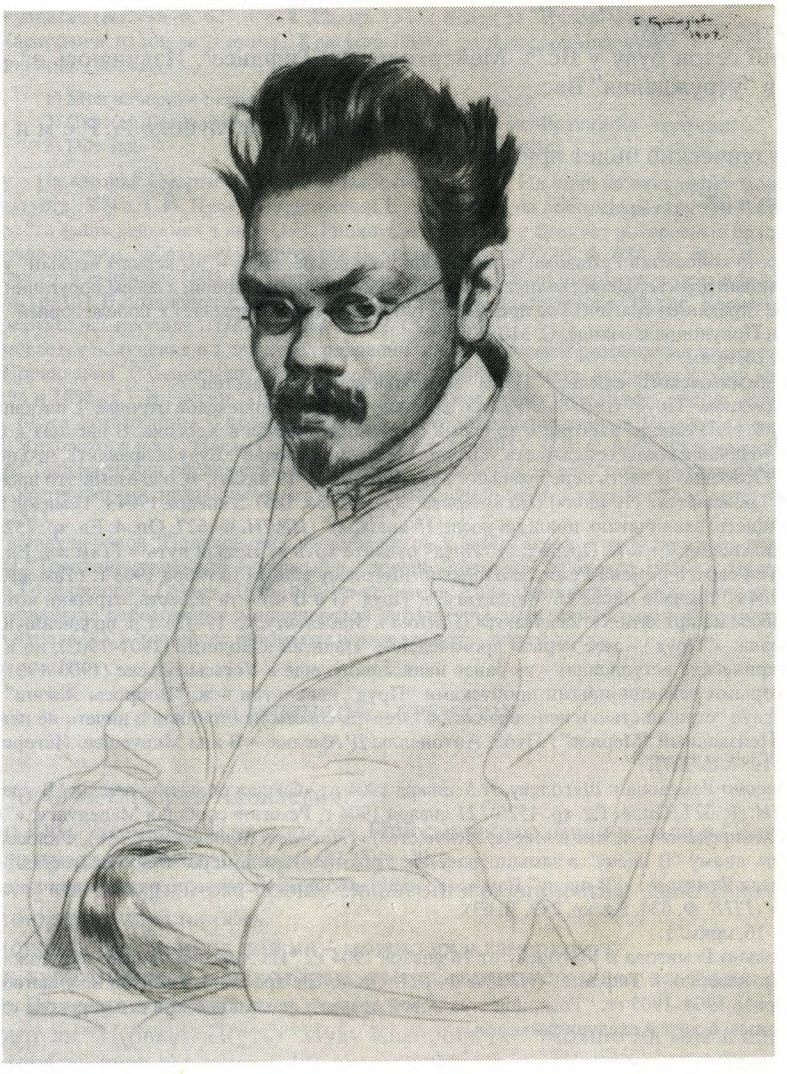
Дорогой Валерий Яковлевич!

Тех двух писем, о которых пишете, не получил.

А в августе писали:

"Грифы – существа безвредные. Посылайте им – это хорошо. А то собственные их изделия очень уж слабы"[1].

И очутился я, как пень среди луга. Северные цветы люблю, как Пасху. Об Иуде, как пламеннике веры и венце всяких страданий[2], сколько раз думал, особенно в скитаниях по тюрьмам, когда рушились все эти трухлявые перегородки, что жизнь нашу



А.М. РЕМИЗОВ

Портрет работы Б.М. Кустодиева. Карандаш. 1907
Литературный музей, Москва

разделяют, и сердце человеческое, такое горячее и сиротливое, странным своим голосом подавало голос.

А недавно с Каспровичем познакомился и страшно привязался к нему[3]. Иуду его переведу и пришлю Вам[4].

Не умею я будничностью пользоваться, и выходит все слишком "мысленно", а у Каспровича вон и "шинкарочка", и "рыжий он", и "кровавая полоска" на шее.

Посылаю сейчас П.Е. Щеголеву, передаст П.П. Перцову, "Пруд"[5] – мучился какой-то итог подвести этой будничной жизни, в которой мы, гордые люди, будто знаем что и, слепые, мним зрячими.

А боюсь, что в будничности хватил через край, и "князь мира сего", с прожженным страд⟨а⟩ниями и преступающим сердцем загородился этими перегородками.

"В плену" (переработал) послал в "М⟨ир⟩ Ис⟨кусства⟩" (к Д.В. Философову), что будет, не знаю[6].

"Поэмы в прозе" переведу все и книжкой пришлю Вам[7].

О театре напишу.

Зимний сезон буду у Вс.Э. Мейерхольда в Тифлисе[8]. Извиняюсь за распространенность и "утруждения" Вас.

Уважающий глубоко А. Р е м и з о в.

Сотруднический билет пришлите.

Ответ на п. 27.

[1] См. п. 18.

[2] Согласно концепции Ремизова, развиваемой им в поэме, Иуда – "из верных верный" ученик Христа, свыше избранный для свершения величайшего злодения и переживающий в своем поругании веры и любви глубочайшие страдания; трагическое предательство Иуды "путь открывает к победе горней..." (*Ремизов А.* Чертов лог и Полунощное солнце. С. 310, 305).

[3] См. п. 26, прим. 8.

[4] Текст ремизовского перевода "Иуды" Каспровича нам неизвестен.

[5] Над романом "Пруд" (первоначальное заглавие – "Огорелышевское отродье"), писавшемся в Вологде в 1901–1902 гг., Ремизов работал и во время своего пребывания в Херсоне. В письмах к С.П. Довгелло он сообщал: «Начал с конца отделывать "Огорелышевское отродье". Буду исправлять, что попадет» (7 июля 1903 г.); "Особенно II часть переделываю. I-ую сокращаю" (9 июля); «Со слезами это проклятое "Отродье" ("Пруд") рождается» (10 июля) (*На вечерней заре.* С. 184, 185). 5 января 1904 г. Ремизов писал Щеголеву: "Пруд II ч⟨асть⟩ заканчиваю, пришлю после 15 янв⟨аря⟩" (*ИРЛИ.* Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1526); 16 января – ему же: «... посылаю II часть Пруда ⟨...⟩ "Пруд" отдайте хоть в "Новый путь"» (Там же. Ед. хр. 1528). I-ю часть рукописи своего романа Ремизов отправил Щеголеву еще 17 октября 1903 г. (Там же. Ед. хр. 1519). 27 января 1904 г. Ремизов писал О. Маделунгу: «"Пруд" (I и II ч.) – та повесть, отрывки которой Вы знаете, – пока никем не принята. Отказывают» (*Письма к Маделунгу.* С. 17–18). Ср. позднейшую автохарактеристику романа: «"Пруд" – мое первое произведение. Написан в Вологде (1901–1902), но в него вошло – "запевы" (лирические вступления) – из ранее написанного еще в Устьсысольске (1900–1901). В 1-й редакции с некоторыми редакционными пропусками "Пруд" напечатан в ж. "Вопросы Жизни" в 1905 г. ⟨...⟩ "Пруд" отпугнул "странностью и непонятностью", теперь совсем не странной и ничего не непонятной» (*Ремизов А.М.* Неизданный "Мерлог" / Публ. Антонеллы Д'Амелиа. – В кн.: Минувшее. Исторический альманах. 3. Paris, 1987. С. 227).

[6] Ср. письмо Ремизова к Щеголеву от 5 января 1904 г.: «Сделал попытку: послал "В плену" к Философову» (*ИРЛИ.* Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1526). 27 января 1904 г. Ремизов сообщал Маделунгу: «"В плену" (4-ая редакция) – неопределена, лежит в Мир⟨е⟩ Искус⟨ства⟩» (*Письма к Маделунгу.* С. 18). Философов предполагал поместить поэму "В плену" в замышлявшемся стихотворном номере "Мира искусства". Однако 7 мая 1904 г. он писал Ремизову: «"В плену" Вам возвращаю, ибо номер стихов по разным причинам вряд ли появится в свет» (*ГПБ.* Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 63).

[7] См. п. 16, прим. 1.

[8] Ср. письмо Ремизова к Щеголеву от 16 января 1904 г.: "Из Херсона на лето переезжаем, наверно, в Одессу. Зиму, наверно, в Тифлисе" (*ИРЛИ.* Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1528). Ремизов не участвовал в тифлисской антрепризе 1904–1905 гг. "Товарищества новой драмы", однако пьесы в его переводе ставились труппой Мейерхольда в этот и следующий сезон.

29. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904. Херсон. Витовская, д. Бунцельман. кв. Бурлюк.
23 янв⟨аря⟩.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю "Иуду" Каспровича. Если найдете перевод хорошим, предложите П.П. Перцову напечатать в пасхальной книжке Н⟨ового⟩ П⟨ути⟩[1].

Отчего бы К.Д. Бальмонту не процензуровать "Привидения"[2]. Пришлось прикрыться немецкой аккуратностью г.А. и П. Ганзен[3].

А. Р е м и з о в.

[1] Ремизовский перевод поэмы "Иуда" Яна Каспровича (см. п. 26 и 28) опубликован не был и текст его нам неизвестен. 27 января 1904 г. Ремизов сообщал Щеголеву: «Послал Брюсову "Иуду" Каспровича, чтобы передал Н⟨овому⟩ П⟨ути⟩» (*ИРЛИ.* Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1529); в тот же день он писал Маделунгу: «Может (!), напечатают "Иуду" Яна Каспровича» (*Письма к Маделунгу.* С. 18). Более месяца спустя, в начале марта 1904 г., секретарь "Нового пути" Е.А. Егоров писал П.П. Перцову в Казань: «Нет ли у Вас "Иуды" Ремизова? Он пишет, что послал его через Брюсова» (*ИРЛИ.* Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1298). Перцов, в свою очередь, запрашивал Брюсова (13 марта 1904 г.): «Не у Вас ли "Иуда" Ремизова? Если да – отошлите Мережковским» (*ГБЛ.* Ф. 386. 98.12). 4 апреля 1904 г. Ремизов писал Щеголеву: «Еще зимой послал Брюсову

перевод "Иуды" Каспровича, просил передать в "Н⟨овый⟩ П⟨уть⟩". Писал об этом Перцову. Ответа не получил. Если бы узнать» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1537). Вслед за "Иудой" Ремизов перевел в 1904 г. и другие поэмы Каспровича из цикла "Гимны". 8 августа 1904 г. он извещал Маделунга: "... перевел стихами vers libre – Каспровича: (поэмы)

1) Моя вечерняя песня
2) Святый Боже, святый крепкий
3) Dies irae
4) Саломея
5) Гимн св. Франциска Ассизского
6) Salve Regina

и драмат. поэму – На взгорье Смерти" (*Письма к Маделунгу*. С. 30). Ни один из этих переводов опубликован не был. 12 августа 1904 г. Г.И. Чулков (сменивший Е.А. Егорова на посту секретаря "Нового пути") сообщал Ремизову: "... наша редакция в лице З.Н. Гиппиус все бракует и бракует интересные беллетристические вещи и, между прочим, забраковала почти все Ваши переводы" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 67об.). В письме к Чулкову от 9 сентября 1904 г. Ремизов просил прислать "все отвергнутое редакцией" (*ЦГАЛИ*. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 15). В позднейших заметках Ремизов упомянул о переводе "Иуды" Каспровича: "Нигде не появился, и рукопись пропала" (*На вечерней заре 2*. С. 240).

[2] Подразумевается получение в Главном управлении по делам печати разрешения на постановку драмы Г. Ибсена "Привидения" ("Gengangere", 1881) в переводе К.Д. Бальмонта, изданном к тому времени трижды (в 1892, 1894 и 1896 гг.). В России "Привидения" длительное время находились под цензурным запретом и впервые были поставлены 7 января 1904 г. в Петербургском театре Неметти (см. коммент. В. Беркова и М. Янковского в кн.: *Ибсен Г.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1957. Т. 3. С. 844). Бальмонтовский перевод "Привидений" был расценен норвежским критиком Олафом Брюком как "очень слабая работа, со многими ошибками, неточностями, неудачными местами..." (*Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 281).

[3] Имеется в виду перевод "Привидений", выполненный А. и П. Ганзен; в этом переводе драма Ибсена была поставлена "Товариществом новой драмы" в Херсоне (премьера 20 января 1904 г.). Датско-русский литератор Петр Готфридович *Ганзен* (1846–1930) и его жена Анна Васильевна *Ганзен* (рожд. Васильева, 1869–1942) – крупнейшие переводчики скандинавской литературы на русский язык; их переводы пьес Ибсена получили в начале XX в. всеобщее признание и переиздаются по сей день.

30. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

18 февр⟨аля⟩ 1904. Херсон.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам "Японскую гравюру" З. Пшесмыцкого. Если нельзя в "Весы", хочу попросить Вас предложить ее в "Нов⟨ый⟩ Путь"[1].

Извиняюсь, уж который раз прошу Вашего посредничества: знаю Вашу авторитетность и свою незначительность.

Если подписи переводчиков лишни – можно их и зачеркнуть[2].

В именах художников и в некоторых специальных терминах сомневаюсь, хотел бы попросить Волошина прочитать и поправить[3].

Напечатает ли "Н⟨овый⟩ П⟨уть⟩" Иуду Каспровича?[4] Можно ли мне напечатать в Скорпионе книжку, куда бы вошли: "В плену", "Полунощное солнце", "Демон", "Иуда" и стихи под названием "Опьяняющая жажда"?[5]

Не думает ли кто издавать по-русски Каспровича, внушить бы Саблину[6].

О Мейерхольде очень скоро пришлю в "Весы"[7].

Завтра уезжаю в Одессу[8]. Адрес пока: Одесса до востребования. Пробуду там до сентября, а потом в Тифлис[9].

Глубоко уваж⟨ающий⟩ Вас Алексей Р е м и з о в.

[1] "Японская гравюра" ("Drzeworyt japoński") – очерк одного из теоретиков и основоположников польского модернизма Мириама (псевдоним Зенона Пшесмыцкого (Przesmycki), 1861–1944). Ремизовский перевод не был напечатан ни в "Весах", ни в "Новом пути". Ремизов получил обратно рукопись от Брюсова в июне 1904 г. "Японская гравюра" была опубликована в журнале "Вопросы жизни" (1905, № 2). См. также п. 40, прим. 3.

[2] Перевод "Японской гравюры", выполненный Ремизовым совместно с женой, С.П. Ремизовой-Довгелло, был опубликован без указания имен переводчиков.

[3] По всей вероятности, Ремизов не знал, что М.А. Волошин (статья которого "Скелет живописи" была опубликована в № 1 "Весов" за 1904 г.) жил в это время в Париже. Их личное знакомство состоялось лишь осенью 1906 г. в Петербурге (см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* М. Волошин и А. Ремизов // *Волошинские чтения*. С. 93).

[4] См. п. 29, прим. 1.

[5] Задуманная Ремизовым книга не была принята "Скорпионом" к печати. Подробнее см. п. 36.

[6] Владимир Михайлович *Саблин* (1872–1916) – московский издатель и переводчик. Издательство В.М. Саблина (1901–1912) специализировалось преимущественно на изданиях переводов новейших западноевропейских писателей. Сочинения Яна Каспровича в этом издательстве не выходили.

[7] См. п. 31, прим. 2.

[8] 18 февраля 1904 г. Ремизов сообщал Щеголеву: "Получен циркуляр о высылке с окраин быв⟨ших⟩ поднадз⟨орных⟩. Едем в Одессу на волю Божью" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1531). По пути в Одессу Ремизов останавливался в Николаеве (20–21 февраля) и Елисаветграде (21–22 февраля) (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 55).

[9] См. п. 28, прим. 8.

31. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

25 февр⟨аля⟩ 1904. Одесса.

Дорогой Валерий Яковлевич!

С сегодняшнего дня в Одессе поселился до осени[1].
Адрес мой: Одесса, Раскидайловская № 5, кв. 10.
Валерий Яковлевич, пришлите мне "Весы".
О театре Мейерхольда очень скоро пришлю[2].

Алексей Ремизов.

[1] Ремизов с женой приехал в Одессу 23 февраля 1904 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 55). 25 февраля Ремизов сообщал О. Маделунгу: "Только сегодня водворился; нашел приют себе, а то все в дороге – в двух городах побывали, в Николаеве и Елисаветграде, а потом в гостинице застряли. Много было приключений, ибо и я и С.П. в жизни малый толк знаем" (*Письма к Маделунгу*. С. 21). Ремизов прожил в Одессе до 21 мая 1904 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 249. Л. 55).

О пребывании в Одессе Ремизов вспоминает: "В Одессу мы переехали из Херсона по окончании театрального сезона ранней весной 1904 г. Жили мы на Молдаванке в крайней бедности. 18 апреля родилась Наташа. В конце мая С.П. поехала с ней в Берестовец, а я в Москву (нелегально)"; ср. его же краткую запись о жизни в Одессе: "Тут была и самая настоящая нищета. Жутко вспоминать" (*На вечерней заре 2*. С. 238, 289).

[2] Рукопись "Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона" Ремизов отправил Брюсову 1 марта с сопроводительной запиской (*ГБЛ*. Ф. 386, 100.14. Л. 14). Корреспонденция была опубликована в "Весах" (1904, № 4).

32. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

18 июня 1904. Новое Царицыно.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сегодня уезжаю, адрес оставил швейцару[1].

Был в Петербурге[2]. Посылают Вам поклоны Д.В. Философов и Г.И. Чулков[3].

"Н⟨оый⟩ П⟨уть⟩" спрашивает адрес К.Д. Бальмонта, будете писать, упомяните[4].

Из Вологды А.А. Маделунг[5] приветствует Вас, в восторге от Вашей опасной книги[6]. Спрашивает, как приглянулся Вам "Цвет познания", можно ли его увидеть в Сев⟨ерных⟩ цветах?[7]

Теперь о своих горестях: что Сергей Александрович, – одобрил ли "В плену", можно ли наверно знать, что осенью у Вас напечатается вместе с материалом, который доставлю[8].

В Киеве попытаюсь поговорить с Бердяевым[9], не возьмет ли он "В плену" для "Вопросов жизни"[10]. О результа⟨та⟩х сообщу.

Всего Вам хорошего

Алекс. Ремизов.

[1] Видимо, адрес был оставлен в гостинице "Метрополь" для передачи в редакцию "Весов". Из Москвы Ремизов уехал не 18-го, а 20-го июня; с 21 июня он поселился в Киеве (см.: *На вечерней заре 2*. С. 264–265).

[2] На протяжении месяца (с 21 мая до 21 июня) Ремизов находился в разъездах, побывал в Москве, в Петербурге и в Вологде. В Москве он виделся с Брюсовым в редакции "Весов".

[3] Находясь в Петербурге, Ремизов встречался с Д.В. Философовым и Г.И. Чулковым (редакция "Нового пути"), выясняя перспективы опубликования своих произведений. О встречах с Чулковым и Философовым Ремизов подробно рассказывает в письмах к жене от 5, 6 и 7 июня 1904 г. (*На вечерней заре 2*. С. 249–252).

О. МАДЕЛУНГ

Фотография Л. Раевского. Вологда, 1902
Литературный музей, Москва

[4] Бальмонт в это время находился в Париже; 21 июня ст. ст. он уехал оттуда в Испанию (см. наст. кн., Переписка с Волошиным, п. 38, прим. 6 и п. 39, прим. 1).

[5] Оге (Аггей Андреевич) *Маделунг* (1872–1949) – вологодский друг Ремизова; датчанин, живший в России в 1893–1895 и 1897–1906 гг. В Вологде Маделунг в 1897–1905 гг. занимался закупкой и экспортом масла. Сблизившись с колонией вологодских политических ссыльных, Маделунг предпринял, при поддержке Ремизова, попытки стать русским литератором модернистского толка. Впоследствии Маделунг стал известным датским и немецким писателем. Подробнее см. в предисловии П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера в кн.: *Письма к Маделунгу*. С. 5–11. Эпистолярное общение Брюсова и Маделунга началось в августе 1903 г., в связи с попытками Маделунга напечатать при помощи Брюсова свой рассказ "Sansara" (см.: Там же. С. 59–63). Рассказ не был принят Брюсовым (впервые опубликован в редакции, исправленной и переписанной Ремизовым; см.: Там же. С. 72–78), однако он предложил Маделунгу (в письмах от 17 и 26 января 1904 г.) участвовать в "Весах" в качестве посредника между русскими читателями и датской литературой – представлять корреспонденции о литературной и художественной жизни Дании (Там же. С. 62). В "Весах" были опубликованы три рецензии Маделунга на новинки датской литературы ("Thomas P. Krag. Sorte Skove. Kjøbenhavn, 1903 – 1904. № 3. С. 59–60; "Johannes V. Jensen. Madame D'Ora. Kjøbenhavn – Kristiania, 1904"—1904. № 5. С. 50–52; "Herman Bang. Mikaël. Kjøbenhavn – Kristiania, 1904"—1904. № 8. С. 57–58). Кроме того, по предположению П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера, Маделунгу, возможно, принадлежат неподписанные заметки в "Весах" – в разделах "Хроника" и "В журналах": о переводах Тором Ланге стихотворений Бальмонта, опубликованных в датской газете "Dannebrog" (1904, № 3, С. 72) и датском журнале "Tilskueren" (1904. № 9, С. 74) и о постановке "Саломеи" О. Уайльда копенгагенским театром "Дагмар" (1904, № 5, С. 75). См.: *Письма к Маделунгу*. С. 66. 2 июня 1904 г. Ремизов сообщал Маделунгу из Москвы: «В "Весах" много разговаривал о Вас. Брюсов очень высокого мнения о Вас» (Там же. С. 28). 13–15 июня 1904 г. Ремизов побывал в Вологде, где общался с Маделунгом (см.: *На вечерней заре 2*. С. 257–259).

[6] Видимо, имеется в виду книга Брюсова "Urbi et Orbi". "В эти дни борьбы за свободу искусства, в эти дни, когда жаждешь слова, что скажет все, не могу не выразить Вам свою глубоко прочувствованную благодарность за: Urbi et Orbi, – писал Маделунг Брюсову 15/28 апреля 1904 г. – Новый восторг и новое упоение веют от Вашей речи, и я фанатично преклоняюсь пред могучим, творческим словом Вашим, ступаю с Вами на золотых полях, усеянных трупами индийских царей" (*Письма к Маделунгу*. С. 66).

[7] Рассказ Маделунга "Цвет познания", рукопись которого Ремизов правил в марте 1904 г. в Одессе (см.: *Письма к Маделунгу*. С. 24—25). 15—28 апреле 1904 г. Маделунг извещал Брюсова: «Посылаю Вам ⟨...⟩ "Цветок познания" с просьбой сказать мне Ваше мнение»; 12 июля 1904 г. он вновь запрашивал: «Судьба "Цветка Познания" очень интересует меня. Может быть, что Вы найдете возможным поместить его в "Сев. Цве⟨тах⟩" за этот год?» (Там же. С. 66, 68). 25 мая 1904 г., после встречи с Брюсовым, Ремизов писал жене из Москвы: «Брюсову очень нравится А.А. Маделунг, его "Сансара" и "Цвет познания" пойдут в "Северных цветах" № 4 Ассирийских 1905» (*На вечерней заре 2*. С. 241). Ремизов помогал Маделунгу и в отделке рассказа "Sansara"; ср. фразы из писем Ремизова к С.П. Довгелло: «⟨...⟩ ушел Аггей: все время исправляли и переделывали "Сансару". ⟨...⟩ Сажусь переписывать "Сансару"» (Вологда. 28 мая 1903 г.); «До 2-х переписывал "Сансару". Слава Богу, насилу-то кончил. Ну, теперь можно смело печатать и с успехом» (29 мая 1903 г.) (*На вечерней заре*. С. 165, 166).

[8] См. п. 30, прим. 5. Будучи в Москве в июне 1904 г., Ремизов передал в редакцию "Весов" рукописный сборник своих поэм и стихотворений в надежде на их издание в "Скорпионе" отдельной книгой. В мае 1904 г. поэма "В плену" была отвергнута редакцией "Мира искусства" (см. п. 28, прим. 6).

[9] С философом и публицистом Николаем Александровичем *Бердяевым* (1874–1948) Ремизов познакомился в вологодской ссылке. Бердяев, начинавший свою деятельность как представитель "легального марксизма", в 1898 г. был арестован по делу киевского "Союза борьбы за освобождение рабочего класа", а в марте 1900 г. выслан на три года в Вологодскую губернию (см.: *Кувакин В.А.* Религиозная философия в России. Начало XX века. М., 1980. С. 141–142); после окончания ссылки поселился в Киеве, где родился и учился в университете. Свои встречи с Бердяевым в Вологде Ремизов описал в книге *Иверень* (С. 196–197, 246, 252–253, 259–261).

[10] Замысел издания в Петербурге нового журнала – "Вопросы жизни" – возник в первой половине 1904 г.; идея преемственности этого журнала по отношению к "Новому пути" тогда еще не обсуждалась. 2 апреля 1904 г. Ремизов сообщал Маделунгу: «С октября в СПб. будет издаваться новый журнал, во главе которого будет стоять Н.А. Бердяев, кн. Трубецкой, с одной стороны, и Бальмонт, Брюсов – с другой. Журнал назовется "Вопросы Жизни". Для большой публики все это пока секрет ⟨...⟩ Редактором отдела поэзии будет Саблин. Материал надо заранее представить» (*Письма к Маделунгу*. С. 25–26; упоминаются философ и общественный деятель, последователь Вл. Соловьева Евгений Николаевич *Трубецкой* (1863–1920) и издатель В.М. Саблин – см. п. 30, прим. 6). Ср. письмо Ремизова к Щеголеву, написанное в тот же день: "Получил от Н.А. Б⟨ердяева⟩ письмо. Издавать собираются журнал: Вопросы жизни в СПб. (с октября). Булгаков, Бердяев, Новогородцев и т.д. Редактором отдела поэзии – Саблин. Н.А. Б⟨ердяев⟩ переселяется в Петербург. Вам наверно будет почетное приглашен⟨ие⟩" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1536; упоминается Павел Иванович *Новгородцев* (1866–1924) – юрист, публицист и философ). Однако осенью 1904 г. в результате переговоров между редакцией "Нового пути" и группой "идеалистов" (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.) последние вошли в редакцию "Нового пути"; при их непосредственном участии были выпущены в свет последние три номера журнала (1904, № 10, 11, 12). В связи с прекращением в 1904 г. "Нового пути" было объявлено, что взамен этого издания с января 1905 г. подписчикам будет высылаться новый журнал "Вопросы жизни", являющийся «продолжением "Нового пути" в том направлении, которое он получил с октября 1904 г.». Редакторами "Вопросов жизни" были объявлены С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Д.Е. Жуковский; позднее редактором указывался Н.О. Лосский. Подробнее см.: *Максимов Д.* "Новый путь" // Евгеньев-Максимов В. и Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 160–162; *Лавров А.В.* Архив П.П. Перцова // *Ежегодник 1973*. С. 48–49; *Корецкая И.В.* "Новый путь". "Вопросы жизни" // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века, 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 229–231.

33. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 18 июня ⟨1904 г.⟩

Кажется, все перечислил, а одно забыл: А.А. Маделунг спрашивает, почему в числе сотрудников его имя с 3-ьей книжки "Весов" не печатается на обложке[1].

Простите, Валерий Яковлевич, что вопрошаю все.

А. Ремизов

Да, спрашивал у Дейбнера "Саломею", но у него нет и не было[2].

Дополнение к п. 32. Доставлено не по почте; адрес на конверте: «Театральная площадь. "Метрополь", 23. Журнал Весы».

[1] Еще 25 февраля 1904 г. Ремизов уведомлял Маделунга: «В "Весах" в 1 кн. обозначена Ваша фамилия» (*Письма к Маделунгу*. С. 21). О разрешении поставить его имя в перечне сотрудников "Весов" Брюсов запрашивал Маделунга 26 января 1904 г. и получил положительный ответ (письмо из Вологды от 28 января). См.: Там же. С. 62–63. Имя Маделунга – датского корреспондента "Весов", указанное в редакционном предуведомлении к № 1 "Весов" (с. ⟨IV⟩), а также в № 3, в аналогичных объявлениях при № 4–6 за 1904 г. отсутствует. Вновь имя Маделунга появляется в каталоге "Весов" на 1905 г. (с. 3), приложенном к № 11 журнала за 1904 г.

[2] Видимо, речь идет об издании: *Уайльд О.* Саломея / Пер. Л. и С. Андрусон под ред. и с предисл. К.Д. Бальмонта. М.: Гриф, 1904. Книжный магазин Вильгельма-Морица Дейбнера находился в Москве на Кузнецком мосту.

34. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904, 30 июня.
Киев, Зверинец, Церковная, 24.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Получил шестую книжку "Весов" только в одном экземпляре. Наверно, для Мейерхольда забыли вложить[1]. Скажите Василию[2].

А хочу еще попросить у Вас: 1) Весы № 4, 2) Уайльда "Балладу"[3], 3) Сологуба "Жало смерти"[4].

Живу от города далеко, близко от Лавры[5]. Под праздники звон слушаю. Сердце горит от этого звона.

А кругом безлюдье, тишина страшная, только груша наливается, и кузнечик...[6] Перевел с "польского" "На Синай" Ю. Зейера[7] – Сергею Александровичу не говорите![8]

Ему почтение мое.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

[1] Летом 1904 г. В.Э. Мейрхольд жил в Чаадаевке (Саратовская губерния).

[2] Василий Адрианович Курников – конторщик "Весов".

[3] *Уайльд О.* Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы) / Пер. с англ. размером подлинника К. Бальмонта. М.: Скорпион", 1904.

[4] *Федор Сологуб.* Жало смерти: Рассказы. М.: Скорпион, 1905. Книга вышла в свет в июле 1904 г.

[5] Киево-Печерская лавра.

[6] Ср. письмо Ремизова к Вяч.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 25 июня 1904 г.: "Перебрался в Киев ⟨...⟩ живу в вишневом саду, далеко от города и грохота. Глушь даже по ночам страшная. Перевожу разные разности для Нов⟨ого⟩ Пути" (*ГБЛ.* Ф. 109).

[7] Этот перевод Ремизова опубликован не был; текст его нам неизвестен. *Юлиус Зейер* (Zeyer, 1841–1901) – чешский поэт, романист и драматург, отразивший в своем творчестве неоромантические и декадентские веяния.

[8] Видимо, Ремизов не хотел доводить до сведения Полякова, что сделал перевод с польского, а не с языка оригинала.

35. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

8 июля 1904.
Киев, Зверинец, Церковная, 24.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень мне неловко Вас беспокоить, но попрошу: пришлите мне "В плену"[1]. Перепишу Вам в одну тетрадь все, что хотел бы напечатать у Вас, если заслужит одобрение.

"В плену" изменю кое-какие штрихи. И еще хочу попросить: найдет на Вас стих письмо мне написать, скажите Ваше мнение о Wedekind'е, как находите его драмы, хоть ту же" Er⟨d⟩geist"[2].

А. Ремизов.

[1] См. п. 32, прим. 8.

[2] Франк *Ведекинд* (Wedekind, 1862–1918) – драматург и поэт, один из крупнейших представителей немецкого модернизма. "Erdgeist" ("Дух земли", 1895) – первая часть драматургической дилогии Ведекинда "Лулу" (вторая часть – "Ящик Пандоры", 1902). "Дух земли" ("Вампир") в переводе В.Э. Мейерхольда был поставлен труппой под руководством Мейерхольда и Р.А. Унгерна в Витебске 19 февраля 1908 г. (*Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 2. С. 599).

36. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

24 августа 1904.
Киев, Зверинец, Церковная, 24.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю книгу без имени. Не назвать ли ее "В плену" по первой поэме? Прошу Вас, уделите ей от Ваших часов. А потом известите, найдет ли она приют себе в "Скорпионе".

Хотелось бы издать ее теперь, осенью[1].

Пришлю Вам "Пруд". Застрял он в Н⟨овом⟩ П⟨ути⟩, и вот, наконец, в дороге ко мне[2]. Неловко мне очень утруждать Вас всем этим, но, Валерий Яковлевич, обращаюсь к Вам, как к единственному человеку, к которому могу так обратиться и ждать.

Остаюсь в Киеве. С театром (в Тифлисе) не разрываю связей[3].

И опять попрошу Вас:

пришлите мне сотруднический билет Весов, здесь он пригодится. Пришлите рукопись "В плену", которую оставил у Вас летом, и № 6 Весов (получил только 1 экз., а для Мейерхольда не получал).

Поклон Сергею Александровичу.

А. Ремизов.

[1] Рукопись, высланную Брюсову, Ремизов подробно характеризует в письме к П.Е. Щеголеву от 25 июля 1904 г.:

"Приготовил рукопись в 336 ст⟨р⟩. мелк⟨ого⟩ почерка. Хочу издать в Скорпионе, если не обижу своим матерьялом, не знаю, как назвать. Содержание такое

1) В плену (I, II, III ч.)	стр. 1–86
2) Полунощное солнце	стр. 86–126
3) Над колыбелькой	стр. 126–159
4) Прелюдии	стр. 159–166
5) Вереницы дней	стр. 166–271
6) Далекое	стр. 271–280
7) После зноя желаний	стр. 280–292
8) Иуда (*стилистическая редакция*)	стр. 292–312
9) Под кровом ночи	стр. 312–325
10) В старом доме	стр. 325–337.

(1900–1903).

Не могу отнестись жестоко, наверно, много-много есть такого, что можно было бы опустить совсем.

Пошлю Брюсову, узнаю сначала, согласятся ли напечатать" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1541).

Тот же план книги ("...переписал целый том (343 ст., ст. 200 печатных) стихов и поэзию в прозе") Ремизов излагал в письме к Маделунгу от 8 августа 1904 г., добавляя: «Все думаю назвать "В плену". Эпиграф: "Колыбель ты моя, гроб ты мой"» (*Письма к Маделунгу*. С. 30; эпиграф – из "Тоски" Ст. Пшибышевского в пер. Ремизова). Книга, соответствующая приведенному плану Ремизова, издана не была. Из произведений, включенных в состав рукописного сборника, были опубликованы "Полунощное солнце" (см. п. 16, прим. 7), "В плену" (в переработанной редакции под заглавием "Белая башня") и "Иуда" (в книге Ремизова "Чертов лог и Полунощное солнце").

[2] Роман Ремизова "Пруд" (см. п. 28, прим. 5) не был принят к печати редакцией "Нового пути". 27 мая 1904 г. Ремизов сообщил жене из Москвы" «Брюсов говорит, что в "Новом пути" (Мережковский, Гиппиус и Перцов) "Пруд" не понравился. На меня набежала отчаянная полоса: где же его печатать?» (*На вечерней заре 2*. С. 243). Д.В. Философов, близко стоявший к редакции, писал в связи с этим Ремизову 7 мая 1904 г.: «Прочел первую часть Вашего романа, и очень им заинтересовался. Слышал, что Перцов Вам его вернул. Я бы его напечатал, и, если мне пришлось бы стать официальным редактором "Нов⟨ого⟩ Пути", я бы так или иначе его провел. В романе Вашем много пренебрежения пластикой, много нарочитого декадентства, которое, конечно, редакция принялась ⟨бы⟩ при напечатании вытравлять. Но именно это несовершенство формы меня прельщает, потому что оно свидетельствует о *процессе*, а не об академическом *завершении*» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 63–63 об.). Впрочем, и после того, как Философов сменил Перцова на посту официального редактора "Нового пути" (в июньском номере за 1904 г. редакторами-издателями названы Перцов и Философов, в июльском и августовском номерах редактор – Философов, издатели – Перцов и Философов), решения в пользу публикации романа Ремизова не последовало. В ответ на просьбы Ремизова вернуть рукопись романа секретарь "Нового пути" Г.И. Чулков писал ему 27 июля 1904 г.: «Не могу *сейчас* выслать "Пруд", потому что его читают Мережковские. Великодушно простите» (Там же. Л. 65). 12 августа Чулков вновь писал Ремизову: «Относительно "Пруда" вот какая просьба: оставьте еще мне его недели на две для прочтения: лично я очень был бы рад его напечатать, но иные не хотят!» (Там же. Л. 67об.–69; "иные" – безусловно, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус); в письме к Ремизову от 27 сентября 1904 г. Чулков сообщал: "На днях добуду Ваши переводы и роман, которые находятся в Гатчине у Мережковских" (Там же. Л. 71). За время пребывания рукописи в редакции "Нового пути" Ремизов переработал заново вторую часть "Пруда". Прося Щеголева прислать рукопись второй части романа, Ремизов писал ему 23 апреля 1904 г.: "В мыслях все приготовлено – изменяю и прибавляю и несвязности связываю" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1539). 16–17 июля 1904 г. он вновь писал Щеголеву: "II ч⟨асть⟩ старой редакции почему Вы не присылаете? Зачем она Вам?", – выражая вместе с тем надежду на публикацию "Пруда" при содействии Брюсова: "В крайнем случае можно издать в Скорпионе" (Там же. Ед.хр. 1540).

[3] Еще 16–17 июля 1904 г. в письме к Щеголеву Ремизов упоминал о намерении ехать в Тифлис ко времени открытия сезона "Товарищества новой драмы": "...в конце августа ехать в Тифлис надо" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1540); 3 октября он писал ему же: "Придется этот год в Киеве сидеть. Квартиру сняли до июня месяца. А главное не квартира, главное – С.П. взяла два урока, которыми питаемся и греемся"

(Там же. Ед.хр. 1542). Ср. письмо Ремизова к Маделунгу от 13 сентября 1904 г.: "С.П. поступила в гимназию учительницей за 30 р. в месяц. И пока выручает ⟨...⟩ С Мейерхольдом связей не разорвал. Отработка аванса (взятого весной) и получение вновь нескольких рублей в месяц всецело зависят от мо⟨ей⟩ переводильной способности. Я должен переводить драмы к сроку. За это получаю сверх авторских прибавку от Мейерхольда в 1–2 руб. за акт" (*Письма к Маделунгу*. С. 31).

37. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904, 3 октября.
Киев, Безаковская 20, ⟨кв.⟩ 17[1].

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите меня за надоедливые приставания к Вам. Хорошо понимаю Ваше "некогда" и прошу об одном известить меня самым кратким манером, *будет ли издан в Скорпионе тот сборник, который послал Вам, и если да, то когда*[2].

Всякие попытки моего вторжения в Н⟨овый⟩ П⟨уть⟩ остались безрезультатными. В новой редакции одна надежда на Бердяева[3].

Сентябрьский № Весов не получил. Не отправили ли его случаем в Тифлис. Хотел бы еще получить балладу Уайльда и Сологуба "Жало смерти"[4]. Хожу мимо витрин, "ем глазами", а купить не могу.

Алек⟨сей⟩ Р е м и з о в.

Посылаю Вам критику "Театра и Искусства", которая воспитывает нашего актера[5].

[1] По этому адресу Ремизов с женой поселились в конце августа – начале сентября 1904 г. Ср. позднейшее свидетельство Ремизова: "Безаковская, 20, кв. 17. Занимаем 2 комнаты в квартире у А.Г. Хорошиловой" (*На вечерней заре 2*. С. 275).

[2] См. п. 36, прим. 1. В тот же день Ремизов сообщал Щеголеву: «О "Плене" посылаю к Брюсову, у которого лежит сборник, о котором писал» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1542). Еще 13 сентября 1904 г. Ремизов обращался с просьбой к Маделунгу (собиравшемуся ехать в Данию через Москву): "Между прочим, спросите у Брюсо⟨ва⟩, получил ли он книгу, где я собрал свои стихи (1900–1904), и возможно ли их издать осенью или зимой 1904 г." (*Письма к Маделунгу*. С. 32).

[3] К этому времени уже было достигнуто соглашение о вхождении в редакцию "Нового пути" группы "идеалистов", и Н.А. Бердяева в их числе (см. п. 32, прим. 9). Бердяев писал в связи с этим Щеголеву из Киева 8 октября 1904 г.: "Я окончательно переезжаю в Петербург около 20 октября" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 286); Ремизов также сообщал Щеголеву 3 октября: "От 10–15 окт⟨ября⟩ выезжает Ник⟨олай⟩ Алекс⟨андрович⟩ в Петербург" (Там же. Ед.хр. 1542). Надежды на благоприятное для Ремизова и для романа "Пруд" изменение ситуации в "Новом пути" при обновленной редакции настойчиво поддерживал Г.И. Чулков. 27 сентября 1904 г. он писал Ремизову: "Я думаю, что со вступлением Бердяева к нам в редакцию Ваши дела будут лучше обстоять: одному мне трудно бороться с равнодушием к искусству Зинаиды Николаевны Гиппиус ⟨...⟩ Торопите Бердяева: чем скорее он приедет, тем лучше" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 71); 4 октября он вновь обращался к Ремизову: «Узнайте, пожалуйста, скоро ли приедет Н.А. Бердяев в Петербург. Это и для Вас важно. Вместе с ним, сообща, мы отвоевать можем Ваш роман для "Нового пути"» (Там же. Л. 72 об.).

[4] См. п. 34, прим. 3, 4.

[5] К письму приложена вырезка из журнала "Театр и искусство" (1904, № 38, С. 679–680) – статья "Катехизис русского символизма" Леонида *Галича* (псевдоним Леонида Евгеньевича Габриловича; 1878–1953), критика, публициста, приват-доцента Петербургского университета. В статье характеризуются эстетические воззрения Брюсова.

38. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904, 12 окт⟨ября⟩.
Киев, Безаковская 20, ⟨кв.⟩ 17.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю о "Т⟨овариществ⟩е Нов⟨ой⟩ Драмы". Если все это ерунда, бросьте в печку. Измытарился[1].

В конце месяца пришлю о "Вечерах Современной Музыки в г. Киеве"[2].

Посылаю вырезку из "Киевских откликов", редактируемых проф. Лучицким[3].

Газета находится под надзором Луначарского из "Правды"[4].

А. Р е м и з о в.

[1] Эта корреспонденция Ремизова в "Весах" напечатана не была. Текст ее неизвестен. Ранее, живя в Одессе, Ремизов выслал в "Весы" заметку "О гастролях Комиссаржевской" (об этом он сообщал Маделунгу 20 апреля 1904 г.; см.: *Письма к Маделунгу*. С. 26), которая также не увидела света.

[2] Эта корреспонденция была опубликована в разделе "Хроника" за подписью Ремизова с редакционным заголовком "Нам пишут из Киева" (Весы. 1904. № 12. С. 77–78).

[3] Иван Васильевич *Лучицкий* (1845–1918) – историк; редактировал газету "Киевские отклики" и издавал ее совместно с Е.А. Кивлицким. Упоминаемая в письме вырезка, несомненно, рецензия на № 9 "Весов" (Киевские отклики. 1904, № 282. 11 окт.; подпись: М.), содержавшая упреки журналу за развязный тон по адресу Л. Толстого в отделе "Хроника" сентябрьского номера (редакционная заметка "Л. Толстой и Шекспир").

[4] "Правда" – литературно-художественный и общественный журнал, издававшийся в Москве в 1904–1906 гг.; А.В. Луначарский был его постоянным сотрудником. Он же в августе – декабре 1904 г. регулярно печатал свои статьи в "Киевских откликах". См.: Анатолий Васильевич Луначарский. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности. М., 1975. Т. 1. С. 19–22.

39. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 1904, ⟨начало ноября⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Долго не находил я достаточно твердости, чтобы написать это письмо. Но написать его рано или поздно – надо. Надеюсь только, и очень, что оно останется, как говорится, "между нами". Я мог бы, конечно, ограничиться официальной отпиской. Вы знаете, у нас достаточно поводов, какие можно выставить в оправдание отказам на Ваши просьбы и предложения: заваленность "Скорпиона" работой, война и т.д. Но мне хочется ответить Вам откровенней. Истинная причина – не повод – это отношение С.А. Полякова к Вашему творчеству. Оно ему чуждо. Рассудочно он принимает, признает те и другие Ваши попытки, те и другие неотъемлемые достоинства Ваших стихотворных и прозаических строк. Но они ни на миг его не увлекают. У него нет *личного желания*, для него не дело *страсти* – издать Вашу книгу. Вы понимаете, что, поняв это, я решительно не могу настаивать на ее издании. Успеха, книжного, продажного, она иметь не может, это явно и для Вас. Время для издания книг сейчас и действительно неблагоприятное. Где же найти мне опору, где найти волю, чтобы хлопотать о Вашей книге? Повторяю, я долго колебался, писать ли Вам так прямо, но думаю, что лучше сказать определенно: *вероятнее всего, "Скорпион" Вашей книги не издаст*. Конечно, после таких суровых слов хочется прибавить что-либо более утешительное. Вот оно. Предложите нам, т.е. "Скорпиону" (более или менее официальным письмом), издать только "В плену" или только Ваши "Сказки"; может быть (ох, не наверное), мы согласимся. Сейчас есть намерение издавать небольшие брошюры, как приложение к "Весам"[1], – одна из них могла бы быть составлена из Ваших вещей. Затем присылайте нам корреспонденции – как можно менее притязательные, даже близящиеся к репортерскому отчету. (Об участи присланной Вами еще не могу ничего сказать определенно.)[2] Наконец, попытался бы вновь пристроить в "В⟨есы⟩" Ваш перевод статьи Мириама о японской гравюре, если бы Вы могли вернуть его мне очень скоро – в несколько дней[3].

Верьте, что я сердечно "Ваш" Валерий Б р ю с о в.

P.S. Если тоже скоро пришлете о Вечерах Современной Музыки в Киеве – надеюсь поместить в ноябре[4].

Ответ на п. 36–38.

[1] На практике это намерение не было реализовано. Предполагалось, видимо, издание брошюр, аналогичных выпущенным "Скорпионом" в 1904 г. "Тюремной балладе" Уайльда (см. п. 34, прим. 3) и отдельному изданию рассказа М. Метерлинка "Избиение младенцев" (в пер. Брюсова) со вступительной статьей А. Ван Бевера.

[2] См. п. 38, прим. 1.

[3] См. п. 30, прим. 1.

[4] См. п. 38, прим. 2.

40. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904, 7 ноября.
Киев, Безаковская 20, ⟨кв.⟩ 17.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень благодарен Вам за Ваше письмо. Иначе путаница одна выходит. Мечтаешь, обольщаешься, а потом от стыда глаз поднять не смеешь.

1. Будет ли напечатан "Иуда" в "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветах⟩" 1904–5, какую редакцию находите лучшей? Если ту, которая в сборнике[1], я перепишу и пришлю Вам.

2. Будет ли напечатан в "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветах⟩" "Sansara" или "Цвет познания" А. Маделунга?[2] О "вечерах современной музыки" напишу после 1-ого вечера, а он состоится не раньше, как в середине ноября.

"Японскую гравюру" как от Вас летом взял, так с тех пор она в "Правде" лежит, и все еще ответа решительного не получаю. Послал письмо[3].

В "Весы" зайдет знакомая по Киеву (Лидия Юдифо⟨в⟩на Рапп)[4], ей передайте "В плену" и "сборник", которые она перешлет мне[5]. А также прошу, боясь затруднять Вас письмами, ответить ей на мои вопросы.

Глубоко уважающий Вас А. Р е м и з о в.

Ответ на п. 39.

[1] Имеется в виду рукописный сборник поэм и стихотворений Ремизова, присланный Брюсову в конце августа 1904 г. (см. п. 36, прим. 1). Более раннюю, чем в составе этого сборника, редакцию текста поэмы "Иуда" Ремизов выслал Брюсову 25 октября 1903 г. (см. п. 21, прим. 1).

[2] См. п. 32, прим. 7. С рукописью рассказа Маделунга "Sansara" Брюсов познакомился еще в августе 1903 г. Сделав ряд критических замечаний, он уведомлял Маделунга 30 августа 1903 г.: "Конечно, Sansara могла бы быть напечатана в Сев. Цветах. Это мое мнение. Думаю, что и соредакторы (которым я передал рукопись для мнения) согласятся с тем" (*Письма к Маделунгу*. С. 60). В данном случае подразумевается новый вариант рассказа "Sansara", исправленный и переписанный Ремизовым и посланный вторично Маделунгом Брюсову 12 июля 1904 г. (см.: Там же. с. 29, 68). Вопрос Ремизова Брюсову относительно печатания произведений Маделунга был связан с надеждами, возлагавшимися на обновленную редакцию "Нового пути". 13 сентября 1904 г. Ремизов писал Маделунгу: «Виделся с Бердяевым (кланяется Вам), говорит, что очень скоро решится, будут ли они издавать новый журнал "Вопросы жизни" или возьмут "Н⟨овый⟩ П⟨уть⟩". Обещают помещать мои произведения, равно как и Ваши. Но ни моих, ни Ваших он не знает. Так вот, попрошу Вас взять у Брюсова "Sansar'y" и "Цвет познания" и прислать мне. Я сниму копии и оставлю их у себя, а оригинальные отошлю Брюсову» (Там же. с. 31–32). Ср. п. 32, прим. 5.

[3] Редактор-издатель журнала "Правда" (см. п. 38, прим. 4) В.А. Кожевников сообщал Ремизову в недатированном письме (видимо, летом 1904 г.): «В мае месяце сего года Вами была доставлена рукопись Пшесмыцкого "Японская гравюра". Статья эта без иллюстраций не представляет особого интереса для журнала. Я попросил бы Вас, не можете ли Вы нам предоставить иллюстрации» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 64). 12 ноября 1904 г. Кожевников, отвечая Ремизову на упомянутое им Брюсову письмо, сообщал о решении редакции отклонить статью "О японской гравюре": "...принимая во внимание некоторые обстоятельства, чисто внешнего характера, редакция, к сожалению, не могла воспользоваться Вашим произведением" (Там же. Л. 84); под обстоятельствами "внешнего характера", скорее всего, подразумевалась русско-японская война.

[4] *Лидия Юдифовна (Иудовна) Рапп* (в замужестве Бердяева; 1889–1945) – позднее жена Н.А. Бердяева. См. о ней: *Бердяев Н.* Самопознание. Париж, 1949. С. 147; *Иванов В.* Собр. соч., Брюссель, 1974. Т. II. С. 720–721 (прим. О. Дешарт).

[5] Дальнейшие надежды на публикацию поэмы "В плену" и одноименного сборника Ремизов связывал с П.Е. Щеголевым, которому писал 6 ноября 1904 г.: «Я Вам пришлю "В плену", но ту редакцию, которую посылал в "Скорпион" (на днях я получу и скоро перепишу). Вы писали, издать можно. Так вот для этого и пришлю Вам» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1543).

41. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 1904, около 10 ноября⟩

Дорогой Алексей* Михайлович!

"Скорпион" готов напечатать Вашего "Иуду" в "Сев⟨ерных⟩ Цветах" при двух условиях:

1) Если в этом году Вы не участвуете в альманахе "Гриф"[1].

---

* *Первоначально было*: Александр.

А.М. РЕМИЗОВ

Фотография К. Буллы. 1910-е годы

Архив кинофонофотодокументов, Ленинград

2) Если Вы позволите печатать Вашего "Иуду" только с разделением на строфы, без разделения на стихи, как печатает свои вещи Поль Фор (Paul Fort)[2].

"Скорпион" готов в будущем, так, примерно, весной, издать отдельной брошюрой и "В плену", но все на тех же условиях[3].

О "В плену", конечно, пока говорится предположительно, а о "Иуде" ответ нужен тотчас же.

Считайте меня, дорогой Алексей Михайлович, лишь телефоном, передающим звуки чужого голоса, лишь послом, который повторяет поручения, которые от своего лица, может быть, он и не сделал бы[4].

Но скажу Вам вполне искренне: *я* на Вашем месте согласился бы.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. Простите, что назвал Вас *Александром* Михайловичем: так зовут А.М. Добролюбова, и потому это не обидно.

P.P.S. О Маделунге еще не решено[5].

Ответ на п. 40. Написано на французском бланке "Скорпиона" и "Весов".

[1] В альманахе к-ва "Гриф" за 1905 г. Ремизов не участвовал.

[2] Поль *Фор* (1872–1960) – французский поэт. С конца 1890-х годов публиковал сборники стихов под общим заглавием "Французские баллады" ("Ballades Françaises"), близких по форме к ритмической прозе.

[3] Этот проект не был осуществлен. В начале 1906 г. Ремизов пытался опубликовать поэму "В плену" в журнале "Золотое руно" (литературным отделом которого тогда заведовал С.А. Соколов), а также в московском литературно-философском сборнике "Свободная совесть" (кн. 2). 23–24 января 1906 г. Ремизов писал Андрею Белому (который был причастен к изданию "Свободной совести"): «Узнал от В.Я. Брюсова, что "В плену" – листов 5, 6 – едва ли будет принято "Золотым Руном" за обширность. Так просьба вот в чем: будете в "Золотом Руне", спросите у Грифа, напечатают ли они "В плену", и если нет, то возьмите рукопись и отдайте в "Свободную Совесть" ⟨...⟩ "Свободная Совесть" – мой последний оплот и упование» (*ГБЛ*. Ф. 25, 22.5; Гриф – С.А. Соколов. Ни в том, ни в другом издании поэма Ремизова не была напечатана. Возвращая рукопись Ремизову, С.А. Соколов писал ему 4 февраля 1906 г.: «Решено не печатать слишком огромных произведений. Притом же количество предлагаемого материала так велико, что с трудом удается представить в "Руне" с большей или меньшей подробностью всех интересных русских писателей. А желание сделать "Руно" возможно более полным заставляет стремиться к сжатости» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 203). См. п. 4, прим. 1.

[4] Брюсов намекает на то, что в данном случае он передает условия, продиктованные С.А. Поляковым.

[5] Еще 27 июля 1904 г. Брюсов писал Маделунгу: «О вашей новой "Sansara" и о "Цветах Познания" напишу Вам подробно, как только буду немного свободнее, осенью» (*Письма к Маделунгу*. С. 69). Во второй половине сентября 1904 г. Маделунг, по всей вероятности, посетил Брюсова в Москве (см. его письмо к Брюсову из Вологды от 9/22 сентября и ответ Брюсова от 13 сентября 1904 г. – Там же. С. 70–71). 7 октября 1904 г. Маделунг извещал Брюсова из Петербурга: «Посылаю Вам обратно "Цвет Познания" с просьбой при случае прочесть» (Там же. С. 71).

42. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

Киев, Безаковская 20, ⟨кв.⟩17.
12 ноября 1904.

Дорогой Валерий Яковлевич!

На предлагаемые условия соглашаюсь.

В "Гриф" посылаю заказным не печатать "Полунощное солнце" (если оно принято)[1].

А послал в "Гриф" потому, что потерял всякую надежду приютиться в "Скорпионе". Некуда больше.

Валерий Яковлевич, хочу Вас попросить – не осудите эти вечные просьбы – нельзя ли мне получать так издания "Скорпиона".

Я получил весной: Бальмонта II, Белого и Вя⟨ч⟩. Иванова[2].

Едва хватает на квартиру и обеды. А книги люблю очень.

Спасибо Вам за письмо.

А. Ремизов.

Если бы Маделу⟨н⟩га приняли![3] Может, он варяг... Старый знакомый.

Ответ на п. 41.

[1] Видимо, Ремизов послал в "Гриф" цикл "Полунощное солнце" в ответ на предложение С.А. Соколова в письме к нему от 27 октября 1904 г. прислать материал для альманаха "по возможности *в скором времени*" (ГПБ. Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 81).

[2] Имеются в виду "скорпионовские" издания: *Бальмонт К.Д.* Собр. стихов. Т. II. Горящие издания. Будем как солнце. М., 1904; *Андрей Белый.* Золото в лазури. М., 1904; *Иванов Вяч.* Прозрачность: Вторая книга лирики. М., 1904.

[3] Рассказ Маделунга "Цвет познания" был напечатан в *СЦ 1905*. Ремизов поздравлял Маделунга с публикацией в письме от 25 апреля 1905 г. (*Письма к Маделунгу*. С. 35). Рассказ "Sansara" Ремизов пытался пристроить в "Вопросы жизни", но безуспешно. См. его письма к Маделунгу от 15 февраля и 18 марта 1905 г. (Там же. С. 33–34).

43. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1904. 29 н⟨оя⟩б⟨ря⟩.
Киев, Безаковская № 20, кв. 17.

Дорогой Валерий Яковлевич!

очень Вам благодарен, книги получил[1]. Посылаю о "Вечерах современной музыки", пока о прошлых[2]; назначенный на ноябрь не состоялся и едва ли состоится ранее конца декабря.

С меня сняли всякий надзор и разрешили и Петербург и Москву[3] (но Москву скорее на бумаге, так как ввиду особых правил М⟨осковского⟩ Ген⟨ерал⟩-Губерн⟨атора⟩ едва ли допустили бы жить постоянно; наезды, конечно*). Мечтаю переселиться в Петербург и приткнуться куда-нибудь. Посему ходатайствую перед "Н⟨овым⟩ П⟨утем⟩" о принятии меня в контору[4]. Искать бо́льшего положения у меня нет данных, а в конторе сойдет, главное – работа механическая. Бердяев писал, что могли бы дать 50 р., а этим наполовину обеспечивается моя жизнь. Да жена урок достанет. Вот и пойдет. А то так надоели эти постоянные думы, что вот завтра дров не будет, и обеда не будет и этот проклятый дворник придет за деньгами. А потом эти унижения, когда просишь... И все это загоняет, загоняет, загоняет.

А у меня, Валерий Яковлевич, девочка маленькая есть, Наташа, пальчиками за все цапает, носик морщит, говорить не говорит, только пищит, а все понимает...[5]

Если выйдет соизволение "В плену" печатать, на всякий случай предупреждаю, возьмите ту редакцию, какая в книге с другими стихами, а отдельно переписанное лучше мне пришлите[6].

---

* *Было*: пожалуй.

И хорошо бы издать просто, а не так, как "Кольца"[7].

"Избиение младенцев" куда лучше, если бы только оставить одно окошко[8].

После четырехмесячного держания "Правда" отказала печатать Мириама[9]. Просил прислать, ответа еще нет.

Но к Вам теперь уж поздно?

Глубоко уважающий Вас А. Р е м и з о в.

[1] Видимо, Брюсов выслал Ремизову издания "Скорпиона", запрошенные им в п. 34 и 37.

[2] См. п. 38, прим. 2.

[3] Проживание в столицах было позволено Ремизову по специальному разрешению министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского. "1 II 1905 с разрешения Святополка-Мирского водворился в Петербурге", – указывал Ремизов в автобиографическом письме к Чулкову от 15/28 ноября 1911 г. (*ГБЛ.* Ф. 371, 4.46).

[4] Г.И. Чулков писал Ремизову 8 декабря 1904 г. в ответ на это ходатайство: «Ничего *определенного* в смысле заработка, кажется, не предвидится, но мне думается, что так или иначе рублей 40–50 можно будет заработать около "Нового пути". *Сейчас, на этих днях*, нужен человек для экспедиции – это все-таки заработок: приезжайте поскорее в Петербург, а потом постараемся провести Ваш роман: вот уже на несколько месяцев материальная поддержка в размере 50–75 руб. в месяц» (*ГПБ.* Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 88). Когда "Новый путь" был преобразован (с января 1905 г.) в "Вопросы жизни", то Ремизову при новой редакции была выделена должность заведующего конторой журнала. 20 января 1905 г. Ремизов писал из Киева А.П. Зонову: «...с 1 февр⟨аля⟩ вступаю в должность в конт⟨ору⟩ Н⟨ового⟩ П⟨ути⟩ (или, как с января, ⟨в⟩ "Вопросах Жизни"). Положили 50 рб. в месяц. Должность, кажется, вроде "заведующего репертуаром", т.е. попросту всякую всячину делать» (копия из собрания Р.Л. Щербакова). О времени своей работы в редакции "Вопросов жизни" Ремизов вспоминал: "Год 1905 я ничего не писал, отдавшись своему званию завхоза или домового, как тогда это называлось" (Алексей Ремизов, Кукха).

[5] Дочь А.М. Ремизова и С.П. Ремизовой-Довгелло Наташа (Наталья Алексеевна Ремизова) родилась в Одессе 18 апреля 1904 г. (см.: *Письма к Маделунгу*. С. 26). 23 апреля 1904 г. Ремизов писал Щеголеву: "Кланяется Вам С.П. и пятидневная девочка – Наталья Алексеевна ⟨...⟩" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1539). В литературной анкете, составленной по просьбе Ф.Ф. Фидлера, Ремизов указывал (16/29 декабря 1907 г.): "Есть у меня дочь Наташа – в красной шапочке" (*ИРЛИ*. Ф. 649. Оп. 4. Ед. хр. 203). Ср. письмо Ремизова к А.П. Зонову от 20 января 1905 г.: «Не можете представить меня отцом... а вот много во мне перемены внесла Наташа – пою для нее, пою и не стесняюсь своего голоса, прыгаю, будто пляшу, сочиняю разные разности о медведях и волках и лисицах, которые "тоже пришли" наше молочко есть, и топочу – убегаю с преглупым лицом, совмещая в себе и медведя и волка и лису...». Н.В. Резникова свидетельствует: «Наташей была навеяна и для нее написана самая поэтическая книга ее отца – "Посолонь" (*Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44). Впоследствии Н.А. Ремизова получила филологическое образование, работала преподавательницей в школах Киева, умерла в Киеве 30 октября 1943 г.

[6] Имеются в виду две редакции текста поэмы "В плену" – в составе рукописного сборника с одноименным заглавием и ранее переданная Брюсову.

[7] Имеется в виду издание: *Зиновьева-Аннибал Л.* Кольца: Драма в 3-х действиях. Предисл. Вячеслава Иванова; Обложка Н. Феофилактова. М.: Скорпион, 1904.

[8] Подразумевается оформление обложки книги: *Метерлинк М.* Избиение младенцев: Рассказ. М.: Скорпион, 1904. Оба заглавия воспроизведены в рамке, других украшений нет.

[9] См. п. 40, прим. 3.

44. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1905, 14 января.
Киев, Безаковская 20, кв. 17

Дорогой Валерий Яковлевич!

А должно быть, теперь уже решилось, издаст "Скорпион" "В плену" или нет. Вы писали, что в январе это будет[1].

У меня есть какое-то убеждение, что не издаст.

Я прошу Суворовского[2] пройти в "Весы" и взять "В плену" (переплетенный экз⟨емпляр⟩, который оставил летом), – "Сборник".

Все равно мне пришлось бы переписать из "Сборника", если даже решено было бы издать "В плену", потому что хотелось бы эту редакцию[3].

Директор Музея древностей передал мне журнал "Археологическая летопись Южной России" за 1903 и выпуски 1904[4] с тем, чтобы я переслал в "Весы". Он будет высылать следующие №№-а прямо в редакцию и хотел бы в обмен получить за 1904

"Весы" и получать за 1905. Адрес: Киев, Директору Музея древностей и искусств. Николаю Федотовичу Беляшевскому[5].

"Археолог⟨ическую⟩ летопись" очень в скором времени вышлю. Задержал почитать.

В музее открылась выставка скульптур художника Болеслава Бегаса; о ней напишу для хроники[6].

В заметке о музее забыл упомянуть об иконе, сооруженной гетманом Ив⟨аном⟩ Самойловичем, "Деисус". Икона великолепная; снимок с нее помещен в "Археологич⟨еской⟩ летописи" (1903)[7]. Так и подмывает выдрать эту страницу.

А. Ремизов.

[1] См. п. 41, прим. 3.

[2] С московским музыковедом Николаем Павловичем Суворовским Ремизов неоднократно встречался во время своего пребывания в Москве в конце мая 1904 г. и в конце января 1905 г. (см.: *На вечерней заре 2*. С. 240, 241, 244, 246–248, 278–281).

[3] См. п. 43, прим. 6. Ремизов забрал свои рукописи из редакции "Весов" сам; 25–26 января 1905 г. он сообщал жене из Москвы: «Прямо в "Весы". С Брюсовым. Пришлось взять "В плену" и "Стихи" ("Шуримбурум"). Отзыв Брюсова: "ваше для нас – на сером парчевая заплата"» (*На вечерней заре 2*. С. 277).

[4] "Археологическая летопись Южной России. Журнал, посвященный южнорусской старине". Издание выходило в Киеве в 1903–1905 гг.; в 1903 и 1904 г. вышло по 6 номеров, в 1905 г. – 2 номера.

[5] *Н.Ф. Беляшевский* (1867–1926) – археолог, этнограф, искусствовед; с 1919 г. – академик АН УССР. Ремизов писал о нем в корреспонденции "Письмо из Киева. Киевский художественно-промышленный и научный музей": "Киевскому музею представляется важная роль сосредоточить под своим кровом драгоценные памятники Южно-русской старины – богатства своеобразной Украйны. Так смотрит на дело директор музея Н.Ф. Беляшевский. И это очень счастливо, потому что у нас – к стыду нашему – такая редкость любовь и заботливость к родной старине" (Весы. 1905. № 2. С. 41–42).

[6] Болеслав *Бегас* (Biegas, 1878–1956) – польский скульптор и живописец; с 1902 г. жил в Париже. Корреспонденция Ремизова была опубликована без подписи в отделе "Мелочи" под редакционной рубрикой "Нам пишут из *Киева*" (Весы. 1905. № 1. С. 82–83). В ней, в частности, говорилось: "В зале Киевского музея древностей и искусств открылась выставка скульптур польского художника Болеслава Бегаса, участника венского сецессиона ⟨...⟩ Останавливают Распятие, Могучий дух, Шопен..."

[7] См.: *Беляшевский Н.* Икона, сооруженная гетманом Иваном Самойловичем // Археологическая летопись Южной России. 1903. № 2. С. 108–111; снимок с упомянутой иконы XVII в. – табл. IX в конце журнала. В корреспонденции Ремизова о Киевском музее, опубликованной в "Весах" (см. прим. 5), эта икона не упоминается.

45. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 24 февраля 1905 г.⟩

Дорогóй Валерий Яковлевич!

Я получил № 1 "Весов" в 2-х экз., за что приношу Вам мою благодарность[1]. Пришлите Вашу кабинетную карточку для редакции "Вопросов жизни"[2].

А. Ремизов.

1905 г. 24 февр⟨аля⟩.

Написано на бланке "Новый Путь. Ежемесячный журнал".

[1] Среди писем Ремизова к Брюсову хранится его записка от 7 февраля 1905 г., адресованная в редакцию "Весов", с просьбой прислать каталог "Весов" и с замечанием: «А № 1 "Весов" 1905 так я и не получил» (*ГБЛ*. Ф. 386, 100. 14. Л. 37).

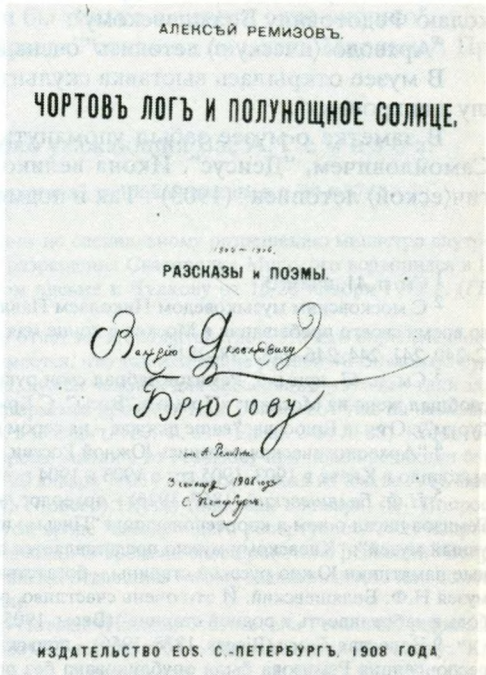
[2] С 1 февраля 1905 г. Ремизов поселился в Петербурге в квартире при редакции "Вопросов жизни" (Саперный пер., 10, кв. 6) (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 3). 15 февраля 1905 г. он сообщал Маделунгу: «Наш дом при редакции 2 комнаты с освещением и отоплением. Я веду бухгалтерию, получаю в месяц 35 руб. С.П. поручили корректуру по 1 руб. за лист, в общем руб⟨лей⟩ 40 набежит в месяц. С апрел. книжки предполагают печатать "Пруд" руб. за 70 лист» (*Письма к Маделунгу*. С. 33).

46. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. Март ? 1905⟩

Уважаемый и дорогой Алексей Михайлович!

Я давал читать Вашего "Иуду" цензору[1]. Он сказал, что целый ряд мест возбудит непременно сомнение и может повести к задержанию всех "Сев⟨ерных⟩ Цветов"[2]. Так как у нас и без того в "Цветах" не мало вещей, цензурно весьма сомнительных, но ко-



АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ЧЕРТОВ ЛОГ И ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ.
РАССКАЗЫ И ПОЭМЫ. СБОРНИК. СПб., "EOS", 1908

Обложка М.В. Добужинского и титульный лист с дарственной надписью:
"Валерию Яковлевичу Брюсову от А. Ремизова
3 генваря 1908 года С. Петербург"
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

торых заменить нечем, – я решил вынуть "Иуду" и вместо него поставить "Полунощное Солнце". Ничего?[3]

"Весы" Вам посланы.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

1905

[1] По всей вероятности, подразумевается Ю.П. Бартенев, который наблюдал за прохождением через цензуру "скорпионовских" изданий – и, в частности, альманаха "Северные цветы ассирийские", в котором предполагалось опубликовать "Иуду" Ремизова. «С "Северными цветами" – благополучно», – сообщал Бартенев Брюсову 13 апреля 1905 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 76. 18).

[2] Опасения были вызваны ремизовской оценкой образа Иуды и пониманием его действий, расходившимися с церковной трактовкой (см. п. 28, прим. 2). Когда поэма "Иуда" была опубликована в альманахе "Воздетые руки. Книга поэзии и философии" (М.: Орифламма, 1908. С. 6–21), Ремизов подарил книгу Волошину "на Красную горку" (т.е. 20 апреля 1908 г.) с надписью, в которой указывал на "ст⟨атью⟩ 75 У⟨головного⟩ у⟨ложения⟩ 1903 г.", – в соответствующей статье шла речь о преступных действиях, препятствующих "отправлению общественного христианского богослужения" (*Гречишкин С.С., Лавров А.В.* М. Волошин и А. Ремизов // *Волошинские чтения*. С. 98).

[3] В *СЦ 1905*, вышедших в свет в апреле, вместо "Иуды" был опубликован цикл Ремизова "Полунощное солнце" (см. прим. 7 к п. 16 и прим. 9 к п. 26). В дальнейшем Ремизов предпринял еще несколько попыток напечатать поэму "Иуда". Направляя ее рукопись Андрею Белому в надежде на опубликование в литературно-философском сборнике "Свободная совесть", Ремизов сообщал ему 23 января 1906 г.: «"Иуда" был сначала набран для С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩ 1905 г., но вынут, потом в "В⟨опросах⟩ Ж⟨изни⟩" и запрещен С.Н. Булгаковым» (*ГБЛ*. Ф. 25, 22. 5; С.Н. Булгаков был одним из редакторов в "Вопросах жизни"). Кроме того, как явствует из другого, недатированного письма к Белому, Ремизов пытался напечатать "Иуду" в московском журнале "Зори": «"Иуду" в случае отказа в "Зорях" отдам в сборник против смертной казни» (Там же). Альманах "Воздетые руки", в котором была помещена поэма (см. прим. 2), вышел в свет позднее, чем включавшая ее в свой состав книга Ремизова "Чертов лог и Полунощное солнце" (С. 293–310), отпечатанная в конце декабря 1907 г.; дарственная надпись на ней Брюсову: "Валерию Яковлевичу Брюсову от

А. Ремизова 3 генваря 1908 года С. Петербург" (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1309). Высылая "Воздетые руки" вместе с книгой "Чертов лог и Полунощное солнце" Е.А. Ляцкому, Ремизов уведомлял его в письме от 26 марта / 8 апреля 1908 г., что этот "московский альманах ⟨...⟩ печатался чуть ли не два года, наконец вышел и конфискован, кажется, за повествования Н. Голованова" (*ИРЛИ.* Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 426). В дальнейшем поэма печаталась под заглавием "Иуда предатель" как приложение к ремизовской "Трагедии о Иуде принце искариотском" (*Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 8. Русальные действа.).

47. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

20 июня ⟨1⟩905, Imatra[1].

Дорогой Алексей Михайлович.

Благодарю за оттиск[2]. Не можете ли прислать мне сюда (*Гельсингфорс, до востребования Ар. Ар.*) и оттиск первых глав Вашего романа, если у Вас сохранился еще экземпляр[3]. Хочется перечесть все вместе.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

Открытка. На обороте – видовая фотография: Helsingfors – Helsinki. Nya Kyrkan – Uusi kirkko.

[1] Водопад Иматра на озере Сайма в юго-восточной Финляндии. В этом курортном месте (пансионат Рауха) Брюсов отдыхал вместе с Н.И. Петровской в июне 1905 г.

[2] Оттиск из журнала "Вопросы жизни" с романом Ремизова "Пруд" (1905, № 6. С. 1–42).

[3] Первые главы "Пруда" были напечатаны в № 4/5 "Вопросов жизни" (с. 61–100). Ремизов выполнил просьбу Брюсова, о чем можно судить по открытке в архиве Ремизова, датированной 23 июня 1905 г.: "Получил. Благодарю. Ваш Валерий Брюсов" (*ГПБ.* Ф. 634. Ед. хр. 67).

48. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1905 г., 16 июля. СПб.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сказать мне, согласится ли "Скорпион" издать мой роман "Пруд".

"Пруд" кончится в октябрьской книжке (10-ой)[1]. Всего будет 15–16 листов.

Мне хотелось бы издать его в ноябре-декабре 1905. Гонорара мне не надо. А если что будет после, какая выручка, от нее не отказался бы[2].

Так вот, скажите мне, согласится ли "Скорпион"? Если нет, попытаю счастье у "Грифа".

Валерий Яковлевич, как будете в Москве, пришлите мне еще 1 экз. "Сев⟨ерных⟩ Цвет⟨ов⟩" 1905. А то со мной история вышла одна, хочу поправить. И поправить могут эти самые "Сев⟨ерные⟩ Цветы", ибо в них и вина моя.

Посылаю статью из "Новой Зари" г-на Постоянного о Бальмонте в "Весах"[3]. Весам для коллекции.

О "Сев⟨ерных⟩ Цвет⟨ах⟩" 1905 больше не попадалось отзывов (единствен⟨ный⟩ пока в "Сыне Отечества")[4].

На днях Вам в Тарусу высылают № 7 "В⟨опросов⟩ Ж⟨изни⟩" и гонорар 33 рб.[5] Оттисков не сделают, а потому еще 4 экземпляра пошлю на "Весы" Вам.

А. Ремизов.

[1] "Пруд" печатался в № 4/5–10/11 "Вопросов жизни" в 1905 г.

[2] 22 июля 1905 г. Ремизов писал Маделунгу: «Издать "Пруд" придется без гонорара. И то с большими затруднениями. Думаю это сделать в ноябре-декабре» (*Письма к Маделунгу.* С. 37). О печатании "Пруда" см. п. 50, прим. 2, а также: *Ремизов А.* О разных книгах // Воля России. (Прага), 1926. № 8/9. С. 230–232.

[3] К письму приложена вырезка со статьей: *Постоянный* (С. Горелик). Литературный альбом. II. Душевная драма К. Бальмонта // Новая заря. (Вильна), 1905. № 38. 14 июля. Статья была написана в связи с публикацией в "Весах" очерка К.Д. Бальмонта "В странах Солнца. Из писем к частному лицу" (1905, № 6), который был расценен журналистом как проявление "сложной душевной драмы" поэта, заставившей его почувствовать любовь к России в драматический момент ее истории и отказаться от политического индифферентизма: "Небожитель, поэт стихий, оказался прежде всего человеком, сыном земли, русским гражданином..."

[4] Имеется в виду рецензия на "Северные цветы ассирийские" писателя и журналиста В.В. Брусянина (Сын отечества. 1905. № 107. 21 июня; подпись: В. Б-н).

[5] В № 7 "Вопросов жизни" был опубликован цикл Брюсова из пяти стихотворений "Озимя".

49. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨После 20 июля 1905⟩

Уважаемый и дорогой Алексей Михайлович!

В Вашем письме Вы писали мне, что высылаете мне "№ 7 В.Ж. и гонорар 33 р.", – по адресу на Тарусу. Книжку журнала я получил, но гонорар – нет. Позволяю себе говорить об этом потому, что возможны разные "злоупотребления" со стороны лица, посылаемого у нас на почту (до которой здесь около 10 верст). Не откажитесь поэтому сообщить, посылали ли Вы деньги или нет. А если нет, то лучше теперь направить их по адресу "Скорпиона", потому что между 1 и 4 августа я буду в Москве.

Получили ли Вы "Северные Цветы". Я распорядился послать.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

Таруса, Калужской губ., им⟨ение⟩ Антоновка.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт. не прочитываются; первая цифра шт. – 2: т.е. письмо отправлено не ранее 20 июля.

Ответ на п. 48.

50. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

29 июля 1905. СПб.

Дорогой Валерий Яковлевич!

посылаю 33 р. за стихи в 7 кн. Раньше не мог этого сделать. Посылаю деньги на "Весы".

"Сев⟨ерные⟩ Цветы" получил, спасибо, выручили из беды и очистили меня.

Напоминаю об одном пункте моего письма к Вам[1] и извиняюсь за это напоминание.

Если "Скорпион" откажет издать "Пруд" в ноябре-декабре 1905 г., известите. Как уж писал, попытаю счастье в "Грифе"[2].

Глубоко Вас уважающий А. Ремизов.

Ответ на п. 49.

[1] Имеется в виду п. 48.

[2] Ни в издательстве "Скорпион", ни в издательстве "Гриф" "Пруд" издан не был. Ремизов пытался также устроить отдельное издание романа через П.Е. Щеголева, но безуспешно. "С Прудом у меня дела плохо, – писал Ремизов 10 апреля 1906 г. Маделунгу. – Издавать никто не желает. Рано или поздно придется за это дело взяться самому. Дело за деньгами, которых надо до 500 р. – сумма не маленькая" (*Письма к Маделунгу*. С. 39). 18 декабря 1906 г. Ремизов сообщал ему же: "Приходил ко мне один издатель (есть тут компания аристократов, бывших правоведов, они затеяли Пруд издавать; условия: если будет выручка – часть ее мне пойдет)" (Там же. С. 41). Упомянутую "компанию аристократов" составляли С.К. Маковский, С.Н. Тройницкий, А.А. Трубников, М.Н. Бурнашев, Н.Н. Врангель. «При поддержке А.А. Трубникова (только окончившего Училище правоведения) вместе с М.Н. Бурнашевым (тоже правоведом) Тройницкий основал маленькую типографию для печатания необычных по выбору книжек, изданных с "любительским" вкусом, – "Сириус"» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен, 1962. С. 305–306). "Пруд" (СПб., 1908) был издан "Сириусом" в конце 1907 г. См.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 74. Ремизов подарил Брюсову отдельное издание романа с надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову с благодарностью, что не забываете и радуете меня новыми Вашими книгами, которые храню у красного угла с драгоценностями. А. Ремизов. С. Петербург, 1907 года 10 декабря" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1307).

51. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 1 августа 1905 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваша пьеса "Земля" стоит в репертуаре "Студии"[1]. На днях она придет от Станиславского[2]. От Вас будут просить разрешение поставить ее.

Вс. Э. Мейерхольд по всей вероятности зайдет в "Весы" для переговоров. Сейчас он живет в Пушкине (фабрика Дюпюи)[3]. Известите меня, когда переедете из Тарусы в Москву.

А. Ремизов.

1 августа 1905. СПб.

[1] Пьеса Брюсова "Земля. (Трагедия из будущих времен в 5 действиях и 9 картинах)" была опубликована в *СЦ 1905*. Театр-студия – организованный В.Э. Мейерхольдом весной 1905 г. в Москве филиал Художественного театра с экспериментальными задачами; Брюсов был членом его литературного бюро. Летом 1905 г. были начаты репетиционные работы, первые спектакли были намечены на октябрь, однако открытие Театра-студии не состоялось (см.: *Станиславский К.С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 1. С. 285–286). Идея постановки "Земли" в Театре-студии принадлежала Ремизову. 29 июля 1905 г. он писал А.П. Зонову: «"Земля" Брюсова удивительно строга и мраморна. Я бы предложил "Студии" поставить ее. Она сурова и мрачна, как ее автор» (Копия из собрания Р.Л. Щербакова). К работе над постановкой "Земли" в Театре-студии не приступали.

[2] К.С. Станиславский, главный режиссер Московского Художественного театра, держал под своим контролем деятельность Театра-студии. Мейерхольд в течение лета 1905 г. регулярно посылал Станиславскому, отдыхавшему в Кисловодске, отчеты о ходе работы. См.: *Мейерхольд В.Э.* Переписка. С. 52, 54–56.

[3] Летний адрес Мейерхольда в 1905 г. – Пушкино Московско-Ярославской железной дороги, фабрика Дюпюи.

52. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 5 августа⟩ 1905.
До 14 авг⟨уста⟩ Таруса,
Калужск⟨ой⟩ г⟨убернии⟩, Антоновка[1].

Дорогой и уважаемый Алексей Михайлович!

Спасибо за присылку гонорара. О "Земле", *конечно*, был бы согласен, хотя считаю постановку ее на сцене недостижимой. Я, когда писал, имел в виду читателя. А о "Пруде" плохо. "Скорпион" находится в периоде падения. Ничего не издает. Возможно, что и "Весы" прекратятся[2]. Договорился окончательно с С⟨ергеем⟩ А⟨лександровичем⟩ по поводу Вашего гонорара за "Солнце"[3]. Напишу об этом из Тарусы и вышлю деньги.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 50 и 51.

[1] Брюсов задержался в Антоновке дольше указанного здесь срока. "Мы приедем в среду вечером", – сообщал он в Москву Б.М. Рунт 12 августа 1905 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 69. 17). Среда – 17 августа.

[2] О назревшей в "Весах" в середине 1905 г. кризисной ситуации, выходу из которой способствовало введение в журнале (с 1906 г.) беллетристического отдела, см.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы": (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85. С. 278–279. Ср. письмо Брюсова к Г.И. Чулкову от 20 августа 1905 г.: «"Весы" *будут* продолжаться до конца года *наверное* и в будущем году *вероятно*, особенно если получится разрешение на беллетристический отдел (прошение о нем уже подано)» (*Чулков Г.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 327).

[3] Гонорар за публикацию "Полунощного солнца" в альманахе *СЦ 1905*. Еще 19 июня 1905 г. секретарь "Весов" Б.М. Рунт сообщала Брюсову в Финляндию: "От Ремизова получили послание, в котором он весьма аккуратно, при помощи красных и черных чернил доказывает, что мы ему остались должны еще 50 с чем-то рублей!" (*ГБЛ*. Ф. 386, 101. 9а).

53. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 24 августа 1905 г.⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Редакция "Весов" считает себя должной Вам:
За "Полунощное С⟨олнце⟩" *6 страниц*

$\left(5+\frac{1}{2}+\frac{1}{2}\right)$ по 5 р. _____ 30 р.

За 8 корреспонденций, по Вашему расчету, 15 р. 90 ⟨к.⟩

Итого, исключая переданные мною Вам весной 30 р., высылает Вам 15 р. 90 к.

Между прочим, это последний акт редакции "Весов", скрепляемый моею подписью[1].

Верьте, что я сердечно

Ваш Валерий Б р ю с о в.

24 авг. 905.

СТЕНА КАБИНЕТА А.М. РЕМИЗОВА, НАЗВАННОГО ИМ "ОБЕЗЬЯНЬЕЙ ПАЛАТОЙ"

Фотография К. Буллы, 1910-1911 гг.

Архив кинофонофотодокументов, Ленинград

Письмо написано на отрезном денежном купоне на сумму 15 р. 90 к.

[1] О намерении отойти от непосредственного ведения редакционных дел в "Весах" Брюсов в это врем информировал многих своих корреспондентов. В частности, 27 августа 1905 г. он сообщал В.В. Розанов «С осени я более не распоряжаюсь делами "Весов": устал, хочу писать, а не редактировать». Несколько ме сяцев спустя, 24 февраля 1906 г., он вновь подчеркивал в письме к Розанову: «Уже около года, с весн 1905 г., я не участвую в редактировании "Весов" и изданий "Скорпиона" ⟨...⟩ Уклонился я от редакторско работы потому, что она как-то иссушала, убивала личное мое творчество» (*ЦГАЛИ*. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр 724). В тот же день Брюсов заявлял в письме к Н.О. Лернеру: «... *уже год* (с апреля 1905) я не участвую редактировании "Весов" и изданий "Скорпиона". Исполняю иногда отдельные поручения, – да (напр⟨имер приглашал сотрудников в П⟨етер⟩б⟨урге⟩), но постоянного участия не принимаю» (*ЦГАЛИ*. Ф. 300. Оп. Ед. хр. 90). Хотя доля участия Брюсова в практическом ведении "Весов" с середины 1905 г. заметно умен шилась, он по-прежнему оставался основным руководителем журнала и организатором его деятельност См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы": (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85 С. 279–280; *Лавров А.В., Максимов Д.Е.* "Весы" // Русская литература и журналистика начала XX века 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 108–109.

54. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 24 авг⟨уста 1⟩905.

Дорогой Алексей Михайлович!

Без малейшей лжи я более не участвую в редакции "Весов" и "Скорпиона". Вы все не верите! Считаете уже всех "неверными"! Не знаю даже, будут ли издаваться "Цветы" этой зимой[1]. Теперь об этом надо спрашивать или прямо Серг⟨ея⟩ Алекс⟨андровича⟩, или *Бронславу Матвеевну Рунт*, секретаршу редакции[2].

Спасибо за оттиск[3].

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. А если я пишу на бумаге "Скорпиона", то из экономии, а не по праву!

На французском бланке "Весов".

Письмо является, видимо, дополнением к деловой записке на денежном купоне (п. 55) и ответом на неизвестное письмо Ремизова.

[1] Следующий, 5-й номер альманаха "Северные цветы" был выпущен в свет лишь в 1911 г.

[2] Б.М. Рунт, свояченица Брюсова, исполняла обязанности секретаря "Весов" в 1905 г.

[3] Вероятно, оттиск очередных глав романа "Пруд" в журнале "Вопросы жизни". В библиотеке Брюсова сохранился оттиск глав "Пруда" из № 9 "Вопросов жизни" (с. 3–46) с надписью: "Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу А. Ремизов" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1306).

55. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 27 августа 1905 г.⟩

Премного Вам благодарен, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, деньги сполна получил.

Хочу предложить "Пруд" издать "Грифу". Одно смущает: не получить бы отказа. Тогда с "Полунощным солнцем" нехорошо вышло: попросил вернуть рукопись[1]. Может быть, он обиделся. Уж очень я неверным оказался[2]. С "Весами" мне теперь никаких дел вести не придется. А вот относительно "С⟨еверных⟩ Ц⟨ветов⟩", если они будут, можно мне прислать рассказ?

А. Р е м и з о в.

1905 27 VIII

Адрес мой: *СПб. 5 Рождественская дом № 38 кв. 2*[3].

Ответ на п. 52–54.

[1] См. п. 42, прим. 1.

[2] Возможно, что в 1905 г. Ремизов не обращался в издательство "Гриф" по поводу издания "Пруда". Лишь 7 июня 1906 г. С.А. Соколов писал Ремизову в ответ на его предложение издать свою книгу (письмо Ремизова, видимо, не сохранилось): «Увы! В данное время "Гриф" лишен возможности предпринять что-либо в смысле новых изданий, кроме уже намеченных. Причина – простая: финансовые затруднения на почве книжного застоя последнего года» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 203).

[3] Ремизов сменил адрес в связи с переездом редакции "Вопросов жизни". 27 июля 1905 г. он сообщал П.Е. Щеголеву: "Редакция наняла себе помещение на 7 Рождественской № 7, кв. 7" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1547). Ремизов поселился неподалеку от редакции.

56. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

29 августа 1905 г.
5 Рождественская, 38, кв. 2.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Только что писал Вам и снова пишу, и извиняюсь за свою навязчивость.

Прошу Вас, скажите мне, Вы думаете, мое обращение к С.А. Соколову с предложением издать "Пруд" не будет чем-нибудь таким... неловким, бестактным? и, если он согласится, это меня не отколет от "С⟨еверных⟩ Цветов" будущих?[1]

Не знаю, куда завтра подует ветер, но сегодня судьба моя в "Вопросах Жизни" не добрая[2].

Цепляюсь за Вас.

С глубоким уважением А. Р е м и з о в.

[1] Опасения Ремизова были вызваны тем, что ранее Брюсов ставил условием напечатания его произведений в "Северных цветах" неучастие в альманахах издательства "Гриф". См. п. 27, прим. 2, п. 41, прим. 1.

[2] Остается неясным, какие именно события или настроения дали основание для этих слов Ремизова: служба его в "Вопросах жизни" продолжалась до самого прекращения издания журнала в начале 1906 г. (последний выпуск – № 12 за 1905 г.). Возможно, в конце августа уже возникли предположения о скором закрытии "Вопросов жизни", и Ремизов беспокоился об отсутствии заработка. 27 сентября 1905 г. он записал: «Сегодня Д.Е. Жуковский предупредил меня, что "В.Ж." вероятно и не будут на будущий год» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С. 23; Дмитрий Евгеньевич *Жуковский* – издатель "Вопросов жизни"). 4 ноября 1905 г. Ремизов сообщал Конст. Эрбергу: «"В⟨опросы⟩ Ж⟨изни⟩" не будут существовать, так, по крайней мере, держится слух, – стало быть, и мое бухгалтерское место полетит к черту на кулички. И вот у меня одна дума в голове, как бы так устроить, чтобы нагишом не пробежаться» (*ИРЛИ*. Ф. 474. Ед. хр. 228). В январе 1906 г. Ремизов сообщал И.А. Новикову: «Редакция "В⟨опросов⟩ Ж⟨изни⟩" в феврале упраздняется ⟨...⟩ Живу – ищу место. Остаюсь в "В⟨опросах⟩ Ж⟨изни⟩" на февр⟨аль⟩, потому что некуда идти. "Служу" за 25 р. в месяц» (ЦГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 39). 14 марта 1906 г. он писал А.П. Зонову: «"В⟨опросы⟩ Ж⟨изни⟩" кончились, сидим на мели» (Копия из собрания Р.Л. Щербакова).

57. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 31 авг⟨уста⟩ 1905

Дорогой Алексей Михайлович!

Но, право, к к⟨нигоиздательст⟩ву "Гриф" я еще меньше причастен, чем к к⟨нигоиздательст⟩ву "Скорпион". Знаю грифов лично, только лично, очень лично[1]. Удивляюсь Вашим словам о "В⟨опросах⟩ Ж⟨изни⟩"[2].

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 55 и 56.

[1] Возможно, в этих словах скрыт намек на близкие отношения Брюсова с Н.И. Петровской – женой издателя "Грифа" С.А. Соколова.

[2] Слухи о предполагаемом прекращении "Вопросов жизни" дошли до Брюсова в сентябре 1905 г. через Мережковских. 22 сентября он писал Г.И. Чулкову: «Один важный и "конфиденциальный" вопрос: будет ли существовать "В.Ж." в 1906? Спрашиваю для себя, не для "Весов", и клянусь хранить ответ в совершенной тайне» (*Чулков Г.* Годы странствий. С. 334). Чулков отвечал Брюсову 28 сентября: «"Вопросы жизни" будут, несомненно, издаваться и в будущем году. Если Мережковские-во́роны будут каркать – вещать гибель журнала, не верьте» (*ГБЛ*. Ф. 386, 107.46). Однако уже 4 ноября 1905 г. Чулков сообщал Брюсову: «Начиная с января, "В⟨опросы⟩ ж⟨изни⟩" будут выходить с измененным составом редакции, – или (что вернее) будут издаваться *два* или даже *три* самостоятельных журнала: 1) христианский "Вестник жизни", 2) либерально-идеалистический "Культура и политика" и 3) мистический и бунтовской "Огни" или с иным названием. В этом последнем я буду принимать ближайшее участие, и – надеюсь – Вы не откажетесь в нем сотрудничать» (Там же). Из перечисленных замыслов был отчасти воплощен в реальность лишь последний – но не в виде журнала "Огни", а как альманах "Факелы".

58. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

9 января 1906.
Спб. 5 Рождественская 38, кв. 2. А.М. Ремизов

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не писал Вам Бог знает сколько времени, но думал о Вас всегда, в дни революции особенно. Как увижу в газетах "Цветной бульвар"[1], так и представлю Вас в пулеметном пекле[2]. А не хотелось, чтобы Вас слопали.

Жду Στέφανος[3], не откажи́те, пришлите мне.

Слышал от Г.И. Чулкова, что будете в Петербурге[4]. Ни молоком, ни духами, ни рукописями искушать Вас не буду. Но и Наташу не покажу Вам. Она за тридевять земель от Петербурга[5]. Покажу только ее спутников: лягушку-квакушку, медведюшку, да петушка – золотого гребешка[6].

Посылаю на Андрея Белого рассказ "Слоненок". Не возьмете ли "Слоненка" в "Весы"[7].

А. Ремизов.

[1] Брюсов жил в Москве на Цветном бульваре (дом 24; ныне дом 22).

[2] Имеется в виду Декабрьское вооруженное восстание в Москве. В дни революции Брюсову приходилось попадать в опасные ситуации. И.М. Брюсова писала 19 октября 1905 г. Н.Я. Брюсовой: «Валю совсем было убили, но "Бог миловал", только остается сказать. Он, Валя, замешался в толпе, которая стала громить дом полицмейстера, по толпе дали залп. Как Валя рассказывает, совсем рядом стоявшего человека ранили» (*ГБЛ.* Ф. 386, 145. 34). Ср. письма Брюсова к А.А. Шестеркиной от 1 ноября 1905 г. (*ЛН.* Т. 85. С. 654) и к Г.И. Чулкову (октябрь 1905 г. – В кн.: *Чулков Г.* Годы странствий. С. 336).

[3] Книга Брюсова "Στέφανος. Венок: Стихи 1903–1905 года" (М.: Скорпион, 1906) вышла в свет в конце декабря 1905 г.

[4] В декабре 1905 г. Брюсов писал Г.И. Чулкову: «Все "собираюсь" в Пб., но много дела и здесь» *Чулков Г.* Годы странствий. С. 340).

[5] В конце декабря 1905 г. Ремизовы из-за трудных материальных условий отвезли дочь Наташу (см. п. 43, прим. 5) на воспитание в имение Берестовец Черниговской губернии, к родственникам Серафимы Павловны – матери Александре Никитичне Довгелло и сестре Лидии Павловне Довгелло. Все детские годы Н.А. Ремизовой прошли в Берестовце; впоследствии вернуть дочь к себе Ремизовым не удалось.

[6] Речь идет об игрушках дочери Ремизова. М.А. Волошин в статье «Алексей Ремизов. "Посолонь"» (Русь. 1907. № 95. 5 апр.) подробно описывает игрушки в доме Ремизова, воспроизводя его устные рассказы: «Его письменный стол и полки с книгами уставлены детскими игрушками. Белая мышка-хвостатка стережет шкатулку. А в шкатулке хранится колдовской платок. "Махнешь им, а за спиной озеро встанет" (...)

На желтых кожаных переплетах старопечатных книг сидят две белки-мохнатки "и орешки щелкают" (...)

"А вот это Наташин медведь – Наташа-то уехала, он и голову опустил. А раньше он все с ней был и в ванне с ней вместе купался. Лапы-то у него передние и отмокли. А вот здесь в брюхе у него веретено. Им Наташа уколется, когда ей будет шестнадцать лет, и заснет на три года".

Детские игрушки – это древнейшие боги человечества (...)

У домашнего очага Ремизова эти грубо сделанные игрушки: глиняные курицы, войлочные зайцы, деревянные медведи и картонные мыши, действительно остаются богами, сохранившими свою древнюю власть над миром явлений, и от них возникают его художественные произведения». См.: *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 510–511.

[7] В тот же день Ремизов писал Андрею Белому: «Посылаю Вам забытого "Слоненка". Покажите его "Весам". Может быть эту тварь божью примут "скорпионы". А не примут, к "Грифу" туркнитесь (...) О "Слоненке" пишу В.Я. Брюсову. Дайте ему почитать. Может быть, и выйдет что» (*ГБЛ.* Ф. 25, 22. 5). 10 января 1906 г. Белый отвечал Ремизову: «"*Слоненка*" еще не получал; как получу, сейчас же отнесу в "*Весы*", а если в "*Весах*" не пойдет, за "*Золотое Руно*" – почти ручаюсь» (*ГБЛ.* Ф. 634. Ед. хр. 57). В другом январском письме Белый обещал Ремизову: «"*Слоненка*" передам Брюсову» (Там же); однако (видимо, из-за болезни) не успел этого сделать до отъезда Брюсова в Петербург в середине января 1906 г. 22 января Ремизов вновь писал Белому: «Вчера разговаривал с В.Я. Брюсовым о "Слоненке". В среду он уезжает в Москву. Передайте ему "Слоненка" для "Весов"» (*ГБЛ.* Ф. 25, 22. 5). Среда – 25 января; Брюсов, судя по письму И.М. Брюсовой, сопровождавшей его в этой поездке, к Н.Я. Брюсовой ("...мы приехали сегодня в субботу" – *ГБЛ.* Ф. 386, 145. 34; суббота – 28 января), выехал из Петербурга 27 января. О публикации рассказа см. п. 62, прим. 1.

59. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

3 февраля 1906.
5 Рождественская 38, кв. 2.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

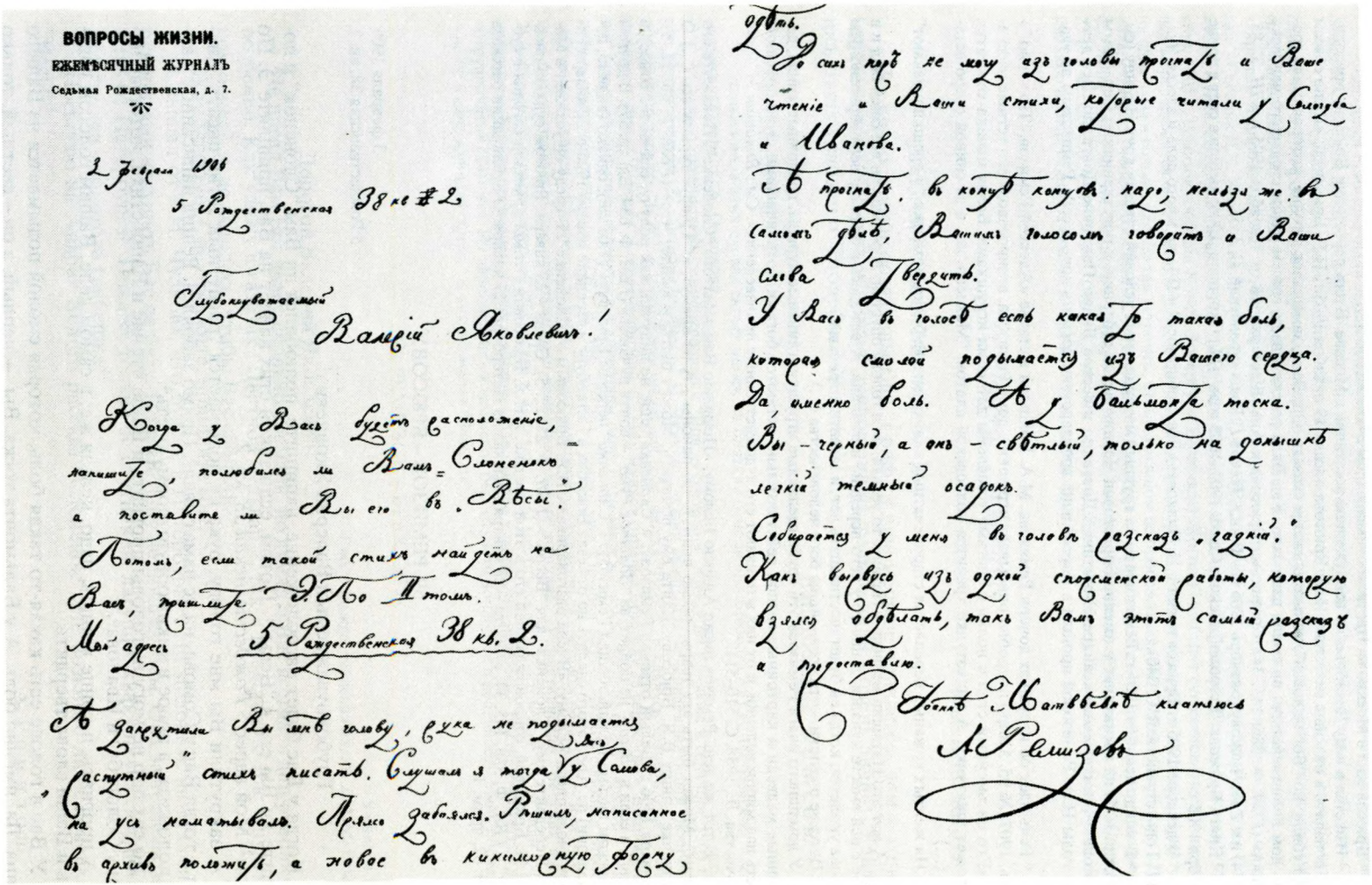
Когда у Вас будет расположение, напишите, полюбился ли Вам "Слоненок" и поставите ли Вы его в "Весы"[1]. Потом, если такой стих найдет на Вас, пришлите Э. По II том[2]. Мой адрес *5 Рождественская 38, кв. 2.*

А закрутили Вы мне голову, рука не подымается "распутный" стих писать. Слушал я тогда Вас у Сомова, на ус наматывал[3]. Прямо забоялся. Решил написанное в архив положить, а новое в кикиморную форму одеть[4].

До сих пор не могу из головы прогнать и Ваше чтение и Ваши стихи, которые читали у Сологуба[5] и Иванова[6].

А прогнать, в конце концов, надо, нельзя же, в самом деле, Вашим голосом говорить и Ваши слова твердить.

У Вас в голове есть какая-то такая боль, которая смолой подымается из Вашего сердца. Да, именно боль. А у Бальмонта тоска. Вы — черный, а он – светлый, только на донышке легкий темный осадок.



ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
Седьмая Рождественская, д. 7.

2 февраля 1906
5 Рождественская 38 кв. № 2

Глубокоуважаемый
Валерій Яковлевичъ!

Когда у Васъ будетъ расположеніе, напишите, полюбился ли Вамъ „Слоненокъ" и поставите ли Вы его въ „Вѣсы".
Потомъ, если такой стихъ найдетъ на Васъ, пришлите Э. По II томъ.
Мой адресъ 5 Рождественская 38 кв. 2.

А закрутили Вы мнѣ голову, рука не подымается „распутный" стихъ писать. Слушалъ я тогда Васъ у Сомова, на усъ наматывалъ. Прямо забаялся. Рѣшилъ, написанное въ архивъ положить, а новое въ кикиморную форму одѣть.
До сихъ поръ не могу изъ головы прогнать и Ваше чтеніе и Ваши стихи, которые читали у Сологуба и Иванова.
А прогнать въ концѣ концовъ надо, нельзя же въ самомъ дѣлѣ, Вашимъ голосомъ говорить и Ваши слова твердить.
У Васъ въ голосѣ есть какая то такая боль, которая смолой подымается изъ Вашего сердца. Да, именно боль. А у Бальмонта тоска. Вы — черный, а онъ — свѣтлый, только на донышкѣ легкій темный осадокъ.
Собирается у меня въ головѣ разсказъ „гадкій". Какъ вырвусь изъ одной спорсменской работы, которую взялся обдѣлать, такъ Вамъ этотъ самый разсказъ и предоставлю.

Іоаннѣ Матвѣевнѣ кланяюсь
А. Ремизовъ

ПИСЬМО А.М. РЕМИЗОВА БРЮСОВУ

Автограф. Петербург, 3 февраля 1906 г. Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Собирается у меня в голове рассказ "гадкий". Как вырвусь из одной спорсменской работы, которую взялся обделать[7], так Вам этот самый рассказ и предоставлю.

Иоанне Матвеевне кланяюсь.

А. Ремизов.

На бланке "Вопросов жизни".

[1] См. п. 58, прим. 7.

[2] *По Э.* Собр. соч. / В пер. К.Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1905. Т. II. Рассказы, статьи.

[3] Ремизов неоднократно виделся с Брюсовым во время его пребывания в Петербурге с 17 по 27 января 1906 г. Видимо, при посещении 19 января художника Константина Андреевича *Сомова* (1869–1939) Брюсов читал какое-либо из своих стихотворений "рискованного" содержания. Ср. запись Ремизова от 19 января: "У Сомова на Екатерингофском с Брюсовым" (*Ремизов А.* Кукха. С. 36).

[4] Возможно, подразумевается замысел, реализованный Ремизовым в фривольной сказке "Что есть табак. Гоносиева повесть" (СПб.: Сириус, 1908). См. также п. 67, прим. 3.

[5] Чтение у Ф. Сологуба состоялось 22 января. 20 января 1906 г. Ремизов писал Щеголеву: "Уж четвертый день тут находится В. Брюсов. Если хотите его видеть, приезжайте в воскресенье часов в 10 вечера к Ф.К. Сологубу (В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 7 л⟨иния⟩, 20)" (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1561). 31 января 1906 г. он же писал В.В. Розанову: "Два Ваших воскресенья пропустили: одно по случаю приезда Брюсова ⟨...⟩" (*ЦГАЛИ*. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724). Брюсов прочел в этот день, кроме стихов, также – как явствует из письма Ф. Сологуба к Ремизову от 12 февраля 1906 г. – "часть своей Респ⟨ублики⟩ Ю⟨жного⟩ К⟨реста⟩" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 206).

[6] "Среда" на "башне" Вяч. Иванова (18 января) подробно описана в дневнике М.А. Кузмина (*ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 151) и в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 19 января 1906 г. (Там же, кн. 3. С. 235–236). Ср. описание этого вечера в письме И.М. Брюсовой к Н.Я. Брюсовой, отправленном 31 января 1906 г.: "Было 44 челов⟨ека⟩ самых разных людей. Нѣкто Габрилович социал-д⟨емократ⟩ читал реферат, опять приплетал к учению с⟨оциал-⟩дем⟨ократов⟩ мистический анарх⟨изм⟩. Было скучно, длинно. Люди, затосковав, уходили, убегали в переднюю. Валя очень демонстративно вышел один из первых. Все ушедшие собрались в комнате, где не было стульев, уселись в круг на пол и стали читать стихи. Круг все более и более увеличивался, а другая комната пустела. Говорили, что читающий сам себе возражал. Было интересно видеть стольких знаменитостей. На следующий день были у Сомова" (*ГБЛ*. Ф. 386. 145. 34; упоминается Л.Е. Габрилович – см. прим. 5 к п. 37).

[7] Возможно, Ремизов намекает на предстоявшее ему участие в переписи петербургских собак; он пошел на это занятие, не находя после закрытия "Вопросов жизни" других средств для существования. Еще с конца ноября 1905 г. он пытался устроиться на службу, в частности – по рекомендации Д.В. Философова – в "Государственный контроль", ходил по объявлениям, но неудачно (см.: *Ремизов А.* Кукха. С. 33, 49). В воспоминаниях Ремизов пишет: «Была перепись собак и автомобилей. Как раз по мне: ни с кем не разговаривать, записывай, и все. Я и взялся. После одного происшествия ⟨...⟩ с собаками у меня ладу не было. (Этот памятный случай описан в моей книге "По карнизам".) Дело с переписью простое, но каждый раз я выходил к собакам не без трепета» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 47). Ср. эпизод из детства Ремизова, о котором он упоминает в этом фрагменте: "Каждое утро я ходил в училище через соседний двор, на дворе было много собак, и никогда меня собаки не трогали, а теперь проходу нет: целой сворой, маленькие такие, а очень кусаются, и как завидят, и на меня" (*Ремизов А.* По карнизам: Повесть. Белград, 1929. С. 9). Переписью собак занимается герой повести Ремизова "Крестовые сестры" (1910) Маракулин, лишившись постоянной службы: "Случилась в то время в Петербурге перепись собак. И с неделю ходил он по всяким Бурковым и Бельгийским дворам, считал собак ⟨...⟩" (*Ремизов А.М.* Избранное. С. 256).

60. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. Начало февраля 1906 г.?⟩.

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю на Ваше имя перевод из Р. Гиля (вместо обещанных, но все неисполненных еще переводов из Верлена) для № 12 "В⟨опросов⟩ Жизни", если он печатается[1]. Боюсь, что стихи Гиля не понравятся Дм⟨итрию⟩ Евг⟨еньевичу⟩[2]. Объясните ему, прошу, что это стихи – утонченнейшие. Нет, кажется, ни одного стиха, где не было бы какой-нибудь соблазнительной хитрости. Такие "находки", как

И *полон* небосклон *его истомным стоном*
И веет ветр *в* овсе...

или

Дождем, что *по* тропам *топ*тался и *по полю*...

станут стихотворными пословицами. Во всяком случае сам я высоко ценю этот свой перевод[3].

Простите почерк, пишу замерзшей рукой.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. "Весы" будут высылаться Вам лично[4].

На бланке "Весов".

[1] В январе 1906 г. Ремизов писал И.А. Новикову: «№ 12 "В⟨опросов⟩ Ж⟨изни⟩" выйдет в конце февраля, и этим дело закончится» (*ЦГАЛИ*. Ф. 343. Оп. 2. Ед.хр. 39). Высылая Брюсову 21 февраля 1906 г. программу XXVII Вечера современной музыки, посвященного произведениям Макса Регера (20 февраля 1906 г.), Ремизов сообщал в сопроводительной записке: "Стихи Ваши отданы в набор, и все обстоит, как следует быть" (*ГБЛ*. Ф. 386, 100. 15. Л. 5). Стихотворение Рене Гиля "Жалоба пастушке" ("Нет ни одной тропы на свете, дорогая...") в переводе Брюсова было опубликовано в "Вопросах жизни" (1905, № 12, с. 119–120). 12-й, последний номер журнала вышел в свет в марте 1906 г. Ср. запись Е.П. Иванова от 21 марта 1906 г.: «Пошел в "Вопросы жизни" и принес 12 №. Хорошая кончина журнала» (Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 402).

[2] Д.Е. Жуковский. См. о нем п. 56, прим. 2.

[3] Брюсов включил "Жалобу пастушке" Р. Гиля в книгу своих переводов "Французские лирики XIX века" (СПБ.: Пантеон, 1909). Перевод перепечатан в кн.: *Избр. 1955*. Т. 2. С. 71–72.

[4] Ранее Ремизов получал "Весы" в адрес редакции "Вопросов жизни".

61. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

14 марта 1906 г.
Спб. 5 Рождественская 38, кв. 2.
Алексей Михайлович Ремизов.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ну что со "Слоненком", принял ли его Сергей Александрович?[1] "Богомолье" я отдал в "Тропинку"[2]. Если "Слоненка" отвергли, пришлите его мне.

А. Р е м и з о в.

№ 2 "Весов" не получил.

На бланке "Вопросов жизни".

[1] См. п. 58, прим. 7. Ремизов предполагал также напечатать рассказ "Слоненок" в московском литературно-философском сборнике "Свободная совесть". «Не давайте пока "Слоненка" в "С⟨вободную⟩ совесть". Впрочем, давайте, – писал он Андрею Белому 9 марта 1906 г. – Мне только очень жалко, если в Весах не напечатают» (*ГБЛ*. Ф. 25, 22.5).

[2] Рассказ Ремизова "Богомолье" (1905) был опубликован в журнале для детей "Тропинка" (1906, № 10, 15 мая), вошел в книгу Ремизова "Посолонь" (Москва: Золотое руно, 1907). «... "Богомолье" просит П.С. Соловьева, – сообщал Ремизов Андрею Белому 9 марта 1906 г. – Я ей передам в "Тропинку". Я напишу Валерию Яковлевичу – "Богомолье" у него лежит» (*ГБЛ*. Ф. 25, 22. 5). П.С. Соловьева (вместе с Н.И. Манасеиной) издавала журнал "Тропинка".

62. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ Март ⟨1⟩906.

Дорогой Алексей Михайлович!

Видимо, "Слоненку" не суждено быть в "Весах". В скорости вышлю его Вам[1]. – Надеюсь, что "Весы" Вы получаете: я делал всяческие распоряжения.

Спасибо за № 12 "В⟨опросов⟩ Ж⟨изни⟩[2]". Но мне очень нужны были бы еще 2 экз. этого №. Возможно ли их получить. Если бесплатно неудобно, нельзя ли за деньги. В сем последнем случае (т.е. если экземпляров мало, если "зря" их не дают), очень прошу, не говорите о моей просьбе Д.Е.[3], а просто не откажите сообщить мне, откуда можно выписать эти 2 экз. Буду весьма признателен.

Очень жалею, что бессилен помочь Вам в "Весах".

Ваш Валерий Б р ю с о в.

На французском бланке "Весов".
Ответ на п. 61.

[1] 20 марта 1906 г. Ремизов сообщал Андрею Белому: "Слоненка мне возвращают из Весов, получил от

В.Я. уведомление. Я Слоненка в Адскую Почту отдам" (*ГБЛ.* Ф. 25, 22. 5). Сатирический журнал "Адская почта" был закрыт в июне 1906 г. по постановлению суда (см.: Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг.: Сводный каталог / Сост. З.А. Покровская. М., 1980. С. 16). Рассказ "Слоненок" не соответствовал тематике журнала (в "Адской почте" – (1906, № 2) – был помещен другой рассказ Ремизова – "Крепость"). Ремизов безуспешно пытался (через К.И. Чуковского) пристроить "Слоненка" в "Русскую мысль" (см. письма Ремизова к Е.А. Ляцкому от 13 июня и 23 июля 1906 г. – *ИРЛИ.* Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 426), а затем в "Золотое руно", где рассказ был отклонен в связи с тем, что в журнале был принят к печати другой рассказ Ремизова – "Чертик" (см. письмо А.А. Курсинского к Ремизову от 9 декабря 1906 г. – *ГПБ.* Ф. 634. Ед.хр. 135). После этого Ремизов предложил рассказ в "Перевал". Редактор журнала С.А. Соколов писал ему 7 февраля 1907 г.: «"Слоненка" взять для "Перевала" весьма не прочь. Только – просьба. Нельзя ли дать дворнику "Ялде" несколько более выносимую ухом фамилию?» (*ГПБ.* Ф. 634. Ед. хр. 203). "Слоненок" был опубликован в "Перевале" (1907, № 7, май, с. 8–16); дворник был переименован в "Мухтара". Рассказ вошел в книгу Ремизова "Чертов лог и Полунощное солнце" (с. 49–71) и (в переработанном виде) в 1-й том его "Сочинений" (СПб.: Шиповник, [1910]. С. 203–224).

[2] См. п. 60, прим. 1.

[3] Д.Е. Жуковскому. См. п. 56, прим. 2.

63. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 15 мая 1906 г.⟩

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Через г-на Гюнтера[1] передал для Весов сказку о Котофее Котофеиче[2]. Она, конечно, не подходящая. Так совсем забылся и послал. Если и на Ваш взгляд это верно, то попрошу прислать ее мне. Извиняюсь перед Вами, что о присылке да отсылке все прошу.

Вс.Эм.Мейерхольд эту зиму будет у Комиссаржевской[3]. В скором времени составится репертуар. Мейерхольд предложит Вашу "Землю"[4]. Не знаю, как он поладит с Ярцевым[5], – Ярцев заведующий репертуаром. С июня функционирует "Т⟨овариществ⟩о Новой Драмы", сначала в Чернигове, потом в Тифлисе, всю зиму[6].

А. Ремизов.

СПб. 5 Рождественская, 38, кв. 2.
15 мая 1906.

[1] Иоганнес фон *Гюнтер* (Quenther, 1886–1973) – немецкий поэт и переводчик; переводил на немецкий язык, в частности, произведения Брюсова. Написал книгу литературных воспоминаний "Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München" (München, 1969). Весной 1906 г. Гюнтер жил в Петербурге в квартире Ремизова. 20 мая 1906 г. Ремизов писал Вл. Пясту: "Гюнтер давным-давно уехал. Так он надоел, страсть. Хвастунишка, не люблю таких" (*ЦГАЛИ.* Ф. 405. Оп. 1. Ед.хр. 16). Такое отношение не помешало Ремизову дать Гюнтеру с собой в Москву рекомендательное письмо к Брюсову, в котором молодой немецкий поэт сопоставлялся со Стефаном Георге. Ремизов вспоминает: "Я написал письмо Брюсову, Брюсов не археолог, письмо мое не сохранилось. А жаль, вот было б любопытно: какими розами я осыпал Стефана Георге!" (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 195). Письмо в архиве Брюсова не сохранилось.

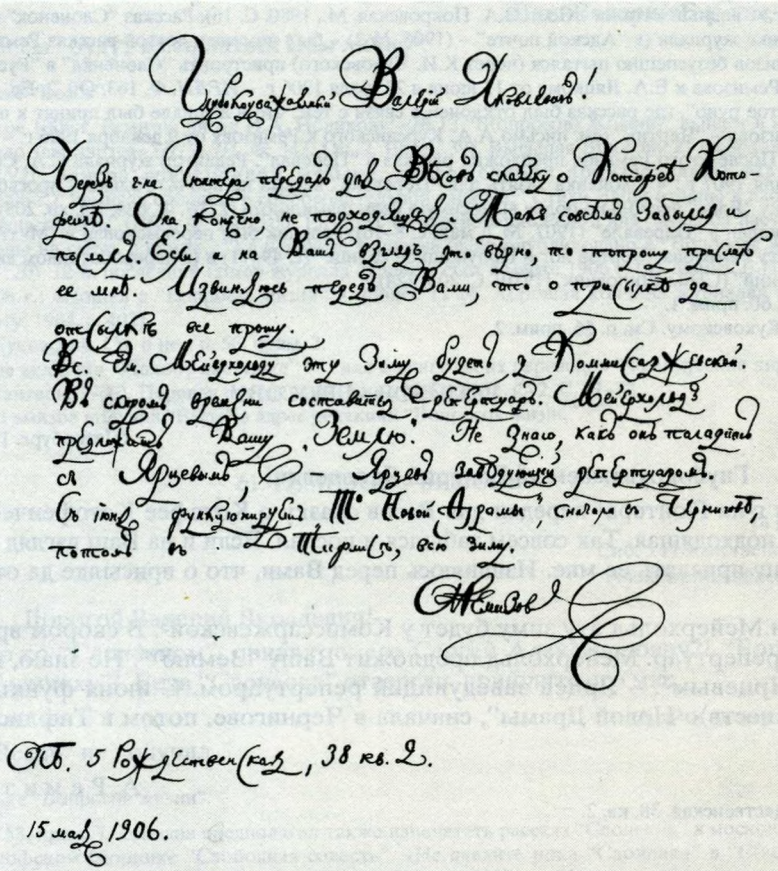
[2] Сказка Ремизова "Котофей Котофеевич" в "Весах" опубликована не была; вошла в его книгу "Посолонь".

[3] Окончательный договор о работе В.Э. Мейерхольда с лета 1906 г. в театре В.Ф. Комиссаржевской был подписан 25 мая 1906 г. (*Мейерхольд В.Э.* Переписка. С. 364).

[4] Инициатива в этом вопросе принадлежала Ремизову. «Да, почему бы Вам не предложить Комиссаржевской поставить "Землю?"», – писал он Мейерхольду 20 мая 1906 г. (*ЦГАЛИ.* Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2303). "Земля" в Театре В.Ф. Комиссаржевской не ставилась.

[5] Петр Михайлович *Ярцев* (1871–1930) – театральный критик, драматург, режиссер; в сезон 1906–1907 г. – заведующий литературным бюро Театра В.Ф. Комиссаржевской.

[6] Ремизов писал и А.П. Зонову (25 октября 1906 г.) о желательности постановки "Земли" в "Товариществе новой драмы" в сезон 1906–1907 г.: «Когда поставите "Землю" Брюсова? Я придираюсь к этой постановке и напишу вообще о "Т⟨овариществе⟩ Н⟨овой⟩ Д⟨рамы⟩" в сезон 1906/07. Меня в "Весах" избегают, только такой случай, как постановка "Земли" или "Драмы Жизни", даст мне возможность написать» (Копия из собрания Р.Л. Щербакова; "Драма Жизни" – пьеса К. Гамсуна).



ПИСЬМО А.М. РЕМИЗОВА БРЮСОВУ

Автограф. Петербург, 15 мая 1906 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

64. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

СПб. Кавалергардская 8, кв. 28.
А. Ремизов. 17 ноября 1906.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Прочитал в З⟨олотом⟩ Р⟨уне⟩ Ваших "Сестер" и пришел в большое восхищение, о чем Вам и сообщаю[1]. Проза у нас до такой степени редка, и читать ее не читаешь толком, а так глазами пробегаешь по страницам.

И внутренность у Вас отчетлива. Так и видишь их живыми[2] и за ними идешь до последнего их конца.

Вот Вы какой.

Сестры мне близки до крайности, только они увертывались и увертываются от меня, и я их словить не мог и не могу. Выходит либо лужа крови, либо такой кошмар-каша, откуда ничто не выберется.

А. Р е м и з о в.

[1] Рассказ Брюсова "Сестры" (1906) был опубликован в № 10 "Золотого руна" за 1906 г. Вошел в книгу Брюсова "Земная ось: Рассказы и драматические сцены (1901–1906 г.)" (М.: Скорпион, 1907).

[2] Имеются в виду герои рассказа Брюсова – Николай С. и три его возлюбленных – сестры Лидия, Кэт

и Мара. Брюсов указывал в предисловии к книге "Земная ось", что «в "Сестрах" явно повторена манера Ст. Пшибышевского» (с. VIII). ту же связь прослеживала Л.Н. Вилькина в своем отзыве о рассказе (в письме к Брюсову от 22 ноября 1906 г.): «Мечтаю еще о книге о страсти, сладострастии ⟨...⟩ Вот и ваши "Сестры" в своей неудовлетворенности – мне очень понравились. Если бы не манера Пшибышевского (иногда), это была бы одна из замечательнейших повестей страсти» (*ГБЛ*. Ф. 386, 80.14). Возможно, отмеченная близость к Пшибышевскому, высоко ценимому Ремизовым, сказалась на его восприятии брюсовского рассказа.

65. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 20 ноября 1906.

Дорогой Алексей Михайлович!

Спасибо на добром слове. А то все бранят мои рассказы. Я сейчас печатаю сборник их[1] и думаю, что придется мне опять приучаться к брани, от которой я было отвык после успехов "Венка"[2] и "Стихов о современности"[3]. Я могу – со всей искренностью – воздать Вам за сочувствие сочувствием. Мне очень нравится "Посолонь"[4]. Ваше творчество явно растет. Что такое "Калечена-малечена"? Мне много говорили о ней[5]. Если она не появится вскорости в печати, не пришлете ли прочесть в рукописи. Буду очень благодарен.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 64.

[1] Книга Брюсова "Земная ось" (см. п. 64, прим. 1) вышла в свет в декабре 1906 г. 16 ноября 1906 г. Брюсов писал Андрею Белому: «Я издаю сборник своих рассказов ("Земная ось"). Как рассказчика меня не любят. Книгу будут бранить» (*ЛН*. Т. 85. С. 401). Ср. письмо Брюсова к М.Я. Шику от 1/14 марта 1907 г.: «Мне очень дорого, что Вам понравилась моя "Земная ось". У нас в России, среди моих друзей, к ней отношение двойственное. Одни очень хвалят (Блок, Белый, Балтрушайтис), другие соболезнуют, зачем я, хороший поэт, стал писать не очень хорошую прозу (Вяч. Иванов, З. Гиппиус и др.). Я лично тоже этой книгой менее доволен, чем последними сборниками стихов, но не надо забывать, что в "Оси" собраны рассказы почти за 10 лет! а в десять лет я многому научился и многое узнал!» (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед.хр. 45).

[2] См. п. 58, прим. 3.

[3] *Верхарн Э*. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906. Книга вышла в свет в июне 1906 г.

[4] Цикл сказок Ремизова "Посолонь" печатался в 1906 г. в "Золотом руне" в № 7, 8, 9 (с. 121–127 – раздел "Весна-красна") и № 10 (с. 39–46 – разделы "Лето красное", "Осень темная", "Зима лютая"). В журнале была опубликована лишь часть сказок, составивших затем книгу "Посолонь": "Монашек", "Красочки", "Кострома", "Кошки и мышки", "Гуси", "Черный петух", "Купальские огни", "Бабье лето", "Змей", "Снегурочка", "Корочун".

[5] "Калечина-Малечина" (1906) – сказка Ремизова, представляющая собой обработку детской игры; впервые опубликована в отдельном издании "Посолони" (М., 1907) с посвящением С. Городецкому. Отбор сказок для публикации в "Золотом руне" производил сам Н.П. Рябушинский (см. его письмо к Ремизову от 24 июля 1906 г. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 192). Ср. письмо Ф. Сологуба к Ремизову от 25 июля 1906 г.: «А какие варвары в "Золотом руне"! Что за дикая странность – не взять для "З⟨олотого⟩ р⟨уна⟩" хотя бы такой вещи, как "Калечина-Малечина"!» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 206). "Калечина-Малечина" получила известность в литературной среде еще до публикации. В частности, 13 мая 1906 г. Б.А. Леман (литературный псевдоним – Б. Дикс) писал А.А. Блоку: "... лишь вчера удалось мне наконец быть у Алексея Михайловича и достать текст Калечины Малечины. Спешу переслать его к Вам согласно обещанию"; к письму приложен рукописный текст "Калечины-Малечины" (список рукой Б.А. Лемана – *ЦГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед.хр. 43).

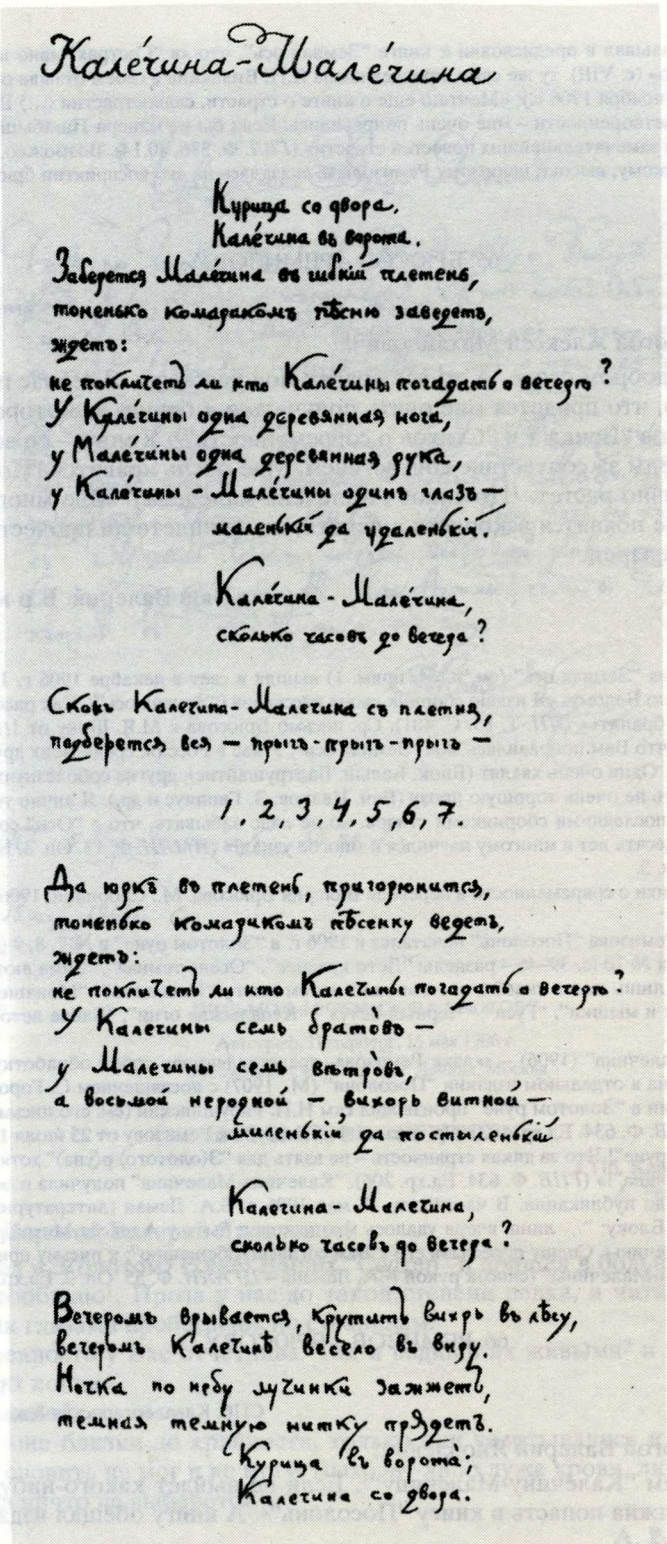
66. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

1906 г. 25 ноября
СПб. Кавалергардская 8, кв. 28. А. Ремизов.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам "Кале́чину-Мале́чину"[1]. Если не выйдет какого-нибудь недоразумения, то она должна попасть в книгу "Посолонь"[2]. А книгу обещал издать Рябушинский к Рождеству[3].

Я не знаю какого-то секрета изображать музыку, которую слышу и чувствую. И написанная "Калечина-Малечина" не говорит глазу о тех движениях, которые в ней таятся.



Калечина-Малечина

Курица со двора,
Калечина в ворота.
Заберется Малечина в тихий плетень,
тоненько комариком песню заведет,
ждет:
не покличет ли кто Калечины погадать о вечере?
У Калечины одна деревянная нога,
у Малечины одна деревянная рука,
у Калечины-Малечины один глаз —
маленький да удаленький.

Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?

Скок Калечина-Малечина с плетня,
подберется весь — прыгь-прыгь-прыгь —

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

Да юркá во плетень, притаюнится,
тоненько комариком песенку ведет,
ждет:
не покличет ли кто Калечины погадать о вечере?
У Калечины семь братóв —
у Малечины семь вьтрóв,
а восьмой неродной — вихорь витной —
маленький да постыленький.

Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?

Вечеромъ врывается, крутитъ вихрь въ лѣсу,
вечеромъ Калечинъ весело въ виду.
Ниткá по небу лучинки зажжетъ,
темная темную нитку прядетъ.
Курица въ ворота;
Калечина со двора.

КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА

Автограф А.М. Ремизова. 1907

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Написано:

Курица со двора
Калечина в воротá.

Но это ничего не говорит. Медленная важная курица чуть свет шествует со двора. Калечина юркая сигает.

Ку-ри-ца со дво-ра
Калечина в воротá.

Один музыкант положил на ноты[4]. Если ноты эти пропеть, – выходит так.

За внешне стихотворную форму не судите. (Вы таких строгостей напустили, что ой-ой. И это хорошо. Писать зря теперь становится невозможным. Вот если бы такую штуку с прозой учинить). *Ра* и *та, га* и *ка*[5] примите как намеки – не за гвозди (рифмы), а за кнопки, которыми держится картина.

В конце книги помещу примечание[6]. (Беру за образец издание "Венка")[7]. Боюсь своих несуразностей. Насколько могу, напишу строго.

Если у Вас найдется минута, напишите мне, возможно ли изобразить куричье шествие делением на слоги.

Думаю, скоро получу корректуру, и тогда бы я исправил.

Спасибо за ответ.

А. Ремизов.

Ответ на п. 65.

[1] К письму приложен автограф сказки (*ГБЛ*. Ф. 386, 100.15. Л. 13). Текст его не имеет существенных расхождений с опубликованным.

[2] См. прим. 5 к п. 65.

[3] Книга Ремизова "Посолонь" – первая его авторская книга – вышла в свет в издательстве журнала "Золотое руно" во второй половине декабря 1906 г. 11 декабря 1906 г. секретарь "Золотого руна" А.А. Курсинский сообщал Ремизову: «"Посолонь" выходит на ближайших днях» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 135). Ремизов подарил "Посолонь" Брюсову с надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову с любовью и почитанием А. Ремизов 9 генваря 1907 СПбург" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1305).

[4] Музыка к тексту "Калечины-Малечины" была написана композитором Владимиром Алексеевичем *Сениловым* (1875–1918).

[5] Имеются в виду заключительные слоги в цитируемых выше в письме строках "Калечины-Малечины" и в строках:

У Калечины одна деревянная нога,
У Малечины одна деревянная рука.

[6] В издании "Посолони" 1907 г. объяснительные примечания к сказкам не были помещены. См. примечания Ремизова, описывающие игру и характеризующие фольклорный образ Калечины-Малечины, в кн.: *Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 6. Сказки. С. 248–249; *Ремизов А.М.* Избранное. С. 398. Игра в Калечину-Малечину описывается также в рассказе Ремизова "Мака" (1907). См.: *Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1911]. Т. 5. Сказки. С. 224.

[7] В "Заключении" – последнем разделе книги Брюсова "Stephanos" – были помещены авторские примечания к стихотворениям.

67. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

С.Петербург, 1908 года, 2/15 апреля.
М. Казачий пер. 9, кв. 34. А. Ремизов.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

К великому моему прискорбию, первое Ваше письмо ко мне не разыскалось[1]. Это не первый случай пропажи мне адресованных посылок из Москвы, так "Весы" приходят неисправно и часто ждешь понапрасну, за прошлый год пропало два номера, № 2 и 12. Привожу эти доказательства, чтобы иметь основание попросить у Вас 1 ч. Вашего романа[2]. Если найдете возможным выслать мне, буду Вам весьма благодарен.

На днях пришлю Вам стр. 33 заново отпечатанную, которую издатель "Табака"

просит вклеить в книги на место имеющейся. На обороте стр. 33 напечатана фамилия издателя, что оказалось неудобным[3].

А. Р е м и з о в.

[1] Тексты обоих упоминаемых писем Брюсова – "первого" и того, на которое отвечает Ремизов, – нам неизвестны.

[2] Имеется в виду издание: *Брюсов В.* Огненный Ангел. М.: Скорпион, 1908. Ч. I. Книга вышла в свет в январе 1908 г.

[3] См. п. 59, прим. 4. Издатель – Сергей Николаевич *Тройницкий* (1882–1948) – искусствовед, научный сотрудник (с 1908 г.), затем (в 1917–1932 гг.) хранитель Галереи драгоценностей и директор Эрмитажа. 1/14 марта 1908 г. Ремизов писал Маделунгу: "Сейчас вышла моя маленькая книжка о Табаке с тремя картинками Сомова. Напечатана она в количестве 25 экз. (именных)" (*Письма к Маделунгу*. С. 45). Ремизов пытался ранее опубликовать сказку "Что есть табак" в "Золотом руне"; представитель редакции А.А. Курсинский писал ему в этой связи 5 марта 1907 г.: «Что касается "Табака", то напечатать его по моему мнению было бы удобно, если бы Руно захотело прекратить свое существование, но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ такого желания у него пока нет, то, конечно, он не будет напечатан» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 135). Еще до издания книжки сказка получила определенную известность в узком петербургском литературно-художественном кругу; так, К.А. Сомов писал Ремизову, приглашая к себе в гости 17 октября 1907 г.: «Очень хотим (я, Кузмин и Нувель), чтобы Вы нам прочли и "Табак", который Вы так великолепно читаете вслух» (Там же. Ед.хр. 207). На с. 34 книжки "Что есть табак. Гоносиева повесть" содержалось указание: "Повесть сию написал на святках 1906 года А. Ремизов, рисунки делал К. Сомов, напечатал двадцать пять именных экземпляров С.Н. Тройницкий". Несмотря на ничтожно малый тираж, издание нескромной сказки с не менее нескромными рисунками Сомова получило огласку, и отец С.Н. Тройницкого, сенатор Н.А. Тройницкий, потребовал, как свидетельствует Ремизов, "отобрать и сжечь книги": «Много стоило трудов убедить сенатора в бесполезности сжигать. В конце концов сенатор согласился, но под условием: Тройницкий должен всех обойти "именных" и собственноручно бритвой выскоблить на последней странице "Тройницкого". С.Н. Тройницкий исполнил сенаторский указ, но ходить с бритвой постеснялся, он был уверен, что каждый из нас исполнит его просьбу и имя Тройницкого испарится. Все мы, конечно, обещали» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 76). В библиотеке Брюсова книжка "Что есть табак" не сохранилась. Впоследствии "Гоносиева повесть" была переиздана (без иллюстраций Сомова) в кн.: *Ремизов А.* Заветные сказы. Пб.: Алконост. 1920. С. 37–72.

68. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 3 дек⟨абря⟩ 1908.

Дорогой Алексей Михайлович!

С 1909 г. "Весы" эмансипируются от "Скорпиона", т.е. получают самоуправление[1]. Первый акт этих освобожденных "Весов" – просьба, обращенная к Вам: стать их деятельным сотрудником.

До сих пор Вы, можно сказать, только числились среди сотрудников "Весов". Я несколько раз объяснял Вам причину этого, и мне хочется думать, что Вы наконец поверили моим объяснениям. Нам, ближайшим деятелям "Весов", мне, Бор⟨ису⟩ Ник⟨олаевичу⟩[2] и др., всегда было грустно, обидно и даже как-то оскорбительно, что Вы не с нами. Но в этом вопросе приходилось уступать внешней силе. Теперь, как только это стало для нас доступно, мы просим Вас не вменять нам прошлого в вину и дружески войти в наш круг, который всегда Вас любил и ценил. Не хорошо будет с Вашей стороны, если Вы будете нам мстить за наш грех невольный.

Нам очень хотелось бы получить от Вас, для начала будущего года, – рассказ или маленькую повесть. Пришлите, если есть, обрадуете очень. Если нет у Вас ничего уже написанного, сообщите хотя бы заглавие задуманной вещи: мы похвастаемся в объявлениях.

Гонорар, который мы можем предложить, все еще, к сожалению, скромен: 50 р. с нашего листа (впрочем, листа маленького, меньше 30 000 букв). Надеясь вывести "Весы" на новую дорогу и всячески улучшить внешнее их положение, надеемся впоследствии увеличить и гонорар. Пока он остается прежний, – тот, который мы платили и М.Кузмину и К.Бальмонту.

Письмо это пишу по поручению товарищей и потому не хочу вмешивать в него ничего личного. Но верьте, что я, как всегда, по-прежнему, –

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в.

[1] Кризисная ситуция в "Весах", сложившаяся в конце 1908 г., подробно характеризуется в работе К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова «Брюсов и "Весы". (К истории издания)» (*ЛН*. Т. 85, См. об этом также наст. кн. Переписка с Поляковым, п. 117–121 и коммент. к ним). Настоящее письмо относится к непродолжительному периоду (конец ноября – конец декабря 1908 г.), когда Брюсов надеялся взять издание "Весов" полностью под свой контроль. Отказываясь (в письме к Н.И. Петровской от 16/29 декабря 1908 г.) в ближайшее время приехать к ней в Париж, он объяснял свое решение: «Это значило бы погубить все, что я сейчас предпринял, все "дела" и прежде всего "Весы", которые я взял с 1909 г. на себя. Они не могут просуществовать месяц без меня: это совершенно ясно» (*ЦГАЛИ*. Ф. 376. Оп. 1. Ед.хр. 4).

[2] Андрей Белый.

69. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

4 декабря 1908.
СПб. М. Казачий пер. 9, кв. 34. А. Ремизов.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Приношу Вам мою благодарность за второй том Вашего великолепного романа[1]. "Огненный Ангел" будет встряской для русских писателей, и я уверен, скоро по кусочкам его растащут для повестей и рассказов. Соблазнительны и тот интерес, с каким читается книга, и тот стиль, каким написана она.

Видел Вас во сне и в Москве осенью и в Петербурге недавно. Учусь писать рассказы, что мне дается очень туго.

А. Ремизов.

Написано до получения п. 68.

[1] Книга Брюсова "Огненный Ангел" (М.: Скорпион, 1908. Ч. II) вышла в свет в конце ноября 1908 г. В Отделе рукописей *ГБЛ* сохранился шмуцтитул утраченного экземпляра книги, подаренного Ремизову, с автографом: "Алексею Михайловичу Ремизову дружески Валерий Брюсов" (Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова: Каталог. М., 1985. С. 43). Позднее в отношении Ремизова к этому брюсовскому роману будет преобладать скептическое начало. В книге *Иверень* он упоминает "Огненный ангел" как "роман из московской жизни, составленный по средневековым немецким оккультным документам, без всякого намека на воображение Э.Т.А.Гофмана ⟨...⟩" (Иверень, с. 229). Ср. дневниковую запись А.А.Блока от 2 января 1913 г.: «А.М. Ремизов бранит Брюсова, говорит, что романы его – "просто ничто" ⟨...⟩» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 203).

70. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

6 декабря 1908 г.
СПб. М. Казачий пер. 9, кв. 34. А. Ремизов.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

С благодарностью принимаю Ваше предложение. У меня есть рассказ, называется он "Жертва". Только я вот сейчас не могу его послать Вам. Недели через две или даже с половиной пришлю его для "Весов"[1].

А. Ремизов

Ответ на п. 68.

[1] После получения этого письма в каталоге "Весов" появилось объявление о том, что в журнале будет напечатан, наряду с другими произведениями, рассказ Ремизова "Жертва" (Весы – Скорпион. Каталог № 8. 1909 г. С. 6). Факт привлечения Ремизова в "Весы" вызвал недовольство со стороны редакции "Золотого руна" – журнала, в котором писатель тогда активно сотрудничал; руководители "Золотого руна" – органа петербургских модернистов, – и в частности секретарь журнала Г.Э. Тастевен, стремились в это время к размежеванию с "Весами" (в особенности после изгнания из числа сотрудников "Весов" в августе 1908 г. ведущего "золоторунного" полемиста С. Городецкого; см.: *ЛН*. Т. 85. С. 512–513; *ЛН*. Т. 92, кн, 2. С. 34–35). В недатированном письме к Г.И. Чулкову Тастевен сообщал: «Писал Ремизову по поводу его участия в "Весах", указывая, что инцидент с Городецким является открытым вызовом, брошенным петербургской группе и что "З⟨олотое⟩ руно" вправе ожидать известных жертв от своих ближайших сотрудников, раз вопрос идет о достоинстве журнала» (*ГБЛ*. Ф. 371, 4. 70). В упомянутом письме к Ремизову (также недатированном) Тастевен, ссылаясь и на точку зрения Н.П. Рябушинского, заявлял: «Я позволю себе затронуть один чисто принципиальный вопрос: в "Весах" напечатано, что в № 1 журнала идет Ваша повесть. "Золотое руно" всегда привыкло считать Вас одним из ближайших своих сотрудников, наиболее родственных ему по духу и складу творчества.

и поэтому Ваше участие в органе, резко враждебном всему, что исповедует "З⟨олотое⟩ руно", нас глубоко смущает ⟨...⟩ все мы знаем, что "Весы" журнал, органически враждебный Вашему творчеству и достаточно доказавший это снисходительно-пренебрежительными статьями о Ваших книгах и обо всем, где есть веяние национального духа. Поэтому на Ваше участие в № 1 "Весов" редакция не может не смотреть как на демонстрацию против журнала: так смотрит Николай Павлович, таково же, я убежден, мнение ближайших сотрудников "Золотого руна": Чулкова, Блока, Городецкого, Зайцева и друг. Я знаю, глубокоуважаемый Алексей Михайлович, что "Весы" прилагают все усилия к тому, чтобы внести разлад в группу писателей "Золотого руна" и искусственными средствами сообщить себе хотя бы внешние признаки молодости и жизни, но все эти военные хитрости и стремления никого не могут ввести в заблуждение ⟨...⟩ Принципиальный ответ Ваш тем более важен нам, что "Золотое руно" предполагало поместить статью, анализирующую Ваше творчество с точки зрения основной позиции журнала» (*ГБП*. Ф. 634. Ед. хр. 214).

Ответное письмо Ремизова, по всей вероятности, не сохранилось, но его содержание выясняется из конспективной записи Ремизова на цитированном письме Тастевена: «*Мой ответ*. Мое отношение к "З.Р." *неизменно*. Это ясно. Я дал "З.Р." мою трагедию о Иуде. Говорить о какой-либо демонстрации против журнала не приходится. Как известно, сотрудничество в "Весах" и "З.Р." считают совместным Вяч. Иванов, Бальмонт, *Блок*, Сологуб, А. Белый, Кузмин. А.Р.». Тастевен вновь возвращался к вопросу о совместимости сотрудничества в "Весах" и "Золотом руне" в письме к Ремизову от 31 января 1909 г., в котором, в частности, настаивая на своих прежних утверждениях, упоминал, что «более подробно редакционная точка зрения будет развита в письме Николая Павловича ближайшим сотрудникам "Золотого руна"» (Там же). Такое письмо, впрочем, не было разослано. Ремизов ожидал, что редакция "Золотого руна" примет свои меры в определившейся ситуации. «А насчет "З⟨олотого⟩ р⟨уна⟩", меня вычеркнут, по всей вероятности, из числа сотрудников. Этим дело кончится», – писал он И.А. Новикову 31 мая 1909 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 39). Такой акции предпринято не было, в 1909 г. в "Золотом руне" появилась ремизовская "Трагедия о Иуде принце искариотском" (№ 11/12. С. 15–47); запланированной статьи о творчестве Ремизова не было напечатано, однако С. Городецкий касался его книги "Лимонарь" в статье "Ближайшая задача русской литературы" (1909, № 4, с. 71–73).

71. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 28 декабря 1908.
М. Казачий пер. 9, кв. 34

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю на Ваше имя заказн⟨ой⟩ бандер⟨олью⟩ рассказ "Жертва". Будет ли рассказ по душе Вам? Известите, когда он может появиться в журнале, чтобы я мог дать сведения для газетных хроник. Очень прошу, нельзя ли мне получить экземпляр или в гранках, или в сверстанном виде (после корректуры): мне необходимо иметь какой-нибудь печатный оттиск рассказа, чтобы не выдирать для издания из книги[1].

А. Ремизов.

[1] Рассказ "Жертва" (1908) был опубликован в № 1 "Весов" за 1909 г. (с. 42–56), вошел в книгу Ремизова "Рассказы" (СПб.: Прогресс, 1910. С. 25–42) и в 1-й том его Сочинений (СПб.: Шиповник, [1910]. С. 167–186. В последующих номерах "Весов" произведения Ремизова не печатались.

72. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 марта 1909.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Приношу Вам мою благодарность за "Все напевы"[1] – книгу, переданную мне вчера Верховским[2]. "Елену Спартанскую"[3] получил из Москвы, но не успел тогда написать Вам, а теперь – в эти две встречи – забывал, только глядя на Вас и прислушиваясь[4].

А. Ремизов.

Закрытое письмо – "секретка".
1909. Направлено по адресу: Петербург. "Северная гостиница". Против Николаевского вокзала.

[1] Имеется в виду книга: *Брюсов В.* Пути и перепутья: Собрание стихов. М.: Скорпион, 1909. Т. III. Все напевы. 1906–1909.

[2] Поэт Юрий Никандрович *Верховский* (1878–1956) был одним из близких петербургских знакомых Ремизова.

[3] Имеется в виду книга: *Верхарн Э.* Елена Спартанская: Трагедия в 4-х действиях / Авторизованный пер. Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1909.

[4] Брюсов приехал в Петербург 1 марта 1909 г. В письме к жене, отправленном 15 марта 1909 г., Брюсов сообщал: "Вчера видел Ремизова. Все тот же. Кикимора. Но держит себя как maître, и берет учеников (литературных) на обучение" (*ГБЛ*. Ф. 142.12).

73. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

СПб., 16–17 марта 1909.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Встречая Вас, я всякий раз держал в голове мысль просить Вас пожаловать к нам, и всякий раз останавливала меня Ваша занятость. Будете в Петербурге – будете посвободнее, загляните на М. Казачий пер. 9, кв. 34[1].

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

Закрытое письмо – "секретка".

[1] Письмо написано перед самым отъездом Брюсова из Петербурга. 16 марта Брюсов сообщал жене: "В Москве буду *в четверг* или *в пятницу*", т.е. 19 или 20 марта (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.12).

74. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 23 августа 1910 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Как Вы, может быть, знаете из газет, с этой осени* я принимаю участие в редактировании литературного отдела "Русской Мысли"[1]. Вы в этом отделе состоите сотрудником, и довольно деятельным[2], так что "приглашать" Вас мне не приходится. Но позвольте мне надеяться и верить, что мое вступление в редакцию Вас не "отпугнет", а напротив побудит тем с большей охотой направлять свои рукописи в редакцию "Русск⟨ой⟩ Мысли". Вы знаете, что я всегда любил и высоко ценил Ваши повести, и если мало Вас печатал в "Весах", то *не по своей вине*. Очень Вас прошу, если есть у Вас что-либо уже готовое и еще не обещанное ни одному из изданий, доставить это нам: мы в хорошей прозе более чем нуждаемся! Очень меня утешите скорым ответом, а скорым исполнением просьбы совсем обрадуете[3].

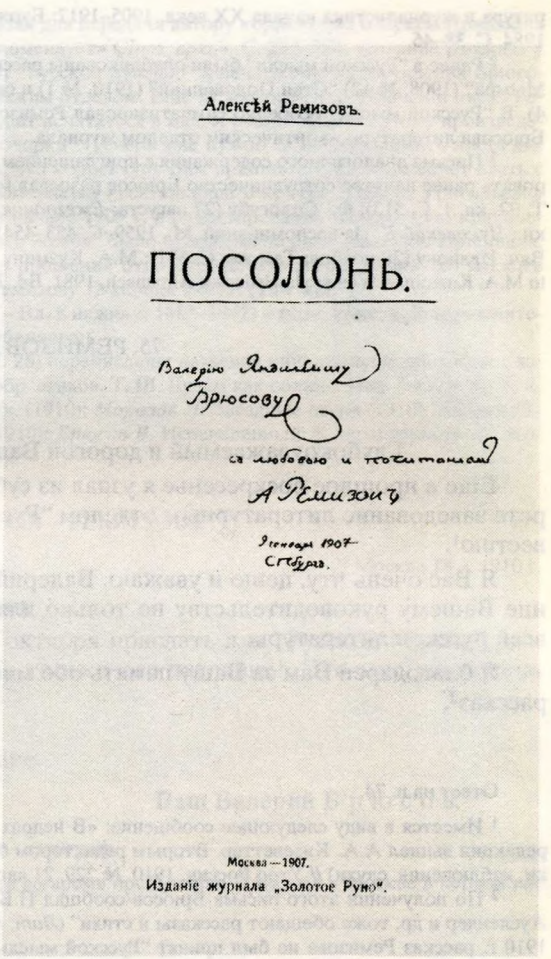
Кланяюсь С ⟨ерафиме⟩ П⟨авловне⟩.

Ваш всегда Валерий Брюсов.

На бланке "Русской мысли".

[1] В августе 1910 г. единоличным редактором-издателем журнала "Русская мысль" стал П.Б. Струве (ранее разделявший эти полномочия с А.А. Кизеветтером); тогда же он предложил Брюсову с сентября заведовать литературно-критическим отделом журнала. См. вступ. ст. А.Н. Михайловой к публикации писем Брюсова к П.Б. Струве (*Лит. архив*. С. 259). См. также: *Никитина М.А.* "Русская мысль" // Русская лите-

*У Брюсова описка: "осенью".


Алексѣй Ремизовъ.

ПОСОЛОНЬ.

Валерію Яковлевичу Брюсову с любовью и почитанием А Ремизов 9 генваря 1907 СПбург.

Москва — 1907.
Изданіе журнала „Золотое Руно".

А. РЕМИЗОВ.
ПОСОЛОНЬ. М., "ЗОЛОТОЕ РУНО", 1907

Титульный лист с дарственной надписью:
"Валерию Яковлевичу Брюсову с любовью и почитанием.
А. Ремизов 9 генваря 1907 СПбург"
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

ратура и журналистика начала XX века, 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 38–46.

[2] Ранее в "Русской мысли" были опубликованы рассказы Ремизова "Суд Божий" (1908, № 9), "Царевна Мымра" (1908, № 12) "Стан Половецкий" (1910, № 1) и сказки "Верба" (1907, № 1) и "Ночь у Вия" (1909, № 4). В "Русской мысли" особенно симпатизировал Ремизову и его творчеству С.В. Лурье, заведовавший до Брюсова литературно-критическим отделом журнала.

[3] Письма аналогичного содержания с приглашением принять участие в "Русской мысли" или активизировать ранее начатое сотрудничество Брюсов разослал многим литераторам – А.А. Блоку (23 августа; *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 513); Ф. Сологубу (27 августа; *Ежегодник 1973*. С. 117–118); К.И. Чуковскому (26 августа; в кн.: *Чуковский К.* Из воспоминаний. М., 1959. С. 453–454); Андрею Белому (27 сентября; *ЛН*. Т. 85. С. 419); Вяч. Иванову (28 ноября; Там же. С. 531); М.А. Кузмину (18 октября; см., *Cheron G.* Letters of V. Ja. Brjusov to M.A. Kuzmin. – Wiener slawistischer Almanach, 1981. Bd. 7. S. 75) и ряду других.

75. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 29/11 VIII ⟨IX⟩ 1910.
М. Казачий пер. 9. кв. 34.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Еще в прошлое воскресенье я узнал из субботнего №-а "Утра России", что Вы берете заведование литературным отделом "Рус ⟨ской⟩ Мысли", и очень порадовался известию[1].

Я Вас очень чту, ценю и уважаю, Валерий Яковлевич, и придаю особенное значение Вашему руководительству не только для журнала "Рус⟨ской⟩ Мысли", но и для всей русской литературы.

Я благодарен Вам за Вашу память обо мне и постараюсь осенью представить Вам рассказ[2].

А. Ремизов.

Ответ на п. 74.

[1] Имеется в виду следующее сообщение: «В недрах "Русской мысли" – крупное событие. Из состава редакции вышел А.А. Кизеветтер. Вторым редактором будет Валерий Брюсов» (*Фланер*. На лету: (Заметки, наблюдения, слухи) // Утро России. 1910. № 229. 21 авг.).

[2] По получении этого письма Брюсов сообщал П.Б. Струве (2 сентября 1910 г.): "Ремизов, Гумилев, Ауслендер и др. тоже обещают рассказы и стихи" (*Лит. архив*. С. 270). Однако представленный в сентябре 1910 г. рассказ Ремизова не был принят "Русской мыслью". «В Москве был А. Ремизов, – писал Брюсов Струве 16 сентября. – Я возвратил ему "непринятый" рассказ. Он обещал дать другой, более подходящий для "Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩"» (Там же. С. 283–284). Ремизов был в Москве с 5 по 14 сентября (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 14). Видимо, он предлагал "Русской мысли" рассказ в своем индивидуальном, специфическом жанре "снов". 19 сентября 1910 г. Струве писал Брюсову: "В том, что Ремизов талантливый человек, я не сомневаюсь, но его бессмысленных и скучных снов все-таки не следует печатать" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 59); в письме к Брюсову от 1 октября 1910 г. он вновь аргументировал свое решение: «Что касается Ремизова, то я только высказал вполне определенное мнение об его "Снах", которые были непозволительны. В его талантах я не сомневаюсь; тем более он сам к себе и другие к нему *должны* быть строги» (Там же. Ед. хр. 60).

76. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 1/14 X 1910.
Таврическая 3[в], кв. 23[1]. А. Ремизов.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю гранки Пришвинского произведения "Черный араб". Я исправил их[2]. На неделе пришлю рассказ Ивойлова[3].

Пришлите, пожалуйста, издания Скорпиона. На отдельном листке выписываю названия книг[4].

А. Ремизов.

[1] Ремизов поселился по этому адресу 21 сентября 1910 г. (как он сообщал в письме к И.А. Рязановскому от 18 сентября. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 31).

[2] Рассказ Михаила Михайловича *Пришвина* (1873–1954) "Черный Араб. Степные эскизы" был опубликован в "Русской мысли" (1910, № 11). Пришвин доверял Ремизову ведение своих литературных дел в то время, когда он сам находился в путешествиям по отдаленным окраинам России. 16 сентября 1910 г. Брю-

сообщал Струве, что Ремизов, будучи в Москве, «взял для передачи автору корректуры очерков Пришвина ("Белый арап"), которого лично знает и очень рекомендует» (*Лит. архив.* С. 283–284; название рассказа у Брюсова – ошибочно). "Черный Араб" был принят "Русской мыслью" к печати еще до вступления Брюсова в должность заведующего литературно-критическим отделом. Еще 27 марта 1910 г. Пришвин писал Ремизову: «"Арапа"* приняли в Русск⟨ую⟩ Мысль. Будет печататься в мае. Я решил придать этому произведению описательный характер и назвать "Степные очерки". Теперь мне нужно за месяц написать листа два этих очерков ⟨...⟩ Варв⟨ара⟩ Григ⟨орьевна⟩ сказала, что корректуру Вам пришлют. Она тоже хочет ехать с нами в Лапландию» (*ГПБ.* Ф. 634. Ед. хр. 175; упоминается писательница и критик Варвара Григорьевна *Малахиева-Мирович* (1869–1954), участвовавшая в начале 1909 г. в редактировании литературно-критического отдела "Русской мысли"). Печатание "Черного Араба" было отложено по распоряжению Пришвина, взявшегося за переработку произведения. "Подал прошение отложить печатание на несколько месяцев (авансы получены: по-купечески)", – сообщал он Ремизову 12 апреля 1910 г. (Там же).

[3] Владимир Николаевич *Ивойлов* (псевдоним – Вл. Княжнин; 1883–1942) – поэт, критик, историк литературы. Его рассказ в "Русской мысли" не был опубликован.

[4] На отдельном листе (*ГБЛ.* Ф. 386, 100. 15. Л. 28) перечислены названия книг, выпущенных в свет издательством "Скорпион": *Бальмонт К.Д.* Полн. собр. стихов. Т. III. Будем как солнце. Изд. 3-е (1908); Т. X. Хоровод времен (1909); *Гумилев Н.* Жемчуга: Стихи. (1910); *Морозов Н.* Звездные песни (1910); *Андрей Белый.* Серебряный голубь: Повесть в 7-ми главах (1910); *Брюсов В.* Испепеленный: К характеристике Гоголя (1910); *Кузмин М.* Первая книга рассказов (1910).

77. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

Москва 18 X 1910 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

Помните, Вы обещали мне в конце октября прислать для "Русской Мысли" рассказ, или хотя бы начало его, или даже только его заглавие[1]. Это мне уже очень нужно.

Надеюсь, книги до Вас дошли[2].

Кланяюсь усердно Серафиме Павловне.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Текст написан рукой И.М. Брюсовой; подпись – автограф.

[1] Видимо, эта договоренность была достигнута во время пребывания Ремизова в Москве в первой половине сентября 1910 г.

[2] См. п. 76, прим. 4.

78. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

21–22 X 1910/4 XI. Таврическая 3[В], кв. 23.

Дорогой Валерий Яковлевич!

За книги приношу Вам большую благодарность. Я виноват перед Вами: обещаний не исполняю. Очень уж дел собралось много с изданием моих сочинений – Шиповники взялись выпустить в год (1911–12) 6 томов[1]. И приходится не переделывать, а редактировать старое и корректировать, и это занимает очень много времени. Скоро думаю кончить три первых тома (рассказы) и в первую голову начну рассказ для Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩. Есть у меня один анекдот в голове, называется ГАЛСТУК. О этом галстуке я и хотел бы написать[2].

Серафима Павловна шлет поклон Вам. И оба мы кланяемся Иоанне Матвеевне.

А. Р е м и з о в.

Ответ на п. 77.

[1] Договор между Ремизовым и главой петербургского издательства "Шиповник" Соломоном Юльевичем Копельманом (1881–1944) был подписан 10 октября 1910 г.; в течение действия договора (до 1 января 1918 г.) Ремизов принимал обязательство «не печатать нигде и ни под каким видом помимо изд-ва "Шиповник" своих книг и не приступать к полному собранию своих сочинений» (*ГПБ.* Ф. 634. Ед. хр. 129. Л. 9). С ноября 1910 г. по октябрь 1912 г. издательство "Шиповник" выпустило в свет 8 томов Сочинений Ремизова.

*Так у Пришвина.

С.П. РЕМИЗОВА-ДОВГЕЛЛО

Фотография. 1900

Центральный архив
литературы и искусства, Москва

Вами гонорара: все это вполне осуществимо.

[2] В конце октября 1910 г. Брюсов сообщал П.Б. Струве: "В списке рассказов, которыми мы располагаем на 1911 г., я забыл упомянуть рассказ Ремизова; Ремизов очень твердо обещал доставить рукопись не позже начала ноября" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 43). В списке произведений, принятых на 1911 г., который Брюсов выслал Струве, указан рассказ Ремизова "Галстук". О его публикации см. п. 84, прим. 1.

79. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. Конец декабря 1910 г.⟩

Дорогой Алексей Михайлович!

Вам и Серафиме Павловне посылаю все мои поздравления и пожелания на новый год, и хочу напомнить Вам Ваше обещание – в скором времени доставить что-либо для "Русской Мысли". Она очень нуждается в хороших рассказах, а мне очень хочется видеть Вас в числе настоящих, не номинальных только, сотрудников руководимого мною отдела. В самом деле, соберитесь с духом и пришлите мне добрую рукопись, чтобы она могла попасть еще в февральскую или хотя бы мартовскую книжку! Чрезвычайно обрадуете. С.В. Лурье[1] говорил со мной о размере желаемого

Ваш душевно Валерий Б р ю с о в.

[1] Семен Владимирович *Лурье* (1867–1927) – философ, публицист, постоянный сотрудник "Русской мысли".

80. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 5. I. 1911 г. Таврическая 3[в], кв. 23

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю заказн⟨ой⟩ банд⟨еролью⟩ рукопись "Рождество". Не найдете ли возможным напечатать сначала этот рассказ, который называю апокрифическим.

Обещанный "Галстук" будет доставлен непременно. Я не забываю, Валерий Яковлевич, долги свои – помню сроки, но этот год у меня какой-то тройной год: надо поспевать с книгами и корректура идет[1].

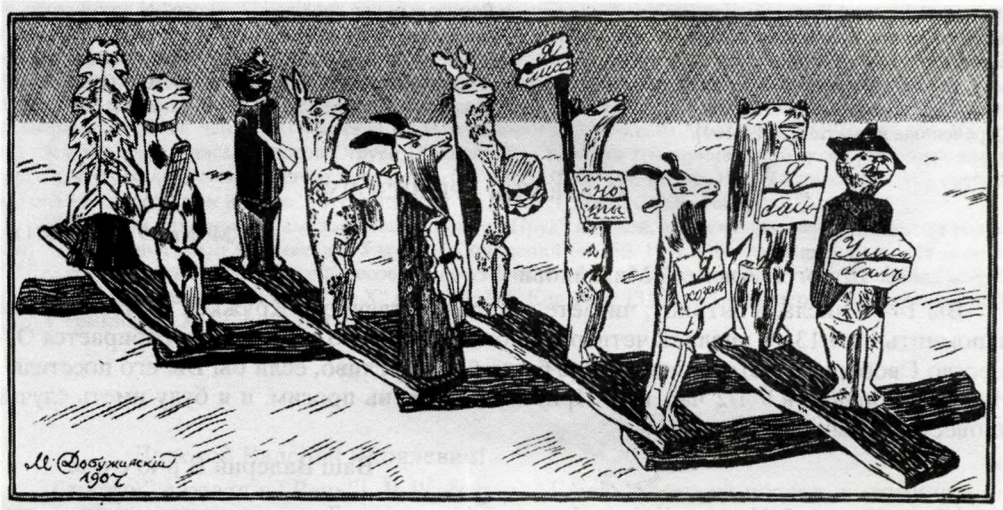
Через Грифа получил приглашение читать 14-ого I в Лит⟨ературно-⟩ Худ⟨ожественном⟩ Круж⟨ке⟩. Я согласился[2]. Мне в Москве надо быть, – доктору моему показаться[3]. Вот приеду и лично все свои обещания повторю Вам и объяснения все представлю.

Хотел я на вечере "Рождество" читать, да мне 15' ⟨минут⟩ срока дали. Взял я "Лютых зверей" (из Моря-Океана), которые в Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩ до Вас лежали[4].

С Новым Годом!

Серафима Павловна поздравляет Вас. Передайте наши поздравления Иоанне Матвеевне.

А. Р е м и з о в.



У ЛИСЫ БАЛ

Рисунок М.В. Добужинского к книге А.М. Ремизова "Посолонь".
"Золотое руно", 1907

Ответ на п. 79.

[1] Ремизов активно работал в это время над подготовкой томов своих Сочинений (1-й том вышел в ноябре, 2-й – в декабре 1910 г.). Оба тома сохранились в библиотеке Брюсова с дарственными надписями: т. 1 – "Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову А. Ремизов. 12 ноября 1910" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1311); т. 2 – "Валерию Яковлевичу Брюсову А. Ремизов. 19 XII/1 I 1910–11 г." (Там же, № 1312).

[2] 16 декабря 1910 г. С.А. Соколов ("Гриф") писал Ремизову: "14 января Литерат⟨урно⟩-худож⟨ественный⟩ кружок намерен устроить чисто-литературный вечер (без музыки! одни беллетристы и поэты!). Не согласитесь ли приехать для участия в нем при условии получения за свой приезд 100 рублей. Надо прочесть *небольшой* рассказ или несколько миниатюр, кои Вы умеете писать. *Ненапечатанное. Небольшой* потому, что будет несколько беллетристов". По получении согласия Ремизова Соколов дополнительно извещал его в письме от 24 декабря: "...будет 6 беллетристов, в том числе Вы, Толстой, Зайцев, Н. Петровская и Серафимович" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 203).

[3] Ремизов лечился в Москве от язвы желудка. 18 сентября 1910 г. он писал И.А. Рязановскому: "Поехал я в Москву доктору показываться. Леченье оставлено старое еще на год ⟨...⟩ изъязвление желудка моего осталось, но язвы утихают" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 31).

[4] Сказка Ремизова "Лютые звери" (1908) была опубликована во "Всеобщей газете" (1911, № 827, 31 дек.), вошла в сказочный цикл "К морю-океану" с посвящением Юрию Верховскому (*Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 6. Сказки. С. 183–189.

81. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 6 янв⟨аря⟩ 1911.

Дорогой Алексей Михайлович!

Благодарю Вас за присланный рассказ, рукопись которого получил только что. Немедленно прочту его и сообщу Вам, как свое мнение (если оно Вас интересует), так и то, подходит ли он для "Русс⟨кой⟩ Мысли" и в какой книжке (конечно, одной из *самых близких*) можно будет его напечатать[1].

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 80.

[1] В тот же день Брюсов, извещая Струве о получении рассказа Ремизова, писал: «Рассказ Ремизова – апокриф на тему о Рождестве Христовом. В манере наивного повествования рассказывается, как Иосиф и Мария бежали в Египет, как попали в "ясли" и т. под. Не совсем уверен я, что рассказ приемлем» (*Лит. архив.* С. 312). Внимательно ознакомившись с рассказом, Брюсов утвердился в своем мнении. «А "апокриф" Ремизова я думаю не печатать, – писал он Струве 8 января 1911 г. – ⟨...⟩ Евангельский сюжет, рассказанный

как бы русским рассказчиком XVII века. Кажется мне, что это никому не нужно, да и надоела "стилизация", довольно ее! Полагаю, что рассказ был написан Ремизовым для "рождественского" № какой-либо газеты, но там не был принят и потому попал к нам... Ремизов скоро будет в Москве, я его увижу и дружественно верну ему рукопись. Пусть даст обещанный "Галстук"» (Там же. С. 315). Рассказ "Рождество Христово: Отреченная повесть" был опубликован в рождественском выпуске "Русских ведомостей" (1911, № 297, 25 дек.), вошел в книгу "Лимонарь. Луг духовный" (*Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 7. Отреченные повести. С. 149–164).

82. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва. 9 января 1911 г.⟩.

Дорогой Алексей Михайлович!

Вы 14-го числа, в пятницу, читаете в Худож⟨ественном⟩ Кружке[1]. Позвольте Вам напомнить, что 13-го числа, в четверг, в помещении того же Кружка, собирается Общество Свободной Эстетики, которое было бы счастливо, если бы Вы его посетили[2]. Начало собрания в 9 1/2 час. веч. Приезжайте, очень просим, и я буду иметь случай провести с Вами вечер[3].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] См. п. 80. прим. 2. 14 января 1911 г. в помещении Московского Литературно-художественного кружка состоялся вечер литераторов. Ремизов прочел на нем апокрифический рассказ "Попрание клятвы Адамовой". Кроме него, выступали еще 11 писателей с чтением своих произведений: А.Н. Толстой, И.С. Шмелев, Н.И. Петровская, А.С. Серафимович, Б.К. Зайцев, М.А. Волошин, С. Кречетов (С.А. Соколов), С.М. Городецкий, М.А. Кузмин, С.М. Соловьев, И.А. Новиков. См. анонимную заметку "Вечер литераторов" (*РВ*. 1911. № 11. 15 янв. С. 4).

[2] В отчете о деятельности "Общества свободной эстетики" в 1910–1911 гг. сообщается, что Ремизов выступал в "Обществе" с чтением рассказов (*ГБЛ*. Ф. 386, 114. 36. Л. 13об.).

[3] Ремизов пробыл в Москве с 13 по 19 января 1911 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 15).

83. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 1911 г. 5. III.
Таврическая 3[в], кв. 23.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам на Ваше благоусмотрение рассказ Пришвина "Птичье кладбище"[1]. Всего Вам хорошего.

А. Р е м и з о в.

P.S. Я послал Вам рассказ "Чертыханец". Дошел ли он до Вас?[2] "Чертыханец" войдет в 4 том соч⟨инений⟩, который выйдет в августе[3].

А.Р.

[1] 13 марта 1911 г. Брюсов писал Струве о "Птичьем кладбище" Пришвина: «Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полуэтнография, чуть-чуть с примесью "ремизовщины" (но вполне невинной). Неудобство этих очерков лишь в том, что они велики ⟨...⟩» (*Лит. архив*. С. 336). В письме к Ремизову от 6 апреля 1911 г. Пришвин пересказывал содержание своей переписки с Брюсовым по поводу "Птичьего кладбища": «От Брюсова получил письмо; по памяти передам его содержание. "Мне очень бы хотелось сохранить Ваш рассказ для Русск⟨ой⟩ Мысли. Но апрельская книжка, когда получена была рукопись, уже набрана, я постараюсь напечатать в *майской*, но и тут обещать не могу..." Дальше пространное объяснение и просьба назначить предельный срок. "Лично я, – пишет Б⟨рюсов⟩, – с величайшим интересом прочел Вашу рукопись. Вы с обычным мастерством даете нам горожанам картины совершенно неведомой жизни..." В ответ на это письмо я поставил предельный срок август и жду ответа, который, судя по письму, будет, вероятно, удовлетворительный» (*ГБЛ*. Ф. 634. Ед. хр. 175). Рассказ "Птичье кладбище. Сельские эскизы" был напечатан в 7-м, июльском номере "Русской мысли" за 1911 г.

[2] Рассказ "Чертыханец" был написан в феврале 1911 г. «Пишу "Чертыханца"», – сообщал Ремизов И.А. Рязановскому 14 февраля 1911 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 31). О получении рассказа Брюсов извещал Струве 1 марта 1911 г. (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 45); 8 марта он писал Струве: «Я прочел рассказ Ремизова. Это не плохо, хотя и не слишком хорошо. "Ремизовщина", конечно, есть, но в умеренном количестве. Я бы поместил рассказ в мае» (Там же). Вторично о "Чертыханце" Брюсов писал Струве 10 марта. Вкратце пересказывая содержание рассказа, он отмечает: «...рассказ Ремизова "Чертыханец", по-моему, приемлем. Разумеется, он не без "ремизовщины", но в допустимой мере ⟨...⟩ Нелепость жизни, иррациональность че-

ловеческой психологии – в этом содержание рассказа, как и всего, что пишет Ремизов. Написано все очень хорошо» (*Лит. архив.* С. 333). Далее Брюсов уговаривал Струве выплатить Ремизову максимальный гонорар – 250 р. с листа. Струве запросил рукопись рассказа и, ознакомившись с нею, писал Брюсову 14 марта 1911 г.: "Необходимо дать Ремизова ⟨...⟩ я прочел его и нахожу его вполне приемлемым"; в другом письме к Брюсову, датированном тем же днем, он добавлял: «Что касается гонорара в 250 р. для Ремизова, то т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ вещь небольшая, это допустимо, но обязательно ему должно быть поставлено условие о неперепечатывании вещи ранее чем через 4 месяца по выходе книжки "Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩"» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 62). "Я очень рад, – писал Брюсов Струве 15 марта 1911 г., – что Вы пришли к тому же решению, как я, именно, что рассказ Ремизова стоит напечатать ⟨...⟩" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 45). "Чертыханец" был опубликован в 4-м, апрельском номере "Русской мысли" за 1911 г. (Отд. 1. С. 138–160).

[3] В 4-й том Сочинений Ремизова вошел роман "Пруд" в новой, кардинально переработанной редакции. "Чертыханец" был напечатан в 5-м томе Сочинений (с. 159–194). Оба тома вышли в свет осенью 1911 г., сохранились в библиотеке Брюсова с дарственными надписями Ремизова: т. 4 – "Валерию Яковлевичу Брюсову А. Ремизов. 1911 г. 7/20 X" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1314); т. 5 – "Валерию Яковлевичу Брюсову А. Ремизов. 18 XI 1911 г." (Там же. № 1315).

84. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 11 апр⟨еля⟩ 1911 г.

Дорогой Валерий Яковлевич!

"Галстук" я отдал в "Речь"[1]. В Р⟨усскую⟩ М⟨ысль⟩ я его не послал, потому что он войдет в IV том, а IV т. печататься будет в июле, выйдет в августе[2].

А. Ремизов.

Иоанне Матвеевне шлем поздравления[3], Серафима Павловна кланяется.
За книгу Вам большое спасибо[4].

[1] Рассказ Ремизова "Галстук" был опубликован в пасхальном выпуске петербургской газеты "Речь" (1911, № 98, 10 апр.); в этом же номере газеты был помещен рассказ Брюсова "Ее решение". Ранее Ремизов предлагал этот рассказ в альманахи издательства "Шиповник". 6 марта 1911 г. он сообщал И.А. Рязановскому: «Написал еще небольшой рассказ "Галстук", взяли у меня Шиповники. Но потом мне его вернули: говорят, рассказ не сделан» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 31). 29 марта 1911 г. П.Б. Струве извещал Брюсова: «Не знаю, писал ли Вам Ремизов, но через Д.Е. Жуковского он сообщает мне, что хотел бы дать "Русск⟨ой⟩ Мысли" еще 1 рассказ в май ("Галстух"), с тем, чтобы издать его в Шиповнике осенью» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед.хр. 62). 31 марта Брюсов отвечал Струве: «Д.Е. Жуковский сообщил мне, что он уже переговорил с Ремизовым и что они решили не печатать рассказа "Галстук" в "Р⟨усской⟩ Мысли". Думаю, что давать другой рассказ Ремизова, после того как один был только что напечатан, нисколько не выгодно для журнала. Так что о потере этого рассказа для "Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩" не приходится особенно сожалеть» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед.хр. 45). 10 апреля он вновь писал Струве: «"Галстук" Ремизова напечатан в "Речи". Я не жалею об этом» (Там же).

[2] "Галстук" был помещен в 5-м томе "Сочинений" Ремизова (с. 195–210). См. п. 83, прим. 3.

[3] Видимо, пасхальные поздравления. Пасха – 10 апреля.

[4] Очевидно, книга: *Верлен П.* Собрание стихов / Пер. Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911.

85. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 20 апр⟨еля⟩ 1911 г.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам Действо о Георгии Храбром. Это Действо войдет в VI т. Собр⟨ания⟩ Сочин⟨ений⟩, который выйдет после Рождества *1911 г.*[1] Не найдете ли возможным напечатать в август⟨овской⟩ книжке "Р⟨усской⟩ М⟨ысли⟩".

Известите меня, пожалуйста[2]. Сейчас я уезжаю за границу[3] и адрес Вам пришлю на той неделе.

А. Ремизов.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт.: Царское Село. 13 V 1911; Москва. 14 V 1911.

[1] Пьеса "Действо о Георгии Храбром" (1911) вошла в 8-й том Сочинений Ремизова, вышедший в свет в октябре 1912 г.

[2] Настоящее письмо и рукопись "Действа о Георгии Храбром" Ремизов передал перед отъездом в Париж Иванову-Разумнику, который отправил их Брюсову со значительным промедлением (см. даты почт. шт.). 2/15 мая 1911 г. Иванов-Разумник писал Ремизову в Париж о "Действе": "Я перечту его и тотчас же отошлю к Брюсову, вместе с Вашим письмом" (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 115).

[3] Ремизов приехал в Париж 22 апреля/5 мая 1911 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 3. Л. 15).

А.М. РЕМИЗОВ

Фотография К. Буллы. 1910–1911 гг.

Архив кинофонофотодокументов, Ленинград

86. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Париж.⟩ 8 V/25 IV 1911 г.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Адрес мой: Paris, rue Monsieur le Prince, 63. Hôtel de l'Univers № 34. Alexis Rémisoff.

Очень прошу Вас, напишите мне о Георгии, как, возможно ли напечатать его в августе?[1]

Я написал Д.Е. Жуковскому[2] о гонораре, который хотел бы получить вперед. Но, конечно, прежде всего Ваше мнение знать надо.

А. Ремизов.

[1] Брюсов получил это письмо еще до того, как ему была переслана Ивановым-Разумником рукопись "Действа о Георгии Храбром" (см. п. 85, прим. 2).

[2] Д.Е. Жуковский помогал Ремизову в ведении его литературных дел (ср. п. 84, прим. 1).

87. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

$\frac{13\ VI}{31\ V}$ 1911 г.

Paris. 63 rue Monsieur le Prince.
Hôtel de l'Univers № 34. Alexis Rémisoff.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень прошу Вас, напишите мне о "Действе". Мне надо знать Ваше решение. Мне очень важен ответ Ваш для устройства моих дальнейших дел. В Париже думаю пробыть до конца июня нов⟨ого⟩ с⟨тиля⟩[1].

А. Ремизов.

[1] Ремизов прожил в Париже до 21 июня/4 июля 1911 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 3. Л. 15). 2/15 мая он писал И.А. Рязановскому: «Париж меня очаровал. Легко и свободно живется. Днем сижу за "Прудом", готовлю 2-ую редакцию (работа очень трудная и головоломная), вечером гуляю – хожу по нашему St. Michel'ю» (Там же. Ед.хр. 31). Ср. письма Ремизова к Блоку из Парижа от 25 апреля/8 мая и от 18 июня/1 июля 1911 г. (*ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 92–95).

88. БРЮСОВ – РЕМИЗОВУ

⟨Москва.⟩ 2-ое июня, 1911 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Очень рад был получить от Вас вести из Парижа. Надеюсь, что Вы нашли что-нибудь любопытное в столице мира. А "Действо" Ваше, увы!, в 1911 году напечатать невозможно: места нет решительно. "Действо" Ваше мне очень нравится, мне кажется, что это Ваша лучшая драма. Но мне нет возможности вместить в этот год даже давно принятые рукописи. Простите и сообщите, что мне делать с рукописью Вашего "Действа"[1].

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 85–87.

[1] Ср. письмо Брюсова к П.Б. Струве от 17 мая 1911 г.: «Я получил драму А. Ремизова "Действие*" о Георгии Храбром". "Действие" написано очень искусно, и из драматических апокрифов Ремизова это – едва ли не самый удачный. Но "принять" его затрудняюсь по трем соображениям. 1) Все же это вещь "на любителя"; не всякому интересна хитрая стилизация Ремизова, а многим она и несносна. 2) Ремизов настаивает на помещении своего "Действия" в августовской книжке ⟨...⟩ а у нас места в беллетристическом отделе менее чем мало. 3) Я не знаю, насколько приемлемы условия гонорара, требуемые Ремизовым: 250 р. с листа, – а в "Действии" что-то около *3 листов*!» (*Лит.* архив. С. 342). Сомнения Брюсова разделил и редактор "Русской мысли". «Условия Ремизова относительно "Георгия Храброго" очень отяготительны, – отвечал Струве Брюсову

* Так у Брюсова.

20 мая. – Если бы он согласился на напечатание его в 1912 г., то это было бы приемлемо. Иначе – и места нет, и гонорар слишком высок» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед.хр. 63). Отказ напечатать "Действо о Георгии Храбром" в "Русской мысли" вызвал ироническую реплику Иванова-Разумника в письме к Ремизову (Териоки, 21 июня/3 июля 1911 г.): «"Георгия" здесь не получал; вероятно, он ждет меня в Царском, куда я еду через 5–6 дней. Итак, Брюсов его не принял: очевидно, надо было поберечь место для какого-нибудь романа Миртовой или Сергеенко. Ай да Брюсов!» (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 115; в 1910 г. в "Русской мысли" был напечатан роман П.А. Сергеенко "Андрей Щербина", в 1911 г. – роман О. Миртова (О.Э. Котылевой) "Яблони цветут", оба – пространные и весьма посредственные произведения). Как видно из цитированного письма, Ремизов распорядился выслать рукопись пьесы по адресу Иванова-Разумника, постоянно проживавшего в Царском Селе.

89. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

4/22 июня 1911 г.
Paris. 63 rue Monsieur le Prince.
Hôtel de l'Univers № 34. Alexis Rémisoff.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я писал Вам отсюда в прошлом месяце и адрес свой послал Вам. Недавно узнал, что Действо о Георгии Вам доставлено из Петербурга с большим запозданием[1]. Теперь жду от Вас известий. "Действо" войдет в VI т. Собр⟨ания⟩ соч⟨инений⟩, этот том выйдет после Рождества[2].

Если все складывается благоприятно, прошу и гонорар: выслать гонорар авансом через какой-нибудь банк. (Я писал об этом Д.Е. Жуковскому в мае.)

А. Ремизов.

Письмо написано до получения п. 88.

[1] См. п. 85, прим. 2.

[2] См. там же, прим. 1. После того, как "Действо о Георгии Храбром" было отклонено "Русской мыслью", Ремизов передал его для опубликования в альманахе журнала "Аполлон" (см.: Литературный альманах. СПб.: Аполлон, 1912. С. 117–162), вышедшем в свет в конце 1911 г.

90. РЕМИЗОВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ $\frac{16}{29}$ X 1912.

Таврическая 3[a], кв. 23.

Дорогой Валерий Яковлевич!

В Петербурге основывается новое книгоиздательство СИРИН, которое хотело бы вступить с Вами в переговоры о издании собрания Ваших сочинений.

Книгоиздательство солидное, просвещенное, художественное и русское[1].

Представителем литературных дел Сирина является Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов)[2]. Все, что лучшего можно сказать о человеке, скажу Вам о Разумнике Васильевиче. Не *первый* год знаю его: человек высокой чести, верности, знания дела и большой любви к русской литературе.

Разумник Васильевич может приехать к Вам в Москву в субботу 20 X или в воскресенье 21 X, сами назначьте. И попрошу Вас, Валерий Яковлевич, телеграфировать мне (Петербург, Таврическая 3, Ремизову) час и день. Я передам Ваш ответ[3].

Я никогда не хотел Вам дурного, я всегда хотел сделать Вам только хорошее и верю, поверите мне.

А. Ремизов.

[1] Ремизов имел самое непосредственное отношение к организации издательства "Сирин". Издательство финансировали Михаил Иванович Терещенко, с которым Ремизов был уже около года связан тесными приятельскими отношениями, и две его сестры – Пелагея Ивановна и Елизавета Ивановна; оно было основано 10 октября 1912 г. (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 371–372). В дневниковой тетради "Сирин" Ремизов записал 11 октября 1912 г.: «А издательство думали "Златоструем" назвать» (*ИРЛИ*. Ф. 256. Л. 7); 15 октября: «Придумано название издательству. – А есть такие птицы какие-то, – сказала Пелагея Ивановна. За птиц

ухватились, "Сирин" и вышел. Квартиру нашли: Пушкинская, 10» (Там же. Л. 11). Одним из первых дел, предпринятых "Сирином", было расторжение договора Ремизова с издательством "Шиповник" (см. п. 78, прим. 1); право на издание книг Ремизова перешло к "Сирину" с 27 октября 1912 г. Упоминая в письме к П.С. Воробьевой от 12/25 ноября 1912 г. об издании своих Сочинений, Ремизов отмечал: «Том 8-й – это последний в "Шиповнике". Я перешел в другое книгоиздательство, в новое – в "Сирин". Это кн⟨игоиздательств⟩о только-только что начинает свою деятельность» (*ИРЛИ*. Р. III. Оп. 2. Ед.хр. 323). Ср. письмо Ремизова к И.А. Новикову от 18 ноября 1912 г.: «Я, Иван Алексеевич, из "Шиповника" вышел, выкупили меня в новое петербургское кн⟨игоиздательств⟩о "Сирин". Теперь я, как в могиле, бояться, что сделают со мною что-нибудь совсем неподходящее, не боюсь и не забоюсь: "Сирин" – птица райская» (*ЦГАЛИ*. Ф. 343. Оп. 2. Ед.хр. 39).

[2] Критик, публицист, историк литературы Разумник Васильевич *Иванов-Разумник* (1878–1946) был привлечен к редакционной деятельности в "Сирине" Ремизовым, который с 1908 г. был с ним в дружеских отношениях. 11 октября 1912 г. Ремизов писал: "Знакомство Михаила Ивановича, Пелагеи Ивановны, Елизаветы Ивановны с Ивановым-Разумником. Разумник Васильевич рассказывает, куда и как надо идти и что первым делом предпринять надо, чтобы издательство основать. Пьем чай, курим да слушаем"; 12 октября: "Разумник Васильевич действует. Дело пойдет на лад, верую"; 13 октября: "Михаил Иванович в моей комнате уговор держал с Разумником Васильевичем. Теперь весь план уже намечен, дело за названием и действием" (*Ремизов А.М.* "Сирин": Дневниковая тетрадь // *ИРЛИ*. Ф. 256. Л. 7–9).

[3] Встреча Брюсова и Иванова-Разумника должна была состояться в воскресенье 21 октября, о чем можно судить по тексту телеграммы Брюсова Ремизову, полученной в Петербурге 18 октября: "Воскресенье весь день дома. Валерий Брюсов" (телеграмма вклеена Ремизовым в дневниковую тетрадь "Сирин").

Ход переговоров с Брюсовым проясняется из записей Ремизова в дневниковой тетради "Сирин": 20 октября – "Ездил провожать Р⟨азумника⟩ Вас⟨ильевича⟩ на Никол⟨аевский⟩ вокз⟨ал⟩. Поехал в Москву к Брюсов⟨у⟩" (л. 18); 22 октября – «Вернулся Р.В. из Москвы: Брюсов "согласен"» (л. 21). (Ср., однако, п. Брюсова к Полякову от 25 окт. 1912. – наст. кн., Переписка с Поляковым, п. 134.) Переговоры об издании "Сирином" Полного собрания сочинений и переводов Брюсова велись также в последних числах октября 1912 г., когда Брюсов приехал в Петербург; ср. записи Ремизова: 28 октября – "С Брюсовым разговор у Р.В. и М.И. в его №" (л. 29); 30 октября – "На Пушкинской состоялось свидание с Брюсовым" (л. 31). К изданию Собрания сочинений Брюсова решено было приступить немедленно. Когда Брюсов предложил дать примечания и варианты к своим стихотворениям, включенным в издание, Иванов-Разумник отвечал ему 4 декабря 1912 г.: «Примечания и библиография к стихотворениям, конечно, очень желательны, так же как и варианты, – а потому несколько дней замедления ничего не значат. Хорошо бы получить рукопись первого тома *не позднее 10-го декабря*» (*ГБЛ*. Ф. 386, 88.1). 1-й том Полного собрания сочинений и переводов Брюсова в издательстве "Сирин" вышел в свет в апреле 1913 г.

Приложение

Ремизов А.М. Аделаидин цвет. Валерий Брюсов. 1873–1924.

⟨...⟩ В этот единственный приезд мой из Вологды в Москву[1] после появления в "Курьере" за подписью Молдаванов, или как потом смеялись: "Балдаванов", первого моего напечатанного "Плач девушки перед замужеством"[2], я прямо из Охранного отделения отправился на Пресню познакомиться с новым московским демоном Леонидом Николаевичем Андреевым[3], а на другой день – ведь я должен был немедленно убираться в Вологду – я пошел к не менее прославленному демону Валерию Яковлевичу Брюсову[4].

Я успел предупредить Брюсова, и неловкости нахрапа у меня не было. Дом Брюсова я отыскал легко, он находился в одном из Сретенских переулков веселой Московской горки[5].

У Брюсова все было непохоже на Леонида Андреева. И сам он отворил дверь – без дорожек, без нецветущих цветов и клеток. Комната в книгах, а это мне близкое. И никакой трагической "анафемы", а что мне сразу бросилось в глаза и тоже мне знакомое, Брюсов только что оторвался от книги, и оттого такая сосредоточенность, так и видятся во взгляде строки трудных страниц.

Леонид Андреев ничего не читал, он "творил", а Брюсов упорно читает книги! – это я понял с первого взгляда и с первого слова.

Лучший портрет Брюсова нарисовал Врубель, наделив его своим безумием. А на самом деле в глазах Брюсова как раз ничего и не было от безумия, а именно бесчисленные строчки прочитанных книг. Но поразительно красный рот, у Врубеля он

А.М. РЕМИЗОВ

Портрет работы В.Д. Милиоти. Тушь, перо. 1923

Центральный архив литературы и искусства, Москва

очернен – кровавая мякоть между двух черных волосатых пальцев, – неловко смотреть.

Не упоминая ни о каком Охранном отделении, я только сказал, что приехал из Вологды и что Щеголев, тоже ссыльный, хочет написать о нем, а наша просьба о книгах, издание "Скорпиона".

Брюсову было приятно, что где-то в Вологде его знают – вот о чем он никогда не думал! А это мне понравилось, что он искренно сказал:

"Что ж обо мне писать, я еще ничего не сделал! Вот Бальмонт. На днях выйдет его новая книга".

На большом столе, очень чистом, Брюсов не курил и пепла не сеял, книги лежали в порядке, я видел сверстанную корректуру: "Горящие здания"[6].

И потому, что я упомянул о ссыльном писателе Щеголеве и о изданиях "Скорпиона", и оттого еще, как смотрел я на книги, отыскивая свои, – но ни Новалиса, ни Тика, ни Гоффмана[7], а Гете вот он – "Фауст", – Брюсов не мог не понять, куда мои глаза

клонят. И когда я сказал, что меня напечатали в "Курьере", а рукопись я послал Горькому, он нетерпеливо перебил:

"Горькому? Горький должен вам посылать свои рукописи".

Меня это поразило: ведь Брюсов не читал и мое единственное напечатанное "Плач девушки перед замужеством", но сейчас же я догадался, что дело не во мне, это его оценка Горького.

Я заступился за Горького.

«У Горького взволнованность, – сказал я, – зачарованный песней, он везде ее слышит и часто приводит слова песен, правда, они беззвучны, у него нет словесных средств передать звук песен, а когда на свое уменье и горячо он берется за песню – знаете "Песня о Соколе"? – и это после Мусоргского-то! да только разве что на нетребовательное ухо, за песенный пыл. Спившиеся герои, я согласен, пустое место, но самая душа, то, что его гложет, – тема Достоевского и Толстого – "человек"».

И подумал с подцепом: «Да вся редакция "Скорпиона" вместе взятая этого воздуха не чувствует». И как-то так разговор перешел на революцию.

"Я не понимаю, – сказал Брюсов, – если бы можно было мозги переделать, а то человек при каком угодно строе останется тем, каким мы его знали и знаем".

Брюсов не понимал, что нет "революционера", который бы не верил, что можно мозги переделать. Его холодное сердце на боль не отзывалось. В стихах он старался показаться мятежным, но мятежного, как и "безумия", в нем не было.

В своем дневнике (ноябрь, 1902 г.) Брюсов, перечисляя своих новых знакомых: двух Койранских, Пантюхова, Бородаевского – "приходили"; "еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. *Этот Ремизов* растерянный маниак. Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее, вовсе не мелкий, а очень крупный, Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) – интереснейший человек в России"[8].

А ведь Брюсов прав – теперь, когда прошло сто лет, – конечно, я "маниак" – и как по-другому назвать мой "вербализм" – "формализм", всю мою словесную каллиграфическую изощренность, ведь и во сне мне снятся слова и с закорючкой вывожу я буквы. А место в литературе и в жизни я знаю – повар с улицы Буало Иван Иваныч сказал с сожалением: "вы забитый человек", – я не возражаю, только сам-то с собой я думаю: а может, и забивать-то было нечего. Откуда-то ведь пришло у меня сознание о своей "мелкости" – и это вовсе не самоунижение.

Но чем меня покорил Брюсов: прощаясь и, как всегда, тычась в дверях, я вдруг увидал на полке с Верхарном и Верленом Смирдинское издание Марлинского[9].

"У вас весь Марлинский", – я это сказал с таким чувством: на мое ухо, Марлинский, как Гоголь, образец "поэтической прозы", а кроме того Марлинский-Бестужев – родоначальник русской повести.

"Марлинский – у нас семейное, – сказал Брюсов, – мой отец большой почитатель", – а про себя ничего не сказал.

На другой день, как было условлено, мы встретились в "Художественном кружке"[10]. За столиком на людях Брюсов мне показался другим: ни строчки в его "врубелевских" глазах, а играло "на показ": на него обращали внимание; он это чувствовал, и всем, как сидел и как говорил, старался оправдать свое демонство: портрет Врубеля.

С нами был еще М.Н. Семенов, переводчик Пшибышевского. Грузно навалясь на столик, он рассказывал Брюсову, со слов Бальтрушайтиса, как накануне у Л. Андреева – я вижу отчетливо всю обстановку с цветной дорожкой, нецветущими цветами и клеткой – были все великие: Горький, Скиталец, Шаляпин, Бунин.

Каким счастливым показался мне Бальтрушайтис.

Потом Брюсов о новом журнале Мережковских "Новый путь", где он будет принимать участие и завтра едет в Петербург.

Каким счастливым показался мне Брюсов: едет в Петербург к Мережковским.

На другой день я уехал в Вологду[11].

«В "Художественном кружке" виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды, – запишет Брюсов, – пришел к "нам" из дальнего красного лагеря»[12].

*

Через Брюсова я попал в "Северные цветы", где мое напечатали дважды: в третьем сборнике и в ассирийских (ассирийские – название по обложке, разукрашенной клинообразными бородами, – отголосок Емельянова-Коханского). Через Брюсова приняли мое и у Мережковских в "Новом пути".

Но в "Весы" я никак не мог попасть. И только в последнем, когда редактором на последнее был не Брюсов, а Андрей Белый[13]. Долго я не мог понять, в чем дело. Из "Курьера" я получал открытки от секретаря Новика, "не подходит"[14], это понятно: "Северные цветы" с "Курьером" никак не соединялись, но "Весы" продолжение "Северных цветов"?

В Вологде жил экспортер масла датчанин Ааге Маделунг. По-русски он едва лепетал. Любил книги, так мы и познакомились, но в голову ему не приходило сделаться русским писателем. Поддавшись вологодской "литературной стихии" – все писали: Бердяев, Луначарский, Щеголев, Савинков – он решил сам написать фантастический рассказ, но не по-датски, а по-русски. И написал. Называется рассказ "Сансара". Я, конечно, приложил руку – иначе вроде Фальковского[15], на ни-на-каком языке. И в моей обработке Маделунг попал к Брюсову. Рассказ неожиданно для всех нас появился в "Весах"[16]. Одновременно и я послал свое, но мое осталось безответно.

В чем дело? Это было загадкой не только для меня, но и для Щеголева и для Савинкова.

После ссылки мне было ограничение пять лет: ни в Москву, ни в Петербург. Ограничениям по природе своей я не подлежу. И при первой возможности я пробрался в Москву. Это был памятный день – похороны Чехова. На похороны совать нос мне не рука, все-таки ходи с оглядкой, а в Метрополь к Брюсову я пошел[17].

И тут загадка разрешилась.

Брюсов, возвращая мне мои рукописи, весь мой "шурум-бурум"[18], широко разиня рот – я очень помню эту красную пасть:

«Нам не подходит, – сказал он, – на нашем сером (я понял "европейском") это ваше русское – заплата: кусок золотой парчи»[19].

И тут я вспомнил Видоплясова, его галстук "аделаидин цвет". Так повелось: все, что хотите, только чтобы звучало "аграфенино" на иностранный лад[20].

"Известно: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное, а Аграфеной (неприличное имя) могут назвать всякую последнюю бабу"[21].

Париж. 1947.

Текст печатается по макету книги А.М. Ремизова "Иверень" (*ИРЛИ*. Ф. 256), скомпонованной в основном из мемуарных очерков, опубликованных в различных журналах, газетах и альманахах (оттиски и вырезки с правкой, а также авторизованная машинопись). Публикуемый текст представляет собой печатные вырезки из парижского журнала "Новоселье" (1949, № 39–40–41, с. 10–15) с небольшой авторской правкой. Очерк о Брюсове в журнальной публикации – третья часть мемуарного цикла под общим заглавием "Москва" (1-я часть – "Демоны"; 2-я часть – "Анафема. Леонид Андреев, 1871–1919"). По авторскому экземпляру "Иверня", хранящемуся в архиве Н.З. Резниковой (Париж), "Аделаидин цвет" опубликован в кн.: *Иверень*. С. 231–236.

[1] Ремизов приехал в Москву из вологодской ссылки 30 октября 1902 г. (см. его письмо к П.Е. Щеголеву, написанное в этот день, – *ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1490).

[2] Стихотворение в прозе Ремизова "Плач девушки перед замужеством" было опубликовано в москов-

ской газете "Курьер" (1902, № 248, 8 сент.) за подписью "Н. Молдаванов". Рукопись сохранилась в архиве редакции "Курьера" (*ИРЛИ*. Ф. 349. Ед.хр. 25). "Плачем девушки перед замужеством" я вступаю в русскую литературу, – писал Ремизов в книге *Иверень* (с. 15). Об обстоятельствах его литературного дебюта см.: *Гречишкин С.С.* Архив А.М. Ремизова // *Ежегодник 1975*. С. 23.

[3] Ошибка памяти Ремизова: встреча его с Л.Н. Андреевым состоялась позднее визита к Брюсову. 2 ноября 1902 г. Ремизов сообщал П.Е. Щеголеву: «Заходил в "Курьер", очень, очень были любезны со мной (...) Беллетрист(ическим) отделом заведует Л. Андреев, секретарь направляет меня к нему. Пойду в понедельник» (*ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 4. Ед.хр. 1582). Однако встреча с Андреевым в понедельник 4 ноября не состоялась. О неудачном визите к нему Ремизов писал Щеголеву 8 ноября: «Приезжаю на эту проклятую Пресню, и оказывается "спят", кроме понедельника не принимают, а в воскресенье (10-го) должен выезжать к вам; иду сегодня в Охран(ное отделение) просить еще "отдыха и срока", – Андр(ееву) написал прошение о назначении мне часа свидания, через него постараюсь увидаться с Горьким, который живет и будет жить в Москве (разрешено)» (Там же. Ед.хр. 1494). Свидание Ремизова с Андреевым состоялось 11 ноября 1902 г. (см. письмо Ремизова к Щеголеву, написанное в этот день, – Там же. Ед.хр. 1496); встретиться с Горьким Ремизову тогда не удалось. См.: Воспоминания А.М. Ремизова о Леониде Андрееве / Публ. и коммент. Л.Н. Афонина // Андреевский сборник: Исследования и материалы. (Научные труды Курского гос. пед. ин-та. Курск, 1975. Т. 37 (130). С. 217–220).

[4] См. вступ. ст. к наст. публ.

[5] Неточность: Брюсов проживал на Цветном бульваре (дом 24; современный адрес – Цветной бульвар, 22).

[6] Ошибка памяти Ремизова: в те дни готовилась к изданию книга Бальмонта "Будем как солнце. Книга символов" (М.: Скорпион, 1903). Ср. письмо Ремизова к Щеголеву от 1 ноября 1902 г.

[7] Классики немецкого романтизма *Новалис* (Фридрих фон Гарденберг, 1772 — 1801), Людвиг *Тик* (1773–1853), Эрнст Теодор Амадей *Гофман* (1776–1822) принадлежали к числу любимых писателей Ремизова. Н.В. Резникова свидетельствует: «Группа "Серапионовых братьев" была образована с благословения Ремизова. Он рассказал мне, что он окрестил ее Серапионовыми братьями, вспоминая Э.Т.А. Гофмана, которого он так любил» (*Резникова Н.В.* Огненная память. С. 84–85).

[8] Сокращенная цитата; курсив Ремизова. Ср.: *Дневники*. С. 122.

[9] Собрание сочинения А. Марлинского издавалось в 1830–1840-е годы четырежды (первые три издания – под заглавием "Русские повести и рассказы А. Марлинского"). Высокую оценку творчества А.А. Бестужева-Марлинского Ремизов дает в книге *Иверень* (С. 200, 241).

[10] Эта встреча состоялась не на следующий день, а 6 ноября. См. рассказ о ней в письме Ремизова к Щеголеву от 8 ноября 1902 г. (п. 3, прим. 3).

[11] Ремизов уехал из Москвы в Вологду гораздо позднее – 21 ноября 1902 г.

[12] Неточная цитата (*Дневники*. С. 123).

[13] Имеется в виду последний год издания "Весов" (1909), когда роль Андрея Белого в руководстве журналом существенно возросла. Ремизов, однако, в 1909 г. опубликовал в "Весах" только рассказ "Жертва" – в ответ на предложение, исходившее от Брюсова (см. п. 68, 70).

[14] В архиве Ремизова сохранились письма к нему секретаря редакции "Курьера" Исаака Даниловича *Новика* (1861–1924) соответствующего содержания от 20 января и 21 апреля 1903 г. (*ГПБ*. Ф. 634. Ед.хр. 249. Л. 19, 21).

[15] Имеется в виду, видимо, Э.Г. Фальк, редактор ярославской газеты "Северный край", в которой было напечатано несколько произведений Ремизова в 1903 г. В книге "Иверень" Ремизов вспоминает: «...два месяца печатали мою "тарабарщину" в Ярославле в "Северном крае". Редактор Фальк, которому Ариадна Владимировна Тыркова подсовывала мои узорные рукописи, посылал в типографию "не ради Ремизова, ради Вас!" А.В. Тыркова уехала из Ярославля, и мое участие в "Северном крае" прекратилось, потому что никакого "ради" не оказалось на мою "тарабарщину"» (л. 214; ср.: *Иверень*. С. 243).

[16] Ошибка Ремизова: рассказ Маделунга "Sansara" не был напечатан в "Весах", другой его рассказ, "Цвет познания", был помещен в альманахе "Северные цветы ассирийские" (см. п. 32, прим. 5, п. 42, прим. 3).

[17] Ошибка памяти Ремизова: в день похорон Чехова (9 июля 1904 г.) он находился в Киеве. Возможно, ошибка возникла путем контаминации личных воспоминаний о московских встречах с Брюсовым в июне 1904 г. с известиями о том, что Брюсов в похоронах Чехова не участвовал; ср. письмо Брюсова к Г.И. Чулкову от 9 июля 1904 г.: "...на похоронах Чехова не был (не люблю я, когда великого человека хоронят маленькие, т.е. не люблю любоваться на это)" *Чулков Г.* Годы странствий. С. 320).

[18] Так Ремизов называл собрание своих ранних произведений – "завитушки с тюрьмы до этапа в Усть-Сысольск": «Книга завалялась – годы ее держал Брюсов в "Скорпионе", пробовал я ее исправлять и много мучился, не зная, с какого конца, и кончил тем, что уничтожил в Одессе в апреле 1904 г.» (*Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. С. 9).

[19] Ср. аналогичную образную оценку Брюсовым книги Андрея Белого "Золото в лазури": "...это – златотканая царская порфира в безобразных заплатах" (Весы. 1904. № 4. С. 60–62; VI, 301). См. также дневниковую запись Ремизова от 28 марта 1957 г.: «Еще хочу помянуть "Шурум-бурум", 1897 г. Многолистная тетрадь с тюрьмы. Словесные выражения моих палящих чувств. Эту тетрадь я отдал Брюсову, не рассчитывая, что возьмет. Через год Брюсов мне ее вернет с памятными словами. Парчевый лоскут на сером сукне. Я понял, Брюсов хочет сделать прозу как конструкцию без всякого цвета, без всяких завитушек – не напоенное слово, сухое, точное» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов С. 318).

[20] Имеется в виду сцена из III главы повести Достоевского "Село Степанчиково и его обитатели" (1859): лакей Видоплясов предлагает рассказчику надеть галстук "аделаидина цвета" (темно-синего):

"– Так этот галстух аделаидина цвета? – спросил я, строго посмотрев на молодого лакея.

– Аделаидина-с, – отвечал он с невозмутимою деликатностью.

– А аграфенина цвета нет?

– Нет-с. Такого и быть не может-с.

– Это почему?

– Неприличное имя Аграфена-с".

(*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. С. 41). См. также заметку М.П. Алексеева "Цвет Аделаиды" (Тургеневский сборник: Материалы к полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. Л., 1967. Т. 3. С. 169–170; подпись: М.А.).

[21] Неточно цитируется "разъяснение" Видоплясова (см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 41).

ПЕРЕПИСКА С П.Е. ЩЕГОЛЕВЫМ (1903–1917)

Вступительная статья Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева
Публикация и комментарии Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин

Основной темой переписки В.Я. Брюсова с П.Е. Щеголевым являются вопросы изучения жизни и творчества Пушкина.

К началу XX в. в пушкиноведении сложилась довольно непростая ситуация[1]. Столетний юбилей поэта в 1899 г. отмечался по всей России, но носил откровенно охранительный, официальный характер. За единичными исключениями в юбилейных речах и непременных панихидах по "болярину Александру" воссоздавался образ смиренного и верноподданного поэта, в зрелую пору якобы раскаявшегося в порочных заблуждениях молодости, отмеченных печатью эротизма и вольномыслия, и исполнившегося любовью к царю и христианского смирения.

Юбилей, однако, вызвал и ряд важных организационных мероприятий, ожививших и углубивших со временем разработку пушкиноведческих проблем. При втором отделении Академии наук был создан Разряд изящной словесности и образован фонд для издания произведений русских классиков. В комиссии по увековечению памяти Пушкина, продолжавшей свою деятельность после юбилея, возникла и воплотилась в жизнь идея Пушкинского Дома, предназначенного для собирания всего, что касается жизни и творчества Пушкина, а также других выдающихся представителей русской литературы. Было начато академическое издание Полного собрания сочинений Пушкина под редакцией академика Л.Н. Майкова[2], после смерти которого образовалась комиссия по изданию сочинений, с 1903 г. начавшая регулярно выпускать специальный орган – "Пушкин и его современники"[3]. С 1906 г. параллельно с академическим изданием начало выходить в издательстве Брокгауза и Ефрона другое – под редакцией С.А. Венгерова и при участии большого коллектива, задуманное в качестве своеобразной пушкинской энциклопедии. Оба эти издания не были доведены до конца, но именно в процессе их подготовки стало ясно, что в пушкиноведении надлежало решить вопрос о научных принципах издания пушкинских текстов, которые было необходимо освободить от всяких – прежде всего цензурных – искажений и представить в творческой динамике, от первых черновых набросков до окончательных редакций, установив одновременно биографические и историко-литературные источники пушкинских произведений. Эта на первый взгляд чисто академическая проблема в реальных спорах пушкинистов тех лет принимала нередко острую идеологическую окраску. Борьба за подлинного Пушкина не могла не посягать на официозную легенду о поэте. Такая направленность в равной степени характерна для первых печатных выступлений как В.Я. Брюсова, так и П.Е. Щеголева, – показательно, что оба они делают свои первые шаги как пушкинисты, откликаясь на издания, вызванные юбилеем 1899 г.

В.Я. Брюсов начал заниматься Пушкиным[4] еще в гимназии под руководством выдающегося педагога Л.И. Поливанова, известного своими изданиями сочинений Пушкина. Правда, уже в гимназические годы Брюсов сознает, что новое время требует выработки нового поэтического языка, отличного от языка пушкинской поры. "Что, если бы я вздумал, – размышляет он, – на гомеровском языке писать трактат по спектральному анализу? У меня не хватило бы слов и выражений. То же, если я вздумаю на языке Пушкина выразить ощущения fin de siècle! Нет, нужен символизм!" (22 марта 1893 г.)[5]. Но и в ранние годы, увлеченный идеей создания поэзии символизма в России, Брюсов никогда не сомневался в основополагающем историческом значении пушкинского наследия. Обдумывая в университетские годы свой труд по истории русской лирики, он замечал: "Едва ли не все, что есть в русской поэзии, создано или намечено Пушкиным"[6]. Пушкинские интересы Брюсова укрепились в 1898–1902 гг., когда он сотрудничает в журнале "Русский архив" и постоянно общается с редактором, пушкинистом первого по-

коления П.И. Бартеневым[7]. Здесь была напечатана первая пушкиноведческая работа Брюсова "Что дает академическое издание сочинений Пушкина"[8], во многом хронологически очертившая круг постоянных текстологических изысканий его: преимущественно лицейская лирика поэта. Важно подчеркнуть, что при наличии некоторых частных ошибок Брюсова в трактовке текстов он обосновывал и последовательно проводил в издательскую практику исторический принцип публикации ранних стихотворений Пушкина – в редакциях, относящихся к лицейской поре, вынося всю последующую авторскую правку (нередко непоследовательную и неоконченную) в варианты. Тем самым утверждался научный подход к изучению пушкинского наследия, выявлялось своеобразие ранней лирики поэта, его первых шагов в литературе, без ясного осмысления которых было бы невозможно отчетливо представить всей сложной эволюции пушкинского творчества.

Другим направлением первых брюсовских работ о Пушкине стал критический пересмотр полулегендарных сведений о личности поэта и разоблачение разного рода спекуляций, извращающих духовный облик Пушкина. Брюсову была дорога его статья "Из жизни Пушкина", открывавшаяся вызывающим пассажем: "Нам трудно представить себе Пушкина как человека, как знакомого, с которым встречаешься, здороваешься, разговариваешь. Его жизнь столько раз была предметом мертво-ученых изысканий, и мы так вчитались в эти изыскания, что для нас Пушкин – какое-то отвлеченное, нарицательное слово, имя, объединяющее разные прославленные произведения, а не живое лицо. Между Пушкиным и нами поставлено слишком много увеличительных стекол – так много, что через них почти ничего не видно..."[9]

Перспективной заявкой на исследование общественного окружения поэта явилась изданная Брюсовым книга «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством "Скорпион"» (М., 1903).

К моменту знакомства Щеголева с Брюсовым последний был известен не только как один из ведущих поэтов современности, но и как активный пушкинист. Знакомство это состоялось 4 января 1903 г. 29 декабря 1902 г. Ремизов писал Брюсову из Вологды: "4–5 января придет к Вам П.Е. Щеголев познакомиться"[10], а 4 января Брюсов писал Перцову: "Сегодня у меня был некто Павел Елисеевич Щеголев. Он знаток Пушкина, любимый ученик покойного Л.Н. Майкова"[11].

Двадцатипятилетний Щеголев вернулся в 1902 г. в Петербург после четырехлетнего пребывания в ссылке. Сын полкового писаря, он окончил Воронежскую гимназию и в 1893 г. поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, но вскоре стал заниматься на историко-филологическом факультете, где примыкал к кружку профессора А.К. Бороздина, и на семинарах И.Н. Жданова работал над темой по истории "отреченной" (апокрифической) литературы.

С 1897 г. он регулярно печатается в журнале "Исторический вестник"[12], обнаруживая в своих дельных рецензиях широкий круг знаний по различным вопросам истории и литературы. Позже появился ряд его публикаций, обзоров и статей, посвященных Гоголю и написанных в Полтаве, где он отбывал ссылку за участие в студенческом движении и пропагандистскую деятельность среди рабочих Путиловского завода. В 1902 г. он за распространение газет "Искра" и "Южный рабочий" был выслан в Вологду, откуда благодаря ходатайству академиков А.А. Шахматова и А.Н. Веселовского возвратился в столицу – держать государственные экзамены. К этому времени уже наметился интерес молодого исследователя к пушкинским темам[13], а также была написана статья о "первом декабристе", В.Ф. Раевском[14], открывшая цикл его многочисленных работ по истории первого периода освободительного движения в России. Впоследствии Щеголев отмечал в "Автобиографии": "Изучение эпохи Раевского и его связей с Пушкиным завязало новую нить моих интересов – к Пушкину"[15]. Однако наиболее перспективной для его дальнейших пушкиноведческих разысканий стала, по сути дела, статья "Заметки о Пушкине" – отклик на книгу И.А. Шляпкина "Из неизданных бумаг А.С. Пушкина". "Эта книга, – писал Щеголев, – дает повод поставить несколько общих вопросов по пушкиноведению"[16]. Серьезное изучение распространенных методов публикации пушкинских рукописей, когда разновременные варианты контаминировались в единый, подчас совершенно невразумительный текст, к тому же дополнявшийся произвольными редакторскими вставками, привело исследователя к выводу, которому он остался верен навсегда: "Непременное обращение к рукописям – это для пушкиноведения вопрос метода изучения, и на нем надо настаивать с особой силой: иначе изучение жизни и творчества Пушкина не станет научным, работа не станет планомерной и останется в пределах любительского любопытства"[17]. Нетрудно заметить, что в данном случае Щеголев перекликается с Брюсовым, закладывая вместе с ним основы научного пушкиноведения. Близок Щеголеву оказался и биографический аспект брюсовских изучений Пушкина. Еще в 1902 г., до появления брюсовской статьи "Из жизни Пушкина", Щеголев, откликаясь на пуш-

кинские штудии А.И. Незеленова, замечал: "Правда, Незеленов – не весьма проницательный критик, а обилие этического целомудрия мешает ему правильно отнестись к известным опытам музы Пушкина: отсюда стремление, совершенно лишнее и бесполезное, оправдывать его поступки с нравственной точки зрения"[18].

Все это определило взаимный интерес друг к другу Брюсова и Щеголева и их оживленную переписку в первый год знакомства. В том же 1903 г. Щеголев сочувственно отметит изданную Брюсовым книгу "Письма Пушкина и к Пушкину":

"Г. Брюсов, уже известный, кроме своих стихотворений, своими небольшими, но точными изысканиями по пушкинским вопросам, редактировал и снабдил примечаниями новые материалы о Пушкине ⟨...⟩ почти весь материал напечатан Брюсовым по рукописям; поэтому мы имеем много поправок и дополнений к ранее известному, да кроме того, книга г. Брюсова дает и новое, иногда очень важное"[19].

Переписка Брюсова со Щеголевым, оживленно завязавшаяся в 1903 г., затем прерывается на пять лет.

Это объясняется, вероятно, прежде всего тем, что в эти годы и Брюсов, и Щеголев несколько отошли от занятий Пушкиным.

П.Е. ЩЕГОЛЕВ

Фотография. 1917

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Брюсов в 1904–1905 гг. был всецело поглощен организацией и редактированием "Весов" и вернулся к пушкинским штудиям лишь в 1906 г., приняв участие в венгеровском издании сочинений поэта[20]. Щеголев же в эти годы сосредоточивается в основном на декабристской тематике, а с 1906 г. полностью отдается изданию журнала "Былое", посвященного истории революционного движения в России. После ожесточенных цензурных и полицейских преследований в 1907 г. журнал был запрещен, а Щеголев выслан из столицы и в начале 1909 г. после слушания дела по "Былому" в Петербургской судебной палате[21] подвергнут заключению в одиночной камере петербургских "Крестов", продлившемуся два года и четыре месяца.

Переписка Брюсова со Щеголевым возобновляется в 1908 г.[22] и особенно оживленно развивается в годы тюремного заключения последнего. В "Крестах" Щеголев создает одну из самых серьезных своих пушкиноведческих работ – "Из разысканий в области биографии и текста Пушкина", которая, несмотря на достаточно частный повод к ее написанию (спор по поводу "утаенной любви" поэта), выявляла в позднем творчестве Пушкина верность свободолюбивым идеалам и обладала беспрецедентным для пушкиноведения тех лет широким контекстом исследования, характеризуя автора как одного из лучших знатоков Пушкина. Как справедливо позже отмечал Брюсов, «исследование "Утаенная любовь" не только показывает несостоятельность гипотезы г. Гершензона, но и дает много свежего материала по самым разнообразным вопросам, касающимся жизни и произведений Пушкина»[23].

На рубеже 1910–1920-х годов Брюсов продолжает участвовать в венгеровском издании, подготовив для него ряд статей-исследований, посвященных произведениям Пушкина 1830-х годов ("Домик в Коломне", "Медный всадник", "Египетские ночи" и др.). Тогда же у него возникает мысль об издании сборника статей с характерным названием "Мой Пушкин" (в то время не осуществленная)[24]. У Щеголева же в 1912 г. выходит книга "Пушкин. Очерки", за второе издание которой ему присуждается Пушкинская премия Академии наук – на основании отзыва Брюсова, который подчеркивал, что главным достоинством книги является «тот метод иссле-

дования, на необходимость которого указывает г. Щеголев и которого сам держится в лучших частях своих статей. Только благодаря этому методу, который сводится к новому критическому пересмотру всех наших источников, касающихся Пушкина, и выставлению впредь только тех положений, которые можно обосновать документально, – "пушкиноведение" может, наконец, стать подлинно научной дисциплиной»[25].

Те же черты исследовательского метода отмечает Брюсов и в рецензии на основную пушкиноведческую работу Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина" (1 изд. 1916): «Немало нового вносит П.Е. Щеголев в историю дуэли Пушкина, его отношения к жене и свояченице, в характеристику его мировоззрения последних лет и т.д. Рядом с этими выводами, весьма замечательными, которые в нас лично вызвали чувство глубочайшего удовлетворения и которые отныне должны быть принимаемы во внимание всеми биографами Пушкина, стоят в книге П.Е. Щеголева "материалы", свидетельствующие об исключительной настойчивости автора в деле собирания документов...»[26] Обе названные книги с дарственными надписями сохранились в библиотеке Брюсова и испещрены его пометами[27].

Переписка Брюсова со Щеголевым обрывается весной 1917 г., но несомненно, что личные контакты между ними продолжались и позже. Во вступительной статье к изданной посмертно книге Брюсова "Мой Пушкин" отмечается: «При содействии П.Е. Щеголева мы получили возможность включить в сборник неизданную большую статью о "Пророке"[28]», – статья эта, очевидно, написана в последние годы жизни Брюсова, когда его особенно интересовали вопросы стихотворной техники Пушкина. Очевидно, Брюсов передал эту статью Щеголеву для ознакомления, и она осталась в его архиве. Отметим также, что последняя крупная работа Щеголева о Пушкине, книга "Пушкин и мужики. По неизданным материалам" (М., 1928) была, в сущности, развитием темы, впервые намеченной в пушкиноведении Брюсовым, – в его публикации "Бумаги, относящиеся к Болдину, имению А.С. Пушкина"[29] и отчасти в статье "Пушкин и крепостное право"[30].

В переписке Брюсова и Щеголева отражено их взаимное внимание к трудам друг друга, доброжелательность и откровенность в оценках, готовность прийти на помощь советом и делом. Письма эти обогащают наши представления не только об обоих корреспондентах, но и о трудном процессе становления пушкиноведческой науки, активными участниками которого они были в равной степени.

Всего сохранилось 18 писем Брюсова (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3, № 47–49 и *ГБЛ*. Ф. 386.73.17) и 19 писем Щеголева (*ГБЛ*. Ф. 386.109.30). Одно письмо Брюсова (от 31 мая 1914 г.) было опубликовано[31]. В настоящем издании помещено 17 писем В.Я. Брюсова и 17 писем П.Е. Щеголева. Тексты писем Брюсова подготовлены Л.К. Кувановой, писем Щеголева – Е.Ю. Литвин. Примечания к письмам № 7, 16, 25, 26, 29, 31 – Л.К. Кувановой; к № 1, 2, 4–6, 8–15, 17, 19–24, 27, 28, 30, 32, 34 – Е.Ю. Литвин. Вступительная статья написана Е.Ю. Литвин и С.А. Фомичевым.

[1] См.: *Томашевский Б.В.* Основные этапы изучения Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин. М.; Л.: Наука, 1961. Кн. 2; *Петрунина Н.Н.* 90-е годы – начало XX века // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 85–105.

[2] На первые тома этого издания откликнулись рецензиями и Брюсов (Что дает академическое издание сочинений Пушкина // *РА*. 1899. № 12; Сочинения А.С. Пушкина. Издание Академии наук, т. 1, изд. 2-е // Там же. 1900. № 11; Материалы для академического издания сочинений Пушкина. Собрал Л.Н. Майков. СПб., 1902 // *НП*. 1903. № 2; Сочинения Пушкина. Изд. Императорской Академии наук. Том второй. СПб., 1905 // *ЗР*. 1906. № 7–9), и Щеголев (Материалы для академического издания сочинений А.С. Пушкина. СПб., 1902 // Ист. вестник. 1903. № 5).

[3] Создание этого органа приветствовали и Брюсов, и Щеголев. В рецензии на первый выпуск этого издания Щеголев писал: "Изучение Пушкина уже стало необходимым (...) Особенно знаменательно возникновение специального пушкинского органа, первый выпуск которого лежит перед нами. Это – первый в России журнал, посвященный изучению отдельного писателя..." (Ист. вестник. 1904. № 8. С. 655–656). Брюсов откликнулся на этот выпуск в журнале "Весы" (1904, № 1, с. 64).

[4] Тема "Брюсов-пушкинист" не раз привлекала внимание исследователей. См.: *Цявловский М.А.* Брюсов-пушкинист // Валерию Брюсову: Сборник. Изд. КУБС'а ВЛХИ им. В. Брюсова, 1924; *Лелевич Г.* В.Я. Брюсов. М.; Л., 1926; *Ашукин Н.С.* Пушкиниана в архиве Брюсова // *Брюсов В.* Мой Пушкин. М.; Л., 1929; *Пиксанов Н.К.* Вступ. ст. "От редактора" и библиогр. указатель "Пушкинские работы Брюсова" // Там же; *Литвин Э.С.* Брюсов о Пушкине // *Чтения 1963*; *Тиханчева Е.П.* Брюсов – издатель Пушкина // Брюсов о русских поэтах XIX в. Ереван, 1973; *Полоцкая Э.А.* Пушкинские штудии В.Я. Брюсова // Studia Slavica. Budapest, 1976. С. 377–386; *Полоцкая Э.А.* Статьи о Пушкине // VII, 422–456.

[5] *Дневники*. С. 13.

[6] Цит. по: *Полоцкая Э.А.* Пушкинские штудии В.Я. Брюсова. С. 379.

[7] Памяти П.И. Бартенева посвящена статья Брюсова "Обломок старых поколений" (*РМ*. 1912. № 12).

[8] См. прим. 2.

[9] *НП*. 1903. № 6. С. 84. Оттиск этой статьи из библиотеки Щеголева (с его пометами) хранится в Пушкинском кабинете *ИРЛИ*.

[10] См. наст. кн., Переписка с Ремизовым, п. 4.

[11] *ЛН*. Т. 27–28. С. 290.

[12] Библиографию работ П.Е. Щеголева (сост. Ю. Емельянов) см. в кн.: История и историки: Историогр. ежегодник, 1977. М., 1980. С. 432–452. В библиотеке Н.К. Пиксанова в *ИРЛИ* (папка "П.Е. Щеголев") хранится машинописная библиография П.Е. Щеголева, доведенная до 1928 г., менее полная, чем указанная выше, но отчасти ее уточняющая.

[13] См.: *Емельянов Ю.Н.* Общественно-политическая деятельность П.Е. Щеголева // История и историки. 1977; *Толстой А.Н.* П.Е. Щеголев / Публ. и прим. Е.Ю. Литвин // Звезда. 1976. № 5; см. также некрологи П.Е. Щеголева: Художественная литература. 1931. № 2 (Н.К. Пиксанов); Красная нива. 1931. № 4. 10 февр. (он же); Огонек. 1931. № 4. 10 февр. (И. З⟨ильберштейн⟩); Лит. газета. 1931. 30 янв. № 6 (М. Ц⟨явловский⟩); Известия. 1931. 24 янв. (без подписи); Вечерняя Москва. 1931. 24 янв. (без подписи). О пушкиноведческих работах Щеголева см. по указателю имен в кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, а также: *Измайлов Н.В.* Воспоминания о Пушкинском Доме // Рус. лит. 1981. № 1. С. 102–104.

[14] *Щеголев П.Е.* Владимир Раевский и его время: Биограф. очерк (род. 1795; ум. 1872) // *ВЕ*. 1903. № 4.

[15] *ИМЛИ*. Ф. 28. Оп. 1. № 2. Л. 4.

[16] ИОРЯС. 1899. Т. VIII, кн. 4. С. 375–383.

[17] *Щеголев П.Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М., 1931. Кн. 3. С. 211.

[18] Ист. вестник. 1902. № 12. С. 161.

[19] Там же. 1903. № 5. С. 695–698.

[20] См.: В.Я. Брюсов в работе над Пушкиным: (Письма Брюсова к С.А. Венгерову) / Публ. Н.Л. Степанова // Лит. архив. М.; Л., 1938. Т. 1; *ЛН*. Т. 85. С. 676.

[21] См. заметку «Дело редактора "Былого"» // Речь. 1909. № 78. 21 марта.

[22] Единственное упоминание о Щеголеве в промежутке между 1904 и 1908 гг. нам удалось найти в письме к Брюсову Н.О. Лернера от 1 февраля 1906 г. Оно носит юмористический характер: «Да! Знаете оду *П.Е. Щеголеву*, написанную Вячеславом Ивановым? "Се, Щеголеву не мешает жирность объять толиких книг уемную обширность!"» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.14. Л. 44).

[23] *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 125.

[24] См. проспект Полного собрания сочинений и переводов Валерия Брюсова (изд. "Сирин", 1913). Под названием "Мой Пушкин" должен был выйти т. 19 этого издания. Но книга под таким названием вышла только после смерти Брюсова под редакцией Н.К. Пиксанова (см. прим. 4); о первых брюсовских планах подобной книги см.: *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 3.

[25] *Брюсов В.Я.* П.Е. Щеголев. Пушкин: Очерки. СПб., 1912 // Отчет о двадцатом присуждении пушкинских премий в 1913 г. СПб., 1913. С. 11–22. См. также: *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 127; за этот отзыв Брюсов был, в свою очередь, награжден золотой медалью Академии наук (см.: *Литвин Э.С.* Брюсов о Пушкине // *Чтения 1963*. С. 217).

[26] *РВ*. 1916. № 223. 28 сент.

[27] *ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1490, 1491.

[28] *Брюсов В.* Мой Пушкин. С. 5.

[29] Известия Московского литературно-художественного кружка. М., 1913. Вып. 1.

[30] *ПР*. 1922. Кн. 2.

[31] *Чтения 1971*. С. 306.

1. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 9 января 1903 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

Если Вы уже прочли "В плену" А.М. Ремизова[1] или когда Вы прочтете, будьте добры переслать ее мне в СПб по следующему адресу: СПб., Торговая ул., д. 20, кв. 20 Александру Корнильевичу Бороздину[2] (на адресе больше ничего не нужно). Я отдам эту вещь на прочтение Мережковским[3]. Вкратце сообщите свое мнение мне, а в подробности самому Ремизову.

С нетерпением жду новых изданий "Скорпиона".

Уважающий Вас П. Щеголев

9 янв. 1903.

P.S. Чем скорее перешлете эту вещь, тем лучше.

[1] Щеголев познакомился с Ремизовым в Вологде, где они отбывали ссылку (см. наст. кн., вступ. ст. к наст. публ. и к переписке с Ремизовым). «Вологодская ссылка в эти годы представляла любопытнейший и красочный конгломерат. Здесь был и А.А. Богданов (Малиновский), и значительная группа киевлян (по киевскому "Союзу борьбы"), Б.А. Кистяковский, Тучапские, Бердяев; был и А.В. Луначарский, здесь отбывал ссылку и Борис Савинков и Алексей Ремизов, начинавший в то время литературное поприще», – пишет Щеголев в "Автобиографии" (*ИМЛИ*. Ф. 28. Оп. 1. № 2. Л. 4). С Ремизовым Щеголев в ссылке очень

подружился. В *ИРЛИ* сохранилось 132 письма Ремизова к Щеголеву за 1900–1912 гг. (Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1611). Через Щеголева Ремизов передал в Петербург и Москву поэму "В плену" (см. наст. кн., Переписка с Ремизовым, п. 4, прим. 1).

[2] Об А.К. Бороздине см. наст. кн., Переписка с Ремизовым, п. 5, прим. 1 и предисл. к наст. публ.

[3] См. наст. кн., Переписка с Ремизовым, п. 5, прим. 1.

2. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб., 19 февраля 1903 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

беспокою Вас просьбой о присылке мне книжки Лернера и Вашей о Пушкине[1], если она вышла или если ее можно получить в том или ином виде до выхода. С нетерпением жду также выхода стихов Бальмонта[2].

Очень просил бы Вас написать мне, какие вещи Ремизова Вы напечатаете в "Северных цветах"[3].

Мои дела устроились, и я окончательно остаюсь в С. Петербурге[4].

Уважающий Вас П. Щеголев.

Адрес Торговая, 20, кв. 20.
Павлу Елисеевичу Щеголеву.

[1] А.С. Пушкин. Труды и дни: Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М.: Скорпион, 1903; Письма Пушкина и к Пушкину: Новые материалы, собранные книгоиздательством "Скорпион" / Ред. и прим. Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1903.

[2] *Бальмонт К.Д.* Будем как солнце. М.: Скорпион, 1903.

[3] См. наст. кн., Переписка с Ремизовым, п. 9, прим. 2.

[4] 29 мая 1903 г. Щеголев получил свидетельство об окончании историко-филологического факультета и диплом первой степени, после чего ему было разрешено пребывание в столице.

3. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Москва, ⟨4 марта⟩ 1903 г.

Уважаемый Павел Елисеевич!

Я выслал Вам книгу Лернера. Очень прошу извинить мои неисправимые молчания и промедления. Мучительно занят – да и не слишком у нас большой порядок, так что не сразу мог получить из конторы экземпляр. Моя книга – в цензуре, поэтому сейчас послать ее Вам не могу никак. В свое время постараюсь, в искупление своих вин, доставить Вам первому.

Искренно Ваш Валерий Брюсов

Датируется по почт. шт.

4. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб. 9 — Рождеств⟨енская⟩, д. 10—12, кв. 9
10 августа 1903 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

до сих пор я еще не поблагодарил Вас за присылку мне Ваших изданий о Пушкине[1]. Мое мнение о них Вы могли узнать из ответа в "Историческом вестнике"[2]. Посылаю Вам оттиск своей статьи о В.Ф. Раевском, кишиневском приятеле Пушкина[3]: быть может, моя статья когда-нибудь и пригодится Вам в ваших занятиях Пушкиным. Я в свою очередь буду просить Вас присылать мне все Ваше пушкинское, кончая последними этюдами о ране совести[4] и в "Новом пути"[5]. В последней статье ("Из жизни Пушкина") Вы изменили своей привычке в щепетильно осторожном исследовании, и допустили много немотивированного, в особенности на той странице, где речь идет о Пушкине и Ризнич[6]. Тут у Вас все – тонкая сеть предположений, но, быть может, я еще буду возражать Вам в печати[7].

А.М. РЕМИЗОВ, ГОВОРОВА, П.Е. ЩЕГОЛЕВ, Н.А. БЕРДЯЕВ
Фотография. Вологда, 1900-е годы
Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

В настоящий момент у меня к Вам следующее дело. Уговорился я с одним издателем написать небольшой очерк о поэзии Бальмонта: этот очерк появится отдельной книжкой[8]. Хотелось бы мне познакомиться с биографией. Лично я не знаю Бальмонта и не знаю, где он; обращаюсь к Вам и прошу Вас помочь мне и попросить Бальмонта дать мне эти сведения, желательно, не сухие, фактические. Я знаю, что он написал свою автобиографию для С.А. Венгерова[9], и, с разрешения его, Бальмонта, я мог бы воспользоваться, но дело в том, что Венгеров уехал за границу и возвратится к сентябрю, а мне нужно все это сделать поскорее.

Буду весьма Вам признателен.

Готовый служить Вам П.Е. Щеголев

[1] См. п. 2, прим. 1.

[2] Щеголев высоко оценил книги Лернера и Брюсова: "Эти книги, – писал он в рецензии, – дань поклонения поэту, достойная его памяти; редко встречаются книги, выполненные с такой любовью и тщанием" (Ист. вестник. 1903. № 5. С. 695).

[3] См. вступ. ст. к наст. публ., прим. 14.

[4] *Брюсов В.* Пушкин. Рана его совести // *РА*. 1903. № 7. Заглавие дано редактором, которому принадлежит также заключительное примечание о "несчастной поэме Пушкина". В этой статье Брюсов высказал твердое убеждение в том, что Пушкин был автором "Гавриилиады". Статья вызвала бурную полемику в печати (см. п. 5, прим. 4). В библиотеке Щеголева статья сохранилась в составе конволюта, в котором собраны газетные и журнальные отклики на нее (Пушкинский кабинет *ИРЛИ*).

[5] В *НП* за 1903 г. до августа были напечатаны следующие статьи и рецензии Брюсова о Пушкине: "Сочинения А.С. Пушкина под ред. П.А. Ефремова. тт. I и II. СПб., 1903" и "Из мелочей о Пушкине" – № 1; "Материалы для академического издания соч. Пушкина. Собрал Л.Н. Майков – СПб. 1902" – № 2; "Из жизни Пушкина" – № 6.

[6] Брюсов писал: "В Одессе Пушкин прожил год. Это было время его любви к Ризнич ⟨...⟩ Любовь к Ризнич была первой (а может быть, и единственной, не исключая Н.Н. Гончаровой?) всепоглощающей страстью Пушкина ⟨...⟩ Когда позднее в Михайловском приходили письма от Ризнич, Пушкин запирался у себя в кабинете и старался весь день не видаться ни с кем. Ризнич посвящены лучшие стихи Пушкина о любви. Он вспоминал о ней до последних лет своей жизни" (*НП*. 1930. № 6. С. 90–91).

[7] См.: Щеголев П.Е. "Амалия Ризнич в поэзии Пушкина". В статье Щеголев пишет о бурной, но недолговременной страсти Пушкина к Ризнич и высказывает предположение о более глубокой и долгой привязанности Пушкина к Е.К. Воронцовой: «Не Ризнич владела мыслью поэта в его уединении, ⟨...⟩ Воронцова; ⟨...⟩ Вот о ком вспоминал Пушкин в Михайловском. Из написанных в Михайловском в 1824–1825 гг. стихотворений Пушкина к ней нужно относить "Сожженное письмо". Трудно допустить, чтобы Пушкин лелеял дорогие ему воспоминания о двух женщинах ⟨...⟩ Не приписывает ли тут г. Брюсов – совершенно ошибочно – Ризнич тех писем, которые Пушкин получал от графини Воронцовой» (*ВЕ*. 1904. № 1. С. 314–316). Оттиск статьи с дарственной надписью Щеголева: "Валерию Яковлевичу Брюсову – от автора 23–1–04" – сохранился в фонде Брюсова, переплетенный с другими статьями о Пушкине в общий переплет под названием "К Пушкину" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 379).

[8] Книги о Бальмонте Щеголев не написал (см.: Библиография работ П.Е. Щеголева / Сост. Ю.Н. Емельяновым // История и историки, 1977. М.: Наука, 1980. С. 432–452). Его рецензию на книгу статей Бальмонта "Горные вершины" см.: Ист. вестник. 1903. № 9. С. 1035–1036 (подпись: "Щ").

[9] *Бальмонт К.Д.* Автобиография // *Венгеров. Словарь*. Т. VI. С. 374–377.

5. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Москва, Цветной 24
Август 1903.

Уважаемый Павел Елисеевич!

Конечно, получив Ваше письмо, я тотчас написал Бальмонту. Но я жил в такой глуши[1], так далеко от почтовых учреждений, что и получил Ваше письмо и свое отправил с большим опозданием. С любопытством жду Вашей статьи[2].

Что касается моих двух последних статей о Пушкине (о "Гаврилиаде" и "Из жизни")[3], то шум, поднятый около них, меня удивляет. Я нисколько не думал писать "сенсационных" статей. А все усмотрели кругом какую-то lèse* Пушкину и лицемерно восклицают: "Как! Пушкин мог солгать?[4] Что! Пушкин посещал публичных женщин? О клевета! О позор на говорящего это!"[5] А до каких гнусностей договаривается "Русский Вестник"[6], Вы знаете. О свободе мнений никто не поминает[7]. О том, что *все* мои утверждения основаны на документах (пусть без достаточной критики) тоже[8]...

Вы хотите мне возражать. Возражайте. Я знаю, что иное у меня можно прямо отвергнуть, а в очень многом усомниться, подвергнув критике мои источники. Записка барона Корфа[9], например, конечно, очень тенденциозна... Но ведь я не из этих только документов создавал своего Пушкина; я этими документами лишь старался подтвердить, оправдать тот его образ, который возник предо мной независимо. И – сознаюсь – мой "развратный" Пушкин нравится мне гораздо больше, чем лицемерный Пушкин обоих Платонычей (т.е. Барсуковых, подхалимствующих графу Шереметеву)[10].

А еще Перцов вычеркнул у меня "любострастную болезнь" из Остафьевского архива. Жаль! То-то завопил бы стыдливый Русский Вестник.

Спасибо за заметки[11]. (А в "Историческом вестнике" о "Гаврилиаде" – Ваша же?)[12]

Ваш Валерий Б р ю с о в.

---

* Оскорбительность (*франц.*).

[1] Лето 1903 г. Брюсов провел на даче в Старом селе Можайского уезда. Письма Брюсова к Бальмонту этого времени неизвестны.

[2] См. п. 4, прим. 3.

[3] См. п. 4, прим. 4 и 5.

[4] Брюсов писал в своей статье: "Автором Гаврилиады надо признать Пушкина. Это неизбежно. Значит, он солгал, называя автором другого? Да! И мы полагаем, что выясняя это событие в жизни Пушкина, мы проявим больше любви к нему и уважения к его имени, чем скрывая правду, несмотря на очевидность" (*РА*. 1903. № 7. С. 477). Эти слова вызвали ответную реплику Н.П. Барсукова: «Позволю себе ⟨...⟩ спросить г. Брюсова, почему он "полагает, что больше любви к Пушкину и уважения к его памяти и лучшую услугу ему оказывают те, которые во что бы то ни стало стараются представить его лжецом?» (Русский вестник. 1903. № 7. С. 269).

[5] Отклики на статью Брюсова "Из жизни Пушкина". См.: *Библиография* / II № 190 и 248.

[6] В "Русском вестнике" статью Брюсова о "Гавриилиаде" разбирали Н.П. Барсуков и Н.Я. Стародум (Стечкин) (1903, № 7, 8). Тон реплики Барсукова был раздраженным, но в пределах академичности (см. прим. 4). Бранью, о которой говорит Брюсов, наполнена статья Н.Я. Стародума, начинавшаяся словами: "Некто г. Валерий Брюсов избрал себе специальность – грязнить память Пушкина" (Русский вестник. 1903. № 8. С. 707). Стародум утверждал далее, что Брюсов пишет о Пушкине "с наглостью невежды и развязностью невоспитанного человека" (Там же).

[7] Брюсов писал по этому поводу: «Некто Стародум в "Русском вестнике" дошел в своих нападках до грубой, совсем не литературной брани, обращенной ко мне. Меня удивляет, что у нас так боятся свободы исследования и так мало уважают свободу мнения» (*Брюсов В.* Письмо в редакцию "Нового времени" // Новое время. 1903. № 9873. 30 авг.).

[8] В статье "Из жизни Пушкина" Брюсов утверждает: "В статье нет точных указаний на источники, но все упомянутые здесь факты взяты из современных свидетельств и могут быть подтверждены письмами" (*НП*. 1903. № 6. С. 102).

[9] Модест Андреевич *Корф* (1800–1876) – барон, потом граф, лицейский однокашник Пушкина, впоследствии крупный государственный сановник, член Государственного совета. Опубликованы его воспоминания о Пушкине "Из записок барона Корфа" (Русская старина. 1899. Т. 99. июнь–сентябрь), которые в числе других источников были использованы Брюсовым в статье "Из жизни Пушкина".

[10] Речь идет об археографе Александре Платоновиче (1844–1914) и историке Николае Платоновиче (1838–1906) *Барсуковых*. А.П. Барсуков – автор генеалогии "Род Шереметевых" (СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1881–1904. Т. 1–8).

[11] См. п. 4, прим. 2.

[12] В "Ист. вестнике" (1903, № 8) в отделе "Смесь" напечатана заметка без подписи «Автор поэмы "Гавриилиада"». Автор заметки не установлен.

6. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петербург, 9-Рождеств⟨енская,⟩ д. 10-12, кв. 9,
24 сентября 1903 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич,

разрешите один вопрос. Откуда Вы почерпнули сведения о том, что Пушкин в Михайловском получал письма от Амалии Ризнич?[1] Нет ли тут недоразумения: таинственные письма в Михайловское принято относить к Воронцовой; правда, Зеленецкий говорит, что Пушкин получал письма от Ризнич, но не от Амалии, а от Ивана, да и это мало вероятно[2].

Мне Ваша статья в "Новом пути"[3] понравилась: Пушкина давно уже пора высвободить из-под тех условностей, в которых он находится. Поэтому я сочувствую именно той резкой постановке вопроса, какая у Вас.

В ноябре или декабре в "Вест⟨нике⟩ Е⟨вропы⟩" будут мои "Заметки о Пушкине", вызванные книгой Шляпкина[4].

От Бальмонта не имею никаких сведений, а сведения были бы мне очень нужны в скором времени: дело не ждет. Не взяли ли бы на себя труд написать Бальмонту и обратить его внимание на мою просьбу? Был бы весьма Вам признателен[5].

В СПб Вы, наверное, бываете: нельзя ли нам повидаться?

Когда сборник Ваших стихов выйдет?[6]

Ваш П. Щ е г о л е в

P.S. Мне хотелось бы познакомиться с теми стихами Бальмонта, которые не могли появиться в печати[7].

[1] См. п. 4, прим. 6.

[2] Иван Степанович *Ризнич* (р. 1792) – негоциант, один из директоров Одесского коммерческого банка, муж Амалии *Ризнич* (ок. 1803–1825). О взаимоотношениях Пушкина с супругами Ризнич см.: *Зеленецкий К.П.* Госпожа Ризнич и Пушкин // Русский вестник. 1856. Июнь. Кн. 1. "Живя в Михайловском, – пишет Зеленецкий, – он (Пушкин. – *Е.Л.*) был в переписке с самим Ризничем, как сказывали нам люди, близкие к сему последнему" (Там же. С. 207). Письма И. Ризнича к Пушкину неизвестны.

[3] Речь идет о статье "Из жизни Пушкина". См. п. 4, прим. 5.

[4] О книге И.А. Шляпкина "Из неизданных бумаг А.С. Пушкина" (СПб., 1903). Щеголев напечатал 2 рецензии: в "Ист. вестнике" (1903, № 5) и в ИОРЯС (1903, т. VIII, кн. 4). Оттиск последней сохранился у Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 379). В первой рецензии дана общая положительная оценка работы Шляпкина, во второй содержится ряд возражений по конкретным вопросам. Полемике со Шляпкиным посвящена отчасти и заметка Щеголева "Амалия Ризнич в поэзии Пушкина" (*ВЕ*. 1904. № 1). Именно эту последнюю статью, вероятно, и имеет в виду Щеголев в данном письме.

[5] См. п. 4 и 5.

[6] *Брюсов В.* "Urbi et orbi": Стихи, 1900–1903. М.: Скорпион, 1903. Книга вышла в начале ноября.

[7] Стихи Бальмонта часто подвергались цензурным гонениям. См. об этом в статье О.В. Цехновицера "Символизм и царская цензура" (Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1941. Вып. 11, № 76. С. 284–286).

7. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Москва, 4 октября 1903 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Мое утверждение, что "приходили письма от Ризнич", конечно, недосмотр. Вероятнее, письма были от Воронцовой. Но это дела не меняет. О письмах я говорю в доказательство страстной любви Пушкина к Ризнич, а эта любовь сомнению не подлежит. А если б и было установлено, что Пушкин не отдавался совсем даже Ризнич, это было бы лишь новым козырем моей статьи, в ее духе. Мне радостно, что Вы согласны с основной мыслью моей статьи. Пора обличить всю манекенность, всю выдуманность академического Пушкина! Пора явить его таким, каков он был. И это нисколько не будет ему в унижение. Если я и не "преуспел" в своей попытке, я все же был на верной дороге. – Позднее буду отвечать всем моим критикам.

Бальмонту еще раз передал Ваше желание[1]. Большее не в моей власти. На всякий случай вот его адрес: Москва, Б. Толстовский п., д. Нейгард.

Ваш Валерий Б р ю с о в

В последнем № Мира Искусства есть моя статья о Бальмонте[2]: дружеская услуга, хотя Бальмонт и находит, что я его во многих местах там обидел.

Неотосланный вариант того же письма см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 73.17.

[1] См. п. 4–6.

[2] *Брюсов В.* К.Д. Бальмонт. "Будем как солнце". Книга символов. М., 1903 // Мир искусства. 1903. № 7–8. О взаимоотношениях Брюсова и Бальмонта см. наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, вступ. ст. А.А. Нинова.

8. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Юрьев, 30 июня 1908 г.
Юрьев, Лифляндия Мельничная, 4.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

прошлой зимой Вы любезно дали согласие на помещение Вашего имени в числе сотрудников нашего журнала[1]. Знаю, что Вы очень заняты, что у Вас на руках "Весы", но не могу отказаться от мысли увидеть Ваше имя и на страницах журнала. Мы были бы очень рады всякой форме Вашего участия – малым заметкам в роде тех, что Вы помещали в "Русском Архиве", и большим статьям, характера не исторического, а критического. В теперешнем виде наш журнал с одинаковым интересом занимается и историей, и историей литературы[2]. Быть может, у Вас есть даже что-либо готовое. Быть может, Вы что-нибудь надумаете в связи с 25-летней годовщиной со дня смерти Тургенева, которому мы отводим целый отдел в августовской книжке.

Будем очень и очень рады Вашему участию[3].
Корреспонденцию прошу направлять по моему юрьевскому адресу[4].

Искренне Вас уважающий П. Щ е г о л е в.

На бланке журнала "Минувшие годы".

[1] Журнал "Минувшие годы" (1908) стал выходить после закрытия "Былого". Редактором журнала (совместно с В.Я. Богучарским) был Щеголев. Следов письменного согласия Брюсова на участие в "Минувших годах" не сохранилось. Возможно, согласие было дано в устной форме во время одной из поездок Брюсова в Петербург.

[2] В отличие от "Былого", специализировавшегося в основном на публикациях материалов историко-революционного содержания, "Минувшие годы" печатали и историко-литературные материалы.

[3] Брюсов в "Минувших годах" не участвовал, хотя в объявлении о подписке (Минувшие годы. 1908. № 1) был назван в числе сотрудников журнала.

[4] После закрытия журнала "Былое" (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 21) Щеголев жил сначала в Юрьеве, а затем в Любани Новгородской губернии.

9. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва⟩, 20 мая 1909 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Стыжусь, что отвечаю Вам с таким промедлением. (Письмо Ваше я получил в самом начале мая.)[1] Увы! Я более не властен распоряжаться изданиями "Скорпиона", так как вышел из состава его редакции и администрации[2]. Но просьбу Вашу передал и полагаю, что она будет исполнена. Пока посылаю Вам свой последний сборник стихов[3]. На днях вышлю и свою речь о Гоголе, возбудившую столько толков и за которую я был освистан (не знаю, читаете ли Вы газеты – там сообщалось об этом инциденте, позорном не для меня, а для современной публики)[4]. Затем доставлю Вам мои печатающиеся книги "Французские лирики XIX в."[5] и 2 изд. "Огненного Ангела"[6]. Работаете ли Вы в новых условиях жизни?[7]

В начале июня я уезжаю из Москвы, но не могу пока дать своего точного адреса, на случай, если бы Вы захотели мне писать. Письма, адресованные на Цветной бульвар (24), непременно найдут меня, хотя и с некоторым опозданием.

Душевно ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] Письмо не сохранилось.

[2] О взаимоотношениях Брюсова с "Весами" и "Скорпионом" в начале 1909 г. см. статью К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова «Брюсов и "Весы"» (*ЛН*. Т. 85. С. 304–311).

[3] *Брюсов В.* Пути и перепутья. Все напевы 1907–1909. М.: Скорпион, 1909. Т. III.

[4] "Испепеленный. К характеристике Гоголя". М.: Скорпион, 1909. Доклад, прочитанный на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. в Большом зале консерватории. В отчете ОЛРС о Гоголевских днях в Москве речь Брюсова охарактеризована следующим образом: "В своей оценке творчества Гоголя оратор разошелся с обычным взглядом на Гоголя, как на писателя-реалиста ⟨...⟩ Гоголь как писатель, по мнению оратора, был великим фантастом в роде Гофмана и Эдгара По. Главной, преобладающей чертой его творчества было пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному" (Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М., 1910. С. 89). Брюсов находил склонность к гиперболе не только в творчестве Гоголя, но и в его частной жизни. И.Н. Розанов, присутствовавший на выступлении Брюсова, вспоминает, что после слов Брюсова: «"Гоголь отличался мнительностью и постоянно жаловался на болезни. На вопрос Аксакова, чем он болен, Гоголь отвечал, что причина его болезни находится в кишках. Это не мешало Гоголю хорошо поесть" – ⟨...⟩ раздались свист, шиканье, топание ногами, презрительные по адресу Брюсова возгласы и т.д. ⟨...⟩ Долго лектору не давали говорить» (*ЛН*. Т. 85. С. 767–768).

Многие газеты писали об этом инциденте: Русское слово. 1909. № 96. 28 апр.; Московский листок. 1909. № 96. 28 апр.; Новая Русь. 1909. № 115. 29 апр.

[5] Французские лирики XIX века / Пер. в стихах и библиогр. прим. В. Брюсова. СПб.: Пантеон, 1909.

[6] *Брюсов В.* Огненный ангел. М.: Скорпион, 1909. 2-е изд.

[7] Щеголев отбывал в это время тюремное заключение (см. вступ. ст. к наст. публ.).

10. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПБ. Арсенальная наб. 5. Тюрьма.
17-1-1910 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

будьте милостивы, дайте ответ, что за письма Жуковского и Пушкина напечатаны или будут напечатаны в "Весах", о чем сии заметки, если уже напечатаны, пошлите мне оттиск или вырезку[1]. Меня это очень интересует, ибо в моем распоряжении есть записка Жуковского к Пушкину, неизданная, накануне дуэли[2]. Не то же ли это самое? Вы летом обещали мне похлопотать о "Весах" и изданиях "Скорпиона", а также выслать кое-что свое. Если можете и имеете охоту сделать это теперь, то сделайте. Буду весьма Вам признателен. Если можно было бы журнал получить с 1909 года, то я просил бы прислать его по адресу Петербург, Широкая ул., д. 19, Валент⟨ине⟩ Андр⟨еевне⟩ Щеголевой[3], а книги можно посылать заказною бандеролью или посылкой прямо мне по указанному в начале письма адресу.

Желаю Вам здоровья и успешных работ.

Искренне Ваш П. Щ е г о л е в.

[1] В первом номере "Весов" за 1909 г. были впервые опубликованы 5 писем В.А. Жуковского к Пушкину за 9–20 ноября 1836 г.

[2] О какой записке идет речь, выяснить не удалось.

[3] Валентина Андреевна *Щеголева* (урожд. Богуславская; 1878–1931) – жена П.Е. Щеголева, актриса.

11. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

21 января 1910 ⟨г.⟩
Москва, Цветной, 24

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Я виноват перед Вами тем, что молчал, что не присылал разных обещанных книг, но есть у меня "смягчающие вину обстоятельства". Летом я уехал за границу и не был в России более четырех месяцев[1]. Вернувшись, попал в настоящий водоворот дел, которых набралось за мое отсутствие множество. До сих пор с ними не разделался. Это первое. А второе – то, что уже с начала 1909 г. (не помню, сообщал ли я Вам об этом) я, по некоторым причинам, уклонился от близкого участия в делах "Скорпиона" и в редакции "Весов"[2]. Через это утратил я и возможность непосредственно распоряжаться этими изданиями. Я, правда, дал Ваш адрес, с просьбой высылать Вам все новые книги, но вижу, что просьба эта в памяти распорядителей "Скорпиона" не удержалась.

Постараюсь, насколько смогу, поправить дело. Прежде всего вышлю Вам № "Весов" с письмами Жуковского Пушкину (это еще январский № 1909 г.)[3]. Вы увидите, что это ни в каком случае не та записка, о которой вы говорите[4]. Однако напечатанные "Весами" письма очень интересны и крайне важны. Подлинники их находятся сейчас в Академии Наук[5]. Вышлю также и последние издания "Скорпиона", но их крайне мало: второе издание моего романа "Огненный Ангел", том рассказов М. Кузмина[6], кажется все. Получу ли я для Вас полный комплект "Весов" за 1909 г., не могу обещать.

Вы, может быть, не слыхали еще, что "Весы" с 1910 г. прекращаются. Так же как и "Золотое Руно". Это очень сильно отразится на литературной жизни Москвы. При сотрудничестве многих из участников этих журналов (я стою в стороне) образуется в Москве новое книгоиздательство "Мусагет"[7]. Во главе стоит Э.К. Метнер. Кажется, издательству была предложена одна из Ваших книг[8].

"Платформа" издательства весьма широкая и через то неопределенная. Собираются издавать книги самые разнообразные, сборники статей А. Белого и Эллиса, переводы трактатов Леонардо да Винчи и Гераклита (поэму), письма Гете, стихи С.М. Соловьева и т.д. и т.д. Книги все достойные, но вряд ли дающие определенный *лик* новому предприятию.

В общем, в тех литературных кругах, где обычно бываю я, как, впрочем, и во *всех* других кругах, чувствуется какая-то усталость, апатия. Годы 1909 и, вероятно, 1910 должны быть прежде всего характеризованы как отлив. Море отошло, песок обнажился, валяются на нем разные ракушки, слизняки, морские ежи и прочая нечисть.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке Общества свободной эстетики.

[1] Летом 1909 г. Брюсов был в Швейцарии, Франции, Бельгии.

[2] См. п. 9, прим. 2.

[3] См. п. 10, прим. 1.

[4] См. п. 10.

[5] Письма Жуковского были опубликованы по копиям, которые предоставил Брюсову Н.О. Лернер. 26 ноября 1908 г. он писал Брюсову: «Их пять; они чрезвычайно интересны и важны. Я могу их (копии) дать "Весам", *но с одним условием, чтобы никто кроме Вас не знал, кем они присланы, чтобы даже в очередной книжке журнала не было видов моего участия в этом деле* ⟨...⟩ эти письма с пометой: "с копии пятидесятых годов", без подписи сообщившего и лишь с краткими примечаниями. Они относятся к ноябрю 1836 г.; в них отразилось тяжелое душевное состояние Пушкина и доброта Жуковского ⟨...⟩ Копиями обладаю не я один, и *поэтому* их надо пустить в *январской* или даже в *декабрьской* книжке ⟨...⟩»

P.S. Подлинники ⟨...⟩ писем есть у Онегина (в Париже); он просил у Шубинского *300 руб.* за право напечатать их в "Историческом вестнике", но тот испугался, испуганный ценою ⟨...⟩» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.15. Л. 14–15).

После публикации Брюсов получил письмо из Парижа от А.Ф. Онегина-Отто, датированное 14 марта 1909 г.: "... Письма Жуковского к Пушкину Вы, вероятно, раздобыли у Бартенева, моего недоброжелателя à la russe*. Оригиналы у меня, но не печатались не по моей вине, а прямо было обусловлено напечатание их *сыном Жуковского*, пока жив *сын Пушкина*. Поступок неделикатный (чей именно?), но что обнародованы письма эти и именно в Вашем журнале, *мне лично* это не претит, отложив в сторону некоторую долю досады?2* щепетильности собственника, связанного честным исполнением обещания. Во всяком случае жду возможности проверить точность копий "(*ГБЛ*. Ф. 386, 97.7. Л. 9). 30 апреля Академией наук был заключен договор с А.Ф. Онегиным-Отто о передаче его собрания в собственность Академии для Пушкинского Дома. Онегин оставался пожизненным хранителем, Академия наук оговорила за собою право "выписывать рукописи, делать с них копии и фотографические снимки, воспроизводить их в печати и проч." (Неизданный Пушкин. Собрание А.Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Пб.: Атеней, 1922. С. XII–XIII). Рукописи выписывались на срок не более трех месяцев. Подлинники писем Жуковского потребовались Академии наук для издания их в III томе "Переписки Пушкина" под ред. и с примечаниями В.И. Саитова. Том вышел в свет в 1911 г. (СПб.: изд. императорской Академии наук). В настоящее время автографы хранятся в *ИРЛИ*. (Ф. 244. Оп. 2. № 28).

[6] *Кузмин М.* Первая книга рассказов. М.: Скорпион, 1910.

[7] "Мусагет" – издательство, основанное группой символистов (А. Белый, Л. Эллис, Э. Метнер) в 1910 г., просуществовало до 1917 г. Издатель-редактор – Э.К. Метнер. Основное направление – теоретические проблемы искусства, философское обоснование символизма. Издательством было выпущено 35 книг, издавался журнал "Труды и дни" (1912–1916) и ежегодник по вопросам культуры "Логос" (1910–1914).

[8] См. п. 12, прим. 12.

12. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Петербург⟩, 1 ноября 1910 г.
Арсенальная набережная 5
Прошу переслать Валерию Яковлевичу Брюсову
Москва, Цветной бульвар, 24

Благодарю Вас, уважаемый Валерий Яковлевич, за книгу Вашу ("Земная Ось")[1] и за память. Хорошо издаете вы свои книги – завидно смотреть. Рисунки интересные и страшные[2]. Вы — я вижу из объявлений на обложке – отошли от современности в Рим[3]. Скоро ли выйдет Ваша книга? Давно я жду собрание Ваших историко-литературных статей, и Вы уже давно обещаете его. Теперь Вы усугубили это обещание еще заявлением о книге со статьями о Тютчеве[4]. Это все очень и очень интересно. Не могли ли бы, если имеете возможность, содействовать появлению нового издания сочинений Тютчева? Ведь это позор, на нашем книжном рынке нет Тютчева. Вот бы

*на русский манер (*франц.*).

2*знак вопроса поставлен А.Ф. Онегиным.

"Мусагету" купить право собственности на Тютчева[5]. Кстати, известно ли Вам (я не могу под рукой справиться об этом), что напечатанное в собрании "Подражание Арабскому" (стр. 366) Тютчеву не принадлежит. Просматривая тут старые журналы 20-х годов, я встретил заявление Дельвига, что "Подражание Арабскому" по ошибке подписано в "Северных Цветах" Тютчевым: надо Ротчевым. Если Вам нужно, то я разыщу совершенно точное указание[6]. Получили ли Вы мои "Заметки к тексту Пушкина"?[7] М.б., Вы заглянули в румянцевские рукописи или при случае заглянете! Мне бы хотелось знать Ваше авторитетное мнение о приемлемости моих чтений.

А я, сидя в тюрьме, занимаюсь почти исключительно Пушкиным. В настоящее время близка к окончанию в наборе моя статья "Из разысканий в области биографии и текста Пушкина" (листов 8). К Рождеству думаю послать Вам экземпляр[8].

Заканчиваю в рукописи ученый разбор книги Лернера, которую я имел [терпение?] проверить[9]. Мое впечатление общее – научное значение очень невелико. Это – записная книжка деятельного *любителя*, а не научно образованного специалиста. Не видно в Лернере филолога – вот что главное!

Вы мне писали о новом книгоиздательстве "Мусагет" и о том, что ему предлагали издание моей книги. Я лично не знаю, кто мог это сделать, и думаю, что тут какая-то ошибка. Но нельзя ли просить Вас о дружеской услуге – действительно предложить этому издательству издать сборничек моих статей. Гонорар нужен, но я за ним не гонюсь. Вы простите меня за то, что я беспокою Вас подобным обращением, и прошу исполнить его лишь в том случае, если это не будет Вам стоить каких-либо трудов и хлопот. Для удобства на нижней половине этой страницы я даю подробности о сборнике.

Что нового в жизни литературной? Что поделывает Андрей Белый, которому я прошу передать мою благодарность за "Символизм"[10], мною благополучно полученный. А что же "Мусагет", выпустил что-либо из объявленного им?[11] Не появляется ли на горизонте новых журналов?

Еще раз спасибо Вам и за книжку, и за память.

Будьте здоровы.

Искренне Вас уважающий и преданный П. Щ е г о л е в.

Объем книги – около 20 печатных листов. По 35 т(ысяч) б(укв). Статьи – абсолютно цензурны, и все были раньше напечатаны.

Содержание.

1. Грибоедов и декабристы.
2. Катехизис Сергея Муравьева.
3. Детство Гоголя.
4. Зеленая Лампа.
5. Император Николай I и Пушкин в 1826 году (в дополненном виде).
6. Дуэль Пушкина с Дантесом.
7. Амалия Ризнич в поэзии Пушкина.
8. Ненаписанные стихотворения Пушкина.
9. Эпизод из жизни Белинского.
10. Семен Олейничук[12].

P.S. Если бы издатель согласился печатать книгу в Пб., то я мог бы устроить печатание по такой цене, по какой, вероятно, он не может устроить сам – а именно 20 печ. листов в 2000 экз. за 310 руб. (тут *все*, кроме бумаги!) Триста десять рублей!

[1] *Брюсов В.* Земная ось: Рассказы и драматические сцены. М.: Скорпион, 1910.

[2] Книгу оформлял итальянский художник Альберто *Мартини* (1876–1920).

[3] В каталоге издательства "Скорпион", данном в сборнике "Земная ось", анонсируются две книги Брюсова: "Пять поэтов (Пентадий, Авсоний, Порфирий, Клавдиан, Луксорий), пер. Валерия Брюсова" и "Aurea Roma – Золотой Рим: Очерки литературы и жизни IV в. по Р.Х." Книги в свет не вышли. Материалы к работе для них см.: *ГБЛ.* Ф 386, 16.13, 14 и 24; 48.10–12. Оба замысла проанализированы в статье М.Л. Гаспарова "Неизданные работы В.Я. Брюсова по античной истории и культуре" (*Чтения 1971.* С. 192–197).

[4] Книга Брюсова "Далекие и близкие. Литературные характеристики" анонсировалась "Скорпионом" с 1904 г. В 1906 г. появился анонс книги: *Брюсов В.* Около Тютчева: Статьи (см., напр., каталог "Скорпиона" в книге: *Гамсун К.* Драма жизни. М.: Скорпион, 1906). Окончательный вариант заглавия

книги: "Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней". Вышла в свет в 1912 г.

[5] Последнее к тому времени издание Собрания сочинений Ф.И. Тютчева вышло в 1900 г. (Сочинения Ф.И. Тютчева: Стихотворения и политические статьи, СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900). В издательстве "Мусагет" сочинения Тютчева не выходили. Следующее издание – Полное собрание сочинений Тютчева под редакцией П.В. Быкова вышло в 1911 г. в издательстве А.Ф. Маркса. Брюсов написал для этого издания критико-биографический очерк.

[6] "Подражание Арабскому" поэта и переводчика Александра Гавриловича *Ротчева* (1807–1873) было напечатано в "Северных цветах" на 1827 год «с забавной подписью-оговоркой: "Тютчев", которую Дельвиг тут же спешит исправить в "Северной пчеле" ("Северная пчела", 1827, 16 июля, № 72)». См.: *Вацуро В.* "Северные цветы": История альманаха Дельвига–Пушкина. М., 1978. С. 88, 260. Это стихотворение было включено в раздел переводов в кн.: *Тютчев Ф.И.* Сочинения и политические статьи. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1886. В издание 1900 г. оно уже не включалось.

[7] *Щеголев П.Е.* Заметки к тексту Пушкина 1. // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. XIII.

[8] Экземпляр оттиска "Пушкин и его современники" (Вып. XIV) без дарственной надписи Щеголева сохранился в архиве Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 365), на оттиске множество помет Брюсова. Об оценке Брюсовым этой работы Щеголева см. п. 14, прим. 5.

[9] *Лернер Н.* Труды и дни Пушкина. СПб.: изд. Имп. Академии наук, 1910.

[10] *А. Белый.* Символизм. М.: Мусагет, 1910.

[11] В 1910 г. издательством "Мусагет" были выпущены следующие книги: *А. Белый.* Символизм, *Эллис.* Русские символисты, *Б. Садовской.* Русская Камена, *Бодлэр.* Стихотворения в прозе (пер. Эллиса), *З. Гиппиус.* Собрание стихов, *С. Соловьев.* Апрель, "Логос" (русское издание международного ежегодника по философии культуры). Книга первая и вторая; *Гераклит Ефесский.* Фрагменты (пер. В. Нилендера), *Рейсбрук Удивительный.* Одеяние духовного брака, Вступ. ст. М. Метерлинка (пер. М. Сизова).

[12] Книга Щеголева в "Мусагете" напечатана не была. Часть материалов (№ 1–3 и 10) вошли в его книгу "Исторические этюды" (СПб.: Шиповник, 1913); № 4–7 – в его же книгу "Пушкин. Очерки" (СПб.: Шиповник, 1912), № 8 – Ист. вестник. 1904. № 1; № 9 – Былое. 1906. № 12.

13. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб., Тюрьма, Арсенальная наб., 5.
17 января 1911 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

я просил послать Вам два экземпляра (один – для Вас, другой – для Б.Н. Бугаева) книжки моей "Из разысканий в области биографии и текста Пушкина"[1] и так же переслать Вам мое письмецо. Получили ли Вы то и другое? Меня очень интересует Ваше мнение о моей работе: согласны ли Вы 1) с моей критикой Гершензона и 2) с моими выводами о М.Н. Раевской?[2] Гершензона ответ мне будет вслед за моей статьей в "Пушкине и его современниках"[3]: очень несостоятельный ответ, на который я там же и отвечу[4]. Пока – всего Вам хорошего. Будьте здоровы. Желаю успеха, всем Вашим замыслам и начинаниям. Если увидите, передайте мой поклон Белому.

Искренне Ваш П. Щ е г о л е в.

[1] См. п. 12, прим. 8.

[2] В статье М.О. Гершензона "Северная любовь Пушкина" (*ВЕ*, 1908. № 1. С. 275–302) утверждалось, что "утаенной, отверженной и вечной любовью" Пушкина была М.А. Голицына. Основываясь на изучении черновых вариантов "Посвящения" к поэме "Полтава" в статье "Из разысканий в области биографии и текста Пушкина", Щеголев сделал вывод о том, что утаенной любовью поэта была М.Н. Волконская (урожденная Раевская). Спустя 20 лет, при переиздании своих пушкиноведческих трудов, Щеголев отметил: «Виновник моих разысканий М.О. Гершензон в первые моменты после их появления отстаивал с упорством, достойным лучшей участи, свои выводы, но в конце концов должен был согласиться со мной во всем, что я утверждал о Голицыной, и перепечатывая в 1920 году свою статью в книге "Мудрость Пушкина", опустил без всяких оговорок всю часть своей статьи – о Голицыной» (Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 254).

[3] *Гершензон М.* В ответ П.Е. Щеголеву // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. XIV.

[4] *Щеголев П.* Дополнения к "Разысканиям в области биографии и текста Пушкина" // Там же.

14. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва, 12 марта 1911 г.⟩

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Простите, что всегда опаздываю со своими ответами: я завален работой по "Русской Мысли". Но я уже *писал Вам*, благодаря Вас за присылку ваших "Разысканий"[1], и сообщал, что А. Белый сейчас путешествует по Африке, так что книгу ему придется передать лишь по возвращении[2]. "Разыскания" ваши очень интересны, очень серьезно обставлены, – но, – простите, – все же спорны. В издании Пушкина, которое я сейчас готовлю (для книгоиздательства "Деятель"[3]), я буду говорить о вашей гипотезе. Но как важно и как радостно, что изучение Пушкина, наконец, стало на научную почву, что от общих фраз совершился переход к собиранию фактов и серьезному сопоставлению данных! Примет ли будущее или нет Ваши *выводы*[4], оно всегда будет вам благодарно за ваши *доводы* и за самый *метод* вашей работы[5]. Желаю вам всего хорошего и прежде всего доброго здоровья и охоты работать.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Открытка с именной печаткой: "Валерий Яковлевич Брюсов. Москва. 1 Мещанская 32" и с двумя штемпелями: "СПб Тюрьма. Просмотрено". В правом верхнем углу письма помета Щеголева: "Получ. 15.III.911".

[1] Письмо не сохранилось.

[2] С декабря 1910 по май 1911 г. А. Белый совершил путешествие по странам Средиземноморья.

[3] В 1910 г. петербургское издательство "Деятель" (в лице Е.В. Аничкова) предложило Брюсову подготовку нового собрания сочинений Пушкина. Имея опыт работы над Пушкиным для издания С.А. Венгерова ("Библиотека великих писателей"), Брюсов ответил согласием. С 1910 по 1913 г. Брюсов занимался биографией и текстологией Пушкина. Материалы к работе над этим изданием см.: *ГБЛ*. Ф. 386. 43.2 и 3/1–2; 61.1 и 127.8. Переписку Брюсова с Аничковым см.: Там же. 69.21 и 74.38, 39. Но издание не состоялось. Об этом см.: *ЛН*. Т. 85. С. 673; см. также объявление в "Русских ведомостях": «Предполагавшееся фирмой "Деятель" – новое издание сочинений А.С. Пушкина под редакцией В.Я. Брюсова и соч. М.Ю. Лермонтова под ред. Н.О. Лернера осуществлено не будет» (*РВ*. 1913. № 210. 13 сент.).

[4] В комментарии к "Полтаве" в издании Полного собрания сочинений Пушкина под ред. Б.В. Томашевского указано, что «удовлетворительного объяснения, кому адресовано "Посвящение", мы не имеем» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1977. Т. IV. С. 423).

[5] Брюсов высоко оценивал методику Щеголева в разработке вопросов пушкиноведения. В рецензии на книгу Щеголева "Пушкин. Очерки" (СПб.: Шиповник, 1912), в состав которой вошла и работа "Из разысканий...", он отмечал как положительное качество его трудов стремление «не выставлять ни одного утверждения, которого он не мог бы подтвердить документально, и не принимать на веру ни одного положения, не исследовав его происхождения и не подвергнув критическому разбору источников ⟨...⟩ Только благодаря этому методу, который сводится к новому критическому пересмотру всех наших источников, касающихся Пушкина, и к выставлению впредь только тех положений, которые можно обосновать документально, – "Пушкиноведение" может наконец стать подлинно научной дисциплиной». (Отчет о 20-м присуждении пушкинских премий в 1913 г. в Академии наук. СПб., 1913. С. 19–20; *Брюсов*. Мой Пушкин. С. 119 и 127).

15. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петербург, Арсенальная набережная, 5.
23 марта 1911 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Вашего первого письма я не получал; дошло только последнее от 12 марта. Поэтому я и беспокоился о том, получили ли Вы мою книжку. Благодарю за отзыв и оценку метода и жалею (ибо ценю Ваше мнение), что выводы все же представляются спорными. Но неужели Вы не считаете возможным принять заключение о необходимости изгнания Голицыной из интимной истории Пушкина?

С нетерпением жду Вашего Пушкина[1] (не потому, конечно, что обещаете в нем коснуться моей гипотезы) и надеюсь на благополучные результаты. А между тем прошу Вас послать мне то, что было Вашего о Пушкине за это время (о "Мед-

ном всадн⟨ике⟩ – в "Русской М⟨ысли⟩")[2]. Я не вижу здесь ни журналов, ни газет.

Сообщение Ваше о том, что А. Белый – в Африке, рассмешило меня невольно[3]. Я так засиделся в своем № 333 СПб тюрьмы, что утерял способности к представлению иных стран. И вдруг Африка! Во всяком случае, когда увидите его, кланяйтесь ему и передайте мою книжку.

Работы мои в последнее время идут плохо: пала и все падает производительность труда. Очевидно, до освобождения ее уже не поднять.

Будьте здоровы

Искренно Вам преданный П. Щ е г о л е в.

P.S. А нельзя ли сказать о моих "Разыск⟨аниях⟩" несколько слов в крит⟨ическом⟩ отд⟨еле⟩ "Русской Мысли"?[4]

Н.О. ЛЕРНЕР

Фотография Э. Клара. Тифлис, 1901. С дарственной надписью: "Ноября 24 дня 1901 г. Тифлис. Другу моему Валерию Яковлевичу Брюсову – на память о моей живой дружбе и сердечном сочувствии. Николай Лернер"

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

[1] См. п. 14, прим. 3. Щеголев живо интересовался работой Брюсова над Собранием сочинений Пушкина в изд. "Деятель", пользовался любой возможностью, чтобы узнать об этом. В письме к Н.О. Лернеру от 9 марта 1911 г. он спрашивает: "Не знаете ли, как подвигается Брюсовский Пушкин, которого я поджидаю с большим интересом? Когда ждать его появления?" (*ЦГАЛИ*. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 15).

[2] Новые варианты "Медного всадника" / Публ. текста "Вступления", коммент. и пред. В.Я. Брюсова // *РМ*. 1910. № 10. Кроме того, в 1910 г. Брюсовым была сделана публикация в "Русском архиве": "Новые находки пушкинских стихов" (1910, № 6) и появились его статьи: "Незаконченные повести Пушкина из русской жизни" и "Египетские ночи" // *Пушкин*. Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. IV.

[3] См. п. 14, прим. 2.

[4] В "Русской мысли" рецензии на эту работу Щеголева не было.

16. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ.

Москва, 26 марта 1911 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Узнав из вашего письма, что Вы "не получаете журналов", я тотчас собрал все оттиски своих статей, какие нашлись под рукой и посылаю их Вам. Я до сих пор думал, что Вы видаете аккуратно все журналы. Простите, что не на всех сделал дедикации*: это ведь не важно и нам, литераторам, не ценно.

Белый, пребывание которого в Африке так Вас насмешило, долго жил в Тунисе,

*дарственные надписи (*от лат. dedicatio* – посвящение).

потом еще где-то, ближе к Сахаре, теперь в Египте. Пишет восторженные письма о тропиках[1]. Скоро должен вернуться в Москву.

Мой "Пушкин"[2] еще весьма далек от осуществления: готовлю пока 1 том, именно пишу биографию[3], хотя и краткую, но все же доставляющую мне много, очень много труда. Как много ошибок у Лернера![4] Я и не ожидал этого по первому взгляду! Надо будет где-либо указать на них[5].

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в

[1] Письма Белого к Брюсову из Туниса и Египта см.: *ЛН*. Т. 85. С. 422–423; *ГБЛ*. Ф. 386, 79.2.

[2] См. п. 14, прим. 3.

[3] Начало критико-биографического очерка Брюсова "Жизнь Пушкина", готовившегося им для изд-ва "Деятель". См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 42.12. Л. 1–3.

[4] Книга Лернера "Труды и дни Пушкина" (СПб.: изд-во Академии наук, 1910). Книга сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1185) и имеет множество его помет, отчеркиваний и дополнений.

[5] Рецензии Брюсова на это издание не было.

17. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб., 3 мая 1911 г.
Арсенальная набережная 5. Тюрьма.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич, мне пришло в голову спросить Вас, не возьмет ли "Русская мысль" от меня статью о княгине Голицыной (пушкинской) и дьяконе Вильяме Пальмере. В ней будет речь об обращении княгини в англиканство и о трудах, положенных Пальмером на возвращение ее в православие. Вся эта история в русской печати совершенно неведома и интересна; помимо английских источников, я пользовался еще и архивными. Весь этот материал стал мне доступен уже после напечатания "Разысканий". Если бы я имел Ваше принципиальное согласие, то я взялся бы за обработку и окончание своей статьи, наполовину готовой. Это дело не отняло бы у меня много времени, и я мог бы послать Вам статью в этом же месяце[1].

Мне тоже приходится теперь готовить Пушкинскую поэзию до 1824 года для Малого академиче⟨ского⟩ издания Пушкина. И тоже придется готовить биогр⟨афический⟩ очерк за этот период[2]. Я разделяю Ваше сознание о трудности задачи, а также Ваше впечатление о книге Лернера. Не помню, писал ли я Вам о том, что прошлым летом я шаг за шагом проверил его канву во 2-м издании, желая дать отзыв. Оказалось, что для того, чтобы изложить результаты проверки и дать заключение, пришлось бы (буквально!) написать том таких же размеров, как и его книга. Ею очень скучно и досадно пользоваться, ибо решительно все надо проверять, и нет уверенности ни в одном сообщении. Так и останется мой отзыв без сведения на отдельных клочках, потому что нет времени, да и охоты завершать его.

Получили ли Вы XIV вып. "Пушкин и его современники" и видали ли Вы ответ Гершензона М.О. и мою антикритику[3].

Я где-то в объявлении прочел, что Вы издали альбом Киселевский или собираетесь издавать[4]. Отчего бы не убедить Вам "Скорпион" издать факсимиле румянцевских текстов? Истинное удовольствие было бы всем пушкинистам.

Не выпустили ли чего-либо за это время?[5]

Досиживаю последние месяцы, которые обычно в таких условиях оказываются горше первых. В августе будет наконец конец[6].

Будьте здоровы. Всяких Вам желаю успехов.

Искренно Ваш П. Щ е г о л е в.

[1] Статьи на эту тему Щеголев не опубликовал.

[2] В начале 1910 г. ученый секретарь Пушкинской комиссии при Академии наук И.А. Кубасов приглашает группу известных пушкиноведов, в числе которых были Брюсов, Щеголев, Лернер, Б.Л. Модзалевский, принять участие в "малом" академическом собрании сочинений Пушкина. 11 мая 1910 г. Лернер писал Брюсову: «Нас с Вами зовут в редакторы затеваемого комиссией *8–9-томного "Пушкина"*. Нужно вы-

работать *канонический текст* и дать небольшие примечания. Кроме нас, "привлекаются" Модзалевский (для писем) и Щеголев (для критико-биографического очерка). Текст же хотят отдать Вам и мне...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.16. Л. 3). Об этом издании Лернер сообщал также в письме к Щеголеву от 6 января 1911 г. (см.: *ИМЛИ*. Ф. 28. Оп. 3. № 255. Л. 9об.). Но "малое" академическое издание не состоялось.

[3] См. п. 13, прим. 3, 4.

[4] Речь идет, вероятно, об альбоме Ел.Н. Ушаковой (в замужестве Киселевой). Издание альбома анонсировалось издательством "Альциона" с 1911 г. в течение ряда лет. См.: напр., каталог изд-ва "Альциона" в кн.: *Уитмен У.* Побеги травы. М.: Скорпион, 1911: "Листки из утраченного альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное издание рукописи. Стихотворения А.С. Пушкина, кн. П.А. Вяземского, Н.Д. Иванчина-Писарева, кн. П.И. Шаликова, А. Башилова, без подписи сочинителя; карандашный рисунок А.С. Пушкина". Имел ли отношение к замыслу этого издания Брюсов – неизвестно. Возможно, что Щеголев приписал замысел Брюсову потому, что каталоги "Альционы" систематически появлялись в книгах издательства "Скорпион". Издание не состоялось. Позднее факсимиле альбома было выполнено Левенсоном для Румянцевского музея. См. письмо неустановленного корреспондента к Брюсову от 1 августа 1919 г. – *ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. № 121.

[5] См. п. 15, прим. 2.

[6] В "Автобиографии" Щеголев указывает: «13 января 1909 года я был арестован, переправлен ⟨...⟩ в столь знакомую мне тюрьму "Кресты", из которой я вышел в мае 1911 года после 2 лет и 4 мес. одиночного заключения. При отбывании крепостного заключения в одиночной камере первый год считали два дня за три, а второй год три дня за четыре ⟨...⟩ я по ходатайству Академии наук был освобожден, пробыв ровно столько, сколько выходило по моему исчислению» (*ИМЛИ*. Ф. 28. Оп. 1. № 2. Л. 9).

18. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Москва, 11 мая 1911 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Предлагаемая Вами статья, конечно, представляет интерес. Но дело в том, что *портфель редакции* переполнен матерьялом. Несколько аналогичных статей ждут у нас своей очереди уже около двух лет. Я думаю, что Вас перспектива такой отсрочки испугает. Я же не могу гарантировать Вам *никакого* срока помещения Вашей статьи.

Что касается другого Вашего предложения, – издания "Скорпионом" факсимиле рукописей Пушкина, – то оно совершенно безнадежно. "Скорпион" в настоящее время издает исключительно книги, которые могут иметь успех на рынке.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

19. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб., Широкая ул., д. 19, кв. 11,
20 мая 1911 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Ваш ответ на мое письмо получил я уже на воле. Жаль, что статья моя Вам не нужна, но что делать! Относительно издания факсимиле: я не предлагал его, а только высказал пожелание. Посылаю Вам мои дополнения к "Разысканиям", которые Вы, наверное, получили уже в XIV вып. "П⟨ушкина⟩ и сов⟨еменников⟩", а кроме того, заметку об "Акафисте" из невышедшего еще XV вып.[1] Прошу Вашего внимания к последней заметке. Она принесла мне много неприятностей по милости задетого ею Н.О. Лернера, уличенного мной в самозванстве: выдав себя за очевидца рукописи, он на самом деле ее не видал. Выворачиваясь, он стал указывать на то, будто бы я ошибся в чтении рукописи. В оттиске, посылаемом Вам, я карандашом пометил эти указания Лернера; их ошибочность для меня совершенно очевидна[2]. Но я изучал рукопись по фотографии, фотографии же видел и Лернер. Не могу ли я просить Вас, многоуважаемый Валерий Яковлевич, если это не потребует от Вас труда, посмотреть в подлинных тетрадях в Рум⟨янцевском⟩ Музее и успокоить меня сообщением, что мое чтение правильно. Я был бы очень Вам признателен[3]. В свою очередь, рад служить Вам всякими справками в Петербурге.

Адрес мой прописан выше.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы.

Искренно Ваш П. Щ е г о л е в.

[1] *Щеголев П.* "Акафист" Пушкина: (Заметки к тексту Пушкина) // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. XV. В "Заметках" идет речь о правильном прочтении посвящения "Акафисту" в черновом автографе, созданном в Михайловском 31 июля 1827 г. Щеголев прочитал его как "Акафист К.Н.Х-ой" (с. 33). В этом же выпуске "Пушкина и его современников" помещена заметка Н. Лернера "Возражение П.Е. Щеголеву", которая предлагала иное прочтение этих букв.

[2] О "самозванстве Лернера" Щеголев говорит в той же статье. Процитировав комментарий Лернера к тексту "Акафиста", опубликованному в 4 т. Собр. соч. Пушкина под ред. С.А. Венгерова, Щеголев замечает: "Комментатор, несомненно, рукописи не видел, и его заявление о знакомстве с рукописью... по меньшей мере не соответствует действительности" (Пушкин и его современники. Вып. XV. С. 178). В современном академическом собрании сочинений Пушкина (изд. 4-е, т. III, с. 22) название этого стихотворения — "Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной", поскольку именно под таким заглавием 14 ноября 1827 г. оно было вписано Пушкиным в альбом Е.Н. Карамзиной.

[3] Выполнил ли Брюсов просьбу Щеголева – неизвестно.

20. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва⟩, 9 августа 1911 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Н.О. Лернер пишет мне, что издание "малого Академического Пушкина" отменено[1]. Неужели это правда? Известие это, с одной стороны, меня крайне огорчило (как "пушкиниста"), с другой – подало повод к некоторым соображениям и надеждам, о которых Вам напишу, если оно подтвердится[2]. Буду Вам глубоко признателен, если Вы меня осведомите точно о положении дел, ибо все же сообщение Лернера мне кажется невероятным.

Я распорядился, чтобы Вам доставили моего Верлена[3]. Простите, что книга придет к Вам без дедикации: у меня не было времени лично заехать в "Скорпион". Другие обещания исполню, как только переберусь в город[4].

Сейчас получил Ваше "Русское слово" с сообщенными Вами стихами. Но где же fac-simile?[5]

Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке журнала "Русская мысль".

[1] См. п. 17, прим. 2. В письме от 4 августа 1911 г. Н.О. Лернер писал Брюсову: "Академический малый Пушкин *не состоится*" (*ГБЛ.* Ф. 386, 92.16. Л. 18).

[2] Такого письма Брюсов, очевидно, не написал, т.к. Щеголев опроверг свидетельство Лернера (см. п. 21).

[3] *Верлен П.* Собр. стихов / В пер. Валерия Брюсова. С критико-биограф. очерком, биографией и портретами. М.: Скорпион, 1911.

[4] Лето 1911 г. Брюсов провел в Опалихе под Москвой.

[5] "Новые стихотворения А.С. Пушкина" // Русское слово. 1911. № 181. 5 авг. ("В прохладе сладостной фонтанов", "Заступники кнута и плети...", "Тебя зову! Морей красавец...", "Тебя любить. Холодная луна...", "... Мудрец Китая нас учит юность уважать"), Публ. П.Е. Щеголева. Факсимиле этих стихотворных набросков появились в иллюстрированном приложении газеты "Русское слово" – журнале "Искры" (1911, № 30, с. 236–237). Воспроизведенные там тексты см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 3. С. 78; Т. 2. С. 279, 166, 281; Т. 5. С. 488. Последние три отрывка даны в других вариантах прочтения.

21. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Тюрсево Финляндской железной дороги
13 августа 1911 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

сообщение Н.О. Лернера лишено оснований: отменено не академическое издание Пушкина, а лишь участие в оном Лернера – на этот раз решительно и бесповоротно. Ближайшим к тому поводом было ненормальное отношение самого Лернера к предложению работы. Подробностей не знаю.

Верлена получил, благодарю. Оттиски факсимиле были в "Искрах"[1], но я по приезде в город пошлю Вам хорошие отпечатки фотографий, сделанные Фишером[2]. Говорил об этих стихах и П.О. Морозов[3]: он разобрал в них не больше того,

что разобрал я. Между прочим, в большом стихотворении надо читать 9-й стих, кажется, так:

"Любили Крым *птенцы* Саади"[4].

Будьте здоровы.

Ваш П. Щ е г о л е в.

Адрес: Широкая, 23.

[1] См. п. 20, прим. 5.

[2] Карл Андреевич *Фишер* – петербургский фотограф.

[3] Петр Осипович *Морозов* (1854–1920), историк литературы и театра, пушкинист, под его редакцией вышло несколько изданий Пушкина, первым нашел ключ к дешифровке X главы "Евгения Онегина". Где П.О. Морозов говорил об этих стихотворениях Пушкина, установить не удалось.

[4] В современных изданиях сочинений А.С. Пушкина эта строка стихотворения "В прохладе сладостной фонтанов" читается так: "Любили Крым *сыны* Саади".

22. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петербург 26 декабря 1913 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

с 30 декабря в мои руки переходит литературный отдел газеты "День"[1] (выходящее по понедельникам приложение)[2]. Ваше участие в нем считаю особенно ценным и был бы очень рад, если бы Вы избрали именно "День", когда Вам захочется высказаться в газете. Быть может, у Вас есть темы ближайшей очереди? Очень просил бы Вас не только дать согласие на сотрудничество, но и посылать нам свои статьи по адресу редакции с пометой "для П.Е. Щеголева".

Искренне Вас уважающий П.Е. Щ е г о л е в.

На бланке газеты "День".

[1] "День" – ежедневная газета, основанная в 1912 г. в Петербурге И.Д. Сытиным. Редактор С.П. Скворцов. Газета выходила до ноября 1917 г.

[2] "Отклики. Литература, искусство, наука" – бесплатное приложение к газете "День", выходило по четвергам, а не по понедельникам, как пишет Щеголев. Он заведовал им с конца декабря 1913 до середины 1914 г. В "Откликах" помещались стихи и рассказы многих видных русских писателей той поры: А.А. Ахматовой, М. Горького, Н.С. Гумилева, А.М. Ремизова, Ф. Сологуба и др. Брюсов начал сотрудничать в приложении к газете "День" еще до того, как Щеголев стал его редактором и приложение получило самостоятельное название. 25 ноября 1913 г. в приложении к № 319 газеты была опубликована его статья "Данте современности" – о творчестве Э. Верхарна. Позже там печатались его стихи (см. п. 23, прим. 3).

23. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Маиоренгоф (близ Риги) 12 января 1914 г.
Санаторий д-ра Максимовича

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Ваша редакция и участие Ф.К. Сологуба[1] и др. – для меня достаточная гарантия "литературности" преобразованного "Дня". № 1 "Откликов", который я видел, составлен вполне хорошо и очень интересен[2]. Поэтому я с удовольствием оставляю свое имя в числе сотрудников газеты. К сожалению, в ближайшие дни, будучи болен, я вряд ли смогу доставить Вам что-либо значительное, но не теряю надежды быть полезным в будущем. Пока посылаю Вам два стихотворения[3]. Может быть, вы захотите воспользоваться тем или другим из них (или даже обоими). Лучшего, право, в моем распоряжении нет.

Желаю Вам всего хорошего. Нетерпеливо жду Вашего Пушкина[4]. Не суждено было мне соперничать с Вами в этой области![5].

Преданный Вам Валерий Б р ю с о в.

[1] В № 1 "Откликов" (9 января 1914 г.) было напечатано стихотворение Сологуба "Дух века".

[2] Содержание первого номера "Откликов" выглядело следующим образом: "Бахусова пещера" А. Ре-

мизова; "Дух века" Ф. Сологуба; "Бернанден де Сент Пьер (к столетию со дня смерти)" Е.В. Аничкова; "Глухие выстрелы" ("Каинова печать" и "Любовь над безднами") Г. Чулкова; "Серов-рисовальщик" Андр. Левинсона; "Поэзия прошлого года" – обзор В. Пяста; "Эпоха подделок" С.Р. Минцлова; "Новости химии" П.Ю. Шмидта; "Из прошлого (В.К. Сютаев. А.Ф. Кони о гр. Лорис-Меликове)"; "Литературная хроника"; "Отзывы о книгах".

[3] Речь идет, вероятно, о стихотворениях "Электрические светы" (опубл.: День. 1914. № 18. 19 янв.) и "Сухие листья" (опубл.: Лит. прилож. к газ. "День". 1914. № 94, 6 апр.).

[4] Щеголев продолжал в это время работать над "малым" академическим изданием сочинений Пушкина. См. о нем п. 17, прим. 2, п. 20, прим. 1, п. 21, 28.

[5] Брюсов, очевидно, имеет в виду неудачу с работой над собранием сочинений Пушкина в издательстве "Деятель" (см. п. 14, прим. 3).

24. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

СПб., Широкая 23, 31 марта 1914 г.
31–III–914

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

я хотел бы возобновить разговор об издании Пушкина. Не согласились ли бы Вы в издании Брокгауз–Ефрона (популярное издание, аналогичное изданию "Деятеля", даже с облегченными требованиями)[1] взять на себя редакцию всей поэзии? Я очень просил бы Вас согласиться. Ведь Вам же надо довести Ваш труд, начатый в "Деятеле", до конца! Если бы Вы ответили согласием принципиальным, то я приехал бы в Москву для выяснения деталей и сроков. Издательство также просит Вас о согласии (особым письмом)[2].

Затем, пожалуйста, дайте что-либо для "Откликов". Будет очень приятно. И еще: пришлите стихов. Вы тогда прислали мне два стихотворения: одно прошло в январе, другое пойдет на Пасху[3]. (За стихи мы платим по рублю. Деньги Ваши будут высланы Вам разом за оба стихотворения).

Пожалуйста, посодействуйте "Откликам".

Искренне Вас уважающий П. Щ е г о л е в.

[1] Популярное издание Пушкина в издательстве Брокгауза-Ефрона не состоялось в связи с началом первой мировой войны (*ЛН*. Т. 85. С. 684). См. также п. 32.

[2] 10 апреля 1914 г. З.И. Гржебин писал Брюсову из Петербурга:

"Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

П.Е. Щеголев предложил нам пригласить Вас разделить с ним труд по редактированию нашего 2-го издания Пушкина.

Если Вы на это согласны, будем этому очень рады. Просим Вас немедленно отвечать нам, и тогда я вместе с Щеголевым приеду к Вам в Москву, чтобы условиться относительно сроков, гонорара и проч.

С искренним уважением З. Гржебин" (*ГБЛ*. Ф. 386, 84.2. Л. 17).

[3] См. п. 23, прим. 3.

25. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва.⟩ 9 апреля 1914.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Не легко ответить "одним почерком пера"* на Ваше повторное предложение. Прежде всего я от всей души благодарю Вас за него. Мне очень дорого, что именно меня Вы наметили своим сотоварищем по изданию "популярного" Пушкина. Что участвовать в таком издании (притом редактировать именно стихи) было бы для меня большой радостью, нечего и говорить. Вы этому легко поверите. И все же бесчисленные "но" встают передо мною.

На печальном опыте с изданием "Деятеля"[1] я убедился, что редактировать Пушкина еще гораздо труднее, нежели даже я думал. Несмотря на существование изданий Венгерова и Академического, почти все приходится делать опять сначала: по мень-

* Так у Брюсова.

шей мере все необходимо вновь проверять, ничего нельзя принять на веру. Одно чтение корректур текста (которое в данном деле никому перепоручить нельзя) отымает по несколько вечеров на лист (каждый лист приходилось читать не меньше трех раз). И все это – для стихов, которые все же были изданы и Академией! что же должно быть дальше![2]

Далее, сейчас я занят большой и неотложной работой: переводом "Энеиды"[3]. Положим, особенно интенсивно работать над "Энеидой" мне придется еще всего недель 6 (чтобы к сроку закончить первые 4 книги). Но и в дальнейшем этот труд будет продолжаться с тем расчетом, чтобы года в 2 была переведена вся "Энеида". Будет ли для меня мыслимо и переводить "Энеиду", и в то же время уделять время на редактирование Пушкина? Это и мне самому не ясно. Не говорю уже о разных других моих литературных замыслах, которые тоже хотелось бы осуществить. A – vita brevis*.

Вот почему мне так трудно ответить на Ваше предложение прямо. *Очень* хотелось бы его принять (с большой благодарностью Вам за него) и *весьма* боюсь, что не имею на то права: не достанет ни сил, ни времени работать, как должно. Если время еще терпит, может быть, Вы сообщите мне некоторые подробности о предполагаемом издании: 1) Какое предполагается вознаграждение редактору? – Вопрос, этот, к сожалению, очень существен: работа потребует такой затраты времени, что придется отказаться от некоторых других.

2) Каковы сроки, к которым должно будет мне исполнить свою часть? – Вряд ли я буду иметь, во всяком случае, возможность приняться за это дело раньше этой осени.

3) Предполагаются ли в издании критические примечания (с подбором вариантов) и, если да, то в каком объеме?

4) Можно ли будет мне, тоже во всяком случае, отклонить от себя составление "биографического очерка", – что мне представляется также крайне трудным? – Может быть, эти мои вопросы уже решают (отрицательно) и основной вопрос о возможности моего участия в издании. Если же нет, то ответы на них позволят мне и мой ответ дать с бóльшей основательностью и с бóльшим знанием дела.

Простите, многоуважаемый Павел Елисеевич, мою осторожность. Мне не хотелось бы легкомысленным согласием поставить Вас в неловкое положение. Мне будет стыдно и перед Вами и перед собой, если я, приняв на себя те или иные обязательства, не сумею их исполнить как должно, или, по меньшей мере, буду непомерно затягивать дело издания. Мне хотелось бы принять Ваше предложение лишь в том случае, если я буду уверен, что в самом деле буду Вам полезен и свою работу сумею и смогу сделать *вполне* хорошо. А для этого мне необходимо знать прежде всего, сколько мне будет дано для нее времени. Если издание предполагается выпускать спешно, Вы лучше сделаете, не привлекая меня к нему.

Затем очень извиняюсь, что *сейчас* ничего не могу предложить Вам для "Дня"[1]. У меня было 4 свободных стихотворения (о которых я Вам говорил), но я должен был отдать их "Альционе" для замены в ее альманахе моего рассказа, вырезанного цензурой[4]. Твердо обещаю в непродолжительном времени доставить Вам стихи или прозу. А, кстати, не могу ли я получать "День", если уж нельзя gratis[2*], то хотя бы в зачет гонорара? Был бы очень признателен за Ваше содействие этой моей просьбе.

Преданный Вам Валерий Брюсов.

[1] См. п. 14, прим. 3.

[2] К этому времени вышло только три тома академического собрания сочинений Пушкина. Они включали стихи только до 1824 г.

[3] Брюсов начал работать над переводом "Энеиды" уже в начале 90-х годов. Первая публикация перевода – "Смерть Приама" и "Встреча Энея с Еленой" – Гермес. 1913. № 6. 15 марта. С. 153–158. Вторая –

---

* Жизнь коротка (*лат.*).

[2*] бесплатно (*лат.*).

"Буря на море" – Гермес. 1914. № 9. 1 мая. С. 267–270; полная публикация – посмертно: *Вергилий.* Энеида / Ред., вступ. статья и коммент. Н.Ф. Дератани. Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. М.: Academia, 1933. См. также наст. том., кн. 1, Переписка с Коневским, п. 41, прим. 3.

[4] Рассказ Брюсова "После детского бала" был опубликован в альманахе "Альциона" (кн. 1. М., 1914). Издание было конфисковано по решению суда. Во второе издание того же альманаха (М., 1914) вместо изъятого цензурой рассказа были включены стихотворения Брюсова: "Новая сестра", "Филлиада", "На арене", "В лесу".

26. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва.⟩ 12 мая 1914.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Из моих переговоров с П.Б. Струве выяснилось, что он оставляет в моем распоряжении часть моих новых переводов (в стихах) Эдгара По. Если такой "материал" Вам интересен, я тотчас вышлю для "Дня" эти маленькие поэмки, как только получу обратно рукопись из "Русской мысли"[1].

Пока же очень прошу Вас, если это Вам не трудно, исполнить Ваше обещание и распорядиться, чтобы мне выслали из редакции тот гонорар, о котором Вы мне говорили. Дело в том, что на днях я уезжаю на дачу и получка денег в Москве станет для меня несколько затруднительной.

За Пушкина понемногу принимаюсь, так как думаю, что "Брокгауз–Ефрон" мои условия никак не отвергнет. На днях пришлю Вам первые листы с покорнейшей просьбой просмотреть их.

"Кланяюсь" Вашей любезной супруге и очень благодарю Вас за дружеское гостеприимство в Петербурге[2].

Преданный Вам Валерий Б р ю с о в.

P.S. "Известия Литературно-художественного кружка" высылаю Вам[3].

[1] В "Русской мысли" (1914, № 7) были напечатаны стихотворения Э. По в переводе Брюсова: "Озеро", "Спящая", "Той, которая в раю", "Звон". В газете "День" переводы из Э.По не печатались.

[2] Брюсов был в Петербурге в начале мая 1914 г., где вел переговоры с З.И. Гржебиным. См. п. 27 и 31.

[3] Вероятно, Брюсов выслал Щеголеву "Известия Моск.лит.-художественного кружка" № 4 за 1914 г., где была помещена его статья "О собрании автографов кружка".

27. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва. 20 мая 1914 г.⟩

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Что же это делает Ваш "День"! Печатает снимок (Прилож. № 20, 18 мая) с "вновь найденной картины, приписываемой Рембрандту"![1] А картина-то вовсе не Рембрандта (и нисколько на его манеру не похожа, и по всему к его эпохе не относится!), а французского художника Сантерра, а оригинал ее находится не в каком другом месте," а в Петербургском Эрмитаже![2] Горестно. Если Вам еще этого не указали (весьма боюсь, что многие уже указали), поправьте промах, – лучше будет![3]

Но это – "между прочим". А хочу я запросить Вас, – и простите, что докучаю этим, – нет ли у Вас вестей от З.И. Гржебина. Я ему писал, но "безответно". Между тем со дня наших переговоров прошло две недели, мне время ехать в деревню и важно знать, увозить ли с собой громоздкий механизм работ по Пушкину. Если бы Вы были столь добры и позвонили З⟨иновию⟩ И⟨саевичу⟩ по телефону, – попросили бы его написать мне несколько строк, в каком положении дело. Весьма и весьма обязали бы!

Завтра надеюсь выслать Вам для "Дня", увы! пока только стихи[4].

Преданный Вам Валерий Б р ю с о в

[1] В бесплатном иллюстрированном приложении к газете "День", выходящем по воскресеньям (1914, № 20, 18 мая), на странице 5 под заголовком "Вновь найденная картина, приписываемая Рембрандту", был напечатан фотоснимок картины, на которой изображена сидящая женщина с покрывалом на голове. Фо-

тоснимок сопровождался пояснительной надписью, в которой указывалось, что картина "хранится в одном из новочеркасских банков. Собственность госпожи Осиповой".

[2] Жан Батист *Сантерр* (1651–1717) – французский художник. В Эрмитаже хранятся две его картины: "Портрет двух актрис" (1699) – поступила в 1920 г. из собрания Гатчинского дворца – и "Молодая женщина с покрывалом на голове" ("Дама под покрывалом") (1699) – поступила в 1772 г. из собрания Кроза в Париже; по "Каталогу картинной галереи императорского эрмитажа" (СПБ., 1916) значится под № 1471 (см.: Государственный Эрмитаж. Отдел западноевропейского искусства: Каталог живописи. М.; Л.: Искусство, 1958. Т. 1. С. 339). Именно об этой картине пишет здесь Брюсов.

[3] Исправления ошибки ни в "Дне", ни в приложении к газете не последовало.

[4] Очевидно, речь идет о стихотворениях Брюсова "Вечером" ("Дрожащей проволоки альт...") и "Ф. Сологубу" ("Зев беспощадной орхидеи...") (см. п. 30 и 32). Первое из них опубл.: Лит. прилож. к газете "День". 1914. № 351. 25 дек.; второе – в сборнике стихов Брюсова "Семь цветов радуги" (М.: изд. К.Ф. Некрасова, 1916).

28. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петербург, 21 мая 1914.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

простите за некоторое промедление в ответе: отвозил семью и отсутствовал несколько дней. Спешу Вам дать точный ответ по всем пунктам.

С Зин⟨овием⟩ Ис⟨аевичем⟩[1] я переговорил. Он совершенно уверен в благополучном окончании дела, но откладывает Вам ответ до получения согласия И.А. Ефрона из-за границы, согласия, которого он ждет со дня на день.

Деньги из "Дня" Вам будут посланы в эту субботу: я сам позабочусь об этом.

Стихам, о которых Вы писали, будем рады: посылайте их[2].

Пушкинский текст прошу Вас послать прямо на мое имя, а я, в свою очередь, пошлю Вам сверстанные листы академического Пушкина (малого)[3].

Будете жить на даче – пожалуйста, напишите прозу для "Откликов"[4].

Приложения, в которых помещена "картина Рембрандта", – не в моем заведывании – верно, ни в чьем.

Я отвечаю только за "Отклики", но, конечно, очень конфузно вышло с Рембрандтом. Впрочем, в "Дне" возможно еще и не это. Там в театральном отделе на днях Клейста записали в ряд голландских писателей XVIII века[5].

Всего Вам лучшего.

Преданный Вам П. Щ е г о л е в.

21 мая 1914
СПб., Широкая 23.

[1] З.И. Гржебиным.

[2] См. п. 27, прим. 4.

[3] См. п. 17, прим. 2, п. 20, прим. 1 и п. 21.

[4] В "Откликах" (№ 23, прилож. к газ. "День", № 158, 1914) была опубликована рецензия Брюсова на кн.: Алкей и Сафо Пер. В.Иванова.

[5] В газете "День" за май 1914 г. указанного материала не обнаружено.

29. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

⟨Москва.⟩ 5 июня 1914.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Для Ваших Откликов посылаю Вам маленькую рецензию на переводы Вяч.Иванова[1]. Если рецензия не пригодится, весьма прошу в исключение от обычных правил *вернуть* мне ее: "черновой" у меня, конечно, нет.

Из Шиповника все "ни слуху ни духу".

Преданный Вам Валерий Б р ю с о в

[1] См. п. 28, прим. 4.

30. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петербург, 8 декабря 1914.

Дорогой Валерий Яковлевич,

Совсем потерял Вас из виду. Читал Вас в "Русских ведомостях" с величайшим интересом[1]. Где Вы сейчас? Посылаю наудачу это письмо, но буду ждать ответа. Посылаю Вам вышедшие номера "Отечества"[2], журнала патриотического, мне весьма близкого. Прошу строго не судить (стараемся выровняться) и принять участие вообще – стихами и прозой – и в частности небольшим рассказом в рождественский номер[3]. Хотелось бы чего-либо от художественного синтеза Ваших военных впечатлений. Очень прошу Вас не отказать в Вашем сотрудничестве и в скорейшей присылке материала. Но это еще не все. Очень прошу от имени редакции "Дня" возобновить сотрудничество в газете. У нас есть два Ваших стихотворения (одно Сологубу)[4]. Можно ли их напечатать, не опасаясь того, что они уже напечатаны за этот промежуток? Кстати: Получили ли Вы гонорар за напечатанные стихи в "Дне"?

Не рассчитываете ли быть скоро в СПб? Тогда непременно дайте знать о своем приезде. Хотелось бы очень с Вами повидаться.

Всего лучшего.

P.S. Я заканчиваю книгу о Пушкинской дуэли. В январе выйдет непременно[5].

На бланке журнала "Отечество".

[1] С самого начала первой мировой войны Брюсов – собственный корреспондент московской газеты "Русские ведомости" в Варшаве. Его стихотворения, корреспонденции, публицистические статьи и очерки публикуются в газете с 8 августа 1914 г. См.: *Библиография* / I, № 887, 894, 925–944, 950–967 и далее.

[2] "Отечество" – иллюстрированная летопись. Еженедельник. Издавался в Петрограде с ноября 1914 по май 1915 г. Редактор-издатель – З.И.Гржебин.

[3] Рассказов Брюсова в "Отечестве" не появлялось; о стихотворении см. п. 31, прим. 1.

[4] О стихотворениях Брюсова – см. п. 27, прим. 4.

[5] Первое издание книги Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина" вышло в 1916 г. Брюсов откликнулся на ее выход рецензией (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 26).

31. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

6 января 1915, Варшава.

Дорогой Павел Елисеевич!

По причине моей бродячей жизни "военного корреспондента", я только теперь могу Вам ответить на Ваше письмо (от 8 декабря), направленное Вами в Москву. Простите эту медлительность, я надеюсь, что другой раз не заставлю Вас ждать так долго.

Благодарю Вас за память обо мне. Оба Ваших предложения я готов принять, если обстоятельства за этот месяц не изменились. Я видаю Ваше "Отечество" и готов писать в нем. Даже посылаю Вам теперь же маленькое стихотворение, – впечатления с "театра военных действий"[1]. Если хотите, могу прислать и рассказ, также навеянный войной, но в нем строк 400–500, не слишком ли это много?[2] Готов я возобновить сотрудничество и в "Дне", но я не знаю, что́ именно ему нужно. Военные корреспонденты у "Дня" есть (я с ними встречаюсь здесь), литературные статьи не ко времени, стихи также. Кроме того, мне все хотелось бы получить следуемый мне с "Дня" гонорар, который, несмотря на все обещания, так и не дошел до меня. Сознаюсь, я был этим несколько обижен. Когда этот вопрос будет улажен, и я буду знать, чего от меня ждет "День", я охотно буду в нем работать, ибо вполне освободился от своего договора с "Русской Мыслью", стеснявшего мое сотрудничество в других изданиях. Кстати, – оба стихотворения находящиеся в ред. "Дня", еще не были напечатаны, и я очень прошу теперь же поместить триолет к Сологубу: это – дань вежливости с моей стороны, и мне досадно, что стихи так долго залежались в ящике редакции; если бы я это предвидел, я их давно напечатал, бы в другом месте[3].

Сегодня я уезжаю на некоторое время в Москву. Мой адрес – прежний: *Москва, 1 Мещанская, 32, В.Я.Б.* Буду очень рад получить в Москве вести от Вас, узнать, остаетесь ли Вы в редакции "Дня" и "Отечества", и чего ждут от меня эти издания. По то-

му же адресу следует направить и мой гонорар, который все-таки надеюсь получить с "Дня". В Москве я пробуду до конца января, после чего вернусь в Варшаву, где мой адрес: *Мазовецкая, д. 1, кв. 7, В.Я.Б.*

Извиняюсь, что пишу только о делах: много хлопот с отъездом, ведь я прожил в Варшаве почти полгода!

Дружески Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Теперь, конечно, не время говорить об издании Пушкина. Но, может быть, при случае Вы мне все-таки объясните, чем кончилось предприятие. Вы помните, я у Вас на квартире вел переговоры с З.И. Гржебиным. Мы пришли к обоюдному соглашению. Мне обещали послать *на другой день* аванс. Потом все кончилось (задолго до войны). Я не получил ни аванса, ни ответа на свои запросы. Почему, – не знаю и не понимаю.

[1] В письме Щеголева Брюсову 13 января 1915 г. сообщалось: "Стихи набраны и пойдут во втором номере" (*ГБЛ*. Ф. 386. 109.30. Л. 30). Стихотворение Брюсова "В окопе" ("В семье суровых ветеранов...") было напечатано в журнале "Отечество" (1915, № 2).

[2] Какой рассказ имеет в виду Брюсов – неясно. В 1915 г. опубликованы его рассказы: "Пасхальная встреча" (*РВ*. 1915. № 72. 31 марта), "Последняя любовь" (Бирж. вед., утр. вып. 1915. № 15141. 21 окт.), "Кама-Шутра" (Там же № 15290. 25 дек.), "Элули сын Элули" (*РВ*. 1915. № 296. 25 дек.), который из них он предлагал передать в "Отечество" – неизвестно.

[3] См. п. 27, прим. 4.

32. ЩЕГОЛЕВ – БРЮСОВУ

Петроград, 17 января 1915 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

немного колеблюсь писать Вам в Москву, так как не получил ответа на посланную в Москву просьбу о рассказе. Во всяком случае, если не получу на это письмо ответа до 22 января включительно, буду писать в Варшаву. Дела же "Дня" обстоят так. По заявлению конторы, деньги уж раз посылались Вам, но были возвращены за Вашим ненахождением. Во избежание дальнейших проволочек я получил для Вас деньги и вышлю их Вам 23 января в Варшаву, если не получу от Вас ответа на это письмо. Из двух бывших у нас Ваших стихотворений одно напечатано, а Триолет Сологубу оставлен относительно будущего[1]. Будем рады Вашим стихам: изредка мы все-таки будем печатать стихи. Может быть, Вы дадите нам что-либо с фронта. Военные корреспонденты у нас есть[2], но мы не связаны с ними никакими ограничительными условиями, а потом, все Ваши статьи в уровень с их корреспонденциями и не ставятся. Одно условие, не очень приятное scriptu*. Не может "День" предложить сейчас хорошего гонорара, и остается максимальной нашей платой – 20 коп. со строки. И затем еще одна просьба: давать статьи сравнительно небольшого размера, не превышающие 250–300 строк. Тем у Вас, конечно, много, но имейте еще в виду, что петербургская цензура не то, что московская, и то, что запрещается и зачеркивается у нас, свободно проходит в Москве (см. военные статьи нашего Дмитриева – С.М-ского в Русс⟨ких⟩ Вед⟨омостях⟩)[3]. Будем с большим удовольствием печатать Ваши статьи[4].

Относительно издания Пушкина. Ефрон, издатель, сильно пострадал от войны и, испугавшись, приостановил все свои издания кроме Энц⟨иклопедического⟩ Словаря. Как только начнется движение воды в издательском деле, и в частности у Ефрона, дам Вам сейчас же знать. Вот пока все. Отвечайте же. Всего Вам лучшего.

Сердечно Ваш П. Щ е г о л е в.

Пгр. Широкая 23

На бланке газеты "День".

[1] См. п. 27, прим, 4.

[2] Среди военных корреспондентов "Дня" были: Вл. Азов, И. Бинкерман, В. Керженцев, М. Полищук, В. Ропшин.

---

* пишущему (*лат.*).

[3] Речь идет о Сергее Дмитриевиче *Мстиславском* (Масловском; 1876–1943). В "Дне" он печатался под псевдонимом "С.Дмитриев" (рубрика "Война"), а в "Русских ведомостях" – под псевдонимом "С.М-ский" ("Письма с войны"). Наибольшим цензурным гонениям подверглись очерки Мстиславского в следующих номерах "Дня" за ноябрь-декабрь 1914 г.: № 301. 5 ноября – восемь цензурных пропусков; № 315. 19 ноября – пять; № 331. 5 декабря – три очень больших; № 336. 10 декабря; № 351, 29 декабря и т.д.; цензурные купюры обозначены в тексте газеты пробелами. В "Русских ведомостях" очерки Мстиславского публиковались практически без купюр.

[4] Военные статьи и корреспонденции Брюсова в "Дне" не печатались.

33. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

20 января 1915, Москва

Дорогой Павел Елисеевич!

Уезжая из Варшавы, я писал Вам[1]. Повторяю теперь, что я готов всячески работать в "Дне" и "Отечестве", но просто желал бы получать вознаграждение за свою работу. Меня изумляет Ваше сообщение, что посланные мне деньги были возвращены почтой. В свое время я вполне точно указал Вам свои адреса. Контора *всегда* может выслать гонорар на имя моей жены *Иоанны Матвеевны Брюсовой* по адресу: *Москва, 1 Мещанская, 32*. Что до меня, я числа с 23–24 января опять буду в *Варшаве*, где мой адрес: *Мазовецкая, д. 1*, кв. 7. По любому из этих адресов деньги не могут не дойти. Как только этот вопрос урегулируется, я охотно начну доставлять Вам все то, что Вы указываете: стихи, маленькие рассказы, корреспонденции с войны общего характера (которые не будут конкурировать с сообщениями Вашего постоянного корреспондента). К сожалению, заехать в Петроград на этот раз мне, по-видимому, не удастся.

Дружески Ваш Валерий Б р ю с о в

[1] См. п. 31.

34. БРЮСОВ – ЩЕГОЛЕВУ

Москва, 30 марта 1917
Москва, 1-я Мещанская, 32.

Дорогой и многоуважаемый Павел Елисеевич!

Хотя и пишу Вам через месяц после "события"[1], но все же не могу не начать письмо с поздравлений. Что бы ни суждено было нам в будущем, свершилось нечто, что было лучше всех моих ожиданий. Итак, пожмем друг другу руки.

Пишу же к Вам, чтобы напомнить Вам Ваше обещание. Конечно, в эти дни весьма простительно было позабыть об нем. Но теперь, быть может, Вы вспомните, что любезно обещали мне "Труды и дни" Лернера во 2 издании – книгу, которая у меня роковым образом пропала, но мне настоятельно нужна в моих работах. Вы говорили, что у вас есть второй, ненужный вам, экземпляр. Если пришлете его мне, хотя бы во временное пользование, пока не разыщу у букинистов экземпляра себе, – буду "по гроб жизни" благодарен[2]. Как раз сейчас опять занят работой по Пушкину[3], а без этого Лернера все же – как без рук.

Дружески Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Очень извиняюсь, но позволю себе еще осведомиться: кому Вы передали выпуск издания Венгерова с "Медным Всадником", который взяли у меня. Я пока этой книги не получил обратно[4].

[1] Имеется в виду Февральская революция (27 февраля 1917 г.).

[2] Эта книга с дарственной надписью Н.О. Лернера есть в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1185).

[3] В 1917 г. вышла в свет поэма Пушкина "Гавриилиада" (полный текст. Вступ. статья и прим. В. Брюсова). М.: Альциона.

[4] Имеется в виду Собрание сочинений Пушкина (под ред. С.А. Венгерова. СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1909). Очевидно, книгу (т. 3) Щеголев вернул, т.к. она имеется в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 328).

ПЕРЕПИСКА С М.А. ВОЛОШИНЫМ*
(1903–1917)

Вступительная статья, публикация и комментарии
К.М. Азадовского и А.В. Лаврова

Взаимоотношения Брюсова и Максимилиана Волошина уже не раз освещались в специальных статьях[1] и затрагивались попутно в ряде работ по русской литературе начала XX в. Канвой изложения этой темы неизменно служила переписка двух поэтов – один из наиболее содержательных документальных источников для истории русского символизма в период его зрелости. Эта переписка с наглядной и впечатляющей полнотой отразила как историю личных отношений Брюсова и Волошина, так и обстоятельства, связанные с начальным этапом издания журнала "Весы", контакты московских символистов с французским литературно-художественным миром. Обширные цитаты из переписки Брюсова и Волошина и даже некоторые письма целиком воспроизводились ранее в статьях, заметках, комментариях к публикациям[2], но только знакомство с этой перепиской в ее максимально полном объеме позволяет создать целостное представление о подлинном масштабе и многообразии этих отношений, о широком историко-литературном контексте, в который она входит составной частью.

Андрей Белый в некрологической статье о Брюсове по праву называет Волошина в ряду тех "интересных имен", которые Брюсов "вызвал к жизни", привлек к литературной деятельности[3]. Хотя Максимилиан Александрович *Волошин* (1877–1932) вполне может быть причислен к тому же литературному поколению, к которому принадлежал и Брюсов, но творческое самоопределение его состоялось значительно позже, лишь в начале 1900-х годов, когда Брюсов был автором нескольких стихотворных сборников и всероссийски известным "декадентом". В 1893–1897 гг. – в пору самых дерзких поэтических выступлений Брюсова – Волошин, уже писавший стихи и серьезно интересовавшийся литературой, учился в Феодосийской гимназии, где, естественно, был изолирован от влияния ранних русских символистов; но, и поступив в 1897 г. в Московский университет, он, по существу, на первых порах не проявлял особой заинтересованности "новым искусством" и менее всего мог считать себя его приверженцем – на первом плане для Волошина тогда стояли не эстетические, а социальные вопросы: он принимал деятельное участие в студенческом движении и поплатился за это исключением из университета и административными преследованиями[4].

Но, разумеется, пройти мимо внимания Волошина, с ранней юности проявлявшего жадный интерес ко всему новому и необычному, первые опыты русской символистской поэзии все же не могли. Об этом внимании свидетельствует его рукописная рецензия на "Книгу раздумий"[5] (1899) – сборник стихотворений К.Д. Бальмонта, Брюсова, Модеста Дурнова и Ив. Коневского, написанная, скорее всего, в год ее выхода и, возможно, в расчете на опубликование: в 1900 г. Волошин начинает выступать с критическими отзывами в журнале "Русская мысль"[6]. В своих выпадах против "символической реторики" и "бесцельной игры словами" у Бальмонта, Брюсова и других участников "Книги раздумий" и в общих рассуждениях о реализме, символизме и импрессионизме Волошин неукоснительно следует приему, постоянно использовавшемуся в то

*Эта работа выполнена в 1983–1984 гг.; просмотрена и дополнена в 1989 г. Однако уже после этого появились в печати некоторые материалы (в основном архивные), исследованные нами в начале 1980-х гг. Сохраняя отсылки к источникам в их первоначальном виде, укажем здесь лишь на самые основные из публикаций последнего времени, имеющие прямое отношение к нашей теме. Так, воспоминания о Волошине, написанные Е.А. Бальмонт, Н.Я. Рыковой и др., собраны в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. Сост. и коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М. 1990. Дневник Волошина "История моей души" напечатан в кн.: Волошин М. Автобиографическая проза. Дневник. Сост., статья и примеч. З.Д. Давыдова и В.П. Купченко. М. 1991 (в том же издании помещена статья Волошина "Судьба Верхарна" (1917) и содержится обстоятельный комментарий к ней). Письма Волошина к А.М. Петровой за 1895–1910 гг. опубликованы В.П. Купченко в кн.: Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. [Вып.] I. СПб. 1991. Укажем также, что рецензия Брюсова на Волошинский сборник "Anno mundis ardentis", как и другие его статьи, перепечатаны в кн.: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Составители Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М. 1990 (*К.А., А.Л.*)

М.А. ВОЛОШИН
Фотография М. Рубинчика. Керчь, 1901
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

время "умеренными" критиками "декадентства", которые в принципе считали правомерными новые искания в области художественного слова и видели определенные достижения на этой стезе у западноевропейских писателей, но решительно отказывали отечественным авторам в признании аналогичных творческих опытов. Соответственно и клеймо "прелюбодеев слова", которым Волошин уничтожал четырех авторов "Книги раздумий", вполне могло соперничать с другими хлесткими формулировками критиков, писавших об этом стихотворном сборнике[7].

Сам Волошин датирует свое "пробуждение самосознания"[8] 1901-м годом – точнее, теми месяцами, когда он странствовал по среднеазиатской пустыне, и это "пробуждение самосознания" было связано у него с пробуждением интереса к символизму – "новому" мироощущению и "новому" искусству, с предчувствием "сдвигов времен" и наступления "новой культурной эпохи". "То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичьего монастыря, я по-своему переживал в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов", – писал Волошин в автобиографии 1925 г.[9] Но в отличие от Блока и Андрея Белого для Волошина подлинной школой "нового" искусства явилось знакомство с литературно-художественным миром Парижа. Приехав в столицу Франции в 1901 г. в надежде продолжать прерванные университетские занятия, Волошин самозабвенно окунулся в атмосферу эстетических исканий, сблизился с кругом русских художников, живших в Париже, познакомился с писательницей и переводчицей А.В. Гольштейн, через которую узнал многих деятелей французской культуры. Подлинный переворот во взглядах и вкусах он пережил благодаря открытию для себя новейшей французской живописи и поэзии. "Что же именно меня так привлекло во французском искусстве, на это я не имею прямо физической возможности ответить, – писал он 29 августа 1901 г. двоюродному брату Я.А. Глотову. – Это слишком много, и я ведь только в преддверье вхожу. Все совсем *новое*. Этого достаточно"[10]. Почти одновременно он признавался в письме к другому близкому другу, А.М. Пешковскому: "...идет страшная ломка разных старых взглядов, новые открытия (субъективные, разумеется) в искусстве, преклонение пред величием французской литературы ⟨...⟩, успехи в рисовании, новые стихотворения, собрания материалов для будущей статьи о Гюставе Моро, бешеный восторг перед картинами Рэдона..."[11].

Новые эстетические критерии, внушенные Волошину живописью Одилона Редона и вообще всей художественной атмосферой Парижа, не замедлили сказаться и на его подходе к русской символистской поэзии, в том числе и к творческой деятельности Брюсова: в частности, одним из поэтических откровений явилась для Волошина книга Брюсова "Tertia vigilia"[12]. В лекции "Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого", прочитанной в январе 1902 г. в парижской Высшей русской школе[13], Волошин попутно коснулся полемики о современной поэзии, развернувшейся на страницах "Мира искусства" между С.А. Андреевским и Брюсовым:[14] Андреевский писал, что современное поэтическое творчество исчерпало себя и омертвело, что стихотворная форма в поэзии доживает свой век, – Брюсов, наоборот, патетически утверждал, что "стих не вырождается, а перерождается, вступает на высшую ступень развития", что если "судить только по напряженности в искусстве творческих сил, то наше время придется сравнивать ⟨...⟩ с эпохой Возрождения"[15]. «В полемике на страницах "Мира Искусства" преимущество оказывается далеко не на стороне г. Андреевского», – подчерки-

вает Волошин и, обвиняя критика в архаизме эстетических представлений, продолжает с уверенностью искушенного парижского ценителя: "Ответ же Валерия Брюсова звучит голосом из совсем другого периода. Нельзя сказать, чтоб этот ответ был бы *особенно* талантлив и блестящ: нет, он написан только умно и со знанием дела. Но разница между этими статьями та, что, попадись статья Брюсова в руки какому-нибудь образованному французу, он бы прочел ее с интересом и не нашел бы в ней ничего удивительного, над статьей же Андреевского он бы остановился с открытым ртом не один раз, а многого бы и совсем не понял без соответствующих исторических справок. В Россию новые течения приходят обыкновенно только лет через двадцать. Так происходит и теперь с тем направлением, которое зародилось во Франции в начале восьмидесятых годов и в общем известно под именем нео-идеализма"[16].

К.Д. БАЛЬМОНТ

Рисунок М.А. Волошина. Карандаш

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Попутно Волошин иронически упоминает о скандальной репутации, которая сложилась вокруг имени Брюсова в 1890-е годы: «Валерий Брюсов пользуется в России славой декадента par excellence*, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ именно ему приписывается знаменитый в свое время стих: "О закрой свои бледные ноги", который, несмотря на кристальную ясность, простоту и полную беспретенциозность своей мысли, долгое время считался образцом декадентской нелепости и туманности»[17]. О новейших поэтических опытах Брюсова Волошин отзывается в своей лекции в высшей степени сочувственно, видя в них, в частности, творчески плодотворное использование ассонанса (идущего, по мысли Волошина, от народных песен Кольцова и Некрасова на смену общепринятой точной рифме): "Теперь Валерий Брюсов снова взялся за разработку ассонанса и дал великолепные образчики его:

Если б к вам я прибыл,
Вы мои отдаленные предки –
Вы собратом гордиться могли бы,
Оценили бы взор мой меткий.

Эти полурифмы дают стиху удивительную гулкость и широту"[18]. Позднее Волошин вновь воспроизведет эту неточно процитированную строфу из стихотворения "Скифы" (I, 152–153) в набросках своих воспоминаний о поэте – как первые строки, заставившие его поверить в незаурядное творческое дарование Брюсова[19].

Важнейшим событием парижской жизни Волошина стало его знакомство в сентябре 1902 г. с К.Д. Бальмонтом. Позднее Волошин назвал Бальмонта в числе тех трех поэтов (наряду с Вяч. Ивановым и Жозе-Мариа де Эредиа), у которых он учился "владеть стихом"[20]. Но не меньшую роль в жизни Волошина сыграло его личное общение с Бальмонтом, который также благодаря этой дружбе чувствовал себя духовно обогащенным. Жена Бальмонта Екатерина Алексеевна пишет в воспоминаниях о Волошине: «Имя Макса Волошина я услыхала впервые

*По преимуществу (*франц.*).

от Бальмонта. Он писал мне из Парижа осенью 1902 г., что познакомился в Латинском квартале (кажется, на одной из своих лекций) с талантливым художником М. Волошиным, который "и стихи пишет". В каждом письме похвалы ему возрастали. Бальмонт, видимо, заинтересовался и привязался к Максу. Он писал, что они много бывают вместе, бродят по городу. Макс показывал ему уголки старого Парижа, доселе ему неизвестные. Писал, что разность взглядов и вкусов – Макс принадлежал латинской культуре, изучал французских живописцев и поэтов, а Бальмонт был погружен в английскую поэзию, переводил Шелли, изучал Э. По – не мешала их сближению. К сожалению, я не могу привести подлинных слов Бальмонта из его писем, слов нежных и восторженных о Максе, письма эти погибли на нашей парижской квартире во время войны 1914 года»[21].

Через посредничество Бальмонта Волошин получил доступ в круг русских символистов. "Податель сего письма, Макс Волошин, да внидет в дом Ваш приветствуемый и сопровождаемый моею тенью", – писал Бальмонт 25 декабря 1902/7 января 1903 г. из Парижа в рекомендательном письме к Брюсову[22]. О Волошине писал Брюсову в своем рекомендательном письме и живший тогда в Париже юрист и литератор А.С. Ященко, московский знакомый Брюсова[23]: "Вероятно, Бальмонт уже писал Вам, дорогой Валерий Яковлевич, о Максе Волошине, о том самом, который передает Вам это письмо. Вот человек, с которым Вы можете говорить на Вашем родном языке, не рискуя быть непонятым или не понять его. Таких людей не часто встречаешь, и это приходится ценить. Побеседуйте с ним, и он Вам сообщит очень много фактов и мыслей о искусстве и людях Парижа. ⟨...⟩ Он Вас читал и высоко ставит Ваш талант"[24]. В другом письме, от 10 января 1903 г., отправленном уже непосредственно Брюсову, Ященко дополнительно сообщал: "В феврале месяце приедет к Вам некто Макс Волошин, очень оригинальный и интересный человек, мой давнишний приятель. Он прожил здесь несколько лет, занимался живописью, изучал искусство, странствовал по свету"[25].

Знакомство поэтов, вопреки первоначальным предположениям, состоялось не в Москве, а в Петербурге, куда Волошин приехал из Парижа и где он встретился с Брюсовым, в то время выполнявшим обязанности секретаря петербургского журнала "Новый путь". Впервые Волошин увидел Брюсова 23 января 1903 г. на XVIII религиозно-философском собрании[26]. Позднее в статье о собрании стихов Брюсова "Пути и перепутья" он красочно живописал свои впечатления[27].

На другой день Волошин встретился с Брюсовым в редакции "Нового пути". Там состоялось их знакомство. В ходе кратковременного общения в конце января 1903 г. в Петербурге Брюсов сумел по достоинству оценить нового приверженца символистского движения и распознать его поэтическое дарование: по инициативе Брюсова Волошин передал для "Нового пути" подборку своих стихотворений, и эта публикация явилась его поэтическим дебютом в столичной печати[28]. Перед приездом Волошина в Москву Брюсов писал из Петербурга жене (31 января 1903 г.): "Видаю Макса Волошина, интересный господин: познакомься с ним во вторник – скиталец и поэт (познакомься через Бальмонта)"[29]. Столь же лаконична и строго определенна по своему смыслу дневниковая запись Брюсова, относящаяся к этому же времени: "В Петербурге познакомился и с Максом Волошиным. Юноша из Крыма. Жил долго в Париже, в Латинском квартале. Поэт и художник. Исходил пешком все побережье Средиземного моря. Интересно рассказывает о Андорре и Балеарах. ⟨...⟩ В Петербурге он не очень понравился, но Москва носилась с ним почти три недели"[30].

Последнее полуироническое замечание Брюсова вполне соответствовало действительности: не найдя надежной почвы для общения с петербургскими носителями новых идей, группировавшимися тогда в основном вокруг Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, Волошин сразу же был признан "своим" в среде московских символистов, предводительствуемых Брюсовым, и прежде всего в кругу издательства "Скорпион". Приобщение Волошина к числу "скорпионцików" в эту пору, когда в Москве развернулась активная борьба за самоопределение "нового" искусства, яркими, выразительными штрихами обрисовал в своих мемуарах Андрей Белый[31]. В "скорпионовском" альманахе "Северные цветы" было опубликовано стихотворение Волошина "В вагоне" ("Снова дорога... и с силой магической...")[32] с рефреном-подражанием звуку движущегося поезда ("Ти́-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти́-та-та...") – своего рода его визитная карточка как поэта и "странника"[33]. Примечательно, что именно это стихотворение осталось для Брюсова прочно связанным с образом его автора. Десять лет спустя, 29 июня 1913 г., Брюсов написал стихотворение "Разбегаются снова поля за окном...", также передающее дорожные впечатления:

Дальний путь, дальний путь, дальний путь, дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами сказано?
Убежать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.

Милый Макс! да, ты прав! под качанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их "титатью",
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь в полях, за болотистой Припятью.

(III, 324)

После регулярных встреч в феврале-марте 1903 г. общение Брюсова и Волошина возобновилось в ноябре того же года, когда Волошин вернулся из Крыма в Москву с тем, чтобы вновь надолго уехать в Париж. Общение это по-прежнему было творчески содержательным. "Один вечер читал ему все свои стихи", – записал Брюсов[34]. По более позднему свидетельству Волошина можно заключить, что в их числе был и "Конь блед"; после опубликования этого стихотворения[35] Волошин писал А.М. Петровой (август 1904 г.): «Что совсем меня ослепило, это "Конь блед" Брюсова в майской книжке. Он мне его читал в неоконченных отрывках, и я только слабо предчувствовал всю его необычайность»[36].

Общая характеристика, которую Брюсов дает Волошину, – по обыкновению, трезвая и объективная, лишенная излишней восторженности: "Он умен и талантлив, не гениален"[37]. Скорее всего, в этих словах сказывалось отношение Брюсова к тем неумеренным эмоциям, которые возбуждал Волошин в кругу московских символистов; возможно, что уже к этому времени относятся наблюдения Е.А. Бальмонт, отраженные в ее воспоминаниях о Волошине: «Брюсов находил, что "мода" на Макса длится слишком долго, и, вначале одобрив его и обласкав, вдруг стал обращаться с ним свысока. Меня поражало, что Макс как будто не замечал этой перемены тона и был с ним, как и с другими "мэтрами"»[38]. Однако Брюсов всегда отдавал должное таланту, остроте и своеобразию ума Волошина, его искренней и живой увлеченности всем, что имело отношение к "новому" искусству, и прежде всего к французской поэзии, которая для Брюсова в той же мере, как и для Волошина, была школой художественного мастерства и средоточием его эстетических пристрастий. С этой точки зрения Волошин, уезжавший вновь во Францию на длительный срок, оказался для Брюсова нужным и прямо-таки незаменимым, поскольку как раз тогда, осенью 1903 г., было принято решение об издании московского символистского журнала "Весы" и уже началась подготовка первых номеров.

Естественно и закономерно, что Волошин стал парижским корреспондентом нового издания, взяв на себя обязательство писать в "Весы" прежде всего о событиях французской художественной жизни. Обсуждение вопросов, связанных с формированием "Весов", безусловно, было в ноябре 1903 г. основной темой общения Волошина и Брюсова, ставшего фактическим руководителем журнала; 27 ноября 1903 г. датировано печатное удостоверение, выданное Волошину редакцией "Весов": "Макс Волошин, редактор отдела изящных искусств"[39]. Все же по характеру своей работы Волошин редактором в обычном смысле этого слова не был, его участие в "Весах" ограничивалось постоянным сотрудничеством и подготовкой регулярных корреспонденций – как в виде статей-"писем из Парижа", так и в форме кратких информационных сообщений. Помимо этого, Волошин выступал на страницах "Весов" с изложением собственных взглядов на искусство: уже 1-й номер журнала открывался, наряду со статьями Брюсова и Бальмонта, программной статьей Волошина "Скелет живописи"[40].

Приехав в Париж, Волошин стал одним из самых деятельных сотрудников "Весов" на протяжении первого года их издания. Справедливо утверждение, что самое «существование "Весов" (...) неотделимо от имени и деятельности Волошина»[41]. Контакты с парижским литературно-художественным миром, направленные на привлечение в "Весы" французских живописцев, поэтов и критиков, – основная тема переписки Волошина с Брюсовым, особенно активной и конструктивно деловой в 1904 г.: более половины писем относятся к этому времени.

Обсуждая в Москве с Волошиным цели и характер будущего издания, Брюсов, естественно, говорил о тех французских поэтах, которых редакция "Весов" – согласно намеченной программе – намеревалась популяризировать. К ним относились в первую очередь зачинатели и вожди французского символизма: Бодлер, Верлен, Малларме. Во Франции эти имена воспринимались на рубеже веков как общепризнанные; в России же их репутация была еще крайне неустойчивой. Огромным авторитетом обладали для Брюсова и французские символисты "второго призыва", которые выступили в литературе в середине 1880-х годов и, сплотившись вокруг Малларме, считали себя его учениками и продолжателями. К этому поколению принадлежали, в частности, Ж. Мореас, Ж. Лафорг, С. Мерриль, А. де Ренье, Ж. Ришпен, Ф. Вьеле-Гриффен и др. В России эти имена были тогда почти неизвестны. Особое внимание уделял Брюсов и бельгийским поэтам, также сформировавшимся в лоне символизма, – Верхарну и Метерлинку. Перечисляя в письме к З. Гиппиус (1903 г.) современных художников, равных, по его мнению, "величайшим творцам всех веков", Брюсов называет Верхарна, Вьеле-Гриффена и А. де Ренье[42].

К тому времени, когда Волошин оказался в Париже в качестве корреспондента "Весов", символизм во Франции как единая литературная школа уже перестал существовать: он распался окончательно вскоре после смерти Малларме (1898 г.). Однако еще в 1890-е годы в нем обнаружились центробежные тенденции, способствовавшие его быстрому разложению. Так, Жан Мореас, создатель "романской школы", проповедует возврат к классицизму; Сен Жорж де Буэлье и другие "натюристы", стремившиеся передать непосредственное чувство природы, открыто называют себя противниками символизма; наконец, поэты во главе с Рене Гилем, не порвавшие с позитивизмом, пытаются сформулировать принципы "научной поэзии" и осуществить их на практике. Истощение и перерождение символизма проявляется и в попытках взглянуть на это литературное движение ретроспективно; выходят в свет первые мемуары его участников (книги Г. Кана, А. Ретте и др.). Все эти имена и события, отразившиеся в переписке Брюсова и Волошина, попадают затем на страницы "Весов".

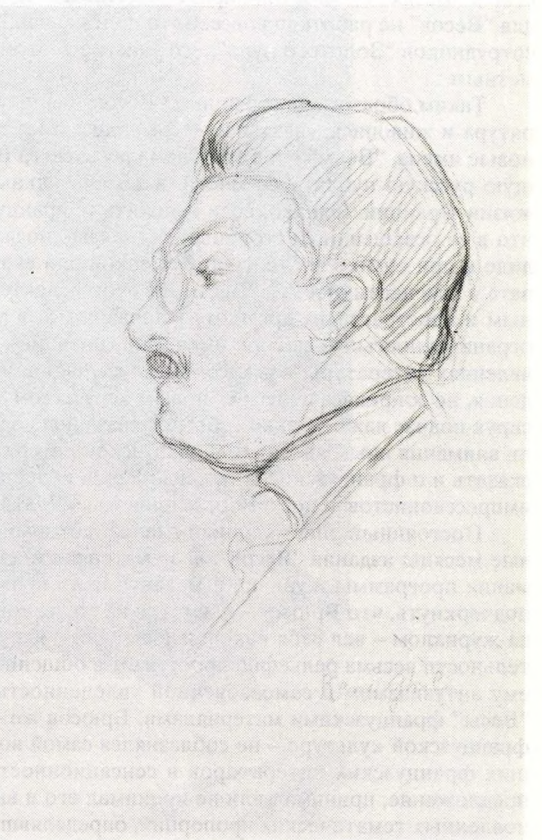
К началу века один за другим прекращают свое существование многочисленные литературно-художественные символистские журналы. В 1903 г. закрывается "Revue blanche" – наиболее значительный из "маленьких журналов", возникших в период расцвета символизма во Франции. Центром, пропагандирующим все новое в современном искусстве, остается журнал "Mercure de France", возникший в 1890 г. как орган французских символистов, «Все живое, смелое, новое находит свое отражение на страницах "Mercure de France", этого ветерана "маленьких revue", пятнадцатый год отстаивающего права "нового искусства" во Франции», – отмечал Брюсов в "Весах"[43]. Ежемесячные критические обзоры литературной, театральной, художественной жизни, которые печатались в "Mercure de France", казались "весовцам" образцовыми. С редакцией этого журнала и пытались Брюсов и другие московские символисты – при помощи Волошина – установить контакты. Особенно заманчивой представлялась им идея склонить к участию в "Весах" некоторых постоянных авторов "Mercure de France", прежде всего Реми де Гурмона, наиболее влиятельного из французских критиков символистской ориентации. Волошин с энтузиазмом берется выполнить эту задачу. В его переписке с Брюсовым постоянно мелькают имена Реми де Гурмона, Жана де Гурмона, Рашильд, Мокеля, Экаута, Ван Бевера – ведущих сотрудников "Mercure de France" в 1900-е годы. Благодаря Волошину между московским журналом и "Mercure de France" постепенно налаживаются деловые отношения: в 1904 г. постоянным сотрудником "Весов" становится Ван Бевер, позднее (в 1905–1908 гг.) – Жан де Гурмон. У Брюсова и Полякова завязывается переписка с этими писателями. В конце 1904 – начале 1905 г. с редакцией "Mercure de France" по рекомендации Волошина общается поселившийся в Париже М.Н. Семенов (в частности, с Р. де Гурмоном)[44]. Брюсов же, со своей стороны, настойчиво тянется к сотрудничеству в этом авторитетном органе французских символистов. Не случайно "Весы" – явно из тактических соображений – пытались дезавуировать "русские письма", которые систематически помещал в "Mercure de France" журналист Е.П. Семенов, стремившийся к достаточно полному освещению культурной жизни России. "Весы" же упрекали его в том, что он пишет "вяло и скучно", а главное – сообщает французским читателям "исключительно факты из одного лагеря нашей литературы, причем такого, где в настоящее время истинная литературная жизнь отсутствует"[45].

По существу, Волошин выполняет в это время роль посредника между парижскими и московскими поэтами-символистами. Пытаясь привлечь тех или иных писателей к участию в "Весах", Волошин одновременно рассказывал им о русской литературе, об изданиях "Скорпиона", о московских символистах. Так, в начале 1904 г. на банкете в редакции журнала "La Plume", посвященном Верхарну, Волошин подробно рассказывает бельгийскому поэту о Брюсове (п. 11). Позднее, в 1905 г., описывая годичный банкет в редакции того же журнала, Волошин упоминает о Метерлинке, который с интересом расспрашивал о Бальмонте и его путешествии в Мексику[46]. Кроме того, из волошинского письма к Брюсову от 21 мая/3 июня 1904 г. (п. 39) явствует, что Бальмонт познакомился с Рене Гилем – видимо, не без участия Волошина и А.В. Гольштейн.

С Р. Гилем, писавшим для "Весов" на протяжении всего шестилетнего периода издания журнала, Волошин сошелся особенно близко, о чем свидетельствует их переписка[47]. Примечательно, что в конфликте между Гилем и "Весами", возникшем в конце 1904 г., Волошин решительно встал на сторону французского поэта[48]. Кроме того, Волошин лично познакомился с такими поэтами, как А. Лакюзон, В. Литчфус, И. Рамбоссон, Садиа-Леви. Особую главу в истории русско-французских литературных связей начала века образуют дружественные отношения Волошина и Брюсова с поэтами "Аббатства" (Р. Аркос, А. Мерсеро, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель и др.). Имена этих авторов постоянно появлялись на страницах "Весов", их статьи и книги рекламировались в библиографическом отделе. Наряду с Р. Гилем, Ван Бевером и Ж. де Гурмоном, Р. Аркос печатал в "Весах" свои обзорные статьи – "парижские письма". Сотрудничал в "Весах" – под псевдонимом Эсмер-Вальдор – и А. Мерсеро. Поэты "Аббатства" были по достоинству оценены Брю-

совым и Волошиным еще до того, как приобрели известность у себя на родине.

Точно так же способствовал Волошин и появлению в "Весах" имен нескольких французских художников-символистов, до этого почти неизвестных в России. Среди них следует в первую очередь назвать Одилона Редона. Тесно связанный с Малларме и его кругом, Редон казался Волошину наиболее характерным представителем французской символистской живописи. В январе 1904 г. Волошин вступает с Редоном в переговоры относительно сотрудничества в "Весах", причем именно французскому художнику редакция (в лице С.А. Полякова) заказывает изготовление "символического знака" для журнала (этот замысел не был осуществлен). Благодаря материалам о Редоне, подготовленным Волошиным и появившимся в "Весах"[49], русский читатель смог впервые познакомиться с искусством этого оригинального мастера.



РЕНЕ ГИЛЬ

Рисунок М.А. Волошина. 1910-е годы. Карандаш
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вероятно, в московских разговорах Брюсова и Волошина в 1903 г. упоминался и Поль Гоген, чья неожиданная смерть на острове Таити в мае 1903 г. всколыхнула европейский художественный мир. Брюсов неоднократно напоминал Волошину о том, что "Весам", по мнению редакции, следовало бы "поговорить о Гогене" (п. 10). Со свойственным ему точным художественным вкусом Брюсов безошибочно отделил Гогена от других современных живописцев, которых рекомендовал "Весам" Волошин. Однако статья Волошина о Гогене в "Весах" так и не появилась[50]. Не писал Волошин в "Весах" и о таких крупнейших мастерах, как Ван Гог или Сезанн.

Наряду с Редоном Волошин горячо пропагандировал искусство "набидов" – художников группы "Les Nabis". "Набиды" были своеобразным объединением, сложившимся в самом конце 1880-х годов. Ученики и последователи Гогена (в меньшей степени Пюви де Шаванна), "набиды" (по-древнееврейски – "пророки") пытались создать свой собственный стиль, язык, ритуал, свою символику. Их группа представляла своего рода "орден", объединявший немногих "посвященных". К "набидам" принадлежали Дени, Серюзье, Боннар, Вюйар, Рансон, Руссель и некоторые другие, менее известные художники; к ним примыкали также график Валлотон, скульптор Майоль, руководитель театра "L'Oeuvre" Люнье-По и др.[51]. В 1890-е годы "набиды" группировались вокруг журнала "Revue blanche". Увлеченные идеями Гогена о "синтетическом" искусстве, "набиды" стремились к созданию религиозно-символической живописи. Их отличает тяготение к декоративности и "гобеленному" началу; огромное влияние на них (как впоследствии на Волошина) оказала японская графика. Своими отдельными чертами (мечтательность, музыкальность) живопись некоторых из "набидов" соприкасается с творчеством В.Э. Борисова-Мусатова и художников "Голубой розы"[52]. Однако к 1903 г. группа "набидов", собственно, уже распалась[53]. Не случайно в письмах к Брюсову, как и в статьях 1904–1905 гг., разбирая творчество Дени, Серюзье, Боннара, Вюйара и других, Волошин нигде не употребляет названия "набиды", а говорит лишь о "группе десяти" (см. п. 11, прим. 5).

С представителями этой группы Волошин познакомился в начале 1904 г. через Редона[54]. Однако привлечь этих художников к активному участию в "Весах" Волошину не удалось; лишь младший из "группы десяти" Шарль Лакост в какой-то мере откликнулся на приглашение Во-

лошина (его рисунки неоднократно воспроизводились в "Весах"). Весьма скромным было участие в "Весах" Дени и Боннара: виньетки для одного из номеров (1907, № 1). Другие "набиды" для "Весов" не работали вовсе. Зато приезжавший позднее в Москву Морис Дени стал одним из сотрудников "Золотого руна": его участие в этом органе русских символистов было весьма заметным.

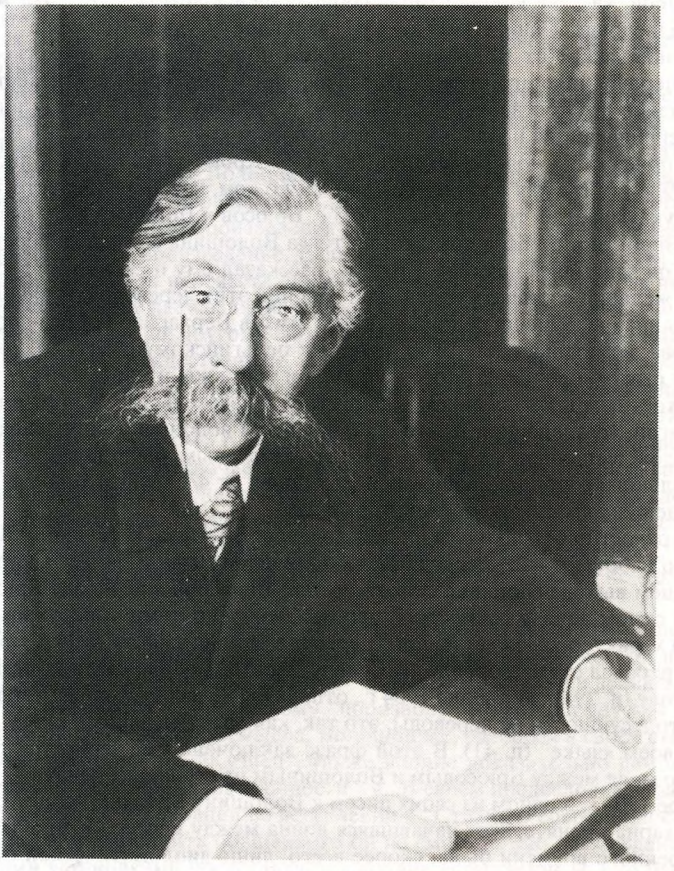
Таким образом, на страницах "Весов" были представлены прежде всего французская литература и живопись, связанные с символизмом и стилем "модерн". Стремясь пропагандировать новые имена, "Весы" – и в этом немалая заслуга Волошина! – действительно знакомили читающую русскую публику со многими замечательными явлениями современной художественной жизни Франции. Однако, если говорить о французской культуре в целом, нельзя не признать, что в ее освещении со стороны "Весов" наблюдался известный перекос (то же самое происходило и при оценке английской, немецкой или скандинавской культур). Декларируя широту охвата и "внепартийность", "Весы" и в этом аспекте своей деятельности были весьма тенденциозным и пристрастным органом, отличавшимся в ряде вопросов и субъективизмом суждений, и ограниченностью в выборе имен, оповещавшим, в сущности, лишь о созвучных и близких им явлениях литературы и искусства. Не случайно, что многие выдающиеся художники и произведения, не соприкасавшиеся с "новым искусством", так и не попали в поле зрения "Весов". Фиксируя подчас даже мелкие события, связанные с историей символизма, "Весы" почти не уделяли внимания иным явлениям французской литературы конца XIX – начала XX в. То же можно сказать и о французской живописи: Редон и "набиды" заслоняли в 1904–1906 гг. и художников-импрессионистов, и постимпрессионистов, и Матисса, и "фовистов" и др.

Постоянный эпистолярный диалог, который вели между собой Брюсов и Волошин в первые месяцы издания "Весов", дает материал и для иных заключений, существенных для понимания программы журнала и механизма ее практического воплощения. Важно прежде всего подчеркнуть, что Брюсов – несмотря на то, что он еще не обладал большим опытом руководства журналом – вел себя как дальновидный и искушенный редактор, и эта особенность его деятельности весьма рельефно проступает в общении с Волошиным. Последний со свойственными ему энтузиазмом и самозабвенной увлеченностью готов был едва ли не целиком заполнить "Весы" французскими материалами. Брюсов же – хотя и он тянулся прежде всего к новейшей французской культуре – не соблазнялся самой возможностью публиковать произведения ведущих французских литераторов и сенсационностью имен, а взвешивал каждое волошинское предложение, принимал или не принимал его и вносил свои коррективы в зависимости от установленных тематических пропорций, определявших облик издания, учитывал прежде всего степень согласованности тех или иных материалов с программой и общим кругозором журнала, направленностью его интересов, с потребностями читателей "Весов", как он их понимал. Безусловная новизна, сочетание информативной, содержательной стороны с "боевой", полемической, пропагандистской направленностью, свежестью восприятия, свободой от шаблонов и предвзятых суждений – таковы были принципиальные требования Брюсова к критико-библиографическим материалам, и Волошин своими "письмами из Парижа", печатавшимися в 1904 г. в "Весах" из номера в номер, им вполне удовлетворял. Те же требования, хотя и с известными оговорками, предъявлялись и к корреспонденциям французских авторов. Стоит отметить также, что Брюсов стремился канонизировать в журнале строгий, деловой стиль и не поддавался соблазну привлечь к "Весам" дополнительное внимание за счет легковесных развлекательных материалов. Характерно в этом отношении, что он отказался от предложения Волошина опубликовать сведения из "анекдотической истории французского символизма" и отрицательно отозвался об элементе "анекдотичности" в литературных мемуарах Адольфа Ретте (п. 26); по всей вероятности, это пристрастие к "анекдотичности" и вообще ко всякого рода курьезам, парадоксам, эффектным ассоциациям было для Брюсова одной из наименее привлекательных черт также и в натуре, и в творческих установках Волошина-критика.

При всем том Брюсов весьма дорожил сотрудничеством Волошина в "Весах" и в целом высоко ценил его критическое дарование. Об этом свидетельствует и отзыв Брюсова о творчестве Волошина, высказанный при их встрече в Москве 24 декабря 1904 г.; Волошин зафиксировал брюсовские слова в своем дневнике: "Я нахожу, что вы все-таки, может, совсем не поэт, а эссеист. Блестящий, может даже размеров Оскара Уайльда. Все, о чем Вы пишете, блестяще интересно и слишком закончено. Вы берете за горло прямо, а не вводите постепенно, как Верлен, Верхарн"[55].

Переписка между Брюсовым и Волошиным "весовского" периода дает возможность проследить и другую, весьма существенную линию их взаимоотношений, связанную с их многолетней работой по переводу произведений Верхарна на русский язык.

Первое упоминание о Верхарне содержится в волошинском письме от 13/26 января 1904 г.



Э. ВЕРХАРН

Фотография К. Буллы. Петербург, 1913
Архив кинофонофотодокументов, Ленинград

(п. 11), в котором создается – при помощи лишь нескольких выразительных штрихов – литературный портрет бельгийского поэта; эта характеристика Верхарна углубляется затем в статье "Вернисаж Салона Независимых" (см. п. 11, прим. 13). Образ Верхарна, намеченный в письме от 13/26 января, сопровождает Волошина в течение многих лет. Наиболее развернутое и живописное изображение Верхарна дается в статье Волошина 1907 г., посвященной разбору брюсовских переводов. В ней подчеркнуты и обогащены именно те детали, которые поразили Волошина еще в 1904 г.:

"Верхарн... Когда его видишь в первый раз, то прежде всего бросается в глаза глубокая морщина, рассекающая его лоб, подобно двум широко распростертым крылам летящей птицы. Эта морщина – он сам. В ней его скорбь, его полет.

После замечаешь его глаза – голубые, бледные, иногда стеклянные, прозрачные, как талая вода.

Тонкий, проницательный нос. Он очень длинен. Но это не придает несоразмерности лицу, только оттенок меланхолии.

Длинный белокурый, висящий ус. Длинные женские руки. Они нежны, сухи и всегда горячи.

В застенчивых и несмелых движениях чувствуется уединенность мечты и нежность сердца.

Портрет Риссельберга, приложенный к книге В. Брюсова, не похож. В нем нет самого характерного: глубокой морщины, подобной распростертым крылам летящей птицы" и т.д.[56]

Наконец, спустя более чем десятилетие, вспоминая о своей последней встрече с Верхарном в марте 1916 г., Волошин вновь выделяет в облике бельгийского поэта "его висячие с сильной проседью усы, его старческой синевой голубые глаза ⟨...⟩ его лоб с трагической морщиной –

широкой и резкой, как два крыла птицы, собирающейся лететь (...)[57]. Эта же характеристика перешла в предисловие к книге 1919 г., озаглавленное "Судьба Верхарна"[58]. В январе 1904 г. Верхарн впервые узнает от Волошина о русском поэте Брюсове, страстном почитателе его творчества и переводчике его стихов. Впоследствии у Верхарна, как известно, установятся с Брюсовым тесные дружественные отношения: с 1906 по 1914 г. между ними продолжается оживленная переписка; они неоднократно встречаются друг с другом – и в Бельгии, и в России, куда Верхарн приезжал в ноябре-декабре 1913 г.[59]. Кроме того, фраза в письме Волошина от 13/26 января 1904 г. ("Между прочим, говорил ему о том, что Вы собираетесь издать книгу его переводов...") указывает на то, что уже в 1903 г. Брюсов и Волошин вели разговор о Верхарне, о его поэзии. Вероятно, Брюсов познакомил тогда Волошина со своими переводами из Верхарна, которыми он занимался начиная с 1896 г., рассказал ему о своих творческих планах, в том числе о своем желании составить отдельный сборник этих переводов. В начале 1904 г. выходит в свет переизданная в "Mercure de France" книга стихов Верхарна "Города-спруты", которая, по словам Брюсова, возвращает ему "всю любовь к бельгийскому поэту" (п. 26). Брюсов переводит несколько стихотворений из этого сборника и тогда же, в марте 1904 г., обращается к Волошину с конкретным предложением – выпустить в издательстве "Скорпион" стихи Верхарна отдельной книгой, составленной из его собственных и волошинских переводов. Видимо, количество переводов, выполненных к тому времени Брюсовым, было недостаточным для издания их в виде отдельного сборника (в письме к Волошину от 4/17 марта Брюсов перечисляет лишь девять переведенных им стихотворений Верхарна).

Волошин радостно откликнулся на предложение Брюсова. В течение 1904–1905 гг. оба поэта интенсивно работают над переводами; в объявлениях издательства "Скорпион" оповещается о предстоящем выходе сборника стихотворений Верхарна в переводе Брюсова и Волошина. Однако уже в самом начале совместной работы между поэтами обнаруживается расхождение во взглядах на характер художественного перевода. В конце марта 1904 г. Волошин признается Брюсову, что перевел стихотворение "К Северу", поскольку оно ему представилось "в ином виде", чем Брюсову (п. 29)[60]. А в июле 1904 г., отправляя Брюсову свои переводы, Волошин уточняет, что "...это в сущности не переводы, это так, как если бы, закрыв книгу, *вспомнить* стихотворение на своем языке" (п. 41). В этой фразе заключено уже зерно той полемики, которая развернется позднее между Брюсовым и Волошиным на страницах печати.

В сентябре 1904 г. в одном из своих писем к Волошину Брюсов говорит о том, что изданию сборника Верхарна препятствует начавшаяся война между Россией и Японией. Однако ссылка на события военного времени была, скорее всего, лишь дипломатической отговоркой. Можно предположить, что знакомство с волошинскими переводами сразу же вызвало у Брюсова ряд резких и принципиальных возражений. Во всяком случае упоминания о совместном издании полностью исчезают из его писем. От прямой критики волошинских переводов Брюсов некоторое время воздерживается, не желая, видимо, обострять отношения с парижским корреспондентом "Весов". Лишь после того, как Волошин публикует два своих перевода – "Казнь" (у Верхарна – "Голова") и "Человечество" с подзаголовком "Воспоминание из Верхарна"[61], – Брюсов открывает полемику. В анонимной заметке "О Максе Волошине и древнем змее"[62] он подвергает критическому анализу волошинский перевод стихотворения "Казнь", упрекает переводчика в непонимании смысла французских слов и незнании грамматических форм, а также иронизирует по поводу волошинского метода стихотворного перевода. Одновременно, явно желая противопоставить волошинскому подходу к поэзии Верхарна свой собственный, Брюсов переводит то же самое стихотворение ("Голова") и печатает его среди других своих переводов из Верхарна[63]. Инициативу в этом начинании проявил редактор "Журнала для всех" В.С. Миролюбов, писавший Брюсову 14 августа 1905 г.: «А я все жду от Вас Верхарна. Не забудьте. Прочитал сейчас в "Руси" перевод Волошина и подумал, как бы хорошо, если бы перевел это Брюсов!»[64] 19 августа Брюсов отвечал: «Предлагаю Вам два стихотворения, из которых одно было переведено (в "Руси") М. Волошиным и, Вы правы, действительно из рук вон плохо»[65]. Сопоставление двух переводов одного стихотворения выявляет принципиальное различие двух методов поэтического перевода[66], о чем вскоре и завязывается теоретический спор между Брюсовым и Волошиным. Существо полемики изложено в двух статьях: предисловии Брюсова к его книге переводов из Верхарна[67] и рецензии Волошина на эту книгу[68].

Разделяя все переведенные им стихотворения Верхарна на две группы (ранние, переведенные до 1904 г. и более удаленные от подлинника, с одной стороны, и новые, в которых "каждый русский стих соответствует французскому, почти каждому образу в подлиннике – образ в переводе" – с другой), Брюсов подчеркивает, что он в обоих случаях стремился "давать именно переводы, а не пересказы пьес Верхарна". Далее, перечисляя особенности своей переводческой манеры, Брюсов сообщает читателям, что "нигде дух подлинника не принесен в жертву бук-

вальности" и что "всегда сохранен основной замысел автора"[69]. Таким образом, Брюсов выступает как сторонник строгого и точного ("академического") перевода, но притом решительно отказывается от буквальности в пользу художественности[70].

На противоположных позициях находился Волошин, рассматривавший перевод как сугубо оригинальное творчество или по меньшей мере сотворчество. Цитируя в своей статье-рецензии приведенную выше декларацию Брюсова, Волошин восклицает: "Я протестую против каждого слова, сказанного здесь". Далее Волошин разъясняет, что хороший стихотворный перевод - "чудо, неизъяснимое для самого переводчика ⟨...⟩ Стихотворный перевод не есть точное изложение и передача художественного произведения на другом языке, а приобщение самому творческому акту, создавшему это произведение. Если есть это приобщение, то чудо совершается. Ни одного стихотворения нельзя перевести, но многое можно создать еще раз на своем языке. Приобщение творческому акту дает великие и безусловные права над переводимым стихотворением, так как поэт, сотворящий другому поэту и располагающий сокровищами другого языка, находит в них далеко не тождественные, но равносильные, равноценные образы и слова. ⟨...⟩ Тут раскрывается область безграничного произвола, находящего оправдание только в сопричастии творчества"[71]. Эту точку зрения на перевод Волошин продолжал отстаивать и в последующие годы. Так, зимой 1912/1913 г. в письме к М.В. Сабашникову Волошин подчеркивал, что его задача как переводчика заключается в том, "чтобы настолько усвоить себе стиль и манеру автора, чтобы не переводить, а писать так, как должен был бы писать он сам, если бы писал по-русски". Протестуя против "буквализма", Волошин пояснял далее, что всегда старается "найти *не точное*, а *равносильное*"[72]. Наконец, в "Предварении о переводах", написанном в 1917 г., Волошин вновь категорически заявляет: "Стихотворный перевод не может быть точным"[73].

Следует заметить, что провозглашаемые Брюсовым и Волошиным принципы поэтического перевода далеко не всегда подтверждались их собственной переводческой практикой. На примере стихотворения "Казнь" Брюсов в заметке "О Максе Волошине и древнем змее" убедительно показал, что склонность к творческому "произволу" может обернуться при переводе стихов элементарным пренебрежением смысла. Волошин же, разбирая в своей статье-рецензии брюсовский перевод стихотворения "Кузнец", также вполне доказательно демонстрирует его погрешности и отступления от принципа "точности". «...В своем предисловии, – замечает Волошин, имея в виду брюсовские декларации во вступлении к "Стихам о современности", – Брюсов обещал слишком много, и выполнить обещанного он не смог»[74]. Это расхождение с собственными теоретическими установками представляется вполне естественным: оно было вызвано и у Брюсова, и у Волошина прежде всего особенностями переводческой работы, заложенными в ней самой противоречивостью и двойственностью. Показательно, что Брюсов в "постскриптуме" к статье Волошина, защищая свои принципиальные позиции, в то же время признал обоснованными многие частные упреки, сделанные в адрес его переводов, и пришел к выводу: «Мне даже кажется, что я, скорее, вправе гордиться критикой г. Волошина, который среди моих переводов насчитал семь стихотворений, в которых совершилось *чудо* причащения творчеству иного поэта". В одной книге совершить семь чудес, – это, право, не так мало!»[75]

"Теоретически спор Брюсова и Волошина неразрешим", – заявляет современный исследователь[76]. Однако, оценивая полемику Брюсова с Волошиным в более широкой исторической перспективе, следует признать, что последующее развитие русского стихотворного перевода пошло, скорее, по брюсовскому пути, тогда как волошинский романтический подход к переводу как к "чуду", т.е. интуитивному постижению подлинного "лика" переводимого автора, не нашел большого числа приверженцев. Достижения советской школы художественного перевода связаны именно с умением преодолевать материал, бороться с трудностями, соблюдать принцип эквиритмии, добиваться "точности", т.е. со всем тем, к чему призывал Брюсов еще в 1905–1906 гг. Характерно, что и в 1906 г. большинство рецензентов, в отличие от Волошина, расценивали "Стихи о современности" как значительную творческую победу Брюсова-переводчика[77]. В то же время и многие стихотворные переводы Волошина воспринимались как удачные и даже образцовые[78].

Полемика Брюсова и Волошина со временем затихает, хотя и не прекращается полностью. Продолжая выступать в печати со статьями о Верхарне и переводить его произведения на русский язык, ни тот, ни другой не обсуждают в последующие годы проблемы перевода. Так, в 1915 г., выпуская в свет новое издание стихотворений Верхарна в своем переводе[79], Брюсов существенно перерабатывает стихотворные тексты, расширяет и уточняет предисловие к книге. Особенно сильно изменен заключительный раздел предисловия, который в книге "Стихи о современности" был почти целиком посвящен принципам перевода. Однако в издании 1915 г. о технике и сути переводческого дела не упоминается вообще. То же можно сказать и о послед-

нем, четвертом издании брюсовских переводов из Верхарна[80]. В завершающем книгу "Примечании переводчика" Брюсов ничего не говорит о своем методе. Более того, упомянув несколько стихотворений, где он "не был вполне удовлетворен переводом с точки зрения точной передачи всех оттенков мысли и всех особенностей формы"[81], Брюсов называет и поэму "Кузнец", подвергшуюся в свое время суровой критике со стороны Волошина. Носивший в 1906–1908 гг. сугубо принципиальный и теоретический характер, спор о переводе постепенно сужается до более частного вопроса – переводить ли Верхарна рифмованным или свободным стихом. Но и в этом вопросе и Брюсов, и Волошин занимают теперь менее жесткие позиции. 7 сентября 1917 г. Волошин спрашивает Брюсова, действительно ли он изменил свой взгляд "на необходимость исключительно рифмованных переводов Верхарна" (п. 78). Волошин также допускает отступления от своего правила переводить Верхарна вольно (свободным стихом, без рифм и т.д.). В "Предварении о переводах" (1919) он упоминает о трех вошедших в книгу стихотворениях Верхарна, перевод которых он ранее выполнил "по поручению", соблюдая "и рифму, и размер, и точность содержания". В этом случае, объясняет Волошин, ему пришлось пойти на то, что он теоретически отрицает, "но что требуется современным вкусом от переводчика"[82].

Ослабление взаимной критики создавало для обоих поэтов предпосылки их нового сотрудничества, о чем и писал Волошин Брюсову 7 сентября 1917 г. Не исключено, что свидетельством наметившегося сближения была также маленькая книжка Верхарна, изданная в Москве в 1917 г.; в нее вошли четыре стихотворения бельгийского поэта: два в переводе Волошина ("Город-спрут" и "Ноябрь") и два – в брюсовском ("Восстание" и "Мятеж"). Предисловие было написано Волошиным[83]. Однако дальнейшая совместная работа над собранием сочинений Верхарна не осуществилась (см. п. 78, прим. 2).

Следы многолетней дискуссии вновь проступают в рецензии Брюсова на изданную Волошиным в 1919 г. книгу переводов Верхарна. Анализируя некоторые издания Верхарна и о Верхарне, появившиеся на русском языке в 1918–1919 гг., Брюсов высказывает Волошину-переводчику прежние упреки: "...иные переводы М. Волошина не более как вольный пересказ. Ряд стихотворений переведен без рифм, что изменяет, даже искажает самую форму оригинала. К сожалению, переводчик, пожертвовав рифмой, не заменил этого недостатка точностью передачи. Целый ряд мест в нерифмованных переводах остается вольным и не всегда верным пересказом французского текста"[84].

Диалог Брюсова и Волошина о Верхарне касался не только способов переложения его стихов на русский язык. Другой, и притом не менее важный аспект полемики, был связан с осмыслением творчества Верхарна, с интерпретацией его поэзии. Для Брюсова бельгийский поэт всегда оставался "Дантом современности"[85], выразителем "современной мировой жизни"[86]. Брюсов настойчиво стремился открыть русскому читателю злободневность поэзии Верхарна, соотнести ее с событиями в России, особенно в 1904–1906 гг. (стихотворения "Голова", "Мятеж", "Восстание", "Кузнец" и др.). В работах Брюсова о Верхарне, относящихся к последним годам его жизни, встречаются чрезвычайно точные обобщающие характеристики бельгийского поэта. "...Поэзия Верхарна, – пишет Брюсов в 1920 г., – была истинной предтечей великих переворотов, переживаемых нами в наши дни. Только теперь после опыта Великой войны и последовавших социальных революций стало вполне понятно значение этой поэзии ⟨...⟩ то был беспощадный анализ европейской буржуазной культуры накануне ее падения"[87]. Величие Верхарна Брюсов видел в том, что поэт "возвышался до подлинной любви к человечеству ⟨...⟩ был поэтом Человека вообще"[88].

Иной была точка зрения Волошина – хотя и он признавался, что, переводя верхарновские стихотворения "Человечество" и "Казнь", "думал об России и об Революции ⟨...⟩ это должно было сказаться", и что переводом "Казни" стремился выразить "сознание священной неизбежности казни царя"[89]. Брюсовское восприятие Верхарна преимущественно как поэта современности казалось ему недостаточным или просто неверным. Возражая против названия книги "Стихи о современности", Волошин писал: «Заглавие это выражает ту черту, которая пленила Брюсова в Верхарне, но совершенно не самого Верхарна, который именно настоящего, современного совершенно не чувствует. Он исходит из видимого и текущего, но всем своим духом живет только в прошлом и в будущем. Настоящее для него только символ, прообраз, что и служит истоком его грандиозных метафор. ⟨...⟩ Окружающая его действительность походит на алфавит каких-то чудовищных гиероглифов, скрытых в каждой вещи. Это пророчественное состояние духа никак нельзя назвать современным, а исступленные пророчествования, в которых Верхарн старается прочесть тайны этих гиероглифов, – "стихами о современности". У нас Верхарна слишком много и упорно рекламировали как поэта социального, с добрым желанием, конечно, сделать ему хорошую репутацию в русской публике. И уже по одному этому заглавие переводов "Стихи о современности" неприемлемо»[90].

Впоследствии – в связи с разразившейся мировой войной – Волошин углубляет и уточняет свое истолкование Верхарна. Теперь он отказывается от попытки поставить Верхарна вне современной жизни. Напротив, Верхарн для него – "первый из европейских поэтов, подошедший в упор к современности. ⟨...⟩ Как и в своем творчестве, так и в своей судьбе он явился всеевропейским поэтом, в наибольшей полноте отразившим свою эпоху"[91]. Однако испытания современностью Верхарн, по мнению Волошина, не выдержал. "Современность раздавила и растерзала его на части". Чем же объясняется такой парадокс? Оказывается, что «этот "поэт современности" меньше, чем кто-либо, был человеком современности ⟨...⟩ этот свободомыслящий и научный ум, каким он сам хотел быть, нес в себе средневековую душу, благочестивую, мистическую, смиренную и буйную. ⟨...⟩ Никто из европейцев не смотрел на современность оком более пророчественным, и никто не бывал поражен более пророчественной слепотой»[92]. В другой статье, посвященной книге Верхарна "Окровавленная Бельгия", уточняя эту же мысль, Волошин называет Верхарна "апокалиптическим провидцем тех диаболических и стихийных сил, которые скрывались за формами европейской жизни и клокотали в черных сердцах машин", и добавляет, что мировая война, предсказанная поэтом, оказалась для него полной неожиданностью[93].

В настойчивом желании Волошина найти определение Верхарну как "современному" (вернее, антисовременному) поэту без труда угадывается скрытая полемика с Брюсовым. Если Брюсов всячески стремится актуализировать творчество Верхарна, подчеркнуть его действенный жизненный смысл, то Волошин, напротив, пытался его спиритуализировать. Говоря о бельгийском поэте, он отмечает прежде всего дар мистического прозрения, провидения. Не случайно, рецензируя изданную Волошиным книгу, Брюсов выделяет именно этот момент в волошинской интерпретации Верхарна. «В его очерке, – пишет Брюсов по поводу предисловия Волошина, – разбросано несколько парадоксов, к которым он всегда был склонен, напр., что Верхарн, "этот поэт современности, меньше чем кто-либо был человеком современности" ⟨...⟩ За пределами таких парадоксов все содержание статьи М. Волошина крайне не ново и не оригинально»[94].

Спор о Верхарне и принципах перевода тянулся, то затихая, то вновь возгораясь, около пятнадцати лет. Весьма примечательным является то обстоятельство, что разногласия между Брюсовым и Волошиным – какими бы резкими ни были подчас их взаимные упреки – никогда не вели к обострению их личных отношений. Даже в самый разгар полемики и Брюсов, и Волошин постоянно считали необходимым подчеркнуть свое уважение друг к другу, чему убедительным подтверждением служит их переписка этого времени. Это пример корректного, внимательного, высокоинтеллигентного отношения писателей друг к другу, достаточно редкий в истории литературной критики. Поэтому едва ли обосновано предположение, будто Волошин стал меньше писать для "Весов" в связи с появлением там заметки Брюсова о его переводах из Верхарна[95]. Маловероятно, чтобы брюсовская критика побудила его к такому решению; ведь степень участия Волошина в делах журнала резко уменьшилась задолго до появления этой заметки – еще с начала 1905 г. (помимо январского номера, в котором были помещены статьи Волошина, представленные в редакцию еще в 1904 г., в журнале за 1905 г. появилась всего одна его парижская корреспонденция в апрельском выпуске). Столь же неправдоподобны попытки объяснить охлаждение Волошина к "Весам" якобы наблюдавшимся у него общим разочарованием в идейно-эстетической платформе журнала, неприятием "весовских" политических позиций в дни революции 1905 г., стремлением к сотрудничеству в периодике демократического направления и т.п.[96] – на деле мы не располагаем никакими весомыми фактами и аргументами, на основании которых правомерно было бы делать столь ответственные выводы.

Причин отхода Волошина от деятельного сотрудничества в "Весах" было несколько. Первая и наиболее "внешняя" из них – активное участие Волошина в петербургской газете "Русь", где его парижские фельетоны были встречены сочувственно и охотно печатались (а постоянные публикации в газете были для Волошина, вынужденного все время заботиться о заработке, гораздо более весомым финансовым подспорьем, чем эфемерные гонорары, которые могли выплачивать малотиражные "Весы"). Согласившись в ноябре 1904 г. стать штатным парижским корреспондентом "Руси", Волошин фактически всю свою журналистскую энергию употребил на эту работу. Не способствовали продолжению деятельного сотрудничества в "Весах" и обстоятельства личной жизни Волошина. В 1905 г. Волошина захватила любовь к М.В. Сабашниковой, и напряженная духовная жизнь, во многом обусловленная этим чувством, поглощала буквально все его существо, почти не оставляя внутренних сил для исполнения принятых им на себя корреспондентских обязательств. Наконец, в 1906 г. определилась и еще одна немаловажная причина, объяснявшая отдаление Волошина от брюсовского журнала, – сближение его с возглавлявшимся Вячеславом Ивановым кругом петербургских модернистов, который в общей системе "нового искусства" в России постепенно оформлялся в отдельную фракцию.

В.И. ИВАНОВ И Л.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

Фотография. 1907

Литературный музей, Москва

Познакомившись с Вяч. Ивановым в Женеве в августе 1904 г., Волошин был всецело покорен его умом, талантом, образованностью и, главное, совпадением многих собственных размышлений и духовных интуиций с философско-эстетическими концепциями Иванова, сложившимися в стройную и в то же время не догматическую систему. Волошина сильно волновала тогда религиозно-мистическая, оккультная, теософская проблематика, и в этой сфере он обрел в лице Иванова заинтересованного собеседника. Когда Волошин после женитьбы в апреле 1906 г. на М. Сабашниковой решил обосноваться на постоянное жительство в России, то местом обитания – после того как в сентябре-октябре 1906 г. провел несколько недель в Москве – он решил избрать Петербург, и прежде всего потому, что там жил Вяч. Иванов. Сравнивая творческую атмосферу, царившую на "башне" Вяч. Иванова в Петербурге, с той, которую он ощутил на этот раз в "Скорпионе" и "Весах", Волошин сделал вывод отнюдь не в пользу последней. В сентябрьских письмах 1906 г. он настойчиво склонял жену к принятию решения поселиться в Петербурге, рядом с Ивановым и близким ему кругом поэтов и литераторов: "...самое

сильное из всех впечатлений – это стихи молодых поэтов: Городецкого и Кузмина. У меня нет возможности описать их. Но я почувствовал, что это целое художественное событие в моей жизни. Я так почувствовал затхлость и ложность Москвы и моск⟨овских⟩ поэтов. Надо жить в Петербурге. ⟨...⟩ Я через неделю вернусь в Москву, и мы поедем вместе в Петербург. Только здесь можно работать". В другом письме он утверждал с еще большей определенностью: "Духовно же: здесь В. Иванов. Я тебе не могу сказать, как меня поразила и потрясла вся художественная атмосфера и какое впечатление на меня произвели стихи Городецкого и Кузмина. После того мертвого впечатления, которое производит Брюсов и Скорпион, – это как ключ живой воды, это новый родник поэзии – самобытный, простой, лишенный всяких вычур..."[97]. "Я чувствую, что здесь в Петербурге начнется совсем новый период жизни и творчества для меня", – писал Волошин[98]; и Вяч. Иванов укреплял его в этом убеждении, обрисовывая перспективы, которых, по его мнению, уже не могла открыть "скорпионовская" поэтическая школа[99].

Несколько месяцев спустя, уже весной 1907 г., Волошину суждено будет пережить глубокое разочарование в своих надеждах, осложнение отношений с Ивановым, а затем и постепенный отход от его петербургского окружения. Однако эта новая перемена не повлекла за собой вторичного сближения Волошина с Брюсовым и "Весами". Общение поэтов стало эпизодическим и малосодержательным. "Приезжал ⟨...⟩ Макс, но я видел его лишь мельком", – писал Брюсов 8 марта 1907 г. К.И. Чуковскому[100]; столь же скупы и отзывы Волошина о новых и чаще всего случайных встречах с Брюсовым. В то время, когда происходила поляризация внутрисимволистских сил вокруг двух центров, "московского" и "петербургского", – "Весов" во главе с Брюсовым, с одной стороны, и издательства "Оры" во главе с Вяч. Ивановым – с другой, – и между этими центрами развертывалась ожесточенная полемика по поводу "мистического анархизма" и идеи преодоления старого, "индивидуалистического" символизма, Волошина воспринимали в орбите влияния петербургской фракции. И хотя Волошин никакого участия в полемической кампании не принимал, хотя к содержанию и самому ходу ее относился резко отрицательно ("В литературе отравленная атмосфера воспаленных самолюбий"[101]) и по сути своей литераторской психологии не был склонен к "боевым действиям" подобного рода ("Всякое соперничество мне глубоко противно, и если оно возникает, то я спешу уступить место и удалиться совсем", – писал он позднее С.К. Маковскому[102]), самая близость его к "Орам" не способствовала возобновлению прежнего деятельного сотрудничества в "Весах". В разгар полемики, весной 1907 г., Волошин уехал в Крым, где прожил более полугода в уединении Коктебеля[103].

Резкие переходы от одной формы творческой деятельности к другой были в целом весьма характерны для Волошина, который сам сознавал, что живет "периодами", наступающими спонтанно и зачастую связанными с кардинальной переменой круга интересов, сферы общения, места жительства и т.д. Ближайшее сотрудничество в "Весах" также оказалось для Волошина лишь определенным периодом его внутренней жизни, в которой вскоре возобладали иные устремления. Проявлявший искренний и горячий интерес к самым различным областям культурной деятельности, Волошин в среде русских последователей "нового искусства" был фигурой по-своему уникальной: он объединял в себе безусловное приятие символизма как суверенного литературно-эстетического направления, адептом которого был Брюсов, с символизмом "теургического", универсалистского склада, который отстаивал Вяч. Иванов. Так, в начальный период своего общения с Брюсовым, в 1903–1904 гг., Волошин бесспорно находился под сильным влиянием личности Брюсова и его поэзии и всецело разделял те общие положения и принципы, которые культивировались в кругу "Скорпиона": индивидуалистическое мироощущение, ориентация прежде всего на французские образцы символизма, пафос творчества для немногих "посвященных" и т.д. Вполне естественно поэтому, что в первый год существования "Весов" он выполнял свою роль парижского корреспондента журнала. Однако революционные события 1905 г., способствовавшие выявлению двух противоборствующих тенденций внутри русского символизма, произвели также существенный сдвиг во внутреннем мире Волошина. Подпав под влияние Иванова, выдвигавшего концепцию преодоления индивидуализма на путях религиозной "соборности" и видевшего именно в России возможности для осуществления своих мифотворческих идей, Волошин начинает пристальнее вглядываться в события, происходящие в общественной и культурной жизни России, писать о них. И несмотря на то, что в личных отношениях Волошина с Ивановым в 1907 г. наметился кризис, система ценностей, которую отстаивал вождь "петербуржцев", оказывалась для Волошина более близкой и притягательной, чем позиция московских символистов, группировавшихся вокруг "Скорпиона". Этот новый уклон Волошина проявился в ряде его стихотворений и статей – например, "Индивидуализм в искусстве"[104] и "Золотой век"[105], – которые по своим идейным установкам уже никак не отвечали духу "Весов".

Отчуждение от "Весов" не отразилось, впрочем, на общей оценке Волошиным творчества Брюсова, которого он продолжал считать одним из самых значительных писателей своего вре-

мени. Среди набросков Волошина о современной русской поэзии имеется недатированная запись: "1900 годы. *Брюсов. Бальм⟨онт⟩. В. Иванов.* – Воля, чувство, мысль"[106]. Брюсов, таким образом, выделяется как один из трех авторов, определяющих поэтическую эпоху; "воля", по убеждению Волошина, – характернейшая черта его творческого облика. В заметках о литературных достижениях 1907 г. Волошин записывает: "Брюсов пришелся в уровень века. Толпа подошла к нему. Он уже авторитет и неприкосновенен. Это не уменьшает его достоинств. Он достиг высшего предела совершенства и отчетливости в стихе и в прозе. (Огненн⟨ый⟩ Ангел. Город.). Он подводит итоги своей молодости и своим исканиям. Он в той прекрасной поре сил, когда друзья могут без страха наносить ему удары, и он будет крепнуть"[107]. Чрезвычайно высоко ценил Волошин печатавшийся тогда в "Весах" роман Брюсова "Огненный Ангел"[108]. Много позднее, в 1932 г., он отметит: «"Огненного Ангела" считаю самым удачным произв⟨едением⟩ Брюсова»[109]. Еще в конце 1906 г. Волошин задумал написать о Брюсове обобщающую статью и ожидал как повода для этого только выхода в свет какой-либо его новой книги. Такой повод представился, когда в конце 1907 г. увидел свет 1-й том собрания стихотворений Брюсова "Пути и перепутья".

Статья Волошина «Валерий Брюсов. "Пути и перепутья", том 1 собрания стихов», опубликованная в газете "Русь" 29 декабря 1907 г., дает чрезвычайно высокую оценку художественным достижениям поэта, подчеркивает непреходящее историческое значение его в деле канонизации новых эстетических принципов. Но эта статья – отнюдь не панегирик: Волошин предлагает свою концепцию творческой деятельности Брюсова, концепцию, что могла показаться, в особенности при учете обстоятельств внутрисимволистской полемики, рискованной и даже двусмысленной. Не случайно основная идея этой статьи определилась у Волошина под впечатлением от тех известий об участии Брюсова в "литературных ненавистях" текущего дня, которые привезла в Коктебель А.Р. Минцлова. Занося 20 сентября 1907 г. в дневник сведения о ходе полемики между "Москвой" и "Петербургом" и об участии Брюсова в ней, Волошин замечает: «Мне хотелось бы написать о Брюсове маккиавелическую книгу: «"Поэт". Апофеоз воли и честолюбия. Это характер и фигура, вылитые из бронзы Итальянского ренессанса. Я ему удивляюсь и не возмущаюсь. Я любуюсь гибким совершенством и уверенностью его тигриных ударов и выпадов»[110].

"Брюсов не поэт-мечтатель, – в сходном духе утверждает Волошин в печатном тексте своей статьи, – от которого мир заслонен скользящими очертаниями его грезы, как Блок; не поэт-чародей, который прикосновением золотого жезла преображает и заставляет звучать окружающие вещи, как Бальмонт; не поэт-иерофант, ведающий тайны и откровения древние и новые, и лишь немногих допускающий в святилище свое, как Вячеслав Иванов; Брюсов поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов, основатель самодержавий". Менее всего критик стремится скомпрометировать этой характеристикой Брюсова как художника. В осуществлении заданного призвания, в "римских", имперских, волевых мотивах и творческих устремлениях Волошин обнаруживает всю полноту и цельность его поэтической индивидуальности: «Знаменательна эта привязанность Брюсова к Риму. В ней находим мы ключи к силам и уклонам его творчества. Ему чужды изысканный эстетизм и утонченные вкусы культур изнеженных и слабеющих. В этом отношении никто дальше, чем он, не стоит от идеи "декаданса" в том смысле, как его понимали и признавали себя "декадентами" Маллармэ и его группа. Брюсов всегда предпочтет бой гладиаторов в Колизее зрелищу трагедии Софокла в театре Диониса. Ему не выгнуть в стихе овала хрупкой глиняной вазы, тонкою кистью не расписать ему черным по красному легких танцующих фигур. Но он может высокой дугой вознести свой стих – вечный, как римский свод. Он строит широко и крепко. Строфы его поэм, как аркады акведуков, однообразные и стройные, тянутся до далеких горизонтов, и стрелы его военных дорог, мощеных широкими мраморными плитами, лучатся по всем покоренным странам и временам».

Стремление к власти, к волевому утверждению собственной личности Волошин пытается распознать во всех аспектах творческой деятельности Брюсова – и в дерзновенных ранних поэтических опытах, когда он должен был давать отпор "яростным свисткам", "ненависти в публике" и выносить на своих плечах "всю несправедливость и тяжесть борьбы"; и в трактовке любовной темы ("Он не перейдет на высшую ступень по отношению к женщине и любви. Женщина останется для него навсегда проституткой (Священной жрицей), а любовь судорогой сладострастия (Ложем пытки). Но, не подымаясь вверх, он бесконечно углубит эти явления жизни и свяжет их с биением мировой жизни"); и в зрелом творчестве, в котором он, предчувствуя "свою грядущую победу над современностью", вызывает тени Ассаргадона, Александра Македонского и Наполеона, проходит "школу римского легионера, ландскнехта и конквистадора"; и в самом движении "от грубых стихотворных опытов юности к нынешнему совершенству форм"; и в литературной политике текущего дня. В характере руководства "Весами" также, по

мнению Волошина, с наглядной отчетливостью сказывается эта определяющая черта личности Брюсова:

«Свою империю, которую он волен сделать всемирной, он строит в области Слова и Мечты. Но это не меняет *римских* приемов его завоевательной политики. В покоренных областях он вводит гражданственный строй, и на страже его законов стоит беспощадно карающий ликтор ("Весы").

Но в императоре, гранящем свои законы на бронзовых таблицах, живет грубый солдат-легионер. Отсюда, даже в самых совершенных произведениях его, то особое отсутствие художественного вкуса, то особое римское безвкусие, свойственное эпохам Цезарей и Наполеонов.

Отсюда и то замечательное явление, что в понимании любви он не может стать выше центуриона, приехавшего в Рим из далекого лагеря, ландскнехта, вступившего в покоренный город, или моряка, на короткие часы сошедшего на землю в большом средиземном морском порту. Именно за этими лицами любит он прятать свое лицо, повествуя о любви.

Тот же римский дух сказывается в его литературных отношениях, в его борьбе за первенство в русской поэзии. Он составляет "триумвираты" (Бальмонт, В. Иванов, Брюсов), между которыми делит мировое владычество (см. все посвящения и послания к этим поэтам), он же начинает гражданские войны и ведет борьбу против других триумвиров. В "Urbi et Orbi" и в "Stephanos" в целых отделах сказывается эта борьба за первенство сперва с Бальмонтом, потом с Вячеславом Ивановым»[111].

В.Я. БРЮСОВ

Рисунок М.А. Волошина. 1900-е годы. Карандаш
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Как и в других своих очерках, печатавшихся под рубрикой "Лики творчества", Волошин и в статье о Брюсове касался не только литературных произведений анализируемого автора, но и стремился передать свои впечатления от внешнего облика поэта, а также сообщал сведения, почерпнутые из личных разговоров с ним. В своих критических этюдах Волошин, кроме того, пытался воссоздать синтетический образ писателя и для этого считал необходимым иметь непосредственные, в том числе визуальные, представления о нем (ранее Волошин уже воспроизвел своеобразный портрет Брюсова в статье о книге А. Блока "Нечаянная Радость"[112]). Однако именно этот аспект волошинской статьи послужил Брюсову поводом для протеста в связи с ее публикацией, который он, стараясь не обидеть Волошина, направил непосредственно ему же для последующего помещения в "Руси" (см. п. 70). Брюсов заявил, что считает недопустимым излагать в печати обстоятельства его жизни и воспроизводить частные беседы с ним. Особенно Брюсова задело, что Волошин допустил грубую ошибку, вложив в его уста совершенно невозможную фразу: "Поэты Антонинов – Рутилий и Авзоний мне ближе всего" – разумеется, Брюсов, искушенный знаток Рима эпохи упадка, не мог соединить в разговоре имена поэтов IV – начала V в. с императорской династией, правившей во второй половине I–II в.[113] Хотя Волошин в ответном "письме в редакцию" и разъяснял свой критический метод, отстаивая право на импрессионистическую вольность и субъективизм оценок и характеристик (см. п. 71), общая реакция на эту полемику в литературной среде сложилась не в его пользу: протест Брюсова против сообщения в печати "небылиц" о нем был сочтен вполне обоснованным, а статья Волошина расценена как "трафаретное оригинальничанье без оригинальности"[114].

Есть основания предположить, что не одни только сообщения фактов из биографии Брюсова и неточные пересказы бесед явились причиной для возбуждения этой полемики: ведь не протестовал Брюсов тогда же, в январе 1908 г., против публикации посвященной ему статьи Андрея Белого, его товарища по "Весам", в которой, в частности, рассказывалось о том, как они вдвоем в деревне "бегали вперегонки", "состязались в прыганьи и лазаньи по деревьям"[115]. Видимо, сама волошинская концепция, эффектная и талантливо изложенная, но, безусловно, далеко не исчерпывающая всего богатства творческой личности поэта и дающая ей весьма специфическое освещение, не удовлетворила Брюсова своей тенденцией и выводами, которые по отношению к нему как лидеру "весовской" группы символистов могли быть на любой лад перетолкованы в обстоятельствах междоусобной полемики; поэтому он и поспешил высказать в печати свое мнение на этот счет. Показательно, что и Волошин улавливал определенный подтекст за строками брюсовского письма и признавался Эллису, что предчувствует в этом инциденте "начало большой борьбы" (см. п. 71, прим. 1). Борьба, впрочем, не имела продолжения; между Брюсовым и Волошиным установились отношения, которые последний иронически охарактеризовал как "вооруженную дружбу" (см. п. 74, прим. 1), но творческий союз в последние два года издания "Весов" восстановлен так и не был. Волошин стал интенсивно печататься в московском символистском журнале "Золотое руно", конкурировавшем с "Весами"[116], а в 1909 г. активно участвовал в подготовке и издании первых номеров нового петербургского журнала "Аполлон".

Месяц спустя после статьи о "Путях и перепутьях" в газете "Русь" был опубликован другой очерк Волошина – "Город в поэзии Валерия Брюсова"[117]. По своей внутренней логике эта статья явилась продолжением предшествовавшей; в ней получила дополнительное развитие прежняя концепция, характеризующая Брюсова как певца борьбы, силы, волевого дерзания. Верный своему обычному стремлению опровергать установившиеся мнения и представлять то или иное явление в неожиданном освещении, Волошин на этот раз подверг переоценке репутацию Брюсова как поэта города. Признавая, что "город, действительно, неотвязно занимает мысли Брюсова, и половина всего, что он написал, так или иначе касается города", Волошин, однако, утверждает, что Брюсов на самом деле далек от понимания и приятия Города в его подлинном смысле – "настоящего", Старого Города, сформированного средневековьем и уничтожаемого современностью. На материале поэзии Брюсова Волошин развивает одну из своих основополагающих идей – о враждебной противоположности между подлинной культурой и современной цивилизацией. Последняя, по мысли Волошина, знаменовала собой победу механического, бездушного начала над органическим бытием, и в частности победу стихии улицы, "рабства путей, рабства скорости" над гармонически целостным (каким он представлялся в его романтически-пассеистских фантазиях) миром Старого Города. Под этим углом зрения Брюсов преображается из поэта города в поэта улицы, скорости, циркуляции современной жизни: "Дитя нового варварства, скрытого в неудержимом потоке дорог, он начинает сознавать себя лишь при победоносном вступлении улицы в город, и потому совсем не различает, где кончается город и где начинается улица"; "Истинным мощным поэтом – собою становится он лишь тогда, когда призывает варваров к разрушению Города". В статье говорится немало меткого и проницательного о поэзии Брюсова и в особенности о его драме "Земля". Но при всей своей оригинальности и талантливости волошинские размышления на темы города позволяют составить гораздо более отчетливое представление о его собственных концепциях, нежели о брюсовском творчестве, которое послужило лишь удобным иллюстративным материалом для их изложения.

Брюсову, в свою очередь, представилась возможность высказаться о поэзии Волошина, когда в 1910 г. в издательстве "Гриф" вышел в свет его первый сборник[118]. Рецензию Брюсова[119] Волошин позднее назвал "единств⟨енным⟩ положительным отзывом" критики о себе – наряду с книгой В. Львова-Рогачевского "Новейшая русская литература" (М., 1922)[120]. В столь категорическом заявлении Волошин, разумеется, был далек от истины: тот же сборник "Стихотворения. 1900–1910" был встречен рядом сочувственных и даже весьма хвалебных отзывов[121]. Но неудивительно, что Волошину запомнилась прежде всего краткая рецензия Брюсова. В ней в нескольких десятках строк дан общий обзор поэтического пути Волошина – от "импрессионизма ранних декадентов" через школу парнасцев, давших ему "чеканность стиха, строгую обдуманность ⟨...⟩ эпитета, отчетливость и законченность образов", к глубоким философским темам зрелого творчества. Брюсов лаконично и отчетливо обрисовывает черты поэтической индивидуальности Волошина, отличающие его от других художников слова: "Стихи М. Волошина не столько признания души, сколько создания искусства; это – литература, но хорошая литература. У М. Волошина вовсе нет непосредственности Верлена или Бальмонта; он не затем слагает свои строфы, чтобы выразить то или иное, пережитое им чувство, но его переживания дают ему материал, чтобы сделать в стихах тот или иной опыт художника ⟨...⟩ В каждом его стихотворении есть что-нибудь останавливающее внимание: своеобразие выраженного

в нем чувства, или смелость положенной в основание мысли (большею частью крайне парадоксальной), или оригинальность размера стиха, или просто новое сочетание слов, новые эпитеты, новые рифмы" (VI, 341). Последний перечень достоинств поэзии Волошина имеет для Брюсова отнюдь не второстепенное значение. Будучи сам безукоризненным мастером стиха, он умел ценить "формальные" достижения и у других авторов; филигранная поэтическая техника, которой овладел Волошин, могла бы, по убеждению Брюсова, пойти на пользу начинающим поэтам, поскольку стихи его "сделаны рукой настоящего мастера, любящего стих и слово, иногда их безжалостно ломающего, но именно так, как не знает к алмазу жалости гранящий его ювелир" (Там же. 342)[122].

Убеждение в том, что важнейшее достоинство поэзии Волошина заключается в ее "парнасизме", в формальном совершенстве стиха и пластической определенности образной ткани, Брюсов развивает и в последующих отзывах о его произведениях. Рецензируя "Антологию" издательства "Мусагет", Брюсов замечает по поводу опубликованного в ней цикла стихотворений Волошина "Киммерийская весна": "... по обыкновению, в строфах М. Волошина есть напряженная красивость и исхищренная торжественность" (Там же. 370). Когда возникает потребность в предисловии к французской "Антологии русских поэтов" (1911) охарактеризовать поэзию Волошина одной фразой, Брюсов пишет в том же ключе: "М. Волошин, отправляющийся преимущественно от поэзии парнасцев, любит создания строгие, законченные, несколько холодные, но часто похожие на обдуманные комбинации драгоценных камней"[123]. К сходным сопоставлениям прибегает он и в рецензии на вторую книгу стихов Волошина "Anno mundi ardentis. 1915", представляющую собою отклик поэта на мировую войну: "... стихи М. Волошина похожи на иератические сосуды литого серебра, которые искусный резчик затейливо украсил хитрыми заплетенными узорами, требующими пристального внимания и подготовленного к такой красоте глаза"[124].

Сосредоточенность внимания на особенностях стиха как такового отнюдь не означает, что Брюсов был равнодушен к темам и идеям, которые затрагивает и выражает волошинская поэзия; но в этом отношении достоинства Волошина оказываются для него уже не столь безусловными. Так, сборник "Anno mundi ardentis", в котором поэт в апокалиптической тональности передал трагизм происходящих событий, вызвал у Брюсова двойственное впечатление: "Обилие прописных букв, наприм., для таких слов, как Земля, Потоп, Бездна, Сеятель, Ложь, и цитат из Библии обличают намерение автора сказать нечто важное, но настойчивая забота говорить непременно умно, непременно красиво, непременно оригинально, не так, как другие, – лишает книгу светлости, прозрачности и легкости, составляющих высшее очарование поэзии. Спасают автора воспитанный вкус и своеобразная эрудиция, но прежде всего значительность тем, воспринятых серьезно. Своими несколько тяжелыми ритмами, своими слишком исхищренными рифмами, своими словно поставленными на котурны образами М. Волошин не в силах выразить вполне то большое, чтó смутно прозревает; но это большое за его стихами все же чувствуется, и потому они не производят впечатления несоответствия с огромными событиями "года воспламененного"»[125].

Показательно в этом отзыве, что Брюсова уже не удовлетворяет высокая символистская риторика в стихах Волошина, которой он сам некогда принес щедрую дань. Стремясь в 1910-е годы в собственных исканиях к простоте и прозаизации фактуры стиха, Брюсов, видимо, вообще стал воспринимать условную образность и торжественно-декламативные интонации как несозвучные поэтической современности (хотя далеко не во всем сумел изжить их в своей поэтической практике этого времени). Общая же позиция, утверждавшаяся Волошиным в сборнике "Anno mundi ardentis", его отчетливо антивоенный пафос вызвали у Брюсова сочувственный отклик": «Книга М. Волошина – одна из немногих книг о войне, особенно в стихах, которые читаешь без досады, без чувства оскорбления, но с волнением, хотя его источник – не в поэте, а в величии переживаемого нами. Среди тягостного убожества и вопиющей пошлости современных "военных стихов" стихи М. Волошина, при всей надуманности их стиля, при всех их внутренних и внешних недостатках, – благородное исключение»[126]. Необходимо подчеркнуть, что позднее Брюсов достаточно высоко (хотя и очень суммарно) отозвался также о послереволюционных стихах Волошина: в статье "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии" (1922) он мимоходом отметил, что "ничуть не ниже прежних поэм новые стихи М. Волошина ⟨...⟩, и они имеют еще то достоинство, что часто касаются тем современности" (VI, 508), – немаловажная характеристика, в особенности если учесть, что Брюсов весьма сурово расценивал тогда новейшие поэтические опыты других своих прежних товарищей по символистскому движению.

После прекращения "Весов" в 1909 г. личные отношения Брюсова с Волошиным – как, впрочем, и со многими другими близкими сотрудниками журнала – на протяжении более чем десятилетия представляют собой серию разрозненных эпизодов. Волошин подолгу жил в

1910-е годы в Москве, но это не способствовало новому сближению с Брюсовым – встречи их происходили от случая к случаю, в основном по сугубо деловым поводам. Будучи в 1910–1912 гг. заведующим литературно-критическим отделом "Русской мысли", Брюсов способствовал помещению там статей Волошина (хотя они далеко не во всем соответствовали критическому стилю, принятому в этом традиционном "толстом" журнале[127]). Поэты встречались на заседаниях Московского Литературно-художественного кружка; в частности, 30 ноября 1911 г. Брюсов выступал с рефератом "Влияние романтизма на жизнь и нравы" (по поводу книги французского исследователя Луи Мэгрона "Романтизм и нравы"), а Волошин ему оппонировал[128]. Переписка между Брюсовым и Волошиным в эти годы замирает. Отдельные эпизоды их отношений известны из сохранившихся двух писем И.М. Брюсовой к Волошину (7 ноября 1910 г. она обращается к нему с предложением участвовать в "Толстовском вечере" в "Обществе свободной эстетики", 5 марта 1912 г. приглашает на следующий день в гости, говоря о Брюсове: "Он давно хотел вас видеть"[129]) и из дарственных надписей на книгах[130], но все это лишь отголоски прежнего деятельного сотрудничества. Распад символизма как цельной и сплоченной литературной школы в 1910-е годы неизбежно повлек за собой и оскудение взаимоотношений Брюсова и Волошина, которые уже не были объединены общим делом. Это хорошо понимал Волошин. "Брюсов теперь как-то оказался вне всего литературн⟨ого⟩ движения, – писал он 9 ноября 1910 г. А.М. Петровой. – Он по горло занят какими-то делами. Всегда торопится, даже утерял свое спокойствие. В нем явилась растерянность. Я вижу его все урывками и не могу еще понять, что с ним и куда он теперь идет"[131]. Безусловно, говоря о "литературном движении", Волошин имел в виду "новое искусство", рамки которого в это время стали для Брюсова слишком стеснительными.

И все же духовная связь между Брюсовым и Волошиным не прервалась, но, наоборот, завершилась ярким, выразительным эпилогом. 28 марта 1924 г. Волошин навестил Брюсова в его квартире в Москве[132] и пригласил летом приехать на отдых в Коктебель. Брюсов откликнулся на приглашение и провел август 1924 г. в гостях у Волошина. Несколько недель каждодневного общения, происходившего за месяц с небольшим до смерти Брюсова, показали, что ни годы, ни грандиозные исторические события не развели в разные стороны былых соратников по "Весам": Брюсов, один из крупнейших деятелей новой культуры, и Волошин, по-своему постигавший глубинный исторический смысл свершившегося социального переворота, вновь нашли общий язык, поняли и приняли друг друга.

Пребывание Брюсова в Коктебеле описано со множеством колоритных подробностей разными авторами – самим Волошиным в мемуарных набросках о Брюсове, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Андреем Белым; Л.П. Гроссман посвятил этой теме мемуарный очерк "Последний отдых Брюсова"[133]. В письме к К.И. Чуковскому от 15 ноября 1924 г. Волошин вспоминал о Брюсове в дни его пребывания в Коктебеле: "Он был какой-то умудренный и просветленный, очень простой и общительный, каким никогда раньше не знал его. Он устраивал конкурсы стихов, литературные игры, обнаружил драматический талант в импровизации кинематографической фильмы. Все, кто видели его эти недели, были им пленены, и сам он как-то расцвел и помолодел в очевидно приятном ему обществе"[134]. В день именин Волошина (17 августа) Брюсов написал стихотворение "Максимилиану Волошину", воспевающее в одической тональности поэта как хозяина и подлинного творца Коктебеля:

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!

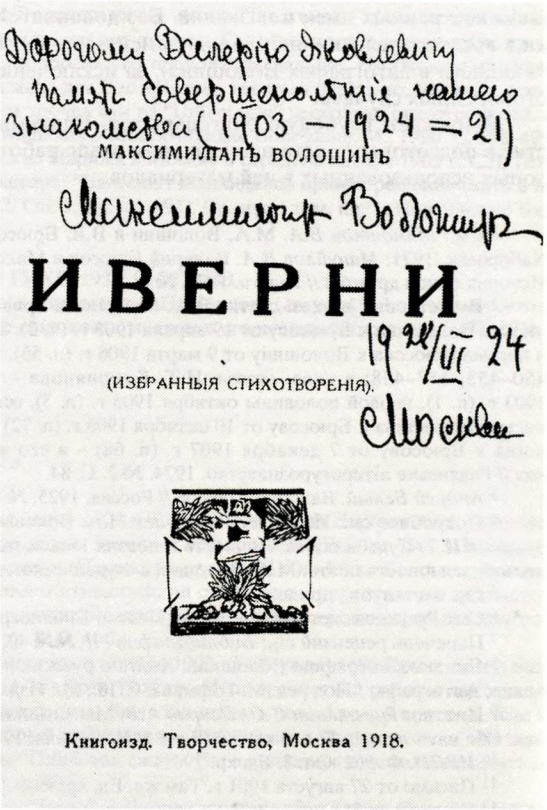
Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров.
⟨. . . . . .⟩
И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно былого мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп кумира.

(III, 433–434)[135]

Уезжая из Коктебеля, Брюсов оставил в книге дома поэта благодарственную запись: "Коктебелю и его радушным хозяевам, Марии Степановне и Максимилиану Александровичу, я навсегда признателен за то, что после Тавриды узнал Киммерию, край суровый и прекрасный, край многотысячелетней древности и край, где заглядываешь в будущие века, пустыню, где та-

ится жизнь, разгадать которую – великое счастье. Без дружеского призыва М.А. Волошина я не попал бы в эту землю, без его проникновенных стихов и спокойно вдохновенных объяснений не понял бы ее, без особого уюта, созданного М.А. и М.С., не сумел бы жить в ней столько, чтобы угадать, – скорее предчувствием, чем уже знанием, – ее мировое величие. Дни, проведенные мною впервые в Коктебеле, проводят новую четкую черту в моей жизни"[136].

Сходным образом переживал свою последнюю встречу с Брюсовым и Волошин. "На его пребывание в Коктебеле смотрю как на особый дар судьбы (...), – писал он 16 ноября 1924 г. А.П. Остроумовой-Лебедевой. – Пред самой смертью мы встретились с ним сердечно и дружески, так, как встречались когда-то в дни юности. Попрощались горячо, как люди, которым предстоит еще много лет новых более близких отношений"[137]. 23 октября 1924 г. Волошин направил письмо соболезнования И.М. Брюсовой, в котором также говорил о вновь обретенном чувстве духовной связи с покойным поэтом: "Мне дана грустная радость в сознании того, что последние дни своего ясного общения с природой Валерий Яковлевич провел под моим кровом в Коктебеле этим летом. Здесь нам было дано снова встретиться интимно, дружески, как мы уже много лет не встречались во время моих проездов через Москву. Я давно не видал его таким ясным, просветленным, умудренным. И все, кто ни были эти недели вместе с ним, вынесли то же впечатление и нежную симпатию к нему"[138].


Дорогому Валерию Яковлевичу
память совершеннолетия нашего
знакомства (1903 — 1924 = 21)
МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ
Максимилиан Волошин
ИВЕРНИ
1928/III 24
(ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ).
Москва
Книгоизд. Творчество, Москва 1918.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. ИВЕРНИ.
М., 1918

Титульный лист с дарственной надписью:
"Дорогому Валерию Яковлевичу память совершенолетия
нашего знакомства (1903–1924 = 21)
Максимилиан Волошин 19 28/III 24 Москва"
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Письма Брюсова к Волошину печатаются по автографам, хранящимся в архиве М.А. Волошина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 289).

Основная часть писем Волошина к Брюсову печатается по автографам, хранящимся в архиве В.Я. Брюсова в ОР Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (*ГБЛ*. Ф. 386, 80, 33–34).

Письмо Волошина к Брюсову от 30 июня/13 июля 1905 г. (п. 53) печатается по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в Рукописном отделе Института мировой литературы им. А.М. Горького (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 80), письмо Волошина к Брюсову, приблизительно датируемое январем 1906 г. (п. 55), – по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в Центральном гос. архиве литературы и искусства СССР (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 89).

Автографы двух писем, включенных в публикацию, – Брюсова к Волошину от 12 ноября 1903 г. (п. 7) и Волошина к Брюсову от 25 февраля/9 марта 1904 г. (п. 24) – не обнаружены; тексты их воспроизводятся по машинописным копиям, сохранившимся в Доме-музее М.А. Волошина (Коктебель).

В публикацию не включены два кратких письма, незначительных по содержанию (письмо Волошина от 17/30 сентября 1904 г. – *ГБЛ*. Ф. 386, 80.33 – и письмо Брюсова от 1/14 октября 1908 г. – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 283. Л. 44), а также письмо Волошина от 6/19 апреля 1905 г., посвященное изложению "исследований о способах добывания гашиша".

Тексты писем публикуются с сохранением характерных орфографических и пунктуацион-

ных особенностей автографов, в том числе с сохранением не употребляемых ныне транскрипций иностранных имен и названий. Без дополнительных оговорок исправлены описки и ошибки в воспроизведении иноязычных имен и названий на языке оригинала (особенно часто встречающиеся в автографах Волошина), за исключением некоторых характерных или специально оговоренных случаев.

Выражаем глубокую благодарность Владимиру Петровичу Купченко, принявшему участие в подготовке текста на начальном этапе работы и сообщившему о местонахождении некоторых использованных в ней материалов.

[1] См.: *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и В.Я. Брюсов // Учен. зап. Хабар. пед. ин-та. Т. 31. Сер. лит. Хабаровск, 1971; *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971*; *Куприянов И.* История одной дружбы // Радуга. 1977. № 6.

[2] В частности, в указ. статье В.А. Мануйлова приведены полностью (или с небольшими купюрами) письма Волошина к Брюсову от 19 апреля 1903 г. (п. 2), 24 октября 1905 г. (п. 54), 7 сентября 1917 г. (п. 78) и письма Брюсова к Волошину от 9 марта 1906 г. (п. 56), 1 января 1908 г. (п. 70) – *Чтения 1971*. С. 446–447, 450–453, 457–458; в указ. статье И.Т. Куприянова – письма Брюсова к Волошину от 12/25 апреля 1903 г. (п. 1), первой половины октября 1903 г. (п. 3), сентября 1904 г. (п. 43), 11 октября 1908 г. (п. 73) и письмо Волошина к Брюсову от 10 октября 1908 г. (п. 72) – Радуга. 1977. № 6. С. 150, 151, 155; письмо Волошина к Брюсову от 7 декабря 1907 г. (п. 68) – в его же заметке: Дарчі написи В. Брюсова на книжках // Радянське літературознавство. 1974. № 2. С. 84.

[3] *Андрей Белый.* Валерий Брюсов // Россия. 1925. № 4 (13). С. 272.

[4] Подробнее см.: Из студенческих лет М.А. Волошина / Публ. Р.П. Хрулевой // *Ежегодник 1973; Куприянов И.Т.* Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978; *Купченко Вл.* Вольнолюбивая юность поэта: М.А. Волошин в студенческом движении // Новый мир. 1980. № 12.

[5] См. наст. публ., прилож. № 1.

[6] См.: Русские советские писатели: Поэты. Библиогр. указатель. М.: Книга, 1982. Т. 5. С. 246.

[7] Перечень рецензий см.: *Библиография* / *II*, №№ 49, 50, 52–54, 58, 60.

[8] См. автобиографию Волошина: Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Очерки. Стихотворения. Автографы / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1909. С. 365.

[9] Цит. по: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Волошинские чтения. Сб.: науч. тр. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1981. С. 80.

[10] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 29.

[11] Письмо от 27 августа 1901 г. Там же. Ед. хр. 99.

[12] См. наст. публ., прилож. 2.

[13] 29 января 1902 г. Волошин писал Е.С. Ляминой об этой лекции: "Я выставлял Некрасова как истинного художника – предтечу всех новейших течений русской поэзии, а Алексея Толстого как вечный тормоз искусства – олицетворение академизма. Все это с точки зрения последних выводов французской эстетики. Успех был полный: т.е. вся русская колония только и делает, что ругательски ругает меня" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 73). Об этой лекции Волошин вспоминает также в записях "О Некрасове", сделанных в "Чукоккале" в 1924 г., попутно отмечая: "Мне кажется, что со стороны поэтов моего поколения (т.е. символистов) моя манифестация в честь Некрасова была хронологически первой" (см.: "Чукоккала". Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 313–316). Отметим, однако, что Брюсов ранее Волошина писал о Некрасове и об историческом значении его поэзии (Некрасов и Тютчев // *РА*. 1900. № 2). См.: *Гиндин С.* Брюсов о поэтике Некрасова // Н.А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1971. С. 128–129; *Тиханчева Е.* Поэзия Некрасова в оценке русских символистов // Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1972. С. 331–334.

[14] См.: *Андреевский С.* Вырождение рифмы: Заметки о современной поэзии // Мир искусства. 1901. № 5; *Брюсов В.* Ответ г. Андреевскому // Там же.

[15] Там же. С. 239, 244.

[16] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 2–4.

[17] Там же. Л. 2.

[18] Там же. Л. 16.

[19] См. наст. публ., прилож. 2.

[20] Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 365.

[21] *Бальмонт Е.А.* Воспоминания о Волошине (1933) // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2.

[22] См. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 88.

[23] 8 мая 1903 г. Брюсов писал из Парижа Г.И. Чулкову о Ященко: "Он полюбился мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь больше" (*Чулков Г.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 318).

[24] Письмо от 5 января 1903 г. // *ГБЛ*. Ф. 386, 110.37.

[25] Там же.

[26] В архиве Волошина сохранился пригласительный билет на это "закрытое заседание в аудитории Географического общества (у Чернышева моста, 6-ая гимназия)" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 35. Л. 1–2).

[27] Русь. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М. Лики творчества.* С. 407–408; почти дословное воспроизведение этого фрагмента см.: наст. публ., прилож. 2. 2 февраля 1903 г.; в день отъезда из Петербурга в Москву Волошин писал матери: "Мои литературные знакомства: Мережковские, Минский, Розанов, Венгерова, Allegro, Брюсов" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60).

[28] *НП*. 1903. № 8. 1 апреля 1924 г. Л.В. Горнунг записал в дневнике воспоминания Волошина о его первой встрече с Брюсовым: «По просьбе Брюсова Волошин начал читать "В вагоне" – последнее из написанного, но был прерван, так как Брюсова отозвали по какому-то делу. Он извинился, а вернувшись, прочел сам наизусть прочитанное Волошиным начало и просил его продолжать дальше. По окончании сказал: "Когда Вы пришли, мне показалось, что у меня мало для Вас времени, теперь я чувствую, что могу остаться с Вами дольше", – и просил читать еще. Затем прочел сам из "Urbi et orbi" несколько стихотворений, которые страшно понравились Волошину» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 498–499).

[29] *ГБЛ*. Ф. 386, 69.4. К.Д. Бальмонт приехал из Парижа в Москву в середине января 1903 г. С.Л. Поляков (Литовцев) писал Волошину из Парижа 12 января: "Бальмонт неожиданно принял решение ехать в Москву и в четверг (15.I) выезжает" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 991). Ср. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 89, прим. 2.

[30] *Дневники*. С. 130.

[31] См.: *Андрей Белый*. Начало века. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. С. 227–230.

[32] *СЦ 1903*. После выхода альманаха Брюсов в письме к П.П. Перцову (август 1903 г.), касаясь его содержания, отмечал: "Стихи М. Волошина мне не слишком нравятся: в его чтении было лучше" (*ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 23).

[33] Подробнее см. наст. публ., прилож. 2.

[34] *Дневники*. С. 135.

[35] *НП*. 1904. № 5.

[36] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93.

[37] *Дневники*. С. 135.

[38] *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4.

[39] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 5. 1 февраля (н.ст.) 1904 г. Волошин писал из Парижа А.М. Петровой: «Теперь я пишу в "Весах" об искусстве (редактор отдела изящных искусств-с!)» (Там же. Оп. 3. Ед. хр. 93). Ср. также письмо художника Б.Н. Матвеева к матери (Париж, 6 марта 1904 г.): «Макс Волошин, который был в Крыму в таком чудном костюме, здесь совсем изменился, он стал очень корректным и вращается в кругу передовых литераторов французских. Он состоит, между прочим, одним из редакторов декадентского журнала "Весы"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4об.).

[40] Эта статья еще до публикации (видимо, тогда же, в ноябре 1903 г.) обсуждалась с Брюсовым и Бальмонтом, о чем Волошин сообщал А.М. Петровой 10 марта 1904 г.: «Итог трехлетней работы над живописью я сконцентрировал на 11 страницах. То, из чего можно было бы сделать целый том, я кратко и ясно изложил на нескольких страницах. ⟨...⟩ Упрек, который мне ставился Брюсовым и Бальмонтом, – это чересчур большая расточительность мысли, щедрость. "Пиша так сжато, Вы испишетесь в нескольких статьях", – говорил мне Брюсов» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 93).

[41] *Мамонтов В.А*. М.А. Волошин и журнал "Весы" // Вторая науч. конф. (Южно-Сахалинский гос. пед. ин-т): Тез. докл. по итогам научно-исслед. работы за 1966 г. Южно-Сахалинск, 1967. С. 201.

[42] *ГБЛ*. Ф. 386, 70.37. Л. 46.

[43] Весы. 1904. № 10. С. 77. Без подписи (раздел "В журналах").

[44] См. письмо М.Н. Семенова к С.А. Полякову от 4 января 1905 г. // *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед.хр. 182. Л. 45об.

[45] Весы. 1904. № 10. С. 77.

[46] *Волошин М*. Письмо из Парижа. Литературные банкеты "La Plume" // Русь. 1905. № 187. 13/26 авг. С. 3.

[47] Письма Р. Гиля и Алисы Гиль к Волошину опубликованы П.Р. Заборовым (*Ежегодник 1979*). Сохранился также черновой набросок письма Волошина к Р. Гилю, относящийся, судя по содержанию, к 1913 г. Рекомендуя Гилю стихи молодой поэтессы Майи Кювилье (в первом браке Кудашева, впоследствии – жена Р. Роллана), Волошин восклицает: "О как я иногда сожалею, что не могу зайти к Вам во вторник на улицу Ланюб..." (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 17).

[48] Об этом инциденте подробно рассказывает письмо М.Н. Семенова к С.А. Полякову, написанное в Париже 24 ноября 1904 г. «Вчера, – пишет Семенов, – у меня был довольно крупный разговор ⟨...⟩ с Волошиным. Он пришел и заявил, что Рене Гиль очень обижен тем, что "Весы" напечатали отзыв Иванова на книгу французского поэта Visan. Волошин находит тоже, что это бестактно со стороны "Весов", так как на этот отдел был приглашен Рене Гиль. Я старался Волошину втолковать (думаю, что и вы все разделяете мою точку зрения), что редакция "Весов" не может стеснять себя таким образом и даже не может никому поручать *постоянное* писание рецензий по какому-либо отделу, тем закрывая себе возможность печатать рецензии других своих сотрудников. ⟨...⟩ Несмотря на долгое убеждение, Волошин мне не внял и сказал, что, может быть, Гиль даже выйдет из-за этого из "Весов". Я думаю, что Гиль этого не сделает, а если бы даже и сделал, убытка от этого "Весам" не будет никакого» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед.хр. 182. Л. 39об.–40).

Упоминается рецензия на книгу: Tancrède de Visan. Paysages introspectifs (Paris. 1904), опубликованная в № 10 "Весов" за 1904 г.

[49] Весы. 1904. № 4, 5.

[50] См. об этом подробнее: *Волошин М. Лики творчества*. С. 657–658.

[51] Ср. статью Волошина "Театр L'Oeuvre" (Русь. 1905. № 31. 7 февр. С. 3).

[52] См. подробнее: *Сарабьянов Д*. В.Э. Борисов-Мусатов и художники группы "Наби" // Сарабьянов Д.В. Русская живопись XIX в. среди европейских школ. М. 1980. С. 222–237.

[53] См.: *Кангиласки Я.Ю*. Группа художников "Les Nabis" и их роль в истории французской живописи конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ⟨...⟩ канд. искусствоведения. Тарту, 1969.

[54] Сохранились рекомендательные письма Редона к Боннару, Дени и Вюйару, которые художник дал Волошину. В письме к Вюйару сказано: "...рекомендую Вам г-на Макса Волошина. Он хочет Вам кое-что предложить" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1421. Л. 4. Текст написан на визитной карточке).

[55] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 33.

[56] *Волошин Максимилиан*. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Весы. 1907. № 2. С. 74; *Волошин М. Лики творчества*. С. 427.

[57] *Волошин М*. Эмиль Верхарн // Биржевые ведомости. 1917. № 16022. 6/19 янв., утр. вып. С. 7.

[58] *Волошин Максимилиан* . Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 7.

[59] О личных и литературных связях Верхарна и Брюсова см. подробнее во вступительной статье Т.Г. Динесман к публикации переписки поэтов (*ЛН*. Т. 85. С. 546–559). Этой же теме посвящена статья: *Дронов В.С.* Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // *Чтения 1962*. С. 216–231. См. также: *Поступальский И.* Верхарн и Брюсов // Лит. газ. 1934. № 136. 10 окт. С. 2.

[60] Перевод стихотворения Верхарна "К северу" ("Два моряка возвращались на север...") был опубликован в *TV*.

[61] Русь. 1905. № 188. 14 авг.

[62] Весы. 1905. № 8.

[63] Ежемесячный журнал для всех. 1905. № 11.

[64] *ГБЛ*. Ф. 386, 95.10.

[65] *Лит. архив*. С. 178. Второе из присланных стихотворений – "Кузнец" – опубл.: Журнал для всех. 1905. № 12.

[66] Сопоставительный анализ этих двух переводов дается в диссертации Клаудии Вальрафен "Максимилиан Волошин – художник и критик" (*Wallrafen C.* Maksimilian Wološin als Künstler und Kritiker // Slavische Beiträge. München, 1982. Bd. 153. S. 248–253).

[67] *Верхарн Э*. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

[68] *Волошин М*. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Весы. 1907. № 2; *Волошин М. Лики творчества*. С. 427–433.

[69] *Верхарн Э*. Стихи о современности. С. 28, 29.

[70] Тема "Брюсов-переводчик ставилась и исследовалась многократно. См., например, *Чтения 1966*, почти целиком посвященные этой проблеме. Об эволюции переводческих принципов Брюсова см.: *Гаспаров М*. Брюсов и буквализм: По неизданным материалам к переводу "Энеиды" // Мастерство перевода. М., 1971. Сб. 8.

[71] Весы. 1907. № 2. С. 77; *Волошин М. Лики творчества*. С. 429.

[72] Цит. по статье: *Панина А.Л.* Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Записки отдела рукописей ⟨ГБЛ⟩. М., 1972. Вып. 33. С. 95. Ср. также: *Перельмутер В*. Третий собеседник: О переводах М. Волошина // Мастерство перевода. М., 1979. Сб. 12. С. 421.

[73] *Волошин М*. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 29.

[74] Весы. 1907. № 2. С. 80; *Волошин М. Лики творчества*. С. 432.

[75] Весы. 1907. № 2. С. 82; *Волошин М. Лики творчества*. С. 729.

[76] *Перельмутер В*. Третий собеседник // Мастерство перевода. Сб. 12. С. 423.

[77] В частности, Ф.Д. Батюшков в рецензии на "Стихи о современности" писал: «Большой иностранный поэт встретил выдающегося русского поэта, родственного ему по настроениям и отчасти – пройденной эволюции творчества, и русский поэт сумел не только воздать должное своему иностранному собрату, но и сделать его в некотором смысле "нашим", представив несколько образцов его поэзии в превосходном переводе» (Мир божий. 1906. № 7. Отд. 2. С. 88–89); в еще более приподнятом духе был выдержан отзыв Аделаиды Герцык: "Совершилось редкое чудо перевоплощения ⟨...⟩ В своем воссоздании (не хочется говорить: переводе) Брюсов достигает порой той степени совершенства, которая лишь грезится нам, когда мы мечтаем о возможности услышать любимого поэта на родном языке" (Весы. 1906. № 8. С. 66–67; ср. анонимную рецензию: *РМ*. 1906. № 7. Отд. 2. С. 174). К.И. Чуковский писал Брюсову по выходе "Стихов о современности": "Ваш Верхарн – подвиг, равного которому нет. У других это годы и годы, а у Вас – легко, неожиданно, мимоходом" (*ГБЛ*. Ф. 386, 107.42). Любопытно, что еще в 1902 г. С.Л. Рафалович отмечал созвучие ранних брюсовских переводов из Верхарна, помещенных в "Tertia vigilia", оригиналу: "Только что просматривал Ваши переводы из Верхарна ⟨...⟩ и не могу не высказать, насколько они мне кажутся удачными, близкими и по смыслу, и по настроению, и по форме ⟨...⟩ я бы посоветовал Вам дать русскому читателю как можно больше Верхарна" (письмо к Брюсову от 7 декабря 1902 г. – *ГБЛ*. Ф. 386, 100.8).

[78] В частности, в рецензии на антологию переводов Брюсова "Французские лирики XIX века" (СПб.: Пантеон, 1909) В.Л. Львов-Рогачевский, сопоставляя брюсовский перевод сонета Малларме "Лебедь" с волошинским, ранее опубликованным, заключал: «Волошин с гораздо большей легкостью, грацией и ясностью переделал это нежно музыкальное стихотворение "короля поэтов"» (Современный мир. 1909. № 9. Отд. 2. С. 103. Подпись: В. Львов). В новейшее время И.С. Поступальский расценивает волошинские переводы сонетов Эредиа как "блистательные", несмотря на допущенную переводчиком вольность в рифмовке (*Поступальский И.С.* Жозе-Мариа де Эредиа – поэт знаменитый и неведомый // Жозе-Мариа де Эредиа. Трофеи. М.: Наука, 1973. С. 206–207, 247.

[79] *Верхарн Э*. Собрание стихов, 1883–1915. М.: Универсальная библиотека, 1915.

[80] *Верхарн Э*. Поэмы / Пер., предисл. и прим. В. Брюсова. Изд. 4-е, переработ. и доп. Пг.; М.: ГИЗ, 1923.

[81] Там же. С. 120.

[82] *Волошин М*. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 30.

[83] Эмиль Верхарн. [Стихотворения. М., 1917].

[84] *Брюсов В.* Книги о Верхарне // Художественное слово. Временник лит. отдела Наркомпроса. М., 1920. Кн. 1. С. 56.

[85] "Данте современности" – название статьи Брюсова о Верхарне, впервые напечатанной в литературном приложении к газете "День" (1913. № 319. 25 нояб. С. 2–3).

[86] Слова из рецензии Брюсова на сборник Верхарна "Города-спруты" (Весы. 1904. № 3. С. 55).

[87] Художественное слово. Кн. 1. С. 55.

[88] *Верхарн Э.* Поэмы. С. 10.

[89] Письма к М.В. Сабашниковой от июня и 4 июля 1905 г. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 107).

[90] Весы. 1907. № 2. С. 76; *Волошин М. Лики творчества*. С. 428.

[91] *Волошин М.* Эмиль Верхарн // Биржевые ведомости. 1917. № 16022. 6/19 янв., утр. вып. С. 7. То же (в отредактированном виде) в кн.: *Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 15, 22.

[92] Там же. С. 16–17.

[93] *Волошин М.* Париж и война: Верхарн. "La Belgique sanglante" // Биржевые ведомости. 1915. № 15031. 17 авг., утр. вып. С. 2. То же (в отредактированном виде) в кн.: *Волошин. М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 18.

[94] Художественное слово. Кн. 1. С. 55.

[95] *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и В.Я. Брюсов. С. 57.

[96] См.: *Куприянов И.Т.* История одной дружбы. С. 155–156; *Куприянов И.Т.* Судьба поэта. С. 108–110.

[97] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 111.

[98] Письмо к М.В. Сабашниковой-Волошиной (сентябрь 1906 г.). – Там же.

[99] В частности, в том же сентябрьском письме к жене Волошин приводит слова Иванова, к нему обращенные, касающиеся этого вопроса: "Вам надо теперь же собрать две книги: стихов и теоретических статей. Вашей книги ждут. Есть необходимость увидеть Вас в книге. Теперь как-то русские поэты московской школы разошлись. Брюсов погрузился в холодный парнасизм и магизм, далекий от жизни. Бугаев собирается писать некролог Андрею Белому, которому больше некуда идти. Надо оставить этот истрепавшийся литературный псевдоним. Бальмонт, со своей чуткостью, что-то почуял и бросился на народную русскую поэзию... И еще остаются два уединенных поэта – Балтрушайтис и Вы. Я не знаю, что сделал Балт⟨рушайтис⟩ за эти годы. Но он крупный одинокий поэт. А Вы... в форме вы достигли полной мэтриз... Но все за стеклом. Вам надо живого прикосновения к жизни".

[100] *Чуковский К.* Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 446.

[101] Дневниковая запись Волошина от 20 сентября 1907 г. // Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 28.

[102] *ГРМ*. Ф. 97. Ед.хр. 49.

[103] В сонете, написанном в Коктебеле 15 апреля 1907 г., Волошин говорит о своей одинаковой отдаленности и от петербургского, "ивановского", и от московского, "брюсовского", литературного мира. Сонет был отправлен Вяч. Иванову 16 апреля 1907 г.:

Я здесь расту один, как пыльная Агава
На голых берегах среди сожженных гор.
Здесь моря вещего немолкнущий простор
И одиночества змеиная отрава...

А там – на севере крылами плещет Слава,
Там древний бог взошел на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошницы легких Ор,
Там льды Валерия, там солнце Вячеслава.

Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там брызнул Константин струями саламандр,
Там Лидиин "Осел" мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные хариты
Сплетают вереск свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, χαιρή![*] – Максимильян.

(*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 49; опубл. Вл. Купченко: Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 63); Александр – А.А. Блок; Константин – К.Д. Бальмонт; "Осел" – пьеса Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Певучий осел", первая часть которой была опубликована в альманахе "Цветник Ор. Кошница первая" (СПб.: Оры, 1907); Маргарита – М.В. Сабашникова-Волошина).

[104] *ЗР*. 1906. № 10.

[105] Русь. 1908. 24 февр.

[106] *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 204. Л. 2. Аналогичные параллели между творческими индивидуальностями поэтов Волошин прослеживает в одной из своих записных книжек:

"Бальмонт – Брюсов – Вячесл⟨ав⟩ = чувство – воля – мысль.

Б⟨альмонт⟩ – чувство, окрыленное порывами воли.

Брюс⟨ов⟩ – воля, окрыленная мыслью.

Вяч⟨еслав⟩ – мысль, окрыленная и чувст⟨вом⟩ и волей"

(Там. же. Ед.хр. 463. Кн. 2. Л. 2).

[*] привет! (*др.-греч.*).

[107] Там же. Ед.хр. 204. Л. 7.

[108] Весы. 1907. № 1–3, 5–12; 1908, № 2–8.

[109] "Вопросы о любви к поэтам. Максимилиан Волошин. Ответы, записанные в Коктебеле Вс. А. Рождественским. Вопросы Евгения Архиппова. Коктебель. 1932. 30 VI" (*ЦГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 1. Ед.хр. 46. Л. 13об.–14); 3 апреля 1901 г. Волошин сообщал С.К. Маковскому о своем намерении написать для журнала "Аполлон" статью "об историчес⟨ком⟩ романе (Брюс⟨ов⟩, Мережк⟨овский⟩ и Кузмин)". (*ГПБ*. Ф. 124. Ед.хр. 975; этот замысел не был осуществлен).

[110] Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 28. В этой же дневниковой записи Волошин подробнее касается роли Брюсова в развернувшейся полемической кампании и характеризует его тактические приемы: "Он не выступает сам борцом. Он хранит дружбу. Но в его руках его приверженцы – теперь Белый и Эллис, которых он растравляет, поджигает и спускает с цепи. Потом он говорит: "Я даю в своем журнале полную свободу высказывать свои мнения молодым безумцам". Эллис-Кобылинский ⟨...⟩ искренен и страстен до конца. У него талантливый темперамент, но сам он в поэзии бездарен. Он бескорыстно⟨е⟩ и поэтому страшное — слепое честное — орудие в руках Брюсова" (Там же. С. 27–28).

[111] Русь. 1907. № 348. 29 дек., *Волошин М. Лики творчества*. С. 408, 415–416. Ср. дневниковую запись Волошина от 20 сентября 1907 г.: "Сила, давшая такой могучий упор таланту Брюсова, – его честолюбие. Его мучит желание быть признанным первым из русских поэтов. В этом его роман любви и зависти к Бальмонту. Теперь он считает Бальмонта побежденным, но чует еще более опасного противника в Вячеславе" (Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 27).

[112] Впечатления от внешнего облика Брюсова зафиксированы в этой статье наряду с аналогичными впечатлениями от Бальмонта, Вяч. Иванова, Андрея Белого и Блока – других крупнейших поэтов современности: "У Валерия Брюсова лицо звериное – маска дикой рыси, с кисточками шерсти на ушах: хищный, кошачий лоб, убегающий назад, прямой затылок на одной линии с шеей, глаза раскольника, как углем обведенные черными ресницами; злобный оскал зубов, который придает его смеху оттенок ярости. Сдержанность его движений и черный сюртук, плотно стягивающий его худую фигуру, придают ему характер спеленутой и мумифицированной египетской кошки" (Русь. 1907. № 101, 11 апр.; *Волошин М.* Лики творчества С. 485).

[113] Эта волошинская оплошность прочно запомнилась Брюсову. Обнаружив промах в корректуре своего предисловия к "Франческе да Римини" Габриэле Д'Аннунцио, переведенной им совместно с Вяч. Ивановым (СПб.: Пантеон, 1908), Брюсов писал Иванову 3/16 августа 1908 г.: "...боюсь, что исправлять мое предисловие уже поздно. Тогда пусть идет в свет, как оно есть, со всеми ошибками: пусть торжествует Макс Волошин!" (*ЛН*. Т. 85. С. 511).

[114] Так охарактеризовал статью Волошина А.В. Амфитеатров в своем фельетоне "Vies imaginaires"*, посвященном этой полемике (Речь. 1908. № 17. 20 янв.). Особенно возмутили Амфитеатрова и других критиков слова Волошина о том, что детство Брюсова прошло "у дверей публичного дома" и что эти впечатления предопределили трактовку женского образа в его поэзии. Волошин, по мнению Амфитеатрова, "бессознательно наговорил ⟨...⟩ о г. Валерии Брюсове небылиц и непристойностей", а Брюсов «серьезно обиделся – да и прав! – легендами г. Максимилиана Волошина и отчитал своего неудачливого воспевателя жестоко. Слабые возражения г. Максимилиана Волошина, что он, дескать, пишет не критику, но vies imaginaires, и потому волен изображать каждого писателя таким, как тот ему "субъективно" представляется, – или уж очень наивны, или уж очень увертливы» (см.: *Амфитеатров А.* Против течения. СПб.: Прометей, 1908. С. 157–158). В аналогичном ключе отозвался о полемике и В.П. Кранихфельд, отметивший как парадокс то обстоятельство, что Волошин "сочинил этот занимательный некролог Брюсова от избытка самых благородных чувств, потому что он – поклонник поэта" (Симптомы современных переживаний и настроений // Современный мир. 1908. № 2. Отд. 2. С. 41). Д.В. Философов утверждал, что Волошин "нарушил дозволенные приличия" (Дневник журналиста. V. Опаснее врага // Столичная почта. 1908. № 248. 27 февр.), а фельетонист журнала "Театр и искусство" (1908, № 2, 13 янв., с. 38. Подпись: Арс.) в заметке "Лирические факты", охарактеризовав полемику, высказал предположение, что вообще волошинские «"лики творчества" могут в известной степени оказаться "небылицами в лицах"». Вяч. Иванов писал Брюсову 8 января 1908 г.: «В конфликте с Максом я, конечно, во всем на твоей стороне, т.е. на стороне также и здравого смысла. Только и характеристика как *поэта* почти вся неудовлетворительна» (*ЛН*. Т. 85. С. 508).

[115] См.: *Андрей Белый*. Валерий Брюсов. Силуэт // Свободная молва. 1908. № 1. 21 янв.

[116] См. письма к Волошину секретаря "Золотого руна" Г.Э. Тастевена за 1908–1909 гг. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1178). Библиографию публикаций Волошина в этом журнале см.: Русские советские писатели: Поэты. М., 1982. Т. 5. С. 247–249.

[117] Русь. 1908. № 21. 22 янв.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 416–426.

[118] *Волошин М.* Стихотворения, 1900–1910. М.: Гриф, 1910. Книга была подарена Брюсову с надписью: «Валерию Брюсову Максимилиан Волошин. "Явь наших снов земля не истребит". 15 III 1910. Коктебель» (в надписи цитируется 3-й стих сонета-магистрала из венка сонетов "Corona astralis", напечатанного в сборнике. Книга хранится в настоящее время в коллекции Анатолия Маркова. Надпись была впервые опубликована в статье К. Пуришевой "Библиотека Валерия Брюсова" (*ЛН*. М., 1937. Т. 27–28. С. 670); также воспроизведена: *Куприянов И.Т.* Дарчі написи В. Брюсова на книжках. С. 84; *Марков А.* ...Мой дом раскрыт навстречу всех дорог // Дружба народов. 1977. № 5. С. 285.

[119] *Брюсов В.* М. Волошин: Стихотворения. М., 1910 // *РМ*. 1910. № 5.

---

* Букв. Вымышленные жизни (*франц.*). Здесь — Лики творчества.

[120] Письмо к Ю.А. Галабутскому от 30 апреля 1925 г. // *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 30.

[121] Библиографию рецензий на книгу Волошина см.: Русские советские писатели: Поэты. Т. 5. С. 281–282. Укажем также на рецензию, пропущенную в этом издании. Рецензент пишет о Волошине: «Какой это тонкий, красиво чувствующий человек. Именно – человек. И человеческое "интимное" переживание – лучшее, что дает Волошин (...) Может быть, лучшее, что пока сделал "Гриф", – это издание Волошина» (Московская газета. 1910. № 5. 1 марта. С. 6. Подпись: Б.).

[122] О высокой оценке Брюсовым формальных достижений Волошина-поэта можно судить также по воспоминаниям В.И. Язвицкого, который приводит брюсовскую фразу: "...пожалуй, кроме меня и Макса Волошина, ни у кого нет правильного сонета" (Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. Ашукин. М., 1929. С. 347). В связи с этим признанием версификационного дара Волошина укажем на один любопытный эпизод, имеющий непосредственное отношение к теме творческого взаимодействия двух поэтов. Летом 1905 г. в Париже Волошин написал стихотворение "Зеркало":

Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза –
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: "Останься, будь во мне, –
Не прерывай рождающейся муки"...

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне – глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

(*Волошин М.* Стихотворения, 1900–1910. С. 59–60)

Стихотворение это появилось во французском переводе (Ecrits pour l'art. 1905. Nr. 8. Oct. P. 492; перевод этого, как и двух других стихотворений Волошина, помещенных там же, был подписан A.B-r, то есть Bauler – девичья фамилия А.В. Гольштейн). Позднее оно было опубликовано по-русски (*РМ*. 1907. № 12. Отд. 1. С. 129). Своей темой и ее образной трактовкой оно не могло не заинтересовать Брюсова, которому также были близки "зеркальные" мотивы (см., например, его рассказ "В зеркале" (1902), вошедший в книгу "Земная ось"). Не зная стихотворения в оригинале, он предпринял попытку воссоздать волошинский текст по французскому переводу. В архиве Брюсова в папке, озаглавленной им "Шутки" и объединяющей шутливые посвящения, эпиграммы, буримэ, пародии, сохранилось стихотворение, родившееся из этого эксперимента:

Перевод стихов М. Волошина с французского перевода.
Перевод из Макса Волошина

Как око без ресниц, я брошено на землю,
Чтоб раздроблять весь мир, чтоб мир весь отражать.
Скользят видения... Я чувствую, я внемлю
Но не могу их удержать!

О сколько раз, во мгле, когда дымятся трубы
Над синим городом, и воздух полн грозой,
Бессонные глаза в меня глядят, и губы,
Иссохшие в агонии глухой.

Во мне есть комната – едва журчит вода
И тени движутся, уходят, вырастая,
Часы стучат тик-так, едва журчит вода,
Вопрос вопросами сменяя.

И чувство смутное трепещет в глубине,
То нежная тоска, немое опасенье,
И я его молю: "О будь! о будь во мне,
Не прерывай идущего мученья!"

Приходит снова день, с ненужной суетой.
И бледное лицо лежит во мне глубоко.
Но время наконец застынет надо мной
И тусклой пеленой мое покроет око.

26 марта 906. Валерий Б р ю с о в.

(*ГБЛ*. Ф. 386, 15.1. Л. 4)

Как убедительно показывает сопоставление текстов стихотворений, Брюсова не подвели его поэтическая интуиция и мастерское владение стихотворной техникой: некоторые волошинские строфы оказались "угаданными" почти дословно, в большинстве случаев распознана и воспроизведена рифмовка оригинала (в трех строфах из пяти в брюсовском переводе рифмующиеся слова и их положение те же, что и у Волошина).

[123] *ЛН*. Т. 85. С. 203.

[124] *РМ*. 1916. № 6. Отд. 4. С. 2. Впечатления Брюсова от "холодных" и "искусных" стихов Волошина имели, впрочем, и свою негативную сторону; не делая соответствующих акцентов в печатных отзывах, Брюсов, однако, мимоходом отметил в записной книжке (1911 г.): "М. Волошин. *Фальшивость* его стихов, их чув⟨ст⟩в" (*ГБЛ*. Ф. 386, 4.35. Л. 53об.).

[125] *РМ*. 1916. № 6. Отд. 4. С. 1–2.

[126] Там же. С. 2. Высылая рецензию на эту книгу Волошина для "Русской мысли", Брюсов сделал оговорку в письме от 26 марта 1916 г. к секретарю редакции А.П. Татариновой: "Моя точка зрения на его стихи *не* бесспорна ⟨...⟩" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 46).

[127] В частности, определенные колебания Брюсов испытывал в решении вопроса о публикации статьи Волошина "Судьба Льва Толстого" (*РМ*. 1910. № 12), который он обсуждал с редактором журнала П.Б. Струве. 13 ноября 1910 г. Брюсов писал ему о статье Волошина: "Эта последняя крайне парадоксальна, и я колеблюсь, печатать ли ее, хотя во всяком случае она интересна и не банальна. Ее идея: что Толстой всю жизнь искал и не мог найти несчастия и что в неумолимом житейском благополучии – его трагедия" (*Лит. архив*. С. 301); на следующий день, 14 ноября, Брюсов вновь в письме к Струве возвращался к этому вопросу: "Статью Макса Волошина о Толстом я сказал набрать ⟨...⟩ я бы эту статью при других *напечатал*. Но вполне понимаю, что найдется очень много доводов против помещения этой статьи, даже при согласии Волошина (которое он мне дал) на различные редакционные в ней смягчения" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед.хр. 43).

Ознакомившись с "Судьбой Льва Толстого" в корректуре, Струве в письме к Брюсову от 19 ноября 1910 г. сообщал о своем решении: "Я согласен на напечатание ⟨...⟩ статьи – она действительно не банальна и хорошо написана – с обязательным исключением отмеченных мною мест в конце" (Там же. Ед.хр. 61). Какие именно фрагменты текста Струве изъял из статьи Волошина, не установлено.

[128] См.: Реферат В.Я. Брюсова о романтизме // *РВ*. 1910. № 279. 3 дек.; *Волошин М.* Литературная жизнь // Рус. худож. летопись. 1911. № 1.

[129] См.: *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 291.

[130] Дарственные надписи Брюсова Волошину: на книге "Все напевы (1906–1909 гг.)" – "Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909, Пб." (Дом-музей М.А. Волошина, Коктебель); на книге "Зеркало теней. Стихи 1909–1912 гг." – "Дорогому Максимилиану Александровичу Волошину в знак неизменной дружбы Валерий Брюсов. 1912. В день выхода книги и моих именин 9 марта" (Радянське літературознавство. 1974. № 2. С. 83).

Дарственная надпись Волошина на его книге "О Репине" (М.: Оле-Лукойе, 1913) не только характеризует отношение автора к критической кампании по поводу его выступления о картине Репина "Иван Грозный и сын его Иван", но и сообщает дополнительные сведения о его общении с Брюсовым, занявшим в этом инциденте, как видно из приведенных Волошиным слов, осторожную позицию: «Валерию Брюсову Максимилиан Волошин. "Я принужден был подчиниться мнению большинства" (В.Б.). Разговор 19 фев⟨раля⟩ 1913. "Вечер памяти Комиссаржев⟨ской⟩"» (*Купченко В., Марков А.* Как знак... в дар... на память...": Дарственные надписи М.А. Волошина на книгах // Дружба народов. 1984. № 7. С. 233). Надпись на книге статей Волошина "Лики творчества" (М., 1914) содержит намек на их былое тесное общение: "Валерию *прежних дней* с любовью. Максимил⟨иан⟩ Волошин. 7.II. 1914 г. Коктебель" (Там же).

[131] Письмо хранится в фондах Феодосийской картинной галереи.

[132] Этим днем датирована надпись Волошина на его книге Иверни. (Избранные стихотворения). М.: Творчество, 1918: "Дорогому Валерию Яковлевичу память совершенолетия нашего знакомства (1903–1924 = 21). Максимилиан Волошин. 28.III.1924. Москва" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1004). Рассказ Волошина об этой встрече с Брюсовым сохранился в дневниковой записи М.С. Альтмана от 9 августа 1929 г. (см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 585–586).

[133] См. наст. публ., прилож. № 2; *Гроссман Л.* Борьба за стиль: Очерки по критике и поэтике. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 281–297; *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. Т. 3. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 57–58, 66–70; *Андрей Белый*. Начало века. С. 476–479. См. также: *Опалов В.Г.* В.Я. Брюсов в Крыму // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической ученой архивной комиссии). Симферополь, 1929. Т. 3 (60-й). С. 163–164; *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971*. С. 458–474; *Купченко Вл.* Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 239–259.

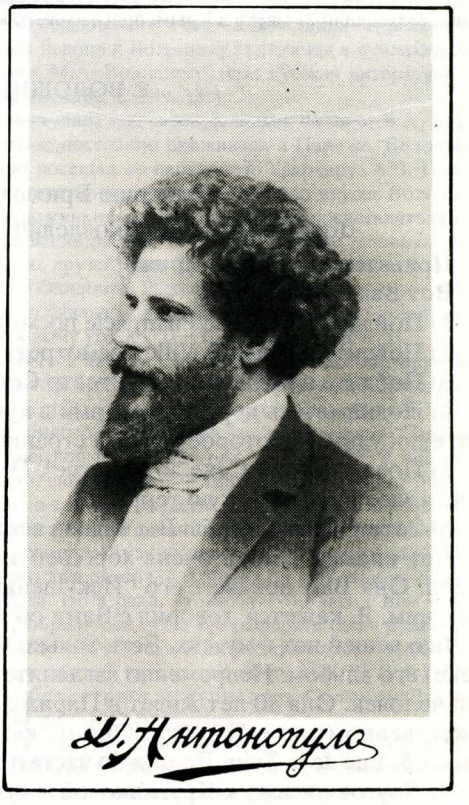
[134] *ГБЛ*. Ф. 620. Архив К.И. Чуковского.

[135] Стихотворение впервые опубликовано Э.Ф. Голлербахом с предисловием, поясняющим обстоятельства его написания (Красная газета. 1926. № 238. 9 окт.); вошло в кн.: *Брюсов В.* Неизданные стихотворения. М.,

1935. С. 246–247. В архиве Волошина сохранились автограф этого стихотворения Брюсова, а также автографы его же стихотворений "Портрет женщины" ("Он в старой раме, с блеклыми тонами..." – III, 434–435) и "Соломон" ("Что́ было? Вихрь тысячелетий..." – Там же, 435–436), написанных в Коктебеле соответственно 23 и 26 августа на поэтических конкурсах, проводившихся среди гостей дома Волошина; кроме того, у Волошина сохранился более ранний автограф Брюсова – "Баллада" ("Приходи путем знакомым..."). См.: *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 6. Ед.хр. 111.

[136] Запись Брюсова впервые опубликована в статье: *Мамонтов В.А.* М.А. Волошин и В.Я. Брюсов. С. 64.

[137] *ГПБ*. Ф. 1015. Ед.хр. 517. В том же письме Волошин затрагивает обстоятельства болезни и смерти Брюсова: "Смерть Вал⟨ерия⟩ Як⟨овлевича⟩ очень потрясла. Но мы к ней уже были заранее подготовлены, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ из письма Габричевских знали, что он по приезде в Москву заболел крупозным воспалением легких – эту болезнь благополучно выносят только в детском возрасте. Умер ли он преждевременно? Эмоциональное чувство говорит: да. Но вот Серг⟨ей⟩ Вас⟨ильевич⟩ Ш⟨ервинский⟩, бывший все время болезни при В.Я., писал мне со слов своего отца, пользовавшего В.Я. во время его последней болезни, что организм В.Я. был истрепан и истощен вконец. Сыграли роль и наркотики, которыми он злоупотреблял в различные эпохи жизни и от которых с трудом отошел лишь последнее время, и запущенный туберкулез, и запущенный плеврит. ⟨...⟩ Если все это так, то жалеть о преждевременности не приходится. Напротив, в смерти сказалось то, что было в лучших стихах В.Я.: уменье круто и сразу оборвать. Нет: смерть В.Я. хорошая смерть, потому что в жизни его не осталось ни недоговоренности, ни лишних слов".



М.А. ВОЛОШИН

Фотография Д. Антонопуло. Феодосия, 1903
Литературный музей, Москва

[138] Письмо в полном объеме опубликовано в статье В.А. Мануйлова "Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин" (см. прим. 1, с. 473–474). Ср. письмо Волошина к Андрею Белому от 15 ноября 1924 г.: "Глубоко потрясла смерть Валерия Яковлевича. И в то же время чувство глубокой благодарности судьбе, что она дала так хорошо и дружески с ним проститься и на прощанье увидать его таким умиротворенным и простым, каким он был здесь. Было бы очень тяжело проститься с ним с тем равнодушным недружелюбием, которое установилось к нему последние годы" (*ГБЛ*. Ф. 25, 13.12).

1. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris. Rue et hôtel Port Mahon*
7 Floréal, an 111[1] ⟨12/25 апреля 1903 г.⟩

Дорогой Макс Александрович.

Вместо Крыма мы оказались в Париже[2]. Но я не теряю надежды быть и в Крыму. Сообщите точно и крайне, до какого дня пробудете Вы[3]. Отвечу определенно.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Открытка с репродукцией: "Paris. Gare de l'Est" (Париж. Восточный вокзал). Почт. шт.: Paris. 25.4.03; Феодосия. 18.4.1903.

[1] Дата по французскому республиканскому календарю: 7 флореаля 111-го года Свободы – проставлена неточно. В действительности 25 апреля – *6* флореаля (согласно Календарю французской революции 1789 г., флореаль, т.е. месяц цветения, длился с 20 апреля по 19 мая).

* Улица и гостиница Пор-Маон (*франц.*).

[2] О шестнадцатидневном пребывании Брюсова в Париже в апреле 1903 г. см.: *Дневники.* С. 131–132.

[3] По всей вероятности, после регулярного общения с Брюсовым в Москве в феврале-марте 1903 г. Волошин, уезжавший 21 марта в Крым, пригласил его к себе в Коктебель.

2. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

19 avril (/2 мая) 1903.
Феодосия. Коктебель.

Валерию Брюсову – Макс Волошин.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Приветствую Вас в Париже!

Вот Вам мои заветы:

1) Пойдите в Ecole de Pharmacie посмотреть фрески Бэнара[1].

2) Пойдите в Hôtel de Ville посмотреть фрески Пювис де Шаваня[2].

3) Пойдите в большой Амфитеатр Сорбонны посмотреть его же фреску.

4) Поднимитесь перед сумерками в купол Sacré Coeur[3] посмотреть меркнущий Париж и побудьте некоторое время в странном замкнутом пространстве внутри купола.

5) Поезжайте по Сене до Bellevue[4]. Подымитесь по фуникюлеру и пройдите налево по аллее на Медонскую террасу.

6) Затем я хочу, чтобы Вы видели вещи Одилона Рэдона[5].

Вот письмо к моей очень хорошей знакомой Александре Васильевне фон-Гольштейн. Она Вам покажет его "Искушение Св. Антония" и, если хотите, познакомит Вас с ним. Я, кажется, говорил с Вами об Рэдоне.

Его вещей нет в музеях. Есть только в Галерее Эстампов (в Национальной библиотеке) его альбом. Непременно взгляните. M-me Holstein – в высшей степени интересный человек. Она 30 лет живет в Париже и притом исключительно в литературно-художественном мире Парижа. Она может быть очень интересна для Вас. Ее адрес: Passy. 75. Rue de la Tour. Ее можно застать в субботу от 4 до 6 1/2[6].

7) Другое письмо к Кругликовой – художнице. Там Вы увидите всю богему и молодых поэтов[7].

8) В 2 часа ночи пойдите на Rue des Innocents около Halles в Caveau des Innocents[8] (Парижская резиденция Бальмонта).

Я пробуду до самого конца июня в Крыму. Точно день моего отъезда не назначен.

Я его назначу в связи со сроком Вашего приезда.

Отъезд всегда можно отложить на несколько дней.

Жду с яростью и энергией[9].

Поклоны.

Ответ на п. 1.

[1] Поль *Бенар* (Besnard; 1849–1934) – французский живописец. К числу его ранних работ принадлежит серия декоративных панно для Фармацевтической школы (Ecole de Pharmacie) в Париже, выполненных в манере, близкой к импрессионизму (1883).

[2] Пьер *Пюви (Пювис) де Шаванн* (Puvis de Chavanne; 1824–1898) – французский художник, один из родоначальников символизма в живописи. В зрелые годы им был выполнен ряд заказов по украшению общественных зданий, в том числе Пантеона (1875–1877, затем 1897–1898), Сорбонны (1887–1889), Городской ратуши (Hôtel de Ville, 1891–1893).

[3] Sacré Coeur ("Святое Сердце") – известный парижский собор, воздвигнутый на Монмартрском холме по проекту архитектора П. Абади. Строительство начато в 1875, закончено в 1914 г. Высота колокольни 100 м, основного купола – 83 м. Перед собором находится терраса, с которой открывается панорама Парижа.

[4] Bellevue – пригород Парижа, административно подчиненный г. Медону (департамент Сена-и-Уаза).

[5] Одилон *Редон* (Redon; 1840–1916) – французский художник, один из крупнейших представителей символизма в живописи; в 1880–1890-е годы был тесно связан с Малларме и его кругом.

Волошин познакомился с Редоном в начале 1904 г.: история его взаимоотношений с художником прослеживается, в частности, по его письмам к Брюсову. Увлечение искусством Редона было у Волошина чрезвычайно глубоким и длительным: он неоднократно писал о творчестве французского художника (пос-

ледний раз в 1917 г., сразу же после смерти Редона), посвятил ему несколько своих стихотворений. В сущности, Волошин был первым в России поклонником и пропагандистом искусства Редона. Подробнее о взаимоотношениях Волошина и Редона см. в комментариях К.М. Азадовского к статье Волошина "Одилон Рэдон" (*Волошин М.* Лики творчества. С. 653–655). Два письма Редона к Волошину включены в публикацию П.Р. Заборова "Из писем деятелей французского искусства к М.А. Волошину" (см.: Русская литература и зарубежное искусство: Сборник исследований и материалов. Л., 1986. С. 349–351).

[6] Александра Васильевна *Гольштейн* (в литературе выступала под своей девичьей фамилией А. Баулер; 1849–1937) – русская писательница, переводчица, критик; постоянно проживала в Париже. Волошин познакомился с нею в мае 1901 г., впоследствии постоянно посещал ее парижскую квартиру. А.В. Гольштейн оказала определенное воздействие на становление литературных и художественных вкусов Волошина, познакомила его с рядом французских литераторов и художников, а также с многими представителями "русской колонии" в Париже. Волошин посвятил А.В. Гольштейн раздел "Алтари в пустыне" своей книги "Стихотворения, 1900–1910". "Она — одна из самых близких друзей моих ⟨...⟩, – писал Волошин об А.В. Гольштейн в 1909 г. С.К. Маковскому. – Она очень близка с Одилоном Рэдоном и с Гилем, она живет уже около 30 лет в Париже и все это время была непосредственно близка к движению символистов. Она может достать Вам в Париже письма и рекомендации решительно к кому угодно" (ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 975).

Текст письма Волошина к А.В. Гольштейн, приложенного к настоящему письму, неизвестен. Брюсов воспользовался рекомендацией Волошина; ср. его запись: "Были еще у Гольстейн (старуха, живущая в Париже). Показывали мне Редона. Я не очарован" (*Дневники.* С. 132). Достаточно скептическим было и мнение А.В. Гольштейн о Брюсове, сложившееся в результате личного знакомства и затем его лекции "Задачи искусства" 21 апреля/3 мая в кружке русских студентов (Association des étudiants russes). 7 мая 1903 г. она писала Волошину: «Познакомилась здесь с Брюсовым. Очень симпатичный и славный, и жена его очень славная, но умом он меня *не* удивил. Он здесь читал реферат о задачах искусства (кажется, так), и я нашла, что его эстетика недопеченая. Отчего это так мало знают и так неясно думают русские люди, даже умные, как Брюсов? Между нами говоря, я не думаю, что из этого "пророка" (как он зовет себя в приведенном Вами стихотворении) выйдет что-нибудь, кроме обстоятельного литератора. ⟨...⟩ Читал он нам свои неизданные стихотворения – очень недурно, но без всякого размаха. Но я рада, что познакомилась с ним – он очень, очень славный. Знаете, кто мне в нем чувствуется? Добролюбов. – На его реферате были большие скандалы, крики, вои, ругань. Он реферат читал, Вяч. Иванов свои стихи, а Ваш шустро-глупый Поляков председательствовал, дразнил публику своим воем, криками и стуками кулаком по столу...» (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438; упоминаются: Н.А. Добролюбов; беллетрист и журналист Соломон Львович *Поляков* (псевдоним С. Литовцев; 1875–1945), парижский знакомый Волошина).

[7] Елизавета Сергеевна *Кругликова* (1865–1944) – художник-график, мастер офорта, монотипии и силуэта. В ее парижской мастерской на улице Буассонад, 17 собиралась в начале века литературно-артистическая молодежь (французы и русские), среди которых было немало видных впоследствии деятелей искусства. "В жизни русской артистической колонии последних пятнадцати лет наиболее видная роль, вне всякого сомнения, принадлежит художнице Е.С. Кругликовой, – писал в 1916 г. известный живописец и искусствовед С.П. Яремич. – Едва кто-либо из людей, причастных с какой-либо стороны к художественному миру, посещавших Париж в период времени между Всемирной выставкой 1900 года и кончая первым полугодием 1914 г., не побывал хоть мельком на пестрых собраниях в ателье художницы на rue Boissonade ⟨...⟩ Здесь же нередко читал свои стихи Бальмонт, а иногда поэт давал предпочтение беседе о дорогих его сердцу предметах. Муза М. Волошина нашла своих первых ценителей и поклонников на собраниях Кругликовой. Тут же очень часто слышались в спорах проникнутые тонкой иронией замечания Н.М. Минского. Русский язык постоянно сменяется журчанием французской речи, так как здесь довольно часто появлялись в разное время наряду с русскими знаменитостями Ромен Роллан, Поль Фор, Рене Гиль, Дени Рош, Шарль Герен и многие другие писатели и художники" (*Яремич С.* Париж в отражении русской художницы // Биржевые ведомости. 1916. № 15448. 18 марта. Утр. выпуск). Е.С. Кругликова оставила интересные воспоминания о Волошине (1933), опубликованные в кн.: Максимилиан Волошин – художник: Сб. материалов. М., 1976. С. 98–103. См. также отрывки ее воспоминаний о совместных с Волошиным путешествиях в Андорру (1901) и Италию (1902) в кн.: Елизавета Сергеевна Кругликова: Жизнь и творчество. Сб. Л., 1969. С. 46–49.

О посещении мастерской Кругликовой Брюсов записал: "Был у Кругликовой на субботе. Была суббота неудачная. Французов-поэтов не было (самый известный Lacuzon). Были какие-то русские, с которыми говорили мы о домашних делах..." (*Дневники.* С. 132).

[8] Rue des Innocents – улица Невинных; Halles, точнее, Halles Centrales – Центральный рынок; Caveau des Innocents – Погребок Невинных. Е.С. Кругликова вспоминает: «Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки. Я нередко бранила его за выбор "кратчайших путей", оказавшихся самыми длинными. Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в Halles Centrales, то на Монмартр, то еще куда-нибудь, к восходу солнца» (Максимилиан Волошин – художник. С. 98–99).

[9] В 1903 г. Брюсов в Коктебель не приехал. Волошин прожил в Крыму до ноября 1903 г.

3. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 1903 ⟨около 10-го октября⟩

Дорогой Макс Александрович!

Слышал от Елиз⟨аветы⟩ Серг⟨еевны⟩[1], что Вы в Японию не уехали[2]. Так ли? Откликнитесь. Я перед Вами виноват молчанием. Но не решался писать, думая, что Вас давно нет в Европе.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Датируется по связи с п. 4.

[1] Е.С. Кругликова в октябре 1903 г. была в Москве, где встречалась с Брюсовым. 25 октября 1903 г. она писала ему: "Сегодня еду в Птб. на несколько дней, а вернувшись оттуда – сейчас же в Париж" (*ГБЛ.* Ф. 386, 90.54).

[2] О намерении Волошина посетить Японию сообщал Брюсову из Парижа еще в январе 1903 г. А.С. Ященко, характеризуя молодого поэта в своих двух рекомендательных письмах: "Теперь он уезжает на несколько лет в Японию и Индию и уезжает туда с единственной целью, с которой следует ездить, с целью узнать, что эти люди других рас, культур и историй мыслят о жизни, о Боге, о духе и как они смотрят на поэтическое творчество" (5 января 1903 г.); "Он ⟨...⟩ теперь направляется на четыре года в Японию, Индию и Южную Америку изучать искусство и восточные религии" (10 января 1903 г.) (*ГБЛ.* Ф. 386, 110.37).

Идея совершить длительное путешествие на Восток была у Волошина давней и очень устойчивой. Еще в 1901 г., находясь в Ташкенте, он задумал "после окончания курсов в Париже, т.е. через 4–5 лет, изучивши какое-нибудь ремесло, отправиться странствовать пешком, по Индии, Китаю и Японии, чтобы познакомиться с этими культурами не с европейской точки зрения, которая всегда будет высокомерно-презрительной, а с вполне объективной" (письмо к А.М. Пешковскому от 11/24 января 1901 г. – *ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 99). Стремление на Восток особенно усилилось у Волошина в конце 1902 г. в Париже, после знакомства с тибетским хабу-ламой Агваном Доржиевым, которое стимулировало его интерес к буддизму. Собираясь из Парижа на родину, Волошин писал 1 января 1903 г. А.М. Петровой: "Мне хочется сделать хороший глоток русского воздуха и тогда на восток опять на несколько лет до нового перевоплощения и до новой трансформации" (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). В тот же день Волошин сообщал Я.А. Глотову, что он намерен "побывать в Петербурге и в Москве и завести литературные знакомства" – в частности, и для того, чтобы затем публиковать "иллюстрированные записки с Востока" (Там же. Ед. хр. 29). Наиболее подробно и отчетливо Волошин изложил свои планы в письме к А.М. Пешковскому от 15 декабря 1902 г.: "Я уеду в начале мая в Крым, а осенью через Сибирь проеду в Японию ⟨...⟩ В Японии я проведу следующую зиму. Это будет началом моего кругосветного путешествия, на которое я решил истратить половину своих денег. ⟨...⟩ Россия была для меня тезой, Париж антитезой, а восток будет окончательным синтезом для моих взглядов. Я еду искать вне-европейской точки опоры, чтобы иметь право и возможность судить Европу. Япония мне даст вне-европейскую точку для искусства, Китай – для государства, Индия – для философии. Оттуда я вернусь через Полинезию и Южную Америку. Южную Америку потому, что там должна сохраниться свежее, чем где-нибудь, старая средневековая оригинальная и здоровая Европа. Когда я это сделаю, я себя сочту вправе вернуться в Россию, писать, критиковать и оценивать" (Там же. Ед. хр. 99).

Сохранились рекомендательные письма из Парижа, которыми Волошин мог воспользоваться на пути в Японию: три письма А.В. Гольштейн – на станцию Кайдалово Забайкальского округа Будде Рабдановичу Рабданову (6 января 1903), в Иркутск Т.М. Фарафонтовой (5 января 1903), в Селенгинск хамбо-ламе Бандидо Ирелтуеву (6 января 1903), а также письмо А.С. Ященко в Иркутск А.М. Образцовой (7 января 1903) (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 4).

В краткой автобиографической канве, составленной в 1925 г. для Ю.А. Галабутского, Волошин зафиксировал среди важнейших для себя событий 1903 г.: "Сборы в Японию: несостоявшееся путешеств⟨ие⟩ благодаря войне" (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 14). Данное здесь объяснение не вполне достоверно: русско-японская война началась 27 января 1904 г., когда Волошин, уже отказавшись от поездки в Японию, поселился в Париже.

Колоритно, и притом весьма едко, отобразил "ориенталистские" и "декадентские" увлечения Волошина его знакомый Е.В. Деген в своем письме к А.В. Гольштейн от 18 апреля/1 мая 1903 г. "В Москве, – рассказывал Деген, – куда я проехал из Петерб⟨урга⟩, я застал еще Макса. Вы ведь знаете, что он собирается на Восток на 5 лет? Там он намерен учиться рисовать в Японии, изучать госуд⟨арственное⟩ устройство в Китае и вырабатывать философское миросозерцание в Индии. Несмотря на эти широкие намерения, я все-таки нахожу, что у него нет серьезного стремления к знанию. Я нахожу даже, что в области красоты у него нет примитивного верного чутья, к⟨ото⟩рое бы заставило идти в каком-нибудь определенном направлении. В погоне за необычными сенсациями (derniers frissons) он папильонирует* по верхушкам сезонных цветов, и больше ничего. Он говорит, что это-то и значит "жить", а я думаю, что это значит даром хлеб есть. Его эстет⟨ические⟩ ощущения ни для кого не принесут радости, и придет момент, когда он сам ими объестся. Ис-

* от франц. papillonner – порхать.

кусство, поэзия, красота – это не конфеты, к⟨ото⟩рые за грош можно достать во всяких столичных кондитерских, а хлеб насущный, к⟨ото⟩рый добывается мозольным трудом и жертвами; только тогда эти вещи могут доставить и прочное наслаждение... Теперь Макс предался corps et âme* Бальмонту, Валерию Брюсову и тому подобным головоногим, говорит о них с благоговением, выступает вместе на эстраде со своими стихами. Им шикают и свистят, и Макс в восторге: он говорит, что в Париже это называется успехом" (оригинал письма хранится в библиотеке Колумбийского университета (США); с его текстом любезно ознакомил нас американский славист М. Вахтель. Об Евгении Викторовиче Дегене, отце поэта и критика Ю.Е. Дегена, см. в статье о последнем Т.Л. Никольской и Н.А. Богомолова в кн.: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 92).

4. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Villa Peleata. Коктебель. Феодосия. Крым.
⟨14 октября 1903⟩

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не только еще в России, но даже еду скоро в Париж[1].

По многим соображениям и обстоятельствам я отложил Восток. Может, года на два.

В Москве весной я был настолько "человеком, едущим в Японию", что мне теперь по дороге в Париж стыдно туда показаться.

Мне бы хотелось знать адрес Бальмонта. И Екатерины Алексеевны[2], если они не вместе.

Потом я хочу сказать об моих стихотворениях в "Новом Пути"[3]. Они подверглись таким искажениям, что я их не могу считать своими. Почти все эпитеты изменены и совершенно нелепо[4].

Вот образцы:

Стихотворение "Париж" (III)

У меня:	Напечатано:
...*Мир стряхнул* покров туманов.	*Отлетел* покров туманов
Четкий воздух свеж и чист.	
На больших стволах каштанов	
Уже вспыхнул яркий лист	
Небо целый день *моргает*	Небо целый день *играет* (?)
Прыснет дождик, брызнет луч,	*Брызнет дождик, брызнет* (bis) луч
Развивает и свивает	
Свой покров из сизых туч...	*Покрывало* сизых туч.
———	
...*Утро пасмурно*... Париж,	*Утро. Пасмурный Париж,*
Очертанья *сизых* крыш	Очертанья *синих* крыш
Скрылись в *дымчатой* вуали	Скрылись в *траурной* (?) вуали
Расплылись в жемчужной дали	
...Ночью грустно. *От огней*	*вкруг огней*
Иглы тянутся лучами	*Тени борются с тенями*
От садов и от аллей	От *покинутых* (?) аллей
Пахнет мокрыми листами.	Пахнет мокрыми листами.

Другие стихотворения сокращены так, что совершенно нарушен их музыкальный смысл.

Напр⟨имер⟩, в стихотворении "Охота" (VI) пропущена первая строфа:

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы...

* душой и телом (франц.).

Есть и такие вещи: при описании Парижа (стих. "Пустыня" I) с высоты:

Уступы *каменистых* крыш
Слились в равнины темных линий.

Напечат⟨ано⟩: Уступы *черепичных* (?! в Париже!!) крыш.

И еще много подобного[5]. Конечно, эти стихотворения не могу считать своими так же, как не считал бы своей картину, в которой кто-нибудь изменил бы все соотношение тонов.

Сперва я хотел требовать объяснений. Но увидел на обложке правила (к сожалению, поздно): Редакция имеет право *исправлять* рукописи и ни в какие объяснения по поводу стихов не вступает[6].

Только статья Антона Крайнего (в сентябрьской книжке) со строками, посвященными мне, несколько утешила меня.

Какое добросовестное самобичевание!

С известными натяжками я его согласен принять за редакционное извинение[7].

Что же касается "поэзии комми-вояжеров"[8], то я натолкнулся на очень интересную цитату в октябрьской книж⟨к⟩е "Mercure de France".

George Eekhoud в письмах из Брюсселя цитирует фразу одного учебника французской литературы о Бальзаке:

Au tempérament d'un artiste, il joignit l'esprit d'un commis-voyageur* (Me⟨rcure⟩ d⟨e⟩ F⟨rance⟩ 1903. Octobre, p. 259)[9].

Мне жаль, что я позволил напечатать свои стихи.

Не примите это за упрек. Я пишу Вам это только для того, чтобы оправдаться в шаблонных эпитетах и выражениях.

Не знаю, но, верно, я больше не буду печатать своих стихов. Книга стихов – это такая нелепость. Разве можно читать тетради с нотами? Книги со стихами или должны приобрести вполне характер нот, или исчезнуть. Тогда они заменятся устной передачей – нормальной и естественной жизнью стихов. Книга убивает стихотворную речь. Надо отказаться от нее и снова придать поэзии характер трувёрства. Стихи должны жить в человеческом голосе. Иначе они погибнут.

У меня долго была инстинктивная боязнь к печатанью и записыванью стихов[10]. Я жалею, что соблазнился.

Для стихов надо создать свой более полный звуковой алфавит, знаки для темпа и интонации – тогда они будут иметь смысл для немногих исполнителей.

До свиданья. Привет Вашим дамам.

P.S. Сообщите, пожалуйста, также адрес Балтрушайтиса[11].

Я пробуду в Коктебеле еще месяц.

Занят с утра до ночи живописью.

Ответ на п. 3 Почт. шт.: Феодосия. 14.X.1903; Москва. 17.X.1903.

Сохранился также черновой незавершенный вариант этого письма, в котором идет речь только о публикации стихотворений в "Новом пути" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 12); видимо, он был написан до получения п. 3.

[1] Волошин выехал из Москвы в Париж 27 ноября 1903 г.

[2] Екатерина Алексеевна *Бальмонт* (рожд. Андреева, 1887–1950) – переводчица, жена К.Д. Бальмонта, тетка М.В. Сабашниковой (впоследствии жены Волошина). Ей принадлежат воспоминания о Волошине, сохранившиеся в различных копиях (см.: *ГБЛ*. Ф. 374. Карт. 2. Ед. хр. 1; *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Оп. 2. Ед. хр. 11; *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 4. Ед. хр. 78).

[3] Подборка из девяти стихотворений Волошина в журнале "Новый путь" (см. вступ. ст., прим. 28) – первое выступление поэта в символистском издании, осуществившееся при посредничестве Брюсова. 15 марта 1903 г. Волошин писал официальному редактору "Нового пути" П.П. Перцову: "Мои стихотворения были переданы Вал.Як. Брюсовым в Новый Путь. Мне необходимо знать, приняты ли они все целиком и когда они появятся (в июне или в июле?). Я наверное не знаю, какие именно стихотворения были отданы в Редакцию, и если Вы мне сможете это сообщить, я буду глубоко Вам благодарен. Мой адрес: Крым. Фео-

* По своему художественному темпераменту он обнаруживал духовное родство с коммивояжером (*франц.*).

досия. Коктебель. Из Москвы я уезжаю через 4 дня. Мне бы лично хотелось увидеть свои стихотворения в июне, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ в конце июня я оставляю Россию и Европу на несколько лет, так что позже не смогу их увидеть" (*ИМЛИ*. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 15). 19 марта Перцов отвечал Волошину: «Нами приняты следующие Ваши стихотворения: 1) Пустыня ("Монмартр... Внизу ревет Париж..."). 2) Via mala. 3) Париж ("Как мне близок и приятен..."). 4) "Я – вечный жид..." 5) Охота. 6) Valdemosa. 7) Венеция ("Венеция – сказка..."). 8) "Спустилась ночь... Погасли краски..." 9) Тангейзер. Часть этих стихотворений, вероятно, будет помещена в июньской книжке ⟨...⟩ Стихотворение "Она", также нам переданное, при сем возвращается» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 943). Все стихотворения, перечисленные Перцовым как принятые, были опубликованы в "Новом пути".

[4] Ср. в неотправленном варианте письма: "Почти все более оригинальные и верные сравнения и эпитеты заменены банальными и ничего не значащими". Исправления были сделаны П.П. Перцовым. Последний в письме к Брюсову от 13 марта 1904 г. упоминал о волошинских «несчастных "комми-вояжерских" куплетах», которые он сам "так неудачно штопал" (*ГБЛ*. Ф. 386, 98. 12).

[5] См.: *НП*. 1903. № 8. С. 43–44, 48, 39. В неотправленном варианте письма Волошин дополнительно указывал: "Пропущена тоже заключительная строфа стихотворения VII". См. стихотворение "Спустилась ночь. Погасли краски..." (Там же. С. 40). В сборнике "Стихотворения, 1900–1910" во всех случаях восстановлены авторские варианты текста.

[6] Ср. неотправленный вариант письма:

"Посоветуйте, что мне теперь делать.

Я только теперь прочел на обложке, что Редакция по своему усмотрению сокращает и исправляет рукописи и по поводу стихотворений ни в какие объяснения не вступает. Так что письменно обращаться в редакцию мне бесполезно.

Но самое явление мне кажется настолько возмутительным, что оставить его без последствий я не могу.

Что же делать? Требовать, чтобы Новый Путь напечатал мое заявление о том, что я не могу себя признать автором стихотворений, подписанных моим именем? Начинать литературный процесс по вопросу о собственности эпитета и сравнения?

Я совершенно не знаю и мне не с кем посоветоваться".

[7] Ирония Волошина объясняется тем, что в статье Антона Крайнего (псевдоним З.Н. Гиппиус) "Нужны ли стихи?" (*НП*. 1903. № 9. С. 246–254) была дана в пренебрежительно-снисходительном тоне мимолетная характеристика его поэтического облика – на основании стихотворений, помещенных в предыдущем номере "Нового пути". Ср. иронический отклик А.М. Петровой в недатированном письме к Волошину: «Милейший "комми-вояжер", объясните мне, пожалуйста, каким образом сотрудники "Нового Пути" до сих ⟨пор⟩ не передрались сами и не поколотили г. Перцова? ⟨...⟩ В августе г. Перцов любезно представил нам поэта Макса Волошина; в сентябре тот же г. Перцов спустил Антона Крайнего (поразительная предупредительность!), уверяющего тех же читателей, что Макс Волошин – "поэт-комми-вояжер"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950).

[8] В стихах Волошина З.Н. Гиппиус усмотрела образчик заемного, эклектичного и неглубокого творчества, свойственного, по ее определению, "поэтам-комми-вояжерам": «Душа комми имеет способность наряжаться во всякие одежды, извне, издали, очень современные, – и с первым прыжком их сбрасывает, запылив. Такие души встречаются и у стихосложителей, – у поэтов. Да, все-таки у *поэтов*, потому что ведь и комми-вояжер – молится. Только у него свои, комми-вояжерские молитвы ⟨...⟩ Укажу из множества таких поэтов на одного, очень мало известного, – но он сейчас под руками. Это – Макс Волошин. Его "молитвы" были напечатаны в августовской книжке "Нового Пути". Так как комми-вояжерские души не редки и у читателей, то молитвы эти, конечно, нашли отклик в соответственных местах, несмотря на всю их "последнюю модность", которая хочет притвориться "современностью" и запугать» (*НП*. 1903. № 9. С. 250–251). При всей своей предвзятости и памфлетной окраске определение "комми-вояжера" в известной степени закрепилось за Волошиным, хотя и утратило ту оценочность, которая была в приговоре З. Гиппиус. В частности, Андрей Белый характеризует в мемуарах Волошина как культурного "коммивояжера" (*Андрей Белый*. Начало века. С. 227).

[9] Жорж *Экауд* (Экаут; Eekhoud, 1854–1927) – бельгийский писатель, поэт и романист, член объединения "Молодая Бельгия". Автор известных в свое время романов "Новый Карфаген" (1888), "Эскаль Вигор" (1899) и др. В начале века Экауд вел в журнале "Mercure de France" постоянный раздел под названием "Брюссельская хроника" (Chronique de Bruxelles). В корреспонденции, помещенной в октябрьской книжке журнала (1903, vol. 48, № 166, p. 259), Экауд приводит "некоторые наиболее яркие перлы" из "Истории французской литературы", изданной в Брюсселе в 1903 г., в том числе и процитированные Волошиным слова о Бальзаке. Имя автора книги у Экауда не названо.

В № 11 "Весов" за 1904 г. в перечне книг, поступивших в редакцию журнала (с. 77), был упомянут новый сборник Экауда "L'autre vue" ("Иной взгляд").

[10] Несколько месяцев спустя убежденность в том, что поэзия реализуется только "в человеческом голосе", претворится у Волошина в апологию анонимного творчества, которое так же, как и "трувёрство", было отличительным признаком средневековой культуры. Анонимным мыслил Волошин и свой первый стихотворный сборник, который предполагал снабдить собственными иллюстрациями. «Я решил издать книгу своих стихов, – писал он в августе 1904 г. М.В. Сабашниковой. – Она будет называться "Годы странствий". ⟨...⟩ Имени на книге не будет. Только в конце книги, внизу на предпоследней странице надпись, как на плите готического собора: "Эта книга сложена тем-то, издана тем-то, окончена печатанием тогда-то". И больше ничего» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107).

[11] С Ю.К. Балтрушайтисом Волошин познакомился в Москве в феврале 1903 г. См.: *Купченко В.* Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин. // Дружба народов. 1978. № 1. С. 283–284. Дарственные надписи на книгах Волошина Балтрушайтису приведены в статье В. Купченко и А. Маркова "Как знак... в дар... на память..." (с. 234).

5. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.
Между 26 и 31 октября 1903 г.⟩

Дорогой Мак⟨с⟩ Александрович!

Я напечатал свою книгу[1]. Но не решаюсь послать ее Вам по Вашему слишком приблизительному адресу. Сообщите, можно ли? Но Е.С.[2] говорила мне, что Вы все-таки будете в Москве. Конечно, приезжайте. Это будет доказательством, что Вы переменили свое решение свободно. Это будет – свободой. А избегать Москвы – рабствование. Тогда книгу передам лично.

За письмо спасибо. Жалобы Ваши повторил Мережковским, которые здесь[3].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Ответ на п. 4. Датируется по упоминанию о пребывании Мережковских в Москве (см. прим. 3).

[1] Книга Брюсова «"Urbi et orbi". Стихи 1900–1903 гг.», вышедшая в свет в середине октября 1903 г.
[2] Е.С. Кругликова.
[3] Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус были в Москве с 26 по 31 октября 1903 г. (см.: *Дневники.* С. 134).

6. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

1 ноября 1903.
Коктебель. "Пелеата".

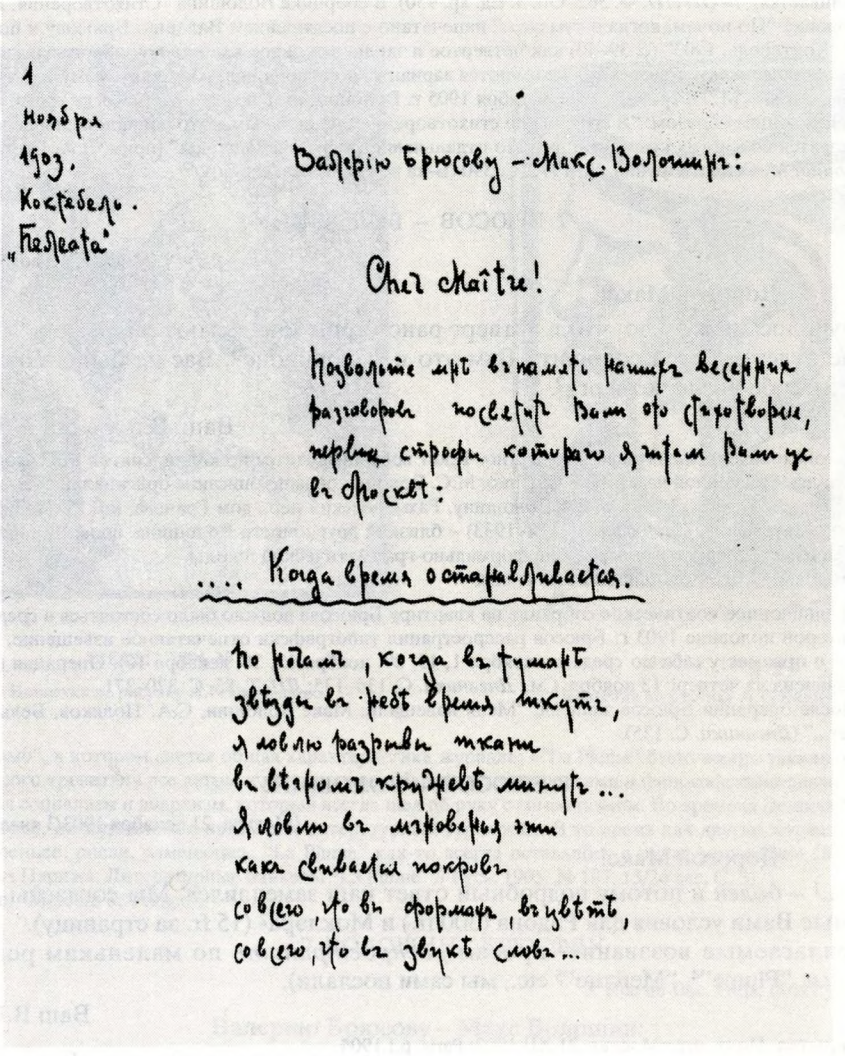
Валерию Брюсову – Макс. Волошин:

Cher Maître!

Позвольте мне в память наших весенних разговоров посвятить Вам это стихотворение, первые строфы которого я читал Вам еще в Москве:

КОГДА ВРЕМЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.

По ночам, когда в тумане
звезды в небе время ткут,
я ловлю разрывы ткани
в вечном кружеве минут...
Я ловлю в мгновенья эти
как свивается покров
со всего, что в формах, в цвете,
со всего, что в звуке слов...
Да! я помню мир иной
Полустертый... непохожий...
В вашей жизни – я прохожий,
близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
мировых путей и сил,
в этот мир замкнутых граней
влил меня и воплотил.
Как ядро прикован к телу
шар земной. Свершая путь,
вниз на звезды заглянуть
я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Необычно мне сознанье
знать весь мир как сочетанье
лишь *пяти отдельных чувств.*
Что одни зовут звериным...
что одни зовут людским...
Мне, который был *единым,*
стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
неразгаданных чудес
скрыта близкой синевою
примиряющих небес...
Мне так радостно и ново
все обычное для вас...
Я люблю обманность слова
и прозрачность ваших глаз;
ваши детские понятья:
смерти, зла, любви, грехов –
мир души, одетый в платье
из священных лживых слов:
гармонично и поблекло
в них мерцает мир вещей,
как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.



1
ноября
1903.
Коктебель.
„Пелеата"

Валерію Брюсову – Макс. Волошинъ:

Cher Maître!

Позвольте мнѣ въ память нашихъ весеннихъ разговоровъ посвятить Вамъ это стихотворение, первые строфы котораго я читаю Вамъ це въ Москвѣ:

.... Когда время останавливается.

По ночамъ, когда въ туманѣ
звѣзды въ небѣ время ткутъ,
я ловлю разрывы ткани
въ вѣчномъ кружевѣ минутъ...
Я ловлю въ мгновенья эти
какъ свивается покровъ
со всего, что въ формахъ, въ цвѣтѣ,
со всего, что въ звукѣ словъ...

ПИСЬМО М.А. ВОЛОШИНА БРЮСОВУ

Автограф. Коктебель, 1 ноября 1903 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

В вечных поисках *истоков*
я люблю в себе следить
жутких мыслей и пороков
нас связующую нить*. –

Когда ж уйду я в вечность снова,
и мне раскроется она,
так ослепительно ясна,
так беспощадна, так сурова...
и зведным ужасом полна![1]

Через несколько дней я буду у Вас.

Макс. В о л о ш и н.

Почт. шт.: Феодосия. 4.XI.03; Москва. 6.XI.1903.

[1] Первоначальная редакция стихотворения "Когда время останавливается", впервые опубл.: *СЦ 1905* (имеются варианты по отношению к публикуемому тексту). Ср. отклик на эту публикацию А.М. Петровой (в письме к Волошину от 12 мая 1905 г.): «... кто Вас просил так безжалостно "обработать" – "Когда время

* *Было*: мир связующую нить.

остан(авливается)"?» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950). В сборнике Волошина "Стихотворения, 1900–1910" стихотворение "По ночам, когда в тумане..." напечатано с посвящением Валерию Брюсову и пометой под текстом "Коктебель. 1903" (с. 39–40) как четвертое и заключительное в цикле под общим заглавием "Когда время останавливается"; здесь также имеются варианты по отношению к публикуемому тексту.

В письме к А.М. Петровой от 24 октября 1905 г. Волошин охарактеризовал "Когда время останавливается" следующим образом: "Я его считаю стихотворением не цельным – это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны" (прим. Л.А. Евстигнеевой в кн.: *Волошин М.* Стихотворения. Л., 1977. С. 390 (Б-ка поэта. Малая серия)).

7. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 12 ноября 1903 г.)

Дорогой Макс!

Случилось нежданно, что в четверг рано утром мне делают операцию. "Среды" у меня не будет[1]. Хотел сообщить Вам это в "Скорпионе", Вас не было. *Непременно* жду Вас к себе после четверга[2].

1903. Ваш Валерий Б.

Местонахождение автографа неизвестно. Текст воспроизводится по копии, снятой М.С. Волошиной и любезно предоставленной нам В.П. Купченко. М.С. Волошиной дано описание оригинала:

Открытка. Адрес: "Здесь. Максу Волошину. Рахмановский пер., дом Грачева, кв. 15 (Пешковского)". Александр Матвеевич *Пешковский* (1878–1933) – близкий друг юности Волошина, впоследствии – видный ученый-лингвист, представитель русской формально-грамматической школы.

Датировано М.С. Волошиной по почт. шт.

[1] Традиционное поэтическое собрание на квартире Брюсова должно было состояться в среду 12 ноября. (Во второй половине 1903 г. Брюсов распространил типографски отпечатанное извещение, в котором объявлял о приемах у себя по средам: октября 1, 15, 29, ноября 12, 26, декабря 10). Операция (гайморит) была назначена на четверг 13 ноября. См.: *Дневники*. С. 134–135; *ЛН*. Т. 85. С. 370–371.

[2] После операции Брюсов записал: "Меня навещали: Макс Волошин, С.А. Поляков, Белый, Юргис, Бальмонт..." (*Дневники*. С. 135).

8. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва. 21 декабря 1903/3 января 1904 г.)

Дорогой Макс!

С.А.[1] – *болен* и потому подробный ответ наш замедлился. Мы согласны на предложенные Вами условия для Рэдона (300 fr.) и Моклэра[2] (15 fr. за страницу).

Прилагаемые воззвания[3] просим *распространить* по маленьким редакциям (*большим*, "Plume"[4], "Mercure"[5] etc., мы сами послали).

Ваш В.Б.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 21.XII.1903; Paris. 6.I.1904.

Письмо, по всей вероятности, представляет собой ответ на неизвестное нам письмо Волошина из Парижа (где он жил вновь с начала декабря 1903 г.), обращенное к Брюсову или С.А. Полякову, в котором оговаривались условия сотрудничества в "Весах" французских литераторов и художников.

[1] Об С.А. Полякове см. наст. кн. Переписка с Поляковым, вступ. ст. Н.В. Котрелева.

[2] Камиль *Моклер* (Mauclair; 1872–1945) – французский поэт, романист, художественный критик и историк искусства. В начале своего пути Моклер испытал сильное влияние Малларме, Метерлинка и других символистов. После смерти писателя А. Орье (1892) Моклер вел отдел художественной критики в журнале "Mercure de France". Автор эссе о Малларме (1894), Ж. Лафорге (1896), сборника стихотворений "Осенние сонаты" (1894), романа "Солнце мертвых" (1898). Книга Моклера "L'impressionisme. Son histoire, son esthétique, ses maîtres" (Paris, 1904) была издана в русском переводе (Импрессионизм, его история, его эстетика, его учителя. М., 1909). Рецензия Волошина на эту книгу была напечатана в "Весах" (1904, № 12, с. 66–67). Участие Моклера в "Весах" не состоялось.

[3] В конце 1903 г., готовясь к выпуску первого номера "Весов", редакция распространяла в России и за границей рекламный проспект журнала, где были изложены как идейная позиция, так и основные направления будущего издания. Несколько таких проспектов ("воззваний") Брюсов отправил Волошину в Париж вместе с данным письмом.

[4] "La Plume" ("Перо") – парижский литературно-критический и художественный журнал, основанный в 1889 г. Леоном Дешаном. Журнал издавался до 1905 г. (впоследствии издание возобновлялось с 1911 по 1914 г. и в 1946 г.). Вокруг журнала группировались и в нем сотрудничали многие видные представители "нового искусства" и авангарда. Молодой Волошин, как видно, в частности, из его писем к Брюсову (см. п. 11), был тесно связан с редакцией "La Plume", посещал систематически организуемые при ней "банкеты", о чем и стремился рассказать русским читателям. В августе 1905 г. Волошин посвятил "La Plume" отдельное "париж-

"ВЕСЫ", 1904, № 3

Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко

"ВЕСЫ", 1904, № 9

Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко

ское письмо", в котором дается общая характеристика журнала: «"La Plume" было всегда знаменем, в складках которого трепетали все ветры и порывы дня... Наряду с эстетическими и философскими движениями там процветал социализм и анархизм, который всегда шел об руку с символизмом. Во времена Дешана "La Plume" было, скорее, не журналом, а полем для литературных турниров... В то время как другие журналы становились степеннее, росли, изменялись, "La Plume" как-то всегда оставалось в руках молодежи» (*Волошин М.* Письмо из Парижа: Литературные банкеты "La Plume" // Русь. 1905. № 187. 13/26 авг. С. 3).

[5] Т.е. "Mercure de France".

9. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac. Paris. ⟨4/⟩17 janvier 1904.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Прежде всего дела "Весов":

С Моклэром мне еще не удалось увидеться. Но зато я виделся с Рэнэ Гилем (Ghile) – ("глава инструменталистов" – помните?), и он обещал писать для "Весов"[1]. Он очень близко стоял к движению как близкий друг Маллармэ, а после работал над своим многотомным "Oeuvre"[2] совсем в стороне от периодической журналистики, и поэтому его мнения очень интересны. Он обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же[3]. Это только для первой статьи. После он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор французской поэзии настоящего дня.

Вообще я с ним условливался только о статьях о поэзии. Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсиями в историю символизма. Он очень заинтересовался идеей и программой журнала. Но лучше всего будет, если Вы сами напишете ему теперь после того, как первые шаги уже сделаны. Его адрес: Rene Ghile. Rue Lauriston 16 bis.

Я тоже просил его при случае изложить свою теорию стиха, которая по-французски была 2 раза издана небольшой брошюркой[4], но теперь сделалась библиографической редкостью. Условия с Гилем обычные: 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа. Спишитесь с ним и об этом.

Редон делает обложку[5]. Но что он сделал, пока я не видал.

Из художников я видел Вюиллара[6] и *Серюзье*[7]. Они обещали виньетки и заставки. Может, каждый из них возьмется даже за исполнение целого номера[8]. Только все они просят прежде всего увидеть журнал, т⟨ак⟩ что, пожалуйста, вышлите мне несколько экземпляров первого номера.

Кроме того, я прошу "Скорпион" от имени Русского кружка художников об экземпляре "Весов" и каких возможно изданий "Скорпиона". Адрес: 49, B⟨oulevar⟩d Montparnasse. Union des artistes russes[9]. Или на мое имя. Вы ведь даже, кажется, обещали это Кругликовой.

Одновременно с письмом высылаю Вам ряд заставок, сделанных для "Весов" художником Якимченкой[10].

Напишите мне, пожалуйста, как Вы их находите и принимаете ли? И на каких условиях? Если они приняты, то, пожалуйста, вышлите ему плату за них скорее – он очень нуждается.

Что касается меня: я весь с головой в живописи. Чувствую хронический недостаток в том, чего в Париже ужасно мало: во времени.

Разрываюсь между Академией и Национальной библиотекой и ничего не успеваю сделать[11].

Приедете ли Вы в Париж и когда?

Что литературно нового в Москве?

Вышел ли январский номер?

До свидания.

P.S. Рисунки я отправляю в "Скорпион" на имя Сергея Александровича. Они в синей бумаге в виде большого конверта.

Почт. шт. получения: Москва. 20.1.04.

[1] См. публикацию писем Рене Гиля и его жены Алисы Гиль к Волошину, подготовленную и прокомментированную П.Р. Заборовым (*Ежегодник 1979*). Знакомство Волошина с Гилем состоялось в первой половине января (н.ст.) 1904 г. благодаря А.В. Гольштейн, давней приятельнице французского поэта. Приводим ее недатированное письмо к Волошину (помета: "вторник"):

«Мой милый Волошин!

Я вчера была у Ghil'я. *В восторге* от него, от его беспристрастного отношения к вопросам "литературных колоколен", от его *вдумчивости*. В таком восторге, что спросила его, не согласится ли он писать изредка корр⟨еспонденции⟩ для "Весов". Он выразил *восхищение*, притом безусловно бескорыстное – какое чудо для среднего француза! – совсем не обратил внимание на мои словам о том, что плата не велика, объявил, что писать о том, что любишь, – уже плата.

Тогда я назначила ему свидание с Вами *у меня* в субботу à 3 1/2. Забегите ко мне до этого срока, я ужасно хочу Вам рассказать мое свидание с ним, и ужасно хочу Вас втиснуть в французский мир, и оторвать от "общества", его новогодних декораций и всего прочего случайного, не плодотворного, давящего, принижающего...

Ваша А.Г.

P.S. Конечно, я *не* пригласила GhiГя писать, а предложила познакомиться с Вами, чтобы поговорить об этом.

15 ян⟨варя⟩ выходит 1-ый № журнала *под редак⟨цией⟩* R. de Gourm⟨ont⟩» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438).

В ходе встречи Волошин и Гиль нашли общий язык. В письме к А.В. Гольштейн от 27 января 1904 г. Гиль назвал Волошина "человеком ⟨...⟩ симпатичного нрава и дарования" (*Ежегодник 1979*. С. 239); письмом от 4 февраля он пригласил Волошина к себе на следующий день, "дабы провести время в дружеском кругу" (Там же. С. 238). Ср. письмо Волошина к А.М. Петровой от 19 января/1 февраля 1904 г.: "Проникаю теперь в самые избранные круги символистов – к Одилону Рэдону, к Ренэ Гилю" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). Ср. также письма Р. Гиля к А.В. Гольштейн, хранящиеся в библиотеке Колумбийского университета (США).

[2] Эпопея Р. Гиля "Поэма" (или "Творение" – "Oeuvre"), которая создавалась как образец "научной поэзии" и ставила целью, по словам Брюсова, "обозреть все судьбы нашей планеты, начиная с первых космических процессов до всей сложности современной социальной жизни" (Научная поэзия (1909). *Избр. 1955*. Т. 2. С. 205). В 1887–1897 гг. был издан первый раздел эпопеи "Сказание о лучшем" ("Dire du mieux") в пяти книгах, в 1898–1926 гг. – второй раздел, "Сказание о крови" ("Dire des sangs"), в четырех книгах.

[3] 27 января Гиль сообщил А.В. Гольштейн, что предполагает "завтра вечером окончить статью, которую ⟨...⟩ склонен переводить лично Макс Волошин" (*Ежегодник 1979*. С. 239).

[4] Имеется в виду эстетический манифест Р. Гиля "Трактат о Слове" ("Le Traité du Verbe", 1887).

[5] С обложкой, оформленной по рисунку Одилона Редона, вышли три номера "Весов" (1904, № 4–6). С.А. Поляков в недатированном письме к Волошину высказывал пожелание о том, чтобы в рисунке в символической форме были запечатлены зодиакальные образы Скорпиона и Весов: «Пока сообщаю Вам одну мысль для обложки "Весов", которую намеревается делать Рэдон. Исходит эта мысль из следующего стиха Зигмунта Красинского: "Мысль, как скорпион, мятется в огне". Так вот можно воспользоваться образом мятущейся мысли (скорпиона), приходящей к равновесию (Весам). Это, конечно, лишь в самом общем виде и по возможности без реальных изображений скорпиона и весов» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 990).

[6] Эдуард *Вюйар* (точнее, Вюйар, Vuillard; 1863–1940) – известный французский художник, автор интерьеров в "интимном" стиле и многочисленных работ для театра (декорации, афиши, программы). В 90-е годы Вюйар принадлежал к группе "Наби" и активно сотрудничал в журнале "La Revue Blanche".

О творчестве Вюйара Волошин рассказал в статье, посвященной выставке группы "интимистов" в 1904 г. (среди ее участников были Вюйар, Боннар, Лапрад и др.). В трактовке этого художника сказалось волошинское понимание современной живописи как искусства, оторванного от первооснов духовной жизни, обезличенного и во многом искаженного в условиях массового ("фабричного") производства предметов эстетического наслаждения. "...Вюйар, – пишет Волошин, – делает героические попытки полюбить симметрические узоры дешевеньких обоев, закрывающих стены современной парижской комнаты, красные ковры, которые кричащими пятнами лежат на полу гостиных, украшенных искусственными пальмами, он с японской четкостью глаза отмечает все близкое и знакомое в обстановке квартиры, но новые и пестрые лоскутья фабричной роскоши, которые приближают современную комнату к ее образцу – к номеру европейской гостиницы, так безвкусны, так бессмысленны, там мало связаны с душой и с привычками ее обитателей, так ярко выражают в себе идеал демократического равенства духа, в сущности уже давно нашедшего свое практическое осуществление в жизни европейского мещанства, что Вюйар со всей изысканностью своей формы только сильнее заставляет кричать современную комнату, что интимного искусства в такой обстановке не может быть и никогда не будет. Он – обличитель европейской комнаты, а не ее поэт» (*Волошин М.* Серпантин Парижа: Выставка интимистов // Русь. 1905. № 41. 17 февр./2 марта. С. 2).

[7] Поль *Серюзье* (Sérusier, 1864–1927) – французский художник и теоретик символизма; инициатор создания группы "Наби". После встреч и общения с Гогеном в Бретани (1888–1889) Серюзье становится страстным поклонником и пропагандистом его "синтетического" искусства. В 1890-е годы Серюзье, подобно некоторым другим "набидам", склоняется к мистике и католицизму. Его перу принадлежит книга "Азбука живописи" ("L'ABC de la peinture". Paris, 1921).

[8] Ни Вюйар, ни Серюзье в "Весах" не участвовали.

[9] Русский кружок художников (иначе – Русский артистический кружок) был создан в Париже в 1903 г. при непосредственном участии М. Волошина (см.: *Кругликова Е.С.* Из воспоминаний о Максе Волошине // Максимилиан Волошин – художник. С. 99). Одно из первых документальных свидетельств о его деятельности – письмо А.В. Гольштейн к Волошину от 22 января 1903 г.: "Заседания общества худож(ников) продолжаются. Они ведутся у Мечниковой, и теперь уже обсуждается устав. Ваш приятель Ященко очень полезен и даже драгоценен. Он умный и славный". В другом, недатированном письме к Волошину (относящемся, по-видимому, к январю–началу февраля 1903 г.) А.В. Гольштейн сообщала: «Организация "Кружка", так решили его назвать, подвигается. Устав готов. Набираем первое ядро членов. Потом устроим общее собрание 1-х 20(-ти) членов, конференцию И.И. Мечникова в пользу Кружка, и, думаю, в апреле общество может созвать свое первое, большое общее собрание (надеем(ся) к тому времени иметь челов(ек) 100 и, может быть, помещение) для заслушивания отчета первого совета. Напечатаем на днях un appel*, который разошлем в большом числе экземпляров в России и художникам за границей» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). 6 января 1904 г. (в автографе описка: 1903) Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: «Я пока работаю в нашем русском "Кружке" художников, которого я был одним из организаторов. У нас есть ателье, где всегда позирует модель. А по вечерам мы рисуем друг с друга "croquis"2*. Причем каждый позирует по очереди по получасу. Это самое полезное и интересное» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). В мае-июле 1904 г. в помещении кружка на бульваре Монпарнас состоялась выставка русской вышивки; этому событию Волошин посвятил одну из своих статей в "Руси". Рассказывая о "первой активной манифестации молодого кружка русских художников в Париже", Волошин сообщил русским читателям, что русский артистический кружок "образовался органически из суббот на улице Буассонад в мастерской художниц Давиденко и Кругликовой, последние годы бывших одним из художественных центров квартала Монпарнас. Переход от этих частных вечеров к организованному кружку сложился естественно, что, конечно, обуславливает его жизнеспособность". Волошин далее добавляет, что "одной из целей кружка являлось устройство выставок в Париже для ознакомления французов с русским искусством" (*Волошин М.* Union des Artistes Russes. Русская кустарная выставка в Париже // Русь. 1904. № 178. 11/24 июня; статья датирована 5 июня 1904 г.).

Во второй половине 1904 г. деятельность кружка стала затухать (об этом сообщала Волошину 24 октября 1904 г. Е.С. Кругликова со слов А.В. Гольштейн: "Мы ведь думали, создавая Общество, что оно необходимо, а если годичный опыт показал обратное, то, значит, мы ошибались и вместо плодов получился пустоцвет" – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 716); однако этот кризис оказался временным. Впоследствии в деятельности кружка в разное время принимали участие А.Н. Бенуа, А.К. Шервашидзе, коллекционер и зна-

---

* воззвание (*франц.*).

2* эскизы (*франц.*).

ток восточного искусства В.В. Голубев и другие деятели русской культуры. Это объединение стало крупным центром русской художественной жизни в Париже перед первой мировой войной.

[10] Александр Георгиевич *Якимченко* (1887–1928) – русский художник-график, приятель Волошина. В начале 1900-х годов постоянно жил в Париже (одно время, в 1902 г., вместе с Волошиным в мастерской Е.С. Кругликовой на ул. Буассонад, 17; см. письмо Волошина к Е.О. Кириенко-Волошиной от 12 марта 1902 г. – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60; *Чичагова-Россинская Е.Д.* В Москве и Париже // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 72). По всей вероятности, Якимченко виделся с Брюсовым во время пребывания последнего в Париже в апреле 1903 г. ("Был и уехал Брюсов", – сообщал Якимченко Волошину из Парижа в Коктебель. – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1359). Благодаря рекомендациям Волошина, Якимченко принял участие в художественном оформлении "Весов" (виньетки: 1904, № 1, с. 58; № 2, с. 24, 80; № 3, с. 48; № 6, с. 64; № 8, с. 1, 66 – все за подписью: А.Я-ко; обложка: 1904, № 12). В письме к С.А. Полякову от 3 июля 1904 г. Волошин также рекомендует своего друга А.Г. Якимченко – «чьи рисунки я присылал в "Весы"»: «Он теперь поселяется в Москве, и я думаю, что он очень сможет быть Вам полезен как рисовальщик» (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 50). № 7 "Весов" за 1905 г. был целиком оформлен работами Якимченко.

[11] Ср. письмо Волошина к А.М. Петровой от 19 января/1 февраля 1904 г.: «Я теперь действительно много занят и писанием (см. журнал "Весы") и рисованием. ⟨...⟩ Моя жизнь теперь делится между академией и библиотекой. Я еще ни разу не был в театре! Еще не посетил всех своих старых знакомых» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

10. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва⟩ 11/24 января 1904.

Дорогой Макс Александрович!

Простите наше долгое молчание и нашу "безответность": и хворали и очень были заняты. Спасибо за извещения.

С.А. Поляков посылает Вам некоторый перевод: часть идет в счет гонорара за Вашу статью и за Ваш рисунок[1], остальное да будет тем "фондом", о котором вы пишете.

Я очень смущен теми поправками, которые – с Вашего, помните, разрешения – сделал в Вашей статье[2]. Поправки были необходимы для архитектурности статьи. Бéглость Вашей работы слишком выступала в повторениях, возвращениях к сказанному раньше и т.д. Но Вы знаете, что другому человеку почти невозможно продолжить чужую работу. Все мы слишком единичны, слишком различны. Будь, конечно, время и досуг, следовало бы списаться с Вами. Но верьте, что это было совершенно немыслимо. А отложить статью слишком уж не хотелось, ради ее законоположительности. Перед Вами у меня только те оправдания, что я старался сделать, как умел лучше, и именно так, как сделали бы Вы сами, будь корректура в Ваших руках. Я старался войти в Вашу душу, говорить Вашими словами, мыслить Вашими мыслями (Все это, однако, пусть Вас не слишком пугает: поправки почти исключительно состояли в перестановках, прибавлена мною – для связи – кажется, одна фраза).

Известие Ваше о Гиле нас очень радует. Пожалуйста, настойте, чтобы его статья была у нас **до** 1-го февраля ст. ст. – нам она необходима для № 2. *И пришлите сами корреспонденцию о парижских выставках.* Чтó же обещанная Вами корр⟨еспонденция⟩ о Гогене? После Вашего отъезда появилось о нем так много нового, что мы не решились печатать Вашей заметки, а поговорить о Гогене "Весам" следовало бы[3].

Умоляем, ищите нам рисовальщиков. 1 № слаб иллюстрациями, а для 2 № и ничего нет!

А затем моя личная просьба. Не оставляйте меня без писем. Как только выйдет 1 №, буду писать Вам много и часто. Пока изнемогаю в работе.

Очень Ваш Валерий Б р ю с о в

P.S. Пишите, пишите нам обо всем парижском, что только может войти в хронику*. Разрешите еще делать извлечения из Ваших писем. Помните нас. Привет.

1 № Весов получите после *20* ст. ст. Увы! раньше не успели![4]

---

* о театрах, о кабарэ, о афишах, о эталажах в магазинах, о дамских платьях, о жизни г.г. писателей и художников, их друзей и любовниц etc. etc. (*прим. Брюсова*).

На бланке "Весов".

Ответ на п. 9, а также на неизвестное нам письмо Волошина (в котором, в частности, поднимался вопрос о денежном "фонде", как следует из настоящего письма Брюсова).

[1] Статья Волошина "Скелет живописи", опубликованная в 1-м номере "Весов" за 1904 г., и его рисунок, помещенный там же (с. 40).

[2] Статья "Скелет живописи".

[3] Упоминаемая Брюсовым "заметка" Волошина о Гогене не сохранилась. Очерк о Гогене, предназначенный для "Весов", Волошин в 1904 г. стремился написать неоднократно (см. далее п. 12, 18), однако реализовать свой замысел ему удалось лишь в 1908 г. в статье "Устремления новой французской живописи" (*ЗР*. 1908. № 7–9, с. 5–12). Желание Брюсова осветить в "Весах" творчество Гогена было вызвано в первую очередь недавней смертью художника (в мае 1903 г.), на которую последовал ряд откликов во французской прессе; в "Mercure de France" о Гогене писал в 1903 г. его друг и сподвижник Шарль Морис (см. о нем п. 74, прим. 2).

[4] Дата цензурного разрешения 1-го номера "Весов" – 16 января 1904 г.

11. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac, Paris. ⟨13/26 января 1904⟩

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам отчет о выставке Стейнлэна и нескольких маленьких выставках[1]. Они пока все еще не интересны (не сезон), но я думаю, что надо дать хоть по две строчки о каждой, это дает справочную полноту.

Вашу телеграмму я получил[2], но с Моклэром еще никаких сношений у меня не вышло, потому что он живет теперь вне Парижа на юге Франции. Может, Вы найдете удобным сами ему написать? Его адрес: Villa Vian. A Grasse (Alpes Maritimes). Camille Mauclair.

Вышел ли первый номер "Весов"? Мне крайне необходимо иметь minimum 3 экземпляра, чтобы показать кому следует, т.е. Рэдону и др.

И⟨з⟩ моего предыдущего письма Вы уже знаете, что к концу января у меня будет статья René Ghil'я, который может писать каждый месяц о поэзии.

Получили ли Вы рисунки и виньетки Якимченки?

Относительно рисунков:

Рэдон все сомневается – каково должно быть символическое значение знака Весов[3]. Если у Вас есть какие-нибудь сведения и планы, то пришлите, пожалуйста. M-me Рэдон, между прочим, мне говорила, что у него был рисунок, называющийся "La pensée humaine"* – человеческая голова на чашке Весов. Я просил непременно отыскать этот рисунок. Может, это подойдет как идея[4].

Я Вам уже писал, что я переговорил с некоторыми из группы "Les dix", именно с Вюилларом, Серюзье и Лакостом, они уже переговорят с остальными[5].

В принципе они согласны взять на себя украшение "Весов" виньетками и "Culs de lampe"[2*].

Это очень важно потому, что они представляют теперь группу "Elites" во французской живописи. И конечно, их согласие вызвано только тем, что Рэдон, который является для этой группы maître'ом взялся сделать обложку, тем более, что все это уже arrivés[3*], т.е. люди, заваленные работой и заказами. Рэдон для художников теперь ведь немного занимает то же место, что занимал Mallarmé для поэтов.

Для них имели значение тоже и слова самого Рэдона.

Лакост – младший из них – берется сделать сейчас же виньетки и украшения для целого номера, т.е. виньеток 20, не считая разных мелких рамок для заглавных букв (т.е. таких, в которые можно вставить какие угодно русские буквы)[6].

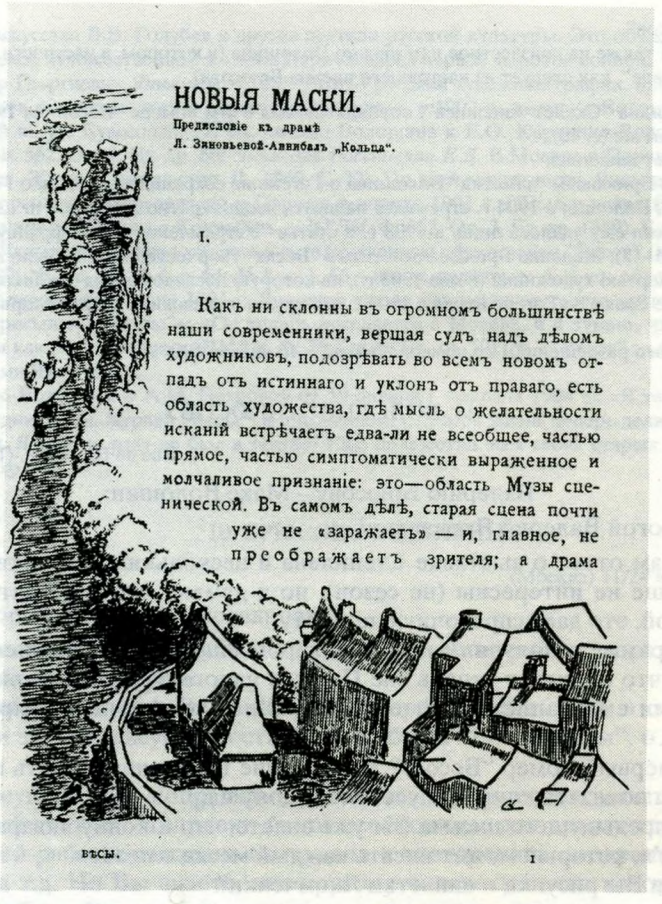
Его условие 25 franc. за виньетку. Т.е. украшение для целого номера будет стоить 500 fr.

---

* Человеческая мысль (*франц.*).

[2*] Концовки (*франц.*).

[3*] Преуспевшие (*франц.*).



НОВЫЯ МАСКИ.

Предисловіе къ драмѣ
Л. Зиновьевой-Аннибалъ „Кольца".

I.

Какъ ни склонны въ огромномъ большинствѣ наши современники, вершая судъ надъ дѣломъ художниковъ, подозрѣвать во всемъ новомъ отпадъ отъ истиннаго и уклонъ отъ праваго, есть область художества, гдѣ мысль о желательности исканій встрѣчаетъ едва-ли не всеобщее, частью прямое, частью симптоматически выраженное и молчаливое признаніе: это—область Музы сценической. Въ самомъ дѣлѣ, старая сцена почти уже не «заражаетъ» — и, главное, не преображаетъ зрителя; а драма

ВѢСЫ. I

"ВЕСЫ",.1904, № 7

Заставка по рисунку Ш. Лакоста

Если Вы мне сейчас же ответите, то к мартовской книжке ornements уже будут им приготовлены. Очевидно, эта цена, 25 fr. виньетка, останется и для всей группы. И тогда "Весы" обеспечены на долгое время.

Сам Рэдон обещал тоже дать несколько Culs de lampe. Так что ответьте, пожалуйста, относительно цены виньеток немедленно. Лучше даже телеграммой.

Как условие виньеткам я ставил, конечно, воспроизводимость в цинкографии.

Так как клише для Рэдона предполагалось сделать в Париже (не так ли?), я узнавал о ценах типографий. C. Janin – редактор "Affiches et Estampes"[7] – рекомендовал мне одну типографию, на которой он остановился после долгих исканий и клише в которой стоит 15 сант⟨имов⟩ за кв. сантиметр.

Относительно рисунков Якимченки – назначение цены – Ваше дело, потому что он не назначал. Я думаю, что от 10 до 15 fr. будет вполне достаточно. Это всецело Ваше дело.

Но вот вопрос очень важный: пока я вел только предварительные переговоры, но теперь скоро придется иметь разные другие сношения – хотя бы с типографией о клише и др. Мне необходимо будет иметь известные суммы, чтобы не происходили очень неприятные задержки, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩, напр⟨имер⟩, заказывая клише хотя бы от имени "Весов", я же буду ответственным лицом перед типографией.

"ВЕСЫ", 1907, № 1

Виньетка по рисунку Э. Каррьера

Конечно, об этом не могло бы быть и речи, если б я располагал всегда свободными деньгами, но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я получаю из России ежемесячно 100 fr., то Вы представляете себе, насколько мой бюджет ограничен.

Я бы вот теперь очень бы хотел послать Вам книгу "Soliloques du Pauvre"[8] с иллюстрациями Стейнлена, о которой я говорю в своей заметке, и еще купить несколько фотографий со Стейнлена, но не могу это сделать, потому что у меня сейчас нет денег.

Поэтому я предлагаю Вам так: перевести известное количество денег, какое Вы найдете нужным, хотя бы в Crédit Lyonnais[9], чтобы я мог иметь возможность пользоваться тогда, когда представятся более крупные затраты, конечно с полной отчетностью. А кроме того, на мои личные расходы по делам "Весов", т.е. на покупку известных книг, журналов, пересылку рукописей, рисунков положить уже безотчетно хотя бы фран⟨ков⟩ 25–30 в месяц, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я сам для себя покупаю только очень немногие журналы и поэтому не могу следить за всем текущим в искусстве.

Что касается первого – крупных затрат, то возможна другая комбинация, для меня, в сущности, более удобная – я буду Вам сообщать адреса, а Вы сами уже письменно будете уславливаться. Я тогда буду вполне неответствен и в стороне.

Я пишу все это Вам, Валер⟨ий⟩ Яков⟨левич⟩, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Вы писали, что Сер⟨гей⟩ Алек⟨сандрович⟩ болен. Это вопросы, которые для меня очень важны.

Ну довольно.

На днях я познакомился с Верхарном, на банкете, который был устроен в честь него "La Plume"[10]. Между прочим, говорил ему о том, что Вы собираетесь издать книгу его переводов, и он просил, чтобы Вы ему прислали ее, когда она выйдет[11].

Он мало похож на маску Валлотона[12]. Черты все верны, но там слишком много суровости, а в нем масса пережитого и бледной старческой доброты в глазах, хотя он не стар.

У него вид пожилого родственника[13].

Странны были три лица рядом: Родэн с закручивающимся могучим лбом и типом Моисея[14].

Карьер с красным лицом старого вояки и старой бабы, с галстуком, повязанным, как будто у него болит горло[15]. И посредине маленькое лицо с большим птичьим носом и длинными висючими усами – Верхарн. Дальше злое, черной тушью набросанное лицо Рони[16] и серый, тяжелый Мирбо, от которого веет мужчиной, сигарами и силой воли[17].

Макс В о л о ш и н

Почт. шт.: Paris, 26.1.04; Москва. 16.1.04.

[1] Теофиль *Стейнлен* (Steinlen; 1859–1923) – выдающийся французский художник, график-иллюстратор, мастер плаката; испытал сильное влияние символизма и "стиля модерн". Выставка работ Стейнлена, о которой упоминает Волошин, состоялась в Париже в конце 1903 г. "Отчет" Волошина напечатан в "Весах" под заглавием "Письмо из Парижа. Выставки художников" (1904, № 2); основное внимание в нем было уделено творчеству Стейнлена. Впечатлениями от выставки Волошин делился также в недатированном письме к М.В. Сабашниковой (конец декабря 1903 – начало января 1904 г): "Я был на выставке Стейнлена (...) Это рисовальщик парижской улицы: улицы предместий. Он очень социалист. У него часто приходит в Париж Христос. У него паж, в виде паука, раскинувшего паутину. Это его слабости. Но его фигуры – это весь

Париж: уродливые грибы каменной мостовой, слизь сточных труб. Рабочие, faubouriennes*, кошки, публичные балы, стычки... Он со страшной отчетливостью чувствует некоторые части фигуры: голову, выпяченные колени, спину, складки рабочих шаровар – остальное он наскоро соединяет, как попало, только чтобы заполнить. Он груб в красках" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106).

[2] Текст телеграммы нам неизвестен. Видимо, в ней шла речь о гонорарных ставках для французских сотрудников "Весов".

[3] Ср. п. 9, прим. 5.

[4] К этому сюжету (голова, лежащая на чаше) Редон обращался неоднократно. В литературе о Редоне упоминаются рисунки: "Голова мученика", "Отсеченная голова", "Голова на чаше". Предполагается, что Редон вдохновлялся весьма популярной среди символистов легендой о Саломее и Иоанне Крестителе (драма О. Уайльда "Саломея", поэма Ст. Малларме "Иродиада" и др.).

[5] О Вюйаре и Серюзье см. п. 9, прим. 6–8. Шарль *Лакост* (Lacoste; 1870–1959) – французский художник-пейзажист и график. В начале 1900-х годов тяготел к "набидам" и вошел в недолго существовавшую (1903–1904) группу "десяти" ("Les dix"), названную так по их первой совместной выставке. К этой группе, помимо упомянутых Волошиным Серюзье, Вюйара и Лакоста, принадлежали также "набиды" Дени, Боннар, Валлотон, Руссель и несколько более молодых художников (П. Ланрад, А. Андре и др.). Об этой группе рассказывается в одном из волошинских "Писем из Парижа": «Группа "десяти", называемая также группой "идеалистов", имеет дело, главным образом, не с впечатлением, а с воспоминанием. У них есть и линия и композиция, теряющаяся у неоимпрессионистов. Очищенные тона импрессионистической палитры они пытаются согласовать с гармонично серым цветом комнат, в котором кричат импрессионисты. Интерьеры Вюиллара, сероватые пастели Росселя, фигуры Боннара – это единственные вещи современных художников, которые можно повесить в комнате, не оскорбляя глаза дисгармонией. Гамма их впечатлений более разнообразна, индивидуальность их шире и глубже. Они не только смотрят, но и думают глазами. Они в третьем фазисе живописи – обобщения и стилизации. Находясь более в области воспоминания, они изображают обычное и интимное глазу. Поэтому они задушевнее, чем неоимпрессионисты, которые изображают только поражающее глаз» (*Волошин М.* Письмо из Парижа. Салон Независимых // Весы. 1904. № 3. С. 45). В статье, посвященной "Осеннему Салону" 1904 г., где была представлена также и группа "десяти", Волошин уделяет этим художникам целый раздел и называет их "нео-идеалистами" и учениками Редона. О Ш. Лакосте в этой статье сказано: "Лакост, строгий в рисунке почти до геометрических построений, умеет находить только самые общие планы и освещать их с большим вкусом и наблюдательностью. В нем мало непосредственности, но много наблюдательности и красочной памяти" (Русь. 1904. № 335. 15/28 нояб. С. 2).

[6] При содействии Волошина рисунки и украшения, выполненные Лакостом, появились впоследствии в "Весах" (1904, № 7 – обложка и все художественные украшения; 1904, № 8, 9 – обложка).

[7] Клеман *Жанен* (Janin) – художественный критик и коллекционер, издатель ежемесячного художественного журнала "L'Estampe et l'Affiche" ("Эстамп и афиша"). Редактором этого журнала был искусствовед Андре Меллерио (см. п. 18, прим. 22).

[8] "Les Soliloques du Pauvre" ("Монологи бедняка") – поэма французского писателя *Жеана Риктюса* (наст. имя – Габриэль Рандон; 1867–1933), впервые изданная в 1895 г. и иллюстрированная позднее Стейнленом (1903). В статье "Письмо из Парижа. Выставки художников" Волошин писал: «Теперь Стейнлен как иллюстратор ушел гораздо дальше. Последняя его вещь – серия рисунков, выставленных теперь на выставке Place St.-George, – иллюстрации к "Les Soliloques du Pauvre" Jehan Rictus ⟨...⟩ из "Soliloques du Pauvre" он создал громадную лирическую драму» (Весы. 1904. № 2. С. 43).

[9] Crédit Lyonnais (Лионский кредит) – название международного французского банка, имевшего свой филиал в Москве.

[10] О банкете, устроенном редакцией журнала "La Plume" в честь Верхарна, более подробно рассказывается в заметке, присланной Волошиным Брюсову в феврале 1904 г. (см. п. 18) и напечатанной в "Весах" анонимно в разделе "Хроника" (1904, № 2, с. 83): «23 января (н.с.) в Париже журналом "La Plume" был устроен банкет в честь Эмиля Верхарна. В банкете участвовало больше ста человек, среди них Е. Каррьер, Ог. Роден, Ф. Фенеон, ван Риссельберг, Ж. Рони, С. Мерриль, О. Мирбо... Среди ряда приветственных телеграмм и писем были от Конст. Менье, М. Метерлинка, А. де Ренье, Вьеле-Гриффина, Поля Адана. Все лучшие умы французской литературы присоединились к этому скромному чествованию великого бельгийца».

[11] Вероятно, именно тогда Верхарн впервые узнал от Волошина имя своего русского поклонника и переводчика. Переписка и личное общение между Верхарном и Брюсовым начались значительно позднее – с марта 1906 г., когда Брюсов обратился к бельгийскому поэту за разрешением на издание книги своих переводов его произведений (*Верхарн Э.* Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906). См.: *ЛН*. Т. 85. С. 559-566 (публ. Т.Г. Динесман).

[12] Феликс *Валлотон* (Valloton; 1865–1925) – живописец и график, швейцарец по происхождению. Получил известность своими гравюрами по дереву, которыми начал заниматься с 1892 г. Принадлежал к группе "наби", сотрудничал в широко известных модернистских изданиях: "La Revue Blanche" (Париж), "Pan" (Берлин), "Jugend" (Мюнхен) и др. В 1896 г. выполнил серию портретов для "Книги масок " Реми де Гурмона, среди них портрет Верхарна. В 1913 г. Валлотон приезжал в Россию.

Оценивая произведения Валлотона, представленные в "Осеннем Салоне" 1904 г., Волошин писал, что

---

* жительницы предместий (*франц.*). В оригинале – fauxbourgiennes

художник "хорошо умеет владеть черными пятнами. Но он сделал их чересчур декоративно абстрактными и в конце концов в своем яром реализме прошел сквозь действительность, не сумев поймать ее. Он сам обессилил свои вещи чересчур тщательной их переработкой" (Русь. 1904. № 335. 15/28 нояб., С. 2).

[13] Ср. письмо Волошина к М.В. Сабашниковой от 15/28 января 1904 г.: «Недавно я познакомился с Верхарном на банкете, который устраивал в честь его "La Plume". В нем ничего внешне великого. Среди обычных французских лиц с лоском на нем поражала печать чего-то интимного, принесенного из дому. Какая-то стариковская внимательность, хотя он не стар. И из всех присутствовавших это повторялось только в лице Карьера. Там я видел в первый раз Мирбо и Родэна" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). Описывая через год с лишним посетителей Салона Независимых, Волошин развивает намеченную в этом письме и письме к Брюсову характеристику Верхарна: "...там ⟨т.е. в Салоне Независимых⟩ можно встретить и Верхарна, никогда и нигде не показывающегося в Париже. Он скромно и робко бродит между толпами, редко кем узнанный, в своем потертом длинном гороховом пальто, вглядываясь в картины голубыми, выцветшими, старческими глазами. Его длинный нос, мягкий и длинный висячий ус, трагическая морщина на лбу, имеющая форму распростертых крыльев летящей чайки, его длинные, тонкие, сухие и очень белые руки производят впечатление чего-то очень интимного, совсем не парижского. Такие бывают в больших семьях старые родственники, одинокие и добрые, которые привозят детям много игрушек" (*Волошин М.* Вернисаж Салона Независимых – Русь. 1905. № 69. 18/31 марта).

[14] Аналогичным образом Волошин описывает Родена и в статье "Вернисаж Салона Независимых": "Приземистая мускулистая фигура Родена с белоснежной головой патриарха и упрямым закручивающимся лбом Моисея производит такое впечатление мощи и энергии, что кажется, что он сам себя высек из камня" (Там же).

[15] Эжен *Каррьер* (Carrière; 1849–1906) – известный французский художник-символист. Был дружен со многими писателями и поэтами, в том числе с Верленом, Малларме, А. Франсом. На смерть художника Волошин откликнулся статьей-некрологом "Карриер", помещенной в "Золотом руне" (1906, № 4); о творчестве Каррьера он также писал в статьях "Весенние салоны 1906 года" (Двадцатый век. 1906. № 67. 5 июня) и "Письмо из Парижа. Национальный салон 1906" (Весы. 1906. № 9).

[16] Волошин описывает здесь, скорее всего, Рони-старшего.

[17] Октав *Мирбо* (Mirbeau; 1848 или 1850–1917) – известный французский писатель демократического лагеря. Выступал также как художественный критик, с сочувствием относился к творчеству импрессионистов. Был дружен с К. Писсарро и другими художниками. Еще в 1901 г. Волошин написал статью о его романе "Двадцать один день из жизни неврастеника" и опубликовал свой перевод его рассказа "Вечером" (Курьер, 1901. № 248. 8/21 сент.). Несколько скупых штрихов, при помощи которых Волошин пытается в этом письме создать достоверный портрет Мирбо, обогатятся впоследствии (в статье "Вернисаж Салона Независимых") иными выразительными подробностями: «Октав Мирбо со своим грубым и сильным лицом, точно вырезанным из корня старого дерева, со своим тяжелым и неприятным взглядом, – лицом, на котором написано усталое и презрительное знание всех позорных тайн жизни. От его фигуры веет силой, но в глазах написана поблеклость старости. Его волосы редки и приглажены набок. Пальцы его мускулисты и грубы. Такими пальцами можно задушить человека, это пальцы "честного палача". Насколько наружность Мирбо соответствует его литературному облику, настолько же лицо Метерлинка не похоже на его произведения» (Русь. 1905. № 69. 18/31 марта).

12. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3, rue du Bac. Paris. ⟨16/⟩29 janvier ⟨1904⟩

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо меня ужасно обрадовало. Вы так долго молчали, что я уже стал сомневаться – не случилось ли чего с "Весами". Как раз сегодня вечером я должен увидеть Гиля для того, чтобы прочесть вместе его статью[1]. Тогда через 3 дня она будет отправлена к Вам с моим переводом, согласно желания Гиля. Посылаю Вам несколько страниц об очень интересном итальянском скульпторе Россо[2]. Об Стейнлэне и о маленьких выставках Вы уже получили? Может, если успею эти дни еще что-нибудь увидеть, пришлю еще таких же кратких заметок к февральскому номеру. Статью о Гогэне придется отложить до мартовской книжки, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я еще не мог до сих пор увидеть всего, что мне необходимо, – именно, коллекции Мориса Фабра[3]. К марту я надеюсь тоже закончить большую статью об искусстве, которая будет продолжением январской: "Европеец и его раковина"[4]. Там я буду говорить о возможности европейского народного искусства как о заключительной ступени индивидуализма. А также о том значении, которое в этом искусстве должна играть комната.

Относительно поправок: мне ужасно стыдно, что Вы так извиняетесь. Есть тысячи вещей, которые можно исправить только в корректуре, и я даю Вам полную carte

blanche на это. Т.е. даже больше: я Вам ужасно благодарен за то, что Вы сделали, хотя и не видел этого.

Да! пожалуйста, вычеркните из моих маленьких корреспонденций о выставках две фразы: в заметке о Попеско – последнюю ("неужели Бретань похожа на Румынию")[5]. И в заметке о Стейнлене фразу о передвижниках. Когда пишешь, нужно себе ясно представлять, как это будет выглядеть в печати, точно так же для живописца – как это будет в раме. Я слишком мало опытен и потому буду Вам очень благодарен за необходимую для картины petite retouche*, которую делают в корректурах.

Только что видел René Ghil'я и выслушал его статью. Она по-моему очень хороша, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ сразу и широко вводит в различные течения символизма, так мало известные у нас, где всё движение представляется цельным, и так бурно дебатируемые теперь во Франции. Ghil производит впечатление очень сильного характера, сдержанного и замкнутого.

Его слова еще очень интересны тем, что он в первый раз дает публично свою оценку движения и определяет свою роль в нем, которая, как Вы знаете, была очень значительна.

С эпохи великой кампании 86–94 года он не выступал ни разу в текущей журналистике, работая исключительно над своей громадной поэмой "Oeuvre". Так что тот ряд статей, который он хочет теперь дать "Весам", представляет большую Rareté[2*].

Один вопрос – довольно важный – о транскрипции его имени по-русски; я с ним об этом вчера говорил. Написать "Гиль" невозможно. Ces imbéciles[3*] – русские критики, конечно, начнут каламбурить. Нужно или дать точную транскрипцию: "Гхиль" или написать так: "Гіль". Как Вы думаете лучше? Только "Гиль" просто невозможно. Сегодня вечером он мне передаст маленький план дальнейших статей – для редакции только, но не для печати.

Вы упоминаете о дамских модах. Хотите специального корреспондента? Это одна очень важная английская дама, m-me Фионо[6], которая пишет в английских газетах не о настоящих, а о *будущих* модах Парижа. Она в связи со всеми портнихами и мастерами Парижа и поэтому безошибочна.

Она хорошая знакомая m-me Holstein, и это можно будет устроить. Маленькие корреспонденции раза 4 в год? Хотите? C'est chic ça[4*].

Очень важный вопрос: кто будет писать о романах и о театре? Моклэр болен и живет теперь постоянно на юге Франции, так что тут надежды нет. Для театра мне предлагают Ferdinand Herold'a ("Mercure")[7] и обещали с ним переговорить. Вот роман... мы с Гілем перебирали вчера все возможности и остановились на Mokhel'е[8]. Но его надо раньше найти и переговорить, что я постараюсь сделать.

Вот пока все. Сажусь за перевод статьи Ghil'я.

М.В.

Ответ на п. 10.

[1] Речь идет о первой статье, подготовленной Рене Гилем для "Весов", – "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы" (№ 2; в содержании указано: "Пер. с рукописи"). Ср. комментарии П.Р. Заборова в кн.: *Ежегодник 1979*. С. 239.

[2] Медардо *Россо* (Rosso; 1858–1928) – итальянский скульптор. В 1885–1890 гг. жил во Франции; общался с Роденом. Статья Волошина "Письмо из Парижа. Россо" напечатана в № 1 "Весов" за 1905 г. (с. 47–49; подпись: Эмилиан Кириенко). О своем личном знакомстве с Россо Волошин сообщил М.В. Сабашниковой в письме от 15/28 января 1904 г. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106).

[3] Морис *Фабр* (Fabre) – богатый французский предприниматель и коллекционер живописи. Один из первых ценителей искусства Одилона Редона, Фабр дружил с художником и покупал его произведения (в 1923 г. были опубликованы письма Редона к Фабру). Значительная часть коллекции Фабра, в которой на-

---

* небольшая правка (*франц.*).

2* Редкость (*франц.*)

3* Эти идиоты (*франц.*).

4* Это великолепно (*франц., разг.*).

ходились также полотна Гогена, Ван Гога и других современных мастеров, была распродана на аукционе в парижском отеле Друо 1 марта 1902 г. Об интересе Фабра к живописи Гогена см. письма к художнику от его ближайшего друга Жоржа Даниэля де Монфрейда, написанные 10 апреля и 11 декабря 1902 г. (в кн.: Paul Gauguin. Briefe. B., 1970. S. 221, 227–228).

[4] Под "январской" статьей подразумевается "Скелет живописи". Замысел статьи "Европеец и его раковина" остался незавершенным; подготовительные материалы к ней неизвестны. Над статьей Волошин работал в январе–марте 1904 г. В письме к А.М. Петровой от 26 февраля/10 марта 1904 г. он сообщал: «Я в настоящее время как раз заканчиваю продолжение "Скелета" – "Европеец и его раковина", где буду говорить о том, куда идет европейское искусство. Там я как раз подробно касаюсь вопроса об именах. Я считаю имя одним из самых тяжелых камней, висящих на шее художника, и проповедую исключительно анонимное искусство» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). Более обстоятельно идею своей статьи Волошин излагает в письме к М.В. Сабашниковой от 15/28 января 1904 г.; судя по этому изложению, воззрения Волошина имели немало разительных совпадений с философско-эстетическими взглядами Вяч. Иванова (чьи программные статьи тогда еще не были опубликованы, и Волошин с ними не мог быть знаком): «...мне кажется, что... что я держу разгадку, ключ к будущему в руках. Индивидуализм в своем высшем пределе создает единое всенародное искусство. Это совершается так же, как личность, достигшая предельной высоты, сливается с миром – входит в Нирвану. Индивидуальность художника в своей высшей точке сливается с душой народа. Индивидуализм нашего времени далеко еще не совершенный индивидуализм. Он слишком большое значение придает внешним страстям и имени. Он недостаток личности хочет заменить цельностью имени. Имя и связанная с ним головокружительная "Gloire"* выставляются как значок фирмы на каждом художественном произведении. Это только признак того, что индивидуальность еще недостаточно развилась внутрь. ⟨...⟩ Девизом будущего искусства будет: "Долой имена". Довольно этих игрушек самолюбия, теперь можно наконец стать истинными, великими и безымянными мастерами. ⟨...⟩ Я пишу для них ("Весов". – *Ред.*⟩ теперь статью об Европейце и об его раковине. Я хочу там сказать и об народном искусстве – то, что я писал в начале письма» (Там же. Ед. хр. 106). Некоторые идеи, которые предполагалось отразить в статье "Европеец и его раковина", и прежде всего мысль о "безымянности" народного искусства как о залоге его величия, будут позднее развиты Волошиным в статье "Индивидуализм в искусстве" (*ЗР*. 1906. № 10. С. 66–72; *Волошин М. Лики творчества*. С. 258–266).

[5] Стефан *Попеско*, точнее, Попеску (Popescu; 1872–1948) – румынский художник и график; учился в Мюнхене и Париже. До 1914 г. постоянно жил в Париже, затем в Бухаресте. Краткая заметка Волошина о выставке Попеску напечатана в "Весах" (1904, № 2, с. 44) в составе его корреспонденции "Письмо из Парижа. Выставки художников".

[6] К. Фионо, или Фионо-Йепп (Filloneau-Yapp) – см. о ней п. 15, 27 и 47, прим. 2.

[7] Андре-Фердинан *Герольд*, точнее, Эрольд (Hérold; 1865–1940) – французский драматург и поэт, сотрудник многих парижских журналов. В начале 1900-х годов вел в журнале "Mercure de France" раздел "Театральное обозрение". В "Весах" участия не принимал (см. п. 24).

[8] Альбер *Мокель* (Mockel; 1866–1944) – бельгийский поэт и эссеист, ученик и поклонник Малларме, автор первой монографии о нем (1889). В 1895 г. издал эссе о Верхарне ("Emile Verhaeren"); это издание названо в списке книг из библиотеки Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681). Об этой книге Мокеля упоминалось и в "Весах" (1904, № 3, с. 69–70; раздел "В журналах и газетах"). В 1904 г. Мокель издал книгу о Ш. ван Лерберге. Мокель известен как основатель (в 1886 г.) брюссельского журнала "La Wallonie" ("Валлония") – главного печатного органа бельгийских символистов. После 1889 г. жил в Париже. В начале 1900-х годов – активный сотрудник редакции "Mercure de France". В "Весах" участия не принимал (см. п. 24).

13. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

18/31 января 1904. Москва.

Дорогой Макс Александрович!

Это – деловой ответ.

Итак.

150 р. (Вы их уже получили?) идут в счет Ваш и А. Якимченки. За Вашу статью вам приходится около 35 р. Цену за виньетку назначьте сами (мы ее взяли, не спросясь у Вас, но не было времени, а положение безвыходное)[1]. А. Якимченке мы предлагаем по 10 fr. за рисунок, но берем их *все* (их 10? или немножко больше), причем некоторыми, вероятно, не воспользуемся. Остальные деньги храните у себя и употребляйте их на те нужды "Весов", о которых пишете.

Напишите, если что́ в этом расчете надо изменить.

Затем Вы дарите нам сокровище, которым воспользоваться мы не в силах, не можем. Говорю о французских художниках. 25 fr. за рисунок очень недорого, Вы знаете это лучше меня, но 500 fr. за № – дорого, очень дорого! Это едва ли не треть всей

* Слава (*франц.*).

суммы, какую мы можем отпустить на №, считая в том числе на бумагу, на типографию, на гонорар. Кроме того, – рядом с французскими, существуют еще художники русские, немецкие, польские, скандинавские, которых нам тоже хочется включить в число сотрудников "Весов". К дорогим рисункам истинных мастеров (но отнюдь не исключительно) французским мы *принуждены* присоединять рисунки дешевые и совсем бесплатные... Дело, следовательно, вот в чем. Согласится ли Лакост или кто другой сделать для нас всего 5–8 рисунков (пока) по той же цене 25 fr. за рисунок, но получая в общем весьма скромную сумму 100–200 fr.?

Вы понимаете, что это ограничение вынужденное. Конечно, С.А. Поляков *может* заплатить 500 fr. и за 3-ий № и за 4... Но скоро при этом "Весы" ему надоедят и он бросит такое разорительное дело, как тяжкую обузу. А мы должны всячески беречь *свой* журнал.

Подписчиков у "Весов" по сегодня – 197[2].

Все сказанное не относится к Рэдону. Он выше всяких условий. Мы у него возьмем все, что он согласится, что он пожелает дать нам, по той цене, какую он сам назначит.

Клише для Рэдона в *крайнем* случае мы согласны делать в Париже. Все другие клише обязательно мы будем делать у себя. Не понимаем и причины, зачем надо "клишировать" Рэдона у Вас. В смысле искусности воспроизведения наш Вельман[3] посоперничает с любым ателье Парижа; ему удаются такие вещи, которые никогда не удаются ни в "Studio"[4], ни в ином "зарубежном" журнале. Наконец, мы можем *попробовать* и послать воспроизведение в Париж. Если Рэдон его забракует, мы вернем рисунок для клиширования в Париже.

Статья Ваша о Стейнлейне сдана в набор. Пойдет все без перемены единой буквы: только прошу Вашего позволения выкинуть без остатка три строки о русских передвижниках, не идущие к делу[5], а самая мысль уже была Вами высказана в "Скелете".

Заметками о выставках воспользуемся только как материалом для хроники[6].

Получим ли мы статью Гиля? и когда? и какова будет ее величина? Если она придет до 1 февраля ст. ст. и будет не больше $^1/_2$ печ. листа, она пойдет во 2 №. Иначе в 3-ий. Самое сотрудничество Гиля нам очень, очень желательно. Просите его писать, если понемногу – то каждый месяц, если обширными статьями, то через месяц. Не забудьте, что кроме Франции, перед нами вся Европа, не говоря о России и не мечтая об Азии!

Очень Ваш Валерий Б р ю с о в.

Сообщите, прошу, Ваши впечатления от 1 № Весов – и содержании и внешности. № Вам послан в нескольких экземплярах. *V.*

Ответ на п. 11.

[1] Речь идет о гонораре за "Скелет живописи" и рисунок Волошина, помещенные в 1-м номере "Весов".

[2] К концу 1904 г. у "Весов" было 670 подписчиков, в последующие годы количество подписчиков постепенно возрастало, достигнув максимальной цифры в 1908 г. (1691). См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы": (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85. С. 273, 299–300.

[3] Ю.К. Вельман, московский цинкограф, готовил клише обложек и художественных украшений для "Весов" в 1904–1905 гг. В содержании № 4 и 5 "Весов" за 1904 г., вышедших в оформлении Одилона Редона, указано: "Клише исполнены К. Вельманом в Москве".

[4] Английский художественный журнал "The Studio", издававшийся в Лондоне с 1893 г., – широко известный орган "нового искусства".

[5] Ко времени написания этого письма Брюсов еще не получил письма Волошина (п. 12) с просьбой сделать ту же самую купюру.

[6] Если это намерение и было выполнено, то не полностью: три "заметки о выставках" напечатаны в составе статьи Волошина "Письмо из Парижа. Выставки художников" (Весы. 1904. № 2. С. 44); кроме того, в отделе "Хроника" того же номера появилась краткая корреспонденция из Парижа о предполагаемых выставках у Дюран-Рюэля (с. 84).

"ВЕСЫ", 1904, № 2

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

"ВЕСЫ", 1904, № 3

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

14. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. ⟨Paris.⟩ ⟨18/⟩31 janvier ⟨1904⟩

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодаря разным делам, скопившимся у меня за последнее время, я не успею исполнить желание Ренэ Гхиля: перевести его статью. Поэтому высылаю Вам сейчас же (одновременно с письмом) его статью и те страницы перевода, что я успел сделать. Он очень просит обратить особенное внимание на тщательность перевода особенно этой первой статьи, которая носит более общий характер.

Статья эта довольно сложна для передачи, особенно благодаря его стилю, в котором чувствуется плавное движение широких крыльев. Мне кажется, что это очень важно сохранить. Кто будет переводить ее?[1]

Прилагаю ту общую программу, которую он намерен выполнить в будущих письмах. Это грандиозно! Это целая книга! "Весы" будут иметь первую полную историю символизма, раньше Франции. Эта программа предназначается только для сведения редакции, но не для печати.

Я нашел для Вас корреспондента для Голландии. Это молодой голландский поэт Carel Charten – Карель Шартэн, который в настоящее время живет в Париже. Гхиль говорит, что он очень талантлив. Он пишет в наиболее крайних* органах Голландии. Я нахожу его очень интересным и тонким в разговоре. Он почти согласен. Он может писать как по-голландски, так и по-французски[2]. Как Вы предпочитаете?

Если успею, то пришлю до 1-го февраля еще дополнение об маленьких выставках.

Непременно вышлите мне несколько экземпляров первого номера. – Все хотят раньше видеть журнал.

Жду ответа об Лакосте.

[1] Перевод статьи Рене Гиля "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы" (Весы. 1904. № 2. С. 25–38) закончил сам Брюсов (см. п. 16). 26 февраля/10 марта 1904 г. Волошин писал А.М. Петровой: «Только что получил второй номер "Весов". Обратите внимание на статью Гиля. Жаль, перевод тяжеловесен. Сравните первые три страницы, переведенные мною, с остальным, переведенным в Москве» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

---

* *Было*: моло⟨дых⟩.

[2] Карел Теодорус *Шартен*, точнее, Схартен (Scharten; 1878–1950) – нидерландский писатель и критик; с 1902 по 1925 г. в качестве корреспондента жил за границей. Ряд произведений Схартена (романы, повести, рассказы) написан им совместно с женой, М.З.Э. Схартен-Антинк. В "Весах" не участвовал.

15. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨21 января /⟩ 3 février 1904. Moscou.

Дорогой Макс!

Я получил Ваше письмо 29 j⟨anvier⟩, статью о Россо и рисунки. Не лучше ли Ваши характеристики "Художники и мастерские (Парижа)" соединить по две – по три? Для мелкого шрифта они в отдельности слишком громоздки, важны, значительны; для крупного – слишком малы. Рисунками воспользуемся непременно[1]. *Ждем с величайшим напряжением статью Ghil'я.* Чем скорее, тем лучше. Важны даже *часы*. Она идет крупным шрифтом во *второй* лист №. Высылайте же!! Имя Ghil'я просто оставил *везде* французскими буквами. Получили ли Вы №№ "Весов"? M-me Фионо *попросите* написать о модах, пока *раз* для марта (срок 1 марта ст. ст.) и – увы! – не свыше 1 1/2–2 стр. (это объясните ей со всей сверхъевропейской вежливостью)[2].

Сердечно Ваш В а л е р и й Б.

Ответ на п. 12.

Открытка. Почт. шт. отправления: M. 21.I.04. Адрес: "Франция. Париж. France. Paris. 3 Rue du Bac. Monsieur Max Wolochine".

[1] В февральском и мартовском выпусках "Весов" были помещены четыре рисунка Волошина (№ 2, с. 38; № 3, с. 9, 16, 32).

[2] Корреспонденция К.Ф. Фионо "Одежды и мода" появилась лишь во 2-м номере "Весов" за 1905 г. (с. 22–26). См. п. 47.

16. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.
Около 22 января / 4 февраля 1904 г.⟩

Дорогой Макс!

Вот в чем дело.

Мы все, конечно, довольны очень, и просто рады, и Вам благодарны за статьи Гиля, которого все чтим. Но.

Вы видели "Весы" (кстати, Вам послано еще 5 экз.) и знаете их размер. Эти пять листов должны быть посвящены всей европейской и частью внеевропейской литературе, прежде же всего, конечно, русской. Сосчитайте, сколько страниц достается на долю "французских стихов".

По-видимому, Гиль предлагает ежемесячно статью и ежемесячно письмо о современности. Это прекрасно, но для нас немыслимо.

Теперь, как объяснить это Гилю. Бесспорно, уступая нам свою работу, он до некоторой степени "снисходит" к нам: по крайней мере такова должна быть психология французского писателя, отдающего статью в еще даже несуществующий русский журнал. Не хотелось бы ни в каком случае обидеть его.

Нельзя ли предложить Гилю, что мы издадим его "Письма" отдельной книгой по-русски, одновременно с их появлением по-французски (разумеется, за известный авторский гонорар). Или даже – если он не имеет в виду французского издателя – мы можем издать его книгу и по-французски, хотя до сих пор еще не делали таких опытов и не знаем их "практики"[1].

В "Весах" же мы с радостью напечатаем три-четыре – maximum пять статей Гиля, даже лучше не больше четырех, потому что хотелось бы дать хоть одну статью де Гурмона[2]. Что́ до писем о современной, текущей литературе, то и их помещать каждый месяц, особенно если Гиль будет говорить *только* о́ стихах, для нас затрудни-

тельно*. Притом размер этих писем должен быть ограничен: не больше 4 страниц нашего мелкого шрифта. Не забывайте, что мы ждем еще писем из Германии, из Англии, из Италии, из Норвегии, из Дании, из Чехии, из Голландии, из Калькутты...

Вполне понимаю Ваше неприятное положение. Если Вам неудобно лично изложить все это Гилю, – сообщите, и я сам напишу ему письмо от имени редакции, где просто, словно в первый раз, только упомянув о Вас, изложу наши просьбы и предложения.

Скажите, уславливались ли Вы с Гилем о гонораре. 15 fr., предназначавшиеся за страницу для Моклэра, были рассчитаны на *мелкий* шрифт и на короткие письма. Статью же Гиля приходится печатать крупным шрифтом, и займет она не менее листа... Но, конечно, если Вы уже условились, переменять этого решения невозможно.

Письма о голландской литературе нам очень желательны, но не более двух в год и размером не свыше 4 стр. нашего мелкого текста.

Статью Гиля перевожу я; сознаюсь, дело не легкое, и часто я погрешаю тем, что придаю фразам ясность, которой нет во французском тексте.

"Весов" Вам выслали сначала лишь 2 экз. только потому, что не было готовых: довольно большой спрос в розницу, при довольно скудной подписке.

Напишите Ваше впечатление от "Весов".

Ваш Валерий Брюсов.

На бланке "Весов".
Ответ на п. 14.

[1] Этот замысел не был реализован. "Письма о французской поэзии" Гиля, а также его заметки и рецензии регулярно печатались в "Весах" на протяжении всех лет издания журнала.

[2] Реми де Гурмон (Gourmont) был одним из инициаторов и редактором журнала "Mercure de France". Автор "Книги масок" (серия критических эссе о современных поэтах, 1896–1898), многосерийных "Эпилогов" (1895–1912), книг "Проблема стиля" (1902), "Литературные прогулки" (1904–1913), "Философские прогулки" (1905–1909) и др.

Имя Реми де Гурмона упоминалось в "Весах" сравнительно часто. В 1904 г.была помещена (в связи с выходом второго тома "Эпилогов") статья Брюсова "Реми де Гурмон" (№ 8; подпись: Ch.), а также рецензия Волошина на книгу Гурмона "Литературные прогулки" (№ 11). М.Н. Семенов сообщал Брюсову 15/28 ноября 1904 г. из Парижа: «От Реми де Гурмона ответ получен: он соглашается сотрудничать в "Весах", но просит меня зайти к нему для переговоров. Пойду на днях» (*ГБЛ.* ф. 386, 102. 31). Впоследствии статьи и корреспонденции Реми де Гурмона стали систематически появляться в "Весах". В библиотеке Брюсова сохранилась книга Гурмона "Литературные прогулки" ("Promenades littéraires", 1904) с пометами и подчеркиваниями владельца (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 489). Сохранились также принадлежавшие Брюсову книги Гурмона: "Юдифь Готье" (1904); "Культура идей" (1900); "Проблема стиля" (1907); "Пилигрим молчания", "Люксембургская ночь" и др. (см.: *ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1681). Сохранилась также книга о Гурмоне, написанная Пьером Керлоном (см. п. 27, прим. 11).

17. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3. Rue du Bac (Paris. 24 января / 6 февраля 1904)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вы идеальный редактор – в то время, когда я пишу Вам: "вычеркните те-то три строчки", Вы, еще не получив письма, пишете, что Вы их вычер⟨к⟩нули[1].

Письмо Ваше я получил третьего дня, но ни книг, ни денег до сих пор не получил. Это меня смущает и беспокоит.

Относительно денег: предвидите ли Вы падение русского курса при объявлении войны и все следующие последствия?[2] Посоветуйте Сергею Александровичу заранее запастись иностранными деньгами. Впрочем, верно, он уже принял меры.

Падение курса, говорят, будет огромное.

Теперь парижские дела: вчера я был у Рэдона. Рисунок для обложки выбран. Великолепная вещь. Один из лучших Рэдонов. Он сам же сделает надпись. Это большой рисунок углем. Описывать я его не буду – Вы сами увидите. Рэдон ничего не имеет

* Ведь мы должны давать отзывы и о романах, и о театрах etc. (*прим. Брюсова*).

против воспроизведения его в Москве[3]. Я писал и узнавал относительно парижских клише на основании слов Сер⟨гея⟩ Алекс⟨андровича⟩.

Я имел представление, что в Москве, кроме простейшего вида цинкографических воспроизведений, ничего невозможно сделать.

Воспроизведение обложки Рэдона представляет еще особенные трудности благодаря тонкости его "черных" пятен, из-под которых всегда шевелится целый мир разных образов.

Кроме того, Рэдон согласен дать 12 виньеток за 200 fr. для целого номера. Но ставит условием, чтобы в этом номере не было ни одного чужого рисунка. Чтобы номер был исключительно его. Это страшная роскошь, но, к сожалению, ее оценят только в Париже. Ни один французский журнал не позволял себе такой роскоши: дать целый номер, украшенный одним Рэдоном. Обыкновенно одна-две виньетки – это было самое большее. И, кроме того, Рэдон щедрой рукой раскрыл все свои картоны и предоставил мне полную свободу выбора. Так что эти 12 рисунков будут наиболее типичны и характерны. Через неделю, верно, обложка будет закончена. Это зависит от того, когда я получу первый номер.

Рисунок для обложки поступает в полную собственность редакции. Виньетки должны быть возвращены по воспроизведении.

Когда я Вам вышлю рисунок, Вы мне, пожалуйста, напишите, на какой месяц Вы назначите рэдоновский номер. Тогда для него необходимо будет приготовить статью об Рэдоне.

Что касается Лакоста и др. – я еще никого не успел увидеть. Я предложу им такие условия: цена 150 fr. не меньше 6–7 рисунков. Больше – сколько угодно. Так посоветовал Рэдон (это между нами).

Всей любезности Рэдона, конечно, мы обязаны больше всего m-me Holstein, которая меня познакомила с ним.

На днях я Вам выслал 8 букв Якимченки. Он назначил за них по 5 francs. Там же один мой рисунок.

Да! по поводу моих рисунков. Я Вам выслал их только в виду того, что Вы писали о неимении рисунков на февраль.

Так что Вы, пожалуйста, не стесняйтесь с ними. Если Вы ими не воспользуетесь для "Весов", то оставьте их у себя[4].

Да! Еще просьба: когда Вы пишете о моих заметках – я чувствую в Вашем тоне боязнь обидеть. Я слишком доверяю Вашему вкусу и поэтому прошу Вас, не делайте себе с этим никаких стеснений: расп⟨о⟩ряжайтесь этим, как простым материалом.

Вышлите мне, пожалуйста, еще объявлений о "Весах" (об обмене) на французс⟨ком⟩ яз⟨ыке⟩.

Напишите мне: какие французские журналы Вы получаете. Это очень важно.

Значит, я, как предлагал, могу ежемесячно бесконтрольно тратить 25 fr. на журналы и почтовые расходы, а в других тратах буду Вам представлять отчет? Вы на это не ответили. До свиданья.

Макс Волошин.

Датируется по почт. шт.: Paris. 6.2.04; Москва. 27.1.04.
Ответ на п. 13.

[1] См. п. 12 и п. 13, прим. 5.

[2] Имеется в виду обострение отношений между Россией и Японией, повлекшее за собой разрыв дипломатических отношений 24 января / 6 февраля 1904 г.; русско-японская война началась 27 января / 9 февраля 1904 г.

[3] См. п. 13, прим. 3.

[4] См. п. 15, прим. 1.

18. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac ⟨Paris. 5/18 февраля 1904⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сперва денежные дела: Я получил от Вас 397 fr.

Из них Якимченке –	100 fr.
Мне (статья 35 р.) следоват⟨ельно⟩	93 fr.
Рэдону (в качестве задатка)	100 fr.
	293 fr.

Кроме того, я должен на свои расходы удержать еще 50 fr. (январь и февраль). Но не знаю, имею ли я на это право. Вы мне еще не ответили. Тогда у меня остается 54 fr. редакционных денег.

Теперь. Рэдон вышлет Вам на этих днях несколько рисунков для виньеток.

Обложка почти готова и будет выслана немедленно.

Обложка стоит 300 fr. и поступает как рисунок в полную собственность редакции. Это рисунок углем, так что его я анкадрирую в стекло и вышлю посылкой. Иначе нельзя. Виньетки* стоят 200 fr., их будет 13–14. Так что Вы должны Рэдону, не считая уплаченных мною 100 fr., еще 400 fr. Вышлите их, пожалуйста, немедленно или мне, или Рэдону. (Odilon Redon. 32. Avenue Wagrame). Это очень важно для Рэдона и для установления репутации "Весов".

Лакост делает виньетки за 150 francs.

С Рэнэ Гилем условлена относительно цены обычная русская плата 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа, или 25 сант. со строчки (в мелком шрифте).

Это я уже писал Вам. Хотя тут нужно было бы, я думаю, Вам установить для Франции строго определенную плату прямо во франках без расчета на русские деньги, положим в 150 или даже в 160 fr. Эта последняя цифра уже вполне возможна, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ это 10 fr. за страницу.

Но норму во франках необходимо определить точно.

Относительно Гиля это не так страшно, как Вам показалось. Свою программу, которую я Вам выслал, он думает осуществлять постепенно и говоря о современности.

Это метод, который мы выработали с ним вместе: говорить о современном и текущем, делая экскурсии в прошлое. Так что это не будут отдельные статьи и, кроме того, письма из Парижа.

Что касается длины, я просто попрошу его давать статью через месяц и делать ее короче ввиду размера журнала. В этом не будет ничего неловкого. Он ведь свою программу надеется осуществить только в несколько лет.

Но если Вы и сами об этом ему напишете, это будет очень хорошо. Мне кажется, это даже необходимо, со стороны редакции, как внимание. Его адрес 16 bis. Rue Lauriston. René Ghil.

Я Вам высылаю отчет "La Plume" об банкете Верхарна, который Вам может пригодиться[1]. Не высылаю всего номера, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ "Plume" запрещена в России.

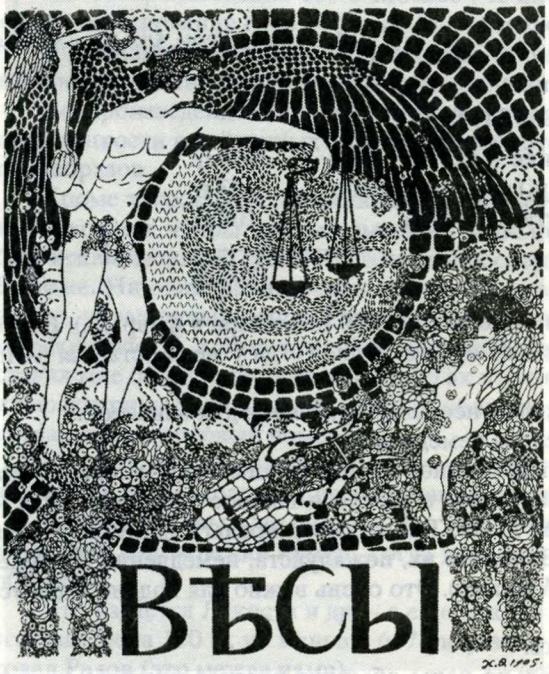
Высылаю Вам манифест "интегралистов", написанный Лакюзоном[2]. Гиль об нем будет говорить[3]. Но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ он будет, вероятно, против, то Вы, может, кроме того воспользуетесь самым текстом.

Вы хотите статью Гурмона? Это теперь почти невозможно. Ведь он начал свой собственный журнал "La Revue des idées"[4] и страшно занят.

Что Вы мне скажете относительно Herold'a (о театре) и Альб⟨ера⟩ Мокеля (о романе?)[5]. Могу я начинать с ними переговоры? И в каких размерах?

---

* Они должны вернуться. Это только право воспроизведения. (*Вписано Волошиным между строками письма*).



ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ ДЛЯ ЖУРНАЛА "ВЕСЫ"
Рисунок Н.П. Феофилактова
"Весы", 1905, № 5

Шартэна еще не видел, поэтому окончательного ответа не могу сообщить[6].

Статью о Гогэне, я думаю, лучше отложить. Теперь все говорят об общей выставке Гогэна, и тогда будет значительно уместнее заговорить об нем. Необходимо увидеть целиком весь его "Oeuvre"*. Статью "Европеец и его раковина" я постараюсь прислать в конце месяца. Но она не будет под этим заглавием[7].

В конце недели открывает⟨ся⟩ Salon Indépendants. Я об нем буду писать[8].

Итак, вот дела:

1) *Выслать 400 fr. Рэдону* (как можно скорее).

Ответить:

2) Разрешается ли мне 25 fr. в месяц на почтов⟨ые⟩ и кр⟨едитные⟩ расх⟨оды⟩.

3) Можно ли начать переговоры с Herold'ом и Мокел⟨ем⟩?

4) Определить цену для Франции во франках.

5) Сделать ли попытку относительно Гурмона?

6) Вернуть рукопись Гилю после перевода.

7) Гонорар Гилю.

Это все о непосредственных делах.

Это не все. См. последнюю станиц⟨у⟩2*.

Война... Как это отзывается в России? Здесь впечатление полного разгрома России. Флот, в сущности, уничтожен.

Ожидания с минуты на минуту вступления Англии в борьбу.

Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу?

Общее ожидание всеразрушающего всеевропейского взрыва. Первые признаки смерча[9].

Последние дни в телеграммах такая путаница, что трудно разобраться. Почти достоверно, что японцами взорваны три броненосца из четырех, составляющих Владивостокскую эскадру[10].

В вечернем "Нью Йорк геральд" известие, что Россия послала ультиматум Китаю[11].

Мне давно хотелось послать Вам несколько моих новых стихотворений. Вот они.

---

* Творчество (*франц.*).

2* Строка вписана позднее.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

В душе моей мрак грозовой и пахучий.
Там вьются зарницы, как синие птицы.
Горят освещенные окна.
И тянутся длинны, протяжно-певучи
Во мраке волокна.
О запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу все стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучьи.
Из недра сознанья, со дна лабиринта
Теснятся* виденья толпой оробелой
И стих расцветает цветком гиацинта –
Холодный, душистый и белый[12].

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О если б нам пройти чрез мир одной дорогой.
Всё видеть, всё прочесть, всё знать, всё пережить.
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Ощупать шар земной горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить![13]

Город умственных похмелий,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий.
Между глыбами домов,
Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских.
В мир глядим с высоких гор мы.
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь, родятся формы
Под концом карандаша.
Льется огненный поток
Со сверкающей палитры.
Солнца больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.
Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами.
Серый город я затку
Разноцветными лучами.
По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я.
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.
Как большие пауки,
Ветви тянутся из мрака.
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.
Серый город все растет.
Стены тянутся все выше.
Будет день, и в темный свод
Навсегда замкнутся крыши...[14]

ДЕТСТВО

О как странно, о как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад.
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познанья
Привели меня назад.
Время медленней и шире,
Всюду отсветы огней...
О, как странно в этом мире
Быстро шепчущих теней![15]

М. Волошин

Впечатления от "Весов" я напишу после. Все номера получил. Гонорар за *мои* рисунки назначьте сами в *минимальной* степени. Не стесняйтесь их отвергать. Пока я только пробую; после будет лучше. Не печатайте того пейзажа, что нарисован на кальке с большим черным обводом (послан в числе первых). Его надо выбросить.

Вскрываю опять письмо.
Только что получил от Гиля открытку. Он Вам высылает свою вторую статью[16].
Я еще с ним не успел переговорить. Увижу его завтра и тогда переговорю.
Впечатления от "Весов". Внешность очень хороша. Обложка менее[17]. Пятно ри-

---

* *Было*: Толпятся.

сунка не красиво. Задний план не вполне отделяется от первого. Но это придирки. Они возможны в Париже, но не в России.

Воспроизведение рисунков мне очень нравится. В содержании везде выдержаны два главных элемента – краткость и обстоятельность. Это мне очень нравится. Хотелось бы более четкого типографического и топографического разделения разных отделов.

Их необходимо отделять рисунками.

Очень хороши широкие поля.

В "Хронике" как-то мало полноты.

Отдел "о книгах" очень хорош.

Каталог... Мне жаль, что Вы отступили от обычая печатать *все* отзывы, и дурные и хорошие. Каталог много потерял от этого.

Досадно виде⟨ть⟩ фотографии там, где могли бы быть рисунки. Тем более, что фотографии выходят так слабо[18]. Это ведь так легко было бы заменить. Портреты можно было бы сделать хотя бы по фотографиям.

Если бы Вы сделали несколько любительских фотографий с себя, с Бальмонта, с Белого. В нескольких поворотах, под резким боковым освещением и без ретуши, то я бы Вам сделал по ним портреты-маски. Хотите?

Мою бóльшую статью я не успею прислать. Но пришлю "письмо из Парижа" об "Indépendants"[19]. Они открываются 20 февраля, и об выставке Louis Legrand, так, чтобы это поспело к мартовской книжке[20]. Вы получите это к 1 марта ново⟨го⟩ стиля.

Вот еще вопросы, на которые мне нужен ответ.

8) Пожертвуете ли Вы издания "Скорпиона" и "Весы" для русск⟨ого⟩ художеств⟨енного⟩ клуба (49. B⟨oulevar⟩d Montparnasse. Union des Artistes Russes)? Первый номер "Весов" я туда передал.

9) Нужны ли рисунки для "Северн⟨ых⟩ цветов"?[21]

10) Пробный оттиск обложки Рэдона непременно вышлите.

11) Для номера Рэдона я напишу статью об нем. Можно ли мне обратиться еще к некоторым лицам с просьбою написать несколько строк или страниц об Рэдоне для этого номера? Это будет очень интересно.

Я тогда обращусь к Mellerio, который пишет книгу о Рэдоне[22], и соберу некоторые из старых статей Гюисманса[23], Жофруа[24] и Мишеля[25].

Почт. шт.: Paris. 18.2.04; Москва. 9.2.04.

[1] См. п. 11, прим. 10.

[2] Адольф *Лакюзон* (Lacuzon; 1870–?) – французский поэт, теоретик "интегрализма". Манифест "интегралистов" был написан Лакюзоном при участии других поэтов (Кюбелье де Бейнак, Адольф Бошо, Леон Ванно, Себастьян-Шарль Леконт), чьи подписи также стоят под "манифестом", и впервые напечатан в "Голубом журнале" ("La Revue Bleue") 15 января 1904 г.

Видимо, на основании этих сведений, полученных от Волошина, Брюсов составил сообщение для раздела "В журналах и газетах": «В La Revue Bleue появился манифест новой поэтической школы, которую ее основатели называют L'Intégralisme. Манифест подписан Адольфом Лакюзоном, считающимся главарем этой группы, и четырьмя его сторонниками. Одно из положений манифеста формулировано так: "Истинная поэзия есть трансцендентная форма познания"» ("Весы". 1904. № 2. С. 78).

[3] Критическому разбору манифеста "интегралистов" Гиль посвятил статью «Письма о французской поэзии. Письмо 3-е. Конец "французской школы"» (Весы. 1904. № 6. С. 16–29), в которой отметил полную зависимость "интегрализма" от своей теории "словесной инструментовки".

[4] "Revue des idées" ("Обозрение идей") – французский ежемесячный критический журнал, основанный в 1904 г. писателем Эдуардом *Дюжарденом* (Dujardin; 1861–1949). Первый номер "Обозрения" вышел 15 января 1904 г.; издание продолжалось до 1910 г. Редактором журнала был Реми де Гурмон. «"Remy de Gourmont", этот тонкий мыслитель, блестящий критик и интересный поэт, принял на себя редактирование нового журнала "Revue des idées". В № 1 помещена статья самого Гурмона о Фр. Бэконе и Жозефе де Мэстре. В ближайшем будущем обещана статья Жюля де Готье о Шопенгауэре и Ницше», – оповещал Брюсов в "Весах" (1904, № 2, с. 79; раздел "В журналах и газетах"). В статье Брюсова о Р. де Гурмоне сообщалось, что журнал "Revue des idées" печатает "исключительно статьи научного и общелитературного содержания" (Там же. № 8. С. 32). В действительности этот журнал открывал свои страницы для самых различных по содержанию материалов. «Программа "Обозрения идей" охватывает все области человеческого знания: фи-

лософия, психология, математика, физика, биология, этнография, история, религия, военное дело, социология, филология, история литературы», отмечалось в рекламных объявлениях, помещенных в других французских периодических изданиях (в частности, в "Mercure de France").

[5] См. п. 12, прим. 7 и 8.

[6] См. п. 14, прим. 2.

[7] См. п. 12, прим. 4.

[8] Статья Волошина "Письмо из Парижа. Салон Независимых" появилась в 3-м номере "Весов" за 1904 г.

[9] Еще более отчетливо Волошин выражал свои утопические надежды, вызванные началом русско-японской войны, в письме к А.М. Петровой от 26 февраля / 10 марта 1904 г.: "Я всей душой на стороне японцев и жду от этой войны начала общего обновления Европы" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

[10] В ночь на 27 января / 9 февраля 1904 г., т.е. за сутки до официального объявления войны, японские эсминцы внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер.

[11] Сообщение в американской газете было недостоверным: никакого ультиматума Китаю Россия в те дни не предъявляла (см.: Русско-японская война: Япония, Корея, Маньчжурия. События, предшествовавшие объявлению войны: Начало военных действий / Сост. Н.Т. М., 1904),

[12] Опубл.: *СЦ 1905* (с незначит. разночтениями); *Волошин М.* Стихотворения, 1901–1910 (с посвящением Бальмонту).

[13] Опубл. с другими вариантами стихов 5 и 7: *ЗР. 1906*. № 10; *Волошин М.* Стихотворения, 1900–1910.

[14] Опубл.: *ЗР*. 1906. № 11–12; без последних четырех стихов, с делением на четверостишия и незначительными вариантами.

[15] Опубл.: Там же; с новыми вариантами стихов 10 и 11.

[16] Письмо Гиля к Волошину от 17 февраля 1904 г. Гиль сообщает: *"Завтра* я отправлю прямо г-ну Брюсову, в адрес журнала, 2-ю статью" (*Ежегодник 1979*. С. 240). Речь идет о втором из "Писем о французской поэзии" (Весы. 1904. № 3).

[17] Обложка с рисунком работы Л. Бакста. В этом оформлении (в различных цветовых тональностях) были изданы первые три номера "Весов" за 1904 г.

[18] Речь идет о рекламном «Каталоге книгоиздательства "Скорпион" к началу 1904 года» (16 с.), приложенном к 1-му номеру "Весов". В нем перечислялись книги, изданные "Скорпионом"; некоторые аннотации сопровождались цитатами из рецензий и портретами авторов.

[19] См. прим. 8 к наст. письму.

[20] Луи *Легран* (Legrand; 1863–1951) – французский живописец и гравер. Статья Волошина о выставке работ Леграна в "Весах" не появилась.

[21] Имеется в виду готовившийся тогда 4-й альманах изд-ва "Скорпион" "Северные цветы", вышедший в свет в 1905 г. ("Северные цветы ассирийские"). См. п. 19, прим. 9.

[22] Андре *Меллерио* (Mellerio; 1862–?) – французский литератор и искусствовед; друг Редона и автор работ об его творчестве. Ни его статья, ни статьи названных Волошиным далее лиц (кроме Жеффруа) в рэдоновском № "Весов" помещены не были. См. п. 19, прим. 10.

[23] Жорис Карл Гюисманс (Huysmans) – французский писатель, голландец по происхождению. В ранних произведениях пытался следовать принципам натурализма; позднее стал одним из родоначальников "декаданса" (романы "Наоборот", 1884; "Там внизу", 1891). Гюисманс выступал также как художественный критик, поддерживая в своих статьях искания импрессионистов. Автор книги "Современное искусство" ("L'art moderne". Paris, 1883), Гюисманс неоднократно с восхищением писал об искусстве Редона.

[24] Гюстав *Жоффруа*, точнее, Жеффруа (Geffroy; 1855–1926) – французский писатель, искусствовед, историк искусства, автор первой "Истории импрессионизма" (1894) и обзорной монографии "Французская живопись с 1850 по 1900 г." С 1892 по 1903 гг. Жеффруа выпустил 8 томов "Художественной жизни" ("La vie artistique"), где собраны его работы по вопросам искусства. Возглавлял также многотомный труд "Музеи Европы" ("Les Musées d'Europe", 1902–1913).

[25] Андре *Мишель* (Michel; 1853–1925) – французский историк искусства, автор работ о Пюви де Шаванне и других художниках второй половины XIX в. Его перу принадлежит монография "Французская школа от Давида до Делакруа" ("L'école française de David à Delacroix". Paris, 1891).

19. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Около 10/23 февраля 1904 г.⟩

Дорогой Макс.

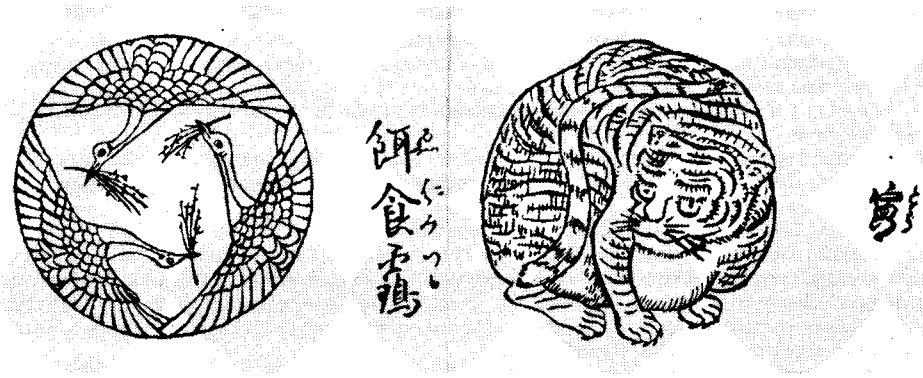
О войне.

Ваши слова изумили меня. Я читал во французских газетах разные нелепицы, но не воображал, что им можно верить, хотя бы в Париже. Вы себе представляете дело трагически: ничуть не бывало.

Во-первых – с точки зрения истории – это вовсе не война Азии с Европой, Востока с Западом, а только что война японского "императорского" правительства с русским "императорским" правительством. То и другое воплощает идеи "европеизма", в

сущности глубоко чуждые истинной России и истинной Японии. Нелепы японские "маркизы", но не менее нелепы и русские "графы".

Во-вторых – с московской точки зрения – войны вовсе нет. Мы ее не ощущаем, как не ощущает левая рука нашего тела, если мы уколем большой палец правой ноги. Россия истинно "велика". Дня два газеты расходились у нас побойчее, чем обычно, но и это кончилось. Слухам о "грандиозных манифестациях" не верьте. Сот пять полупьяных мальчишек, пользуясь "позволением" манифестировать, ходили по улицам и забавлялись тем, что сшибали шапки с проезжающих. На третий день посланы были казаки с нагайками, и их разогнали[1].



"ВЕСЫ", 1904, № 10

Виньетки по рисункам японских художников

Что́ до исхода войны – он несомненен. Япония будет раздавлена страшной тяжестью России, которая катится к Великому Океану по столь же непобедимым космическим законам, как лавина катится вниз, в долину[2]. И эту "всемирную судьбу России не запрудят"[3] даже такие тупоумцы, как Алексеев-Наместник[4].

Вот что о войне.

Теперь о "Весах".

Разделимте сношения так. Пишите мне о литературных делах, которые в моем ведении. О художественных и особенно *денежных* пишите прямо С.А., который, конечно, давно выздоровел. Пока, разумеется, я передам С.А. все, что́ в Вашем письме, и буду настаивать, чтобы он скорее исполнил его пункты, т.е. послал бы деньги кому следует, ответил, решил etc.

Мы получили: статью Гиля (с письмом ко мне), рисунки Редона, рисунки Ваши и Якимченко. Гилю я пишу лично, но то именно, что́ писал Вам: печатать его ежемесячно ей-ей нам немыслимо – Вы и сами видите. Редон мне лично – если говорить напрямки – не очень нравится (как не нравились и его офорты (?), которые показывала мне г-жа Гольштейн)[5]. Редон хотел бы, чтобы *из* пятен действительности и бреда у него выступали бы причудливые лица, а у него только *из-за* несмело-спутанных линий выглядывают гримасничающие маски; это не то же самое. Да и то, что вы, художники, называете "рисунком", кажется мне у него далеко не совершенным.

Впрочем, это мое узко-личное мнение. С⟨ергею⟩ А⟨лександрович⟩у рисунки, кажется, нравятся. (О том, что мы их берем, поместим и т.д. и т.д., конечно, и речи не может быть: Редон для нас – большая ценность.) Мы думаем поместить эти рисунки в 4 № "Весов", если к тому времени будет готова его обложка. Не напишете ли Вы к тому же № и статью о Редоне? Она должна быть у нас тотчас после *15 марта*, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ ее надо будет поместить во главе №, на первом месте. А раньше 15 марта еще лучше.

Ваши рисунки используем постепенно, вероятно, все. А что до рисунков Якимченки, то из них сделаем выбор. Совершенно непригодны нам присланные им однажды *буквы*. Вернуть ли ему те рисунки, которые мы не берем?

Для точности вот ответы по Вашим пунктам:

1) 400 fr. Редону. Потороплю С.А.

2) Ваши 25 fr. в месяц приняты "Скорпионом".

3) Просите Herold'a или Mockel'я о статье о франц⟨узских⟩ романах, но лишь в том случае, если с ними можно условиться о 1–2 статьях в год, не более[6].

4) Цена листа в франках. Еще не решено. (140–160).

5) Гурмона просите, но ведь безнадежно![7]

6) Рукопись Гилю верну.

7) Гонорар Гилю вышлем, как только выйдет № 2.

8) Экз⟨емпляр⟩ "Весов" Клубу[8] назначен со 2 №.

9) Для "Сев⟨ерных⟩ Цв⟨етов⟩" рисунков *не нужно*. Иной план[9].

10) Оттиски обложки Редона вышлем.

11) Статья о Редоне. См. выше. Интер⟨в⟩ью о Редоне – устройте. Из статей о нем – выберите. Все это идет[10].

Из Ваших стихов мне всего больше по сердцу – первые, "Рождение Стиха", особенно после первых пяти стихов с их неоправданно-неизбежной рифмой "окна" – "волокна" и кроме слова "излучье", все-таки сомнительного. Третье – "Город умственных похмелий" – очень "Волошинское", но иные рифмы бесстыдно придуманны (особенно "палитры – Митры"), конец очень "из меня".

Я написал кое-что "*нового*", но нет времени переписать: длинно очень и очень.

Получили ли Коневского? и Гриф?[11] Впечатления?

Очень Ваш Валерий Брюсов.

904.

Весной – после нашей Пасхи – думаю-таки приехать к Вам[12].

На бланке "Весов".
Ответ на пп. 17 и 18.

[1] В связи с началом русско-японской войны в различных городах России проводились в конце января – начале февраля 1904 г. "народные манифестации", которые официальная пресса пыталась представить как "патриотический взрыв народного чувства" (*Знаменский Н.А.* Чем вызван наш энтузиазм // Московские ведомости. 1904. № 35. 4 февр. С. 4). Тенденциозность сообщений такого рода и подчеркивает Брюсов.

[2] Сходными настроениями "географического патриотизма", по определению самого Брюсова, проникнуто его стихотворение "К Тихому океану", написанное 27 января 1904 г.; включая это стихотворение в книгу "Στέφανος", Брюсов сопроводил его примечанием: "... должен сознаться, что, подобно многим, ошибался, ожидая конечного торжества России в начинавшейся войне" (I, 423, 631). Мысли о желаемом владычестве России над Тихим океаном Брюсов развивал и в "Весах" – в частности, в рецензии на книгу Рене Пинона "Борьба за Великий океан" (М., 1904): "Берега Атлантического океана размежеваны. История ближайших веков будет решаться на берегах Великого; идущая теперь война открывает новую эру (...) главная размежевка должна произойти по окончании русско-японской войны" (1904, № 6, с. 63–64). Известия о поражениях русской армии и флота в ходе войны Брюсов переживал крайне тяжело. Так, в августе 1904 г. И.М. Брюсова сообщала его сестре, Н.Я. Брюсовой: "Очень плохо на войне, это главная причина грусти. Узнав вчера о нашей сдаче Ляояна, Валя чай не допил, другие телеграммы не стал слушать, и потом весь день было ему не по себе, не ел почти за обедом" (*ГБЛ*. Ф. 386. 145. 33). Ср. строки о русско-японской войне в незаконченной поэме "Агасфер в 1905 году":

Свершилась праведная кара
За тяжкий грех, столетний грех.
Под гулы битв, в дыму пожара
Наш враг прославил свой успех.

(*ЛН*. Т. 27–28. С. 245)

[3] Парафраз из стихотворения Тютчева "Нет! карлик мой! трус беспримерный!.." (1850):

Всемирную судьбу России –
Нет! вам ее не запрудить!..

[4] Евгений Иванович *Алексеев* (1843–1909) – генерал-адмирал русского флота, внебрачный сын Александра II; в 1903 г. назначен наместником царя на Дальнем Востоке. С 28 января по 12 октября 1904 г. – главнокомандующий вооруженными силами в русско-японской войне.

[5] См. п. 2, прим. 6.
[6] См. п. 12, прим. 7–8.
[7] См. п. 16, прим. 2.
[8] Имеется в виду "Общество русских художников" в Париже. См. п. 9, прим. 9.
[9] Видимо, к тому времени уже определился замысел оформления альманаха "по образцам ассирийского искусства", как указывалось на титульном листе. Оформление "Северных цветов ассирийских" осуществил Н. Феофилактов (обложка, пять рисунков в полный лист, заставки и концовки).
[10] В № 4 "Весов", изданном в оформлении Одилона Редона, были помещены статья Волошина "Одилон Рэдон" (с. 1–4), а также подготовленные им разделы: "Рэдон о себе" (с. 5–9; автобиография Редона в переводе Волошина) и "Современники о Рэдоне" (с. 10–16; переведенные Волошиным фрагменты статей и высказываний Эмиля Эннекена, Гюстава Жеффруа, Жана Лоррена, Франсиса Журдена, Поля Гогена).
[11] Имеются в виду издания: *Коневской Ив.* Стихи и проза: Посмертное собрание сочинений. М.: Скорпион, 1904; Альманах Гриф. 1904. М.: Гриф, 1904.
[12] 18 марта 1904 г. Волошин писал матери: "По-прежнему мое время все еще проходит в работе – только периодами то живописью, то литературой. Но, верно, скоро, вероятно*, наступит большой перерыв, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ должны приехать Брюсов, Бальмонт и еще масса лиц из Москвы, т⟨ак⟩ что, верно, начнется беготня" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60). В 1904 г. Брюсову приехать в Париж не удалось.

20. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва⟩
14 февраля ст. ст. ⟨27 февраля н. ст.⟩ 1904.

Дорогой Max!

400 fr. Redon'у посланы или будут *сегодня* посланы переводом: чек перешлем Вам (если это Вас не затрудняет). Гилю пишу *сегодня заказным*. Это заказное письмо, по условиям нашей почты, он получит дня на 2 позже, чем Вы это. Если можно, узнайте его впечатление от этого письма, т.е. от наших отказов. Его статья "всем" нравится[1]. Все же мы не можем взять на себя *обязательства* печатать его ежемесячно, хотя и готовы печатать через месяц или даже *и чаще*.

Ваш В а л е р и й Б.

P.S. В 3-м №, вероятно, его 2 письмо *не* пойдет[2].

[1] Речь идет о статье Рене Гиля "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы" (Весы. 1904. № 2).
[2] Вопреки этому сообщению, второе "Письмо о французской поэзии" Гиля ("Конгресс поэтов 1901 года. (Из современных ретроградных теорий)") было напечатано в 3-м номере "Весов".

21. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Около 16/29 февраля 1904 г.⟩

Дорогой Max!

"Перевод" для Редона оказался все еще в кармане С.А. Достал его оттуда и посылаю Вам.

Получил Вашу статью о Салоне Независимых – идет на март[1].

Получил 2-ую статью Гиля (кажется, писал?). Не знаю еще, идет ли она на март или апрель. Зависит от того, готова ли статья Бальмонта[2].

Гонорар Гилю будет выслан, как только выйдет № 2 (завтра, послезавтра, maximum через 4 дня).

У Гиля две досадные ошибки: не говорите ему о них – Геккели вместо Геккеля, это раз[3]; пропущена фраза в абзаце о Маллармэ – два[4]. Он не заметит.

Четыре строки в конце статьи я пропустил намеренно и писал ему об этом.

Пишите мне, если есть у Вас время. Очень жду Ваших писем.

Сегодня должен приехать в Москву Вяч. Иванов[5].

Ваш В а л е р и й.

---

* Так в тексте.

Можно ли поставить Лакоста в число сотрудников и как его имя пишется по-французски?

1904.

На бланке "Весов".

Датировано по связи с пп. 20 и 22.

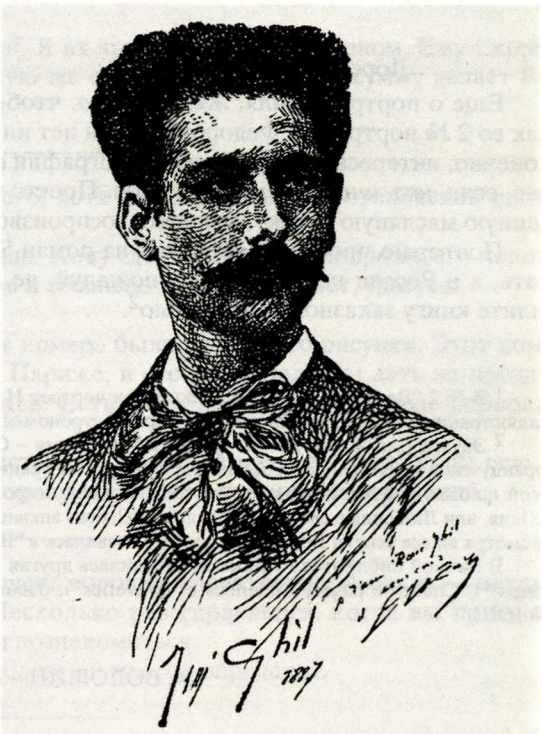
[1] См. п. 18, прим. 8.

[2] В № 3 "Весов" за 1904 г., наряду со вторым из "Писем о французской поэзии" Гиля, была напечатана статья К. Бальмонта "Символизм народных поверий".

[3] Имеется в виду первая фраза в опубликованном тексте статьи Гиля "Письма о французской поэзии. Вступительные страницы": "Когда, согласно гипотезам и истинам, принесенным Лапласом, Ламарком, Дарвином и Геккели" и т.д. (1904, № 2, с. 25; пер. Волошина). Немецкий ученый-естествоиспытатель, последователь Дарвина Эрнст Генрих *Геккель* (Haeckel; 1834–1919), подразумевавшийся Гилем, был ошибочно отождествлен с английским естествоиспытателем-дарвинистом Томасом Генри *Гекели* (Huxley; 1825–1895).

[4] Этот пропуск восстановлению не поддается. См. анализ творчества Малларме в статье Гиля (Там же. С. 34–36).

[5] Вопреки своим первоначальным намерениям Вяч. Иванов приехал в Москву из Швейцарии лишь 16/29 марта 1904 г. См. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 17/⟨30⟩ марта 1904 г.: "Вчера приехали в 4 часа пополудни ⟨...⟩ Заехали ⟨...⟩ к Брюсову. Его не застали. Сказали: в Скорпионе. Поехали туда. Там собрание" (*ГБЛ*. Ф. 109, 23.12). См. также п. 30, Postscriptum. В Москве весной 1904 г. Иванов познакомился и дружески сблизился с писателями-символистами из окружения Брюсова – К. Бальмонтом, Ю. Балтрушайтисом, Андреем Белым и др. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 429, 448–450). Ивановы пробыли в Москве до конца июня ст. ст. 1904 г.



РЕНЕ ГИЛЬ В 1887 ГОДУ

Иллюстрация к статье Брюсова "Ренэ Гиль".
Рисунок
"Весы", 1904, № 12

22. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 18 февр⟨аля / 2 марта⟩ 1904.

Дорогой Мах.

2 № "Весов" вышел. Получите скоро. Удачнее 1-го. Напишите Ваше мнение.

Статья Гиля идет *в 3 №*[1]. Если увидите его, сообщите.

Гонорары будем рассылать после субботы: день подведения счетов. Но получили ли Вы чек на 400 fr. для Рэдона?

Если бы нашелся *интересный* портрет Гиля, мы бы его напечатали в ближайшем №[2].

Газеты в общем *хвалят* "Весы". Уж не знаю, хорошо это или дурно. Подписчиков пока (но этого не разглашайте) меньше 400.

Ваш V a l é r y o u V a l è r e B.

Открытка. Почт. шт. отправления: М. 19.2.04.

[1] См. п. 20, прим. 2.

[2] Два портрета Рене Гиля (один, выполненный по фотографии, и другой – рисунок "Ренэ Гиль в 1887 г.") были помещены в "Весах" в качестве иллюстраций к статье Брюсова "Ренэ Гиль" (1904, № 12, с. 12, 17).

23. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 19 февр⟨аля⟩ ст. ст./ 3 марта н.ст. ⟨1⟩904.

Дорогой Max!

Еще о портрете Гиля. *Желательно,* чтобы он был продолговатый, в той форме, как во 2 № портрет Н. Федорова[1]. Если нет ничего кроме фотографий, что́ делать, но, конечно, интересных. Лучше же фотографии *с рисунка,* чем с лица. Все это в том случае, если есть *интересные* портреты. Просто банальную фотографию или даже обыденную масляную краску, конечно, воспроизводить не стоит.

Повторяю просьбу о рецензии на роман S.G. Bouhélier "Julia". Вам легко это сделать, а в России цензура книгу, пожалуй, не пропустит. Но если не напишете – вышлите книгу заказной бандеролью[2].

Ваш В а л е р и й.

[1] В № 2 "Весов" за 1904 г. был помещен портрет Н.Ф. Федорова работы Л.О. Пастернака в качестве иллюстрации к статье покойного философа "Астрономия и архитектура" (с. 20).

[2] Эдуард Сен-Жорж *Буэлье* (Bouhélier; наст. имя – Стефан Жорж Лепетелье де Буалье, 1876–1947) – французский писатель, поэт, эссеист, драматург. На грани веков считался вождем "натюристов" – поэтической школы, противопоставлявшей себя, с одной стороны, натурализму, с другой – символизму. Роман "Юлия, или Любовные связи" ("Julia ou Les relations amoureuses") был издан в 1904 г. Рецензия на эту книгу – несмотря на все усилия Брюсова – так и не появилась в "Весах".

В личной библиотеке Брюсова находилась другая книга Буэлье "Старое и новое, избранные страницы" ("Choix de pages, anciennes et nouvelles"), изданная в Брюгге в 1907 г. (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1681).

24. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 25 февраля / 9 марта 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за молчание. Я в полосе красок и потерял вкус к слову[1].

Я нашел и заручился согласием корреспондента для романа и театра.

Это не Мокель и не Герол⟨ь⟩д, Ван-Бевер[2]. Он секретарь редакции "Mercure de France", и Вы знаете его по книге о современной поэзии, которую я Вам оставил[3].

Для романа он самый удобный человек, потому что через его руки проходит решительно все, что выходит нового.

Это громадный знаток литературы. Такой же труд, какой он сделал для символистов, он в настоящее время делает для всей французской поэзии начиная с XIV века!!

Я ему предложил работу в таком виде: дать статью в год об романе и театре (театре написанном, но не играемом), в виде ретроспективного обозрения полугодия. Их размеры должны определить Вы. И я буду ждать Ваших инструкций: сколько страниц? К какому номеру? Обозрение какого количества времени?

(Находясь в живописно-красочной полосе, я в настоящую минуту никак не могу взяться за рецензию о Буэлье[4]. Вышлю Вам книгу. Или хотите поручить это Ван-Беверу?)

Рисовальная полоса прошла. Книгу Буэлье я купил и *буду писать рецензию*[5].

Меня смущает то, что я до сих пор не получил ни книги Коневского, ни Грифа[6]. Боюсь, что они пропали. Вы так давно писали мне, что они высланы, и ждал их с таким нетерпением. Елиз⟨авета⟩ Серг⟨еевна⟩ Кругл⟨икова⟩ уже давно получила Коневского.

К какому номеру Вам нужна следующая статья Гиля?

Деньги Рэдону передал. Послезавтра обложка и еще ряд виньеток будут готовы и высланы.

Лакост передал мне свои виньетки[7]. Я их вышлю вместе с Рэдоном. Ему Скорпион должен 150 fr., как условлено. Такую же серию и за такую же сумму делает Рансон[8].

Портрет Гиля? Я не знаю хорошего, хотя видел много. Валлотоновский плох и сделан с фотографии.

Я два раза его рисовал, но не удачно. Хочу сделать вот что: попрошу его попозировать час в русском клубе художников и объявлю конкурс. Может, удастся.

О Рэдоне статью – пишу.

Не забудьте его условия – чтобы в номере были только его рисунки. Этот номер будет тогда представлять интерес и в Париже, и его не мешало бы дать на продажу кое-кому из парижских книготорговцев. Есть коллекционеры, которые собирают всего Рэдона и обязательно купят.

В Париже этот номер будет представлять большой интерес, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ еще не было номера, всецело посвященного Рэдону, ни в одном из парижских изданий.

На Гиля Ваше письмо произвело очень хорошее впечатление. А отказ — никакого. Он мне сам показывал письмо. Несколько раз справлялся, когда вы приедете, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ ему очень интересно с Вами познакомиться.

Вообще Ваш приезд будет очень полезен и многое определит.

В первый раз я жалею, что Ваши длинны,* т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ это причина, по которой Вы их не можете прислать[9]. Впрочем, Ваш приезд не так уже далек.

Вот еще мои стихи.

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза,
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
И по окнам танцуя
Все быстрей и быстрее
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи.
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики.
В проносящемся мраке
Мне смеются их лики.
Сколько глазок не схожих!
И несутся в смятеньи
И целуют прохожих
И ласкают растенья...
И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame...[10]

Тесен мой мир... Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами...
Пройдемте по миру как дети.
Полюбим шуршанье осок
И терпкость прошедших столетий
И едкого знания сок.

---

* Так в тексте. Возможно, пропущено слово: "стихи".

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней –
Ребенок непризнанный гений
Средь буднично взрослых людей[11].

Я люблю осенний шелест
Старых писем, дальних слов.
В них есть запах, в них есть прелесть
Увядающих листов!
Я люблю узорный почерк –
В нем есть шорох трав сухих.

Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.
Мне так близко обаянье
Их усталой красоты.
Это дерева познанья
Облетевшие цветы[12].

Да! я еще позабыл написать Вам: все исправления в "Скелете" я принял с радостью и очень за них благодарен[13].

До свидания.

Макс Волошин.

P.S. Ах, еще одна большая просьба:

Не может ли "Скорпион" в счет имеющихся моих рисунков и рукописей дать мне авансом 200 fr. Буду очень благодарен.

Конечно, можно ставить Лакоста в сотрудники. Вот его имя и адрес: Charles Lacoste. 25. Rue Rousselet.

Адрес Van-Bever: 68. Rue de Babylone.

Автограф в архиве Брюсова не сохранился. Текст воспроизводится по машинописной копии, ранее сделанной с оригинала (видимо, М.С. Волошиной) и хранящейся в архиве Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 15–20). Над текстом проставлена дата почтового штемпеля: 9.3.04.

Ответ на пп. 19–23.

[1] На следующий день, 26 февраля / 10 марта Волошин писал А.М. Петровой: "Последние недели я по уши уходил в живопись и потому ничего не писал и не читал. Теперь снова возвращаюсь к жизни" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

[2] Адольф *Ван Бевер* (Van Bever; 1871–1925) – французский литератор, историк культуры, библиограф и переводчик, тесно связанный в начале века с журналом и издательством "Mercure de France". Автор биографии Метерлинка (1904), библиографических эссе, посвященных Агриппе д'Обинье (1905), Верлену (1926), составитель альбома "Бретань глазами писателей и художников" (1913) и такого же альбома о Турени. В 1908 г. выпустил книгу об Анри де Ренье; издавал Бодлера и других французских классиков.

Благодаря Волошину Брюсов в 1904 г. вступил с Ван Бевером в переписку, позднее присылал ему свои переводы из французских поэтов. Так, в июле 1909 г. Ван Бевер благодарит Брюсова за полученную им "Антологию французской поэзии XIX века": "Я счастлив видеть интерес, который Вы проявляете к нашим современным поэтам". А 16 апреля 1911 г. (в оригинале год не указан, датируется по содержанию) Ван Бевер пишет Брюсову в связи с получением книги переводов из Верлена: "Вы совершили истинное чудо, передав творчество нашего великого поэта XIX века соответственно ритму, колориту, чувству. Вы, конечно, поняли, что Верлен, наряду с Вийоном, – самый человечный из наших французских писателей. Ваше имя связано теперь с этим замечательным трудом: Вас не забудут" (*ГБЛ*. Ф. 386, 77. 1).

О сотрудничестве Ван Бевера в "Весах" см.: Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // *Ежегодник 1979*. С. 234–235, 246–250.

[3] Имеется в виду антология "Современные поэты" ("Poètes d'aujourd'hui"), составленная Ван Бевером совместно с критиком и эссеистом Полем *Леото* (1872–1956) и представлявшая поэзию французского символизма в самом широком охвате. Изданная впервые в 1900 г., антология последовательно дополнялась и перерабатывалась авторами и выдержала к 1917 г. 28 переизданий. Сохранилось издание, выпущенное в 1908 г. в двух томах и подаренное Брюсову Ван Бевером. Текст дарственной надписи: "A Monsieur Brussov cordial souvenir. Ad. van Bever" ("Господину Брюсову на память сердечно. Ад. Ван Бевер" – *ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1565).

[4] См. п. 23, прим. 2.

[5] Видимо, этот абзац был написан Волошиным некоторое время спустя после предыдущего. Это предположение невозможно подкрепить анализом графических особенностей автографа, ввиду его отсутствия в архиве Брюсова.

[6] См. п. 19, прим. 11.

[7] В оформлении Шарля Лакоста вышел № 7 "Весов" за 1904 г. Рисунок Лакоста, выполненный для обложки этого номера, был воспроизведен также на обложках № 8 и 9 за 1904 г.

[8] Поль *Рансон* (Ranson; 1864–1909) – французский художник, один из "набидов", которые начиная с 1899 г. регулярно собирались по субботам в его парижской мастерской (в "храме"). В его произведениях отчетливо проявляется влияние японской графики. В 1908 г. Рансон основал Школу рисунка ("Академия Ран-

сона"), где преподавали Боннар, Дени, Валлотон, близкий к "набидам" скульптор А. Майоль и другие. Его рисунки не удовлетворили Волошина (см. п. 25) и не были переданы в редакцию "Весов".

[9] См. п. 19.

[10] Опубликовано без названия и с незначительными вариантами ("Замутились их лики..." вместо "Мне смеются их лики") как первое из трех стихотворений под общим заглавием "Париж" в цикле Волошина "Минуты прозрений" ("Северные цветы ассирийские", с. 51). Под заглавием "Дождь" и с делением на четверостишия напечатано в составе цикла "Париж" в разделе "Годы странствий" книги Волошина "Стихотворения. 1900–1910" (с. 16–17).

[11] Первые четыре стиха опубликованы как первое четверостишие стихотворения "Тесен мой мир" (*СЦ* 1905), позднее вошедшего в цикл "Когда время останавливается" ("Стихотворения, 1900–1910"); остальные строки составили отдельное стихотворение "Пройдемте по миру, как дети..." (1903), при публикации разделенное на два четверостишия (Там же; последний стих: "Средь буднично серых людей").

[12] Опубл.: *РМ*. 1907. № 12. Отд. I. С. 130. Под заглавием "Старые письма", с посвящением А.В. Гольштейн, делением на четверостишия и исправлениями в тексте (ст. 1: "Я люблю усталый шелест"; ст. 4: "Умирающих цветов") вошло в раздел "Amori amara sacrum" книги Волошина "Стихотворения, 1900–1910" (с. 56). Заглавие было снято при повторной публикации в книге Волошина "Иверни" (1918).

[13] Речь идет о редакторской правке Брюсова в статье Волошина "Скелет живописи". См. п. 10.

25. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac
⟨Париж. 27 февраля / 11 марта (?) 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера я получил второй номер "Весов" ("Гриф" и "Коневский" так и не получены)[1]. Вот мои впечатления:

Все, что касается крупного шрифта, – безупречно, вполне соответствует ожиданиям.

Мелкий шрифт оставляет желать многого. Вот что мне показалось слабым: рецензии о книгах (только не все) слишком мало дают представления об книгах. Из них нельзя составить себе представления о книге. Оценка очень часто заменена полемикой. Это же касается хроники и других отделов. Все это хочется сжать, укоротить. Я вижу слишком много слов.

Полемический тон неприятно приравнивает "Весы" к другим журналам, даже газетам. Мне кажется, что "Весы" призваны *судить*, но не бороться.

В Ваших заметках о французских книгах меня укололи несколько неточностей.

В статье об книге Рэттэ: *вторники* Маллармэ названы четвергами. Сказано, что Реттэ *бывал* на средах Эрмитажа, когда он был душою их. Вообще я не согласен с тем, что Реттэ только "часто встречался со всеми выдающимися поэтами новой школы"[2], он сыграл гораздо большую роль в символизме благодаря своей живости, практичности, предприимчивости и уменью соединять людей. И потом ведь, несмотря на свою видимую легкость, книга Реттэ дает ведь все-таки гораздо больше для истории символизма, чем заносчивая и часто лживая книга Кана[3].

Вот между прочим: хотите, я сделаю статью об анекдотической истории "Символизма" по воспоминаниям Моклэра, Мерилля[4], Кана, Реттэ и устным рассказам Ивангоэ Рамбоссона[5], Гиля, Ван Бевера и др.?

Я выберу разные характерные факты об лицах и нравах. Это будет живописной иллюстрацией к теоретическим статьям Гиля и будет уместно, потому что ежедневно появляется что-нибудь новое об этом.

Статья Гиля. Я не вполне доволен переводом. Слишком близко сквозит французский текст и поэтому утеряно то, что есть самого драгоценного в статье Гиля: великолепный стиль, дающий впечатление полета[6].

Из подробностей: мне кажется, что нельзя переводить volonté – воля. На языке символистов это слово имеет значение: порыва, стремления.

Французские периоды разного темпа, соединенные спаями маленьких слов, которых так много во французском языке, мне кажется, нельзя передавать точно и последовательно. Приходится делать многие перестановки и переложения, ⟨что⟩ часто даст больше, чем перевод.

Это все, конечно, между нами, и я ни слова не скажу Гилю.

Если я пишу Вам исключительно только одни неприятные вещи, то это только потому, что я думаю, что Вам гораздо интереснее узнать, что мне *не понравилось*.

Больше всего мне нравится статья Белого о Чехове[7]. Совсем не нравятся "Александр -ский" и "Рафалович"[8].

Вы пишете, что журналы хвалят "Весы"? Мне вспоминается фраза из греческих extemporale:[9] «Оратор Фокион, будучи однажды приветствуем рукоплесканиями после одной своей речи, обратившись к друзьям, спросил: "Разве я сказал сегодня какую-нибудь глупость?"».

Жаль, что Вы не применяете того метода в "Весах", что применялся в первом каталоге "Скорпиона", – печатать в приложении *все отзывы* и главным образом ругательные. Это было бы очень интересно и полезно.

Об делах. Прислал мне свои рисунки Рансон. Они так мало интересны, что я их сегодня верну ему обратно[10]. Вы мне позволяете взять это на себя? Рисунками Лакоста, посланными Вам вчера, я не очень доволен. Он делает вещи несравненно более тонкие. Два там есть вполне хороших. Другие ниже его.

Мне кажется, что в этом случае необходимо показать, что мы не все принимаем, что нам дадут, и что нам нужны вещи действительно художественные и характерные.

Макс В о л о ш и н.

P.S. Пришлите мне все-таки, пожалуйста, "Гриф" и "Коневского". Кажется, на днях едет m-me Бергенгрюн[11] в Париж? Мне бы очень хотелось видеть перевод Лукреция[12] и обложки Мусатова для "Север⟨ных⟩ Цветов"[13].

Почт. шт.: 11.3(?). 04.

[1] См. п. 19, прим. 11.

[2] Волошин имеет в виду отзыв Брюсова о книге А. Ретте "Символизм. Анекдоты и воспоминания" ("Le symbolisme. Anecdotes et souvenirs". Paris, 1903). Возражения Волошина вызвала брюсовская фраза: "Реттэ близко знал или по крайней мере часто втречался со всеми выдающимися поэтами новой школы, угощал Верлена, бывал на четвергах у Маллармэ, на средах Ermitage, на вечерах Plume ⟨...⟩" (Весы. 1904. № 2. С. 67).

Адольф *Pemme* (Retté; 1863–1930) – французский поэт, драматург и романист, один из активных деятелей символистской школы. Брюсов с живым интересом относился к его творчеству. Помимо упомянутой выше книги "Символизм", в его библиотеке находился ряд поэтических сборников Ретте: "L'archipel en fleurs" ("Цветущий архипелаг", 1895), "La forêt bruissante" ("Шелестящий лес", 1896) и др. (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1681). Брюсов перевел одно стихотворение Ретте ("Земля несчастная, бесплодная отныне..."), которое под названием "Отрывок" вошло в его антологию "Французские лирики XIX века" (1909); см. также: *ПСС XXI*. С. 195–196, 274.

[3] Гюстав *Кан* (Kahn; 1859–1936) – видный французский поэт, романист и критик, историк символизма. В 1889–1899 гг. возглавлял символистский журнал "La Vogue". Волошин упоминает о книге Кана "Символисты и декаденты" ("Symbolistes et Décadents". Paris, 1902), краткую характеристику которой Брюсов дал в рецензии на "Символизм" Ретте – отметив, что книга Ретте "бесспорно гораздо менее серьезна, чем книга Кана" (Весы. 1904. № 2. С. 66). "Символисты и декаденты" значатся в перечне книг личной библиотеки Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1681), наряду со стихотворным сборником Кана "Дождь и хорошая погода" ("La pluie et le beau temps". Paris, 1896).

[4] О Моклере см. п. 8, прим. 2; о Мерилле – наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским, п. 1, прим. 12.

[5] Иваное *Рамбоссон* (Rambosson; наст. имя – Гранден Феликс Шарпантье. 1872 – 1943) – французский поэт и художественный критик, активный сотрудник "Mercure de France", где он систематически печатал обзоры новых изданий по искусству. "С ним и его женой Волошин познакомился вскоре после того, как обосновался в Париже, и, по всей вероятности, встречался в дальнейшем, но не слишком часто" (Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина) / Публ. П.Р. Заборова // *Ежегодник 1979*. С. 235). Письмо И. Рамбоссона к Волошину от 31 января 1904 г. опубликовано там же (с. 250–251).

[6] См. п. 14, прим. 1.

[7] Статья Андрея Белого "Вишневый сад", в которой предпринята попытка вскрыть символическую природу чеховского реализма и взаимосвязь символистского и реалистического методов творчества. Ср. суждение Волошина в недатированном письме к А.М. Пешковскому: «Во II книжке "Весов" обрати внимание на статью Белого о "Вишневом саде". Это лучшее, что там есть, по-моему» (ИМЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 26). См. также: *Купченко В.П.* "На портреты свои не похож...": Чехов и Волошин // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 200–204.

[8] Имеются в виду корреспонденция "Союз русских художников. Выставка картин в Московском Стро-

гановском училище" (подпись: "Александр -ский") и статья С. Рафаловича "Петербургские театры. Две постановки". "Александр -ский" – скорее всего, Александр Арнольдович Койранский (1884–1968), поэт, художник, художественный критик; в первой половине 1900-х годов был близок к московским символистам из круга "Скорпиона" и "Грифа". Сергей Львович *Рафалович* (1875–1943) – поэт, драматург, театральный критик, примыкавший к петербургским символистам.

[9] Extemporalia (*лат.*) – гимназические упражнения, состоящие в переводе заданного текста на латинский или греческий язык.

[10] См. п. 24, прим. 8.

[11] Татьяна Алексеевна *Бергенгрюн*, точнее Бергенгрин (рожд. Андреева) – старшая сестра Е.А. Бальмонт. См. о ней в воспоминаниях Е.А. Бальмонт "Семья Андреевых" (ГБЛ, Ф. 374, 2.9–10). "Это очень добрая моя знакомая, с которой я связан узами дружбы," – писал о Т.А. Бергенгрин Бальмонт матери 9 июля 1895 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 29об.). Сохранилось письмо Т.А. Бергенгрин к И.М. Брюсовой, написанное в Париже 4/22 апреля 1902 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 77. 15).

В сентябре 1985 г., в беседе с одним из авторов настоящей работы, К.М. Азадовским, Н.К. Бруни - Бальмонт сообщила, что Т.А. Бергенгрин вышла замуж приблизительно в 1876 г. ("когда Екатерине Алексеевне было девять лет"). Еще задолго до революции она уехала с мужем в Берлин и впоследствии жила за границей. Увлекалась антропософией. Умерла в возрасте 84 лет (около 1945 г.).

[12] Имеется в виду издание: *Лукреций Кар.* О природе вещей / Перевел с латинского размером подлинника И.И. Рачинский. М.: Скорпион, 1904.

[13] Обложка В.Э. Борисова-Мусатова для объединенного издания трех альманахов "Северные цветы" (на 1901, 1902 и 1903 гг.) в одном переплете, с общим для всех трех книг алфавитным указателем авторов.

26. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Москва, 4/17 марта ⟨1⟩904

Дорогой Max!

Конечно, спасибо, и очень, за критику. Но "конечно" и то, что не согласен с Вами. Т.е. согласен в одном, очень незначительном (а для меня очень чувствительном): у Маллармэ были не четверги, а вторники. Оценка Реттэ у меня намеренная. Я знаю его* с 1892 ⟨г.⟩ и считаю его личностью мелкой и "не настоящей". Его "Souvenirs" — книга очень плохая, книга личных счетов и болтовни за рюмками[1]. Присоединяюсь к его критикам в последних №№ "Mercure"[2]. – Мой перевод Гиля, может быть, не окончательно таков, как я желал бы (Вы не представляете, как мало у меня времени), но приемы его намеренны. В каждом языке есть свой склад мышления, и, передавая иностранную прозу (статей), я сохраняю этот иностранный строй языка (иное дело, конечно, в стихах, в творческих произведениях). Это звучит не совсем как русская речь, но при самом малом знакомстве с языком читатель, читая русские слова, получает то же впечатление, как если бы он читал оригинал. Таковы, напр⟨имер⟩, переводы Фета из классиков; читая их, я слышу Вергилия, Тибулла, Овидия...[3] Что до полемики, она нам необходима, и мы будем только развивать ее. Хорошо говорить Вам вдалеке от наших здешних дрязг, но, слушая гнусности и непристойности (которых, несмотря на "фокионовские" рукоплескания, еще достаточно), немыслимо остаться равнодушным. Журнал – временник, это не книга, его жизнь – месяц, его душа – сегодняшний день; журнал пишется для того, что "теперь", и когда теперь, в эту минуту, кто-нибудь скажет Вам в лицо оскорбительные слова, Вы не станете ссылаться на"суд потомства". Вот мои ответы. Но Вы ничего не сказали о рисунках. Напишите, как нравятся Вам работы нашего Феофилактова[4].

Лакост – между нами – плоховат; надеюсь, в уменьшении улучшится. Обложки Редона еще *нет*, и если мы не получим ее на днях, придется отложить ее *до 6 №*. Вы напрасно посылаете рисунки открытой бандеролью: они попадают в цензуру и приходят к нам с пометой Д.Ц.[5] Могут там и совсем потеряться. Боюсь за Редона. Лучше – *закрытым* письмом.

Ответы: Коневской Вам послан вторично. "Гриф" – не наше издание, скажу Бальмонту[6]; Лукреций – распродан (да! – хотя было всего 400 экз.).

200 fr. Вам посланы или посылаются.

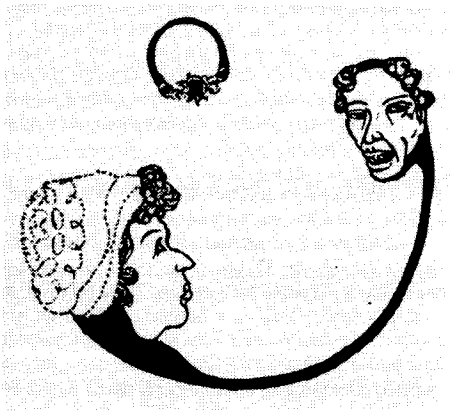
Анекдотической истории символизма – не нужно: и так у нас слишком много (т.е.

---

* *В автографе описка*: Я знаю я

"ВЕСЫ", 1904, № 2

Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова



"ВЕСЫ", 1904, № 2

Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова

несоразмерно много) о *французской* литературе. Выходит, что "Весы" журнал "франко-рюсс", тогда как он "интернациональ".

А следующую статью Гиля мы поместили бы *в апреле*, так что чем скорее доставил бы он рукопись, тем лучше, чтобы перевести не торопясь. Получил ли он 140 fr. (по 10 fr. за страницу)?

Изданные "Mercure" – "Villes Tentaculaires" вернули мне всю мою любовь к Верхарну[7]. Переводите ли его Вы? Не соединить ли нам наши переводы и не издать ли под одной обложкой? "Скорпион" готов. У меня переведено: "Londres" (Poèmes II, 45)[8], "Départ" (II, 141), "Révolte" (II, 149), "Les Nombres" (II, 187), "La Mort" (II, 205 – не кончено), "Le Fléau" ("Villes Tentaculaires", éd. "M⟨ercure⟩ d⟨e⟩ F⟨rance⟩", 75), "Vers le futur" (id., 209)[9] и те две пьесы (не столько переведены, сколько пересказаны), которые в "Tertia Vigilia"[10]. Чтó у Вас, кроме "Эй, луна, берегись!"?[11]

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в.

На бланке "Весов". На письме – карандашные пометы Волошина на французском языке. Ответ на п. 25.

[1] См. п. 25, прим. 2. Брюсов писал в рецензии: "Адольф Реттэ – писатель, насчитывающий уже более 15 лет литературной деятельности; это недурной поэт, страстный журналист, защитник крайних мнений по социальным вопросам ⟨...⟩ Теперь, стоя до некоторой степени в стороне ото всех литературных партий, Реттэ попытался дать несколько портретов, начертить несколько картин из своего недавнего прошлого ⟨...⟩ Не случайно в подзаголовке сказано, что это не только воспоминания, но и анекдоты. В книге много легкомыслия, поверхностных суждений. Но она написана ярко, живо, завлекает любопытство, забавляет" (Весы. 1904. № 2. С. 66–67).

[2] В № 3 "Mercure de France" за 1904 г. (т. 49, № 171, p. 754–755) критик Жан де Гурмон (см. о нем прим. 3 к п. 53) в очередном обзоре новой литературы писал о последних книгах Ретте "Анекдоты и воспоминания" и "В лесу" ("Dans la forêt"). Оценка этих произведений была сдержанной.

[3] А.А. Фет осуществил стихотворные переводы на русский язык крупнейших латинских классиков: полное собрание од Горация (1856), сатиры Ювенала (1885), стихотворения Катулла (1886), элегий Тибулла (1886), "Метаморфозы" Овидия (1887), "Энеида" Вергилия (1888), элегии Проперция (1888), сатиры Персия (1889) и эпиграммы Марциала (1891). Дословная точность была его программной установкой.

[4] В № 2 "Весов" были помещены три виньетки (с. 1. 13, 48) Николая Петровича *Феофилактова* (1875–1941), впоследствии основного художника-оформителя журнала.

[5] То есть: дозволено цензурой.

[6] К.Д. Бальмонт со времени основания С.А. Соколовым в 1903 г. издательства "Гриф" поддерживал это литературное объединение и даже считался его "внутренним руководителем" (письмо С.А. Соколова к А.М. Ремизову от 5 ноября 1903 г. – *ГПБ*. Ф. 634. Ед. хр. 203).

[7] В рецензии на новое издание книги стихов Верхарна "Города-спруты" (Les villes tentaculaires. P.: Mercure de France, 1904), объединившее ранее изданные сборники "Города-спруты" (1895) и "Обезумевшие деревни" ("Les campagnes hallucinées", 1893), Брюсов писал: «Эмиль Верхарн, может быть, самый значительный художник изо всех тех, кто выдвинуты движением, известным под названием "символизма". Вер-

харн – осуществление того, что грезилось Лафоргу, Рембо, Маллармэ, и воплотить что было выше их сил ⟨...⟩ Его творчество в лучшем смысле современно. Он подступает к самым страшным загадкам человечества и хочет решить эти вековые и злободневные вопросы не методами науки, а силами и средствами искусства. Верхарн создал новые "роды" и "виды" в поэзии. Никто до него не подозревал, что роман можно сжать до лирического стихотворения ⟨...⟩ Верхарн поразительно владеет словом, он бесспорно величайший мастер "свободного стиха". Он вознес этот прием стихотворчества до такой высоты, куда не в силах следовать за ним даже самые окрыленные из его современников» (Весы. 1904. № 3. С. 54–55).

[8] Здесь и далее Брюсов ссылается на издание: *Verhaeren E.* Poèmes. II série: Les Soirs. Les Débacles. Les Flambeaux noirs. P.: Mercure de France, 1896.

[9] Из перечисленных стихотворений в книгу: *Верхарн Э.* Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906 – вошли: "Лондон", ("Londres", с. 74), "Отплытие" ("Départ", с. 91–92), "Мятеж" ("La Révolte", с. 89–90), "Числа" ("Les Nombres", с. 61–63), "Мор" ("Le Fléau", с. 53–57), "Города и поле. К будущему" ("Vers le Future", с. 58–60); некоторые из этих переводов предварительно появились в периодике (см. библиографический перечень, составленный Брюсовым: Там же. С. 128). Перевод стихотворения "Смерть" ("La Mort") был опубликован лишь в кн.: *Верхарн Э.* Поэмы / Пер., предисл. и прим. Валерия Брюсова. Изд. 4-е Пг.; М.: ГИЗ, 1923.

[10] В сборнике Брюсова "Tertia Vigilia" были помещены два перевода из Верхарна – "К северу" ("Au Nord") и "Женщина на перекрестке" (у Верхарна "Женщина в черном" – "La Dame en noir"); в переработанном виде они вошли в "Стихи о современности".

[11] Выполненный Волошиным перевод стихотворения Верхарна "Осенний вечер", в котором рефреном повторяется стих "Эй, Луна, берегись!":

В дикой скачке тучи скачут.
Тучи в пляске завились.
Эй, Луна, берегись!..

(*Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 37). Перевод был напечатан также в книге Волошина "Стихотворения, 1900–1910" (с. 32–33).

27. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. Около 12/25 марта 1904 г.⟩
3 Rue de Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Обложку Рэдона Вы, верно, уже получили. Ее воспроизведение представит, верно, очень большие трудности. Ее необходимо воспроизвести на такой же желтоватой бумаге и надпись на одноцветной, т.е. такой ⟨же?⟩ желтова⟨той⟩ бумаге. Она сделана на другой, потому что Рэдон почему-то не мог найти ⟨?⟩ другого листа этого тона.

Статью об Рэдоне, т.е. начало статьи, высылаю Вам вместе с письмом. У меня произошла задержка благодаря тому, что Национальная библиотека вдруг закрылась по поводу разных переделок. Статья будет состоять из моих вступительных страниц. Из автобиографии Рэдона ("Рэдон о себе"). Она в своей большей части представляет перевод одного его письма, которое было когда-то напечатано в Бельгии и теперь представляет библиографическую редкость, частью дополнено некоторыми фразами Рэдона о своем искусстве во время моих разговоров с ним.

Поэтому я назвал эту часть так неопределенно.

Затем должны следовать отзывы критики – род ретроспективной анкеты[1]. И у меня уже собраны материалы, но вот закрытие библиотеки до 4 апреля оборвало работу. После 4 апреля я сейчас же смогу закончить.

Пока я прилагаю только отзыв Эннекэн, которому сам Рэдон придает очень большое значение[2]. У меня намечены еще отзывы Гюисманса, Жоффруа, Жана Лоррэна, Natanson, Jules Destré'я и др.[3] Они важны, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ там многие описания эстампов Рэдон⟨а⟩.

Вы ничего не пишете, довольны ли Вы согласием Ван Бевера вступить в сотрудники "Весов". Мне очень трудно уславливаться с кем-нибудь и вести переговоры, не зная в точности, что именно Вам нужно.

Ван Бевер может быть весьма ценным прио⟨б⟩ретением для "Весов" благодаря его положению секретаря "Mercure de France".

Я с ним условился так: две ретроспективные статьи в год об романе и театре: размер определите Вы. Это, конечно, все можно изменить.

Теперь (я с ним говорил вчера), он согласен еще писать рецензии о новых книгах – романы, история и литература для каждого месяца в том размере, как Вы сами определите (для мелкого шрифта). Я его просил написать теперь же для апрельского номера. Т.е. я Вам их пришлю до 1-го апреля стар⟨ого⟩ стиля. Я думаю, что это Вам будет хорошо. Кроме того, он будет присылать библиографию для каждого месяца – это будет значительно полнее библиографии, составляемой в России[4]. Это он сам предложил. Словом, к апрелю я все это вышлю. А вы мне поскорей ответьте об том, что тут надо изменить.

Вот список книг, вышедших за последние месяцы, об которых Ван Бевер даст прежде всего рецензии:

Eugène Demolder. Le jardinier de la Pompadour[5].
Francois *Barbazange*. La vie douloureuse[6].
Henri *Bremont*. Le Bieneureux Thomas More[7].
Rachilde. Le dessous[8].
Louis Battifol. Au temps de Louis XIII[9].
Pierre de *Nolhac*. Louis XV et M-me de Pompadour[10]:
Pierre de Querlon. La princesse à l'aventure[11].
Margueritte. La Commune[12].
Pierre de Segure. Les dernières années de Marechal de Luxembourg[13] и т.д.

Все это, конечно не сразу. Ему же я передал и рецензию об "Юлии" St. George Bouhélier. А об натюризме он напишет в ретроспективной статье[14]. Когда нужна будет эта статья, Вы мне напишите заранее. Он возьмется за нее только тогда, когда я ему скажу.

Я буду писать Вам о новой книге Сизеранна: "Les questions esthétiques contemporaines"[15].

Я Вам, кажется, писал, что M-me Фионо согласилась на условия "Весов" и будет писать 3–4 раза в год перед началом сезона коротенькие заметки для "Весов" о модах[16].

Что касается Лакоста – мы сделали ошибку. Нельзя заказывать виньетки, нужно прямо приходить и выбирать из имеющихся уже налицо рисунков. Тогда только будет гарантирована оригинальность и интересность. Я так и буду делать в будущем. Напишите только, к какому времени нужны Вам новые рисунки.

С Гилем о статье переговорю. За Коневского и аванс большое спасибо. Я их еще не получил – верно, завтра.

Рисунки Феофилактова слишком à la Somoff, а Сомов ведь и сам идет от Кондера, Бердслея и Дица[17]. Он еще не твердо произносит красивые слова этого языка. Но у него есть вкус.

Теперь самое важное: предложение соединить переводы Верхарна меня очень и очень захватило. Все это время я не переводил, но многое подготавливалось. Я принимаю с радостью этот проект и сейчас же принимаюсь за работу.

Главным образом я остановлюсь на III книге поэм[18]. У меня намечены "Novembre" (193 ст.), "Dĕcembre" (197), "Les pêcheurs" (15), "Celui de la ⟨fa⟩tigue" (99), "La Peur" (112).

Потом я думаю в безумной гордости посягнуть на "Дождь" и на "Ветер"[19]. Но это безнадежно.

Из "Villes tentaculaires" у меня еще ничего не намечено, но, конечно, будет. Из "Forces Tumultueuses"[20] едва ли. Когда последний срок? Что Вы возьмете из "Villes tentaculaires"? Эта работа исполнила меня рвения.

Макс В о л о ш и н.

Когда Вы приедете?

Датируется по почт. шт. получения: 16.3.04.
Ответ на п. 26.

[1] См. п. 19, прим. 10.

[2] Эмиль *Эннекен* (Hennequin; 1858–1888) – известный французский критик, писавший, в частности, о русской литературе. Одним из первых обратил внимание на живопись Редона (после выставок художника в 1881 и 1882 гг.). Отзыв Эннекена вошел в подборку Волошина "Современники о Рэдоне" (Весы. 1904. № 4. С. 10–12).

[3] Из перечисленных авторов в разделе "Современники о Рэдоне" представлены только Г. Жеффруа и Ж. Лоррен (Там же. С. 12–15). О Гюисмансе и Жеффруа см. п. 18, прим. 23 и 24. Жан *Лоррен* (Lorrain; 1855–1906) – французский писатель, автор повестей и романов в вульгарно-символистском духе. Пропагандировал символистскую живопись (Моро, Энсора и др.). Таде *Натансон* (Nathanson; 1868–1951) – французский писатель (по профессии адвокат). Совместно с братьями Александром и Альфредом издавал журнал "La Revue Blanche"; дружил со многими известными художниками, в том числе с Вюйаром и Валлотоном. Автор воспоминаний (Peints à leur tour. P., 1948) и книги о П. Боннаре (1951). Жюль *Дестре* (Destré; 1863–1936) – бельгийский политический и государственный деятель. В 1890-е годы примкнул к социалистическому движению, вступив в Бельгийскую рабочую партию. С октября 1917 по февраль 1918 г. был посланником Бельгии в России. Получил известность своей борьбой за национальную самобытность бельгийской культуры. Автор работ о современном искусстве, в том числе книги "Литографии Одилона Редона" (L'oeuvrè lithographique de Odilon Redon. Bruxelles, 1891), изданной у Э. Демана.

[4] Имеются в виду библиографические перечни новейших книг, изданных во Франции. Раздел "Перечень новых книг", как правило, завершал каждый выпуск "Весов".

[5] Эжен *Демольдер* (Demolder; 1862–1919) – бельгийский писатель, автор исторических романов, которые принесли ему известность. Роман "Садовник госпожи Помпадур" печатался в 1903–1904 гг. в журнале "Mercure de France". Отзыв Бан Бевера на эту книгу появился в "Весах" (1904, № 4, с. 52) в составе его обзорной статьи "Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа".

О. БЕРДСЛЕЙ

Автопортрет, 1892

В книге: О. Бердслей. Избранные рисунки. М., "Венок". 1917

[6] Ошибка Волошина. Имеется в виду роман "Любовная жизнь Франсуа Барбазанжа" ("La vie amoureuse de François Barbazanges", 1904), автором которого была писательница Марсель *Тинэр* (Tinayre, урожд. Шасто; 1877–1948). Роман в "Весах" не рецензировался.

[7] Анри *Бремон* (Brémont; 1865–1933) – французский писатель; его перу принадлежат биографии выдающихся гуманистов и церковных реформаторов, а также ряд работ по истории религии. Книга "Блаженный Томас Мор" вышла в Париже в 1904 г.; в "Весах" не рецензировалась.

[8] *Рашильд* (Rachilde; см. о ней наст. том, кн. 1. Переписка с Коневским. п. 36, прим. 21) – французская писательница, ученица натуралистов (Гюисманса и братьев Гонкуров); сотрудничала в журнале "Mercure de France", в котором регулярно печатала обзоры современной прозы. Роман "Внизу", упоминаемый Волошиным, был издан в 1904 г.; рецензия Ван Бевера на эту книгу была напечатана в "Весах" (1904, № 4, с. 59–60). Брюсов писал о Рашильд еще в 1902 г. в статье "Француженка о русской интеллигенции" (*РЛ*. 1902. № 60. 3 марта. С. 3) – в связи с ее рецензией на французский перевод чеховской "Дуэли".

[9] Луи *Баттифоль* (Battifol; 1865–1946) – французский беллетрист, автор книг на исторические темы. Рецензия Ван Бевера на его книгу "В эпоху Людовика XIII" (1904) напечатана в "Весах" (1904, № 4. с. 49–50) как часть обзорной статьи "Книги о прошлом Франции".

[10] Пьер *Нольяк* (Nolhac; 1859–1936) – французский писатель, автор историко-биографических книг (в частности, о знаменитых поэтах и художниках). Роман "Людовик XV и мадам Помпадур" вышел в свет в 1902 г.; Ван Бевер рецензировал его в "Весах" наряду с другими книгами о прошлом Франции (1904, № 4, с.

51–52). В 1905 г. в "Весах" (№ 2, с. 45) была напечатана рецензия И. Щукина на роман Нольяка "Nattier, peintre de la cour de Louis XV" ("Натье, придворный художник Людовика XV").

[11] Пьер *Керлон* (Querlon, наст. имя Де Гашон; 1880–1904) – французский писатель, автор книги о Реми де Гурмоне (1903), изданной в серии "Célébrités d'aujourd'hui"*; библиография, помещенная в книге, была составлена Ван Бевером. Эта книга находилась в личной библиотеке Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1681); упоминание о ней см. также в "Весах" (1904, № 8, с. 30). Сказка Керлона и Верье "Приключения принцессы" (1904) на страницах "Весов" не упоминается. Однако Ван Бевер рецензировал в "Весах" другой "приключенческий" роман, выпущенный в 1904 г. издательством "Mercure de France", – "Любовь Левкиппы и Клитофонта", переложение романа греческого писателя II в. Ахилла Татия; французское издание Керлона и Верье (Весы. 1904. № 4. С. 59). В "Весах" анонсировались также новые произведения Керлона "Дом маленькой Ливии" (1904. № 12. С. 80; отдел "Книги, доставленные в редакцию"), "Селина, дочь полей" (1905, № 5, с. 77; отдел "Перечень новых книг"). В "Весах" был помещен отклик на смерть Керлона (1904, № 7, с. 72; отдел "Хроника").

[12] Роман французских писателей Поля и Виктора *Маргерит* (Marguerite Paul, 1860–1917; Victor, 1867–1942) "Коммуна" (1904) – заключительная часть тетралогии "Эпоха" ("Une Epoque. La Commune"), – посвященный Парижской Коммуне 1871 г. и трактующий ее с пацифистских позиций. Отзыв Ван Бевера об этой книге напечатан в "Весах" (1904, № 4, с. 53–54) в статье "Книги о прошлом Франции". Роман "Коммуна" неоднократно издавался в русском переводе, впервые в 1904 г.

[13] Пьер *Сегюр* (Ségur; 1853–1916) – французский писатель, маркиз. Писал романы, посвященные реальным историческим лицам (Мария Антуанетта, Жюли де Л'Эспинас и др.). Роман "Последние годы маршала Люксембургского" издан в 1904 г.; рецензия на эту книгу в "Весах" не появилась.

[14] См. п. 23, прим. 2. Намерение Ван Бевера написать для "Весов" о натюризме не было реализовано.

[15] Робер де Ла *Сизеранн* (La Sizeranne; 1866–1932) – французский историк и теоретик искусства, автор работ об итальянской культуре и современной английской живописи. Упомянутая Волошиным книга Сизеранна "Эстетические вопросы современности" вышла в Париже в 1904 г. Статья-рецензия Волошина появилась, однако, не в "Весах", а в газете "Русь" (1904. № 182. 15/28 июня. С. 3). Позднее отзыв Волошина об этой книге был напечатан под заглавием "Сизеран об эстетике современности" в кн.: *Волошин М.* Лики творчества. СПб.: изд. "Аполлона", 1914. Кн. 1. С. 321–338.

[16] О Фийоно-Йепп см. пп. 12, 15, 47.

[17] Шарль *Кондер* (Conder; 1868–1909) – английский живописец, автор портретов и фантастических пейзажей; выполнял рисунки и декоративные акварели на шелке (веера, ширмы). Участвовал в нескольких парижских выставках (1902, 1906). Обри Винсент *Бердслей* (Beardsley; 1872–1898) – выдающийся английский художник-график и иллюстратор, оказавший огромное влияние на развитие стиля "модерн" в различных странах. Юлиус *Диц* (Diez; 1870–1957) – немецкий график, рисовальщик и иллюстратор; делал также мозаики, витражи и фрески. Преподавал в Мюнхенской Академии художеств. Творчество Дица пропагандировал в России журнал "Мир искусства" (см. № 7 и 8 за 1902 г.).

[18] Имеется в виду книга: *Verhaeren E.* Poèmes. III-e série. P., 1897 (второе изд. – 1899). В 1904 г. в "Mercure de France" было выпущено третье издание этой книги, которым и пользовался Волошин (номера страниц, указанные им в скобках после заголовков стихотворений, соответствуют изданию 1904 г.).

[19] Из перечисленных Волошиным стихотворений ("Ноябрь", "Декабрь", "Рыбаки", "Усталый", "Страх", "Дождь" и "Ветер") им были переведены лишь первые два (см.: *Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. С. 38–40.) Эти же стихотворения (а кроме того, "Рыбаки", "Дождь", "Ветер") переведены Брюсовым.

[20] Названы сборники Верхарна "Города-спруты" и "Буйные силы".

28. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Середина марта ст. ст. 1904 г.⟩

Дорогой Max!

У нас дома маленькое и обыденное, но для близких всегда трагическое событие. Мне, как "Валерию Брюсову", вероятно, не идет быть отцом, и вторично у нас родился ребенок – мертвым[1]. Это во многом меняет ближайшие планы моей жизни. Между прочим, я *не еду* в Париж весной.

Просьба к Вам. Если у Вас есть еще скорпионовские франки, купите две книжки, в которых мне отказала московская французская торговля: переводы Маллармэ поэм По до сих пор публикуются и наследниками Ванье[2] и Деманом[3]; "Traité du Verbe"[4], конечно, был у меня, но по российскому обыкновению его "зачитали" (и знаю – кто), а теперь при переводе Гиля – он прямо необходим[2*]. Кстати, получили ли Вы 200 fr.? Я

---

* Современные знаменитости (*франц.*).

[2*] NB Если купите, вышлите мне *заказной* бандеролью, по почте (*приписано на полях*).

за домашними хлопотами не знаю последних дел нашей конторы. Если *нет*, известите, вышлю по телеграфу.

Post Scr. Видели ли Вы в "Litterarisches Echo" (№ от 1 марта) статью обо мне и мой портрет?[5] То и другое достаточно плохо, но характерно, когда в России "Вестн⟨ик⟩ Евр⟨опы⟩" возобновил ругательную кампанию против меня, не стесняясь "площадностью" выражений[6].

Жду от Вас рецензии на Буэлье и статью о Рэдоне.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке "Весов".

[1] В день, когда произошло это событие, Брюсов писал А.А. Шестеркиной: "9 марта 1904, день жаворонков, день моих именин. Опять ребенок мертвый" (*ГБЛ*. Ф. 218, 128. 12). После этого И.М. Брюсова была долгое время серьезно больна. "Я очень печально жил последние месяцы, – сообщал Брюсов 11 мая 1904 г. Г.Г. Бахману. – Была очень больна Иоанна Матвеевна, и доктора почти не выходили у нас из квартиры" (*ГБЛ*. Ф. 386, 70.6). Первый раз неудачные роды были у И.М. Брюсовой в июле 1901 г. 31 июля 1901 г. Брюсов писал П.И. Бартеневу: "Дела у нас дома шли очень плохо. Пришлось прибегать к помощи докторов, к операции... (...) Младенец (девочка) оказался мертвым. Иоанна Матв⟨еевна⟩ теперь очень больна" (ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 116).

[2] Леон *Ванье* (Vanier; 1847–1896) – крупный парижский издатель, выпускавший сочинения французских символистов. Стихотворения Эдгара По в переводе Малларме были впервые изданы у Ванье в 1888 г.

[3] Эдмон *Деман* (Deman; 1855–1918) – брюссельский издатель, тесно связанный с кругом бельгийских символистов. Известность получили осуществленные им издания Верхарна и особенно Малларме ("Полное собрание стихотворений" в 1899 г. и др.).

[4] "Traité du Verbe" ("Трактат о Слове") – сочинение Р. Гиля, выпущенное отдельным изданием в январе 1886 г. (с предисловием Малларме) и содержащее основные положения созданной им "научной" теории "словесной инструментовки". Впоследствии эта работа, расширенная и усовершенствованная автором, переиздавалась в 1887, 1889 и 1891 гг.

[5] "Das litterarische Echo" ("Литературное эхо") – берлинский журнал типа литературного обозрения, издававшийся два раза в месяц (с 1898 г.). В первом мартовском номере за 1904 г. была помещена статья о Брюсове, автором которой был Артур Лютер, московский корреспондент, немец по происхождению, впоследствии преподаватель западноевропейской литературы на Высших женских курсах в Москве, известный русист и переводчик (в частности, произведений Брюсова). Статья Лютера была приурочена к выходу в свет книги "Urbi et orbi", однако содержала в себе ряд общих оценок и характеристик. "Кто без всякого предрассудка приступит к чтению этой книги, – писал Лютер по поводу "Urbi et orbi", – тот не сможет не проникнуться ощущением огромной творческой силы. Достигнув зрелости, Брюсов совершил гораздо больше того, что обещал в юности" (*Luther A.* Valer Brjussow // Das litterarische Echo. Halbmonatsschrift für Litteraturfreunde. 1904. VI. Jg. № 11. 1. März. S. 761). Краткое сообщение о статье Лютера в "Das litterarische Echo" появилось также в "Весах" (1904, № 3, с. 71–72): "Автор сжато, в прозе, пересказывает ряд стихотворений В. Брюсова и берет на себя неблагодарную задачу защищать его от нападок некоторой части русской критики". Автором этой неподписанной заметки, как установила И.М. Брюсова, был сам Брюсов (см.: *Библиография/1*. № 253).

[6] Имеется в виду крайне резкая по тону рецензия Е.А. Ляцкого на книгу Брюсова "Urbi et orbi". Критик усматривал в творчестве Брюсова "суррогат поэзии", "яд разложения и гнили", "декадентский бред" и т.п.; заключительный приговор гласил: «Гг. Брюсовы помогают, купно с г. Бальмонтом и прочими присными, предавать и насиловать общественную мысль и совесть, уловляя в сети своего обаяния интеллигентствующее "мещанство", людей равнодушных к достоинству литературы, да умственно незрелых тупиц" (*ВЕ*. 1904. № 3. С. 380; подпись: Евг. Л.). Бальмонт поместил в "Весах" протест по поводу рецензии Ляцкого (см. наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 101, прим. 2). Несколькими годами позже Ляцкий изменил свое отношение к творчеству Брюсова, о чем свидетельствуют его сочувственная рецензия на "Στέφανος" (*ВЕ*. 1906. № 4) и обстоятельная статья "Пути и перепутья в поэзии Валерия Брюсова" (Современный мир. 1908. № 3). См. также письма Брюсова к Ляцкому за 1906–1909 гг. (Новый мир. 1932. № 2).

29. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. ⟨Париж. 18/31 марта 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Весть о Вашем несчастии меня очень поразила. В этом рождении смерти есть что⟨-то⟩ более жуткое, чем в умирании жизни. Как здоровье Вашей жены?

То, что Вы не приедете, – это очень печально. Я много рассчитывал на устное выяснение разных редакционных вопросов. Теперь мне придется снова составить целый список вопросов под номерами и просить ответа.

Меня смущает то, что Вы не пишете, довольны ли Вы привлечением Ван Бевера к делу "Весов". Я одновременно высылаю Вам ряд его рецензий о французских книгах, которые он мне вручил вчера. Мне необходим Ваш ответ; когда Вам нужна будет ретроспективная статья о романе. Вам нужно только написать время и размер.

Что касается рецензий, то Ван Бевер просит сообщить ему все замечания, которые Вы найдете необходимыми. И кроме того, не стесняться их сокращать[1].

Я еще напоминаю Вам, что участие Ван Бевера может быть очень полезно для "Весов" тем, что это поставит их в интимные сношения с "Mercure de France", в котором Ван Бевер секретарь редакции.

Что касается рецензии о Буэлье, то я ее передал Ван Беверу и она будет готова к следующему номеру[2].

Статью о Рэдоне Вы, конечно, уже получили. Национ⟨альная⟩ Библиот⟨ека⟩ открывается 12 апр⟨еля⟩, и я в три дня могу закончить работу, поэтому, если номер Рэдона все-таки назначен на апрель, то если можно, погодите и оставьте место – эти отзывы крайне необходимы.

Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ они все находятся в номерах старых газет, то я никак не могу тут обойтись без Нац⟨иональной⟩ Библиотеки.

Мне очень интересно и важно Ваше мнение о статье об Рэдоне, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩, когда я ее писал, то я представлял именно Вас своим читателем, стараясь Вас убедить в важности и глубине Рэдона.

Что Вы думаете сделать ⟨с⟩ моей статьей об "Россо". Такие заметки я хочу делать с большим выбором и не знаю, когда представится снова знакомство этого же характера. Поэтому лучше поместите ее в качестве письма из Парижа или просто отдельной заметки[3] .

Переводами Верхарна я занимаюсь усиленно. Теперь, кроме "Осеннего вечера", у меня пере⟨ве⟩дены "Novembre", "La Peur" и... я не выдержал и вступил в соревнование с Вами – перевел "Au Nord", который мне представился в ином виде, чем Ваш перевод.

Я Вам пришлю эти переводы через несколько дней. Мне еще кое-что надо там почистить[4].

Что Вы думаете переводить из "Villes Tentaculaires"?

Вы мне ничего не написали о моих последних стихах, что я Вам посылал – "Дождь", "Письма" и не помню еще что...[5]

Не хотел бы "Скорпион" издать по-русски "Moralité⟨s⟩ légendair⟨es⟩" Лафорга. Я бы с громадной радостью принял⟨ся⟩ за этот труд, если бы издание было обеспечено. Можно было бы присоединить сюда многое из посмертного тома. Стихи Лафорга... я их чувствую по-французски, но не вижу для них русских слов[6].

Ни денег, ни Коневского я еще не получал. Знаете ли Вы наверно, что Коневский был мне действительно выслан оба раза? Книги, посланные мне, еще никогда не исчезали.

"Traité du Verbe" – найти нет возможности – оно совсем разошлось. Переиздать все собираются, да никак не соберутся. Поэмы По в пер⟨еводе⟩ Маллармэ стоят 8 fr. Вы это знаете? Я их спрошу у Ванье[7] и вышлю.

Ответ на п. 28.

[1]Все присланные Ван Бевером рецензии (восемь крупных и одиннадцать мелких) сохранились в архиве Брюсова (ф. 386, 128.3). Бóльшая часть этих рецензий была напечатана в № 4 "Весов" за 1904 г. (см. п. 33, прим. 2). В него не вошли лишь отзыв о книге Жюля Лафорга "Посмертное. Разные сочинения" (см. прим. 6 к данному письму) и "памятки" о книгах Коллет и О. Мирбо̀, о романе А. Бремона "Блаженный Томас Мор" (см. п. 27, прим. 7), о книге Ж. Дорни "Итальянский театр" и др.

[2]Ван Бевер рецензии на книгу Буэлье не написал. Ср. п. 23, прим. 2.

[3]См. п. 12, прим. 2.

[4]Автографы переводов трех названных стихотворений Верхарна ("Ноябрь", "Страх", "На север") сохранились среди писем Волошина к Брюсову, под общим обозначением "Переводы из Верхарна" (см. п. 41,

прим. 2). Все три перевода, а также "Осенний вечер" были включены в сборник Волошина "Стихотворения. 1900–1910", позднее вошли в кн.: *Волошин М.* Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. (Стихотворение "La Peur" в этих изданиях озаглавлено "Ужас".) Брюсовский перевод стихотворения "Au Nord" – "К северу" – ранее был опубликован в книге "Tertia vigilia".

[5]См. п. 24.

[6]О Жюле Лафорге см. наст. том, кн. 1, Переписка с Коневским, п. 1, прим. 10. Сборник его рассказов "Les moralités légendaires" ("Легендарные добродетели") был издан в 1887 г. посмертно. Упоминание Волошина о французском поэте было вызвано, скорее всего, появившейся в "Весах" рецензией Брюсова на книгу Лафорга, содержавшей его заметки об искусстве, "Les mélanges posthumes" ("Посмертное. Разные сочинения"), изданной в Париже в 1903 г. (Весы. 1904. № 2; подпись: Аврелий). Волошину принадлежит четверостишие "На книге Лафорга":

Эти страницы – павлинье перо, –
Трепет любви и печали.
Это больного Поэта-Пьеро
Жуткие salto-mortale.

(*Волошин М.* Стихотворения. 1900–1910. С. 27).

[7]См. п. 28, прим. 2.

30. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 18 ⟨/31⟩ марта ⟨1⟩904.

Дорогой Max!

Начинаю входить в дела. К глубокому прискорбию, франки Вам еще не посланы. Пошлю *сегодня* (четверг, 18-го ст. ст.). То же и Коневского. – Рецензии Ван Бевера *могут* быть нам очень полезны. Но *во-первых*, мы не можем следить за французской литературой внимательней, чем за русской. Повторяю: мы не журнал франко-рюсс. Франция у нас должна стоять наряду с Германией (где современная литература куда интереснее!), с Англией, с Италией, со славянскими литературами. Таков идеал. А *во-вторых*, в библиографическом отделе высказываются идеи редакции. В отдельных статьях за мысли ответственен автор. В общих отделах – редакция. В библиографии мы не можем допустить что-либо такое, с чем не согласны. В конце концов уже не так важно, были ли у Маллармэ вторники или четверги, но что́ книга Ретте́ – пустая книга: это важно; что "Эдип" Пеладана без конца выше, чем "Ифигения" Мореаса: это важно[1]. Итак, мы очень рады рецензиям Ван Бевера, но мы оставляем за собой редакционное право взять из них те, которые нам нужны и подходят, и не можем принять их заглазно. В частности, о перечисленных Вами книгах: "Le jardin de la Pompadour" и "Le dessous" у нас *есть*[2]. Rachilde умная писательница – не свыше. Demolder – приличный романист и только, сколько бы ни пытались прославить его больше приятели. Других книг я не знаю, и трудно судить по одним заглавиям. Желание у нас – не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство. Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер. Нам интересны, наконец, книги, делающие шаги на какой-то новый путь (таков, напр⟨имер⟩, тот же "Эдип" Пеладана), а не книги "ловко сделанные" хорошими закройщиками современной литературы (таков Demolder). Итак, вывод: предпочтительнее от Ван Бевера иметь его обзоры (за полгода или за треть года), а его рецензии – это нечто между прочим, в чем мы не очень нуждаемся, но *можем* взять. – (А вот в рецензии на "Юлию" Буэлье мы нуждаемся очень: еще раз умоляю – или напишите или пришлите роман). И еще более общий вывод: французами мы пока сыты, надо передохнуть от всего французского и парижского, – оставляя только необходимое.

Обложка Редона до сих пор *не* получена. Получено начало Вашей статьи[3] и с его виньеточками среднего достоинства[4]. Лакост идет в следующий, 4-ый, №. Для Редона придется предоставить самый неприятный, мертвый 6-ой, июльский №[5].

Очень, очень простите небрежности письма. Я две недели не мог никому писать и сегодня должен написать до 20 писем.

О Верхарне, значит, решено. Ставлю в объявления[6].

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. Здесь Вячеслав Иванов[7].

На бланке "Весов".
Ответ на п. 27.

[1]Жозефен *Пеладан* (Péladan; наст. имя Жозеф Эме Пеладан, 1859–1918) – французский писатель-символист и художественный критик; называл себя "сар" (т.е. духовный вождь). Проповедовал католицизм и эстетство; увлекался оккультизмом. В 1888 г., желая обновить современное искусство на путях религии, Пеладан возродил общество розенкрейцеров ("Орден Розы и Католического креста"). Трагедия Пеладана "Эдип и Сфинкс" ("Oedipe et le Sphinx", 1903) рецензировалась в "Весах" (1904, № 3); в похвалу автору было указано на "сжатый, кованый язык", удачно передающий "эсхиловский стиль". Рецензентом был Брюсов (Аврелий), относившийся с огромным интересом (как и некоторые другие "весовцы") к Пеладану и его деятельности. Отзывы о произведениях Пеладана систематически появлялись в "Весах". Так, в 1904 г. в № 7 была помещена еще одна рецензия Брюсова (Аврелия) на роман Пеладана "Чужестранница и чужестранник" ("Pérégrine et Pérégrin", 1904); в № 9 – рецензия В. Иванова на его трагедию "Семирамида" ("Sémiramis", 1904); в № 11 – рецензия Волошина на книгу Пеладана о Леонардо да Винчи ("La dernière leçon de Léonard de Vinci á son Académie de Milan", 1904). В библиотеке Брюсова хранились книги Пеладана: "Семирамида", "Чужестранница и чужестранник" и роман "Пизанские любовники" (1912) (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1681).

Жан Мореас (см. о нем наст. том. Переписка с Коневским, п. 1, прим. 12) в 1890-е годы основал "романскую школу" – литературную группу, стремившуюся возродить классицистические традиции. Трагедия Мореаса "Ифигения" ("Iphigénie") впервые поставлена на сцене в 1903 г., напечатана в 1904 г. Рецензия Брюсова на эту пьесу напечатана в "Весах" (1904, № 3; подпись: Аврелий); в ней отмечено, что "Ифигения" представляет собой "почти точный перевод Еврипида, но характерные, хотя и чуть заметные изменения, какие допустил Мореас, особенно же его язык и рифмованный стих, – делают ее все же больше похожей на драму Расина, чем на античную".

Брюсов хорошо знал творчество Мореаса, переводил его на русский язык. Выполненный им перевод одного из стихотворений Мореаса был напечатан еще в 1899 г. (Южное обозрение. 1899. № 814. 20 мая). Брюсов перевел также прозаический этюд Мореаса "Дева Мария на турнире" (Весы, 1905. № 12/1906. № 1; подпись: Аврелий), впоследствии включенный в сборник "Разноцветные каменья. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под редакцией Валерия Брюсова" (М.: Альциона, 1914). Три стихотворения Мореаса ("Ноктюрн", "К Эноне" и «Из "сильв"»), переведенные Брюсовым, вошли в первое издание антологии "Французские лирики XIX века" (1909 г.; в издании 1913 г., кроме этих трех, еще два перевода – "Инвеститура" и "Стансы", книга IV, 5"). Кроме того, Брюсову принадлежит некролог Мореаса (*РМ*. 1910. № 5).

[2]См. п. 27, прим. 5 и 8.

[3]Имеется в виду статья Волошина "Одилон Рэдон".

[4]См. п. 32, прим. 1.

[5]Противоречие в тексте Брюсова: должно быть либо "6-ой, июньский", либо "7-ой, июльский" номер. В действительности "рэдоновскими" номерами стали № 4 и 5 (см. пп. 31 и 35), а "лакостовским" – 7-й; обложка по рисунку Лакоста была повторена в №№ 8 и 9.

[6]В общем каталоге книг издательства "Скорпион" и журнала "Весы" на 1905 г. в перечне готовящихся к печати изданий было указано: "Эмиль Верхарн. Стихи о современности. Переводы Валерия Брюсова и Максимилиана Волошина" (с. 7).

[7]Ср. п. 21, прим. 5.

31. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. 19 марта/1 апреля 1904 г.⟩

Дорогой Max!

Вчера получили извещение от "Гердгард и Гей"[1] , что на наше имя в таможне "ящик рисунков" из Парижа: вероятно, это – обложка Редона. Тогда Редоновским №-ом будет *4-ый*. Но печатать его мы уже начали, и я тотчас сдам в набор Вашу статью о Редоне, его автобиографию и статейку Эннекена. Что до дальнейшей "анкеты"[2], то ее поместим лишь в том случае, если получим ее от Вас не позже 1-го апреля ст.ст. Иначе придется обойтись без нее.

№ будет весь иллюстрирован Редоном; рисунков других художников не будет. Воспроизводить будем типографским способом "с сеткой". Обложку, может быть, литографией.

Не помню, ясно ли я выразился вчера, что рецензий на Demolder и Rachilde нам *не* надо, – мы напишем сами[3]. А ретроспективный обзор романов нам очень пригоден и теперь. Если бы успел Ван Бевер, – мы бы поместили его в № 4 (но получить надо до 1 апр⟨еля⟩ ст. ст.), иначе в № 5 (тогда желательно к 25–28 апр⟨еля⟩ ст. ст). Размер: до 3 страниц нашего мелкого шрифта[4].

На днях едет в Париж Бальмонт.

Ваш сердечно В а л е р и й.

"ВЕСЫ". 1904, № 4

Виньетки по рисунку О. Редона

На бланке "Весов".

[1]Экспедиционная контора "Гергард и Гей", находившаяся в Москве на Большой Лубянке.
[2]См. п. 19, прим. 10.
[3]См. п. 27, прим. 5 и 8.
[4]В соответствии с пожеланием Брюсова рецензии Ван Бевера были объединены в одну обзорную статью под заглавием "Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа" (1904, № 4).

32. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 24 марта/6 апреля 1904⟩
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Только что получил Ваши два письма одновременно.

Многим я очень смущен, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ рецензии Ван Бевера высланы и, верно, уже получены Вами.

Вот почему я так страстно желал Вашего приезда в Париж.

Я совсем не в курсе редакционных требований и планов, поэтому мне ужасно трудно быть активным в Париже.

Я, например, совершенно не предполагал о том значении, которое Вы придаете библиографическому отделу, значение полемики, а не полноты. В таком случае от рецензий Ван Бевера о романах придется отказаться. Я ему тогда предложу рецензии об исторических книгах – это его специальность – это вне полемики – и этого очень мало в "Весах".

О ретроспективном обзоре романов я попрошу Ван Бевера.

В мою рукопись о Рэдоне были вложены рисунки не Рэдона, а *Кругликовой*[1]. Рисунки Рэдона подписаны везде буквами "O.R." Ради Бога, не перепутайте. Неужели я позабыл об этом написать.

В ящике с обложкой рисунки исключительно Рэдона.

Анкету о Рэдоне необходимо закончить хотя бы в другом номере, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я в своей статье ни слова не говорил того, что говорится в тех статьях, которые я подготовил для перевода. А там есть очень важные места и описания. Все это будет иметь внутреннюю цельность. Из больших статей о Рэдоне, как статья Эннекэна, я выбираю только самые драгоценные фразы[2].

Теперь просьба моя и Гиля: пришлите мне, пожалуйста, несколько листов бумаги со штемпелем "Скорпиона" – такой, какую Вы употребляете в письмах. Тогда будет возможно потребова⟨ть⟩ от многих мелких издательств service de la presse*. Это очень важно. Кроме того, Гиль желал бы иметь корреспондентскую карточку от "Весов".

Пожалуйста.

На днях я с двумя разными оказиями переслал Вам все книги Гиля (кроме "Traité du Verbe", увы!) с его дедикасом[2*] Вам и книгу Ван Бевера – тоже от него.

У нас Пасха. Книжные магазины закрыты. Поэтому только завтра смогу достать Маллармэ[3].

До свиданья.

Как здоровье Вашей жены?

Макс В о л о ш и н.

Ответ на пп. 30 и 31.

[1]Ср. п. 30, прим. 4. В 1904 г. в "Весах" была помещена лишь одна работа Е.С. Кругликовой – портрет Рене Гиля (№ 6 с. 16). Воспроизведение см.: *ЛН*. Т. 85. С. 271.

[2]См. п. 19, прим. 10. В № 5 дополнительно был помещен брюсовский перевод: "Одилон Рэдон. Цитаты из статьи Эмиля Бернара" (подпись: Аврелий). .

[3]Речь идет о книге переводов Малларме из Э.По. См. п. 28, прим. 2.

33. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 29 марта/11 апреля 1904 г.

Дорогой Max!

Для Вас пасхальные дни давно миновали; у нас – сегодня весь день гудит красный звон. Впрочем, я не в очень праздничном настроении, так как И.М. как раз в канун пасхи опять расхворалась, и довольно сильно[1].

Рецензии Ван Бевера, конечно, – раз они уже присланы – возьмем *все*, разве за выпуском двух-трех чисто библиографических заметок в конце. Но по причинам, какие я Вам излагал в предыдущем письме, мы не включим их в наш отдел "О книгах", а поставим отдельно, за личной подписью Ad. van Bever[2].

Всех рисунков Редона, кроме обложки, у нас 14 (разумеется, присланные при статье об нем – не его). Для одного № это много, для двух мало. Не позволит ли Редон сделать так. Мы устроим *два* редоновских №№ – именно 4 и 5-ый. В 4-ый № пойдут: обложка и 8–9 виньеток. В 5-ый опять обложка, остающиеся 5–6 виньеток, 2–3 снимка из какого-нибудь альбома Редона (мы выписали те, что́ изданы Деманом) и – нам этого хотелось бы – что-нибудь редоновское в красках. Можно ли устроить это последнее? Т.е. нет ли у Редона какой-либо вещи в красках, пригодной для воспроизведения? желательные качества: minimum красок и несмешанность их. Если найдется что-либо такое печатное, экземпляр можно будет переслать сюда. Если unicum – клише можно будет сделать за границей. Не разузнаете ли Вы обо всем этом, и о ценах, разумеется (*за право* воспроизведения и *за клише*)? Конечно, если Редон предпочитает, чтобы все 14 виньеток были в одном №, мы спорить не будем.

---

* Букв.: услуги для прессы (*франц.*), т.е. рассылка книг с целью получения печатного отзыва.

[2*] От французского слова dédicace – посвящение; дарственная надпись.

Затем предполагаем мы один № всецело предоставить Лакосту и один нашему Феофилактову[3]. Может быть, и Вы возьмете на себя такой целый №? Есть еще мечта о Гогеновском №[4].

Еще и еще умоляю о рецензии на Буэлье. Последний срок ее помещения 4 № – иначе будет поздно. Пришлите или рецензию, или книгу. А Ван Бевер может, независимо от нашей рецензии, дать *свое* суждение в своем письме и о книге и о натюризме.

Сообщил бы Вам о нашей жизни, да мало веселого. У нас в доме все скорбные дни. У Юргиса едва не умер сын и была очень больна Марья Ивановна[5]. Бальмонт, который три месяца был образцом воздержанности – последние недели опять "предается оргиазму". В один из вечеров, промежуточных между двумя болезнями И.М., мы с ним и с Вяч. Ивановым даже совсем неприлично посетили в полночь Грифа, изобидели его гостей etc[6]. Андрей Белый соблазнен Грифихой, т.е. Ниной Петровской, и услан матерью, спасаться, в Нижний Новгород[7].

Н.П. ФЕОФИЛАКТОВ

Портрет работы В.Д. Милиоти. Карандаш. 1900-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

У нас вышли четыре новых книги; из них Белого и Иванова[8] вышлю Вам, как только минут праздники. Две другие – повторения[9].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке "Весов".
Ответ на п. 32.

[1]Пасха в 1904 г. приходилась на 28 марта. 29 марта Брюсов писал также П.И. Бартеневу: "Вы, может быть, слышали о тех наших несчастиях, по причине которых эти последние недели я не мог навестить Вас. ⟨...⟩ Иоанна Матвеевна ⟨...⟩ в канун Пасхи вдруг разболелась очень неожиданно и очень сильно. У нее оказался сильнейший жар, свыше 40°, и полная потеря сил. На беду все знакомые доктора оказались в разъезде. Только к вечеру первого дня мне удалось разыскать одного, который нашел болезнь довольно опасной. За всеми хлопотами я теперь решительно не могу удаляться надолго из дому" (*ЦГАЛИ*. Ф. 46, Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 85).

[2]В № 4 "Весов" в общем отделе под заглавием "Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа" были напечатаны семь рецензий Ван Бевера. В том же номере журнала в отделе "О книгах" были помещены две его рецензии на книги П. де Керлона и Ш. Верье и Рашильд.

[3]См. п. 26, прим. 4. Отдельного номера "Весов" в оформлении Н.П. Феофилактова в 1904 г. издано не было; рисунки и виньетки этого художника были воспроизведены в №№ 2 и 3.

[4]Это намерение не было осуществлено.

[5]Речь идет о Ю.К. и М.И. Балтрушайтисах. Их сын Юргис (впоследствии – искусствовед, профессор) родился 24 апреля/7 мая 1903 г. (см.: *Даўётите В.* Юргис Балтрушайтис. Вильнюс, 1983. С. 31).

[6]Гриф – С.А. Соколов. О встречах Брюсова и Бальмонта с Вяч. Ивановым во время его пребывания в Москве весной 1904 г., когда "Вакху, конечно, воздавалось должное", подробно рассказывает (со слов Вяч. Иванова) О. Дешарт в своем "Введении" к кн.: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 72–73.

[7]Близкие отношения между Н.И. Петровской и Андреем Белым установились в январе 1904 г. Белый, желавший видеть в отношениях с Петровской прообраз "небесной", "мистериальной" любви, был крайне разочарован их превращением в обычный "роман". В конце марта 1904 г. Белый уехал в Нижний Новгород к сво-

ему другу Э.К. Метнеру. В предотъездном письме к матери, Александре Дмитриевне *Бугаевой* (1858–1922), Белый писал: «...мне лучше на недельку уехать к Метнеру. Там я и поговею, а то здесь мне будет трудно говеть, потому что, говея, я должен буду подтвердить свои данные Богу обещания стоять на страже зарождающегося религиозного искания" (*ЦГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). Ср. ироническую дневниковую запись Брюсова: «Нина Петровская предалась мистике... А Белого мать, спасая от "развратной женщины", послала на страстную неделю в Нижн(ий) Новг(ород). Сам он исхудал и серьезно поговаривает, как хорошо бы поступить в монастырь» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1. 16). Подробнее см.: *ЛН*. Т. 85. С. 334; *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова "Огненный Ангел" // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 84–87.

[8]Имеются в виду одновременно вышедшие на пасхальной неделе книги: *Андрей Белый*. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904; *Иванов В.* Прозрачность: Вторая книга лирики. М.: Скорпион, 1904. Брюсов написал об этих изданиях общую рецензию, в которой дал сопоставительный анализ поэзии Белого и Иванова (Весы. 1904. № 4).

[9]Видимо, Брюсов имеет в виду следующие книги: *Бальмонт К.Д.* Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1904. Т. 2: Горящие здания. Будем как солнце; *Пшибышевский С.* Собр. соч. 2-е изд. М.: Скорпион, 1904. Кн. 1: Homo sapiens. Роман в трех ч. Пер. М.Н. Семенова. Эти издания, наряду со стихотворными сборниками Андрея Белого и Вяч. Иванова, были упомянуты в "Перечне новых книг" в № 5 "Весов".

34. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Начало апреля ст. ст. 1904 г.⟩

Дорогой Max!

Очень просим Вас на прилагаемые 100 fr. купить и выслать нам два альбома Редона:

1) O. Redon. La Maison hantée. Ed. "Mercure de France", 30 fr.

2) O. Redon. Les Fleurs du Mal. Ed. Deman, 40 fr.[1] (именно эти издания, в 30 fr. и 40 fr., а не удешевленные по 10 fr.) Во избежание русской цензуры рисунки из альбома "Fleurs du Mal" лучше выслать отдельно, а обложку **позже** (ее за заглавие могут задержать, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ "Fleurs du Mal" Бодлэра запрещены для ввоза в Р⟨оссию⟩). Посылать необходимо *заказной* бандеролью. Если среди рисунков есть явно сомнительные в том же цензурном смысле, их тоже лучше послать *отдельно*.

Заранее благодарим за хлопоты.

Ждем ответа на наше предложение о *двух* Рэдоновских №№.

Ваш В а л е р и й.

Датируется по связи с пп. 33 и 35.

[1]Имеются в виду альбомы гравюр, выполненных Редоном в качестве иллюстраций к роману Э.Дж. Бульвера-Литтона "The Haunted House" (1896; "Дом с привидениями") и к "Цветам зла" Бодлера (1890). Одна из опубликованных работ ("... des larves si hideuses...") была помещена в "Весах" с подписью: «Воспроизведение литографии Одилона Рэдона из альбома "La Maison hantée" (изданного в 1896 г. в 60 экземплярах)» (1904. № 5. С. 40).

Об издателе Э. Демане см. прим. 3 к п. 28.

35. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 9/22 апреля 1904 г.⟩
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечал: я был все время болен и не в состоянии что-нибудь делать.

Ван Бевер. Свою статью он приготовит только к началу мая. Его рецензии я приостановил (об литературе). Хотите ли Вы иметь его рецензии об исторических книгах? Это важно знать. Получили ли Вы его книгу, посланную мной с M-lle Вестфален, и книги Гиля, посланные с Ю.Ф. Семеновым?[1]

Рэдон. Конечно, разделить Рэдоновский номер на два вполне возможно, и он ничего не имеет против этого.

Воспроизвести его пастель или что-нибудь в краски – невозможно. Это немыслимо в техническом отношении[2].

Не хотите ли устроить номер Вюиллара? Я буду выбирать тогда из готовых уже рисунков, и это будет несравненно интереснее, чем Лакост. Если хотите – напишите[3].

Мой номер... Я с удовольствием возьмусь за это – только летом[4].

Простите меня за совершенно нелепую задержку с Буэлье. Теперь Вы книгу уже, наверное, давно получили. Писать об этом скучном авторе мне не улыбалось, поэтому я с наслаждением передал эту работу Ван Беверу, не зная Ваших планов. Теперь книга уже выслана (назад тому около недели), и я умываю руки. Но мне ужасно совестно за задержку. Я не знал, что это так важно.

"ВЕСЫ", 1904, № 9

Виньетка по рисунку М.А. Волошина

На днях я вышлю Вам статью об выставке французских примитивов и об Национальном салоне. Может, она еще поспеет к IV номеру[5]. Хотите ли Вы от меня рецензии?

Недавно мне Сансот Орлан прислал коллекцию "Célébrités d'aujourd'hui", о некоторых Вы уже говорили. Хотите, я напишу об остальных? По поводу этого можно сказать много интересно⟨го⟩[6].

Переведенные уже вещи из Верхарна я пришлю Вам на днях.

Книги Белого и Иванова жажду иметь. "Гриф", наконец, видел. Стихотворение Дурнова великолепно[7]. Удивителен Блок[8].

Его статья о выставке в "Весах" хороша там, где он не говорит об художниках. Там же, где он касается непосредственно живописи, он пишет мучительно смешные вещи[9]. Феофилактов мне не нравится окончательно. Его рисунок слишком безграмотен, а идеи слишком заимствованы. Особенно то, что воспроизведено в красках[10].

Да! Еще должен предупредить Вас. На днях я совершенно неожиданно получил от Суворина из "Руси" предложение сделать Салоны, на почетных и выгодных условиях, на что я и согласился.

Туда я послал уже всю описательную часть, но критическую оставляю для "Весов"[11].

Получили ли Вы Малларме?[12]

Мне бы хотелось очень узнать, в каком положении находятся в настоящую минуту мои расчеты с "Весами" после получения 200 fr.? Возмещены ли они уже напечатанным или нет?

Статью о Рэдоне будете ли Вы считать *всю* оригинальным произведением или переводом?

Деньги, мною ранее полученные от "Весов", кончились, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩, если Вы помните ⟨?⟩, в феврале у меня оставалось 54 fr. Они ушли на март и апрель – 25 fr., выдаваемые мне на расходы. И кроме того, 8 fr. за книгу Маллармэ.

Так что теперь у меня больше нет редакционных денег.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне. Как ее здоровье?

Макс Волошин.

Почт. шт.: Paris. 22.4.04; Москва. 13.4.04.

Ответ на п. 34. Фрагмент, в котором дается характеристика Блока, опубликован: *ЛН*. Т. 92, кн. 3.

С. 212. При подготовке этой публикации конверт, относящийся к данному письму, не был принят во внимание, поэтому датировка оказалась приблизительной ("апрель, после 21" – ст. ст.), а обоснование – ошибочным ("Датируется по цензурному разрешению упомянутого в письме № 3 "Весов" – 21 апреля 1904 г." – Там же). В действительности же № 3 "Весов" вышел в конце марта, а 21 апреля 1904 г. – дата цензурного разрешения № 4 "Весов".

[1]Эльза Христиановна *Вестфален* (1876–1942) – художница, занимавшаяся прикладным искусством и графикой; в 1900 г. получила заграничное пенсионерство. Юлий Федорович *Семенов* – муж Наталии Владимировны *Гольштейн* (дочери Владимира Августовича *Гольштейна*, мужа А.В. Гольштейн).

[2]Цветных воспроизведений работ Одилона Редона ни в 4, ни в 5 №№ "Весов" не было.

[3]См. п. 9, прим. 6 и 8.

[4]Этот замысел осуществлен не был (см. п. 37, прим. 7).

[5]Имеется в виду первая часть очередного "Письма из Парижа" Волошина ("Выставка примитивов. Национальный Салон"). Была опубликована вместе со второй частью ("Исидора Денкан. Бал des Quat'z-arts"): Весы. 1904. № 5.

[6]Имеется в виду серия "Les célébrités d'aujourd'hui" ("Современные знаменитости"), которую издавал французский писатель Эдмон *Сансот-Орлан* (Sansot-Orland; 1868–?). В этой серии были выпущены в частности, книга самого Сансот-Орлана о Ж. Леметре (1903), книга П. Керлона о Реми де Гурмоне, Ван Бевера о Метерлинке, П. Леото об Анри де Ренье, Ж. Берто (в "Весах" ошибочно – Ж. Бертрана) о М. Прево и др. "Весы" систематически рекламировали издания Сансот-Орлана (см.: 1904, № 7, с. 80; № 12, с. 80; разделы "Перечень новых книг" и "Книги, доставленные в редакцию"). Совместно с Ван Бевером Э. Сансот-Орлан составил и издал в 1903 г. антологию "Галантные произведения итальянских писателей XIV, XV и XVI веков" (упоминание об этой книге см.: Весы. 1904. № 10. С. 84; раздел "Перечень новых книг"). Намерение Волошина писать о книгах серии осуществлено не было.

[7]В "Альманахе Гриф" на 1904 г. (М., 1904) было помещено стихотворение Дурнова "Слезы" ("Крупный ливень! – Соленая влага...").

[8]Имеются в виду шестнадцать стихотворений Блока, опубликованных в "Альманахе Гриф" (с. 19–27): "В полночь глухую рожденная...", "Ты отходишь в сумрак алый...", "Ночью сумрачной и дикой...", "Одинокий, к тебе прихожу...", "Сны раздумий небывалых...", "Я просыпался и всходил...", "Там – в улице стоял какой-то дом...", "По городу бегал черный человек...", "Дома растут, как желанья...", "Сбежал с горы и замер в чаще...", "Свет в окошке шатался...", "Я был весь в пестрых лоскутьях...", "Мне страшно с Тобой встречаться...", "День был нежно-серый, серый, как тоска...", "Вот они – белые звуки...", "Темная, бледно-зеленая...".

[9]Имеется в виду корреспонденция Блока "Новое общество художников. Петербург. Выставка картин в залах Академии наук" (Весы. 1904. № 3); *Блок А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 5. 673–674. Сходное с волошинским мнение художника К.Ф. Богаевского передала в письме к Волошину от 31 марта 1904 г. А.М. Петрова: "Конст⟨антин⟩ Феод⟨орович⟩ поражается невежеству Блока, толкующего о живописи вкривь и вкось" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 950).

[10]В № 3 "Весов" были помещены три рисунка Н.П. Феофилактова, в том числе рисунок в красках – обложка ко 2-му изданию романа Ст. Пшибышевского "Homo sapiens".

[11]Алексей Алексеевич *Суворин* (1862–1937) – сын А.С. Суворина, журналист, публицист; с 1888 г. – фактический редактор "Нового времени". В декабре 1903 г. оставил "Новое время" и основал в Петербурге газету "Русь", которой стремился придать либеральное направление. Посредником между Сувориным и Волошиным явился прозаик, драматург и журналист Александр Иванович *Косоротов* (1868–1912); в Париже у Волошина установились с ним приятельские отношения. 14 марта 1904 г. Косоротов писал Волошину из Петербурга:

«Я прочел в "Весах" обе твои статьи. "Скелет живописи" мне понравился не целиком, зато "Письмо из Парижа", где ты пишешь о выставках, кажется мне сплошь хорошим.

Эта последняя статья внушила мне, как одному из ближайших участников "Руси", желание сделать тебе такое предложение:

Не напишешь ли ты нам о грядущих Салонах?

Я говорил сегодня об этом с А.А. Сувориным, и он этому, по моей рекомендации, сочувствует.

Но с другой стороны, мы еще не знаем, как отнесется к этому наш парижский корреспондент "Рич" (Дарий Викентьевич Багницкий). А⟨лексей⟩ А⟨лексееви⟩ч спишется с ним об этом; но и ты, если тебе мое предложение нравится, в свою очередь, постарайся переговорить с Ричем лично, чтобы не вышло неприятного qui pro quo»* (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 694). *Д. Багницкий* (1853 – 1910) – журналист.

В ответ на это предложение Волошин написал для "Руси" статью "Парижские салоны. Société Nationale des Beaux-Arts", которая и была напечатана (1904, № 119, 12/25 апр.). В день выхода этого номера газеты А.А. Суворин написал Волошину: "Милостивый государь. Извините, не знаю отчества. Пишите по искусству, какие темы найдете, выставки, характеристики и пр. Попробуйте расширить сферу, захватив драму, литературу. С г. Ричем не встретитесь, он мало касается этой области. Ваш фельетон мне понравился тем, что в нем я встретил, правда, новшества, но новшества мною уважаемые – происходящие от стремления говорить короче и рельефно. Ручьи слов льются теперь из каждой головы, а спохватываются говорить свое только немногие" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1159). После этого Волошин стал постоянным сотрудником "Руси" – сначала как парижский корреспондент, а затем и как автор статей о новейшей русской литературе.

[12]См. п. 32, прим. 3.

---

* недоразумения (*лат.*).

36. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Середина апреля ст. ст. 1904 г.⟩

Дорогой Max!

Спасибо, и очень, за разные хлопоты – особенно за книгу Маллармэ. Книги Гиля получены по почте. От m-lle Вестфален ничего не получено. Буэлье тоже пока нет. Белый и Иванов Вам высланы. О состоянии Ваших денежных счетов с "Весами" извещу – надо справиться. Получили ли Вы 100 fr. и просьбу достать, если можно, альбомы Рэдона? Рисунков Вюиллара *пока* не нужно. №№ 4 и 5 – Рэдоновские, № 6-ой Лакоста, № 7-ой Феофилактова, № 8-ой сборный... № 9-ый, может быть, нарисуете Вы. Но в принципе Вюиллар, конечно, очень желателен для одного из осенних №№, 10, 11...[1] Письмо В⟨ан⟩ Бевера пойдет в *июнь*, так как в *мае* будет письмо Гиля[2] и Ваше из Парижа о выставках: довольно Франции для мая! Относительно исторических рецензий В⟨ан⟩ Бевера страшно одно: очень он многословен и пустословен. Если б он писал покороче и только о самых важных книгах, не забывая, что пишет для России, а не для французов. Но удобно ли Вам будет сказать ему это?[3] Вообще пока у нас Франции больше, чем надо, и мы хотим обратить бóльшее внимание на Германию, которая и в литературном и в художественном отношении сейчас бесспорно первенствует: у нее Гофмансталь, Георге, Рильке, Клингер...[4] – ничего подобного у французов нет, у них либо старики, как Верхарн, либо очень сомнительные "надежды", как Личфус (и чтó за фамилия, прости Господи!)[5]. – О "Célébrités" напишите, но одну рецензию о всех не свыше 40–50 наших строк, т.е. страницы с небольшим[6]. Ваши статьи и рисунки у нас "живо" обсуждаются. "Скелетом Живописи" был особенно прельщен... Перцов, Ваш давний недруг. Он мне писал: "И откуда ему (Вам) сие..."[7] Напротив, очень против Вас – Досекин, с которым Вы, быть может, встретитесь в Париже[8]. Он только и делает, что изощряет свое остроумие на Ваших суждениях и Ваших рисунках. А Ваши большие головы называет не рисунками, а "матерными словами". Пишу Вам, сплетничая так непристойно, между прочим затем, чтобы Вы знали, как с ним держаться. Зато в отзывах печати Вас прославляют очень и очень, чуть ли не больше всех нас (когда прославляют). Вы как-то напоминали мне о Фокионе, спросившем, когда стали рукоплескать после его речи: "Разве я сказал какую глупость". Чтобы унизить Вашу гордость, посылаю Вам вырезку из "Южного Обозрения", где Вам рукоплещут[9].

Жду переводов Верхарна.

Может быть, осенью приеду к Вам, если Вы не думаете покинуть Парижа. Без Вас не отважусь.

Ваш душою Валерий Б р ю с о в.

1904.

На бланке "Весов".
Ответ на п. 35.
Датируется на основании почт. шт. получения п. 35 (13.4.04).

[1]Высказываемые здесь планы Брюсова относительно оформления журнала реализовались несколько иначе (см. п. 9, прим. 8; п. 30, прим. 5; п. 33, прим. 3; п. 37, прим. 7).

[2]Очередное, третье из "Писем о французской поэзии" Рене Гиля («Конец "Французской школы"»), появилось не в 5-м, а в 6-м выпуске "Весов".

[3]Сдержанное отношение Брюсова к сотрудничеству в "Весах" Ван Бевера объяснялось в первую очередь его стремлением сохранить в журнале приоритет за русскими материалами. Так, отвечая на предложение М.Н. Семенова увеличить в "Весах" в 1905 г. число иностранных сотрудников и, в частности, поместить там статью Ван Бевера о Жюле Ренаре, Брюсов писал ему 19 ноября 1904 г.: «Имена Мэтерлинка, Реми де Гурмона, Гофмансталя, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что "Весы" — русский журнал. Что хорошего будет, если бóльшая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей! И так мы уже отягчены Гилем ⟨...⟩ Не думаю также, чтобы кого-либо из подписчиков соблазнило упоминание в объявлении такой статьи "Ван Бевер: Жюль Ренар", что для русских читателей два совершенно пустых Х-а» (*ГБЛ*. Ф. 386, 72. 32).

[4]Брюсов называет крупнейших немецкоязычных поэтов, связанных с символизмом: Гуго фон *Гофмансталя* (1874–1929), Стефана *Георге* (1868–1933), Райнера Мария *Рильке* (1875–1925) и художника

Макса *Клингера* (1857–1920), яркого представителя символизма и "стиля модерн" в германской живописи. "Весы" были в начале века единственным в России печатным органом, стремившимся привлечь внимание русской читающей публики к этим именам. Так, уже в первом номере "Весов" за 1904 г. были помещены краткие отзывы Балтрушайтиса о новых книгах Гофмансталя, Георге и Рильке, подписанные "М.Р."

С творчеством Рильке и Георге Брюсова познакомил в 1903 г. Максимилиан Шик, и впоследствии Брюсов всячески способствовал популяризации этих авторов в России. См.: *Азадовский К.М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907 гг.) // Восприятие русской литературы за рубежом XX век. Л., 1990. С. 119–120, 125–130.

Следует отметить, что сильнее всего – по сравнению с другими немецкими поэтами – Брюсов был увлечен в 1900-е годы личностью и творчеством Ст. Георге.

[5]Виктор *Личфусс* (Litschfousse; 1874 – ?) – французский писатель. В № 4 "Весов" за 1904 г. была напечатана рецензия Рене Гиля на его первый стихотворный сборник "Лоскутья и мотылек" ("Loques et Papillon", 1904). "Заглавие книги ⟨...⟩, – писал рецензент, – ниже тех бесспорных обещаний, которые она дает, даже ниже того, что уже осуществлено ею. Достоинство книги в ее современности, в том, что в ней есть личные, но глубоко верные отзвучия современной жизни" (с. 58). Впоследствии Личфусс издал также несколько романов.

[6]См. п. 35, прим. 6.

[7]Называя П.П. Перцова "недругом" Волошина, Брюсов имеет в виду ту правку, которой подверг Перцов стихотворения Волошина при публикации их в "Новом пути" (см. п. 4, прим. 4). В письме к Брюсову от 13 марта 1904 г. Перцов так отозвался о "Скелете живописи": "Очень хорош Макс Волошин. И откуда ему сие? ⟨...⟩ ведь это, местами (напр⟨имер⟩, о рисунке к⟨ак⟩ литерат⟨урной⟩ стороне живописи), – прямо соломонова мудрость" (*ГБЛ*. Ф. 386, 98. 12).

[8]Николай Васильевич *Досекин* (1863–1935) – художник-пейзажист и художественный критик, участник "Московского товарищества художников". Волошин познакомился с ним еще в 1893 г.: Досекин и его семья были дружны с матерью Волошина Еленой Оттобальдовной. Общение с Досекиным оказало определенное воздействие на формирование художественных интересов юного Волошина. См.: *Куприянов И.Т.* Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978. С. 19.

[9]По всей вероятности, речь идет о статье публициста А.С. Изгоева "Со стороны", (Южное обозрение. 1904. № 2428. 4 марта). Давая обзор первых двух номеров "Весов" (в целом выдержанный в критической тональности), Изгоев замечает о "Скелете живописи" и корреспонденции Волошина "Письмо из Парижа. Выставки художников": «Статья же М. Волошина "Скелет живописи" положительно интересна и умна»; "Хороши заметки ⟨...⟩ Волошина о парижских карикатуристах".

37. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. Втор. пол. апреля ст. ст. 1904 г.⟩
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за задержку с высылкой альбомов Рэдона[1]. С Вашими последними письмами произошла невообразимая путаница. Были перепутаны конверты. И поэтому то письмо, что предназначалось Гилю, т.е. 100 fr. и коротенькая безымянная записка, попали ко мне, а русское письмо и другие 100 fr. — к нему. Я удивился, но не обеспокоился. Он меня увидал только через 10 дней, и тогда все выяснилось.

Теперь "Maison Hantée" от "Mercure de Fr⟨ance⟩" Вам выслан, а от Deman я получу только дней через пять, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ надо было выписать из Брюсселя. Я исполнил Ваше желание беспрекословно, но я бы не выслал Вам этих альбомов, если бы Вы предоставили решение мне: это слабые вещи.

Мне бы ужасно хотелось Вам выслать его "Дьявола" – лучшую вещь. Но ее нет в продаже. Я сегодня увижу Рэдона и спрошу его[2].

С Ван Бевером – я пока все рецензии приостановил. Его статья будет написана в течение мая.

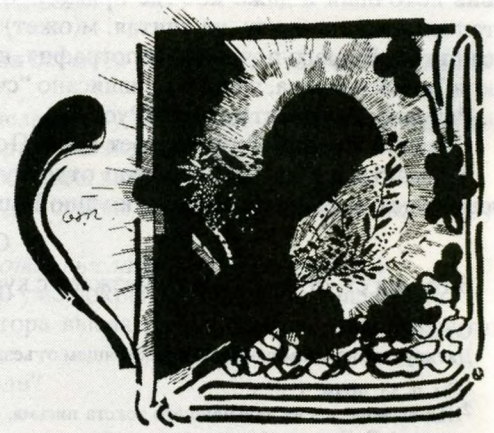
Я Вам выслал на днях письмо об Дёнкан и Bal de Quat'z-arts. Может, его можно пустить до статьи о выставках и примитивах? Или соединить вместе ... Мне бы очень хотелось, чтобы это 2-е письмо явилось скорее[3].

Да! Вот что я хотел Вас давно спросить: *дают ли "Весы" традиционные 20 оттисков авторам? Мне бы очень нужно было иметь оттиски "Скелета" и оттиски "Рэдона"*. Если можно, то сделайте, пожалуйста, это.

Присланный Вами фельетон из "Южного обозрения" меня совсем раздавил и уни-

зил. Надеюсь, что статья об Рэдоне подымет мою репутацию. Единственная надежда – что меня хвалили, приняв меня за моего киевского однофамильца...[4].

За то, что Вы пишете о Досекине, я Вам очень благодарен. Но я его понимаю. Дело в том, что он меня знает с детства, а в этих случаях никакая самостоятельность позже не прощается. Впрочем, он мне и лично говорит приблизительно то же, и я с ним во многом согласен. От него всегда можно услышать очень едкую, но в глубине верную критику. Я с ним встречаюсь, но редко, и проверяю по нашим разговорам пройденный мною путь.



"ВЕСЫ", 1904, № 4
Заставка по рисунку О. Редона к статье М.А. Волошина "Одилон Рэдон"

На дня⟨х⟩ вышлю Вам портрет Гиля работы Кругликовой[5] и несколько рисунков Якимченки[6].

В переведенных уже вещах Верхарна у меня все остается по несколько незаконченных строк, которые необходимо раньше отделать.

До свиданья.

№ 9 я беру[7].

Осенью в Париже жду Вас.

Макс Волошин.

Ответ на п. 36.

[1]См. п. 34.

[2]Репродукция с офорта Одилона Редона "Сатана" была воспроизведена в № 12 "Весов" за 1904 г. (с. 52).

[3]См. п. 35, прим. 5.

[4]Имеется в виду киевский поэт и журналист Михаил Цуккерман (ум. в 1914 г.), печатавшийся под псевдонимом "М. Волошин". Михаила Волошина не раз смешивали с Максимилианом Волошиным. Так, в книге "Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)" ("Библиотека поэта". Большая серия. Л., 1969) четыре стихотворения киевского поэта приписаны Максимилиану Волошину (с. 193–195, 627). См.: *Купченко В.П.* О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. Волошина // Волошинские чтения: Сб. науч. тр. М., 1981. С. 106.

[5]См. п. 32, прим. 1.

[6]См. п. 9, прим. 10.

[7]Т.е. Волошин принимает на себя обязательство подготовить художественное оформление для № 9 "Весов". Однако своего обязательства Волошин не выполнил; в № 9 была воспроизведена лишь одна из его живописных работ (с. 35).

38. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. Конец апреля/начало мая ст.ст.⟩ 1904.

Дорогой Max!

Мы получили "La maison hantée" и Вашу статью о Дёнкан. Она идет вместе со статьей о примитивах, которая в апрель не поспела[1]. Повторяю, чтобы статья поспела в данный №, надо, чтобы она была у нас в руках до 1-го числа *этого* месяца (до 1 мая, если в май, etc.). В статье Вашей о Рэдоне совершенно нечаянно выпало *посвящение*[2]. Столько было трудностей поставить красиво заглавие в соответствии с виньеткой, столько раз эту страницу переверстывали, что как-то незаметно нонпарель выпала. Я очень извиняюсь и прошу Вас и m-me Holstein верить, что здесь не было мо⟨е⟩й воли: неприятная случайность, забывчивость, не более. Стихи Э. По, входящие

в Вашу статью, я перевел с английского: у Вас был перевод с французского перевода, очень неточный и даже кое-где прямо противоречащий подлиннику[3]. Все остальное осталось буква в букву, не считая, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, нескольких опечаток, отчасти зависящих от Вашего почерка. Типография, напр⟨имер⟩, никак не могла прочесть "с антиков" и настаивала, что у Вас написано "счашников".

Радуюсь Вашим статьям в "Руси"[4].

Спасибо Вам и Е.С. за портрет Гиля. Поместим его в июне или июле.

Уезжаю дней на 10 в деревню отдохнуть[5], но Вы пишите мне по-прежнему, ибо письмо идет до Парижа дней 5 и ко дню Вашего ответа я буду вновь в Москве.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в .

6-го мая ст. ст. Бальмонт выезжает с курьерским в Париж[6].

Ответ на п. 37.

Датируется по упоминанию о предстоящем отъезде Бальмонта.

[1]См. п. 35, прим. 5.

[2]Как выясняется из дальнейшего текста письма, статья Волошина "Одилон Рэдон" в рукописи имела посвящение А.В. Гольштейн.

[3]Имеется в виду строфа из стихотворения Эдгара По "Червь-победитель" ("The Conqueror Worm", 1843), цитированная в статье Э. Эннекена о Редоне, переведенной в извлечениях Волошиным (раздел "Современники о Рэдоне"); Брюсов дал ее подстрочный перевод:

Актеры, созданные по образу Бога-Живого,
Говорят и шепчут что-то тихими голосами,
Бегают туда и сюда...
Простые марионетки – они приходят и уходят
По приказаниям огромных бесформенных существ,
Которые меняют декорации
И роняют со своих громадных крыльев кондора
Невидимую печаль...

(Весы. 1904. № 4. С. 11)

Позднейший стихотворный перевод Брюсова:

Актеров сонм, – подобье бога, –
Бормочет, говорит,
Туда, сюда летит с тревогой, –
Мир кукольный, спешит.
Безликий некто правит ими,
Меняет сцены вид,
И с кондоровых крыл, незримый,
Проклятие струит.

(*По Э.* Полн. собр. поэм и стихотворений. Пер. и предисловие Валерия Брюсова. М., Л., 1924. С. 52–53).

Перевод Волошина в архиве Брюсова не сохранился.

[4]Вслед за первой статьей Волошина о парижских салонах (см. п. 35, прим. 11) в газете "Русь" были опубликованы еще две его статьи: «Весенний праздник тела и пляски ("Bal des Quat'z-Arts")» (№ 129, 22 апр./5 мая) и "Парижские салоны 1904 г. Salon des artistes français" (№№ 140 и 141, 3/16 и 4/17 мая). Редактор газеты А.А. Суворин был весьма доволен деятельностью нового парижского корреспондента. 21 апреля 1904 г. он писал Волошину: "Присылайте задуманные Вами вещи. Что находите интересным, о том и пишите. Если Вы журналист, то темы должны быть Ваши ⟨...⟩ Письмо Ваше о бале очень хорошо, ибо безукоризненно целомудренно" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1159).

[5]Летние месяцы 1904 г. Брюсов проводил на даче в селе Антоновка на Оке (близ Тарусы Калужской губ.), постоянно бывая в Москве более или менее продолжительными наездами.

[6]Бальмонт приехал в Париж не позднее 9/22 мая 1904 г. 18/31 мая он вместе с Волошиным был приглашен к Метерлинку. См. письмо Метерлинка к Волошину от 16/29 мая 1904 г. (*Ежегодник 1979*. С. 255–256).

39. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 21 мая/⟩ 3 июня 1904.
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за мое долгое молчание. Здесь Бальмонты, следовательно, все мое время было занято.

Впрочем, не было никаких особенных дел.

Бальмонт на редкость жизнерадостен и бодр.

Через два дня он уезжает в Испанию[1].

Что касается меня, то я до конца июня остаюсь в Париже, а там месяца на два переселюсь в Лондон для изучения языка[2].

Ван Бевер просит, чтобы "Весы" выслали ему несколько оттисков его рецензий (для рассылки авторам, как принято в Париже) и экземпляр для себя.

Он готовит новые рецензии об исторических книгах (исключительно)[3].

Я бы то же самое попросил бы у Вас для статьи о Рэдоне и тех заметок, что будут в 5 №-е.

Кроме того, я очень прошу "Скорпиона" выслать мне авансом 300 fr.

Я думаю, что взятые мной раньше 200 уже покрыты статьями и рисунками.

Мне бы очень хотелось, чтобы контора выслала мне одновременно расчетный лист, чтобы знать свои счеты с "Весами".

"Fleurs du Mal" Рэдона? Вы их получили?

Обложка пока у меня.

Задержка произошла с двойной выпиской от Дэмана[4].

Гиль с Бальмонтом познакомились и друг другу очень понравились[5].

Я очень надеюсь на Ваш осенний приезд в Париж. Это очень важно.

Мне хочется написать Вам одно мое маленькое стихотворение, посвященное Рэдону:

Я шел сквозь Ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа.
Лишь вечность зыбится ритмичными веками.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мирозданья,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли...[6]

Макс Волошин.

Как здоровье Иоанны Матвеевны?

Ответ на п. 38.

[1]К.Д. Бальмонт с женой, Е.А. Бальмонт, уехал из Парижа только 21 июня/4 июля. Волошин общался с ними изо дня в день на протяжении почти полутора месяцев. 5 июля 1904 г. он сообщал М.В. Сабашниковой: "Бальмонты уехали вчера" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). В письме к А.М. Петровой от 24 июня/7 июля 1904 г. Волошин рассказывал о своей жизни в последние недели: «... все перепуталось – начались события, люди, приезд Бальмонта, скоропостижное писание фельетонов для "Руси". Теперь Бальмонт уехал» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93).

[2]Это намерение не было реализовано.

[3]31 мая 1904 г. Ван Бевер писал Волошину: "... мне только хотелось бы получить один или два хороших оттиска моих библиографических заметок или же один или два экземпляра журнала. Дней через *двенадцать* я постараюсь отослать вторую серию моих заметок о книгах по истории" (*Ежегодник 1979*. С. 246). Однако второй обзорной статьи "об исторических книгах" Ван Бевер в "Весы" не представил (см. п. 41).

[4]См. п. 34.

[5]Рене Гиль и А.В. Гольштейн стремились впоследствии популяризировать творчество Бальмонта во Франции. Так, 24 января 1908 г. Гольштейн писала Волошину: "Задумала много, и прежде всего, в сотрудничестве с Гилем, статью о Бальмонте для какой-нибудь большой *Revue* (или des 2 Mondes, или de Paris). В сотрудничестве с Гилем для скорости работы, чтобы француз ⟨ский⟩ язык не держал за хвост.⟨...⟩ Я думаю, что работа о Бальмонте будет шикарная" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). Однако в то время работа Гольштейн и Гиля о Бальмонте, по всей видимости, не состоялась. В дальнейшем оба пытались издать стихотворения Бальмонта во французском переводе; такая возможность представилась лишь в конце 1915 – начале 1916 г. К этому времени относится недатированное письмо Гольштейн к Волошину, в котором рассказывается: "Вчера Ghill приходил, чтоб сообщить веселую новость: *en principe* Crès согласен издавать Бальмонта. В начале этой недели у Ghill'я будет свидание с Crès'ом для переговоров в подробностях, после чего Цейтлину останется только проверить договор Ghill'я и подписать контракт ⟨...⟩ Пишу Вам потому, что теперь надобно *немедленно* писать *предисловие*. Засаживайтесь за него теперь же, – книгу надобно вы-

пустить к марту, по мнению Ghil'я (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438; "Цейтлин" – Михаил Осипович *Цетлин* (1882–1945) – поэт, критик и издатель, друг Волошина; печатался под псевдонимом "Амари"). Результатом совместных усилий Гольштейн и Гиля была книга: *Balmont K.* Quelques poèmes/Trad. du russe par A. de Holstein et René Ghil. P.; Zürich, 1916. Волошин в этой книге не участвовал. Сохранился, однако, набросок его статьи о Бальмонте (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 304), относящийся к марту 1915 г.

[6]Стихотворение опубликовано (с незначительными вариантами) под заглавием "Одилон Рэдон" в цикле Волошина "Минуты прозрений" (*СЦ 1905*); без заглавия, но с посвящением "Одилону Рэдону" включено в сб. Волошина "Стихотворения, 1900–1910".

40. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Антоновка. Между 1/14 и 4/17 июня 1904 г.⟩

Дорогой Max!

Я в деревне, вне дорог и почт[1]. Если, что́ надо, адресуйтесь С.А.[2] О 300 fr., уезжая, я распорядился, чтобы Вам послали. Не знаю, исполнено ли. Пишите *мне* о своей парижской жизни, о Бальмонте, Гиле, Рэдоне, В⟨ан⟩ Бевере etc. Пишите *нам*, т.е. "Весам", из Парижа и Лондона (обо всем, что в голову придется, но лучше бы *не о том же самом*, о чем Вы пишете в "Русь")[3]. Ваши счеты с "Весами" у нас спутались. Пожалуйста, составьте расчет сами и сообщите нам, мы очень просим. Собираю ландыши и незабудки. Ничего не знаю о Порт-Артуре[4].

Ваш Валерий Б р ю с о в .

Антоновка, 1904, июнь.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 4.6.04; Paris, 20.6.04.
Ответ на п. 39.

[1]Брюсов выехал из Москвы в Антоновку, судя по его письму к А.А. Шестеркиной, 30 мая (*ГБЛ*. Ф. 218, 128. 12)

[2]Т.е. С.А. Полякову.

[3]Темы последнего из опубликованных к тому времени в "Весах" волошинских "Писем из Парижа" ("Национальный Салон. Исадора Денкан. Бал des Quat'z-Arts" – № 5) совпадали с темами его корреспонденций, опубликованных в "Руси" ("Парижские салоны. Société Nationale dex Beaux-Arts" – 12/25 апреля; "Весенний праздник тела и пляски" ("Bal des Quat'z-Arts") – 22 апреля/5 мая; "Айседора Донкан" – 7/20 мая). Кроме того, в статьях Волошина для "Руси" дана более обстоятельная характеристика тех явлений художественно-артистической жизни столицы Франции, которые освещались и в "Письме из Парижа".

[4]Имеется в виду осада японскими войсками русской военно-морской базы Порт-Артур. В мае-июне 1904 г. там шли напряженные бои.

41. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

3 Rue du Bac. Paris.
⟨4/17 июля 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите меня, пожалуйста, за такое продолжительное молчание. За все время пребывания Бальмонтов я был совсем выбит из колеи – ничего не делал и не писал. Только неделю, как сел за работу[1]. Посылаю Вам несколько новых моих стихов и переводы Верхарна[2]. Все это время я не переводил, и это те, которые я перевел еще тогда. Я все хотел их исправить, но окончательного исправления они так и не получили.

Местами они далеки от подлинника. Верхарн бывает так многословен, что я по возможности сжимал его.

Но это в сущности не переводы, это так, как если бы, закрыв книгу, *вспомнить* стихотворение на своем языке[3].

Я еще не делал рисунков для "Весов", но моя мысль этим очень занята. Я хочу сделать целый номер, взяв мотивы из готических чудовищ и к этому статью об них. Весь номер с обложкой на мотивы готики[4].

Ван Бевер очень извиняется, что за массой работы он не успел еще прислать ретроспективную статью об романе, как обещал; он теперь заканчивает биографию Мэ-

М.А. ВОЛОШИН

Фотография. Париж, 1900-е годы.
С дарственной надписью: "Валерию Брюсову Макс Волошин"
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

терлинка[5] и предлагает "Весам", не хотят ли они поместить самые важные ее страницы (около полулиста) до ее появления по-французски? Это может быть очень интересно... Ответьте об этом ему (ред⟨акция⟩ "Merc⟨ure⟩ de France")[6]. Тоже он просит экземпляра "Весов" для себя. Гиль уехал к морю, так что его не вижу.

Сам я пока в Париже и погружен теперь в работу и в писание писем. Через несколько дней выеду на некоторое время в Альпы, только очень не надолго[7]. На днях пришлю в "Весы" новые заметки.

Когда Вы приедете в Париж? Это мне очень важно знать заранее.

Был ли у Вас Якимченко, которому я дал Вам письмо?

Вы мне писали, что "Весы" согласны мне дать авансом 300 fr. и что Вы сделали соответствующее распоряжение. Это было месяц назад. Я ничего не получил. Пожалуйста, будьте добры, приведите это в исполнение. А то я теперь прикован безденежьем к раскаленному Парижу.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс Волошин.

Почт. шт.: ⟨Paris,⟩ 17.7.04.
Ответ на п. 40.

[1]24 июня/7 июля 1904 г., через два дня после отъезда Бальмонтов, Волошин писал А.М. Петровой: "Я заперся в своей комнате и наверстываю ненаписанное" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 93). В недатированном письме к М.В. Сабашниковой (с которой он общался в Париже с марта до начала июня 1904 г.) Волошин отмечал: "С отъездом Бальмонтов я заперся у себя. Никого не вижу, целыми днями пишу. Точно не вы, а я уехал в какой-то другой город" (Там же. Ед. хр. 106).

[2]К письму приложены рукописи стихотворений "Ноябрь" ("Большие дороги лучатся крестами..."), "На север" ("С сизыми бурями споря..."), "Страх" ("В равнинах Ужаса, на север обращенных...") – под общим обозначением "Переводы из Верхарна", а также оригинальное стихотворение "Отрывок о Париже (из большой вещи)" ("Леса готической скульптуры...") – первоначальная редакция стихотворения "Письмо" (датированного: "Май 1904 г. Париж"), соответствующая строфам 12–13 и 15–18 его основного текста (Стихотворения. 1900–1910. С. 52–56).

[3]Автограф выполненного Волошиным перевода стихотворения Верхарна "Голова" (у Волошина – "Казнь" – "Ты сложишь голову на каменном помосте...") имеет подзаголовок: "Воспоминание из Верхарна" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 11); опубл. с тем же подзаголовком, вместе с переводом стихотворения "Человечество" ("О, вечера, распятые на сводах небосклона...") – Русь. 1905. № 188. 14/27 авг. В позднейшем предисловии к сборнику переводов из Верхарна Волошин (отметив попутно, что в стихотворениях "Ноябрь", "Осенний вечер", "На север" он "старался передать только инструментовку Верхарнского стиха") обосновал переводческие принципы, которыми он руководствовался: "... мои переводы отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык. Я давал только того Верхарна, которого люблю, и опускал то, что мне чуждо и враждебно. Приняв произведение в свою душу, снова родить его: иным творческий перевод не может быть" (*Волошин М.* Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы. С. 29–30).

[4]См. п. 37, прим. 7.

[5]Брошюра Ван Бевера "Maurice Maeterlinck" (Paris, 1904), изданная в серии "Les célébrités d'aujourd'hui"; имеется в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина с дарственной надписью автора.

[6]Видимо, Брюсов написал непосредственно Ван Беверу и запросил статью о Метерлинке для "Весов". 10 августа (н.ст.) 1904 г. Ван Бевер известил Волошина: "Статья о Метерлинке, о которой я вам говорил, находится в вашем распоряжении. Можете ли вы прийти за ней *завтра* (четверг) или *послезавтра* (пятница)" (*Ежегодник 1979*. С. 248). Не исключено, что Ван Бевер самостоятельно отправил статью в Москву, поскольку Волошин в назначенные дни прийти к нему не мог (он находился в Швейцарии). Статья Ван Бевера "Морис Мэтерлинк" открывала 9-й номер "Весов" за 1904 г., перевод ее на русский язык выполнил Брюсов. Статья была перепечатана еще в двух "скорпионовских" изданиях: *Мэтерлинк М.* Избиение младенцев: Рассказ/ Со статьей А. Ван-Бевера о жизни и творчестве М. Мэтерлинка. М., 1904; *Мэтерлинк М.* Пеллеас и Мелизанда и стихи в переводе Валерия Брюсова/ Как предисловие статья А. Ван-Бевера. М., 1907 – в предисловии "От переводчика" Брюсов назвал статью "прекрасной" (с. IV).

[7]Волошин уехал в Швейцарию 9/22 июля. С дороги он писал М.В. Сабашниковой: "Я совершенно неожиданно сорвался из Парижа, никому не сказав, никого не предупредив, и еду в Швейцарию на несколько дней, спасаться от жары ⟨...⟩ от опустевшего Парижа, от писания фельетонов, которые я писал последние дни по штуке в день" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 106). Вопреки первоначальным предположениям, Волошин провел в Швейцарии целый месяц.

42. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Женева. Первая половина августа 1904 г.⟩
3 Rue du Bac. Paris.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я в настоящее время в Женеве. Вижусь ежедневно с Вяч. Ивановым и Семеновым[1]. Хочу здесь непременно дождаться приезда Сергея Александровича[2].

Простите мое долгое молчание. Дней через 10 я вернусь в Париж[3] и тогда вышлю Вам целый ряд статей и заметок.

Я теперь переменил свое мнение о печатании своих стихов и решил этой зимой начать подготавливать свою книгу под именем "Годы странствий". Хочу сделать для

нее рисунки. Чтобы художественная часть, выраженная в виньетках и заставках, была равноценна и параллельна стихотворной. Но это не будут иллюстрации.

Я хочу об этом поговорить с Сергеем Александровичем и спросить его, не возьмет ли "Скорпион" ее издание?[4]

Благословляете ли Вы мои планы?

Ввиду того, что я решаюсь нарушить зарок непечатания – не хотите моих стихов для "Северных Цветов"? Я Вам, кажется, присылал все, что у меня было, так что Вы сами можете сделать выбор.

Я бы выбрал "Когда время останавливается" (посв⟨ященное⟩ Вам), "Тесен мой мир – он замкнулся в кольцо", "Дождь" ("В дождь Париж расцветает..."), "Одилону Рэдону" ("Я шел сквозь ночь...") и "Я люблю осенний шелест старых писем..."[5].

Впрочем, я на этом именно выборе нисколько не настаиваю. И предоставляю Вам это всецело.

Только, когда Вы мне напишете, я пришлю Вам окончательный текст тех стихотворений.

Кажется, я Вам не посылал еще этого стихотворения, которое я бы тоже предложил "Сев⟨ерным⟩ Цветам":

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло,
И кто⟨-то⟩ горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод.
Огни плясали меж волнами.
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей[6].

Получили ли Вы мое большое письмо с переводами из Верхарна и стихами?[7]

До свиданья.

Еще раз благодарю Вас за присылку денег.

Макс. В о л о ш и н .

Мой женевский адрес: 37 Rue de la Servette.

Я останусь здесь до приезда Сер⟨гея⟩ Алекс⟨андровича⟩. Приедете ли Вы осенью в Париж?

Датируется по упоминанию об ожидаемом приезде С.А. Полякова, который выехал из Москвы в Женеву 4/17 августа 1904 г. (см. прим. 2).

[1]М.Н. Семенов был женат на сестре С.А. Полякова. Подолгу живя за границей (в частности, во Франции и Италии), Семенов содействовал привлечению в "Весы" иностранных сотрудников (Папини, Брунеллески и др.).

В Женеве Волошин остановился в квартире своего двоюродного брата Я.А. Глотова (rue de la Servette, 37). В письме к Г.И. Чулкову от 7 августа (н.ст.) 1904 г. он сообщал: "В Женеве я на несколько дней" (*ГБЛ*. Ф. 371, 2. 76). О своем времяпрепровождении он рассказывал А.М. Петровой в недатированном письме: «... я сижу в пустой квартире Глотовых в Женеве. Пишу, читаю. По вечерам езжу к Вячеславу Иванову. Жду Вебера (мужа Якунчиковой) из Шамони, чтобы получить от него материалы для статьи об ней, которую я буду писать. Жду приезда Полякова – Скорпиона (главного), который должен явиться на днях в Женеву. Иногда встречаюсь с Семеновым – переводчиком Пшебышевского – в кафе Ландольта. Словом, в Женеве оказывается импровизированный съезд скорпионщиков. Интереснее всего для меня Вячеслав Иванов, с которым лично я не был знаком до сих пор, хотя знал его как поэта значительно раньше московского кружка и первый указал Брюсову на его "Кормчие звезды". Человек это в высшей степени начитанный

и тонкий. Следили ли Вы за его "Эллинской религией страдающего бога" в "Новом Пути"? Я раньше был знаком с его дионисово-христианскими идеями и знал, что он рассматривает Христа как одно из воплощений Диониса и христианство как органическое продолжение религии Греции, но мне только теперь в этих статьях открылась вся глубина и широта его мысли. Это целое откровение и при том обставленное таким тяжеловесным боевым аппаратом филологии текстов, что от него никак не отделаешься одним словом "декадентство", даже все митральезы факультетских познаний не сокрушат эту толщу цитат. В разговоре он далеко не так страшен, как в своих писаниях. Очень прост, изящен и легок» (*ИРЛИ*. Ф. 562, Оп. 3. Ед. хр. 93). Попутно отметим, что на первую книгу стихов Иванова "Кормчие звезды" (СПб., 1903) внимание самого Волошина обратила А.В. Гольштейн, которая писала ему из Парижа в Петербург 22 января 1903 г.: «Вышел сборник В.Иванова "Кормчие звезды". Имею 2 экзем(пляра) для передачи кому хочу. Я хочу выслать один для Вас и Косоротову с просьбой обоим *написать* отзывы где хотите и какой хотите. Этим очень обяжете меня. Не прошу *хвалить* – говорите что хотите, но мне, знакомой со следующими произведениями Иванова, кажется, что критик не промахнется, сказав, что в нем есть все задатки большого писателя» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438). В другом недатированном письме Гольштейн просила Волошина зайти в Петербурге к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал ("жена моего друга Иванова"), взять у нее экземпляр "Кормчих звезд" и передать А.И. Косоротову с тем, чтобы тот позаботился о рецензировании книги. Она же рассказала Волошину о парижских лекциях Иванова, посвященных религии Диониса: «Теперь я страшно счастлива постоянным общением с Ивановым, кот(орый) читает в Русс(кой) Школе ряд прямо удивительных лекций о "страдающем боге". Это его преподавание о религии Дионисия и происхождении греческой трагедии. Такого значительного курса, я думаю, в Школе еще никто не читал. Я хожу на все лекции» (письмо к Волошину от 7 мая 1903 г. – Там же).

Трудно судить, насколько прав и точен был Волошин, сообщая А.М. Петровой, что именно он "первый указал Брюсову" на "Кормчие звезды"; в январе 1903 г., когда Брюсов был в Петербурге, книга Иванова уже вызвала к себе определенный интерес. В частности, 29 января/9 февраля 1903 г. М.М. Замятнина писала Иванову из Петербурга: «Была у Султановой, она вдруг говорит: "Куда ни пойдешь, всюду говорят о сборнике Иванова"»; 4/17 февраля – ему же: «Еду к Мережковскому (...) я говорю о Вас. Он сейчас же говорит, что Вы талант (...). Очень преклоняется перед Вашей образованностью и затем просит официально через меня Вашего сотрудничества в их журнале "Новый Путь"» (*ГБЛ*. Ф. 109, 19.17).

[2]Брюсов писал А.А. Шестеркиной 28 июля/10 августа 1904 г. о С.А. Полякове: "С.А. только что вернулся из Омска (как сообщает мне телеграммой) и едет в Женеву" (*ГБЛ*. Ф. 218, 128. 13); "Приезжал провожать С.А. в Женеву", – сообщал Брюсов ей же 4/17 августа (Там же).

[3]Волошин выехал из Женевы в Париж 9/22 августа.

[4]Делясь с М.В. Сабашниковой своими планами об издании сборника стихов, Волошин сообщал ей в письме из Женевы: «Я хочу непременно дождаться здесь Сер(гея) Ал(ександровича) Полякова, чтобы переговорить с ним об этом. Он должен приехать 18 авг(уста)". Во втором женевском письме к Сабашниковой, также недатированном, Волошин упоминает: "... появление Сергея Ал(ександровича) Полякова со всей московской атмосферой Славянского базара, редакции "Весов" и т.д.» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп.3. Ед. хр. 107). После встречи в Женеве Волошин виделся с Поляковым также в Париже, куда тот заезжал на несколько дней, а затем, в сентябре, возвратился в Женеву. "Только что уехал Поляков (Скорпион – издатель), – сообщал Волошин матери в недатированном письме. – Я его дней пять водил по Парижу. Он в первый раз приезжал за границу. Зимой вообще тут и еще будут скорпионы" (Там же. Ед.хр. 60). Однако, по всей вероятности, твердой договоренности об издании "Скорпионом" сборника стихов Волошина тогда достигнуто не было; во всяком случае, эта тема на продолжительное время исчезает из волошинской переписки. В 1906 г. Волошин обратился с предложением к М. Горькому напечатать его книгу стихов "Годы странствий" в издании товарищества "Знание", но и это намерение не осуществилось. См.: *Купченко В.П.* М. Горький и М. Волошин // Рус. лит. 1976. № 2. С. 145–147.

[5]За исключением стихотворения "Я люблю осенний шелест..." (при публикации в сб. "Стихотворения. 1900–1910" озаглавленного "Старые письма"), все перечисленные стихотворения были включены в цикл Волошина "Минуты прозрений" (стихотворение "Когда время останавливается" – без посвящения Брюсову). Кроме того, в публикацию вошли стихотворения "Закат сиял улыбкой алой...", "Огненных лилий аккорд..." и "Рождение стиха" ("В душе моей мрак грозовой и пахучий..."). См.: *СЦ 1905*.

[6]См. прим. 5. В сб. Волошина "Стихотворения. 1900–1910" под текстом этого стихотворения помета: "На Сене близ Мэдона" (с.19).

[7]Речь идет о п. 41.

43. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

(Москва.) 1904, сентябрь. (Начало.)

Дорогой Макс!

Не сердитесь, что я не пишу. Я завален, подавлен делами, ибо совершенно *один* в "Весах", которые летом должен был чуть не целиком"" сочинять"[1]. Напишите мне о женевских беседах – я ничего не знаю: С.А. еще не возвращался, Вяч. не пишет[2]. А особенно жду от Вас "Писем из Парижа", в которых "Весы" очень нуждаются. Ваши письма ко мне все своевременно получал и благодарю за них. О переводах Вер-

харна напишу в свое время отдельно. Пока, в дни войны, нечего и думать об издании такой книги[3].

Ваш Валерий Б р ю с о в .

На бланке "Весов".
Ответ на пп. 41 и 42.

[1]Еще 9 июля 1904 г. Брюсов писал Г.И. Чулкову: "... я один в Весах. Ровно один ⟨...⟩ Ни сотрудников, ни помощников" (*Чулков. Годы странствий*. С. 320). Ср. его же письмо к А.А. Шестеркиной: «Теперь последние дни перед выходом запоздавшей сентябрьской книжки "Весов", и ни утром ни вечером буквально нет у меня получаса свободного» (*ГБЛ*. Ф. 218, 128. 13). Сходным образом Брюсов характеризовал положение дел в редакции летом 1904 г. в позднейшем письме к М.Н. Семенову (19 ноября 1904 г.): «... "Весы" ⟨...⟩ гнетет отсутствие работников, т.е. единомышленников. Вы взялись за работу в ноябре, Юргис от своей отказался в марте. Летние книжки целиком *писались, редактировались* и *корректировались* одним мною. Не желал бы я повторять этого опыта!» (*ЛН*. Т. 85. С. 273); ему же он вновь писал 15/28 декабря 1904 г.: «Недостаток работников – это первое, что угнетает "Весы". При основании их мы рассчитывали на силы шести человек: Бальмонта, Балтрушайтиса, Вас, Серг⟨ея⟩ Алекс⟨андровича⟩, Белого, меня. Но фактически все свелось к работе одного меня, которому немного помогали Серг⟨ей⟩ Алекс⟨андрович⟩ и неожиданно подошедший Вяч. Иванов. Больших статей, особенно на отвлеченные, философские темы, – сколько угодно, но делать именно журнальную работу, писать рецензии, "обозревать" журналы, выбирать материал для хроники – решительно некому» (*ГБЛ*. Ф. 386, 72. 32).

[2]Брюсов надеялся на то, что в Женеве, в ходе бесед Вяч. Иванова и С.А. Полякова, будет принято решение о совместном редактировании "Весов" на равных правах силами Брюсова, Иванова и Полякова (см. п. Брюсова к Иванову от 28 июля 1904 г. – *ЛН*. Т. 85. С. 455–457). Такого соглашения достигнуто не было.

[3]Подразумевается проект издания сборника стихотворений Верхарна в переводах Брюсова и Волошина (см. п. 30, прим. 6). Скорее всего, однако, ссылка на "дни войны" была лишь поводом для отказа от реализации этого замысла: Брюсов был неудовлетворен чрезмерно вольными переводами Волошина, исходя из принципиально иных творческих установок (см. вступ. ст. к наст. публикации).

44. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. Начало сентября ст.ст. 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Пожалуйста, исправьте как можно скорее оплошность"Весов". Лакосту до сих пор не заплачено 150 fr.[1] Я спрашивал у Сер⟨гея⟩ Алек⟨сандровича⟩. Он сказал, что не знает, что, верно, выслано по выходе номера. У Лакоста я до сих пор не мог узнать, получил ли он деньги: он был вне Парижа. Вчера он пришел ко мне спрашивать о деньгах. Мне было ужасно стыдно. Пожалуйста – сделайте распоряжение об этом немедленно.

Его адрес: 7, Rue Rousselet (а не 22, как было раньше).

Макс В о л о ш и н .

[1]Речь идет о гонораре Ш. Лакосту за оформление № 7 "Весов" и за обложку к №№ 7–9. В письме от 28 июля 1904 г. к Вяч. Иванову Брюсов упоминал, что "Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле" (*ЛН*. Т. 85. С. 456).

45. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 11/24 сентября 1904 г.⟩
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо пришло через 2 часа после того, как я отправил Вам мою статью "Макбет зарезал сон"[1] и открытку[2]. Это письмо я отправлю одновременно с "Письмом из Парижа" об импрессионизме и об Англаде[3].

Вы спрашиваете о женевских беседах. Я не знаю, что Вы уже знаете. Говорили, конечно, очень много о "Весах" и о разных проектах. Но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ при Вашем отсутствии решительно нельзя было говорить о чем-нибудь определенно, то это были все очень общие разговоры.

Говорили о том, что необходимо привлечь Мэтерлинка и Рэми де Гурмона, чтобы

L'INSAISISSABLE

Офорт М.В. Якунчиковой
"Весы", 1905, № 1

иметь имена и, по крайней мере, изредка статью до ее напечатания по-французски. Демарши к этому я сделаю, как только парижане съедутся в Париж[4]. Пока ведь всё еще пусто. Все на берегу моря.

Из конкретных решений: Сер⟨гей⟩ Алекс⟨андрович⟩ решил издать номер, посвященный Якунчиковой[5]. Я познакоил его с Вебером – мужем Якунч⟨иковой⟩ – и тот предоставил в распоряжение "Весов" ее не изданные еще рисунки. Я для этого номера приготовлю статью, для которой Вебер обещал дать мне материалы: выбор из ее дневников и писем[6]. Она очень тонко наблюдала и хорошо владела словом. Так что это может быть очень интересно. Но это может задержать статью, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ тут все зависит от Вебера, которому предстоит эта работа. Моя статья собственно уже вполне готова. Ее нужно только записать[7].

Приедете ли Вы в Париж?

Сер⟨гей⟩ Алекс⟨андрович⟩ говорил, что после его приезда Вы немедленно уезжаете за границу. Неужели Вы не попадете в Париж? Я на это страшно надеюсь. Не говоря о практической пользе для журнала, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Вам необходимо познакомиться с Гилем и Ван Бевером, которые уже давно ждут Вашего приезда, но и с эгоистической – мне ужасно хочется побродить по Парижу вместе с Вами.

Если Вы приедете один и после 15 октября, то моя мастерская к Вашим услугам. Я меняю адрес и переселяюсь 15 окт⟨ября⟩ в № 9 Rue Campagne Première[8]. Тогда в мастерской Вы отлично можете устроиться у меня: хотите?

К декабрю (к ноябрю едва ли) я приготовлю готический номер с обложкой. И постараюсь написать к нему же статью о чудовищах, т.е., скорее, о человеческом лице в готике[9].

Напишите мне о планах для "Северных цветов". Хотите ли Вы взять для них что-нибудь из моих стихотворений?

Для меня Женева была наполнена, конечно, разговорами с Вячес⟨лавом⟩ Ив⟨ановым⟩. Ведь я только теперь лично с ним познакомился.

Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет[10].

До свиданья. Надеюсь, что скоро увижу Вас.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс Волошин.

Мне хочется знать Ваше мнение об этих двух переводах из Маллармэ, которые я сделал на днях.

ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно синий лед.

В ГОРАХ

Рисунок М.А. Волошина
"Весы", 1904, № 8

И лебедь прежних дней в величьи гордой муки,
Он знает, что ему не взвиться, не запеть,
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шеей отряхнет смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не кошмар земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной и блеской одеянья,
И стынет в льдистых снах ненужного изгнанья,
Окутанный в надменную печаль...

* * *

О зеркало! Холодная вода,
Кристалл уныния, застывший в льдистой раме!
О, сколько раз в отчаяньи, часами,
Усталая от снов, ища надежд былых,
Опавших как листы в провалы вод твоих,
Сквозила из тебя я тенью одинокой.
Но, горе! В сумерки, в воде твоей глубокой
Познала я тщету своей нагой мечты...

(Фронтиспис к "Иродиаде")[11]

Как жаль, что мой рисунок в "Весах" помещен в таком большом виде[12]. Я надеялся, что Вы его сильно уменьшите и поставите только как заставку. Так он страшно груб.

Не печатайте никаких других моих рисунков из присланных раньше: я Вам пришлю новых очень скоро.

Боюсь, что мое "Письмо из Парижа" очень длинно, но сжать* его больше нет возможности. Может ли оно идти в сентябрьском номере?

Для октябрьского я пришлю новое об Осеннем Салоне[13].

Я дал письмо к Вам моему другу Матвееву[14]. Он художник, оккультист и врач. Я думаю, что он Вам будет интересен. Он очень в курсе парижского оккультизма и составляет гороскопы. Как художник он весьма интересен, но имел привычку уверять, что у него ничего нет. Но Вы его заставьте показать его вещи. Он в высшей степени обладает фантастическим даром. Вообще же он очень дик.

До свиданья.

Макс В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris, 24.9.04; Москва. 16.9.04.

Ответ на п. 43.

[1]Парадоксальную историософскую идею, положенную в основу этой статьи (см. п. 49, прим. 1), Волошин подробно изложил в письме к М.В. Сабашниковой от 18 сентября 1904 г. В нем нашли отражение многие образы и сопоставления, использованные в статье, но более отчетливо проведена связь с трагическими событиями русско-японской войны:

«Война медленно захватывает душу, как колесо машины, в которую попал конец одежды. Я уже не могу удержаться, чтобы утром не прочесть газеты.

Толстовские описания войны... Все самые ужасные эпохи в жизни человечества – террор, инквизиция, коммуна, все это можно представить по-толстовски – в известном круге зрения, очень просто, несколько мелких почти обыденных деталей... Но тут происходит что-то гораздо ужаснее. "Этого" уже так по-толстовски никак нельзя представить.

Целая долина, взорванная вместе с войском... Эти руки, которые подымаются из груды трупов в течение недели и наконец замирают. ⟨...⟩

Эпохи ужасов и зверств всегда следуют за эпохами упадка фантазии, бессилия мечты. Французская революция после XVIII века. Коммуна – после Флобера и Гонкуров. Наоборот – возможные ужасы 48 года были предотвращены романтизмом и политическими утопиями.

Теперь Россия расплачивается за целый век реализма.

Действительность мстит за себя, если ее считают слишком простой. Она принимает самые чудовищные и невероятные формы, чтобы заставить к себе относиться с мистическим трепетом. Сколько ужасов, предстоявших России, искупил Достоевский! Он ведь был единственным противовесом террору, разгоравшемуся с 78 года. ⟨...⟩

За насилие над мечтой дорого приходится расплачиваться» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107).

[2]Т.е. п. 44.

[3]Статья Волошина "Письмо из Парижа. I. Клод Монэ. Итоги импрессионизма. II. Англада" была напечатана в № 10 "Весов" за 1904 г. См. также: *Волошин М. Лики творчества*. С. 217–222. Эрменхильдо *Англада-и-Камараза* (Anglada y Camarasa, 1872–1959) – каталонский художник; его работы с 1901 г. неоднократно экспонировались в Национальном салоне в Париже.

[4]М.Метерлинк в "Весах" не участвовал. О сотрудничестве в журнале Реми де Гурмона см. п. 16, прим. 2. За привлечение в "Весы" самых знаменитых современных писателей Европы особенно ратовал М.Н. Семенов. См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы" (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85. С. 274.

[5]Мария Васильевна *Якунчикова* (1870–1902) – художник-пейзажист, офортист, мастер прикладного искусства; участница "Мира искусства". В последние годы жизни постоянно жила в Париже.

[6]С Львом Николаевичем *Вебером* (1869–1956) – врачом-невропатологом, мужем Якунчиковой и сыном А.В. Гольштейн от первого брака – Волошин совершал летом 1904 г. совместные экскурсии в Альпы. В конце августа 1904 г. Волошин писал М.В. Сабашниковой из Парижа: "Мои последние дни в Женеве: два дня с Вебером – вещи и рисунки Марии Васильевны. ⟨...⟩ В них такая прелесть и радость красок. Они так брызжут жизнью. Ее ранние вещи очень слабы по рисунку, но необычайно смелы по замыслам. В них,может, даже больше сказывается настоящая она" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107). В письме к Волошину от 23 августа 1904 г. Л.Н. Вебер обещал: "... примусь за дневники и переписку Мар⟨ии⟩ Вас⟨ильевны⟩ и извлеку

---

* *В автографе*: я сжать

из них интересные для Вашей статьи вещи" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 326). Однако своего обещания Вебер, по всей вероятности, не выполнил: статья Волошина о Якунчиковой соответствующих цитат не содержит. Местонахождение дневников в настоящее время неизвестно.

[7]Статья Волошина "Творчество М.Якунчиковой" была опубликована в № 1 "Весов" за 1905 г. (с. 30–38); этот же номер был целиком оформлен работами Якунчиковой. В примечании к статье указывалось: «Все рисунки М. Якунчиковой, воспроизведенные в этом № "Весов", появляются в печати в первый раз и любезно предоставлены в распоряжение редакции г. Л. Вебером» (с. 30). 25 декабря 1904 г. Вебер сообщал Волошину: "... я был у Полякова, в Москве. Передал ему рисунки и картину М.В. Он рассчитывает на Вашу статью к февралю... ⟨...⟩ Не знаю, удастся ли Вам написать про М.В. Вы ее вещи видели – мимоходом, – но Вы страшно чутки и впечатлительны, т⟨ак⟩ что я не сомневаюсь, что у Вас много осталось". По получении же номера "Весов" со статьей "Творчество М. Якунчиковой" Вебер писал о ней Волошину (1 февраля 1905 г.): «В ней чувствуется некоторая скоропалит⟨ель⟩ность, и она немного отрывочна, зато много хорошо и верно сказанного: самое верное, это что Вы пишете об отсутствии *словесной* литературности, измышленной символистики в работах М.В. и о "железной сети" ее рисунка. Как хорош и тонок конец Вашей статьи! Я думаю, что если Вы увидали бы выставку во всей ее полности и хронологическом порядке, у Вас представился бы еще яснее характер творчества М.В. Я даже изумился, как Вы могли, увидав вещи еще не собранные в порядке, так верно себе оформить стадии развития М.В.» (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 326).

[8]«Я устраиваюсь на зиму в Париже и поэтому взял себе ателье", – сообщал Волошин матери в недатированном письме (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60). Волошин переехал по новому адресу несколько раньше того дня, который назвал Брюсову. 5/18 сентября 1904 г. он писал Сабашниковой: "Теперь мой адрес: 9 Rue Campagne Première. Я туда уже через неделю переселяюсь" (Там же. Ед. хр. 107). Этот же адрес Волошин сообщил Брюсову в открытке, отправленной 17/30 сентября 1904 г.

[9]Ср.п. 37, прим. 7.

[10]Эту фразу Брюсов привел в письме к Вяч. Иванову от 17/30 сентября 1904 г., предварив ее словами: "Макс Волошин пишет мне о тебе (точно)" (*ЛН*. Т. 85. С. 461). Рассказывая в письме к М.В. Сабашниковой о своем пребывании в Женеве, Волошин отмечал: "Бесконечные разговоры с В. Ивановым: весь трепет разговора. Религия Диониса, танцы, ритм, оргиазм, маски... ⟨...⟩ Разговоры с Ивановым – это целый океан новых мыслей, столкновения и подтверждения старых. Мы так во многом сошлись, и сошлись так неожиданно, идя такими разными путями. ⟨...⟩ Мы говорили о золотом веке, когда вся земля опоясется хороводами пляшущих людей, как млечными путями. Все сольется в одной звездной пляске" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 107). В другом письме к Сабашниковой Волошин подробно пересказал содержание своих бесед с Ивановым; такого же рода рассказ о разговорах с Ивановым – в женевском письме Волошина к А.М.Петровой (Там же. Ед. хр. 93).

[11]Оба перевода из Малларме вошли в сб. Волошина "Стихотворения. 1900–1910" – с вариантами строк по отношению к данному тексту. Брюсов также перевел сонет Малларме "Лебедь" ("Бессмертный, девственный, властитель красоты..."). Перевод впервые опубликован в кн.: Хризопрас. Художественно-литературный сборник изд-ва "Самоцвет". М., 1906–1907; вошел затем в антологию Брюсова "Французские лирики XIX века" (1909).

[12]Рисунок Волошина "В горах", занимающий в № 8 "Весов" отдельную страницу (с. 29).

[13]См. прим. 3. Статья Волошина "Письмо из Парижа. Осенний салон. Слевинский. Морис Дени" была помещена в № 12 "Весов" за 1904 г. См. также: *Волошин М. Лики творчества*. С. 228–232.

[14]С художником Борисом Николаевичем *Матвеевым* (1873–1919), членом Русского кружка художников в Париже, Волошин познакомился в Париже в конце 1901 г. О встречах с Матвеевым упоминает Кругликова в своих записях 1933 г. "Из воспоминаний о Максе Волошине" ("Максимилиан Волошин – художник", с. 98–99). В архиве Волошина сохранились два письма Матвеева к нему, написанные в Париже (*ИРЛИ*, Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 828).

Волошин упорно старался привлечь Матвеева к оформлению "Весов". "Предлагал мне делать там буквы и заставки, – писал Матвеев о Волошине матери, Л.П. Матвеевой, из Парижа 6 марта 1904 г. – Не знаю, буду ли я это делать". 10 апреля 1905 г. Матвеев сообщал ей же: «Макс все предлагает сделать номер "Весов", говорит, что хорошо заплатят. Начал делать. Еще он предлагает мне работать в иллюстр⟨ированном⟩ приложении к "Руси".Он теперь много зарабатывает журнализмом» (*ЦГАЛИ*. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4–4об., 38–38об.).

46. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. 18 или 19 сентября/1 или 2 октября 1904 г.⟩

Дорогой Макс!

Занят я так мучительно, что могу лишь сухо ответить "о делах". Ваше "письмо"[1], *конечно*, не может идти в сентябре: он уже готов. Чтобы статья была помещена в данном месяце, она должна быть у меня не позже 5–7 числа ст. ст. этого месяца. Итак, письмо идет в октябре, а это жаль, ибо сведения, хотя бы о К. Монэ, будут очень запоздалыми[2]. "Макбет" – хорош, но как нам его напечатать? По программе "Весов"

мы имеем право печатать только литературные и художественные статьи, отнюдь не политические. Нельзя ли "Макбету" дать другое заглавие, лицемерное, нап⟨ример⟩: "О натурализме в русской литературе XIX в." или что-либо подобное, тягучее и отвлекающее внимание цензора?[3] Рисунков Ваших, по Вашему слову, печатать больше не будем, в ожидании новых, но один из старых (кафе) уже напечатан в начале сентябрьского №[4]. Изменить поздно. Простите эти бессвязные строки. Сейчас получил известие от Вяч. Иванова, что умер старик Зиновьев, отец его жены[5]. С.А. здесь, в Москве[6].

Ваш В а л е р и й.

1904.

P.S. Деньги Лакосту посланы.

На бланке "Весов".

Ответ на п. 45.

Датируется по сообщению о смерти Д.В. Зиновьева (см. прим. 5). Письмо Брюсова к Иванову с соболезнованием по поводу этой смерти датировано 20 сентября ст. ст. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 461).

[1] См. п. 45, прим. 3.

[2] В статье Волошина шла речь о парижской выставке работ Клода Моне (39 новых картин, озаглавленных "Виды Темзы в Лондоне"). "Весы" дали информацию об открытии выставки еще в № 5 (с. 74: "Картины принадлежат к числу замечательнейших созданий великого импрессиониста"), а в № 7 поместили подборку критических откликов (с. 76–77).

[3] См. п. 49, прим. 1.

[4] См.: Весы. 1904. № 9. С. 35.

[5] Дмитрий Васильевич *Зиновьев* (1822–1904), отец Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, жены Вяч. Иванова. См. о нем: *Дешарт О.* Введение. // Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 18. В письме от 15/28 сентября 1904 г. Вяч. Иванов извещал Брюсова: "... большое событие совершилось в нашей семье: вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны" (*ЛН*. Т. 85, с. 462).

[6] 17/30 сентября 1904 г. Брюсов сообщал Вяч. Иванову: "Завтра, в субботу, приезжает Сергей Александрович" (*ЛН*. Т. 85. С. 461).

47. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 20 сентября/3 октября 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам давно обещанную статью M-me K. Fillonneau-Japp о моде[1]. Она, по-моему, очень интересна, но чуть-чуть болтлива, но ее можно сократить легко и без всяких угрызений совести.

Адрес ее автора 21. Rue du Champ de Mars.

Я, кажется, раньше давал Вам* об ней сведения – это дама, пользующаяся большим голосом в деле моды, очень известная в Америке, интимный друг Малларме и племянница Диккенса. Она начала свою писательскую деятельность молодой девушкой – военным корреспондентом во время осады Парижа[2].

Макс В о л о ш и н.

P.S. Выставка Пювис де Шаваня в Sal⟨on⟩ d'Automne, вер⟨оятно⟩, все-таки будет, наравне с выстав⟨кой⟩ Тулуз де Лотрека[3].

Открытка. Почт. шт.: Paris. 3.10.04; Москва. 23.9.04.

[1] См. п. 12, прим. 6 и п. 15, прим. 2.

[2] Кейт (Кэтрин) *Йепп-Фийоно* (Yapp-Filloneau; 1843 – ?) – журналистка, старшая из четырех дочерей Эдварда Йеппа, корреспондента известной лондонской газеты "Daily Telegraph". По матери – отдаленная родственница Диккенса. Молодой Малларме был дружен с семейством Йепп, жившим попеременно то в Лондоне, то в Париже; особенно тесные отношения связывали его с Кейт и Этти (Джульеттой) *Йепп* (1845–1873), второй дочерью Эдварда. "Я очень люблю Кейт...", – писал он 30 ноября 1862 г. своему другу, поэту Анри Казалису (псевдоним – Жан Лагор), глубоко увлеченному в то время Этти Йепп (см.: *Mallarmé S.* Correspondance 1862–1871, recueillie, classée et annotée par Henri Mondor avec la collaboration de Jean-Pierre

* *В тексте слово "Вам" повторено дважды*: Я Вам, кажется, раньше давал Вам...

Richard. P., 1959. P. 60). В 1864 г. Кейт Йепп вышла замуж за Эрнеста Фийоно, издававшего в 60–70-е годы в Париже журнал "Le Moniteur des Arts" и ряд других художественно-артистических ревю. Этти Йепп вышла в 1871 г. замуж за египтолога Гастона Масперо. Ее преждевременная кончина нашла отклик в одном из сонетов Малларме (см.: *Lawrence J.* Mallarmé et son amie anglaise // Revue d'histoire littéraire de la France. 1965. N. 3. P. 477–478).

Журналистская деятельность Кейт Йепп началась во второй половине 60-х годов. Под псевдонимом Элиана де Марси три сестры Йепп вели постоянную рубрику "Causeries de Paris" ("Парижские беседы") в большом лондонском журнале для женщин "The Queen". Значительная часть этих статей, где широко освещалась парижская жизнь в последние годы Второй империи, была написана Этти Йепп. Корреспонденции продолжали поступать в Лондон и из осажденного Парижа, откуда сестры Йепп переправляли их при помощи воздушного шара. Впоследствии Кейт Йепп писала преимущественно по вопросам моды.

[3] В "Осеннем салоне" 1904 г. отдельный зал был отведен работам Тулуз-Лотрека. 17/30 сентября 1904 г. Волошин писал Брюсову: "В моей корреспонденции есть ошибка: в Salon d'Automne будет выставка не Пювис де Шаваня, а Тулуз-Лотрека. Я был введен в заблуждение ложными газетными сведениями".

48. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. 31 октября/13 ноября⟩ 1904.

Дорогой Max!

Мы решили печатать Вашу статью "Макбет", переменив заглавие. Согласны ли Вы? Ваше последнее "письмо"[1] было очень хорошо. Ждем нового – для декабря (ноябрь уже составлен)[2]. – Редакция новообразующейся газеты "Слово" (будет большая петербургская газета, намеревающаяся соперничать с "Нов⟨ым⟩ Врем⟨енем⟩" и "Русью") просила меня спросить у Вас, пока конфиденциально (но, как видите, я открываю карты), согласились бы Вы быть "парижским корреспондентом", включая в обязанности и отчеты о политической жизни[3]. Ответьте мне.

Ваш В а л е р и й.

Открытка.

[1] См. п. 45, прим. 3.

[2] Там же, прим. 13.

[3] "Слово" (СПб, 1903–1909) – политическая, общественная и литературная газета. В 1904–1905 гг. два раза в неделю выходило иллюстрированное литературное приложение к газете. Официальным редактором "Слова" в 1904–1905 гг. был беллетрист, библиограф и историк литературы П.В. Быков, позднее тесно связанный с Брюсовым (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 669–672).

4/17 ноября 1904 г. Волошин записал в дневнике: «"Письмо от Брюс⟨ова⟩. Мне предлагают полит⟨ические⟩ корреспон⟨денции⟩ в "Слове"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 31).

49. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 4/17 ноября 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Конечно, я ничего не имею против замены заглавия "Макбет зарезал сон" каким угодно, если это только необходимо для его появления на свет[1]. К декабрьской книжке я пришлю статью об Осеннем Салоне[2]. Теперь я пишу рецензии о книгах (только что вышедших) 1) Пеладана – Le dernier leçon de Leonard de Vinci à son Académie de Milano, 2) Remy de Gourmont. Les promenades littéraires[3]. 3) Charles Sellier. Vieux Monmartre[4].

Ваш вопрос о корреспондент⟨ст⟩ве в "Слово" меня смутил, потому что я как раз позавчера получил такой же конфиденциальный и условный вопрос от другой газеты, тоже с предложением быть ее представителем в Париже и политическим корреспондентом[5]. Политическое корреспондентство для меня не очень притягательно, но зато страшно важно в материальном отношении, тем более что это отнимет массу времени. Поэтому мне для своего ответа необходимо знать подробности о "Слове" – 1) кто ее издатель? 2) Какого она направления (политичес⟨кого⟩ и художеств⟨енного⟩)? 3) Имеет ли она средства и шансы на существование? 4) И какие условия она хочет предложить своему парижскому корреспонденту?

Предложение другой газеты – это между нами. Я Вам сообщаю это, только чтобы объяснить свое затруднительное положение. Там мне тоже пока поставили только вопрос, но еще не дали своих условий.

Часто вижусь с М.Н. Семеновым[6]. Он что-то туго ассимилируется в Париже[7]. Слишком он проникнут Германией. Еще один конфиденциальный вопрос: должен ли я его мнения считать за мнения редакции?

Макс В о л о ш и н.

Еще вопрос очень важный: Вы мне не ответили о моих стихах: хотите ли Вы их для "Северн⟨ых⟩ Цветов" и какие именно?[8] Мне очень важно знать точно. М.В.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт.: Paris. 17.11.04; Москва. 8.11.04.
Ответ на п. 48.

[1] Статья "Макбет зарезал сон!" была напечатана под заглавием "Магия творчества. О реализме русской литературы" ("Весы", 1904. № 11. С. 1–5). В авторском оттиске Волошин восстановил первоначальное заглавие, а также последнюю фразу статьи, снятую при публикации: "Горе! Макбет зарезал сон!" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 188. Л. 11, 13).

[2] См. п. 45, прим. 13. Как раз в это время Волошин закончил большую статью о парижском "Осеннем салоне", напечатанную в "Руси" в 1904 г. в виде четырех корреспонденций: "Серпантин Парижа. (Осенние цветы – осенняя живопись... Одилон Редон. Карьер)" (№ 328, 8/21 ноябр., с. 2); "Осенний Салон. II. (Сезанн. Тулуз Лотрек. Ренуар. Пювис де Шавань)" (№ 333, 13/26 ноябр., с. 1); «Осенний Салон. III. (Школа Клода Монэ и Гюстава Моро. Группа "десяти". Слевинский)» (№ 335, 15/28 нояб. с. 1–2); "Осенний Салон. IV. Tutti quanti. Скульптура)" (№ 361, 11/24 дек. с. 1–2). В "Весы" же он представил краткий общий обзор выставки и разбор творчества польского художника В. Слевинского и Мориса Дени.

[3] Рецензии Волошина на книгу Пеладана "Последний урок Леонардо да Винчи в его Миланской Академии" (изд. Э. Сансот-Орлана, 1904) и на "Литературные прогулки" Р. де Гурмона ("Mercure de France", 1904) см.: Весы. 1904. № 11. Эти работы Волошина были закончены к середине ноября. Первая из рецензий была отправлена в Москву через М.Н. Семенова. 23 ноября 1904 г. Семенов извещал Брюсова из Парижа: "Вместе с корреспонд⟨енцией⟩ послал Вам рецензию Волошина на книгу Пеладана (кроме того, он сам Вам выслал рецензию на новую книгу Реми де Гурмона и рецензию ⟨1 слово нрзб.⟩ на одно старое издание ⟨...⟩)" (*ГБЛ*. Ф. 386, 102.31. Л. 14; корреспонденция Семенова была отправлена им – как явствует из его писем к Брюсову – между 15 и 23 ноября).

[4] Шарль *Сельe* (Sellier; 1844 –?) – французский ученый, историограф Парижа. Волошин называет его изданную в 1904 г. книгу "Curiosités historiques et pittoresques du vieux Montmartre" ("Исторические и живописные достопримечательности старого Монмартра"). Рецензия на это издание в "Весах" не появилась.

[5] Такое предложение Волошин получил от редактора "Руси" А.А. Суворина, писавшего ему 29 октября 1904 г.: «... я думаю, что Вы можете быть хорошим журналистом именно потому, что так ищете точного соответствия между словом и мыслию. Хороший журналист не тот, что дает тысячи строк в два-три часа, но тот, у которого есть свой фонтан в мозгу, к пению которого он прислушивается и пение которого есть для него голос истины. Писать теперь умеют все, – иметь мысли – немногие. Вы – честный к себе наблюдатель, и я хочу Вам предложить серьезнее заняться этим Вашим преимуществом в "бою жизни". Это письмо между нами и даже под честным словом, что оно останется между нами. Я недоволен Багницким, он католик, и всех богов имеет в прошлом. С Нового года в Париже будет жить Амфитеатров. Он будет корреспондентом "Руси", но он со всем не управится. Ему нужен помощник, и я хотел бы предложить быть им – Вам. С Багницким я устроюсь тем, что переведу его в другой город. Амфитеатров проживет в Париже, может быть, 1/2 года, год, и далее Вы остались бы корреспондентом "Руси" самостоятельным» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1159).

Волошин принял предложение Суворина. Излагая в дневнике содержание цитированного письма, он приписал: "Ответ – да" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 30). Суворин отвечал ему 24 ноября 1904 г.: «Амф⟨итеатро⟩в будет в Париже с февраля. Значит, до февраля Вы будете корреспондентом "Руси" для всей худож⟨ественной⟩ и бытовой жизни Парижа и Франции. Багницкий же займется политикой и телеграммами». Далее оговаривались денежные условия работы Волошина – 150 руб. ежемесячного жалованья и 10 коп. со строки газетного текста (Там же). В последующие месяцы Волошин продолжал регулярно печатать в "Руси" свои парижские корреспонденции.

[6] М.Н. Семенов, приехавший в Париж в самом начале октября, писал Брюсову 25 октября 1904 г.: "Волошина встречал здесь почти каждый день ⟨...⟩" (*ГБЛ*. Ф. 386. 102. 31).

[7] "Все мое несчастие заключается в том, что я не говорю по-французски, а Волошин бестолков до невероятности ⟨...⟩" – так объяснял Семенов в письме к С.А. Полякову свои первые неудачи в Париже, в том числе при закупке произведений живописи (письмо от 8 октября 1904 г. из Парижа. – *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 182).

[8] См. п. 42, прим. 5.

50. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. 19 ноября/2 декабря 1904 г.⟩

Дорогой Max!

Только ответы. "Слово" бросьте. "Другая газета" гораздо серьезнее. Я бы на Вашем месте не отказался. Стихи для "Сев⟨ерных⟩ Цветов" пришлите, и немедленно: уже набираем книгу (какие сами выберете)[1]. Что отчет о Осеннем Салоне раньше дали в "Русь", все же нехорошо[2]. Мнения Мих⟨аила⟩ Ник⟨олаевича⟩ бесспорно и безусловно "редакционны".

Всегда Ваш В а л е р и й.

Ноябрь 904.

Открытка. Почт. шт.: М. 19.11.04; Paris. 5.12.04. Ответ на п. 49.

[1] См. п. 42, прим. 5. Альманах "Северные цветы ассирийские" вышел в свет весной 1905 г.

[2] См. п. 49, прим. 2. В тот же день, 19 ноября 1904 г., Брюсов писал М.Н. Семенову: «На Макса мы в обиде, что он "Русь" предпочитает "Весам"» (*ГБЛ*. Ф. 386. 72. 32).

51. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

СПБ. 13 Преображенская, кв. 15
(у Ал. Ив. Косоротова).
⟨15 декабря 1904 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Неожиданно я оказался в России на очень короткое время[1].

На праз⟨д⟩ники, или немного позже я буду в Москве[2]. Обо многом можно говорить только при личном свидании[3].

У меня нет места пристанища в Москве. Пожалуйста, напишите мне, смогу ли я в течение недели мое⟨го⟩ пребывания ночевать в "Скорпионе"?[4]

Макс В о л о ш и н.

Почт. шт.: Петербург. 15.XII.04; Москва. 15.12.04.

[1] Волошин приехал в Петербург 15/29 декабря 1904 г.; возвратился в Париж в начале февраля (н.ст.) 1905 г.

[2] В Москву Волошин приехал 21 декабря, возвратился в Петербург утром 9 января – в "кровавое воскресенье".

[3] Волошин увиделся с Брюсовым сразу же по приезде в Москву (в этот день японской армии была сдана крепость Порт-Артур). 21 декабря Волошин занес в дневник краткий конспект того, что ему говорил Брюсов при встрече:

«Брюсов. "Вы возмужали и лицом и взглядом. ⟨...⟩

Вы привезли нам взятие Пор⟨т⟩-Артура.

Да, я тоже делаю революцию. Ну это после переговорим.

Дионис и Христос мне опротивели. Белый и Мережковские. Вокруг Белого эти добрые крабы... Вы еще не читали его III-ей симфонии?

Я люблю стихи Вяч. Иванова, потому что я не выношу больше понятных стихов.

Я написал Белому (Бальдур и Локэ), и он мне ответил. Такого тона у Белого еще не было. Он заговорил Архангелом.

Б⟨альмонт⟩... Жаль, Вас не было на ужине в честь его отъезда. Это было общее озлобление против него. Враги, которые обнимались, и друзья, которые говорили друг другу колкости. И все были довольны, что он уезжает"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 441. Л. 31об.; в записи упоминаются: книга Андрея Белого "Возврат. III симфония" (М., "Гриф", 1905), один из ее героев, ребенок, играет на берегу моря с крабом; стихотворение Брюсова "Бальдеру Локи", обращенное к Андрею Белому; и ответное стихотворение Белого "Старинному врагу" – см.: *ЛН*. Т. 85. С. 336–338; вечер по поводу отъезда Бальмонта в длительное заграничное путешествие – в Мексику). Волошин встречался с Брюсовым также 24 декабря 1904 г.

[4] Ответа Брюсова на это письмо среди его писем к Волошину не сохранилось. Имеется лишь относящаяся ко времени пребывания Волошина в Москве записка на обороте визитной карточки: "Записываю моим гостем на 6-е января 905 г. Макса Александровича Волошина. Валерий Брюсов".

52. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

24. Rue Octave Feuillet (Passy).
⟨Париж. Первая половина апреля 1905 г.⟩

Дорогой Валерий!

Ради Бога, простите меня и за молчание и за многое. Я все время нахожусь в крайней душевной смуте, которая мне парализовала руку и желание писать.

Я виноват не только перед Вами, но еще перед многими и многими.

Кроме того, я, переселившись в квартиру Мих⟨аила⟩ Николаевича[1], с ужасом почувствовал, что он оставил в ней не только свою мебель, но еще свое парижское ничегонеделание. Я еще захвачен весенним вихрем, но через неделю я надеюсь, что смогу приняться за работу и напишу в течение мая обещанные статьи о Марселе Швобе, Гюставе Моро и "Перламутровую раковину"[2].

Теперь же пришлю Вам отчет об "Indépendants" и о банкете в "La Plume", которые уже набросаны[3].

Не упрекайте меня за "Русь" – это заметки в сто строк, нацарапанные в кафе. "Русь" меня связала и обязала месячным жалованьем. Как ни вертись, а надо писать, что бы то ни было и как бы то ни было[4].

Как будет хорошо, если проект Мих⟨аила⟩ Ник⟨олаевича⟩ об расширении "Весов" удастся[5]. После того, как я увидал бывшего недавно здесь редактора "Вопросов жизни" Жуковского[6], я убедился, что с этой стороны все погибло и единственное, что остается, это расширение "Весов", которые тогда сразу займут вакантное место.

У меня есть несколько беллетристических планов (это между нами), и я их непременно приведу в исполнение, если расширенные "Весы" осуществятся.

Яков Козмич был у меня – я его устроил в гостинице около Одеона, но вот уже 1 1/2 недели не видал[7]. Это происходит, вероятно, от того, что я регулярно ложусь спать к 8 часам утра, а встаю в 4 дня. При этом довольно трудно его застать утром.

Сию минуту я ничего не могу Вам написать относительно гашиша. Но немедленно сообщу Вам, как только наведу справки[8].

Просьба относительно "Весов": я не получил еще ни одного номера за этот год!! Сделайте, пожалуйста, внушение Василию[9].

Кроме того, вышлите мне, пожалуйста, три последние книжки за прошлый год, которые мне крайне необходимы.

До свиданья. Пишите и адресуйте мне все по адресу Мих⟨аила⟩ Никол⟨аевича⟩.

Получили ли вы Omar Kayam? "Poisons d´intelligence" еще не вышли. Они только готовятся[10].

Я намерен еще написать статью о Ропсе по поводу новой книги Эристена Рамиро.[11]

Поклон И⟨о⟩анне Матвеев⟨не⟩ и Надежде Яковлев⟨не⟩[12].

Макс В о л о ш и н.

[1] Квартира М.Н. Семенова на ул. Октава Фейе, 24. "Я переселился на Семеновскую квартиру в Булонский лес и целые дни разъезжаю на велосипеде", – писал Волошин матери 27 марта/9 апреля 1905 г. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 60).

[2] 23 ноября/6 декабря 1904 г. М.Н. Семенов писал Брюсову из Парижа:

«*Пора делать объявления* о подписке на 1905 год. В этих объявлениях необходимо печатать предполагаемое содержание книжек 1905 года.

Мы наметили здесь следующие статьи:

Ван Бевер. Жюль Ренар.

М. Волошин. Марсель Швоб.

М. Семенов. Станислав Пшибышевский.

М. Волошин. "Перламутровая раковина".

Рене Гиль. О Лафорге» (*ГБЛ*. Ф. 386, 102. 31). Ни одна из указанных статей в "Весах" не появилась. Статьи о Гюставе Моро Волошин в "Весы" также не представил.

[3] Соответствующие корреспонденции Волошин напечатал в 1905 г. не в "Весах", а в газете "Русь": "Вернисаж Салона Независимых" (№ 69, 18 марта), "Салон независимости. Ван Гог" (№ 79, 28 марта), «Письмо из Парижа. Литературные банкеты "La Plume"» (№ 187, 13 авг.).

[4] За январь–март 1905 г. Волошин опубликовал в "Руси" двенадцать статей. "Мой журнализм вещь не ценная, но материально для меня теперь очень важная, – писал Волошин А.М. Петровой 27 мая/9 июня 1905 г. – Приходится только писать в то время, когда совершенно писать не хочется. ⟨...⟩ Но что из меня совсем высосали мои фельетоны – это письма. Недаром Вы их называли фельетонами. Оказывается, что это то самое и было. Только писать безлично для публики далеко не так приятно, как писать к комунибудь"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр 93).

[5] В письме к Брюсову от 6/19 апреля 1905 г. Волошин также спрашивал: «Какова судьба идеи Мих⟨аила⟩ Никол⟨аевича⟩ о расширении "Весов"?» Идея М.Н. Семенова заключалась в превращении "Весов" из критико-библиографического в собственно литературный журнал с беллетристическим отделом. Разрешение С.А. Полякову от Главного управления по делам печати на дополнение журнала "Весы" отделом беллетристики было получено 7 ноября 1905 г. (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед.хр. 102). С 1906 г. "Весы" стали издаваться по расширенной программе, однако отдельные художественные произведения печатались в них и в течение 1905 г.

[6] Дмитрий Евгеньевич *Жуковский* (1868–1943) – издатель журнала "Вопросы жизни", выходившего в Петербурге в 1905 г.; в литературном отделе "Вопросов жизни" печатались в основном символисты и близкие им авторы.

[7] Весной 1905 г. Я.К. Брюсов жил в Париже. Сохранилось его письмо к Волошину от 31 марта/13 апреля 1905 г., отправленное по адресу: ул. Кампань Премьер, 9: "Почему Вы ко мне не зайдете, или очень заняты, я слышал, что Вы переменяете свою квартиру" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 290). О встрече с Я.К. Брюсовым Волошин записал в дневнике 4 апреля (н.ст.) 1905 г.:

«"Желая Вам представиться по рекомендации моего сына Валерия Брюсова..." и т.п.

Иду в отель Порт-Магон.

"Да вот уехал из России... надолго... не знаю... Страшно теперь оставаться... Бомбы бросают... Избиение младенцев происходит... И не поймешь, революция ли начинается или просто грабеж. Вот уехал. Жену жду с дочерью".

Это первые эмигранты» (Искусство Ленинграда. 1989. № 3. С. 88).

М.А. ВОЛОШИН

Фотоавтопортрет. Париж
(снимок сделан на квартире М.Н. Семенова),
весна 1905 г.
Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

[8] Советы о способах добывания гашиша содержит письмо Волошина к Брюсову от 6/19 апреля 1905 г.

[9] В.А. Курников. "Очень важный артельщик Курников" упоминается в воспоминаниях о Брюсове Ю.А. Ракитина: «Жил этот Курников в редакции "Весов", в книжном шкафу в стене, на дверцах которого висела визитная карточка: Курников "Действительный член общества покровительства животным". Он очень гордился этим званием и своей близостью к литературе и говорил, что они с Валерием Яковлевичем держат молодежь в решпекте» (*Ракитин Ю.* Демон в сюртуке. // Новое время (Белград). 1924. 24 окт.).

[10] Видимо, Волошин имеет в виду изданные по-французски стихотворения Омара Хайяма (Р., 1903) и в связи с этим упоминает о книге "Omar Khayyam et les poisons de l'intelligence" (P., 1905), автор которой Л. Тайад отдал дань декадентскому увлечению морфинизмом. "Poisons de l'intelligence" ("Яды рассудка") — название книги известного ученого-психолога Шарля Рише (Richet; 1850—1935), изданной в Париже в 1877 г. (в XX в. не переиздавалась). Ш. Рише был также драматургом и поэтом (литературный псевдоним — Шарль Эйфер). В своих трудах Рише пытался исследовать "метапсихические" (в том числе оккультные и сверхъестественные) явления.

[11] Эрастен *Рамиро* (Ramiro; 1853 – ?) – французский искусствовед, автор работ о Ф. Ропсе. Его книга "Félicien Rops" (1905) была отрецензирована в "Весах" И. Щукиным (1905, № 4. С. 56–58).

[12] С Н.Я. Брюсовой Волошин, видимо, познакомился в Москве в конце декабря 1904–начале января 1905 г. Сохранились два письма Н.Я. Брюсовой к Волошину, относящиеся к началу 1905 г., в которых она просит сообщить ей адрес М. Метерлинка (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп.3. Ед.хр. 292).

53. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 30 июня/13 июня 1905⟩.
24 Rue Octave Feuillet

Дорогой Валерий.

Простите меня, пожалуйста, за мое молчание пред "Весами". Мой дух все время был в областях далеких от литературы, и я совсем ничего не мог писать[1].

Теперь я надеюсь быстро наверстать упущенное и заполнить свои долги перед "Весами"[2].

Посылаю Вам статью Жана (!!?) Гурмона об "романе"[3]. Она пришла совершенно неожиданно для меня. Я в тот же день был у Рэми Г⟨урмона⟩, он был несколько сконфужен, и сказал, что он очень занят, что он не мог написать именно этой статьи, но в скором времени он даст другую, а что статья его брата очень хороша, что он ее читал и т.д.

Словом, вот она. Можете принимать ее или нет, как хотите.

А Реми де Гур⟨мон⟩ статью все-таки даст[4].

До свидания.

Макс. В о л о ш и н.

[1] Волошин подразумевает прежде всего свои отношения с М.В. Сабашниковой, жившей в Париже в апреле–июне 1905 г. После отъезда Сабашниковой 11/24 июня в Цюрих Волошин вел с нею оживленную переписку, практически ежедневно сообщая ей о личных переживаниях и событиях своей жизни.

[2] О том же намерении Волошин сообщал матери в письме от 12/25 июня 1905 г.: «... начну сейчас писать для "Весов", которые я совсем забыл» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60). Однако исполнить это намерение он не сумел: за 1905 г. в "Весах" появилось всего две публикации за подписью Волошина – статья "Творчество М. Якунчиковой" и очередное "Письмо из Парижа. Выставка у Жоржа Пти" (№ 4).

[3] Жан де Гурмон (Gourmont) – французский писатель и критик, брат Реми де Гурмона, автор библиографии его сочинений (1922) и воспоминаний о нем (1924). Сотрудничал в "Mercure de France" как литературный критик. В библиотеке Брюсова охранилась книга Ж. де Гурмона "Muses d'aujourd'hui" ("Современные музы", 1910) (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1681). Посланная Волошиным в Москву статья Ж.де Гурмона "Французский роман и романисты" была напечатана в № 8 "Весов" за 1905 г. В "Весах" анонсировался также очерк Ж.де Гурмона "Жан Мореас" (1905), изданный у Э. Сансот-Орлана (1905, № 5, с. 77; № 6, с. 88; раздел "Перечень новых книг"). Сохранилось, кроме того, письмо Ж.де Гурмона к С.А. Полякову от 6 апреля 1906 г., где французский писатель предлагает "Весам" критическую статью о романе или "новой поэзии" во Франции (*ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед.хр. 64). Вторая статья Ж. де Гурмона под заглавием "Французский роман и романисты" появилась в № 10 "Весов" за 1906 г.

[4] Статья Реми де Гурмона "Цветы" появилась в "Весах" только через год (1906, № 8).

54. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

16. B⟨ouleva⟩rd Edgar Quinet[1].
Paris. ⟨11⟩24 octobre 1905

Дорогой Валерий!

Только что я получил от своей матери и от одного старого друга письма, в которых страшно радуются и ликуют по поводу того, что мне от вас "здорово досталось на орехи" в "Весах"... но я сам, к сожалению, до сих пор еще не видел этого номера[2]. Мне почему-то "Весы" присылают страшно неаккуратно. До сих пор я пользовался номерами Мих⟨аила⟩ Никол⟨аевича⟩, которые приходили ему на квартиру[3]. Сделайте, пожалуйста, распоряжение, чтобы мне "Весы" высылались по новому моему адресу. Мне очень хочется прочесть Вашу статью, и я заранее уверен, что она должна быть хороша и справедлива.

Я думаю, что Вы меня знаете настолько хорошо, чтобы видеть, что чувство обиды, негодования и т⟨ому⟩ подоб⟨ное⟩ у меня совершенно атрофированы. Пришлите мне, пожалуйста, поскорей этот номер. Я Вам пишу сейчас именно для того, чтобы сказать Вам, что я статьи Вашей еще не читал и приму ее совершенно объективно без всякого отношения к Вам.

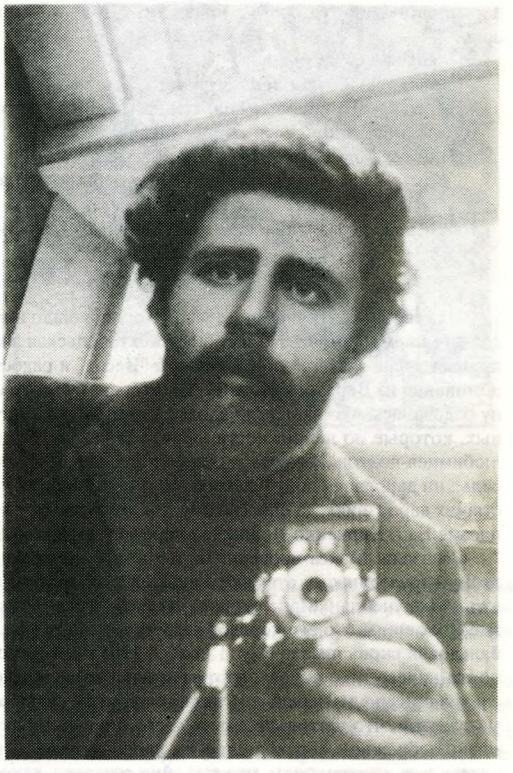
Судя по ликованию моей матери, которое носит всегда педагогический характер, я думаю, что она и едка и справедлива.

Не удивляйтесь моему упорному молчанию относительно "Весов" в течение стольких месяцев. Я ничего не писал это время, исключая глупых корреспонденций в "Русь". Я слишком был занят в другой области и слишком много ломал и менял в области мысли для того, чтобы иметь возможность писать. Так что не приписывайте это какому-нибудь изменению моих отношений к "Весам".

Если у Вас найдется время, напишите мне, что делается теперь в "Весах"? Какие изменения в редакции и как это отзовется на журнале? Я ровно ничего не знаю об этом.

До свиданья.

Максимил⟨иан⟩ В о л о ш и н.



М.А. ВОЛОШИН

Фотоавтопортрет. Париж
(снимок сделан в ателье М.А. Волошина,
на бульваре Эдгара Кине, 16),
осень 1905 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] Волошин переехал в мастерскую на бульваре Эдгара Кине в конце сентября (начале октября н.ст.) 1905 г.

[2] Речь идет о напечатанной анонимно в "Весах" (1905, № 8, с. 69–71) заметке Брюсова "О Максе Волошине и древнем змее", в которой был подвергнут сокрушительной критике выполненный Волошиным перевод стихотворения Верхарна "Голова" ("La Tête" – см. п. 41, прим. 3).

Сам Волошин писал об этих переводах: "Я перевел еще два стихотворения Верхарна и думал об России и об Революции, переводя их. Это должно было сказаться" (письмо к М.В. Сабашниковой (июнь 1905 г.). – *ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 107); к автографу стихотворения "Казнь" Волошин сделал приписку: "Мысленно посвящаю этот перевод русскому самодержавию" (Там же. Оп. 1. Ед.хр. 409. Л. 11).

Брюсов выступил против чрезмерных вольностей, допущенных Волошиным в его переводе-"воспоминании", а также против искажения – в ряде случаев – смысла и стиля первоисточника. В заглавии заметки обыгрывается один из приведенных Брюсовым примеров несоответствия волошинского перевода подлиннику Верхарна:

«...Верхарн говорит, что "в толпе змеей проползает грандиозное преступление". –

La foule en qui le mal grandiose serpente...

Г. Волошин переводит:

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея.

Откуда взялся у г. Волошина этот древний змей? Нет сомнений! Он смешал глагольную форму serpente с существительным serpent! Но как же тогда понимал он весь французский стих? Или отсутствие смысла казалось ему особенно пикантным?

Положим г. Волошин осторожно называет свои стихи не "переводом", а "воспоминанием о Верхарне". Но тогда приходится сказать, что воспоминание о Верхарне у г. Волошина сохранилось довольно смутное. Передавая стихи по-русски, не мешает получше *помнить* их текст... или значение французских слов».

Еще более резко Брюсов охарактеризовал перевод стихотворения Верхарна "Кузнец", выполненный А.А. Лукьяновым и опубликованный в IV сборнике товарищества "Знание" (СПб., 1905): «Если стихи г. Волошина "воспоминание", то стихи г. Лукьянова "забвение о Верхарне"» (Весы, 1905. № 8. С. 70).

Письмо "от одного старого друга" – письмо А.М. Петровой (5/18 октября 1905 г., Феодосия); приводим полностью его текст:

«Что? получили на орешки в "Весах"?

Страшно негодую против Вас.

Я думала, что подзаголовок "воспоминания из" поставлен Вами из тонкого вкуса, и что, озаглавливая

так, Вы, – если можно так выразиться, – своеобразно кокетничаете, чувствуя полное превосходство своего перевода, и мне это крайне нравилось. Дитя, раньше я Вам доверяла, а теперь надолго потеряла всякую веру.

Разгильдяйство.

Взбешена и озлоблена страшно.

Макс и – Лукьянов ... Только этого недоставало.

А вышло так.

Высекла бы Вас.

Жду публичного покаяния; чтоб оно было полно, искренно и красиво.

Вы понимаете, что Вы должны сделать, и силы на это у Вас *есть*.

А Елена Оттобальдовна хо-о-рошо Вам намылит голову. Вот, – постойте.

Ваша А.П. »

(*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 950).

Не менее критичным в адрес Волошина было и недатированное письмо к нему матери, Елены Оттобальдовны (в нем упоминается их общая коктебельская знакомая, художница и мемуаристка Е.Ф. Юнге): «Когда я пришла вчера к Юнге с последним № "Весов" и радостным заявлением: как хорошо Макса отщелкали за воспоминание из Верхарна "Казнь", Ек⟨атерина⟩ Ф⟨едоровна⟩ не верила, что я на самом деле радуюсь, и я воистину радовалась, что нашелся человек, ставший в защиту Верхарна от таких воспоминаний г-д Максов Волошиных, которые по небрежности, лени, без любви, без вдохновения начинают безжалостно искажать своих же любимцев-поэтов. И зачем ты сделал это, Макс? И тебе не жалко было Верхарна? Если бы у тебя не было ни силы, ни дарования поэтического, ни гроша денег на корку хлеба, это было бы простительно, а при твоих блестящих дарованиях, да еще сытому, так относиться к художественному произведению возмутительно». Далее в письме Е.О. Кириенко-Волошина передает свой разговор с поэтессой П.С. Соловьевой (Allegro) на ту же тему: "... я сказала: Макса продернули, и хорошо продернули, и поделом продернули. Макс не может отнестить к этому справедливому отзыву равнодушно, он встряхнет, устыдит его. И я радуюсь высказанной правде, радуюсь за полученный Максом урок, надеясь, что он не пройдет даром" (Там же. Ед.хр. 652). В ответ на утверждение Волошина, что его перевод является лишь вольным переложением стихотворения Верхарна, Елена Оттобальдовна вновь писала ему (1 ноября 1905 г.): «Ты говоришь, что в твоей "Казни" от Верхарнской "Головы" почти ничего не осталось, что ты вполне сознательно придал этому стихотворению другой смысл и т.д., но, сличая оригинал с переводом твоим, напротив, видно совершенно ясно, что это произведение было перед твоими глазами, что не только смысл всего стихотворения остался тот же, но даже размер и число строк в твоем очень небрежном переводе, где ты слово serpenter – змеиться принял за serpent – змея и вместо того, чтобы справиться с лексиконом, преспокойно создаешь какой-то "древний образ змея". Прилагаю мой подстрочный прозаический перевод, из которого ты должен ясно увидеть, как ты местами плохо понимал французский текст, в особенности 3-е и 4-ое четверостишия; впрочем, и 2-ое никуда не годится сравнительно с ярко, красиво, сильно и просто выраженным оригиналом» (Там же).

Брюсовские критические доводы и полное согласие с ними А.М. Петровой и матери – людей, чьи суждения были для Волошина вполне авторитетными, – видимо, оказали на него определенное воздействие. В свою книгу "Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы" Волошин стихотворение "Казнь" не включил.

Брюсов также перевел это стихотворение: "Голова" ("На черный эшафот ты голову взнесешь..."). См.: Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. С. 75–76. В предисловии Брюсов упомянул этот перевод в числе тех, в которых он "старался держаться настолько близко к подлиннику, насколько это допустимо при стихотворной передаче" (с. 28).

[3] М.Н. Семенов; в его квартире на улице Октава Фейе Волошин жил в марте–сентябре 1905 г.

55. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

16. B⟨oulev⟩ard Edgar Quinet. Paris.
⟨январь? 1906 г.⟩

Дорогой Валерий,

Мне Ященко сказал, что Вы мне писали несколько раз; я тоже писал Вам. Вероятно, все наши письма пропали[1].

Я все время ничего не знал о "Весах", и по тем немногим слухам, что доходили до меня, и по словам Бальмонта, я предположил, что они по всей вероятности совсем выходить не будут[2]. Если же так – их решено продолжить – то я в этом году снова стану *деятельным* сотрудником. Я на днях вышлю Вам большую статью о предвестиях и о пророчествах об Революции – главным образом Великой Французской. Она, я думаю, будет интересна для момента[3].

Я все время был духом очень далек от литературы и только теперь снова начал работать.

Напишите мне, пожалуйста, какие изменения произойдут теперь в "Весах" и кто будет фактически заведовать ими?

Что бы Вы ожидали от меня?

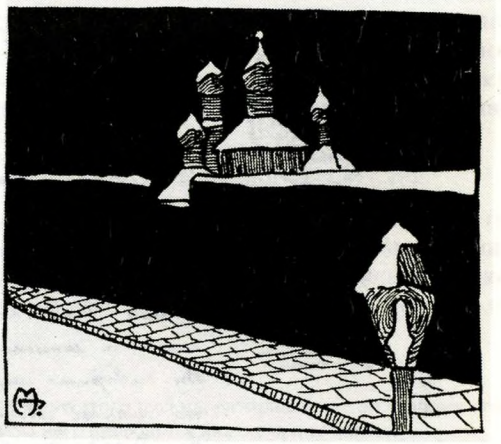
Вот два редакционных дела.

1) У меня Жан де Гурмон справлялся об гонораре, ему еще не выплаченном[4].

2) Митрохин просил обратить внимание на его рисунки, посланные им в редакцию[5].

Как Вы пережили московские дни?[6]
Нужны ли стихи для "Весов"?[7]

Максимилиан В о л о ш и н.



"ВЕСЫ", 1904, № 6

Виньетка по рисунку Д.И. Митрохина

[1] 12/25 января 1906 г. А.С. Ященко (см. о нем во вступит. статье) писал Брюсову из Парижа: «...адрес М. Волошина – *Paris, 16, Boulevard Edgar Quinet*. Я его видел последнее время довольно часто и полагаю, что он писем от Вас не получал, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ ничего не знал ни о Вас, ни о "Весах". Здесь прошел слух (привезенный М. Сабашниковой), что Вы вышли из редакции "Весов" и последние прекращают свое существование» (*ГБЛ*. Ф. 386. 110. 37).

[2] Видимо, в такой форме до Волошина дошли известия о нереализованном намерении Брюсова (летом 1905 г.) отказаться от руководства "Весами". См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы" // *ЛН*. Т. 85. С. 279–280; письмо Вяч. Иванова Брюсову от 1 августа 1905 г. – Там же. С. 477.

[3] Имеется в виду статья Волошина "Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции". Она была опубликована не в "Весах", а в журнале "Перевал" (1906, № 2, дек. С. 12–27); подзаголовок принадлежал не автору, а редактору "Перевала" С.А. Соколову; последний писал Волошину 24 ноября 1906 г.: «Корректуру "Пророков и мстителей" послал ⟨...⟩ нельзя ли к заглавию добавить подзаголовок: "предвестия Великой Революции", – это очень важно для объявлений в газетах о содержании №» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 1126). Этот подзаголовок был сохранен и при переиздании статьи в книге Волошина "Лики творчества" (Кн. 1. СПб., 1914. С. 339–377); в указателе содержания статья названа: "Пророки и мстители (1905 год)". См.: *Волошин М. Лики творчества*. С. 188–208.

[4] См. п. 53, прим. 3. О запросе Жана де Гурмона относительно гонорара Волошина извещал в письме от 24 ноября 1905 г. А. Ван Бевер (*Ежегодник 1979*. С. 249–250).

[5] Дмитрий Исидорович *Митрохин* (1883–1973) – художник-график, мастер книжного оформления и иллюстрации. Его графические работы были помещены в "Весах" в 1904 г. (№ 6, с. 29; № 9, с. 80; № 12, с. 58), но впоследствии там не появлялись. Митрохиным выполнена обложка книги Брюсова "Зеркало теней. Стихи 1909–1912 г." (М., "Скорпион", 1912).

[6] Имеется в виду московское декабрьское восстание 1905 г.

[7] О публикации стихов Волошина в "Весах" см. п. 61, прим. 3.

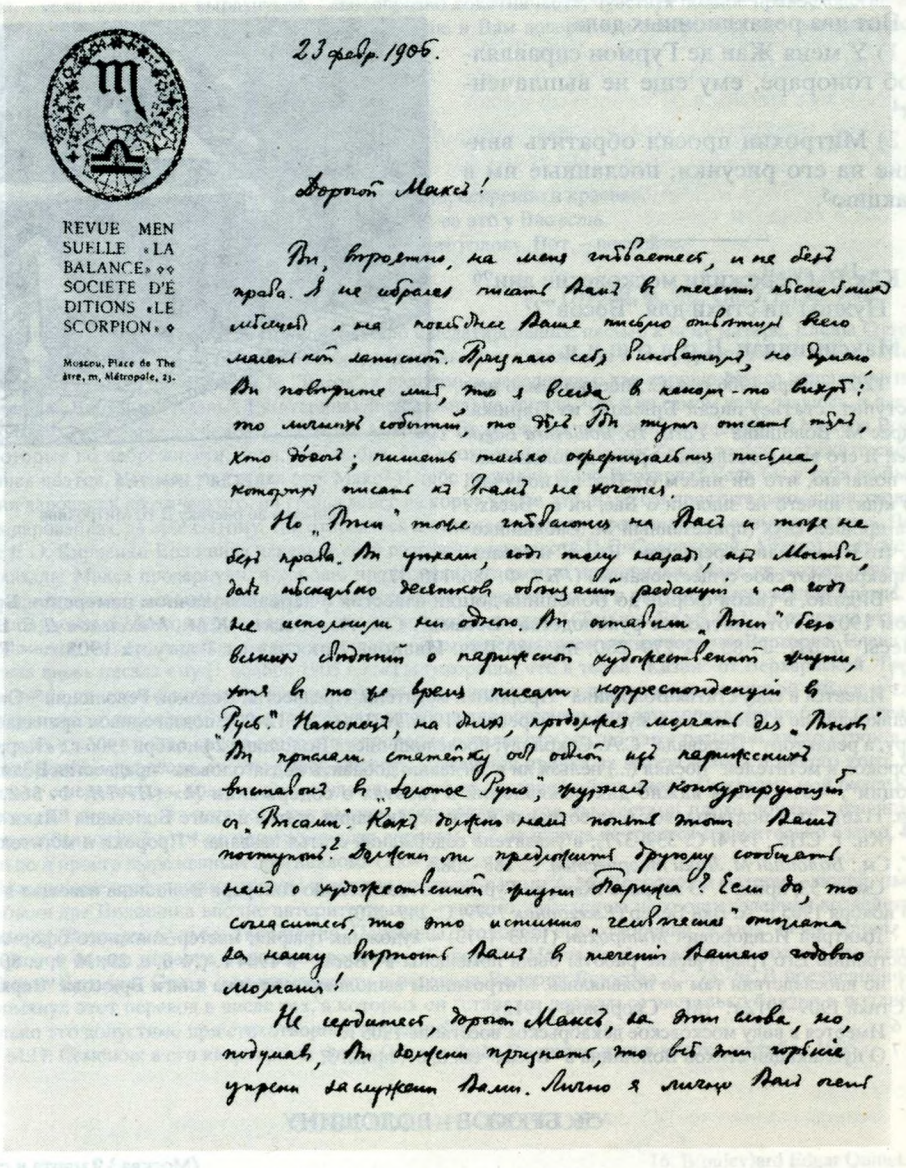
56. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 9 марта н.ст. 1906.

Дорогой Макс!

Вы, вероятно, на меня гневаетесь и не без права. Я не собрался писать Вам несколько месяцев, и на последнее Ваше дружеское письмо ответил маленькой запиской[1]. Но Вы поверьте мне, что я всегда в каком-то вихре: то событий личной жизни, то дел. Где тут писать тем, кто до́рог. Пишешь только официальные письма, которых писать к Вам не хочется.

И, однако, это – почти официальное письмо. Ибо "Весы" тоже гневаются на Вас и тоже не без права. Вы уехали, год тому назад, из Москвы, дав несколько десятков обещаний редакции, и за двенадцать месяцев не исполнили ни одного. Вы оставили "Весы" безо всяких сведений о парижской художественной жизни, хотя в то же время писали корреспонденции в "Русь". Наконец, на днях, продолжая молчать для "Весов", Вы прислали статью об одной из парижских выставок в "Золотое Руно", журнал все же соперничающий с "Весами"[2]. Как "Весы" должны понять Ваши поступки? Долж-



REVUE MENSUELLE «LA BALANCE» ◊◊ SOCIETE D'ÉDITIONS «LE SCORPION» ◊

Moscou, Place de Théâtre, m, Métropole, 23.

23 февр. 1906.

Дорогой Максъ!

Вы, вѣроятно, на меня гнѣваетесь, и не безъ права. Я не собрался писать Вамъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и на послѣднее Ваше письмо отвѣтилъ всего маленькой запиской. Признаю себя виноватымъ, но думаю, Вы повѣрите мнѣ, что я всегда въ какомъ-то вихрѣ: то личныхъ событій, то дѣлъ. Вы тутъ описать тѣмъ, кто дорогъ; пишешь только оффиціальныя письма, которыхъ писать къ Вамъ не хочется.

Но „Вѣсы" тоже гнѣваются на Васъ и тоже не безъ права. Вы уѣхали, годъ тому назадъ, изъ Москвы, давъ нѣсколько десятковъ обѣщаній редакціи и на годъ не исполнили ни одного. Вы оставили „Вѣсы" безо всякихъ свѣдѣній о парижской художественной жизни, хотя въ то же время писали корреспонденціи въ „Русь". Наконецъ, на дняхъ, продолжая молчать для „Вѣсовъ" Вы прислали статейку объ одной изъ парижскихъ выставокъ въ „Золотое Руно", журналъ конкурирующій съ „Вѣсами". Какъ должно намъ понять этотъ Вашъ поступокъ? Должны ли предложить другому сообщать намъ о художественной жизни Парижа? Если да, то согласитесь, что это истинно „человѣческая" отплата за нашу вѣрность Вамъ въ теченіи Вашего годового молчанія!

Не сердитесь, дорогой Максъ, за эти слова, но, подумавъ, Вы должны признать, что всѣ эти горькіе упреки заслужены Вами. Лично я лично Васъ очень

ПИСЬМО БРЮСОВА М.А. ВОЛОШИНУ

Автограф. Москва, 23 февраля 1906 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

ны ли "Весы" искать иного корреспондента в Париже? Если да, то это будет поистине "женская" расплата за их верность Вам в течение Вашего годового молчания!

Не сердитесь, дорогой Макс, за эти слова. Подумав, Вы должны будете признать, что эти горькие упреки заслужены Вами. Лично я лично Вас очень люблю, и заранее прощаю Вам все, что Вы сделаете против *меня*. Но, как представитель "Весов"[3], я не могу извинить Вам, как сотруднику "Весов", Вашей небрежности к ним. "Весы" особенно гордятся своей осведомленностью о заграничных делах, а по Вашей вине они оказываются неосведомленными о том, что свершается в таком центре, как Париж[4]. Нет, право, или пишите в "Весы", или прямо скажите, что не будете, не можете, не хотите.

Я очень надеюсь, что эта маленькая ссора между Вами и "Весами" уладится к лучшему. Во всяком случае не смешивайте с "Весами" меня и верьте, что я давно признал в Вас одного из "посвященных", из "избранных" и что поэтому мое отношение к Вам (каковы бы ни были мои отдельные нападки на Вас, вроде критики Ваших переводов из Верхарна[5]) измениться не может, что я всегда буду в истинном смысле

Ваш Валерий Брюсов.

P.S. Спасибо за примечание к переводу "Последнего дня". Стихи потеряли почти все в переводе![6] Получили ли Вы мою книгу?[7] Чтó Ренэ Гиль, знаете ли Вы что-нибудь об нем? Чтб Бальмонт?[8] Можно ли сочинять, а тем более печатать такие жалкие вирши, какие он подписывает своим священным именем в "Руси"![9] Прочтя, готов был писать к нему негодующее воззвание!

На французском бланке "Весов".

В архиве Брюсова сохранился неотправленный вариант этого письма, датированный по старому стилю: 23 февраля 1906 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.15). Фрагменты из него приводятся ниже в примечаниях.

[1] Эта "записка" в архиве Волошина не сохранилась.

[2] В неотправленном варианте: «Журнал, конкурирующий с "Весами"». Имеется в виду корреспонденция Волошина "Первая выставка интернационального общества акварелистов" (*ЗР*. 1906. № 3).

[3] В неотправленном варианте: «Но как соредактор "Весов"».

[4] Упрек такого рода Брюсов высказал и в заметке "О Максе Волошине и древнем змее", где упомянул о Волошине, «увы! давно не радующем "Весы" своими живыми и блестящими письмами из Парижа» (Весы. 1905. № 8. С. 69).

[5] В неотправленном варианте: «Верьте, что я и после этого письма (как после своих нападок на Ваши переводы из Верхарна) неизменно ценю Вас, как одного из "посвященных", из "избранных", уже вошедшего в тот круг, из которого назад пути нет».

[6] Перевод "лирической поэмы" Брюсова "Последний день", напечатанный в периодическом издании "Ecrits pour l'art littéraires et philosophiques" (t. 3, Mars 1905 – février 1906 ("Nouvelle serie") P., 1906. P. 577–580) и выполненный Мари Ле Гран (Marie Le Grand), был явно инспирирован Волошиным: в той же книжке (p. 489–494) были помещены переводы двух стихотворений Бальмонта и трех стихотворений самого Волошина ("Зеркало", "Старое письмо", "Принцип и конец"). Переводчик этих стихотворений укрылся за инициалами "А.В-г" (видимо, A. Bauler, т.е. А.В. Гольштейн). За текстом поэмы "Последний день" следовала (p. 581) заметка, подписанная "M.V" (бесспорно – Maximilian Volochine). Приводим в переводе с французского ее полный текст – первый печатный отзыв Волошина о Брюсове:

«Если г-н Константин Бальмонт может считаться королем русских поэтов, то Валерию Брюсову по праву принадлежит титул их мэтра.

Начиная с первых сборников ("Me eum esse", "Chefs d'oeuvre", "Tertia vigilia"), вплоть до "Urbi et orbi" и последней, только что изданной книги "Στέφανος", все творчество Валерия Брюсова – упорный и последовательный путь к совершенству. Неослабным воздействием своего искусства, достоинства которого неоспоримы, он сдвигает с места глыбу русского Слова, исследует и разлагает его, ищет и находит в нем еще неслыханную гармонию. В этой области он – химик Слова, обладающий аналитической интуицией (но отнюдь не проникновенной музыкальностью Бальмонта). Начав с изобилия пышных фраз, он достигает в своих последних вещах классической простоты, почти прозрачности пушкинского стиха.

Историк и библиограф одновременно присутствуют в стихотворениях Брюсова, и стебель акации более подошел бы к его музе, чем лавровый венок.

М.В.»

[7] Имеется в виду книга Брюсова "Στέφανος". Венок. Стихи 1903–1905 года", вышедшая в свет в конце декабря 1905 г. В библиотеке Дома-музея М.А. Волошина эта книга отсутствует.

[8] В неотправленном варианте: "Очень соблазнительно было бы услышать от Вас о Бальмонте. Что он? У меня об нем самые черные предчувствия".

[9] В газете "Русь" были опубликованы стихотворения К.Д. Бальмонта "Живые сказки" ("Я с ужасом теперь читаю сказки..."), "Птица мести" ("Если ты врага имеешь...") (1906, № 27, 12 февр.), "Со стороны" ("Я отошел к стороне – и смотрю...") (№ 33, 19 февр.). Брюсов воспринял резко отрицательно его стихотворения на общественно-политические темы. Подробнее об этом см. наст. том, кн. 1. Вступ. ст. А.А. Нинова и прим. 86 к ней, а также п. 123, прим. 4.

57. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 9/22 марта 1906 г.⟩

Дорогой Валерий!

Я через четыре дня еду в Москву на месяц и буду сейчас же у Вас[1]. Я очень благодарен Вам за Ваше письмо, и обо всех делах не имеет смысла говорить теперь, когда можно будет на следующей неделе переговорить лично.

Перед "Весами" я очень виноват, но я думаю искупить свою вину теперешней работой[2].

Я приеду в Москву с молодым поэтом Вальдором, которого Рябушинский ангажировал для "стиля" в "Руне"[3].

До скорого свидания.

Ваш Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris. 22.3.06; Москва. 13.3.06.
Ответ на п. 56.

[1] За несколько дней до отъезда Волошина писал М.В. Сабашниковой: "Приехавши в Москву, я никого из посторонних лиц видеть не буду, сделавши только исключение для Брюсова и Белого, которых я очень хочу видеть" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 110). В Москве Волошин обвенчался с М.В. Сабашниковой (12 апреля 1906 г.) и затем возвратился вместе с нею в Париж.

[2] В 1906 г. в "Весах" появилась только одна статья Волошина – "Письмо из Парижа. Национальный салон 1906" (№ 9).

[3] Имеется в виду французский поэт, критик и романист Александр *Мерсеро* (Mercereau; псевдоним – Эсмер-Вальдор, Eshmer-Valdor; 1884–1945), один из участников литературной группы "Аббатство" (Р. Аркос, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель и др.). Мерсеро посещал мастерскую Е.С. Кругликовой (см.: Максимилиан Волошин – художник. С. 99), был знаком с А.В. Гольштейн, которая и связала его в Париже с редактором-издателем "Золотого руна" Н.П. Рябушинским. В феврале 1906 г. Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: "Ал⟨ександра⟩ Вас⟨ильевна⟩ Рябушинскому покровительствует, и по ее рекомендации он берет с собою в Москву поэта Valdor'a для французских переводов. Кажется, ты его раз видела у Алекс⟨андры⟩ Васильевны" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111). Мерсеро действительно приехал в начале 1906 г. в Москву и работал некоторое время в редакции "Золотого руна" в качестве редактора французских переводов; он печатал в "Золотом руне" и собственные статьи (например, "По поводу Осеннего салона". – *ЗР*. 1908. № 10).

Видимо, к этому периоду относится и знакомство Брюсова с Мерсеро. Сохранилась дарственная надпись на книге Мерсеро "Gens de là et d'ailleurs", 1907 ("Люди из разных мест"): "Поэту-творцу Валерию Брюсову. С выражением искреннего восхищения и в знак особой симпатии г-ну и г-же Брюсовым на память Александр Мерсеро. 8 апреля 1907. Париж – Москва" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1625; в оригинале надпись – на французском языке). С А. Мерсеро и другими поэтами "Аббатства" Брюсов встречался в Париже осенью 1908 г. и в сентябре-октябре 1909 г. (см.: *Дневники*. С. 141; *Лавров А.В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 304—315. Сохранилось также письмо А. Мерсеро к Брюсову от 7 декабря 1908 г. (*ГБЛ*. Ф. 386. 94. 49). В библиотеке Брюсова находились и другие книги Мерсеро, в частности стихотворный сборник "Les Thuribulums affaissés", 1905 ("Ветхие кадильницы") с пометами Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1644); из этой книги Брюсов перевел стихотворение "Луна", оставшееся в рукописи (*ГБЛ*. Ф. 386. 26.26). Кроме того, сборник критических статей Мерсеро "La littérature et les idées nouvelles", 1912 ("Литература и новые идеи") с дарственной надписью автора (в оригинале – на французском языке): "Госпоже Брюсовой, Валерию Брюсову на память от друга Александра Мерсеро, улица Пор Руайяль 88, Париж" (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1626). Аналогичного содержания надпись Мерсеро сделал и на книге "Paroles devant la vie", 1913 ("Слова перед жизнью"), также сохранившейся в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1627). Свои сборники Мерсеро дарил и Волошину; в библиотеке волошинского Дома-музея в Коктебеле находятся книги Мерсеро "Les Thuribulums affaissés" и "Gens de là et d'ailleurs" с дарственными надписями автора (см.: *Заборов П.Р.* Французские писатели – корреспонденты Волошина // *Ежегодник 1979*. С. 257).

В библиотеке Пушкинского Дома сохранился также экземпляр книги А. Мерсеро "Les gens de là et d'ailleurs", подаренный в 1908 г. Н.С. Гумилеву "с сердечным приветом". Там же находится и другой экземпляр этой книги (в более позднем издании) с надписью: "Моим русским соратникам дарю этот том, корректуры которого в первом издании правились в Москве в 1906 году, с наилучшими пожеланиями А. Мерсеро. Париж, апрель 1922 г. Бульвар Пор Руайяль 88". К кому именно обращена эта надпись и кому была подарена эта книга, установить не удалось.

В статье, посвященной Полю Фору и другим французским поэтам, писатель П.А. Кожевников рассказывал об Александре Мерсеро: «Он известен москвичам по сотрудничеству в "Золотом руне". Вместе с Н.П. Рябушинским он устраивал выставки французской живописи в Москве, Киеве, Одессе. Беллетрист и критик, он напечатал несколько книг и писал всюду несмотря на свои 30 с чем-то лет. Редактировал разные "revues"» (*Кожевников П.* У князя поэтов (впечатления Парижа) // Утро России. 1913. № 194. 23 авг.). В 30-е годы Мерсеро выпустил ряд романов.

А. МЕРСЕРО (ЭСМЕР-ВАЛЬДОР)
Фотография. Париж, 1905 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

58. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 8 ноября 1906.

Дорогой Макс!

Я говорил С.А. Соколову, что Вы готовы написать рецензию на моего Верхарна[1]. С.А. очень рад этому и всячески просит Вас не откладывать этой работы. Мне тоже будет очень приятно и желанно, если этот разбор будет написан Вами, человеком знающим и любящим Верхарна, – хотя бы Вы и бранили мои переводы.

Если увидите Г.И. Чулкова, условьтесь с ним, пожалуйста, о дне, когда Вам можно читать у нас в кружке. На 14-ое назначен доклад Чулкова, на 21 – А. Волынского, на 28, предположительно, Ваш. Но Чулков не хочет читать 14-го (кажется), и все наши расчеты путаются[2].

Ваш В а л е р и й.

P.S. Не откажите передать мой сердечный привет Марг⟨арите⟩ Вас⟨ильевне⟩[3], Лидии Дм⟨итриевне⟩, дорогому мне Вячеславу[4], Городецкому и всем.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт.: Москва. 8.11.06.

[1] Речь идет о книге: Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906 (вышла в свет в июне 1906 г.). По всей вероятности, Волошин выразил Брюсову свою готовность написать о ней во время своего пребывания в Москве в конце сентября – начале октября 1906 г.; тогда же, видимо, было предварительно решено предложить статью Волошина в журнал "Перевал", издававшийся в Москве с ноября 1906 г. под редакцией С.А. Соколова. В недатированном письме (судя по содержанию – осень 1906 г.) Волошин извещал Соколова: «Я условился с Валер⟨ием⟩ Яковл⟨евичем⟩, что я напишу для "Перевала", если Вы ничего против этого не имеете, рецензию о его переводах Верхарна» (*ГБЛ*. Ф. 499, 1.9). Но рецензия была опубликована в "Весах" (см. п. 60–62).

[2] Речь идет о заседаниях Московского Литературно-художественного кружка, проходивших по втор-

никам. Брюсов, один из руководителей кружка с 1902 г., в 1908 г. был избран его председателем. План заседаний, сообщаемый Брюсовым, не осуществился: выступление А. Волынского не состоялось, доклад Г.И. Чулкова "Об утверждении личности" был прочитан лишь 16 января 1907 г., доклад Волошина – 27 февраля (см. пп. 60–62).

[3] М.В. *Волошина* (рожд. Сабашникова; 1882–1973) – первая жена Волошина, художница, поэтесса; впоследствии – автор мемуаров "Зеленая змея" ("Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen". 4. Auflage. Stuttgart, [1968]). По-русски изданы впервые в 1993 г.

[4] В октябре 1906 г. Волошин с женой поселились в одном доме с В.И. и Л.Д. Ивановыми (Таврическая ул., д. 25; по современной нумерации – 35); они сняли три комнаты этажом ниже их квартиры ("башни").

59. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 11 ноября 1906 г.⟩

Дорогой Валерий!

Я не видал Чулкова. Но Вяч⟨еслав⟩ И⟨ванов⟩ говорил, что 14 нояб⟨ря⟩ хочет воспользоваться Аничков[1].

Это мне улыбается.

Я раньше декабря не смогу читать и лучше во второй половине, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я хотел бы остаться в Москве на праздники и желал бы, чтоб это совпало. К 21-му я *не успею* приготовить лекции.

Моя окончательная тема: история античн⟨ых⟩ богов после падения античного мира, как она отразилась у Ан. Франса, у Р. де Гурмона, Гейне и т.д.

Заглавие: "Судьба богов". Хотя, может, я и придумаю более звучное имя[2].

Только не раньше декабря. Вы мне сами сказали: "Конец декабря или начало января"[3]. Может, Вы обмолвились?

Пожалуйста – вышлите мне мои стихи: крайне необходимо[4].

"Гностический гимн Деве Марии"[5] вышлю Вам на днях: не успел переписать.

О Верх⟨арне⟩ буду писать.

Привет И⟨о⟩анне Матвеевне.

Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Петербург. 11.11.06; Москва. 12.11.06.

Ответ на п. 58.

[1] Евгений Васильевич *Аничков* (1866–1937) – историк литературы, фольклорист, критик, близкий к кругу петербургских символистов. 14 ноября 1906 г. состоялось его выступление в Московском Литературно-художественном кружке на тему "Эстетические обоснования общественности".

[2] Выступления на эту тему Волошин не подготовил. (См. п. 67). Статью "Судьба богов" Волошин рассчитывал опубликовать в журнале "Перевал". Редактор журнала С.А. Соколов писал ему 24 ноября 1906 г.: «Относительно "Судьбы богов" – *в принципе* против ничего не имею, если только по размерам эта вещь будет несколько менее "Пророков" (или таковой ее будет можно сделать, сжав в обработке реферат после ее прочтения). Во всяком случае пойдет она уже весной» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126; "Пророки" – статья Волошина "Пророки и мстители"). Однако статью "Судьба богов" Волошин в "Перевал" не представил; рукопись статьи не обнаружена.

[3] Имеется в виду предварительная договоренность о выступлении Волошина, достигнутая во время пребывания его в Москве в конце сентября – начале октября 1906 г.

[4] Рукописи своих стихов Волошин передал Брюсову в расчете на их публикацию в "Весах", видимо, еще во время своего пребывания в Москве в марте-апреле 1906 г. Предполагалось, что будут опубликованы сразу несколько его произведений, по установившейся в "Весах" традиции помещать почти в каждом номере цикл стихотворений одного поэта. В апреле 1906 г. Брюсов сообщал Ю.Н. Верховскому (претендовавшему на скорейшее помещение собственного цикла в "Весах"): "Книжки 1–4, как Вы видели, были посвящены К. Бальмонту, Вяч. Иванову и З. Гиппиус. Дальнейшие обещаны: А. Блоку, А. Белому, Ф. Сологубу, Ю. Балтрушайтису, М. Волошину, М. Кузмину и мне" (*ГПБ*. Ф. 8. Ед. хр. 20). В 1906 г. стихи Волошина в "Весах" не появились.

[5] Это стихотворение Волошина было впервые опубликовано под заглавием "Гностический гимн" ("Славься, Мария!...") в журнале "Вестник теософии" (1908, № 2); под заглавием "Гностический гимн Деве Марии" и с посвящением Вячеславу Иванову вошло в раздел "Звезда-полынь" в сб. Волошина "Стихотворения. 1900–1910" (дата: "Петербург. 1907").

60. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

(Петербург.
1 или 2 декабря 1906 г.)

Дорогой Валерий.

Я согласился писать рецензию о Ваших переводах Верхарна только по Вашей просьбе. Она написана, и написана против Вас[1]. Я Вам ставлю в ней тяжелые обвинения. Но так как она своим возникновением обязана только Вашим настояниям, то я хочу, чтобы Вы первый ознакомились с ней, и посылаю рукопись Вам.

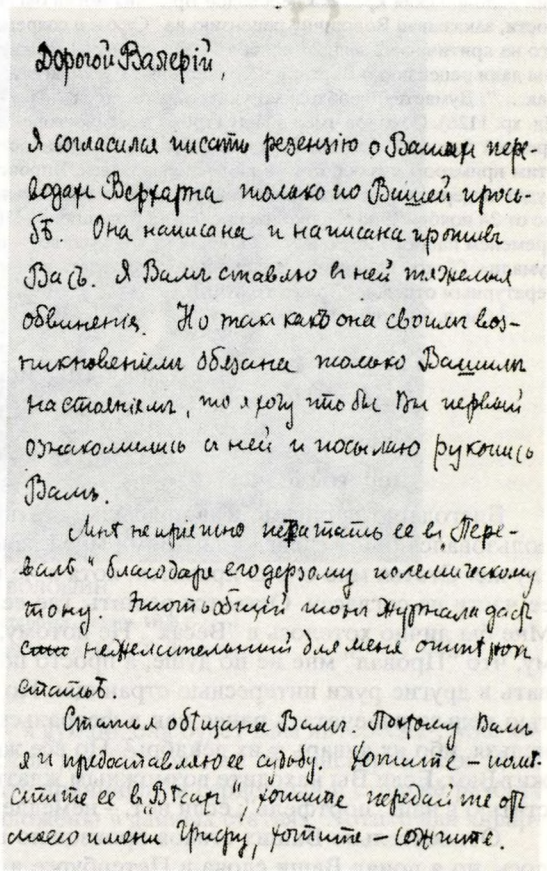
Мне неприятно печатать ее в "Перевале" благодаря его дерз⟨к⟩ому полемическому тону. Этот общий тон журнала даст нежелательный для меня оттенок статье[2].

Статья обещана Вам. Поэтому Вам я и предоставляю ее судьбу. Хотите – поместите ее в "Весах", хотите – передайте от моего имени Грифу, хотите – сожгите.

Даю Вам полную власть над ней.

Моя лекция?

Я еще не начал писать ее. Пожалуйста, не решайте ничего с ней, пока она хотя бы до половины не будет написана.


Дорогой Валерий,

Я согласился писать рецензию о Ваших переводах Верхарна только по Вашей просьбе. Она написана и написана против Вас. Я Вам ставлю в ней тяжелые обвинения. Но так как она своим возникновением обязана только Вашим настояниям, то я хочу, чтобы Вы первый ознакомились с ней и посылаю рукопись Вам.

Мне неприятно печатать ее в "Перевале" благодаря его дерзкому полемическому тону. Этот общий тон журнала даст нежелательный для меня оттенок статье.

Статья обещана Вам. Поэтому Вам я и предоставляю ее судьбу. Хотите – поместите ее в "Весах", хотите передайте от моего имени Грифу, хотите – сожгите.

ПИСЬМО М.В. ВОЛОШИНА БРЮСОВУ
Автограф.
Петербург, 1 или 2 декабря 1906 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Мои стихи. Я настоятельно прошу Вас – вышлите мне немедленно те стихи, которые не будут в "Весах"[3].

Вы меня ставите в очень неприятно⟨е⟩ положение, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у меня просят стихов в разные издания и я ничего не могу дать, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ из 11 стихот⟨ворений⟩, что у Вас, *одно* должно быть напечатано.

Я нахожу это очень неделикатным со стороны редакции "Весов".

До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 3.12.06.

[1] 2 декабря 1906 г. Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: "... сегодня я весь день работал и закончил статью о переводах Брюсова. Завтра утром посылаю ее* ему. Маме она очень понравилась и по тону и по содержанию" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111). См. п. 62, прим. 1.

[2] В вышедшем к тому времени 1-м номере "Перевала" "полемический тон" отчетливо проявлялся только в отношении журнала "Золотое руно" (см. с. 49, 58 – уничтожающая рецензия А.И. Бачинского на "Исповедь" Н. Шинского (Рябушинского), издателя "Золотого руна"). Однако редактор "Перевала" С.А. Соколов замышлял организовать полемическую кампанию также против "Весов", и в этом отноше-

*В автографе: их.

нии волошинская критика переводов Брюсова могла бы сыграть в ней вполне определенную роль. В частности, заказывая Волошину рецензию на "Стихи о современности", Соколов пытался исподволь настроить его на критический лад; 24 ноября 1906 г. он писал Волошину: «Ровно ничего не имею против того, чтобы Вы дали рецензию о Верхарне. Только одно маленькое условие. В одном месте Брюсов пишет: "Я высюсь, как ...". Думается, необходимо указать, что слова "высюсь" нет, а есть "вышусь"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126). Соколов имел в виду строку из стихотворения "Женщина на перекрестке": "В веках я высюсь древней башней!" (Эмиль Верхарн. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. С. 50); Волошин этим примером в своей статье не воспользовался. Впрочем, расчет Соколова на то, что отзыв Волошина будет выдержан в осудительной тональности, можно объяснить их прежними переговорами; в том же письме от 24 ноября 1906 г. Соколов предлагал Волошину: «Помните, когда-то Вы говорили мне, что хотите со временем написать статейку "О пошлости в искусстве" – против "Весов". Помыслите об этом, если не раздумали». (Такое намерение Волошин мог высказать в Москве весной 1906 г., когда Соколов руководил литературным отделом "Золотого руна").

[3] См. п. 59, прим. 4.

61. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩
1906, дек⟨абрь⟩. ⟨Около 5 декабря⟩.

Дорогой Макс!

Благодарю за письмо и за присылку статьи. Разумеется, я вообще никогда не воспользовался бы предлагаемым Вами мне правом "сжечь ее", но всего менее в данном случае. Статья мне очень нравится, хотя я не во всем с ней согласен, даже в большей ее части не согласен. Остается решить, где ее напечатать: в "Весах" или "Провале"[1]. Мне бы лично хотелось в "Весах". Не потому, что это статья против меня, и не потому, что "Провал" мне не по душе, а просто потому, что статья хороша и жалко отдавать в другие руки интересные страницы. Но есть затруднение. В "Весах" Вашу статью нельзя напечатать ранее как в февральском №. Конечно, и в "Провале" раньше нельзя, ибо их январь = их декабрь[2]. Но все же решение этого затруднения принадлежит Вам. Если Вы находите возможным ждать до февраля, сообщите: я положу Вашу статью в наш "портфель"; если нет, – немедленно перешлю ее С.А. Соколову.

Относительно Ваших стихов произошло недоразумение. Не знаю, как это случилось, но я понял Ваши слова в Петербурге в том смысле, что Вы поручили мне хранить Ваши стихи с тем, чтобы по мере надобности выписывать от меня ту или другую "copie". Теперь вся рукопись уже в Ваших руках. Как Вы заметили, мною взято не 2, а 3 стихотворения. О времени их помещения в "В⟨есах⟩" напишу особо[3]. Очень извиняюсь за свою непонятливость и за возникшее из-за нее недоразумение. Во всяком случае виноват в нем исключительно я, я лично, а не "Весы", ибо Ваши стихи хранились у меня, а не в редакции.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке "Весов".
Ответ на п. 60.

[1] Так Брюсов насмешливо называл журнал "Перевал".

[2] Брюсов имеет в виду, что январский номер "Перевала" за 1907 г. скомплектован уже в декабре 1906 г.

[3] Два стихотворения Волошина под общим заглавием "Картины Парижа" – "В Булонском лесу" ("В серо-сиреневом вечере...") и "St. Cloud" ("Эта светлая аллея...") – были опубликованы в № 1 "Весов" за 1907 г.

62. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 9 или 10 декабря 1906 г.⟩

Дорогой Валерий!

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Конечно, я хочу, чтобы статья была в "Весах"[1]. В "Перевале", благодаря его резкому полемическому тону, она примет характер какой-то неподобающей выходки против Вас, а этого я отнюдь не хочу. Я так и напишу Сер⟨гею⟩ Алекс⟨еевичу⟩[2].

М.А. ВОЛОШИН
Фотография. Петербург, январь 1908 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Посылаю Вам мою статью о театре – я думаю, она будет Вам интересна[3]. Мне хочется написать об театре Комиссаржевской для "Весов", но не панегирик, как здесь (по тактическим соображениям – в защиту принципа), а сериозный и строгий разбор, опирающийся на те же принципы, что изложены в данных статьях. Хотите для январского №?[4]

Тогда напишите срок присылки: это необходимо мне знать.

С другой стороны, мне очень интересно посмотреть, что они сделают с "Балаганчиком"[5]. "Вечная сказка" – плохо. Положим, и пьеса очень слаба[6].

Я теперь под тем же заглавием "Лики Творчества" пишу тот ряд характеристик-портретов: дал уже Городецкого и Кузмина (они скоро выйдут)[7]. Теперь дам "Эрос" В. Ив⟨анова⟩ и Ремизова[8]. Поэтому еще не принялся за лекцию, но вовсе от нее не отказываюсь в принципе…[9]

Я не знаю, какой исходный пункт взять мне для статьи о Вас. Не выпускаете ли Вы чего-нибудь в январе?[10] Имея точку опоры в книге, легче. Потому что если писать Вашу характеристику вообще, то я выйду из размеров данного мне фельетона.

Благодарю Вас за стихи мои.

До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 11.12.06.
Ответ на п. 61.

[1] Статья Волошина "Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов" была опубликована в № 2 "Весов" за 1907 г. – с "пост-скриптумом" Брюсова, в котором заключался ответ на критические доводы Волошина. Подробнее см. во вступительной статье. См. также: *Волошин М. Лики творчества*. С. 427–433, 727–730.

[2] Это письмо Волошина к С.А. Соколову неизвестно. Соколов отвечал на него 14 декабря 1906 г.: «Очень грущу, что не довелось получить для "Перевала" рецензию о Верхарне. Судьба!…» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126). Однако и после этого Соколов не оставлял мысли подвергнуть в "Перевале" критике "Стихи о современности". 13 декабря 1906 г. он писал Г.И. Чулкову: «В свое время, уже довольно давно, М. Волошин взялся писать нам рецензию о Брюсовском переводе Верхарна. На днях он сообщил, что рецензия вышла слишком отрицательной и потому он опасается, что помещение ее в "Перевале" может вызвать двойное негодование Брюсова (это – тайна!). Потому он не придумал иного, как послать ее в "Весы". Очень прошу, напишите эту рецензию к январскому №. Вы – единственный из наших сотрудников, имею-

щий право говорить о Верхарне. Если можно, отметьте в рецензии некую безграмотность: в одном месте Брюсов говорит вместо: "вышусь, как скала" – "высюсь"» (*ГБЛ*. Ф. 371, 4.2). Однако Чулков – несмотря на то что он сам переводил Верхарна и издал его пьесу "Зори" в своем переводе (СПб., 1906), который Брюсов подверг острой критике (Новые переводы Верхарна // Весы. 1906. № 9; подпись: Аврелий), – от написания рецензии на "Стихи о современности" уклонился.

Отметим попутно, что еще раньше Соколов, заказывая А. Блоку (в письме от 15 сентября 1906 г.) рецензию на "Стихи о современности" для "Золотого руна", обращал внимание на тот же пример "безграмотности" Брюсова (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 545); Блок в своей рецензии (*ЗР*. 1906. № 7–8–9) указанием Соколова не воспользовался, сочтя, видимо, правомерным брюсовское словоупотребление: в записную книжку, относящуюся к сентябрю-октябрю 1906 г., он занес различные формы глагола "выситься" из словаря В.И. Даля (см.: *Александр Блок*. Записные книжки. М.: Худож. лит., 1965. С. 77; в комментарии связь этой записи с письмом С.А. Соколова не отмечена).

[3] Имеется в виду статья Волошина «Лики творчества. 1. Театр – сонное видение. 2. "Сестра Беатриса" в постановке Театра В.Ф. Комиссаржевской» (Русь. 1906. № 71. 9 дек.). Это была первая публикация Волошина под рубрикой "Лики творчества". Толчком к написанию статьи послужила постановка В.Э. Мейерхольдом "Сестры Беатрисы" Метерлинка с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли, имевшая шумный успех. 3 декабря 1906 г. Волошин писал жене: «Вчера я был у Комиссаржевской в театре на "Сестре Беатрисе". Это очень хорошо. Я сейчас буду писать об этом статью» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 111); 5 декабря – ей же: «Я написал фельетон о "Сестре Беатрисе" (...)» (Там же. Ед. хр. 112). Пафос статьи Волошина заключался в отстаивании принципов условно-символического театра, которые последовательно проводил Мейерхольд в своих постановках. 9 декабря 1906 г. М.А. Кузмин писал Мейерхольду: «Меня несколько утешил Волошин, принесший мне корректуры 2-х фельетонов для "Руси" о театре и о "Сестре Беатрисе" очень-очень сочувственных (он, между прочим, и сам художник и во всяком случае не безызвестный художественный критик и в большом удовольствии от постановки и декораций Метерлинка)» (*ЦГАЛИ*. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1811). См. также: *Волошин М. Лики творчества*. С. 382–385, 708–711.

[4] 6 декабря 1906 г. Волошин сообщал жене: «Теперь я буду писать статью о театре Комиссаржевской для "Весов" (...)» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Неизвестно, как именно откликнулся Брюсов на предложение Волошина; задуманная статья в "Весах" не появилась. По всей вероятности, Волошин сообщил Мейерхольду о своем намерении написать для "Весов" о его спектаклях; ср. дневниковую запись М.А. Кузмина от 15 декабря 1906 г.: «Всеволод Эмильевич ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят, в "Весах" напишут Волошин и Аничков, в "Перевале" – Блок – значит, люди сочувствующие (...)» (цит. по: *Рудницкий К*. В театре на Офицерской // Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М.: ВТО, 1978. С. 170).

[5] Премьера пьесы А. Блока "Балаганчик" в постановке В.Э. Мейерхольда состоялась в Театре В.Ф. Комиссаржевской 30 декабря 1906 г.; репетиции начались 10 декабря. См.: О Коммиссаржевской. Забытое и новое. М., 1965. С. 85–86.

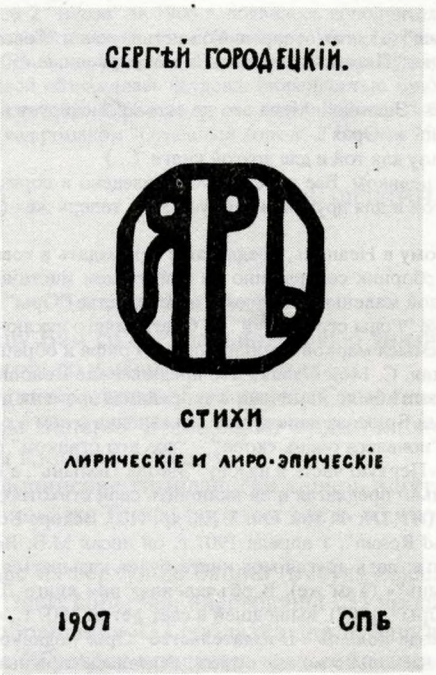
[6] Такую же оценку спектакля Волошин дал в письме к М.В. Сабашниковой от 5 декабря 1906 г. «Вчера я был на "Вечной сказке" Пшебышевского. Это было плохо» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). В прессе высказывались противоречивые оценки спектакля, при этом критике подвергалась не только постановка Мейерхольда, но и самая пьеса Пшибышевского (см.: *Рудницкий К*. В театре на Офицерской. С. 163–167).

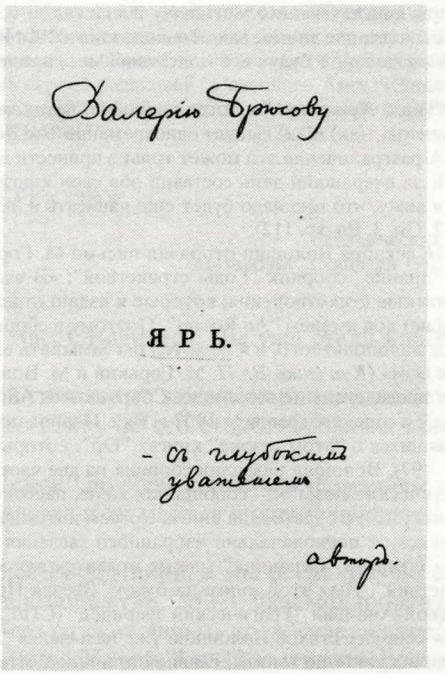
[7] Имеются в виду статьи Волошина «Лики творчества. "Ярь". Стихотворения Сергея Городецкого» (Русь. 1906. № 80. 19 дек.) и «Лики творчества. "Александрийские песни" Кузмина» (Там же. № 83. 22 дек.). Обе статьи были написаны в начале декабря 1906 г., в период тесного общения Волошина с обоими поэтами. 6 декабря 1906 г. Волошин писал М.В. Сабашниковой: "Сегодня я закончил большую статью об Городецком, которая маму привела в восторг – она никогда так меня не хвалила". На следующий день он писал ей же: «... в 2 часа ночи Городецкий зашел ко мне, чтобы я ему прочел свою статью об "Яри". И мы еще сидели и говорили до 5 час. утра. Он остался очень доволен моей статьей и сказал, что сам не предполагал такой внутренней цельности всей книги и связи всего с космическим вступлением» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Статью о Кузмине Волошин написал 7–8 декабря и тоже в первую очередь передал на суд самому автору: "Я целый день работал и закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему", – сообщал он Сабашниковой 8 декабря (Там же). См.: *Волошин М. Лики творчества*. С. 464–477, 740–745.

[8] Статья Волошина «Лики творчества. "Эрос" Вячеслава Иванова» (Русь. 1906. № 88, 28 дек.) была написана по корректуре книги и опубликована еще до ее выхода из печати: "Эрос" (СПб., "Оры", 1907) вышел в свет 9 января 1907 г. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 495). См.: *Волошин М. Лики творчества*. С. 477–484, 745–747. Намерения написать статью о книге А.М. Ремизова "Лимонарь. (Луг духовный)" (СПб., "Оры", 1907), отпечатанной в феврале 1907 г., Волошин не выполнил; несколько месяцев спустя он подготовил статью: «Лики творчества. Алексей Ремизов. "Посолонь"» // Русь. 1907. № 95.5 апр.; *Волошин М. Лики творчества* С. 508–515).

[9] Подразумевается лекция "Судьба богов", предназначавшаяся для Московского Литературно-художественного кружка. См. п. 59, прим. 2. В письме от 30 декабря 1906 г. С.А. Соколов спрашивал Волошина: «Когда прибудете в Москву для чтения реферата? Я, как и писал, весьма не прочь потом напечатать его в "Перевале"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1126).

[10] 1 января 1907 г. Волошин писал А.М. Петровой: "Посылаю Вам еще два фельетона об Кузмине и об Вячеславе Иванове. Это будет целая серия портретов. Теперь я пишу о Ремизове, потом о Сологубе и о Брюсове уже намечены и задуманы" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94). Однако в начале 1907 г. Волошин своего намерения написать статью о творчестве Брюсова не исполнил.





ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С.М. ГОРОДЕЦКОГО

на книге "Ярь" (СПб., 1907): "Валерию Брюсову – с глубоким уважением автор"

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

63. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. После 19 декабря 1906 г.⟩

Дорогой Валерий!

Очень радуюсь тому, что моя статья о Вас нашла себе прибежище в "Весах". Она там уместнее.

Жду "Земной Оси"[1].

Посылаю Вам статью о "Яри"[2].

Быть может, буду в скором времени в Москве[3].

Издаю книгу мистических стихов новых в "Орах".

Имя ей "Ad Rosam"[4].

М а к с и м и л и а н.

Видимо, ответ на неизвестное нам письмо Брюсова к Волошину (ответ на п. 62), в котором, в частности, сообщалось о принятии статьи Волошина "Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов" для публикации в "Весах".

[1] Речь идет о книге: *Брюсов В.* Земная ось. Рассказы и драматические сцены. (1901–1906). М.: Скорпион, 1907. Книга сохранилась в Доме-музее М.А. Волошина, имеет дарственную надпись: "Максимилиану Александровичу Волошину дружески Вал. Брюсов. 1906".

[2] См. п. 62, прим. 7. 1 января 1907 г. Волошин сообщал А.М. Петровой: «"Ярь" Городецкого благодаря моей статье сразу разошлась в Петербурге» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94).

[3] Волошин приехал в Москву вместе с матерью 31 декабря 1906 г. и провел там около недели.

[4] Впервые объявление о готовящемся сборнике стихов Волошина "Ad Rosam" появилось при книге Вяч. Иванова "Эрос" – первой книге издательства "Оры", основанного Ивановым. В письме к жене от 6 декабря 1906 г. Волошин передавал содержание своего разговора с Ивановым, состоявшегося накануне: «Узнав, что я собираюсь издавать свои стихи, он мне предложил издать в "Орах" мои стихи последнего периода

– мистические. Я стал сомневаться. Мы стали подсчитывать, и оказалось, что их вполне достаточно и выйдет книжка величиной с "Эрос". Он предложил ее назвать "Rosa Mystica" – но мне это показалось слишком много, и я предложил заглавие "Ad Rosam" – "К розе", которое ему очень понравилось. ⟨...⟩

Вчера (вторн⟨ик⟩) я весь день провел в переписываньи стихов, чтобы выяснить себе физиономию и размеры книги.

Выходят две вполне законченные книги: "Ad Rosam" (25 стих⟨отворений⟩) мистическая и "Годы странствий", в которой будут все описательные, лирические, "Письмо", переводы и общественные (50 стихотв⟨орений⟩).

"Годы странствий" я тогда попробую предложить "Знанию". Меня это не скомпрометирует в глазах декадентов, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ выйдет одновременно "Ad Rosam" в "Орах".

А разграничение это может только принести пользу для той и для другой книги. ⟨...⟩

Я за вчерашний день составил обе свои книги – целиком. Все переписано, приведено в порядок. Теперь я вижу, чтó мне надо будет еще написать и для той и для другой, и займусь этим теперь же» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112).

16 декабря Волошин отправил письмо М. Горькому в Неаполь, предлагая в нем издать в товариществе "Знание" сборник "Годы странствий": «В этот сборник совершенно не войдут мои мистические и оккультные стихотворения, которые я издаю отдельной маленькой книгой в издательстве "Оры" (у Вяч. Иванова) под именем "Ad Rosam". Поэтому в сборнике "Годы странствий" не будет ничего исключительного и малопонятного, и я не хотел бы замыкать его смысл маркой Скорпиона или Грифа и обращаюсь с ним к Вам» (*Купченко Вл.П.* М. Горький и М. Волошин. С. 146). Однако это предложение Волошина никаких последствий не возымело. Сборник же "Ad Rosam" было намечено в скорейшем времени издать в "Орах": в середине февраля 1907 г. Вяч. Иванов просил Брюсова напечатать объявление о нем и о других готовящихся в "этом сезоне" книгах "Ор", которые "появятся очень скоро" – "все под станком" (*ЛН*. Т. 85. С. 497). Волошин разделил сборник на две части. «Первую часть я назову "Звезда Полынь", а вторую "Мистические Розы"», – сообщал он жене, настоятельно предлагая и ей включить свои стихотворения в эту книгу: "Это будет наша книга. Совсем интимная" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 112). Вскоре Волошин отказался от первоначально избранного заглавия "Ad Rosam"; 1 апреля 1907 г. он писал М.В. Волошиной: «Заглавие "Странник" мне не нравится для книги: ведь другая моя книга будет называться "Годы странствий". Имя этой книге да будет "Звезда-Полынь"» (Там же). В объявлениях при книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Трагический зверинец" (СПб., "Оры", 1907), вышедшей в свет летом 1907 г., готовящийся сборник стихов Волошина уже назывался "Звезда-полынь". В издательстве "Оры", однако, книга Волошина так и не вышла; главной причиной этого, насколько можно судить, оказались сложные, весьма запутанные личные отношения между Волошиным, его женой и Вяч. Ивановым, особенно обострившиеся весной и летом 1907 г.

В Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле сохранилась (не полностью) верстка книги "Звезда-полынь"; приводим содержание этого сборника:

«С т р а н н и к. I. "Тесен мой мир. Он сомкнулся в кольцо..."; II. "По ночам, когда в тумане..."; III. "Быть заключенным в темнице мгновенья..."; IV. "Я шел сквозь ночь...". S t e l l a a m a r a. I. Полынь; II. Мир закутан плотно..."; III. «Мы заблудились в этом свете...»; IV. Из С. Малларме ("О, зеркало, холодная вода..."); V. Зеркало; VI. Кровь; VII. "Быть черною землей..."; VIII. Солнцу. О р ф е й. I. (Два листа отсутствуют); II. "Я ждал страданья столько лет...". III. "На старых каштанах сияют листы..."; IV. "В зеленых сумерках дрожа и вырастая..."; V. "В серо-сиреневом вечере..."; VI. (Лист отсутствует); VII. "Эта светлая аллея...". М и с т и ч е с к а я р о з а. Р у а н с к и й с о б о р. I. Ночь ("Вечер за днем беспокойным..."); II. Лиловые лучи ("О фиолетовые грозы..."); III. Вечерние стекла ("Гаснет день. В соборе все поблекло..."); IV. Via dolorosa. Стигматы ("Чья рука, летучая как пламень..."); V. На башне. Смерть ("Вьются ввысь прозрачные ступени..."); VI. Крипты. Погребенье ("Глубь земли... Источенные крипты..."). VII. Утро воскресенья ("Сердце острой радостью ужалено...")».

64. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 1906, декабря 28.

Спасибо за вырезку. Статья о Кузмине очень хороша[1]. Вы к каждому поэту умеете приступить с новой, всегда неожиданной стороны. Надеюсь в будущем увидеть "Лики творчества" отдельной книгой[2]. Не забывайте "Весов". Простите, что пишу мало: поглощен "Огненным Ангелом"[3].

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

Привет и пожелания на Новый Год Вам и Маргарите Васильевне.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 28.12.06.

На обороте адрес: "Петербург. Максимилиану Александровичу Волошину. Таврическая, д. 25." Переадресовано: "Москва. Поварская, дом Милорадовичей, кв. Сабашниковых".

[1] Статья Волошина «Лики творчества. "Александрийские песни" Кузмина» (см. п. 62, прим. 7). Волошин прислал Брюсову вырезку с этой статьей.

[2] Такую идею вынашивал тогда и сам Волошин. "Я хочу сделать потом общую книгу об современных

поэтах", – писал он 1 января 1907 г. А.М. Петровой, высылая ей вырезки со своими статьями о Кузмине и Вяч. Иванове (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 94).

[3] Роман Брюсова "Огненный Ангел" был начат печатанием в № 1 "Весов" за 1907 г. Предполагалось первоначально, что роман будет помещен в журнале в 1906 г., о чем было сообщено в объявлениях о подписке. В № 2 "Весов" за 1906 г. появилось дополнительное объявление: «Редакция извиняется, что не может, по независящим от нее причинам, начать с первых же №№ печатание обещанного ею исторического романа г. Валерия Брюсова. Роман непременно будет напечатан в "Весах" в 1906 г.» (с. [III]). Задержка с публикацией объяснялась неудовлетворенностью Брюсова первой редакцией "Огненного Ангела", законченной в сентябре 1906 г., и ее последующей переработкой (см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О работе Брюсова над романом "Огненный Ангел" // *Чтения 1971*. С. 134–135).

65. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Таврическая 25.
⟨Петербург. 23 января 1907 г.⟩

Дорогой Валерий!

Пишу Вам со специальной целью унизить Вас. Стыдитесь: Вы уже стали классиком, которого изучают в гимназиях.

На днях ученицам 6-го класса Стоюнинской гимназии[1] задано сочинение на тему: "Взгляды Валерия Брюсова на русско-японскую войну по его стихотворениям, помещенным в книге Στέφανος".

Стоюнинские гимназистки теперь ищут "Венок" по всем книжным магазинам и у всех знакомых. Таким образом весть об этом дошла и до меня, а я спешу передать ее Вам.

У нас на верхушке башни (откуда выселился Городецкий, а мы вселились на его место)[2] идут события: арестованы "33 урода" в количестве *333* (!!) экземпляров, изъято из обращения 333 соблазна для публики[3], что служит явным предостережение⟨м⟩ о судьбе "Трехсот тридцати трех соблазнов – Posae Veneris"[4] и 33-х стихотворениях, составляющих "Эрос".

Вообще мы находимся в каком-то мистическом кружении Звериного числа[5], что не предвещает ничего доброго.

Из Парижа приходят слухи (а Париж специально следит за тем, что происходит в башне, и знает все раньше, чем Петербург)[6], что скоро в башне будет произведен descente de la police*, но уже не с политической целью[7], а с иной. Если прибавить к процессу о "33-х уродах" то, что Маргарита Васильевна тоже обвинялась уже раз в оскорблении нравов своей картиной "Г-жа Кошка", которая была снята с выставки по приказанию полиции[8], а что Комитет иност⟨ранной⟩ цензуры при осмотре моей библиотеки, прибывшей из Парижа, задержал несколько изданий и документов, свидетельствующих о моей принадлежности к одной из парижских масонских лож, и что на днях в "Вертог⟨ра⟩де Житейском"[9] должна появиться большая статья Городецкого об "Эросе" с точки зрения уранической любви[10], и что моя мать, живущая вместе с нами, ходит обыкновенно в мужском костюме, и что наша новая кухарка где-то в провинции только что обварила кипятком свою соперницу в любви и скрылась в Петербург, не зная ничего о последствиях своего деяния, то нельзя отрицать того, что парижские инсинуации имеют под собой почву и что мы можем ожидать всяких интересных и неожиданных эпизодов в нашей мирной надмирной[11] и затворнической жизни.

А пока до свиданья.

Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Петербург. 23.1.07; Москва. 24.1.07.

[1] Частная женская гимназия М.Н. Стоюниной в Петербурге (Кабинетская ул., 20), основанная известным педагогом и историком русской литературы В.Я. Стоюниным; имела репутацию передового учебного заведения. Русскую литературу в ней с 1904 г. преподавал Владимир Васильевич *Гиппиус* (1876–1941) – поэт, один из участников символистского движения 1890-х годов, а также известный педагог, служивший, кроме того, и в Тенишевском училище.

*полицейский налет (*франц.*)

[2] Волошин с женой переселились на "башню" к Вяч. Иванову сразу же после возвращения из Москвы – около 10 января 1907 г. Об отношениях Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в 1906 г. с С.М. Городецким, который был избран ими для "духовно-душевно-телесного" союза, предназначенного явиться прообразом некоего грядущего всеобщего, "хорового" начала, соединяющего людей, см. в примечаниях О.А. Дешарт в кн.: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 756–764.

[3] Повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Тридцать три урода" (СПб., "Оры", 1907) сразу же после выхода в свет (16 января 1907 г., согласно дневниковой записи М.А. Кузмина. – *ЛН.* Т. 92, кн. 2. С. 155) была изъята из продажи по обвинению в безнравственности (см.: Перевал. № 4. 1907. Февр. С. 59; *ЛН.* Т. 85. С. 496–497). Такая судьба книги не могла оказаться неожиданной для учредителей издательства "Оры"; в частности, Вяч. Иванов писал Зиновьевой-Аннибал сразу же после прочтения ее рукописи (29 июля 1906 г.): «Я получил сегодня, выходя из дому, "Тридцать три урода" ⟨...⟩ Так интенсивно это впечатление страсти, что глубокий замысел почти не виден за красным покрывалом цвета живой крови ⟨...⟩ Рассказ в высокой степени скандален и может вызвать крики. Но как прекрасна ты сама, это написавшая!» (*ГБЛ.* Ф. 109. 10.3). Арест с книги Зиновьевой-Аннибал вскоре был снят (см.: Перевал. № 5. 1907. Март. С. 48).

[4] Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова "Veneris figurae" ("Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда..."), которое тогда печаталось в "Весах" (1907, № 1); в книгу Вяч. Иванова "Cor ardens" (Т. 1. М.: Скорпион, 1911) вошло под заглавием "Узлы Змеи". Еще до выхода стихотворения из печати Вяч. Иванов читал его в кругу близких литераторов, в частности – у Блока 12 января 1907 г. (см.: *ЛН.* Т. 92, кн. 3. С. 268).

[5] Образ из Апокалипсиса: "Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть" (Откровение св. Иоанна Богослова, XIII, 18). Это число, по мнению средневековых теологов (Беды Достопочтенного, Альберта Великого и др.), содержит в себе тройственное и окончательное отречение от Бога.

[6] Упоминание о "слухах" из Парижа представляет собой, скорее всего, шуточную мистификацию. Здесь и далее в письме нашла свое отражение игровая, артистическая, эзотерически-маскарадная атмосфера, которой был подчинен быт на "башне" Вяч. Иванова. Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Эпизод из петербургской культурной жизни 1906–1907 гг. // Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник, VIII. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 813. Тарту, 1988. С. 95–111.

[7] Имеется в виду обыск на квартире Вяч. Иванова, произведенный в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. См. хроникальную заметку об этом в "Золотом руне" (1906, № 1, с. 14), заметку Д.В. Философова "Конституционная идиллия" (Народное хозяйство. 1905. № 13. 30 дек., а также мемуары Вл. Пяста "Встречи" (М.: Федерация, 1929. С. 96–102). Жертвой обыска оказалась мать Волошина Елена Оттобальдовна, гостившая в декабре 1905 г. в Петербурге и познакомившаяся там с Вяч. Ивановым (сам Волошин в это время жил в Париже). "Вывернув карманы у трех-четырех десятков людей, охранка под утро отпустила всех по домам, – вспоминает Конст. Эрберг. – Арестован был лишь один человек – мать поэта Волошина. Тонкие психологи охранки решили, что для крупного преступника лучший способ укрыться и быть незамеченным – это носить экстравагантный костюм (по своему обыкновению Волошина была в мужской одежде). На следующий же день она была отпущена" (*Ежегодник 1977.* С. 129).

[8] Подразумевается 4-я выставка Союза русских художников, открывшаяся в Петербурге в Академии художеств в декабре 1906 г.

[9] В журнале "Перевал" было напечатано сообщение: «Как мы слышали, в Петербурге предполагается новый журнал "Житейский Вертоград" под ред. С. Городецкого» (№ 3, 1907, янв., с. 51). Однако названное издание не состоялось.

"Вертоград житейский" – скорее всего, метафорическое обозначение "башни", по аналогии с названием издательства "Оры", созданного Вяч. Ивановым и имевшего на "башне" свой организационный центр. Вертоград – сад; Оры (Горы) – в греческой мифологии богини времен года, три дочери Зевса и Фемиды: Ауксо – божество роста, Талло – божество цветения, Карпо – божество зрелого плода. Составной частью марки-эмблемы издательства "Оры" был венок из цветов; первый коллективный альманах, выпущенный издательством "в складчину" – т.е. на средства участвовавших в нем авторов, непосредственно связанных с башней" (см. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 24 марта 1907 г. – *ЛН.* Т. 92, кн. 3. С. 274–275), – назывался "Цветник Ор. Кошница первая" (СПб., 1907) и открывался посвятительным стихотворением Вяч. Иванова "Оры, щедрые Оры, с весеннею полной кошницей...".

[10] Статья С. Городецкого, содержащая анализ книги Вяч. Иванова "Эрос", нам неизвестна. Позднее Городецкий опубликовал статью "Три поэта" (Перевал. № 8–9. 1907. Июнь–июль), посвященную творчеству Брюсова, Вяч. Иванова и Бальмонта. Понятие "уранической любви" восходит к греческим представлениям о двух Афродитах – Афродите Урании (Небесной) и Афродите Пандемос (Всенародной, Низкой). В "Пире" Платона (181 cd) Афродита Небесная характеризуется как покровительница любви мужчины к юноше, в прекрасном теле которого воплощена высшая красота (см.: *Платон.* Соч. В 3-х т. М.: Наука: 1970. Т. 2. С. 107). В сходной тональности и мифологизированном ключе Вяч. Иванов стремился воспринимать свои переживания, вызванные встречами с Городецким, что нашло непосредственное отражение в книге "Эрос" и, в частности, в стихотворении "Вызывание Вакха"; так, летом 1906 г. Иванов писал Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о Городецком: «Что до моих переживаний теперь, – мне поистине кажется, что я вызвал Диониса, с которым нельзя общаться безнаказанно, и что "Вакх" предстал мне под маской этого юноши, от которого пахнет лесной силой и у которого солнечные и дикие глаза лесных девственных душ. Это молодой быстроногий фавн, зазываемый мною в мои сады роз, чтобы в моей золотой прозрачности веяло дикостью дебрей, хвойной смолою и силой корней. Я ждал и говорил, что жду – твоего прихода, таинственный

юноша-Вакх с узывными глазами!» (*Иванов В.* Собр. соч. Т. 2. С. 758). В автографах ряда других стихотворений Иванова, вошедших в "Эрос", есть также посвящения Городецкому, см. примечания Р.Е. Помирчего в кн.: *Иванов В.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 473. (Б-ка поэта. Малая сер).

[11] Намек на "башню" Вяч. Иванова: квартира располагалась на шестом, последнем этаже углового дома (на углу Таврической и Тверской улиц), увенчанного круглой башней-куполом; сверху, из окон открывался вид на Таврический парк и далее, как писал Вяч. Иванов Брюсову 29 августа 1905 г., "за парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте" (*ЛН*. Т. 85. С. 479). Ср. стихотворение Вяч. Иванова "Зодчий" (из книги "Эрос"):

Я башню безумную зижду
Высоко над мороком жизни ⟨...⟩
Бог Эрос, дыханьем надмирным
По лирам промчись многострунным,
Дай ведать восторги вершин ⟨...⟩

(*Иванов В.* Стихотворения и поэмы. С. 183–184).

66. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. После 4 февраля 1907 г.⟩

Дорогой Макс!

Простите, что не пишу: болен (инфлуэнца с плевритом). Спасибо за вести о себе. Читал Вашу статью о "Бранте". Однако, опасно разговаривать с людьми, пишущими в газетах фельетоны[1]. Отмщу Вам тем, что некоторые Ваши слова, с точностью, воспроизведу в своем романе, вложив их в уста мистику XVI века[2]. Стихи Бальмонта в "Р⟨усской⟩ Мысли" мне вовсе не нравятся[3]. Банальнейшие сюжеты и трафаретная мелодия. Сносны только отдельные строки. Надо думать, что душа моя, идя по своему пути, удаляется от пути Бальмонта под каким-то большим углом. С каждым годом все, что он пишет, мне становится все более и более чуждым, почти всегда неинтересным, а подчас смешным[4]. Если видаете В.И., передайте мой привет и извинения, что молчу так долго[5]: сначала хлопотал о № 1 "Весов", потом ездил в Нижний венчать А. Курсинского (не лавровым венком в местном Капитолии, а мученическим венцом второго брака)[6], наконец захворал. Напишу ему, как и Вам, подробно, лишь только поправлюсь.

Простите почерк – пишу лежа.

Ваш В а л е р и й.

P.S. Статья Верхарн – Брюсов набирается[7]; корректуры вышлем. Слышал, что Чулков написал какой-то непристойный разбор моей "Оси" в "Провале"[8]. Я считал его умнее (т.е. Чулкова – ибо "Провал" безнадежен: – ему бранить меня, после моих нападок, неловко как-то)[9].

На бланке "Весов".

Датируется по упоминанию о женитьбе Курсинского (венчался 4 февраля 1907 г.).

[1] Имеется в виду статья Волошина «Лики творчества. V. О театре. (Разговор после представления "Бранда" в Московском Художественном театре)» ("Русь". 1907. № 33. 2 февр.). Статья представляет собой отклик на постановку пьесы Г. Ибсена "Бранд" (режиссеры В.И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский; премьера – 20 декабря 1906 г.). Видимо, Брюсов и Волошин обсуждали этот спектакль во время пребывания последнего в Москве в начале января 1907 г.

Статья написана в форме диалога между поклонником постановки "Бранда" и ее ниспровергателем; первый из участников диалога высказывает мысли, свойственные самому автору; скептические доводы второго сходны во многом со взглядами Брюсова на постановочные приемы Художественного театра, отчетливо сформулированными в его статье "Ненужная правда. (По поводу Московского Художественного театра)" (1902) (см.: VI. 62–73). В частности, ход брюсовских рассуждений мог быть воспроизведен Волошиным в следующем фрагменте: "...я утверждаю, что самая обстановка плоха. Я могу признать реализм, но я требую в таком случае, чтобы реализм был доведен до конца. Они меня должны заставить верить в то, что эти скалы действительно скалы, а не папье-маше; и что это действительно волны бушуют в сцене второго акта, а не движутся две разрисованных полосы картона в разные стороны. Если б они делали так, чтобы воды совершенно не было видно, а волнение передавалось бы только беспорядочным движением мачт, тогда я имел бы иллюзию волнения. Наконец движение воды можно передать посредством синематографа. Нет... если реализм в постановке, то реализм до конца. Я не признаю компромиссов. Все или ничего".

[2] Речь идет о романе "Огненный ангел", над которым Брюсов работал в это время. Если Брюсов осу-

ществил свое намерение, то наиболее вероятно, что какие-либо высказывания Волошина нашли отражение в речах одного из персонажей "Огненного ангела", графа Генриха фон Оттергейм (см.: IV. 145–147).

[3] Стихотворения "Бабочка" ("Помню я, бабочка билась в окно...") и "Береза" ("Береза родная, со стволом серебристым...") – *РМ*. 1907. № 1. Оба стихотворения вошли во второе издание книги Бальмонта "Фейные сказки" (*Бальмонт К.Д.* Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1911. Т. 6: Фейные сказки. Злые чары).

[4] Сходную оценку новейших стихотворений Бальмонта Брюсов высказывал в письме к нему от 16/29 декабря 1906 г. (наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 125).

[5] Последнее из известных нам писем Брюсова к Вяч. Иванову, написанных до этого времени, датировано 24 декабря 1906 г. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 494).

[6] См. наст. том. кн. 1. Переписка с Курсинским, п. 67, прим. 4.

[7] См. п. 62, прим. 1.

[8] Имеется в виду резко отрицательная рецензия Г.И. Чулкова на книгу Брюсова "Земная ось" (Перевал. № 4. 1907. Февр.). Чулков утверждал, что "Земная ось" "художественной ценности не представляет никакой" и воплощает в себе "бескровность, бездушие и реакционность" индивидуалистического искусства, которое проповедует Брюсов. С.А. Соколов с готовностью принял рецензию Чулкова для напечатания в "Перевале", увидев в ней весомый полемический аргумент против Брюсова и "Весов" (см. его письмо к Чулкову от 5 февр. 1907 г. – *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 269–270).

[9] В 1906 г. Брюсов подверг сокрушительной критике "мистический анархизм" – философско-эстетическую теорию, выдвинутую Чулковым и положенную им в основание идеологии символизма, противопоставляющейся индивидуалистическому "декадентству". См. статьи Брюсова «Вехи. IV. "Факелы"» (Весы. 1906. № 5; подпись: Аврелий), "Вехи. V. Мистические анархисты" (Там же. № 8; подпись: Аврелий). Вслед за Брюсовым в резкую полемику против "мистического анархизма" и непосредственно против Чулкова на страницах "Весов" включились З.Н. Гиппиус, Андрей Белый и Эллис. 7 апреля 1907 г. Чулков направил Брюсову письмо, в котором заявлял: «Очень прошу Вас вычеркнуть мою фамилию из списка сотрудников "Весов". Причины для Вас – я думаю – ясны. Читали ли Вы мою рецензию о "Земной оси"? Надеюсь, что мой отзыв о Вас как о писателе Вы не истолкуете как акт, враждебный Вам как человеку. Наоборот: невысоко ценя Ваши рассказы, я очень люблю Вас как человека, и умею ценить Ваши стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 107.46). В ответном письме от 30 апреля Брюсов, сообщая Чулкову, что его имя вычеркнуто из списка сотрудников "Весов", дополнительно отмечал: «К сожалению, не могу разделять Вашего взгляда на Вашу "критическую заметку" в "Перевале" о моей книге, ибо меньше всего вижу в этой заметке критики. Особенно меня удивило, что Вы позволили себе прием, совершенно недопустимый в литературе: привели несколько слов из моего частного письма к Вам. Я хотел даже по этому поводу написать письмо в редакцию "Перевала", но это значило бы придавать Вашей заметке больше значения, нежели она имеет» (*Чулков Г.* Годы странствий. С. 348).

67. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 23 или 24 февраля 1907 г.⟩

Дорогой Валерий!

Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я приеду в Москву только на 2 дня для чтения своей лекции в Худож⟨ественном⟩ кружке и не уверен, успею ли я увидать Вас, то пожалуйста – будьте во вторник в клубе[1]. Мне бы очень хотелось и видеть Вас и чтобы Вы выслушали эту лекцию "Пути Эроса". Это опыт оккультного комментария к Συμπόσιον[2]. Я приеду в понедельник[3] и остановлюсь у Сабашниковых на Поварской, д⟨ом⟩ Милорадович. Быть может, можно увидеться в "Скорпионе", во вторник, около 5 часов? Скажите мне по телефону (33–36).

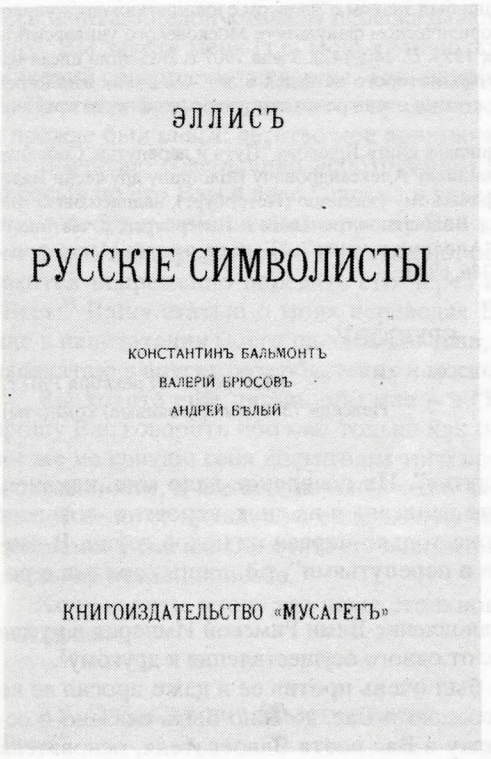
До свиданья.

М. В о л о ш и н.

Почт. шт. получения: Москва. 25.2.07.

[1] Во вторник 27 февраля 1907 г. газета "Русские ведомости" (№ 46) сообщала, что сегодня состоится «18-е собеседование членов литературно-художественного Кружка, со вступлением в беседу М.А. Кириенко-Волошина на тему "Пути Эроса", в помещении "Кружка" (Большая Дмитровка, д. Востряковых), в 9 ч. веч.».

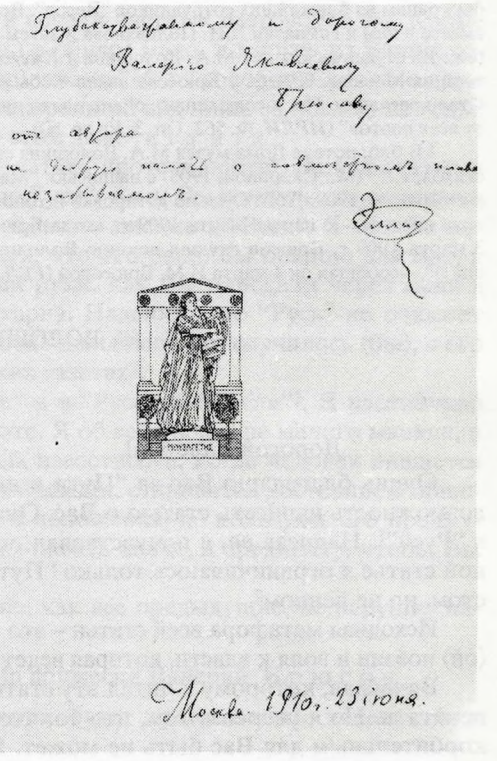
[2] М.В. Волошина вспоминает: «...доклад об "Эросе" ⟨...⟩ Макс прочел со скандальным успехом, "pour épater les bourgeois"» (*Wolochin M.* Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. S. 191). Выступление Волошина вызвало насмешливый фельетон Сергея Яблоновского "В кружке"; интерпретация лектором платоновских идей была поверхностно понята Яблоновским как "самодовлеющее копание в извращенностях" (*Рус. слово*. 1907. № 48. 1 марта). 8 марта 1907 г. Брюсов писал К.И. Чуковскому: «О лекции Макса Вы, вероятно, слышали. Мое впечатление: "глупо". Со стороны Макса глупо, что он *это* читал *этим*. Со стороны же


ЭЛЛИСЪ

РУССКІЕ СИМВОЛИСТЫ

КОНСТАНТИНЪ БАЛЬМОНТЪ
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТЪ»


Глубокоуважаемому и дорогому
Валерію Яковлевичу
Брюсову
от автора
на добрую память о совместном плавании
незабываемом.
Эллис
Москва. 1910. 23 іюня.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЭЛЛИСА

на книге "Русские символисты" (М., "Мусагет", 1910):
"Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от автора на добрую память
о совместном плавании – в незабываемом.
Москва. 1910 г. 23 июня"
Собрание Л.М. Турчинского, Москва

публики было глупо *все*, что они говорили. Судите, если умнее всех прочих был Потресов-Яблоновский» (*Чуковский К.* Из воспоминаний. М., 1959. С. 447).

В архиве Волошина сохранились беловой автограф под заглавием «Пути Эроса. Мистический комментарий к "Пиру" Платона» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед.хр. 254), а также позднейший машинописный текст с правкой «Пути Эроса. (Мысли и комментарии к Платонову "Пиру")» (Там же. Ед.хр. 255) и предварительные наброски, относящиеся к этой теме (Там же. Ед.хр. 256).

[3] 26 февраля.

68. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 7 декабря 1907 г.⟩

Дорогой Валерий!

В день моего отъезда из Москвы[1] я видел у Эллиса[2] первый том полного собрания Ваших стихов.

Не будете ли Вы добры прислать мне экземпляр, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ мне очень хочется писать о нем[3].

Мой петербургский адрес: Пушкинская 7, кв. 39.

Привет.

Максимилиан В о л о ш и н.

7 декабря 1907 г.

Открытка. Почт. шт.: Петербург. 7.12.07; Москва. 9.12.07.

[1] Волошин пробыл в Москве большую часть ноября и уехал в Петербург в начале декабря 1907 г.

[2] *Эллис* (псевдоним Льва Львовича Кобылинского; 1879–1947) – поэт, переводчик, критик; с 1907 г. был одним из ближайших сотрудников "Весов". Волошин был знаком с Эллисом с юношеских лет – учился вместе с ним в гимназии Л.И. Поливанова и затем на юридическом факультете Московского университета (см.: Из студенческих лет М.А. Волошина // *Ежегодник 1973*. С. 140–142). 3 мая 1907 г. Волошин писал матери из Москвы: "Вчера у Брюсова видел Кобылинского, которого не видел 6 лет. Он очень изменился. Стал красавцем. Но, к сожалению, очень плохо пишет стихи и очень резко самоуверенно и грубо критикует всех поэтов" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60).

[3] В библиотеке Дома-музея М.А. Волошина сохранилась книга Брюсова "Пути и перепутья. Собрание стихов, т. 1" (М.: Скорпион, 1908) с надписью: "Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909. Пб.". Судя по датировке и топографическому указанию (Петербург), надпись была сделана позднее – в начале марта 1909 г., когда Брюсов и Волошин встречались в Петербурге; в частности, 3 марта 1909 г. Брюсов слушал лекцию Волошина "Аполлон и мышь": "Был на лекции Макса о мыши(!)", – сообщал он 4 марта И.М. Брюсовой (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.6).

69. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург. 27 декабря 1907 г.⟩
Невский 73. Меблир⟨ованные⟩ комн⟨аты⟩.

Дорогой Валерий!

Очень благодарю Вас за "Пути и перепутья". Их появление дало мне, наконец, возможность написать статью о Вас. Она уже написана и на днях, вероятно, появится в "Руси"[1]. Написав ее, я почувствовал, что она только первая из целой серии. В данной статье я ограничиваюсь только "Путями и перепутьями", т.е. лишь корнями и ростом, но не венцом[2].

Исходная метафора всей статьи – это установление Вами Римской Империи в русск⟨ой⟩ поэзии и воля к власти, которая ведет Вас от одного осуществления к другому[3].

Вячеслав, которому я читал эту статью, был очень против ее и даже просил ее не печатать. Но я уверен в том, что то, что я говорю о Вас, должно быть сказано и оскорбительным для Вас быть не может. Я вижу в Вас поэта Завоевателя, основателя Империй и установителя Законов[4], и "Пути и перепутья", приведшие Вас к Империи, для меня важны и драгоценны. В глубине сердца мне бы хотелось написать о Вас книгу, подобную "Il Principe"[5], но к этому я не чувствую еще себя готовым.

До свиданья.

М а к с и м и л и а н.

Открытка. Почт. шт.: Петербург. 27.12.07; Москва. 28.12.07.

[1] Статья Волошина «Валерий Брюсов. "Пути и перепутья", том 1 собрания стихов» опубл.: Русь. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 407–416. Подробнее о ней см. вступ. ст.

[2] В 1-й том "Путей и перепутий" входили стихотворения Брюсова 1892–1901 гг., распределенные по трем разделам: "Юношеские стихотворения", "Это – я", "Третья стража".

[3] В своей статье Волошин пишет о Брюсове: "Страсть изваяла его как поэта, опасная страсть, которая двигала Наполеонами, Цезарями и Александрами, – воля к власти" (*Волошин М. Лики творчества*. С. 408).

[4] Ср. в тексте статьи: "Брюсов – поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов, основатель самодержавий" (Там же).

[5] "Il Principe" ("Государь") – известный политический трактат Никколо Макьявелли (1469–1527), изданный в 1532 г. и возвеличивающий сильного монарха-деспота, который не пренебрегает никакими средствами во имя национальных интересов.

70. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ *1 января 1908**

Дорогой Максимилиан!

Я прочел Вашу статью обо мне в "Руси". Все, что Вы говорите о моей поэзии, хотя я и не со всем согласен, кажется мне очень интересным и очень ценным. Все, что Вы говорите обо мне лично, меня очень сердит и кажется мне очень неуместным. Я согласен с Вяч. Ивановым, что в таком виде статью было лучше не печатать. Я счи-

* *В автографе описка*: 1907.

таю недопустимым в печати касаться тех частностей моей жизни, каких Вы касаетесь; считаю недопустимым пересказывание в печати частных разговоров etc. Кроме того, Вы знаете меня (т.е. мою личную жизнь) в общем мало, и многие из Ваших сообщений совершенно неверны. Так, напр⟨имер⟩, поэма "Мир" говорит *вовсе* не о доме на Цветном бульваре; дом этот принял свой теперешний вид лишь за последние годы, а прежде был *иным*; детство мое прошло *не* в этом доме[1] и т.д. и т.д.

Я считаю совершенно необходимым напечатать протест против Вашей статьи и пересылаю его Вам в виде "письма в редакцию Руси". *Если Вы хотите сохранить со мною добрые отношения*, я прошу Вас устроить это письмо в "Руси". Я мог бы послать его непосредственно в редакцию, но счел, что это было бы обидою для Вас, и захотел непременно передать его через Ваши руки, как Вы передали через меня в "Весы" Вашу статью о моих переводах Верхарна. Надеюсь, что "Русь" не откажет мне в напечатании моего письма. Но если, против ожидания, это случилось ⟨бы⟩, я его напечатаю в других петербургских и московских газетах[2].

Вы хотите еще писать обо мне – в "Руси" и в "Русской Мысли"[3]. Я настойчиво прошу Вас говорить обо мне только как о поэте. Я об себе вовсе не малого мнения, и все же не считаю себя достигшим того предела известности, когда человек лишается собственности, и все его, начиная с его частной жизни, становится достоянием общества. Я не хочу принять на себя тяготы такого положения, не пользуясь его преимуществами. Если же Вы считаете невозможным писать иначе, я предпочту, чтобы Вы совсем не писали обо мне.

Хочу верить, что и это наше столкновение, как все предыдущие, не нарушит нашей связи.

Ваш дружески Валерий Б р ю с о в.

P.S. Очень прошу известить меня *в скорости*, будет ли мое письмо напечатано в "Руси".

[1] Автобиографическое стихотворение Брюсова "Мир" ("Я помню этот мир, утраченный мной с детства...", 1903) было опубликовано в его книге "Urbi et orbi". (I, 304–306, 610–611). Первые годы детства Брюсова прошли в доме Бари на Яузском бульваре (см.: *Брюсов В.* Из моей жизни. М., 1927. С. 14); в 1877 г. его дед приобрел собственный дом на Цветном бульваре, где Брюсов жил до 15 августа 1910 г. В статье о "Путях и перепутьях" Волошин писал: «Надо знать, что он ⟨Брюсов⟩ рос в Москве на Цветном бульваре, в характерном мещанском доме с большим двором, заваленным в глубине старым железом, бочками и прочим хламом. (В "Urbi et Orbi" он посвятил целую поэму его описанию)» (*Волошин М. Лики творчества.* С. 410).

[2] "Письмо в редакцию" Брюсова было опубликовано в "Руси" (1908. № 3, 4 янв.). Приводим его текст:

«М⟨илостивые⟩ Г⟨осудари⟩. В одном из последних №№ "Руси" за 1907 г. напечатана обширная статья обо мне г. Максимилиана Волошина. Хотя в этой статье говорится о том, что я взошел "на вершины творчества", что мой стих "вечен, как римский свод", что я "свою империю (в области слова и мечты) волен сделать всемирной" и много других, весьма лестных для меня вещей, – но я считаю необходимым решительно протестовать против этой статьи. Автор ее, по моему мнению, вышел за пределы, предоставленные критике, и позволил себе касаться того, что лежит вне литературы. Как писатель я, конечно, признаю, что каждый волен по своему разумению судить мои произведения, но полагаю, что моя личная жизнь еще не подлежит суду печати. Довольно беглое, в общем, и ни в каком случае не интимное знакомство г. Волошина со мною не давало ему права рассказывать своим читателям небылицы о моем детстве, ему вовсе неизвестном. Во всем, что г. Волошин говорит о моей жизни, – только ряд смешных недоразумений, не более. Удивляет меня также, что г. Волошин позволил себе передать печатно один наш частный разговор с ним. Разговаривая, я не подозревал, что передо мной сидит интервьюер. Но интервьюеру следовало быть более точным в передаче чужих слов. Я не мог сказать, что "Рутилий и Авзоний – поэты Антонинов". Я достаточно твердо знаю, что эти два поэта жили вовсе не при Антонинах. Г. Волошин обещает еще статью, посвященную мне. Надеюсь, что он будет говорить в ней о моих стихах и о моей прозе, а не о моем сюртуке и не о моей квартире. Иначе ему придется переменить заглавие своих фельетонов и называть их не "Лики творчества", а "Моментальные фотографии".

Валерий Брюсов.»

[3] В 1907 г. Волошин опубликовал в "Русской мысли" шесть стихотворений (№№ 6, 9, 12). Однако статьи его ни в 1907, ни в 1908–1909 гг. в этом журнале не появлялись. В примечании к статье о "Путях и перепутьях" Волошин сообщал, что о Брюсове как поэте города он напишет в одном из своих "ближайших фельетонов". Статья "Город в поэзии Валерия Брюсова" опубл.: Русь. 1908. № 21. 22 янв. 5; *Волошин М. Лики творчества.* С. 416–426.

71. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Петербург.⟩ 3 января 1908 г.
Невский 73. Мебл⟨ированные⟩ комн⟨аты⟩.

Дорогой Валерий!

Сегодня днем я получил Ваше письмо, которого ждал, и Ваш "протест".

Составив ответ на него, я послал и "протест" и "ответ" Суворину с просьбой напечатать Ваш протест во что бы то ни стало, даже если, находя неудобным завязывать полемику, он не захочет напечатать моего "ответа". Только что я получил от него извещение, что и то, и другое появится либо завтра, либо послезавтра (4-го или 5-го января).

Я благодарен Вам за письмо, которое доказало мне, что статью мою Вы не приняли за действие вражде⟨б⟩ное Вам, чего я отчасти опасался. *Враждебности* к Вам у меня нет и не может быть, так как есть, наоборот, глубокое уважение и удивление к той силе преодоления и завоевания, которую я хотел особенно оттенить в моей статье о Вас.

Резкость и безжалостность Вашего письма в Редакцию тоже обрадовали меня, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ дали мне повод высказаться принципиально о приемах своей критики в "Ликах Творчества" и самому сказать о пределах, до коих, я считаю, простирается мое *право* критики.

Не буду излагать своего "Ответа", т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Вы, вер⟨о⟩ятно, получите номер газеты раньше, чем это письмо, которое пойдет лишь завтра утром[1].

В следующе⟨й⟩ статье моей о Вас, как о поэте города[2], ни наружности, ни личности мне не придется касаться, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ она будет посвящена лишь Вашему отношению к городу историческому и к городу будущего. Статья эта идет вразрез с теми мнениями, что уже установились о Вас в русс⟨кой⟩ критике, и думаю, что дает более точные определения этой стороне Вашего творчества.

Последующих же статей я пока еще не вижу.

Ваше творчество для меня загадка, и поэтому я стараюсь ее разрешить честно, собирая все данные, характеризующие Вас как творца. Факты интимной жизни сюда, разумеется, не могут входить уже по тому одному, что в человеческих поступках и отношениях я очень мало понимаю и еще меньше замечаю и знаю. Для меня, таким образом, вне книги остаются три области, доступные моему чтению: лицо, вещи и слова.

Вопрос о личной обиде смущал меня. Но думаю, что это надо предоставить на волю судьбы и писать о живых так, как если бы они уже умерли сто лет назад.

Меня удивил очень Ваш протест против цитирования наших разговоров. Удивил потому, что когда я весною, предполагая писать о "Земной оси" и "Огненном Ангеле", спрашивал Вас, имеете ли Вы что-нибудь против того, чтобы я привел наши беседы о спиритизме (бывшие еще при самом первом знакомстве нашем)[3], Вы не высказали никакого протеста.

Вообще же я позволяю себе приводить только те собственные слова, которые были мною *тогда* же записаны.

Никак не ожидал я протеста против этого, и еще с Вашей стороны!

Во всяком случае на моей стороне все художественные традиции французской литературы: и Гонкуры, и Т. Готье, и А. Франс, и Баррэс[4], и Мирбо, и сам Вик⟨тор⟩ Гюго, не говоря уже об едких личных выпадах Тальяда[5], не свойственных мне по темпераменту.

Мне очень жаль, что детство Ваше прошло не так, как я представил его себе по "Путям и перепут⟨ьям⟩", но т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я об нем не знаю ни слова и никогда не говорил с Вами, то моя фикция все же остается для меня единственною реальностью. Почему Вам, воспользовавшись обманом моей мечты, не дать самому, как опровержение легенды, которая может возникнуть из моих слов, воспоминаний о своем детстве и о первых шагах своего творчества? Такие литературные документы так драгоценны, что я буду гордиться тем, что ошибка моя послужит Вам толчком к этому.

До свиданья и очень прошу Вас верить моему дружескому чувству.

Максимилиан В о л о ш и н.

P.S. Обратите внимание на то, что я изменил свой адрес. Теперь он: Невский 73. Мебл⟨ированные⟩ комн⟨аты⟩.

Почт. шт.: Петербург. 4.⟨I.1908⟩; Москва. 5.I.1908.
Ответ на п. 70.

[1] "Ответ" Волошина был опубликован в "Руси" 4 января 1908 г. вместе с "письмом в редакцию" Брюсова. Приводим его текст:

«О т в е т В а л е р и ю Б р ю с о в у.

Я очень рад тому, что Валерий Брюсов, по поводу моего недавнего фельетона о его книге "Пути и Перепутья", так резко и решительно поставил вопрос о пределах литературной критики. Это дает мне возможность изложить те руководящие идеи, которых я придерживался в ряде литературных характеристик, печатающихся в фельетонах в "Руси" под общим именем "Лики Творчества".

Литературная критика для меня наиболее субъективный из всех видов лирики. "Это наиболее интимный род исповеди", – говорит Реми де Гурмон, и я глубоко согласен с его словами.

В каждой статье я стремлюсь дать цельный *лик* художника.

Произведения же художника для меня нераздельны с его личностью.

Если я, как поэт, читаю душу его по изгибам его ритмов, по интонации его стиха, по подбору его рифм, по архитектуре его книги, то мне, как живописцу, не меньше говорит о душе его и то, как сидит на нем платье, как застегивает он сюртук, каким жестом он скрещивает руки и подымает голову. Мне мало прочесть стихотворение, напечатанное в книге, – мне надо слышать, как звучит оно в голосе самого поэта; книга мертва для меня, пока за ее страницами не встает живое лицо ее автора.

Отделять книгу от автора ее, слово – от голоса, идею – от формы того лба, в котором возникла она, поэта – от его жизни... как *поэт* Валерий Брюсов может требовать этого?

Не он ли сказал, что искусство "души черпает до дна"?

Неужели же совершая такую великую жертву, как отдание публике, толпе самой драгоценной, самой интимной части своего Я, воплощенного в его поэзии, он думает, что жертва эта может быть совершена не до конца, что он может утаить все-таки нечто для себя одного?

Не о фактах жизни поэта говорю я. Факты и события интимной жизни не имеют никакого значения для меня, я их не знаю и не стараюсь узнать, потому что в его произведениях, в его лице, в его голосе, в обстановке его рабочей комнаты я читаю то, что для меня безусловнее фактов, реальнее реальностей.

Легенда о поэте, сотворенная мною, может совпасть с действительностью, но может создать и новую действительность. Но как может она совершить *нескромность* по отношению к фактам жизни поэта?

Поэтому я очень благодарен Валерию Брюсову, что он, упирая на наше "беглое, в общем, и ни в каком случае не интимное знакомство" и на то, что мне ничего неизвестно об его детстве, этим самым снимает с меня обвинение в нескромности, которое было бы мне очень горько.

Те слова, что я написал об обстановке, в которой слагался талант Валерия Брюсова, возникли из страниц его книги "Пути и Перепутья" и из впечатления того дома, в котором я бывал у него в Москве. Он утверждает, что это "небылицы"... Как он может знать это? В данном случае он сам является книгой и не может судить о том, что другой прочтет в нем.

Валерий Брюсов упрекает еще меня в том, что я позволил себе передать печатно один наш частный разговор о литературе.

В оправдание мне достаточно сослаться на "Дневник Гонкуров", который всегда служил мне указанием и образцом. Надо записывать литературные разговоры своих современников, потому что это документы громадной исторической важности. И документы эти редки. Как благодарны мы Эккерману, сохранившему нам разговоры Гете, Эмилю Бержера, сделавшему то же для Теофиля Готье, Андрэ Жиду, запечатлевшему несколько рассказов Оскара Уайльда! И кто вознаградит нас за безвозвратную потерю разговоров Маллармэ?

Можно возразить, что такие документы подобает печатать лишь по смерти данного лица. Не могу согласиться с этим, так как в этом случае автор не имеет возможности исправить неизбежные ошибки и неточности в передаче его слов. Я же дал Валерию Брюсову возможность сделать это немедленно.

В заключение, во избежание подобных недоразумений, я прошу читателей "Ликов Творчества" смотреть на характеристики современных поэтов, сделанные мною, как на произведения в высшей степени субъективные и лирические по своей сущности, словом, как на "Vies Imaginaires", употребляя прекрасное имя, данное Марселем Швобом этому роду книг.

Максимилиан В о л о ш и н».

Дополнительную характеристику своей полемики с Брюсовым Волошин дал в письме к Эллису, отправленном 4 января 1908 г. по выходе в свет номера "Руси" с "протестом" и ответом на него:

«Дорогой Лева,

мне очень хочется послать тебе эту статью о Брюсове, порожденную во многих своих частях нашими разговорами.

Я употреблял в ней слова безжалостные и резкие, но думаю, что лишь такие штрихи могут выявить его настоящую фигуру, отлитую из бронзы.

Валерий почувствовал себя лично оскорбленным и в письме ко мне, резком, но дружественном, протестовал и благородно прислал мне письмо в редакцию "Руси", дабы я ознакомился с ним заранее и сам передал его для напечатания. Что я и сделал немедленно, напечатав вместе и свой ответ ему.

Посылаю тебе все эти три документа и очень хочу услышать твое мнение, как человека глубоко любящего и глубоко судящего Брюсова.

Наши личные отношения не поколеблены. Под своим письмом ко мне он подписывается "Ваш *дружески* Валерий".

Но, безусловно, это начало большой борьбы, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я пишу еще следующую статью о нем. Конечно, для меня очень важно, чтобы наши *личные* отношения с ним не были затемнены и запятнаны, потому что (ты ведь знаешь это) я очень люблю его именно за его неудержимую волю к власти, за ⟨то⟩, чем он был вначале и что он создал из себя. Мне очень хочется слышать твой голос и твое слово об этом.

Твой Максимилиан»

(*ГБЛ*. Ф. 386, 80.35; с неточностями приведено в статье: *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971*. С. 454–455). Эллис передал письмо Брюсову для ознакомления. К доводам Волошина Эллис явно остался глух, расценив его статью о "Путях и перепутьях" как "сплошное хулиганство и невежество" (письмо к Брюсову от 10 января 1908 г. – *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 316–317).

[2] См. п. 70, прим. 3.

[3] Запись этих бесед см. в приложении 2 к настоящей публикации.

[4] Морис *Баррес* (Barrès; 1862–1923) – французский писатель и публицист, придерживавшийся консервативно-националистических взглядов. Волошину принадлежит статья о первой части романа Барреса "Восточные бастионы" ("Les Bastions de l'Est", 1905–1909) – "На службе Германии" ("Au service de l'Allemagne"): На германской службе. (Роман Мориса Баррэса) // (Русь. 1905. № 197. 23 авг.).

[5] Лоран Тайад (Tailhade) – французский писатель, эссеист и поэт, известный прежде всего своими сатирическими стихами. Брюсов писал о критических работах Тайада: "Тайад проявил себя критиком крайне желчным, резким, владеющим губительной иронией, не беспристрастным. Эти статьи стоили ему нескольких дуэлей" (*ПСС XXI*. С. 260–262).

72. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 27 сентября/10 октября 1908 г.⟩

Дорогой Валерий!

Только что я узнал от Вальдора, что Вы в Париже и завтра будете у них[1]. Мне очень, очень хочется видеть Вас, и я все время боялся, что Вы пр⟨о⟩едете через Париж incognito.

Мой адрес: 35 Rue Boulard[2] (около Lion de Belfort)[3].

Быть может, завтра мне удастся попасть к Аркосу[4] и Вальдору, когда Вы там будете[5]. Вальдор обещал известить меня.

Я надеюсь, что мы встретимся друзьями и что астральные чудовища, рождаемые отсутствием и молчанием, не переживут нашего свидания.

Дружески жму Вашу руку.

Максимилиан В о л о ш и́ н.

10 octobre 1908. Samedi. 35 Rue Boulard.*

Закрытое письмо – "секретка".

[1] В Париж В.Я. и И.М. Брюсовы приехали в начале октября (н.ст.) 1908 г. В августе 1908 г. Брюсов был в Италии, в сентябре – в Сен-Жан-де-Люз (на берегу Бискайского залива). В Париже Брюсов общался с Эсмер-Вальдором (см. п. 57, прим. 3) и другими членами литературного объединения "Аббатство" ("L'Abbaye"). См.: *Дневники*. С. 140–141. В конце октября (н.ст.) Брюсов уехал из Парижа в Брюссель и затем в местечко Кайуки-Бик (Бельгия), к Э. Верхарну.

[2] Волошин вновь поселился в Париже в конце мая 1908 г.; в квартире на улице Булар он жил с середины лета 1908 г.

[3] "Lion de Belfort" ("Бельфорский лев") – скульптурное изображение льва, воздвигнутое в память о защитниках Бельфора в 1870 г. (скульптор Фредерик-Огюст *Бартольди*; 1834–1904).

[4] Жан Рене *Аркос* (Arcos; 1881–1959) – французский поэт, член "Аббатства"; состоял в переписке с Брюсовым, участвовал в "Весах": обзорные статьи "Взгляд на французскую литературу в 1907 г." (1908, № 2); "Несколько новых книг. Письмо из Парижа" (1908, № 9); "Осенний салон. Письмо из Парижа" (1908,

* 10 октября 1908. Суббота. Улица Булар 35 (*франц.*).

№ 11); статья "Анатоль Франс" (1909, № 6). Аркоса и Волошина связывали дружеские отношения (см.: *Ежегодник 1979*. С. 236–237). Сохранились три книги Аркоса с дарственными надписями Брюсову: сборники стихотворений ("Трагедия пространств" ("La tragédie des espaces". P., 1906) и "То, что рождается" ("Ce qui naît". P., 1910) и драматическая поэма "Потерянный остров" ("L'île perdu". P., 1913) – *ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 1558–1560.

[5] Ср. конспективную дневниковую запись Брюсова, относящуюся к пребыванию в Париже в октябре 1908 г.: «Париж. ⟨...⟩ Поселяемся у m-me Viot rue de l'Arcade. Разыскиваю знакомых. ⟨...⟩ Посещение Arcos'a и Mercereau. Весь кружок "Abbaye". У Макса Волошина» (*Дневники*. С. 140). Сохранилось письмо А. Мерсеро к Брюсову (Париж, 7 декабря 1908 г.), в котором от имени всей группы "Аббатство" высказано сожаление о "том скромном приеме, который мы оказали Вам и госпоже Брюсовой" (*ГБЛ*. Ф. 386, 94.49).

73. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris, 11 Octobre 1908, Dimanche.

Дорогой Макс!

Я тоже буду очень рад Вас увидеть. У Арко я надеюсь быть сегодня половина второго или около двух. Если мы не встретимся там, может быть, Вы зайдете ко мне. Я Ваших приемных часов не знаю, а нас можно застать дома пока ежедневно в $4^1/_2$ дня. Думаю, что Вы преувеличиваете, говоря о "чудовищах", бродивших между нами.

Ваш В а л е р и й Б.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт.: Paris. 11.10.08.
Ответ на п. 72.

74. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

Paris, 27 rue de l'Arcade, 12 octobre 1908.

Дорогой Макс!

Позвольте мне быть у Вас не во вторник, но *в среду в 3 ч. или в* $3^1/_2$[1]. Во вторник мы всё же решили пойти послушать Шарля Мориса в Салон[2]. Я знаю, что в среду "обед 14", где Вы хотите быть[3], но думаю, что времени у нас все же окажется достаточно. Кстати: Вальдор уговаривает меня посетить этот "обед 14". Можно ли оставаться там в стороне, не знакомясь ни с кем или почти? Только при этом условии я бы решился идти, так как мне очень не хочется начинать новые, ни для меня, ни для представляемых мне лиц ненужные знакомства.

Ваш В а л е р и й Б.

Закрытое письмо – "секретка". Почт. шт.: Paris. 12.10.08.

[1] Среди писем Брюсова к Волошину сохранилась записка, посланная в среду 14 октября 1908 г.: "Дорогой Макс, может быть, я опоздаю сегодня к Вам на 20–25 минут. Очень извиняюсь. Ваш Валерий Б." В эти же дни Волошин сообщал матери из Парижа в недатированном письме: "Здесь сейчас Валер⟨ий⟩ Брюсов. Мы с ним видимся часто, и у нас вооруженная дружба" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 60).

[2] Шарль *Морис* (Morice; 1861–1919) – французский поэт и художественный критик, один из теоретиков символизма. Ученик Малларме, Морис был дружен с Верленом (в 1885 г. он выпустил о нем книгу), Вилье де Лиль-Аданом и другими писателями. Близкие отношения связывали его с Гогеном, творчество которого он неутомимо пропагандировал во французской печати, в частности – на страницах "Mercure de France", где вел раздел современной художественной жизни. В 1908 г. в журнале "Золотое руно" была помещена большая статья Ш. Мориса "Новые тенденции французского искусства" (№№ 7–9, 10, 11–12; перевод с рукописи выполнил секретарь редакции "Золотого руна" Г.Э. Тастевен).

Имеется в виду лекция в Осеннем Салоне, где наряду с экспозицией произведений изобразительного искусства осенью 1908 г. был открыт также "Салон поэтов", в котором по вторникам выступали известные писатели и критики. 13 октября Ш. Морис читал в "Салоне" лекцию о Франсуа Вийоне (см.: Mercure de France. 1908. T. 75, № 271. 1 oct. P. 559). Брюсов присутствовал и на следующих лекциях – "Поэзия Малларме" Ж. Руайера (20 октября) и "Поэты Аббатства" Г. Кана (27 октября); ср. его запись: "Осенний Салон. Conférance*. Charles Meurice ⟨sic!⟩ и Fr. Villon; Royère о Маллармэ и Верлэне, G. Kahn (Г. Кан) о молодых" (*Дневники*. С. 140–141).

[3] В архиве Волошина сохранилось письмо Ш. Мориса к Е.С. Кругликовой с приглашением на "обед 14-ти" в среду 14 октября 1908 г. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 6. Ед.хр. 247).

---

* Лекция (*франц.*).

ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАН
гравюра Ф. Валлотона
"Весы", 1906, № 6

75. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва. 6/19 ноября 1908 г.⟩

Дорогой Макс!

Высылаю Вам, как обещал, II том "Путей"[1]. Что касается "Весов", то они аккуратно высылаются Вам весь год в Петербург, так как Вы не заявляли конторе о перемене адреса. Вытребуйте Ваш экземпляр из Пб. (Таврическая, 25)[2]. №№ 10–12 направим в Париж. Я забыл у Вас Ваши офорты, которые Вы мне подарили. Очень хотел бы их получить. На днях напишу Вам подробнее. Пока еще никак не устроюсь. Благодарю Вас за Ваше внимание к нам в Париже.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Открытка – французский бланк "Весов". Почт. шт.: Москва. 6.11.08. Адрес: "Monsieur Maximilien Wolochine. 35, rue Boulard. Paris. Франция. Париж".

[1] Книга Брюсова "Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. II. Риму и миру. Венок. 1901–1905" (М.: Скорпион, 1908), вышедшая в свет в апреле 1908 г. Книга сохранилась в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина; дарственная надпись: "A Maximilien Wolochine confraternellement Valère Brussov 18 novembre 1908" ("Максимилиану Волошину дружески Валерий Брюсов 18 ноября 1908").

[2] По этому адресу ("башня" Вяч. Иванова) Волошин не жил со второй половины марта 1907 г.

76. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

⟨Париж. 11/24 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий,

Благодарю Вас очень за Ваши книги, которые я получил все (2 т. "Огненного Ангела"[1], т. II "Пути и перепутья" и № "Весов"). Я с большим удивлением и прискорбием узнал, что "Весы" высылались мне в течение всего года на "башню". Если мне никто за всю прошлую зиму не потрудился там сказать об этом, то, очевидно, получить мне эти №№ и теперь не удастся. Увы мне.

Мне писал Толстой, что виделся с Вами в "Эстетике" и читал при Вас стихи свои[2]. Скажите, какое впечатление вынесли Вы?[3] Мне он кажется весьма самобытным и на него можно возлагать всяческие надежды. В самом духе его есть что-то подлинное "мужицкое" в хорошем смысле.

Я ничего не прислал пока, как обещал, в "Весы". Но я все это время был совершенно вне литературы и ничего не писал и даже ничего не смотрел. Но "Весы", как до меня дошли слухи, вопреки Вашим собственным мрачным предвиденьям, продолжаются, так что время не ушло[4].

А относительно офортов, что я подарил Вам, знаете, они, верно, пропали, потому что ведь я их принес Вам в тот вечер, когда у Вас были фр⟨анцузские⟩ поэты, и оставил их свернутыми в трубочку в передней, но позабыл предупредить Вас. Но это ничего. Офорт не представляет собой единственности, и потому я Вам пришлю эти офорты, как только сделаю новые оттиски.

Я сейчас перечитывал в Нац⟨иональной⟩ Библ⟨иотеке⟩ все редкие и полузабытые вещи Вилльe де Лиль Адана ("Morgane", "Elën", "Nouveau Monde")[5]. Там есть страни-

цы поразительные и концепции редкой драматической силы, несмотря на юношескую реторику и местами излишнюю сложность.

Видели ли Вы новое издание Ван-Беверовских "Les Poètes d'aujourd'hui" в двух томах, очень расширенное и дополненное?[6]

До свиданья. Жму Вашу руку. Привет Иоанне Матвеевне.

Максимилиан В о л о ш и н.

Почт. шт.: Paris 24.12.08; Москва. 14.12.08
Ответ на п. 75.

[1] Имеется в виду издание: *Брюсов В.* Огненный Ангел. Повесть XVI века. М.: Скорпион, 1908. Ч. 2. Книга вышла в свет в ноябре 1908 г.; первая часть романа – в январе 1908 г. В 1909 г. издательство "Скорпион" выпустило второе, "исправленное и дополненное примечаниями" издание романа в одной книге.

[2] С Алексеем Николаевичем *Толстым* (1883–1945), тогда еще начинающим поэтом, Волошин подружился летом 1908 г. в Париже (см.: Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, сост. и коммент. Вл. Купченко // Лит. обозрение. 1983. № 1. С. 107–112; *Хайлов А.И.* К публикации статьи А.Н. Толстого "О Волошине" // А.Н. Толстой. Материалы и исслед. М.: Наука, 1985. С. 210–220). О своем выступлении в Москве в "Обществе Свободной эстетики" Толстой сообщал Волошину: «...попросил меня Брюсов читать. При гробовом молчании, замирая от ужаса, освещенный двумя канделябрами, положив руки на красную с золотой бахромой скатерть, читал я "Чижика", и "Козленка", и "Купалу", и "Гусляра", и "Приворот" ⟨...⟩ После чтения подходят ко мне Брюсов и Белый, взволнованные, и начинают жать руки. В результате – приглашение в "Весы"...» (Лит. обозрение. 1983. № 1. С. 109). Стихотворения "Сомакан", "Семик", "Косари" были опубликованы в № 1 "Весов" за 1909 г. Впрочем, еще до чтения в "Обществе свободной эстетики" Толстой прислал в "Весы" два своих стихотворения – "В изумрудные, вечерние поля..." и "В мансарде" (письмо со стихами выслано из Парижа 26 февр. / 10 марта 1908 г.; см.: Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 125–127 (коммент. А.М. Крюковой).

[3] Брюсов высоко оценил поэзию А.Н. Толстого в отзыве о его книге "За синими реками" (М., 1911) (*РМ.* 1911. № 2; VI. 366) и в предисловии к французской "Антологии русских поэтов" (1911) (*ЛН.* Т. 85. С. 203). 21 декабря 1908 г. Толстой писал Брюсову: "...очень, очень я рад еще раз слышать от Вас мнение о стихах моих. Сознаюсь, мне было страшно свеситься на чаше Весов Ваших, но теперь я еще сильнее укрепился в той исходной точке творчества, которая намечалась всегда и независимо от моих хотений" (*ГБЛ.* Ф. 386, 105.10; ср.: Переписка А.Н. Толстого. Т. 1. С. 148).

[4] Подразумевается намерение С.А. Полякова осенью 1908 г. прекратить издание "Весов". Об этом кризисном моменте в истории журнала и о переговорах между Поляковым, Брюсовым и ближайшими сотрудниками "Весов" см.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы" (К истории издания) // *ЛН.* Т. 85. С. 302–306; наст. кн. Переписка с Поляковым, пп. 110–114.

[5] Филипп Огюст Матиас *Вилье де Лиль-Адан* (Villiers de l'Isle-Adam; 1838–1889) – французский писатель, автор "Жестоких рассказов", выпущенных на русском языке с предисловием Брюсова и в переводе Б.М. Рунт, его свояченицы (СПб.: Пантеон, 1907; 2-е изд. – М.: Польза, 1908). Брюсов не только редактировал переводы, выполненные Б.М. Рунт, но и сам позднее перевел рассказы Вилье де Лиль-Адана "Героизм доктора Галлидонхиля" и "Попечитель" (см.: РМ. 1910. № 10. Отд. I. С. 158–168, подпись: Аврелий; переводы вошли в сборник: Разноцветные каменья. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под редакцией Валерия Брюсова. М.: Альциона, 1914). Кроме того, Брюсов – автор статьи о французском писателе в "Новом энциклопедическом словаре" Брокгауза–Ефрона (СПб., 1912. Т. 10. С. 595–597). О Вилье де Лиль-Адане писали и "Весы" (см., например, этюд Р.де Гурмона "Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адан" в русском переводе – 1906, № 6, с. 44–51; перевод не подписан, выполнен Брюсовым – см.: *Библиография/I.* № 480).

Волошин перечисляет драматические произведения писателя: "Элен" (1865), "Моргана" (1866), "Новый Свет" (1880). Творчество Вилье де Лиль-Адана он ценил исключительно высоко. "Вилье де Лиль-Адан – один из величайших гениев, посетивших землю. Именем его наши потомки будут судить XIX век, и понимание его произведений будет одним из тех алмазов, которыми они будут проверять наши умственные способности", – писал Волошин в 1908 г. в статье "Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан" (Русь. 1908. № 141. 23 мая). В 1909 г. Волошин перевел трагедию Вилье де Лиль-Адана "Аксель" и написал статью о ней "Апофеоз мечты и смерти" (Аполлон. 1912. № 3–4), позднее вошедшую в книгу Волошина "Лики творчества" (СПб., 1914) под заглавием "Апофеоз мечты. (Трагедия Вилье де Лиль-Адана "Аксель" и трагедия его собственной жизни)». Перевод "Акселя" при жизни Волошина не был издан; на сегодняшний день опубликована в сокращении только первая часть трагедии – см.: *Огюст Вилье де Лиль-Адан.* Жестокие рассказы / Изд. подготовили Н.И. Балашов, Е.А. Гунст. М., 1975. (Лит. памятники).

[6] См. п. 24, прим. 3.

77. БРЮСОВ – ВОЛОШИНУ

⟨Москва.⟩ 22 февраля 1911 г.

Дорогой Максимилиан!

Мне доставили статью о "Союзе" – не очень хорошую, не очень плохую, но сносную[1]. Мне поэтому необходимо знать *немедленно*, дадите ли *Вы* статью о "Союзе" для *апрельской* книжки "Русс⟨кой⟩ Мысли". Размер статьи – не свыше 4 страниц в 2 столбца. Если дадите, я присланную мне статью отклоню; если – нет, помещу[2]. Простите, что тревожу Вас, но очень, очень прошу Вас дать мне ответ к 2 часам завтрашнего дня (среды). Может быть, зайдете побеседовать лично: я бы показал Вам и присланную мне статью. Да и вообще нашлось бы о чем говорить. Я буду в редакции от 2 до 3½.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

На бланке журнала "Русская мысль".

[1] Имеется в виду выставка "Союза русских художников" в Москве. 16 февраля 1911 г. Брюсов писал редактору "Русской мысли" П.Б. Струве: «Какая-то дама принесла статью о "Союзе" (выставке). Так как о том же мне предлагал статью Волошин, я пока не дал ей окончательного ответа. Статья не плохая, но и не хорошая: в ней – все вещи довольно бесспорные и потому мало интересные. Но если бы у нас не было ни статьи Грабаря, ни статьи Волошина, думается мне, можно было бы напечатать эту даму. Сколько могу судить, выводы ее вполне правильные, и написано все не без умения" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 44).

[2] Волошин представил в "Русскую мысль" большую обзорную статью "Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)", напечатанную в двух номерах журнала (1911, № 5 и 6). Обосновывая промедление с публикацией этой статьи, Брюсов писал 16 марта 1911 г. П. Б. Струве: "...я считаю возможным и необходимым отложить статью Волошина о выставках: она написана очень обще и не устареет к майской книжке, тем более, что Волошин обещал ее к тому времени пополнить" (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 45).

78. ВОЛОШИН – БРЮСОВУ

Коктебель (Феодосия). 7 сентября 1917

Дорогой Валерий,

из слов А.Н. Тихонова, жившего это лето у нас на даче[1], я понял, что Вы несколько изменили сами свой взгляд на необходимость исключительно рифмованных переводов Верхарна и склоняетесь отчасти к моему методу переводов: свободным стихом без рифм. Если это так, то те препятствия, что были весною к моему деятельному участию в работе над собранием стихотворений Верхарна[2], отпадают, и я с большим удовольствием взялся бы за эту работу именно теперь: сейчас у меня есть и время и охота.

Моя книжка Верхарна выйдет в скором времени в изд⟨ательстве⟩ "Творчество". Туда, кроме всех Вам известных переводов, войдут: "Микельанджело", "Толпа", "Города", "Св. Георгий", "Гости (Декабрь)"[3]. Когда она выйдет, я Вам пришлю тотчас же. Если мое прямое участие Вам теперь желательно, то напишите немедля, и я примусь теперь же за работу. Не смогли ли Вы бы мне одолжить на время в этом случае книгу: "Властительные ритмы"? и "Герои" из "Всей Фландрии"[4]: я их не мог достать, а меня привлекают переводы стихов именно этой эпохи Верхарна. Все остальные книги Верхарна у меня есть.

Приветствую.

Текст – машинопись без подписи. Почт. шт.: Коктебель. 8.⟨9.17⟩; Москва. 11.9.17.

В архиве Волошина имеется машинописная копия письма, снятая под копировальную бумагу (*ИРЛИ*, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 12).

[1] Александр Николаевич *Тихонов* (псевд. – Серебров; 1880–1956) – писатель, литературный деятель и издательский работник, организовавший в 1915 г. совместно с Горьким и Ладыжниковым петроградское издательство "Парус", с которым деятельно сотрудничал Брюсов. Летом 1917 г. Тихонов жил в доме Волошина в Коктебеле. Горький, приехавший в Коктебель в середине августа 1917 г., сообщал Е.П. Пешковой

21 августа: "Кроме меня, здесь Тихоновы, они уезжают 25-го" (Архив Горького, т. IX. М. 1966, с. 202).

[2] Подразумевается проект собрания сочинений Верхарна в стихотворных переводах, в шести или восьми томах. Его подготовку по предложению издательства "Парус" взял на себя Брюсов, писавший в марте 1917 г. Горькому о намерении дать Верхарна "полным, с поэмами социалистическими, и революционными, и богохульными, и предельно чувственными, что все у него есть рядом с философскими строгими раздумьями, – дать его во весь рост!" (М. Горький. Материалы и исследования". Т. 1. Л. 1934. С. 189; публ. Е. Михайловой). Этот замысел не был реализован. См.: *ЛН*. Т. 27–28. С. 653–654; *ЛН*. Т. 85. С. 556. Переговоры об участии Волошина в этом издании велись в марте 1917 г. В своем стихотворном "Дневнике поэта" Брюсов писал под датой "23 марта, четверг":

"ВЕСЫ", 1907, № 1
Виньетка работы П. Синьяка

В Кружок я ехать был готов,
Но, мудр, настойчив и непрошен,
Меня в дверях поймал Волошин
(Я, впрочем, сам и звал его...)
С "Верхарнами"... Не до того
Мне было. Выслушал поспешно
И убежал <...>

(*ЛН*. Т. 85. С. 30); 26 марта 1917 г. Брюсов сообщал А.Н. Тихонову: "...собрал уже довольно много переводов Верхарна – М. Волошина, С. Шервинского и др." (Там же. С. 34).

[3] Все перечисленные стихотворения вошли в книгу Волошина "Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы" (М., "Творчество", 1919).

[4] Имеются в виду книга Верхарна "Властительные ритмы" ("Les Rythmes souverains", 1910) и книга "Герои" (Les Héros", 1908) из серии под общим заглавием "Вся Фландрия" ("Toute la Flandre").

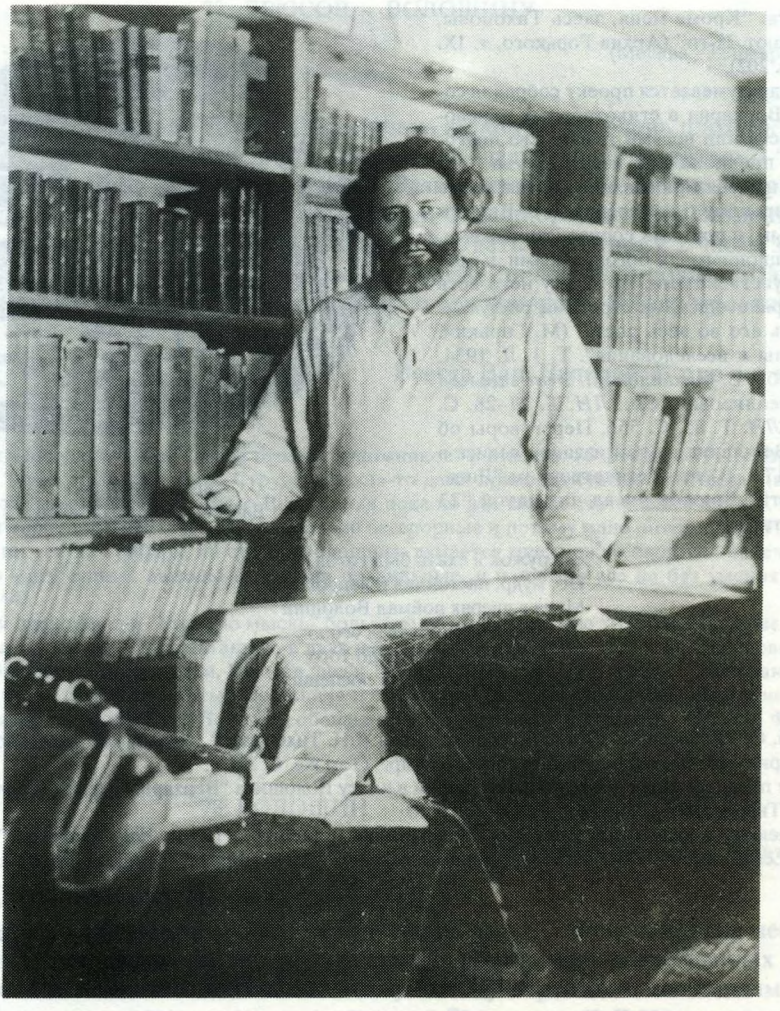
Приложение 1

КНИГА РАЗДУМИЙ.

К.Д. Бальмонт. Валерий Брюсов. Модест Дурнов. Ив. Коневской

Гете высказал мысль, что каждое лирическое произведение должно быть написано непременно на известное событие в жизни поэта[1]. Это определение кладет в основу произведения реальный факт, но самого содержания этого факта не определяет. Если считать реальным фактом каждое мимолетно скользнувшее *настроение в душе поэта, то под это определение подойдут все истинно художественные произведения тех поэтов, которых сами символисты считают корифеями своей школы, но ни в каком случае не подойдут лирические произведения наших символистов: Бальмонта, Брюсова и др. Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, но главная заслуга символизма заключается в том, что он является непосредственным продолжателем реализма и делает шаг вперед именно в этом направлении. Как импрессионисты вынесли картину из искусственного освещения мастерской на вольный воздух и новыми сопоставлениями красок уловили постоянно изменяющиеся трепещущие тона предметов, искрящихся под непосредственными живыми лучами солнца, так и символисты вынесли из глубины души на волю те бесконечно тонкие и скрытые ощущения, которых не мог уловить ни романтизм, изображавший чувства, ни реализм, рисо-

* *Далее зачеркнуто*: или даже искусственно вызванное.



М.А. ВОЛОШИН
Фотография. Коктебель, 1916
Литературный музей, Москва

вавший формы. Для новых понятий понадобились новые краски, и подобно тому, как импрессионисты разработали прием сопоставления красок, вместо прежнего смешивания, так же и символисты достигли совершенно новых эффектов сопоставлением слов и музыкальностью речи для передачи раньше неуловимых оттенков чувства. У их последователей и учеников, как это всегда бывает, внутренний смысл утерялся и искусство выродилось в бесцельную игру словами*. Современные же наши символисты гг.[2*] Бальмонты, Брюсовы и др., поскольку их творчество развилось на почве французского символизма, дают нам только образчики символической реторики, ничем, кроме некоторых особенностей стиля, не отличающейся от реторики когда-то так гремевшего поэта Бенедиктова. Чем, например, стихотворение Бальмонта (четвертое из "Лирики мыслей"):

Жизнь – отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде,

---

* Далее вымарано две строки.

2* *Далее зачеркнуто*: Фофановы.

Царственный вымысел, пропасть глухая, без дна,
Вечность мгновения – миг красоты – тишина.
Жизнь – трепетание моря под властью луны и т.д.[2] –

лучше, чем следующее стихотворение Бенедиктова:*
⟨. . . . . .⟩
Хорошо, что правило Гете о том, что в основе каждого произведения должно лежать действительно⟨е⟩ событие, никем не признается в настоящее время, а ⟨то⟩ г. Бальмонт неминуемо бы подвергся уголовной ответственности за следующие кровожадные стихи:

Если где-нибудь за миром
Кто-то мудрый миром правит,
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поет и славит?
Смерть свою живым питает,
Любит шабаш преступленья,
И кошмары созидает
В ликованьи исступленья.
А едва изведав низость
И насытившись позором,
Снова верит в чью-то близость,
Ищет света тусклым взором[3].

А через две страницы г. Бальмонт, обращаясь к г. Брюсову, говорит:

Но, милый брат, и я, и ты, –
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов
Неумирающих садов[4].

Которое же из этих стихотворений правда и где же в них та реальная личность поэта, которая составляет основу лирики?

Г. Брюсов заявляет:

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя...[5]

Г. Коневской говорит:

И смотрят киты из волнистого лона
Тем взором немым на меня,
С которым встречался преступный Иона,
Что в чреве томился три дня.
Я ваш, я ваш родич, священные гады![6]

(Неужели у кита были глаза в желудке?)[2*]

Вся эта бесконечная рисовка кривлянья и бесцельная игра словами производят то, что, несмотря на несколько звучных и красивых стихотворений, с отвращением закрываешь эту книжечку четырех "прелюбодеев слова".

Макс. Волошин

Текст печатается по автографу, сохранившемуся в архиве М.А. Волошина (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 173).

[1] Возможно, подразумевается следующее рассуждение Гете в разговоре с Эккерманом 18 сентября 1823 г.: «Все мысли и чувства, что ежедневно теснятся в поэте, хотят и должны быть высказаны ⟨...⟩ когда поэт всякий день вбирает в себя настоящее и насвежо воссоздает то, что открывается ему, это бесспорное благо ⟨...⟩ Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нем заговорил *поэт*. Все мои стихотворения – стихотворения "на случай", они навеяны жизнью и в ней же коренятся» (*Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 71–72).

* Текст стихотворения отсутствует.

2* Приписано справа на полях цитируемых стихов.

[2] Книга раздумий. СПб., 1899. С. 8.
[3] Цитата из стихотворения "К.К. Случевскому" ("Когда же мир не распадется...") (Там же. С. 13).
[4] Цитата из стихотворения "Мой дух, есть радость и любовь..." (Там же. С. 16–17).
[5] Там же. С. 35 (первые строки стихотворения).
[6] Цитата из стихотворения "Море житейское" ("Откуда, откуда, из темной пучины...") (Там же. С. 70).

Приложение 2

М.А. ВОЛОШИН

⟨В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты.⟩

Брюсов

Первые воспоминания о Брюсове – анекдоты: "Русские символисты" и шумиха, поднятая вокруг этой книги. Имя Брюсова неразделимо с именем Емельянова-Коханского – автора книги стихов, называвшейся "Королева Ма" и посвященной царице Клеопатре и Мне[1]. Секрет этого посвящения был в том, что Мне – это был дательный падеж не от Я, а дательный падеж от египетского бога по имени Мна. Такими загадками любили забавляться молодые поэты того времени (начала 90-х годов) "pour épater les bourgeois", как позже футуристы.

Серьезное отношение к Брюсову-поэту возникает с "Tertia Vigilia". Не помню, когда и через кого я узнал некоторые стихи из этой книги, написанные тяжеловатым, но пленяющим и новым для того времени размером. Помню, как, возвращаясь из своей ташкентской ссылки в Европу[2], я повторял машинально про себя:

Если бы к Вам я прибыл,
Вы, – мои отдаленные предки –
Вы собратом гордиться могли бы,
Оценили бы взор мой меткий

и еще, до сих пор пленительные:

Со мною любимые книги,
Мне поет любимый размер –
О я знаю, как сладки вериги
В глубине пешеходных пещер...[3]

Я уезжал из России в Париж, и эти стихи сопровождали меня упорно и далеко. Это было мое прощание с родиной. В Париже я познакомился с современными франц⟨узскими⟩ поэтами. Встречался с Бальмонтом, который меня ослепил и пленил, а в 1903 году поехал в Россию в СПБ., снабженный пачкой рекомендательных писем ко всем представителям тогдашней молодой литературы. Брюсову я был заранее рекомедован Бальмонтом. В первый раз видел Брюсова на очередном собрании Религиозно-Философ⟨ского⟩ Общ⟨ества⟩. Оно меня очень поразило. "*Этого* в Париже совсем нет!".

Брюсов

Первая наша встреча с Брюсовым состоялась в редакции Нового Пути. Это была обширная редакционная комната без особого назначения. Посередине комнаты стоял широкий письменный стол, доступный со всех четырех сторон.

В этой неуютной комнате, небрежно подметенной, в которую ежеминутно врывались разные лица и которой В. Бр⟨юсов⟩ располагал, очевидно, в качестве секретаря редакции, каковым он был некоторое время в начале журнала, мы имели первую аудиэнцию. После нескольких обычных вопросов Бр⟨юсов⟩ предложил мне "познакомиться ближе", т.е. прочесть друг другу несколько своих стихов. Я с удовольствием сейчас же начал читать ему "Железную Дорогу", стихотворение, с которым я тогда приехал в Россию и на успех которого рассчитывал как на рекомендацию ⟨?⟩[4] Едва я

ДОМ М.А. ВОЛОШИНА В КОКТЕБЕЛЕ. ВИД С МОРЯ

Фотография М.А. Волошина. 1910–1911 гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

прочел первые строфы – нас перервали. Брюсов извинился очень корректно и исчез из комнаты. Он вернулся минут через 10 и, заняв против меня свое место, прочел мне наизусть те стихи, что я ему успел прочесть. Это была его манера, – что при его необычайной памяти на стихи, удавалось ему необычайно, как доказательство, что он слушал внимательно и принес ⟨?⟩ все свое внимание. – Продолжайте, пожалуйста. – Я ему дочел стихотворение. Он похвалил. А впоследствии рассказывал: "Ко⟨г⟩д⟨а⟩ ко мне пришел Волошин, я был очень занят. Но когда он начал читать стихи, я понял, что все можно отложить, а стихи надо прослушать. Что из текущего – это самое главное".

В. Брюсов

Впервые я увидел Валерия Брюсова в январе 1903 г. в СПБ. на заседании Рел⟨игиозно-⟩Фил⟨ософского⟩ Общества. Я только что приехал в Россию после нескольких лет пребывания в Париже.

Петербург и русская жизнь меня поразили. На залу заседания Рел⟨игиозно-⟩Фил⟨ософского⟩ Общества я смотрел глазами иностранца. Я знакомился тогда с русскими писателями и Петербургом. Темы разговоров и стиль беседы мне казались непривычными и страшно новыми. Читался доклад В.В. Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический, шишковатый лоб В.В. Розанова, который он молча и нервно охватывал узлистыми пальцами, прикрывая глаза, бледные и испитые лица петербургских литераторов вперемежку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти, проносившейся над собранием, – все это рождало смутное представление о раскольничьем соборе XVII в.[5]

Среди этой толпы, в которой каждая фигура казалась страницей истории, меня поразило лицо молодого человека, мне неизвестного. Он не принимал никакого уча-

стия в прениях, стоял скрестив руки и подняв лицо. На нем был застегнут плотно и узко плохо сидевший сюртук (по-семинарски – подумал я). Волосы и борода были черны, лицо очень бледно с неправильно убегающими округлостями и кривизнами. Лоб округлен по-кошачьи. Останавливали внимание глаза, нарисованные на этом гладком лице черной ровной каймой, как у деревянной куклы. Потом, когда становилось понятно их выражение, то казалось, ресницы обожжены их собственным огнем.

Из низкого, стоячего воротника с трафаретным черным галстухом шея торчала деревянно и прямо. Когда он улыбался, то оскаливались большие зубы и лицо становилось яростным, звериным, рысьим. Подумалось: "Вот лицо изувера, исступленного и раскольника, как оно вяжется с этой обстановкой".

На другой день я встретился с ним в редакции "Нового Пути" и узнал, что это Валерий Брюсов. Как можно ошибаться в лицах – подумал я, когда заметил, что это лицо может быть и красивым, и нежным, и грустным. Как мог я находить его подходящим к той обстановке, подумал я, поняв, что если там был человек, – наиболее чуждый тому, что говорилось и волновало, – то, конечно, это – Брюсов.

Сублимируя тогда религиозно-философское собрание в картину раскольничьего собрания – я искал на лицах отблеска страсти, веры и исступленности.

Теперь я думаю, что мое первое впечатление далеко не было так неверно. У Брюсова было лицо человека, затаившего в себе великую страсть. Это она обуглила его ресницы и брови, очертила белки глаз, заострила уши, стянула сюртук, вытянула шею и сделала хищною его улыбку. Та же страсть в тончайшие звоны одела его грубый от природы стих, металлическую точность дала его словам, четкую ясность внесла в его мысль и глубину прозрения в его творчество. Страсть изваяла его как поэта, та опасная страсть, которая двигала Наполеонами и римскими завоевателями, – воля к власти.

Брюсов не поэт-чародей, который прикосновением своего жезла преображает и заставляет звучать вещи, как Бальмонт; не поэт-иерофант, ведающий тайны откровения древние и новые, но лишь немногих допускающий в свое святилище, как Вячеслав Иванов; не поэт-мечтатель, от которого мир заслонен скользящими очертаниями его собственной грезы, как Блок; – Брюсов – поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов и пограничных знаков.

Наша встреча состоялась на другой день в редакции "Новый Путь", в которой Брюсов, по каким-то политическим соображениям, должен был быть секретарем редакции и для этого приезжал в Петербург из Москвы.

Мы встретились в большой необставленной комнате, с большим столом посередине неизвестного назначения. В комнату поминутно входили и выходили люди, что делало нашу беседу краткой и отрывистой. У меня было для него письмо от Бальмонта, с которым я уже подружился в Париже.

"Я Вас знаю хорошо по рассказам Бальмонта", – сказал Брюсов со свойственной ему корректностью и любезностью.

Через 5 минут он мне предложил прочесть ему мои стихи, чтобы скорей познакомиться. Я ему начал читать свое стихотворение "В вагоне", написанное за год перед этим, но не успел я прочесть десяти строк, как Брюсова вызвали в соседнюю комнату по какому-то редакционному делу. Через некоторое время он вернулся и, извинившись за невольный перерыв, прочел мне наизусть начальные строфы моего стихотворения, чтобы показать, что он слушал меня внимательно, и попросил продолжать дальше. Стихотворение это он слышал в первый раз, оно нигде не было напечатано, и с его стороны это был стихотворный фокус его колоссальной памяти, которым он хотел ободрить молодого поэта.

"Когда ко мне пришел Волошин в первый раз, – рассказывал он потом Бальмонту, – я был страшно занят, и у меня не было совершенно времени для разговоров с ним, но когда он начал читать мне свои стихи, я сразу понял, что все дела можно свободно отложить".

В Петербурге это была наша первая и единственная встреча, после мы уже виделись в Москве.

В эту зиму литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломоновского и Никитина[6], на самой периферии московской "Субурры", описанной в рассказе А. Чехова "Припадок"[7]. Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где "лопасти латаний рисовались на эмалевой стене"[8] высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию "Весов", московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал матерьялы для "Огненного Ангела", были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

"Меня интересовало, – рассказывал он, – как спиритические духи, т.е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

– Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

– А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

– Один, пять – толпа...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого "Лествица" напечатана "Скорпионом")[9]. Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас – и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, – он вдруг упал – у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено – я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поровнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали:

– Их нет, они заперты, – и раз даже – они умерли".

В конце десятых годов[10] очагом литературного горения была "башня" Вяч. Иванова. Это был большой дом на углу Тверской и Таврической над самым зданием Государ⟨ственной⟩ Думы[11]. Дом этот выходил на угол круглой башней, самый верх которой был часть квартиры Вячеслава Иванова. Здесь в период литературного расцвета, начавшегося в СПБ после 1905 года, собирался "весь Петербург". Здесь читались первые стихи С. Городецкого, Кузмина, Гумилева, и шли споры и дебаты о мифотворчестве, о мистическом анархизме. Я узнал "башню" и этот круг поэтов в 1907 г.[12], приехав из Москвы. К концу 80-х годов в рус⟨ской⟩ поэзии наступило полное истощение. Все стихи, что появлялись в ту эпоху в "толстых" литературных журналах и подписанные именами Гербановского, Лелечкина, Голикова[13] и др., знам⟨енуют?⟩ поэтов той эпохи. Пушкинский стих умирал в Фете, который еще был жив и внимательно следил за всем новым, что появлялось в поэзии. Но он так и не дождался появления символистов. Стихи Бальмонта так и не дошли до него, но "Вечерние огни" Фета были последним аккордом пушкинс⟨кого⟩ стиха, прозвучавшим в те сумеречные и глухие часы.

Когда появились символисты? Об них я прочел впервые в статье Н.К. Михайловского. Пристрастной, односторонней, чисто газетной статье, но от которой впервые я узнал имена Малларме, Верлена, Рембо, Метерлинка[14]. Ряд имен, которые потом стали священными знаменами, и потому к статье Михайловского у меня, как и у многих поэтов моего поколения, осталось напряженно неприязненное чувство какого-то сознательного обмана, почти подлога. Статья Михайловского "Франц⟨узские⟩ символисты" поссорила в ту эпоху с ним литературную молодежь, это было острое личное оскорбление, которое не забывалось долго и сказалось долго спустя в исступленных стихах Бальмонта, где он называет Мих⟨айловского⟩ "жандармом мысли". Для поколения символистов Мих⟨айловский⟩ соединил в своем лице всю тупую и косную критику, которая была так долго и упорно несправедлива и глуха к молодым той эпохи.

Во все времена у поэтов есть потребность сходиться, чтобы читать друг другу свои стихи. Отсюда литературные салоны. Но в рус⟨ской⟩ жизни нет Салонов. Соединяются обычно у кого-нибудь из старших товарищей. Такими старшими для моего поколения были Бальмонт, Брюсов, Вячесл⟨ав⟩ Иванов.

У Бальмонта собирались в 1904 г. в Вагантьев⟨с⟩ком переу⟨лке⟩[15], у Брюсова на Цветном бульваре. Бальм⟨онт⟩ бывал в Москве временно. У Брюсова был старый родительский полукупеческий дом, где чувствовались гнездо и закваска. Была кафельная изразцовая печка и против нее комнатн⟨ые⟩ цветы ("Лопасти латаний на эмалевой стене"). Здесь бывала молодежь, к которой Бр⟨юсов⟩ всегда име⟨л⟩ тяготение. Начиная с молодых, уже печатавшихся в "Скорпионе", как А. Белый, и ⟨кончая⟩ совсем юными гимназистами, еще нигде не печатавшимися, как Виктор Гофман.

В марте 1924 г., приехав в Москву в первый раз с начала революции (весна 1917), я зашел к Бр⟨юсову⟩. Об нем ходили худые слухи. Мнения были как всегда – враждебные. Говорилось о его "чиновничестве", "коммунизме". Говорили, что ему никто не подает руки. Все это было подновлено недавним его юбилеем. Рассказывали, что кто-то из его новых политических друзей сказал в своей речи: "Вы, В.Я., осуществили вполне священный завет Некрасова:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан..."

Со злорадством рассказывали, что он ожидал, что ему будет поднесен титул русского народного поэта, и ему поднесли действительно звание "народного поэта", но армянского[16]. Что он сам в ответной речи называл свой коммунизм возвращением в

М.А. ВОЛОШИН

Рисунок Б.М. Кустодиева. Карандаш. С.-Петербург, 8 мая 1924 г.
Литературный музей, Москва

отчий дом, рассказывал, что над его колыбелью висел портрет Чернышевского, что он сидел на коленях у Ник. Морозова, что он провозгласил тост за Писарева "в 1924 г. ..."[17].

Я не очень хотел его видеть. Наши пути давно разошлись. Я не был с ним в ссоре. Между нами скорее установилось какое-то "недоброжелательное равнодушие", как кажется с большинством друзей по молодости[18]. Но мне все же хотелось его видеть, чтобы своими глазами увидать, кто он теперь.

Он встретил меня приветливо и дружески пожурил, что я так долго не шел к нему:

– Забываете старых друзей... Уже две недели в Москве... До сих пор не зашли.

Когда я обронил слова о его коммунизме:

– Какое это имеет значение?..

В соседней комнате кто-то зашевелился:

"Коля! Коля! пойди сюда... Это мой племянник..."

Вошел мальчик лет 10.

– Стань здесь и посмотри на этого человека. Запомни: сегодня ты видел Максимилиана Волошина – ступай.

⟨Брюсов в Коктебеле. Август 1924 г.⟩

В. Брюсов

...Каков Б⟨рюсов⟩ на лоне природы?

А д ⟨а л и с⟩[19]. Очень оживлен. Ходит с тросточкой. Лазит по деревьям...

Первое утро приезда.

Б⟨рюсов⟩ у окна. В рубашке без воротничка. С седой бородкой. С совсем темными окуренными усами. С поредевшим, обнажившим⟨ся⟩, очень скругленным черепом, с потемневшими, беспокойными больными глазами.

– Нет, в Алупке есть большие пальмы. Настолько, что на них можно влезть...

Он делает несколько цепких обезьяньих движений руками, точно лезет на дерево*.

Марс подымался из моря. Крупный, тихий, налитой красноватым светом.

Это были числа наибольшей близости Марса к Земле.

Мы ходили по темной дороге вдоль дома.

Б⟨рюсов⟩: "В детстве я мечтал о трех вещах: о том, как человек полетит... О том, как будут разговаривать на расстоянии, и междупланетных сообщениях. Мне удалось при жизни увидать осуществленными и воздухоплавание и радио. Кто знает, быть может, и третья моя мечта осуществится.

Только раз в 2½ тыс⟨ячи⟩ лет Марс подходит так близко к земле. И если на Марсе есть жизнь и тамошняя наука стоит выше нашей, то именно теперь должна быть сделана попытка сообщения с землею. Именно сейчас должны быть поданы сигналы, выброшены ⟨ ⟩2*, кинуты волны... Через 2–3 месяца – мы узнаем..."[20]

Он умер спустя месяц после этого разговора.

Бр⟨юсов⟩ о коммунизме

Каким образом Вы стали коммунистом?

Б р ⟨ю с о в⟩. "Вы ведь знаете мою симпатию к Риму, к империи, к власти... Из всех политических партий в России только коммунисты удовлетворяли этому порядку моих симпатий. Во время Октябрьского переворота я заведовал Книжной Палатой. Учреждение нейтральное, полезное при всех режимах. После переворота мы продолжали свое дело. О нас забыли, или, вернее, и не знали о нашем существовании. Целый месяц мы существовали вне государства. Но потом, когда пришло время получать жалование, нам пришлось самим напомнить о своем существовании. Т⟨аким⟩ обр⟨азом⟩ я оказался на службе у большевиков естественно, без всяких забастовок.

Что же касается моей "партийности", то это произошло так: я однажды в одной беседе с Анатолием Василь⟨евичем⟩ высказал ему, что я вообще принимаю доктрину Маркса, так же как принимаю дарвинизм, конечно, со всеми поправками к нему. Это⟨т⟩ чисто теоретический разговор Ан⟨атолий⟩ Вас⟨ильевич⟩ счел нужным понять как мое желание вступить в партию и сделал туда соответствующее заявление. Об этом я узнал только получивши из партии официальное согласие на принятие меня в члены.

Вы понимаете, что при таких обстоятельствах отказаться было для меня равносильно стать в активно враждебные отношения. Это в мои расчеты не входило. И в то же время не было ничего, что бы меня сильно удерживало от входа в партию.

Таким образом я оказался записанным в члены К.П. Но я исполнял лишь минимум того, что от меня требовалось, и бывал только на необходимейших собраниях. Три раза я уже подвергался чистке и три раза меня восстанавливали снова в правах без всяких ходатайств с моей стороны. В настоящее время партийный билет у меня снова отобран, и я вовсе не уверен, буду ли я восстановлен на этот раз..."

---

* *Помета на полях*: О смерти Пол⟨иксены⟩ Сол⟨овьевой⟩

2* В автографе оставлено место для слова.

(Мне осталось неизвестным, был ли он восстановлен в правах члена партии месяц спустя во время торжествен⟨ных⟩ похорон, на которых столько говорилось о его коммунизме)[21].

Адалис вызвала спешно Марусю[22].

– Вы знаете, что В.Я. очень нравится в Коктебеле и он говорит, что раньше в России была Ясная Поляна, а теперь есть Коктебель. Разница в том, что в Ясн⟨ую⟩ Пол⟨яну⟩ все ездили исповедоваться, а в Кок⟨тебель⟩ приезжают работать.

Бр⟨юсов⟩ мне говорил:

– Я думаю, что в настоящую минуту Коктебель является единственным литерат⟨урным⟩ центром в России. Я здесь имею возможность два раза в день вести беседу с такими интересными людьми, и при том интересными в настолько разнообразных специальностях, что я, напр⟨имер⟩, в Москве не могу позволить себе ежедневно такой роскоши[23]. Я могу перевидать столько людей в разных местах в течение недели, месяца, могу собрать у себя раз в год на именины своих друзей, но иметь постоянно вокруг себя такой круг и вести настолько интересные и содержательные беседы – я не имею возможности.

В другой раз:

– Меня удивляет высокий уровень той публики, что у Вас собирается. Я не говорю про поэтов, ученых, а вот про тех 50–60 человек, которые обычно составляют нашу аудиторию. Ведь это в сущности та средняя публика, которая собиралась когда-то в Худ⟨ожественном⟩ кр⟨ужке⟩, в "Эстетике"[24]. Но публики настолько высокого худож⟨ественного⟩ уровня мне в России еще не приходилось встречать.

Возьмите наши поэтические состязания[25]: написанные вещи подвергались тройному голос⟨ов⟩анию: избранного жюри, самих поэтов и всей присутствующей публики. И каждый раз результаты голосования совпадали. На мой взгляд, это явление в России небывалое.

Или, например, наши игры в цитаты... По существу такая игра мож⟨ет⟩ быть интересна только для специалистов, и не литературы вообще, а только поэзии. А между тем – я нарочно наблюдал за публикой – никто из них не покинул террасы до самого конца игры, которая затягивалась иногда до часу ночи. И все за ней внимательно следили и принимали участие. Я нахожу, что такой высоты художественных интересов "публика" достигала только в немногие моменты – в Афинах, во Флоренции...

Брюсов в Коктебеле участвовал в 2-х прогулках. Одна неудачная. Мы пошли на Карадаг. Был как раз проф. Байков[26] и обещал демонстрировать и прочесть лекцию о Карадагском магнитном отклонении. Пошло человек 40.

Лето было бездождное. До этого дня не было уже месяцев 7 дождя, и после него засуха полная длилась всю зиму. Тут же как нарочно налетели тучи и хлынул проливной дождь с разливом горных речек. Он застал нас на полугоре (где иссякший ключ). Мы пытались скрыться в перелесках. Но быстро были промочены до костей. О продолжении прогулки нечего было и думать. Дождь не переставал. Решили возвращаться тотчас же, пока можно перейти речки. Когда мы сбежали в Кордонную балку, было еще возможно перейти речку по пояс в воде, несмотря на весь напор течения. Но через 2 минуты камни, кативши́еся по дну, и новые массы воды сделали переход невозможным.

– Где же Брюсов?

– Он сейчас идет. Он там за холмом с Адалис. Спускается медленно. У него страшно жалкий вид в размокшей панаме и облипшем пиджаке.

Мы ждали его минут десять, но, не дождавшись, решили, что он вернулся к той части компании, что приютилась в крошечном шалаше на баштане, тоже промокав-

шем. (Среди них была А.П. Остроумова.) Но оказалось, что он подошел вместе с Адалис к речке, когда не было никого на берегу и переход был уже невозможен. Они дождались болгарина верхом, который их перевез на крупе лошади.

После этого у Брюсова до самого отъезда болела рука, которую он носил на перевязи.

Это, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и было началом того крупозного воспаления легких, от которого он и умер[27].

Другая прогулка была на лодке в Харсыс-Лиман и ⟨к⟩ Воротам[28]. Море было зеркальное. Выехали под вечер. Взошла полная луна. А на возвратном пути началось полное лунное затмение, о котором мы забыли. У скал Карадага это было потрясающе. Полное затмение наступило, когда мы вернулись. Луна была гнилостно-багровой. Смотря на нее в Цейса, ломило глаза. Было как-то смутно и неприятно. Меня просили прочесть Lunaria[29], кот⟨орое⟩ звучало как заклинание. Когда я читал последние сонеты, то ярко брызнул освещенный край, а к концу она совсем высвободилась из тени. Это и послужило темой для шуточной оды Брюсова, что он прочел несколько дней спустя на моих именинах[30].

В эти дни (середина августа 1924) из Симферополя пришла пешком компания молодежи – среди них поэтессы Надя Рыкова[31] и Юлия Каракаш[32], Тоня и Муся Изоргины[33] и т.д. На больш⟨ой⟩ террасе после обеда завязался спор. Все столпились. Сидели на перилах. Надя Рыкова, головой и прической напоминающая Ахматову, сидела на столе с видом амазонки, отражая и провоцируя нападения М. Фельдштейн[34], Гроссмана, Брюсова, Белого.

Ее теза была: "На Запад! Вон из России. Здесь ничего нет интересного. Все бездарно..." Позиция рискованная, но для психологии того поколения, которое вышло из отрочества в годы Революции, характерная*. Спор был мальчишески азартный, с криком и шумом. А. Белый ввязался, через несколько минут "взорвался". "Это рассуждения девчонок... Вы ничего не видели... вырастите раньше..." – и выбежал вон. Брюсов возражал и убеждал сдержанно, входя в психологию спорящих.

– Нет интересных лиц и психологических положений в русской истории?.. А возьмите Вы: будущий правитель, воспитанный консервативным отцом и сам придерживающийся еще более консервативных взглядов, которому на смертном одре отец завещает освобождение крестьян и берет с него слово... и который вопреки своим убеждениям и симпатиям вынужден исполнить завещание отца. Это история Алекс⟨андра⟩ II[35].

Текст печатается по автографу (рукопись и авторизованная машинопись), хранящемуся в архиве М.А. Волошина (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 369, 370).

Рукопись представляет собой серию не связанных друг с другом предварительных набросков – "заготовок" – к воспоминаниям; одни и те же темы (в частности, обстоятельства знакомства с Брюсовым) затрагиваются Волошиным в различных фрагментах. О внутренних сложностях, с которыми он сталкивался при работе над этими воспоминаниями о Брюсове, Волошин писал Л.П. Гроссману 17 декабря 1924 г.: "Даже на такую простую и естественную вещь, как записать сейчас свои воспоминания о Вал⟨ерии⟩ Брюсове, и то не подымается рука после того, как я прочел ряд посмертных статей о нем и некрологов. Сейчас я очень ясно почувствовал общую кривизну преломления всех лучей, проникающих сквозь литературную толщу текущего дня, и она томит и мешает крайне" ("Мой дом открыт..." (Письмо М.А. Волошина к Л.П. Гроссману) // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 229–230).

Поскольку из текста воспоминаний невозможно установить, в какой последовательности Волошин предполагал строить изложение темы, при композиции фрагментов в настоящей публикации за основу был взят принцип хронологии излагаемых событий.

Впечатления от знакомства и первых встреч с Брюсовым отражены также в статье Волошина «Валерий Брюсов. "Пути и перепутья", т. 1 собрания стихов» (Русь. 1907. № 348. 29 дек.; *Волошин М. Лики творчества*. С. 407–416).

Отдельные цитаты из воспоминаний Волошина приведены в статье: *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // *Чтения 1971*. С. 438–474.

---

* *Далее зачеркнуто*: и показательная.

[1] Имеется в виду вульгарно-декадентский сборник стихотворений *А.Н. Емельянова-Коханского* (1871–1936) "Обнаженные нервы" (М., 1895) с посвящением: "Посвящается Мне и египетской царице Клеопатре".

[2] Т.е. весной 1901 г.

[3] Неточные цитаты из стихотворений Брюсова "К скифам" ("Если б во время к вам я прибыл...") и "Когда опускается штора..." (*Т.V.* С. 9, 86).

[4] Волошин имеет в виду свое стихотворение "В вагоне" ("Снова дорога. И с силой магической..."), опубликованное в кн.: *СЦ* 1903. С. 106–108. Стихотворение написано в мае 1901 г. – см.: *Волошин М.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 45, 381 (Б-ка поэта. Малая сер.).

[5] Религиозно-философские собрания открылись в Петербурге 29 ноября 1901 г. 23 января 1903 г. состоялось XVIII религиозно-философское собрание, посвященное обсуждению вопроса о христианском догмате; речь Розанова была центральным выступлением на заседании. См.: Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге // *НП*, 1903. № 11. С. 448–472.

[6] Имеется в виду частный цирк на Цветном бульваре Альберта Ивановича *Саламонского* (1839–1913), обосновавшегося в Москве в 1880 г. (ныне здание Московского гос. цирка), и цирк, открытый в 1886 г. братьями Д., А. и П. Никитиными, цирковыми предпринимателями и артистами, основателями многих стационарных цирков, находившийся также на Цветном бульваре (на месте нынешнего кинотеатра "Мир") и успешно конкурировавший с расположенным по соседству цирком А. Саламонского. См. подробнее в кн.: Цирк. Маленькая энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1979. С. 239–240, 293.

[7] Субура – главная торговая улица древнего Рима. В рассказе Чехова "Припадок" (1888) описан район Москвы с публичными домами и трактирами.

[8] Парафраз двух строк брюсовского стихотворения "Творчество" ("Тень несозданных созданий...", 1895), впервые опубликованного в сб. "Русские символисты" (Вып. 3. М., 1895). См.: I, 35–36, 567–568.

[9] Книга А.Л. Миропольского (А.А. Ланга) "Лествица" (М.; Скорпион, 1902) вышла с предисловием Брюсова, озаглавленным "Ко всем, кто ищет". В нем поэт обосновал свое понимание спиритизма как попытки "научным", экспериментальным путем проникнуть в потаенные области действительности, расширить сферу человеческого познания: "Все мы порываемся за пределы, все мы жаждем вздохнуть чуждой стихией. Нам стало тесно, душно, невыносимо. Нас томят условные формы общежития, томят условные формы нравственности, самые условия познания, все, что наложено извне. Нашей душе потребно иное, иначе она умрет"; "... то, что нами пока считается случайным и исключительным, – то, что мы смутно знаем из предчувствий, вещих снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, – становится основой всего бытия" (с. 10–11, 22). Спиритизм был для Брюсова одной из конкретных, прикладных форм исследования "таинственного и странного" в человеческой душе и в окружающем мире.

[10] Оговорка Волошина; подразумевается: "В конце девятисотых годов".

[11] Государственная Дума размещалась в Таврическом дворце.

[12] Ошибка памяти Волошина: он впервые появился на "башне" Вяч. Иванова в сентябре 1906 г.

[13] Михаил Михайлович *Гербановский* – поэт, автор стихотворного сб. "Лепестки" (СПб., 1903). "Лелечкин" – И.О. Лялечкин (см. о нем наст. том, кн. 1, Письма Ноздрина, п. 1, прим. 1 и *Тетради*, п. 24, преамбула к коммент.). О В.М. Голикове см. наст. том, кн. 1, Переписка с Коневским, п. 30, прим. 24.

[14] Имеются в виду статьи Н.К. Михайловского из его авторского цикла "Литература и жизнь", опубликованные в "Русской мысли" в 1893 г. (№ 1. Отд. II. С. 145–169; № 4. Отд. II. С. 176–208).

[15] Имеется в виду Ваганьковский переулок.

[16] В 1923 г. Совнарком Армении присвоил Брюсову звание "народного поэта Армении" (см.: Памяти Валерия Брюсова: Сб. / Сост. В.Е. Максимов-Евгеньев. Л.: кн. сектор Губоно, 1925. С. 17).

[17] В своей ответной речи, произнесенной во время юбилейного чествования в Российской Академии художественных наук в декабре 1923 г., Брюсов говорил: "Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в Дом отчий, – так все это было мне *просто* и *понятно*! Никакой метаморфозы я в себе не чувствовал" (Валерию Брюсову (1873–1923). Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. П. Когана. М., 1924. С. 56). В той же речи Брюсов сказал: «Первые мои впечатления в детстве это – портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так остались висеть до самой его смерти" (с. 55). Об этом же упоминается и в "Автобиографии" поэта: "Между прочим, в 70-х годах отец был близок с Н.А. Морозовым, будущим шлиссельбуржцем, образ которого я помню из дней моего раннего детства. Над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева. Я был воспитан, так сказать, "с пеленок" в принципах материализма и атеизма» (Там же. С. 13). Ср. дневниковую запись Брюсова, относящуюся к марту 1910 г.: "Познакомился с Н.А. Морозовым, шлиссельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях, – так как гимназистом и студентом был близок с моим отцом" (*Дневники*. С. 142). О взаимоотношениях Брюсова с Н.А. Морозовым см. подробнее: *Белов С.* В.Я. Брюсов и Н.А. Морозов: Неопубликованные письма Брюсова // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1964. Т. 23, вып. 4. С. 331–339; *Маргарян А.* Валерий Брюсов и шлиссельбуржец Николай Морозов // Рус. лит. 1965. № 1. С. 169–187.

[18] Аналогичным образом характеризует Волошин свои взаимоотношения с Брюсовым перед его приездом в Коктебель в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 16 ноября 1924 г: "Пред этим мы с ним долго не видались. Между нами не было ссоры, но было некоторое неблагожелательное равнодушие, какое устанавливается между писателями, окруженными аурой литературных сплетен, а интимно видящихся редко" (ГПБ. Ф. 1015. Ед. хр. 517).

[19] Аделина Ефимовна *Адалис* (наст. фамилия Ефрон; 1900–1969) – поэтесса и переводчица. Ученица Брюсова. Летом 1924 г. Адалис одновременно с Брюсовым гостила в Коктебеле в доме Волошина.

[20] Об интересе Брюсова к проблеме межпланетных сообщений, и в частности к "марсианской" теме см.: *ЛН*. Т. 85. С. 70–71 (предисл. Вл.Б. Муравьева); *Герасимов К.С.* "Штурм неба" в поэзии Валерия Брюсова // *Чтения 1963*. С. 138–140.

[21] Фактическая достоверность сведений, приведенных в этом отрывке, вызывает сомнения, поскольку никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту часть волошинских воспоминаний, не обнаружено. Более того, все обнародованные к настоящему времени материалы, освещающие послеоктябрьский период жизни Брюсова, говорят о его вступлении в партию как о продуманном и совершенно искреннем шаге. "Он гордился тем, что он коммунист, – вспоминает о Брюсове А.В. Луначарский. – Он относился с огромным уважением к марксистской мысли и несколько раз говорил мне, что не видит другого законного подхода к вопросам общественности, в том числе и к вопросам литературы. И если иногда эти усилия большого поэта целиком перейти на почву нового миросозерцания, новой терминологии бывали неудовлетворительны и неуклюжи, то эти добросовестнейшие усилия не могут не вызвать у партии чувства уважения за ту несомненную и серьезнейшую добрую волю, которую вносил Брюсов в свое преображение" (*Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8-ти т. М., 1963. Т. 1. С. 434; см. также: Речь А.В. Луначарского на юбилейном чествовании В.Я. Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 г. – *ЛН*. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С. 245–262; *Трифонов Н.А.* Луначарский и Брюсов // *Чтения 1973*. С. 182–196). Возможно, что Брюсов, касаясь этой темы в разговорах с Волошиным, далеким от симпатий к идеологии и политической практике большевизма, сознательно выстроил ту версию своего приобщения к Коммунистической партии, которая была наименее болезненна для его собеседника и не способствовала возникновению дискуссий по принципиальным вопросам.

[22] Мария Степановна *Волошина* (рожд. Заболоцкая; 1887–1976) – вторая жена Волошина.

[23] Ср. слова Волошина о Коктебеле в письме к А.М. Пешковскому от 23 марта 1925 г.: "... литературная жизнь идет очень интенсивно, и покойный Брюсов говорил, что сейчас в России нет нигде такого сосредоточия интересных людей" (*ИМЛИ*. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 27).

[24] Имеются в виду Московский Литературно-художественный кружок и "Общество свободной эстетики".

[25] О поэтических состязаниях, которые устраивались в доме Волошина в августе 1924 г., вспоминает гостивший в то лето в Коктебеле Леонид Гроссман: «Одной из таких забав, всецело организованной им ⟨Брюсовым. – *Ред.*⟩, были стихотворные конкурсы. По вечерам на большой террасе, при многолюдном стечении всех обитателей дачи, устраивался турнир поэтов. Каждый присутствующий подавал записку с предлагаемой темой. Из общей массы извлекались три записки. Конкурирующие поэты по общему согласию останавливались на одной из них, обязательной для всех участников конкурса. Правила состязания сводились к следующему: стихотворение должно быть непременно рифмованным, размер его от 8 до 20 строк, срок подачи одинаковый для всех – через полчаса на первом конкурсе или час – на втором. ⟨...⟩ Поэты прочитывали свои стихотворения, после чего избранное жюри определяло лучшее произведение. Решение его санкционировалось всем собранием. Такой "статут" был предложен Брюсовым и принят всем обществом.

В стихотворных конкурсах принимали участие, помимо самого Брюсова, Максимилиан Волошин, С.В. Шервинский, поэтесса Адалис, П.Н. Зайцев и пишущий эти строки. Во главе жюри находился Андрей Белый» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова // Гроссман Л. Борьба за стиль: Опыты по критике и поэтике. М., 1927. С. 288–289). Далее Л. Гроссман рассказывает о конкурсах на тему "Женский портрет" и "Соломон", где победителями были признаны С.В. Шервинский и Адалис (с. 290–291).

Воспоминания Гроссмана подтверждаются и мемуарами художницы А.П. Остроумовой-Лебедевой (Автобиографические записки. М., 1974. Т. 3. С. 66). Остроумова-Лебедева уточняет, что "среди живущих у Волошина в то лето находились поэты – Андрей Белый, Шервинский, Шенгели, Леонид Гроссман, Мария Шкапская, Адалис, несколько юных поэтов и поэтесс, московские профессора А. Габричевский, Б. Ярхо и др. Гостили также художники Богаевский, Шаронов, Кандауров, Костенко, артистки балета – всех не перечесть. Позднее приехал Валерий Брюсов" (Там же. С. 54). См. также: *Купченко Вл.* Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 168–169. Нью-Йорк, 1987. С. 250–255.

[26] Александр Александрович *Байков* (1870–1946) – химик, специалист в области металлургии; с 1932 г. – академик.

[27] Ср. описание этой прогулки в воспоминаниях Остроумовой-Лебедевой: "Очень запомнилась мне прогулка, затеянная Волошиным, – через Северный перевал пройти на Карадагскую биологическую станцию. Отойдя версты три и поднявшись на крутые глинистые холмы, мы были неожиданно застигнуты грозой и сильным ливнем. Небо обрушилось потоками воды. Все бросились кто куда. Среди грохота грома и падающей воды Максимилиан Александрович усиленно кричал нам, чтобы мы спрятались в пастуший шалаш. Через несколько минут мы вместе с шалашом и пластом земли поплыли по скату холма. ⟨...⟩ Волошин не потерял присутствие духа. Просил всех переждать натиск воды. Организовал переправу через воду цепью, и таким образом никто не пострадал. Все шли босиком, сняв свою обувь. Помню то чувство необыкновенной бодрости и подъема, когда мы вернулись домой по уши мокрые, в глине и песке" (*Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. Т. 3. С. 62–63).

[28] Имеется в виду Золотые ворота Кара-Дага – скала в море, представляющая собой естественную каменную арку.

[29] "Lunaria" – венок сонетов, написанный Волошиным в 1913 г. Опубликован в кн.: Альманах "Гриф". 1903–1913. М., 1914. С. 56–63; вошел в сб. Волошина "Иверни. (Избранные стихотворения)" (М.: Творчество, 1918).

[30] О "шуточной оде" Брюсова, обращенной к Волошину, см. подробнее во вступительной статье. Во-

лошин имеет в виду следующую строфу из нее:

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеяньи,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись –
Да небеса гласят твои даянья!

(III, 434).

Прогулка к подножию Кара-Дага, описанная Волошиным, запечатлена также в воспоминаниях Л. Гроссмана: "Однажды, на закате, общество отправилось лодками в соседние бухты (...) Темные базальтовые слои скалистых стен, гроты, колонны, причудливые арки создают здесь впечатление какого-то древнего пейзажа. Словно разворачивается здесь фантастический фон Одиссеевых странствий – острова сирен, пещеры циклопов. Ритм качающейся лодки настроил Брюсова на декламативный лад. Еще при отчаливании он начал декламировать Баратынского (...) За Баратынским последовал Вергилий. (...)

Максимилиан Волошин, сидя на корме, читал свои стихи о Коктебеле: «И на скале, замкнувшей зыбь залива, – Судьбой и ветрами изваян профиль мой..." Медленно проплывала лодка вдоль готических уступов огромных скал, и мерно звучали пластические строки о Киммерии, о "напряженном пафосе Карадага"... Цикл поэм о восточном Крыме был закончен. Кто-то обратился к Брюсову с просьбой прочесть его давнишнее стихотворение "Антоний".

– О нет, это так давно писано, я от этого совершенно ушел. Это словно не я писал...

Но через несколько дней мы услышали стихи Брюсова, отчасти навеянные этой поездкой. В оде Максимилиану Волошину, написанной ко дню его рождения, Брюсов называет его genius loci Коктебеля, пользуясь эпизодами и впечатлениями нашей морской экскурсии и даже отмечая затмение луны, которым ознаменовался в тот вечер наш обратный путь. Ода была великолепно прочитана Брюсовым за праздничным пиршеством среди обильных гроздей винограда и августовских крымских плодов» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова. С. 292–294).

[31] Надежда Януарьевна *Рыкова* (р. 1901) – переводчица, литературовед, критик. Автор книги "Современная французская литература" (Л., 1939). В 1924 г. студентка факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета. Сохранилась акварель Волошина, подаренная им Рыковой летом 1924 г. с дарственной надписью: «Наде Рыковой. "В надежде славы и добра". Максимилиан Волошин. 12.VIII. 1924» (собрание Н.Я. Рыковой, Петербург).

[32] Юлия Сергеевна *Каракаш* (в замужестве Мурзаева, 1901–1963) – дочь крымского землевладельца, гимназическая подруга Н.Я. Рыковой; писала стихи. См. о ней: Рыкова Н. "Но я воскресну всем, что ты любил" // Вечерний Петербург. 1993. 30 дек. № 300. С. 4.

[33] Антонина Николаевна *Изергина* (1906–1969) – искусствовед, в 1930–1969 гг. сотрудник Государственного Эрмитажа. Мария Николаевна *Изергина* (р. 1904) – сестра А.Н. Изергиной, пианистка, концертмейстер драматических театров.

[34] Михаил Соломонович *Фельдштейн* (1884–1944) – юрист, переводчик; он и его жена Ева Адольфовна (рожд. Левина; 1886–1964), художница, принадлежали к числу близких друзей Волошина.

[35] Существенные дополнения к этому спору, происходившему в доме Волошина, позволяет сделать запись беседы с Н.Я. Рыковой (март 1984 г.). «Я говорила очень запальчиво, – вспоминает Рыкова, – но не совсем так. Я говорила о сравнительной ценности западных и восточных элементов в русской культуре, считая, что многие наши национальные тенденции, например, славянофильство, совершенно неоправданны. "На Запад" означало воспринимать и впитывать культуру Запада, продолжать учиться у Запада».

Н.Я. Рыкова уточняет также, что спор велся почти целиком с Андреем Белым: «Белый кричал: "Девчонка! Доживите до моих лет!" Сестры Изергины возмутились: "Что это за аргументы! Причем здесь возраст!" Тогда Белый убежал с веранды. Рассуждений Брюсова, которые приводит Волошин, я не помню, хотя должна была бы запомнить, так как в те годы я чрезвычайно почитала Брюсова. Но то, что он занимал в этом споре примирительную позицию, это верно».

Рассказ Рыковой подтверждается и воспоминаниями Л. Гроссмана, который пишет, что Брюсов "по-отечески снисходительно и дружелюбно вступал в спор с задорными девицами, отрицавшими огулом всю русскую культуру или отвергавшими какое-нибудь крупнейшее поэтическое явление" (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова. С. 295).

Воспоминания Волошина об этой беседе Брюсова и Андрея Белого с молодыми гостями Коктебеля зафиксированы и в его дневниковой записи от 7 сентября 1930 г. (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 442. Л. 73–73об.).

ПЕРЕПИСКА С Н.С. ГУМИЛЕВЫМ* (1906 – 1920)

Вступительная статья и комментарии
Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова.
Публикация Р.Л. Щербакова

Литературные и личные отношения Брюсова и Гумилева изучены лишь в незначительной степени, что отчасти объясняется скудостью документации, имеющейся в распоряжении исследователей. Вот почему публикация переписки двух поэтов вводит в научный оборот материал, чрезвычайно важный для освещения указанной выше темы.

Первая книга Гумилева "Путь конквистадоров" вышла осенью 1905 года[1]. Хотя имеются сведения, что до появления сборника его автор, еще учившийся в гимназии, печатал свои произведения на страницах периодических изданий, пока найдена лишь одна публикация, подтверждающая это мнение[2]. Таким образом, Брюсову вряд ли было знакомо ранее имя юного поэта, приславшего свою первую книгу на отзыв в редакцию "Весов".

Отзыв вождя московских символистов был довольно суров. Брюсов писал: «Г-н Гумилев призывает встречаться "в вечном блаженстве мечты", любуется на "радугу созвучий над царством вечной пустоты", славит "безумное пенье лир", предлагает людям будущего избрать невестой – "Вечность", уверяет, что он – "пропастям и бурям вечный брат" и т.д., и т.д. (...) Отдельные строфы до мучительности напоминают свои образцы, то Бальмонта, то Андрея Белого, то А. Блока... Есть совпадения целых стихов: так, стих "С проклятьем на бледных устах" (стр. 15) уже сказан раньше К. Бальмонтом ("Мертвые Корабли")[3]. Формой стиха г. Гумилев владеет далеко не в совершенстве: он рифмует "стоны" и "обновленный", "звенья" и "каменьев", "эхо" и "смех", "танце" и "багрянцы", начинает анапест с ямбических двухсложных слов, как "они", "его", а ямбы со слова "или" и т.д. Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только "путь" нового конквистадора и что его победы и завоевания – впереди»[4].

К сожалению, рецензент не отметил понравившиеся ему произведения, но в их число, бесспорно, входил открывавший книгу сонет "Я конквистадор в панцыре железном...". Брюсову запомнился этот образ, и позднее он воспользовался им в письме к П.П. Перцову[5]. Нет никакого сомнения и в том, что рецензент обратил внимание на явное подражание ему самому. Так, стихотворение Гумилева "Греза ночная и темная" несет на себе отпечаток брюсовской поэмы "Царю Северного полюса" и "Старого викинга" (сб. "Tertia Vigilia").

Можно утверждать, что отзыв в "Весах" произвел на молодого автора весьма сильное впечатление, так как он стал вылавливать в книжных магазинах свой сборник и предавать его сожжению. Впоследствии Гумилев считал первой книгой не "Путь конквистадоров", уцелевший в единичных экземплярах, а "Романтические цветы", вышедшие спустя три года.

Тем не менее тот факт, что вскоре Брюсов сам пригласил Гумилева сотрудничать в "Весах", портфель которых в это время был заполнен рукописями стихотворений, свидетельствует о том, что глава московских символистов довольно высоко оценил потенциальные способности начинающего поэта. В феврале 1906 г. состоялось знакомство по переписке, сыгравшее исключительную роль в становлении таланта Николая Гумилева.

История взаимоотношений Брюсова и Гумилева довольно четко распадается на три периода. Первый из них длится до середины 1910 года. Год этот, наполненный самыми различными событиями, оказался переломным в жизни Николая Степановича: он женился на А.А. Горенко, выпустил свою зрелую книгу "Жемчуга", активно начал сотрудничать в журнале "Аполлон". Годы первого периода были отданы учебе в Сорбонне и Петербургском университете, небольшим путешествиям, завязыванию литературных знакомств, усиленному самообразованию и непрерывной работе над совершенствованием техники стиха.

---

* Авторы просят принять во внимание, что вступительная статья писалась много лет назад, когда самая возможность упоминания имени Гумилева определялась жесткими рамками цензурных ограничений.

Н.С. ГУМИЛЕВ

Портрет работы М.В. Фармаковского. Масло, холст. 1908

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Если в это время Брюсов играл роль щедрого и терпеливого учителя, а Гумилев находился в положении послушного и благодарного ученика, то на следующем этапе, длившемся до весны 1913 г., молодой поэт выступает уже как вполне самостоятельная литературная фигура. Сокращается объем переписки, она становится более сухой и деловитой, Брюсов иногда дает советы, как более опытный мастер, но чаще исполняет роль заказчика. Впрочем, порой роли меняются, и уже Гумилев просит Брюсова прислать стихи для "Аполлона", разбирает произведения бывшего учителя в "Гиперборее" и протежирует своим ученикам из "Цеха поэтов" – Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, М.А. Зенкевичу, М.Л. Лозинскому...

С рождением акмеизма начинается третий период во взаимоотношениях Брюсова и Гумилева, который обозначен прекращением переписки. Основатель новой школы обиделся на критику Брюсова, поскольку именно на его поддержку он более всего рассчитывал. О дальнейшем развитии отношений можно судить лишь по журнальным рецензиям Брюсова и Гумилева, случайным отзывам в письмах к третьим лицам и воспоминаниям современников.

Сложная и многоаспектная тема "Брюсов и Гумилев" ставит множество проблем, еще ожидающих своего исследователя. В кратком предисловии мы коснемся только нескольких вопросов, необходимых для понимания публикуемого ниже эпистолярного материала.

С первых же литературных шагов Брюсова для него характерно стремление сплотить вокруг себя единомышленников, возглавить целое поэтическое направление. Еще на гимназической скамье Брюсов предрекал себе роль вождя русского декадентства, видел в нем "путеводную звезду в тумане"[6]. И несколько позднее, в эпоху "Русских символистов", не имея, в сущности, ни соратников, ни даже четкого представления о сути символистской поэзии, Брюсов пы-

тался создать впечатление, что такая группа уже существует. С этой целью он писал и переводил под множеством псевдонимов, сотворил мифического издателя В.А. Маслова, организовывал интервью с самим собой и другими московскими декадентами...[7]

В последующие годы, когда молодое литературное направление уже сложилось, забота Брюсова стала еще более острой. В этом смысле особенно знаменательна брюсовская статья "Школа и поэзия"[8], в которой он одним из первых ставил вопросы о необходимости учить поэтическому ремеслу. Тема "брюсовской школы" в поэзии 1900–1910-х годов еще не поставлена в нашей историко-литературной науке. Между тем для целого ряда поэтов принадлежность к этой школе определяла очень многое. К брюсовской школе современники относили В.В. Гофмана, Б.А. Садовского, С.М. Соловьева, поэзию которых Гумилев обсуждает в одном из писем. Это все литераторы московские, завсегдатаи редакции "Весов", но, по свидетельству В. Пяста, Брюсов и "всем без исключения молодым петербургским поэтам казался непререкаемым высшим авторитетом"[9]. Такой вариант литературного воспитания – без регулярного устного общения – еще более показателен для осмысления объема и степени брюсовского влияния на представителей последующего литературного поколения. Наиболее видным из "заочных" учеников Брюсова, несомненно, являлся Гумилев.

К сожалению, до нас не дошли именно те брюсовские письма, которые Гумилев ценил особенно высоко и перечитывал по многу раз. Но все же определенное представление о советах, даваемых мэтром, можно получить по ответам его адресата. Поэтическая выучка у Брюсова начиналась с технического усовершенствования стихотворной формы. Уже замечания в процитированной выше рецензии, а затем и упреки Брюсова в однообразии размеров и неточности рифм (см. п. 5), впоследствии повторенные другими критиками[10], заставили Гумилева не только искать путей расширения метрического репертуара, но и вырабатывать собственную трактовку размеров. Так, он связывал хорей с половым началом, в ямбе он видел "волевой характер": "Голос уверенного в себе человека крепнет по мере того, как он говорит. ⟨...⟩ Приказанье, просьба, вопрос, ждущий ответа, сообщение чего-либо – вот стихия ямба"[11].

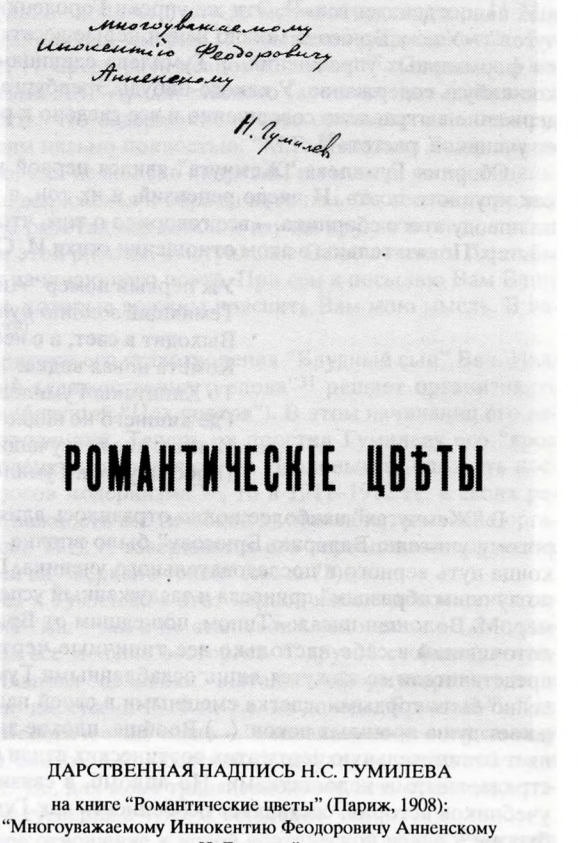
Но Гумилев усваивал и другие секреты мастерства. Когда он обсуждал с Брюсовым состав своих "Романтических цветов", речь шла не просто об отсеве стихотворений низкого качества, но об единстве поэтической книги – вопрос, в котором приоритет Брюсова в то время был неоспорим. Как свидетельствовал С. Городецкий в конце 1907 г., «Брюсов первый у нас потребовал от книги стихов "организованности", и за ним почти все поэты стали собирать свои сборники по определенному плану, соединяя стихи в циклы, а циклы в книгу»[12].

Любопытно, что поначалу этот процесс обучения – отчетов и консультаций, просьб и рекомендаций, вопросов и советов – оставался в пределах тайны личной переписки. Гумилев, по-видимому, не склонен был до поры до времени широко оглашать обстоятельства своего регулярного письменного общения с Брюсовым. Об этом свидетельствуют его письма того периода к В.И. Анненскому-Кривичу, а также письма А.А. Горенко к С.В. Штейну, в которых сквозные темы Брюсова и Гумилева существуют порознь[13].

С другой стороны, Брюсов также не спешил открыто зачислять юного поэта в число своих учеников. Возможно, он намеревался сначала познакомиться с ним лично. Не исключено, что на него как-то подействовали отрицательные отзывы Мережковских и Андрея Белого[14]. Но, скорее всего, мэтр опасался, что ученик может не оправдать его ожиданий. По выходе "Романтических цветов" Брюсов писал в "Весах" о Гумилеве: "Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые. На наших глазах за последние годы прошла печальная судьба нескольких скороспелок, отцветших едва ли не прежде издания своей первой книги. Не окажется ли более счастливым естественный путь: от слабого и подражательного к совершенству, чем обычный путь наших однодневок: от блестящих созданий первой юности к плоскости и пустоте дальнейших бесчисленных и почти ремесленных поделок"[15].

Безотносительно к Гумилеву нужно сказать, что Брюсов вообще не считал нужным афишировать свое литературное наставничество. Это приводило иногда современных ему критиков к совершенно неправильным оценкам его поведения. Так, например, Д.П. Мирский писал: «Задолго до Брика он знал все, что можно знать о "звуковых повторах у Пушкина", но таил свои знания про себя, пользуясь ими как профессиональной тайной. К стихоучительству Брюсов обратился поздно, только после того, как окончательно убедился, что потерял водительство. Пока оно было за ним, – он жречески хранил свои тайны поэта. Пока символисты шли за ним, он был "суровый маг", каким его изобразили Врубель и Белый. Рецензии его тогда были поразительно скупы на конкретные указания (большая разница с Гумилевым, который еще революционером и вождем уже учил своих подмастерий их ремеслу). Сам себе Брюсов поставил подножием ремесло, но другим его не давал»[16].

Ошибочность приведенной точки зрения засвидетельствована в воспоминаниях множества поэтов, так или иначе прошедших через брюсовскую школу. Поэтому рассыпанные в письмах благодарности Гумилева мало что добавляют к дорисовке облика Брюсова как щедрого и заботливого воспитателя, но зато публикуемые письма уникальны в другом отношении. Ведь Гумилев учился у Брюсова не только технике стиха, но и технологии обучения поэтов. К пафосу "стихоучительства" Гумилева приобщил именно Брюсов. Это была передача навыков литературной работы, сформулированных в той фразе Бодлера, которую любил приводить Гумилев: "Ведь все на свете зависит от внимания и упражнения. Само вдохновение есть плод неустанной гимнастики"[17]. И вся позднейшая деятельность Гумилева по созданию студий стихотворчества – задуманный им еще с Городецким в 1914 г. "Литературный Политехникум", реализовавшийся в практике ряда литературных курсов первых послереволюционных лет[18], – восходит к эпистолярным наставлениям Брюсова, которые Гумилев получал в Париже и Царском Селе.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н.С. ГУМИЛЕВА

на книге "Романтические цветы" (Париж, 1908):
"Многоуважаемому Иннокентию Феодоровичу Анненскому
Н. Гумилев"
Собрание А.К. Станюковича, Москва

После выхода "Романтических цветов" стало очевидным, что́ автор выбрал за поэтический эталон. Вернувшийся в 1908 г. из-за границы Гумилев в литературных кругах начинает прочно ассоциироваться с Брюсовым. В.И. Кривич писал М.Г. Веселковой-Кильштет 29 мая 1908 г. в связи с приемом Гумилева в кружок "Вечера Случевского": «Человек он очень талантливый, литературное детище Брюсова, который руководит им. ⟨...⟩ Декадент он, так сказать, строгого рисунка и стихов "сологубовских настроений" не пишет»[19].

С отзыва на творчество Брюсова Гумилев начал петербургский период своей жизни. В рецензии на второй том "Путей и перепутий" Гумилев выступает как адепт символизма и с пылом новичка хвалит вождя школы за чистоту направленческой линии: «...прежде всего бросается в глаза цельность плана и твердое решение следовать по пути символизма, которое в первом томе иногда ослаблялось уклонением в сторону декадентства и импрессионизма. Брюсов оперирует только с двумя величинами – "я" и "мир" и в строгих, лишенных всего случайного схемах дает различные возможности их взаимоотношений». Любопытно, что из брюсовского поэтического кредо на первое место Гумилев выдвигает приятие мира, то есть то, что вскоре окажется созвучным акмеизму: мир опять прекрасен и с избытком искупает себя.

...И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! Я есмь! Мне вечности не надо![20]

Гумилев противопоставляет Брюсова его соратникам по течению, прежде всего К.Д. Бальмонту и Вяч. Иванову: "Он разделяет мечты Малларме и Рене Гиля о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям"[21].

После возвращения в Россию литературные связи Гумилева становятся разнообразней, особенно большое влияние оказывают на него Вяч. Иванов и И.Ф. Анненский. Однако авторитет Брюсова по-прежнему остается непоколебленным[22]. Литературная связь Брюсова и Гумилева, закрепленная взаимными печатными отзывами, привела к тому, что Брюсов стал "отвечать" за Гумилева. Так, С. Городецкий писал о Гумилеве в статье "Молодняк": «...все эти "блу-

ды" (...) в значительной степени объяснимы его литературным преемством от одного из главных наших декадентов»[23]. Эти же упреки Городецкий повторил и позднее после выхода "Жемчугов": «Уже у Брюсова можно найти целые десятки стихотворений, имеющих значение только формальных упражнений. У Гумилева единицами считаются стихотворения, имеющие какое-нибудь содержание. У какого-нибудь Эренбурга или любого из крестников "Аполлона" содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямбам. "Течение" крепнет, вербует учеников, растет»[24].

Сборник Гумилева "Жемчуга" явился первой книгой, с которой началось его признание как крупного поэта. И число рецензий, и их тон, и уровень авторов, пожелавших высказаться по поводу этого сборника, – все говорило о том, что в русскую литературу пришел интересный мастер. Показательны в этом отношении стихи И. Северянина:

Уж первый номер "Аполлона",
Темнящий *золото руна,*
Выходит в свет, и с небосклона
Комета новая видна:
То Капитаны Гумилева,
Где лишнего не видно слова,
И вот к числу звучащих слов
Плюссируется: Гумилев[25].

В "Жемчугах" наиболее полно отразилось влияние мэтра, и посвящение книги "Моему дорогому учителю Валерию Брюсову" было вполне закономерным и справедливым. Пройдя до конца путь верного и последовательного ученика, Гумилев выпустил книгу, в которой "работа по лучшим образцам" принесла и заслуженный успех, и не менее заслуженную критику. Например, М. Волошин писал: «Типом, пошедшим от Брюсова, может служить поэт Гумилев, сосредоточивший в себе настолько все типичные черты брюсовской школы, что все остальные представители ее кажутся лишь ослабленными Гумилевыми. (...) Поэтам этой школы свойственно быть гордыми, слегка смешными в своей напыщенности и уверенными в том, что в них живет душа прошлых веков. (...) Вообще, плохое знакомство с литературой и историей составляет отличительную черту этих поэтических дэнди брюсовской школы, хотя их "мэтр" вовсе не страдает этими недостатками. Но апломб, в связи с перепутанными фактами из нескольких учебников истории, составляет особенность как Гумилева, так и повторяющего его путь Эренбурга»[26].

После "Жемчугов" начинается поначалу медленный, а затем все более ускоряющийся отход Гумилева от Брюсова. В какой-то степени это связано с возросшим влиянием Вяч. Иванова, со слушанием курса стихосложения в "Академии стиха" (см. п. 59), затем с деятельностью нововозникшего "Аполлона", где Гумилев постепенно начинает приобретать все больший вес и "теснить" Вяч. Иванова, наконец, это связано с его собственными поэтическими успехами. Однако необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Судя по переписке, основной предмет, "проходившийся" Гумилевым в брюсовской школе, был техника стиха, студия формального мастерства. Еще в юности надсоновские строки: "Лишь бы хоть как-нибудь было излито, // Чем многозвучное сердце полно"[27] – вызвали возмущение Брюсова. Его совершенно не устраивало выражать свои чувства "хоть как-нибудь". Форма произведения значила для Брюсова очень много. Поэтому секреты мастерства были для него прежде всего умением "ковать" стихи.

Естественно, что, обучая Гумилева, Брюсов в первую очередь обращал внимание на то, как сделано произведение молодого поэта, и далеко не всегда обсуждал с ним вопрос о самой теме стихотворения и уже тем более об его идее. Проницательный В.Ф. Ходасевич очень точно отметил эту особенность брюсовской студии стиха, после посещения в конце 1904 г. одной из традиционных "сред" на Цветном бульваре, на которой А. Белый читал свои стихи, а С. Соловьев – только что присланные стихи Блока. "Брюсов тщательно разбирал то, что ему читали. Разбор его был чисто формальный. Смысла стихов он отнюдь не касался и даже как бы подчеркивал, что смотрит на них, как на ученические упражнения, не более. Это учительское отношение к таким самостоятельным поэтам, какими уже в ту пору были Белый и Блок, меня удивило и покоробило. Однако, сколько я мог заметить, оно сохранилось у Брюсова навсегда"[28].

При таком подходе к делу обучения духовные связи между мастером и учеником неизбежно оказываются ослабленными. После того, как наставник обучил ремеслу своего воспитанника, отношения приходят к своему логическому концу. В споре символистов с акмеистами, который разгорится спустя три года после выхода "Жемчугов", наглядно обозначится разница во взглядах на поэтическую тему бывшего мэтра и бывшего ученика.

В 1910 г. Гумилев, выступив с рядом "Писем о русской поэзии", сам начинает выдвигаться, по крайней мере в глазах начинающих стихотворцев, на роль лидера. Сверстники обращаются к нему с панегирическими посланиями: "Душно-знойных пустынь молодой император, || Мореход и поэт Гумилев ⟨... ⟩ Принеси нам из дали обеих Америк || Ожерелия рифм золотых. Будешь славен за то, когда выйдешь на берег, || Среди рати певцов молодых"[29]. Сохранился ответ Гумилева от 20 сентября 1910 г. на письмо А.Г. Архангельского (впоследствии известного советского пародиста). Можно предположить, что содержание ответа ориентировано на первые послания Брюсова к Гумилеву. Приводим письмо полностью: "М.Г. Исполняя Вашу просьбу, пишу о Ваших стихах. По моему мненью, они несколько ходульны по мысли, не оригинальны по построенью, эпитеты в них случайны, выраженья и образы неточны. От всех этих недостатков, конечно, легко отделаться, серьезно работая над собой и изучая других поэтов, лучше всего классиков – но пока Вы не совершили этой работы, выступленье Ваше в печати было бы опасно прежде всего для Вас самих, как для начинающего поэта. При сем я посылаю Вам Ваше стихотворенье с детальными примечаниями, которые должны пояснить Вам мою мысль. В надежде на Ваши будущие успехи Н. Гумилев"[30].

Весной 1911 г. Гумилев после резкой критики его стихотворения "Блудный сын" Вяч. Ивановым на заседании "Общества ревнителей художественного слова"[31] решает организовать обособленный от Общества кружок поэтов (будущий "Цех поэтов"). В этом начинании его неожиданным союзником оказывается С. Городецкий. Теперь он простил Гумилеву его "ярое брюсофильство"[32]. Если еще в 1910 г. Городецкий ссорился с Вяч. Ивановым за близость последнего к "Аполлону", за поддержку "отбросов модернизма"[33], то в 1911–1912 гг. в своих рецензиях в "Речи" он все чаще подчеркивает важность поэтической дисциплины, значение организованной стихотворной техники. И к весне 1912 г. завершается его переоценка творчества Брюсова, увенчавшаяся хвалебной рецензией на "Зеркало теней" (см. п. 73).

Нужно сказать, что отношения Брюсова и Гумилева в этот период имеют довольно сложный характер. С одной стороны, московский "маг" так и не стал своим человеком в "Аполлоне", а в "Цехе поэтов" его поэзия вызывала все меньше восторгов. С другой стороны, в конфликте с теургической программой Вяч. Иванова "цеховики" пытались сформулировать свое кредо, опираясь на доводы его оппонента по дискуссии 1910 г., т.е. на доводы Брюсова[34]. Как отметила в свое время Е.Р. Малкина[35], акмеистический тезис – "непознаваемое – по самому смыслу этого слова нельзя познать" – был близок к брюсовской формуле, высказанной им в письме к Е.А. Ляцкому от 12 марта 1908 г.: "Да, для меня трансцендентное есть трансцендентное, т.е. абсолютно непостижимое, и всякого суеверия я чужд совершенно"[36].

Да и сам Брюсов не сразу определил свое отношение к новой поэтической волне и занимал выжидательную позицию. О сборниках, появившихся под маркой "Цеха поэтов", он писал так: «Строгость в чеканке стиха, осторожность в выборе слов, постоянная проверка вдохновения рассудком – вот характерные черты поэтов этого "сообщества". ⟨...⟩ Однако этим молодым поэтам, при всем их порывании к "стихийности", угрожает одно: впасть в "умеренность и аккуратность"»[37]. Брюсовские рецензии на стихотворения А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута, Е. Кузьминой-Караваевой, в общем положительные, обязательно содержали "ложку дегтя". Даже говоря о "Чужом небе", книге, в которой уже не осталось следов ученичества, Брюсов придерживался той же тактики: "По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева оставляют впечатление работ художника, одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники. Н. Гумилев – не учитель, не проповедник; значение его стихов гораздо больше в том, как он говорит, нежели в том, что он говорит". Казалось бы, в основном отзыв хвалебный, но его конец несет налет некоторой безнадежности: "Гумилев пишет и будет писать прекрасные стихи: не будем спрашивать с него больше, чем он может нам дать..."[38]

Сдержанность брюсовской похвалы становится очевидной, если сравнить его отзыв с другими. Так, например, А.И. Тиняков писал 1 октября 1912 г. Гумилеву: «Теперь же, – после "Чужого неба", – я непоколебимо исповедую, что в области поэзии Вы – самый крупный и серьезный поэт из всех русских поэтов, родившихся в 80-х гг., что для нашего поколения Вы – то же, что В. Брюсов для поколения предыдущего. ⟨...⟩ Я буду очень счастлив, если Вы напишете мне что-нибудь о моей книге. Особенно ценны будут для меня указания на мои промахи»[39].

Ответная внешняя реакция представителей "Цеха поэтов" была такой же: дружественно настороженной. В этом отношении очень показательна рецензия на "Зеркало теней" в первом номере "Гиперборея", принадлежащая, скорее всего, Н. Гумилеву: «Несмотря на то, что Валерий Брюсов был одним из первых русских символистов, он сохранил во всей полноте свое значение и до наших дней, по своему, но глубоко отзываясь на все, что волновало общество последние десятилетия. ⟨...⟩ Полное обладание техникой делает из него мэтра русского стиха. Его можно не любить, но читать и даже изучать должно.

В "Зеркале теней" не найти метода катастрофичности, когда поэт вкладывает в одно стихотворенье всю силу своего горения, все окончательное своих прозрений. Его прелесть в зрелости мысли, точности выражений и уверенности, с какой поэт подходит к своим образам»[40].

В этой заметке выдержан подчеркнуто уважительный тон, но сама его нарочитость указывает на известную отчужденность пишущего, что не укрылось от чуткого критика: "...лапидарно-краткие рецензии о книгах Валерия Брюсова, К. Бальмонта, Вячеслава Иванова почтительны и пиететны – как эпитафии"[41]. По-видимому, более точно передает характер разговоров о брюсовской книге на заседаниях "Цеха поэтов" рецензия В.И. Нарбута. «Может быть, Валерий Брюсов от вечной усидчивой работы, от непосильного труда устал, и поэтому кое-где срывается? На это есть намек в книге: "и сочетанья надоевших слов..."[42]. Тогда как прежде: "ищи сочетания слов..."[43]. Но, в конце концов, В. Брюсов, хотя не сказал "Зеркалом теней" ничего нового, остался прежним по силе восприятия поэтом с одним убеждением: все земное вечно свято, и в жизни каждый миг хорош»[44].

В январе 1913 г. были обнародованы акмеистические манифесты, и Гумилев, как видно из письма от 28 марта 1913 г., почти не сомневался в поддержке Брюсова. Однако тот не захотел солидаризоваться с новым течением. Неудивительно, что поспешно и не очень внятно написанные декларации Гумилева и Городецкого показались ему "по-детски беспомощными". За долгие годы существования акмеизм (он же адамизм) не смог выбрать для себя ни окончательного названия, ни определенной идеологической платформы. Поразительней другое. Обычно поэтически чуткий Брюсов не увидел ничего общего в творчестве поэтов, назвавших себя акмеистами: «...мы решительно не видим в этих стихотворениях чего-либо общего, выделяющего их в особую группу, не видим, чем они характерно отличаются от стихов, которые писались и пишутся поэтами, незачисляемыми в ряды "акмеистов"»[45].

Гораздо менее опытный в те годы критик утверждал: «не случайная близость соединила молодое поколение, не случайная вражда оторвала их от символистов, а внутреннее родство и единство настроения и направления между собой и внутреннее расхождение с "учителями", симптоматичное для новой литературной эпохи»[46]. Конечно, цитируемая статья писалась на три года позднее брюсовской, но Валерий Яковлевич даже в 1922 г. считал, что основатели акмеизма Гумилев и Городецкий "ограничились лишь тем, что выкинули новое знамя, не изменив принципам символизма в творчестве"[47].

Резкое выступление Брюсова удивило не только атакованных акмеистов. Так, например, И. Эренбург писал: «Молодые поэты в жажде достигнуть неба вновь прильнули к земле. Казалось, что появление такого уклона в новейшей поэзии должно было порадовать критиков, и раньше других Брюсова, который предсказал неизбежность этого явления[48]. Но ныне на страницах той же "Русской мысли" появляются его статьи с жестокой критикой названных выше поэтов[49]. Брюсов решительно отказывает им в будущем, говоря, что лишь "футуристы", быть может, освежат современную поэзию»[50].

Брюсов не только противопоставлял акмеистов и футуристов, но и считал первых зависимым течением. В рукописных "Заметках об акмеизме" у него есть пункт, не развитый в опубликованной статье: "Акмеизм. Его зависимость от эго-футуризма"[51]. Акмеисты ревниво относились к сближению Брюсова с эгофутуристами[52]. Факт участия Брюсова в альманахе "Орлы над пропастью" был демонстративно оставлен без комментариев в гумилевской рецензии на эту книгу[53]. И когда вышел сборник "Стихи Нелли", в котором Брюсов в значительной степени ориентировался на предметный мир эгофутуристов, Гумилев в мягкой форме упрекнул его. Спрятавшийся за прозрачным псевдонимом автор был осужден Гумилевым за то, что "пристрастие к материальной культуре заставляет поэта забывать разницу между временным и вечным, потому что и время и вечность он хочет воспринимать, как мгновение"[54].

Проблема противостояния Брюсова и акмеистов имеет свои тактические и стратегические аспекты. Наивно было бы объяснять взаимные обиды и последующий разрыв отношений Брюсова и Гумилева так, как это сделал один из их современников: «Вячеслав Иванов пригрел Городецкого. Брюсов пригрел Гумилева. Благодарный Гумилев пел в печати такие дифирамбы Брюсову, что становилось даже неловко. Когда у этих поэтов прорезались "зубки", они стали кусать грудь своей кормилицы"[55]. Однако анализ этой проблемы далеко выходит за рамки настоящей публикации.

Что же касается более узкого вопроса о дальнейших взаимоотношениях Брюсова и Гумилева, то следует отметить, что творчество Брюсова и его точка зрения на ряд вопросов попрежнему интересовали Гумилева. И конечно же, ему хотелось знать, как оценивает бывший учитель его очередной сборник "Колчан". Возможно, по инициативе Гумилева редакция "Аполлона" обратилась к Брюсову с просьбой о рецензировании этой книги. Секретарь журнала М.Л. Лозинский писал Брюсову 24 мая 1916 г.: «Н.С. Гумилев сообщил мне, что Вы не полу-

чили письма С.К. Маковского, которым тот просил Вас высказать на страницах "Аполлона" Ваше мнение о "Колчане". Поэтому я позволю себе подтвердить Вам, что редакция "Аполлона" очень хотела бы получить хотя бы небольшую по размерам заметку Вашу об этой книге. Ей особенно ценно именно Ваше мнение, не только как признанного судьи в вопросах поэзии, но и как первого учителя автора "Колчана", и за исполнение ее просьбы она была бы Вам чрезвычайно признательна»[56].

А 29 июня М.Л. Лозинский уведомлял С.К. Маковского, редактора "Аполлона": «Забыл сообщить Вам, что от Брюсова пришел ответ; он напишет для "Аполлона" о "Колчане". "Прошу только позволения, – говорит он, – писать более подробно, чем принято в обычных "рецензиях". Это необходимо в интересах автора книги, иначе моя заметка была бы ограничена указаниями на недостатки сборника". Неласковое предисловие!»[57]

Начиная с "Колчана", Брюсов все более отрицательно относится к творчеству бывшего ученика. В.Г. Шершеневич привел в своих воспоминаниях слова, сказанные Брюсовым осенью 1921 г. после того, как он перечитал три последних сборника Гумилева: "Мы с Бальмонтом – это Монтекки и Капулетти поэзии. Мы старики. А Гумилев был молодым Ромео. К сожалению, его Джульеттой была не жизнь, а ошибка"[58]. В уже цитировавшейся статье "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии" Брюсов как бы подвел итог творчеству Гумилева: «Посмертные сборники стихов Н. Гумилева ("Костер", "Стихотворения", "Тень от пальмы", "Огненный столп" и др. ⟨...⟩)[59] показывают, что он сумел до последних лет остаться большим мастером пластического изображения. ⟨...⟩ Но все-таки та экзотика, та археология, тот изысканный эстетизм, которыми пропитаны щегольские стихи Гумилева, – все это стадии, уже пройденные нашей поэзией»[60]. Справедливости ради укажем, что критические работы Гумилева, собранные в книге "Письма о русской поэзии", Брюсов расценил гораздо более высоко и считал, что они не потеряли своего значения[61].

Анализируя развитие русской поэзии в первое послереволюционное пятилетие, Брюсов, вероятно, не без удивления обнаружил, что "акмеизм – выдумка, прихоть, столичная причуда"[62] – пустил довольно глубокие ростки, в то время как эгофутуристы, на которых он возлагал когда-то основные надежды, оказались "бесплодными" и фактически не имели наследников. Чтобы как-то объяснить сложившуюся ситуацию, он придумал новое течение – неоакмеизм. Брюсов причислил к нему О. Мандельштама, Э. Багрицкого, Г. Шенгели, Б. Лившица, Г. Иванова, Н. Оцупа, В. Рождественского, А. Радлову, М. Лозинского и др.[63] Получилась весьма представительная группа. Конечно, с точки зрения современного литературоведения некоторые имена, например Б. Лившиц, попали в этот список "незаслуженно", но зато в нем нет многих других поэтов, например Н. Тихонова, которые заняли бы в нем место по праву. К тому же брюсовский перечень можно было продолжить, доведя его до наших дней. А это значит, что проблемы, возникшие в русской поэзии еще в начале века, до сих пор не потеряли своей остроты не только в историко-литературном, но и чисто практическом плане.

Письма Гумилева уцелели практически полностью. Все они хранятся в фонде Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 84.18–20), за исключением одной открытки (п. 49), случайно отколовшейся от подборки и попавшей в архив *ИМЛИ* (Ф. 13. Оп. 3. Ед.хр. 85). Конверты от писем сохранились не все, а так как Гумилев иногда не ставил дат, то при хронологической расстановке писем возникали определенные трудности. В ряде случаев датировка производилась по косвенным признакам, оговариваемым в примечаниях.

Еще сложней обстояло дело с раскладкой по письмам стихотворных приложений, так как некоторые тексты Гумилев присылал повторно, часть их Брюсов, по-видимому, изъял для публикации в "Весах" и других изданиях, не исключено, что отдельные стихотворения были переданы Гумилевым при личных встречах. Вопреки общему правилу, в данном случае эти приложения считались неотъемлемой частью письма, поскольку некоторые стихотворения никогда не публиковались, во всех текстах имеются существенные разночтения по сравнению с печатными, и, наконец, раскладка помогала датировать произведения, чего практически никогда не делал сам автор.

Брюсовских писем уцелело всего десять. Они рассыпались по разным архивам. Одно письмо находится в *ИРЛИ* (п. 68 – Ф. 444. № 37), шесть – в *ЦГАЛИ* (п. 65 – Ф. 2567. Оп. 2. Ед.хр. 203; пп. 7, 35, 45, 62 и 71 – Ф. 147. Оп. 1. Ед.хр. 32); два – в *ГБЛ* (пп. 17 и 58 – Ф. 386, 71.3). Отметим, что в *ГБЛ* хранятся не подлинники, а копии, снятые П.Н. Лукницким с оригиналов, которые принадлежали в то время А.А. Ахматовой. Одно из писем (п. 17) в настоящее время находится в частном собрании, с него была снята копия К.М. Азадовским, полностью совпавшая со списком Лукницкого. Местонахождение другого автографа неизвестно. Что касается последнего, десятого письма (п. 30), то здесь необходимо некоторое разъяснение. В предвоенные годы

Н.С. Ашукиным готовился к изданию том материалов по русскому символизму, основанный на рукописных документах Государственного литературного музея. В состав тома вошло пять писем Брюсова к Гумилеву. Четыре из них позднее перешли с фондами музея в *ЦГАЛИ*, а одно (п. 30) – пропало. В настоящем издании оно печатается по списку Н.С. Ашукина, хранящемуся в собрании Р.Л. Щербакова.

Отдельные места из переписки Брюсова и Гумилева цитировались неоднократно[64], но полностью она не издавалась. Правда, в 1980 г. в Париже вышла книга "Н.С. Гумилев. Неизданные стихи и письма", в которую вошла переписка Брюсова и Гумилева. Но в ней напечатано без примечаний всего четыре письма Брюсова, кроме того, отсутствуют гумилевские письма за 1906 г. и еще целый ряд других. К тому же допущены многочисленные ошибки как в датировке, так и при расшифровке автографов, имеются пропуски в тексте и неточности в комментариях. В 1983 г. в лондонском журнале "The Slavonic and East European Review" (Vol. 61, № 4, окт.) помещена публикация S. Graham "Unpublished Letters from Gumilyov to Bryusov, 1906–1907". Она в какой-то степени восполняет недочеты парижского издания, но, к сожалению, также не свободна от ошибок, к тому же комментарий предельно краток. Когда настоящий том был подготовлен к изданию, Ш. Греем и М. Баскер выпустили книгу "Николай Гумилев. Неизданное и несобранное" (Ymca-Press, Paris, 1986), в состав которой вошла и переписка с Брюсовым. В этом издании воспроизведены 9 писем Гумилева, ранее опубликованные Ш. Греем в лондонском журнале "с некоторыми исправлениями в тексте и с расширенными примечаниями", кроме того, добавлено пять писем Гумилева и четыре письма Брюсова. Тексты писем содержат лишь незначительное число ошибок, поскольку исследовательница имела возможность пользоваться автографами, хранящимися в советских архивах. Однако с предложенными ею датировками не всегда можно согласиться.

Когда подготовленная для "Литературного наследства" переписка находилась уже в издательстве, в журнале "Литературная учеба" (1987, № 2) появилась публикация М.В. Толмачева "...Всему, что у меня есть лучшего, я научился у Вас...", в которой приводятся фрагменты переписки Гумилева и Брюсова.

Но настоящая публикация впервые предоставляет в распоряжение исследователей весь корпус сохранившейся переписки двух крупнейших русских поэтов.

В заключение считаем своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за помощь в работе Л.В. Горнунгу и Н.М. Иванниковой.

[1] Цензурное разрешение на публикацию дано 3 октября 1905 г.

[2] Стихотворение "Я в лес бежал из городов..." было напечатано в газете "Тифлисский листок" (1902, № 211, 8 сент.).

[3] "С проклятьем на бледных устах" – заключительная строка пятой части поэмы Бальмонта "Мертвые корабли" (сб. "Тишина", 1895) и первой строфы "Песни о певце и короле" Гумилева.

[4] Весы. 1905. № 11. С. 68.

[5] См. п. 1, прим. 1.

[6] *Дневники*. С. 12.

[7] См., например: *Арсений Г.* Московские декаденты // Новости дня. 1894. № 4024. 29 авг. Автограф статьи, написанной Брюсовым, – *ГБЛ*. Ф. 386, 40.19; подробнее об этом эпизоде см.: *Тетради*, п. 15 и прим. 6 к нему.

[8] *Аврелий*. Школа и поэзия // Лит. приложение к газ. "Русский листок". 1902. № 74. 17 марта.

[9] *Пяст В.* Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 88.

[10] В.В. Гофман в рецензии на "Романтические цветы" отмечал, что озеро Чад, Рим и наша современность трактуются в одних и тех же размерах (*РМ*. 1908. № 7. С. 144). Позднее Андрей Белый писал о гумилевском стихе: «...анализ его выявляет подлинную скульптуру, свойственную классикам, в то время как классический стих на Брюсове – как на корове седло. Зато нет у Гумилева тех истинно новых ритмов, какие свойственны Брюсову эпохи "Tertia Vigilia"; их поздней подхватил футуризм» (*Белый А.* Поэма о хлопке // Новый мир. 1932. № 11. С. 231).

[11] *Гумилев Н.С.* Фонетика // *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 5. № 492. Л. 5. Это второй раздел из незаконченной работы Гумилева по поэтике, первый раздел которой под названием "Анатомия стихотворения" был напечатан в альм. "Дракон" (Пг., 1921).

[12] *Городецкий С.* Книги и писатели // Речь. 1907. № 342. 21 дек. Высказывание самого Брюсова по этому поводу см. в предисловии к сб. "Urbi et Orbi".

[13] В юности А.А. Горенко очень интересовалась поэзией Брюсова. См. об этом: Стихи и письма. Анна Ахматова. Н. Гумилев // Новый мир. 1986. № 9. С. 202.

[14] См.п. 10 и прим. к нему.

[15] Весы. 1908. № 3. С. 78.

[16] *Святополк-Мирский Д.* Валерий Яковлевич Брюсов // Современные записки. Париж, 1924. № 22. С. 419. Заключительная фраза – реминисценция из монолога Сальери (из пушкинского "Моцарта и Сальери").

[17] *Витвицкая Б.* Памяти Н.С. Гумилева // Рижский курьер. 1922. № 499. 2 сент.

[18] Ср. в письме В.А. Рождественского к Н.О. Лернеру от 17 июня 1919 г.: "Николай Степанович сказал мне, что Вы согласились читать в Литературном политехникуме курс истории русской поэзии XIX века" (*ЦГАЛИ*. Ф. 300. Оп. 1. Ед.хр. 292. Л. 3).

[19] *ИРЛИ*. Ф. 43. № 165. В черновом варианте статьи "О современном лиризме" (1909 г.) И.Ф. Анненский счел нужным отметить наличие у Гумилева учителя, но при этом нашел неожиданный повод противопоставить обоих поэтов: «Его не подцепишь на неточности – справился заранее у сведущих людей, и никогда не выпустит Гумилев стиха вроде того, как его учитель: "О братья! человек, бацилла, тигр, гвоздика". Причесано все, как следует, и с пробором» (*ЦГАЛИ*. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 135. Л. 187; цитируется стих. Брюсова "Жизнь" – 1907; I, 497).

[20] Из стихотворения Брюсова "К счастливым" (1904–1905; I, 434).

[21] Речь. 1908. № 127. 29 мая.

[22] Любопытно свидетельство П.М. Пильского о разговоре с Гумилевым в 1908 г., в котором зашла речь о Брюсове: "О нем только что была напечатана тогда моя статья, и в ней я отмечал брюсовскую гордыню и брюсовское честолюбие. Гумилеву это нравилось. Брюсова он ставил высоко" (Сегодня вечером. Рига, 1926. № 195. 2 сент.). В той статье Пильский вспоминает: «Через 10 лет он мне сказал: "Меня называют теперь принцем среди поэтов; король – Брюсов"». Скорее всего, в этих словах Гумилева отразилась язвительная фраза Б.А. Садовского, высказанная в адрес С.А. Ауслендера (см.: *Садовской Б.* Ледоход. Пг., 1916. С. 199. Издание автора).

[23] Утро. Понедельник. 1908. № 18. 29 сент.

[24] *Городецкий С.* Да, против течения! // Против течения 1910. № 5. 12 ноября. В том же издании Гумилева резко критиковал Вас.В. Гиппиус как "ученика бесстрастного Брюсова" (рецензия на "Жемчуга" в № 8, 3 декабря, подпись – "Росмер"). Позднее Вас. Гиппиус писал в статье "Цех поэтов": "Н. Гумилев на глазах цеховиков из подражателя Брюсова вырос в самостоятельного поэта, правда, той же французской эклектическо-парнасской школы: теперь Гумилев несомненно владеет даром стихотворной живописи, его образы ярко-красочны, но явно не достает ему дара пения и музыки". ("Жизнь". Одесса, 1918. № 5. С. 12).

[25] *Северянин И.* Рояль Леандра (Lugne): Роман в строфах. Бухарест, 1935. С. 28.

[26] *Волошин М.* Позы и трафареты // Утро России. 1911. № 34. 12 февр. О брюсовской манере Гумилева писали многие: С.А. Ауслендер (Речь. 1910. № 181. 5 июля), А. Рославлев (Бумажные цветы // Воскресная вечерняя газета. 1912. № 12. 12 авг.) и др.

[27] Заключительные строки стихотв. С.Я. Надсона "Это не песни – это намеки..."

[28] *Ходасевич В.Ф.* Брюсов // Современные записки. Париж, 1925. Т. 23. С. 217.

[29] *Фырин А.* Голова Медузы. СПб., 1910. С. 29.

[30] *ЦГАЛИ*. Ф. 341. Оп. 3. Ед.хр. 13. Приведем замечания Н. Гумилева:

"Он стал над землей и горами[1]
И глянул в бездонную высь,
И Солнце, сжигая лучами[2],
Ему прошептало: Молись! –
Он ринулся в бездну немую[3],
Где змеи в изгибах свились[4],
И слышал Он просьбу глухую,
Тревожную просьбу – Молись! –
И крикнул Он голосом диким[5],
Зачем же мы жить родились[6]?
Чтоб только молиться безликим[7]?
–Да! Только молиться. Молись!"

1. Земля и горы в данном случае одно и то же. 2. Сжигая *кого?* Кроме того, на высотах холоднее, чем в низинах. 3. "Немая бездна" – банально. Вся строка похищена. 4. Какие змеи? Почему? Как можно свиться в изгибах? 5. Дикий голос – заезженный романтизм. 6. "Жить родились" – плеоназм. 7. Великое – Безликое – у Бальмонта. Вряд ли безликих несколько. Ведь тогда бы они имели "лик", как различье.

[31] *Haight A.* Anna Akhmatova. A poetic piligrimage. Oxford, 1976. P. 14.

[32] *Городецкий С.* Из ограды – на волю // Вестник лит. 1909. № 9. С. 216.

[33] См. письмо С. Городецкого к Вяч. Иванову (*ИРЛИ*. Ф. 123. Оп. 1. № 281. Л. 1).

[34] См. подробнее в комментариях к переписке В. Брюсова и Вяч. Иванова (*ЛН*. Т. 85. С. 530–531).

[35] Рецензия Е. Малкиной на книгу Д. Максимова "Поэзия Валерия Брюсова" (Лит. обозрение. 1940. № 24. С. 47).

[36] Из прошлого. Неопубликованные письма В. Брюсова и А. Блока // Новый мир. 1932. № 2. С. 194.

[37] *РМ*. 1912. № 7. С. 22–23. "Умеренность и аккуратность" – слова Молчалина из комедии Грибоедова "Горе от ума".

[38] Там же. С. 19.

[39] *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 5. № 503. Л. 1. Нужно отметить, что вообще к акмеистам Тиняков относился не очень хорошо, хотя сам недолго состоял в "Цехе поэтов". 11 марта 1913 г. он писал Брюсову, у которого ранее просил адрес Гумилева: «В Петербурге сейчас говорят об "акмеистах". Из этого явления до боли ясно видно, насколько наше поколение бедно и бессильно в творческом отношении, если сравнить его с поколением предыдущим, ряды которого украшаете Вы и К.Д. Бальмонт» (*ГБЛ*. Ф. 336, 104.48. Л. 32). Тиняков просит Гумилева высказаться о его сборнике стихов "Navis Nigra" ("Гриф", 1912). В рецензии на него В.

Ходасевич писал: "Подчиненность г. Тинякова Брюсову является главным недостатком всей книги" (Утро России. 1912. 24 нояб. № 271). Об этом же писал и Гумилев: "Александр Тиняков – ученик Брюсова, но как прав был Адрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков – один из раздавленных" (Аполлон. 1912. № 10. С. 76).

[40] Гиперборей. 1912. № 1. Окт. С. 27. Ср. мысли рецензента о "катастрофичности" шедевров поэзии с высказыванием Гумилева в заметке "Читатель": "...поэт в минуты творчества должен быть обладателем какого-нибудь ощущения, до него неосознанного и ценного. Это рождает в нем чувство катастрофичности, ему кажется, что он говорит свое последнее и самое главное, без познания чего не стоило земле и рождаться" (Альманах "Цех поэтов". Кн. 3. Пг., 1922. С. 32).

[41] *Левинсон А.* "Гиперборей" // Театр. 1912. 25 нояб.

[42] Из стихотворения Брюсова "В итальянском храме" (1912; II, 63).

[43] Из стихотворения "Поэту" (1907; I, 447).

[44] Новый журнал для всех. 1912. № 9. С. 122. Цитируется стихотворение "На заре" ((1911); II, 44).

[45] *Брюсов В.* Акмеизм // *РМ.* 1913. № 4. С. 141.

[46] *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // *РМ.* 1916. № 12. С. 52–53.

[47] *Брюсов В.* Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // *ПР.* 1922. № 7. С. 51.

[48] В этой же статье чуть выше И. Эренбург говорит о ряде статей Брюсова в "Русской мысли" 1910–1912 гг., «в которых он указывает на опасность для молодых поэтов идти за "символистами" к ирреальному от жизни».

[49] И. Эренбург характеризует поэзию Городецкого, Клюева, Зенкевича, Ахматовой, Цветаевой, Нарбута, Радимова – поэтов, по словам Фр. Жамма, "опустивших голову и взглянувших вниз". Сборники этих же поэтов Брюсов отрецензировал в *РМ.* 1912. № 7.

[50] *Эренбург И.* Заметки о русской поэзии // Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 16–17. О статье Брюсова "Акмеизм" см. также: *Дмитриевич С.* Бессилие современной критики // Хмель. 1913. № 7–9. Отметим, что в те дни, когда писалась статья "Акмеизм", Брюсов выступал на литературном диспуте, посвященном новейшим течениям. Открывавший собрание С.А. Соколов-Кречетов, коснувшись акмеизма, сказал, что «в основе этого течения лежит здоровое зерно утверждения жизни. Но, к сожалению, на практике акмеисты главным образом описывают, как они "леопардов влет из карабинов убивают", и больше ни в чем проявить себя не собираются». Брюсов заключал обсуждение и выступил в защиту старой реалистической литературы. См.: Русское слово. 1913. 10 апр. № 83.

[51] *ГБЛ.* Ф. 386, 40.23. Л. 1.

[52] Ср. свидетельство В. Шершеневича об отношении Брюсова к И. Северянину: «...всячески лансировал его в поэтических кругах, резко поссорившись с Гумилевым, неодобрительно высказавшимся о первых "опусах" Северянина» (*ЦГАЛИ.* Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 14).

[53] *Г.Н.* "Орлы над пропастью". Предзимний альманах. Изд. "Петербургский глашатай", 1912 // Гиперборей. 1912. № 3. Дек. С. 28.

[54] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. С. 171.

[55] *Философов Д.* Акмеисты и М.П. Неведомский // Речь. 1913. 17 февр. № 47.

[56] *ГБЛ.*Ф. 386, 92.31. Л. 2.

[57] *ГРМ.* Ф. 97. № 149. Л. 13об. По невыясненным обстоятельствам эта рецензия не была написана. Рецензию на "Колчан" опубликовала в "Аполлоне" (1917, № 6–7) участница 2-го "Цеха поэтов" М. Тумповская.

[58] *Шершеневич В.* Великолепный очевидец. Символисты // *ЦГАЛИ.* Ф. 2145. Оп. 1. Ед.хр. 74. Л. 14.

[59] Здесь Брюсову изменила его обычная точность: "Костер" – прижизненная книга, а "Тень от пальмы" вообще не стихотворный, а прозаический сборник. По всей видимости, в последние годы жизни он уже не столь внимательно следил за творчеством своего бывшего ученика.

[60] *ПР.* 1922. № 7. С. 51.

[61] "Когда перечитываешь эти старые журнальные статьи, – писал Брюсов, – в свое время знакомые немногим... Мало находишь, что к сказанному прибавить, что в нем изменить. У Н. Гумилева было чутье подлинного критика, его оценки метки, выражают – в кратких формулах – самое существо поэта" (*Брюсов В.* Суд акмеиста // *Пр.* 1923. № 3. С. 96).

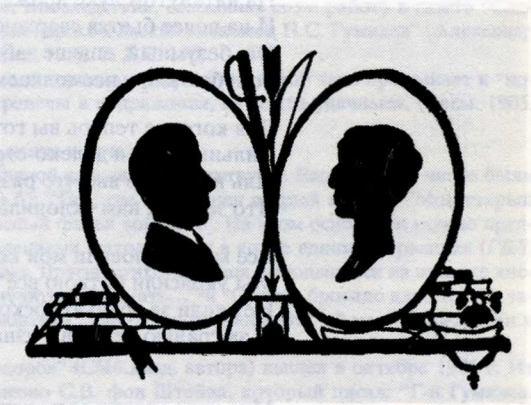
[62] Характеристика, данная Брюсовым в статье "Новые течения в русской поэзии" (*РМ.* 1913. № 4. С. 134).

[63] *ПР.* 1922. № 7. С. 52.

[64] См., например, публикацию М.В. Толмачева "...Всему, что у меня есть лучшего, я научился у Вас..." (По страницам писем Н.С. Гумилева к В.Я. Брюсову) (Лит. учеба. 1987. Март-апр. С. 156–169).

Приведем, кстати, наиболее существенные публикации последних лет, посвященные жизни и творчеству Гумилева: *Енишерлов Вл.* Вступ. заметка к подборке "Стихи разных лет" Н. Гумилева // Огонек. 1986. № 17. С. 26; *Кузнецов Ю.* Предисл. к публ. трагедии Н. Гумилева "Отравленная туника" // Альманах "Современная драматургия". 1986. № 3. С. 186–187; *Карпов Вл.* Поэт Николай Гумилев // Огонек. 1986. № 36. С. 18–24; *Тименчик Р.* "Над седою вспененной Двиной...": Н. Гумилев в Латвии: 1916–1917 // Даугава, 1986. № 8. С. 115–121; *Павловский А.* Николай Гумилев // Вопр. лит. 1986. № 10. С. 94–131; Неизвестные письма Н.С. Гумилева // Публ. Р.Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1986. Т. 46, № 1. С. 50–78; *Евтушенко Евг.* Возвращение поэзии Гумилева // Лит. газ. 1986. 14 мая. № 20; Анна Ахматова. Н. Гумилев. Стихи и письма / Публ. Э.Г. Герштейн // Новый мир. 1986. № 9. С. 196–227; *Высотский О.* Найдены дневники Н. Гумилева // Моск. новости. 1987. № 12. 22 марта; *Гумилев Н.* Африканский дневник / Предисл. В. Енишерлова // Огонек. 1987. № 14. С. 19–22 и № 15. С. 20–23; *Эльзон М.Д.* Предисловие // Гумилев

Н. Охота на носорога // Рус. лит. 1987. № 2. С. 159–160; *Богомолов Н.А.* "Лишь для тебя на земле я живу". Из переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер // В мире книг. 1987. № 4. С. 70–76; *Терехов Г.А.* Возвращаясь к делу Н.С. Гумилева // Новый мир. 1987. № 12. С. 257–258; Гумилевские чтения // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 15. Wien, 1984; Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1989; То же. Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989; То же (репринтное издание). М.: Вся Москва, 1990.



Н.С. ГУМИЛЕВ И А.А. АХМАТОВА
Силуэты работы Е.С. Кругликовой.
Линогравюра. 1910-е годы

1. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 11 февраля 1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я Вам искренне благодарен за Ваше письмо[1] и за то внимание, которым Вы меня дарите. Вы воскресили мою уверенность в себе, упавшую было после Вашей рецензии[2]. Очень благодарю Вас за любезное приглашение участвовать в "Весах"[3]. Но я боюсь, что присылаемые с этим письмом стихи покажутся Вам неудовлетворительными[4]. Дело в том, что зимой я пишу меньше и слабее, чем обыкновенно, а мои осенние стихи частью вошли в "Путь конквистадоров"[5], частью печатаются в сборнике "Северная речь", который выйдет в конце февраля[6]. Поэтому, если присланные стихи будут забракованы, я пришлю Вам другую партию, быть может, лучшую. Если же нет, то вторая партия может быть помещена в другом номере "Весов".

Мне очень жаль злоупотреблять Вашей любезностью, но я не могу не попросить Вас уведомить меня, какие именно мои стихи будут помещены в "Весах", потому что оставшиеся я думаю предложить для "Слова"[7].

Еще раз благодарю за внимание.

Готовый к услугам Н. Г у м и л е в.

11 февраля 1906 г.

* * *

Но не будем таиться рыданья[8],
О моя золотая печаль!
Только чистым дано созерцанье
Вечно-радостной чаши Грааль[9].

Разорвал я лучистые нити,
Обручившие мне красоту...
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?*

* * *

Я зажег на горах красный факел войны[10],
Разгораяся лижут лазурность огни,
Неужели опять для меня суждены
Эти звонкие, ясно-кристальные дни?

---

* Стихотворение зачеркнуто чернилами. 1-ю строку Брюсов исправил карандашом: "Но таить мы не будем рыданья..." Знак вопроса в последней фразе поставлен Брюсовым.

На натянутом луке дрожит тетива
И на поясе бьется сверкающий меч,
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря несмолкаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко-стреляющий лук?
Иль не знаете вы, что разрушена твердь,
Что земля к нам склонилась, союзник и друг.

Все моря целовали мои корабли,
Мы украсили битвою все берега;
Неужели за гранью роскошной земли
И за гранью небес вы узнали врага!

* * *

Мне надо мучиться и мучить[11],
Твердя безумное "люблю",
О миг, страшися мне наскучить,
Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно-плоским,
Но опали, сожги меня
И будь великим отголоском
Веками ждущего Огня*

Относительно перемены знаков прошу не стесняться. Н.Г.[12]

* * *

Мой старый друг, мой верный дьявол[13]
Пропел мне песенку одну:
"Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Вокруг вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь.
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
– О, верь мне! Я не обману"...
"Но помни, – молвил умный дьявол, –
Он на заре пошел ко дну".

* * *

Солнце бросило для нас[14]
И для нашего мученья
В яркий час, закатный час
Драгоценные каменья.

Да, мы – дети бытия,
Да, мы солнца не обманем.
Огнезарная змея
Проползла по нашим граням.

Научивши нас любить,
Позабыть, что все мы пленны,
Нам она соткала нить,
Нас связавшую с Вселенной.

Льется ль песня тишины
Или бурно бьются струи,
Жизнь и смерть – ведь это сны,
Это только поцелуи[2*].

[1] Брюсов после рецензии на "Путь конквистадоров" послал, по всей видимости, Гумилеву ободряющее письмо. Несмотря на слабость этого сборника, он почувствовал в стихах молодого автора близкие ему интонации. 17 февраля 1906 г. Брюсов писал П.П. Перцову, редактору литературного приложения газеты "Слово", в которой публиковался Гумилев: «Хорошо и то, что у Вас Конквистадор " в панцире железном": в нем есть что-то похожее на меня» (*ПР*. 1926, № 7. С. 44). Скорее всего, ввел Гумилева в редакцию "Слова" тогдашний помощник Перцова по литературному приложению С.В. фон Штейн (1882–1955), женатый

* Стихотворение зачеркнуто ⟨Брюсовым?⟩ крест-накрест карандашом.

[2*] Стихотворение перечеркнуто ⟨Брюсовым?⟩ одной карандашной линией.

на старшей сестре А.А. Горенко – Инне Андреевне. Впоследствии, вспоминая свою работу в газете "Слово", он писал: "У нас же дебютировал мой давнишний царскосельский знакомец Н.С. Гумилев" (Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 190).

[2] В рецензии Брюсов отмечал: «По выбору тем, по приемам творчества, автор явно примыкает к "новой школе" в поэзии. Но пока его стихи только перепевы и подражания, не всегда удачные». (Весы. 1905. № 11. С. 68).

[3] Возможно, что Гумилев цитирует это предложение в начале п. 26.

[4] Приложенные к письму стихотворения в архивной раскладке отсутствуют. Видимо, в их числе были произведения, опубликованные в "Весах" (1906, № 6): "Там, где похоронен старый маг...", "Мой старый друг, мой верный дьявол...", "Я зажег на горах красный факел войны...". На этом основании можно предположить, что листы с двумя последними стихотворениями, находящиеся в конце единицы хранения (*ГБЛ*, Ф. 386, 84.20. Л. 37–38), откололись от первого письма. Другие стихотворения, находящиеся на этих же листах ("Но не будем таиться рыданья...", "Мне надо мучиться и мучить..." и "Солнце бросило для нас..."), зачеркнуты Брюсовым как неудачные. Текст стихотворения "Там, где похоронен старый маг..." приложен к следующему письму.

[5] Первый сборник Гумилева "Путь конквистадоров" (СПб., изд. автора) вышел в октябре 1905 г. Из немногочисленных отзывов на него отметим рецензию С.В. фон Штейна, который писал: "Г-н Гумилев, как поэт, еще очень молод: многое в нем не перебродило и многого он не успел творчески переработать. Несомненно, однако, что у него есть задатки серьезного поэтического дарования, над развитием которого стоит прилежно работать. ⟨...⟩ Советуем г-ну Гумилеву на будущее время стремиться к большей простоте и непосредственности, исправляя допущенные дефекты в технике стиха: напрасно он злоупотребляет неправильным ударением и рифмует не всегда удачно и гладко" (Слово. 1906, № 360, 21 янв.)

[6] В сб. "Северная речь" (СПб., 1906), выпущенном группой царскосельских литераторов (И. Анненский, В. Кривич, Д. Коковцев, Д. Полознев, П. Загуляев), опубликовано два стихотворения Гумилева: "Смерти" ("Нежной, бледной, в пепельной одежде...") и "Огонь" ("Я не знаю, что живо, что нет...").

[7] "Слово" – ежедневная петербургская газета. О судьбе стихов Гумилева, посланных в "Слово", см. пп. 2 и 5.

[8] Возможно, что это восьмистишие является концом утерянного стихотворения "Чаша Грааль", о существовании которого П.Н. Лукницкий писал Л.В. Горнунгу 16 октября 1925 г.: «У меня есть сведения, что Николай Степанович напечатал несколько стихотворений ("Чашу Грааль", "Каракалле") еще до выхода "Пути конквистадоров"» (Собрание Л.В. Горнунга, Москва).

[9] Согласно средневековым легендам, Иосиф Аримафейский, снимая тело распятого Христа, собрал его кровь в чашу, служившую первоапостолам во время Тайной вечери.потиром. Эта чаша, получившая название святого Грааля, стала непременным атрибутом множества мистических сказаний и рыцарских романов.

[10] Впервые опубл.: Весы. 1906. № 6. Под заглавием "После победы" и с новой редакцией первой строки включено в "Романтические цветы" (Стихи, 1903–1907. Изд. 3-е, Пб.: Прометей, 1918).

[11] Публ. впервые.

[12] Гумилев допускал порой пунктуационные и даже орфографические ошибки.

[13] Впервые опубл.: Весы. 1906. № 6.

[14] Публ. впервые.

2. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 8 мая 1906 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно вышел тот сборник, о котором Вы меня спрашивали, и я посылаю его Вам вместе с этим письмом[1]. Может быть, Вы напишете о нем рецензию[2]. Составители были бы очень рады.

Посылаю также одно стихотворение: оно уже месяца два дожидалось очереди, чтобы быть напечатанным в "Слове"[3], но так и не дождалось, хотя стихотворения других авторов, присланные в редакцию позднее моего, уже давно напечатаны. В силу всего этого, я беру его из "Слова" и посылаю Вам для замены[4] какого-нибудь уже намеченного Вами.

Что же касается присылки новых стихотворений, то мне придется обмануть Вас: я почти ничего не пишу. Я объясняю это отсутствием людей, общенье с которыми дало бы мне новые мысли или чувства. Уже год, как мне не удается ни с кем поговорить так, как мне хотелось бы.

Я пишу это для того, чтобы Вы не отчаялись во мне, видя мою лень, тем более, что Ваше участие ко мне – единственный козырь в моей борьбе за собственный талант.

Простите за сбивчивое письмо.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

* * *

Там, где похоронен старый маг,
В полумраке мраморной пещеры,
Мы услышим тайный робкий шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет бледный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Не нарушим нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Но когда небесный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер – блуждающею тенью.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя –
Золотисто-огненное солнце.

Н. Гумилев.

Мой адрес: Царское Село, угол Средней и Оранжерейной, дом Полубояринова, подъезд со Средней.

[1] Сб. "Северная речь" (см. п. 1, прим. 6).

[2] Под псевдонимом Аврелий рецензия Брюсова на сборник была опубл.: Весы. 1906. № 6. Она полностью посвящена трагедии И.Ф. Анненского "Лаодамия", напечатанной в этом сборнике. Оценка Брюсова была отрицательной. В 1913 г. он признавал: «Вряд ли критик может быть непогрешимым. Совершал ошибки и я. Могу покаяться в том, что, отметив первое выступление И.Анненского, я не сделал достаточно энергичных попыток привлечь его к участию в "Весах"; позднее отнесся строго к его драме "Лаодамия" (она и теперь мне кажется самым слабым из его произведений). Но этот "грех" я искупил, правда, своей рецензией о его посмертных книгах» (*ЛН*. Т. 85. С. 207).

[3] "Понедельники" газеты "Слово" в 1906 г. опубликовали два стихотворения Гумилева: 26 июня (№ 18) "Крест" ("Я долго проигрывал карту за картой...") и 3 июля (№ 19) "Лето" ("Лето было слишком знойно...").

[4] См. п. 1, прим. 4.

3. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 15 мая 1906 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше любезное письмо и дать Вам канву, по которой и т.д.

3-го апреля мне исполнилось двадцать лет[1], и через две недели я получаю аттестат зрелости[2]. Отец мой – отставной моряк[3], и в материальном отношении я вполне обеспечен. Пишу я с двенадцати лет[4], но имею очень мало литературных знакомств, так что многие мои вещи остаются нечитанными за недостатком слушателей.

Из иностранных языков читаю только на французском, и то с трудом[5], так что собрался прочитать только одного Метерлинка. Из поэтов люблю больше всего Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта[6], и Вас (ради Бога, не сочтите это за лесть и если Вы скромны, то припишите это моей недостаточной культурности).

Летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там лет пять[7]. Но так как мне очень хочется повидаться с Вами, то я думаю недели через три поехать в Москву, где, может быть, Вы не откажете уделить мне несколько часов.

Если Вы ничего против этого не будете иметь, то напишите, пожалуйста, где я могу Вас видеть и какой день для Вас удобнее.

Хотелось бы Вам написать еще многое, но откладываю до личного свиданья[8].

Ваш Н. Гумилев.

[1] Гумилев родился 3/15 апреля 1886 г. в Кронштадте (см. его метрическое свидетельство – *ЛГИА*. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 11).

[2] Гумилев окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию, директором которой до начала 1906 г. был И.Ф. Анненский. Аттестат был выдан 30 мая 1906 г. См.: Там же. Л. 9.

[3] Отец *Гумилева*, Степан Яковлевич (1836–1910), окончил в 1861 г. медицинский факультет Московского университета и был морским врачом. После выхода в отставку (1887) по болезни он некоторое время служил в Тифлисе агентом Северного страхового общества (1900–1903).

[4] По другим сведениям, "стихи и рассказы стал писать с 8 лет, а еще до этого сочинял басни" (Писатели современной эпохи / ред. Б.П. Козьмин. М.: ГАХН, 1928. Т. 1. С. 109).

[5] По всей видимости, способности к языкам у Гумилева не было. Даже прожив во Франции два года, французским языком он овладел недостаточно. Так, например, при переводе стихотворения Т. Готье "Мансарда" Гумилев перевел "chat Minet" (котенок) как Четьи-Минеи (*Готье Т.* Эмали и камеи. СПб., 1914. С. 218).

[6] Собрание сочинений Э. По в переводах Бальмонта выпускалось издательством "Скорпион" в 1901–1912 гг.

[7] Гумилев прожил в Париже с 1906 по 1908 г. с небольшими перерывами.

[8] Первая встреча Гумилева с Брюсовым состоялась в мае 1907 г. (см.: *Дневники*. С. 138).

4. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Рязанская губ., усадьба "Березки". 15 июня 1906 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думаю приехать в Москву в первый же вторник после 15-го, т.е: 20-го июня. Но зная Ваше намерение отправиться в Швецию, я хотел бы знать точно, застану ли я Вас в Москве[1]. Я теперь в деревне и чувствую себя довольно скверно, но числа 19-го все же надеюсь выехать...

На случай, если Вы захотите мне ответить, прилагаю адрес: Московско-Казанская ж.д. Станция Вышгород, усадьба Березки[2], мне.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

P.S. Простите за короткое и небрежное письмо. Но я пишу его, лежа в постели при 38,5° температуры

Н. Г у м и л е в.

[1] В середине июня 1906 г. Брюсов уехал на полтора месяца в Швецию. По этой причине встреча не состоялась.

[2] Имение "Березки", по сведениям П.Н. Лукницкого, отец Гумилева, Степан Яковлевич, купил при переезде из Тифлиса в 1903 г. Не ссылаясь на источники, Г.П. Струве в предисловии к Собр. соч. Гумилева (Вашингтон, 1962. Т. 1. С. IX) сообщает, что это имение принадлежало деду поэта, Якову Степановичу Гумилеву.

5. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 17/⟩30 октября ⟨1906 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сегодня в восемь часов утра я получил Ваше письмо[1] и в девять уже пишу ответ. "Manon Lescaut" прекрасное издание "librairie artistique"*, купленная только вчера, лежит и дожидается очереди быть прочитанной. Из этого Вы можете заключить, как я обрадовался Вашему письму. Простите, что мой ответ будет длинен, но мне так много хочется сказать Вам, а главное спросить Вас.

Прежде всего я должен горячо поблагодарить Вас за Ваши советы относительно формы стиха. Против них долго восставала моя лень, шептала мне, что неточность рифм дает новые утонченные намеки и сочетанья мыслей[2] и что этим эффектом пользовались Вы сами в "Двух моряках"[3]. Последним протестом было мое стихотворение "Крокодил" (ниже), одобренное многими и стоявшее на очереди в редакции покойного "Слова"[4]. Но потом наступил перелом. Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим. Может быть, Вы меня поймете, прочитав мою "Загадку", которую я особенно рекомендую Вашему вниманию.

---

* Библиотека художественной литературы (*франц.*).

Теперь относительно размеров: Вы пишете, что они у меня однообразны и несвоеобразны, что им надо учиться у Вячеслава Иванова. Я взял "Прозрачность"[5] и пытался постигнуть строение ее стихов. Но, насколько я мог заметить, их секрет основан на том, что г-н Иванов берет для одной строфы строки различных размеров ("снилось мне, сквозит завеса меж землею и лицом небес, небо – влажный взор Зевеса, и печальный грустит Зевес")[6] или к обыкновенному размеру прибавляет или убавляет один-два слога ("я видел Психею в густых лесах взлелеял Пан...")[7]. Тогда как "В ночи, когда со звезд провидцы и поэты..." – стихотворение, которое мне кажется у него лучшим[8], написано обыкновенным размером. И тогда мне представилось, что прелесть стиха заключается во внутренней, а не во внешней структуре, в удлинении гласных и отчеканивании согласных, и это должен вызвать смысл стиха.

Для пояснения привожу строфу из моих последних стихов:

... Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет[9].

Здесь в первой строке долгие гласные должны произноситься* гортанью и вызывать впечатление силы, а во второй строке два "е" и два "о", произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле[10] относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударенье на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабленье тона:

"... того – кто не придет".

Но, ради Бога, не подумайте, Валерий Яковлевич, что я спорю с Вами или даже защищаюсь. Это не более как сомнения и, может быть, тоже нашептанные моей леностью. Скажите мне только, что это не так, и я все силы положу, чтобы овладеть незнакомыми мне размерами. В Ваши руки отдал я развитье моего таланта еще до первого Вашего письма, и мне порукой служит то, что Вы сделали для русской поэзии.

Затем мне было крайне интересно узнать, что думаете Вы о содержании моих стихов: их образах, настроениях и идеях. Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались Вам, по Вашему выражению, "действительно удачными"[11], и, кроме того, это дало бы мне известный критерий для писанья последующих стихов. Не забывайте того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней. И никогда я не слышал о моих стихах мнение человека, которого я бы мог найти компетентным[12].

Приехав в Париж, я послал Бальмонту письмо, как его верный читатель, а отчасти в прошедшем и ученик, прося позволенья увидеться с ним, но ответа не получил.

Вы были так добры, что сами предложили свести меня с Вашими парижскими знакомыми[13]. Это будет для меня необыкновенным счастьем, так как я оказался несчастлив в моих здешних знакомствах. У меня есть рекомендательное письмо к г-же Гиппиус (Мережковской), но я не знаю ее адреса[14]. Кроме того, я был бы в восторге увидеть Вячеслава Иванова и Макса Волошина[15], с которыми Вы, наверно, знакомы. Но только не Бальмонта! Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении, как человек. Вы просите у меня каких-нибудь статей. У меня есть планы трех, но, увы, не по искусству, и поэтому я боюсь, что они не подойдут для "Весов". Вот они: "Костюм Будущего", где я на основании изученья эволюции костюма в прошлом пытаюсь угадать, каков он будет в будущем. "Защита чести" – эстетическое обоснование поединков всякого рода и "Культура любви" – эстетические заметки о различных родах половой любви[16].

---

* В тексте письма остались незачеркнутыми слова "должны производить".

Если что-нибудь из этого заинтересует Вас, напишите, я пришлю. Скоро я должен познакомиться с Леоном Дьерксом и надеюсь описать нашу встречу[17]. Пожалуйста, поблагодарите от меня г-на Ликиардопуло за его любезное письмо. Я лично не написал ему, чтобы не отнимать его времени.

Простите за неприличную внешность письма, но я страшный пачкун и иначе не могу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Гонорар не получен.

КАРАКАЛЛЕ. 3 СТИХОТВОРЕНИЯ[18]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе*,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне. Я не купец, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Руки мои безнадежно повисли,
Тайные думы мои смущены,
Мне ли воспеть твои тонкие мысли,
Мне ли воспеть твои знойные сны?

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О, император, я верный твой раб.

ИМПЕРАТОР[19]

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы был ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях.

Образы властительные Рима,
Цезарь, Юлий Август и Помпей,
Это – тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Черное безумье Калигулы,
Конь его, позорящий сенат,
Дикие, тревожащие гулы
Ничего тебе не говорят.

Жадность снов в тебе неутолима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Когда2* тени упадают ниц,
И когда, как золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в садах, торжественное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет с Нила привезенный
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи,
Тихие, пустынные сады,
С темных пальм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Меж ветвей раскидистых платана
Притаился безобразный лар[20],
Стон земли несется из тумана,
Стон земли, больной от диких чар.

---

* В тексте Гумилева слово "судьбе" отсутствует и вписано Брюсовым карандашом со знаком (?).

2* Слово "когда" подчеркнуто Брюсовым красным карандашом.

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омыв,
Ты стоишь, божественно-надменный,
Император, ты тогда счастлив.

А потом в твоем зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-звонкими стихами
Пробуждаешь юную зарю.

КРОКОДИЛ[21]

Мореплаватель Павзаний[22]
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

Беспечально с ночью споря,
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император стал у моря,
Чтобы встретить крокодила.

И утонченного слуги,
В мире странного скитальцы*
Становились друг за друга,
Поднимая в знак испуга
Изукрашенные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Чуждый людям и природе,
Крокодил блистал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряной подводе.

ЗАГАДКА[23]

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть свою в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Прочь, козлоногие фавны,
Музыки нет в вашем кличе,
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче.

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе,
Что это, снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий,
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его беспокойном
Сделались вихрями света,
Полднем горящим и знойным.

Музы, в красивом пеанте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти[24].

Н. Гумилев.

[1] В архиве Брюсова отсутствует письмо Гумилева, в котором он сообщает свой парижский адрес. Возможно, что Гумилев обратился в редакцию "Весов" (см. постскриптум наст. письма) с просьбой о высылке гонорара. Ему официально ответил секретарь редакции М.Ф. Ликиардопуло, а Брюсов сделал к его письму приписку, привлекая Гумилева к сотрудничеству в качестве еще одного зарубежного корреспондента "Весов".

[2] См. вступ. статью.

[3] Имеется в виду перевод стихотворения Э. Верхарна "К северу" ("Два моряка возвращались на север..."), опубликованный в сб. "Стихи о современности", вышедшем в январе 1906 г.

[4] Литературное приложение к газете "Слово" прекратилось 2 июля 1906 г. на № 19.

[5] "Прозрачность" (М.: Скорпион, 1904) – вторая книга лирики Вяч. Иванова. Поэзию Вяч. Иванова Гумилев принял далеко не сразу. Много позднее он признавался: "Долгое время Вячеслав Иванов, как поэт, был для меня загадкой. Что это за стихи, которые одинаково бездоказательно одни разумно хвалят, другие бранят? Откуда эта ухищренность и витиеватость, и в то же время подлинность языка, изломанного по правилам чуть ли не латинского синтаксиса?" (Аполлон, 1912, № 6. С. 52).

[6] Неточно приведенная первая строфа из стихотворения Вяч. Иванова "Beethoveniana": вместо "печальный" у автора сказано "прозрачный".

* Две первые строки этой строфы подчеркнуты Брюсовым и на полях помечены знаком "х".

[7] Начальные строки стихотворения Вяч. Иванова "Пан и Психея", приведенные неточно. Следует:

Я видел: лилею в глубоких лесах
Взлелеял Пан.

[8] Первая строка стихотворения "Subtile virus Caelitum" (*СЦ*. 1905). Первая публикация без заглавия в статье Вяч. Иванова "Копье Афины" (Весы. 1904. № 10).

[9] Строфа из приложенного к настоящему письму стихотворения "Император".

[10] Фра Джованни да *Фьезоле* (1387–1455) – знаменитый итальянский живописец, доминиканский монах, прозванный за добродетельную жизнь ангелоподобным – Беато Анжелико. Известный искусствовед Р. Мутер, работы которого были знакомы Гумилеву, писал о Фра Анжелико: "Для изображения мира ангелов, для выражения своего настоящего внутреннего мира он нашел и вполне подходящую красочную гамму, нежную и радостную, состоящую из светло-синей краски, ликующе-красной, белокурой, светящейся, как медь, и наконец, золотой, обдающей небожителей сияющим блеском" (*Мутер Р.* История живописи. СПб., 1901. Ч. 1. С. 44). На рубеже веков в отечественной печати прошла полемика о близости живописи Фра Беато "здоровому русскому вкусу" (см.: *Волынский А.Л.* Борьба за идеализм. Крит. ст. СПб., 1900. С. II). Интерес к творчеству художника сохранился у Гумилева на долгие годы. В стихотворении "Фра Анжелико" (Гиперборей, 1912. № 1. С. 12) он писал:

А краски, краски! Ярки и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли;
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

[11] Гумилев цитирует слова Брюсова из рецензии на "Путь конквистадоров" (Весы. 1905. № 11. С. 68).

[12] 2 октября 1906 г. Гумилев описывал свое состояние в письме к В.И. Кривичу: «Вы меня спрашиваете о моих стихах. Но ведь теперь осень, самое горячее время для поэта, а я имею дерзость причислять себя к хвосту таковых. Я пишу довольно много, но совершенно не могу судить – хорошо или плохо. Мое обыкновенье – принимать первое высказанное мне мненье, а здешние русские ничего не говорят, кроме: "Очень, очень звучно" или даже просто "очень хорошо". Но я надеюсь получить от Вас более подробное мнение о моих последних стихах. Несколько из них я послал на имя Сергея Владимировича ⟨фон Штейна⟩, когда он вернется, он верно не откажется показать их Вам. Другие посылаю Вам сейчас» (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 1–1об.). К письму приложены стихотворения "Недавно у берега нашего бросил..." и "Музы, рыдать перестаньте..."

[13] Возможно, что Брюсов предложил Гумилеву, кроме Р. Гиля и И. Щукина, еще адреса тех же поэтов, что и А. Белому, находившемуся в то же время в Париже: Жана Рене Аркоса, Жоржа Дюамеля и др. (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 402).

[14] О рекомендательном письме к З.Н. Гиппиус и о визите к Мережковским см. п. 10.

[15] С Вяч. Ивановым Гумилев познакомился уже после возвращения на родину в 1908 г., а знакомство с М. Волошиным состоялось в Париже (см.: *Кругликова Е.* Из воспоминаний о Максе Волошине // Максимилиан Волошин – художник: Сб. материалов. М., 1976).

[16] Статьи Гумилева под такими названиями неизвестны. Об отношении Брюсова к темам этих статей см. п. 7.

[17] Леон *Дьеркс* (1838–1912) – французский поэт, член группы "Парнас", ученик Леконта де Лиля. Занимался также музыкой и живописью. В 1898 г. был избран "принцем среди поэтов" Франции. Его стихи на библейские и исторические сюжеты отличались отточенной техникой. Небольшая биографическая заметка и перевод стихотворений Дьеркса помещены Брюсовым в *ПСС* XXI, с. 77–80, 255–256. О состоявшемся знакомстве Гумилева с Дьерксом см. п. 8.

[18] Первоначально в рукописи стихотворение называлось "В древнем Риме". Впервые с незначительными изменениями опубл. под названием "Императору Каракалле" в "Весах" (1907, № 7). В дальнейшем – в сборниках "Романтические цветы" (1908) и "Жемчуга" (1910) четвертая строфа была опущена.

Каракалла (186–217) – римский император с 211 г., прославившийся распутством и жестокостью.

[19] При публикации в "Весах" (1907, № 7) полностью заменены 4-я и 11-я строфы, а в "Романтических цветах" (изд. 3-е), кроме того, 12-я строфа заменена двумя. В подборке гумилевских писем сохранился отдельный листок (*ГБЛ*. Ф. 386, 84.20. Л. 36) с другой концовкой стихотворения:

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

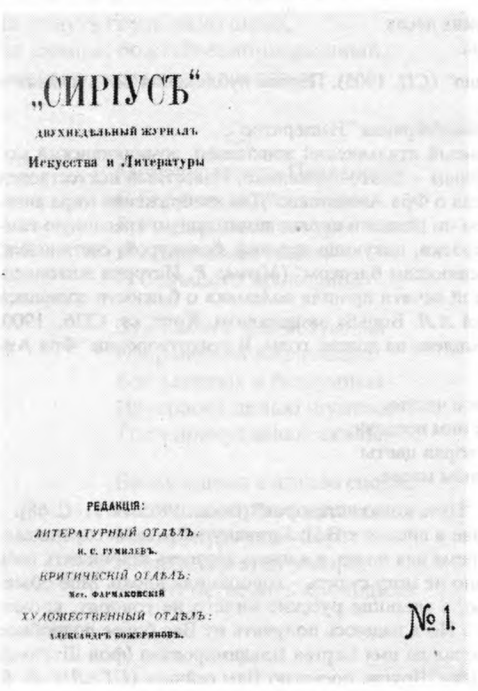
И под этим замолчавшим небом
Ты с великой тайною – одно,
Угрожаешь Фебу, споришь с Фебом,
Но о чем, поведать не дано.

Он, как ты, изящен и утончен,
Но твой взгляд сверкает горячей,
Миг бежит, и дивный спор окончен,
Феб очнулся ⟨?⟩ от своих лучей.

И тогда в твоем зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-мерными стихами
Вызываешь новую зарю.

[20] Лар – в древнеримской мифологии покровитель домашнего очага.

[21] Опубл. в журнале "Перевал" (1907, № 11). В четвертой строфе Брюсов отметил как неудачные


„СИРІУСЪ“

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Искусства и Литературы

РЕДАКЦІЯ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:
Н. С. ГУМИЛЕВЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:
Мст. ФАРМАКОВСКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ:
АЛЕКСАНДРЪ БОЖЕРЯНОВЪ.

№ 1.

"СИРИУС", 1907, № 1

Титульный лист

№ 2.

СИРІУСЪ 1907 SIRIUS

ПАРИЖЪ PARIS

"СИРИУС", 1907, № 2

Обложка

первые два стиха. При публикации автор переделал эту строфу:

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы,
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

[22] *Павзаний* – путешественник и писатель II в. до н.э., родом из Лидии, автор сочинения "Описание Эллады". Биография его практически неизвестна, и имя его использовано Гумилевым произвольно.

[23] Опубл. с разночтениями в литературном сборнике "Италия" (СПб.: Шиповник, 1909) в цикле "Беатриче". Брюсов отметил как неудачные рифмы первой строфы "перестаньте" и "Данте", однако Гумилев сохранил первоначальный текст. Это же стихотворение Гумилев послал В.И. Анненскому-Кривичу с письмом от 2 октября 1906 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 1).

[24] В первом номере журнала прерафаэлитов "The Germ" (декабрь 1850 г.) был помещен цикл стихов Г. Россетти "Небесная подруга", в котором он воспевал Беатриче. Этот образ отличался от бесплотной Беатриче "Божественной Комедии" Данте чувственными порывами.

6. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 29 октября/⟩11 ноября ⟨1906 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пишу Вам, не дождавшись Вашего ответного письма, потому что чувствую, что мое первое письмо было очень неполно. Прежде всего спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после Вашего письма задумался об этом и пришел вот к каким выводам: он дал мне сознанье глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом[1]. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви[2].

Не сердитесь за сравнение галстуха со стихами; это показывает только, как высоко ставлю я галстухи. О выставке Дягилева я не напишу ничего: она слишком велика по за-

мыслу[3]. Русское искусство представлено с самого своего начала, с тех пор когда оно, может быть, даже и не существовало: я говорю о некоторых иконах. Я не могу написать о ней в стиле Сологуба: я не мистик[4]. Я не могу написать в стиле Макса Волошина: я не художник[5]. Написать же в моем собственном стиле я мог бы только о двух, трех картинах Врубеля, о Бенуа и о Феофилактове[6]. А подобная статья не заслуживала бы даже названия "впечатлений от выставки Дягилева". Простите меня за этот отказ: но мне казалось лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам. Что же касается беседы с французскими поэтами, то это совсем другое дело.

Как раз теперь я замечаю в них интересное движенье, переход от прошлогоднего классицизма к классицизму романтическому. И как только я больше разберусь в этом движении, я непременно напишу об этом статью.

Точно так же я принял во вниманье Ваше предложение относительно статей по вопросам искусства. У меня уже кое-что намечено. Кроме того, у меня почти готова драма или скорее драматические картины, вещь небольшая и, как мне кажется, интересно задуманная. Если она имеет какие-нибудь шансы пройти в "Весы", то напишите мне, пожалуйста, об этом[7]. Я ее отделаю и пришлю. С нетерпеньем жду исполненья Вашего обещанья относительно знакомств. А то бывают дни, когда я не говорю ни слова[8], кроме как с прислугой. В заключенье посылаю Вам мои последние стихотворенья, не столько для печати, сколько для того, чтобы узнать Ваше мненье, развивается ли мой талант или нет.

* * *

Мне было грустно, думы обступили[9]
Меня, как воры в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Томилися и требовали мести*.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст, трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задушат.

* * *

Он воздвигнул свой храм на горе[10],
Снеговой многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным небесным огням.

И предстал перед ним его бог,
Бесконечно-родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно-горящий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собралися люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь:
"Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней".

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печать.

Н. Гумилев.

P.S. Если гонорар еще не послан, то не может ли редакция послать его по моему адресу в Париж.

Преданный Вам Н. Гумилев.

---

* Эта строфа отчеркнута Брюсовым на полях синим карандашом.

[1] 15 мая 1907 г. Брюсов отметил в дневнике: "Приезжал Н. Гумилев. (...) Говорит о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своем декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 года" (*Дневники*. С. 138). С.В. фон Штейн свидетельствовал об изучении Гумилевым оккультных наук и его личном знакомстве с Папюсом, известным оккультистом (Последние известия. Ревель. 1921. 16 сент.).

[2] Элифас *Леви* (1810–1875) – псевдоним французского историка и писателя-священника о. Константа. Брюсов относил его к числу "выдающихся деятелей современного оккультизма" (Весы. 1905. № 2. С. 59).

[3] В неподписанной заметке "Весы" сообщали: "При Парижском Осеннем Салоне, в Grand Palais, С.П. Дягилевым устраивается особый отдел – выставка русского искусства, где, по мере возможности, будут представлены все течения и школы, начиная со времен императрицы Екатерины II и кончая нашими днями" (1906, № 7, с. 80). О выставке, открывшейся 6 октября 1906 г., довольно резко отозвался в двух первых номерах журнала "Сириус" Мст. Фармаковский. В заключение своего обзора он утверждал, что "русская выставка в Париже никого не удовлетворила: ни иностранцев, которые не знают русской живописи и получили франко-итальяно-назарейско-петергофский букет с несколькими чуждыми и непонятными растениями, ни русских художников и любителей русского искусства, живущих в Париже, которые увидели всю нелепую претенциозность господ устроителей" ("Сириус", 1907. № 2. С. 10). Оценка эта не отличалась объективностью (см. заметку "Парижские газеты о русской выставке" – *ЗР*. 1906. № 11–12. С. 133–134).

[4] Ф. Сологуб чрезвычайно редко откликался на события в мире изобразительного искусства, причем его выступления, как правило, были весьма далеки от мистицизма (см., например, заметку "Какой простор. Картина Репина" – "Новости", 1903, 9 марта, № 67).

[5] М. Волошину принадлежали многочисленные отчеты о художественных выставках, салонах и вернисажах, публикуемые в газете "Русь", журналах "Весы", "Золотое руно", "Двадцатый век". Его заметки отличались профессиональной точностью оценок.

[6] М.А. Врубель на выставке был представлен 29 работами – портретами Н.И. Забелы-Врубель и В.Я. Брюсова, триптихом "Воскресение" ("Ангел смерти"), эскизом к "Поверженному Демону" и другими; А.Н. Бенуа – 23 картинами; Н.П. Феофилактов в списке экспонентов не значится (см.: *Бенуа А.Н.* Каталог "Salon d'automne. Exposition de l'art russe". P., 1906).

[7] Вероятно, имеется в виду драма "Шут короля Батиньоля". О ней см. пп. 8 и 24.

[8] Вскоре после получения письма Гумилева Брюсов писал в Париж А. Белому: "Если Вам можно, познакомьтесь с Николаем Степановичем Гумилевым, Boulevard St. Germain, 68; кажется, талантлив, и во всяком случае молод" (*ЛН*. Т. 85. С. 402).

[9] На рукописи Брюсов сделал пометку "В(есы)" и предложил в последней строфе заменить эпитет "нежный" на "тесный". Однако в подборку стихотворений Гумилева в "Весах" оно не вошло, а было опубликовано под заглавием "Думы" в журнале "Весна" (1908, № 2). В "Романтических цветах" (1918) напечатано со значительными разночтениями.

[10] Впервые: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. P.: Ymca-Press, 1986. С. 13–14.

7. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Петербург. 2/15 ноября. (1906 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Простите мне мое молчание. Я поехал дня на три в Петербург и загостился здесь на две недели[1]. Напишу Вам подробно тотчас, как вернусь в Москву. Пока прошу Вашего деятельного сотрудничества в "Весах". Помните только, что это журнал литературы и искусства и небольшой. Вот почему статья о дуэли в "Весах" неуместна. О любви – очень желанна. Не пришлете ли Вы мне все ваши новые стихи, написанные Вами после "Пути"[2]. Я бы выбрал несколько пьес для "Весов". Кроме того, хотелось бы ближе узнать Вашу поэзию. О рифмах и размерах, в ответ на Ваши соображения, напишу Вам маленький трактат.

Не забывайте меня.

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] Брюсов находился в Петербурге с 25 октября по 6 ноября 1906 г.

[2] Имеется в виду сб. "Путь конквистадоров".

8. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 12/) 25 ноября (1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно получил Ваше второе письмо и спешу ответить на него. Прежде всего, не знаю, как выразить Вам благодарность за обещанный Вами трактат[1]. Правду ска-

зать, я ожидал только утвердительного или отрицательного ответа, и Ваше обещание привело меня в восторг.

Одно только меня огорчает и сильно, это то, что я вижу мою бесполезность для "Весов". Я написал мою "Культуру любви", но когда я вспомнил статьи, раньше напечатанные в "Весах", Ваши, Бальмонта, Андрея Белого и Вячеслава Иванова, столь выразительные по языку и богатые по мысли, то я решил не посылать ее на верный отказ. Только за последние полгода, когда я серьезно занялся писаньем и изученьем прозы, я увидел, какое это трудное искусство. И мои теперешние опыты в этом направлении не заслуживают быть даже прочитанными Вами. Я виделся и говорил с Леоном Дьерксом[2]. Но прежде чем говорить со мной, он взял с меня честное слово, что я не предам его мненья гласности. Одна моя надежда на драму "Шут короля Батиньоля"[3]. У меня даже честолюбивые мечты поставить ее в театре Вашкевича, если таковой еще существует[4]. Но мне хотелось бы, прежде чем хлопотать о постановке, узнать Ваше мненье о ней. Поэтому простите меня за возможную скуку, которую Вы испытаете при ее чтении, так как я собираюсь Вам прислать очень скоро. Со стихами тоже плохо. Я пишу довольно много, но так как я меняю приемы творчества, что Вы, наверно, уже заметили, то, конечно, среди них масса хламу. Я прислал уже Вам шесть[5] и посылаю седьмое. Как только напишу еще, пришлю немедленно, так как Вы, конечно, понимаете мое желанье как можно скорее войти в число рыцарей "Весов", по выражению одного из Ваших сотрудников[6].

Теперь до свиданья.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Сегодня у берега нашего бросил[7]
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли,
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде нежданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром
– Царей не бывало издавна у нас –
Дивились движеньям красивым и быстрым
И молниям черных пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным в глухом переулке
Сиреневый домик седого глупца.

Он – враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он – горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 7 и 10.

[2] См. п. 5, прим. 17.

[3] Текст этой пьесы нам неизвестен. 8 февраля 1909 г. А.М. Ремизов писал Гумилеву: "Прочитал I акт Шута короля Б⟨атиньоля⟩ и Ваш рассказ Лесной дьявол. И то и другое мне очень понравилось. Пьесу, я думаю, удастся устроить у Комиссаржев⟨ской⟩ в сезоне 1910-11 гг." (*ЦГАЛИ*. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 2).

[4] Вероятно, Гумилев знал о театре Николая Николаевича Вашкевича, ученика А.П. Ленского и одно время актера Московского Художественного театра, по публикациям "Весов". В анонимной статье "Театр

эмоций" сообщалось: «В Москве основывается общество, ставящее себе целью создать новый тип театра, который участники называют "театром эмоций" или "театром мистической трагедии"» (Весы, 1905. № 4. С. 75). В мае появилась "Поправка": «В прошлом № "Весов" в заметке о "Театре эмоций" пропущено имя инициатора всего предприятия – Н. Вашкевича» (№ 5, с. 73). В № 8 за тот же год безымянный автор в заметке "Дионисово действо современности" писал: «В ближайшем будущем в Москве открывается Новый Театр "Дионисово Действо" (...) драмой К. Бальмонта "Три Расцвета"» (с. 72; ср. также анонс – *ЗР*. 1906. № 1. С. 119). В том же 1905 г. "Весы" писали о театре Вашкевича также в № 12. Заметка принадлежала Брюсову, отрицательно оценившему постановку драмы Бальмонта.

Впоследствии Н.Н. Вашкевич занимался режиссерской и педагогической работой в театральных и киностудиях ("Жизнь искусства". 1926. № 2. С. 20), выступал на эстраде как "трансформатор" (Новый зритель. 1928. № 11. С. 11).

[5] После приезда в Париж Гумилев отправил Брюсову четыре стихотворения в п. 5 и два в п. 6.

[6] Выражение "рыцари Весов", может быть, принадлежало И.И. Щукину, сотруднику журнала, проживавшему в то время в Париже и встречавшемуся с Гумилевым (см. п. 10, прим. 9).

[7] Впервые: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. С. 14–15. В рукописи Брюсов в первой строфе подчеркнул неудачное слово "сабль" вместо "сабель" Это же стихотворение 2 октября 1906 г. Гумилев послал В.И. Анненскому-Кривичу (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1а).

9. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 24 ноября /⟩ 7 декабря ⟨1906 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите, что я Вас положительно забрасываю своими письмами, но Вы просили всех моих стихов, а я не виноват, что на днях написал еще два. Но что еще невежливее с моей стороны – это мои бесконечные просьбы. Увы, я не могу от этого отделаться, потому что Вы – единственный человек в России, интересующийся моими стихами. Так и теперь, я хотел бы Вас просить направить в "Золотое Руно" все стихи, одобренные Вами, но не могущие почему-либо быть напечатанными в "Весах". Мне было бы очень приятно сотрудничать и там. Прощайте, не сердитесь и напишите хоть открытку. А то я объясняю Ваше долгое молчанье тем, что Вам не понравилось что-нибудь в моих письмах. Заранее извиняюсь за все.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА[1]

Над высокою горою
Поднимались стены замка,
И река вилась змеею,
Как причудливая рамка.

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины,
Принц, на днях еще из детской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой дворни.

И павлины, точно феи,
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шеи,
Похваляяся хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий,
Отогнав свою дремоту.

Он кричит в смешном испуге,
Кудри смялись, развилися:
"Гей, вы там, постойте слуги,
Принц, не езди, воротися!

За пределами Веледа
Есть запретные дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Неоромантическая сказка.

Надъ высокою горою
Поднимались стѣны замка
И рѣка вилась змѣею
Какъ причудливая рамка.

Ночью солнце тамъ дремало,
Нѣтъ въ томъ замкѣ былъ обычай
И онъ звался замкомъ Лалло,
Лебедей и Горныхъ Кличей.

Въ замкѣ были властелины —
Принцъ, на дняхъ еще изъ дѣтской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкій.

Въ залѣ гордыхъ восклицаній
Много копій и аркановъ,
Чтобъ охотиться на ланей
И рыкающихъ кабановъ.

Были выписаны своры
Псовъ высокихъ и красивыхъ
И рожки, что звали въ горы
Въ серебристыхъ переливахъ.

Видъ принявши молодецкій,
Принцъ несется на охоту,
Но за нимъ бѣжитъ дворецкій,
Отогнавъ свою дремоту.

"СИРИУС", 1907, № 2

Заставка к стихам Н.С. Гумилева по рисунку М.В. Фармаковского

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы.

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают воро́ны".

Принц не слушает и мчится,
Белый панцирь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет

И скача из рощей в рощи,
Он вошел в страну страданья,
Где, как папоротник тощий,
Вырастают заклинанья.

Там жилище людоеда,
Скал поднялися уступы,
И, трофей его победы,
Тлеют брошенные трупы.

Там, как сны необычайны,
Поднимаются удавы...
... Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не старается он вынуть
Меч сверкающий из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Чтобы вызвать носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в пещерном мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел, нечаян,
В замок зла и заклинаний,
И испуганный хозяин
Был потащен на аркане.

В час красивый и вечерний
В замок Лалло, Горных Кличей,
На потеху праздной черни
Принц является с добычей.

Все, дивясь его победам,
Принца сравнивают с богом,
Пред бессильным людоедом,
Пред убитым носорогом.

Принц, смеясь и похваляясь,
Выступает пред зверинцем,
И дворецкий, ухмыляясь,
Поспешает вслед за принцем.

[1] "Неоромантическую сказку" Гумилев опубликовал в издаваемом им в Париже журнале "Сириус" (1907, № 3) под псевдонимом "К-о" и с добавлением одной строфы и другой концовкой:

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

"Неоромантическая сказка" не вошла в первое издание "Романтических цветов", но была включена во второе и третье издания сборника.

10. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 26 декабря 1906⟩ 8 января 1907 г.[1]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждениями о рифмах и размерах. Оно сказало мне то, что я и раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли еще не проникли в мое сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я ее принимаю вполне. Мой демон нашептывает мне еще разные мелкие сомнения, но я отложу их до нашего свидания, тем более, что, как я слышал, Вы собираетесь приехать в Париж[2]. Очень благодарю за сообщенные адреса[3], но боюсь, что они окажутся мне бесполезны. Дело в том, что я получил мистический ужас к знаменитостям, и вот почему. Я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич[4]. И однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там, кроме Зинаиды Ник., были еще Философов[5], Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас же скрылся. Остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философско-политических убеждениях. Я смутился, потому что, чтобы рассказать мое мировоззрение стройно и ясно, потребовалась бы целая речь, а это было невозможно, так как интервьюирование велось в форме общего разговора. Я отвечал, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недоказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом[6] – оказалось неправильным. Учеником Вячеслава Иванова – тоже. Последователем Сологуба – тоже. Наконец, сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром[7], или что-то в этом роде. Разговор продолжался, и я надеялся, что меня подведут под какую-нибудь пятую рамку. Но на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. сказала ему: "Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара". Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, стал у стены и начал отрывисто и в нос: "Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти Вас, так как Вы стоите над пропастью. Но ведь это..." тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: "дело неинтересное?" И он откровенно ответил "да", и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я посидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал. В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый.

З.Н. ГИППИУС

Фотография. 1903

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Теперь я боюсь идти и к Гилю[8].

Зато я нашел самый радушный прием у бывшего сотрудника "Весов" Щукина[9]. У него я познакомился с Минским[10] и, может быть, познакомлюсь и с Бальмонтом.

Теперь приступаю к самому главному. Несколько русских художников, живущих в Париже[11], затеяли издавать журнал, художественный и литературный. Так как среди них пишу я один, то они уговорили меня взять заведование литературной частью с титулом редактора-издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. Он будет выходить еженедельно размером в один или два печатных листа. Его небольшой размер почти дает мне возможность надеяться избежать ошибок и неловкостей, которые могут произойти от моей неопытности[12].

Теперь, Валерий Яковлевич, если бы Вы могли дать нам что-нибудь свое – стихотворение, рассказ или статью[13], – Вы еще раз доказали бы свою бесконечную доброту ко мне. К несчастью, дело настолько молодое, что мы ничего не можем сказать о гонораре. Мы, его устроители, работаем совершенно бесплатно. Если же Вас смутит Ваше незнание идей журнала, то Вы могли бы, прислав что-нибудь, подождать первого номера и потом телеграммой известить меня, согласны Вы на помещение Вашего материала или нет. Таким образом не будет неприятной задержки.

Я с радостью увидел, что после этих месяцев усиленной работы над стилем прозы, у меня начинает выходить что-то почти удовлетворительное. У меня в голове начинают рождаться интересные сюжеты и обстановки для рассказов и повестей. Надеюсь, что недели через три я пошлю что-нибудь "прозаическое" для "Весов"[14].

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

[1] Предыдущее письмо Гумилева не сохранилось, от него уцелел лишь конверт с парижским шт. 31.12.1906. Скорее всего в нем находилась драма "Шут короля Батиньоля", которую Гумилев обещал "прислать очень скоро" (см. п. 8).

[2] Возможно, что Брюсов собирался посетить Париж вместе с родителями (см. п. 11, прим. 3).

[3] См. п. 5, прим. 13.

[4] *В. Микулич* – псевдоним романистки Лидии Ивановны Веселитской (1857–1936). Она была знакома с семьей Гумилевых. В 1906 г. Гумилев вписал ей в альбом стихотворение, помеченное "1905, 17 октября" – т.е. день царского манифеста:

Захотелось жабе черной
Заползти на царский трон,
Яд жестокий, яд упорный
В жабе черной затаен.

Двор смущенно умолкает,
Любопытно смотрит голь,
Место жабе уступает
Обезумевший король.

Чтоб спасти свои седины
И оставшуюся власть,
Своего родного сына
Он бросает жабе в пасть.

Жаба властвует сердито,
Жаба любит треск и гром,
Пеной черной ядовитой
Все обрызгала кругом.

После, может быть, прибудет
Победитель тёмных чар,
Но преданье не забудет
Отвратительный кошмар.

Комментарий Л.И. Веселитской-Микулич: "Когда он написал мне в альбом это стихотворение, я подумала, что его можно истолковать двояко, и спросила самого поэта: как это понять, Николай Степанович? Он помолчал и сказал: а как хотите, так и понимайте" (*ИРЛИ*. Ф. 44. Ед. хр. 22. Л. 73).

[5] Дмитрий Владимирович *Философов* (1872–1940) – публицист и критик, близкий друг Гиппиус и Мережковского.

[6] О мистическом анархизме см.: *ЛН*. Т. 85. С. 284 (статья К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова «Брюсов и "Весы"»).

[7] Поэт Бетнуар – вымышленное имя, скорее всего образованное от французского выражения bête noire (пугало). В своих мемуарах Андрей Белый позднее вспоминал: "Николаю Степановичу, вероятно, запомнился вечер тот; все же – он поводы подал к насмешке: ну, как это можно, усевшися сонным таким судаком, – равнодушно и мерно патетикой жарить; казался неискренним – от простодушия; каюсь, и я в издевательства Гиппиус внес свою лепту..." (*Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 157).

[8] О Рене Гиле см. наст. том. Переписка с Волошиным, п. 9, прим. 1–2.

[9] Иван Иванович *Щукин* (1869–1908) – искусствовед, профессор филологии, живший постоянно в Париже с 1893 г. В "Весах" опубликовал 16 рецензий, автор книги "Парижские акварели" (СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901). А. Белый описал его так: «...Иван Иванович Щукин, брат капиталиста московского; тот был брюнет; этот – бледный блондин; тот живой; этот – вялый; ⟨...⟩ в "Весах" появился ряд корреспонденций о Лувре за подписью "Щукин", написанных остро, со знанием дела; Иван Иванович служил в Лувре; он был награжден красной ленточкой (знак "легиона" почетного); он, давно переехав в Париж, у себя собирал образованных снобов, ученых, артистов, писателей» (*Белый А.* Между двух революций. С. 155). Страстный коллекционер картин, Щукин истратил все состояние на покупку произведений искусства. Накануне банкротства он покончил с собой (см.: *Белов Е.* На аукционе картин И.И. Щукина // Русское слово. 1908. № 136. 13 июня).

[10] Минский находился в 1906 г. в Париже как политический эмигрант. Встреча, по-видимому, была мимолетной – позднее Минский вспоминал о знакомстве с Гумилевым в 1914 г. в Петербурге (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 1).

[11] Речь идет о Мстиславе Владимировиче *Фармаковском* (1873–1946) и А.И. Божерянове, отвечавших за критический и художественный отделы двухнедельного журнала искусства и литературы "Сириус". Кроме них, в оформлении журнала принимали участие художники Семен Исаакович *Даншевский* (1870–1944; № 1), Яков Иванович *Николадзе* (1876–1951; № 1) и А. Финкельштейн (№ 3). Вышло всего три номера, причем в последнем составе редакции Божерянов не значился.

В статье "М.В. Фармаковский. Artiste-peintre. (Письмо из Парижа)" Гумилев писал: "Всякий, кто впервые войдет в ателье Фармаковского и хотя бы даже рассеянно взглянет на его рисунки, испытает странное чувство. Ему покажется, что не на холсте или бумаге, а в его собственном мозгу возникли эти невиданные пейзажи, с деревьями и цветами, похожими на грезы больного индуса. Эти образы, странные, почти нелепые, но нарисованные с той страшной реальностью, которая пугает больше всякой фантастичности. ⟨...⟩ Все эти картины скрывают какой-нибудь декоративный фокус, искусно спрятанный и потому особенно ценный. Эта вторая половина творчества Фармаковского доказывает, что если он и вызывает нечистых чу-

довищ, то умеет побороться с ними и победить их, и выйти к немыслимо ярким цветам другого берега... И мечом ему служит могучая техника!.." (В мире искусств. Киев, 1907. № 22–23. С. 20). О М.В. Фармаковском см.: Сообщения *ГРМ*. Л., 1947. Вып. 2. С. 48–49; *Нежданова А.В.* Материалы и исследования. М., 1967. С. 29; 33; Революция 1905–1907 годов и изобразительное искусство. М., 1981. Вып. 3. С. 126.

[12] А.А. Горенко в письме к С.В. фон Штейну 13 марта 1907 г. сообщала: «Зачем Г⟨умилев⟩ взялся за "Сириус"? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Микола перенес, и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Г⟨умилева⟩ затмение от Господа. Бывает» (*Голлербах Э.* Из воспоминаний о Н.С. Гумилеве // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 38).

[13] Брюсов в "Сириусе" не публиковался.

[14] В 1907 г. в "Весах" проза Гумилева не печаталась.

11. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 1/⟩14 февраля 1907 г.[1]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за книгу и за портрет[2]. Я вчера был у Ваших родителей[3], и они были так добры, что показали мне две Ваши фотографические карточки. Так что я теперь имею довольно полное представление о Вашей наружности, и мне хочется, чтобы Вы имели такое же представление о моей[4].

К сожалению, я не могу Вам прислать моей фотографической карточки, потому что я почти никогда не снимался и чувствую инстинктивное отвращение к фотографии. Зато один мой знакомый художник обещал сделать мой портрет, и когда он будет готов, я его пришлю Вам[5].

Относительно книги, меня удивляет, как Вы не получили моей открытки, которую я послал Вам тотчас же по получении ее. Многое оттуда я уже знал и любил, как напр., "Республику Южного Креста"[6] и "Теперь, когда я проснулся"[7]. Из незнакомых мне больше всего понравились "Последние мученики"[8], вещь удивительная по выполнению. Я даже думаю, базируясь на этой вещи, написать для нашего "Сириуса" статью о стильной прозе[9]. Зато меня огорчило присутствие в книге "Мраморной головки". Зачем и как попал этот недурной рассказ в книгу, составленную из жемчужин, более или менее чистых, но всегда настоящих.

Кстати, о нашем журнале "Сириус". Дня через три я посылаю Вам первый номер. Может быть, Вы найдете возможным что-нибудь о нем написать в "Весах"[10]. Я сам прекрасно сознаю его многочисленные недостатки, маленький размер и случайность материала. Но первый номер не может быть боевым, чтобы не запугать большой публики. Потому что каждый журнал является учителем какого-нибудь отдельного мировоззрения, не единственно возможного и правильного, но только освещающего жизнь и искусство с новой, одному ему свойственной точки зрения[11]. И поэтому надо, подобно философам Александрийской школы, исподволь приучать публику смотреть на вещи глазами редактора. Я надеюсь, что последующие номера яснее выразят наши намерения.

Теперь я должен оправдаться перед Вами в моей кажущейся лени, с которой я не присылаю в "Весы" ничего, кроме стихов. Но не забывайте, что мне только двадцать лет, и у меня отсутствует чисто техническое уменье писать прозаические вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, все идет стройно и красиво, но когда я подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеки, стараясь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую интерность пера*.

Как раз в это время я работаю над старинными французскими хрониками и рыцарскими романами и собираюсь написать модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века.

---

* скованность (от франц. interne – внутренний).

Вообще, мне кажется, что я уже накануне просветления, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, именно пойму, а не научусь, как надо писать. И тогда я забросаю Вас рукописями.

Из стихов я тоже не могу прислать ничего нового. Благодаря моим работам по прозе, я пришел к заключению о необходимости переменить и стихотворный стиль по тем приемам, которые Вы мне советовали. И поэтому все мои теперешние стихи не более чем ученические работы.

Теперь позвольте Вас просить, когда у Вас будет время и охота, написать мне, какие мои вещи пойдут в "Весах", чтобы я мог направить остальные в другие места.

Я Вам бесконечно благодарен, что Вы не переменили своего мнения обо мне, как о человеке, и прислали мне такое милое письмо после отзыва г-жи Мережковской, наверно, очень недоброжелательного[12]. И я надеюсь, что при нашем свидании, которое очень возможно, так как я думаю вернуться в Россию[13], я произведу на Вас менее несимпатичное впечатление. В противном случае это было бы очень грустно, потому что тогда совсем окончились бы мои сношения с моими учителями в деле искусства[14].

Простите за такое длинное письмо.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

[1] В письме проставлена дата: 14 января. Однако вложено оно в конверт с парижским шт. 18–2–07 и московским шт. 8–2–07. По всей видимости, Гумилев ошибся и обозначил уже прошедший месяц. В противном случае непонятно, как можно было за несколько дней подготовить к печати первый номер журнала "Сириус", о замысле которого сообщалось в п. 10.

[2] Гумилев благодарит Брюсова за сборник рассказов "Земная ось" (М.; Скорпион, 1907) и за фотографию портрета, выполненного М.А. Врубелем в 1906 г. для "Золотого руна".

[3] Я.К. Брюсов в январе–июле 1907 г. лечился во Франции. В феврале 1907 г. В. Брюсов писал отцу в Париж:

Парижанин новоявленный,
Вспомни град, тобой оставленный,
Здесь все то же до сих пор!
Все мы ждем, теряя веру,
Конституцию, холеру,
Патриарха и собор

(*ГБЛ.* Ф. 386, 69.16. Л. 9).

До начала февраля 1907 г. вместе с Я.К. Брюсовым в Париже была и Матрена Александровна. 10 февраля она вернулась в Москву, но в мае снова выехала во Францию, чтобы сопровождать тяжело больного Якова Кузьмича при возвращении на родину (*ГБЛ.* Ф. 386, 142.9. Л. 6).

[4] С.К. Маковский, познакомившийся с Гумилевым после его возвращения из Франции в 1908 г., описывает его так: «По наследству от предков Гумилев не получил ни красоты, ни физической силы, ни цветущего здоровья. Казался почти хилым. Может быть, это отчасти и вызывало ставшую его "второй натурой" позу мужественной непоколебимости. Держался он навытяжку, поворачивая голову медленно и ступал твердо, всей ступней, хоть и косолапил слегка; говорил, картавя, не выговаривая ни "л", ни "р", с остановками, словно задерживая слова, чтобы они звучали внушительнее» (*Маковский С.* Николай Гумилев по личным воспоминаниям // "Новый журнал". 1956. № 46. С. 157–158).

[5] Скорее всего, речь идет о Мст.В. Фармаковском, создавшем явно стилизованный портрет Гумилева во фраке. Портрет датируется 1908 г.

[6] Рассказ "Республика Южного Креста" опубл.: Весы. 1905, № 12; 1906. № 1.

[7] Рассказ "Теперь, когда я проснулся" опубл.: *СЦ.* 1902.

[8] "Последние мученики" – единственный рассказ сборника "Земная ось", ранее не издававшийся.

[9] Этот замысел остался нереализованным.

[10] В "Весах" о "Сириусе" не было никаких заметок.

[11] В редакционном предисловии первого номера "Сириуса" говорилось: "Мы дадим в нашем журнале новые ценности для изысканного миропонимания и старые ценности в новом аспекте".

[12] Брюсов в письме к З.Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. спрашивал: "Был ли у Вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго – да" (*ЛН.* Т. 85. С. 689). У Гиппиус от визита Гумилева осталось весьма неблагоприятное впечатление, о котором она сообщила Брюсову: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма "сопряла" вас с ним? Да видели ли уже Вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличем. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции – старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. "До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные". После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № "Весов" с его стихами, желая хоть гениальностью

его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, – выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?» (Там же. С. 691). С таким же пренебрежением упоминает Гумилева Д.В. Философов в статье "Дела домашние": "Г-да декаденты страшно боятся, как бы их не перепутали. Мы не только должны твердо знать, что Балтрушайтис с Ликиардопуло не похожи на Гумилева (есть и такой), но помнить, в дружбе ли они между собой или в ссоре" (Товарищ. 1907. № 379. 23 сент.). Позднее З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и Д.В. Философов в драме "Маков цвет" (СПб., 1908) изобразили визит Гумилева, выведя его, как свидетельствует А. Кондратьев (Последние известия. Ревель, 1927. № 48. 20 февр.), под именем Ивана Ивановича Гущина: "Очень юный поэт, высокий, лицо мертвенное. Голос подкошенный, шеей не ворочает от подпирающих его воротничков".

[13] Приезд Гумилева в Россию, очевидно, был связан с тем, что в начале 1907 г. А.А. Горенко (Ахматова) дала согласие выйти за него замуж. 2 февраля 1907 г. она писала С.В. фон Штейну: "Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните, у В. Брюсова:

Сораспятая на муку,
Враг мой давний и сестра!
Дай мне руку! Дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!"

(Новый мир. 1986. № 9. С. 202).

Через несколько дней в письме к тому же адресату: "Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне – я так безумно счастлива" (Там же. С. 203).

[14] Намек на Бальмонта (см. п. 5).

12. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 11/⟩24 марта 1907 ⟨г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Только вчера я получил Ваше большое и милое письмо, где Вы разбираете мои стихотворения. Тысячу раз благодарю Вас за него: благодаря ему мои горизонты начинают проясняться, и я начинаю понимать, что мне надо делать, чтобы стать поэтом. Вы, наверное, не можете представить, сколько пользы принесло оно мне. Я последнее время сильно отвлекся от поэзии заботами о выработке прозаического стиля, занятьями по оккультизму и размышлениями о нем. Но Ваше письмо пробудило меня. Я поверил, что если я мыслю образами, то эти образы имеют некоторую ценность, и теперь все мои логические построения опять начинают облекаться в одежду форм, а доказательства превращаются в размеры и рифмы. Одно меня мучает и сильно – это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год, и очень обескураживает, что я не могу прочитать себе ни одно из моих стихотворений с таким же удовольствием, как напр., Ваши "Ахилл у алтаря", "Маргерит" и др. или "Песню Офелии"[1] Ал. Блока. Не радует меня также, что и ⟨у⟩ больших поэтов есть промахи, свойственные мне. Я не сравниваю моих вещей с чужими (может быть, во вред мне), я просто мечтаю и *хочу* уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза. И если бы я не был адептом оккультизма, я вечно удивлялся бы случаю, который заставил Вас заинтересоваться моими стихами. Ваши стихи чаще всех других вызывают во мне эффект, о котором я мечтаю для своих. И некоторые Ваши строки как составная часть вошли не в мое мирозерцание (это было бы слишком мало), но в формулировку смутных желаний моего астрального тела и, следовательно, в мою истинную личность. Таковы, например:

"Пора помыслить о победе
Над темным гением судьбы".

или

"Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя...
Блажен, кто ведал посмеянье
И стыд и гибель за тебя"[2].

и другие.

Я много ожидаю от встречи с Вами, которая, может быть, скоро состоится, так как через месяц я думаю ехать в Россию и тогда постараюсь приехать дня на два в Москву[3].

Теперь, я надеюсь, Вы уже получили "Сириус"[4]. Если же нет, то напишите об этом одно слово, я высылаю его в третий раз и начинаю ссору с почтой. Если будет время и желание, напишите несколько слов, как Вы нашли мою прозу. Вам я открою инкогнито: Анатолий Грант – это я[5]. Что же мне было делать, если у нас совсем нет подходящих сотрудников. Приходится хитрить, и истина об Анат. Гранте – тайна даже для моих компаньонов.

Я очень огорчен нашей художественной критикой, но, увы, я не свободен. Меня с моими компаньонами связывают прежде всего денежные счеты[6].

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

P.S. Слово, которое Вы не разобрали, было "мой лживый, нежный..."[7]

[1] Стихотворения Брюсова "Ахиллес у алтаря" (I, 390) и "Маргерит" (I, 406) вошли в сборник "Венок". Стихотворение Блока "Песня Офелии" ("Он вчера нашептал мне много..."), опубл. в журнале "Новый путь" (1904, № 11), позднее вошло в сб. "Нечаянная радость" (М.: Скорпион, 1907). Другое, более раннее стихотворение Блока с таким же названием ("Разлучаясь с девой милой...") было опубл. в альманахе "Корона" только в 1908 г.

[2] Цитируются стихотворения Брюсова "Последний пир" (I, 403) и "Антоний" (I, 392), опубл. в журнале "Вопросы жизни" (1905, № 7) и включенные в сб. "Венок".

[3] См. п. 3, прим. 9.

[4] Речь идет о втором номере журнала. 13 марта 1907 г. А.А. Горенко (Ахматова) сообщала С.В. фон Штейну: «Мое стихотворение "На руке его много блестящих колец" напечатано во втором номере "Сириуса", может быть, в третьем появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории» (Новый мир. 1986. № 9. С. 205).

[5] Под псевдонимом Анатолий Грант в № 2 "Сириуса" было напечатано эссе "Карты", а в № 3 – "Вверх по Нилу. (Листы из дневника)".

[6] По всей видимости, Гумилев не разделял взглядов М.В. Фармаковского на выставку русского искусства в парижском Осеннем Салоне, высказанных им в 1 и 2 номерах "Сириуса" (см. п. 6, прим. 3). Однако несмотря на то что Гумилев формально был редактором-издателем (см. п. 10), фактически хозяином журнала являлся Фармаковский, на деньги которого издавался "Сириус".

[7] Неразборчиво написано слово "лживый" в стихотворении "Мне было грустно, думы обступили...", приложенном к п. 6.

13. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 1 мая 1907 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не писал Вам почти два месяца, но в этом виноваты обстоятельства моей личной жизни[1], не дававшие мне времени заняться перепиской, а тем более литературой. Как Вы видите по штемпелю, я уже в России и мой новый адрес: Царское Село, Конюшенная ул., д. Белозерова.

К несчастью, я боюсь, что мне не удастся ехать в Москву, но если, благодаря какому-нибудь счастливому случаю, Вы будете в Петербурге, я надеюсь, что Вы не откажете мне сообщить, когда и где я смогу увидеть Вас. Опять за границу я думаю ехать в конце июня.

Я посылаю Вам три моих новых стихотворения, из которых два первых написаны по Вашим указаниям. Может быть, Вы возьмете что-нибудь для "Весов"[2].

Простите меня за долгое молчание.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

P.S. Может быть, Вас не затруднило бы дать мне рекомендательное письмо к Ал. Блоку, которого Вы, наверно, знаете. Его "Нечаянная Радость" заинтересовала меня в высшей степени[3].

Н.Г.

ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне?
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцании свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в наш дом,
И зачем был так суров и долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, многого не знаю,
Я еще так молода,
Но я все же плачу и рыдаю,
И мечтаю всегда[4].

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал
И скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете – надменный павлин,
В час ненастья – внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно.
В дикой буре его сохранялась печать.
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну,
Я не смел подойти и не мог отойти,
И не в силах был словом порвать тишину.

---

* * *

Слушай веления мудрых,
Мыслей пленительных танец,
Бойся у дев златокудрых
Нежный заметить румянец.

От непостижного скройся,
Страшно остаться во мраке,
Ночью весеннею бойся
Рвать заалевшие маки.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока,
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сон виноградин,
Вспомни, нет муки огромней,
Нету тоски безотрадней.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным,
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи,
Мудрые, старые книги,
Знающих тихие речи.

Н. Гумилев.

[1] Весной 1907 г. планы женитьбы Гумилева расстроились из-за болезни А.А. Горенко. Осенью того же года она писала фон Штейну: "Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез" (Новый мир. 1986. № 9. С. 206). Очевидно, после возвращения в Россию Гумилев приезжал в Киев, где Анна Андреевна заканчивала гимназию, для решительного объяснения. Отказ тяжело переживался Гумилевым.

[2] Первое стихотворение вошло в сб. "Романтические цветы", а затем в "Жемчуга" (М.: Скорпион, 1910). Два других впервые опубл.: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 85–86.

[3] Знакомство Гумилева с Блоком состоялось позднее. Вероятно, впервые они встретились на "среде" у Вяч. Иванова 26 ноября 1908 г., на которой разбирались стихи Гумилева (см. п. 50). Первое упоминание Блока о Гумилеве относится к 26 марта 1910 г. (Записные книжки. М.: Худож. лит., 1965. С. 170). Сборник Блока "Нечаянная радость" вышел в декабре 1906 г.

[4] На экземпляре первого издания "Романтических цветов" из библиотеки Брюсова им к последней строфе этого стихотворения была сделана помета: "Неплохо. Блок" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 674).

14. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 21 июля / 3 августа 1907 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Если бы Вы знали, как глубоко я сознаю мою вину перед Вами. После Вашего любезного приема[1], после всего, что Вы сделали для меня, не писать Вам в продолжение двух месяцев – это преступленье, которому нет равных. Но, честное слово, все это время я был по выражению Гофмана (не гоголевского ремесленника и не русского поэта, а настоящего, немецкого)[2] игралищем слепой судьбы[3]. Я думаю, что будет достаточно сказать, что после нашей встречи я был в Рязанской губернии, в Петербурге, две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе[4] и только вчера, не знаю как, не знаю зачем, очутился в Париже. В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознанье последовательности и цели, когда невозможно представить своего "завтра" и когда все кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном[5].

Все последнее время я находился как раз в этом периоде. Поэтому простите меня и напишите, как Вы обещали, о впечатлении, произведенном мною на Вас[6]. Это будет более чем полезно для меня, потому что я не имею никакого понятия о самом себе. А то немногое, ⟨что⟩ я думаю об этом вопросе, так нелестно для меня, что всякое другое мнение способно привести меня в восторг. Это не скромность, и в минуты самонадеянности я объясняю это дурной привычкой всегда сравнивать себя с людьми, стоящими много выше меня. Поэтому помогите мне и теперь, как Вы помогали мне раньше в других вопросах.

Я собираюсь издать вторую книгу моих стихов, напечатав ее здесь и переслав для продажи в Россию[7]. Для распространения ее там я думаю воспользоваться "Обществом распространения печатных изд.", но если бы можно было устроить, чтобы за это взялся "Скорпион", как он это сделал для "Ор"[8], то, конечно, я не просил бы ничего лучшего и заранее принял бы все условья. Я хотел бы знать, посоветуете ли Вы мне обратиться с этим к г-ну Полякову[9].

За последнее время я писал довольно много, и некоторые из моих стихов почти удовлетворяют меня. Я посылаю Вам одно не для печати, потому что оно скоро появится в сборнике, а из чисто ребяческого желания похвастаться своим прогрессом. Не осудите же меня за мой дурной вкус, и вспомните, что я считаю его недурным только *для меня*.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Юный маг в пурпуровом хитоне[10]
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
И смущались гордые трибуны,
И дрожали черные рабы.

А царица, наклоняясь с ложа,
Радостно играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Задыхаясь в несказанном блуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

И когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

P.S. Поклонитесь, пожалуйста, от меня m-r Ликиардопуло, я с удовольствием вспоминаю нашу встречу[11].

Мой адрес: Paris, rue Bara, 1. Nicolas Goumileff.

М.Ф. ЛИКИАРДОПУЛО

Фотография из альбома Б.А. Садовского. 1910-е годы. С дарственной надписью (М.А. Волошину): "Дорогому Максу в память дружбы и вражды Мих. Ликиардопуло 18. X. 1911"
Центральный архив литературы и искусства, Москва

[1] Точные даты встреч Брюсова и Гумилева, состоявшихся в первой половине мая 1907 г., установить не удалось.

[2] Имеются в виду: 1) персонаж повести "Невский проспект" Гофман – "довольно хороший сапожник с Офицерской улицы"; 2) поэт Виктор Викторович Гофман; 3) немецкий писатель и композитор Эрнест Теодор Амадей *Гофман* (1776–1822).

[3] В переводе Н.А. Славятинского цитируемая фраза звучит так: «Мое собственное "я", игралище жестоких и прихотливых случайностей, распавшись на два чуждых друг другу образа, безудержно неслось по морю событий, коего бушующие волны грозили меня поглотить» (*Гофман Э.Т.А.* Элексиры сатаны. Л.: Наука, 1984. Ч. 1, гл. 2. С. 46).

[4] Очевидно, Гумилев гостил в имении "Березки" (см. п. 4), потом приезжал к А.А. Горенко в Севастополь. Он снял комнату в соседнем доме и уговаривал Анну Андреевну уехать вместе с ним (см.: *Haight A.* Anna Akhmatova. – A poetic piligrimage. Oxford, 1976. P. 13). Затем Гумилев отправился во Францию морским путем. Возможно, по дороге он посетил также Египет, о чем свидетельствует стихотворение, написанное в 1917 г. и посвященное знаменитому каирскому саду "Эзбекие" ("Как странно – ровно десять лет прошло / С тех пор, как я увидел Эзбекие..."), хотя А.А. Ахматова относит это посещение к 1908 г. (см.: Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 418).

[5] Скорее всего, об этом путешествии вспоминает невестка Гумилева: «Впоследствии поэт с восторгом рассказывал обо всем виденном: как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувилле за попытку пробраться на пароход и проехать "зайцем". От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь постфактум. Поэт заранее написал письма родителям, и его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа» (*Гумилева А.* Н.С. Гумилев // Новый журнал. 1956. № 46. С. 112–113).

[6] Впечатление, произведенное Гумилевым, отражено в брюсовском дневнике: «Одет довольно изящно, но неприятное впечатление производят гнилые зубы. Часто упоминает о "свете"» (*Дневники.* С. 138).

[7] Речь идет о "Романтических цветах".

[8] Петербургское издательство "Оры", руководимое Вяч. Ивановым, пользовалось для распространения своей продукции в Москве услугами издательства "Скорпион".

[9] В архиве С.А. Полякова письмо Н.С. Гумилева не обнаружено.

[10] Вошло в "Романтические цветы" под заглавием "Заклинание" и с добавлением одной строфы, которая стала в окончательном тексте второй:

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

[11] По всей видимости, встреча с Ликиардопуло произошла при посещении Гумилевым издательства "Скорпион" (см.: *Дневники.* С. 138).

15. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 2/15 августа 1907 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ваше молчанье – совершенно справедливое возмездие для меня, но неужели оно продолжится вечно. Подумайте, что это может повергнуть меня в такое мрачное отчаянье, что я начну писать революционные стихи для "Перевала" и плагиаты-компиляции для "Золотого Руна"[1]. И на Вашу совесть ляжет гибель юноши.

Теперь я хочу привести основания, по которым Вы могли бы меня простить: во-первых, Вы сами написали мне два года назад, что я поэт, и я не настолько слеп, чтобы не видеть, что я делаю успехи с каждым годом. А ведь Вы переписываетесь со мной не как с человеком, который по несчастной случайности оказался невежливым по отношению к Вам, а как с молодым поэтом, который еще не имеет установившихся взглядов на искусство и каждую минуту может потерять веру в себя. Неужели за невольный грех человека Вы допустите погибнуть поэту?

Второе мое оправданье в том, что я люблю Вас. Если бы мы писали до Р.Х., я сказал бы Вам: Учитель, поделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты не имеешь права скрывать от учеников. В средние века я сказал бы: Maître, научи меня дивному искусству песнопенья, которым ты владеешь в таком совершенстве. Теперь я могу сказать только: Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной, мне тяжело думать, что Вы на меня сердитесь.

Свой сборник я раздумал издавать, во-первых, потому, что я не доволен моими стихами, а, во-вторых, их слишком мало[2]. Подожду еще год, а там, может быть, найду издателя. Поэтому я буду в восторге, если Вы пожелаете напечатать что-нибудь в "Весах". Теперь я посылаю Вам кое-что новое.

Не забывайте меня. Ваш Н. Г у м и л е в.

Paris, rue Bara, 1

ИЗМЕНА[3]

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я горел на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце – пламя жгучего пожара,
В мускулах – безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

И нежданно в темном перелеске
Я увидел стройный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

"Призрак счастья, белая невеста..."
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: "Ни с места".
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Разъяренно-лающим собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими, неслышными шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

---

* * *

Царь, упившийся кипрским вином[4]
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

"Почему вы не пьете, друзья,
Этой первою полночью брачной?
Этой полночью радостен я,
Я – доселе жестокий и мрачный.

Все вы знаете деву богов,
Что владела богатою Смирной,
И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и мирной.

Ее лилии были нежны
И, как месяц, печальны напевы,
Я не видел прекрасней жены,
Я не знал обольстительней девы.

И когда мой открылся альков,
Я, властитель, смутился невольно,
От сверканья ее жемчугов
Было взорам и сладко и больно.

Не смотрел я на бледность лица,
Не того мое сердце хотело,
Я ласкал, я терзал без конца
Беззащитное юное тело.

Вы должны позавидовать мне,
О, друзья дорогие, о братья,
Я услышал, сгорая в огне,
Как она мне шептала проклятья.

Кровь царицы, как пурпур, красна,
Задыхаюсь я в темном недуге,
И еще мне несите вина,
Нерадиво-ленивые слуги".

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

---

* * *

ДИАЛОГ[5]

(между Одиссеем и Ахиллом)

Одиссей

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов – меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой полнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных волос твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под синими кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен,
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле – телами убитых Ахеян.

Каждое утро страдания новые,
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это – наши надежды.

Ахилл

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь Вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.

---

* * *

За часом час бежит и падает во тьму[6],
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явленья волшебства – лишь игры вечных чисел,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их вопросил, но нет ни одного
Сильнее тайных сил флюида твоего.

Да, знанье – сладкий мед, но знанье ли спасет,
Когда закон зовет и время настает.

За часом час бежит, я падаю во тьму
За то, что мой флюид покорен твоему.

---

[1] "Перевал" – ежемесячный литературный журнал, редактируемый С.А. Соколовым-Кречетовым. Выходил в Москве в 1906–1907 гг. В первых же номерах журнала печатались острополитические статьи Н. Минского "Идея русской революции", А. Борового "Этическая ценность революционного миросозерцания" и др. В заметке "Писать или списывать" (Весы. 1907. № 3) Брюсов упрекал автора статьи "Сатана в музыке" И.А. С(аца) (*ЗР*. 1907. № 1) в заимствованиях из книги Э. Наумана "История музыки".

[2] В "Романтические цветы" (Париж; изд. автора, 1908) было включено 32 стихотворения.

[3] Стихотворение "Измена" с незначительными разночтениями вошло в "Романтические цветы". В третьем издании сборника – под заглавием "Ягуар".

[4] Впервые опубл.: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 87.

[5] "Диалог (между Одиссеем и Ахиллом") вошел в первое издание "Романтических цветов", однако исключен из 2-го и 3-го. В экземпляре сборника, хранившемся в библиотеке Брюсова, им были сделаны следующие пометки к этому стихотворению: в стихе 10 подчеркнуто "лилеет" и на поле пометка – "опечатка"; в стихе 11 подчеркнуто "дебри" и на полях вопрос – "Где там были дебри?" К заключительной строфе на полях помета – "Плохо и неясно" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН.* Т. 27–28. С. 673–674).

[6] Впервые опубл.: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 88–89.

16. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 24 августа/⟩ 6 сентября ⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень благодарю Вас за Ваше письмо; верьте, что я никогда бы не надоедал Вам так с просьбами об ответе, если бы это не было после нашего первого свиданья. Я серьезно боялся не понравиться Вам. Но теперь я готов писать Вам месяцами, не ожидая ответа. Я в восторге от Вашей похвалы. Лучше действительно трудно похвалить поэта двадцати одного года. Но меня только удивило, что Вы взяли для "Весов" мою "Царицу Содома"[1] – стихотворение, которое я очень не люблю и которое может показаться неловким подражанием Вашему "Близ медлительного Нила, там где озеро Мерида..." (цитирую на память)[2]. Но, наверное, у Вас были основания поступить так, хотя я своими силами не могу догадаться о них.

Так как Вы обещали написать мне вскоре, то я хочу задать Вам несколько вопросов.

Какого Вы мнения о моей "Влюбленной в Дьявола"? Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих[3] и которое мне не говорит ничего.

Потом, какое из моих стихотворений, присланных Вам этим летом и осенью, Вы считаете наиболее удачным? Ваш ответ поможет мне, наконец, разобраться в том, как мне надо писать стихотворения, до сих пор я понял только, как мне не надо их писать.

Очень благодарю Вас за письмо к Рене Гилю. Я пойду к нему через неделю, чтобы дать ему время получить Ваше письмо[4].

Недели две тому назад, "обуянный жаждой славы", я послал многие мои стихотворения в "Русскую мысль", "Перевал" и "Русь", приложив марки на ответы, но, увы, ответил только "Перевал". Он взял моего злополучного "Крокодила" и "Измену"[5]. "Русская мысль" и "Русь" хранят гробовое молчание[6].

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы указали мне журналы или газеты, где я имел бы шанс быть напечатанным. Недели две после нашей встречи[7] я опять был в Москве и заходил к Вам, но не застал Вас дома.

Посылаю Вам еще два стихотворения.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

... Что ты видишь во взоре моем[8],
В этом бледно-мерцающем взоре?
... Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской,
Колебались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В отуманенном взоре твоем.

---

* * *

С корабля замечал я не раз,[9]
Как пучиной, где солнце лучится,
Как рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные, белые крылья.

И когда заглянул я в твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я увидел в нем тот же позор,
Тот же ужас измученной птицы.

---

[1] Имеется в виду стихотворение "Маскарад" ("В глухих коридорах и залах пустынных..."), опубл. в "Весах" (1907, № 7). Пятая строфа в нем кончалась стихом: "Что зная тебя я, царица Содома!" В письмах Гумилева этого стихотворения нет. Не исключено, что оно было передано Брюсову при встрече в Москве.

[2] Цитируется первая строка стихотворения "Встреча" ("Весы", 1907, № 5; I, 474).

[3] Стихотворение "Влюбленная в Дьявола" послано было Брюсову в п. 13. Возможно, Гумилев в числе прочих имел в виду и оценку И. Анненского, который впоследствии писал об этом стихотворении: «Тема ясна и хорошо развивается: это придушенное семейное несчастье – истеричка-дочь, "влюбленная в дьявола". Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие ассонансы в чередовании с рифмами» (Речь. 1908. 15 дек. № 308). В черновике процитированной рецензии И. Анненский, по-видимому, сопоставлял это стихотворение с "Огненным ангелом" Брюсова: "Да, но ведь это только четыре звучных, четыре скользящих по голубому льду равнодушия и, может быть, даже иронии... строфы. Не роман, для которого надо рыться в процессах колдуний и в сочинениях алхимиков. Оцените же хоть это" (*ЦГАЛИ*. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 201. Д. 3).

[4] Визит Гумилева к Рене Гилю, намеченный уже давно (см. п. 10), состоялся 9 октября 1907 г. (см. п. 21).

[5] Стихотворение "Крокодил" без заглавия было напечатано в "Перевале" (1907, № 11). О стихотворении "Измена" см. п. 15, прим. 3.

[6] Стихотворения, посланные Гумилевым в журнал "Русская мысль", опубликованы там не были. "Русь" в еженедельном иллюстрированном приложении напечатала "С корабля замечал я не раз..." (1907, № 32, 21 авг.) и "За покинутым бедным жилищем..." (1907, № 33, 27 авг.).

[7] Гумилев нанес Брюсову визит в начале июня 1907 г.

[8] Стихотворение "Что ты видишь во взоре моем..." под заглавием "Корабль" было включено в сб. "Романтические цветы".

[9] Стихотворение "С корабля замечал я не раз..." вошло в сб. "Романтические цветы" под заглавием "Воспоминание", о первой публикации см. прим. 6.

17. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

⟨Москва. 3/16 сентября 1907 г.⟩

Дорогой Николай Степанович!

Вы просите указать на газеты и журналы, где могли бы печатать свои стихи. Предлагаю Вам московскую газету "Столичное утро". Ее литературным отделом (до некоторой степени, конечно) заведуем мы, деятели "Весов", передавая туда стихи и рассказы, печатать которые у себя не можем по недостатку места[1]. Если позволите, я передам туда два последних присланных мне Вами стихотворения: "Что ты видишь" и "С корабля"[2]. "Утро" обещает сделаться газетой в литературном отношении приличной, и гонорары платит аккуратно. Правда, Вы по политическим убеждениям – правый, а она – левая, но ведь и "Русь" – левая, а Вы свои стихи в нее послали. Кстати:

Вы, кажется, не знаете, что стихи Ваши в "Руси" напечатаны были: не знаю точно, одно стихотворение или два[3]. Лично просил бы Вас только не предлагать стихов "Золотому Руну", так как вся группа "Весов" решительно отказалась иметь какое-либо дело с этим журналом[4].

О Ваших стихах, присланных мне, постараюсь сказать подробнее в следующем письме. Простите мою краткость, объясняемую крайней стесненностью во времени.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

3/16 сент. 1907

[1] Московская общественно-литературная газета "Столичное утро", издаваемая С.Л. Кугульским, выходила с мая по октябрь 1907 г. Альянс сотрудников "Весов" с редакцией газеты "Столичное утро" был недолгим. 31 августа Брюсов обратился к Ф. Сологубу с просьбой о сотрудничестве со "Столичным утром": «В сентябре "Столичное утро", в литературной своей части, реформируется и обещает быть пристойным». (*Ежегодник 1973*. С. 111), но уже через три дня после настоящего письма Гумилеву Брюсов и Ликиардопуло подписали коллективное письмо группы литераторов о выходе из редакции "Столичного утра" (см.: "Русское слово", 1907. № 206. 7 сент.). Очевидно, конфликт быстро уладился (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 502), но вскоре издание было приостановлено в административном порядке.

[2] См. п. 16, прим. 6, 8, 9.

[3] См. п. 16, прим. 6.

[4] О конфликте Брюсова, Белого и др. с журналом "Золотое руно" см.: *ЛН*. Т. 85. С. 341, 696.

18. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 10/23 сентября 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за письмо и за указания относительно печатанья. Я буду очень рад помещать мои вещи в "Столичное утро"[1] и думаю, что для стихов и рассказов направление газеты мало играет значенья. Только Вы предлагаете передать туда стихотворение "С корабля", а оно было в числе без вести пропавших в таинственных глубинах редакции "Русь", из которой я не получил ни одного слова. Я сегодня же напишу туда, а пока, может быть, Вы найдете возможным, передавая в "Столичное утро" стихотворение "Что ты видишь...", прибавить какое-нибудь другое мое стихотворение, например, "Юный маг", "Перчатка", "Ахилл и Одиссей", "Влюбленная в Дьявола"[2] или что-нибудь из настоящей присылки. Нельзя ли также устроить, чтобы мне высылали номера, где будут напечатаны мои вещи. Простите меня еще раз, что я так эксплуатирую Вашу доброту.

Я совершенно не помню, благодарил ли я уже редакцию "Весов" за гонорар, а Мих.Феод. Ликиардопуло за любезное письмо. Но последнее время я был болен и в разъездах, обе вещи в одно время, так что не очень смейтесь моей забывчивости.

Теперь я в русской литературе, как в лесу, получаю только одни "Весы", да и то с большим запозданием через мою семью. Поэтому я был бы более чем в восторге, если бы "Весы" могли отправлять мне в счет будущего гонорара (как с них, так и со "Столичного утра") самые крупные новинки, напр.: "Цветник Ор"[3], Эме Лебеф[4] и т.п. Но я боюсь, что это будет очень затруднительно.

Последнее время я опять с вожделением подумываю о прозе и все собираюсь написать рассказ. Если будет хоть какая-нибудь возможность, я пришлю его Вам.

Пока посылаю Вам два новых стихотворения, но кажется, очень неудачные. Но я утешаю себя тем, что я решительно не способен отдать себе отчет в достоинствах или недостатках своих стихов прежде, чем я услышу чье-нибудь мнение о них. А в Париже у меня нет никого, способного оказать мне эту услугу.

Пока всего хорошего; еще раз благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне; верьте, что я понимаю его важность, и это очень ободряет меня в моей работе.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Над тростником медлительного Нила[5],
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

"Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

Ее глаза светилися изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови..."

По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные безжалостные плети.

---

* * *

За стенами старого аббатства[6]
– Мне рассказывал его привратник –
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловещий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но на утро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И на утро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

Н. Гумилев.

[1] В "Столичном утре" стихотворения Гумилева не публиковались. См. п. 17, прим. 1.

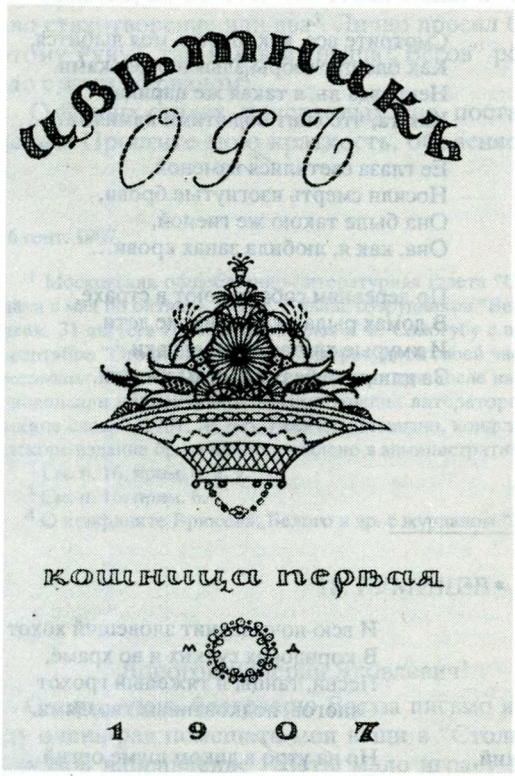
[2] Стихотворения "Что ты видишь во взоре моем..." и "С корабля замечал я не раз..." были приложены к п. 16, "Юный маг в пурпуровом хитоне..." к п. 14, "Диалог (между Одиссеем и Ахиллом)" к п. 15 и "Влюбленная в Дьявола" к п. 13. Стихотворение "Перчатка" ("На руке моей перчатка...") в архиве Брюсова не сохранилось. Возможно, Гумилев ошибся, забыв, что это стихотворение он послал не Брюсову, а в редакцию "Золотого руна" (см. п. 32, прим. 4). "Перчатка" опубл. без заглавия в "Романтических цветах".

[3] "Цветник Ор. Кошница первая" – альманах, выпущенный в мае 1907 г. издательством "Оры", в котором было опубликовано стихотворение Брюсова "Одиночество".

[4] Имеется в виду повесть М.А. Кузмина "Приключение Эме Лебефа" (СПб., 1907), вышедшая в мае 1907 г. и посвященная К. Сомову. Рецензию на нее Брюсов поместил в "Весах" (1907, № 7).

[5] Стихотворение "Над тростником медлительного Нила..." опубликовано в газете "Раннее утро" (1907, № 10, 22 нояб.). В третьем издании "Романтических цветов" получило заглавие "Гиена". Более поздний текст с незначительными разночтениями и пометой Брюсова "недурно" приложен к п. 23. На экземпляре "Романтических цветов" парижского издания, хранившихся в библиотеке Брюсова, им были перечеркнуты в 6 стихе слова "грешная сирена" и на полях записан вопрос: "Что это такое?" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 673).

[6] Впервые опубликовано, *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 89–90.



ЦВЕТНИК ОР. КОШНИЦА ПЕРВАЯ.
1907
Обложка М.В. Добужинского

19. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж.
19 сентября/⟩ 2 октября ⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых. Если Вы захотели бы сохранить что-нибудь для "Весов" или "Столичного утра", то напишите мне об этом, потому что огонь моей предприимчивости еще не погас, и я собираюсь писать все в новые и новые журналы.

В "Русь" я писал недели две тому назад и не получаю никакого ответа, несмотря на приложенную марку. Я решительно не знаю, что мне думать. Я все хвораю и настроение духа самое мрачное, вот почему я не был до сих пор у Ренэ Гиля. Но я боюсь, что не хватит места для стихов, и поэтому кончаю.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. За что меня больше не печатают в числе сотрудников "Весов"? Неужели я изгнан? Тогда почему же Георгий Чулков не написал мне приветственного письма[1].

Н.Г.

* * *

Дня и ночи перемены[2]
Мы не в силах превозмочь!
Слышишь дальний рев гиены?
Это значит – скоро ночь!

Я несу в мои пустыни
Слезы девичьей тоски,
Вижу звезды, сумрак синий
И сыпучие пески.

Лев свирепый, лев голодный,
Ты сродни опасной мгле,
Бродишь, Богу неугодный,
По встревоженной земле.

Я не скроюсь, я не скроюсь
От грозящего врага,
Я надела алый пояс,
Дорогие жемчуга.

Я украсила брильянтом
Мой венчальный белый ток
И кроваво-красным бантом
Оттенила бледность щек.

Подойди, как смерть, красивый,
Точно утро, молодой,
Потряси густою гривой,
Гривой светло-золотой.

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Ласку смерти приготовь,
Дай услышать страшный запах –
Темный, пьяный, как любовь.

Это тело непорочно
И не тронуто людьми,
И его во тьме полночной
Первый ты теперь возьми.

Как куренья, дышат травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

* * *

Улыбнулась и вздохнула,[3]
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно омочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека наплывают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Точно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

---

* * *

(Это стихотворение может служить продолжением предыдущего).

На камине свеча догорала, мигая,[4]
Отвечая дрожаньем случайному звуку,
Он, согнувшись, сидел на полу размышляя,
Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий,
И шептал: "О, убейте меня, о, повесьте,
Забросайте камнями, как пса, задавите!"

В набегающем ужасе странной разлуки
Ударял себя в грудь, исступленьем объятый,
Но не слушались жалко повисшие руки,
И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
Успокоит она, тишиной обнимая,
И забудет он горы, равнины и реки,
Где когда-то она проходила, живая!

Но предателем сзади подкралось раздумье,
И он понял: конец роковой самовластью.
И во мраке ему улыбнулось безумье
Лошадиной, оскаленной пастью.

---

* * *

Под землей есть тайная пещера[5],
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера –
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно взглянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни,
Со стеклянным выпученным взором,
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в свою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь над собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной,
Ты не сможешь двинуться иль крикнуть...
Это все! И это будет вечно!

Н. Гумилев.

[1] Фамилия Гумилева указывалась в числе ближайших сотрудников "Весов" начиная с № 12 за 1906 г. и кончая № 9 за 1909 г. Однако в тех случаях, когда фамилии сотрудников публиковались в конце журнала, а не в помещенном в нем каталоге книгоиздательства "Скорпион", иногда фамилия Гумилева отсутствовала, так было в номерах: 2, 6 и 7 за 1907 г., 2 и 7 за 1908 г. и 5 за 1909 г.

Фамилия Чулкова, как участника журнала, печаталась регулярно с № 2 за 1904 г. по № 1 за 1907 г. Статьи Брюсова «"Вехи", IV. "Факелы"» (Весы. 1906. № 5) и «"Вехи". V. "Мистический анархизм"» (Весы. 1906. № 8), подписанные псевдонимом Аврелий и направленные против Георгия Чулкова, послужили началом острой полемики. Если бы Гумилев порвал с "Весами", то Чулков, вероятно, постарался бы привлечь его на свою сторону.

[2] Стихотворение "Дня и ночи перемены..." под заглавием "Невеста льва" в переделанном виде вошло в "Романтические цветы".

[3] Стихотворение "Улыбнулась и вздохнула...", опубликованное в газете "Раннее утро" (1907, № 30, 22 дек.), вошло в "Романтические цветы". Текст этого стихотворения, отличающийся незначительными разночтениями, приложен также к п. 23.

[4] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 90–91.

[5] Стихотворение "Под землей есть тайная пещера..." опубликовано в "Романтических цветах", в третьем издании озаглавлено "За гробом".

20. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. Около 23 сентября/ 6 октября 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера получил Ваше письмо и уже написал Р. Гилю. Сегодня получу ответ, если выбранный мною день для визита ему не понравится. Я Вам очень благодарен, что Вы мне сообщили о бойкоте "Столичного утра". Хотя я совершенно не знаю обстоятельств дела, я заранее присоединяюсь к Вашему мнению и так же не желал бы быть напечатанным в "Ст. утре"[1]. Таким образом выходит, что я бойкотировал уже два издания – "Утро" и "Руно". Недурно на начинающего писателя! Но правдива была старая истина, гласившая, что "поднявший меч от меча погибнет"[2]. Я тоже бойкотирован "Русью", которая, напечатав мои стихи, упорно не хочет ответить мне на мои письма[3]. Забудьте мою просьбу присылать мне книги в счет будущего гонорара[4]. Во-первых, может выйти путаница, а во-вторых, я буду получать новые книги через моих петербургских знакомых. "Весы" я получаю все время и еще на днях прочитал их 8-й номер.

Я не хотел Вам говорить что-нибудь об "Огненном Ангеле"[5], но теперь не могу удержаться, чтобы не написать Вам хоть незначительную часть того, что я об нем думаю: прежде всего, мне трудно припомнить что-нибудь равное ему по продуманности и гармоничной четкости и краткости линий, разве только Роденовскую "Данаиду" из Люксембургского музея[6]. Во-вторых, признак вещи, создающей эру, она кажется каждому его собственной биографией (действительной или возможной, все равно), и я уже встречал людей, говоривших: "Я, как Рупрехт...". Я мог бы написать и "в-третьих" и "в-четвертых", но, верный моему обещанию, кончаю.

Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились мои соседи В. Гофман и Садовской[7], особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов[8]. О Сологубе, конечно, не мне писать[9].

Соловьев крайне неотчетлив; его мысли и образы напоминают шепелявящих детей, и, прочтя все шесть страниц его стихов, с трудом соображаешь, что он говорил о какой-то девушке, но что, как и зачем, это ускользает даже от внимательного читателя. Где же новизна рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал в Вашей рецензии?[10] Неужели "звенящая тишина"[11] и "родимый лес". Грустно![12] А я уже любил Соловьева за его переводы из Шиллера[13].

Тарасов слишком откровенно воспользовался Вашими "Грядущими гуннами", так что о нем и говорить не приходится. Я ничего не имею против "заимствований" (по выражению Твеновского Финна-отца)[14], но наивно, позаимствовав картину, обмазывать ее дегтем, чтобы не узнали. Простите меня за резкость, но как нарочно стихотворение "Грядущие гунны" – одно из моих любимейших, и "...мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери..."[15].

Б.А. САДОВСКОЙ

Фотография с дарственной надписью:
"Дорогому Юлиану Павловичу Анисимову от искренне любящего его Бориса Садовского.
4 января 1912 г. Москва.
Но не хочу, о други, умирать! Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать. И может быть..."
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

После таких строгих замечаний мне стыдно посылать Вам мое новое стихотворение, которое несомненно, как и все, что я пишу, хуже соловьевских, но по старой привычке отнимать у Вас нужное Вам время, я все-таки делаю это.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

На горах розовеют снега[16],
Я грущу с каждым мигом сильней,
Для кого я сбирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Под тобой лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежней его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,
В красоте жемчуговых убранств,
Как жених, я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обагренных в крови,
Расскажу о тебе и себе
И о нашей жестокой любви.

И на миг забывая покой,
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

Н. Гумилев.

Как видно из предыдущего письма, 19 сентября по ст. ст. Гумилев еще не знал о бойкоте "Столичного утра".

Поэтому настоящее письмо можно условно датировать концом сентября. В подборке гумилевских писем сохранился конверт с московским почт. шт. 26.IX (парижский почт. шт. вырезан вместе с маркой). Естественно предположить, что этот конверт принадлежит настоящему письму, отправленному из Парижа около 23 сентября 1907 г.

[1] См. п. 17, прим. 1.

[2] Евангельское выражение (от Матфея, 26, 52).

[3] См. п. 16 прим. 6.

[4] Просьба Гумилева о присылке книг из Москвы "в счет будущего гонорара" изложена в п. 18.

[5] Роман Брюсова "Огненный ангел" начал печататься в "Весах" с январского номера 1907 г.

[6] Часть Люксембургского дворца в Париже с 1818 г. была занята под музей новейшей французской живописи и ваяния. Картины и скульптуры, приобретенные для музея правительством, хранились в нем в течение 10 лет, а затем передавались в Лувр и другие музеи.

[7] В июльском номере "Весов" за 1907 г. были помещены три стихотворения Гумилева: "Императору Каракалле" ("Призрак какой-то неведомой силы..."), "Император" ("Император с профилем орлиным...") и "Маскарад" ("В глухих коридорах и залах пустынных..."). Там же появились стихотворения "Песня к лугу" В. Гофмана и "Июньский закат" Б. Садовского.

[8] В августовском номере "Весов" за 1907 г. помещен цикл стихотворений С.Соловьева: "Ты взманила к вешним трелям...", "Я блуждал в лесу родимом, где звенела тишина...", "Тают тайные печали..." – и стихотворение Е. Тарасова "Азия", перекликающееся по мысли с брюсовскими "Грядущими гуннами" (I, 433). Евгений Михайлович *Тарасов* (1882–1943) – активный участник революционного движения, автор двух стихотворных сборников: "Стихи, 1903–1905" (СПб.: Книгоиздательство "Новый мир", 1906) и "Земные дали" (СПб.: Шиповник, 1908). Оценка Брюсовым творчества Евгения Тарасова была принципиально иной. Он писал, что на долю молодого поэта в какой-то мере выпал "песен дивный дар", считал, что у него есть "молнийные вспышки поэзии" (рецензия Брюсова на сб. Е. Тарасова "Стихи" – Весы. 1906. № 9. С. 56). Об отношении Брюсова к Тарасову см. также статью Н.А. Трифонова "Недосказанная поэма" (*Рус. лит.* 1982. № 4).

[9] В "Весах" № 8 за 1907 г. опубликовано стихотворение Ф. Сологуба "Чертовы качели" и "Что было, будет вновь...".

[10] Речь идет о рецензии Брюсова на книгу С. Соловьева "Цветы и ладан". Оценка первого сборника поэта не столь однозначна, как это следует из письма Гумилева. Отмечая, что "рифмы С.Соловьева большею частью очень интересны", Брюсов указывает, однако, что "в этой погоне за красивыми рифмами и хитро построенными строфами, С. Соловьев успевает следить только за концами стихов, да за чередованием ударений, а что за слова стоят в начале строк, ему, порой, бывает все равно" (Весы. 1907. № 5. С. 63). В числе прочих недостатков Брюсов называет шаблонность эпитетов, неестественное расположение слов, недостаток музыкальности, надуманность описаний и ученический характер сборника в целом.

[11] Имеется в виду строка "где звенела тишина" из стихотворения С. Соловьева "Я блуждал в лесу родимом...".

[12] Позднее Гумилев по поводу сб. С. Соловьева "Апрель" (М.: Мусагет, 1910) писал: "Сравнительно с первой книгой (...) его стих совершенствуется, но скорее по пути нежности и певучести, чем медной кованности, как о том мечтает сам поэт" (Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923. С. 95).

[13] В майском номере "Весов" за 1905 г. появились в переводе С. Соловьева три баллады Шиллера: "Кассандра" "Геро и Леандр" и "Рыцарь Тоггенбург".

[14] Гумилев вспоминает слова Гека: "Папаша всегда говорил, что не грех брать взаймы, если собираешься отдать когда-нибудь; а от вдовы я слышал, что это то же воровство, только по-другому называется, и ни один порядочный человек так не станет делать" (*Твен М.* Приключения Гекльберри Фина // Собр. соч. М.: Правда, 1980. Т. 5. С. 259).

[15] Приведена цитата из 1-й сцены "Моцарта и Сальери" Пушкина.

[16] Стихотворение "На горах розовеют снега..." впервые в кн.: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. P.: Ymca-Press, 1986. С. 16.

21. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 26 сентября/⟩ 9 октября (нов. ст.)
⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Никогда еще в жизни я не показывал себя таким бессовестным, как я это сделаю сейчас. Именно: я прошу Вас написать мне хоть самую маленькую открытку, но сейчас. Чем скорее я получу Ваш ответ, тем скорее я успокоюсь. Дело вот в чем: около месяца тому назад я послал в "Золотое Руно" три моих стихотворения[1], а на другой же день получил Ваше письмо, где Вы просите меня не делать этого. Тотчас же я послал в "Золотое Руно" извинения за беспокойство и просьбу предать дело о моем сотрудничестве забвению. Все это было месяц тому назад[2], и я перестал даже и думать о "Золотом Руне", как вдруг вчера я получаю оттуда письмо, копию с которого я пересылаю Вам. Из него ясно видно, что г-н Рябушинский[3] получил мои извинения, но внимания им не придал. Теперь передо мной большая дилемма, разрешить которую можете только Вы. С одной стороны, мне как писателю молодому и неизвестному хотелось бы печататься возможно больше и по собственной инициативе я не могу гнушаться журналом, где пишут Ал. Блок, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, К. Бальмонт и др., особенно после такого более чем любезного приглашения. С другой стороны, Ваш выход из него и Ваше предупреждение останавливают меня согласиться. И вот, следуя совету Ренэ Гиля, прежде чем ответить что-нибудь Рябушинскому, я пишу Вам, чтобы узнать, как Вы советуете мне поступить. Если Вы найдете нужным повторить Ваш совет, поверьте, я ни на минуту не подумаю упрекать Вас, наоборот, я буду спокоен, отказывая Рябушинскому. Я уже как-то писал Вам, что я отдал в Ваши руки развитье моего таланта, и теперь опять очень прошу Вас высказать Ваше мнение, которое будет решающим.

Сегодня я был у Гиля, и он мне понравился без всяких оговорок. Это энергичный, насмешливый, очень тактичный и действительно очень умный человек (я описываю здесь только его внешние качества, а внутренние знакомы Вам много больше, чем мне). Со мной он был крайне приветлив с каким-то особенным оттенком дружеской фамильярности, что сразу сделало нашу беседу непринужденной. Вообще, я был совершенно не прав, когда боялся к нему идти[4], и теперь я знаю, что французские знаменитости много общежительнее русских (Вы знаете, о ком я говорю)[5].

За последнее время по еженедельному количеству производимых стихотворений я начинаю приближаться к Виктору Гюго. Кажется, попадаются недурные (для меня, конечно). Я посылаю Вам два.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Царица, иль, может быть, только печальный ребенок[6],
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан, перехваченный шалью, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу сверкающим зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица.
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины,
Чтоб ехать к серебряным замкам влюбленного принца,
Они предлагали свои изумрудные спины.

Но голос хрустальный казался особенно тонок,
Когда он упрямо сказал роковое "не надо".
Царица, или, может быть, просто капризный ребенок,
Усталый ребенок с тяжелою мукою взгляда!

* * *

Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд[7],
И руки особенно тонки, колени обняв,
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его испещряет волшебный узор,
С которым равняться осмелится только Луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его строен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран,
Про черную деву, про страсть молодого вождя...
Но ты слишком много вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь?.. Послушай: далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Н. Гумилев.

Приложение

КОПИЯ С ПИСЬМА РЯБУШИНСКОГО

М.Г.

Простите, что не знаю Вашего имени, отчества, но с благодарностью пишу Вам. Ваша поэзия уже знакома мне из "Весов" и вызывает общее внимание. Хотел писать Вам, но Вы предупредили меня любезной присылкой стихотворений. Надо быть искренним и честным: в Вашем стихотворении прелестные образы, в нем есть нечто родственное нашим стремлениям. Поэтому я с радостью помещаю Ваше имя в числе сотрудников "Золотого Руна". Стихотворения Ваши будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати.

На днях буду в Париже, очень интересно было бы повидаться с Вами лично и поговорить о Вашем дальнейшем сотрудничестве. Может быть, Вы пришлете нам еще другие беллетристические произведения.

В ожидании Вашего ответа остаюсь

Вас искренне уважающий Николай Рябушинский.

[1] См. п. 30 и п. 32, прим. 4.

[2] О бойкоте "Золотого руна" Брюсов писал Гумилеву в п. 17.

[3] Речь идет об издателе "Золотого руна" Н.П. Рябушинском.

[4] См. п. 10.

[5] Гумилев намекает на З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского (см.: Там же).

[6] Стихотворение "Царица, иль, может быть, только печальный ребенок..." опубликовано в "Романтических цветах". В 3-е издание вошло под названием "Отказ".

[7] Стихотворение "Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд..." впервые напечатано там же, как первая часть цикла "Озеро Чад". Во втором издании цикл был сохранен, а в третьем он распался на три самостоятельных стихотворения. Первая часть получила заглавие "Жираф". В экземпляре сборника "Романтические цветы" (1-е изд.), хранившемся в библиотеке Брюсова, им в 12 стихе были подчеркнуты слова "мраморный грот", а на полях сделана пометка: "На озере Чад???". В 5-й строфе Брюсов подчеркнул рифмы "вождя" и "дождя" и на полях отметил: "Произносится дожжя" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 674). Последнее замечание Брюсова вряд ли справедливо, т.к. старомосковское и столичное произношения отличались, и для петербуржца Гумилева слово "дождя" слышалось так же, как и писалось.

22. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. Середина октября, н.ст., 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень Вас благодарю за письмо и за высказанное Вами мнение. Я думаю поступить следующим образом: из нелюбви к кляузам, я не думаю требовать у г-на Рябушинского приостановки номера или исключения из него моих стихов. Но не буду также и посылать что-нибудь новое или вступать в переписку с этой редакцией, так что, как видите, фактически я не буду его сотрудником. В общем, мне не повезло, когда я появился со своими стихами на книжный рынок. "Нива", "Правда" и "Русь"[1] вовсе не ответили мне на мои вопросы о принятии моих стихов. Относительно "Перевала" я не знаю ничего[2]. Вы, наверное, его читаете и, может быть, сообщите мне, когда там появятся мои стихи.

Очень благодарю Вас за любезное предложение устроить меня в "Столичное утро" и "Голос Москвы"[3]. Я посылаю Вам для них стихи, которые, во-первых, безусловно свободны, а во-вторых, которые я не думаю переделывать и считаю покончеными (далеко не то же, что законченными).

Быть может, также для какого-нибудь из этих изданий понадобятся рассказы (отвлеченного характера, без русских фамилий), у меня есть кое-что в этом роде.

Я посылаю Вам сейчас четыре новых стихотворения, кажется, Вам еще неизвестных. Они свободны. Свободны также из находящихся у Вас следующие: 1) "Гиена", 2) "Святой Георгий", 3) "Я смотрю на закат и снега...", 4) "Усмехнулась и вздохнула...", 5) "Безумье (с лошадиной мордой)", 6) "Под землей есть тайная пещера", 7) "Царица или Ребенок"[4] и многие другие, но я надеюсь, что это более чем довольно. Может быть, напишете, что Вы оставляете за собой.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Следом за Синдбадом–мореходом[5]
В дальних странах я сбирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики Солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же,
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья – красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью,
В сердце гибель загорелась снами,
Я как мальчик, схваченный любовью
К девушке, закутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

---

* * *

В темных покрывалах летней ночи[6]
Заблудилась юная принцесса,
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Накормил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья,
Красноватым пламенем лампадка
Освещала только часть строенья.

Что там? Или это только тряпки,
Жалкие ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо,
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома.

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
И не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

---

* * *

Видишь, мчатся обезьяны[7]
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит, близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот... Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь,
Но в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Встреть спокойно носорога,
Как чудовищного бога,
Посреди лесного храма,
Не склони к земле лица,
Если страсть твоя упряма,
Не закрадется тревога
В душу смелого жреца.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут...
...И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

---

* * *

Неслышный, мелкий падал дождь[8],
Вдали чернели купы рощ,
Я шел один средь трав высоких,
Я шел и плакал тяжело
И проклинал творящих зло,
Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца
С могильной бледностью лица
И с пересохшими губами,
В хитоне белом, дорогом,
Как бы упившийся вином,
Он шел неверными шагами.

И он кричал: "Смотрите все,
Как блещут искры на росе,
Как дышут томные растенья,
И Солнце, золотистый плод,
В прозрачном воздухе плывет,
Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
Как травы, вьются волоса,
И нет в душе печалям места
За то, что я убил тебя,
Склоняясь, плача и любя,
Моя царица и невеста".

И все сильнее падал дождь,
И все чернели купы рощ,
И я промолвил строго-внятно:
"Убийца, вспомни Божий страх,
Смотри, на дорогих шелках,
Как кровь, алеющие пятна".

Но я отпрянул, удивлен,
Когда он свой раскрыл хитон
И показал на сердце рану,
По ней дымящаяся кровь
То тихо капала, то вновь
Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
А на задумчивом холме
Рыдала горестная дева,
И я задумался светло
И полюбил творящих зло
И пламя их святого гнева.

Н. Гумилев.

[1] "Нива" в 1907 г. стихов Гумилева не публиковала. Так как "Правда", московский журнал искусства, литературы и общественной жизни, перестал существовать в 1906 г., то, вероятно, имеется в виду петербургская газета "Голос правды", в которой печатались многие сотрудники газеты "Слово", или московская газета В.Т. Клименкова "Правда живая" (вышло всего три номера в октябре 1907 г.). О судьбе стихотворений, посланных в "Русь", см. п. 16, прим. 6.

[2] О стихах Гумилева, напечатанных в "Перевале", см. п. 16, прим. 5.

[3] По всей видимости, Гумилев ошибочно вместо "Раннего утра" написал "Столичное утро". За обещание устраивать его произведения в "Столичное утро" он благодарил Брюсова еще в п. 18.

"Голос Москвы", кадетская газета, выпускаемая В.П. Рябушинским, братом издателя "Золотого руна". Брюсов намеревался организовать при этой газете еженедельное "Литературное приложение" с привлечением Сологуба, Блока, Белого, но отказ всех трех от сотрудничества с кадетами разрушил эти планы (см. письмо Брюсова к Сологубу от 16 октября 1907 г. – *Ежегодник 1973*. С. 112, письмо Белого от октября 1907 г. – *ЛН*. Т. 85. С. 411 и письмо Брюсова к Блоку от 28 октября 1907 г. – *ЛН* Т. 92, кн. 17. С. 29).

[4] "Гиена" ("Над тростником медлительного Нила...") и "Святой Георгий" ("За стенами старого аббатства...") были приложены к п. 18; "Улыбнулась и вздохнула...", "Безумье" ("На камине свеча догорала, мигая...") и "Под землей есть тайная пещера..." – к п. 19; "Царица или ребенок" ("Царица, иль, может быть, только печальный ребенок...") – к п. 21. Что касается стихотворения "Я смотрю на закат и снега...", то, скорее всего, имеется в виду посланное в письме 20 стихотворение "На горах розовеют снега...", последняя строфа которого начинается словами: "И на миг, забывая покой, ты припомнишь закат и снега...".

[5] На рукописи стихотворения "Следом за Синдбадом-мореходом..." помета Брюсова: "Раннее Утро". В этой газете оно и было опубликовано (1907, № 25, 16 дек.). Заглавие "Орел Синдбада" стихотворение получило в третьем издании "Романтических цветов".

[6] Стихотворение "В темных покрывалах летней ночи" было включено в сборник "Романтические цветы". Заглавие "Принцесса" получило в 3-ем издании.

[7] Стихотворение "Видишь, мчатся обезьяны..." опубликовано там же как вторая часть цикла "Озеро Чад" с подзаголовком "Барабанный бой племени Бурну". В третьем издании напечатано как самостоятельное стихотворение под заглавием "Носорог".

[8] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 91–92.

23. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 14/27 октября 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас, перечитывая Ваше последнее письмо, я увидел, что Вы хотели бы иметь новые списки моих стихов для редакций. Сперва я прочитал слово "списки", как слово "стихи". Сейчас я посылаю Вам три новых и два уже известных Вам[1] и буду очень благодарен, если Вы, по Вашему любезному предложению, выберете что-нибудь для упомянутых Вами газет. Я слышал, что в Петербурге начинается новый журнал "Луч" при участии Блока и Сологуба[2]. Если это что-нибудь интересное, то, пожалуйста, когда будете писать мне, напишите его адрес, я бы, может быть, подписался. Я пишу очень много, но начинаю бояться, что я приближаюсь к парнассизму, от которого Вы меня предостерегали в Москве[3]. Но, во всяком случае, это не плод теорий, а, может быть, просто временное умственное затемнение. Я им пользуюсь, чтобы работать над формой.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

В красном фраке с галунами[4]
Надушенный встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки мерные оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метались по зале,
И роняли бриллианты.

К золотым спускались рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вкруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

* * *

От кормы, изукрашенной красным[5],
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Они спорят, храбрясь и бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов: это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок,
Он кричит: "Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок".

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанье о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

* * *

Приближается к Каиру судно[6]
С красными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос, гортанный и резкий,
На снастях видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их смуглые тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи,
Они всех выше
И им виднее.

Аисты – воздушные маги,
Им многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

Н. Гумилев.

Упоминание журнала "Луч" позволяет условно датировать это письмо октябрем 1907 г. (см. прим. 2). В подборке гумилевских писем сохранился конверт, на котором московский почт. шт. отсутствует, а от парижского отпечаталась лишь часть: 27.1... Таким образом, конверт мог быть отправлен в октябре, ноябре или декабре 1907 г. Но 30 ноября (см. п. 24) Гумилев извиняется за долгое молчание, а в декабре он посылает письмо 26 числа. Поэтому, скорее всего, конверт, по которому датируется настоящее письмо, был отправлен из Парижа 27.10.1907 г. по новому стилю.

[1] К письму приложены копии двух стихотворений: "Над тростником медлительного Нила..." (см. п. 18) и "Улыбнулась и вздохнула..." (см. п. 19) и три новых. Стихотворение "Приближается к Каиру судно..." приложено также к п. 27. В более позднем тексте автор заменил ошибочный эпитет "красные" во втором стихе на "длинные" (т.к. знамена пророка зеленого цвета), а также в 10-м стихе – "смуглые" на "тонкие", чтобы избежать повтора одного и того же эпитета в соседних строфах.

[2] Общественно-политический и литературно-художественный еженедельник нового типа "Луч" под редакцией Н.П. Боровской выходил в Петербурге в октябре 1907 г. Издание прекратилось на втором номере (о журнале "Луч" см.: Воспоминания об А.Н. Толстом: Сб. М.: Сов. писатель, 1973. С. 34–35).

[3] Имеется в виду, вероятно, майская встреча Брюсова и Гумилева.

[4] Стихотворение "В красном фраке с галунами..." впервые опубликовано в журнале "Образование" (1908, № 7) без посвящения, затем оно вошло под заглавием "Маэстро" в "Жемчуга" (1910) с посвящением Н.Л. Сверчкову, племяннику Гумилева, участнику экспедиции в Африку в 1913 г.

[5] Стихотворение "От кормы, изукрашенной красным..." под заглавием "Помпей у пиратов" опубликовано в "Романтических цветах". Согласно Плутарху, Помпей воевал с пиратами, но в плен к ним попал не он, а Юлий Цезарь, захваченный у острова Фармакуссы близ Милета. 38 дней провел он среди пиратов, дожидаясь, пока прибудет назначенный за его жизнь выкуп, и "вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели" (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. 2. С. 451).

[6] Стихотворение "Приближается к Каиру судно..." опубликовано в "Романтических цветах". В третье издание вошло под заглавием "Зараза". См. также прим. 1.

24. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 17/⟩30 ноября ⟨1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что я так долго не писал Вам, я сам чувствую, что плохо плачу Вам за Ваше хорошее отношение ко мне. Но за последнее время я имел массу хлопот, был в России (между прочим, проездом в Киеве[1] сделался сотрудником "В мире искусств"[2]) и по приезде в Париж принялся упорно работать над прозой. Право, для меня она то же, что для Канта метафизика, но теперь, наконец, я написал три новеллы и посвященье к ним, все неразрывно связанное между собою[3]. Наверное, завтра я пошлю их Вам заказным письмом. Нечего и говорить, что я был бы в восторге, если бы Вы согласились напечатать их в "Весах"[4], но, по правде сказать, я едва надеюсь на такую честь. Поэтому не бойтесь обескуражить меня отказом, я к нему уже подготовлен и приму его за должное, но, если возможно, ответьте поскорее, берете ли Вы эти новеллы или нет. Тогда я предложу их в другое место, а по романическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее[5]. Но, конечно, если их возьмут "Весы", я готов ждать хоть год. Они имеют вид миниатюр и в печати возьмут все вместе не более шести, семи страниц.

Но если эти новеллы покажутся Вам вообще плохими или подражательными, то, может быть, Вы с Вашей обычной добротой не откажетесь откровенно сказать мне это, и я предам их забвенью, как некогда "Шута короля Батиньоля"[6]. Я знаю, что мне надо еще очень много учиться, но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончаются опыты и начинается творчество. И теперь моя высшая литературная гордость – это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе.

Я продолжаю писать и стихи, но боюсь, что мои последние вещи не показывают никакого прогресса. Впрочем, я возлагаю большие надежды на Рождество, когда у Вас, может быть, найдется время и желанье написать мне письмо вроде одного из прошлогодних, где на примере моих же стихов укажете мне, на какие приемы письма я должен обратить особенное внимание и какие недостатки уничтожить. Сейчас посылаю Вам два самых последних стихотворения; из них первое я послал в "Ниву" и жду ответа[7]; второе свободно, и я не имею на него пока никаких планов.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Сады моей души всегда узорны[8],
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И – кто поймет намек священной тайны –
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки, розоватый жемчуг юга,
Сокровище немыслимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Сплетаясь в молитвенном экстазе.

У ног ее две черные пантеры
С отливами змеиными на шкуре,
Над скалами, где кроются пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны,
Пускай сирокко носится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

ЛЮБОВНИКАМ

Печаль их душ родилась возле моря[9]
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... Страннее и суровей
Едва ль была мужская красота,
Спокойный взор, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Из всех одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка!

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет.
Ее уста не говорили "нет",
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ,
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

Н. Гумилев.

P.S. Не откажите упомянуть в письме, были мои вещи в "Золотом Руне" и какие? Так же в моск.газ.[10] благодаря Вам?

Н.Г.

[1] В октябре 1907 г. Гумилев приезжал в Киев, чтобы встретиться с А.А. Горенко (см. *Haight A.* Anna Akhmatova // A poetic piligrimage. Oxford, 1976. P. 14). В конце октября Гумилев вернулся для "исполнения воинской повинности" в Царское Село, "но, по освидетельствованию, признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы". 30 октября 1907 г. Царскосельское уездное присутствие по воинской повинности выдало ему об этом официальное свидетельство (*ЛГИА*. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 13).

[2] "В мире искусств" (Киев) – декадентский журнал, выходивший в 1907–1910 гг. В нем опубликовано стихотворение Гумилева "Я долго шел по коридорам..." (1907, № 20–21, 1 дек.).

[3] Имеются в виду три новеллы "Радости земной любви", вошедшие в сборник рассказов "Тень от пальмы" (Пг.: Мысль, 1922).

[4] Новеллы были опубликованы: Весы. 1908. № 4.

[5] "Радости земной любви" были посвящены А.А. Горенко (Ахматовой).

[6] О драме "Шут короля Батиньоля" см. п. 8.

[7] См. п. 22, прим. 1.

[8] Стихотворение "Сады души моей всегда узорны..." впервые было напечатано в "Романтических цветах". В третье издание вошло под заглавием "Сады души". 1 июля 1908 г. Гумилев писал В.Е. Аренс: «Мне очень интересно, какое стихотворение Вы предположили написанным для Вас. Это – "Сады моей души"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 1).

[9] Стихотворение "Любовникам" опубликовано: Там же.

[10] "Золотое руно" в 1907 г. произведений Гумилева не публиковало (см. п. 30). С помощью Брюсова его стихи печатались в московской газете "Раннее утро", но уже после отправления этого письма (см. п. 22, прим. 5, п. 27, прим. 1).

25. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. Между 2 и 6 декабря, н. ст., 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Еще несколько необходимых слов по поводу моих новелл. Мне кажется, что их надо печатать все разом, потому что они дополняют одна другую. Но, конечно, сделайте, как решите сами. Если у Вас не будет времени прочесть их самому, может быть, Вы их передадите лицу, заведующему вообще чтением всех рукописей, присылаемых в "Весы". Все поправки и измененья я заранее принимаю с благодарностью. У меня есть три стихотворения, род серии, на африканские мотивы. Два из них, "Жирафа" и "Носорога"[1], Вы знаете. Не посоветуете ли Вы мне какой-нибудь альманах, куда я мог бы послать их все вместе[2]. Если да, то сообщите, пожалуйста, и его адрес. А то в Париже я совсем отстал от русской жизни.

Кстати, "Носорог" будет называться:

Встреча Смерти.
Барабанный бой племени Бурну.

Чтобы заполнить место, посылаю Вам и третье в таком же роде. Прочитайте как-нибудь в совсем свободное время, потому что оно довольно длинное. Мне так совестно, что я отнимаю у Вас столько времени стихами и письмами.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

На таинственном озере Чад
Повисают, как змеи, лианы,
Разъяренные звери рычат
И блуждают седые туманы.
По лесистым его берегам
И в горах у зеленых подножий
Поклоняются странным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

*

Я была жена великого вождя,
Дочь любимая властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала тайну древнего обряда.
Взор мой был бесстрашен, как стрела,
Груди трепетные звали к наслажденью,
Я была нежна и не могла
Не отдаться зоревому искушенью.

*

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем.
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал, что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губам,
И безумной знойной ночью
Мы увидели воочью
Счастье, данное богам.

*

Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам,
И достался смертным мукам.
... Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

*

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груде
Шкур пантерных и тканей восточных,
Я, как птица, неслася на север,
Я, играя, ломала мой веер,
Ожидая восторгов полночных.

Я раздвинула гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце...
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

*

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Точно вещь, я брошена в Марселе.

Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы спать, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами
И они, смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом потухает.
Умереть?! Но там, в полях неведомых,
Там мой муж. Он ждет и не прощает.

Н. Гумилев.

Конверт не сохранился. В этом письме были отправлены новеллы, которые 17/30 ноября 1907 г. Гумилев обещал отправить на следующий день заказным письмом (см. п. 24).

[1] Стихотворение "Жираф" ("Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд...") было приложено к п. 21, а "Носорог" ("Видишь, мчатся обезьяны...") – к п. 22.

[2] Все три стихотворения в новой редакции и под общим заглавием "Озеро Чад" были опубликованы в сб. "Романтические цветы".

26. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 ноября / 7 декабря 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Перебирая старые бумаги, в одном из Ваших прошлогодних писем я нашел следующие фразы: "говорю Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы Вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте... стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах...". Кроме того, я помню, что в прошлом году Вы просили меня написать впечатленье от выставки Дягилева[1]. Но, подобно строптивому сыну Евангелья, я долго, почти год, молчаливо отказывался, до такой степени я ненавидел мои *многочисленные* попытки

писать прозой. И вот только недавно, не более месяца, я попробовал писать рассказ (3-ю новеллу о Кавальканти)[2] и не покраснел и не почувствовал прежней жгучей ненависти к себе. С того дня я начал писать много и часто и думаю, что мог бы продолжать, если бы меня не мучила мысль, что мое "довольство" собой происходит только от притупленья моего художественного чутья.

Дней пять тому назад я послал Вам новеллы[3], сегодня посылаю впечатленья новой русской выставки[4]. Теперь я мог бы исполнить Вашу просьбу и в неограниченном количестве присылать Вам и статьи, и рассказы, и пр. Но насколько моя проза годится для "Весов", я думаю, Вы можете судить по двум образцам. Может быть, они Вас не удовлетворят по каким-нибудь легко устранимым причинам, и в принципе будет решено, что моя проза имеет шанс пройти в "Весы". Если же она Вас не удовлетворит совсем, то, ради Вашей веры в мое будущее (Вы мне писали об ней), прошу Вас, сообщите мне это совершенно откровенно. Я буду, как прежде, писать только стихи.

Еще раз прошу Вас, если Вы заняты, не читайте сами моей статьи и не отвечайте мне, а передайте ее редактору, как и все присылаемые рукописи, и, может быть, г-н Ликиардопуло возьмет на себя труд ответить мне о ее судьбе.

Простите мне за такую канонаду писем, но ведь она совсем не обязывает Вас отвечать на нее. Я верю в Ваше расположение ко мне и знаю, что когда будет можно, Вы напишете.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Новеллы "Радости земной любви" были отправлены около 2 декабря (см. п. 25). Так как настоящее письмо послано, как пишет Гумилев, "дней пять" спустя, оно может быть условно датировано 7 декабря нового стиля. В архиве Брюсова сохранился конверт с парижским почт. шт. 7.12.07, который и позволяет установить точную дату отправки письма.

[1] О рецензии, заказанной Гумилеву "Весами" на выставку русской живописи, устроенную Дягилевым, см. п. 6.

[2] Гвидо Кавальканти – итальянский поэт, герой трех новелл Гумилева "Радости земной любви".

[3] См. п. 24.

[4] О судьбе заметки см. п. 27, прим. 3 и п. 29.

27. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 3/⟩16 декабря ⟨19⟩07 ⟨г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил № "Раннего утра"[1] с моей "Гиеной" и очень благодарю Вас за напечатание ее. Сама газета мне показалась симпатичной, но я настолько наивен в делах политики, что так и не понял, какого она направления[2]. Но, кажется, "приличного", единственного, которому я теперь сочувствую.

На русской выставке, о которой я писал в "Весы"[3], я познакомился с Рёрихом[4] и княг. Тенишевой[5]. Теперь я все собираюсь пойти опять к Ренэ Гилю, его пятницы уже начались. Я пойду, наверно, вместе с Nicolas Denicer – молодым французским поэтом, моим приятелем. Вы об нем, наверно, уже читали в статье для "Весов" Ренэ Гиля[6].

Сам я все это время сильно нервничаю, как Вы можете видеть по почерку. Пишу мало, читаю еще меньше. Часто хожу в Jardin de Plantes и там кормлю хлебом тибетских медведей[7]. Кажется, они уже узнают меня. Неправда ли, это стоит прошлогоднего календаря камергера Альвинга из "Привидений" Ибсена[8].

На всякий случай, если Вы захотите напечатать еще что-нибудь мое, я посылаю Вам два из моих старых стихотворений, заново переписанных[9]. Кстати, не беспокойтесь, пожалуйста, мне присылать №№ с моими стихами. Наверное, это затрудняет Вас, а мне достаточно знать, что такое-то стихотворение есть или будет напечатано. Зато меня интригует "Золотое Руно". Там лежат три моих стихотворения, из которых

два я очень люблю, и я не знаю, напечатаны они или нет. Если да, то сообщите мне об этом, когда будете писать[10]. Еще раз благодарю Вас за память.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

P.S. За последнее время я много занимался теорией живописи, а отчасти и театра, читал, посещал выставки и говорил с артистами. Результаты Вы можете видеть в моем письме о "Русск. Выст."[11]. Если оно Вас удовлетворяет, может быть, Вы сможете мне указать какой-нибудь орган, хотя бы "Раннее Утро", где я мог бы писать постоянные корреспонденции о парижских выставках и театрах. Этим Вы оказали бы мне еще раз большую услугу[12].

Н.Г.

* * *

Как труп, бессилен небосклон[13],
Земля – как уличенный тать,
Преступно-тайных похорон
На ней зловещая печать.
Ум человеческий смущен,
В его глубинах – черный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка – жизнь и тайна – смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?

И неужели не видна
Судьба, их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять?

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран,
Там только ужас, только яд,
Змеею жалящий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос.

Н. Гумилев.

[1] Брюсов некоторое время заведовал стихотворным отделом в московской газете кадетского направления "Раннее утро", которая стала выходить с ноября 1907 г. Кроме Брюсова и Гумилева, в ней принимали участие А. Белый и М. Волошин. О публикации "Гиены" см. п. 18, прим. 5.

[2] Ср. п. 17.

[3] Заметка Гумилева "Выставка нового русского искусства" опубликована в "Весах" (1907, № 11).

[4] Николай Константинович *Рерих* (1874–1947) был одним из участников выставки нового русского искусства в Париже, открывшейся 5 декабря н. ст. 1907 г. Гумилев так оценил его экспозицию: "Королем выставки является, бесспорно, Рёрих (выставивший 89 вещей). Мне любопытно отметить здесь его духовное родство с крупным новатором французской живописи Полем Гогеном" (Весы. 1907. № 11. С. 87). С Рерихом Гумилев поддерживал отношения и в Петербурге – ср. письмо А.М. Ремизова к Рериху от 28 марта 1909 г. с предложением навестить Гумилева в день его рождения 3 апреля (*ГТГ*. Ф. 44. № 1189). Гумилеву принадлежал эскиз к картине Рериха "Строят ладьи" (см. *Эрн С.* Н.К. Рерих. Пг.: изд. общины св. Евгении, 1918. С. 113). Позднее Гумилев еще более высоко оценивал творчество Рериха. В заметке «По поводу "салона" Маковского» он писал: "Рерих – вот высшая степень современного русского искусства. Он глубоко национален, а не народен. Не принимая современную Россию за нечто самоценное, законченное, он обращается к тому времени, когда она еще создавалась, ищет влияний скандинавских, византийских и индийских, но всех преображенных в русской душе. Манера его письма могучая, здоровая, такая простая с виду и такая утонченная по существу, меняется в зависимости от изображаемых событий, но всегда раскрывает лепестки одной и той же души, мечтательной и страстной. Своим творчеством Рерих открыл непочатые области духа, которые суждено разрабатывать нашему поколенью" (Журнал театра Литературно-художественного общества. 1909. № 6. С. 17). К сожалению, оказались утраченными письма Гумилева к Рериху, о которых последний вспоминает в неопубликованном очерке "Давно", написанном 21 января 1946 г. (Собрание П.Ф. Беликова).

[5] Мария Клавдиевна *Тенишева* (1867–1928) – известная художница и меценатка, поощрявшая народное искусство и кустарные ремесла, устроительница выставки нового русского искусства. О ее художественных мастерских в имении Талашкино вышла книга со статьями Н.К. Рериха и С.К. Маковского: Талашкино. Изделия мастерских кн. М.Кл. Тенишевой. Пг.: изд. "Содружество", 1905. "Княгиня Тенишева, – как сообщает Гумилев, – выставила свои эмали и керамику и, кроме того, работы крестьянок Смоленской губернии, сделанные под ее наблюдением. Она и проповедуемое ею крестьянское искусство имеют большой успех в Париже, так что многие вещи уже проданы, некоторые даже французскому правительству" (Весы. 1907. № 11. С. 88). О выставке Тенишевой см. также статью М.В. Фармаковского – Одесский листок. 1907. 30 нояб.

[6] Nicolas *Deniker* (Гумилев написал его фамилию неправильно) – малоизвестный французский поэт, друг Г. Аполлинера, примыкавший к группе "Аббатство". Его отец – французский антрополог Жозеф Деникер, а мать – родная сестра Иннокентия Анненского. 2/15 октября 1906 г. Гумилев сообщал В.И. Анненскому (Кривичу): "Очень и очень благодарю Вас и Иннокентия Феодоровича за знакомство с Деникерами.

Я не писал Вам раньше потому, что я познакомился с m-er Nicolas в мое второе посещение, а именно вчера, когда я был приглашен завтракать Любовью Федоровной. Я был встречен очень сердечно (...) M-er Nicolas читал свои стихотворения, и мне они очень понравились: при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное отсутствие тех картонажных эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия. Я непременно переведу его стихи, если найду орган, где бы можно было печататься" (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1).

Рене Гиль писал о первом сборнике Деникера "Poèmes": "В коротеньких поэмах, собранных в его первой книге, еще слишком много случайного, чтобы можно было выяснить общие тенденции его поэзии. Направление его мысли еще не определилось, и ритмика еще не выработалась" (Весы. 1908, № 3. С. 117). О Н. Деникере см.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 106 и 144 (прим. 296).

[7] В Парижском Ботаническом саду не только выращиваются экзотические растения, но и содержатся по традиции редкие животные.

[8] В первом действии пьесы Г. Ибсена "Привидения" Фру Альвинг рассказывает пастору Мандерсу, что ее покойный муж, бездельник и пьяница, "день-деньской валялся на диване и читал старый адрес-календарь" (*Ибсен Г.* Собр. соч. М.: Искусство, 1957. Т. 3. С. 485).

[9] Одно из приложенных стихотворений ("Приближается к Каиру судно...") было отправлено Брюсову в п. 23. Неизвестно, был ли он знаком ранее с другим – "Как труп, бессилен небосклон..."

[10] См. п. 24, прим. 10.

[11] См. прим. 3. Из других выставок, по-видимому посещенных Гумилевым, следует назвать "Осенний Салон" (см.: *Фармаковский М.* Парижские выставки // Одесский листок. 1907. № 260. 13 нояб.).

[12] В "Раннем утре" заметок Гумилева о парижских выставках и театрах не появлялось.

[13] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 93–94.

28. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 13/⟩26.12.07

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за "Пути и перепутья", которые я получил сегодня. Особенно рад я был прочитать стихи из "Tertia Vigilia"[1], которую я давно и тщетно искал и в книжных магазинах, и у знакомых.

Но мне хотелось бы лучше ориентироваться в истории развитья Вашего творчества, и поэтому я решаюсь задать Вам нескромный вопрос, а именно, сколько Вам лет теперь. Тогда бы я вычислил, скольких лет написали Вы то или другое стихотворенье, и знал бы, на что смогу надеяться в будущем я. Может быть, это смешно, но я все утешаю себя в недостатках моих стихов, объясняя их моей молодостью.

Несмотря на мой сплин[2], я все-таки написал недавно два стихотворения и неуклонно посылаю их Вам.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА[3]

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси о недоступном, есть различные миры.
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры.

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
Тот навек погиб для счастья, для ласкающих лучей.
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь, ты замедлишь, и на миг прервется пенье,
Тотчас бешеные волки устремятся на тебя.
И запрыгают, завоют в кровожадном исступленье,
Белоснежными зубами кости крепкие дробя.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше!.. Здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ...
Но я вижу – ты смеешься... Эти взоры – два луча!
... На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ,
И погибни страшной смертью, черной смертью скрипача.

---

* * *

Нас было пять... Мы были капитаны[4],
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекие, загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарево, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманные ненастья,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные каменья,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

Н. Гумилев.

В письме поставлена дата 26.11.07. Но, во-первых, 30 ноября Гумилев извиняется за долгое молчание (см. п. 24), во-вторых, на конверте настоящего письма стоит штемпель московской почты 17–XII–1907, а в-третьих, 1-й том "Путей и перепутий", за который Гумилев благодарит Брюсова, выпущен издательством "Скорпион" в первых числах декабря 1907 г. (см.: Раннее утро. 1907. № 3, 20 нояб.). Таким образом, можно считать, что в дате Гумилева описка.

[1] Сб. "Tertia Vigilia" в дополненном виде вошел в состав первого тома "Путей и перепутий".

[2] К декабрю 1907 г. относится попытка самоубийства Гумилева (*Haight A.* Anna Akhmatova. P. 14). Об этом эпизоде, произошедшем в Булонском лесу, Гумилев рассказывал А.Н. Толстому (*Толстой А.Н.* Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. См. также: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 38).

[3] Стихотворение опубликовано: Весы. 1908. № 6.

[4] Стихотворение опубликовано в сборнике "Романтические цветы". В экземпляре парижского издания сборника, хранившегося в библиотеке Брюсова, им был подчеркнут 4-й стих, а на полях сделана заметка: "Кто? мы или океаны. Грамматически неточно". К 9-му стиху на полях помета: "Неясно, неясно" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 674).

29. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 19 декабря 1907 г./1 января 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за Ваше вниманье ко мне. Меня крайне обрадовало, что моя заметка о выставках принята Вами для "Весов"[1]. Ведь это моя первая напечатанная проза, потому что "Сириуса" считать нельзя[2].

Все это время я читал "Пути и перепутья", разбирал каждое стихотворение, – специальную мелодию и внутреннее построение, и, мне кажется, что найденные мною по Вашим стихам законы мелодии очень помогут мне в моих собственных попытках. Во всяком случае, я понял, как плохи мои прежние стихи и до какой степени Вы были снисходительны к их недостаткам.

Кончаю письмо, чтобы не отнимать у Вас дальше времени, но все-таки посылаю Вам два новых стихотворенья. Это обратилось у меня в привычку, и, быть может, Вы найдете удобным воспользоваться ими для какого-нибудь изданья.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны[3],
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдаленье казалась взъерошенным псом
И клокочущей черною медью кипели вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожиданья.

И в терновом венке, под которым сочилася кровь,
Вышла тонкая девушка в голубоватом сиянье
И серебряным плугом упорную взрезала новь...
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

RENVOI[4]

Еще ослепительны зори,
И перья багряны у птиц,
И много есть в девичьем взоре
Еще не прочтенных страниц.

И лилии строги и пышны,
Прохладно дыханье морей,
И звонкими веснами слышны
Вечерние отклики фей.

Но греза моя недовольна,
В ней голос тоски задрожал,
И сердцу мучительно больно
От яда невидимых жал.

У лучших заветных сокровищ,
Что предки сокрыли для нас,
Стоят легионы чудовищ
С грозящей веселостью глаз.

Здесь всюду и всюду пределы
Всему, кроме смерти одной,
Но каждое мертвое тело
Должно быть омыто слезой.

Искатель нездешних Америк,
Я отдал себя кораблю,
Чтоб, глядя на брошенный берег,
Шепнуть золотое "люблю".

Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 27, прим. 3.
[2] См. п. 12, прим. 5.
[3] Опубликовано в "Романтических цветах".
[4] Стихотворение "Renvoi" ("Возвращение" – *франц.*) опубликовано без заглавия: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 94–95.

30. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 20 дек⟨абря⟩ 1907 г.

Дорогой Николай Степанович!

Мне очень нравится Ваша "Волшебная скрипка". Свободна ли она? Я бы охотно ее взял для "Весов"[1].

В "Раннем Утре" я напечатал еще Вашего "Синдбада"[2] и хочу отдать туда "Улыбнулась и вздохнула"[3]. За все Ваше, напечатанное там, Вы имеете получить гонорар, хотя довольно скромный.

Посылаю Вам № "Утра" с Вашими стихами и другой – со статьей А. Белого обо мне[4].

В "Руне" еще Ваших стихов не было. Альманаха, куда бы Вам предложить Ваши "африканские" стихи, сейчас не предвидится[5]. "Образование" № 11 недавно говорило о Ваших стихах в "Весах" очень "похвально"[6].

Родился я 1 декабря 1873 г.[7]

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Приветствую Вас с 8 годом века.

В.Я. БРЮСОВ

Фотография А.С. Элиасберга. Москва. 1910-е годы
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Вот список Ваших стихов, находящихся у меня (остальные, увы, затерялись).

v Каракалле ⟨"Призрак какой-то неведомой силы..."⟩
v ⟨Маскарад.⟩ Баронессе О⟨рвиц⟩-З⟨анетти⟩
Загадка ⟨"Музы,-рыдать перестаньте..."⟩
vv Мне было грустно, ⟨думы обступили...⟩
Он воздвигнул ⟨свой храм на горе...⟩
Сегодня у берега нашего ⟨бросил...⟩
Неоромантическая сказка
Сады моей души ⟨всегда узорны...⟩
Любовникам ⟨"Печаль их душ родилась возле моря..."⟩
Неслышный мелкий п⟨адал⟩ дождь...
Видишь, мчатся обезьяны...
Чад ⟨"На таинственном озере Чад..."⟩
v Гиена ⟨"Над тростником медлительного Нила..."⟩
vv Улыбнулась и вздохнула...
В темных покрывалах ⟨летней ночи...⟩
v Следом за Синдбадом⟨-мореходом...⟩
vv От кормы ⟨, изукрашенной красным...⟩

vv В красном фраке ⟨с галунами...⟩
Приближается к Каиру ⟨судно⟩
Как труп, б⟨ессилен⟩ небосклон...
vv Волшебная скрипка
Нас было пять... ⟨Мы были капитаны...⟩

Отмеченные v – напечатаны; отмеченные vv – мне хотелось бы оставить в своем распоряжении: я отдам их в то или иное издание. – Кроме того, у меня Ваша драма и новелла[8]. О новелле окончательный ответ дам вскоре.

В.Б.

[1] См. п. 28, прим. 3.
[2] См. п. 22, прим. 5.
[3] См. п. 19, прим. 3.
[4] Статья А. Белого "Поэт мрамора и бронзы" напечатана в "Раннем утре" (1907, № 27, 19 дек.).
[5] Ответ на просьбу Гумилева, высказанную в п. 25.
[6] В "журнальном обозрении" рецензент П. Дмитриев писал: "В стихах г-на Гумилева "Маскарад" ("Весы", № 7) вовсе нет выдумки; и, однако, это стихотворение поражает вас, как всегда поразит падучая звезда: вы знаете, что метеор сам по себе – камень; но никогда не будете думать об этом камне, когда по безоблачному темному небу вспыхнет огненная полоска и на несколько мгновений засветится призрачным блеском" (Образование. 1907. № 11. С. 115–116).
[7] Ответ на вопрос Гумилева, заданный Брюсову в п. 28.
[8] Возможно, Брюсов сообщает о драме "Шут короля Батиньоля" и опубликованных в "Весах" (1908, № 4) новеллах "Радости земной любви".

31. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 25 декабря 1907 г./⟩ 7–I–⟨19⟩08 ⟨г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень благодарю Вас за напечатание Синдбада и за присылку "Раннего Утра"[1]. Статья А. Белого о "Путях и Перепутьях" интересна, и я с удовольствием бы подписался под ее второю частью, особенно под тем, что у Вас нет учеников[2]. Я люблю называть Вас своим учителем, и, действительно, всему, что у меня есть лучшего я научился у Вас, но мне нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от Вас могла почувствоваться читателями[3]. То же, я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппировавшихся вокруг Вас. Но мне всегда очень неловко писать Вам о Вас же, и потому я кончаю это щекотливое, хотя и приятное занятье. Буду писать о себе.

В этом письме я посылаю Вам рассказ, который, может быть, Вы взяли бы для "Раннего Утра"[4] или, если "новеллы" не приняты, для "Весов", хотя мне лично было бы приятнее увидать в "Весах" последние. Этот последний рассказ я переписывал четыре раза, всегда с крупными поправками. Так что относительно старательности я сделал все, что мог. Очень скоро я пошлю Вам еще один рассказ, уже специально для "Раннего Утра" без посягательств на "Весы"[5]. Он уже написан, но еще не отделан. Вообще все, что я Вам присылаю, поступает в Ваше полное распоряжение как редактора разных изданий, и я заранее благодарю Вас за все места для моих вещей, даже за пылающую печь. Сборник моих стихов (последних) уже печатается, выйдет через две, три недели[6]. Поэтому я буду очень благодарен, если в "Раннем Утре" появятся какие-нибудь мои стихи из имеющихся у Вас до его выхода[7].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 30.
[2] А. Белый писал: "Валерий Брюсов, поэт хаоса и бесформенности, закрыл свою проповедь железным щитом формы, и об этот щит бессильно разобьются модернистические волны поэтов, пока не придут к Брюсову его действительные ученики. Их еще нет, но они будут" (Раннее утро. 1907. № 27. 19 дек.; позднее статья включена в книгу: Арабески. М.: Мусагет, 1911).
[3] Русская критика довольно рано отметила брюсовское влияние на поэзию Гумилева. Об этом см. вступ. ст. к наст. публ.
[4] К письму приложен рассказ "Золотой рыцарь", который вместе с "Принцессой Зарой" под общим заглавием "Новеллы" опубликован: *РМ*. 1908. № 8, а также два стихотворения: "От кормы, изукрашенной красным..." (ранее послано в п. 23) и "Под землей есть тайная пещера..." (послано в п. 19).
[5] О судьбе рассказа см. п. 33.
[6] Речь идет о сб. "Романтические цветы".
[7] См. п. 32.

32. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 27 декабря 1907 г./⟩ 9–I–⟨19⟩08 ⟨г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень рад, что Вам понравилась "Волшебная Скрипка". И хотя она и должна была войти в мою книгу, но я беру ее оттуда и с большим удовольствием отдаю для "Весов"[1]. Что же касается двух стихотворений "От кормы..." и "Улыбнулась и вздохнула"[2], то было бы хорошо, если бы Вы смогли напечатать их вскоре, а то через три недели выйдет мой сборник с ними. Два остальные "Мне было грустно" и "В красном фраке" в сборнике не будут, и потому делайте с ними, что хотите[3].

Я очень рад, что мне идет гонорар, и даже хотел бы его получить, а также и за статейку в "Весах". Но пересылать стоит только, начиная с 20 р. (50 fr.).

Хорошо, что "Руно" забыло обо мне; таким образом Ваше желание о моем несотрудничестве там устроилось без хлопот. Вопрос об этом можно считать совсем исчерпанным, потому что стихи, бывшие в "Руне", войдут в мой сборник[4].

Если новеллы не пройдут в "Весы", может быть, Вы возьмете их для "Раннего Утра" или для чего-нибудь другого?

Не согласится ли магазин "Скорпион" взять на себя распространение моей книги в России, как он это делает для "Ор"[5]? Я бы дал *какой угодно* процент и на свой счет пересылал бы книги в Москву. Их всего 300 экз., для себя и Парижа я оставлю 50. Следовательно, остается 250 экз. В каждой 4 печатных листа (64 стр.), бумага vergé. Цена экз. 50 к. За пересылку в редакции для отзывов плачу я, но устраивает эту пересылку магазин. Если это можно устроить, это будет для меня почти спасением. Напишите мне об этом маленькую открытку, а то через две недели книга будет отпечатана.

Теперь я много работаю над прозой. Скоро должен прислать Вам рассказ и буду рад, если его можно будет напечатать. Правду сказать, скоро я буду нуждаться в гонораре[6].

Поздравляю Вас с прошедшим новым годом. Увы, я совсем было забыл об этом важном событии.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 28, прим. 3, а также п. 30.

[2] См. п. 30.

[3] См. п. 6, прим. 9 и п. 23, прим. 4.

[4] В письме 21 Гумилев сообщает, что в "Золотое руно" в начале сентября 1907 г. было отправлено три стихотворения. Если указание настоящего письма верно, т.е. все они включены в парижские "Романтические цветы", то легко установить их названия. В первое издание сборника вошло 32 стихотворения. 12 из них, как видно из примечаний, были до выхода книги опубликованы в разных периодических изданиях, 16 стихотворений были посланы Брюсову для возможной передачи в "Столичное утро", "Весы", "Раннее утро" и другие редакции, а из четырех оставшихся – стихотворение "Одиноко незрячее солнце...", посланное в п. 29, написано было значительно позднее момента отсылки Гумилевым своих стихов в "Золотое руно". Таким образом, получается, что три стихотворения, о которых шла речь, это: 1) "На руке моей перчатка...", 2) "Мне снилось, мы умерли оба...", 3) "Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже".

[5] См. п. 14, прим. 8.

[6] Возможно, Гумилев имел в виду расходы, связанные с печатанием "Романтических цветов" (см. п. 37).

33. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 9/22 января 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я написал Вам две недели тому назад, и с тех пор, конечно, накопилось много новых стихов. Но так как за последнее время новые мои взгляды на искусство стихосложения, вызванные отчасти "Путями и Перепутьями", частью перечитыванием Пушкина, еще не сумели найти себе места в моих стихах, хотя поколебали и уничтожили многое, то я посылаю Вам только некоторые. Строение последней фразы доказывает, что я перечитывал и Карамзина.

Со стихами моими делайте, по обыкновению, все, что хотите. Через пять дней отсылаю Вам мою книгу. Обещанный рассказ для "Раннего Утра" я бросил в печь[1]. Вы, наверное, уже слышали о внезапной смерти Ив.Ив. Щукина[2].

Я подумываю о скорой поездке в Италию[3].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ОСНОВАТЕЛИ[4]

Ромул и Рем взошли на гору,
Лес перед ними был глух и нем,
Ромул сказал: "Здесь будет город!"
"Здесь будут стены", – ответил Рем.

Ромул сказал: "Волей созвездий
Мы обрели наш прежний почет!"
Рем отвечал: "Что было прежде,
Надо забыть, взглянем вперед!"

"Здесь будет цирк, – промолвил Ромул, –
Здесь будет дом наш, открытый всем..."
"Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы", – ответил Рем.

* * *

Манлий сброшен. Право Рима[5],
Власть все та же, что была,
И как прежде, недвижима
Нерушимая скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Чтоб простить его, пришлось бы
Слушать просьбы многих губ...
И народ в ответ на просьбы
Получил холодный труп.

Манлий сброшен! Почему же
Шум на улицах растет?
Как жена, утратив мужа,
Мести требует народ.

Семь холмов, как звери, хмуры,
И смущенные стоим
Мы, сенаторы, авгуры,
Чьи отцы воздвигли Рим.

Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мертв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой!

* * *

Моя душа осаждена[6]
Безумно странными грехами,
Она – как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры все суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность бурной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

[1] См. п. 31.

[2] См. п. 10, прим. 9. Щукин покончил с собой 4/17 января 1908 г., т.к. купленные им картины старых испанских мастеров оказались фальшивыми, что потрясло его морально и привело к разорению (см.: *Белов Е.* Самоубийство И.И. Щукина // Рус. слово. 1908. № 6. 8 янв.).

[3] Поездка в Италию в 1908 г. не состоялась.

[4] Впервые опубликовано с некоторыми разночтениями в сборнике "Жемчуга" (М.: Скорпион, 1910).

[5] Впервые опубликовано в третьем издании "Романтических цветов" (Пг.: Прометей, 1918) в сильно сокращенном и переделанном виде. Марк *Манлий Капитолийский* – полководец и римский консул 392 г. до н.э. Согласно Ливию, он задумал ограничить аграрные права патрициев, однако потерпел неудачу и был казнен в 384 г. до н.э.

[6] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 95.

34. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 13/26 января 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам мою книгу в двух экземплярах, один для Вас лично, а другой, как полагается, для отзыва[1]. Она придет немного позже, потому что послана заказным.

К несчастью, последнее время я хворал и не мог лично присмотреть за печатанием и брошюровкой, и потому книга вышла в виде брошюры, несмотря на то, что она только на один лист меньше "Пути Конквистадоров".

Я не доволен этой новой книгой, но очень доволен, что издал ее. Теперь я свободен от власти старых приемов и тем, и мне много легче будет пойти вперед. Я не знаю, будете ли Вы говорить об этой книге в "Весах" и, конечно, не могу просить об этом, но если Вы решите сделать это, то, может быть, не откажете, хотя бы одной фразой отметить, какую из сторон моего творчества я должен культивировать[2]. А то до сих пор большинство моих критиков, почти всех благосклонных, только указывало на мои недостатки, так что если я захочу послушаться всех сразу, мне придется вовсе бросить писать стихи. Если бы я знал, что "Раннее Утро" помещает рецензии, я послал бы туда мою книгу для отзыва. Я пишу кое-что, но все неудачно, не могу попасть в верный тон с моими новыми мыслями об искусстве. Жду какого-нибудь внешнего толчка и мечтаю, что им будет Ваш отзыв о моей книге, хотя бы в частном письме.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Рецензия Брюсова на "Романтические цветы" появилась в мартовском номере "Весов" за 1908 г., а позднее вошла в сборник критических статей "Далекие и близкие" (М.: Скорпион, 1912).

[2] Отмечая работу автора над техникой стиха, Брюсов писал: «Лучше удается Н. Гумилеву лирика "объективная", где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху. В стихах же, где надо передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто не достает силы непосредственного внушения» (Весы. 1908. № 3. С. 77–78).

35. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

⟨Москва.⟩
20 янв⟨аря/⟩2 февр⟨аля⟩ 1908 г.

Дорогой Николай Степанович!

Простите, что давно не писал Вам. Умер мой отец, – с которым Вы встречались в Париже[1]. Это надолго расстроило все мои занятия.

Благодарю Вас за книгу. Издание очень мило, особенно на лучшей бумаге. Жаль, что Вы не сделали всех экземпляров "лучшими". Напрасно также Вы были слишком строги к своим стихам. "Маскарад" (ба⟨роне⟩сса О⟨рвиц⟩-З⟨анетти⟩), "Сегодня у берега", "Неоромантическая сказка"[2] и др. имели бы право занять свое место в книге. Общее впечатление, какое произвела на меня Ваша книга, – положительное. После "Пути" Вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания. В "Весах" о Вашей книге буду писать непременно я[3]. Лучшими пьесами в "Цветах" кажутся мне: "Юный маг", "Над тростником", "Что ты видишь", "Там, где похоронен" (добавления очень удачны), "Мой старый друг", "Каракалла", "Помпей", "Улыбнулась и вздохнула", "Царица, иль может быть", "Сады моей души", "Озеро Чад" (кое-что в I, все II, конец III), "Сада Якко" (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотворениях "Измена", "Под землей", "Я долго шел", "Следом за...", "Приближается к Каиру", "На руке моей перчатка". Если бы Вы прислали мне еще один экземпляр, я бы вернул его Вам с подробными означениями, что́ мне кажется удачным, что́ нет[4].

"Раннее утро" для нас закрылось, ибо в нем изменилась редакция[5]. Ваш гонорар, надеюсь, все же доставят Вам. Можно ли дать Ваши стихи в "Русский артист"?[6]

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. "Радости земной любви" могут быть напечатаны в "Весах", в одном из весенних №№[7].

[1] Яков Кузьмич Брюсов скончался 7 января 1908 г. За год до смерти он посетил Париж (см. п. 11).

[2] Причины, по которым "Маскарад" и "Неоромантическая сказка" не вошли в "Романтические цветы", изложены Гумилевым в п. 37. Позднее они были включены в третье издание "Романтических цветов". С высокой оценкой стихотворения "Сегодня у берега нашего бросил..." (см. п. 8) Гумилев, видимо, не согласился, т.к. оно не входило и в последующие издания сборника.

[3] См. п. 34, прим. 1.

[4] Просьбу Брюсова Гумилев выполнил (см. п. 37). О некоторых замечаниях Брюсова см.: п. 13, прим. 4; п. 15, прим. 5; п. 18, прим. 5; п. 21, прим. 7; п. 28, прим. 4. Кстати, добавим, что в стихотворении Гумилева "Перчатка" ("На руке моей перчатка..."), упомянутом в настоящем письме, Брюсов отчеркнул в присланном сборнике стихи:

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня – моя перчатка...

и пометил на полях: "Слишком" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 674).

[5] В 1908 г. вместо Н.Л. Казецкого редактором-издателем "Раннего утра" стал Н.П. Прединский.

[6] В "Русском артисте" стихов Гумилева не появлялось.

[7] См. п. 30, прим. 8.

36. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 24 января / 6 февраля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам одно из моих новых стихотворений, чтобы Вы могли судить, кончился ли срок моего искуса, о котором я Вам писал[1]; сам я не имею никакого мнения на этот счет, так как два единственные мои слушателя уехали из Парижа[2] и остались только французы и русские, не интересующиеся стихами. А я не способен без посторонней помощи судить мои стихи. Но об этом и вообще о моих сомненьях в области творчества я поговорю подробнее в следующем письме, а теперь мне хотелось бы поднять неприятный разговор, а именно, что я был бы не прочь получить мой гонорар с "Раннего Утра"[3] даже таков, как он есть (рублей 12, я думаю). Если также Вы не думаете взять мою прозу[4], я бы предложил ее в другое место (куда, сам не знаю); мне достаточно только знать, что отвергнуто Вами, так как у меня целы все черновики. Поверьте, что это не жажда славы, которая побуждает меня печататься, а другие более низменные причины, о которых не трудно догадаться. Стыдно в таком письме говорить о чем-нибудь более интересном, и я его кончаю.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

КАМЕНЬ[5]

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень,
Не думай, то не светляки.

Давно угрюмые друиды[6],
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот, лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы смог увидеть
Его ночной и тайный путь,
... И берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижим, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Увидя блеск его щелей,
Услыша шум его паденья
И жалкий хруст твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он покинет дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

Н. Гумилев.

[1] Возможно, Гумилев имеет в виду ожидание "внешнего толчка", стимулирующего его поэтическое вдохновение (см. п. 34 и 37).

[2] Неизвестно, кого Гумилев подразумевает под единственными слушателями. Возможно, одним их них был Андрей Андреевич Горенко.

[3] Гумилев должен был получить гонорар за три стихотворения, опубликованные в "Раннем утре" (см. п. 18, прим. 5; п. 19, прим. 3; п. 22, прим. 5).

[4] Речь идет о рассказе "Золотой рыцарь" (см. п. 31, прим. 4.) и новеллах "Радости земной любви" (см. п. 24).

[5] Впервые опубликовано в журнале "Весна" (1908, № 7) с подзаголовком "Бретонская легенда" и разночтениями сравнительно с публикуемым текстом. "Камень" включен в "Жемчуга" с посвящением матери поэта А.И. Гумилевой.

[6] Друиды – жрецы у древних кельтов.

37. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 25 января / 7 февраля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

сейчас я получил Ваше письмо, и, если бы не первое печальное известие[1], оно привело бы меня в восторг. Вам понравились "Цветы"[2]. Вы будете писать о них в "Весах" и пришлете книгу с Вашими указаньями. Кроме того, новеллы пойдут в "Весах". При таком Вашем внимании ко мне и я начинаю верить, что из меня может выйти поэт, которого Вы не постыдитесь назвать своим учеником. Тем более, что насмотревшись картин Gustave'a Moreau[3] и начитавшись парнасцев и оккультистов (увы, очень слабых), я составил себе забавную теорию поэзии, нечто вроде Mallarmé[4], только не идеалистическую, а романтическую, и надеюсь, что она не позволит мне остановиться в развитьи. Вы и Ваше творчество играют большую роль в этой теории. Вы жалеете, что не все йздание "Цветов" напечатано на бумаге ingres[5], но ведь ее даже не держат в типографиях, и я отыскал ее специально в художественном магазине. Впрочем, если кто-нибудь из Ваших знакомых пожелал бы иметь эту книгу, напишите мне одно слово, и я тотчас же пришлю Вам пять, шесть экземпляров на этой бумаге.

"Неоромантическая Сказка" осталась за флагом потому, что я издавал книгу на свой счет и экономил место[6], а "Маскарад" – из-за своего посвящения, которое несогласно с общим[7].

Теперь я опять начал писать и, кажется, увереннее и сильнее, чем в период, представленный "Цветами". Примеры: вчерашний "Камень" и два сегодняшие. И я очень и очень интересуюсь узнать Ваше мнение по этому поводу. Жаль только, что конквистадоры моей души, по-видимому, заблудились и вместо великолепных стран и богатых городов попали в какие-то каменноугольные шахты, где приходится думать уже не о победе, а о спасенье. Это делает мои последние вещи однообразными и почти антихудожественными. Жду девятого вала переживаний.

Сегодня я послал Вам книгу для Ваших замечаний. Стихи мои, которые я посылал, посылаю и буду посылать Вам, всецело отдаются в Ваше распоряжение (всегда свободны), и я буду Вам всегда очень благодарен за напечатанье их, где бы Вы ни пожелали.

Нельзя ли хоть купить № 11 "Весов", который не был доставлен почтой (я писал об этом г. Ликиардопуло), а то мне крайне важно знать, как отнеслась Рената к раненому Рупрехту[8].

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

БОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ[9]

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я, согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное: довольно.

Светила смотрят все мрачней,
Но час тоски моей недолог,

Я уйду, убегу от тоски,
Я назад ни за что не взгляну,
Но руками сжимая виски,
Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сада[10]
Между ласково-серых равнин,
И отныне везде и всегда
Буду я так отрадно один.

Гибких трав вечереющий шелк
И второе мое бытие.

И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой,
Необозримые равнины,
И на равнинах никого.

* * *

Да, сюда не прокрадется волк,
ТАМ вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав,
Под уютный задумчивый куст.
И не двинется призрачность трав,
Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года,
Но и здесь я печаль сохраню,
И я буду бояться всегда
Возвращенья к жестокому дню.

Н. Гумилев.

[1] Гумилев имеет в виду сообщение о смерти Я.К. Брюсова.

[2] Подразумевается сб. "Романтические цветы".

[3] Гюстав *Моро* (1826–1898) – французский живописец-символист.

[4] В заметке о Малларме Брюсов писал: «Малларме порвал с традициями "Парнаса" и создал свою теорию искусства. В поэзии он отказался от описания и повествования и сознательно поставил на первое место – символ. Стремясь дать читателю "радость угадывания", Малларме стал почти исключительно пользоваться сравнениями, аналогиями и намеками. В речи он старался отбрасывать все несущественное: второстепенные мысли, второстепенные слова, не считаясь с правилами обычного синтаксиса. Благодаря этому, последние произведения Малларме крайне трудны для понимания» (*ПСС*. XXI. С. 258).

[5] Часть тиража "Романтических цветов" была напечатана на особой красной бумаге.

[6] "Неоромантическая сказка" – сравнительно большое стихотворение (23 строфы) (см. п. 9).

[7] "Маскарад" при публикации в "Весах" посвящен "баронессе де Орвиц-Занетти" (которой, по сведениям П.Н. Лукницкого, ненадолго увлекся Гумилев), а весь сборник – Анне Андреевне Горенко. После существенной переработки стихотворение вошло в третье издание "Романтических цветов" (без посвящения). Никаких дополнительных данных об Орвиц-Заметти публикатору найти не удалось.

[8] Рената и Рупрехт – главные герои романа Брюсова "Огненный ангел", публиковавшегося в "Весах".

[9] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 96–97.

[10] Отдавая стихотворение в газету "Речь", Гумилев озаглавил его "После смерти" (*ЦГАЛИ*. Ф. 1666. Оп. 1. Ед.хр. 2950. Л. 2), внес изменения в 1 и 5 строфы, а также переделал вторую строфу:

И пойду в голубые сады
Между ласковых серых равнин,
Чтобы рвать золотые плоды,
Потаенные сказки глубин.

В газете стихотворение не появилось. Впервые опубл.: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 97.

38. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 10 / 23 февраля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

Я давно не писал Вам и теперь хочу искупить этот проступок, посылая Вам несколько новых стихотворений, из которых первое кажется мне не очень плохим, хотя в нем, пожалуй, я воспользовался Вашей темой[1]. Второе обращение к себе самому; в нем я высказываю кое-что пришедшее мне в голову относительно конструкции стиха. Так что взгляните на него скорее как на рассуждение, чем как на стихотворение. Третье – я считаю пустяком, но его захвалили и, может быть, оно понравится и Вам. Недавно случайно в № "Образования" я нашел Вашу "Жизнь"[2], и она мне понравилась больше каждого стихотворения "Венка". Теперь уже, когда у меня спрашивают, какая Ваша книга наиболее вырисовывает Ваше творчество, я принужден отвечать, что все уже более или менее устарели и что Вы уже обогнали их на очень-очень многое. Никогда бы я не стал Вам писать всего этого, если бы у меня не было корыстной цели: побудить Вас издать новый сборник Ваших последних стихов.

В самом деле, мы (т.е. русские читатели) получаем Блока и Городецкого по нескольку книг в год, а Вас – раз в три и даже больше. Но я, конечно, не говорю здесь о распространении книг для поддержания или увеличения Вашей славы, надеюсь Вы меня не заподозрите в этом, нет, но просто для современного читателя важно быть au courant* Вашего творчества. Тогда бы и русская литература очистилась от мелких гениев, которых приходится хвалить за неимением лучшего, и Георгий Чулков бросил бы перо к великой радости г. Андрея Белого[3], и Городецкий подумал бы, что теперь писать левой ногой стало как-то неловко[4]. И я бы поучился.

Все это я пишу Вам как читатель и с его точки зренья мечтаю о Вашей книге, но как *писатель* должен сознаться, что Вы своей строгостью к себе лучше, чем словами, учите нас тактичному обращенью с литературой. Но мне кажется, что эта Ваша последняя задача уже выполнена: кто хотел, понял, а горбатого исправит могила. Простите мою многоречивость.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

АНДРОГИН[5]

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное бог-существо,
Мы знаем, ты здесь, ты готов появиться,
Мы верим, мы верим в твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самою,
Ты тело даешь для великого бога,
А я ему душу мою отдаю.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими
Должны мы исполнить священный завет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

---

* в курсе (*франц.*)

Уж воздух, как роза, и мы, как виденья,
То видит отчизну свою пилигрим...
И верь: не коснется до нас наслажденье
Бичем оскорбительно-жгучим своим.

ПОЭТУ[6]

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился плуг,
Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги,
Твой стих не должен ни порхать, ни биться,
Хотя у музы легкие шаги,
Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
Соблазн уклонов, легкий и свободный,
Оставь, оставь накрашенным шутам,
Танцующим на площади народной.

И выйдя на священные тропы,
Певучести пошли свои проклятья,
Пойми, она любовница толпы,
Как милостыни, ждет она объятья.

---

* * *

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в легком звоне,
Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьяняли зовы сладострастья,
И спешили поздние зарницы,
Но не даром звякнули запястья
На руках бледнеющей царицы.

И не даром взоры заблистали,
Раб делил с ней счастье этой ночи,
Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

Н. Гумилев.

[1] Конечно, речь идет не о прямом заимствовании темы стихотворения "Андрогин", а о том, что Брюсов охотно использовал в своих произведениях мифологические сюжеты.

[2] Стихотворение "Жизнь", вошедшее позднее в сб. "Все напевы", опубликовано: Обозрение. 1907, № 4.

[3] А. Белый систематически выступал на страницах "Весов" против Г. Чулкова, причем в очень резкой форме. Так, в рецензии на альманах "Цветник Ор" он писал: "Грязен и непричесан, как всегда, в стихах г. Чулков" (Весы. 1907. № 6. С. 68); в следующем номере журнала, критикуя альманах "Проталина", утверждал: "... на этом бледном фоне грязной кляксой усаживается Чулков (ну, прямо из юрты!)" (№ 7, с. 74).

[4] Сергей Митрофанович *Городецкий* (1884–1967) – поэт и литературный критик, примыкавший в те годы к символистской школе. Брюсов похвалил первую книгу Городецкого "Ярь" (Весы. 1907. № 2), однако его второй сборник "Перун", вышедший в том же году, он оценил гораздо ниже: «В области форм, во власти над своим стихом, С. Городецкий, сравнительно со своей первой книгой, не сделал никаких успехов, а скорее даже пошел назад. В "Яри" он иногда достигал большой силы простотой и безыскусственностью стиха. В "Перуне" их заменила небрежность и грубость. Вместо того, чтобы работать над художественной

"ВЕСЫ", 1906, № 5

Дьяволы потешаются надо мной.
Рисунок Дж. Энсора. 1895

формой, г-н Городецкий, по-видимому, думает завоевать ее наскоком, но только разбивает себе лоб» (Там же. № 10. С. 52).

[5] Опубликовано: Альманах 17. СПб.: Рус. скоропечатня, 1909. Андрогины – мифические перволюди, соединяющие в себе мужские и женские признаки. Согласно мифу, воспроизведенному в диалоге Платона "Пир", Зевс наказал андрогинов за гордость, разделив их на две половинки, которые с тех пор ищут друг друга, чтобы воссоединиться.

[6] Два последних стихотворения, приложенных к письму, впервые опубликованы: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 98–99.

39. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 23 февраля /⟩ 7 марта ⟨19⟩08 ⟨г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я так долго не писал Вам по двум причинам: во-первых, надеялся, что Вы напишете мне вскоре, а во-вторых, думал, что мне удастся написать несколько стихотворений, чтобы по обыкновенью послать Вам. Ни то, ни другое не оправдалось. Стихотворенье я написал, но очень слабое и, если бы не привычка и не новая для меня форма, ни за что бы не послал его Вам. На днях я получил № 1 "Весов" и пришел в восторг, узнав, что "все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов"[1]. Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом. Теперь же в цепи Ваших стихов она кажется вполне обоснованной истиной, и я удивляюсь ее глубине, как удивился бы угольщик своему собственному сыну, воспитанному в королевском дворце. Видите, я даже впал в семинарский стиль. Из всего цикла мне больше всего понравился "Лунный Дьявол". Неправда ли, рога – это лучи, а агатовые взоры – это пятна на луне?[2] Удивительное сочетание четкости с тонкостью.

Почему-то предположив, что мой "Камень" Вам не понравится, я послал его в "Образованье". Если же я ошибся и Вы думаете взять его, напишите, я пошлю в "Об⟨разованье⟩" извиненья[3].

Когда Вы вздумаете писать мне, скажите хоть несколько слов о моем "Андрогине" ("Тебе никогда не устанем молиться") и что Вы думаете с ним делать? "Он" меня очень

интересует. Сейчас я пишу философско-поэтический диалог под названьем "Дочери Каина"[4], смесь Платона с Флобером, и он угрожает затянуться. Когда кончу, непременно пошлю Вам. Не так давно я познакомился с новым поэтом, мистиком и народником Алексеем Н. Толстым (он посылал Вам свои стихи)[5]. Кажется, это типичный "петербургский" поэт, из тех, которыми столько занимается Андрей Белый[6]. По собственному признанию, он пишет стихи всего один год[7], а уже считает себя maître'ом. С высоты своего величья он сообщил несколько своих взглядов и кучу стихов. Из трех наших встреч я вынес только чувство стыда перед Андреем Белым, которого я иногда упрекал (мысленно) в несдержанности его критик. Теперь я понял, что нет таких насмешек, которых нельзя было бы применить к рыцарям "Патентованной калоши"[8].

Сегодня собираюсь пойти к Ренэ Гилю; у него прием.

Может быть, Вам не будет трудно в начале второй из моих новелл перечеркнуть слово "Симла" и поставить вместо него "Мартишор"[9]. Первого зверя я выдумал сам, о втором упоминает Аристотель[10].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

НА ПИРУ[11]

Влюбленный принц Диего задремал
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И растегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
А на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно,
Ему с его невестой суждено.
Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество,
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.

Н. Г у м и л е в.

[1] Цитируется стихотворение Брюсова "Поэту" из цикла "Обреченный" (Весы. 1908. № 1).

[2] "Лунный Дьявол" так же опубликован в цикле "Обреченный". Гумилев говорит о начале стихотворения:

Лунный дьявол бледно-матовые
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега...

[3] См. п. 36, прим. 5.

[4] Рассказ "Дочери Каина" напечатан в журнале "Весна" (1908, № 3, авг.), а затем включен в сборник рассказов "Тень от пальмы". Возможно, что первоначально замышлялось совершенно иное произведение, так как рассказ не соответствует характеристике Гумилева: "философско-поэтический диалог... смесь Платона с Флобером", хотя в нем и заметно влияние повести Г. Флобера "Легенда о святом Юлиане Милостивом", неоднократно публиковавшейся на русском языке в переводе И.С. Тургенева.

[5] Алексей Николаевич *Толстой* (1882–1945) начинал свою литературную деятельность как поэт. 12 марта 1908 г. А. Толстой писал К.И. Чуковскому из Парижа: «... я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на нового поэта Гумилева. Пишет он только в "Весах", потому что живет всегда в Париже; очень много работает, и ему важна в начале правильная критика» (*ГБЛ*. Ф. 620. 63.45. Л. 8, 8об.). О своих встречах с Гумилевым он вспоминал: "Мы сидели за столиком кафе, под каштанами, летом 908 года ⟨...⟩ В этом кафе под каштанами мы познакомились и часто сходились и разговаривали – о стихах, о будущей нашей

славе, о путешествиях в тропические страны, об обезьянках, о розысках остатков Атлантиды на островах близ южного полюса, о том, как было бы хорошо достать парусный корабль и плавать на нем под черным флагом" (Нисхождение и преображение. С. 7; перепечатано в сб.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 39).

[6] Андрей Белый неоднократно выступал против петербургских поэтов; например, в рецензии на альманах "Цветник Ор" он возмущался, что "с соизволения почтенного, но как-то растерявшегося В. Иванова, сверх-индивидуалисты чулкистскими молоточками откалывают камушки от трудносдвигаемых твердынь Ницше, Ибсена, толкут в ступке и этой пылью опрыскивают фланеров Невского проспекта" (Весы. 1907. № 6. С. 66).

[7] Это утверждение не совсем точно. Уже в 1905 г. А. Толстой напечатал в провинциальных газетах ряд стихотворений, но первый сборник стихов "Лирика" вышел в 1907 г. (СПб., изд. автора).

[8] Статья А. Белого, направленная против петербургских модернистов, называлась "Штемпелеванная калоша" (Весы. 1907. № 5).

[9] В сборнике "Тень от пальмы" и в "Весах" в новелле второй – "Радости земной любви" – сохранено первоначальное название чудовищного зверя, "который живет во владениях Великого Могола, ежедневно пожирая тысячи людей", – Симла.

[10] Мартихор (по-персидски "Людоед") – чудовищный зверь, похожий на быка и тигра с иглами на хвосте; Аристотель упоминает о нем со ссылкой на описание Индии, сделанное Ктесием, историком, знаменитым своими выдумками (*Аристотель.* История животных. 501 а 26). В письме зверь назван Мартишором.

[11] Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 99–100.

40. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 12/25 марта 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я чувствую мою вину. Открылась выставка Indépendants[1], и я ничего не пишу о ней в "Весы"[2]. Это происходит не от лени и не из-за моих других работ (их у меня действительно много), но исключительно из-за самой выставки. Слишком много в ней пошлости и уродства, по крайней мере для меня, учившегося эстетике в музеях. Может быть, это тот хаос, из которого родится звезда, но для меня новые течения живописи в их настоящей форме совершенно непонятны и не симпатичны. А писать о том немногом, что меня заинтересовало, не имело бы смысла. Впрочем, скоро открывается Весенний Салон, и я надеюсь, что с ним я буду счастливее[3]. Также я попросил бы Вас дать мне для разбора какую-нибудь книгу русских стихов. Моим мыслям о поэтическом творчестве пока было бы удобнее всего вылиться в рецензии[4].

Мне очень интересно, сколько моих стихов Вы думаете напечатать в этом году. Если три, то я позволю себе обратить Ваше внимание на "Скрипку" (уже взятую Вами), "Андрогина" и сегодняшнее – "Одержимый"[5]. Они мне нравятся больше всего, мною написанного[6], но, конечно, Ваш выбор может переменить мое мнение [7], составленное совершенно одиноко.

Не надо ли прислать их переписанными заново? Февральского номера "Весов" я еще не получил и жду его с нетерпеньем.

Всегда преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] "Société des Artistes Indépendants" ("Общество независимых художников") основано в 1884 г. в Париже. Его ежегодные выставки привлекли внимание любителей постимпрессионистской живописи.

[2] Позднее Гумилев прислал статью об этой выставке (см. п. 45, прим. 1 и 3).

[3] Весенний салон – ежегодные с 1881 г. выставки Общества французских художников – Société Nationale des Beaux Arts, в которых участвуют представители традиционных направлений в живописи. Свои впечатления от этой выставки Гумилев изложил в заметке, присланной для "Весов" (см. п. 43).

[4] Брюсов не откликнулся на эту просьбу. Первая рецензия Гумилева на сборник стихов М. Кузмина "Сети" появилась в газете "Речь" (1908, № 121, 22 мая).

[5] В приложении к настоящему письму "Одержимый" отсутствует. Возможно, Брюсов передал рукопись стихотворения в "Весы", где оно было опубликовано в подборке из трех стихотворений (1908, № 6).

[6] И в дальнейшем автор высоко оценивал "Одержимого" ("Луна плывет, как круглый щит давно убитого героя..."). В начале 1913 г. Гумилев по пути в Африку писал А.А. Ахматовой из Одессы: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо, по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что "от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца", но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады» (The Slavonie and East European review. Vol. L. № 118. P. 102).

[7] Брюсов заменил в подборке Гумилева стихотворение "Андрогин" на "Рыцарь с цепью".

41. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 24 марта / 6 апреля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спешу Вас известить, что мое поползновенье печататься, по обыкновению, не увенчалось успехом, и Арцыбашев[1] объявил, что стихи мои не подходят "по характеру". Впрочем, из интересных я посылал ему только "Камень". Но теперь свободен и он.

Я посылаю Вам несколько новых вещей, чтобы у Вас был больше выбор. Не могу Вам не признаться в недавней мальчишеской шутке. Я познакомился с одной барышней m-lle Богдановой[2], которая бывает у Бальмонтов и у Мережковских, и однажды в Café d'Harcourt она придумала отнести мое стихотворение "Андрогин" для отзыва З.Н. Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью "очень хорошо", и даже Мережковский отнесся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но, конечно, ей не удастся это сделать. Так что, если "Андрогин" не будет в "Весах"[3], для Зинаиды Николаевны останется загадкой "застенчивый" талант-метеор (эпитет Образования)[4].

Теперь я хочу попросить у Вас совета как у maître'a, в руках которого находится развитье моего таланта. Обстоятельства хотят моего окончательного переезда в Россию (в Петербург)[5], но не повредит ли мне это как поэту. Тогда их можно устранить. Сообщите мне Ваше мнение, и оно будет играть роль в моем решеньи. Конечно, я напомню Вам джеромовского юношу, который вечно жил советами[6], но Ваше влияние на меня было до сих пор так благотворно, что я действую по опыту. Мне совестно писать Вам об этом, но я надеюсь получить от Вас ответ сравнительно скоро, так как через три недели я опять начну кочевой образ жизни и долго не буду иметь определенного адреса. Скоро, наверное, в Москву приедет поэт гр. Толстой[7], о котором я Вам писал. За последнее время мы с ним сошлись, несмотря на разницу наших взглядов, и его последние стихи мне очень нравятся. Очень интересно, что скажете о нем Вы[8].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Несколько слов об Анне Комнене[9], о которой я написал стихотворение. Историки любят выставлять ее идеальной, но многие факты заставляют меня подозревать противное. Вспомните крестоносца Боемонта[10], помилованного разбойника[11] etc. Думаю, я не исказил истины.

Н.Г.

АННА КОМНЕНА[12]

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит беззаботный полет кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно-красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов,
Он отдал сраженья за стол наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли,
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны
Дрожа увлекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользающий взгляд,
А утром спокойный, красивый и стройный,
Он выпьет коварно предложенный яд.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальной, дрожа в своей спальне,
В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки томительной скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

[1] Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878–1927) – популярный в свое время беллетрист. Гумилев посылал свои произведения в журнал "Образование" (см. п. 39), к редакции которого Арцыбашев был весьма близок в те годы.

[2] Никаких сведений о Богдановой получить не удалось.

[3] Стихотворение "Андрогин", приложенное к п. 38, в "Весах" опубликовано не было.

[4] См. п. 30, прим. 6.

[5] Возвращение Гумилева в Россию было ускорено, скорее всего, болезнью его отца, а также скептическим отношением последнего к образованию, полученному за границей. О.Л. Делла-Вос-Кардовская в неопубликованных воспоминаниях рассказывает: "Отца Николая Степановича мы не знали. В течение многих лет он болел какой-то хронической болезнью и был прикован к постели. ⟨...⟩ Судьба сына, видимо, крайне волновала родителей, так как между ними на этот счет очень часто происходили длительные споры. Отец хотел, чтобы сын прежде всего закончил университет и затем избрал себе какую-либо научную деятельность. Литературное поприще казалось ему недостаточно серьезным и малообеспеченным. Ему не нравилось также, что сын, не получив необходимого русского образования, уехал учиться в Сорбонну и хочет стать поэтом" (собрание Л.В. Горнунга).

[6] Возможно, что Гумилев имел в виду Попльтона, героя рассказа Д. Джерома "Человек, который заботится обо всех", или же одного из персонажей рассказа "О вреде чужих советов".

[7] А.Н. Толстой вернулся в Россию в октябре 1908 г. (см.: Радянське літературознавство. 1974. № 7). С.И. Дымшиц-Толстая вспоминает: "Поздней осенью мы вернулись из нашей первой парижской поездки домой, в Петербург, на Таврическую улицу, 25" (Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1973. С. 68.).

[8] По поводу второго сборника стихов А.Н. Толстого "За синими реками" (М.: Гриф, 1911) Брюсов писал: «Умело пользуясь выражениями и оборотами народного языка, присказками, прибаутками, гр. Толстой выработал склад речи и стиха совершенно свой, удачно разрешающий задачу – дать не подделку народной песни, но ее пересоздание в условиях нашей "искусственной" поэзии. ⟨...⟩ Некоторую расплывчатость изложения и некоторую склонность к дешевым эффектам можно отнести за счет неопытности дебютанта...» (VI, 366). Зимой 1908 г. на заседании "Общества свободной эстетики" Толстой прочитал пять стихотворений, заслуживших одобрение Брюсова (см. об этом подробнее: наст. кн., Переписка с Волошиным п. 76, прим. 2).

[9] Анна *Комнина* (1083–1148) – дочь византийского императора Алексея I. Считалась одной из образованнейших женщин своего времени. Выйдя замуж за Никифора Вриенния, византийского полководца и писателя, старалась с его помощью отнять престол у своего брата Иоанна II. Однако заговор не увенчался успехом, и Анна Комнина удалилась в монастырь, где написала исторический труд – "Алексиаду", прославляющую деяния ее отца и содержащую множество ценных исторических сведений. Произведение это считается одним из шедевров византийской литературы. Гумилев, по-видимому, был знаком с этим трудом по какой-либо исторической хрестоматии или по его переводу на русский язык – "Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина" (ч. 1. СПб., 1859). В одном из "Писем о русской поэзии" он вспоминает о героине стихотворения: "Анна Комнена, написавшая жизнеописание своего отца, императора Алексея, извинялась перед своими читателями, что ей приходится упоминанием грубых и неблагозвучных имен крестоносцев разрушать благородный ритм греческой речи" (Аполлон. 1910. № 7. С. 36).

[10] *Боэмунд I Тарентский* (1065–1111) – старший сын норманского герцога Роберта Гвискара. Сражался еще юношей в войсках своего отца против византийского императора Алексея I. Принимая участие в Первом крестовом походе, захватил Антиохию, но попал в плен, пробыв в нем четыре года. Выкупившись из плена, он отправился в Европу и женился на дочери французского короля Филиппа I. Собрав с помощью тестя войско, он снова повел его против императора Алексея I, но вынужден был заключить невыгодный мир. В "Алексиаде" Боэмунд I выведен как чудовищный злодей. Анна Комнина характеризует его так: "Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войск и денег" (*Анна Комнена*. Алексиада. М.: Наука, 1965. С. 291; см. также: *Безобразов П.* Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Т. 226). Впоследствии, в 1918 г., Гумилев писал: "От Сарданапала, через Алкивиада, Боэмунда Тарентского, Букингама вплоть до Джорджа Брюммеля – какая удивительная цепь людей – поэм, не творцов, а произведений искусства" (*Тит Петроний Арбитр*. Матрона из Эфеса / Пер. с лат., послесл. и прим. Г.И. Гидони, с предисл. Н.С. Гумилева. Пг., 1923. С. 5).

[11] Имеется в виду следующий эпизод из "Алексиады": "Однажды самодержец на площади большого дворца занимался игрою в шары, скача верхом на коне, В это время один варвар ⟨...⟩ подходит к самодержцу и, преклонив колена, прикидывается просителем. Самодержец тотчас остановил коня и, обратившись, спросил: о чем он просит? Тогда этот убийца больше, чем проситель, протянув руку и схватившись за меч, стал обнажать его. Но меч не повиновался руке, хотя раз и два пытался он вынуть оружие. ⟨...⟩ Тут преданнейшие самодержцу хотели было растерзать того варвара, но самодержец и знаками, и рукою, и разными угрозами удержал их от такого намерения. Что же далее? Тот убийца воин тут же получает совершенное прощение ⟨...⟩ и величайшие дары" (Византийские историки. Т. 3. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Труды Анны Комниной. Ч. I. Пер. под ред. проф. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 424–425).

[12] Стихотворение в несколько иной редакции было отдано в газету "Речь" (*ЦГАЛИ*. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 1), однако там не появилось. Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 100–101. Какие еще произведения присланы с этим письмом, установить не удалось. Возможно, что в их числе был "Рыцарь с цепью", о котором Гумилев высказывает свое мнение в п. 42 (опубл.: Весы. 1908. № 6).

42. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 9/⟩ 22 апреля ⟨19⟩08 ⟨г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

сейчас я получил Ваше письмо, и мне очень стыдно, что я отрываю Вас от Ваших работ. Но, сказать по правде, статья А. Белого о вольноотпущенниках и их закулисной жизни меня затронула[1], я принял ее также и на свой счет и захотел еще раз убедиться в неизменности Вашего расположения ко мне. Уверяю, это было совершенно бессознательно. Очень благодарю Вас за рецензию[2] и совет. В рецензии Вы отнеслись ко мне снисходительнее, чем я думал, и в ней Вы сделали все, чтобы вывести меня на путь известности. Особенно же мне понравилось бесконечное верное (я надеюсь) замечанье, что "Романтические Цветы" только ученическая книга[3]. Я уже теперь считаю ее за пройденный этап творчества. Что касается совета, я вполне понимаю его справедливость, и меня утешает только то, что если я перееду в Россию, я буду жить не в Петербурге, а в Царском Селе, которое очень тихо и спокойно[4]. Но этот вопрос, может быть, нам удастся выяснить при встрече, потому что я в первой половине мая буду в Москве и постараюсь увидаться с Вами[5]. Я работаю много, написал два рассказа[6] и много стихов, из которых кое-что мне кажется удачным. Я посылаю стихи Вам, и, может быть, Вы выберете третье для "Весов". "Рыцарь с цепью" мне нравится мало: он какой-то легкомысленный[7], но я в восторге, что Вы одобрили "Одержимого"[8].

Завтра я пойду в "Весенний Салон" и посмотрю, не смогу ли написать о нем; заодно упомяну и о "Независимых"[9].

А через неделю, наверно, выеду из Парижа.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ВЫБОР[10]

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в глухие пещеры
Иль к безлюдью пустынной реки,
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не избегнешь ты доли кровавой,
Насмеется беззвучная твердь,
Но молчи: несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

КОЛОКОЛ[11]

Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь пылал бесстрашней,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груде
Изуродованных тел.

Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово: "смерть".
Звери корчились от боли,
И испуганные птицы,
Как багряные зарницы,
Лётом взрезывали твердь.

Дальше звал он, точно пенье,
К созидающей борьбе,
Люди мирного селенья,
Люди плуга брали молот,
Презирая зной и холод,
Храмы строили себе.

А потом он умер, сонный,
И мечтали пастушки:
– Это, верно, бог влюбленный,
Приближаясь к сладкой цели,
Нежным рокотом свирели
Потревожил тростники.

ЗАВЕЩАНИЕ[12]

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпительной черной земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер.

И, покорно склоняясь, положат
На него мой нёдвижимый труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
По-иному печален и туп.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеюще-траурный плот.

Словно демон в лесу волхований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

Н. Г у м и л е в.

[1] Статья А. Белого "Вольноотпущенники" из серии "На перевале" была опубликована в "Весах" (1908, № 2) и направлена против эпигонов символизма, "оравы обозников", "литературных паяцев", примкнувших к модному направлению в искусстве.

[2] В статье Брюсова "Дебютанты" разбиралась среди прочих также книга Гумилева "Романтические цветы". В рецензии отмечалась упорная работа автора над техникой стиха. "Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и, большей частью, интересны по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой обдуманностью и изысканностью выбирает эпитеты" (Весы. 1908. № 3. С. 77).

[3] Подводя итог, Брюсов писал: "Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы, и "Романтические Цветы" – только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно, и по тому самому встающих высоко" (Там же. С. 78).

[4] По всей видимости, отвечая на вопрос Гумилева (см. п. 41), не повредит ли его поэтическому развитию возвращение в Россию, Брюсов советовал ему избегать суетливой литературной жизни Петербурга.

[5] Вероятно, эта встреча состоялась, и тогда же Гумилев отдал в "Весы" свой рассказ "Скрипка Страдивариуса".

[6] Весной 1908 г. Гумилев написал большинство своих рассказов: "Скрипку Страдивариуса", "Дочерей Каина", "Принцессу Зару", "Черного Дика" и "Последнего придворного поэта".

[7] Стихотворение "Рыцарь с цепью" ("Слышу гул и завыванье призывающих рогов...") опубликовано: Весы. 1908. № 6. Возможно, оно было послано с п. 41.

[8] См. п. 40, прим. 5–6.

[9] См. п. 45, прим. 1 и 3.

[10] Опубликовано в "Журнале театра Литературно-художественного общества", редактируемого Б.С. Глаголиным (1909, № 2).

[11] Опубликовано там же (1909, № 5).

[12] Опубликовано с рядом изменений в газете "Речь" (1908, № 136, 8 июня).

43. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 15 / 28 апреля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

На днях я был в Весеннем Салоне, и он мне так понравился, что я написал о нем и "Независимых" заметку, которую буду очень рад увидеть в "Весах"[1]. Посмотрите, нельзя ли будет ее там напечатать. А то я все еще мало верю в мой талант как художественного критика. Впрочем, я много вращаюсь в кругах художников[2], и сообщаемые мною сведения вполне достоверны. Очень благодарю Вас за II том "Путей и Перепутий". Я ему особенно обрадовался, так как "Urbi et Orbi"[3] у меня зачитали. Больше не пишу Вам ничего, потому что недели через три мы, наверное, увидимся.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 45, прим. 1.

[2] За время пребывания в Париже Гумилев познакомился с Н. Рерихом, Е. Кругликовой, К. Петровым-Водкиным, М. Фармаковским, М. Тенишевой, А Божеряновым, С. Гуревичем и др. художниками. Л.В. Шапорина вспоминает о парижской мастерской Е.С. Кругликовой: «Приезжал в 1907 году еще совсем моло-

дой Н.С. Гумилев, читал свои стихи. Мало кто знал его тогда, но говорили шопотом друг другу: «Он "весит", его печатают в "Весах"!» (*Кругликова Е.С.* Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 68).

[3] Во второй том Собрания стихов Брюсова "Пути и перепутья" вошли сборники "Urbi et Orbi" и "Stephanos". Рецензируя этот том, Гумилев писал: "Даже в самых враждебных ему кругах Брюсов заслужил репутацию мастера формы. Он разделяет мечты Малларме и Рене Гиля о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям. Строгим выбором выражений, отточенной ясностью мысли и медной музыкой фраз он достигает результатов, которые не всегда доставались на долю его французских собратьев. Вечно-непокорное слово уже не борется с ним; оно нашло своего господина" (Речь. 1908. № 127. 29 мая).

44. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 12 мая 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам по условию три отмеченные Вами стихотворения в несколько исправленном виде[1]. Если Вы пожелаете изменить в них что-нибудь сами, Вы доставите мне этим громадное удовольствие. Теперь Вы, конечно, знаете, возьмется ли "Скорпион" за издание моих стихов, и я со жгучим нетерпением жду Вашего ответа по этому поводу[2]. Еще раз повторяю, что если объявление о моей книге будет печататься в списках изданий "Скорпиона", я буду ждать хоть два года. Мне было бы также интересно знать, пойдет ли в "Весах" мой рассказ "Скрипка Страдивариуса"[3], потому что в случае отказа я мог бы предложить ее в другое место. Но с этим не торопитесь и прочтите ее, когда Вам будет удобно.

Сейчас я перечитывал "Путь конквистадоров" (первый раз за два года), все Ваши письма (их я читаю часто) и "Романтические Цветы". Нет сомнения, что я сделал громадные успехи, но также нет сомнения, что это почти исключительно благодаря Вам. И я еще раз хочу Вас просить, не смотреть на меня как на писателя, а только как на ученика, который до своего поэтического совершеннолетья отдал себя в Вашу полную власть. А я сам сознаю, как много мне надо еще учиться.

Так как Вы не помните моего "Андрогина", я посылаю его Вам и был бы в восторге, если бы его можно было напечатать в "Весах": я его очень люблю[4].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Приложенные к письму стихотворения отсутствуют. Скорее всего, это три стихотворения, вошедшие в подборку "Весов" (1908, № 6). См. п. 40, прим. 5.

[2] См. п. 45, прим. 4.

[3] Новелла "Скрипка Страдивариуса" опубл.: Весы. 1909. № 7. По выходе ее в свет она подверглась разбору В.И. Анненского-Кривича: "Новелла интересна и несколько напоминает старый миф о Фамире-Кифареде. Он тоже разбил свою кифару, убедившись, что муза играет безмерно лучше его ⟨...⟩ Яркий, оригинальный язык, фантазия, интересная в большинстве случаев, архитектоника фразы, – но все же проза г. Гумилева несколько утомляет. Она как-то уж слишком густа, а периоды ее тяжеловесны для самой формы рассказа ⟨...⟩ Когда читаешь прозу этого интересного поэта, то все кажется, что за нею был раньше стихотворный размер, автором уничтоженный" (Аполлон. 1909. № 1. С. 24). По поводу публикации Гумилева в "Весах" Б.В. Томашевский сообщал А.А. Попову (Виру) 23 сентября 1909 г.: «...стихи Гумилева – непролазная риторика. Вообще, Гумилев после успехов становится неопрятным. Например, в новелле "Скрипка Страдивариуса" (№ 7) имеются такие пассажи: говоря о бумеранге, он пишет: "Он оживает в злобной руке дикаря, летит, поворачивается и, разбив голову врагу, возвращается к ногам хозяина, такой гладкий и невинный". Как известно – бумеранг возвращается лишь в том случае, если не достигает цели, так как всякий удар расстраивает правильность его движений. Далее: "Через пять дней сторож нашел его умершим от жажды и ночью закопал во рву, как скончавшегося без церковного погребения". Неужели для того, чтобы скончаться, нужно быть предварительно погребенным?» (*ГБЛ.* Ф. 654). В сборнике "Тень от пальмы" первая неточность сохранилась, а вторая (явная описка: погребения вместо покаяния) – была исправлена.

[4] См. п. 38, прим. 5 и п. 41, прим. 3. Текст стихотворения в данном письме отсутствует.

45. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва. После 13 мая 1908 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи[1], которую очень прошу просмотреть и вернуть, как можно скорее. Особенно следует проверить транскрипцию собственных имен. Мы кое-что смягчили в Ваших словах о Сезанне[2]. Может быть, придется вообще сделать к этой заметке "редакционное примечание"[3], но все же она интересует нас.

В принципе "Скорпион" принимает на себя издание Ваших "Жемчугов". О сроках и подробностях сообщу отдельно[4].

Вы не указали Вашего Петербургского адреса в последнем письме, и это письмо я посылаю наудачу по Вашему старому адресу.

Ваш Валерий Брюсов.

908.

P.S. Статья Ваша такого рода, что я советую Вам подписать ее лишь инициалами[5].

[1] Речь идет о статье "Два салона. (Société des Artistes Indépendants – Société Nationale des Beaux Arts)", опубликованной в "Весах" (1908, № 5).

[2] Даже в смягченном виде творчество Сезанна оценивается Гумилевым не очень высоко: "Будучи уже автором многих картин, обнаруживающих большой вкус и знание техники, он внезапно взялся за отыскивание новых путей для искусства, приняв исходной точкой стиль ассирийцев и халдеян. Затворившись в своей мастерской, он начал упорно работать, стараясь прежде всего отделаться от прежних, мешавших ему, приемов творчества. Быть может, для искусства и запылала бы новая заря, но Сезанн умер в конце своей подготовительной работы..." (Там же. С. 103–104).

[3] Автор довольно резко высказался по поводу полотен последователей Гогена и Сезанна, выставленных в Салоне Независимых, выделив лишь Анри Руссо, "создавшего несколько прекрасных картин". По этой причине статья сопровождалась следующим примечанием: "Редакция помещает это письмо, как любопытное свидетельство о взглядах, разделяемых некоторыми кружками молодежи, но не присоединяется к суждениям автора статьи".

[4] Сборник Гумилева "Жемчуга" выпущен издательством "Скорпион" весной 1910 г.

[5] Гумилев последовал совету Брюсова, статья была подписана инициалами "Н.Г.".

46. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 15 июня 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодарю Вас за письмо, я уже давно не получал от Вас таких длинных, и это начинало меня угнетать. Напишите, пожалуйста, в какие места к океану Вы думаете ехать[1]. Осенью я тоже думаю уехать из России, и, может быть, мне удалось бы повстречаться с Вами[2]. А то, правду сказать, я не вполне удовлетворен нашими прежними встречами. Вы были моим покровителем, а я ищу в Вас "учителя" и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно. Вспомните, для примера, Ваше прошлогоднее письмо о рифмах и размерах. По "Романтическим Цветам" Вы видите, как много оно мне открыло. Недавно мне передавали, что Вяч.Иванов недоволен моими стихами и находит, что в них чувствуется Ваше влияние[3]. При встрече я искренне поблагодарю его за это мнение. Я не воспринял от Вас еще и четверти того, что мне надо, чтобы выяснить свою творческую индивидуальность. И мне кажется, чем решительнее, чем определеннее будут Ваши советы, тем больше пользы они мне принесут. Впрочем, делайте, что найдете нужным и удобным: уже давно я Вам сказал, что отдаю в Ваши руки развитье моего таланта, и Вы вовремя не отказались.

Пишу я, как и всегда летом, мало. Но надеюсь, что это затишье перед бурей. За мои стихи и рецензии в "Речи"[4] меня травит маленькая вечерняя газета "Последние новости"[5]. Но пока довольно неостроумно: так, например, "Афродиту Уранию", про которую я однажды упомянул, она спутала с Афродитою уранистов и т.д.[6] "Русская

мысль" взяла один мой рассказ и просит еще[7]. Если Вы не берете "Скрипку Страдивариуса", сообщите мне, я предложу ее туда[8].

Жду "Романтических Цветов" с Вашими пометками. На всякий случай посылаю еще экземпляр[9].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] 24 июля 1908 г. Брюсов с женой уехали на три месяца за границу. Сначала они провели месяц в Италии, затем отдыхали в маленьком приморском городке Сен-Жан-де-Люс, около Биаррица, и на обратном пути Брюсов остановился в Бельгии, чтобы нанести визит Верхарну.

[2] 7 сентября 1908 г. Гумилев отправился путешествовать в Африку (см. п. 49). Побывав в Константинополе, на полуострове Пелопонесс и в Каире, он вернулся в Петербург 9 ноября (см. письма к В.Е. Аренс от 8 и 19 октября 1908 г. – *ЦГАЛИ*. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 2, 3).

[3] О влиянии Брюсова на Гумилева см. вступительную статью к настоящей публикации. Знакомство Гумилева с Вяч. Ивановым было в это время не очень близким (см. п. 50, прим. 2).

[4] До 15 июня 1908 г. в газете "Речь" были помещены рецензии Гумилева на сборник М.А. Кузмина "Сети" (№ 121, 22 мая), на 2-й том "Путей и перепутий" Брюсова (№ 127, 29 мая) и стихотворение "Завещание" (№ 136, 8 июня). Гумилев и позднее неоднократно публиковал в "Речи" свои отзывы о выходящих книгах, в частности среди них была рецензия на сборник "Французские лирики XIX века. Перевод в стихах Валерия Брюсова" (1909, № 196, 20 июля).

О начале сотрудничества Гумилева в этой газете вспоминал В.Я. Ирецкий (Гликман): «...никому неведомый молодой человек пришел в редакцию газеты "Речь" и вручил редактору (это был М.И. Ганфман) литературную заметку строк в шестьдесят. Посетитель был в цилиндре, в лайковых перчатках, необычайно для литератора элегантен; был строг и важен, придавал своей заметке чрезвычайно большое значение. Он стал частым гостем редакции и неизменно сохранял свою чопорность, свою несколько забавную важность» (Сегодня. 1931. 15 сент.).

[5] "Последние новости" – вечерняя петербургская газета, издаваемая Б.А. Котловкером. Выходила с января по июнь, а затем в октябре и ноябре 1908 г. В перерыве подписчики получали газету "Вечер", издаваемую И.П. Табурко. Анонимный автор заметки, озаглавленной "Пылающий", полностью перепечатав стихотворение "Завещание" (см. п. 42), иронизирует: «Считаем необходимым указать, что это не пародия и что г-н Гумилев намерен "отпылать" всурьёз. Но если бы это случилось поскорее!» (Последние новости. 1908. № 119, 9 июня).

[6] В рецензии на сборник "Сети" (см. прим. 4) Гумилев писал: "Кузмин – поэт любви, именно поэт, а не певец. В его стихах нет ни глубины, ни нежности романтизма. Его глубина чисто языческая, и он идет по пути, намеченному Платоном, – от Афродиты Простонародной к Афродите Урании". Платон в "Пире" противопоставил дочь Зевса и Дионы Афродиту Пандемос ("Всенародную") Афродите Урании ("Небесной"), возникшей из крови оскопленного Кроном бога неба Урана. Первая была, согласно Платону, доступна и понятна всем, она олицетворяла телесную любовь, сладострастие. Вторая же, более древняя, стала символом одухотворенности, любви к возвышенному, что определялось ее небесным происхождением. Она считалась богиней чистой семейной любви, садов, цветов, весеннего обновления природы. Газетный рецензент, решив, что Афродита Урания – богиня уранистов или урнингов, т.е. покровительница однополой любви, с возмущением писал: «Решительно непонятно, как могла мерзкая пропаганда Афродиты-Урании под видом рецензии о мерзких виршах Кузмина так цинично и откровенно расположиться на столбцах солидной "Речи"» (Последние новости. 1908. № 106. 23 мая).

[7] О рассказах в "Русской мысли" см. п. 31, прим. 4. 1 июля 1908 г. Гумилев писал В.Е. Аренс: «...конечно, с восторгом исполню Ваше желанье и буду присылать мои рассказы. В этом письме я посылаю Вам первый, довольно неудачный и не характерный для моего творчества. Лучшие появятся в "Весах" и в "Русской мысли"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 1).

[8] См. п. 44, прим. 3.

[9] См. п. 35. Экземпляр с пометами находился в библиотеке Брюсова (см. *Пуришева К.* Библиотека Брюсова. *ЛН*. Т. 27–28).

47. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 14 июля 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже давно собирался Вам писать, но не хотелось делать это без обычного приложения, т.е. стихотворенья.

Я написал его недавно, и, кажется, оно уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиленье леконт-де-лилевского элемента[1]. Кстати сказать, самого Леконта де Лиля я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае это спасенье от блоковских туманностей[2]. Я вырабатываю также и свою собственную

расстановку слов. Теперь, когда я опять задумался над теорией стихосложенья[3], мне было бы крайне полезно услышать Ваши ответы на следующие, смущающие меня вопросы: 1) достаточно ли самобытно построение моих фраз? 2) не нарушается ли гармония между фабулой и мыслью ("угловатость образов")[4]? 3) заслуживают ли вниманья мои темы и не является ли философская их разработка еще ребяческой?

На эти вопросы может ответить только посторонний человек, опытный и интересующийся моими стихами, и, кроме Вас, я таких не знаю. Верьте, что моя просьба об этих указаньях вызвана не тщеславным желаньем получать от Вас советы, а только любовью к искусству, которому я посвящаю свою жизнь. Я помню Ваши предостереженья об опасности успехов и осенью думаю уехать на полгода в Абиссинию[5], чтобы в новой обстановке найти новые слова, которых мне так не достает. А успехи действительно есть: до сих пор ни один из моих рассказов не был отвергнут для напечатанья. "Русская Мысль" взяла два мои рассказа и по моей просьбе (о ней ниже) напечатает их в августе[6], "Речь" взяла три и просила еще[7]. Но я чувствую, что теоретически я уже перерос мою прозу, и, чтобы отделаться от этого цикла моих мыслей, я хочу до отъезда (приблизительно в сентябре) издать книгу рассказов[8] и затем до возвращенья не печатать ничего. Теперь я дошел до щекотливого пункта. У Вас есть мой рассказ "Скрипка Страдивариуса", по общему мнению, много выше "трех новелл"[9], и он должен войти в книгу. Поэтому для меня очень важно, если, в случае его принятия, он будет напечатан в августе. И так как это может ввести "Весы" в непредвиденные расходы по увеличенью номера, я с удовольствием откажусь от гонорара за него. Если же это все-таки не удастся, то прошу Вас, не откажите сообщить мне об этом, я предложу его в другое место. Не рассердитесь за настойчивость моих просьб и, если они Вас стеснят, забудьте о них. Вы и так слишком много сделали для меня, чтобы я мог быть в претензии.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ЦАРИЦА[10]

Когда зарыдала страна под немилостью божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды; по ветру рвалися знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья,
Роскошные груды восточных шелков и виссона[11]
С краев украшали литые из золота кисти.

Нагая царица томилась в неслыханном блуде,
Глаза ее были, как пропасти темного счастья,
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На стройных руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны ласкательной лютни:
"Спешите, герои, несущие луки и пращи,
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в гибкое тело вонзятся свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью,
И будут пьяней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие грубые люди,
Мое исступленное сердце не знает боязни,
Идите, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд, протруби, приступите к восторженной казни".

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновой,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они впоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые рокоты птичьи,
И царственно-синие женские взоры... и струны,
Которыми скальды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И щеки пылали и ждали сердца преступленья,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной улыбкой он крикнул слова отступленья.

Н. Гумилев.

[1] В рецензии на "Романтические цветы" Брюсов указывал: "Н. Гумилеву часто не достает силы непосредственного внушения. Он – немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де-Лиль. Стыдливый в своих личных чувствованиях, он избегает говорить от первого лица, почти не выступает с интимными признаниями и предпочитает прикрываться маской того или иного героя. Сближает его с парнасцами и любовь к экзотическим образам: он любит выбирать для своих баллад и маленьких поэм, как декорацию, – юг с его пышной пестротой, или причудливость тропических стран, или прошлые века, еще не знавшие монотонности современных дней. Но Н. Гумилев менее сдержан, чем то было большинство парнасцев, и его фантазия чертит перед нами несколько угловатыя, но смелыя и неожиданныя линии" (Весы. 1908. № 3. С. 78).

[2] Мистические и символические черты поэзии Блока были чужды Гумилеву. В рецензии на "Собрание стихотворений в трех книгах", изданное "Мусагетом", Гумилев писал: "О блоковской Прекрасной Даме много гадали. Хотели видеть в ней – то Жену, облеченную в Солнце, то Вечную Женственность, то символ России. Но если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то мне кажется, ни одно стихотворение в книге не опровергнет этого мнения, а сам образ, сделавшись ближе, станет еще чудеснее и бесконечно выиграет от этого в художественном отношении" (Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923. С. 155). Об отношении Гумилева к творчеству Блока см. также: *ЛН*. Т. 92, кн. 5.

[3] О собственной романтической "забавной теории поэзии" Гумилев сообщает в п. 37.

[4] См. прим. 1.

[5] О поездке Гумилева в Абиссинию см. п. 49.

[6] См. п. 31, прим. 4.

[7] В газете "Речь" были напечатаны рассказы "Черный Дик" (1908, № 145, 15 июня) и "Последний придворный поэт" (1908, № 178, 27 июля).

[8] 19 августа 1908 г. газета "Новая Русь" сообщала: «Выходит в начале зимы первый том "Рассказов" Н. Гумилева, первоначально печатавшихся в "Образовании", "Русской мысли", "Весах", "Речи" и "Слове"». Издание не состоялось. Единственная книга рассказов Гумилева "Тень от пальмы" вышла посмертно.

[9] Имеются в виду три новеллы "Радости земной любви".

[10] Опубликовано под заглавием "Варвары" в "Альманахе 17". В рукописи в последней строфе к рифмам "площадь" – "лошадь" и "преступленья" – "отступленья" Брюсовым сделана помета: "слабо". Подчеркнуты также слова "на стройных руках" в 3-й строфе и "приступите к восторженной казни" в 6-й. В сборник "Жемчуга" текст стихотворения вошел со значительными изменениями, причем все отмеченные Брюсовым погрешности были устранены.

[11] Виссон – дорогая тончайшая материя, из которой, согласно Геродоту, делали царские и жреческие одеяния.

48. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨С.-Петербург. 20 августа 1908 г.⟩[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не только Вам, но и мне суждено начинать письма извиненьями. Но и у меня есть достаточные основанья, чтобы объяснить мое долгое молчанье. Все это время во мне совершался перелом во взгляде на творчество вообще, а на мое в частности. И я убедился в моем ничтожестве. В Париже я слишком много жил и работал и слишком мало думал. В России было наоборот: я научился судить и сравнивать. Не думайте, что я соблазнился ересью В. Иванова, Блока или других. По-прежнему я люблю и ценю больше всего путь, указанный для искусства Вами. Но я увидел, как далеко стою я от этого пути. В самом деле, Ваше творчество отмечено всегдашней силой мысли. Вы

безукоризненно точно переводите жизнь на язык символов и знаков. Я же до сих пор смотрел на мир "пьяными глазами месяца" (Нитше)[2], я был похож на того, кто любил иероглифы не за смысл, вложенный в них, а за их начертанья и перерисовывал их без всякой системы.

В моих образах нет идейного основанья, они – случайные сцепленья атомов, а не органические тела. Надо начинать все сначала или идти по торной дорожке Городецкого[3]. Но на последнее я не согласен. В одном стихотвореньи Вы говорите: "есть для избранных годы молчанья..."[4]. Я думаю, что теперь они пришли и ко мне. Я еще пишу, но это не более, как желанье оставить после себя след, если мне суждено "одичать в зеленых тайнах"[5]. В силу того же соображенья я возвращаю Вам "Скрипку Страдивариуса" с просьбой напечатать ее в "Весах", когда это будет для них удобно. Книгу я решил не издавать, а мои вещи после перелома будут слишком долго незрелы, чтобы их можно было печатать.

"ВЕСЫ", 1907, № 7

Виньетка по рисунку Ф. Кристофа

Как видите, я написал Вам кислое письмо, но я серьезно думаю все это. От Вас зависит властью добровольно избранного maître'а повлиять на мое решенье.

Успех продолжает меня преследовать: мною заинтересовался Петр Пильский, пригласил в "Новую Русь"[6]; в "Речи" мне хотят прибавить гонорар и т.п. Я никогда не думал, что все это может быть так не интересно. Когда "Весы" смогут опять напечатать мои стихи? Если одиннадцатый номер опять будет сборным[7], нельзя ли и мне попасть туда. А то до сих пор я печатался в летних номерах, которые не читаются третью подписчиков. Если это будет возможно, не откажите сообщить, я бы выбрал лучшее.

Числа седьмого (по старому стилю) я думаю выехать из Царского. Когда мой адрес хоть сколько-нибудь установится, я тотчас сообщу его Вам (в Москву). Но, может быть, Вы напишете мне до моего отъезда.

Пока я не написал ничего такого, что хотелось бы отдать на Ваш суд.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Письмо адресовано в Сен-Жан-де-Люс (Франция), где отдыхал Брюсов.

[2] Цитируется высказывание Заратустры из главы "О незапятнанном познании": "Быть счастливым в одном лишь созерцании с умершею волею, без приступов гнева и жажды себялюбия, – быть холодным и серым во всем теле, но с пьяными глазами месяца!" (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1900. Ч. 2. С. 230).

[3] В 1908 г. Брюсов в рецензии на сборник Городецкого "Дикая воля" сожалел: «Появись эта книга за другой подписью, мы приветствовали бы ее с радостью. Но от автора "Яри" мы требуем большего. С. Городецкий, если и не зарыл еще своего "таланта" в землю, во всяком случае, не постарался приумножить его, как верный раб в притче» (VI, 334).

[4] Цитируется первая строка стихотворения Брюсова "Годы молчания" (I, 131).

[5] Неточная цитата из стихотворения Брюсова "Искатель" (I, 274).

[6] Петр Моисеевич *Пильский* (1876–1941) – литературный критик, сотрудничавший во многих газетах и некоторое время возглавлявший литературный отдел "Новой Руси", которая выходила с 16 августа 1908 г. вместо газеты "Русь". В иллюстрированном приложении к газете "Русь" Гумилев уже публиковался (см. п. 16, прим. 6). 19 августа 1908 г. "Новая Русь" (№ 4) поместила информационную заметку, в которой отмечалось: «Только что вышедшая небольшая книжка стихов Гумилева "Романтические цветы", изданная в Париже, заслужила поощрительные отзывы критики: в лестных словах о ней написали "Весы", "Образование" и "Русская Мысль"». Рецензия в "Образовании", подписанная Л.Ф. (Л. Фортунатов), принадлежала, по-видимому, самому Пильскому (см. об этом: *Александрович Ю.* Литературные заметки // Сполохи. 1908.

№ 4. С. 202, 205). Рецензия отмечала в авторе сборника хороший художественный вкус и серьезную эстетическую воспитанность. К недостаткам книги были отнесены "запоздавшая приверженность к вычурам декадентства", "однообразие напева и даже тем" (Образование. 1908. № 7. С. 78–79, 3-я пагинация).

[7] Редакция "Весов" обычно стремилась публиковать в каждом номере подборку из стихотворений одного поэта, дающую более или менее развернутое представление об его творчестве. Но в некоторых случаях, отступая от этого правила, выпускали сборные номера. В 1908 г. № 11 был как раз сборным, в нем были напечатаны произведения четырех поэтов: Балтрушайтиса, Садовского, Рукавишникова и Сергея Пинуса.

49. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Египет. 6/19 октября 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я не мог не вспомнить Вас, находясь "близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида в царстве пламенного Ра"[1]. Но увы! Мне не удается поехать в глубь страны, как я мечтал[2]. Посмотрю сфинкса, полежу на камнях Мемфиса, а потом поеду не знаю куда, но только не в Рим. Может быть, в Палестину или Малую Азию[3]. Адреса у меня нет. Когда будет, тотчас сообщу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Первая строка стихотворения Брюсова "Встреча" ("Весы", 1907. № 5; I, 474).

[2] Гумилев собирался на полгода уехать в Абиссинию (см. п. 47).

[3] Скорее всего, эти планы осуществить не удалось. 8 октября 1908 г. (н.ст.) Гумилев послал В.Е. Аренс открытку из Константинополя, сообщив свой будущий адрес: "Греция, Патрас, Главный почтам⟨т⟩, до востр⟨ебования⟩", а в открытке из Египта, посланной 19 октября 1908 г. (н.ст.), он писал: "Скоро думаю возвратиться. Может быть, буду в Палестине ⟨...⟩ Я все время в разъездах" (*ЦГАЛИ*. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 2, 3). 26 октября (н.ст.) он писал В.И. Кривичу из Каира: "Вернусь на днях" (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 2). В июле 1921 г. Гумилев рассказывал Н.Н. Берберовой о своем первом африканском путешествии: "Я жил под Петербургом, – ⟨...⟩ – было лето, но я не мог согреться. Уехал на юг – опять холодно. Уехал в Грецию – то же самое. Тогда я поехал в Африку, и сразу душе стало тепло и легко. Если бы вы знали, какая там тишина!" (Сегодня. Рига, 1926. 27 авг.).

50. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 27 ноября 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже недели три вернулся в Царское Село, но так как здесь циркулировали упорные слухи, что Вы в Лондоне[1], до сих пор не писал Вам. Но вчера на "среде" у Вячеслава Ивановича[2] мне сказали, что Вы в Москве. Из Каира я послал Вам большое письмо со стихами и просил Вас ответить, но, очевидно, Вы его не получили. Впрочем, в египетском почтовом ведомстве порядки поистине африканские. Я много и серьезно работаю и написал около пятнадцати стихотворений. Два из них я посылаю Вам для сведения, потому что очень хочу, чтобы Вы как мой лучший учитель были в курсе моего развитья.

Я окончательно пошел в ход; приглашен в три альманаха: "Акрополь" С. Маковского[3], о котором Вы, наверно, знаете, в "Семнадцать" – альманах "Кошкодавов"[4] и в альманах Городецкого "Кружок Молодых"[5]. В каждый я дал по циклу стихотворений. И критика ко мне благосклонна. Пока обо мне написали в 6-ти изданьях[6] и, кажется, напишут еще в трех[7]. Но эти успехи заставляют меня относиться очень недоверчиво к себе. И я думаю отложить изданье моих "Жемчугов" с назначенного Вами февраля на сентябрь. Это даст мне возможность напечатать в "Весах" еще партию моих стихов, теперь, быть может, большую.

Меня очень интересует судьба "Скрипки Страдивариуса". Еще раз прошу Вас: не признавайте меня совершеннолетним и не отказывайтесь помогать мне советами. Всякое Ваше письмо с указаньями относительно моего творчества для меня целое событие. Вячеслав Иванович вчера сказал мне много нового и интересного, но учитель мой Вы, и мне не надо другого...

Кстати, Мережковский безапелляционно сказал, что ни стихов, ни рассказов моих печатать в "Русской Мысли" он не будет[8].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Бульварная, д. Георгиевского.

ЕГИПЕТ. ПИРАМИДЫ

Открытка Н.С. Гумилева Брюсову. 6/19 октября 1908 г.
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

* * *

Она колдует тихой ночью[9]
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый,
Там кто-то слушает и ждет,
Но меч уверенный и острый –
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади у сквера,
Где сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля все та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени будут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Дыханье моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

* * *

Рощи пальм и дикого алоэ[10],
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце,
Разве счастье – сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду?
Разве ты не можешь жить, как травы
В этом упоительном саду?

Н. Гумилеву.

Письмо датируется на основании упоминания Гумилевым "среды" Вяч. Иванова, состоявшейся 26 ноября 1908 г. (см. прим. 2).

[1] Газета "Новая Русь" (1908, 7 окт., № 53) в рубрике "Книги и писатели" сообщала о том, что Брюсов находится в Лондоне. На самом деле он в том году в Англии не был.

[2] Речь идет о "среде" Вяч. Иванова. Из записки В.К. Шварсалон известно, что на этой второй "среде" 1908 г. присутствовали: С.М. Городецкий, А.М. Ремизов, Ф.К. Сологуб, А.А. Блок, С.А. Ауслендер, Ю.Н. Верховский, Г.И. Чулков, П.П. Потемкин, К.А. Сюннерберг, Г. Вильямс, В.Э. Мейерхольд, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, В.Ф. Нувель, Н.А. Котляревский, М.И. Ростовцев, А.А. Смирнов, А.В. Тыркова, С.П. Ремизова, С.М. Ростовцева, Ан.Н. Чеботаревская, В.В. Пушкарева-Котляревская, Н.Г. Чулкова, Н.И. Манасеина, М.П. Манасеин, Катя Манасеина, Е.П. Безобразова, Е.К. Герцык. «Читалось: "Сны" Ремизова, стихи Блока ("Степи"), стихи Городецкого» (*ГБЛ.Ф.* 109, 47.19. Л. 52об., 53). 30 ноября 1908 г. Блок писал матери: "26-го ⟨...⟩ был я на среде у Вяч. Иванова. Долго разговаривал с Лизой Безобразовой ⟨...⟩ Среды стали уже не те — серо и скучновато". (Л., Academia", 1927. С. 236). Гумилева привел на эту "среду" С. Ауслендер. Воспоминания последнего о том, как это произошло, записал в 1924 г. Л.В. Горнунг. «Летом 1908 г. я жил у родных в Новгородской губернии с Кузминым. Тогда мы впервые обратили внимание на рассказы в газете "Речь" за подписью Гумилева. На его стихи мы не обращали тогда никакого внимания. ⟨...⟩ Вернувшись после лета в Петербург и случайно узнав в редакции шебуевского журнала "Весна", что у них печатаются стихи Гумилева, я спросил, где он сейчас находится. Мне сказали, что в Петербурге. Тогда я просил передать, что хочу с ним познакомиться ⟨...⟩ Через несколько дней приходит ко мне снизу швейцар сказать, что меня хочет видеть один господин. ⟨...⟩ Я увидел высокую фигуру в черном пальто, в цилиндре, утрированную, немного ироническую. Было что-то жалкое в этой молодости. Сначала с ним было очень трудно. Я был еще очень молодым студентом, хотя уже печатался тогда. Но вот явился человек, которого я не знал, сразу взявший тон ментора и начавший давать мне советы, как писать. ⟨...⟩ Просидели мы долго, впечатление сглаживалось, но Гумилев все еще был накрахмаленным. Я сказал, что вечером буду на среде Вячеслава Иванова, и он выразил тоже желание поехать со мной, но с таким видом, точно он делает это из уважения к Вяч. Иванову. Вяч. Иванов в это время был общепризнанным поэтом, и мы все его очень ценили. Тогда, после смерти Зиновьевой-Аннибал, он жил уединенно, среды бывали более интимные, чем прежде, и он просил, чтобы к нему не приводили новых участников, не предупредив его. Поэтому я сказал Гумилеву, что надо позвонить по телефону и спросить разрешения приехать. Он это принял обиженно, сказав, что он поэт, и кому же, как не ему, быть на средах.

Я вызвал Веру Константиновну (жену Вяч. Иванова), и хотя она говорила, что неудобно приезжать без предупреждения, но я все-таки упросил ее, сказав, что Гумилев сидит сейчас у меня, такой чопорный, и что трудно отказать ему. ⟨...⟩

И вот мы поехали к Вяч. Иванову. Выйдя на улицу, я начал торговаться с извозчиком. Гумилев по-французски заметил, что он этим шокирован, и просил меня садиться. Но тут же сказал, что у него нет с собою денег и что он просит меня довезти его. ⟨...⟩

Я не помню всего вечера на башне. Помню, что Гумилев читал стихи и имел успех. Стихи действительно были хорошие. Вяч. Иванов по своему обычаю превозносил их. Гумилев держался так, что иначе и быть не может.

После вечера мы вместе вернулись ко мне. Когда он снял свой сюртук и манишку, на нем осталась полосатая рубашка (почему-то она мне ясно запомнилась). Я нашел в шкафу черствую булку и много вина. Мы сидели на диване, и тут я увидел другой лик Гумилева» (Собрание Л.В. Горнунга).

[3] Альманах С.К. Маковского "Акрополь", в котором предполагалось участие Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, К.А. Сомова, А.Н. Бенуа (Речь. 1908. 24 ноябр. № 287) в свет не вышел. (О нем см.: *Ежегодник 1976*. С. 223).

[4] В "Альманахе 17" был опубликован цикл "Жизнь веков", куда вошли три стихотворения Гумилева: "Варвары", "Андрогин" и "В пути" ("Кончено время игры..."). В рецензии В. Гофмана на альманах отмечаются как интересные произведения Гумилева вообще, а стихотворение "Андрогин" в особенности (Речь. 1909. № 80. 5 апр.). Гумилев называет это издание "альманахом кошкодавов", т.к. его составителями были А.И. Котылев и П.П. Потемкин, чьи имена фигурировали в процессе "писателей-кошкодавов" в 1908 г. Андрей Белый вспоминает: "В петербургских газетах разоблачали писателей-хулиганов: где-то стали пропадать кошки; что же оказалось? Компания литераторов (назывались небезызвестные имена модернистов, как то Потемкина), собираясь пьянствовать у какого-то фрукта, истязала-де кошек ⟨...⟩ говорили потом:

инцидент – газетная утка...» (Между двух революций. С. 176). В неподписанной заметке «Забавы молодых литераторов» сообщалось: «Обвиняемые кошкодавы-литераторы, свидетели – литераторы и защитники – также литераторы. Все эти литераторы так называемой «венской школы» из завсегдатаев ресторана «Вена». Дело возникло по жалобе члена общества покровительства животным Сергиевского. Привлечены к суду хозяин квартиры книгопродавец Попов, редактор газеты «Межа» Ялгубцев, поэт Потемкин, господа: Юдин, Баранов, Лаппа, Дмитриев, Котылев. Свидетели: Анат. Каменский, Свирский, Трозинер, Соломин, Жуков, Булацель» (Русское слово. 1908. № 251. 29 окт.). По делу «кошкодавов» см. также письма в редакцию А. Котылева (Новая Русь. 1908. № 12. 27 авг.) и А. Каменского (Новая Русь. 1908. № 56. 10 окт.), а также: *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 51.

[5] Издание альманаха «Кружок молодых» не состоялось. См.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 340.

[6] До ноября 1908. г. на сборник «Романтические цветы» появились рецензии: 1) В. Брюсова (Весы. 1908. № 3); 2) В. Гофмана (Русская мысль. 1908. № 7); 3) Л.Ф⟨ортунатова⟩ (Образование. 1908. № 7); 4) Н. Шебуева (Весна. 1908. № 1); 5) П.П⟨ильского⟩ (Новая Русь. 1908. № 4. 1 сент.); 6) С. Городецкого (Утро. Понедельник. 1908. № 18. 29 сент.).

[7] Возможно, Гумилев знал об отзывах на «Романтические цветы», подготовленных А. Левинсоном (Современный мир. 1909. № 7), И. Анненским (Речь. 1908. № 308. 15 дек.).

[8] В «Русской мысли», где литературным отделом заведовал Д.С. Мережковский, вернувшийся в апреле 1908 г. из-за рубежа, опубликовано только одно стихотворение Гумилева – «Я счастье разбил с торжеством святотатства...» (№ 11). В последующие годы, вплоть до прихода в журнал Брюсова, ни стихов, ни рассказов Гумилева там не появлялось.

[9] Опубликовано под заглавием «Месть» в подборке, куда вошли «Орел», «Одиночество» и цикл «Возвращение Одиссея» (Весы. 1909. № 6). Наборная рукопись подборки сохранилась в архиве С.А. Полякова (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. №№ 74–77). Заглавие «Орел» написано на рукописи Брюсовым.

[10] Впервые – в сборнике «Жемчуга» (1910).

51. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 9 декабря 1908 г.⟩[1]

* * *

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру, –
Я в память дивного Геракла
Сперва предам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб.

Он был героем, я – бродягой,
Он – полубог, я – полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред Смертью все – Терсит и Гектор –
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью светлый нектар
В полях лазоревой страны.

---

* * *

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник – оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе... природа враждебна,
Все в ней рождает тоску и тревогу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли,
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж! Это путь величавый и строгий –
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Темные грезы оковывать метром.

Н. Гумилев.

[1] Сохранился пустой конверт заказного письма с петербургским штемпелем 9.12.08. Из п. 54 следует, что в нем был послан исправленный текст «Скрипки Страдивариуса», а из п. 52 – что вместе с рассказом Гумилев отправил два стихотворения. П. 55 уточняет – это были: «Давно вода в мехах иссякла...» и «В муках и пытках рождается слово...», т.к. стихотворение «Охота» («Князь вынул бич и кинул клич...») было послано позже (см. п. 54). Оба эти стихотворения в «Весах» не появлялись, а были опубликованы в сборнике «Жемчуга» (1910), первое – под заглавием «В пустыне» с незначительным разночтением, а второе – под заглавием «Правый путь» и более существенными исправлениями.

52. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 10 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо и за приглашенье принять более близкое участие в "Весах". Для меня этот журнал был и остается самым интересным, и я считаю за большую честь печататься в нем[1].

Вчера послал Вам "Скрипку Страдивариуса" (исправленную) и, увы, только два стихотворенья. Но я дал их шесть Галичу для "Акрополя"[2] еще до Вашего письма и до сих пор не получил ответа. Теперь, с Вашего согласья, я возобновлю прежний ход вещей. Все, чем я останусь доволен, я буду посылать в "Весы", и Вы время от времени будете сообщать мне, что взято Вами.

Завтра или послезавтра я посылаю Вам статью страницы в 4 или 5 печатных. Она должна пойти не позже январского номера, потому что об этом же предмете, только в области живописи, будет говорить в "Образованье" Мст. Фармаковский[3]. Так как совпаденье главной мысли изумительно, то мы решили печатать обе статьи одновременно, чтобы не приходилось прибегать к оговоркам в примечаньях. Поэтому, если статья не пойдет для "Весов", я очень бы просил Вас сообщить мне об этом возможно скорее, чтобы я мог отдать ее в другое место.

В конце этого месяца я думаю быть в Москве, главным образом, чтобы повидаться с Вами. Если бы Вы могли назначить мне число приезда, наиболее удобное для Вас, я был бы Вам бесконечно благодарен. А то я очень боюсь помешать Вам внезапным приездом[4].

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Датируется по указанию Гумилева о дне отсылки рукописи рассказа "Скрипка Страдивариуса" (см. п. 54).

[1] В заметке «Поэзия в "Весах"», вышедшей после прекращения выхода журнала, Гумилев писал: «Несмотря на все промахи, история "Весов" может быть признана историей русского символизма в его главном русле» (Аполлон. 1910. № 9. С. 42).

[2] Леонид Евгеньевич *Габрилович* (Галич; 1878–1953) – критик, сотрудник "Русской мысли", "Речи", "Руля", "Столичного утра" и др. Об альманахе "Акрополь" см. п. 50, прим. 3.

[3] См. п. 10, прим. 11. Статья Фармаковского в "Образовании" не появилась. О статье Гумилева см. п. 53.

[4] Встреча Гумилева с Брюсовым в конце декабря (см. п. 53) не состоялась; по всей видимости, они встретились только в марте 1909 г. 1 марта Брюсов писал жене из Петербурга: «Несколько дней буду жить уединенно – посещу только "Пантеон", Вяч. Иванова и увижу Гумилева – никого больше», а через неделю сообщал ей же: "Сейчас был у С. Маковского – обедал у него. Были: М. Волошин, Гумилев и наш московский Игорь Грабарь" (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.12. Л. 2, 7).

53. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 15 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

спешу Вас известить, что я раздумал печатать ту статью, о которой я Вам писал[1], и вместо нее готовлю цикл стихотворений. Но у меня намечено несколько статей, которые я хотел бы напечатать в "Весах" в теченье этого года[2]. Не взяли бы Вы также повесть листа в 4, 5 печатных. Она из современной жизни, но с фантастическим элементом. Написана, скорее всего, в стиле "Дориана Грея", фантастический элемент в стиле Уэллса. Называется "Белый Единорог"[3]. Кстати, нельзя ли поместить в каталоге "Скорпиона" заметку, что готовится к печати моя книга стихов под названьем "Золотая Магия". Это вместо "Жемчугов"[4].

Посылаю Вам рецензию обо мне И.Ф. Анненского. Она только что вышла[5].

Так как я до сих пор не получил от Вас уведомления, то думаю быть в Москве числа 22-го. Надеясь скоро увидеться, не продолжаю письма.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

[1] См. п. 52.

[2] В 1909 г. в "Весах" не было напечатано ни одной статьи Гумилева.

[3] Повесть Гумилева с таким названием неизвестна. Вспоминая о встречах с Гумилевым в 1908–1910 гг., А.А. Кондратьев писал: "Бывая у меня, он читал мне не только стихи, но и довольно интересные, по большей части фантастические рассказы" (Слово. Рига, 1926. № 238. 15 авг.).

[4] Впоследствии Гумилев отказался от перемены названия сборника. В последнем номере "Весов" (1909, № 12, с. 200) объявляется, что «весной 1910 г. выходит сборник "Жемчуга". Вторая книга стихов. Обложка Д.Н. Кардовского».

[5] См. п. 50, прим. 7. Рецензия подписана инициалами "И.А." Свое отношение к ней Гумилев высказал в недатированом письме к Анненскому:

«Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Я уже много раз просил Валентина Иннокентьевича передать Вам мою искреннюю благодарность за Вашу чудесную статью о моей книге, но теперь уступаю желанью поблагодарить Вас самому.

Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы отнеслись к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об "Озере Чад", моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и, в значительной степени, обусловила названье всей книги. С главной мыслью Вашей статьи – с веяньем Парижа – я еще не могу вполне согласиться, но во всяком ⟨случае⟩ она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зренья. Надо ли говорить, как это ценно.

Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилья, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать мое творчество и подвинуть меня так намного "по тернистому пути славы".

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.»

(*ЦГАЛИ*. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 1).

Н. ГУМИЛЕВ. ЖЕМЧУГА. М., 1910

Обложка Д.Н. Кардовского

54. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 19 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

разумеется, я не приеду в Москву, пока Вы сколько-нибудь не освободитесь[1]. И я верю, что когда это случится, Вы мне напишете. "Скрипка Страдивариуса" послана Вам 9-го декабря заказным письмом[2], и квитанция хранится у меня. Если Вы уверены, что она не дошла до редакции "Весов", то, пожалуйста, черкните мне маленькую открытку или поручите кому-нибудь сделать это – я тотчас взыскиваю с почты 10 руб. штрафу и посылаю Вам новый список этого рассказа. Если не получу этой открытки, буду думать, что она нашлась и пойдет в "Весах". Присылать ли также еще стихов, и пойдут ли два уже посланные[3].

Я много работаю, и все больше над стихами. Стараюсь, по Вашему совету, отыскивать новые размеры, пользоваться аллитерацией и внутренними рифмами. Хочу, чтобы "Золотая Магия"[4] уже не была "ученической книгой"[5], как "Романтические Цветы". Посылаю одно такое стихотворение. Может быть, возьмете для "Весов".

Я безумно заинтересован "Основами поэзии"[6].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. В Ваших словах о рецензии Анненского есть много правды[7].

ОХОТА[8]

Князь вынул бич и кинул клич,
Грозу охотничьих добыч,
И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,
Но не спастись ни в глубь, ни в высь –
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих россомах,
Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть,
И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал.
Не дремлет конь – его не тронь –
Огонь в очах его, огонь.

И волк равнин, крадется финн
Туда, где дремлет властелин,
А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Н. Гумилев.

[1] Зимой 1908 г. Брюсов был сильно загружен. В письме к Н.И. Петровской он сообщает: «Во внешнем, жизнь моя – одно сплошное "дело", "работа". Я совершенно уклонился от всех ненужных занятий: в Кружке на разных заседаниях бываю не чаще двух раз в месяц; во всех других обществах не бываю вовсе. Даже эти последние дни, когда везде читали Мережковские и Белый, не слушал ни одной из их лекций. Но над "Весами", над несколькими печатаемыми книгами (одновременно), над обещанными в разные издания статьями – провожу опять 15–16 часов в сутки» (*ЦГАЛИ*. Ф. 376. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 77).

[2] См. п. 51, прим. 1.

[3] Гумилев имеет в виду стихотворения, посланные Брюсову в п. 51.

[4] См. п. 53, прим. 4.

[5] Гумилев цитирует слова из отзыва Брюсова о "Романтических цветах" (см. п. 42, прим. 3).

[6] Брюсов много лет вынашивал замысел написать книгу о законах русского стихосложения. Возможно, что своей идеей он поделился с адресатом. Однако осуществить этот замысел он смог уже в послереволюционные годы.

[7] К сожалению, не известно, какие замечания к рецензии Анненского были сделаны Брюсовым.

[8] 26 декабря 1908 г. Гумилев записал "Охоту" в альбом племянницы, М.Л. Сверчковой (*ИМЛИ*. Ф. 188. Оп. 1. № 2) с измененным 19 стихом: "подходит финн" вместо "крадется финн". С этим изменением стихотворение опубликовано в сборнике "Жемчуга".

55. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село.⟩ 26 февраля 1909 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

я не писал Вам целую вечность и две вечности не получаю от Вас писем. Что послужило причиной последнего, не знаю и никакой вины за собой не чувствую. Я три раза виделся с "Царицей Савской" (так Вы назвали однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился[1]. Ни на каких редакционных или иных собраньях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал[2]. Творчество мое идет без больших скачков, и я прилагаю все старанья, чтобы каждая вещь тем или иным была выше предыдущей. И то, что я очень редко получаю за него похвалы, служит, как мне кажется, лучшей гарантией того, что я не изменяю сам себе. Это в теории, а на практике я очень обескуражен и пишу по одному, по два стихотворенья в месяц. Три лучших, на мой взгляд, стихотворенья я уже послал Вам и предложил их для "Весов". На всякий случай напоминаю их начальные строчки ("Князь вынул бич и кинул клич", "Давно вода в мехах иссякла", "В муках и пытках рождается слово"). Через полторы недели истекает ровно три месяца с тех пор, как они посланы, и, согласно объявленью "Весов", я буду считать их непринятыми[3], если не получу до тех пор известия о их принятьи. Я не знаю, как мне быть относительно "Скрипки Страдивариуса", про которую Толстой[4] передавал мне Ваши слова, что принятие ее еще не решено, а Ликиардопуло на мой запрос не отвечал ни слова. Ведь она тоже лежит в редакции около трех месяцев. Но я хочу верить, что так или иначе инцидент с ней уладится и поэтому готовлю для "Весов" новый рассказ[5]. Новых стихов я сейчас не посылаю,

потому что большая часть их появится в альманахе "Акрополь", и я не хочу затруднять Вас чтеньем рукописи.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село.
Бульварная, д. Георгиевского.

[1] Валерий Брюсов, познакомившийся с Вяч. Ивановым 29 апреля 1903 г. в Париже, отметил эту встречу среди других парижских впечатлений: "Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов. Он читал в Русской Школе общественных наук о Дионисе. Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха..." (*Дневники*. С. 132). В журнале "Новый путь" (1904, № 1–4, 8, 9) Вяч. Иванов опубликовал в переработанном виде курс своих парижских лекций под заглавием "Эллинская религия страдающего бога". Заключительная часть курса под заглавием "Религия Диониса. Ее происхождение и влияния" напечатана в "Вопросах жизни" (1905, № 6, 7). В этот же период появилась статья Вяч. Иванова "Ницше и Дионис" (Весы. 1904. № 5). Вероятно, Брюсов предупреждал Гумилева об увлечениях Вяч. Иванова.

[2] Неясно, против каких редакционных собраний предостерегал Гумилева Брюсов, но в это время уже началась подготовка к созданию журнала "Аполлон", активное участие в которой принимал Гумилев (именно он 4 марта 1909 г. организовал встречу С.К. Маковского, М.А. Волошина, С.А. Ауслендера и П.П. Потемкина с И.Ф. Анненским в Царском Селе (см.: *Ежегодник 1976*. С. 223).

[3] В объявлении "От редакции и конторы" (Весы. 1908. № 3) сообщалось: "Лица, не получившие в течение 3 месяцев извещения о принятии их рукописи к печати, могут располагать ею по своему усмотрению".

[4] Речь идет об А.Н. Толстом, встречу с которым Брюсов отметил в *Дневнике*. (с. 141).

[5] После "Скрипки Страдивариуса" (Весы. 1909. № 7) других рассказов Гумилева в журнале не появилось.

56. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 21 апреля 1909 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

на этих днях я посылаю Вам первый номер "Острова"[1]. В нем есть два мои последних стихотворенья[2], образчики того, что я усвоил в области хорея и ямба. Мне очень важно было бы узнать, как Вы отнесетесь к ним[3]. Вы, наверно, уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих[4]. Но, с другой стороны, меня все-таки пугает чрезмерная моя работа над формой. Может быть, она идет в ущерб моей мысли и чувства. Тем более, что они упорно игнорируются всеми, кроме Вас; я сужу по тому, что Вы мне сказали о моем "Орле" и "Одиночестве"[5].

"Все напевы" пока еще несколько чужды. Они не вошли мне в кровь и в душу, "как другие Ваши книги", но я думаю, что это все-таки будет из-за "Дедал и Икар" и "Кому-то"[6].

Теперь несколько слов о делах. Не дадите ли Вы мне знать, какие из восьми взятых Вами моих стихотворений[7] будут напечатаны, где и приблизительно когда. Оставшиеся – я думаю отдать для второго номера "Острова", который выйдет недели через три[8]. Интересно было бы узнать, наконец, судьбу "Скрипки Страдивариуса"[9].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Инициатива издания журнала "Остров" принадлежала Гумилеву, П.П. Потемкину и А.Н. Толстому, который вспоминает: «Мы снова встретились с Гумилевым в Петербурге и задумали издавать стихотворный журнал. Разумеется, он был назван "Остров". Один инженер ⟨Н.С. Кругликов⟩, любитель стихов, дал нам двести рублей на издание. Бакст нарисовал обложку. Первый номер разошелся в количестве тридцати экземпляров. Второй – не хватило денег выкупить из типографии» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 39). Замысел возник в марте 1909 г., и в этот период первоначальный издатель журнала А.И. Котылев сообщал привлекаемым им авторам о брюсовском согласии участвовать в нем (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 350). Однако ни в последующих газетных объявлениях (напр.: Речь. 1909. № 83. 26 марта; № 110. 24 апр.), ни на обложке первого номера имя Брюсова больше не анонсировалось. В начале мая Гумилев писал Кузмину: «... наконец-то вышел первый номер "Острова". ⟨...⟩ У нас есть теперь издатель Н.С. Кругликов. Так что журнал, наверное, пойдет. ⟨...⟩ Журналом заинтересовался Вячеслав Иванович, и

он много помогает нам своими советами» (*ГПБ*. Ф. 124. № 1400, Л. 4). Самый ранний, по-видимому, печатный отзыв о первом номере появился 18 мая в газете "Утро" (№ 30), там говорилось: «Гумилев щеголяет "сочными" рифмами, вроде "бронзы – бонзы", "былое – алоэ", "бок-о-бок" – робок"». Номер стал расходиться среди читателей, в том числе и иногородних – 18 июня С.П. Бобров подробно разбирал его состав в письме к Андрею Белому (в частности, он писал: "Гумилев – ужас! – безвкусен невероятно" – *ГБЛ*. Ф. 25, 10.2. Л. 7). 29 июня "Речь" (№ 175) поместила сочувственную рецензию С.А. Ауслендера на "Остров". В тот же день Брюсов писал Д.В. Философову в связи с обсуждением планов своего переезда в Петербург: «Но, право, у Вас хоть "Аполлон", хоть "Остров", хоть толки какие-то» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.4. Л. 3). "Хроника" журнала "Золотое руно" в неподписанной заметке, принадлежащей, по-видимому, С. Городецкому, отмечала: «Вышедший в мае первый номер ежемесячного журнала стихов "Остров" возбуждает немало недоумений. Ввиду отсутствия какого бы то ни было редакционного заявления, свойственного первым номерам, трудно установить, с какой целью начат журнал, являются ли "островитяне" определенной группой, выставляющей известные поэтические лозунги, или же они просто стихотворцы ⟨...⟩ Составлен номер вяло. Волошин, Потемкин и Толстой представлены неудачно. Потемкин жеманничает в своих "газелях". Строки Толстого как-то неряшливы и по-дурному примитивны. В словообразованиях своих он не чуток к языку, рифмы не всегда связываются у него со смыслом, а миф его неубедителен. Волошин облечен по обыкновению в топазы, аметисты и смарагды. Лучше их Гумилев и его "Царица", которая, несмотря на обычные для учеников Брюсова изобилие географии и истории, и манерность рифм, идет дальше версификации» (*ЗР*. 1909. № 6. С. 78).

[2] В первом номере "Острова" были опубликованы: "Царица" ("Твой лоб в кудрях отлива бронзы..."), "Лесной пожар" ("Ветер гонит тучу дыма...") и "Воин Агамемнона" ("Смутную душу мою тяготит...").

[3] Гумилев придерживается роли брюсовского ученика. На самом деле он считал себя в это время уже сложившимся мастером. К.А. Сюннерберг вспоминает, как 25 октября 1909 г. на обеде в честь С.К. Маковского Гумилев говорил: "Во всяком случае, я считаю себя не ниже Блока; в крайнем случае – Блок, а сейчас же после него я..." (*ИРЛИ*. Ф. 474. № 53. Л. 70). Мнение Брюсова о гумилевских стихотворениях, опубликованных в "Острове", неизвестно. В "Весах" оценку им дал С. Соловьев. В рецензии на новый журнал он писал: «Н. Гумилев, по-видимому, находится под влиянием Леконта де Лиля. Его влечет античная Греция, еще больше – красочная экзотика Востока. Стих Гумилева заметно крепнет. Попадаются у него литые строфы, выдающие школу Брюсова ⟨...⟩ К сожалению, Гумилев злоупотребляет изысканными рифмами. Так, в трех строфах подряд у него встречаются: бронзы – бонзы, злобе – Гоби, Агры – онагры. А через несколько строф далее идут: согнут – дрогнут, былое – алоэ. Эта изысканность рифм характеризует эпоху "Urbi et Orbi"» (Весы. 1909. № 7. С. 102).

[4] Так называемая "Поэтическая академия", созданная по инициативе Гумилева и его тогдашних друзей А. Толстого и П. Потемкина, собиралась дважды в месяц на квартире Вяч. Иванова. Весной 1909 г. состоялось 8 заседаний, последнее прошло 16 мая. 27 апреля 1909 г. В.В. Гофман писал А.А. Шемшурину: "Был однажды у Вяч. Иванова. Он, оказывается, читает здесь у себя на квартире молодым поэтам целый курс теории стихосложения, все по формулам и исключительно с технической, с ремесленной стороны. Формулы свои пишет мелом на доске, и все за ним списывают в тетрадки. А какие-то дамы так же каждое слово его записывают в тетрадки, точно в институте. Среди слушателей были поэты с некоторым именем (Гумилев, Потемкин, гр. Толстой). Остальные какие-то неведомые юнцы. Держится Вяч. Иванов – куда более властно и надменно, чем Брюсов. Все же учреждение именуется Академией поэтов" (*ГБЛ*. Ф. 339, 2.13. Л. 7–7об.). А Вл. Пяст вспоминал: «В квартире на "башне" бывало по вечерам в ту весну тихо и печально, – но царствовала кипучая работа. Появилась большая аспидная доска; мел в руках лектора; заслышались звуки "божественной эллинской речи"; раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов, "пародов" и "экзодов". Все это ожило и в музыке русских, как классических, так и современных поэтов. ⟨...⟩ Из уст Вячеслава Иванова извергались светящимися потоками самоцветные мысли по вопросам поэтического мастерства. Каким откровением звучала для нас раскрытая им анапестическая природа "Грядущих гуннов" Валерия Брюсова!» (*Пяст В*. Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 138, 141). С октября 1909 г. "Академия поэтов" переместилась в редакцию начавшего выходить журнала "Аполлон" и оформилась в "Общество ревнителей художественного слова", в руководящий Совет которого вошел Брюсов.

[5] Тексты стихотворений "Орел" ("Орел летел все выше и вперед...") и "Одиночество" ("Я спал, и смыла пена белая...") в письмах отсутствуют. Возможно, Гумилев передал их Брюсову при мартовской встрече. См. также п. 50, прим. 9.

[6] Стихотворение Брюсова "Делал и Икар" (из цикла "Правда вечная кумиров") и "Кому-то" (из цикла "Современность") вошли в сборник "Все напевы" (3-й том "Путей и перепутий" – М.: Скорпион, 1909).

Сборник "Все напевы" вышел в декабре 1908 г. (см.: Речь. 1908. 26 нояб., № 289). Посылая его Гумилеву, автор написал на титульном листе: "Николаю Степановичу Гумилеву дружески. Валерий Брюсов. 1909" (*ИРЛИ*. 44.40).

[7] Имеются в виду 4 стихотворения, составившие подборку в № 6 "Весов" за 1909 г.: "Орел", "Месть" ("Она колдует тихой ночью..."), "Одиночество" и цикл "Возвращение Одиссея", а также 4 стихотворения, приложенные к пп. 50, 51 и 54.

[8] В журнале "Остров" № 2 был напечатан "Сонет" ("Я – попугай с Антильских островов..."), вошедший в сборник "Жемчуга" под заглавием "Попугай".

[9] См. п. 55, прим. 5, а также наст. кн. Переписка с Поляковым, п. 122.

57. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 11 мая 1909 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

ради Бога, простите мою настойчивость, но к ней меня вынуждают обстоятельства.

Мне крайне интересно знать, как Вы думаете распорядиться взятыми у меня стихами. Какие и где будут напечатаны? Я это спрашиваю не только из любопытства, но и потому, что вещи, оставшиеся непринятыми, я отдам в "Остров"[1] или "Аполлон". Первый очень нуждается в стихах.

Я жду решенья г. Полякова относительно изданья "Жемчугов"[2]. Но мне все-таки хотелось бы получить ответ до конца мая, когда я уеду в Крым[3]. Я бы лично хотел издать книгу в октябре. Впрочем, в конце мая я буду проездом в Москве, и если бы Вы позволили мне увидаться с Вами, мы ⟨бы⟩ подробнее обсудили этот вопрос[4].

Посылаю Вам мой новый сонет, может быть, Вы захотели бы его напечатать[5].

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Царское Село,
Бульварная, д. Георгиевского.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В.И. Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смирну, не бдолах[6], не кость слоновью
Я приношу зовущему пророку –
Багряный ток из виноградин сердца
И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Рока
Блаженно-расточаемою кровью.

Н. Гумилев.

[1] Издание прекратилось в августе 1909 г. на втором номере, хотя позднее в печати и появлялись сообщения о том, что «основанный весною молодыми поэтами журнал "Остров" переходит в редактирование от Н. Гумилева к П. Потемкину» (*Пильский П.* Blok-notes // Одесские новости. 1909. 20 окт. № 7944). Подписчикам "Острова" в связи с невыходом № 2 возвращались деньги (см. запись в дневнике неустановленного лица за август 1909 г. – *ГРМ*. Ф. 147. № 147. Л. 7).

[2] О решении Полякова см. наст. кн. Переписка с Поляковым, п. 122.

[3] Гумилев намеревался провести лето 1909 г. в Коктебеле у М.А. Волошина вместе с Елизаветой Ивановной *Дмитриевой* (1887–1928), (писавшей в "Аполлоне" под псевдонимом Черубина де Габриак), которой тогда был увлечен. 22 мая 1909 г. она извещала Волошина: "Дорогой Макс, уже взяты билеты, и вот как все будет: 25-го мая, в понедельник, мы с Гумилевым едем ⟨...⟩. В Москве мы остановимся до 27-го вечера, а потом ⟨...⟩ едем дальше, по моим расчетам, мы приедем в субботу в 7 часов утра в Феодосию, потому что едем в III классе" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 318. Л. 17, 18).

[4] См. п. 58.

[5] Сонет "Судный день" в "Весах" не публиковался. Впервые опубликован: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 102.

[6] Бдолах, точнее бделий, – гуммисмола. Используется как лечебное и ароматическое средство. При курениях в храмах обычно смешивали с миррой.

58. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

⟨Москва. 26 мая 1909 г.⟩

Дорогой Николай Степанович!

Очень жалею, что Вы меня не застали. Мой день расположен таким образом, что при всем желании для меня невозможно заехать к Вам[1] в 7, час который Вы указали. Но я могу быть дома между 9 и 12 вечера. Если это для Вас возможно, приезжайте в эти часы ко мне "пить чай". Буду очень рад.

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

26 мая 1909 года.

[1] Записка послана в гостиницу "Славянский базар" на Никольской улице, где остановился Гумилев. Как рассказала А.А. Ахматова П.Н. Лукницкому (см. его запись в дневнике от 5 апреля 1926 г. Архив В.К. Лукницкой), встреча Брюсова с Гумилевым и Дмитриевой состоялась в кафе. Речь зашла о сонетах. Брюсов очень хвалил сонеты П.Д. Бутурлина, книгу которого Гумилев купил сразу же после встречи и подарил Дмитриевой с надписью: "Лиле по приказанию Брюсова".

59. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Варна.⟩ 3 декабря 1909 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

не знаю, простите ли Вы мне, что я так долго не писал; Вы будете справедливы, если не простите, и великодушны, если простите. Приветствую Вас из Варны, куда я заехал по пути в Абиссинию[1]. Там я буду недели через полторы. Застрелю двух, трех павианов, поваляюсь под пальмами и вернусь назад, как раз, чтобы застать Ваши лекции в "Академии Стиха"[2]. Напишу еще из Джибути или Харрара.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] 1 декабря 1909 г. Гумилев писал Вяч. Иванову из Одессы: "Многоуважаемый Вячеслав Иванович, карантина в Синопе, кажется, нет, 3-го (в среду) я выезжаю в К⟨онстантино⟩поль, там в пятницу. В субботу румынский пароход, и 9-го (во вторник) я уже в Каире. Незачем ехать в Триест. Так дешевле и быстрее. В Каире буду ждать телеграммы в русское консульство. Письмо очень запоздает. 12-го, если не будет телеграммы, еду дальше. Я чувствую себя прекрасно, очень хотел бы Вашего общества" (*ГБЛ*. Ф. 109, 17.28. Л. 1). 2 декабря Гумилев в Одессе посетил готовившуюся к открытию художественную выставку "Салон" (см.: Одесский листок. 1909. 3 дек. № 277; Одесские новости. 1909. 4 дек. № 7983). Ср. в письме Д.Д. Бурлюка к Э.Ф. Голлербаху от 12 июня 1930 г.:
"...на этой выставке Александра Александровна Экстер познакомила меня с Гумилевым, спешившим на пароход, идущий в Африку" (*ГПБ*. Ф. 207. № 18). Из Варны Гумилев отправил открытку группе сотрудников "Аполлона" – Е.А. Зноско-Боровскому, М.А. Кузмину, С.А. Ауслендеру и П.П. Потемкину: «Дорогие Женя, Миша, Сережа, Петя и т.д., одним словом, все, кто относится ко мне хорошо, приветствую Вас из Варны. Из-за карантина пассажиров не выпускают на берег, но я как-то удрал. Сижу в кафе и пью Бенедиктин за каждого из Вас. Выпейте и ⟨вы⟩ за меня, когда будете у Альберта, и не давайте меня обижать в "Аполлоне". Качало нещадно, завтра опять будет качать. В субботу я в Константинополе, во вторник в Александрии. В Варне пробуду до полуночи, а теперь шесть вечера. У кого фантазия, фантазируйте.

Ваш Н. Г у м и л е в»

(Архив М.Л. Лозинского).

[2] Брюсов был приглашен прочитать в "Обществе ревнителей художественного слова" курс по теории стиха. 21 сентября 1909 г. секретарь "Аполлона" Зноско-Боровский писал Брюсову: «Уже в прошлые годы молодые поэты Петербурга общались на частных квартирах в особых собраниях, во время которых читались доклады, посвященные вопросам формы стиха, затем разбирались новые, ненапечатанные стихотворения, с которыми их авторы знакомили тут же собрание. С этого года эти собрания решено поставить на более прочное основание и соединить с "Аполлоном", главный редактор которого Сергей Константинович Маковский отнесся к этой идее с большим сочувствием. План этих собраний остается прежний, только будут они происходить более регулярно (предполагается – еженедельно) и, следовательно, более серьезно. И вот для чтения лекций-докладов все будущие участники собраний очень приглашают Вас, зная, что Вы в этом году намерены жить в Петербурге. ⟨...⟩ Кроме вас для той же цели пока приглашены гг. Вячеслав И. Иванов и Иннокентий Ф. Анненский, в числе своих слушателей вы увидите всех молодых поэтов, живущих здесь. Главным инициатором является Н.С. Гумилев» (*ГБЛ*. Ф. 386, 86.61. Л. 1). Учредителями Общества 20 октября 1909 г. зарегистрировались у петербургского градоначальника И. Анненский, Вяч. Иванов и С.К. Маковский. 20 ноября Правление Общества сообщило в канцелярию градоначальника свой состав: действительный статский советник И.Ф. Анненский, потомственный дворянин А.А. Блок, потомственный почетный гражданин В.Я. Брюсов, титулярный советник Е.А. Зноско-Боровский, сын титулярного совет-

ника В.И. Иванов, потомственный дворянин М.А. Кузмин, коллежский ассесор С.К. Маковский (ЛГИА. Ф. 287. Оп. 1. Д. 148. Л. 1,4). Вслед за этим, 24 ноября, С.К. Маковский направил Брюсову письмо с просьбой не отказываться от звания "члена правления" (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 356). 26 января 1910 г. А.А. Кондратьев писал Брюсову: "В Обществе ревнителей художественного слова (так теперь, кажется стала называться Академия поэтов) ждут Вас не дождутся" (*ГБЛ*. Ф. 386, 90.8. Л. 11). Брюсов дал согласие прочитать 5–7 лекций, но своего обещания не выполнил. 18 января 1910 г. Брюсов писал Вяч. Иванову: «"Академия" – учреждение очень приятное, заслуживающее всяческой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни. Иначе ее роль – сохранять, и бессмысленно сохранять традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям» (*ЛН*. Т. 85. С. 524, 525). Быть может, Брюсов был обижен тем, что почитаемый "аполлоновцами" Анненский в своей первой лекции в "Поэтической академии" 18 октября 1909 г., давая характеристики современным поэтам, сравнил Брюсова с "колодой карт", подчеркнув тем самым непостоянство взглядов Брюсова, разнообразие комбинаций его меняющихся литературных союзников, периодическую перетасовку лозунгов "весовской" группировки (см.: *Пильский П.* Blok-notes) // Одесские новости. 1909. № 7944 20 окт.). Позднее, 2 июня 1910 г., в письме к П.Б. Струве Брюсов сообщал: "И эту Академию я могу только от всей души приветствовать и надеюсь быть ей полезным: готовлю для нее целый курс о русском стихе и о стихе вообще..." (*Лит. архив*. С. 267; в комментариях к этой публикации неверно утверждается, что "Академия поэзии в Петербурге не была основана").

60. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Джибути. 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

как видите, пишу Вам уже из Джибути. Завтра еду в глубь страны, по направленью к Адис-Абебе, столице Ме́нелика[1]. По дороге буду охотиться. Здесь уже есть все, до львов и слонов включительно. Солнце палит немилосердно, негры голые. Настоящая Африка. Пишу стихи, но мало. Глупею по мере того, как чернею, а чернею я с каждым часом. Но впечатлений масса. Хватит на две книги стихов[2].

Если меня не съедят, я вернусь в конце января. Кланяюсь Вашей супруге.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] *Менелик II* (1844–1913) – император Эфиопии с 1889 г., проводивший политику централизации управления государством. После возвращения Гумилева из его последней поездки в Африку в 1913 г. в мировой печати появились сведения о смерти императора. Гумилев опубликовал в журнале "Нива" (1914, № 5) статью "Умер ли Менелик?". В ней дается положительная характеристика личности Менелика и его политики. Судя по письмам Гумилева к Е.А. Зноско-Боровскому, сохранившимся в архиве М.Л. Лозинского, путешествие до столицы Менелика заняло около месяца и сначала проходило морским путем по маршруту Одесса – Варна – Константинополь – Александрия – Каир – Порт-Саид – Порт-Судан – Джидда – Джибути, а затем по суше: Дыре – Дауа – Харрар – Аддис-Абеба. 25 декабря (нов. ст.) 1909 г. Гумилев сообщал из Каира:

«Дорогой Женя, через два дня отправляю тебе статью, которую отделываю. Как видишь, я уже в Каире. Через два дня еду дальше. В Джибути и потом куда Бог даст. В Каире очень хорошо. Это письмо я пишу на террасе кафе и сижу без пальто, а уже вечер. Послезавтра выйдет номер "Аполлона". Поздравляю всех вас с этим событием. Пиши мне в Джибути до востребованья и, пожалуйста, поразборчивее. Сегодня Рождество по новому стилю, и поэтому скандалов в Каире вдвое больше обычного. А этим сказано все. Право, это город пальм и авантюристов. И все-таки он очень хорош. Ты помнишь обещанье: выслать 80 руб. до востребования в город, откуда я пошлю телеграмму. А то придется продать себя в рабство. Поклон всем

Всегда твой Н. Г у м и л е в.»

29 декабря 1909 г. (нов. ст.) Гумилев писал уже из Порт-Саида:

"Дорогой Женя, вчера я отправил тебе первую статью, вторую привезу с собой. Вернусь около 20 января. Если можно, вышли мне сейчас же 80 р в Джибути. 4 января я уезжаю оттуда. Около Каира я застрелил гиену. Хотел снять шкуру, но она очень пахла, и я бросил ее так. Кланяюсь всем.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.

Устрой, чтоб деньги пришли вовремя. Н.Г."

А 3 января 1910 г. ⟨нов. ст.⟩, не успев отправить открытку из Порт-Судана, он посылает ее с берега Аравийского полуострова:

«...Я уже в Джедде. Здесь очень жарко, очень грязно, удивительно зеленый цвет воды, много акул и могила Евы. Я совершил туда паломничество. Мой привет "Аполлону" и всем нашим друзьям. Через три дня я буду уже в Джибути.

Искренне твой Н. Г у м и л е в.»

ОТКРЫТКА Н.С. ГУМИЛЕВА БРЮСОВУ

24 декабря 1909/6 января 1910 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

[2] Одновременно с письмом к Брюсову Гумилев писал из Джибути Вяч. Иванову:

"Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, до последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни другого. Я прекрасно доехал до Джибути и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Аддис-Абебу, устраивая по дороге эскапады. Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. (...) Приветствую отсюда Академию стиха. Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки" (*ГБЛ*. Ф. 109, 17.23. Л. 2).

Из этой же поездки Гумилев писал и М.А. Кузмину:

«Дорогой Миша, пишу уже из Харрара. Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов (50 километров), чтобы найти леопардов. Так как княжество Харрар находится на горе, здесь не так жарко, как было в Дир-Адауа, откуда я приехал. Здесь только один отель и цены, конечно, страшные. Но сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы и слоны, но они редки, как у нас лоси, и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их.

Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и медно красного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом.

Как видишь из этого письма, я совсем забыл русский язык; здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино.

Когда ты получишь это письмо, я буду, наверно, уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя.

Кланяйся всем на башне и в "Аполлоне". Мой слуга абиссинец ждет меня у дверей. Кончаю писать.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.»

(*ГПБ*. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. № 1400. Л. 1, 2).

Свои впечатления от Абиссинии Гумилев изложил более точно в очерке "Африканская охота", написанном после экспедиции 1913 года (см.: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива". 1916. № 8). В нем отразился подлинный интерес Гумилева к природе и народностям этого тогда еще малоисследованного региона. Напротив, цикл из четырех стихотворений "Абиссинские песни" ("Военная", "Пять быков", "Невольничья" и "Занзибарские девушки"), опубликованный в "Антологии" (М.: Мусагет, 1911) и позднее вошедший в сб. "Чужое небо" (СПб.: Аполлон, 1912), носит явно стилизаторский экзотический оттенок.

61. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 25 марта 1910 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам, как моему учителю[1], и я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились написать о ней в "Аполлоне"[2]. Но по многим соображеньям необходимо, чтобы отзыв о моей книге появился в апрельском номере, и для этого надо, чтобы рукопись его была в распоряженьи редакции никак не позже первого апреля. Так что, если Вы согласны писать обо мне, мне придется просить Вас взять корректуры у М.Ф. Ликиардопуло и написать Ваш отзыв по ним. Они уже все готовы, и часть книги отпечатана. Рукопись лучше всего прислать в "Аполлон" на имя секретаря Зноско-Боровского[3].

Я тоже вынужден силой обстоятельств просить Вас известить меня открыткой о Вашем согласье или несогласье, чтобы в последнем случае, я мог просить рецензии другого[4].

Я послал Вам три письма из Египта и Абиссинии. Дошли ли они?[5]

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село,
Бульварная, д. Георгиевского.

[1] Сборник "Жемчуга" (1910) вышел с посвящением: "Моему учителю Валерию Брюсову".

[2] См. п. 62.

[3] Евгений Александрович *Зноско-Боровский* (1884–1954) – секретарь редакции "Аполлона", драматург, театровед, литературный критик и известный шахматист. Автор книг "Шахматы и их чемпионы" (Л., 1925) и "Теория середины игры в шахматах" (Л., 1925).

[4] Рецензию в "Аполлоне" поместил Вяч. Иванов (1910, № 7). Кроме этого отзыва, на сборник Гумилева "Жемчуга" были опубликованы рецензии в газете "Речь" (1910, № 181, 5 июля. С⟨ергей⟩ А⟨услендер⟩); в "Студенческой жизни" (1910, № 24, Н. Абрамович); в "Новом журнале для всех" (1910, № 20. Бор. Кремнев ⟨Г. Чулков⟩); в "Новом слове" (1911, март. М. Чуносов ⟨И. Ясинский⟩); в "Современном мире" (1911, № 5. В. Львов-Рогачевский). Рецензия Брюсова появилась в "Русской мысли" (см. п. 62, прим. 1).

[5] Два письма из трех, отправленных Гумилевым Брюсову, по всей видимости, затерялись.

62. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

⟨Москва.⟩ 28 марта 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

К сожалению, я не могу взять на себя приятный труд написать о Вашей книге в "Аполлоне". Я обещался "Русской Мысли" давать ей рецензии о всех, стоящих внимания сборниках стихов[1]. Писать же об одной книге в двух изданиях я считаю решительно неуместным (хотя Н. Лернер[2] и писал иногда по 18 рецензий об одном и том же).

Благодарю Вас за вести из Абиссинии.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в.

[1] Рецензия Брюсова на "Жемчуга" заканчивалась так: "...стихотворения написаны прекрасно, обдуманными и утонченно-звучащими стихами. Н. Гумилев не создал никакой новой манеры письма, но, заимствовав приемы стихотворной техники у своих предшественников, сумел их усовершенствовать, развить, углубить, что, может быть, надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным результатам" (*РМ*. 1910. № 7. С. 205).

[2] Николай Осипович *Лернер* (1877–1934) – плодовитый критик и известный литературовед. Особенно популярны его пушкиноведческие труды. Сотрудничал во множестве журналов, в том числе и в "Весах".

63. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Киев. 21 апреля 1910 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

пишу Вам, как Вы можете видеть по штемпелю, из Киева, куда я приехал, чтобы жениться. Женюсь я на А.А. Горенко[1], которой посвящены "Романтические цветы". Свадьба будет, наверное, в воскресенье, и мы тотчас же уезжаем в Париж. К июлю вернемся и будем жить в Царском по моему старому адресу[2].

"Жемчуга" вышли. Вячеслав Иванович в своей рецензии о них в "Аполлоне", называя меня Вашим оруженосцем, говорит, что этой книгой я заслужил от Вас ритуальный удар меча по плечу, посвящающий меня в рыцари. И дальше пишет, что моя новая деятельность ознаменуется разделеньем во мне воды и суши, причем эпическая сторона моего творчества станет чистым эпосом, а лиризм – чистой лирикой[3].

Не знаю, сочтете ли Вы меня достойным посвященья в рыцари, но мне было бы очень важно услышать от Вас несколько напутственных слов, так как "Жемчугами" заканчивается большой цикл моих переживаний, и теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока не ясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович. Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к темам общечеловеческим, пусть стихийным, но под условьем всегда чувствовать под своими ногами твердую почву. Но я повторяю, что мне это пока неясно и жду от Вас какого-нибудь указанья, намека, которого я, может быть, сразу не пойму, но который встанет в моем сознаньи, когда нужно. Так бывало не раз, и я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан Вам.

Как надпись на Вашем экземпляре "Жемчугов" я взял две строки из Вашего "Дедала и Икара"[4]. Продолжая сравненье, я скажу, что исполняю совет Дедала, когда он говорит:

"Мой сын, лети за мною следом
И верь в мой зрелый, зоркий ум..."

Но я не хочу погибнуть, как Икар, потому что белые Кумы[5] поэзии мне дороже всего.

Простите, что я так самовольно и без всякого на то права навязался к Вам в Икары.

Не присылаю теперь моего адреса, потому что сам его еще не знаю. Из Парижа напишу опять, тогда уже с адресом.

Может быть, Вы захотите мне там поручить что-нибудь сделать.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] Гумилев и А.А. Горенко (Ахматова) обвенчались 25 апреля 1910 г. под Киевом в Никольской слободе.

[2] Из Парижа Гумилев вернулся в начале июня.

[3] Рецензия завершается такими словами: «...когда действительный, страданьем и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем "суша и вода", тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой – его скрытый лиризм, – тогда впервые будет он принадлежать жизни» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38).

[4] Экземпляр "Жемчугов" с дарственной надписью Брюсову оказался утерянным (как свидетельствует расписка, сохраненная И.М. Брюсовой, книгу взял из брюсовской библиотеки автор статьи о Гумилеве в первом издании Литературной энциклопедии О. Бескин и не вернул обратно). Возможно, что две брюсовские строки, взятые Гумилевым для посвящения, были:

Удел наш – воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе...

В библиотеке Брюсова хранился еще один экземпляр этого сборника (ныне он находится в частном собрании) с иной дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову кесарево кесареви. Н. Гумилев "(*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 673).

[5] Дедал и Икар летели над морем "до белых Кум", греческого города в Малой Азии.

64. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 9 июля 1910 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

не только долг благодарности за Ваш более чем лестный для меня отзыв[1] заставляет меня писать Вам, но и желанье договорить, хоть прозой, то, что я не сумел вложить в стихи, показать, что не напрасно Вы оказали мне честь, признав меня своим учеником, что я тоже стремлюсь к указанному Вами синтезу, но по-своему, осторожно,

быть может, даже слишком. Начиная с "Пути конквистадоров" и кончая последними стихами, еще ненапечатанными, я стараюсь расширять мир моих образов и в то же время конкретизировать его, делая его таким образом все более и более похожим на действительность. Но я совершаю этот путь медленно, боясь расплескать тот запас гармонии и эстетической уверенности, который так доступен, когда имеешь дело с мирами воображаемыми и которому так мало (по-видимому) места в мире действительности[2]. Я верю, больше того, чувствую, что аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична, город величественно страшен, но для меня это слишком связано с газетами, а мои руки еще слишком слабы, чтобы оторвать все это от обыденности для искусства. Тут я был бы только подражателем, неудачным вдобавок; а хочется верить, что здесь я могу сделать что-нибудь свое. "Жемчуга" – упражненья, и я вполне счастлив, что Вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной как с поэтом придется только через много лет.

Я уже женат и живу в Царском, на старой квартире, Бульварная, д. Георгиевского. И думаю остаться еще несколько месяцев, пока не потянет куда-нибудь на юг. Пока смутно намечается поездка в Среднюю Азию[3].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

[1] См. п. 62, прим. 1.

[2] Брюсов отмечал в рецензии на "Жемчуга" условность поэтического мира Гумилева: "Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах, – можно сказать в этих мирах, – явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необъяснимым капризам, подсказываемым автором-суфлером" (*РМ*. 1910. № 7. С. 205).

[3] Гумилев мечтал поехать с Ахматовой "не то морем во Владивосток, не то через Самарканд в Китай" (письмо М.М. Замятниной к М.А. Бородаевской от 24 июля 1910 г. – *ГБЛ*. Ф. 218, 1349. 12. Л. 3об.). Этот замысел не осуществился.

65. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 29 авг(уста) 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

Я не писал Вам давно, – частью по причине Ваших летних разъездов[1], частью по причине разных событий моей жизни[2], пересказывать которые не было бы интересно. И мне как-то стыдно начинать это письмо с деловых предложений и рассуждений, – но к тому принуждают обстоятельства. Дело в том, что с этой осени (как Вы, может быть, уже знаете) я буду "принимать ближайшее участие" (официальный термин) в редактировании "Русской Мысли"[3]. Кроме того, мне же приходится взять на себя (за отъездом из Москвы С.А. Полякова) и редактирование "Северных Цветов", запоздавших, но имеющих выйти в течение этого сезона[4]. Вы понимаете и вы не сомневаетесь в том, что мне в том и в другом издании хочется иметь Вас в числе сотрудников. Зная, что в искусстве Вы, своим путем, постоянно продвигаетесь вперед, я уверен, что у Вас есть и стихи и рассказы (может быть, и статьи?), которые могут пригодиться для журнала и для альманаха[5]. К сожалению, ближайшие книжки "Русской Мысли" уже предопределены тем материалом (весьма плачевным), который достался мне в наследие от моих предшественников[6]. Но уже теперь я должен собирать рукописи для 1911 г. и, кроме того, все же надеюсь, что мне удастся вставить несколько мелких вещей и в последние книжки этого года. Что же касается "Северных Цветов", то теперь уже самая пора организовывать их и даже сдавать материал в типографию. Вы бы меня поэтому очень обрадовали, если бы нашли возможность прислать мне что-либо из Ваших новых произведений в самом близком будущем. Мне казалось бы, что для "Русск. Мысли" скорее всего подошла бы одна из маленьких новелл, в том роде, как Вы их печатали там[7], а для "Сев. Цветов" – стихи. Впрочем, это лишь предложение, на котором я нисколько не настаиваю, и совершенно возможно печатать в журнале стихи, а в альманахе прозу или тут и там и то и другое.

К большому моему сожалению, у меня сейчас совсем нет времени, чтобы поговорить с Вами, хотя бы в письме, о многом другом, о чем поговорить и хотелось бы и было бы надо, – в том числе о "Аполлоне". Позвольте отложить это до следующего письма или до встречи, ибо в этом году мне придется в Петербурге бывать неоднократно[8].

Благодарю Вас за Ваши письма.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Мой новый адрес: 1-я Мещанская, 32 (Москва).

[1] После свадебного путешествия в Париж Гумилев уехал до осени в тверское имение Слепнево.

[2] В августе 1910 г. Брюсов переезжал с Цветного бульвара на 1-ю Мещанскую улицу.

[3] В сентябре 1910 г. Брюсов приступил к заведованию литературно-критическим отделом журнала. Первым его шагом была рассылка писем, приглашающих к сотрудничеству как русских писателей, поэтов и критиков (А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, Ф. Сологуба, К. Чуковского, А. Толстого), так и иностранных (Э. Верхарна, С. Цвейга, Р. Гиля).

[4] "Северные цветы" (Альманах пятый книгоиздательства "Скорпион". М.) вышел в 1911 г.

[5] В альманахе "Северные цветы" были помещены стихотворения Гумилева"Наступала ночь. Догорал камин..." и "Паломник" ("Ахмет-оглы берет свою клюку..."), вошедшие позднее в сб. "Чужое небо". В "Русской мысли" стихи Гумилева появились только в 1911 г. (см. п. 67, прим. 9).

[6] В предисловии к публикации переписки Брюсова с редактором "Русской мысли" П.Б. Струве А.Н. Михайлова пишет: «Брюсов был нужен журналу не только как автор: он был известен как ценный журнальный работник. Дела же "Русской мысли" были не блестящи. Она теряла былую популярность и давала дефицит. Надо было резко улучшить качество журнала, чтобы привлечь подписчиков. Д.С. Мережковский, заведовавший в 1909 г. отделом беллетристики, оставил свой пост, так и не наладив работы. Преемники его – Ю.И. Айхенвальд, В.Г. Малахиева-Мирович и С.В. Лурье – еще более запутали дела журнала, так как приняли к печати ряд слабых произведений (например, бездарный роман П.А. Сергеенко "Андрей Щербина")» (*Лит. архив.* С. 259).

[7] См. п. 31, прим. 4. Позднее никаких беллетристических произведений Гумилева в "Русской мысли" не появлялось.

[8] Осенью и зимой 1910 г. Брюсов в Петербург не выезжал.

66. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 2 сентября 1910 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я Вас очень благодарю за Ваше письмо и приглашенье. Для меня большая честь печататься в изданьях, руководимых Вами. Но тем более я хочу быть требовательным к себе. В настоящую минуту то небольшое количество стихотворений, которое у меня было после "Жемчугов" (я летом вообще пишу мало), разобрано разными редакциями. Рассказов я вообще не писал уже довольно давно[1]. Но, конечно, Ваше письмо заставит меня работать, и я уверен, что через очень короткий срок я пришлю Вам ряд стихов, а может быть, и рассказ.

Дней через десять я опять собираюсь ехать за границу[2], именно в Африку. Думаю через Абиссинию проехать на озеро Родольфо, оттуда на озеро Викторию и через Момбаз в Европу. Всего пробуду там месяцев пять.

Ваша последняя статья в "Весах" очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию[3]. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче, но я несколько иначе понимаю статью Блока[4]. Может быть, под влияньем разговора с ним, я вынес то впечатленье, что он стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией, от произвольных догадок, выкриков и подмигивания ("Земля в снегу"), что он, конечно, совсем неосновательно называет поэзией. Пример – его стихи в "Аполлоне", где он явно учится у Вас[5].

Кстати, относительно "Аполлона" я хочу Вас предупредить, что хотя я и считаюсь его ближайшим сотрудником, но влиянье (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

Мой адрес прежний; если я уеду, мне будут пересылать все письма.

[1] Рассказы Гумилева, как правило, получали невысокую оценку критики. Так, П. Пильский в литературном обозрении "Blok-notes" писал: "Н. Гумилев ⟨...⟩ взялся за перо новеллиста, и в этом году мы прочли его три прозаические вещицы. ⟨...⟩ Все эти выступления поэтов в новой роли имеют некоторые общие характерные черты. Заметно: 1) стремление к стилизации, главным образом прошлого; 2) к утончению языка и 3) игнорирование живой жизни и особенно русской жизни и, конечно, быта. Характерно, что самые яркие из поэтов, поражавшие нас богатством и образов, и красок, и напевов, в своей прозе бледнеют, тускнеют, чахнут и замирают" (Одесские новости. 1909. № 7958. 5 нояб.).

[2] 23 сентября 1910 г. Ахматова сообщала в письме к А.Г. Архангельскому, что Гумилев "вчера уехал в Африку" (*ЦГАЛИ*. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1). А.Н. Толстой вспоминает об этом периоде жизни Гумилева: "Он женился и уехал в Абиссинию. Сбылась мечта о тропических лесах, о пирогах, скользящих по голубым озерам, о стадах обезьян, о том задумчивом жирафе, который, поджидая его, много лет бродил одиноко по берегу озера Чад. Гумилев привез из Африки желтую лихорадку, прекрасные стихи, чучело убитого им черного ягуара и негрское оружие" (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 43). Гумилев провел в Абиссинии полгода, собирая там народные песни. В Петербург он вернулся 25 марта 1911 г., а 5 апреля сделал в редакции "Аполлона" доклад об Абиссинии. А.А. Кондратьев писал Брюсову 12 апреля 1911 г.: "Из петербургских новостей – приехал из Абиссинии Гумилев. Читал доклад о своем путешествии в редакции Аполлона. Тема доклада была опасная и требовала многих умолчаний, чтобы не напомнить героя нескольких наиболее удачных романов Додэ. С трудностями Гумилев справился. Описывал он и свою охоту на льва и то, как его мотал на рогах африканский буйвол (при описании этих двух эпизодов в особенности чувствовались фигуры умолчания)" (*ГБЛ*. Ф. 386, 90.8. Л. 24). Ср. также шуточное стихотворение А. Кондратьева "Песнь торжественная на возвращение Гумилева из путешествия в Абиссинию" (*ЦГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 4–4об.). Об этом же докладе Брюсову сообщал К.И. Чуковский.

[3] Явная описка, т.к. издание "Весов" прекратилось в 1909 г. Гумилев имеет в виду статью Брюсова «О "речи рабской" в защиту поэзии», опубликованную в "Аполлоне" (1910, № 9, июль–август) и направленную против мистического истолкования символизма Вяч. Ивановым, предложенного им в статье "Заветы символизма" (Там же, № 8). Возражая против пожелания Вяч. Иванова о том, чтобы поэты-символисты были теургами, Брюсов пишет: "Неужели после того как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!" (VI, 178). Интересно, что С.М. Городецкий, будущий синдик "Цеха поэтов" и соратник Гумилева по акмеизму, выступил в поддержку брюсовской позиции (см.: Против течения, 1910. № 1. 15 окт.). Статья Брюсова вызвала солидарное воодушевление у всей "молодой редакции" "Аполлона" (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 369–371).

[4] Статья А. Блока "О современном состоянии русского символизма", напечатанная в "Аполлоне" рядом со статьей Вяч. Иванова, ставила своей задачей "раскрыть его ⟨В. Иванова⟩ терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту..." (V, 426). Тем не менее взгляды Блока значительно отличались от идей Вяч. Иванова, на что и обращает Гумилев внимание Брюсова, необоснованно сближавшего в своей резкой заметке позиции обоих поэтов. Широко развернувшаяся полемика, к которой подключились А. Белый (Аполлон. 1910. № 11), С. Венгеров (*РВ*. 1911. № 14. 19 ян.), С. Адрианов (*ВЕ*. 1910. № 10), Д. Мережковский (Русское слово, 1910. № 211. 14 сент.) и др., ознаменовала начало распада символизма.

[5] В "Аполлоне" (1910, № 4) был напечатан цикл итальянских стихов А. Блока: "Равенна" ("Все, что минутно..."), "Maria da Spoleto", "Холодный ветер от лагун...", "Слабеет жизни гул упорный...", "Благовещенье", "Успенье".

67. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Ст. Подобино. 24 мая 1911 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

благодарю Вас за переводы Верлэна (они мне очень и очень понравились)[1] и за новую "Земную ось"[2]. Правда ли, что книга Ваших стихов выходит осенью?[3] Это очень нужно, а то проходящая зима была так бедна стихами, что даже интерес к ним стал, как будто, пропадать[4]. Ваши мысли по поводу реализма в поэзии (из "Русской Мысли") заставили меня много думать, волноваться, даже сердиться[5]. Но Вы правы: и ангелы и замки не лучше гражданской поэзии. Меня смутил только Ваш отзыв об Эренбурге[6]. Сколько я его ни читал, я не нашел в нем ничего, кроме безграмотности и неприятного снобизма[7]. Как Вам показались стихи Анны Ахматовой (моей жены)?[8] Если не поленитесь, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И положительное и отрицательное Ваше мненье заставит ее задуматься, а это всегда полезно.

Посылаю Вам три новые стихотворенья, может быть, пригодятся в какое-нибудь изданье[9]. Но мне хотелось бы знать о их судьбе.

Целую ручки Анны Матвеевны.

Мой адрес до августа[10]. Тверская губ. Полуст. Подобино, именье Слепнево[11], мне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Как будто год наш роковой,
ДВУНАДЕСЯТЫЙ возвращался.
Гр.Е. Ростопчина[12].

Он близок, слышит лес и степь его;
Какой теперь он кроет ков,
Год Золотой Орды, Отрепьева,
Двунадесяти языков?

Вслед за его крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С военной музыкой и пением
Войдут войска в столицу... – чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных,
Но громких в летописи слав?

Кто смелый?.. Но к чему допрашивать!
Туманно небо, воет пес,
В душе темно, – пора докашивать
Перестоявшийся покос.

Чума, война иль революция,
В пожарах села, луг в крови!
Но только б спела скрипка Муция[13]
Песнь Торжествующей Любви[14].

---

* * *

В вазах было томленье умирающих лилий[15].
Запад был медно-красный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы тогда говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы,
И читали спокойно, и шептали – "не тот!"
... Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы-звезды, что восходят раз в год.

Было тихо, так тихо; и пред нами воскресли
Рифмы древнего солнца, мир нежданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

Н. Гумилев.

[1] Брюсов прислал выпущенную в марте книгу "Поль Верлен. Собрание стихов. Перевод В. Брюсова" (М.: Скорпион, 1911). В рецензии на нее Гумилев писал: "Книга Валерия Брюсова дает полное представление о Верлене как о поэте. Совершенное знание всей его поэзии позволило переводчику пользоваться верленовским же словарем в тех местах, где точность перевода немыслима. Многие строфы, даже стихотворения спорят по производимому очарованию с оригиналом" (Аполлон. 1912. № 1. С. 72). Ранее, рецензируя книгу Брюсова "Французские лирики XIX века", Гумилев отметил, что в его переводе "образы Верлена могут быть четкими" (Речь. 1909. № 196. 20 июля). Сам Гумилев почти не переводил Верлена. Известен лишь один его неопубликованный перевод, относящийся к последним годам жизни, – "Эпилог" из сб. "Poèmes Saturniens" (список, сделанный П. Лукницким, с оригинала, принадлежавшего М. Тумповской, хранится в настоящее время у Л. Горнунга).

[2] Второе издание "Земной оси", дополненное четырьмя рассказами, вышло в октябре 1910 г. (М.: Скорпион). Отношение Гумилева к прозе Брюсова в какой-то степени характеризует проект "Антологии современной прозы", который составлялся в 1915 г. Гумилев намеревался включить в него следующие произведения Брюсова (цифры означают, по-видимому, количество страниц): «Из "Земной оси" – 5, из "Дневника женщины" – 3, из "Огненного ангела" – 5, из "Алтаря победы" – 3, из "Далеких и близких" – 3» (*ГПБ*. Ф. 66. № 1. Л. 166).

[3] Сборник "Зеркало теней" вышел в марте 1912 г., но печататься начал осенью 1911 г. 28 ноября 1911 г. Брюсов сообщал К.И. Чуковскому: "Печатаю новый сборник новых стихов, которыми очень доволен" (*Чуковский К.И.* Из воспоминаний. М.: Сов. пис., 1959. С. 458). Гумилев, старавшийся привлечь Брюсова на сторону зарождавшегося молодого течения, приветствовал новую книгу учителя: «Недаром слова "брюсовская школа" звучат так же естественно и понятно, как школа парнасская или романтическая. Действительно, завоеватель, но не авантюрист, осторожный, но и решительный, расчетливый, как гениальный стратег, Валерий Брюсов усвоил характерные черты всех бывших до него литературных школ, пожалуй, до "эвфуизма" включительно. Но он прибавил к ним нечто такое, что заставило их загореться новым огнем и позабыть прежние распри. Может быть, это нечто есть основание новой, идущей на смену символизма школы...» (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 99). Ср. этот отзыв с его же неподписанной рецензией на тот же сборник, которая процитирована во вступительной статье.

[4] Вряд ли это замечание Гумилева справедливо. В феврале 1911 г. Брюсов отметил в "Русской мысли": «Шестнадцать новых сборников стихов, вышедших за последние три-четыре месяца! Не слишком ли это много? Между тем эти шестнадцать сборников выбраны мною из гораздо большего числа их, доставленных с сентября по декабрь в редакцию "для отзыва". А сколько еще сборников по тем или иным причинам доставлено не было и осталось мне неизвестно!» (*РМ*. 1911. № 2. С. 227–228).

[5] Речь идет о статье Брюсова "Новые сборники стихов", в которой говорится: "Было время, когда русская поэзия нуждалась в освобождении от давивших ее оков холодного реализма. Надо было вернуть исконные права мечте, фантазии ⟨...⟩ К сожалению, по.этому необходимому пути пошли слишком далеко. Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения, захотела синтезировать, не имея за собой опыта, фактов. Отсюда ее безжизненность и ее подражательность..." (Там же. С. 230).

[6] Отзыв Брюсова о первой книге И. Эренбурга "Стихи" (Париж; 1910) см. наст. кн. Переписка с Эренбургом, вступ. ст. Б.Я. Фрезинского.

[7] Отрицательное суждение о сборнике "Стихи" Гумилев высказал в обзоре "Письмо о русской поэзии": "И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: выявить лик средневекового рыцаря, только случайно попавшего в нашу обстановку, изобразить католическую влюбленность в деву Марию, быть утонченным, создать четкий, изобразительный стих. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных" (Аполлон. 1911. № 5. С. 78). Гораздо более высокую оценку получил у Гумилева второй сборник Эренбурга "Я живу" (см.: Аполлон. 1911. № 10).

[8] См. п. 68, прим. 7.

[9] Кроме публикуемых стихотворений, к письму было приложено также "Из логова змиева..." (см. п. 68), помещенное Брюсовым в "Русской мысли" (1911, № 7). Рукопись его не сохранилась.

[10] Лето 1911 г. Гумилев провел в имении Слепнево Тверской губ., принадлежавшем его матери Анне Ивановне, рожд. Львовой. 28 июля 1911 г. Гумилев писал из Подобино Зноско-Боровскому:

"Милый Женя, я здесь пробуду до 7 августа. Если приедешь, очень порадуешь. Напиши, что надо сделать еще для альманаха. Я уезжаю к лопарям. Вернусь в начале сентября. Князеву пишу. Жму твою руку.

Твой Н. Гумилев.

Аня шлет привет"

(*ГПБ*. Ф. 124. Собр. П.Л. Вакселя. Ед. хр. № 1399. Л. 3).

[11] Скорее всего, летом 1911 г. состоялось знакомство Гумилева с В. Неведомской, которая оставила о нем небольшие воспоминания. «Вернувшись в июле из заграницы в наше имение "Подобино" – в Бежецком уезде Тверской губернии – я узнала, что у нас появились новые соседи. Мать Н.С. Гумилева получила в наследство небольшое имение "Слепнево", в 6 верстах от нашей усадьбы. Слепнево, собственно, не было барским имением, это была скорее дача, выделенная из "Борискова", имения Кузьминых-Караваевых. ⟨...⟩

Я как сейчас помню мое первое впечатление от встречи с Гумилевым и Ахматовой в их Слепневе. На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове – феска лимонного цвета, на ногах – лиловые носки и сандалии и к этому русская рубашка. Впоследствии я поняла, что Гумилев вообще любил гротеск и в жизни и в костюме. У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмехаются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить... ⟨...⟩ Его стихи и личное обаяние совсем околдовали нас, и ему удалось внести элемент сказочности в нашу жизнь. Он постоянно выдумывал какую-нибудь затею, игру, в которой мы все становились действующими лицами» (*Неведомская В.* Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 151.

[12] По всей видимости, Гумилев писал стихотворение к приближающемуся столетнему юбилею 1812 г. Без эпиграфа и заглавия со значительными изменениями оно публиковалось в "Ниве" (1916, № 9). Во второй строфе был вычеркнут военной цензурой последний стих. Эпиграф взят из стихотворения Е.П. Ростопчиной "Одним меньше! (На смерть партизана Дениса Давыдова)".

[13] Муций – герой рассказа И.С. Тургенева "Песнь торжествующей любви", волшебной игрой на скрипке вызывающий неодолимую страсть.

[14] Сохранился недатированный автограф этого стихотворения, в котором вместо последней строфы были две другие:

Мы будем делать, что нам велено!
Труба, реви; ружье, стреляй;
Граната, рой в земле расселины,
Подготовляя новый рай.

И ты светись, заря зловещая,
Пугая и чаруя нас;
Ведь время, как сибилла вещая,
Нам все расскажет в должный час.

(*ГПБ*. Собр. П.Л. Вакселя. Ф. 124. № 1398. Л. 3).

[15] Под заглавием "Однажды вечером" опубликовано в сборнике "Чужое небо".

68. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Опалиха. 20 июня 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо, что меня вспомнили. Первое Ваше стихотворение "Из логова змиева" думаю напечатать в одной из ближайших книжек "Русской Мысли"[1]. В нем в одном месте дактилические рифмы заменены женскими, – так и должно?[2] – Два других, по разным причинам, мне нельзя будет пристроить.

Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен[3]. Игорь Северянин действительно интересен[4]. В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого – меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах?[5] Более меня тревожит, что он пишет и в "Сатириконе" и, кажется, в "Синем журнале"[6]. Это – путь опасный.

Стихи Вашей жены, г-жи Ахматовой, – которой, не будучи пока ей представлен, позволю себе послать мое приветствие, – сколько помню, мне понравились. Они написаны хорошо. Но во-первых, я читал их уже давно, осенью, во-вторых, двух стихотворений, которые мне были присланы, слишком мало, чтобы составить определенное суждение[7].

Сердечно Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] 20 июня 1911 г. Брюсов сообщал редактору "Русской мысли" П.Б. Струве: "Для июля я дал, вместо Умова, стихи Н. Гумилева (хорошие)..." (*Лит. архив.* С. 344).

[2] Речь идет о второй строфе стихотворения:

Покликаешь – морщится.
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.

[3] См. п. 67, прим. 7. В этом обзоре Гумилев среди прочих разбирает сборники: Сергея Клычкова – "Песни", Модеста Гофмана – "Гимны и оды", Эллиса – "Stigmata", Бенедикта Лившица – "Флейта Марсия" и Марины Цветаевой – "Вечерний альбом".

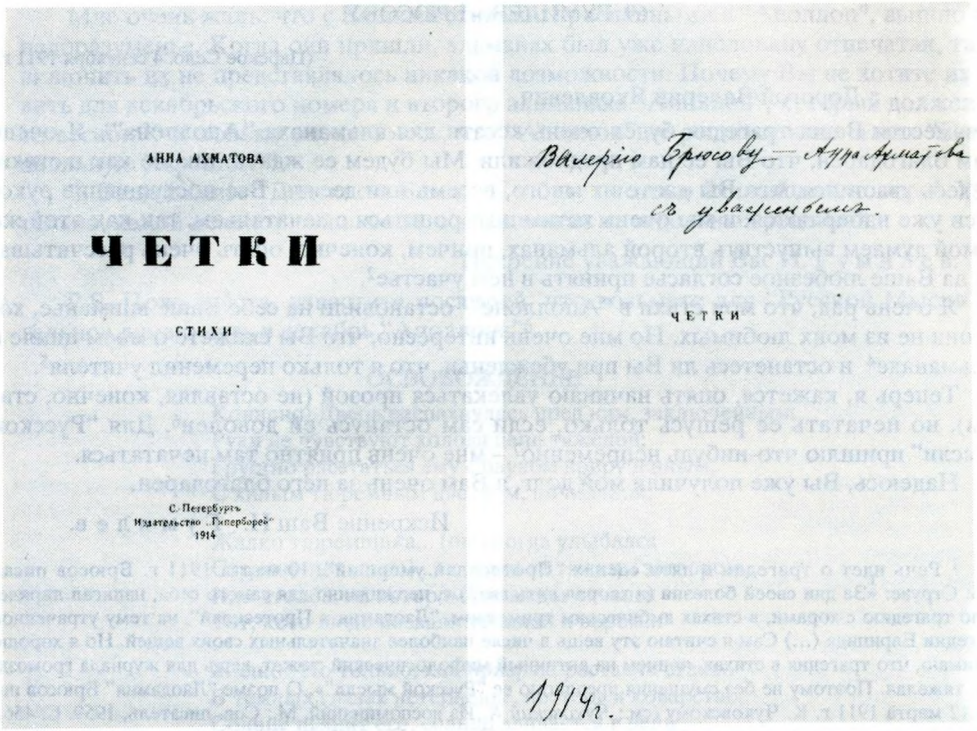
[4] В обзоре Гумилева Северянин охарактеризован так: "... интереснее всех, пожалуй, Игорь Северянин: он больше всех дерзает. Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе, как желание скандала или как ни с чем несравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства. ⟨...⟩ Но зато его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе неожиданны, у него есть уже свой поэтический облик" (Аполлон. 1911. № 5. С. 76).

[5] Об ученическом характере стихов своего первого сборника Брюсову писал и сам И.Г. Эренбург (см. наст. кн. Переписка с Эренбургом, п. 1).

[6] "Сатирикон" – еженедельный сатирический журнал, издаваемый М.Г. Корнфельдом с 1908 по 1914 г. Журнал пользовался заслуженной популярностью, в нем печатались Л. Андреев, А. Куприн, А. Блок, А. Толстой, А. Аверченко, Саша Черный, Тэффи, А. Бухов, Ф. Сологуб, А. Грин... Наряду с постоянными карикатуристами Н. Ремизовым, А. Радаковым, А. Юнгером, к иллюстрированию привлекались А. Бенуа, К. Коровин, Б. Кустодиев, М. Добужинский. Печатался в "Сатириконе" и Гумилев. Сотрудничество Эренбурга с "Сатириконом" (см. №№ 10, 17 и 22 за 1911 г.) никак не могло его скомпрометировать. См. также: *Евстигнеева Л.* «Журнал "Сатирикон" и поэты-сатириконцы». М., 1968.

"Синий журнал" – петербургский еженедельник, выходивший в 1910–1916 гг. Этот журнал, хотя его издавал также М.Г. Корнфельд, был рассчитан на весьма нетребовательный вкус. Факт сотрудничества Эренбурга с "Синим журналом" нам неизвестен. Не исключено, что Брюсов своим упреком косвенно предостерегал Гумилева, друзья которого (в частности, П. Потемкин) публиковались в этом издании. Кстати, в нем незадолго до брюсовского письма были помещены репродукции пяти картин со следующим пояснением: «Только что вернувшийся из путешествия по Абиссинии молодой поэт Н. Гумилев привез редкую коллекцию картин абиссинских художников и представил последнюю для воспроизводства на страницах "Синего Журнала"» (Синий журнал. 1911. 23 апр. № 18. С. 12). Часть этой коллекции ныне хранится в собрании П.Н. Лукницкого.

[7] Брюсову изменила память. В октябре 1910 г. Ахматова прислала ему не два, а четыре стихотворения: "Жарко веет ветер душный...", "Хочешь знать, как все это было...", "Тебе, Афродита, слагаю танец...", "Старый портрет" (см.: Записки Отдела рукописей Гос. биб-ки им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1972. Вып. 33. С. 276–277). К тому же Брюсову наверняка были знакомы четыре стихотворения Ахматовой "Сероглазый король", "В лесу", "Над водой", "Мне больше ног моих не надо...", опубл. в "Аполлоне" (1911, № 4). Осторожность брюсовской оценки вряд ли вызвана недостаточным знакомством с ее творчеством, поскольку чуть позже в рецензии на мусагетовскую "Антологию" (М., 1911) он назвал Ахматову в числе


АННА АХМАТОВА

ЧЕТКИ

СТИХИ

С. Петербургъ
Издательство „Гиперборей"
1914

Валерію Брюсову — Анна Ахматова
съ уваженіемъ.

ЧЕТКИ

1914г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А.А. АХМАТОВОЙ

на книге "Четки" (СПб., 1914): "Валерию Брюсову – Анна Ахматова с уважением. 1914 г."
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

"молодых", "об отсутствии которых" в сборнике надо пожалеть" (*РМ*. 1911. № 8. Разд. III. С. 18). Вопрос Гумилева (см. п. 67) свидетельствует, что Брюсов не ответил на письмо Ахматовой, в котором она спрашивала, стоит ли ей "заниматься поэзией", и просила "напечатать которое-нибудь" из присланных стихотворений. Брюсов косвенно извинялся в письме Гумилеву перед Ахматовой за свое молчание, оправдывая его благовидным предлогом.

Из четырех присланных Ахматовой стихотворений Брюсов не напечатал в "Русской мысли" ни одного. "Старый портрет" опубликован во "Всеобщем журнале литературы, искусства, науки и общественной жизни" (1911, № 3), "Жарко веет ветер душный..." – в журнале "Gaudeamus" (1911, № 10), "Хочешь знать, как все это было..." вошло в сборник "Вечер" (СПб., 1912). Стихотворение "Тебе, Афродита, слагаю танец..." опубликовано только в 1972 г. в указанных выше "Записках Отдела рукописей ГБЛ". Первое произведение Ахматовой появилось в "Русской мысли" при содействии Брюсова лишь через полгода ("Муж хлестал меня узорчатым..." – *РМ*. 1911. № 12). 22 октября 1912 г. Ахматова вновь посылает Брюсову подборку из нескольких стихотворений, на этот раз с бóльшим успехом. В ответном письме Брюсов сообщал:

«Многоуважаемая Анна Андреевна!

Очень извиняюсь, что отвечаю Вам с таким промедлением. К сожалению, в дни, когда я был в Петербурге, я никак не мог выбрать несколько свободных часов, чтобы приехать к Вам в Царское Село, а вернувшись в Москву, я снова захворал и лишь теперь возвращаюсь к делам. Еще раз, – простите.

Благодарю Вас за присланные стихи. Два стихотворения я выбрал для "Русской мысли". Какие именно, сейчас не сумею сказать, так как рукопись осталась в редакции. Вам это будет не трудно узнать из редакции, хотя бы по телефону.

Когда могут быть помещены Ваши стихи в журнале, тоже Вам сказать не сумею. Дело в том, что я *отказался от участия в редакции "Русской мысли"*. Пока еще продолжаю заканчивать свои работы по редакции, но состав книжек будущего года уже совершенно не будет от меня зависеть.

Уважающий Вас Валерий Брюсов.

27 ноября 1912.»

(Автограф – в собрании П.Н. Лукницкого; снятая им копия: в *ГБЛ*. Ф. 386, 150.58. Л. 9; опубл.: Записки отдела рукописей (ГБЛ). М., 1978. Вып. 39. С. 87). В журнале были опубликованы стихотворения Ахматовой "Бессонница" и "Я научилась просто, мудро жить..." (*РМ*. 1913. № 2).

69. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 4 сентября 1911 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

разумеется Ваша трагедия будет очень кстати для альманаха "Аполлона"[1]. Я очень Вам благодарен, что Вы ее нам предложили. Мы будем ее ждать, так же как и стихи я здесь хвастался, что Вы даете их много, восемь или десять. Все поступившие рукописи уже набираются, и мы очень хотим поторопиться с печатаньем, так как этой же зимой думаем выпустить второй альманах, причем, конечно, опять очень рассчитываем на Ваше любезное согласье принять в нем участье[2].

Я очень рад, что мои стихи в "Аполлоне"[3] остановили на себе Ваше вниманье, хотя они не из моих любимых. Но мне очень интересно, что Вы скажете о моем цикле в Альманахе[4] и останетесь ли Вы при убежденьи, что я только переменил учителя[5].

Теперь я, кажется, опять начинаю увлекаться прозой (не оставляя, конечно, стихов), но печатать ее решусь только, если сам останусь ей доволен[6]. Для "Русской Мысли" пришлю что-нибудь непременно[7] – мне очень приятно там печататься.

Надеюсь, Вы уже получили мой долг, я Вам очень за него благодарен.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

[1] Речь идет о трагедии в пяти сценах "Протесилай умерший". 10 марта 1911 г. Брюсов писал П.Б. Струве: «За дни своей болезни (я хворал пять дней) я, неожиданно для самого себя, написал лирическую трагедию с хорами, в стихах ямбическим триметром, "Лаодамия и Протесилай", на тему утраченной трагедии Еврипида ⟨...⟩ Сам я считаю эту вещь в числе наиболее значительных своих вещей. Но я хорошо понимаю, что трагедия в стихах, причем на античный мифологический сюжет, вещь для журнала громоздкая, тяжелая. Поэтому не без смущения предлагаю ее "Русской мысли"». О поэме "Лаодамия" Брюсов писал 12 марта 1911 г. К. Чуковскому (см.: *Чуковский К.* Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 456). 17 мая Брюсов снова касается этой темы в письме к Струве: «По свойственному людям эгоизму, я думаю при этом о судьбе моей трагедии "Лаодамия", о которой я Вам писал. У меня есть одна особая причина желать ее скорейшего напечатания. Как Вы, вероятно, знаете, издательство Сабашникова предприняло издание Библиотеки классиков в русском переводе. ⟨...⟩ Но перевод их предполагается пятистопным ямбом. Я считаю своим долгом, литературным долгом, всячески протестовать против этого. Перевод античных трагиков должен быть исполнен тем же стихом, каким писали они: ямбическим триметром. А для этого надо доказать, что ямбический триметр в русской литературе существует» (*Лит. архив.* С. 342–343). 6 сентября 1911 г. Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «Н.С. Гумилев передавал редакции "Аполлона" о том, что у Вас есть готовая трагедия, которую, может быть, можно было бы получить из "Русской мысли" для нашего Альманаха. Нечего и говорить, что мы все очень хотим и были бы Вам горячо благодарны, если бы Вы нам ее прислали, и очень просим Вас приложить все усилия, чтобы "Русская мысль" передала ее нам» (*ГБЛ.* Ф. 386, 86.61. Л. 14). О дальнейшей судьбе брюсовской трагедии см. п. 70, прим. 3.

[2] В "Литературном альманахе" (Издание "Аполлона". СПб., тип. "Сириус", 1912) Брюсов не участвовал (см. п. 70).

[3] Стихотворения Гумилева "Еще близ порта орали хором..." и "С тусклым взором, с мертвым сердцем в море...", вошедшие позднее в сб. "Чужое небо" под заглавием "Константинополь" и "Жизнь", опубл.: Аполлон. 1911. № 6.

[4] В "Литературном альманахе" появились следующие стихи Гумилева: 1. "Сон" ("Вы сегодня так красивы..."); 2. "Мне не нравится томность..."; 3. "Вечерний медленный паук..."; 4. "Я жду, исполненный укоров..."; 6. "Какою музыкой мой слух взволнован..."; 6. "Вот я один в вечерний тихий час..."; 7. "Я в коридоре дней сомкнутых...". Все они, кроме 3 и 5, вошли в сб. "Чужое небо".

[5] Речь идет о возрастающем влиянии на Гумилева Вяч. Иванова.

[6] Из повествовательных прозаических произведений Гумилева в 1910-е годы появился только рассказ "Путешествие в страну эфира" (Биржевые ведомости. Утр. выпуск. 1916. № 15711. 31 июля).

[7] См. п. 70, прим. 1.

70. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 15 ноября 1911 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю Вам три мои последние стихотворенья[1]. Может быть, что-нибудь пригодится для "Русской Мысли". Но, к сожаленью, я должен Вас предупредить, что в феврале выйдет книга моих стихов[2], так что эти стихи самое позднее могут войти в февральскую книжку. Может быть, Вы не откажете известить меня о Вашем решеньи.

Мне очень жаль, что с Вашими стихами, присланными в "Аполлон", вышло такое недоразуменье. Когда они пришли, альманах был уже наполовину отпечатан, так что включить их не представлялось никакой возможности. Почему Вы не хотите их оставить для декабрьского номера и второго альманаха "Аполлон", который должен выйти весною[3]? Я только очень боюсь, что "Аполлон" не решится напечатать "Провинциальную Картинку"[4].

О Вашей книге "Далекие и Близкие" я буду писать в ближайшем номере[5]. Удивительно, какой цельной вышла она, составленная из отдельных рецензий.

Искренне уважающий Вас Н. Гумилев.

P.S. Пожалуйста, известите поскорей, что возьмете для "Русской Мысли". Остальное думаю дать в декабрь "Аполлона"[6].

ОСВОБОЖДЕНЬЕ

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным;
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой;
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком, пичиоллой;

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально) ... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди назвали убийцей и вором...

Жалко? Но только, как призрак, растаяли стены,
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство,
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... изгнанник идет завоевывать царство.

Н. Гумилев.

[1] Кроме стихотворения, публикуемого в настоящем письме, к нему были приложены также "Я верил, я думал..." и "Туркестанские генералы" (см. п. 71), вошедшие в сб. "Чужое небо". Рукописи их не сохранились.

[2] Имеется в виду сб. "Чужое небо", вышедший в начале апреля 1912 г.

[3] 18 октября (?) 1911 г. Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «... мы подготовляем в скором времени выпуск 1-го Альманаха "Аполлона", для которого Вы обещали Серг(ею) Конст(антинович)у (Маковскому) цикл стихотворений. Серг(ей) Конст(антинович) не хочет приступать к печати "Альманаха", покуда он не будет иметь этих Ваших стихов. Очень прошу Вас быть так любезным и в скором времени прислать нам эти стихи. Мы ждем их с большим нетерпением» (*ГБЛ*. Ф. 386, 86.61. Л. 12). 1 ноября 1911 г. он сообщил: "... как жаль, что Ваши стихи пришли в воскресенье (30 октября)! Приди они хоть двумя днями раньше, и я еще сумел бы как-нибудь им найти место, а теперь это невозможно: уже отпечатаны 2 листа, пагинация установлена окончательно, и сделать ничего нельзя. Т(ак) к(ак) Серг(ея) Конст(антинович)а сейчас нет в Петербурге, я пересылаю ему Ваши стихи, чтоб (?) он, прочитав их, предложил Вам печатать ли (?) их в № 10 или в следующий Альманах. Однако он еще неизвестно, когда выйдет. Мне неприятно, что такое (?) случилось" (Там же. Л. 15). 9 ноября он извещал Маковского: "Брюсов прислал целую массу для Аполлона, я ему написал, что он опоздал, он ответил обидчивым письмом, прося, несмотря на мои уверения, что ты стихи используешь для журнала или для нового Альманаха, вернуть ему стихи" (*ГПБ*. Ф. 124. № 1770. Л. 18). 2 февраля 1912 г. к Брюсову обратился Маковский: «Мне хотелось бы приложить все старания к тому, чтобы при печатании нашего следующего "Альманаха" не повторилось то досадное опоздание Вашей рукописи, о котором Вы упоминаете в Вашем письме к Зноско-Боровскому. Поэтому *очень* прошу Вас прислать ее, не ожидая крайнего срока! К тому же я бы хотел, – конечно, если Вы – не против, – приложить к "Протесилаю Умершему" графический рисунок, т(ак) к(ак) "Альманах" будет иллюстрированным? Для этого тоже необходимо время. Гонорар, о котором Вы пишете, мог бы быть уплачен Вам вперед, по получении рукописи... "Альманах" выйдет, во всяком случае, не позже Октября 1912 г., но, м(ожет) б(ыть), и на месяц раньше, а печатать его (в виду технических сложностей, в связи (?) с иллюстрациями) думаю летом, в месяцы отдыха от журнала. Мне чрезвычайно досадно, что Ваши стихи не начали серии аполлоновских "Альманахов"; я на это очень рассчитывал, и теперь сожалею, что поручил другим ведение переговоров с сотрудниками. Отсюда – все недоразумения и оплошности. Как редактор журнала, Вы должны понимать меня и посочувствовать мне (...) Кроме драмы я надеюсь, что Вы пришлете еще несколько лирических стихотворений: ими я бы начал книгу» (*ГБЛ*. Ф. 386, 93.28. Л. 2–3). 13 мая 1912 г. Маковский с сильным запозданием благодарил Брюсова за присылку трагедии: «... радуюсь мысли, что, наконец, в "Альманахе" Аполлона будет Ваше большое произведение» (Там же. Л. 6). 9 января 1913 г. Брюсов писал Маковскому: «С большой неохотой, но по совершенной необходимости я принужден тревожить Вас запросом о

судьбе моей драмы "Протесилай умерший", находящейся в Вашем распоряжении уже свыше года. Она включена в один из томов собрания моих сочинений, издаваемого к⟨нигоиздательст⟩вом "Сирин", и потому для меня важно напеча⟨та⟩ть ее в журнале с таким расчетом, чтобы отдельное изд⟨ание⟩ драмы не появилось тотчас вслед. Между тем в объявлениях "Аполлона" нет даже указаний на подготовление к печати его 2-го альманаха, для которого, если не ошибаюсь, моя драма предназначалась..." (*ГРМ*. Ф. 97. Ед. хр. 35) Маковский ответил Брюсову 12 февраля 1913 г.: «... обстоятельства вынуждают меня согласиться на Ваше предложение и отдать Вам "Протесилая Умершего" (...) Дело в том, что я совершенно не могу сказать, когда выйдет следующий "Альманах" "Аполлона". В этот сезон (до лета) срок уже пропущен, но и насчет осени я не уверен, так как при нынешней литературной "конъюнктуре" составить интересный сборник – дело совсем не легкое...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 93.28. Л. 7). "Протесилай умерший" был напечатан в № 9 "Русской мысли" за 1913 г.

[4] "Провинциальная картинка", написанная Брюсовым летом 1911 г. в Можайске, опубликована в журнале "Летопись" (1917, № 2–4; II, 264).

[5] Этот замысел остался нереализованным.

[6] Из присланной Брюсову подборки два стихотворения напечатала "Русская мысль" (1912, № 1), а "Освобожденье" впервые опубл.: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 103.

71. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 18-ое ноября 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо за присланные стихи[1]. Но Вашими условиями Вы ставите меня в очень трудное положение. Дело в том, что стихи на январь-февраль у меня уже намечены. Я постараюсь, однако, уместить в январе Ваше стихотворение "Я верил, я думал...". Не знаю еще, удастся ли мне воспользоваться и "Туркестанскими генералами", которые мне тоже очень нравятся. Сообщу Вам об этом на днях. Что касается альманаха "Аполлона", то по-прежнему думаю, что его редакция поступила не окончательно корректно.

Ваш Валерий Б р ю с о в.

[1] См. п. 70, прим. 1. Отметим, что А. Блоку также понравились оба эти стихотворения. Благодаря за присланный ему автором сборник "Чужое небо", Блок писал Гумилеву 14 апреля 1912 г.: «Спасибо Вам за книгу; "Я верил, я думал" и "Туркестанских генералов" я успел давно полюбить по-настоящему; перелистываю книгу и думаю, что полюблю и еще многое» (*Блок А*. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 386).

72. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Май 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я проехал почти всю Италию[1], написал с десяток стихотворений. Посылаю Вам несколько. Может быть, Вы захотите что-нибудь напечатать в "Русской мысли"[2]. Сколько раз я начинал Вам писать. Хотел рассказать Вам о моем союзе с Городецким[3], о Цехе Поэтов[4] и его отношеньи к Вячеславу Ивановичу[5], о будущей реформе "Аполлона"[6]. Хотел... но это был бы целый трактат, а я совсем не могу писать прозой, по крайней мере, последнее время. Мысли несутся вперед, путаются, перо не хочет их записывать. Надеюсь, это продлится не долго. Относительно моих стихов, может быть, Вы напишете мне в "Аполлон", я буду там недели через полторы.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

[1] Гумилев и Ахматова выехали из Петербурга 3 апреля 1912 г., 17 мая вернулись в Россию. В Италии Гумилев побывал в Оспедалетти, Сан-Ремо, Генуе, Пизе, Флоренции, Риме, Сиене, Болонье, Падуе, Венеции.

[2] Приложенные к письму стихотворения не сохранились. В "Русской мысли" (1912, № 7) напечатан цикл "Итальянские стихи", куда вошли стихотворения "Рим", "Пиза", "Генуя", (как видно из п. 73, первые два были посланы с настоящим письмом). К этому же циклу могут быть отнесены появившиеся в "Гиперборее" (1912, № 1, окт.) стихотворения "Венеция" и "Болонья", а также включенные в сб. "Колчан" (М.; Пг.: Гиперборей, 1916) – "Фра Беато Анжелико", "Персей", "Падуанский собор" и "Неаполь". В 1913 г. издательство "Акмэ" анонсировало сборник итальянских стихов Гумилева.

[3] Гумилев и Городецкий создали "Цех поэтов" и были его синдиками. В предшествующий этому пери-

од оба поэта находились во враждебных группировках. В статье "Да, против течения" среди других идейных противников Городецкий назвал также школу Брюсова, к которой отнес Гумилева. У поэтов этой школы, по словам Городецкого, "содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямбам" (Против течения. 1910. № 5. 12 нояб.). Однако затем началось сближение, которое привело к возникновению "Цеха поэтов" и совместному антисимволистскому выступлению Гумилева, С. Городецкого и Д. Кузьмина-Караваева на заседании Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г.

[4] Первое собрание "Цеха поэтов" состоялось 20 октября 1911 г. Как писал позднее В. Пяст: «Цех поэтов был довольно любопытным литературным объединением, в котором не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе. В него был введен несколько чуждый литературным обществам и традициям порядок "управления". Не то, чтобы было "правление", ведающее хозяйственными и организационными вопросами; но и не то, чтобы были "учителя-академики" и безгласная масса вокруг. В Цехе были "синдики", – в задачу которых входило направление членов Цеха в области их творчества; к членам же предъявлялись требования известной "активности"; кроме того, к поэзии с самого начала взят подход, как к ремеслу» (*Пяст В.* Встречи. С. 208).

[5] Поэты-акмеисты, стремясь к "прекрасной ясности", опирались в своих теоретических построениях не на теургические идеи Вяч. Иванова, а на творчество Иннокентия Анненского. Выступая на заседании "Поэтической академии" 3 декабря 1911 г., О.Э. Мандельштам говорил об Анненском как о поэте "отливов дионисийского чувства" (см. отчет В. Чудовского о вышеупомянутом заседании в "Русской художественной летописи" – СПб., 1911. № 20. С. 231).

[6] С 1913 г. "Аполлон" становится органом акмеизма. В первом номере были опубликованы статьи-манифесты – "Некоторые течения в современной русской поэзии" Городецкого и "Наследие символизма и акмеизм" Гумилева, провозгласившие рождение новой поэтической школы. 27 января 1913 г. Городецкий писал Л.Я. Гуревич: «Стихи принесу в скором времени и статью об акмеизме тоже. На днях выходит "Аполлон", и в нем моя и Гумилева статьи на эту тему. Я был бы Вам благодарен, если б Вы поручили комунибудь дать заметку об этом номере. Для "Аполлона" это важная грань, – что он стал органом акмеизма» (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 410).

73 ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 22 мая 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже вернулся и получил Ваше письмо. Для меня было большой радостью узнать, что мои итальянские стихи Вам понравились[1]. Что же касается Ваших сомнений, то у меня были те же самые, так что я охотно пойду на исправленья. Вот как у меня было в первой редакции (если это Вас удовлетворит, оставьте).

Конец "Пизы":

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Распростерся с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

Вместо "распростерся" можно поставить "изогнулся" или "наклонился", у меня нет предпочтений[2]. В "Риме" было вместо "царство иное" – "царство покоя", вместо "он крепок лишь следом длинных" – "он крепок следом призывных"[3], период двух строф был яснее (смысл новых таков: что значит вся эта мишура, твой город тот же дикий и вечный, благодаря своему божественно-звериному происхожденью), но я посылаю его Вам заново переписанным.

А на неверные рифмы меня подбили стихи Блока. Очень они заманчиво звучат. Может быть, Вы пришлете стихов для второго альманаха "Аполлона"[4]. Литературный Петербург очень интересует теперь возможность новых группировок, и по моей заметке, а также отчасти по заметке Городецкого в "Речи", Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам[5]. Я надеюсь, что альманах "Аполлона" окажется в значительной степени под влияньем этих веяний.

В конце этой недели я еду в деревню, и мой адрес таков: Московско-Виндаво-Рыбинская ж.д., полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне. Еще одно слово: не мог ли бы я получать в "Русской мысли" пятьдесят копеек за строчку стихов, как я получаю теперь везде. Если нет, пусть останется по-старому.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

РИМ[6]

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе!

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть,
Они не люди – волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство иное
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки,
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И взор мадонн вдохновенный,
И храм Святого Петра,
И все, что нежно и тленно,
Родилось только вчера!

Он будет, вечный и дикий,
Стоять на семи холмах,
Покуда звездные лики
Над ним горят в небесах.

И, город Цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок лишь следом длинных
Косматых, звериных лап.

Н. Гумилев.

[1] См. п. 72, прим. 2.

[2] Брюсов выбрал из предложенных вариантов – "изогнулся".

[3] При публикации стихотворения "Рим" в "Русской мысли" (1912, № 7) Брюсовым были восстановлены первоначальные варианты.

[4] См. п. 70, прим. 3.

[5] Рассчитывая привлечь Брюсова на сторону акмеизма, С. Городецкий так оценивал брюсовский сборник "Зеркало теней": «Его стих был менее музыкален, чем у Бальмонта, менее лиричен, чем у Блока, менее глубок, чем у Вяч. Иванова, но он был прост, когда ничей стих не был прост, он был умерен, когда все кругом было стихийно, он был холоден и спокоен, когда кругом горячились. И вот, как дар за эту рыцарскую верность своим заветам, поэзия над стихом его совершила чудо: "Зеркало теней" волнует, увлекает, очаровывает...» (Речь. 1912. № 89, 2 апр.). В рецензии на этот же сборник Гумилев отмечает в нем акмеистические ноты. См. п. 67, прим. 3.

[6] Как видно из пп. 74 и 75, к настоящему письму были приложены тексты "Рима" и "Пизы", из которых сохранился только первый. Оба стихотворения вошли в сборник "Колчан".

74. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Ст. Подобино. 4 июня 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

как видите по штемпелю, я уже в деревне. Оказывается, случилось неприятное для "Цеха Поэтов" приключенье. "Скифские Черепки"[1] были посланы в редакцию "Русской Мысли", но, судя по Вашему письму к Городецкому[2], до Вас они не дошли. К тому же, еще кто-то что-то напутал, и до сих пор они не были высланы Вам вторично. К счастью, муж поэтессы, мой приятель и дальний родственник[3], живет в шести верстах от меня. От него я достал один экземпляр "Скифских Черепков" и со всею поспешностью отправляю его Вам. Он был надписан, и поэтому пришлось вырвать первый лист. Мне, как синдику Цеха, очень дорого, чтобы Вы писали о его изданиях[4], и, кроме того, я очень дружески настроен к автору "Ск⟨ифских⟩ Ч⟨ерепков⟩[5].

Недели полторы тому назад я послал Вам измененья в "Риме" и "Пизе". Очень интересно, удовлетворили ли они Вас?

Искренне Ваш Н. Гумилев.

[1] "Скифские черепки" (СПб., 1912; обложка работы С. Городецкого) – первый сборник стихотворений Елизаветы Юрьевны *Кузьминой-Караваевой* (рожд. Пиленко; 1891–1945), вышедший в издании "Цеха поэтов". О судьбе Кузьминой-Караваевой (в будущем "монахини Марии", героини французского движения Сопротивления) см. вступительную статью Д.Е. Максимова к "Воспоминаниям о Блоке Е.Ю. Кузьминой-Караваевой" – Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 257–264).

[2] Письмо Брюсова к Городецкому неизвестно.

[3] Дмитрий Владимирович *Кузьмин-Караваев* (1886–1959) – юрист и общественный деятель, был третьим синдиком "Цеха поэтов" (хотя сам стихов не писал). Приходился дальним родственником Гумилеву по материнской линии. См. о нем: *ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 37–38; кн. 3. С. 93; Рус. лит. 1981. № 4. С. 162. Кузьмины-Караваевы жили в усадьбе Борисково по соседству со Слепневым (см.: *Богат Е.* Разгадка ДДБ // Лит. газ. 1984. 25 апр. № 17).

[4] В библиотеке Брюсова этот экземпляр не сохранился. Уцелели "Скифские черепки", принадлежавшие самому адресанту. На титульном листе Е.Ю. Кузьмина-Караваева написала: "Укротителю зверей – Николаю Степановичу Гумилеву автор". (*ИРЛИ*. Бр. 404/4).

[5] В обзоре "Сегодняшний день русской поэзии" Брюсов отрецензировал выпущенные "Цехом поэтов" сборники стихотворений А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута и Е. Кузьминой-Караваевой. Отмечая, что «вообще в изданиях "Цеха поэтов" плохих стихов мы не встречаем», Брюсов сравнительно сдержанно оценил "Скифские черепки": «Умело и красиво сделаны интересно задуманные "Скифские черепки" г-жи Кузьминой-Караваевой. Сочетание воспоминаний о "предсуществовании" в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту. Однако по немногим образцам поэзии начинающего автора еще трудно судить, предстоит ли ей широкое развитие в будущем» (*РМ*. 1912. № 7. С. 17). Гораздо более суровыми были высказывания об этом сборнике Н. Львовой (Холод утра // Альманах "Жатва". М., 1914. Кн. 5), Г. Чулкова (Утро России. 1912, № 87. 14 апр.), А. Блока (VIII, 430–431), С. Городецкого (Женское рукоделие // Речь. 1912. № 117. 30 апр.). Более сдержанная рецензия в "Гиперборее" принадлежала, по-видимому, также С. Городецкому: «Доисторическая женственность имеет в себе многое, что должно пройти сквозь строй культур и остаться навсегда живым. Но еще не самодовлеющее художественное воплощение этой силы дают "Скифские черепки", а только зерна. Тоска "курганной царевны" часто слишком туманна и бесплотна. Полное отсутствие умения искупается подлинным темпераментом и мгновенными, слепыми, но вещими озарениями» (Гиперборей. 1912. № 2. С. 28). Н. Бернер отметил влияние экзотики Гумилева на поэтессу (Путь. 1912. № 8. С. 71). Гумилев в своей оценке "Скифских черепков" был несколько доброжелательнее других критиков: "Е. Кузьмина-Караваева принадлежит к числу поэтов-однодумов. Ее задача – создать скифский эпос, но еще слишком много юношеского лиризма в ее душе, слишком мало глазомера и решительности определившегося и потому смелого таланта. Игра метафорами, иногда не только словесными, догматизм утверждений туманно-мистического свойства и наивно-иератические позы – все это плохая помощь при создании эпоса. От него остались только черепки, но, к чести поэта, черепки подлинно скифские... Я думаю, что эти черепки имеют много шансов слиться в цельный сосуд, хранящий драгоценное миро поэзии, но вряд ли это случится скоро..." (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 101).

Автор "Скифских черепков" рассказывает о своих встречах с Гумилевым в очерке "Последние римляне": "... вспоминается, как Гумилев убеждал молодого художника рисовать ковры, на которых были бы бабочки, птицы, цветы и пальмы, еще обезьянки, жирафы, – все, имеющее цвет, форму, неизменное, вещи. Вопрос не в творчестве новых вещей, а в комбинации уже сотворенного. Будто ясным ему было, что все элементы, которые можно комбинировать, уже созданы и не стоит тратить силы на поиски новых – это неосуществимо, – найти новое. Хорошо то, что уже устоялось, что будет красочной деталью целого. ⟨...⟩ единственным достойным делом на земле он считал быть поэтом. Остальное все принадлежит к умирающей современности, остальное все временно, и сроки ему поставлены краткие, – поэт же один говорит для грядущего, поэту одному дано избавить современный мир от смерти и вынести осколки его в будущую жизнь. В комнате его пахло странно, – он говорил, что носорожьим жиром, которым натерты абиссинские картины, – на диванах лежали леопардовые шкуры, на стенах висели доспехи и браслеты из Африки" (Воля России. 1924. № 18–19. С. 116–118).

75. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Ст. Подобино. 20 июня 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

около месяца тому назад я послал Вам исправленными "Пизу" и "Рим"[1]. И не получая до сих пор ответа, я очень беспокоюсь, дошло ли до Вас это письмо с исправленьями. Если нет, не откажите написать мне открытку, я вышлю их вновь. Я уже в деревне, и мой адрес таков: Московo-Виндаво-Рыбинская ж.д., полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне.

Искренне Ваш Н. Гумилев.

[1] См. п. 73.

76. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 17 октября 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

мне передавали, что Вы уже несколько раз были в Петербурге и скоро приедете опять[1]. Я очень жалею, что не знал об этом и не мог повидаться с Вами, что мне не только очень хотелось бы, но и было нужно. Может быть, Вы не откажете написать мне или позвонить по телефону (Царс. Село, 555), где и когда я могу Вас застать. Если же у Вас выпадет свободный вечер, Вы меня крайне обрадуете, приехав ко мне пообедать[2]. Только, если возможно, известите меня об этом накануне, чтобы я наверно был дома. От 5 до 6 часов есть несколько поездов.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

Царское Село, Малая ул. 63
(собств. д. против гимназии).

[1] В 1912 г. Брюсов несколько раз приезжал в Петербург по делам "Русской мысли" и вскоре после письма Гумилева снова приехал в столицу (27 октября 1912 г.) для переговоров с издательством "Сирин" об издании своего Полного собрания сочинений.

[2] Встреча, предлагаемая Гумилевым, не состоялась, так как, судя по отметкам на конверте, Брюсов не успел получить это письмо в конторе "Русской мысли" на Ньюстадской улице, и оно было переслано ему в Москву. См. также письмо Брюсова к А.А. Ахматовой (п. 68, прим. 7).

77. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 28 марта 1913 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я с громадным интересом прочел Вашу статью о футуристах[1], хотя соглашался не со всем. Ваш анализ их "открытий" подлинно блестящ. Дай Бог, чтобы они его усвоили. Но я не хочу писать об этом, потому что в № 4 "Аполлона" появится моя статья, где я отчасти коснусь той же темы[2].

В конце Вашей статьи Вы обещаете другую, об акмеизме[3]. Я хочу Вас просить со всей трогательностью, на которую я способен, прислать мне корректуру этой статьи до 7 апреля. В этот день я уезжаю на четыре месяца по поручению Академии Наук в Африку, в почти неизведанную страну Галла[4], что на востоке от озера Родольфо[5]. Письма ко мне доходить не могут. И Вы поймете все мое нетерпенье узнать Ваше мненье, мненье учителя, о движеньи, которое мне так дорого. Я буду обдумывать его в пустыне, там гораздо удобнее это делать, чем здесь.

Всем, пишущим об акмеизме, необходимо знать, что "Цех поэтов" стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов акмеистов всего шесть[6]), что "Гиперборей" – журнал совершенно независимый и от "Цеха" и от кружка "Акмэ"[7], что поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 "Аполлона", который выйдет на этой неделе[8].

Мой адрес: Царское Село, Малая, соб. д.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

[1] Имеется в виду статья Брюсова "Новые течения в русской поэзии. Футуристы", в которой утверждалось, что «наш футуризм, являющийся отражением футуризма западного, проявлял пока свою оригинальность почти исключительно в области словесного изложения. Впрочем, такой вывод ни в коем случае не есть "смертный приговор" новой школе. Напротив, мы потому и посвятили футуристам так много внимания, что все же, несмотря на все явные недостатки их теорий и их поэзии, какая-то "правда", какие-то возможности развития в их попытках чувствуются» (*РМ*. 1913. № 3. С. 132).

[2] В манифесте акмеизма – статье "Наследие символизма и акмеизм" Гумилев писал о том, что "символизм закончил свой круг развития" и симптомом этого является "то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом". К этим словам была сделана сноска: «Пусть не подумает читатель, что этой фразой я ставлю крест над всеми крайними устремлениями современного искусства. В одной из ближайших книжек "Аполлона" их разбору и оценке будет посвящена особая статья» ("Аполлон". 1913. № 1. С. 42). Но в "Аполлоне" статьи Гумилева о футуризме не появилось. В "Гиперборее" (1913, № 5.

С. 29) была опубликована его рецензия (подписанная "Н.Г.") на сборник футуристических рисунков и стихов "Садок судей" (СПб.: Журавль, 1913), в которой отмечалась революционность футуризма в области слова и стремление вернуть слову "ту крепость и свежесть, которая утеряна им от долгого употребления". В мае 1913 г. Гумилев писал Ахматовой из Джибути: "На пароходе попробовал однажды писать в стиле Гилеи, но не смог. Это подняло мое уважение к ней" (Slavonic and East European Review. L. 1972. V. 50. № 118. P. 103).

[3]В конце своей статьи о футуристах Брюсов писал: «... придется футуристам поучиться многому у своих прямых предшественников – символистов – и неизбежно принять самую идею "символа", как отныне неустранимую ни из какой эстетики. Но об этом нам будет надо говорить подробнее, разбирая взгляды и суждения "акмеистов"» (*РМ*. 1913. № 3. С. 133). Статья Брюсова "Новые течения в русской поэзии. Акмеизм" вышла в "Русской мысли" (1913, № 4) и, вероятно, послужила причиной прекращения переписки. Знаменательно, что с апреля 1913 г. прерывается также и переписка Брюсова с С. Городецким (см.: *Чтения 1973*. С. 270).

[4]Галла или галласы – народ, живущий на юге Эфиопии.

[5]Озеро Родольфо, находящееся в Кении, обычно называют озером Рудольф. По рекомендации академика В.В. Радлова Гумилев совершил экспедицию в Африку для пополнения коллекций Петербургского музея антропологии и этнографии. Пройдя по маршруту Джибути – Дыре-Дауа – Харрар – Шейх Гуссейн – Гинир, экспедиция вернулась через полгода с ценнейшими экспонатами (см. заметку А. Ахматовой "Гумилев в Африке" – Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 418–419, а также: Путеводитель по музею антропологии и этнографии им. имп. Петра Великого. Этаж II. Зал 3. Африка / Сост. Я.В. Чекановский. Пг., 1918. С. 29–30).

[6]Поэтами-акмеистами считались: Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова, М.А. Зенкевич и В.И. Нарбут. Говоря об остальных членах Цеха, Гумилев имеет в виду предположительно следующих поэтов: Н.А. Бруни, Н.Д. Бурлюка, Б.А. Верхоустинского, В.Л. Гарднера, С. Гедройца (В.И. Гедройц), Вл.В. Гиппиуса, Вас.В. Гиппиуса, Грааль Арельского (С.С. Петрова), Г.В. Иванова, Н.А. Клюева, В.А. Комаровского, М.А. Кузмина, Е.Ю. Кузьмину-Караваеву, В.В. Курдюмова, М.Л. Лозинского, Н.В. Макридина, М.Л. Моравскую, Д.М. Цензора, В.С. Чернявского, В.А. Юнгера.

[7]Девять выпусков ежемесячника стихов и критики "Гиперборей", редактором-издателем которого был М.Л. Лозинский, вышли с октября 1912 по март 1914 г. О возникновении журнала см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 402. В первом номере в заметке "От редакции" провозглашалось: "Ни одному из боровшихся последнее время на поэтической арене методов – будь то импрессионизм или символизм, лиро-магизм или парнассизм – не отдавая предпочтения особливого, "Гиперборей" видит прежде всего насущную необходимость в закреплении и продолжении всех основных побед эпохи, известной под именем декадентства или модернизма». А в пятом номере журнала (за февраль 1913 г., с. 26 – вышел в конце марта) сообщалось: «В опровержение появившихся в печати неверных сведений, редакция считает необходимым заявить, что "Гиперборей" не является ни органом "Цеха Поэтов", ни журналом поэтов-акмеистов». Уже после отъезда Гумилева в "Цехе поэтов" возник проект "символистского" номера "Гиперборея". 19 апреля 1913 г. Городецкий писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, № 8 ежемесячника стихов "Гиперборей" предполагается посвятить символистам. (Журнал этот внепартиен). Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если б Вы прислали нам что-либо из своих стихотворений для этого номера. Жду ответа. Ваш С. Городецкий» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.3. Л. 30). Об этом нереализовавшемся проекте см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 418. Кроме того, акмеисты объявили о создании издательства "Акме", в котором планировалось выпустить "Итальянские стихи" Гумилева, "Вереницу восьмистиший" Городецкого и книгу О. Мандельштама (Русская молва. 1913. № 80. 2 марта; День.1913. № 119. 6 мая). Под этой маркой вышел только "Камень" Мандельштама (1913).

[8]В указанном номере были помещены стихотворения всех шести акмеистов, и в том числе "Пятистопные ямбы" самого Гумилева.

78. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Октябрь 1920 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

я крайне рад случаю опять (как встарь) написать Вам и очень сожалею, что письмо выйдет такое короткое и пустое. Но, впрочем, Вы теперь так заняты, что у Вас, наверное, не хватило бы ни времени, ни охоты читать иное. Помня Вашу всегдашнюю доброту ко мне, я осмеливаюсь рекомендовать Вам двух моих приятелей – Николая Авдеевича Оцупа[1] и Михаила Леонидовича Слонимского[2], молодых писателей, которые принадлежат к петербургской группе, затеявшей новое идейное издательство на основе миролюбивого и развивающегося акмеизма[3]. Вы ведь как мой литературный восприемник являетесь дедом этого теченья. Насколько мог, я следил за Вашими работами, радовался многим стихам из "Опытов"[4], штудировал "Науку о стихе"[5].

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в[6].

Н.С. ГУМИЛЕВ

Силуэт Е.С. Кругликовой. Линогравюра. 1910-е годы

Записка датируется по воспоминаниям Н. Оцупа: «Я приехал в Москву совместно с беллетристом С. за отсрочкой по воинской повинности. Издательство "Всемирная литература" снабдило меня и С. рекомендательным письмом Горького к Луначарскому» (*Оцуп Н.* Современники. Париж, 1961. С. 64). Далее рассказывается о том, как во время пребывания в Москве он присутствовал на "Суде над имажинистами", где прокурором выступал В. Брюсов. Суд над имажинистами состоялся 4 ноября 1920 г. в Большом зале консерватории (см.: *Грузинов И.* Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М., 1926. С. 7).

[1]Николай Авдеевич *Оцуп* (1894–1959?) – поэт-акмеист. Оцуп так описывает первую встречу с Гумилевым: «Когда меня в начале 1918 г. привели знакомиться с Н.С. Гумилевым, я сразу вспомнил, что уже где-то видел и слышал его. Где же? Сначала вспоминается мне "Привал комедиантов" в конце 1915 или в начале 1916 г. Вольноопределяющийся с георгиевским крестом читает свои стихи... я вспоминаю этот вечер, сидя за чаем у Гумилева в комнате, по стенам которой развешаны персидские миниатюры, шкура пантеры и длинное арабское ружье.

Гумилев рассказывает, как он убил пантеру, а мне мучительно хочется припомнить, где же еще раньше, гораздо раньше, чем в "Привале", я видел эти странные косые глаза и слышал эту медленную важную речь.

И вдруг совершенно ясно вспоминаю царскосельский пейзаж, кажется, площадь у ворот "любезным моим сослуживцам" и гимназиста Гумилева.

Он так же важно и медлительно, как теперь, говорит что-то моему старшему брату Михаилу. Брат и Гумилев были не то в одном классе, не то Гумилев был классом младше. Я моложе брата на 10 лет, значит, мне было тогда лет 6, а Гумилеву лет 15. И все же я Гумилева отлично запомнил, потому что более своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлиненная, как будто вытянутая вверх голова, косые глаза, тяжелые медлительные движения и ко всему очень трудный выговор, – как не запомнить!» (*Оцуп Н.* Современники. С. 23–24). В своем творчестве Оцуп испытал сильное влияние Гумилева. См. об этом, например: *Нельдихен С.* Град // Вестник театра и искусства. 1922. № 17. С. 3; *Альмедингген Г.* Книга и революция. 1923. № 11–12. С. 61. В рецензии на альманах "Орион" Гумилев так отозвался об Оцупе: "Стихи Николая Оцупа являют пеструю смесь действительно удачных строк и строф с общими местами и, что еще грустнее, со стихами явно сделанными. У него сильный голос, только он не часто попадает в тон. Хорошо, что он ищет себя в больших заданиях и ритмических и композиционных. У него намечается зоркий глаз и чуткое ухо, а также уменье возвышаться над подробностями, выдерживая общий рисунок" (Жизнь искусства. 1918. № 4. 1 нояб.).

[2]Михаил Леонидович *Слонимский* (1897–1972) – прозаик, член группы "Серапионовы братья", с 1919 г. работал вместе с Гумилевым в издательстве "Всемирная литература". В кратких воспоминаниях, написанных 27 августа 1966 г., Слонимский рассказывает о знакомстве с Гумилевым: "Впервые я увидел Н.С. Гумилева на одном из литературных вечеров в 1916 г. Гумилев был в военной форме, с Георгиевским крестом, читал стихи. После 1917 г. я познакомился с ним более близко в Доме искусств, где я тогда жил" (Собр. А.К. Станюковича. Москва).

[3]Не исключено, что речь идет об издательстве "Цех поэтов", выпустившем вскоре свой первый альманах "Дракон" (Пб., 1921). В мае 1920 г. в "Доме искусств" Оцуп читал доклад "Перелом в современной поэзии", в котором говорил о необходимости "по-своему" продолжить линию акмеизма, "вечно юную и обновляющуюся" (Жизнь искусства. 1920. № 463. 28 мая).

[4]Книга Брюсова "Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам" издана в июне 1918 г. (М.: Геликон).

[5]"Наука о стихе" выпущена издательством "Альциона" в 1919 г. Особый интерес Гумилева к книге Брюсова обусловлен был тем, что с лета 1919 г. он руководил Литературной студией (см. статью Н.К. Чуковского "Что я помню о Блоке" – Новый мир. 1967. № 2. С. 231), а с ноября 1918 – до конца 1920 г. читал лекции в Институте живого слова по теории поэзии. Программу этого курса (а также его курса лекций по истории поэзии). см. в кн.: Записки Института живого слова. Пб., 1919. Т. 1. С. 76, 86.

[6]На рекомендательной записке Гумилева Брюсов записал адреса: "Серпуховская 7, кв. 5. Ник. Авд. Оцуп. Невский 64, изд. Гржебина. Мих. Леонид. Слонимский".

ПЕРЕПИСКА С И.Г. ЭРЕНБУРГОМ (1910 – 1916)

Вступительная статья, публикация и комментарии Б.Я. Фрезинского

В.Я. Брюсов сыграл существенную роль в творческой судьбе Ильи Эренбурга, разглядев в его первых, еще несамостоятельных стихах будущего поэта. Это было тем более важно, что литературная работа Эренбурга начиналась вдали от родины[1]: участник революционного движения, он вынужден был эмигрировать в Париж, спасаясь от преследования властей. Судя по первому печатающемуся здесь письму, весной 1910 года Брюсов познакомился с рукописью эренбурговских стихов и сообщил автору свои замечания. Неизвестно, кто именно передал Брюсову рукопись Эренбурга. Между весной 1909 года, когда Эренбург начал писать стихи, и январем 1910 года, когда они впервые появились в печати[2], его стихотворные опыты знали лишь близкие друзья. Лучше других стихи Эренбурга знала Е.Г. Мовшензон, студентка Сорбонны, недавняя участница революционного движения в Петербурге, впоследствии известная поэтесса Елизавета Полонская. В ноябре 1909 года она писала из Парижа своей матери: "Илья все время в Вене, работает там в газете. После моих экзаменов он был здесь недолго и снова уехал. Его процесс разбирался в Москве, но его выделили, не помню почему – или за неявкой, или родители представили свидетельство о болезни. Так как он привлекался по делу о московской в(оенной) о(рганизации), ему бы дали 4 года каторги. Поэтому он предпочитает оставаться за границей. Он стал писать стихи и у него находят крупное дарование"[3]. Возможно, Полонская показывала стихи Эренбурга в петербургских редакциях, когда приезжала на каникулы домой летом 1909 года. Может быть, именно она переслала стихи Эренбурга Брюсову, которого очень ценила; может быть, это сделал Эренбург сам. Так или иначе, с весны 1910 года началась переписка Брюсова с Эренбургом.

Однако знакомство начинающего стихотворца с признанным мэтром было не только литературным. Их судьбы своеобразно переплетены дружбой с Н.Г. Львовой, товарищем Эренбурга по большевистской организации в Москве в 1906–1908 годы, начавшей затем, как и Эренбург, писать стихи, и в 1911–1913-е годы вошедшей в жизнь Брюсова. Именно Львова познакомила юного Эренбурга со стихами автора "Urbi et Orbi", а впоследствии рассказывала Брюсову о своем молодом друге[4].

В 1909–1910-е годы стихи Брюсова постоянно сопровождали Эренбурга, и он имел основание написать Валерию Яковлевичу: "Ваши книги были моими учебниками" (п. 1). Первая книга Эренбурга "Стихи" вышла в Париже не позднее августа 1910 г. тиражом не более двухсот экземпляров; нельзя не удивиться тому, что она была тут же замечена в России и вызвала множество откликов в столичных и периферийных изданиях. Отнесясь к находящемуся на чужбине молодому автору с симпатией и поддерживая обещающий талант, критика вместе с тем предостерегала его от очевидных влияний. Их перечень был широким – от французских символистов до Блока и Кузмина. Эренбург и сам сознавал подражательный характер своих первых опытов, потому так важен для него был вопрос, адресованный Брюсову: "...есть ли в этих стихах мое?" (п. 1).

Отклик Брюсова на первую книгу Эренбурга появился во втором номере "Русской мысли" за 1911 г. Выделив из тридцати с лишним книжек начинающих авторов "Стихи" Ильи Эренбурга и "Вечерний альбом" Марины Цветаевой, Брюсов писал: "Обещает выработаться в хорошего поэта И. Эренбург, дебютирующий небольшой книжкой стихов, изданных в Париже. В его стихах сказывается не столько непосредственное дарование, сколько желание и умение работать. Появляясь в печати в первый раз, он уже обнаруживает настоящее мастерство стиха. Среди молодых, разве одному Гумилеву уступает он в умении построить строфу, извлечь эффект из рифмы, из сочетания звуков. В отличие от большинства начинающих, И. Эренбург не исключительно лирик, он охотно берется за полу-эпические темы, обрабатывая их в форме баллады (в этом отношении тоже напоминая Гумилева). Пока И. Эренбурга тешат образы средневековья, культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью, но эти старые темы

И.Г. ЭРЕНБУРГ
Фотография. Париж, 1911
Собрание И.И. Эренбург, Москва

он пересказывает изящно и красиво. Строгость его манеры, обдуманность эпитетов, отчетливость и ясность его изложения показывают, что у него есть все данные, чтобы в поэзии достигать поставленных себе целей"[5].

Брюсовский отзыв был столь авторитетен, что мать Эренбурга сообщила о нем в Париж телеграммой[6]. Как бы ни менялось впоследствии отношение Эренбурга к литературной работе Брюсова, чувство признательности за щедрое внимание и поддержку оставалось неизменным; о первом печатном отзыве Брюсова Эренбург не забывал никогда. Рецензируя в 1922 г. цветаевские книги "Разлука" и "Стихи к Блоку", Эренбург писал в открытом письме к их автору: "Наши первые книжки – ровесники. Вы, верно, помните 1910 год, первое напечатанное имя и нас обоих, неуклюжих и топорщащихся в ежемесячном улове маститого Валерия Яковлевича?"[7]

Среди двадцати рецензий на первый сборник Эренбурга отметим в интересующем нас плане статью М. Волошина "Позы и трафареты"[8], где все молодые поэты подразделялись на последователей Брюсова ("искусственность и холодно-формальный романтизм") и Бальмонта ("наивная и навязчивая откровенность"). Волошин писал, что все типичные черты брюсовской школы настолько концентрированно сосредоточены в стихах Гумилева, что остальные представители этой школы кажутся учениками ученика. Именно в этом смысле Волошин называет Эренбурга "ослабленным Гумилевым". Характерно, что в "Письмах о русской поэзии" Гумилев, внимательно прочитавший эренбурговскую книжку и нашедший поставленные в ней автором задачи интересными, утверждал, что у Эренбурга нет данных для их решения[9]. 20 июня 1911 г. Брюсов писал Гумилеву по поводу этой статьи: «Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен... В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого – меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах? Более меня тревожит, что он пишет и в "Сатириконе", и (кажется) в "Синем журнале". Это – путь опасный»[10].

Замечание Брюсова относится к стихам Эренбурга, появившимся в печати после его первой поездки в Италию весной 1911 г. Итальянские впечатления отразились во многих стихах, которые Эренбург активно рассылал по редакциям петербургских и московских журналов. Но, кроме "Сатирикона", где в трех номерах (10, 17 и 22) были напечатаны три его стихотворения, только журнал "Свободным художествам" (№ 7–8) и газеты напечатали тогда эренбурговские стихи. В "Синем журнале" Эренбург не печатался. Стихи, посланные Брюсову для "Русской мысли" (п. 2–3), также не появились в журнале.

К лету 1911 г. сложилась новая книга стихов Эренбурга "Я живу"; она вышла в Петербурге не позднее сентября того же года[11]. Оперативные рецензенты отметили рост автора. "Муза его решительно сбросила с себя фальшивый, жеманный наряд", – писал С. Городецкий[12]. "И. Эренбург сделал большие успехи со времени выхода его первой книги... Из разряда подражателей он перешел в разряд учеников и даже иногда вступает на путь самостоятельного творчества", – отмечал Н. Гумилев в очередных "Письмах о русской поэзии"[13]. Как и прежде, Эренбург послал свою новую книгу Брюсову[14]. Однако Брюсов, приветствовавший выход первой книги Эренбурга, не спешил высказываться в печати о второй.

После выхода сборника "Я живу" Эренбург шлет Брюсову новые стихи. Одно из них ("Перед Флоренцией") появилось в "Русской мысли" (1912 , № 4) – это единственная публикация Брюсовым эренбурговских стихов. Былое увлечение средневековьем и итальянские впечатле-

Н.Г. ЛЬВОВА

Фотография. 1913

Литературный музей, Москва

ния сменились в новых стихах Эренбурга грустными воспоминаниями о детстве и Москве. Эти стихи составили третий сборник Эренбурга "Одуванчики", вышедший в Париже не позже мая 1912 г.[15] В. Ходасевич отметил, что новая книга Эренбурга "гораздо менее претенциозна, чем его предыдущие сборники"[16].

Из появившейся в "Русской мысли" (1912, № 7) рецензии Брюсова на обе последние эренбурговские книги стало известно, что он решительно не принял сборника "Я живу", найдя его "крикливым и необдуманным". Поскольку "Одуванчики" ему тоже не понравились (хотя, как замечает Брюсов, в них есть "немало милых стихов, определенно в пушкинском духе"), следует вывод: Эренбург "не оправдал пока надежд двумя своими новыми книгами". На фоне других в общем-то доброжелательных откликов рецензия Брюсова была резкой. Скорей всего, однако, она не слишком огорчила Эренбурга – он уже ушел от недавних литературных привязанностей, считая стихи символистов вчерашним днем русской поэзии («... символисты, – писал Эренбург в статье "Заметки о русской поэзии", – либо пытаются выйти из прежнего круга, создавая вещи слабые и малоинтересные, либо повторяют старые мотивы, но с меньшим подъемом... Брюсов, лавируя меж "Парнасом" и недоступной ему лирикой – в "Зеркале Теней" остается все тем же умным, культурным и безнадежно холодным»[17]).

Ежегодно Эренбург выпускал новый сборник стихов, и каждая новая книга отвергала предыдущие – поиск своего голоса, своих тем, своих интонаций был трудным. Четвертая книга Эренбурга "Будни" вышла в Париже в 1913 г.; ее распространение в России было запрещено цензурой. Для того, чтобы убедить председателя цензурного комитета гр. А. Муравьева запретить книгу, цензору оказалось достаточным привести из нее страничку цитат[18]. Отзыв о "Буднях" Брюсова, за 20 лет до того эпатировавшего русскую публику своими стихами, мало чем

отличался от мнения цензора: «Эренбург ... целую книжку посвятил таким вещам, о которых не только в поэзии, но и в обществе принято "не говорить"»[19]. Брюсов был не одинок в неприятии "Будней". Писавшие об этой книге разделились на две группы: одни возмущались непристойностью парижских сюжетов, полагая, что стихи Бодлера и Верлена "спровоцировали" молодого поэта на непринятые в русской поэзии описания, другие говорили только о пронзительности русской темы[20].

В статьях 1911–1913-х годов[21] Эренбург писал о признанных мастерах русского стиха (о Блоке, Брюсове, Кузмине) и о начинающих тогда Ахматовой и Цветаевой, пытался осмыслить "пути и перепутья" русской поэзии. Однако информация о новых явлениях в русской поэзии, которой располагал Эренбург, была неполной – и тогда, и тем более позже, во время первой мировой войны, в Париж доходили отнюдь не все русские публикации и не все книги (стихи Хлебникова и Маяковского, скажем, Эренбург узнал только вернувшись в Россию в 1917 г.) С другой стороны, Эренбург хорошо знал современную ему французскую поэзию, и она влияла на его собственное творчество. Примерно с лета 1912 г. Эренбург начинает переводить французских поэтов. Начал он со стихов Франсиса Жамма, оказавшего на него в ту пору заметное влияние и мало переводившегося в России[22]. Успех книги Жамма[23], вызвавшей десяток положительных рецензий в петербургских и московских изданиях, подтолкнул Эренбурга к созданию антологии новой французской поэзии. Эренбурга связывали дружеские отношения со многими выдающимися поэтами Франции, тогда еще неизвестными широкой публике в России – Аполлинером, Жакобом, Вильдраком, Сальмоном; его желание познакомить с ними русских читателей было естественным. Первоначально Эренбург определил временны́е рамки антологии (п. 8) 1880–1910 гг., потом уточнил, воспользовавшись историческими вехами: 1870–1913. Ему пришлось взяться за перевод и тех поэтов, стихи которых уже были хорошо известны в России и в подлинниках, и в признанных переводах Брюсова, Сологуба, Бальмонта. «Я много работал последнее время над "Антологией" современных французских поэтов, – сообщал Эренбург в конце 1913 г. П.Н. Зайцеву. – Хотелось создать нечто подлинно лирическое и непохожее на официальные хрестоматии Брюсова»[24]. Прямое отталкивание от переводческой системы Брюсова и, в свою очередь, неприятие Брюсовым новых книг Эренбурга не помешало им поддерживать дружеские связи. В конце 1913 г., по воспоминаниям Эренбурга, Брюсов пишет ему письмо, содержавшее отклик на самоубийство Н. Львовой[25]. В связи с работой над антологией Эренбург обращается к Брюсову с просьбой прислать недоступные ему библиографические сведения о брюсовских переводах и критике (п. 8). Брюсов, как и ряд других переводчиков французской поэзии, к которым Эренбург обратился с аналогичной просьбой[26], откликнулся на нее (п. 9), но библиография, приведенная в антологии, все равно оказалась неполной, и Брюсов отметил это, рецензируя эренбурговскую антологию[27].

Книга "Поэты Франции" вышла не позднее февраля 1914 г. в Париже[28]. В нее вошло семьдесят четыре стихотворения двадцати девяти поэтов, причем стихи восемнадцати из них впервые появились по-русски. О проблеме точности поэтического перевода спорят по сей день; неудивительно, что эренбурговская антология вызвала литературную полемику. Брюсов упрекал Эренбурга, в частности, в несоблюдении размеров[29], Б. Эйхенбаум – в однообразии звучания в его переводах голосов различных поэтов[30]. С. Городецкий, по существу возражая сторонникам брюсовской школы перевода, писал, что эренбурговская антология "составлена по принципу личного пристрастия. А тайна перевода постигается именно при этом условии, а отнюдь не механически"[31]. Критики, задетые эренбурговским Верленом, на остальные переводы в антологии не обратили внимания. Впрочем, сам Брюсов был внимательным читателем и, отметив переводы новых авторов, похвалил перевод Вильдрака за "достаточную точность". Однако впервые переведенный на русский язык Аполлинер остался незамеченным. Приведем здесь слова Б.А. Слуцкого, сказанные им от имени последующих за брюсовским поколений русских поэтов, принявших эренбурговскую антологию: "Двадцатилетний Илья Эренбург сделал то, что не довелось сделать несравненно более опытным в то время Валерию Брюсову и Федору Сологубу. В толпе двадцатилетних, как и он сам, французских поэтов Илья Эренбург отличил и перевел на русский язык именно тех, кто стал будущим французской поэзии, – Аполлинера, Сальмона, Вильдрака[32]. Русские символисты поддерживали и пропагандировали в России французских символистов, причем не только великого Верлена и изобретательного Малларме, но и их жеманных эпигонов. Однако новое время потребовало новых песен, и в грозном 1914 г. Илья Эренбург назвал и представил русскому читателю Аполлинера, с именем которого связана новая французская революционная поэзия"[33].

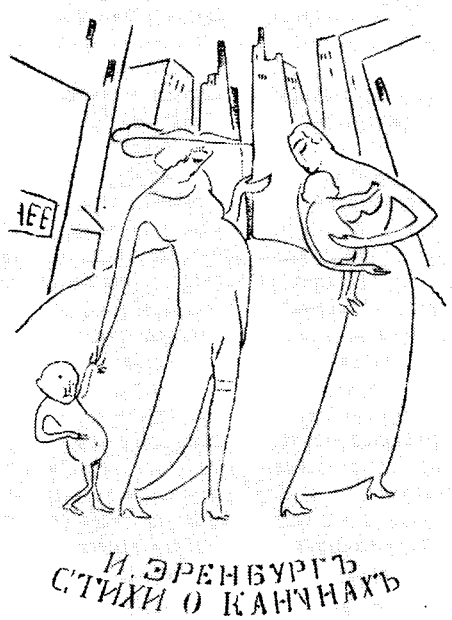
Первая мировая война обозначила существенный рубеж в творчестве Ильи Эренбурга. Именно тогда он заговорил в стихах своим голосом. Корреспондент газет "Утро России" и "Биржевые ведомости" на франко-германском фронте, Эренбург увидел лицо империалистиче-

ской войны – невиданные прежде масштабы бессмысленного уничтожения людей и материальных ценностей, жестокость оккупантов, чудовищный быт войны. Все это вошло в его исступленные стихи и, несмотря на массу цензурных вымарок, открыто обозначенных нескончаемыми отточиями, осталось в книге "Стихи о канунах"[34]. Здесь уже не было и речи о каком-либо стилизаторстве, подражательности или поиске сюжетов – эти стихи наполнены горечью, тоской, прозрениями и отчаянием.

В.Я. Брюсов, всегда стремившийся к объективности критических оценок и столь чуткий к новизне формы в искусстве, откликнулся на "Стихи о канунах" большой статьей[35]. Статья эта с тех, уже давних, пор не перепечатывалась, приведем из нее несколько отрывков: «Внимание И. Эренбург заслуживает главным образом серьезностью своего отношения к поэзии. Видно, что для И. Эренбурга стихи – не забава и, конечно, не ремесло, но дело жизни, которое он, худо ли, хорошо ли, пытается выполнить со всем усердием "раба верного". Молодой поэт настойчиво хочет сказать "свое" (что и есть последняя цель поэзии) и бесстрашно, беспощадно раскрывает свою душу перед читателями, в уверенности, что "высшая искренность и есть высшее искусство". Нет поэтому у И. Эренбурга гладких стишков на темы, издавна признанные "поэтическими", нет перепевов общепризнанных образцов поэзии и нет той ложной красивости и того дешевого мастерства, которые так легко приобретаются в наши дни широко разработанной техники стихотворства (вернее сказать, все это встречалось в первых книгах И. Эренбурга, но постепенно он сумел преодолеть соблазн поверхностного успеха). При первом чтении стихи И. Эренбурга скорее отталкивают читателя ⟨...⟩. Но более внимательное чтение убеждает, что стихи И. Эренбурга – поэзия искренняя, что они не выдуманы, а выжиты, рождены в тоске и муках. ⟨...⟩ Основной грех всего творчества И. Эренбурга составляет его подчиненность теориям. Редко он отдается искусству непосредственно; чаще насилует вдохновение ради своего понимания поэзии. Сознательно избегая трафаретной красивости, И. Эренбург впадает в противоположную крайность, и его стихи не звучны, не напевны, а предпочтение поэта к отдаленным ассонансам (вместо рифмы) лишает их последней прикрасы. Боясь всякого лицемерия, всякой условности, И. Эренбург тоже заходит слишком далеко и почти исключительно изображает лишь отвратительное и в своей душе, и в окружающих. Всего более привлекают внимание И. Эренбурга гнойники верхов современной культуры. Выследить все позорное и низменное, что таится под блеском современной европейской утонченности, – вот задача, которую (сознательно или бессознательно) ставит себе молодой поэт. И он с решительностью хирурга, вскрывающего злокачественный нарыв, обнажает в своих непоющих стихах и тайные порывы собственной души, в которых не каждый решится сознаться, и все то низменное и постыдное, что сокрыто под мишурой нашей благовоспитанности и культурности. ⟨...⟩ Если бы все свои прозрения И. Эренбург был в силах облекать в подлинно художественную форму, мы уже имели бы прекрасного поэта. Пока же его стихи – только залог, в котором при внимательном рассмотрении угадываешь высокие возможности. И. Эренбург со своими десятью книгами, написанными корявыми, иногда непристойными стихами, среди которых редко мелькнет сильное четверостишие или глубокая мысль, пока не написал *ничего*. Напишет ли он что-нибудь, достойное великого имени поэта? Мы не беремся предсказывать, но думаем, что это скорее можно ожидать от И. Эренбурга, нежели от авторов многих современных сборников стихов, изящество и "поэтичность" которых соблазняют и читателей и некоторых критиков».

Для того чтобы так написать о поэте, стихи которого по форме были безусловно далеки Брюсову, надо было обладать честной непредвзятостью взгляда и подлинной страстью к поэзии. Этими качествами среди всех статей о "Стихах о канунах" были отмечены лишь статьи Брюсова и Волошина[36]. Но Волошин, не один сезон проведший на Монпарнасе, отлично знал Эренбурга (поэта и человека) и глубоко чувствовал его художественную и психологическую природу. Между тем трудно представить что-либо более противоположное строгому и педантичному Брюсову, чем образ Ильи Эренбурга, каким он не без некоторого гротеска набросан Волошиным в том же 1916 г.: «С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и очень прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид человека, "которым только что вымыли пол", Эренбург настолько "лево-бережен" и "монпарнасен", что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих. Такое впечатление должны были производить древние цинические философы на улицах Афин и христианские отшельники на улицах Александрии»[37].

Статья и письмо Брюсова 1916 г. оказали серьезную моральную поддержку Эренбургу. Письмами 1916 г. завершилась их переписка.



И. ЭРЕНБУРГ. СТИХИ О КАНУНАХ. 1916

Рисунок М. Воробьевой-Стебельской на обложке и литография Д. Риверы, наклеенная Эренбургом на авантитул

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

В июле 1917 г. Эренбург смог вернуться в Россию, и первый поэт, которого он навестил в Москве, был Брюсов. "Я шел к нему с двойным чувством, – говорит Эренбург в мемуарах "Люди, годы, жизнь", – помнил его письма – он ведь неоднократно приободрял меня, – уважал его, а стихи его давно разлюбил и боялся, что не сдержусь, невольно обижу человека, которому многим обязан"[38]. Этого, по счастью, не произошло. О той первой (после семи лет заочного знакомства и переписки) встрече Эренбург рассказывал трижды – в 1920, 1936 и 1960 гг. – в воспоминаниях, написанных в различной манере и с различной мерой исповедальности[39]. Все три рассказа восходят к строчке записной книжки Эренбурга 1917–1918-х годов, где в краткой канве событий и встреч, начиная с отъезда из Парижа, значилось: "Сухаревка. Слепые. Гармошки. Брюсов. Жизнь на 2 плане. О Наде. Жалкий седой"[40]. Эта запись почти не нуждается в комментариях. Чтобы попасть на Первую Мещанскую, где жил Брюсов, Эренбургу пришлось пересечь Сухаревскую площадь, и поразившая его разномастная картина московского толчка навсегда осталась в памяти «необходимым предисловием, ключом к разгадке сложного явления, именуемого "Валерием Брюсовым"»[41]. Сам разговор-спор, продолжавшийся, по свидетельству Эренбурга, несколько часов, кажется странным на фоне горячечного лета 1917 г. – о поэзии, об античности, о профессиональном мастерстве и обязательности ежедневных экзерсисов; даже волновавшие их обоих воспоминания о не дожившей до революции Н.Г. Львовой не изменили направления беседы. Все это уложилось в формулу "жизнь на втором плане" – едва ли не убийственную в системе ценностей Эренбурга. Снисходительная сострадательность первого впечатления (жалкий, седой! – Брюсов был на восемнадцать лет старше Эренбурга, но ему тогда было всего сорок четыре года) уже вскоре сменилась представлением о жертвенности (полнота жизни жертвовалась "яркопевучим стихам"), хотя лично и неприемлемой для Эренбурга, но достойной уважения. В итоге, несмотря на очевидную отчужденность, эренбурговские портреты Брюсова – поэта и человека – не стали ледяными, они согреты неизменным чувством признательности и пониманием[42].

Известно, что в ту первую встречу Брюсов подарил Эренбургу книгу стихов, надписав на ней: "В знак близости в одном, расхождений в другом"[43]; порекомендовал познакомиться с Б.Л. Пастернаком, чей поэтический дар ценил[44]. Никакими другими фактами, никакими высказываниями Брюсова о встрече с молодым поэтом, первые шаги которого он поддержал, мы не располагаем. Впечатления Брюсова об Эренбурге можно лишь косвенно реконструировать по двум печатным высказываниям 1922 и 1923 гг.[45] По-видимому, эти впечатления сводились, с одной стороны, к признанию талантливости и своеобразия Эренбурга, а с другой – к столь чуждой Брюсову богемности, отсутствию склонности к систематическим упражнениям; словом – к формуле типа "сможет, если будет много работать"[46]. Формула отношения не менялась и потом, разве что по временам усиливались сомнения, что Эренбург начнет наконец работать над стихом, как следует.

Дальнейшие встречи Эренбурга с Брюсовым в Москве 1917–1918 гг. были скорее случайными. В январе 1918 г. Брюсов и Эренбург вошли в московское бюро писателей[47]; несколько раз они встречались в литературных кафе. «Помню кафе в Москве восемнадцатого года, – писал Эренбург по свежим следам событий, – переполненное спекулянтами, матросами и доморощенными "футуристами" (больше по части "свободного пола"), Брюсов должен импровизировать стихи на темы, предлагаемые вышеуказанными знатоками. Он не смущается ни звоном ложечек, ни тупым смехом публики, ни невежеством поданных записок. Строгий и величественный, он слагает терцины. Голос становится непомерно высоким, пронзительным. Голова откинута назад. Он похож в эту минуту на укротителя, подымающего свой бич на строптивые, будто львы, слова»[48].

В начале 1918 г. вышла эренбурговская "Молитва о России"[49], недвусмысленно выразившая его резко отрицательное отношение к большевистскому перевороту ("Октября, которого так долго ждал, как и многие, я не узнал", – дипломатично сказано об этом в ранней автобиографии Эренбурга[50]). Стихи "Молитвы о России", написанные с обнаженной искренностью, с впечатляющей интенсивностью чувства, воспринимались разделявшими идейную позицию их автора как заметное явление тогдашней русской поэзии[51]. Но Брюсов, для которого значительность глобальных планов революционной перестройки мира и культуры не умалялась издержками практики их конкретной реализации, понятно, не разделял эренбурговских "молитв", однако в публичной оценке стихов Эренбурга 1917–20 гг. он тактично ограничивался лишь вопросами формы. "Еще ряд поэтов, не примыкая к футуризму, чужд, однако, и всем течениям, выросшим из символизма, – писал Брюсов в большом обзоре. – Таков, напр⟨имер⟩, ⟨...⟩ Илья Эренбург, усвоивший за последние годы, вместо своего прежнего четкого стиха, манеру писать нарочито неряшливо"[52].

В сентябре 1918 г. под угрозой ареста Эренбург бежал в Киев. Он вернулся в Москву осенью 1920 г., многое пережив и переосмыслив. И у него снова возникла потребность увидеть Брюсова, не знавшего колебаний, энергично работавшего все эти трудные годы в разных отделах Наркомпроса.

«В 1920 году я пришел к Брюсову в ЛИТО, – вспоминает Эренбург в "Книге для взрослых". – Он встал и сразу спросил меня: "Где вы хотите работать?. Я не понял и переспросил. Он показал на стену. Это была эпоха диаграмм, но все же я растерялся: диаграмма в кабинете Брюсова определяла строение литературы. Квадраты, круги, ромбы были поэзией, романом, трагедией. Нет, его мечта не была волом! Он продолжал жить до конца своей давней страстью. Сухие, горячие глаза объясняли сущность таинственных квадратов. Эта диаграмма была одной из его последних поэм»[53]. Тогда же, в 1920 г., в Москве Эренбург написал о Брюсове для начатой им еще в Киеве книги "Портреты русских поэтов", издать которую он смог полтора года спустя.

В марте 1921 г. Эренбург выехал в заграничную командировку. У него были обширные литературные планы; вез он с собой и массу журналов, альманахов, рукописи стихов русских поэтов (были там и новые стихи Брюсова) – хотел, чтобы их узнали зарубежные читатели. В Париже, а затем в Бельгии Эренбург познакомился с образцами эмигрантской прессы. Ярость некоторых выступлений говорила, что война не кончилась; главный огонь велся по литераторам, оставшимся в России. Содержание и тон этих материалов Эренбург, старавшийся сохранить объективность оценок, счел недопустимым и немедленно выступил против них публично: "Я позволю себе средь непрекращающейся гражданской войны остаться еретиком, который полагает, что ни Бальмонт, проклинающий коммунизм, ни Брюсов, его восхваляющий, не теряют равного права на уважение к их литературной деятельности, как два поэта предыдущего поколения, основоположники символизма. Лично я, как поэт, не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, по своим социальным симпатиям равно далек от обоих, но все это не может служить оправданием хулы или хотя бы пренебрежения"[54].

В 1922 г. в Берлине Эренбург выпустил антологию "Поэзия революционной Москвы"; в предисловии к ней он писал; "Цель этой книги показать, что несмотря на трудные, а подчас и трагические условия, русские поэты продолжают свою ответственную работу... О ценности достижений сможет судить всякий по своим законам. Но надеюсь все же, что книга эта будет не-

чаянной радостью для многих и покажет им, как несправедливы рассуждения о гибели российской поэзии"[55]. В "Поэзию революционной Москвы" вошло три стихотворения Брюсова[56]; пять его стихотворений были включены в "Портреты русских поэтов"[57].

В начале 1922 г. вышла книга лирики Эренбурга "Опустошающая любовь"[58]. Все двадцать три стихотворения этого сборника были написаны в январе 1922 г. после напряженной работы над прозой, занявшей с тех пор главное место в творчестве Эренбурга. "Опустошающая любовь" – последняя книжка Эренбурга, отрецензированная Брюсовым[59]. Его внимание привлекло, вероятно, не только содержание стихов («Общий смысл книги дан в ее заглавии, – писал Брюсов. – Октябрьская революция спасает и спасет Россию, тогда как для "испепеленной" Европы спасения нет»[60]), но также классическая строфика и словарь символистов, неожиданные у Эренбурга после его стихов 1916–1921 гг. Отметив, что тема книги – "наша революция", что стихи Эренбурга – "сделанные умело, – для взгляда не слишком изощренного, – чуть не мастерские", Брюсов без обиняков признался: "Мне его новые стихи решительно не нравятся"[61]. Далее следовал детальный, строго логический анализ нескольких стихотворений – этого анализа они не выдержали. Действительно, для многих стихотворений "Опустошающей любви", как и последующих сборников "Звериное тепло" и "Не переводя дыхания"[62], характерны вообще-то неорганичная для Эренбурга и затуманивающая смысл стиха усложненность формы (так проявилось сильное тогда влияние Пастернака) и некоторая словесная небрежность. Однако на вопрос: "Есть ли в книге хорошие стихи?" – Брюсов ответил: "Есть, и даже очень хорошие"[63], и все-таки общий его вывод был жестким: "Надеяться, что И. Эренбург перестанет небрежно записывать первые приходящие в голову слова, станет серьезно работать, и тогда явится в нашей литературе выдающимся поэтом, – трудно"[64].

17 декабря 1923 г. Илья Эренбург выступил с докладом на вечере, посвященном пятидесятилетию В.Я. Брюсова, в зале "Берлинер Сецессион". Доклад этот сохранился лишь в газетном изложении: «В остроумном и ярком сообщении Эренбург отметил, что присвоение юбиляру звания "народного поэта республики" не вполне выражает действительные заслуги Валерия Брюсова в русской литературе. Метафорически Брюсову подобал бы титул председателя комиссии по ликвидации поэтической безграмотности, ибо именно он во времена глубокого упадка русской поэзии боролся с безграмотностью в литературе. Это поэт, который не только любит истину, но и проповедует и распространяет ее. Он в смешанных аудиториях учил до революции "декадансу", а в 1920 г. знакомил рабочих с Уолтом Уитменом. Брюсов вечный учитель, как сын молодого, полного сил народа, он не знает разъедающего скепсиса и, любя поэзию, стремился сделать ее достоянием всего народа. Брюсов противопоставил увлечению славянофильством европеизм, знакомя Россию с выдающимися произведениями западной поэзии и литературы. Брюсов примкнул к революции не во времена НЭПа, а в период военного коммунизма, в самые тяжелые годы. Он не отделил себя от революции, хотя пришел к ней своим собственным путем, и это его великая заслуга, как бы на него ни клеветали эмигрантские газеты Пасси и Шарлоттенбурга. Вместе с передовыми поэтами и писателями Запада он не на стороне прошлого, а на стороне будущего. Брюсов признанный классик, но он не стареет, он любовно выращивает новые поколения русских поэтов, хотя бы и далеких ему по направлению. У Брюсова есть своя трагедия. Если слава всеми признанных и любимых Блока и Маяковского светла, если "нежная слава" окружает Анненского и других немногих поэтов, признанных и любимых одними только истинными поэтами, то Брюсов, будучи всеми признан, пользуется славой, в которой, как и в его стихах, есть холод. Брюсов одинок в своих поисках тайной магии стиха»[65].

Последнее выступление Эренбурга, посвященное Брюсову, состоялось в Париже осенью 1924 г. на вечере памяти поэта. Вспоминая этот вечер, Эренбург написал: "Я был в Париже; мы устроили вечер памяти Брюсова. Когда человек умирает, вдруг его видишь по-новому – во весь рост. Есть у Брюсова прекрасные стихи, которые кажутся живыми и ныне. Может быть, над его колыбелью и не было традиционной феи, но даже если он не родился поэтом, он стал им. Он помог десяткам молодых поэтов, которые потом его осуждали, опровергали, ниспровергали. А молодой Советской России этот неистовый конструктор, неутомимый селектор был куда нужнее, чем многие сладкопевцы. Не могу не вспомнить еще раз моих парижских лет. Валерий Яковлевич меня поддержал; даже его упреки помогали мне жить"[66].

Здесь публикуются все 12 писем Эренбурга и единственное письмо Брюсова, сохранившиеся в архиве В.Я. Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 110.10; 73.19). Тексты писем были предоставлены И.Г. Эренбургу в период его работы над мемуарами "Люди, годы, жизнь"; п. 12 и 13 цитировались им в первой книге мемуаров. П. 1 и 13 были опубликованы Б.М. Сарновым (*ВЛ*. 1973. № 9. С. 193–195). Остальные письма публикуются впервые. Письма Брюсова в архиве Эренбурга не сохранились (вся довоенная часть этого архива погибла).

[1] О начале литературной работы Эренбурга см.: *Эренбург И.* Собр. соч. М.: Худож. лит., 1966. Т. 8. С. 72–87; *Киреева М.* Из воспоминаний: Илья Эренбург в Париже 1909 года / Публ., предисл. и коммент. Б. Фрезинского // *ВЛ.* 1982. № 9.

[2] Первое стихотворение Эренбурга "Я шел к тебе" было напечатано в журнале "Северные зори" (1910, № 5, 8 янв.). Затем стихи Эренбурга печатались в петербургских журналах "Возрождение", "Жизнь для всех", "Кривое зеркало", в московской газете "Студенческая жизнь". В 1910 г. в периодике было напечатано 30 стихотворений Эренбурга (*Попов В.В.* Библиография произведений И.Г. Эренбурга: Рукопись. архив публикатора. Ленинград).

[3] Личный архив Е.Г. Полонской (Ленинград). Сообщено М.Л. Полонским. Это первое документальное упоминание о литературной работе И. Эренбурга.

[4] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 38, 40.

[5] *РМ.* 1911. № 2. С. 232–233.

[6] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 77. Эренбург здесь ошибочно указывает, что статья Брюсова была помещена в газете "Русские ведомости", где была напечатана другая статья Брюсова об Эренбурге. См. прим. 35.

[7] Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 17.

[8] Утро России. 1911. № 34. 12 февр.

[9] Аполлон. 1911. № 5. С. 78.

[10] Наст. кн., Переписка с Гумилевым, п. 68.

[11] *Эренбург И.* Я живу. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", MCMXI.

[12] Речь. 1911. № 271. 3 окт.

[13] Аполлон. 1911. № 10. С. 74.

[14] Эта книга с дарственной надписью Эренбурга: "Валерию Брюсову поэту и учителю" – сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1505).

[15] *Эренбург И.* Одуванчики. Париж, 1912. Экземпляр книги с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову Эренбург" – хранится в библиотеке Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1506).

[16] *Ходасевич В.* Русская поэзия // Альманах "Альциона". 1914. № 1. С. 209.

[17] Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 14.

[18] *ЦГИАЛ.* Ф. 779. Оп. 4. Ед. хр. 324. Л. 39.

[19] *РМ.* 1913. № 8. С. 74.

[20] См., например, типичные в этом смысле рецензии: С. З. (Московские новости. 1913. 13 июля) и В. Лоб-нова (Руль. 1913. 13 мая).

[21] *Эренбург И.* М. Кузмин. Сети. М., 1908. – М. Кузмин. Куранты любви. М., 1910 // Голос Сибири. Иркутск, 1911. № 74. 30 марта (см. также: *Попов В.* Первые публикации И.Г. Эренбурга // Альманах "Сибирь". 1974. № 5. С. 91–94; Заметки о русской поэзии // Гелиос. Париж, 1913. № 1; Новые поэтессы // Гелиос. Париж, 1913. № 2.

[22] См.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 78–79, а также: *ВЛ.* 1982. № 9. С. 156.

[23] *Жамм Ф.* Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. Предисл. автора. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1913 (стихи Жамма переведены Эренбургом, а проза – его первой женой Е. Шмидт).

[24] *ЦГАЛИ.* Ф. 1610. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1–2. Имеется в виду антология Брюсова: Французские лирики XIX в. СПб.: Пантеон, 1909; то же: *ПСС XXI).*

[25] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 40. Письмо не сохранилось. Ответ Эренбурга в архиве Брюсова отсутствует.

[26] См., например, недатированное письмо Эренбурга к Волошину (*ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1338. Л. 1).

[27] *Брюсов В.* Поэты Франции. Переводы И. Эренбурга. Париж, 1914 // *РМ.* 1914. № 4.

[28] Поэты Франции 1870–1913 / Пер. И. Эренбурга. Париж: Книгоиздательство "Гелиос", 1914. Эта книга с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. 4 марта 14 г." – сохранилась в фонде Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1507); на ней несколько карандашных помет Брюсова: "Вздор" (с. 20 – "Свет луны туманный" Верлена), "Нет" (с. 21 – "Тень деревьев" Верлена), "Число стихов? Верлен, право, был болтлив? Наговорил лишнее?" (с. 22 – "Рука печальная ласкает пианино" Верлена), "Недурно" (с. 28 – "Les chercheuses de poux" Рембо), "Эст(етизм)" (с. 35 – "Мне внемлют только мертвецы" Мореаса), трижды сделана помета "Разобрать" (с. 24 – "Бедные добрые помыслы" Верлена, с. 27 – "Сон на зиму" Рембо, с. 75 – "Осень" Вьеле-Гриффена). На переводах поэтов более позднего поколения брюсовских помет нет.

[29] *РМ.* 1914. № 4. С. 132.

[30] Северные записки. 1914. № 7. С. 193.

[31] *Городецкий С.* Девять книг // Речь. 1914. № 67. 10 марта.

[32] Б.А. Слуцкий не вполне точен в этом утверждении: все названные поэты были на 8–10 лет старше Эренбурга. С Ш. Вильдраком и Г. Аполлинером Брюсов был знаком лично. см., например: *Лавров А.В.* Брюсов в Париже (осень 1909 г.) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л.: Наука, 1983.

[33] *Слуцкий Б.* Предисловие // Эренбург И. Тень деревьев. М.: Прогресс, 1969. С. 10.

[34] *Эренбург И.* Стихи о канунах. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1916. Книга сохранилась в архиве Брюсова; на авантитул ее наклеена литография Д. Риверы с надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. 1916" (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1508).

[35] *Брюсов В.* И. Эренбург. Стихи о канунах. М., 1916 – И. Эренбург. Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей. 1916 – И. Эренбург. Отрывки из "Большого завещания", баллады, разные стихотворения Франсуа Вийона. М., 1916 – Жак де Безье, трувер Фландрии. О трех рыцарях и о руба-

хе. Повесть XIII века. Перевел со старофранцузского И. Эренбург. М., 1916 // *РВ*. 1916. № 155. 6 июля. Переводам Эренбурга из Вийона Брюсов посвятил и отдельную заметку (Известия литературно-художественного кружка. 1916. сент. Вып. 14–15. С. 84), в которой писал: «Интересный (хотя еще совсем не установившийся) поэт, И. Эренбург – плохой переводчик. Он слишком удаляется от оригинала, заменяет целые стихи своими измышлениями, стремится смелость, грубость и своеобразие "воровского" жаргона французского стихотворца XV в. заместить аналогичными русскими выражениями: но это было бы под силу лишь исключительному мастеру, а И. Эренбург, "руссифицируя" Вийона, лишает его всякого своеобразия». Отметим, что через сорок лет Эренбург вернулся к этой работе (см.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 6. С. 384–394) и последняя редакция его переводов из Вийона стала общепризнанной.

[36] *Волошин М.* Илья Эренбург – поэт // Речь. 1916. № 300. 31 окт.

[37] Там же.

[38] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 224.

[39] *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин: книгоиздательство "Аргонавты", 1922. С. 48–52; *Он же.* Книга для взрослых. М.: Сов. пис., 1936. С. 141–143; *Он же. Собр. соч.* Т. 8. С. 223–230.

[40] *ЦГАЛИ*. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 4. В книге "Люди, годы, жизнь" Эренбург счел необходимым смягчить последние слова этой записи: «Валерий Яковлевич показался мне глубоким стариком, и в книжку я записал: "Седой, очень старый"» (*Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 229).

[41] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 225.

[42] Заметим, что Эренбурга огорчил памфлет М.И. Цветаевой "Герой труда": "Она написала о В.Я. Брюсове много несправедливого: видела внешность и не попыталась заглянуть глубже, задуматься" (*Эренбург И.* Т. 8. С. 233).

[43] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 229. Книга Брюсова с его автографом не сохранилась в библиотеке Эренбурга. По свидетельству дочери писателя И.И. Эренбург, она пропала, скорее всего, после Отечественной войны, но Эренбург, дороживший добрым отношением Брюсова, надпись на книге помнил и привел ее по памяти; содержание этой надписи в мемуарах Эренбурга прокомментировано так: "Это относилось к нашему спору о поэзии".

[44] "В июле 1917 г., – писал Пастернак в очерке "Люди и положения", – меня по совету Брюсова разыскал Эренбург. Тогда я узнал этого умного писателя, человека противоположного мне склада, деятельного, незамкнутого" (*Пастернак Б.* Воздушные пути. М.: Сов. писатель, 1982. С. 459).

[45] *Брюсов В.* Вчера, сегодня и завтра русской поэзии (VI, 511); *Брюсов В.* Среди стихов // *ПР*. 1923. № 7. С. 70–73.

[46] Формула такого рода не была у Брюсова общеприменимой, хотя он и считал постоянные упражнения необходимыми для каждого поэта. Так, ругая Эренбурга за небрежности в работе, он тут же замечал: "Но совершенно безнадежно, чтобы выдающегося поэта мы получили в лице Владислава Ходасевича, потому что этот – не небрежен: он явно работает, даже чересчур, и, следовательно, дает все, что может дать" (*ПР*. 1923. № 7. С. 70).

[47] Московская газета "Мысль", сообщая в № 5 от 28 января 1918 г. о создании этого бюро, отмечала: "Как видно из простого перечня имен, группа духовно ничем не объединена, и бюро ее не является чем-то фиксирующим определенное направление. Главной целью бюро является защита членов его от эксплуатации предпринимателей".

[48] *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. С. 50–51.

[49] Судя по записной книжке Эренбурга 1917–18 годов (*ЦГАЛИ*. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 43 – перечень лиц в дательном падеже, представляющий собой, по-видимому, список рассылки "Молитвы о России"), книга была послана Брюсову (наряду с Бальмонтом, Блоком, Ахматовой, Лозинским, Ходасевичем и другими поэтами), но в его библиотеке не сохранилась.

[50] Новая русская книга. Берлин, 1922. № 4. С. 44.

[51] См., например: *Волошин М.* Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург // Камена. 1919. Кн. 2. С. 10–28.

[52] VI. 511.

[53] *Эренбург И.* Книга для взрослых. С. 142–143. В "Портретах русских поэтов" эта картина выглядит менее патетично: «Я не забуду его, уже седого, но по-прежнему сухого и неуступчивого в канцелярии "Лито" (Литературного отдела Н.К.П.). На стенах висели сложные схемы организации российской поэзии – квадратики, исходящие из кругов и передающие свои токи мелким пирамидам. Стучали машинки, множа "исходящие", списки, отчеты, сметы, и, наконец-то, систематизированные стихи» (с. 51).

[54] *Эренбург И.* Au-dessus de la melée // Русская книга. Берлин, 1921. № 7–8. С. 1.

[55] Поэзия революционной Москвы / Под ред. И. Эренбурга..Берлин: книгоиздательство "Мысль", 1922. С. 3–5.

[56] "Помню, помню вечер нежный", "Третья осень" и перевод из Гете – "Classische Walpurgisnacht", напечатанные по тексту "Художественного слова" (1920, кн. 1 и 1921, кн. 2). Отметим, что строчку из "Третьей осени" Эренбург поставил эпиграфом к своей статье о третьей осени гражданской войны в Испании, написанной в сентябре 1938 г. (см.: *Эренбург И.* Испанские репортажи 1931–1939. М.: Изд-во АПН, 1986. С. 321). Эта статья начинается словами: "В 1919 г. Валерий Брюсов написал стихи о народе, который третью осень голодал, мерз и сражался. Этот народ победил. Среди позора Европы на высотах вокруг Гаэты стоят гордые люди, которые не хотят расстаться с мечтой о победе" (с. 326).

[57] "Вечерний прилив", "Я" ("Мой дух не изнемог во мгле противоречий..."), "Поэту" (Ты должен быть гордым, как знамя...), "Веселый зов весенней зелени..." и "Третья осень".

И.Г. ЭРЕНБУРГ

Портрет работы А. Федера. 1916

Местонахождение портрета неизвестно,
репродукция картины находится в собрании И.И. Эренбург, Москва

[58] *Эренбург И.* Опустошающая любовь. Берлин: изд-во "Огоньки", 1922. Книга сохранилась в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги. № 134); дарственной надписи на ней нет; на страницах 9 и 25 подчеркнуты отдельные слова и поставлены вопросительные знаки, на странице 43 отчеркнута вторая строфа стихотворения "Когда замолкнет суесловье…".

[59] *Брюсов В.* Среди стихов // *ПР*. 1923. № 7.

[60] Там же. С. 72–73.

[61] Там же. С. 71.

[62] *Эренбург И.* Звериное тепло. Берлин: Геликон, 1923. Книга лирики "Не переводя дыхания", написанная в 1923 г., издана не была (см.: Поэзия. № 40. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 141–144).

[63] *ПР*. 1923. № 7. С. 73. Понравившиеся Брюсову стихи в рецензии не названы; видимо, к ним относилось стихотворение "Когда замолкнет суесловье", в котором Брюсов отчеркнул вторую строфу:

Запомни только – сын Давидов –
Филистимлян я не прощу.
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.

(об этой строфе Я. Ивашкевич справедливо сказал, что ее "можно считать жизненной программой Эренбурга, программой, которую он выполнял всю свою долгую и трудную жизнь" – *ВЛ*. 1984. № 1. С. 197).

[64] *ПР*. 1923. № 7. С. 73. Отметим, что в статье "Илья Эренбург и Валерий Брюсов", впервые система-

тизировавшей разбросанные в периодике взаимные высказывания двух поэтов, Е.И. Ландау пытался смягчить этот отзыв об "Опустошающей любви": «Если бы Брюсов принял во внимание предшествующие ей сборники "Огонь" (Гомель, 1919), "Раздумья" (Петроград, 1921) и "Зарубежные раздумья" (М., 1922), – он вынес бы, надо полагать, иной вердикт» (Лит. Армения. 1971. № 4. С. 102). Увы, приведенное нами высказывание Брюсова из статьи "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии" не позволяет разделить эту надежду.

[65] *Шенфельд Б.М.* Чествование Валерия Брюсова в Берлине // Накануне. 1923. 19 дек.

[66] *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 229.

1. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж, не позднее сентября 1910 г.⟩

Милостивый Государь,

Весной этого года Вы взяли на себя труд просмотреть мои первые стихи. Ваши указания послужили мне руководством в дальнейшей работе над стихом[1]. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой прочесть мои стихи, изданные сборником[2]. Я знаю, что это лишь ученические опыты, полные ошибок, часть которых я уже сознаю. Целый ряд стихотворений (стр. 10, 12, 14, 25, 45, 55, 73 и др.) печатать не следовало бы. Во многих – прямое подражание (Вам, Роденбаху[3], Кузмину и нек⟨оторым⟩ др⟨угим⟩). Наконец, ряд неправильностей обезображивает язык стихов.

Все же я прошу Вас ответить – есть ли в этих стихах мое? Есть ли в них raison d'être?* Вы понимаете, почему я обращаюсь именно к Вам. Ваши книги были моими учебниками. Извините, что тревожу Вас своей просьбой.

С искренним уважением И. Э р е н б у р г.

Датируется по содержанию. Судя по обращению (в остальных письмах Эренбург обращается к Брюсову по имени и отчеству), это первое письмо Эренбурга Брюсову. Впервые опубликовано Б.М. Сарновым (*ВЛ.* 1973. № 9. С. 193) с незначительными неточностями в тексте и датировкой по почтовому штемпелю на конверте 29 XII 1911 г. (в архиве Брюсова конверты хранятся отдельно от писем и на письмах нет отметок о том, из каких конвертов они вынуты). Т.к. не позже сентября 1911 г. вышла уже вторая книга Эренбурга "Я живу" (в ней только 56 страниц), то, следовательно, здесь речь идет о первой книге, вышедшей не позже сентября 1910 г. (13 сентября 1910 г. в "Московской газете" появилась первая рецензия на парижский сборник Эренбурга).

[1] В какой форме были сделаны эти указания – неизвестно. Возможно, Брюсов вернул рукопись Эренбургу с пометами и замечаниями на полях, как он часто делал, читая присланные ему стихи начинающих авторов.

[2] *Эренбург И.* Стихи. Париж, 1910. В архиве Брюсова первая книга Эренбурга не сохранилась.

[3] Жорж Роденбах – бельгийский прозаик и поэт, писавший по-французски. Л. Войтоловский, рецензируя первую книгу Эренбурга в "Киевской мысли" 1 октября 1910 г., писал: «Я озаглавил бы всю эту книгу: "Под влиянием Роденбаха".

2. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. Апрель 1911 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

будучи вполне согласным с Вашим мнением о моих стихах, находящихся в редакции "Русской Мысли", я рад, что не с ними я выступлю в Вашем журнале[1].

Я посылаю Вам новые стихи, которые мне кажутся иными и по своим задачам и по технике[2]. Мне очень хотелось услышать Ваше мнение об этих стихах.

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г.

Мой адрес: M-r Ehrenbourg, 103, rue Vaugirard, Paris

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

[1] Речь идет, видимо, о стихах, присланных Эренбургом в редакцию "Русской мысли" в марте 1911 г. Какие это были стихи – нам неизвестно. В архиве Брюсова сохранился конверт, на котором рукой Эренбурга написан адрес редакции "Русской мысли"; обратный адрес – Италия; штемпель московской почты –

* имеют ли они право на существование (*франц.*)

11 (24) марта 1911 г. Из содержимого конверта сохранилась лишь визитная карточка Эренбурга, на которой им от руки парижский адрес исправлен на итальянский (*ГБЛ*. Ф. 386, 110. 10. Л. 1). Судя по почтовым штемпелям, почта из Западной Европы в Москву шла в 1911 г. три дня; следовательно, в начале апреля Эренбург вполне уже мог получить ответ Брюсова, о котором он здесь пишет.

[2] В архиве Брюсова сохранились автографы 11 стихотворений Эренбурга, написанных теми же чернилами и на той же бумаге, что и п. 2 (*ГБЛ*. Ф. 386, 110. 10. Л. 10–20). Шесть из них без разночтений вошли в сборник "Я живу" ("Я подошел к вершинам Миниато", 4 стихотворения "Времена года" и "Христу"), а пять – опубликованы не были ("Мосты над Арно", "Как ясен день у золотого Арно" и три стихотворения о Боттичелли). В книгу "Я живу" вошли четыре других стихотворения этого цикла.

3. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. Около 23 мая / 5 июня 1911 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

интерес, проявленный Вами к моим стихам, позволяет мне вновь обратиться к Вам за советом.

За последний месяц мной был написан ряд стихотворений, которые как по своим темам, так и по строению стиха, как мне кажется, отличаются от написанных мною раньше. Вследствие этого у меня возникло желание издать новый сборник стихов[1].

Я очень хотел бы знать Ваше мнение как об этих стихах, так и о моем намерении издать их.

Должен оговорить, что я этим стихам придаю значение ученических работ, и поэтому меня гл⟨авным⟩ обр⟨азом⟩ интересует вопрос о том, насколько они интереснее и содержательнее, совершеннее по форме стихов, составляющих мой первый сборник.

Простите, что так часто беспокою Вас

Глубоко уважающий Вас И. Э р е н б у р г.

P.S. Если Вы захотите выбрать из этих стихов что-либо для "Русской Мысли", то примите во внимание, пожалуйста, следующее: стихи 1) Авиатор, 2) Молитвы, 3) Осенние терцины и 4) Пан – были раньше посланы мной для "Альманаха" Мусагет, и я не знаю, какие именно из них свободны[2]. Остальными стихами Вы можете, в случае надобности, располагать.

Мой адрес: Ehrenbourg 39, B^rd^ Port-Royal, Paris

Датируется по почт. шт. получения на конверте (Москва 27 мая 1911).

[1] См. вступ. ст., прим. 11.

[2] В архиве Брюсова эти стихотворения не сохранились. В "Антологию", выпущенную издательством "Мусагет" в 1911 г., стихи Эренбурга не вошли. Рецензируя эту антологию в "Русской мысли" (1911. № 8), Брюсов написал: "Из молодых, об отсутствии которых надо пожалеть, назовем И. Эренбурга, Черубину де Габриак, Ахматову, В. Нарбута". Стихотворения "Авиатор" и "Пан" вошли в сборник "Я живу", остальные опубликованы не были.

4. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 3 сентября 1911 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

я только теперь получил Ваше письмо с извещением о Вашем намерении напечатать в "Русской Мысли" мое стихотворение "Весна". К сожалению, оно включено в мой новый сборник стихов, вышедший на-днях[1]. Я глубоко сожалею об этом, тем более, что в течение последнего месяца я откладывал печатание книги, ожидая Вашего ответа.

Я посылаю Вам свой новый сборник стихов. Если Вы и найдете в нем стихи более совершенные, то в этом я в значительной степени обязан Вам.

Прилагаю Вам несколько новых стихотворений, б.м. какое-либо из них Вы найдете подходящим для "Р⟨усской⟩ Мысли"[2].

Уважающий Вас И. Э р е н б у р г

Мой адрес: M-r Ehrenbourg 39, B-d Port-Royal, Paris

Датируется по почт. шт. получения (Москва 24 августа 1911).

[1] См. вступ. ст., прим. 11.

[2] Судя по бумаге и чернилам, к этому письму были приложены неопубликованные стихотворения "Она рожала долго и сурово", "Из труб спадал тяжелый запах гари" и, возможно, "Душа моя весной наивной". На конверте имеется карандашная помета: «Взято стих. "Флоренция"». Видимо, речь идет о стихотворении "Перед Флоренцией", напечатанном в "Русской мысли" (1912. № 4).

5. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 8 января 1912 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам несколько стихотворений, которые, быть может, подойдут для "Русской мысли"[1].

Пользуюсь случаем просить Вас высказать мне свое мнение о моих последних стихах. С большим нетерпением жду я Ваших указаний.

Уважающий Вас И. Эренбург

9 rue Campagne Première Paris

Датируется по парижскому почт. шт.

[1] Судя по чернилам, к этому письму были приложены неопубликованные стихотворения Эренбурга "О эта мутная весна" и "Когда смолкает буйный глас", а также вошедшие без разночтений в сборник "Одуванчики" стихотворения "Как мало мать мы в детстве ценим" и "Когда ты с грустью терпеливой". К этому письму (либо к п. 4) относятся также машинописные тексты стихов "Год", "Детство, одуванчик нежный" (без разночтений вошли в "Одуванчики") и "Мы у моря проходили. Утро было" (не опубликовано).

6. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 19 октября 1912 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам несколько сделанных мной переводов стихов Франсиса Жамма[1]. Не думая, чтобы они были достаточно совершенны для помещения в "Русской мысли", я очень прошу Вас просто высказать Ваше мнение о них. Я продолжаю работать над переводами стихов Жамма, и Ваши указания помогли бы мне в этом.

Простите, что беспокою Вас

Уважающий Вас И. Эренбург

3bis place de la Sorbonne, Paris

Датируется по парижскому почт. шт.

[1] К письму приложены автографы и машинописные тексты переводов восьми стихотворений из книги Жамма "От утреннего благовеста до вечерни" и двух – из книги "Траур весен". На первой странице рукой Эренбурга написано:

«Francis Jammes
из книг "De l'Angelus de l'Aube à l'Angelus du Soir"
и "Le Deuil des Primeveres"
переводы И. Эренбурга».

Все переводы, за исключением стихотворения "Все тихо, ласточка за ставнями шумит" (книга "Траур весен"), вошли в печатный текст сборника (см. вступ. ст., прим. 23).

7. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж, 21 октября 1912 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я забыл в письме указать, что если какие-либо из переведенных стихотворений покажутся стоящими быть напечатанными – Вы можете, конечно, воспользоваться ими. Мною получено от автора на это разрешение[1].

Уважающий Вас И. Эренбург

Датируется по парижскому почт. шт. Дополнение к п. 6.

[1] Эренбурговские переводы из Жамма в периодике не печатались.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В РОТОНДЕ

Шарж А. Гоффмейстера. 1915

Слева внизу – И. Эренбург, в центре – Д. Ривера, справа – П. Пикассо

8. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

〈Париж. Конец 1913 г.〉

Уважаемый Валерий Яковлевич,

я в настоящее время занят составлением антологии ряда французских поэтов (1880–1910), стихи которых я перевел на русский язык. Мне кажется крайне необходимым приложить к этой работе как указания о переводах этих поэтов на русский язык, сделанных ранее, так и перечень статей на русском языке. Отсутствие в Париже нужных библиотек сильно усложняет мою работу. Поэтому я решился просить Вас помочь мне в этом, указав все сделанные Вами переводы поэтов этой эпохи, не вошедшие в Вашу книгу "Французские лирики"[1], и статьи Ваши, как о французской поэзии вообще, так и об отдельных авторах. Я буду страшно благодарен, если Вы сделаете это.

Простите, что беспокою Вас и примите уверения в моем искреннем уважении.

И. Эренбург

155, B-d Montparnasse, Paris

Датируется по содержанию. Предисловие Эренбурга к антологии "Поэты Франции" датировано январем 1914 г., когда книга была уже завершена – она вышла не позднее начала марта 1914 г., так как в марте уже появились газетные рецензии на нее. В архиве Брюсова сохранился относящийся к этому времени самодельный конверт с парижским штемпелем 12–1–14 г., на котором рукой Эренбурга написано: «И-во "Сириус" Пушкинская 10 для Валерия Яковлевича Брюсова. С. Петербург». Однако, судя по сделанной Эренбургом пометке "Imprimé"*, в конверте была отправлена эренбурговская книжка "Детское", вышедшая то-

* печатное (*франц.*).

гда в Париже и не сохранившаяся в архиве Брюсова. В п. 8 о "Детском" не упоминается – очевидно, книга была отправлена Брюсову не раньше января 1914 г.

[1] Французские лирики XIX века / Пер. в стихах и библиогр. прим. Валерия Брюсова. СПб.: Пантеон, 1909.

9. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Париж. 5 апреля 1914 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

простите, что до сих пор не мог поблагодарить Вас за доставленные Вами сведения (они очень пригодились для моей книги) и за Ваше милое письмо.

Я послал Вам недавно мою книгу "Поэты Франции"[1]. Сейчас посылаю несколько стихотворений Вам для "Русской Мысли". Напишите, пожалуйста, нашли ли Вы их подходящими[2].

Еще раз примите мою благодарность.

Искренно уважающий Вас И. Эренбург

155, B[d] Montparnasse, Paris

Датируется по почт. шт.

[1] См. вступ. ст., прим. 28.

[2] К письму приложены три стихотворения в прозе: два из них – "Пригород" и "Говорят и глядят и взгляды и слова души смутить не могут" – остались неопубликованными, третье – "Бежим куда-нибудь, но дальше, дальше!" – в мае 1914 г. Эренбург напечатал в первом номере журнала "Вечера", который он вместе с В. Немировым начал издавать в Париже (№ 2 вышел в июне 1914 г., после чего издание журнала прекратилось).

10. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

12 octobre 15

Уважаемый Валерий Яковлевич,

посылаю Вам несколько стихотворений из книги "Стихов о канунах"[1], которую я собираюсь издать в течение зимы. Быть может, Вы найдете возможным напечатать что-либо из посылаемого в "Русской Мысли".

Простите, что я слишком часто пользуюсь Вашей любезностью и Вашим вниманием к моим работам.

Искренно уважающий Вас И. Эренбург

155, B-d Montparnasse

[1] К письму приложены автографы шести стихотворений; три из них – "После смерти Шарля Пеги", "Я спросил – почему, неутешный" и "Предутренний сон" – полностью напечатаны в сборнике Эренбурга "Стихи о канунах", три других – "Гоголь в Риме", "Хворая тварь" и "Ждала" – были напечатаны в "Стихах о канунах" с цензурными сокращениями.

11. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Eze. 23 июня 1916 г.⟩

Уважаемый Валерий Яковлевич,

простите, что помня Ваше былое внимание к моим стихам, снова тревожу Вас. Я посылаю Вам мою повесть в стихах, Молитву и маленькое стихотворение[1]. Быть может, Вы найдете возможным их напечатать в "Русской Мысли". В противном случае очень прошу Вас отослать рукопись г-же Эренбург, Остоженка 7, Москва[2].

Извиняюсь, что беспокою.

Уважающий Вас И. Эренбург

M-r Ehrenbourg Villa Ninos Eze (A.M.) France[3]

Датируется по почт. шт. (на конверте сохранился лишь московский штемпель 29 VI 1916; судя по п. 13, в 1916 г. письма из Eze в Приморских Альпах шли до Москвы 19 дней).

[1] "Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей" была впервые напечатана литографическим способом с иллюстрациями Диего Риверы тиражом сто нумерованных экземпляров в Париже в 1916 г. Стихотворение "Молитва" впервые напечатано в книге Эренбурга "О жилете Семена Дрозда. Молитва", вышедшей в Париже в 1917 г. в ста экземплярах (экземпляр № 32 этой книги с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. Париж 9 декабря 1916" – сохранился в архиве Брюсова – *ГБЛ*. Ф. 386. Книги № 1509). О каком "маленьком стихотворении" идет речь – неизвестно.

[2] Сестра поэта Изабелла Григорьевна *Эренбург* (1885–1965), помогавшая ему в предреволюционные годы в издательских делах; в архиве Брюсова, в частности, сохранилась пересланная ею (судя по почерку на конверте) в редакцию "Русской мысли" неопубликованная поэма Эренбурга "Жюль де-Рист" (1911–1912) (*ГБЛ*. Ф. 386, 110.10. Л. 83–89).

[3] Летние каникулы 1916 г. Эренбург с семьей проводил в деревушке Эз (Eze) близ Ниццы; оттуда он регулярно продолжал отправлять очерки в "Биржевые ведомости".

12. БРЮСОВ – ЭРЕНБУРГУ

5/18 июля 1916
На берегу Клязьмы[1]

Дорогой поэт!

Уже более *трех лет* (кажется) я не участвую в редакции "Русской Мысли" и вообще никакого литературного журнала[2]. Иначе, конечно, много раз, за эти годы, просил бы у Вас стихов. Не обращайте внимания, что я не пишу Вам писем, – не благодарю, напр⟨имер⟩, за присылаемые книги[3], за кои всегда очень признателен. Как где-то говорит Пушкин: "любить Вас у меня есть время, писать к Вам – навряд"[4]. А я искренно люблю Вас, т.е. как поэта, ибо как человека не знаю. Это, однако, не значит, что я люблю Ваши стихи. *Напротив*. Говорю так откровенно потому самому, что люблю в Вас поэта и не хочу оскорблять Вас условными вежливостями. Недавно я написал то, что думаю об Вас, сделал из этого рецензию (причем, разумеется, многим пришлось пожертвовать, оставить только мнения без доказательств, но, как я доказываю свои мысли, ведь Вы угадаете) и послал эту рецензию в "Русс⟨кие⟩ Ведомости". К сожалению, я сижу безвыездно в деревне; поэтому судьбы моей рецензии не знаю. Думаю, что она будет помещена в газете *завтра*, в № от 6/19 июля[5]. Тогда пошлю ее Вам и хочу верить, что мои попреки будут Вам приятнее многих иных похвал: сужу по себе. Мой вывод – тот, который применим ко всем "избранным", т.е. людям, предназначенным к поэзии: "Работайте!" Без работы не бывает Пушкиных, Гете, даже Верлэнов (ибо *первую* половину жизни будущий Pauvre Lelian[6] работал много, очень много), а ведь ниже Верлэна Вы быть не захотите, да и не стоит. Не соблазнят же Вас лавры какого-нибудь prince de poètes вроде Поль Фора![7] Работайте! Вы *можете* достичь, хотя еще *ничего не достигли*. Впрочем, последнее – неправда, т.е. правда для других, не для Вас. Я-то (как и Вы сами) знаю, чего Вы достигли (и это уже не мало!), но другие еще это из Ваших стихов не могут почувствовать. Работайте и учитесь. И, – личная просьба, не пренебрегайте музыкой стиха. Вы на футуристов не смотрите: они правее (более правы), когда пишут у-е-ы, чем когда рубят тупым топором все ритмы. Вся сущность поэзии – в сочетании звуков и ни в чем более. "Идея", "содержание", "чувство" etc – все вздор, все для публики, для Музы одно: "звуки сладкие", которые и суть "молитвы". Вы скажете, пожав плечами, что я сообщаю Вам элементарности, как младенцу. Нет! Я передаю Вам здесь эсотерическую тайну, немногим ведомую и еще меньшим числом понятую (Бальмонт, напр⟨имер⟩, и знает, да не понимает). Если мне сейчас и не верите, все же мои слова запомните: когда-нибудь смысл их Вам откроется. Говорю так смело потому, что слова – не мои: они передаются в изустном предании от поэтов Атлантиды, через поэтов Египта, Греции, Рима, через Данте, Шекспира, Гете, Пушкина до наших дней. Поэзия есть искусство звуков, а не слов и, уж конечно, не понятий. А потом обнимаю Вас через тысячи верст и применяю к Вам, что Вячеслав Иванов писал мне:

"Тебе в Иакхе[8] целованье
И в Дионисе мой привет"[9].

Дружески Ваш Валерий Б р ю с о в.

Черновик письма, сохранившийся в архиве Брюсова. На нем карандашом помета Брюсова "Эренбургу. Переделано". Черновик этого письма цитировался в книге "Люди, годы, жизнь". – См.: *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 8. С. 85.

[1] Лето 1916 г. Брюсов провел в деревне Бурково, возле ст. Болшево.

[2] Брюсов заведовал литературным отделом "Русской мысли" до конца 1912 г. (см.: *Лит. архив.* С. 265).

[3] Эренбург посылал Брюсову все книги своих стихов и переводов, за исключением разве что сборника "Будни", запрещенного к распространению в России. Из 8 книг Эренбурга, вышедших к лету 1916 г., в архиве Брюсова сохранилось 4; всего в архиве Брюсова в *ГБЛ* хранится 6 стихотворных сборников Эренбурга.

[4] Перефразированная цитата из письма Пушкина к А.А. Шишкову (август–ноябрь 1823 г.). Точный текст: "любить тебя есть ему время – а писать тебе – навряд".

[5] См. вступ. ст., прим. 35.

[6] Бедный Лелиан (*франц.*) – так звали Верлена в старости.

[7] Поль Фор был в 1912 г. провозглашен "принцем поэтов".

[8] Иакх – одно из наименований Диониса.

[9] Строки из второго стихотворения цикла "Современники", обращенного к Брюсову (1903 или 1904 г.). См.: *Иванов В.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 121.

13. ЭРЕНБУРГ – БРЮСОВУ

⟨Eze, 7 августа 1916 г.⟩

155, B-d Montparnasse, Paris

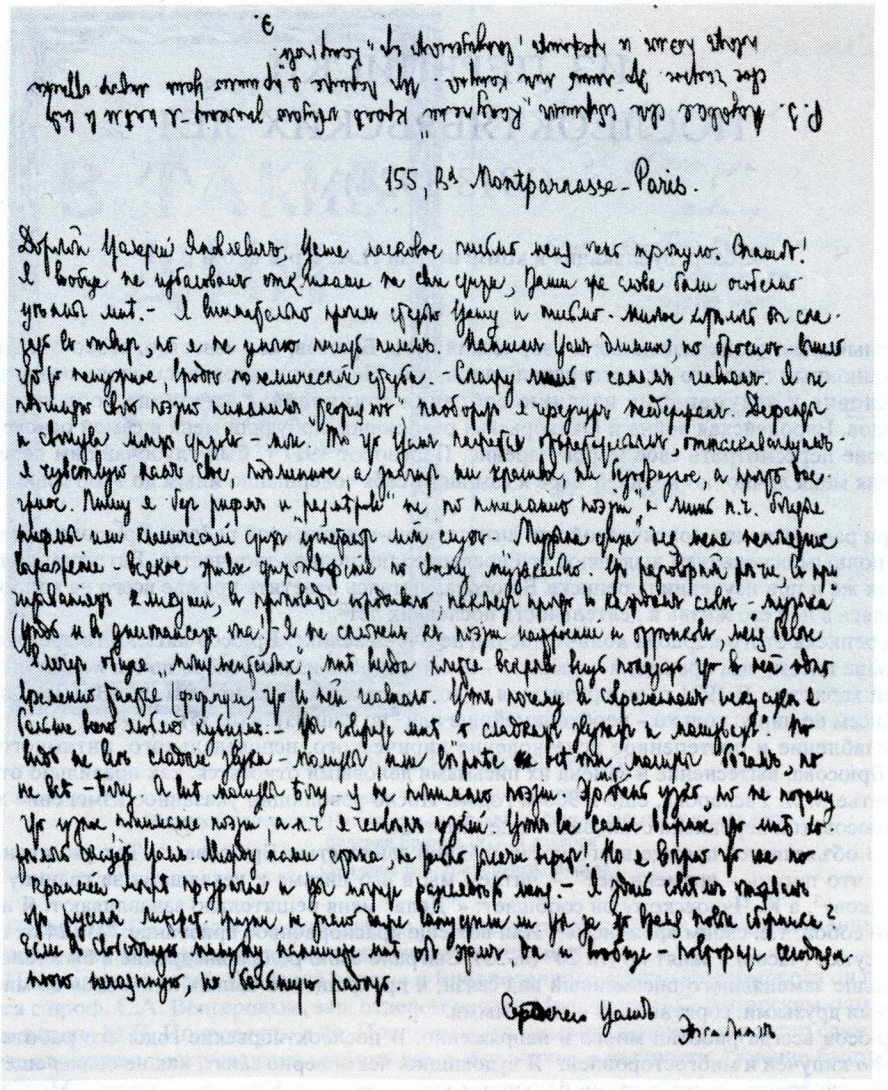
Дорогой Валерий Яковлевич,

Ваше ласковое письмо меня очень тронуло. Спасибо! Я вообще не избалован откликами на свои стихи. Ваши же слова были особенно ценны мне. Я внимательно прочел статью Вашу и письмо. Многое хотелось бы сказать в ответ, но я не умею писать писем. Написал Вам длинное, но бросил, вышло что-то ненужное, вроде полемической статьи. Скажу лишь о самом главном[1]. Я не подчиняю свою поэзию никаким теориям, наоборот, я чересчур несдержан. Дефекты и свинства моих стихов – мои. То, что Вам кажется отвратительным, отталкивающим – я чувствую как свое, подлинное, а значит, ни красивое, ни безобразное, а просто должное. Пишу я без рифмы и "размеров" не по "пониманию поэзии", а лишь п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ богатые рифмы или классический стих угнетают мой слух. "Музыка стиха" – для меня непонятное выражение – всякое живое стихотворение по-своему музыкально. В разговорной речи, в причитаниях кликуш, в проповеди юродивого, наконец, просто в каждом слове – "музыка". (Ведь и в диссонансах она!) – Я не склонен к поэзии настроений и оттенков, меня более влечет общее "монументальное", мне всегда хочется вскрыть вещь, показать, что в ней одновременно таится (формула), что в ней главного. Вот почему в современном искусстве я больше всего люблю кубизм. Вы говорите мне о "сладких звуках и молитвах". Но ведь не все сладкие звуки – молитвы, или, вернее, все они молитвы богам, но не все – Богу. А вне молитвы Богу – я не понимаю поэзии. Это м.б. очень узко, но не потому, что узкое понимание поэзии, а п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я человек узкий... Вот все самое важное, что мне хотелось сказать Вам. Между нами стена, не только тысячи верст! Но я верю, что она по крайней мере прозрачна и Вы можете разглядеть меня. – Я здесь совсем оторван от русской литер⟨атурной⟩ жизни, не знаю даже, выпустили ли Вы за это время новые сборники? Если в свободную минуту напишете мне об этом, да и вообще – повторите сегодняшнюю нечаянную, но большую радость.

Сердечно Ваш И. Э р е н б у р г

P.S. Называя свой сборник "Канунами", кроме общего значения, я имел в виду свое частное. Это лишь мои кануны. Из Парижа я пришлю Вам литогр⟨афические⟩ оттиски новых поэм и прежних, выпущенных из "Канунов"[2]. Э.

Датируется по почт. шт. Большой отрывок из письма был приведен в книге "Люди, годы, жизнь" (см.: *Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 85–86). Полностью опубликовано Б.М. Сарновым (*ВЛ.* 1973. № 9. С. 194–195) с незначительными неточностями в тексте и неправильной датой – 13 VIII 1916 (эта дата значится на московском почт. шт. и соответствует дню прибытия письма в Москву).



ПИСЬМО И.Г. ЭРЕНБУРГА БРЮСОВУ

Автограф, Париж, 13 августа 1916 г.

Библиотека СССР им В.И. Ленина, Москва

[1] Вспоминая уже на склоне лет эту статью, Эренбург выделил в ней главное: “Брюсов был прав, говоря, что мне хотелось показать язвы общества. Пять лет спустя я написал сатирический роман “Хулио Хуренито” (*Эренбург И. Собр. соч.* Т. 8. С. 86).

[2] Произведения, исключенные цензурой из книги “Стихи о канунах” (“Пугачья кровь” и др.), литографическим способом издать Эренбургу не удалось, они вошли в его книгу “Молитва о России” (М.: Северные дни, 1918). Из “новых поэм” в Париже была напечатана только “О жилете Семена Дрозда” (см. п. 11, прим. 1).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ (1918-1924)

Обзор, публикация и комментарии Н.А. Трифонова

Осмысливая свой жизненный и творческий путь, Брюсов, как известно, резко отделял дореволюционный этап его от послереволюционного. Не раз цитировались слова поэта из его предисловия к задуманному изданию собрания сочинений: "...великие события конца 10-х годов, Европейская война и Октябрьская революция, побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть свое мировоззрение. Переворот 1917 г. был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее"[1].

При рассмотрении поэтической или литературно-критической работы Брюсова исследователи с полным основанием выделяют его послереволюционное творчество. Естественно поступить так же и при изучении переписки Брюсова, пытаясь ответить прежде всего на вопрос, как отразилась в ней его жизнь и деятельность последних лет[2].

Переписка этого периода количественно не очень велика. Брюсов писал в то время гораздо меньше писем, чем прежде, и – главное – его переписка носит теперь почти исключительно деловой характер. В 1924 г. он признается одной из своих корреспонденток: «Вот уже лет 10, как я писем не пишу: только – необходимейшие или "по капризу"» (п. 35).

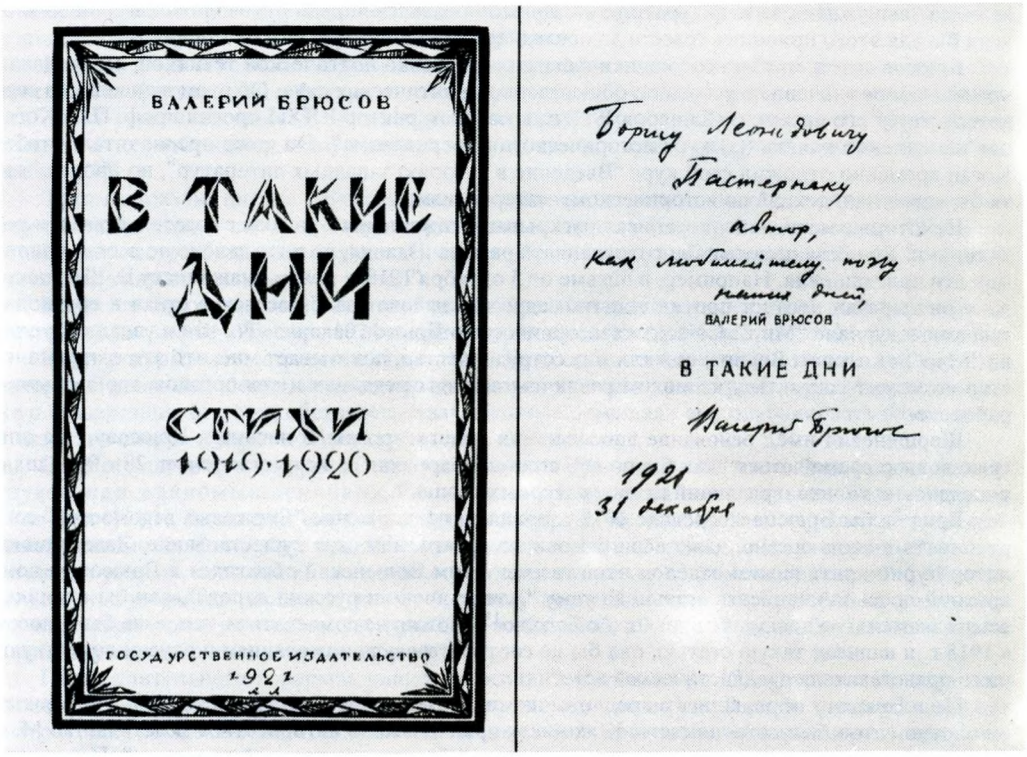
Ослабление и постепенное исчезновение лирического, исповедального, интимного тона писем Брюсова, вытеснение и замена их письмами деловыми относятся, как правильно отмечено в статье М.Л. Гаспарова, еще к 900-м годам. После революции указанное изменение характера брюсовской переписки становится еще заметнее.

Это объясняется прежде всего чрезвычайной занятостью Брюсова. "...Так уж жизнь сложилась, что писать – времени нет", – читаем мы в его письме к уехавшему за границу поэту А. Кусикову[3], а К. Чуковскому он сообщает: «"Дела" меня решительно задавливают. Я не владею сам собой, т.е. своим временем»[4]. Или вот еще красноречивое признание: "Из 24 отпущенных на сутки ⟨часов⟩ я занят почти 20" (п. 35). Сыграло свою роль и внедрение в быт телефона, все больше заменявшего письменный вид связи, и прекращение былых контактов со многими прежними друзьями, соратниками и знакомыми.

Брюсов всегда работал много и напряженно. В послеоктябрьские годы его работа была особенно кипучей и многосторонней. "Я чудовищно, неимоверно занят, как не бывал еще никогда – за всю жизнь, заведуя двумя большими учреждениями: Книжной палатой (Московским отделением) и Московским Библиотечным отделением", – сообщает он М.В. Сабашникову 11 сентября 1918 г.[5]

А весной 1923 г. он так характеризует в письме к Кусикову свою деятельность: «Сказать о себе? Коротко не скажешь. Официально я – заведую "Художественным образованием" в Наркомпросе, ректор в Лит.-Художест. институте, член Госуд. ученого совета и т.д. Литературно – издал следующие книги: "В такие дни" (еще при Тебе), "Миг" (стихи), "Дали" (стихи), "Кругозор" (избранные стихи), "Лилюли" (Перевод Р. Роллана), поэмы Верхарна (4-е издание), кое-что (мелкое) еще, печатаю полное собр. соч. Пушкина (по новому плану), учебник стиха, новое изд., стихи Эдгара По (полное собрание в моем переводе) и кое-что еще, пишу много статей, особенно в "Печати и революции", в одной из них (обзор русской поэзии за 5 лет) говорил о Тебе и вообще обо всех русских поэтах; об каждом там мое мнение; кое-что печатаю в "Красной нови" и т. под. Пишу вообще очень много...»[6].

В отдельных письмах первых послеоктябрьских месяцев можно порой заметить еще некоторую растерянность Брюсова перед лицом сложной политической действительности. Так в письме к брату от 26 февраля 1918 г. он упоминает о "хаосе наших событий"[7]. Но вскоре он уже захвачен и увлечен перспективами разнообразного участия в строительстве новой культуры, широко открывшимися перед Брюсовым после его встречи с А.В. Луначарским весной 1918 г.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книге "В такие дни" (М., 1921):
"Борису Леонидовичу Пастернаку автор, как любимейшему поэту наших дней
Валерий Брюсов 1921 31 декабря"
Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

Переписка Брюсова в первую очередь демонстрирует его связи с многочисленными учреждениями и организациями, его многогранную деятельность.

Например, по делам Книжной палаты и Библиотечного отдела Наркомпроса он переписывается с проф. С.А. Венгеровым, зав. отделом печати Моссовета Н.С. Ангарским, зам. наркома просвещения М.Н. Покровским и др. При этом в его письмах, носящих характер служебных записок, отчетливо раскрываются свойственные ему черты: в частности, "умение быстро ориентироваться в делах"[8], чем Брюсов склонен был даже гордиться, и особенно крайняя добросовестность в исполнении взятых им на себя обязанностей, требовательность к себе и своим сотрудникам. Многие его соображения звучат очень актуально и в наши дни, когда на первый план выдвигаются задачи интенсификации труда. Например, в письме к Ангарскому от 2 апреля 1919 г. мы читаем: "Недостаточно выполнять текущую работу: необходимо улучшать и расширять деятельность учреждения и иметь над его работой постоянное наблюдение"[9].

Луначарский готов был рассматривать поручение Брюсову библиотечного дела как своего рода синекуру. Но, как показывают письма, сам Брюсов смотрел на это совсем по-другому. В любое дело он вкладывал душу, и когда он убедился, что заведование библиотечным отделом Наркомпроса не позволяет ему "в полной мере" выполнять обязанности по руководству Книжной палатой, то принял решение просить об освобождении от последней должности, хотя ему было очень жаль покидать учреждение, которое всецело было создано им и с которым он не порывал связи в течение двух лет.

Письма свидетельствуют, что с еще большими рвением и ответственностью Брюсов относился к своему преподавательскому делу, особенно в основанном им Высшем Литературно-художественном институте. Очень показательно в этом отношении письмо студентам класса поэзии ВЛХИ от 6 марта 1923 г. Брюсов принял на себя руководство этим классом, но постоянные заседания коллегии Главпрофобра (писатель заведовал там отделом художественного образо-

вания) не позволяли регулярно вести занятия ему самому. Извиняясь в письме перед студентами за свою "вынужденную неаккуратность", Брюсов обязался впредь руководить классом лично, хотя бы для этого пришлось "свести до последнего minimum'а" работу в Главпрофобре[10].

Брюсов хотел, чтобы его ученики овладели не только поэтической техникой, он придавал чрезвычайное значение и усвоению общественно-политических наук. Об этом лучше всего свидетельствует его письмо от 8 ноября 1922 г., в котором ректор ВЛХИ просил проф. П.С. Когана "немедленно начать ⟨...⟩ курс исторического материализма". Он даже предпочитал, чтобы Коган временно отложил свой курс "Введение в историю западных литератур", но прочел "хотя бы несколько лекций по историческому материализму"[11].

Некоторые материалы переписки раскрывают отношения Брюсова с издательствами и редакциями. Брюсова приглашали сотрудничать разные издания, но поэт далеко не всегда принимал эти приглашения. Например, в письме от 5 октября 1918 г. поэту-имажинисту В. Шершеневичу он выразил протест против попытки адресата напечатать брюсовские стихи в предполагавшемся журнале "Мир". Со всей категоричностью Брюсов заявил: «То, что я узнал о журнале "Мир", в котором Вы предложили мне сотрудничество, показывает мне, что это сотрудничество не может состояться: слишком различны взгляды редакции и тех органов, где я обычно работаю»[12].

Шершеневич имел основание впоследствии констатировать в письме к Брюсову, что они "уже долгое время" стоят "как бы по две стороны баррикад" в искусстве (см. п. 28). Речь шла, очевидно, не только о различии их литературных позиций.

Вряд ли бы Брюсов в середине 1918 г. принял и предложение "Биржевых ведомостей" сотрудничать в этом органе, даже если бы они не прекратили свое существование. Заведующий литературно-критическим отделом этой газеты Аким Волынский обратился к Брюсову с конкретной просьбой написать статью на тему "Атеистичен ли русский народ?", как бы откликаясь на знаменитое письмо Белинского к Гоголю[13]. Можно не сомневаться, что, если бы Брюсов в 1918 г. и написал такую статью, она бы не соответствовала пожеланиям и вкусам воинствующего представителя идеалистической эстетики.

Но к Брюсову обращались с предложениями и такие издательства и редакции, с которыми он охотно готов был сотрудничать. К их числу принадлежало авторитетное издательство М. и С. Сабашниковых, выпускавшее известную серию "Памятники мировой культуры". Переписка с владельцем этого издательства свидетельствует, что Брюсов хотел видеть именно в этой серии свой перевод "Энеиды"[14]. В переписке Брюсова можно найти данные и о его участии в работе издательства З.И. Гржебина. Он должен был стать редактором литературной части большого сборника, предназначенного для западно-европейских читателей[15].

Гораздо прочнее и органичнее он вошел в работу издательских организаций советского государства – Литературно-издательского отдела Наркомпроса и сменившего его Госиздата, где редактировал Собрание сочинений Пушкина и серию "Народная библиотека". В письме к одному из издательских работников – М.И. Щелкунову 1 декабря 1918 г. Брюсов бьет тревогу по поводу того, что один из выпусков "Народной библиотеки" набран по старой орфографии, и высказывается за "переложение на новую орфографию"[16].

Из советских периодических изданий Брюсов оказался тесно связан с критико-библиографическим журналом "Печать и революция". На протяжении трех лет он писал для него статьи, обзоры поэзии и рецензии (см. ниже переписку Брюсова с редактором журнала В.П. Полонским и секретарем редакции Я.З. Черняком).

Что касается других литературно-художественных журналов начала 20-х годов, то у Брюсова с ними не оказалось общего языка. И разъясняя эту ситуацию, он писал Кусикову в начале 1924 г.: «Я абсолютно не в связи с редакциями больших журналов. Мало того, я не очень-то с ними в дружбе... в "Красную новь" я не хожу, а с редакциями других журналов совсем "не знаком"»[17].

В "Красной нови" он поместил всего три стихотворения. Ограниченность этого сотрудничества связана, очевидно, с отказом Воронского напечатать трагедию "Диктатор", представленную Брюсовым в ноябре 1921 г. Как известно, Воронский так мотивировал в письме к автору свое решение: "Уверен, что трагедия будет истолкована и понята в духе, не желательном для Советской России"[18].

Лефовские журналы заняли явно враждебную по отношению к Брюсову позицию. В № 1 "Лефа" была напечатана пресловутая статья Б. Арватова о самом значительном пореволюционном сборнике Брюсова "В такие дни" под уничтожающим заголовком "Контрреволюция формы", в № 2 Г. Винокур не менее сокрушительно характеризовал статью Брюсова "Звукопись Пушкина", озаглавив свою рецензию "Игра в науку".

Выпады против Брюсова были и в пролеткультовских и напостовских журналах. Неудиви-

тельно, что именно литераторы напостовской ориентации выступили с протестом против предложения наркома просвещения о награждении Брюсова орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему звания народного поэта республики.

Брюсов имел основание жаловаться Кусикову: «Мои недоброжелатели говорят, что я "полевел", стал футуристом, а футуристы меня ругательски ругают, говорят, что я совсем "оправел", стал хуже академика»[19]. А в следующем письме Брюсов констатировал: "Увы! Новые стихи во всех возбуждают недоумение. А я знаю, что они в сто раз лучше и значительнее, чем прежние"[20].

Таким образом, письма Брюсова помогают лучше понять драматизм положения, в котором оказался поэт и которое охарактеризовано в строках Пастернака о том, что "Брюсова горька широко разбежавшаяся участь", что "не безделка – улыбаться мучась", что "почти не снесть пережитого слышащихся жалоб".

Из писем Брюсова советского периода, посвященных его литературной работе, очень существенно письмо от 29 января 1924 г., адресованное редактору "Известий" Ю.М. Стеклову[21].

Здесь раскрывается страстное стремление Брюсова, несмотря на то что он в дни смерти и похорон Ленина был болен, немедленно отозваться на постигшее страну горе. Мы узнаем также о независящих от поэта обстоятельствах, которые помешали ему опубликовать свои первые отклики на смерть Ленина – "Кантату" и слова к "Реквиему".

В списке адресатов и корреспондентов позднего Брюсова очень мало имен старых, давних друзей или единомышленников. Можно назвать случайное письмо Бальмонту от 24 января 1918 г., явившееся как бы последним аккордом их многолетней переписки[22], или единичное письмо Ф. Сологубу с предложением участвовать в сборнике, объединяющем "всех писателей и ученых, согласных, что должно работать на пользу современной России"[23]. Показательно, что именно в письме к своему бывшему другу Бальмонту у Брюсова прорываются прежние лирические нотки: "сочувствую Тебе всей душой, ибо за наши дни, больше чем за всю жизнь, научился понимать горести других"[24].

После длительного перерыва пишет Брюсову С. Соловьев (п. 12), которого Брюсов привлекает затем к преподаванию латинского языка в своем институте. В числе дореволюционных литераторов, пытавшихся восстановить прежние связи с Брюсовым, мелькает имя Игоря Северянина (п. 6), который навсегда сохранил признательность к тому, кто назвал его "поэтом в прекрасном, лучшем смысле этого слова" (VI, 444). Незадолго до смерти Брюсова к нему обратится С. Городецкий с просьбой возглавить Всероссийский Союз поэтов[25]. Как видим, для перечисления этих дореволюционных корреспондентов Брюсова, стремившихся возобновить почтовую связь с ним, хватит, пожалуй, пальцев одной руки.

В послеоктябрьское время Брюсову писали деятели разных видов искусства: режиссер А.Я. Таиров, ставивший в своем театре трагедию Расина "Федра" в переводе Брюсова (п.п. 10 и 18), живописец и график В.В. Кандинский, пытавшийся привлечь поэта к работе в организуемом тогда Инхук'е (Институте художественной культуры)[26], сотрудник кинофирмы "Русь" Ф.А. Оцеп, стремившийся заказать Брюсову киносценарий[27], и т.д.

Но, разумеется, главными его корреспондентами были представители литературного мира – от поэтов до литературоведов.

В архивном фонде Брюсова находятся письма профессора П.Н. Сакулина (п. 2, 13, 24), вместе с которым он совершил решающий для своей судьбы шаг: явившись весной 1918 г. к наркому просвещения А.В. Луначарскому, предложил свои силы в распоряжение молодой Советской власти. Брюсов и Сакулин выступали как соратники и дальше. Сакулин привлекал Брюсова к участию в издательской деятельности Общества любителей российской словесности, приглашал его для чтения курса новейшей русской литературы в 1 МГУ. Брюсов, в свою очередь, хотел вовлечь Сакулина в наркомпросовскую работу (в Главпрофобре), предлагал ему заведование Литературной студией и т.д.

Брюсов обменивается письмами и с известными литературоведами, бывшими когда-то его соучениками по университету: В.М. Фриче (п. 15 и 27) и П.С. Коганом[28], с которым он сотрудничает в Государственном Ученом совете Наркомпроса, в Российской академии художественных наук, в ВЛХИ.

Из Саратова в 1921 г. пишет Брюсову профессор Н.К. Пиксанов. Письмо очень характерно для уяснения того, каким авторитетом пользовался Брюсов среди ученых-литературоведов, и в частности среди пушкинистов. Пиксанов хочет показать Брюсову до печатания свои работы "Пушкинская студия" и «Анализы "Онегина"» (п. 14). Брюсов высоко ценил работу Пиксанова над изучением и изданием "Горя от ума". Еще в 1912 г. он приглашал Пиксанова принять участие в критическом отделе журнала "Русская мысль", а десять лет спустя настойчиво просит его "начать профессорствовать" в ВЛХИ (п. 25).

Однако главные эпистолярные связи возникают у послереволюционного Брюсова с современной литературной молодежью, и прежде всего, конечно, с поэтами. К нему тянутся, как и в дореволюционное время, самые разные молодые поэты, считающие его в той или иной мере своим учителем. Среди них мы видим Б. Пастернака, имажинистов Шершеневича и А. Кусикова, поэтесс Н. Павлович и М. Шкапскую и многих других. Вот как выражал свою признательность Брюсову Пастернак[29] в одном из писем 1922 г.: "Больше всего я Вам благодарен за то, что, кажется, не подражав Вам – иногда чувствую Брюсова в себе – это тогда, когда я чувствую над собою, за собою и в себе – поэта" (п. 23)[30].

Из провинции Брюсову пишет редактор издававшегося в Иваново-Вознесенске альманаха "Начало", один из той группы, которую Горький рекомендовал Ленину как "настоящих пролетарских поэтов", – И.И. Жижин. Он просит прислать для альманаха "хотя несколько дорогих для нас строк" (п. 20).

О своей работе по организации петроградского отделения Союза поэтов отчитывается перед Брюсовым, возглавлявшим президиум Всероссийского Союза, молодая поэтесса Надежда Павлович (п. 8).

К Брюсову как редактору временника ЛИТО Наркомпроса "Художественное слово" обращаются и молодые прозаики. Очень интересное письмо, раскрывающее отношение автора к революционной современности, пишет в 1920 г. Борис Пильняк, чей рассказ "При дверях" Брюсов поместил в № 1 своего журнала. Брюсов считал, что Пильняк "обещает быть выдающимся писателем"[31], но в рецензии на сборник "Былье"[32] он отметил как слабую сторону автора отсутствие определенного мировоззрения. В этой оценке отчетливо выявились новые позиции Брюсова-критика.

Некоторые письма литераторов посвящены вопросам перевода, занимавшего столь значительное место в творчестве Брюсова. Отзывы М. Лозинского (см. п. 30) показывают, как высоко ценились знатоками достоинства переводческого труда Брюсова (в данном случае речь идет о переводах из Верхарна и Э. По) и как они посылали на суд ему свои работы в этой области.

В немногих дошедших до нас письмах самого Брюсова на литературные темы встречаются характеристики литературной современности, дополняющие или подтверждающие то, что писал Брюсов в своих обзорах. Так, в письме к Кусикову 1923 г. содержатся высокие оценки поэтического творчества Асеева ("он очень вырос как поэт"), Адалис, Герасимова, Казина. Брюсов хорошо понимал значение Маяковского. В 1922 г. он писал, например: "Стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений пятилетия" (VI, 516–517). Критическая же оценка Маяковского в письме 1923 г. ("Маяковский перешел на шаблон") объясняется тем, что именно в это время он сосредоточивает свои усилия главным образом на создании агиток, что не встречало одобрения и у ряда других поэтов, например у Пастернака и Тихонова.

Мы сравнительно меньше знаем об отношении Брюсова к советской прозе этих лет и поэтому с интересом находим такое утверждение в упомянутом письме: "Заметно развивается проза, и среди сочинителей рассказов есть выдающиеся" (а дальше упоминается, в частности, группа "Серапионовы братья")[33].

Из корреспонденции, полученной Брюсовым в те годы, особое внимание, естественно, привлекает десяток писем, подписанных А.В. Луначарским. Известна большая роль, которую сыграл ленинский нарком просвещения в привлечении поэта к работе в Наркомпросе и к участию в созидании новой, социалистической культуры, а также в вовлечении его в ряды Коммунистической партии.

Луначарский высоко ценил Брюсова как поэта и человека, посвятил ему несколько статей и охотно сотрудничал с ним в Наркомпросе, сделав его, в частности, своим заместителем по заведованию ЛИТО[34]. Письма Луначарского Брюсову добавляют еще несколько штрихов для характеристики их взаимоотношений.

Нарком целиком солидаризируется с решением ЛИТО приобрести для переиздания книгу "Все сочиненное Маяковским", поддерживает желание классика латышской литературы Яна Райниса видеть именно Брюсова переводчиком его драмы "Иосиф и его братья", отдает на авторитетный суд поэта свои переводы немецких стихотворений, добивается ускорения постановления Совнаркома о назначении Брюсову пожизненной пенсии[35].

Особо следует выделить большую группу писем, направленных Брюсову в декабре 1923 г. в связи с его пятидесятилетием. В адрес юбиляра пришло более 120 приветствий и поздравлений, не считая опубликованных в газетах и не присланных в юбилейную комиссию. Это были в основном коллективные приветствия, нередко за сорока и более подписями[36]. Список этих адресов открывается Грамотой ВЦИК, оглашенной и врученной поэту членом Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичем на торжественном заседании в Большом театре 17 декабря 1923 г. А далее следуют обращения от различных государственных учреждений, начиная с Наркомпроса

ПРОГРАММА ЮБИЛЕЙНОГО ЧЕСТВОВАНИЯ В.Я. БРЮСОВА

Гравюра А.И. Кравченко. 1923
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

и Академии наук, от учебных заведений, литературных и художественных организаций, издательств и журналов, театров и отдельных лиц, в том числе из союзных республик и из-за рубежа. В них отдавалась дань уважения поэту, "сумевшему связать свою плодотворную работу с великим делом освобождения трудящихся"[37], подчеркивались его энциклопедизм, соединение в его лице первоклассного поэта и талантливого ученого, влияние на современную поэзию, значение как законодателя стиха, наставника и друга поэтической молодежи. Среди посланий, содержавших много общих юбилейных положений, своей конкретностью выделялось, например, письмо профессора В.М. Фриче, который вспоминал университетские годы, студенческий литературный кружок (в частности, мы узнаем, что молодой Брюсов читал доклад о поэме Торквато Тассо "Ринальдо"). Очень эмоциональное письмо прислал К.И. Чуковский, относившийся к Брюсову как к своему учителю: "Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах" (п. 26).

В переписке последнего года жизни Брюсова стоит отметить несколько необычный для него обмен письмами с безвестной девушкой из города Изюма Харьковской губернии – Ириной Шевцовой (п. 31–36). В этой провинциалке, пишущей стихи, Брюсов почувствовал что-то не совсем заурядное, и это заставило его изменить своему обыкновению не отвечать на подобные письма незнакомых корреспонденток. Сохранившиеся черновики двух писем поэта (их было больше) помогают лучше понять психологический облик пожилого, умудренного годами Брюсова, благожелательного к людям, преодолевшего былые увлечения различными поэтическими "безумствами", ценящего прежде всего простую человеческую жизнь.

Из эпистолярных материалов Брюсова, относящихся к последнему периоду его жизни, пожалуй, наиболее значительным по своему идейному содержанию является письмо, адресованное М.А. Суганову, журналисту-очеркисту, с которым поэт познакомился в Варшаве во время первой мировой войны. Брюсов был тогда военным корреспондентом "Русских ведомостей", а Суганов (псевд. М. Стэнк и др.) – газеты "Новь" (Москва) и еще нескольких маленьких газет. По словам Суганова[38], Брюсов посвятил ему написанное в новогоднюю ночь 1915 г. стихотворение "Ты спишь, в железной колыбели" (III, 339–340).

В Москве они встречались редко и мимоходом (возможно, в Госиздате и Акцентре Наркомпроса, где работал Суганов), и только в конце декабря 1923 г., после брюсовского юбилея, состоялась их длительная последняя беседа. Суганов, жалуясь на трудности своей жизни, откровенно рассказал о своем желании уехать за границу и "жить где-нибудь как бобер у плотины". Брюсов отговаривал своего собеседника от его намерения, а на другой день послал ему письмо. Оно было воспроизведено Сугановым, все же уехавшим из Советского Союза, в 1928 г., в его воспоминаниях, изданных за рубежом (под псевдонимом: Михаил Талызин). Вот это письмо:

"Дорогой Михаил Архипович!

В дополнение к нашему вчерашнему разговору спешу сказать следующее. Уехать Вам – безумие. В эмиграции с Вашим мироощущением и мышцами впадете в нищету духовную и физическую. Здесь провалы и горизонты, там падения... и ничего. Эмиграция изнашивается, как и мы, но наши смены на славянской земле, а у них на чужой. Еще десятилетие – и у нас не будет общего. Вы говорите: много могил. Но много и легенд. Грядущее перепашет и травой покроет

могилы, а легенды перепишет и развеет по свету. Бывает тяжело, но запад... В современности запада мясники и торговцы подтяжками пользуются плодами науки и искусства. Нет, я приемлю эту Россию, даже в достижении никогда не достижимых целей. И Вам говорю: не уезжайте. Предвижу только Вашу гибель. Миру случайностей не осталось места.

Ваш сердечно преданный Валерий Брюсов.

Акцентр. Москва"[39].

Таким политическим уроком-выводом, можно сказать, заканчивается эпистолярное наследие, а по существу и весь жизненный путь Валерия Брюсова.

Здесь печатаются 6 писем Брюсова и 30 писем его корреспондентов. Письма № 22 и 25 сообщены и подготовлены С.Н. Полозковой; письма № 4 и 7 предоставлены Я.Е. Резником; письмо № 29 сообщено И.В. Платоновой-Лозинской.

[1] *ЛН*. Т. 27–28. С. 472.
[2] Значительная часть писем Брюсова советского периода опубл.: Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. М., 1967.
[3] *ВЛ*. 1976. № 7. С. 214 (публ. Л.Р. Ланского).
[4] Письмо от 23 ноября 1923 г. – Корней Чуковский. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 462.
[5] Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 229.
[6] *ВЛ*. 1976. № 7. С. 207.
[7] Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 220.
[8] Там же. С. 233.
[9] Там же. С. 234.
[10] Там же. С. 243.
[11] *ЛН*. Т. 85. С. 710.
[12] Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 230.
[13] См.: *ГБЛ*. Ф. 386, 81.1. Л. 30–31.
[14] См.: Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 225–226, 229.
[15] Там же. С. 239–240.
[16] Там же. С. 232.
[17] *ВЛ*. 1976. № 7. С. 214.
[18] *ЛН*. Т. 93. С. 552.
[19] *ВЛ*. 1976. № 7. С. 207.
[20] Там же. С. 214.
[21] См.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 244.
[22] Наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 170. Из сообщения Кусикова узнаем, что весной 1923 г. Брюсову было отправлено письмо Бальмонта, написанное совместно с Кусиковым, но оно не дошло до адресата (*ВЛ*. 1976. № 7. С. 214).
[23] Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 239–240.
[24] Наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 170.
[25] *Чтения 1973*. С. 275.
[26] *ГБЛ*. Ф. 386.89.8.
[27] См.: Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 232.
[28] См.: *ЦГАЛИ*. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 15.
[29] Для уяснения вопроса "Брюсов в восприятии и оценке Пастернака" надо учесть и стихотворное приветствие, написанное и посланное Брюсову в юбилейные дни – в декабре 1923 г.
[30] См. также ст.: *Паханянц К.А*. Брюсов и Пастернак // *Чтения 1973*. С. 293.
[31] *ВЛ*. 1965. № 5. С. 139.
[32] Худож. слово. № 2. 1921.
[33] *ВЛ*. 1976. № 7. С. 207.
[34] См. ст.: *Трифонов Н.А*. Луначарский и Брюсов // Рус. лит. 1973. № 4; То же: *Чтения 1973*.
[35] Письма Луначарского к Брюсову опубл.: Записки ОР *ГБЛ*. Вып. 29. С. 246–252.
[36] Перечень адресов и приветствий приведен в кн.: Валерию Брюсову: Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. проф. П.С. Когана. М., 1924.
[37] Красная новь. 1923. № 7. С. 289.
[38] *Стэнк М*. Валерий Брюсов: Воспоминания, 1925 // *ИМЛИ*. Ф. 13. Оп. 2. № 45. Л. 16–17.
[39] В кн.: *Талызин М*. По ту сторону. Париж, 1932. С. 167–168.

1. В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 5/18 марта 1918 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Не хочу Вас отрывать от работы и потому не захожу сам, а пишу письмом.

Приложенный билет – дает Вам возможность провести бесплатно в "Табакерку"[1] Иоанну Матвеевну, о чем Вы выражали желание. Этот билет остается у Вас на все время и при входе не отбирается. Согласно наших переговоров Ваши чтения анонсированы на завтра (вторник) и пятницу (9 марта).

От всей души надеюсь, что нам всем и Вам в особенности удастся создать из "Табакерки" хотя бы слабое подобие Эстетики[2] (несколько американизированной).

До вторника.

Ваш преданный Вад. Ш е р ш е н е в и ч

5/18 марта 1918.

ГБЛ. Ф. 386, 108.24. Л. 12–13.

В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ

Фотография. 1928

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Поэт Вадим Габриэлевич *Шершеневич* (1893–1942) познакомился с Брюсовым еще в начале 1910-х годов. О Брюсове и взаимоотношениях с ним он рассказывает в своих воспоминаниях "Великолепный очевидец" (*ЦГАЛИ*. Ф. 2145. Оп. 1. Ед.хр. 174). Фрагменты из них, посвященные Брюсову, см. в публикации К.Н. Суворовой "В.Я. Брюсов глазами современника" (Встречи с прошлым. 1975. Вып. 2). Впервые оценку стихов Шершеневича Брюсов дал в статье "Год русской поэзии (апрель 1913–апрель 1914)" в *РМ*. (1914. № 5). В фонде Брюсова *ГБЛ* хранятся 10 писем В. Шершеневича (1913–1923 гг.).

[1] "Музыкальная табакерка" – одно из литературных кафе, существовавшее в Москве в 1918 г. Брюсов выступал здесь с чтением своих стихов и, в частности, с импровизациями. Об организации таких вечеров говорится в письме Шершеневича Брюсову от 1 апреля 1918 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 108. 24. Л. 3). 19 марта 1918 г. Брюсов написал стихотворение "Табакерка" (III, 371–372).

[2] Общество свободной эстетики (1906–1917) – литературно-художественное общество, объединявшее представителей различных, преимущественно модернистски настроенных, кругов московской творческой интеллигенции и поклонников "нового искусства". Брюсов длительное время играл в этом обществе руководящую роль.

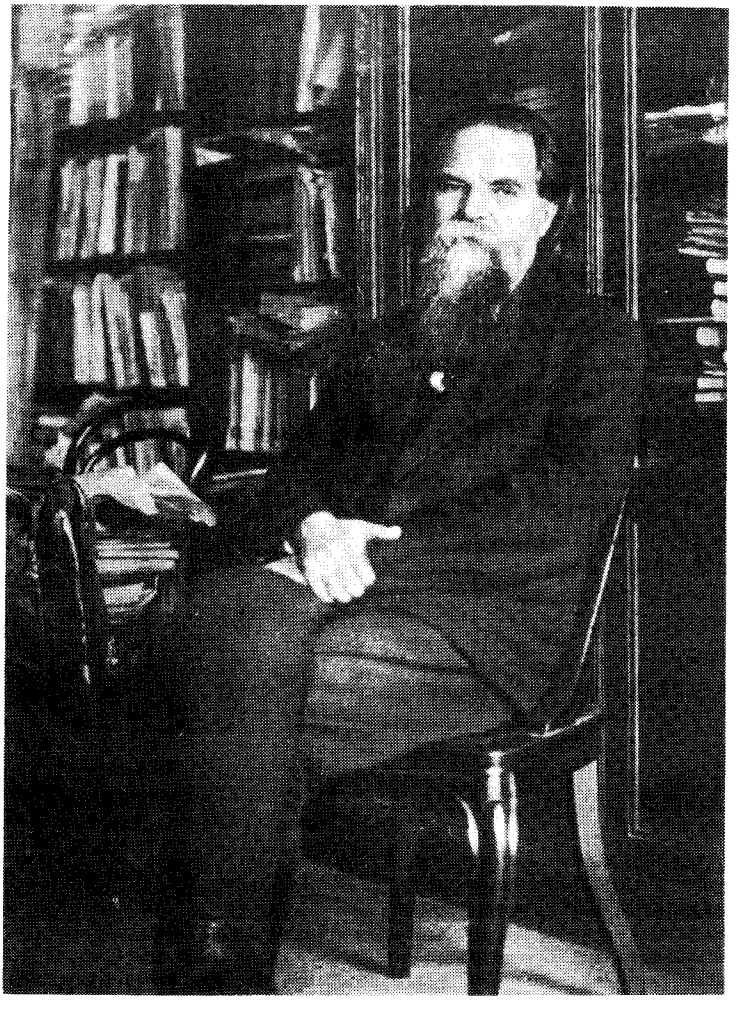
2. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

⟨Москва⟩. Смоленский бул., Глазовский пер., д. 5, кв. 16.
29/VIII 1918

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Позвольте, надеяться, что Вы откликнетесь на прилагаемое обращение О.Л.Р.Сл. и дадите хотя бы несколько строк, хотя бы простой афоризм в задуманный нами альманах[1]. Ваше участие было бы очень дорого.

До сих пор выразили свое согласие и притом категорическое – К.Д. Бальмонт, В.В. Вересаев, Вяч. И. Иванов.



П.Н. САКУЛИН

Фотография. 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Мне хотелось бы побывать у Вас и лично поддержать нашу просьбу, но я знаю, до какой степени Вы теперь неуловимы. И я не решился беспокоить Вас своим визитом.

Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам (чрез А.И. Калишевского[2]) обещанную брошюру "Реформа русского правописания"[3].

С истинным уважением П. С а к у л и н.

ГБЛ. Ф. 386, 101. 38. Л. 7–8.

Павел Никитич *Сакулин* (1868–1930) – литературовед, профессор, с 1929 г. академик. С 1921 г. председатель Общества любителей российской словесности, действительным членом которого Брюсов состоял с 1906 г. В *ГБЛ* хранятся 6 писем Сакулина к Брюсову (1909, 1911, 1912, 1918, 1921 и 1922 гг.).

[1] Задуманный альманах не вышел.

[2] Антон Иеронимович *Калишевский* (1863–1925) – библиотековед, директор библиотеки МГУ.

[3] *Сакулин П.Н.* Реформа русского правописания. Пг.: Парус, 1918. В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр этой брошюры с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову, авторитетному союзнику, с чувством глубокого удовлетворения. П. Сакулин" (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1350).

3. Г.А. ШЕНГЕЛИ – БРЮСОВУ

⟨Харьков. 2 мая 1919 г.⟩

Валерий Яковлевич.

Издаваемый Харьковским Цехом журнал, о котором я говорил Вам в январе, в настоящее время достиг тиража в 7000 экз. и увеличивает его[1]. В силу этого журнал сей, как единственный в России свободный литературно-художественный орган, приобретает особенное значение. Цех принимает все меры к его улучшению и обогащению. Редактором ныне приглашен М. Волошин, приезжающий в Харьков[2]. Сотрудничают в журнале, между пр., Ахматова, Гиппиус, Бальмонт, В. Иванов, А. Белый, Ремизов, С.А. Венгеров, Гершензон, Горнфельд[3].

Обращаюсь к Вам от имени редакции, членом которой я состою, с просьбою реализовать Ваше январское обещание сотрудничества и прислать 1) стихи, 2) критический очерк всех литературных новинок сезона, 3) статью о современной поэзии армян, 4) небольшой, размером 30–40 000 печ. знаков рассказ или более-менее законченный отрывок романа, повести[4]. Журнал платит: за строчку стихов 5р., за статьи – 3 коп. печ. знак, за художественную прозу – 5 к. печ. зн.

Очень просим Вас, не откладывая, известить о согласии. По получении извещения аванс будет немедленно переведен. Адрес: Харьков, ул. Либкнехта, 14, Худож. Цех, редакция журн. "Творчество".

Искренне Вас уважающий Георгий Ш е н г е л и.

1919 г. 2 мая.

Если гонорарные условия покажутся Вам неподходящими, не откажите указать желаемые.

ГБЛ. Ф. 386, 108.16. Л. 2–3.

Георгий Аркадьевич *Шенгели* (1894–1956) – поэт, переводчик, теоретик стиха. Начал печататься в 1909 г. В. 1918 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. Познакомился с Брюсовым в 1916 г. В 1923 г. был приглашен Брюсовым стать профессором по кафедре стиховедения в ВЛХИ. О Брюсове писал в брошюре «Два "Памятника"» (Пг., 1918), в полемической статье "Валерий Брюсов между двух стульев" (*ПР.* 1923. № 6) и в мемуарном очерке "Валерий Брюсов" (Лит. Армения. 1980. № 9).

[1] Иллюстрированный журнал Художественного цеха "Творчество" выпускался в Харькове издательством "Наша мысль" в 1919 г. под редакцией И.Я. Рабиновича. Вышло 5 номеров.

[2] М. Волошин редактором журнала не был.

[3] Из произведений перечисленных писателей в журнале были опубликованы стихотворения А. Ахматовой (№ 1), К. Бальмонта (№ 2 и 5), рассказ А. Ремизова (№ 4), статья М. Гершензона (№ 4), 7 рецензий А. Горнфельда (№ 2, 3, 4, 5). Кроме того, там печатались стихи О. Мандельштама (№ 3), Ф. Сологуба (№ 3), М. Кузмина (№ 4 и 5), А. Блока (№ 5), Н. Гумилева (№ 5), Г. Шенгели (№ 1 и 3) и др.

[4] В своих воспоминаниях Шенгели писал, что во время встречи в начале 1919 г. Брюсов "охотно дал несколько своих стихотворений для журнала, издаваемого Цехом" (Лит. Армения. 1980. № 9. С. 98). Однако Брюсов в харьковском журнале "Творчество" не печатался.

4. С.А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Петроград, Загородный, 21.
1 сент⟨ября⟩ 1919 ⟨г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Помните наш давний разговор о переводе Данте?[1] Так вот этот разговор я возобновляю в самой категорической форме и был бы Вам благодарен, если бы Вы незамедлительно ответили мне: взялись ли бы Вы переводить "Божественную комедию", в какой срок и по какой цене?

Считаю нужным прибавить, что по желанию издательства я одновременно пишу и Вячеславу Иванову и предлагаю ему также переводить "Божественную комедию", хотя глубоко убежден, что ничего из этого не выйдет[2].Я по собственному опыту знаю, что значит у Вяч. Ивановича выцарапать даже небольшую работу, а тут вдруг такую махину. Но дело в том, что перевод "Бож⟨ественной⟩ комедии" ведь можно, без большого ущерба для художественности впечатления, разбить на три части. И тогда

участие Вяч⟨еслава⟩ Ив⟨анович⟩а в меньшей доле ускорило бы срок изготовления. Одному, может быть, очень уж долго пришлось бы работать – целые годы, пожалуй.

Итак, жду ответа, надеюсь положительного. Подробнее спишемся потом.

С искренним уважением Ваш С. В е н г е р о в.

Из материалов, найденных Я.Е. Резником (см. его заметку "Вот так находка!" – Книжное обозрение. 1986. № 16).

С Семёном Афанасьевичем *Венгеровым* (1855–1920), историком литературы и библиографом, профессором Петербургского университета, Брюсов сотрудничал с 1903 г. как участник руководимых им изданий Пушкина, Байрона, Мольера (в серии "Библиотека великих писателей", изд. Брокгауза–Ефрона) и как автор статей в редактировавшихся Венгеровым "Новом энциклопедическом словаре" и "Русской литературе XX века" (1914–1916). Венгеров с 1917 г. был директором Российской Книжной палаты, Московским отделением которой в 1917–1918 гг. заведовал Брюсов. Переписка Венгерова и Брюсова очень обширна. Значительная часть ее опубликована в 1-м томе "Литературного архива" (М.; Л., 1938), в сборнике "Мастерство перевода" (М., 1959) и в т. 85 *ЛН*.

[1] Брюсов еще в 1904 г.дал согласие Венгерову перевести для "Библиотеки великих писателей" первую часть "Божественной комедии" Данте – "Ад". Задуманное издание не осуществилось. Брюсов перевел только первую песнь и начало третьей "Ада", но не опубликовал свой перевод при жизни. См.: *Бэлза С.* Брюсов и Данте // Данте и славяне. М., 1965.

[2] Вяч. Иванов заключил договор с издательством Брокгауза–Ефрона на перевод 2-й части "Божественной комедии" – "Чистилище" 14 мая 1920 г. Работа закончена, по-видимому, не была. Сохранился только один фрагмент перевода 1-й песни. См.: ст.: *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov's Translations of Dante // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. XL. P. 123–131.

5. Б.А. ПИЛЬНЯК – БРЮСОВУ

Коломна. Никола-на-Посадьях
Тел. 1–12
1 апреля 1920 года

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Я пересылаю Вам рукопись книжки моей "Погост Белые Камни"[1]. Я очень извиняюсь, что беспокою Вас, – но я думаю, что если книжка попадет прямо Вам и Вы ее просмотрите, – этого будет уже достаточно, чтобы получить в Госуд. Из-ве аванс. А мне сейчас, как можно скорее, ужасно нужны деньги.

Если Вас утрудняет моя просьба, – пожалуйста, возвратите книжку принесшему ее, с тем, чтобы он отнес ее в Государств. Из-во. Недели через две я привезу рассказ для журнала[2].

Всего хорошего.

Ваш Бор. П и л ь н я к

ГБЛ. Ф. 386, 98.32. Л. 1–2.

[1] Писатель Борис Андреевич *Пильняк* (наст. фамилия – Вогау, 1894–1937) послал рукопись своей книги Брюсову как рецензенту Госиздата. Книга под таким названием не выходила. "Внутренняя" рецензия на эту рукопись, написанная Брюсовым для Госиздата 27 апреля 1920 г., опубл.: *ВЛ*. 1965. № 5.

[2] Рассказ "При дверях" (Художественное слово. № 1. 1920). Вероятно, рассказ был передан Брюсову в 20-х числах апреля 1920 г.; в библиотеке Брюсова сохранился экземпляр сборника рассказов Пильняка "Былье" (М.: Звенья, 1920) с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову. Парнишкой, когда я думал, что писатели, подобно мамонтам, перевелись, я прочел, запомнил и помню:

"Все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов".

Это я запомнил навсегда, должно быть. Это написал Валерий Брюсов. И еще я знаю теперь, что писатели, подобно мамонтам, – не перевелись на земле Русской. Бор. Пильняк.
Коломна. Никола-на Посадьях. 23 апр. н. ст. 1920 г.» (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1269).

6. И. СЕВЕРЯНИН – БРЮСОВУ

Toila. 22 IV. 20 г.

Светлый Валерий Яковлевич!

Если Вы живете еще в Москве, и это письмо дойдет до Вас, известите меня, пожалуйста, и я напишу Вам большое письмо.

Только вчера узнал о возобновлении почтовых отношений с Россией, и спешу послать Вам свой искренний привет и всегдашние воспоминания.

Любящий Вас И г о р ь

Эстония, Eesti, Toila, – poskontar Igor Severjäänin'ile.

ГБЛ. Ф. 386, 102.25. Л. 30.

Поэт Игорь *Северянин* (настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941) переписывался с Брюсовым до революции в 1911–1913 гг. О переписке и знакомстве с Брюсовым Северянин рассказывает в своих воспоминаниях 1927 г. "Встречи с Брюсовым" (см.: Лит. Россия. 1987. № 20. 15 мая). Брюсов отмечал, что он "один из первых приветствовал стихи Игоря Северянина" (*ЛН.* Т. 85. С. 206). Помимо доброжелательных отзывов в своих обзорах 1911–1913 гг., Брюсов написал о Северянине статью, вошедшую в сборник "Критика о творчестве Игоря Северянина" (М.: изд. Пашуканиса, 1916; VI, 444–458). В свою очередь, Северянин высоко ценил Брюсова, выделяя его среди других поэтов, и посвятил ему ряд стихотворений. В библиотеке Брюсова сохранились две книжки Северянина с дарственными надписями: 1) Предгрозье. СПб., 1910 (надпись: "Умному и славному Валерию Брюсову – безумный и изнемогающий Игорь-Северянин. 911 окт. СПб." – *ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1355) и 2) Очам твоей души. Поэзы... Столица на Неве, 1912 (надпись: "Валерию Брюсову, мне дорогому, Игорь-Северянин. 1912. IV, 17. СПб." – *ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1356).

Летом 1918 г. Северянин, живший в Эстонии, оказался отрезанным от России. Вслед за публикуемым здесь письмом Северянин, сомневаясь, дойдет ли оно до адресата (на конверте по ошибке обозначена 2-я Мещанская ул., вместо 1-й Мещанской), послал Брюсову 23 апреля 1920 г. открытку, в которой продублировал содержание предыдущего письма (*ГБЛ.* Ф. 386, 102.25. Л. 32).

И. СЕВЕРЯНИН

Фотография. 1920-е годы

Литературный музей, Москва

7. С.А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Петроград. 1 мая 1920 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

А.Ф. Перельман[1] с Ваших слов сообщил мне, что Вы написали мне письмо, в котором выражали согласие взять часть перевода "Божеств⟨енной⟩ комедии"[2]. К великому огорчению своему, никакого письма я не получал. Не получил я никакого письма и от В.И. Иванова, который тоже выражал свое согласие взять половину перевода[3]. С Вяч⟨еславом⟩ Ив⟨ановичем⟩, правда, дело теперь наладилось: он взял весь перевод. Не скажу, однако, чтобы это меня вполне устраивало. Не сомневаюсь, конечно, что перевод будет очень хорош и явится литературным событием. Но когда, когда это событие произойдет! Медленность работы Вячеслава Ивановича известна. Официальный уговор на 3 года, которые на практике так легко могут превратиться в calendae grecae[4].

Огорчение от того, что Вы не взяли Данта, усугубляется тем, что Вы взяли другую огромную работу – "Фауста"[5]. А мы как раз мечтаем о Вашем "Фаусте" и придумали следующее: у Вас, ведь, приобретают "Фауста" для *отдельного* издания – так нельзя ли, поэтому, и фирме Брокгауз–Ефрон воспользоваться Вашим переводом как *составною частью целого тома Гете.* Такой том, естественно, будет дороже, чем сепаратное издание одного только "Фауста", будет представлять собою разрозненную

часть Собрания сочинений и поэтому, конечно, никакой конкуренции отдельному изданию составить не может.

А.Ф. Перельман поговорит с Вами о подробностях, я же, как редактор подготавляемого к изданию собр⟨ания⟩ соч⟨инений⟩ Гете, обращаюсь к Вам с нижайшею просьбою дать Ваш перевод и в наше издание.

Как Ваше здоровье? Судя по тому, что взвалили на свои рамена гигантскую задачу перевода "Фауста", Вы вероятно, оправились.

Прошу передать мой привет Иоанне Матвеевне.

С искреннейшим уважением С. В е н г е р о в.

Из материалов Я.Е. Резника (см. п. 4).

[1] *Арон Филлипович Перельман* – сотрудник издательства Брокгауза– Ефрона.

[2] См. п. 4, прим. 1.

[3] Там же, прим. 2.

[4] Греческие календы (*лат.*). Счет по календам у греков не применялся. Поэтому латинское выражение "отложить до греческих календ" означало "никогда не сделать".

[5] Первые наброски брюсовского перевода "Фауста" относятся еще к 1891 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 14.1). Завершил свой перевод Брюсов в 1919–1920 гг. Напечатаны только первая часть трагедии (М.; Л.: ГИЗ, 1928) и 5-й акт из второй части (*ЛН*. Т. 4–6. См.: *Пуришев Б.И.* "Фауст" Гете в переводе Брюсова // *Чтения 1983*.

8. Н.А. ПАВЛОВИЧ – БРЮСОВУ

⟨Петроград, 23 июня 1920 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузминым, Эрбергом[1] и с неско⟨лькими⟩ молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне. Кроме того, есть основание рассчитывать на поддержку т. Ионова[2], что важно для издательства. Теперь возникает вóпрос о точных взаимоотношениях Петрограда и нашего Президиума. Я прошу Вас в срочном порядке поставить этот вопрос на Президиум и предлагаю такую схему.

1) Немедленно озаботиться о созыве съезда, на котором будет выбран Всерос⟨сийский⟩ Президиум, куда войдут, конечно, главным образом представители Москвы и Петрограда.

2) До созыва съезда, как только будет утверждено Петроградское отд⟨еление⟩ и избран его Президиум, соединить нашу и его редакционные ком⟨иссии⟩.

(В ком⟨иссию⟩ эту думают войти Блок и Белый.) Вопросы эти требуют немедленного разрешенья, так как уже возникли. Таким образом отчасти осуществится мысль Буданцева[3] о необходимости выделения профессион⟨альных⟩ дел. Администрат⟨ивная⟩ сторона отойдет к Московс⟨кому⟩ и Петроград⟨скому⟩ Президиумам. Профессион⟨альная⟩ же и, конечно, редакц⟨ионно⟩-изд⟨ательская⟩ к Всеросс⟨ийскому⟩ Президиуму. Затем очень прошу Вас, Валерий Яковлевич, распорядиться немедленно выслать мне хотя бы рукописную заверенную, если нет печатной, копию Устава. Я предполагаю, что через неделю-полторы будет собрание инициативной группы, а через две – общее собранье[4]. Причем мы пока решили привлечь к Союзу и на общее собранье поэтов не путем публикации, а путем личных приглашений, чтобы избежать нежелательных лиц. Также прошу я прислать мне выписку из протокола, где точно обозначены нормы приема.

Я была бы очень рада, Валерий Яковлевич, если бы Вы отметили, чтó кажется Вам желательным про организацию, и сказали бы мне, правильным ли путем я пошла. Адр⟨ес⟩ мой: Выборгская сторона, Проспект Карла Маркса, д. 7 "а", кв. 14, Корнилович[5], мне. Как только санкционируете проект соединенной ред⟨акционной⟩ ком⟨иссии⟩ и так или иначе разрешите вопрос о составе Всеросс⟨ийского⟩ Президиума, м.б. Вы будете добры телеграфировать мне об этом, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ письма могут сильно задержаться

Уважающая Вас Надежда П а в л о в и ч

P.S. Простите, что пишу на таком листе. Бумаги нет.

ГБЛ. Ф. 386, 97.24. Л. 3–3об. Датируется по почт. шт.

Надежда Александровна *Павлович* (1895–1980) – поэтесса, печаталась с 1911 г. Первый сборник ее стихов – "Берег" (*Пг.*: Неопалимая купина, 1922). В первые годы революции работала секретарем литературного отдела московского и самарского Пролеткульта, была секретарем президиума внешкольного отдела Наркомпроса. В 1920 г. выбрана в Президиум Всероссийского Союза поэтов, руководимого Брюсовым. По его поручению в июне 1920 г. приехала в Петроград для организации петроградского отделения Союза. Об этом Н. Павлович рассказывает в своих "Воспоминаниях об Ал. Блоке" (Блоковский сборник. Тарту, 1964. I). В более раннем письме (без даты) Павлович просила Брюсова прочесть ее стихи и высказать свое мнение о них (*ГБЛ.* Ф. 386, 97.24. Л. 1). В упомянутых "Воспоминаниях об Ал. Блоке" она сообщает: «Еще в 1915 г., когда я в первый раз передала Брюсову тетрадь моих стихов, он написал на ней: "Следует учиться поэзии. Валерий Брюсов"» (с. 481). Как бы реализуя этот совет, Павлович в 1918 г. организовала первую студию стиховедения, в которой преподавал и Брюсов.

[1] *К. Эрберг* (наст. имя – Константин Александрович Сюннерберг; 1871–1942) – поэт, искусствовед, критик, близкий к символизму.

[2] Илья Ионович *Ионов* (наст. фамилия – Бернштейн; 1887–1942) – поэт, советский издательский деятель. Первый председатель правления издательства Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов (впоследствии Ленинградского отделения Госиздата).

[3] Сергей Федорович *Буданцев* (1896–1940) – прозаик и поэт. В 1920–21 гг. входил в правление Всероссийского союза поэтов.

[4] Инициативная группа собралась 27 июня 1920 г., а организационное собрание Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов состоялось 4 июля 1920 г. Протоколы обоих собраний Павлович отвезла в Москву Брюсову.

[5] Николай Павлович *Корнилович* (1865–1932) – профессор анатомии Военно-медицинской академии. По приезде в Петроград Павлович остановилась в его семье.

9. С.А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Загородный, 21
Петербург. 5 июля 1920

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Меня постигли великие семейные горести – скончалась моя дочь и тяжко больна другая, был я и сам болен и потому несколько времени занимался только самыми неотложными делами по университету и Книжной палате. Теперь приступаю к другим делам, в том числе к Гете и Данту. А.Ф. Перельман очень меня обрадовал сообщением, что Вы согласились дать нам "Фауста". Думаю, что это будет большой подарок русской литературе. Вы, наверное, внесете ту точность передачи философских мыслей, при переводе которых так легко можно впасть в расплывчатость. А общий классически-стройный стиль Гете, не будемте говорить холодный, а строгий, тоже так подходит к основным свойствам Вашего дарования.

Как подвигается у Вас работа? Одновременно ли Вы работаете и по Гете и по Данту, или сосредоточились на одном из них? Не сообщите ли чего-нибудь, в каком положении Ваши переводы. Если у Вас есть что-нибудь готовое, это могло бы мне послужить основанием укорять Вяч. Ивановича за медленность. Как я писал и Вам, и Вяч. Ивановичу, я не сомневаюсь, что его перевод будет крупнейшим литературным событием, но плохо верится в реальное осуществление этого события.

Очень уже медленно работает Вяч. Иванович, и, крепко надеясь на Вас, издатели очень мрачно смотрят на вторую часть перевода "Божественной Комедии".

Хотелось бы поговорить о Вашем издании Пушкина[1], с которым пока только бегло знаком, но это надо отложить до личного свидания – недели через 3 я, кажется, соберусь в Москву[2]. Пока только заметим общую черту наших издателей, в которой только я один совершенно не повинен – это малое уважение к трудам предшественников. На всякий случай хочу обратить Ваше внимание на мою прозу. Если я не успел дать стихотворных вариантов (продолжаю, однако, их подготовлять), то проза моя полнее и, смею сказать, совершеннее, чем во всех других изданиях[3]. И Дневник и Кишиневская историческая записка 1822 г.[4] впервые даны мною с абсолютной полнотой. И вся вообще проза проверена очень тщательно, с полным соблюдением орфографии. Письма у меня немногим, но, все-таки, полнее чем у Саитова[5].

С искренним уважением С. В е н г е р о в.

P.S. Как подвиг единоличного труда (кажется, исполнено в 1½ года?) Ваше издание есть нечто беспримерное. Но я не могу понять, для кого оно предназначено. Для большой публики многое из библиографических указаний не представляет интереса, а для публики избранной многое слишком элементарно.

Вы считаете, что "Noël"[6] впервые у Вас напечатан полностью. Это неверно – у меня он напечатан без всяких пропусков.

Я не надеюсь в скором времени напечатать все мои материалы по истории текста, но краткое объяснение отличий моего текста от текста других изданий я, все-таки, надеюсь подготовить в скором времени.

Желаю Вам неослабной энергии для завершения Вашего прекрасного литературного подвига.

ГБЛ. Ф. 386, 79.39. Л. 3–4.

[1] *Пушкин А.С.* Полн.собр.соч. со сводом вариантов / Под ред., со вступ. ст. и объяснительным прим. Валерия Брюсова. М.: Госиздат, 1920 (на титульном листе: 1919). Т. 1, ч. 1.

[2] Венгеров умер в Москве 14 сентября 1920 г.

[3] Имеется в виду шеститомное Собрание сочинений Пушкина под ред. Венгерова в "Библиотеке великих писателей" (Пг.: изд. Брокгауза–Ефрона, 1906–1915).

[4] Дневник 1833–1835 гг. был напечатан в т. V венгеровского издания. "Из Кишиневского дневника 1821 г." – в т. VI.

[5] Под редакцией В.И. Саитова Академией наук было выпущено трехтомное издание: Переписка Пушкина (П., 1906–1908–1911).

[6] О стихотворении "Noël. (Святочная песенка)" Брюсов писал в редактируемом им собрании сочинений Пушкина: "Напеч. за границей 1859 г.; в России отрывки 1880 г. Полностью в нашем изд. впервые" (с. 133).

10. А.Я. ТАИРОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ Сентября 10-го дня 1920 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

посылаю Вам переписанный конец первого акта[1]. Буду рад получить его в окончательной обработке, чтобы приступить к работе. Как только у Вас будет готов текст первого акта и дальнейший, будьте добры тотчас же присылать его в Театр для переписки пьесы и ролей.

Уважающий Вас А. Таиров

ГБЛ. Ф. 386, 104.24. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом. На бланке "Московский Камерный театр".

Александр Яковлевич *Таиров* (наст. фамилия – Корнблит; 1885–1950) – организатор и руководитель Московского Камерного театра.

[1] Речь идет о трагедии Ж. Расина "Федра" в переводе и обработке Брюсова. Премьера состоялась 8 февраля 1922 г. Спектакль имел успех. 11 февраля в "Известиях ВЦИК" появилась рецензия А.В. Луначарского, который назвал этот спектакль "первой бесспорной победой Таирова" (*Луначарский А.В.* Собр. соч. М.: Худож. лит., 1964. Т. 3. С. 109). Луначарский высоко оценил и работу переводчика: «... Брюсову удалось как бы сделать какое-то своеобразное, неожиданное чудо ⟨...⟩ В первый раз ⟨...⟩ великим древним воздухом грандиозного коллективного мифотворчества совершенно свежего народа повеяло на меня от расиновской "Федры" в переводе Брюсова» (Там же. С. 110).

11. Б.А. ПИЛЬНЯК – БРЮСОВУ

Коломна, Никола-на-Посадьях,
10 дек. 920 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думал и решил, что никакого письма в редакцию писать не следует, ибо доказывать, что я не верблюд – бессмыслица. Лучше того, как я сумел рассказать о себе своими рассказами, – рассказать я не умею. Я – молод, здоров, силен и вынослив, и, если бы я был против Республики, я плавал бы сейчас по Черному морю: – это основа моего отношения к Республике и моих ощущений. Мне никто не имеет права сказать, что он больше меня любит и понимает Россию. Революция – благословенна. Но – то ме-

щанство, глупость, довольство, четверть фунта хлеба около красного стяга (все то же мещанство) – табак не по моему носу. Меня возмущает лакейство этих дней. И еще. Одни думают, что все прекрасно, – но ведь каждый из нас больше всего мучил любимую любовницу и мать, – разве же Россия – не первая любовница и не первая мать? – Если литература вообще должна существовать, то пусть уже будет по-своему любить – и не любить пятна на солнце, живя этим солнцем. Гражданин Ангарский (он же Клестов) написал отзыв о моей книжке[1], этот отзыв (на безрыбье рак – щука) мне приятели-друзья как откровение показывают, причем для шутки, что ли, ни одной выписки из меня не сделал верно и приписал мне, автору, слова и деяния персонажей. Так разве – в этом надо оправдываться?

Я знаю Ваше мнение о "При дверях"[2], мнение Горького, еще нескольких, – и мне достаточно. Это письмо я пишу Вам, потому что, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, Вы ждали от меня письма в редакцию, как я говорил в Москве. Не нужно этого.

Всего хорошего Вам.

Ваш Бор. П и л ь н я к

Будьте добры, Валерий Яковлевич, если это Вас не утруднит, распорядитесь выслать мне 2-ой № "Худ⟨ожественного⟩ слова", – мне хочется прочесть Ваш отзыв.

ГБЛ. Ф. 396, 98.32. Л. 3–4.

[1] Очевидно, Пильняк намеревался писать "письмо в редакцию" по поводу резко отрицательной оценки его сборника рассказов "Былье" (М.: Звенья, 1920), содержащейся в статье Н. Ангарского "Литература упадка" (Творчество. 1920. № 5–6). Там, в частности, утверждалось: «Мы напрасно стали бы искать в произведениях Пильняка отражение жизни и обобщение наблюдений. Действительность он воспринимает однобоко, пропуская жизнь через упадочную интеллигентскую душу, в которой отложились различные напластования: тут и Достоевский с его "безднами и провалами", мистика и соборность В. Иванова, индивидуалистический анархизм Арцыбашева, плач о "нищей России" Блока и, наконец, "принятие революции" во вкусе самого зачинателя школы Мережковского ⟨...⟩ Все, что антижизненно, то неизбежно и антиобщественно; эти два начала окрашивают всю книгу рассказов Пильняка ⟨...⟩ Смерть, тоска о прошедшем, страх от "бунта народного", голод, сифилис, одичание, гибель культуры – вот фон для картин Б. Пильняка, – и на этом фоне один за другим проходят его персонажи ⟨...⟩ Каждое литературное течение, конечно, имеет право высказываться и выявлять свое лицо, но поощрять такие "высказывания" не дело пролетарского государства, об этом считаем нелишним напомнить сейчас, когда Б. Пильняк и другие упадочные писатели печатаются в "Художественном слове" – органе Лит. отдела Наркомпроса» (с. 31–32).

Николай Семенович *Ангарский* (наст. фамилия – Клестов; 1873–1943) – участник революционного движения, член РСДРП(б) с 1902 г., литературно-издательский деятель, в предреволюционные годы один из организаторов "Книгоиздательства писателей в Москве". В 1919–1922 гг. один из редакторов журнала "Творчество"; в 1923–1931 гг. редактор сборников "Недра". В статье Ангарского "Литература упадка" был дан один из самых первых критических отзывов о произведениях Пильняка.

[2] О творчестве Пильняка Брюсов напечатал только рецензию на сборник "Былье" (за подписью "Гармодий". Худож. слово. № 2. 1921). Здесь, а также во "внутренней" рецензии на рукопись "Погост Белые Камни" (см. п. 5, прим. 1) и в устном отзыве о рукописи "Полынь" на заседании коллегии Лит.-худ. отдела Госиздата (Лит. Армения. 1973. № 12. С. 83), Брюсов своего мнения о рассказе "При дверях" не высказывал.

12. С.М. СОЛОВЬЕВ – БРЮСОВУ

⟨Первая половина 1921 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Более шести лет не встречались мы с Вами, и однако решаюсь беспокоить Вас просьбой и рекомендовать Вашему вниманию дочь моего доброго друга С.С. Бутурлина – Марию Сергеевну. Она хорошо знает три языка (французский, немецкий, английский, кроме того, греческий и латинский) и желала бы иметь место в Комиссариате Просвещения. Если бы Вы оказали ей содействие, очень бы меня обязали.

Часто вновь и вновь перечитываю некоторые главы "Алтаря Победы"[1]. Особенно нравится мне Симмах и дядя сенатора. ⟨1 нрзб⟩ по моему слабее всего, но заключительная битва – великолепна. Убийство императора за пиром прямо гениально. Не знаю, интересны ли Вам эти мои отзывы, но в искренности их Вы не станете сомневаться. Давно хотелось сказать Вам несколько слов по поводу "Алтаря Победы", ко-

С.М. СОЛОВЬЕВ

Портрет работы Н.Н. Вышеславцева. Уголь. 1924

Литературный музей, Москва

торый так недостаточно оценен большой публикой, а составляет эпоху в истории русской литературы.

Когда-то Ваш знакомый священник[2]
Сергий С о л о в ь е в

ГБЛ. Ф. 386, 103.23. Л. 30–31.

С поэтом Сергеем Михайловичем *Соловьевым* (1885–1942) Брюсов был знаком с 1901 г. В 1921 г. Брюсов пригласил Соловьева преподавать греческий и латинский язык в так называемом "поэтическом техникуме" (а затем читать курс "Латинский язык в связи с общим языкознанием" в ВЛХИ). Исходя из этого и датируется настоящее письмо.

[1] Исторический роман Брюсова "Алтарь Победы. Повесть IV века" впервые опубл.: *РМ.* 1911. № 9, 11, 12; 1912, № 1–6, 8–10. 23 апреля 1912 г. Соловьев писал Брюсову: «За романом Вашим следил всю зиму, хотя находился в условиях, не лучших, чем Ваш герой, когда он сидел в Медиолан⟨ской⟩ тюрьме. Но он просидел месяц, а я целых шесть. ⟨Соловьев в 1911–1912 гг. находился в психиатрической лечебнице. – *Н.Т.*⟩ Мне лично роман Ваш ближе "Огненного ангела". Но мне кажется, что все чисто политическое больше захватывает, чем мистическое. А когда я читал сцену, где старый сенатор трусит идти в сенат и хочет выпить на дорогу, мне вспомнились лучшие места Флобера. Но примечания сильно расхолаживают» (*ГБЛ.* Ф. 386, 103.23. Л. 29).

[2] Давно тяготевший к религиозному мышлению, С.М. Соловьев в 1915 г. принял духовный сан (диакона), затем стал священником, а в 1926 г. епископом.

13. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ Смоленский бул., Глазовский пер., д. 5, кв. 16.1/IV 1921

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Взвесив сделанное Вами предложение, я пришел к заключению, что мне надлежит отказаться. Ни заведования Литературной Студией[1], ни систематической работы в Главпрофобре взять на себя не могу. Сейчас я чувствую себя очень утомленным. Мечтаю о том, чтобы несколько отдохнуть и приняться за свои научные занятия. Многое непозволительно запущено. С укором смотрят на меня папки, в которых собраны материалы для нескольких книг[2]. Хочется, мучительно хочется остаток своих сил израсходовать на то дело, которое я считаю главным содержанием своей жизни. Теперь я всячески стараюсь освободить себя от административных, организационных и иных обязанностей, не имеющих прямого отношения к основным моим занятиям.

В надежде, что Вы найдете мою аргументацию достаточно убедительной, остаюсь

Ваш П. С а к у л и н.

ГБЛ. Ф. 386, 101.38. Л. 9.

[1] Литературная студия была основана в мае 1920 г. при ЛИТО Наркомпроса и находилась в ведении его Академического подотдела. Сакулин (наряду с Брюсовым, Вяч. Ивановым, С. Шервинским и др.) был

лектором литературной студии, а также членом бюро Академического подотдела ЛИТО (см.: Худож. слово. № 1. 1920. С. 62).

[2] В начале 1920-х годов Сакулин работал, в частности, над книгой "Русская литература и социализм" (ч. I. Госиздат, 1922; 2-е перераб. изд. – 1924).

14. Н.К. ПИКСАНОВ – БРЮСОВУ

⟨Саратов. 21 июля 1921⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я составил книжку о Пушкине (проспект ее прилагаю). Она ближайшим образом назначается для университетского литературного семинария, но годится и для литературного самообразования. Думается, что небесполезна она также и для цеховых словесников, в частности для пушкинистов, так как в ней систематизированы многие отделы пушкинской библиографии и ставятся очередные вопросы для научной разработки. Общий тип книжки – такой же, что и в прилагаемых "Трех эпохах"[1], только все разработано детальнее и библиографическая регистрация доведена до 1921 г. Но если бы Вы захотели ближе познакомиться с построением тем, библиографии и вопросников, то у П.Н. Сакулина имеются три-четыре образца из "Пушкинской студии".

Н.К. ПИКСАНОВ

Фотография М.С. Напельбаума. 1927

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

К Вам и к нему я обращаюсь с просьбой: посодействовать скорейшему напечатанию книжки (вернее, брошюры, листа $2^1/_2 - 3$ печатных). Мне хотелось бы выпустить ее к осени, к началу академического года. Но в Саратове почти невозможно что-нибудь печатать, а в Москве, особенно при Вашем авторитетном содействии, это, думается, осуществимо. За содействие был бы сердечно признателен[2].

За последний год я много занимался Пушкиным – частью для своего семинария по поэтике русской повести 20–40 годов, частью (и еще ближе) для аналогий с творческой историей "Горя от ума" – предмет моей законченной теперь диссертации[3], а частью – по наплыву пушкинских книжных новинок. Текущим летом прочитал с первой и до последней страницы Ваше издание Пушкина[4]; оно дало мне очень много и вообще является крупным моментом в эдиционной истории Пушкина. В связи с моим намерением сделать предметом специального изучения, в ближайшем университетском семинарии, "Онегина", я написал небольшую работу: Анализы "Онегина" (1. Образ Татьяны; 2. Образ Онегина; 3. Два стиля в романе) и тоже хотел бы ее напечатать[5].

Но прежде печатания хотелось показать Вам ее и "Пушкинскую студию" – в надежде на добрые советы, исправления и дополнения. В частности, попрошу Вас просмотреть тему "Брюсов-пушкинист". Я собрал под ней всю библиографию Ваших работ по Пушкину, какую мог, но, конечно, кое-что пропустил.

В Саратове трудновато следить за литературными новинками. Да и вообще здесь трудно работать научно, и я сделал большую ошибку, что в 1917 г. принял избрание в Саратовский Унив-т и бежал из Петрограда, от привычной ученой и культурной жизни. Теперь И.И. Гливенко[6] зовет меня в Москву, и, говорят, я уже назначен Гос. Уч. Советом профессором Литер.-Худож. отд. факультета обществ. наук Московского У-та (впрочем, официальной бумаги не получал). Но это сделано помимо моей воли. И хотя я люблю Москву и стремлюсь в нее как в ученый и художественный центр, но

вступить в новую профессорскую коллегию считаю возможным только при условии ее желания и приглашения[7].

Посылаю Вам кое-что из своих работ, – остальное разошлось. У меня нет Вашего издания "Гавриилиады"[8] – большая прореха в моей Пушкинской коллекции. NB: имеете ли Вы третий том академического издания Грибоедова?[9] Если нет – пришлю.

Мой адрес: Саратов, Приютская, 43, Институт Народ. Образования.

С приветом Н. П и к с а н о в

21.VII.1921

ГБЛ. Ф. 386, 98.30. Л. 5–6об.

Николай Кирьякович *Пиксанов* (1878–1969) – литературовед. До Октябрьской революции преподавал в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Знакомство Брюсова и Пиксанова состоялось, по-видимому, в 1912 г. Брюсов тогда получил от Пиксанова отдельный оттиск биографического очерка о Грибоедове, вошедшего в I том Полного собрания сочинений. В ответном письме от 1 марта 1912 г. Брюсов отозвался об очерке как о "труде чрезвычайно обстоятельном" и пригласил автора сотрудничать в "Русской мысли". В сентябре того же года Пиксанов выслал Брюсову свои книги – А.С. Грибоедов. Горе от ума. Текст Жандровской рукописи, хранящейся в имп. российском историческом музее в Москве (М., 1912) и, вероятно, первое издание книги "Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библиография" (СПб., 1912). «Издание "Горя от ума", – писал Брюсов в письме от 25 сентября 1912 г. – ⟨...⟩ кажется мне чрезвычайно важным и сделанным безукоризненно. Отныне текст великой комедии может считаться установленным» (см.: *Рус. лит.* 1978. № 2. С. 198. Публ. Л.И. Кузьминой). После Октябрьской революции Пиксанов был экстраординарным профессором Саратовского университета. Впоследствии под редакцией Пиксанова вышел сборник Брюсова "Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения" (М., Л.: Госиздат, 1929).

[1] *Пиксанов Н.К.* Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская: Темы. Библиография. Вопросник. 2-е изд. СПб., 1913. В библиотеке Брюсова имеется экземпляр с дарственной надписью: "Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от составителя" (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1261).

[2] *Пиксанов Н.К.* Пушкинская студия. Пособие для высшей школы и самообразования. Первоначально печаталось в "Научно-педагогическом сборнике Саратовского института народного образования" (Саратов, 1921). Были и отдельные оттиски (в библиотеке Брюсова имеется экземпляр с дарственной надписью: "Славному пушкинисту Валерию Яковлевичу Брюсову от автора" – *ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1266). В следующем году вышла в исправленном и дополненном издании – Петроград: Атеней, 1922.

[3] *Пиксанов Н.К.* Творческая история "Горя от ума". М.: Госиздат, 1928.

[4] См. п. 9, прим. 1.

[5] Статьи, относящиеся к циклу «Из анализов "Онегина"», были напечатаны в книгах: А.С. Пушкин. М.: Никитинские субботники, 1929. (Б-ка для школы и юношества); Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39; Памяти П.Н. Сакулина. М.: Никитинские субботники, 1931.

[6] Иван Иванович *Гливенко* (1868–1931) – литературовед, профессор романской филологии I МГУ, заведовавший Главнаукой (Главным управлением научных, музейных и научно-художественных учреждений) Наркомпроса.

[7] Пиксанов был переведен из Саратовского университета в I МГУ в сентябре 1921 г. Тогда же он был избран действительным членом Гос. Академии художественных наук, где вскоре занял должность вице-президента ГАХН и заведующего отделом литературы.

[8] *Пушкин А.С.* Гавриилиада. Полный текст / Вступ. ст. и прим. В. Брюсова. 2-е изд. М.: Альциона, 1917.

[9] *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. Н.К. Пиксанова. Пг., 1917. Т. 3.

15. В.М. ФРИЧЕ – БРЮСОВУ

⟨Москва. Октябрь 1921 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Большая просьба!

Необходимо принять в Лит⟨ературный⟩ Техникум[1] *даром* подателя моего письма Леонида Тимофеева[2] (может быть, впрочем, письмо передаст его сестра). Сестра его учительница, и, следовательно, ясно, что платить за него не в состоянии. Он – калека и, следовательно, заработать не может себе службой, чтобы иметь возможность учиться. Он – юноша весьма даровитый, сейчас кончает курсы журналистов, самоучкой во время болезни овладел несколькими иностранными языками. Он – поэт и жа-

ждет в этом направлении работать. Очень прошу Вас сделать так, чтобы он был принят бесплатно.

Всего хорошего. В. Ф р и ч е.

ГБЛ. Ф. 386, 106.48. Л. 16. Датировано по времени открытия так называемого "поэтического техникума".

Владимир Максимович Фриче после Октября вел большую организационную работу в Моссовете, МОНО, МК РКП(б). Затем возглавлял РАНИОН и Институт языка и литературы в его составе, секцию литературы, искусства и языка Коммунистической академии, литературное отделение Института Красной профессуры.

[1] "Поэтический техникум" (Первая государственная профессионально-техническая школа поэтики) существовал под руководством Брюсова в 1921–1922 гг. См. о нем в воспоминаниях В.В. Фефера «Брюсов в "Школе поэтики"» (*ЛН*. Т. 85).

[2] Леонид Иванович *Тимофеев* (1903–1984) – литературовед. Окончил ВЛХИ им. Брюсова. С 1958 г. член-корреспондент АН СССР.

16. Д.И. ВЫГОДСКИЙ – БРЮСОВУ

Петербург, 15 ноября 1921 г.

Валерий Яковлевич, я обойду все полагающиеся извинения и буду говорить прямо.

Случайно вчера я узнал, что Вы читали присланные мной в "Печать и революцию" рецензии о Вашей книге[1] и о книге Бальмонта[2] и по их поводу говорили о жестокости молодежи к старикам. Мне жаль, что Ваши слова дошли до меня не непосредственно, и мне трудно судить, что в них принадлежит Вам. И при всем этом слова эти облили меня такой горечью, что не могу удержаться не написать Вам, хотя очень затрудняюсь выразить точно мои мысли и чувства, связанные с этим событием (поверьте, что это для меня – душевное событие).

Я не знаю, Валерий Яковлевич, следили ли Вы за моей критической деятельностью ("Летопись"[3], "Новая жизнь"[4], "Новый журнал для всех" и т.д.) прошлых лет; по скромности склонен думать, что нет. Скажу только, что самое ценное в ней для меня была именно нежесткость, мягкость, чисто товарищеская щепетильность равно к "старикам" и "молодым". И если мне приходилось дурно говорить о ком-либо, в моих словах – так мне казалось – было больше скорби, чем злорадства или пренебрежения. И тем больше бывала эта скорбь, когда приходилось говорить о "стариках", о людях и поэтах, имевших за собой долгий путь. Вот почему Ваши слова о жестокости, отнесенные ко мне, не только больно ударили по моему человеческому сердцу, но и задели мое литературное я. Мне стыдно, если та боль, о которой я говорю, оставалась заметной только для меня.

Вы говорите, что надо обойти молчанием неудачную книгу большого поэта (по поводу рецензии о Бальмонте). Этого я сделать не могу. Этого не допускает мое уважение к старикам. Я восторженно писал о "Ясене" Бальмонта (еще восторженнее в ранней молодости о "Только любовь" и других книгах), но я не мог с тех пор не писать о каждой книге последующей, какова бы она ни была. И если мои слова бывали холодны и звучала в них неудовлетворенность и досада обманутого читателя, то в них никогда не было ни злобы, ни злорадства. Я принимаю почти как личную обиду, что Бальмонт пишет такие книги, как "Перстень". И от имени обиженных читателей должен сказать это и ему и другим. Поверьте, Валерий Яковлевич, что я с радостью буду писать ему восторженные гимны, если его новая книга призовет меня к этому.

Теперь относительно рецензии на "Последние мечты". Вас обидело слово ученичество?[5] Но ведь это лучшее, что может быть в поэте. За это Ваше ученичество (простите, Валерий Яковлевич, но я не только не отрекусь от этого слова, но буду настаивать на нем), за вечное искание новых путей, за то, что Вы не застыли на вершине, – за это вечное мое уважение к Вам – как критика, вечная любовь – как читателя. Я о Вашем творчестве писал неоднократно, делал это всегда с радостью и, право же, никогда не бывал не только жесток, но и вообще недоброжелательно настроен. С таким

же уважением к Вам как к поэту я писал и последнюю рецензию. И снова – мне обидно, если это оказывается недостаточно заметным для читателя рецензии.

Валерий Яковлевич, эти мои косноязычные слова – не извинение, не формальное оправдание моей рецензии. Это – слова от сердца, и я был бы счастлив, если бы они дошли до сердца.

Валерий Яковлевич, напишите мне, что Вы поняли меня, что Вы не будете причислять меня к жестокой молодежи, травящей стариков. Это нужно для моего душевного спокойствия. Я бы иначе не стал затруднять Вас этим письмом.

Давид В ы г о д с к и й

ГБЛ. Ф. 386, 81.21. Л. 5–6.

Давид Исаакович *Выгодский* (1893–1943) – литературный критик. В 1919 г. обращался к Брюсову из Гомеля с предложением участвовать в организуемом местном издательстве.

[1] Рецензия на сборник Брюсова "Последние мечты" (М., 1920) – *ПР.* 1921. № 3.

[2] Рецензия на сборник Бальмонта "Перстень" (М., 1920) – *ПР.* 1921. № 3.

[3] В журнале "Летопись" были помещены отзывы Выгодского о сборнике Брюсова "Семь цветов радуги" (М., 1916) – 1917, № 1; и о кн. "Поэзия Армении" – 1917, № 2–4.

[4] В газете "Новая жизнь" от 25 апреля (8 мая) 1917 г. см. заметку за подписью Д.В.: «В пушкинском кружке (Доклад В. Жирмунского: Баллады Брюсова и "Египетские ночи")».

[5] В упомянутой рецензии Выгодский писал: "Даже перепевая самого себя неоднократно, Брюсов пытается каждый раз найти новые ритмы, новые слова, новые созвучия ⟨...⟩ мастер еще не перестал быть учеником" (*ПР.* 1921. № 3. С. 271–272).

17. М.М. ШКАПСКАЯ – БРЮСОВУ

СПб., 17/XI 1921.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

одна из Ваших слушательниц уже вручила Вам мою книжку "Mater dolorosa"*[1]. Хотя я и знаю, что Вам очень некогда писать отзывы, но я очень прошу у Вас – если не отзыва, то хотя бы несколько строк мне лично о моей книжке, п.ч. необходимо до боли – знать что она представляет собою объективированная от меня[2]. Ведь уверенности и знания – у самого никогда не может быть. Или м.б. это приходит позднее? Мне приходилось уже много отзывов слышать о ней, но это не были отзывы "мэтра". А ведь к Вам, Валерий Яковлевич, молодежь всегда так охотно и доверчиво идет учиться, зная, что у Вас всегда для нее есть и время и внимание.

Мой адрес – Петроград, Матвеевская ул., д. № 11, кв. 17. Марии Михайловне Шкапской. И уже одно то, что Петроград, и что Ваша студия[3] – недостижима – должно внушить Вам сочувствие к обойденному судьбой автору.

Искренне преданная и бесконечно уважающая Вас

М. Ш к а п с к а я

Простите за небрежный вид письма – очень уж мы, питерцы, здесь мерзнем и руки плохо слушаются.

ГБЛ. Ф. 386, 109. 7[а]. Л. 1–2.

Мария Михайловна *Шкапская* (1891–1952) – поэтесса и очеркистка. Начала печататься в 1910 г.

[1] Mater dolorosa. Стихи. Пг: Неопалимая купина, 1921 – первый поэтический сборник Шкапской. В библиотеке Брюсова имеется эта книга с дарственной надписью: "В.Я. Брюсову автор" и с печатным обозначением: "Экземпляр Валерия Яковлевича Брюсова" (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1481).

[2] О сборнике "Mater dolorosa" Брюсов писал в обзоре "Среди стихов": «Безусловно плохи стихи Марии Шкапской, но дело в том, что это не столько "стихи", сколько страницы интимного дневника, печатать которые не следовало, но которые еще не говорят против поэтических способностей автора» (*ПР.* 1922. № 2. С. 148). В отзыве о следующем сборнике Шкапской "Барабан строгого господина" Брюсов отмечал, что стихи здесь "безмерно лучше" (*ПР.* 1923. № 1. С. 75).

[3] Вероятно, имеется в виду Литературная студия при ЛИТО Наркомпроса (см. п. 13, прим. 1).

* Мать скорбящая (*лат.*).

18. А.Я. ТАИРОВ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 2 декабря 1921 г.⟩

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Очень хотел быть сегодня на чтении Вашей пьесы[1], но, к крайнему моему сожалению, лишен возможности это сделать, так как у нас вечером начинается ревизия и мне необходимо присутствовать в Театре.

Надеюсь в ближайшем будущем получить возможность ознакомиться с Вашей пьесой, которая меня очень интересует.

С искренним к Вам уважением А. Таиров

Москва, 2 Декабря 1921 г.

ГБЛ. Ф. 386. 24. Л. 2. Машинопись с подписью-автографом.

[1] 2 декабря 1921 г. Брюсов читал в Московском Доме печати свою трагедию "Диктатор" (опубл.: Сов. драматургия. 1986. № 4).

19. Б.Л. ПАСТЕРНАК – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 12/I 22.

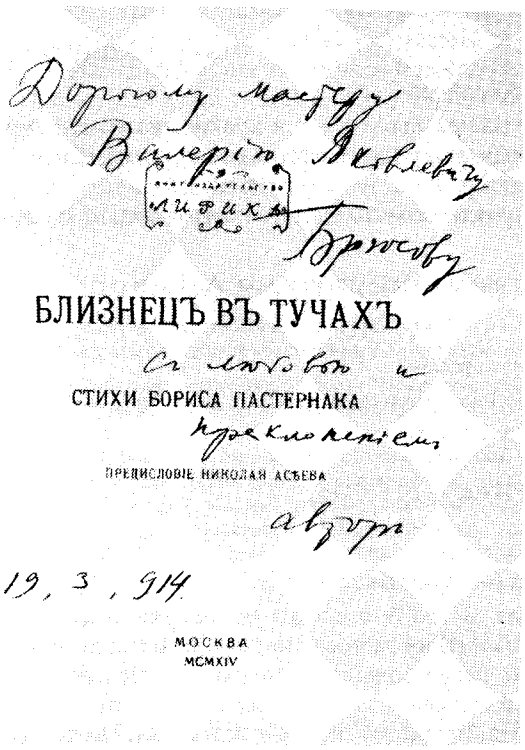
Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ради бога простите меня и на этот раз. Всего более меня бы огорчило, если бы Вы на меня рассердились. Всего более, в особенности после нашего разговора о форме и Вашего большого подарка[1]. Конечно, будет большим уроном для меня остаться за бортом Вашего сборника[2] (а боюсь, что так оно и будет по спешности его и ввиду ряда обстоятельств, о которых – ниже). Мне придется об этом пожалеть. Но только не сердитесь, не сердитесь, Валерий Яковлевич, прошу Вас. В последние годы я пропитался какой-то стихией скверной безалаберности, от которой страдаю более всего и единственно я сам.

Завтра я уезжаю на неделю, другую в Петербург. Эта поездка еще большею тяжестью лежит на моей совести, нежели запоздание со стихами. И тут все просрочено до последней возможности, и "просьбы о прощеньи". Как бы то ни было, по сегодняшнему настоянию Стеф. Михайловны (секрет. изд. Гржебина) долго думал, думал, как найти выход из получившегося и вот что единственно мог надумать. Вам будет оставлен весь имеющийся в Госиздате стихотворный материал (он обнимает "Сестру мою жизнь" и все последующее)[3]. Распоряженья относительно этого отданы. Он вероятно в ужасном виде, сомнительно, чтобы имелась нумерация страниц, и вообще, я бы никогда не решился предложить Вашему вниманию такой ералаш из опечаток и наверняка перепутанных страниц, растворенных, вероятно, до невидимости современной ремингтонною лентою, шепелявой и не произносящей наинужнейших букв. Для чего же я это сделал? Для того чтобы сделать что-нибудь. Говоря серьезно, мне придется поплатиться на этот раз и выбыть из столь завидного и показательного строя в том случае, если сдача материала действительно дело ближайших дней. Я вернусь к концу января, а м.б. и раньше. Было бы большим для меня счастьем, если бы этот срок покрылся подготовительными работами по собиранию материала, и я все-таки поспел бы со своим. От Вас я пошел тогда с радостным предвкушеньем той помощи, которую Вы обещали мне оказать при выборе матерьяла. С этой мечтой я не расстался, если меня не обманывает только вера в то, что через две недели мост еще не будет поднят.

С этой мечтой я не расстался, но менее всего я представлял себе, что Ваша любезность ляжет на Вас таким недопустимо-отвратительным бременем, как эта непозволительная кипа из Госиздата, которую Вам принесут. Итак?

Итак, Вам принесут ее, а Вы на нее и не глядите. Ради Бога, Валерий Яковлевич, это я по опыту говорю, ведь я ее раз мельком видел, и у меня не стало духа ее прокорректировать. Пусть она лежит у Вас, и только. Ведь надо было что-нибудь сделать.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

на книге "Близнец в тучах" (М., 1914):
"Дорогому мастеру Валерию Яковлевичу Брюсову
с любовью и преклонением
автор 19.3.914".

Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

Этого требовала секретарша Гржебина. Это для них. И для них – работы достаточно. Шапирштейн[4] (так она кого-то назвала) пойдет, будет хлопотать и т.д. и т.д.

Дорогой Валерий Яковлевич, самое важное иной раз бывает трудно сказать в лицо именно в той форме, в какой это натурально. Но за глаза, Боброву[5], скажем, или Буданцеву[6] или Адалис[7], это говорится у нас так: молодец Валерий! Это – про "В такие дни", как и про Верхарна. Так это говорится у моих друзей лишь еще про Белого, которого Вы не любите, и про Маяковского. Это – когда взят на всю жизнь тон идеального, вневременного возраста: роста. И неприятно, что я Вам все это так и сказал.

ГБЛ. Ф. 386, 97.37а. Л. 1–2 об.

Б.Л. Пастернака как поэта Брюсов высоко оценил еще в 1914 г. (см. ст.: *Паханянц К.А.* В. Брюсов и Б. Пастернак // *Чтения 1973*).

[1] Книга Брюсова "В такие дни" с дарственной надписью: "Борису Леонидовичу Пастернаку – автор как любимейшему поэту наших дней. 1921 31 декабря" (из семейного собрания Бориса Пастернака).

[2] Об этом сборнике Брюсов писал 24 января 1922 г. Ф. Сологубу: "Издательство Гржебина издает сборник литературно-научный, который назначен для западноевропейских читателей и выйдет одновременно на нескольких языках" (Записки ОР *ГБЛ.* Вып. 29. С. 239). Брюсов был редактором литературной части сборника. Издание книги не осуществилось.

[3] В Госиздате находилась рукопись 3-й и 4-й книг стихов Пастернака под общим названием "Жажда в жар". Об этой "книге стихов" и необходимости передать ее Брюсову Пастернак в тот же день писал сотруднику Госиздата П.Н. Зайцеву (см.: *ГБЛ.* Ф. 386, 97.38. Л. 1–1об.).

[4] Яков Ефимович *Шапирштейн* (псевдонимы: Лерс, Эльсберг; 1901–1976) – критик и литературовед. В начале 1920-х годов был сотрудником издательства Гржебина, "ведающим, – по определению Брюсова, – всю техническую часть сборника". В брюсовском архиве сохранилась доверенность Пастернака Шапирштейну на получение из Госиздата рукописи "Жажда в жар" для передачи Брюсову (*ГБЛ.* Ф. 386, 97.38).

[5] О С.П. Боброве см. наст. кн. Переписка с редакцией журнала "Печать и революция", приложение, прим. 1.

[6] О С.Ф. Буданцеве см. п. 8, прим. 3.

[7] Адалис (Аделина Ефимовна Ефрон) – поэтесса. Начала печататься в 1918 г. Брюсов посвятил ей несколько стихотворений. См. о ней: *ЛН.* Т. 85. С. 825.

20. И.И. ЖИЖИН – БРЮСОВУ

г. Иваново-Вознесенск
18/I – 22 г.

Валерий Яковлевич!

Простите за навязчивость. Как редактор имеющегося в Иванове альманаха "Начало"[1], а также и от лица группы местных поэтов решил обратиться к Вам с этим письмом. Осчастливьте наше издание своим участием в нем, если это, конечно, не

противоречит Вашим взглядам и отношениям вообще к провинциальным изданиям. Пришлите хотя несколько дорогих для нас строк. Это будет для нас большим событием.

Посылаю Вам первый номер альманаха. Второй № уже сдан в набор и печатается. Размер его будет до 10 печ. листов. Участвуют столичные литературные силы[2].

В ином случае не откажите черкнуть несколько слов о том, можно ли иметь счастливую надежду на получение от Вас если не для № 2, то для последующих №№ какого-нибудь материала[3].

С сердечным приветом Ив. Ж и ж и н.

P.S. Простите, если тон и стиль письма покажется Вам чем-нибудь обидным. Мало с кем переписываюсь, а потому и не умею писать писем.

Адрес: гор. Иваново-Вознесенск, Лито Губполитпросвета.
Редакция альманаха "Начало". И.И. Жижину.

ГБЛ. Ф. 386, 85.57. Л. 1–2.

Поэт Иван Ипатьевич *Жижин* (1892–1933) в годы гражданской войны входил в Кружок пролетарских поэтов при газете "Рабочий край" в Иваново-Вознесенске. В 1921 г. творчеством этих поэтов заинтересовался, по рекомендации М. Горького, В.И. Ленин.

[1] Вышло всего два номера альманаха "Начало": № 1 – в 1921 г., № 2–3 (сдвоенный) – в 1922 г. Первый номер "Начала" был послан В.И. Ленину и сохранился в его кремлевской библиотеке.

[2] В альманахе, кроме ивановцев, печатались А. Неверов, П. Низовой, С. Городецкий, С. Клычков, В. Казин, В. Нарбут, Н. Мещеряков, А. Воронский и др.

[3] Брюсов в альманахе "Начало" не участвовал.

21. БРЮСОВ – Х.Н. ХЕРСОНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 10 февраля 1922 г.

Уважаемый тов. Херсонский

Согласно со своим обещанием посылаю Вам для "Известий" статью о Пушкине[1]. Надеюсь, что она не превышает условленных размеров: в ней немногим больше 10 000 знаков, что при 40 знаков в строке составит именно 250 строк, может быть, строк на 5–10 больше. Написать короче я не мог. И так есть в статье места, которые от стремления к краткости обратились почти в каталог. Что ни сказать о Пушкине, все – тема огромная, сжимать которую страшно трудно.

Уважающий Вас Валерий Б р ю с о в.

ЦГАЛИ. Ф. 2740. Оп. 1. Ед. хр. 131.

Хрисанф Николаевич *Херсонский* (1897–1968) – журналист, театральный критик и драматург, в то время сотрудник редакции "Известий".

[1] Статья "Разносторонность Пушкина" – Известия. 1922. № 34. 12 февр.

22. БРЮСОВ – Н.К. ПИКСАНОВУ

⟨Москва.⟩ 22.VI, 22.

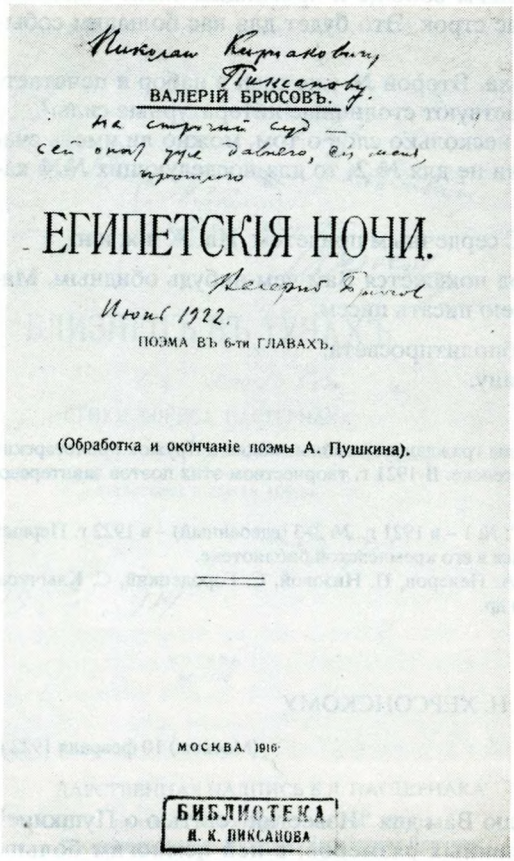
Уважаемый Николай Кириакович!

Как ни стыдно сознаваться, но я в своих тетрадях пока не мог разыскать списка "Горя от ума"[1]. Найду непременно и доставлю Вам. Пока очень прошу Вас принять маленькую старинную тетрадку, которая, м.б., покажется Вам не совсем безынтересной[2], – а также две моих книжки[3], одну (оттиск "Е⟨гипетских⟩ н⟨очей⟩") не откажите передать Ив.Ив. Гливенко[4].

Ваш Валерий Б р ю с о в.

ИРЛИ. Ф. 496. Здесь хранятся 5 писем Брюсова к Пиксанову.

[1] В Грибоедовском собрании Пиксанова насчитывается 63 списка комедии "Горе от ума". Возможно, что какой-то из них и был получен от Брюсова, однако нет никаких сведений, подтверждающих это.


Николаю Кириаковичу
Пиксанову.
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.
На строгий суд —
сей опыт уже давнего, для меня,
прошлого

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

Валерій Брюсов
Іюнь 1922.

ПОЭМА ВЪ 6-ти ГЛАВАХЪ.

(Обработка и окончаніе поэмы А. Пушкина).

МОСКВА. 1916.

БИБЛІОТЕКА
Н. К. ПИКСАНОВА

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книге "Египетские ночи" (М., 1916):
"Николаю Кириаковичу Пиксанову на строгий суд – сей опыт уже давнего, для меня, прошлого.
Валерий Брюсов. Июнь 1922"
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[2] Несомненно, речь идет о рукописной тетрадке (малая четверка, 16 листов) с беловыми автографами стихотворений И.И. Дмитриева, хранящейся в архиве Н.К. Пиксанова (ф. 496, № 37, поступление 1979 г.). На титуальном листе ее имеется дарственная надпись И.И. Дмитриева: "Именинный подарок любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва, 1807 г., ноября 18 дня". После смерти Бекетова, двоюродного брата Дмитриева, рукопись оказалась у М.Н. Лонгинова. По ней в 1867 г. Лонгинов опубликовал несколько стихотворений, неизвестных ранее. По предположению В.П. Степанова (см. его статью "Заметки о В.Л. Пушкине" в сб.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 250–267), эта тетрадка от Лонгинова попала к П.И. Бартеневу, у которого, как известно, в 1900–1902 гг. Брюсов был помощником по изданию "Русского архива". Бартенев помогал Брюсову в составлении его собственной коллекции автографов (см.: Там же. С. 251). Здесь же на титуле и дарственная надпись Брюсова: "Уважаемому Николаю Кириаковичу Пиксанову, в руках которого эта книжка окажется полезнее, чем в моих. 1922 г. Валерий Брюсов". По-видимому, Брюсов имел в виду то обстоятельство, что Пиксанов был автором статьи о В.Л. Пушкине в "Русском биографическом словаре", а тетрадка Дмитриева начиналась с "Путешествия Василия Львовича в Париж и Лондон" (Там же. С. 252).

[3] Имеются в виду: *Брюсов В.* Египетские ночи: Поэма в 6-ти главах. Обработка и окончание поэмы А. Пушкина (оттиск из кн. 1 альманаха "Стремнины"). М., 1916 (с дарственной надписью: "Николаю Кириаковичу Пиксанову. На строгий суд – сей опыт уже давнего, для меня, прошлого. Валерий Брюсов. Июнь 1922"); *Брюсов В.* В такие дни: Стихи, 1919–1920. М.: Госиздат, 1921 (с дарственной надписью: "Уважаемому Николаю Кириаковичу Пиксанову дружески, пушкинисту и сотоварищу по работам. Валерий Брюсов. Июнь 1922. Москва" – *ИРЛИ*. Ф. 496).

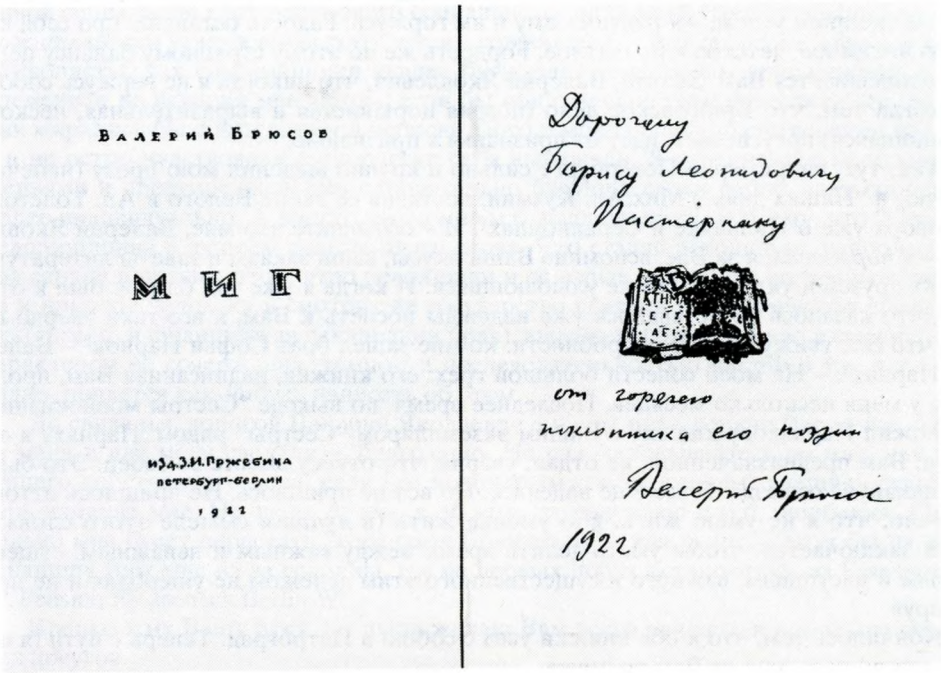
[4] См. п. 14, прим. 6.

23. Б.Л. ПАСТЕРНАК – БРЮСОВУ

Петроград. 15/VIII 1922

Дорогой Валерий Яковлевич!

Если бы я попросту и запросто собирался к Вам все то долгое время, что я мечтал о посещении Вас, ссылка на многочисленные помехи, тому препятствовавшие, не имела бы смысла. Находил же я время, между дел, для встреч с приятелями, для чего хотите, и среди последнего, в первую голову, для мечтаний о *настоящей* встрече с Вами. Вот эта-то мечта совсем особенная и сообщила препятствиям характер непреодолимости, которого у них на деле не было. Встреча с Вами должна была, по мысли моей и по чувству, быть отчетной и исчерпывающей, ей должен был быть посвящен целый день, в том смысле, – что часу, который бы Вы разрешили мне провести с Вами, не должно предшествовать ничего отвлекающего и ничто постороннее и озабочивающее за ним не должно было следовать. Таким мыслился мне этот, – гадательный и теперь уже утраченный день в меру той нешуточно глубокой признательности, вне и без которой я не могу и никогда не смогу сделать ни одного Вам навстречу шага. Вы склоняете к простоте и короткости в обращении, – склонили многих и не таких,



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книге "Миг" (Пб.-Берлин, 1922):
"Дорогому Борису Леонидовичу Пастернаку от горячего поклонника его поэзии
Валерий Брюсов 1922"
Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

как я, – склонился бы к этому и я, – да Вы тут верно непричем. Вероятно, эта моя признательность глубже хорошей учтивости, – и по-видимому поток этой благодарности, всплывающей при всякой моей мысли о Вас, направлен столько же к Валерию Яковлевичу, сколько и к Брюсову, к поэтической силе высокой (по размерам и по степени) заразительности, [к примеру], к родной и вместе с тем – старшей стихии, которая сначала – помощью заочной заразительности сложила тебя и как бы вызвала к существованью, затем – тебя заметила и тебя назвала – и наконец – (как кажется многим) – в деле рук своих и в своем предвиденьи оказалась правой. Если бы я сказал, что сплошь и целиком – ученик Ваш, что я вышел из Вас – так, как из Вас вышли Гумилев, Ходасевич и многие – это было бы лестью, это было бы неправдой. И это было бы приниженьем той правды, которая меня с Вами связывает, которою я горжусь и которая многим значительнее зависимости от Вас упомянутых. Если у индивидуальности есть лицо и если оно – целостно, то в любой из эмоциональных плоскостей этой индивидуальности (любовной, волевой, творческой и пр.) – обязательно имеется *другое* человеческое лицо, к которому целостность первого восходит как к своему началу, и в присутствии которого лицо индивидуальности – потрясается, освещается, собирается воедино.

Таким лицом в сфере моих художнических, артистических, мужественно творческих чувствований, в сфере ощущенья поэта в себе – являетесь Вы. Это трудно объяснить, Валерий Яковлевич, и значило бы стать вовсе фантастичным, если бы, воспользовавшись подобным определением, я бы просто, аналогируя приемы уравнительные, выразился алгебраически и безапелляционно: больше всего я Вам благодарен за то, что, кажется, не подражав Вам – иногда чувствую Брюсова в себе – это тогда, когда я чувствую над собою, за собою и в себе – поэта.

Странность этого ощущенья богата следствиями и производными. Так, напр., при всяком внешнем успехе – я радуюсь ему и им горжусь. Радость оставляю про себя как нечто интимное, детское и приватное. Гордость же по этому странному балансу целиком отписывается Вам. Знайте, Валерий Яковлевич, что никогда я не горжусь собою, но всегда тем, что Брюсовское дело (поэзия порывистая и выразительная, нескоро стирающаяся) преуспевает, идет от признанья к признанью.

Так, тут, например, в Петербурге сильно и крупно выделил мою прозу (напечат⟨анную⟩ в "Наших днях") Мих.Ал. Кузмин, поставив ее выше Белого и Ал. Толстого, не говоря уже о Пильняке и Серапионцах[1]. И – объясните это мне, Валерий Яковлевич, – я *порадовался* за Вас, вспомнив Ваши вкусы, ваши заказы и заветы литературе, Ваших друзей и уклоны, Вам не улыбающиеся. И когда я уже так близок был к отъезду, что казалось не оставалось уже надежды поспеть к Вам, я все-таки твердо верил, что Вас увижу – и вот подробности: ко мне зашел брат Софьи Парнок[2] – Валентин Парнах[3]. – На моей совести большой грех: его книжка, надписанная Вам, пролежала у меня несколько месяцев. Последнее время, по выходе "Сестры моей жизни"[4], я положил Парнахову книжку с Вашим экземпляром "Сестры" рядом. Парнаху я его книги, Вам предназначенной, не отдал, уверив, что отнесу вместе со своей. Это было уже накануне отъезда. Я все еще надеялся. Но вот не пришлось. Не пришлось оттого, конечно, что я не умею жить, ибо уменье жить (в *лучшем* смысле этого слова) в том и заключается, чтобы уметь делить время между важным и неважным, существенным и насущным, важного и существенного этим дележом не ущербляя и не профанируя.

Кончилось тем, что я обе книжки увез с собою в Петроград. Теперь с пути (я еду за границу) посылаю их Вам по почте.

Я еду в Германию на полгода или на год, если удастся[5]. Еду работать.

То же неуменье жить не дает мне возможности поделить время между работой и не-работой, как того требует Москва. Оттого и еду. Я знаю, что внешне – порчу себе, т.к. несомненно меня в мое отсутствие так же быстро покатят вниз, как вкатили, меня не спрашиваясь, наверх, – на высоту вполне условную, еще не заслуженную и малопонятную. Сделают это "молодые", т.е. те, из которых (представьте себе!) некоторые пишут кровным моим тоном, вовсе этого за собой не зная и не видав "Сестры", благодаря вторичным – горизонтально-круговым заимствованиям друг у друга. Живой пример. Некий Цветнов в Москве приходит ко мне и аттестуется: "юный земли поэт" – передайте, пожалуйста, эти мои стихи Есенину, если увидите, – я крестьянский поэт – его, мол, десятка. Потом развертываю – живая "Елена"[6], другое – того чище, т.е. в такой степени, в какой я бы этого ни о ком не сказал!

А Вам, Валерий Яковлевич. – Неловко, право, всерьез говорить с Вами об этом новом "мастерстве". Две-три тощие тетрадки. Вам вот что скажу. Честное слово, я не придаю этим удачам никакого значенья, кроме одного только. Что я на верном, кажется, пути, и что на нем нельзя останавливаться.

Меня очень удовлетворил отзыв Городецкого о Ваших новых книгах (в "Известиях" – июль, кажется[7]). Хотя подход мне не свойственный и – слегка поверхностный, все же сознанье серьезности задачи – налицо, и должная оценка разбираемого дана в *тоне* разбора.

Перед самым отъездом вызвал меня к себе Троцкий. Он более получаса беседовал со мною о предметах литературных, жалко, что пришлось говорить главным образом мне, хотелось больше его послушать, а надобность в такой декларативности явилась не только от двух-трех его вопросов, о кот⟨орых⟩ – ниже; потребность в таких изъяснениях вытекала прямо из перспектив заграничных, чреватых кривотолками, искажениями истины, разочарованьями в совести уехавшего.

Он спросил меня (ссылаясь на "Сестру" и еще кое-что, ему известное) – отчего я "воздерживаюсь" от откликов на общественные темы. Вообще он меня очаровал и привел в восхищение, надо также сказать, что, со своей точки зрения, он совершенно прав, задавая мне такие вопросы.

Ответы и разъяснения мои сводились к защите индивидуализма истинного, как

новой социальной клеточки нового социального организма. Проще: я начал с *предположительного* утверждения того, что я – современен, и что даже уже и франц⟨узские⟩ символисты, как современники упадка буржуазии, тем самым принадлежат нашему времени, а не истории мещанства: если бы они с мещанством разделяли его упадок – они мирились бы с литературой периода Гюго и молчаливо-удовлетворенно погибали – а не остро чувствовали и творчески себя выражали. Я ограничился общими положеньями и предупрежденьями относительно будущих своих работ, задуманных еще более индивидуально. А вместо этого мне м.б. надлежало сказать ему, что "Сестра" – революционна в лучшем смысле этого слова. Что стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, это – утро революции и ее взрыв, когда она возвращает человека к *природе* человека и смотрит на государство глазами *естественного* права (америк⟨анская⟩ и французская декларации прав), выражены этой книгою в самом духе ее, характером ее содержания, темпом и последовательностью частей и т.д. и т.д. Очевидно, придется как-нибудь написать об этом.

До свиданья, дорогой Валерий Яковлевич – и еще раз – горячо Вас за все, что Вы из меня и для меня сделали, – благодарю. Не разочаровывайтесь во мне, как части Вашего собственного дела, если (по некоторым соображениям) внешняя судьба теперь изменит мне. Не знаю, отчего я об этом заговариваю и м.б. ошибаюсь. Однако больно мне будет перестать "гордиться Брюсовым" – как выше, – хотя бы на время. Я напишу Вам еще из-за границы, где на первых порах остановлюсь на Fasanenstrasse 41, Pension Pasaneneck Berlin W.

Крепко жму Вашу руку. От души желаю Вам всего лучшего и побольше счастливых досугов.

До свиданья

Любящий Вас Б. Пастернак

15/VIII. Петроград.

ГБЛ. Ф. 386, 97.37б. Л. 1–9об.

Опубл.: Россия // Russia, 3 Torino. Giulio Einaudi Editore. 1977 – в составе статьи Е.В. Пастернак. "Пастернак и Брюсов. К истории отношений".

За время нахождения данного тома в производстве появилось в книге: *Пастернак Б.* Из писем разных лет. М., 1990. С. 11–14. (Библиотечка "Огонек"; № 6).

[1] О повести Пастернака "Детство Люверс", напечатанной в альманахе "Наши дни", кн. 1-я (М., 1922), М. Кузмин писал в статье "Говорящие" (Жизнь в искусстве. 1922. № 31), вошедшей затем в его книгу "Условности. Статьи об искусстве" (М., 1923).

[2] Софья Яковлевна *Парнок* (1886–1933) – поэтесса и переводчик. Первая ее книга – "Стихотворения" – вышла в 1916 г. В 1920-е годы примыкала к группе "Лирический круг".

[3] Речь идет о книжке стихов: *Парнах В.* Карабкается акробат. Париж: изд-во "Франкорусская печать", 1922. Экземпляр с дарственной надписью: "Валерию Яковлевичу Брюсову почтительный дар автора. 25 – III – 22. Pension Hager. Motzstr. 37. Berlin W" – *ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1242.

[4] Книга Пастернака "Сестра моя жизнь" вышла в начале мая 1922 г.

[5] Пастернак уехал в Германию 17 августа 1922 г., вернулся 23 марта 1923 г.

[6] "К Елене" – название цикла стихотворений в сборнике "Сестра моя жизнь". Первое из них названо "Елена".

[7] *Городецкий С.* Алый вечер // Изв. ЦИК СССР. 1922. № 41. 28 июня.

24. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

⟨Москва. 28 сентября 1922 г.⟩

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Настоящим предметная комиссия славяно-русской филологии Ф.О.Н. 1-го Московского Государственного Университета просит Вас сообщить, не возьмете ли Вы на себя чтение курса "Новейшая русская* Литература" для этнолого-лингвистического и литературно-художественного отделений Ф.О.Н. с 1-го же триместра настоящего учебного года.

---

* Зачеркнуто написанное А. Цейтлиным "современная".

Комиссии вообще необходимо иметь *точные* сведения о предполагаемых Вами курсах и семинариях.

Председатель комиссии
славяно-русской филологии
П. С а к у л и н
Секретарь Алек. Ц е й т л и н.

Адрес для ответа:
Смоленский бульвар, Глазовский пер., д. 5, кв. 16,
Павлу Никитичу Сакулину
28 сентября 1922 г.

ГБЛ. Ф. 386, 101.38. Л. 10. Написано рукой А.Г. Цейтлина, с подписью и вставками Сакулина (последняя фраза и текст адреса для ответа).

[1] Брюсов читал в I МГУ лекционные курсы по истории древнегреческой литературы (1921/22 уч. г.), по истории римской литературы эпохи империи (1923/24 уч. г.) и по истории новейшей русской литературы (1922/24 уч. г.)

25. БРЮСОВ – Н.К. ПИКСАНОВУ

⟨Москва⟩ Воскресенье
4 марта 1923. Ночь.

Многоуважаемый Николай Кириакович!

Когда в субботу я говорил Вам, что статья написана[1], – то была правда. Но когда в воскресенье я стал ее просматривать, оказалось, что там и сям надо одно добавить, другое выпустить, третье изменить. Короче, сегодня я весь день провозился с ней, и для "Печати и Р", увы, не написал ничего[2] (как и для Главпрофобра[3], где завтра ждут некоего обстоятельного "доклада" и статьи для какого-то "Вестника"). Короче, Вы получите мою статью только завтра, – для Вас "сегодня", в понедельник, надеюсь – рано утром. Извиняюсь, что статья написана весьма скорописью: переписывать, конечно, времени не осталось. Но потому самому есть в ней недочеты и в стиле, если бы Вы могли дать корректуру, это было бы благодеянием[4]. Оную корректуру не задержу дольше одного вечера: порука – все редакции в мире, посылавшие мне свои гранки. В этом я очень тверд.

Желаю Вам доброго здоровья и охоты писать, а еще – чтобы у Вас явилось желание исполнить мою давнюю просьбу: начать профессорствовать у нас в Институте[5]. Можно на это надеяться?

Ваш Валерий Б р ю с о в

ИРЛИ. Ф. 496. На бланке "Московский литературно-художественный кружок" (исправлено: институт).

[1] Речь идет о статье "Пушкин-мастер" для издания Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности "Пушкин. Сборник первый" (М.: Гиз, 1924). Пиксанов был председателем Пушкинской комиссии ОЛРС и редактором этого сборника. Рукопись статьи (15 л., с небольшой правкой Брюсова) Пиксанов подарил Пушкинскому Дому с дарственной надписью: "В дар Пушкинскому Дому в день юбилея Академии от Н. Пиксанова. 5.IX.1925" (*ИРЛИ.* Ф. 444. № 26. Л. 1).

[2] См. наст. кн., Переписка с редакцией журнала "Печать и революция", п. 8, прим. 2 и 3.

[3] Главпрофобр – Главный комитет профессионального образования Наркомпроса. Брюсов был помощником, затем заведующим отдела художественного образования, а после реорганизации Главпрофобра – заведующим методической комиссией отдела художественного образования.

[4] 5 марта 1923 г. Пиксанов ответил Брюсову: "Благодарю Вас за статью. Корректура будет прислана Вам непременно. Посылаю в подарок свою статью. С приветом Н. Пиксанов" (*ГБЛ.* Ф. 386, 98.30. Л. 7). Брюсову была послана, вероятно, статья "Новый путь литературной науки" (оттиск из журнала "Искусство", 1923, № 1). Оттиск с дарственной надписью автора имеется в библиотеке Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 1268).

[5] Пиксанов начал преподавать в ВЛХИ с 1923/1924 учебного года. Читал курс "Марксистский метод в литературе" и историю русской литературы (литература после Гоголя) (см.: *Брюсов В.* Высший литературно-художественный институт // Журналист. 1923, № 8. нояб.-дек. С. 24).

26. К.И. ЧУКОВСКИЙ – БРЮСОВУ

Моховая 36, Петроград.
⟨Декабрь 1923⟩

Дорогой, глубокоуважаемый
Валерий Яковлевич!

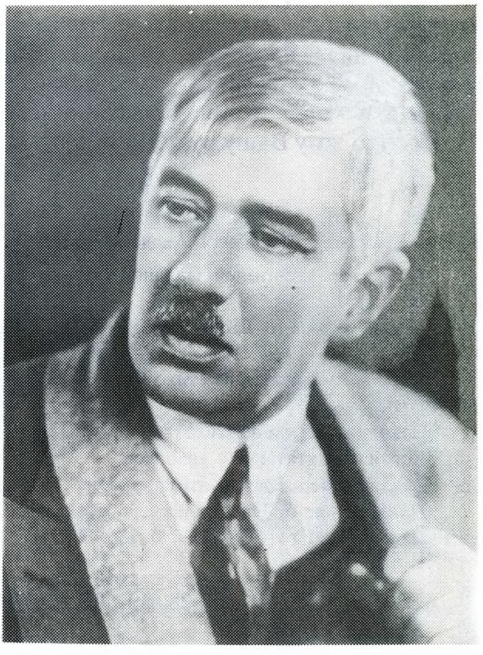
Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах.

Я смолоду привык преклоняться перед Вашим поэтическим подвигом, и не изменил этой привычки до сих пор. Как и в дни моей молодости, имя Валерий Брюсов – для меня прекрасное имя, которым все мы пишущие вправе гордиться.

Ваш Ч у к о в с к и й.

ГБЛ. Ф. 386, 107.44. Л. 28. Датируется по содержанию (послано к юбилею Брюсова).

Писатель и критик Корней Иванович *Чуковский* (1882–1969) начал сотрудничать с Брюсовым в 1904 г. «Ни об одном писателе моего поколения, – свидетельствует Чуковский, – я не вспоминаю с таким чувством живой благодарности, с каким вспоминаю Валерия Брюсова. Его журнал "Весы" был первым журналом, где я, двадцатилетний, стал печататься. Брюсов выволок меня из газетной трясины, затягивавшей меня с каждым днем все сильнее, приобщил к большой литературе и руководил мною в первые годы работы» (*Чуковский К.* Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 431). 26 писем Брюсова к Чуковскому (1906–1922) напечатаны в названной книге. Ряд писем Чуковского к Брюсову опубликован в журналах: *ВЛ.* 1972. № 1; Звезда. 1972. № 8.



К.И. ЧУКОВСКИЙ

Фотография. 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

27. В.М. ФРИЧЕ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 16 декабря 1923⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ужасно жалею, что не могу присутствовать на Вашем торжестве.

Неделя совершенно бессонных от переутомления ночей привела к тому, что с субботы я – обессиленный – свалился.

Мне лично было бы особенно приятно приветствовать Вас, и вот почему.

Как-то особенно ярко встает сейчас в памяти прошлое – наши студенческие годы. Помните наш студенческий литературный кружок[1] – наши собрания – часто – у Вас на квартире на Цветном бульваре – наши споры и наши "симпозионы". Вижу ясно, как будто это вчера, как Вы читаете доклад о "Ринальдо" Т. Тассо[2], слышу ясно, как Вы читаете стихи, которые потом появлялись в маленьких книжках в розовой обложке, все еще звучат в ушах моих – "Серебро, огни и блестки, целый мир из серебра"[3] или "Весь город в серебряном блеске от блеска серебряных крыш, и там на моей занавеске повисла летучая мышь"[4], или "На всей земле не спим мы двое"[5], или "На шумящей Гвадаяме"[6] (впрочем, здесь я, кажется, уклоняюсь от подлинника).

Все это – и еще много других эпизодов – встает сейчас в памяти особенно выпукло, и потому мне было бы особенно приятно приветствовать Вас от имени университета — (хотя не мне это поручено) – Вас, участника этого студенческого кружка, ставшего преподавателем университета.

Если бы здоровье мне позволило, я постарался бы сегодня, когда Вы услышите много лестных слов о Вашей деятельности как ученого и поэта, выявить, какое большое значение – воспитательное и поучительное – имеет Ваш образ для современных поколений. К сожалению, чувствую себя так плохо, что с трудом написал Вам это письмецо и – приветствие от научно-исследовательского института[7].

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Ф р и ч е

ГБЛ. Ф. 386, 106.47. Л. 18–18об. Датируется по упоминанию о торжестве "сегодня" – юбилейном чествовании Брюсова в Российской Академии художественных наук 16 декабря 1923 г.

[1] Общество любителей западной литературы (см. о нем наст. том, кн. 1, Переписка с Курсинским, п. 10, прим. 2).

[2] Поэма Торквато Тассо "Ринальдо" (1562). Других сведений об этом докладе Брюсова не сохранилось.

[3] Первые две строки из стихотворения "Первый снег" (1895), вошедшего в сб. *ChdO 1* под заглавием "У окна" (I, 79).

[4] Неточная цитата из стихотворения "Летучая мышь" (1895, *ChdO 2*; I, 82).

[5] Источник цитаты не установлен.

[6] Искаженное название стихотворения "На журчащей Годавери" (1894, *ChdO 1*; I, 67).

[7] Приветствие от Научно-исследовательского института языка и литературы (при факультете общественных наук I МГУ) – см.: *ГБЛ.* Ф. 386, 111.24.

28. В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ – БРЮСОВУ

⟨Москва. 17 декабря 1923 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за то, что я совершенно сознательно не явился на Ваше чествование в Большой Театр[1]. Я очень не люблю публичных торжеств. Смею Вас уверить, что Ваш юбилей для меня значительно дороже, чем для многих из тех, кто присутствовал официально на чествовании.

Разрешите мне, Валерий Яковлевич, от всего сердца поздравить Вас как с юбилеем, так и с теми подарками, которые Вам даны в этот день от имени Совнаркома[2].

Мне очень грустно, что уже долгое время мы в силу литературных условий оказываемся как бы по две стороны баррикад искусства. Но даже при этом положении я ни одной секунды не забываю, что только Вы и Ваше искусство помогли мне выучиться писать стихи. Мне очень горько, что среди целого ряда Ваших учеников я оказался в положении одного из наиболее Вами нелюбимых, но и это нисколько не меняет моего чувства глубокой признательности и искренней любви к Вам. Тем с большей внимательностью я всегда относился ко всем Вашим устным и письменным критическим замечаниям обо мне в частности и о русской поэзии вообще, хотя зачастую не соглашался с ними.

Позвольте еще раз пожелать Вам всего самого светлого и лучшего.

Еще более обидно мне, что в эти дни, дни Вашего торжества, как человека и поэта, некоторыми газетами поднята совершенно непристойная демагогическая травля Вас на почве обиженного самолюбия Серафимовича[3].

Мне очень не хочется, чтобы это письмо, среди целой груды поздравительных, утомило Вас. Поэтому я кончаю его, уверяя Вас, что это письмо совсем не поздравительное, а искреннее.

Передайте мой привет и поздравления Жанне Матвеевне.

Ваш преданный Вад. Ш е р ш е н е в и ч

17/XII 23.

ГБЛ. Ф. 386, 108.24. Л. 18–19.

[1] Торжественное публичное чествование Брюсова в Большом театре по случаю 50-летия со дня рождения состоялось 17 декабря 1923 г.

[2] Имеется в виду грамота Президиума ВЦИК, врученная поэту на юбилейном вечере членом Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичем.

[3] Когда накануне юбилея нарком просвещения возбудил ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о награждении Брюсова орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему звания народного поэта республики, с возражениями против этого предложения выступил ряд литераторов, преимущественно "напостовской" ориентации, в том числе Л. Авербах, Л. Сосновский, Демьян Бедный (Вечерняя Москва. 1923. № 8. 14 дек.). Серафимович официально в этих выступлениях не участвовал.

М.Л. ЛОЗИНСКИЙ
Фотография, 1924
Собрание И.В. Лозинской, Ленинград

29. БРЮСОВ – М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

⟨Москва. 16 марта 1924 г.⟩

Многоуважаемый т. Лозинский!

Хотя и с большим опозданием, хочу сердечно поблагодарить Вас за то внимание, с каким Вы отнеслись к моему переводу Эдгара По[1]. В свое время я просил А.Н. Тихонова[2] передать Вам мою благодарность и надеюсь, что он исполнил мою просьбу.

Как Вы, может быть, видели по корректурам, я воспользовался почти всеми Вашими указаниями, так как не мог не признать их справедливости. В некоторых случаях, впрочем, было простое недоразумение. Так, напр., в "Черве Поб⟨едителе⟩", "стену" было просто ошибкой переписчика, вместо моего "сцену"; в "Аль-Аарааф", моя собственная ошибка при переписке (не понимаю, как я ее сделал) конечно, не "квадратна", а "квадрантом"! – Это, может быть, плохо, неточно, но не нелепо. Не мог я исправить "гемм": пришлось бы слишком многое переделывать; пусть же это слово получит и по-русски более широкое значение. "Некто, кто..." – по-моему, возможно. Вот и все, что осталось неисправленным.

Но напрасно Вы не указали мне многих других недостатков перевода, которые, конечно, бросились Вам в глаза. Перечитывая свои переводы в корректуре, я с отчаяньем убедился, как еще много, бесконечно много в них слабых мест. Особенно в старых переводах: – "Ворон", "Улалюм" (я поставил, по Вашему, "Юлалюм", но не вернее ли: "Элалюм"?), "К Анни" и мн. др.! Кое-что я поправил, напр., "Энни" вместо "Анни" и др., но, конечно, лишь кое-что. Чтобы исправить все, что я заметил, пришлось бы проработать еще год, а то и два, три! – следовательно, пока отказаться от издания. Но меня все эти недостатки все же теперь очень мучат. Авось, доживу до 2-го издания!

Во всяком случае еще раз прошу Вас – примите всю мою признательность за Вашу работу и ценные для меня Ваши советы, которые во многом натолкнули меня и на дальнейшее исправление моего перевода.

С дружеским уважением Валерий Б р ю с о в

16 марта 1924.

Из архива М.Л. Лозинского, хранящегося у И.В. Платоновой-Лозинской. Ответ на письмо Лозинского от 1 февраля 1924 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.31. Л. 9–10).

Михаил Леонидович *Лозинский* (1886–1955) – поэт, переводчик. В качестве секретаря редакции журнала "Аполлон" обращался в 1914–1916 гг. с письмами к Брюсову. С первых послеоктябрьских лет вел (в

издательстве "Всемирная литература") работу над переводами крупнейших произведений зарубежной литературы.

[1] В письме к Брюсову от 1 февраля 1924 г. Лозинский сообщил ему свои замечания о рукописи отданной в набор книги: *По Э.* Полн. собр. поэм и стихотворений / Пер. и предисл. Валерия Брюсова с критико-библиогр. коммент. (Всемирная литература). М.; Л.: Госиздат, 1924.

[2] Александр Николаевич Тихонов заведовал издательством "Всемирная литература".

30. М.Л. ЛОЗИНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Ленинград.⟩ 5.IV.1924.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я был очень тронут Вашим письмом и тем вниманием, с которым Вы отнеслись к моим замечаниям относительно Вашего перевода Э. По[1]. Не скрою, что я отсылал их не без смущения, памятуя, что летом 1922 г. мой объемистый трактат о Вашем переводе Верхарна, Вам направленный[2], остался без ответа и, по-видимому, не был удостоен внимания. А он был тщательнее составлен, чем скромные marginalia* на переводе Э. По.

Если судьба моих соображений касательно Верхарна и повлияла на объем моих теперешних заметок, то лишь в малейшей степени. Я никак не могу разделить Ваших сомнений относительно выдающихся достоинств последнего Вашего труда, который, конечно, должен быть признан трудом важным[3].

Эти сомнения только лишний раз изобличают в Вас строгого судью, и, как таковому, разрешите мне препроводить Вам, одновременно с этим письмом, мой перевод "Эриний" Леконт де Лиля[4], которого у Вас, вероятно, нет, с просьбой уделить ему час внимания и прочесть его, раскрыв для сличения, где вздумается в двух-трех местах французский текст. Если бы Вы нашли еще пять минут, чтобы сообщить мне Ваше мнение о моей работе, я был бы Вам искренне признателен.

Уважающий Вас М. Л о з и н с к и й.

ГБЛ. Ф. 386, 92.31. Л. 11–12.

[1] См. п. 29.

[2] Лозинский в качестве рецензента издательства "Всемирная литература" ознакомился с брюсовским переводом "Поэм" Верхарна. 27 июля 1922 г. он отправил Брюсову обширное письмо со своими замечаниями (см.: *ГБЛ.* Ф. 386, 92.31. Л. 3–8).

[3] Впоследствии Лозинский дал более суровую оценку брюсовских переводов Э. По.: «Поэмы и стихотворения Эдгара По – несомненно слабейшее из всего переводного наследия Брюсова. Читая эту книгу, с грустью убеждаешься, что она создавалась в тот период, когда поэта уже покинула "певучая сила" его лучших лет. Это поистине – "стук ссыпаемых в яму костей". Серафические звуки По обратились в трудно усвояемый набор слов. Одинокой лампадой горит стихотворение "К. Елене", озаряющее жуткий сумрак этих страниц» (из доклада Лозинского "Валерий Брюсов", прочитанного, вероятно, на одном из заседаний в издательстве "Всемирная литература". – Лит. архив М.Л. Лозинского, хранящийся у И.В. Платоновой-Лозинской).

[4] "Эринии" – "античная трагедия" французского поэта Леконта де Лиля, вышедшая в переводе Лозинского (Пб.: Петрополис, 1922).

31. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

⟨г. Изюм Харьковской губернии.⟩
Апреля 14–1924 г.

В.Я.!

Вы меня не знаете, я Вас никогда не увижу, хотя так мечтаю об этом! И страшно буду благодарна, если Вы найдете чуточку терпенья дочитать это письмо. Начну от печки: мне 20 лет, живу с родителями в глухом городишке, хожу на базар, поливаю

* Заметки, помещенные на полях книги или рукописи (*лат.*).

цветы, пишу стихи и думаю о Вас. Вот и все. Да, еще зовут Ирой. А дни идут, идут... "Словно льются воды медленно во тьму"[1]. Как хорошо Вы это сказали! Кажется, я б утопилась если бы не... собственное стихоплетство, к которому пристрастилась с 5 лет и которое создает мне интерес в жизни. Если... если Вы мне напишете хоть 2 строчки, я, кажется, сойду с ума от радости... но если заставите разочароваться – тоже сойду с ума. Значит, один конец. Хотя, знаете, и смерть-то одна, но всегда можно предпочесть одно умиранье – другому.

Господи, какие я глупости пишу! и Кому! Теперь можно, наверное, сказать, что полетит сие письмо в корзинку под стол безвозвратно и... конец моим мечтам.

Хотелось бы написать, каким я Вас себе представляю, но боюсь окончательно надоесть, и вообще еще много-много толпится мыслей в голове...

И перечитать письмо боюсь, кабы знали Вы, как страшно *мне* писать *Вам*!..

Вот 2 моих стихотворения.

Отчего Вы такая надменная
В этом платье кисейно-прозрачном,
Как царевна татарская пленная,
Как невеста в наряде брачном...
Отчего, надевая суконное,
Вы теряете гордую маску,
Загораются взоры холодною,
Но чарующе сильною лаской?

А когда же Вы, крошка наивная,
Увлекаясь Шекспирами, Дантами,
Напеваете песни старинные,
То – передничек с алыми бантами.
Но Ваш муж, поглупевший, простуженный,
Любит Вас только в грязном капотике,
Перед завтраком и перед ужином
И с улыбкой на сонном ротике.

Мой адрес:
Изюм, Харьковск⟨ой⟩ губ⟨ернии⟩
Пушкинская 35,
Ирине Ивановне Шевцовой.

Напишете или нет? О если б кто-нибудь мог заранее сказать это, чтоб не мучилась я!.. Да или нет, да или нет, да или....

Я, принцесса Синеастра,
торжествую наконец,
Долгожданный, тщетнозванный,
прилетел ко мне гонец!
Мотылек золотокудрый мне
известие принес,
Что идет Царевна-Осень в волнах
огненных волос...
Солнце греет, солнце жарит...
Листья! Я не в силах ждать...

Распускаюсь... распускаюсь... и не вам
меня сдержать!..
О, настурции! сплетаться в диадемы вам пора,
О, готовься, хризантема, Астры
гордая сестра!
О, недаром душен вечер, а закат
кровавый ал,
Это встречный и прощальный
Синей Астры Карнавал.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 1–2. Здесь хранится 10 писем к Брюсову Ирины Ивановны *Шевцовой* (1904–?), написанных в период между 14 апреля и 12 сентября 1924 г.

[1] Цитата из стих. Брюсова "Терем" (1901 г.; I, 343). Шевцова могла прочитать это стихотворение в кн.: Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып. 1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1914.

32. БРЮСОВ – И.И. ШЕВЦОВОЙ

⟨Москва. Около 25 апреля 1924 г.⟩

Вот что, милая Ира... (хотя Вам и 20 лет, но, по письму Вашему, трудно Вас называть иначе!) Вот что: "стихоплетство" (Ваше слово) – вещь плохая, но жизнь – хорошая, всегда и везде. "Сходить с ума" не следует никогда. Доля того, что называют "безумием", иногда полезна, но, в общем, куда лучше быть в здравом рассудке. Бальмонт где-то сказал: "Прекрасно быть безумным, ужасно – сумасшедшим"[1]. Но, говоря "прекрасно", он преувеличивал. У Вас пока нет жизни, – рынок и цветы; верю. Но у Вас есть книги, это – уже много. А "жизнь" придет, придет сама собой. И посмотри-

те внимательно: наверное, настоящая жизнь есть и близко от Вас. Только помните [две вещи] два правила. Первое: не ищите сразу чего-нибудь чрезвычайного. Второе: необдуманно не принимайте малого за большое. [Если бы Вы знали латинский язык, я напомнил бы Вам стих Вергилия: "Incidit in Scillam, qui vult vitare Haribdae*."] В 20 лет можно ждать. Потому что 20 лет, сами по себе, вещь более чем хорошая. Мне – 50, что Вы, может быть, знаете. Когда мне было 20, я думал, что это – конец жизни. Теперь этого никак не думаю, но все же завидую Вашим 20 годам. Право, поменялся бы с Вами жизнью и согласился бы быть в Изюме на Донце! А если можно Вам завидовать, стало быть, не так уж плохо быть Ирой! В.Б.

О стихах Ваших? Чтоб писать хорошие стихи надо: 1) много учиться; 2) много жить (много не в значении "долго"). Мой адрес: 1-я Гражданская, 32, и это не совсем особняк и совсем не во дворе[2].

А Ваш учитель – Пушкин. Читайте Пушкина, пока не поймете; почему он величайший из русских поэтов.

ГБЛ. Ф. 386, 73.12. Л. 1–2.

Черновик ответа на п. 31, прибывшее в Москву (по почт. шт.) 18 апреля 1924 г. Датируется на основании того, что письмо Брюсова было получено адресатом 29 апреля 1924 г. (см. п. 33).

[1] Источник цитаты не установлен.

[2] На конверте первого письма Шевцовой был указан следующий адрес: Москва, 1-ая Мещанская, д. 32 (особняк во дворе).

33. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

⟨г. Изюм.⟩ 29 апреля ⟨1924 г.⟩

Валерий Яковлевич!

Получила Ваше письмо и глазам своим не верю! Неужели это та самая бумага, которую несколько дней тому назад Вы держали в руках, Вы на нее смотрели? Какой Вы милый, какой чудесный, какой... слов не нахожу. Если б знали Вы, как досадовала я на себя за то глупое письмо, как хотела вернуть его, написать лучше, умней, но было уже поздно...

А потом досада как-то отошла на задний план, начались суетливые приготовления к празднику, и я думала: будь что будет. А сегодня как раз день моих именин, и Ваше письмо самый лучший, самый неожиданный подарок.

Мама знает всех моих корреспондентов и спросила – От кого? – Я ответила: "От Вали". Валя – моя подруга в Москве, которая и достала мне Ваш такой подробный адрес, я соврала не подумавши, а потом засмеялась, видя, что это немножко похоже на правду.

Так Вы говорите, что жизнь хороша и она придет... Но когда же? И как? Впрочем, я знаю, что жить хорошо, хорошо вечером гулять одной у реки или забираться далеко-далеко в лес... ведь тут так красиво, и дом наш, и сад, в котором вопреки всем возражениям домашних я устраиваю обязательно одну аллею из подсолнечника, они такие милые, когда зацветут! Я всегда по утрам целую их свежие, яркие лица и вспоминаю Бальмонтовское "Будем как солнце". И на лодке хорошо кататься, и... писать стихи, хотя все, и Вы в том числе, беспощадны относительно их. Но, сказать по правде, мне это все равно, так как писанье доставляет одну лишнюю радость в жизни.

Да, так это все еще не жизнь, так в чем же она заключается? Надеюсь, что Вы мне не скажете, как твердят многие, что надо есть сладкое и влюбляться и в этом весь смысл и соль нашего существования? Первого я терпеть не могу, а второго еще не пробовала. У нас в доме вечно целая куча мальчишек, всех возрастов, но для меня они равно мальчишки, т.к. всех ненавижу, все скучны, неинтересны одинаково, и каждый глуп по-своему, а мне нравится только один человек в мире, которого я никогда не видала.

Вы, быть может, догадаетесь?

* Не минует Сциллы тот, кто хочет избежать Харибды (*лат.*).

Знаете, одну удивительную вещь, Вас я себе представляю не очень ясно, то так, то этак – смотря по настроению, но зато Вашу жену – очень ярко и определенно, хотя даже не знаю, женаты ли Вы... Она непременно высокая тонкая блондинка с нежными руками, очень светлые волосы закалывает греческим узлом, а зовут Анной. Вот. Странно, не правда ли?

Скоро к нам придут гости поздравлять мою милость с двадцатилетием, с новым несносным годом неведомой жизни, а мне не хочется отрываться от бумаги. Ведь если б я Вас увидела воочию, то, наверное, от смущения, застенчивости только мучительно краснела и не сказала бы и десятой доли того, что могу написать.

Да, кажется, с Вами и говорить-то нельзя как с простым смертным, по крайней мере я бы не могла... Валерий Яковлевич, ах Валерий Яковлевич, так это Вы мне написали!!!

И советуете читать Пушкина? Но я его знаю наизусть и часто повторяю про себя... К величайшему моему огорчению, у меня нет ни одной Вашей книги... Раньше-то были, но когда четыре года тому назад мы спешно уехали в Крым, то все тут осталось и погибло. В Изюме нет ни одного книжного магазина, хотя есть библиотека, но это не то. Хорошо, что у меня память хорошая, все, что понравится, навеки остается там.

Надо кончать. На прощанье скажу Вам, что Вы – прелестны, Вы лучше всех на свете!

И. Шевцова

Изюм, Пушкинская, 35.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 3–4.
Ответ на п. 32.

34. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

⟨Изюм.⟩ 18 мая 1924 г.

Валерий Яковлевич, я Вам еще не надоела? Ну не могу не писать, и только... Впрочем, Вы, наверное, не получили моего последнего письма[1], я дала его бросить в почт⟨овый⟩ ящик мальчишке, от которого хотела отвязаться, а попутно подразнить немножко... ведь с таким соперником, как Вы, не стоит бороться! Что он не стащил письмо и не прочел, можно поручиться, но что вместо ящика не спустил куда-ниб⟨удь⟩ в канаву – трудно. Да, Вы посмеялись бы от всей души, войдя в нашу жизнь, людишек маленького города: сколько глупостей творится и смешных, и милых, и красивых!

Теперь чудесные, лунные ночи, а какие соловьи!

Вчера мы их слушали на кладбище почти до рассвета... я думала о том, что сейчас Вы спите в большом, несносном городе, не видите, не слышите, не знаете, что где-то в глуши неведомая и глупая девчонка вспоминает Вас. А в самом деле, Валерий Яковлевич, Вы талант, гений, к Вашим словам прислушивается целый мир, какое же я право имею желать, чтоб хоть одна Ваша мысль принадлежала мне? Никакого. Но... я без права.

Пожалуйста, не смейтесь, я как-будто вижу Ваше насмешливое лицо... Я уверена, что Вы ужасный эгоист, только это понятно и простительно. Ужасно хотела бы знать, какая, собственно, Ваша жизнь... Моя – ситцевая. И ситец, знаете, бывает ничего себе, веселенький, с цветочками, а все-таки ситец... его надо мыть в соленой воде, чтоб не полинял, так я тоже иногда нарочно подбавляю в жизнь и соли, и перцу, и горчицы, дабы совсем не опротивело!

Вам не кажется каждую весну, что Вы снова родились на свет. Мне всегда. Ваше письмо я всюду таскала с собой, развертывала сто раз в день, раз упала с ним в ручей, но высушила, а теперь, видя, что бренная бумага при последнем издыхании, не выдержит таких горячих проявлений чувств и того и гляди рассыплется в порошок, теперь письмо заперла в ящик.

Валерий Яковлевич, Вы милый, милый, милый! Я Вас ужасно люблю!..

Ваша Ира Шевцова

Пушкинская, 35

* Пожалуйста, простите мне за карандаш и такую скверную бумагу. Пишу в учреждении, на телефонной станции, где служит моя сестра.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 5–6.

[1] Письмо Шевцовой от 29 апреля было получено Брюсовым, который отвечает на него в п. 35.

35. БРЮСОВ – И.И. ШЕВЦОВОЙ

⟨Москва. 20-е числа мая 1924 г.⟩

Милая Ира.

Если б Вы знали по-латыни, я напомнил бы Вам известное изречение: "habent sua fata libelli", т.е. есть у книг своя судьба; и добавил бы: и у писем тоже. Сознáюсь, что вот уже лет 10, как я писем не пишу: только – необходимейшие или "по капризу". Случилось, что на одно из бессчетных писем, все же получаемых мною, – Вам, – я ответил. И вот вижу, что буду отвечать и еще. Почему? Признаться ли в маленькой слабости, в странной психологической прихоти? Очень мне понравилось, как Вы ответили на вопросы, от кого Вы получили письмо (мое первое) – вот это больше всего.

Но вот что печальное я узнал из Вашего письма: что у Вас нет книг. Это совсем грустно. Будь Вы ближе, я помог бы этому делу. Но – Изюм! Ах, Изюм так далеко! Послал Вам одну свою маленькую книжку с подобающей надписью[1] (подобающей, ибо понял, что есть лица, вполне осведомленные в Вашей корреспонденции, тем более в получаемых книгах). Но, впрочем, я, может быть, преувеличиваю: Вы пишете, что у Вас нет *моих* книг, а я делаю заключение, что у Вас вообще нет книг. Это, конечно, неправда. Но, думается, в этом я уверен, если у Вас нет моих книг, тем более, вероятно, нет новых поэтов: напр., Б. Пастернака[2]? Да? А это уж совсем грустно.

Но поговорим о более веселом. Вы рисуете портрет моей жены. И верно и не верно. Жену мою, правда, зовут Анной (вернее, Иоанной, ибо она – чешка). Но жена моя уже – старенькая (она только на 3 года моложе меня) и потому на Ваш портрет не похожа. Но есть [у меня] очень мне близкая женщина, которая на Ваш портрет очень похожа. Только ее зовут не Анна, а Айа[3].

Вы спрашиваете, как я живу. Длинно было бы это описывать, и скучно, Вам и мне самому. Но вот несколько слов. Из 24 отпущенных на сутки ⟨часов⟩ я занят почти 20. У меня разные "службы" – в Главпрофобре, где я заведую высшими художественными школами Республики (Консерватория, Академия художеств etc.), в Гос. Ученом Совете, где я член литературной секции, в "моем" Институте, т.е. в литературно-художественном институте имени В.Я.Б., где я ректор; потом я читаю лекции в этом самом Институте, в Университете, я один из редакторов Большой Энциклопедии, изданий Гос. Издательства, я пишу в разных журналах (чаще всего в "Печати и революции") разные статьи, я... Но не довольно ли перечислять? Видите, не скучаю. Вижу ежедневно сотни людей, писателей – на заседаниях, юношей – на лекциях, читаю ежедневно 2–3 часа (давняя привычка), пишу ежедневно статьи (тоже) и стихи и прозу. Последнее веселее, на это остается времени мало. Читаю корректуры своих новых книг или статей.

ГБЛ. Ф. 386, 73.12. Л. 3.

Черновик ответа на п. 32 и п. 33, одно из которых прибыло в Москву (по почт. шт. 2 мая 1924 г., а второе 22 мая. Датируется на основании того, что письмо Брюсова было получено адресатом 28 мая 1924 г.

[1] Вероятно, речь идет о книге: *Брюсов В.* Кругозор: Избранные стихи, 1893–1922. М.: Госиздат, 1922. Текст надписи Брюсова неизвестен.

[2] В отправленном тексте письма Брюсова, очевидно, были названы и другие имена новых поэтов (см. постскриптум к п. 36).

[3] Уменьшительное имя поэтессы Адалис (Аделины Ефимовны Ефрон). См. п. 19, прим. 7.

---

* На обороте листа 5.

36. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

⟨Изюм.⟩ 1924 г. 28 мая.

Милый славный Валерий Яковлевич!

Получила письмо, а книгу еще нет[1], верно, завтра придет, Вы и не подозреваете, как я Вам благодарна! Это так неожиданно и чудесно... Но как Вы заняты, как заняты! И стыдно, и страшно, зачем я полезла к Вам со своими письмами, да ведь каждый человек немного эгоист, переписка с Вами стала великой радостью моей жизни, легко ли отказаться теперь, когда Вы с такой добротой разрешили писать Вам и даже обещали изредка отвечать. Вы никуда не собираетесь на лето? У нас золотая пора. От белой акации голова кружится. За нашим садом овраг, а еще ниже темное-темное озеро с громадными вербами, там уже расцветают кувшинки, и я по вечерам, особенно если в доме гости, убегаю сюда слушать лягушачий концерт. Других в Изюме нет, ничего не поделаешь. Что касается Одессы, то мы были там в 21–22 году, т.е. позже Айи, и в театре я ни разу не была, слишком тяжелые времена переживали. Валерий Яковлевич, мне кажется, что Айя читала мои письма, ну что же поделаешь, я не имею права огорчаться... жаль только, что вам не сто лет, тогда, наверное, Вас никто бы не любил кроме меня!

В.Я., пишу Вам сегодня со специальной целью поведать свое горе. Уж хотите, – не хотите, а выслушайте. Дело в том, что за последний месяц я получила сразу 2 предложения. Одно от инженера-путейца, старого, пузатого холостяка с вечной трубкой в зубах, другое от моряка 28 лет, хорошего и милого человека.

Первому отказала сразу, а второму... вот тут и загвоздка. Я знаю, что моряк очень нравится папе и маме, что этот брак явится желанным, что я уже не маленькая, что женихов в Изюме нет, что мы уедем с ним за границу и проч., проч., проч.

Все это мне трещат подруги, все это правда, но... Я столько же люблю его, сколько фонарный столб или промелькнувшее облако. И кажется, что с замужеством уйдет из моей жизни всякая поэзия (это не про мои дурацкие стихи), а я ею только и живу! Разлетятся неясные мечтанья о чем-то светлом, и пойдет скучная, пошлая жизнь. Когда-то я не так себе все это представляла. Что Вы скажете? Я верю в Вас, как в Бога и как Богу. Сегодня моряк уехал в Киев, я под выдуманным предлогом попросила его подождать месяц до окончательного решения, а тогда... он приедет за мной. Страшно! Как-то до 20 л⟨ет⟩ я отказывала своим претендентам беззаботно, со смехом, а сейчас не то. Пора вырасти наконец. Ночью мучительно думаю и встаю с синяками под глазами. Вам это странно и дико? О, напишите мне что-нибудь об этом поскорей, в немногих словах, буду ждать, ждать, ждать...

Это так важно!

Я пишу, а сестра Лялька, на 2 года моложе меня, слышу, хохочет на балконе – "Он только что уехал, а Иринка уж за письмо взялась". Она воображает, что я моряку пишу!!!

Валерий Яковлевич, какие счастливые студенты, которых Вы учите! А если я когда-нибудь попаду в Москву, то увижу Вас? Скажите "да". Должна увидеть. Живя там, я каждый день присылала бы Вам цветы от неизвестной. Тюльпаны.

Ваша И р а.

P.S. До сих пор я не считала себя отсталой в смысле литературы и с ужасом читаю имена, совершенно неизвестные мне, перечисленных Вами авторов. Вот что значит жить два года в медвежьем углу.

Изюм. Пушкинская, 35 И.

ГБЛ. Ф. 386. 108.12. Л. 9–10. Ответ на п. 34.

Переписка Брюсова с Шевцовой продолжалась. Шевцова прислала еще 6 писем, датированных 10 июня, 25 июня, 9 июля, 30 июля, 18 августа и 12 сентября 1924 г. Из этих ее писем можно узнать, что Брюсов писал Шевцовой в июне и июле, прислал ей свою фотографию, книги (в частности, "Основы стиховедения" и "Дали"), а также свои неопубликованные стихи. Выясняются и некоторые подробности из содержания его писем. Брюсов сообщил, например, что едет летом в Алупку, отметил, что с его стороны было легкомыслием отвечать на письма Шевцовой, обещал написать стихотворение о цветах подсолнуха, которые очень любила Ира, сравнивал ее с царевной Навзикаей из "Одиссеи".

[1] См. п. 35, прим. 1.

ПЕРЕПИСКА С РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА "ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ" (1920-1923)

Вступительная статья, публикация и комментарии Т.В. Анчуговой

Журнал "Печать и революция" (1921–1930) вошел в историю советской литературы как основное критико-библиографическое издание 20-х годов. Книговедческое направление, отвечающее задачам пропаганды книги, сочеталось в нем с программой более широкого профиля: на страницах журнала печатались критические обзоры и статьи, материалы историко-литературных исследований, велись дискуссии по актуальным вопросам художественного творчества. Своеобразие его определил почти энциклопедический охват литературы по самым разнообразным отраслям знания. В состав редколлегии "Печати и революции" входили видные партийные и государственные деятели: А.В. Луначарский, Н.Л. Мещеряков, М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов; их выступления в ряде номеров способствовали формированию идеологической платформы журнала.

Во главе редакции (до 1929 г.) стоял В.П. Полонский[1], которого А.В. Луначарский назвал "настоящим мастером журналистики"[2]. Высоко ценил журналистскую деятельность Полонского А.М. Горький, отметивший его роль «организатора двух таких *превосходных* изданий, как "Печать и р(еволюция)", "Новый мир"»[3].

Работая в послеоктябрьские годы на различных участках культурного строительства, Брюсов был знаком с Полонским еще до организации "Печати и революции". Одно время (недолго) они вместе осуществляли руководство ЛИТО Наркомпроса[4], оба сотрудничали в Госиздате; Брюсов неоднократно выступал в Доме печати, организатором и председателем которого был Полонский. После смерти Брюсова Полонский сменил его на посту ректора Высшего литературно-художественного института (1925 г.).

Свое отношение к поэту, активно участвовавшему в строительстве социалистической культуры, Полонский выразил в книге "Очерки литературного движения революционной эпохи (1917–1927)", изданной в 1928 г. Один из разделов книги посвящен деятельности Брюсова в "Художественном слове" (временнике Литературного отдела Наркомпроса). Автор резюмирует: «В критической части "Художественного слова" уже были высказаны слова, наметившие потребности завтрашнего дня литературы»[5].

Высоко оцененные Полонским ориентация Брюсова на завтрашний день, его попытки "стать на точку зрения пролетариата", его "живая способность воспринять новые задания"[6] в еще большей степени реализовались в сотрудничестве с "Печатью и революцией". Начиная с первого номера и кончая последней публикацией в № 2 за 1924 г., Брюсов дал в журнал 26 своих материалов различных жанров: обзоров, статей, библиографических заметок, полемических "ответов". Примечательно, что половина из них приходится на 1923 год: так критик откликнулся на просьбу редактора – "больше уделить времени нашему журналу", "давать мне более или менее регулярные обзоры современной поэзии" (см. п. 7).

Регулярно печатавшиеся на страницах "Печати и революции" брюсовские статьи и обзоры стали заметным явлением литературной жизни начала 20-х годов. Многие из них сохраняют значение и по нынешней день, так как в них отразилась живая картина поэзии тех лет. Большое значение имела принципиальность брюсовской позиции в борьбе за отражение в искусстве современной действительности, движения вперед.

«"Новое" хлынуло в нашу жизнь целым потопом», "идет созидание новых форм жизни", "новые условия жизни вынуждают почти сознательно стать выразителем переживаний коллективных", "теперь поэтам предстоит явить новый пафос творчества" (VI, 477–478) – таков лейтмотив программной брюсовской статьи "Смысл современной поэзии", напечатанной в "Художественном слове" (№ 2) в 1921 г. Эти суждения повторялись и варьировались в брюсовских рецензиях в "Печати и революции". Каких бы литературных течений критик ни касался, о каких бы различных по величине и значению поэтах ни говорил, он неизменно четко проводил водораздел между "старым" и "новым". И более всего приветствовал *искание* новых средств выразительности, способных адекватно воплотить содержание, обусловленное новой идеологией.

При всей взыскательности и строгости эстетических оценок Брюсов был на стороне "той маленькой армии, которая творит новую поэзию", и, отмечая слабости определенной ее части, твердо заявлял: "Мы, по крайней мере, предпочитаем самые неудачные *искания* (курсив мой. – *Т.А.*) самым благополучным повторениям. Ни в политике, ни в искусстве консерватизм не приводил ни к чему хорошему"[7].

В.П. ПОЛОНСКИЙ

Фотография. 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Работа Брюсова в "Печати и революции" была своего рода подведением итогов его предшествующей многолетней деятельности как критика. Став ведущим обозревателем поэзии в журнале, он, как и в прошлом, держал в поле зрения весь поэтический "цех". Параллельно протекала его наставническая и учительская деятельность на занятиях с молодыми поэтами в поэтических студиях, на лекциях в ВЛХИ, в личных беседах, на многочисленных поэтических вечерах, проходивших под его председательством.

Особенность литературы начала 20-х годов состояла в наличии в ней множества направлений, "школ" и группировок. Нередко на афишах вечеров в зале Политехнического музея мелькали имена представителей символизма, акмеизма, футуризма, неоклассиков, имажинистов, презентистов, ничевоков, и вместе с ними выступали группы пролетарских и крестьянских поэтов. Эта пестрота и дробность литературных сил определила и своеобразие брюсовских обзоров. Их отличает охват "всех фронтов" поэзии, "пробег" по разным течениям и "школам", систематика в упоминании большого количества имен значительных и незначительных поэтов, сжатость характеристик и значение контекста.

Одно из самых главных достоинств брюсовской критики как в предреволюционные годы, так и в послеоктябрьский период – постоянное неослабное внимание к поэзии молодых, рецензирование почти всех книг дебютантов. В "Печати и революции" Брюсов сказал свое слово о многих современниках, начавших свой творческий путь в 20-е годы. Его беглые отзывы, порой сжатые до минимума, в контексте общих положений обзора приобретали важное значение. Эти выступления были направлены на поддержку молодых сил и прогрессивных тенденций в литературном процессе начала 20-х годов.

Одно из замечательных выступлений критика на страницах "Печати и революции" – его статья "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии", которой открывалась серия обзоров в юбилейном номере журнала к 5-летию Октября. В публикуемой переписке два письма отражают некоторые подробности работы над этой статьей. В частности, критик сообщает об изменении замысла: не будет, как предполагалось вначале, "*фактического* обзора за 5 лет", а будет "очерк внутренней эволюции нашей поэзии за этот период" (п. 5). Отправляя рукопись, он пишет редактору: "Вы увидите, что в нее вложен огромный труд, прежде всего по подбору материала" (п. 6).

Действительно, в статье содержится анализ богатейшего фактического материала, и на нем строятся выводы о смене течений в поэзии начала XX в. В наиболее общей форме они выражены как в заглавии статьи, так и в ее концовке: «пролетарская поэзия – наше литературное "завтра", как футуризм для периода 17–22 г.г. был литературное "сегодня", и как символизм – наше литературное "вчера"» (VI, 532). Каждому из звеньев в этой цепи посвящен специальный раздел в статье.

Так, в обзор включен, едва ли не первый в советском литературоведении, "очерк внутренней эволюции" пролетарской поэзии – от ее возникновения на заре рабочего движения до об-

разования литературного объединения "Кузница". Наблюдения за эволюцией "Кузницы" продолжены в обзоре "Среди стихов" в "Печати и революции", № 7, 1923 г. Критик, одним из первых указавший на подлинно новаторские черты, присущие "кузнецам" (выражение настроений коллективных, прославление пролетарской революции, воплощение трудового ритма), заметил остановку в развитии и ограниченность этой "литературной школы" ("единообразные приемы, одинаковые подходы к темам" – VI, 537, отвлеченность и планетарность). Важно отметить также, что Брюсов поддержал своими отзывами издание книг М. Герасимова, В. Кириллова, И. Филипченко, В. Александровского, что он распознал по первой книжке стихов самого талантливого поэта "Кузницы" В. Казина[8].

Не менее ценны не утратившие своего значения суждения Брюсова о поэтах, которых он включил в раздел, условно обозначенный "сегодня". Он обращает внимание на поэтов, способных "в той или иной степени воспринять дух революции (Маяковский, Хлебников, Асеев, Третьяков, также Пастернак и др.)" (VI, 531). Выразительны их характеристики. Например: "Стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений пятилетия: их бодрый слог и смелая речь были живительным ферментом нашей поэзии" (VI, 516–517). Современники прислушивались и к его суждениям о Б. Пастернаке. Н. Асеев, например, апеллировал к его высказыванию относительно ни с чем не сравнимого влияния Б. Пастернака на пишущую молодежь[9].

Что касается отношения к символизму, то в статье "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии" обобщены брюсовские суждения о конце этого течения, о его завершенной роли в развитии техники стиха. Однако непримиримость к "вчерашнему" литературному течению нередко отзывалась чрезмерной категоричностью в оценках его представителей. Резкость высказываний в адрес даже высокоталантливых поэтов из числа символистов и акмеистов возросла в послеоктябрьские годы. В связи с этой позицией Брюсова видный исследователь его творчества Д. Максимов заметил: «В некоторых случаях стремление Брюсова к фронтальной ревизии современной ему поэзии приводит его к явно несправедливым суждениям – например, в его отчужденно неодобрительном отзыве о Блоке и чрезвычайно резкой рецензии на "Вторую книгу" Мандельштама» (VI, 21).

"Печать и революция" явилась также трибуной выступлений Брюсова-пушкиниста. Семь раз появлялись его пушкинские статьи и библиографические заметки в журнале. Первой была статья "Пушкин и крепостное право. (К 85-летию со дня смерти)"[10]. Последней – исследование "Левизна Пушкина в рифмах" (в "Печати и революции", № 2, 1924 г.). Этой работой завершается деятельность Брюсова в журнале. Некоторые из статей, входящих в стиховедческий цикл, вызвали серьезные возражения других специалистов в этой области. Так, статья "Звукопись Пушкина"[11] послужила поводом для заметки Г. Винокура "Игра в науку"[12]. Впоследствии Г. Винокур вновь подверг критике Брюсова, обратившись к его посмертной статье "Пушкин-мастер"[13].

В архиве Брюсова сохранился черновой набросок письма в редакцию журнала "Печать и революция" (публикуется в Приложении) – ответ на выпады против его стиховедческих работ Сергея Боброва. Судя по содержанию и тону письма, инцидент с Бобровым мог осложнить отношения Брюсова с редакцией журнала. По крайней мере, он ставил вопрос решительно: "Одно из двух: или таким моим статьям не место на страницах этого журнала, или неуместны в нем заявления С. Боброва, что такие мои статьи – вздор". Можно предположить, что с этим письмом взаимосвязано последующее молчание Брюсова, которое вызвало обеспокоенность редактора. 19 мая 1924 г. ответственный секретарь редакции Я.З. Черняк[14] пишет Брюсову: "Полонский запрашивал меня о причинах, побудивших Вас воздержаться от напечатанья обзора сборников стихов, вышедших в последнее время ⟨...⟩ Окончательно ли Вы решили обзора не печатать, или лишь отложили его до следующей книги?"[15] Брюсовские материалы в журнале больше не появлялись.

В "Печати и революции" было несколько полемических выступлений писателя. Полемику он вел с М. Гофманом по вопросу текстологии пушкинских изданий ("По поводу одной критики"[16]), с Г. Шенгели – о переводах стихов Верхарна ("Ответ Георгию Шенгели"[17]). Были отклики и в "малых формах" журналистики. Например, "Post scriptum"[18], содержащий тонко разработанные возражения Б. Арватову в ответ на его статью "Контрреволюция формы"[19].

Среди материалов, представленных в журнал "Печать и революция", имеется несколько таких, которые сам критик посчитал написанными случайно. Таковы, например, рецензия на роман Б. Келлермана "9 ноября" (п. 5) и оставшийся неопубликованным библиографический обзор по филателии (п. 10). С другой стороны, известно, что Брюсову были посланы некоторые книги, соответствующие его длительным творческим интересам, но отзыва на них он не дал. Причиной тому была, видимо, чрезвычайная занятость. Не осуществились и замыслы

Брюсова поместить в журнале статью "Наука и поэзия" и обзор поэзии группы "Октябрь", которые он сам анонсировал (п. 10 и VI, 542).

На последнем этапе сотрудничества Брюсова в журнале Полонский планировал его участие в готовящейся дискуссии о формальном методе. Брюсову была послана статья Б. Эйхенбаума "Вокруг вопроса о формалистах", и в связи с этим Черняк запрашивал его в письме от 19 мая 1924 г.: "Не откажите сообщить, дадите ли Вы статью о формальном методе"[20]. Есть основания полагать, что сохранившийся в брюсовском архиве черновой набросок, начинающийся словами: "Спор формалистов и их противников..."[21], содержащий упоминание статьи Эйхенбаума, – первая попытка начать предложенную работу.

Полонский намеревался на страницах "Печати и революции" многопланово осветить творчество Брюсова. Это видно из его ответного письма Л.П. Гроссману, датированного 5 февраля 1924 г.: «К сожалению моему великому, статья о Брюсове (предложенная Гроссманом. – *Т.А.*) не может пойти, так как рухнул мой замысел дать характеристику Брюсова как поэта. Это потребовало бы несколько статей, причем центральное место должна была занять тема: "Брюсов и русская поэзия". Но автора для такой темы я не нашел. Одна же статья "Брюсов и французские символисты" – носила бы случайный характер. Очень об этом жалею...»[22].

Впоследствии журнал не раз отдавал дань памяти Брюсова. Вышедший после его смерти номер открывался статьей А.В. Луначарского "Брюсов и революция"[23]. Вплоть до 1929 г. на страницах "Печати и революции" периодически публиковались материалы, отражающие те или иные стороны деятельности писателя и критика, столь плодотворно сотрудничавшего в журнале.

Ниже публикуются 7 писем Брюсова (1922–1923), адресованных в *ПР* Полонскому и Черняку, извлеченных из собрания *ЦГАЛИ*. Ф. 1328; Оп. 1. Ед. хр. 54 (№ 6, 9); Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 219 (№ 8, 10, 11, 12); Ед. хр. 555 (№ 5); и 6 писем Полонского (включая письмо, датированное началом апреля 1920 г., характеризующее отношения Брюсова с Полонским до их сотрудничества в *ПР*) из архива Брюсова в *ГБЛ*. Ф. 386, 99, 14 (№ 1–4, 7, 13). Письма публикуются по автографам с сохранением правописания и пунктуации (№ 13 – машинопись с подписью-автографом).

В Приложении публикуется по черновому автографу письмо Брюсова по поводу рецензии С. Боброва на стиховедческие работы Г. Шенгели (*ГБЛ*. Ф. 386, 37. 22). По-видимому, письмо предназначалось для *ПР*, было ли оно отправлено, установить не удалось.

В публикацию не включены некоторые пояснительные записки Брюсова из фонда Черняка в *ЦГАЛИ* – ф. 2208 (одно письмо использовано в примечании), а также адресованные ему деловые письма и сопроводительные записки при посылке книг, корректур за подписью ответственного секретаря и секретаря редакции – *ГБЛ*. Ф. 386, 86.6 (одно письмо использовано в предисловии); 99.14 (одно письмо за подписью ответственного секретаря).

[1] Вячеслав Павлович *Полонский* (Гусин; 1896–1932) – журналист, критик, историк, редактор журналов "Печать и революция" (1921–1929), "Новый мир" (1926–1931). В 1918–1920 гг. заведовал Лит.-изд. отд. Политического управления Красной Армии. Организатор и председатель (1919–1923) Дома печати.

[2] Письмо А.В. Луначарского к В.П. Полонскому от 24 марта 1926 г. (Новый мир. 1964. № 5. С. 207).

[3] *Архив Горького*. М.: Наука, 1965. Т. 10, кн. 2. С. 98.

[4] См: *ЦГАЛИ*. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 223 – копии постановлений НКП от 22 ноября 1920 г. о назначении Брюсова заведующим ЛИТО, а Полонского его заместителем и от 29 декабря 1920 г. об освобождении Полонского от занимаемой должности согласно его заявлению.

[5] Цит. по кн.: *Полонский Вяч.* На литературные темы. М.: Сов. писатель, 1968. С. 168.

[6] Там же.

[7] *Брюсов В.* Альманах Цеха поэтов. Кн. 2. Пг., 1921. СОПО. Первый сборник стихов. М., 1921 // *ПР*. 1921. № 3. С. 271.

[8] «Из молодых сотрудников "Кузницы" особое внимание останавливает Вас. Казин ("Рабочий май", 1922 г.), поэт, обещающий много» (VI, 528).

[9] В статье «Организация речи. (Б. Пастернак. "Темы и вариации", 1923.)» Н. Асеев писал: "Как правильно отметил В. Брюсов, ни один поэт не был со времен Пушкина так внимательно воспринят всеми работающими над стихом современниками" (*ПР*. 1923. № 6. С. 73).

[10] *ПР*. 1922. № 2.

[11] *ПР*. 1923. № 2.

[12] Леф. 1923. № 2.

[13] *ПР*. 1925. № 5–6.

[14] Яков Захарович *Черняк* (1898–1955) – критик, историк литературы. В 20-е годы был ответственным секретарем *ПР*.

[15] *ГБЛ*. Ф. 386, 86. 6. Л. 10.

[16] *ПР*. 1922. № 2.

[17] *ПР*. 1923. № 6.

[18] Там же.
[19] Леф. 1923. № 1.
[20] *ГБЛ*. Ф. 386, 86. 6. Л. 10.
[21] *ГБЛ*. Ф. 386, 40. 29.
[22] *ЦГАЛИ*. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 114.
[23] *ПР*. 1924. № 6.

1. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва. Начало апреля 1920 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пильняк просил меня передать Вам его рукопись: "Погост белые камни"[1]. Я Вас никак не мог найти, был и в Гнездниковском 9 и в Государственном издательстве, а потому рукопись передал т. Росскому[2].

В рукописи не имеется одного рассказа под названием "Дом Ордыниных"[3], но я постараюсь его достать и передать или Вам или т. Росскому.

При сем прилагаю письмо Пильняка к Вам.

С уважением В. П о л о н с к и й .

Датируется на основании упоминания о письме Б.А. Пильняка от 1 апреля 1920 г. (см. наст. том, Переписка послеоктябрьских лет, п. 5). На конверте: "Валерию Яковлевичу Брюсову. Лично–срочно от В.П. Полонского".

[1] Брюсов дал положительный отзыв на рукопись Пильняка "Погост Белые камни. Рассказы" (*ВЛ*. 1965. № 5). На бланке Госиздата с отзывом написана резолюция: "Принять к изданию, но печатать не сейчас" (*ЦГАОР*. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 277. Л. 46). Издание книги Пильняка не состоялось.

[2] Александр Михайлович *Росский* (1883–?). В 1919–1920 гг. управляющий делами Литературно-художественного отдела Госиздата, ученый секретарь ЛИТО НКП (с мая по ноябрь 1920 г.). Гнездниковский, 9 – адрес ЛИТО.

[3] "Дом Ордыниных" – глава из романа "Голый год" – напечатана в "Новом мире" (Ежемесячный журнал художественной литературы, науки, искусства и публицистики. Издатель – Кооперативное из-во тов-ва "Новый мир", М., 1922. Отв. редактор Вл. Бахметьев), 1922, № 1 – под названием "Дом Орбениных" в разделе "Повести и рассказы".

2. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 22.V.1921.

Валерий Яковлевич.

Посылаю Вам:

1. Сакулина – Пушкин
2. Мореаса – Стихи
3. Львова-Рогачевского – об имажинизме[1].

Быть может, напишете о них для 2-го номера? Очень прошу Вас об этом. Если о какой-нибудь не захотите писать – сообщите мне обязательно. Экземпляр Сакулина посылаю мой личный.

Жму Вашу руку. В. П о л о н с к и й .

На бланке редактора *ПР*, исх. № 110.

[1] Речь идет о книгах: *Сакулин П.Н.* Пушкин и Радищев: Новое решение старого вопроса. М.: Альциона, 1920. На обл.: Пушкин. Историко-литературные эскизы; *Мореас Ж.* Стихи. Гомель, 1919; *Львов-Рогачевский В.Л.* Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич.: Орданс, 1921. Рецензий Брюсова на эти книги в *ПР* не было.

3. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 21.VI.1921.

Валерий Яковлевич!

Ни строки от вас, ни звука. Будут рецензии? А статья? Присылайте – второй номер кончается набором[1], первый выходит на днях. Жду с нетерпением.

Жму вашу руку. В. Полонский.

На бланке редактора *ПР*, исх. № 207.

[1] В № 2 *ПР* напечатана рецензия Брюсова на книгу М. Гершензона "Видение поэта" (М.: ГИЗ, 1919).

4. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 9.VIII.1921.

Тов. В.Я. Брюсову.

Дорогой Валерий Яковлевич

Я считаю необходимым в ближайшем номере "Печать и Революция" посвятить несколько статей Блоку. Прошу вас написать о нем, как о поэте. Статья может быть размером до 1/2 печатного листа. Надеюсь, что у вас не явится желание отказаться. Утрата для русской литературы – огромная и я не знаю никого, кроме вас, кто мог бы дать достойную оценку этому большому поэту.

Кроме вас хочу попросить А.В. Луначарского написать "Памяти Блока" и П.С. Когана "Блок и революция"[1]. Одобряете?

Срок – не позднее 25 августа.

Жму руку крепко

Ваш В. Полонский.

На бланке заместителя председателя Высшего редакционного совета начальника отдела военной литературы при Реввоенсовете республики (на правах управления).

[1] Статья П.С. Когана "Александр Блок и Революция: Памяти поэта" напечатана в *ПР*, № 2 за 1921 г. Других упомянутых в письме статей о Блоке в *ПР* не было.

5. БРЮСОВ – ПОЛОНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 23 августа 1922.

Уважаемый Вячеслав Павлович!

Обещание свое помню и, если еще не доставил Вам статьи[1], то, во-первых, потому, что опять хворал (и сейчас еще болен и "в отпуску по болезни"), а, во-вторых, потому, что написать о "нашей поэзии за 5 лет" оказалось куда хитрее, чем мне казалось. Во всяком случае, статья у Вас будет. Может быть, напишу не вполне на ту тему, какую Вы мне задали, то есть не дам *фактического* обзора за 5 лет, но зато сделаю очерк внутренней эволюции нашей поэзии за этот период. Надеюсь, на такую замену Вы согласитесь. (Конечно, в статье все же будут и имена и факты, но не "история" и не "библиография".) Что до срока, приложу все старания успеть к 29, однако, куда вернее было бы, если б Вы позволили мне промедлить *до 4-го сентября*: за этот срок я уже ручался бы.

Прилагаю одну рецензию, случайно написанную мною[2]. Если пригодна, возьмите; если у Вас уже есть отзыв об этом романе, будьте добры, при случае, *верните* мне посылаемый листок.

Также очень желал бы получить новый № "Печати и революции".

Преданный Вам Валерий Брюсов.

P.S. У меня есть еще для "Печати и Революции" *три* уже написанных статьи, которые доставлю Вам в скорости[3].

[1] Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // *ПР*. 1922. № 4(7).

[2] *Брюсов В.* Б. Келлерман. 9 ноября. Роман. Пер. С.В. Крыленко под ред. В. Фриче. М., ГИЗ. 1922 // *ПР*. 1922. № 4(7).

[3] О каких трех уже написанных статьях идет речь, сказать трудно.

6. БРЮСОВ – ПОЛОНСКОМУ

⟨Москва.⟩ 3 октября 1922.

Многоуважаемый Вячеслав Павлович!

Наконец, отсылаю Вам свою статью[1]. Если Вы перелистаете страницы рукописи, Вы увидите, что в нее вложен огромный труд, прежде всего по подбору материала. В такой кропотливой работе неизбежны разные пропуски и ошибки. Кроме того, занятый ею, я не имел времени обработать самое изложение, где, несомненно, много разных стилистических недочетов.

Поэтому **очень прошу** Вас о следующем:

Как только статья будет переписана, – а переписать ее необходимо, так как рукопись и исчеркана и неразборчива, – не откажите *прислать мне копию*. Я немедленно займусь нужными поправками и добавлениями. Спешу оговориться, что все это будут *мелочи*: вставки *слов*, самое большее – одной, двух *строк*, изменения такого же рода, *а не переделки целых абзацев*. Таким образом статья будет мною вполне исправлена к моменту, когда Вы доставите мне *корректуру*, которая, стало быть, мне **настоятельно нужна**. В корректуру я тотчас внесу все поправки из моей копии и, следовательно, не задержу корректуры дольше одного вечера[2].

Еще раз *очень и очень* прошу Вас об этом то есть о присылке копии и корректуры. Если статья слишком велика (боюсь, что так), сообщите мне: в той же копии я сделаю сокращения в тех размерах, какие Вы укажете.

Преданный Вам Валерий Б р ю с о в.

[1] См. п. 5, прим. 1.

[2] Возвращая корректуру, Брюсов писал в письме в редакцию от 16 октября 1922 г.: "...прошу извинения за многочисленные поправки и вставки. Причину этого я объяснил еще до сдачи рукописи. Во всяком случае поправки сделаны так, что *нигде* значительных переверсток делать не придется: отдельные слова и строки вставляются в текст *без* изменения остальных строк (где надо, выкинуто соответственное число букв; даже там, где поправки вызваны типографской ошибкой).

Из трех мест, видимо выкинутых редакцией, одно оставлено выкинутым, два других восстановлены, но в значительно *смягченном* виде..." (*ЦГАЛИ*. Ф. 2208. Оп. 2. Ед.хр. 219. Л. 1).

7. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 21 октября 1922 г.

Дорогой Валерий Яковлевич

С января "Печать и Революцию" я предполагаю выпускать ежемесячно[1]. Хочу поэтому просить вас больше уделить времени нашему журналу. Было бы очень хорошо, если бы вы смогли давать мне более или менее регулярные обзоры современной поэзии[2]. Помнится, у вас такое намерение было – но, к сожалению, его вам не удалось осуществить в полной мере. Жалею об этом, так как очень дорожу вашими статьями.

Буду очень рад, если вы дадите журналу еще какие-нибудь другие ваши работы, кроме обзоров поэзии[3]. Если у вас имеется что-нибудь в портфеле – передайте нашему журналу. И редакция, и читатели будут вам признательны.

Очень хочу усилить литературно-критический отдел. Ваша помощь в этом деле – необходима. Кроме того, мне было бы *интересно как-нибудь обстоятельно побеседовать с вами о нынешнем положении "Печати и Революции"* – и о его ближайших судьбах.

Найдете как-нибудь время? – черкните мне, либо позвоните – дом. № 90–90. Буду ждать.

Жму руку крепко

Ваш В. П о л о н с к и й.

На бланке редактора *ПР*.

[1] В *ПР*, № 1 за 1923 г. "от редакции" сообщалось, что журнал будет выходить ежемесячно, однако вышло за год 7 номеров. Наладить ежемесячный выпуск не удалось и впоследствии.

[2] В 1923 г. в *ПР* напечатаны четыре брюсовских обзора "Среди стихов" (№ 1, 4, 6, 7).

[3] Помимо обзоров, в других номерах опубликованы статьи Брюсова "Звукопись Пушкина" (1923, № 2), "Левизна Пушкина в рифмах" (1924, № 2), ряд рецензий, полемических заметок.

8. БРЮСОВ – ЧЕРНЯКУ

⟨Москва.⟩ 3 марта 1923 г.

Уважаемый Товарищ!

Посылаю статью о переводах Шенгели (заодно и В. Федорова)[1]. Она, сравнительно, велика, но сделать ее короче было невозможно: надо было свои слова *доказать*. А издание "*Полного* собрания поэм Верхарна" Госиздатом – дело серьезное и сказать об нем подробно *следует*.

В *понедельник* доставлю статью о новых стихах [2] и заметку о книге *Гумилева*[3]: эту последнюю, действительно, я еще не отсылал Вам, так как она нуждается в кое-каких поправках.

С уважением Валерий Брюсов.

[1] *Брюсов В.* Верхарн на прокрустовом ложе (Э. Верхарн. "Полное собрание поэм в переводах Г. Шенгели". М., ГИЗ. 1923. – Э. Верхарн. "Стихи. Перевод В. Федорова". М., ГИЗ. 1922) // *ПР*. 1923. № 3. Статья вызвала полемику. См.: *Шенгели Г.* Валерий Брюсов между двух стульев: (по поводу статьи В. Брюсова "Верхарн на прокрустовом ложе") // *ПР*. 1923. № 6; *Брюсов В.* Ответ Георгию Шенгели // *ПР*. 1923. № 6.

[2] Очередной обзор "Среди стихов". О работе над ним см. п. 10.

[3] *Брюсов В.* Суд акмеиста: Русская поэзия за семилетие, 1909–1915. (Н.С. Гумилев. "Письма о русской поэзии". Пг., 1923) // *ПР*. 1923. № 3.

9. БРЮСОВ – ПОЛОНСКОМУ

⟨Москва. 30 марта 1923.⟩

Дорогой и уважаемый Товарищ Вячеслав Павлович!

Позволяю себе рекомендовать Вашему вниманию, как редактора "Печати и Революции", *Якова Осиповича Зунделовича*[1]. Я т. Зунделовича знаю уже несколько лет, как талантливого поэта и как прекрасного профессора того Литературно-Художественного Института, где я состою ректором. Лекции т. Зунделовича по вопросам истории и теории русской поэзии, например те, которые я слушал: о Тютчеве, о Лермонтове, о Гоголе, – в высшей степени интересны и ценны. Думаю, что изложенные в форме статей, они будут хорошим приобретением для "Печати и Революции". Конечно, устное изложение и письменная обработка, нередко, – вещи разные, но мастерство т. Зунделовича, как поэта, позволяет мне верить, что и в статьях его мысли не утратят своей свежести и новизны.

С товарищеским приветом преданный Вам

Валерий Брюсов.

30 марта 1923.

[1] Яков Осипович *Зунделович* (1893–1965) – поэт, литературовед, преподаватель высших учебных заведений, автор работ по русской и польской литературе (см. посвященный его памяти сб.: "Проблемы поэтики. Ташкент: Фан, 1968). В *ПР* регулярно печатал отзывы на книги, начиная с № 5 1923 г. В том же году в *ПР*, № 7 опубликована его статья "О современной польской литературе".

10. БРЮСОВ – ЧЕРНЯКУ

⟨Москва.⟩ 3 мая ⟨19⟩23.

Уважаемый т. Черняк!

В дополнение к своему последнему обзору стихов я написал еще разбор книжки Б. Лапина[1]. Кажется, это будет наиболее содержательная часть статьи, так как затрагивает общие, принципиальные вопросы. Поэтому было бы желательно *вставить* этот разбор в статью "Среди стихов". На рукописи указано, как это сделать: разбор надо поместить *после* отзыва о П. Зайцеве, *перед* К. Липскеровым. Соответственно надо вставить заглавие книги Лапина в подзаголовок. Простите, что затрудняю Вас и редакцию, но я только случайно упустил из виду книжку Лапина, – об ней непременно надо было поговорить (в виду того, что в кругах поэтов на Лапина возлагают много надежд), и я буду весьма признателен, если Вы постараетесь включить мой разбор в посланную раньше статью.

Разбор "Каменного Гостя"[2] готов, доставлю его сам (надо его переписать). Статью "Наука и поэзия"[3] не могу доставить раньше понедельника.

С уважением Валерий Брюсов.

4 мая.

P.S. Вместо статьи, о которой я уславливался с Вами и с Вячеславом Павловичем, – о филателии и марках, я написал *обзор* новых филателистических изданий[4]. Думаю, что в такой форме это будет приемлемее для "Печати и Революции", ибо получилась статья не о художественных (или иных), а о *литературных* явлениях, то есть нечто, – прямо входящее в задачи "Печати и Революции". Теоретическая часть статьи велика, но ведь надо было принять во внимание, что большинство читателей ничего серьезного о филателии не знают.

В.Б.

[1] Борис Матвеевич *Лапин* (1905–1941) – советский писатель-прозаик, очеркист, в 20-е годы начинал как поэт. Отзыв Брюсова на его "1922-ую книгу стихов" (М., 1923) вошел в обзор "Среди стихов" (*ПР*. 1923. № 4). Отмечая "талант молодого поэта", критик резко осуждал его за стремление "ломать язык" в духе декадентов, футуристов, за то, что в его стихах "не звучит природный голос автора".

[2] Отзыв на книгу: Пушкин А.С. "Каменный Гость" (текст под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, М. 1923) включен в статью "Пушкиноведение в 1922–23 (январь–май) году" (*ПР*. 1923. № 5).

[3] 27 февраля 1923 г. в Политехническом музее Брюсов прочитал лекцию "Поэзия и наука". О намерении опубликовать статью на основе этой лекции он сообщал в рецензии на книгу Андрея Белого "Глоссалолия. Поэма о звуке" (Берлин, 1922) – *ПР*. 1923. № 3. Статья не была напечатана. Наброски текста лекции (*ГБЛ*. Ф. 386 38.10) отчасти использованы в статье "Синтетика поэзии" (Проблемы поэтики. Сб. статей под ред. В. Брюсова. М.; Л.: ЗИФ, 1925).

[4] В архиве Брюсова сохранились гранки *ПР* – оттиск статьи "Возрождение филателии (обзор периодических изданий, посвященных вопросам филателии)". (*ГБЛ*. Ф. 386. 53.28). Этот брюсовский обзор остался неопубликованным.

11. БРЮСОВ – ЧЕРНЯКУ

⟨Москва. 11 ноября 1923.⟩

Уважаемый т. Черняк!

К сожалению, я успел написать только о поэтах "Кузницы". Если Вы пришлете мне корректуру и можно будет прибавить к ней строк 30–40, я напишу вкратце еще о 3–4 книжках. Если это уже невозможно, должен буду ограничиться тем, что сделано[1].

Уважающий Вас Валерий Брюсов.

11 ноября 1923.

На конверте: «Тов. Якову Захаровичу Черняку. Редакция журнала "Печать и Революция". "Дом Печати". Никитский бульвар 8. От В.Я. Брюсова».

[1] Обзор "Среди стихов" (О поэтах "Кузницы") – *ПР*. 1923. № 7. Добавлений о других поэтах в тексте нет.

12. БРЮСОВ – ЧЕРНЯКУ

⟨Москва.⟩ 10 декабря 1923.

Уважаемый Яков Захарович!

Вчера я видел Вячеслава Павловича, и мы договорились с ним о двух вещах. Во-первых, что еще в *декабрьскую* книгу "Печати и Революции" будет включена прилагаемая при сем моя заметка[1]. Во-вторых, что "Печать и Революция" доставит мне "Дон-Жуанский список" Губера[2]. Извиняюсь, если причиняю Вам всем этим беспокойство. Что до книги Губера, то не то, чтобы мне было жаль денег купить ее самому, но решительно нет времени ее разыскать: в тех магазинах, какие мне по пути, ее нет. А что до моей заметки, то все же "Печать и Революция" в ее появлении более виновата, нежели я. Итак, извините меня и пожалуйста исполните обе просьбы. Статью мою о новой пушкинской литературе, по словам Вячеслава Павловича, придется уже назначать для январской книги: рукопись доставлю в течение недели.

Уважающий Вас Валерий Брюсов.

На конверте" «В редакцию "Печати и Революции"».

[1] "Post scriptum" к статье "Среди стихов" (*ПР*. 1923. № 7) содержит извинения и объяснения по поводу искажений в цитатах из стихов "лефовцев" в полемическом ответе Брюсова Арватову (*ПР*. 1923. № 6). Недоразумения произошли из-за типографских опечаток.

[2] Отзыв на книгу П. Губера "Дон-Жуанский список Пушкина" (Пг., 1923), вошел в брюсовский обзор новых пушкинских изданий (*ПР*. 1924. № 1).

13. ПОЛОНСКИЙ – БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 27 декабря 1923.

Дорогой Валерий Яковлевич.

С 1-го января в Москве начинает выходить ежедневная военная газета "Красная Звезда". Рассчитана она на широкие слои нашего командного и политического состава. В этой газете я заведую литературно-художественным отделом. Мне очень хотелось бы в числе сотрудников этого отдела видеть и Вас.

Если Вы возражений не имеете – известите меня. Самым приятным было бы для меня получить от Вас сразу одно-два стихотворения для ближайших номеров[1].

Жму руку крепко.

Ваш В. Полонский.

Машинопись с подписью-автографом. На бланке Председателя Высшего Военного редакционного Совета Реввоенсовета РСФСР. Исх. № 15. На конверте: «Отпр. Худ. Лит. отд. газеты "Красная Звезда"».

[1] Сотрудничество Брюсова в "Красной звезде" не состоялось.

Приложение

⟨БРЮСОВ – В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ"⟩

Ничем иным, кроме спешности и сложности работы редакции, я не могу объяснить появления на страницах "Печати и Революции" рецензии Сергея Боброва[1] о книгах Б. Томашевского и Г. Шенгели[2] по стиховедению. – Стиховедение, наука о стихе, – наука новая, которой ⟨ныне?⟩ заниматься не лишне, и которая большинству читателей журнала, конечно, незнакома. Тем ответственнее рецензии на подобную тему. Если рецензент какой-либо книги по физике или по политической экономии наговорит вздору, многие читатели, если усмотрят это, пожмут плечами и не поверят рецензенту; но, читая рецензию о книге по стиховедению, те же читатели скажут себе: "мы сами тут разобраться не можем; вот что говорит специалист, которому судить поручила редакция ува-

жаемого нами журнала; должно быть, этот специалист прав". Вот почему редакция должна быть очень осторожна, поручая рецензировать такие книги, и вот почему появление рецензии С. Боброва я считаю серьезным недосмотром.

Входить в обсуждение разных, весьма спорных, – а, вернее сказать, сомнительных, – утверждений С. Боброва, которые он выдает за признанные научные истины, я не стану. Не стану, во-первых, все потому ж, что стиховедение читателям незнакомо и что мне пришлось бы тут же разбирать довольно специальные вопросы. Не стану, во-вторых, потому что эти утверждения у С. Боброва только местами, как "редкие пловцы" на поверхности совершенно иной стихии: ⟨нрзб.⟩ сплошного моря брани. Вместо того, чтобы ознакомить читателя с вопросом, ему незнакомым, стиховедением, и показать, *почему* тот же Г. Шенгели, по его, Боброва, мнению, разрешает их неверно, – рецензент довольствуется тем, что хлещет этого Шенгели ругательными словами "и в хвост и в гриву".

"Определение ритма (у Шенгели) никуда не годится", говорит С. Бобров. Какое определение? Почему оно никуда не годится? – Да вот С. Бобров заявил, и баста! "Совершенный вздор начинается, как только Шенгели отваживается переплыть фонетику". Какой вздор? Читателю только бегло сообщили, что, например, Шенгели говорит о "фонофории". Чудовищно, а далее следуют одни ругательства: "квалифицированно надутый вздор", "сплошное дилетантство", "ровно ни на что не годится" и тому подобное. Еще дальше рецензент утверждает: "Шенгели не понимает", "Шенгели в голову не приходит" и весьма осуждающе книги Шенгели о стихосложении сравнивает с сочинениями Рейсбрека[3], который, кстати, обозван "полоумным монахом". Все это не рецензия, и все это, по терминологии самого С. Боброва, "ровно ни на что не годится". Рецензент должен познакомить читателя с книгой, указав на ее достоинства (если такие есть) и ее недостатки (обосновать последнее утверждение); а то лучше просто выписать заголовки, крикнуть "вздор" и подписаться "С. Бобров", не тратя трех столбцов на ⟨непомерную?⟩ ругань.

Попытка С. Боброва упомянуть о моих работах по стиховедению и заявить, что об них-де "у любого стиховеда не может быть двух мнений"; читай: *все* стиховеды такого же мнения, что это тоже вздор, – на это возражать С. Боброву я не намерен и только укажу, что свое "*все*" он доказывает *тремя* именами: так, мол, судили Б. Томашевский[4], Брик[5] и сам Сергей Бобров. Не совсем это "все", но не в этом дело. "Печать и Революция" неоднократно печатала мои давние обширные статьи по вопросам стихосложения. Одно из двух: или таким моим статьям не место на страницах этого журнала, или неуместны в нем заявления С. Боброва, что такие мои статьи – вздор. Совершенно очевидно, что помещать то и другое в одном журнале, – ⟨нрзб.⟩ промах редакции.

[1] Сергей Павлович *Бобров* (1889–1971) – поэт, переводчик, автор статей и книг по стиховедению. В 20-е годы сотрудничал как рецензент в *ПР*. Его рецензии нередко отличались предвзятостью суждений, безапелляционным тоном, что вызывало нарекания современников (см. неотправленное письмо Андрея Белого в редакцию *ПР*, содержащее резкий протест против рецензии С. Боброва на книгу А. Блока "Седое утро" (*ПР*. 1921. № 1) – *Ежегодник 1978*. С. 52). См. также обзор Брюсова "Среди стихов" (*ПР*. 1923. № 6), в котором содержатся замечания о недостатках "критики импрессионистической" С. Боброва.

[2] Рецензия С. Боброва на книги: *Томашевский Б.* Русское стихосложение: Метрика. Рос. ин-т истории искусств. Вопросы поэтики. Пг.: Academia, 1923. Вып. II; *Шенгели Г.* Трактат о русском стихе. 2-е изд. Пг.: ГИЗ, 1923; *Он же*. Практическое стиховедение. М.: Книгоиздательство писателей, 1923 – *ПР*. 1924. № 4.

[3] Ян ван *Рёйсбрук* (1293–1381) – нидерландский писатель и теолог, настоятель монастыря; писал трактаты, часто пользуясь ритмической прозой, стихотворными вставками.

[4] Рецензия Б. Томашевского на книгу Брюсова "Наука о стихе. Метрика и ритмика (лекции, читанные в студии стиховедения в Москве 1918 г.). Ч. 1. Частная метрика и ритмика русского языка". (М.: Альциона, 1919) – Книга и революция. 1921. № 10–11. См. также доклад Б. Томашевского в Московском лингвистическом кружке "Наукообразные" (опыты подхода к изучению ритма художественной речи) (по поводу работ Брюсова "Опыты", "Наука о стихе" и Андрея Белого "О художественной прозе") – Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422.

[5] *Брик О.* В. Брюсов. "Наука о стихе. Метрика и ритмика". М., 1919 // Пролетарская культура. 1920. № 13–14. Янв.–март. См. также: *Брюсов В.* Письмо в редакцию // Кузница. 1920. № 3.

ПАМЯТИ Д.Е. МАКСИМОВА

(1904–1987)

"В ряду литературных и вообще эстетических направлений близкого нам времени символизм – одно из наиболее духовных. Он ценен, несмотря на то, что в иные времена снижался до моды, а иногда до нигилистического эстетизма. В нашу эпоху, когда бездуховность грозит завладеть человечеством, затопить весь его кругозор, опыт символизма для нас особенно важен". Эти слова, написанные Дмитрием Евгеньевичем Максимовым незадолго до смерти[1], последовавшей 13 марта 1987 г., могли бы стать эпиграфом ко всей его многолетней научной деятельности, ибо в них заключено то, что было ее побудительной причиной и конечной целью: стремление высветлить нравственное начало искусства, проследить связь между поэзией и "позицией" художника, найти меру духовной ценности каждого эстетического явления.

Уже в начале 1920-х годов, студентом Петроградского университета, Д.Е. Максимов увлекается поэзией начала века. Этому способствовала духовная атмосфера тех лет, в которой, как вспоминал позднее Д.Е. Максимов, главенствующее место занимали стихи. "Эпоха расцветала невиданной поэзией, связанной с поэзией предшествующей и противопоставленной ей"[2]. Д.Е. Максимов называет властителей дум и вкусов того времени – Блока, Белого, Сологуба, Гумилева, Брюсова, Ахматову. Верность этим поэтам ученый сохранил до конца своих дней. Он не свернул с избранного им пути ни в 30-е, ни в 40-е годы, столь малоблагоприятные для изучения символизма; как будто не считаясь с требованиями и инвективами эпохи, он продолжал размышлять и писать о Блоке и Брюсове. Ученому приходилось проявлять немалую стойкость и мужество в борьбе за право быть самим собой и говорить о любимых поэтах так, как диктовали ему его знания, разум и совесть, а не в угоду конъюнктурным установкам и проработочным "программам".

В послевоенное время Д.Е. Максимов вел в стенах Ленинградского университета первый в стране "блоковский семинар", из которого вышли хорошо известные ныне ученые – специалисты по истории русской литературы начала XX в. В автобиографическом очерке "О себе" Д.Е. Максимов с волнением вспоминает о тех "дружественных вечерах": "В них была молодость и поэзия, и поднимающееся над нами имя!" К концу своей жизни Д.Е. Максимов получает широкое признание как один из наиболее

тонких знатоков русской поэзии "серебряного века", как авторитетнейший исследователь русского символизма.

В кругу многочисленных научных тем, к которым было приковано внимание Д.Е. Максимова, следует выделить одну, сопровождавшую его на протяжении долгих лет, – символистская журналистика. Ей было посвящено его дипломное сочинение «"Северный вестник" и символисты» (1926), впоследствии напечатанное в виде отдельной статьи[3]; с ней связаны и последующие занятия Д.Е. Максимова, посвященные прежде всего главному печатному органу московских символистов, журналу "Весы". Собирая материал для монографии о "Весах", молодой ученый обратился за помощью к Иоанне Матвеевне Брюсовой. В своем первом письме к ней (от 5 апреля 1930 г.) он благодарит вдову поэта за "любезное разрешение предоставить доступ в архив Валерия Яковлевича" и сообщает о своем скором приезде в Москву. Многочисленные письма Д.Е. Максимова к И.М. Брюсовой (их переписка длилась почти до самой смерти Иоанны Матвеевны в 1965 г.) помогают восстановить историю его основных работ, связанных с именем Брюсова[4].

В январе 1931 г. Д.Е. Максимов сообщает Иоанне Матвеевне, что его статья о "Весах", "предваряющая собой отдельную о них книгу", должна появиться в ближайшие месяцы. При содействии вдовы поэта он пытается установить отношения с еще здравствовавшими в то время участниками "Весов", прежде всего с их редактором-издателем С.А. Поляковым[5]. Законченная в 1931 г., статья о "Весах" предназначалась для одного из сборников Академии наук. Однако 28 июля 1932 г. Д.Е. Максимов известил И.М. Брюсову, что статья "не пойдет". В то же время он пытается опубликовать «Материалы к изучению "Весов"» в одном из сборников "Звенья", которые редактировал В.Д. Бонч-Бруевич.

В 1933 г. Д.Е. Максимов был выслан из Ленинграда на вольное поселение в Нарымский край сроком на три года. Авторам этих строк Д.Е. Максимов рассказывал, что эта акция была вызвана тем, что он оказался близким знакомым Р.В. Иванова-Разумника, арестованного в феврале 1933 г. по сфабрикованному обвинению в создании "идейного центра народничества". Однако вмешательство В.Д. Бонч-Бруевича способствовало скорейшему возвращению молодого ученого в Ленинград. "Позвольте Вас горячо поблагодарить за то участие, которое Вы приняли в моей судьбе, – писал Д.Е. Максимов Бонч-Бруевичу 25 июня 1934 г. – В настоящее время все неприятности, меня постигшие, улажены. Постановлением ЦИК (в начале этого года) я реабилитирован и возвращен в Ленинград. После невольного десятимесячного отдыха вновь приступаю к литературной работе". В том же письме Д.Е. Максимов спрашивает, как решился вопрос относительно его статьи о "Весах", и добавляет, что хотел бы обработать имеющиеся у него материалы по символизму не в виде "документальной" статьи, а в форме "социологического исследования"[6]. Но ни одна из его работ так и не появилась в "Звеньях".

«Последнее время символизмом я занимался оч⟨ень⟩ мало, – сообщает Д.Е. Максимов И.М. Брюсовой 5 января 1935 г. – Та работа моя о "Весах", о которой мы когда-то с Вами говорили, до сих пор еще не пошла, хотя, кажется, и принята к печати. ⟨...⟩ В настоящий же момент я приступил к большой работе уже по специальному заказу (ergo: дело беспроигрышное) на тему о расколе в символизме 1907–1909 гг. В эту статью войдут скопированные мною у Вас письма». Однако "беспроигрышное дело" также расстроилось. Единственное, что удалось Д.Е. Максимову напечатать о Брюсове в 1934–1936 гг., была небольшая рецензия на книгу "В. Брюсов. Неизданная проза" (М., 1934), подготовленную И.М. Брюсовой и И.С. Поступальским[7].

«Моя работа над Вал⟨ерием⟩ Яковл⟨евичем⟩ постоянно натыкается на препятствия, – жалуется Д.Е. Максимов Иоанне Матвеевне 21 апреля 1936 г. – Не знаю, будет ли когда-нибудь мое упорство в ней вознаграждено. Пока что оснований к этой надежде мало. Вот "Звезда", например, чуть не год маринует письма В⟨алерия⟩ Я⟨ковлевича⟩ к Перцову с моей вступительной статьей ⟨...⟩ Через месяц должен сдать статью о Вал⟨ерии⟩ Я⟨ковлеви⟩че (2 1/2 печ⟨атных⟩ л⟨иста⟩) в "Литературн⟨ую⟩ Учебу". Такого же типа, как о Блоке (ее я Вам присылал). Очень боюсь, чтобы не сказать о Вал⟨ерии⟩

Як⟨овлевиче⟩ что-нибудь Вам неприятное. Вот Любовь Дмитр⟨иевна⟩ за статью о Блоке меня чуть не прокляла»[8].

Упомянутая в письме статья для "Литературной учебы" увидела свет лишь год спустя (1937, № 5); она была озаглавлена "Поэзия Валерия Брюсова" и представляла собой ядро будущей книги того же названия, уже задуманной ученым: "Разработка творчества Брюсова – для меня большое и личное дело, к которому я еще вернусь", – писал он И.М. Брюсовой 5 ноября 1937 г. Впрочем, появление в печати его первой большой работы о Брюсове не вызвало у Д.Е. Максимова особой радости. «...Авторство свое признаю лишь отчасти, – писал он И.М. Брюсовой 15 июля 1937 г., – т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ редакция "Лит⟨ературной⟩ учебы" позволила себе 1) выкинуть около 1 1/2 печ⟨атного⟩ листа моего текста, 2) испортить отдельные места и даже 3) вставлять свои фразы. Причем: все эти правки сводились большей частью к преуменьшению той оценки Вал⟨ерия⟩ Як⟨овлевича⟩, которая была дана в моей статье». Иоанна Матвеевна, со своей стороны, также не одобрила этой статьи; в своем письме к Д.Е. Максимову (октября 1937 г.) она упрекала его в вульгарно-социологическом подходе и даже в "неискренности"[9]. Эту критику ученый воспринял болезненно. «Конечно, она очень обезображена редакцией, – пишет он И.М. Брюсовой по поводу своей статьи 20 октября 1937 г., еще до получения ее развернутого отзыва, – но все же ⟨...⟩ не стала от этого "вульгарно-марксистской". Это мое твердое убеждение, которое я готов отстаивать»[10]. Более подробно и горячо обосновывает Д.Е. Максимов тогдашнее свое отношение к Брюсову в письме от 26 ноября 1937 г., чрезвычайно важном для характеристики ученого – всегда отличавшее его стремление к научной честности, ответственности и бескомпромиссности суждений выражено здесь с предельной ясностью:

«В своих работах, – пишет Д.Е. Максимов, – я могу ошибиться, могу увлечься и допустить промахи, но неискренним я не буду никогда. Лучше совсем не заниматься литературой, чем унизиться до литературного лицемерия. И в этом отношении я отвечаю за каждое слово своей статьи о Вал⟨ерии⟩ Як⟨овлеви⟩че.

Вы правы в том, что главной моей задачей было приблизить к нам Брюсова – критика и теоретика, заставить звучать его творчество для нашей советской современности. Задача эта трудная. Многие люди огромного таланта и даже гении отделены теперь от нас громадным расстоянием, и творчество их воспринимается как живое культурное наследство лишь ограничительно. Вспомните Достоевского, Фета и ему подобных. ⟨...⟩

Всякую фальсификацию образа В⟨алери⟩я Я⟨ковлеви⟩ча, перенесение образа Брюсова-коммуниста в образ Брюсова-символиста – я считал бы неуважением к его памяти. Наша любовь к Брюсову, сознание его литературного масштаба заставляет нас говорить о нем только правду, не осуждая его, "констатировать то, что было" (Ваши слова). И правда оказывается лучшим адвокатом В⟨алери⟩я Я⟨ковлеви⟩ча, если уместно говорить об оправдании того, что в оправдании не нуждается. Подчеркивая раннее чуждое нам мировоззрение Брюсова, мы только подчеркиваем его заслугу, величие, масштаб его эволюции.

Поэтому нельзя не указать на антидемократизм культуры символизма, и в частности Брюсова. ⟨...⟩

Я хочу, чтобы Вы поняли, что я не мог не считаться с *историческим* Брюсовым – таким, каким он был. Я хочу также, чтобы Вы увидели, что вся авторская *воля* в моей статье направлена к тому, чтобы вскрыть в далеком от нас Брюсове – близкого и дорогого нам Брюсова ⟨...⟩ Для осуществления этой цели более достойным Вал⟨ери⟩я Як⟨овлевич⟩а является не стиль оды, а честная и объективная идеологическая характеристика».

Нет сомнений в том, что в 60–70-е годы Д.Е. Максимов уже не повторил бы некоторых формулировок своего письма (например, однозначных слов о "чуждости" мировоззрения Брюсова, об "ограничительном" восприятии культурного наследия XIX в. и т.п.), отозвался бы о них иронически. Однако другая особенность, проявившаяся уже в 30-е годы, – стремление не "выпрямлять" Брюсова, не замалчивать его явные противоречия, не сглаживать неровности его творческого пути – отличает и

более поздние исследования Д.Е. Максимова. Вдвойне примечательно это стремление на фоне тенденций, преобладавших в ту пору в историко-литературной науке и сводившихся к затушевыванию реальной сложности и многообразия явлений и подведению их под догматически однолинейные и безапелляционные оценки-приговоры; красноречивым воплощением этих тенденций служила книга Г. Лелевича "В.Я. Брюсов" (1926), полная притязаний на "установочность" по отношению к задачам дальнейшего осмысления творческого наследия одного из крупнейших поэтов начала XX в.

На рубеже 1937–1938 гг. выходит из печати "символистский" том "Литературного наследства" (т. 27–28) со статьей-публикацией Д.Е. Максимова «Валерий Брюсов и "Новый путь"». Выполненная на материале писем Брюсова к П.П. Перцову, эта обстоятельная работа и поныне не утратила своего значения в науке. В том же томе "Литературного наследства" предполагалось появление и другой работы Дмитрия Евгеньевича – «История "Весов"»; статья была доведена до стадии набора. «Сегодня целый день провел за чтением 2-й корректуры моей статьи о "Весах", – писал он И.М. Брюсовой 22 ноября 1937 г. – Обезобразили ее еще больше, чем "Поэзию Брюсова" в "Лит⟨ературной⟩ учебе". Думаю: не снять ли ее вовсе». По всей видимости, ученый так и сделал (и этим поступком лишний раз подтвердил характерное для него высокое понимание литературоведческого труда и профессиональной чести!).

В середине 30-х годов И.М. Брюсова и Н.С. Ашукин, приступая к подготовке многотомного издания сочинений Брюсова, предложили Д.Е. Максимову взять на себя редактирование тома статей. Выбор был сделан не случайно: критическая проза Брюсова уже тогда привлекала к себе его внимание. Именно Д.Е. Максимову принадлежит заслуга выявления и публикации ряда неизвестных брюсовских статей[11]. В письме от 8 января 1938 г. он запрашивает И.М. Брюсову о судьбе статьи Брюсова "In tyrannos", желая напечатать ее в журнале "Звезда"[12]. Однако в то время его старания не увенчались успехом. Лишь гораздо позднее реализовались и немалые усилия Д.Е. Максимова, затраченные на подготовку издания статей Брюсова, – дело, за которое ученый взялся с огромным энтузиазмом ("Этому делу я могу посвятить любое количество времени и отложить ради него все другие свои работы", – писал он И.М. Брюсовой 27 апреля 1936 г.). Наиболее достойным и полным образом его многолетний труд по освоению критической прозы Брюсова воплощен в 6-м томе Собрания сочинений в 7-ми томах (1975), открывающемся статьей Д.Е. Максимова "Брюсов-критик". Та же статья открывает 2-й том двухтомного издания "Сочинений" Брюсова, вышедшего в свет в издательстве "Художественная литература" в 1987 г. уже после кончины ученого.

На фоне постоянных срывов и препон процесс работы Д.Е. Максимова над книгой "Поэзия Валерия Брюсова" представляется относительно быстрым и безболезненным. «...Наконец, мое давнишнее желание, кажется, исполняется. Мне официально объявлено, что заявка моя на монографию "Поэзия В. Брюсова" принята и одобрена во всех инстанциях», – сообщает Д.Е. Максимов И.М. Брюсовой 3 декабря 1938 г. Весь 1939 г. ученый провел в работе над этой книгой, которую – еще до выхода ее в свет 21 мая 1940 г. – он успешно защитил в качестве кандидатской диссертации. "...Пришлось порядочно поругаться, – рассказывает он И.М. Брюсовой в письме от 23 мая. – Один из моих оппонентов, проф. Гуковский, произнес антибрюсовскую речь, на которую я реагировал довольно яростно. ⟨...⟩ Диссертация моя проходила при переполненной аудитории, в присутствии всего литер⟨атурно⟩го бомонда: интересуются, значит, Брюсовым"[13]. Присутствовавший на защите профессор П.Н. Берков, также исследователь творчества Брюсова и его глубокий знаток и почитатель, внес предложение Ученому совету – безусловно, вполне оправданное – о присуждении Дмитрию Евгеньевичу за его работу не кандидатской, а докторской степени.

Монография "Поэзия Валерия Брюсова" (Л., 1940) содержит подробный и вдумчивый разбор стихотворного наследия поэта, предпринятый впервые в нашей историко-литературной науке, – от его ранних, ярко индивидуалистических "декадентских" произведений до последних экспериментальных опытов в духе "научной поэзии". Отмечая (и несколько утрируя в духе тех лет) погруженность поэта "в недра капитали-

стической действительности" и его отход "от наследства демократического гуманизма" (с. 14), Д.Е. Максимов считал своей первоочередной задачей подчеркнуть неприятие Брюсовым "страшного мира", которому он сопротивлялся "всей человечностью своей природы, всей трезвостью своего разума и всем живущим в нем чувством красоты" (с. 59). Изживание Брюсовым символистской поэтики отнюдь не знаменует для Д.Е. Максимова нового расцвета его творчества; напротив, он констатирует, что уже в эпоху создания "Зеркала теней" (т.е. в 1909–1912 гг.) "в творческих силах Брюсова начала обнаруживаться убыль" (с. 238), а его послеоктябрьские стихи осмысляет прежде всего как "идеологический вывод" из предшествующего творчества (с. 270). Художественный критерий неизменно был основополагающим для ученого; историко-литературный анализ всегда соотносился у него с изначальной эстетической оценкой.

В книге широко использованы ценнейшие документальные материалы, впервые введенные в читательский обиход Д.Е. Максимовым. В целом для исследовательского метода ученого характерно стремление подкреплять надежной эмпирической основой свои концепции и построения; в работах о литературе начала XX в., писавшихся в те годы, этот принцип соблюдался далеко не повсеместно. Книга Д.Е. Максимова 1940 г. во многих отношениях может считаться новаторской. Она выгодно отличалась от большинства работ того времени, превозносивших Брюсова за его "преодоление" символизма и искажавших эволюцию его мировоззрения и творчества под знаком политической позиции, занятой поэтом после Октября. Д.Е. Максимов понимал и интерпретировал Брюсова глубже и проницательнее многих своих современников, однако его суждения и оценки также несли на себе печать эпохи, определенные следы воздействия вульгарно-социологической методологии и общераспространенных в ту пору "обличительных" определений. Именно поэтому в позднейшие годы Дмитрий Евгеньевич отзывался о своей первой книге о Брюсове чаще всего в скептической тональности; характерна в этом отношении надпись, которую он сделал в 1975 г., даря "Поэзию Валерия Брюсова" одному из авторов этих строк (и обыгрывая цитату из стихотворения Ф.И. Тютчева "Она сидела на полу..."): "⟨...⟩ книгу, на которую я смотрю

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело".

Но, возвращаясь в разговорах к этой теме, он всякий раз считал необходимым подчеркнуть, что "признаки времени" в книге не были – а если в чем-то и были, то не в самом главном – изначальной уступкой тогдашним "правилам игры" и редакторским требованиям, что за социологической фразеологией скрывалась значительная доля искреннего убеждения и доверия тем приемам и формам литературоведческого анализа, которые в 30-е годы были едва ли не повсеместными.

Годы войны Д.Е. Максимов провел в Иванове (1942–1943) и Казани (1944). 6 сентября 1942 г. он сообщал И.М. Брюсовой, что для ближайших Ученых записок Ивановского педагогического института (Дмитрий Евгеньевич преподавал в нем русскую литературу) собирается подготовить письма Брюсова к С.А. Венгерову и статью под названием "Заметки о стихе Брюсова" (издание тогда не состоялось). Затем переписка прерывается до конца 1945 г. 12 мая 1946 г. Д.Е. Максимов рассказывает о себе: "Я продолжаю работать над книгой о Блоке. Но и Вал⟨ерия⟩ Яковлевича не совсем забыл: недавно написал статью о метрических формах его стиха"[14]. Впрочем, в идеологической обстановке послевоенного времени, омраченной гонениями на интеллигенцию под предлогом борьбы с "безыдейностью", "упадочничеством", "формализмом", "космополитизмом" и т.д., когда под особо ожесточенный критический обстрел попадала художественная культура "серебряного века", было непросто напечатать и эту небольшую работу. «Нас, литературоведов, как Вы знаете, здорово ругают, – пишет Дмитрий Евгеньевич 5 января 1948 г. – Раз как-то и мне попало, – но пока не очень сильно. ⟨...⟩ В списке экзаменац⟨ионных⟩ билетов один отведен Брюсову, в моем столе лежит студенческая работа "О творческом методе Брюсова". В "Ученых записках" печатается моя статейка "Из предварительных наблюдений над метрическими фор-

мами в поэзии Брюсова" (ученое название – не правда ли?). Значит, пока еще живем. Живет и память Вал⟨ерия⟩ Яковл⟨евич⟩а ⟨...⟩ Желаю успехов в Ваших боях за Брюсова»[15]. Работа о метрике Брюсова, как и публикация подготовленной Д.Е. Максимовым в то же время статьи Брюсова "Что же такое Бальмонт?", была доведена уже до второй корректуры, но тем не менее в свет не вышла. 27 января 1950 г. Д.Е. Максимов с грустью сообщает И.М. Брюсовой, что "не только статья, но и все Ученые записки оказались разобранными ⟨...⟩ Теперь о печатании пока не думаю". И другое горькое признание из того же письма: "⟨...⟩ все блоковские и брюсовские темы пришлось оставить".

В последующие годы Д.Е. Максимов занимается в основном поэзией Лермонтова; этой теме посвящена его докторская диссертация (1965). Правда, в декабре 1950 г. ему удается заключить договор на книгу стихотворений Брюсова для малой серии "Библиотеки поэта". "Общая установка издания: дать не столько характерные для Брюсова стихи, сколько стихи, приемлемые для нашей современности. Художественные качества стихотворений не должны быть основным критерием отбора. В этом отношении наше издание будет отличаться от всех предыдущих", – рассказывает он с горьким юмором И.М. Брюсовой 20 февраля 1951 г. В последующих письмах Дмитрий Евгеньевич описывает перипетии своей "борьбы" с издательством по поводу состава книги, вступительной статьи и т.д. "...Что и говорить: издание Бр⟨юсо⟩ва – дело кровопролитное, – восклицает он 13 января 1952 г. – Проливается кровь и редакторов, и рецензентов, и – самое главное – самого поэта. Даже из Горького многое исключается. Что же говорить о Брюсове!" К осени 1952 г. книжка стихотворений Брюсова в "Библиотеке поэта" увидела, наконец, свет, но составитель считал это издание испорченным. «Чуть ли не за каждое стихотворение пришлось мне проливать кровь. Что стоил мне, напр⟨имер⟩, "Ассаргадон"! Но, конечно, десятки нужных стих⟨отворен⟩ий редакторы выбросили. Статью тоже порядочно поломали, – сократили на целый печ⟨атный⟩ лист».

Глубокие перемены в общественной жизни страны устранили к середине 50-х годов часть "ограничений" в отношении символизма. Уже в конце 1953 г. оказалось возможным провести в Москве юбилейные публичные чтения, связанные с 80-летием Брюсова[16]. "Очевидно, фортуна – медленно и скрипуче, – но все-таки начинает поворачиваться лицом к Вал⟨ерию⟩ Яков⟨леви⟩чу", – делится Д.Е. Максимов своими надеждами с И.М. Брюсовой 11 января 1954 г. В это время он готовит (совместно с М.И. Дикман) сборник стихотворений Брюсова, изданный в Минске в 1955 г. В Москве же выходит двухтомник "Избранных сочинений" Брюсова, подготовленный И.М. Брюсовой, Н.С. Ашукиным, А.А. Ильинским и др. Рецензентом этого издания был Д.Е. Максимов; еще в конце 1951 г. он написал о нем подробный внутренний отзыв. К 1956 г. относится замысел "Стихотворений и поэм" Брюсова для большой серии "Библиотеки поэта"; подготовленная к печати Д.Е. Максимовым и М.И. Дикман, эта книга была издана в 1961 г. 24 января 1961 г. Дмитрий Евгеньевич пишет, что книга "Стихотворений и поэм" должна быть "лучше всех остальных и по выбору текстов, и по их редактированию, и по комментариям". В том же письме (одном из последних) говорится: «А Вал⟨ерия⟩ Яковл⟨евича⟩ продолжают изучать, особенно в Армении. Григорьян скоро напечатает о нем книгу "Вал⟨ерий⟩ Брюсов и Армения"[17]. Мой аспирант в Лен⟨инградском⟩ Университете пишет диссертацию "Вал⟨ерий⟩ Брюсов советского периода"[18]. Студенты пишут о нем дипломные работы. Не так еще плохи дела!»

В новую эпоху, когда символистская тема перестает быть "полулегальной" (выражение Д.Е. Максимова), ученый переносит свое внимание в основном на творчество Блока. В 60–70-е годы им был написан ряд фундаментальных работ (о критической прозе Блока, об идее "пути" в поэтическом сознании Блока), определивших дальнейшее развитие советского блоковедения. Углубляя свою задачу, поставленную еще в 30-е годы, Д.Е. Максимов стремился выявить нравственное, "гуманистическое" начало в Блоке – человеке "страшного мира", чей путь лежал между "светом" и "мраком", "памятью" и "беспамятством", сочетал в себе движение "вперед" с движением "по кругу".

Что касается Брюсова, то многолетние усилия Д.Е. Максимова, связанные с этим поэтом, находят убедительное завершение в книге "Брюсов. Поэзия и позиция" (1969). Написанная на основе и по канве книги 1940 г., эта работа отнюдь не является ее повторением, она целиком и полностью принадлежит эпохе 60-х годов. В ней устранены догматические формулировки и характеристики, соответственно изменена и стилистика – ощутим уже тот выразительный, самостоятельный научный язык, отличающийся одновременно яркой образностью и терминологической точностью, который присущ поздним работам Д.Е. Максимова. Смещены и некоторые акценты; так, основные тенденции поэзии Брюсова даны как бы в свете человеческой индивидуальности и литературной позиции. "Личность есть причина поэзии...", – подчеркивал автор в своем кратком вступлении (с. 6). Ученый стремился к тому, чтобы приблизить свою вторую книгу о Брюсове к современному читателю, и своей задачи достиг: при всей своей относительной краткости очерк, написанный Д.Е. Максимовым, служит надежным ориентиром в проблематике творчества Брюсова, позволяет осмыслить его литературный путь в тесной связи с исторической реальностью и стадиями развития русского символизма. При повторном издании очерка в составе книги "Русские поэты начала века" (1986) Д.Е. Максимов расширил прежний текст, внес некоторые коррективы в свои оценки и характеристики, отразил сведения из новейших работ о Брюсове и из многочисленных публикаций последнего времени[19]. Этот вариант очерка является последним и итоговым словом исследователя о Брюсове. В ходе подготовки книги к печати Д.Е. Максимов не раз признавался, что новое возвращение к Брюсову и освоение введенных в научный обиход новых материалов позволили ему не только обогатить фактическую сторону своего исследования, но и увидеть в ином ракурсе ранее знакомое и даже распознать и понять те черты личности "мэтра" русского символизма, на которые он ранее не обращал достаточного внимания. Если бы судьба даровала Дмитрию Евгеньевичу более продолжительную жизнь, возможно, эти импульсы привели бы его к новой исследовательской теме, связанной с Брюсовым...

Научно-литературное наследие Д.Е. Максимова не сводится, как известно, к работам о Брюсове, Блоке, Лермонтове. Значительное место в нем занимают превосходно написанные очерки об Андрее Белом, Ахматовой, Заболоцком, Р.В. Иванове-Разумнике и др. Кроме того, Д.Е. Максимов всю жизнь писал стихи (небольшой их сборник был издан – под псевдонимом Игнатий Карамов – в 1982 г. в Лозанне). Все это отражает свойственное Д.Е. Максимову "синтетическое" восприятие культуры, при котором учитываются и полноправно сосуществуют самые далекие и разные ее аспекты. Научный метод Максимова всегда отличался многоплановостью и глубиной, стремлением к широте, к выходу за рамки исследуемой литературы, страны, эпохи. Исходя из малого (скажем, отдельного стихотворения), Д.Е. Максимов не только погружался в его истоки, но и нередко "отдалялся" от них, исследуя родственные или близкие явления. В поле зрения ученого оказывались огромные исторические и даже "космические" пласты – вся "безграничность жизни". Всегда заботясь о том, чтобы литературоведческая наука не превратилась в прикладное ремесло и не утратила своего "человеческого" содержания, Д.Е. Максимов в предсмертном автобиографическом очерке сформулировал основные положения своего "credo"; оно обращено в будущее и видится нам как своего рода духовное завещание ученого:

«Хотелось бы, – пишет Д.Е. Максимов, – чтобы наша "наука" (беру это слово в кавычки), сознавая свое индивидуальное лицо в необозримом потоке общечеловеческих знаний, вместе с тем ни при каких условиях не отделялась бы от него, от жизни вообще в особую изолированную отрасль.

Хотелось бы, чтобы она несла в себе высокие гуманистические ценности духа: истину в каждом слове, совесть, красоту, добро – в понимании виденного и в самом видении. Хотелось бы, иными словами, чтобы она была человечески направлена, содержала бы в себе действенное начало, активную волю к благу, хотя бы потенциально. Хотелось бы, чтобы в наших исследованиях, там, где это возможно, был сокращен до

минимума схематический подход и соблюдалась осторожность в идеологических оценках ⟨...⟩

Хотелось, чтобы в основе исследования лежало историческое понимание вещей – и не только "микроисторизм", связь с малым, текущим временем, исторической "злобой дня", но и "макроисторизм", влияние веков, тысячелетий, эр, духа наций в целом, вплоть до праисторизма мифологической эпохи ⟨...⟩

Хотелось бы, чтобы наша наука, мысля действительность как художественный текст, не разделяла бы в нем по существу (в анализе) содержание и форму, которые сами по себе в самой литературе единосущны – более, чем синтетичны».

К этому остается добавить, что высокая всеобъемлющая культура, к которой мысленно стремился Дмитрий Евгеньевич, изнутри пропитывала его собственную личность, творя неповторимый человеческий облик, навсегда запомнившийся его друзьям и ученикам.

К.М. Азадовский, А.В. Лавров

[1] "О себе" (автобиогр. заметка). Хранится в неразобранной части архива Д. Е. Максимова в *ГПБ* (ф. 1136).

[2] *Максимов Д.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 377–378.

[3] См.: *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Ст. и материалы. Л., 1930. С. 85–128.

[4] Письма Д.Е. Максимова к И.М. Брюсовой хранятся в фонде Брюсова в *ГБЛ* (ф. 386, 150. 73–77). Далее письма цитируются без указания архивных шифров.

[5] Связаться с С.А. Поляковым тогда было непросто, поскольку он вплоть до конца 1930 г. находился в ссылке в Ташкенте. 7 января 1931 г. И.М. Брюсова извещала Д.Е. Максимова: «Про Полякова слышала, что должен вернуться, но не дошло до меня сведение, что Поляков уже здесь. У Сергея Александровича здесь большая родня, в Москве, но все это "бывшие", так что трудно их разыскивать, я попытаюсь, думаю, что найду. На всякий случай напишите Екатерине Алексеевне Бальмонт ⟨...⟩ она тоже ему родня, ее сестра была замужем за братом С.А.» (*ГПБ*. ф. 1136. Ед. хр. 13). Сделанные Д.Е. Максимовым в те годы записи по истории "Весов" были использованы значительно позднее в работе: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и"Весы" // *ЛН*. Т. 85. С. 257–324.

[6] *ГБЛ*. Ф. 369, 268. 25. Л. 2.

[7] Рецензия напечатана в журнале "Звезда" (1935. № 2. С. 250–252). В письме к Д.Е. Максимову от 25 января 1935 г. И.М. Брюсова рассказывала историю подготовки этой книги (Неизданная проза. "Юпитер поверженный" и фрагменты других исторических рассказов / Ред. И.М. Брюсовой. Ст. И.М. Брюсовой и Игоря Поступальского): «Вспомнила, что Вы собираетесь ругать Поступальского за комментарии к "Юпитеру", но Поступальский их не составлял. Это мои комментарии и некоего Узина, имя которого по типографской ошибке, до сих пор не могу понять каким образом, отпало ⟨...⟩ я сдала большой сборник Гихлу рассказов Брюсова. Исторические составляли в нем один лишь отдел. Комментарии сделала я короткие, скромные по историческому словарю Bouillet и др. имеющ⟨имся⟩ у нас прежним источникам. Мои коммент⟨арии⟩ переданы были для проверки т. Узину, который пополнил мои ⟨...⟩ Узин остался недоволен, хотя я убедила его, что нельзя же, чтобы комм⟨ентарии⟩ были втрое больше книги. По его настоянию книга была сокращена. Утешился Узин гонораром, который успел получить, и за все комм⟨ентарии⟩ и за редакцию и даже за мои статьи» (*ГПБ*. Ф. 1136. Ед. хр. 13).

[8] Имеется в виду статья "Творческий путь А. Блока" (Лит. учеба. 1935. № 6. С. 41–78). Видимо, разделяя оценку Л.Д. Блок, Д.Е. Максимов исключил позднее эту статью, наряду с некоторыми другими своими работами тех лет, из своей юбилейной библиографии (см.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века" / Сост. Р.Е. Помирчий. Тарту. 1975. С. 7–10).

[9] Высказывая в этом письме общую благосклонную оценку статьи ("Много в ней эрудиции, много философии, должно быть, правильная марксистская установка. Многое дано так, как я мыслить не умею. Вообще, надо думать, что она благожелательна Брюсову") и сообщая свои замечания по частным вопросам и формулировкам, И.М. Брюсова заключала: "Во всей вашей статье нет четкости, нет образа большого интересного писателя, о котором потомки должны знать. А есть какой-то писатель из другого лагеря, которого мы, по разным причинам, притянули и должны как-то всеми силами и потугами принять в число достойных. Все, что в таком случае можно сделать, вы сделали, но, понятно, сделать это трудно. ⟨...⟩ Ваша статья для посвященных не нужна, для массового читателя трудна и неясна, для нас – неискренна" (*ГПБ*. Ф. 1136. Ед. хр. 13).

[10] 29 сентября 1937 г. И.М. Брюсова писала Д.Е. Максимову: «А статью Вашу я нашла, после всех редакторских исправлений, в достаточной степени, как теперь говорят, "вульгарно марксистской". Верю, что Вы не повинны в этом. Я нисколько на вас не пеняла за такое невольное писание» (Там же).

[11] В 1940 г. Д .Е. Максимов опубликовал статью Брюсова "Апология символизма", в 1956 г. – его статью "Что же такое Бальмонт?" (см. указанную выше библиографию Д.Е. Максимова, составленную Р.Е. Помирчим).

[12] Публикация не состоялась. В письме к И.М. Брюсовой от 2 апреля 1938 г. Д.Е. Максимов рассказывает: «"Звезда" устами зав⟨едующего⟩ лит⟨ературным⟩ отделом и зав⟨едующего⟩ редакцией уверила меня в том, что статьи В⟨алерия⟩ Я⟨ковлевича⟩ будут напечатаны в № 5. И вот оказалось, что ответств⟨енный⟩ редактор и, как я до сих пор думал, культурный человек Ник⟨олай⟩ Тихонов – против. Говорит, "не актуальный материал". Даже жалко этих готтентотов! Попробую связаться с другими журналами».

[13] 8 июня 1940 г. И.М. Брюсова отвечала на это письмо: "Радуюсь за Вас, за Ваши успехи. Смотрю на Вас все же как на героя. Работать над Брюсовым в наши дни неинтересно, неприбыльно. Есть какой-то рок" (*ГПБ*. Ф. 1136. Ед. хр. 14).

[14] Статья под названием "О стихе Брюсова. (Из предварительных наблюдений)" была опубликована в 1959 г. (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 198).

[15] Под "боями за Брюсова" Д.Е. Максимов прежде всего подразумевает хлопоты, связанные с подготовкой 6-томного собрания сочинений, тогда так и не увенчавшиеся успехом. 20 декабря 1950 г. И.М. Брюсова писала Д.Е. Максимову: "В Гослитиздате у меня с Брюсовым, кратко говоря, – сказка про белого бычка. ... В 35 году был намечен Брюсов в 12 томах, в каких-то годах – 6-томный был объявлен, после войны сказали, что 3-томного довольно. Ныне собран один том стихов..." (*ГПБ*. Ф. 1136. Ед. хр. 14).

[16] В связи с юбилеем Д .Е. Максимов предлагал "Литературной газете" статью о Брюсове. "Но они отнеслись к этому довольно вяло" (из письма к И.М. Брюсовой от 10 декабря 1953 г.).

[17] *Григорьян К.Н.* В.Я. Брюсов и армянская поэзия. М., 1962.

[18] К.С. Герасимов.

[19] Отзывы на эту книгу, помимо разбора ее содержания, включают и оценку всей творческой деятельности. Д.Е. Максимова. См.: *Пискунов В.* Далекое – близкое // Лит. обозрение. 1987. № 5. С. 63–65; *Азадовский К.М.* Последний труд ученого // Нева. 1987. № 11. С. 188–189; *Куприяновский П.В.* Веха в изучении поэзии начала XX века // *Рус. лит.* 1987. № 4. С. 24–219; *Магомедова Д.М.* На страже духа и культуры... (Д.Е. Максимов – исследователь русской литературы XX в.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 2. С. 186–192. См. также: *Ильюнина Л., Долматова Г.* Дмитрий Максимов // Зборник Матице српске за славистику. 1989. № 36. С. 195–207; *Ильюнина Л.А.* Создатель русской науки о символизме: (Материалы из архива Д.Е. Максимова) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. научн. трудов. Л., 1989. С. 145–166; О себе. Автобиографич. заметка Д.Е. Максимова / Опубл. Антонеллой Д'Амелия // Europa orientalis. 1989. № 8. P. 569–577. В ряду работ, посвященных Д.Е. Максимову, отметим также: *Лотман Ю.М.* Поэзия науки (К 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала века. Блоковский сб. VII (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 735). Тарту, 1886. С. 3—6; *Азадовский К.* Пропорция мрака и света. О стихах Д.Е. Максимова // Лит. обозрение. 1988. № 4. С. 108—112; *Топоров В.Н.* Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сб. [Вып.] 1. Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 13—29; *Куприяновский П.В.* Д.Е. Максимов — исследователь русской поэзии // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сб. IX. Памяти Д.Е. Максимова (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857). Тарту, 1989. С. 3—10; *Каменская В.А., Минц З.Г.* Первый блоковский (диалог-воспоминания) // Там же. С. 11—21; *Топоров В.Н.* Стихи Ивана Игнатова. Представление читателю // Там же. С. 22—43.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ссылки на Собрание сочинений В.Я. Брюсова в 7 томах (М.; Худож. лит., 1973–1975) даются в тексте с указанием лишь тома и страницы (I, 35; V, 237 и т.д).

АГ – Архив А.М. Горького при ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР.
ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва.
ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ГРМ – Государственный Русский музей, Ленинград.
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, Москва.
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград.
ЛГИА – Ленинградский государственный исторический архив.
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.
ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

Дневники – Брюсов В.Я. Дневники: 1891–1910. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.
Избр. 1955 – Брюсов В.Я. Избранные сочинения. Т. 1–2. М.: Гослитиздат, 1955.
ПП – Брюсов В.Я. Пути и перепутья: Собрание стихов. Т. I–III. М.: Скорпион, 1908–1909.
ПСС – Брюсов В.Я. Полное собрание сочинений и переводов. Т. I–IV, XII–XIII, XV, XXI. СПб.: Сирин, 1913–1914.
Письма к Перцову – Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову: 1894–1896 гг. К истории раннего символизма. М.: ГАХН, 1927.
Chdo 1 – Брюсов В.Я. Chefs d'oeuvre. Сб. стихотворений (осень 1894–весна 1895). М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895.
Chdo 2 – Брюсов В.Я. Chefs d'oeuvre. 2-е изд. с изм. и доп. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896.
MEE – Брюсов В.Я. Me eum esse: Новая книга стихов. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897.
St – Брюсов В.Я. Stephanos. Венок. Стихи 1903–1905 гг. М.: Скорпион, 1906.
TV — Брюсов В.Я. Tertia Vigilia. Книга новых стихов. 1897—1900. М.: Скорпион, 1900.
UO – Брюсов В.Я. Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 гг. М.: Скорпион, 1903.

Архив Горького – Архив А.М. Горького. М.: ГИХЛ, Наука, 1939–1976.
Ашукин – Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. Сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929.
Библиография – Библиография В.Я. Брюсова: 1884–1973. Сост. Э.С. Даниелян. Ереван: Айастан, 1976.
ВЕ – Вестник Европы.
ВЛ – Вопросы литературы.
Венгеров. Рус. лит. XX в. – Русская литература XX в. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: Мир, 1914.
Венгеров. Словарь. – Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: От начала русской образованности до наших дней. Т. 1–6. СПб., 1886–1904.
Волошин М. Лики творчества – Волошин М.А. Лики Творчества. Л.: Наука, 1988.
Волошинские чтения – Волошинские чтения: Сб. науч. тр. М.; 1981.
Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма – Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. Paris: YMCA-PRESS, 1980.
Ежегодник – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1963–1980.
ЗР – Золотое руно.
Иверень – Ремизов А.М. Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесловие и ком. О. Раевской-Хьюз. Berkeley. 1936.
ЛН – Литературное наследство.
Лит. архив – Литературный архив. Материалы и исследования. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

НП – Новый путь.

На вечерней заре. – На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. / Подготовка текста и ком. А. Д'Амелия – Europa orientalis. Vol. IV. Roma, 1985.

На вечерней заре 2 – На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подготовка текста и ком. А. Д'Амелия – Europa orientalis. Vol. VI. Roma, 1987.

ПР – Печать и революция.

Письма к Маделунгу – Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О.Маделунгу. Сост., подготовка текста, предисл. и прим. П. Альберга Енсена и П.У. Меллера. Copenhagen, 1976.

РА – Русский архив.

РВ – Русские ведомости.

РМ – Русская мысль.

Ремизов. Встречи. Петербургский буерак – Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981.

Ремизов. Избранное. М., 1978.

Рус. лит. – Русская литература.

СЦ – Северные цветы. М.: Скорпион, 1901–1911.

Тетради – Гиндин С.И. Письма из рабочих тетрадей ⟨В.Я. Брюсова⟩ // Наст. том, кн. 1. С. 555–629.

Чтения – Брюсовские чтения 1962–1983 гг. Ереван: Айастан, 1963–1985.

Чулков. Годы странствий – Чулков Г.И. Годы странствий. Из книги воспоминаний. Москва: Федерация. 1930.

Эренбург И. Собр. соч. – Эренбург И.Г. Собр. соч. в 9 т. М.: ГИХЛ, 1962–1967.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила О.Ю. Авдеева

I. ПОРТРЕТЫ БРЮСОВА

Рисунки

Брюсов. Рисунок А.М. Ремизова. 1900-е годы. ГПБ – II, 156

Брюсов. Рисунок М.А. Волошина. 1900-е годы. Карандаш. ИРЛИ – II, 267

Брюсов. Рисунок Н.Н. Сапунова. 1909 г. Частное собрание – I, вклейка

Фотографии

Брюсов. Фото. Москва, начало 1900-х годов ГЛМ – I, 557

Брюсов. Фото. Д.Здобнова. С.-Петербург, 1900-е годы. ГЛМ – I, 581

Брюсов. Фото. 1900-е годы. ГБЛ – I, 526, 605

Брюсов. Фото. 1905 г. ГЛМ – II, 109

Брюсов. Фото. П. Павлович. Москва, 1910-е годы – I, 13

Брюсов. Фото. А.Г. Элиасберга. Москва, 1910-е годы. ГБЛ – II, 461

Групповые фотографии

В,Я. и И.М. Брюсовы. Фото. 1897 г. ГБЛ – I, 399

Брюсов в кругу семьи. Фото. Москва, 1899 г. ГБЛ – I, 560

Карикатуры

Брюсов. Рисунок и текст А. Белого. 1910-е годы. ЦГАЛИ – I, 357

II. АВТОГРАФЫ БРЮСОВА

Шахматные задачи в черновых тетрадях Брюсова. 1894 г. ГБЛ – I, 621

Страницы из черновых тетрадей Брюсова. 1890-е годы – I, 575, 588, 596, 612, 640, 723

Окончание главы романа "Декаденты", планы романа и фрагменты письма к В.М. Фриче в черновой тетради Брюсова. Июнь 1895 г. ГБЛ – I, 662, 663

Пометы Брюсова на тетради стихотворений А.Е. Ноздрина. 1895 г. ГБЛ – I, 256, 261

Титульный лист неизданного сборника стихов А.Е. Ноздрина "Поэма природы". Рукой Брюсова. 1896 г. ГБЛ – I, 242

Вступительная заметка Брюсова к неизданному сборнику А.Е. Ноздрина "Поэма природы". 1896 г. ГБЛ – I, 243

Стихотворение А.Е. Ноздрина из неизданного сборника "Поэма природы". Рукой Брюсова. 1896 г. ГБЛ – I, 675

Письмо Брюсова К.Д. Бальмонту. Москва, между 15 и 28 января 1896 г. ГБЛ – I, 86

Письмо Брюсова М.В. Самыгину. Останкино, 26 июля 1897 г. ГБЛ – I, 379

Письмо Брюсова Е.И. Павловской. Москва, 4 августа 1897 г. Из черновых тетрадей Брюсова. ГБЛ – I, 758

Письмо Брюсова К.Д. Бальмонту. Москва, 17 мая 1898 г. ГБЛ – I, 94

Письмо Брюсова И.И. Ореусу. Москва, 15 марта 1899 г. ГБЛ – I, 454

Письмо Брюсова И.И. Ореусу. Москва, сентябрь 1900 г. ГБЛ – I, 510

Открытка Брюсова С.А. Полякову. Венеция, 27 мая/9 июня 1902 г. ИМЛИ – II, 57

Открытка Брюсова С.А. Полякову. Венеция, 28 мая /10 июня 1902 г. ИМЛИ – II, 58

Открытка Брюсова С.А. Полякову. Париж, 25 апреля/8 мая 1903 г. ИМЛИ – II, 77

Письмо Брюсова К.Д. Бальмонту. Москва, 18/5 апреля 1905 г. ГБЛ – I, 161

Открытка Брюсова С.А. Полякову. Lappienranta-Willmanstrand, 8 июня 1905 г. ИМЛИ – II, 105

Письмо Брюсова М.А. Волошину. Москва, 23 февраля 1906 г. ГБЛ – II, 360

Письмо Брюсова С.А. Полякову. Москва, 25 октября 1912 г. ГБЛ – II, 132

Письмо Брюсова К.Д. Бальмонту. Москва, 24 января 1918 г. ГБЛ – I, 238

III. РИСУНКИ БРЮСОВА

Новороссийск. Карандаш. 1896 г. С надписью Брюсова. ГБЛ – I, 310

И.М. Брюсова. Силуэт. Тушь. 1897 г. С пометой И.М. Брюсовой. ГЛМ – I, 385

Крымский пейзаж. 1899 г. ГБЛ – I, 704

Часть ревельского рейда. Карандаш. 18 июня 1900 г. ГЛМ – I, 504

IV. ДОКУМЕНТЫ

Афиша домашнего спектакля, в котором участвовали Брюсов и Е.А. Краскова. 9 августа 1892 г. ГЛМ – I, 615

Афиша спектакля в Московском Немецком клубе с участием Брюсова. 2 ноября 1893 г. ГБЛ – I, 615

Пригласительный билет на вечер нового искусства в Русском Охотничьем клубе с участием Брюсова. 15 февраля 1900 г. ГБЛ – I, 481

Программа юбилейного чествования Брюсова. Гравюра А.И. Кравченко. 1923 г. ГБЛ – II, 539

V. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БРЮСОВА С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ АВТОРА

П. Верлен. Романсы без слов. М., 1894. Перевод В.Я. Брюсова. Титульный лист с дарственной надписью Н.Я. Брюсовой, 20 декабря 1894 г. ГБЛ – I, 678

Chefs d'oeuvre. М., 1895. Титульный лист и авантитул с дарственной надписью А.А. Курсинскому, 13 декабря 1897 г. ГБЛ – I, 297
Tertia Vigilia. М., "Скорпион", 1900. Титульный лист; вклеенный лист со стихотворным посвящением А.А. Курсинскому, 22 июля 1899 г.; шмуцтитул с дарственной надписью, октябрь 1900 г. ГЛМ – I, 326, 327
Urbi et orbi. М., "Скорпион", 1903. Титульный лист, выполненный по рисунку Брюсова, и авантитул с дарственной надписью А.А. Курсинскому, февраль 1905 г. ГБЛ – I, 275
Στέφανος. Венок. М., "Скорпион", 1906. Титульный лист и авантитул с дарственной надписью А.А. Курсинскому, 1906 г. ГБЛ – I, 352
Земная ось. М., "Скорпион", 1907. Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью Б.А. Садовскому, январь 1907 г. ГБЛ – II, 128
Египетские ночи. шмуцтитул альманаха "стремнины" (М., 1916) с дарственной надписью Н.К. Пиксанову, июнь 1922 г. ИРЛИ – II, 558
В такие дни. М., Гос. изд-во, 1921. Авантитул с дарственной надписью Б.Л. Пастернаку, 31 декабря 1921 г. Собрание Е.Б. Пастернака, Москва – II, 535
Миг. Пб.; Берлин, Изд. З.И. Гржебина, 1922. Авантитул с дарственной надписью Б.Л. Пастернаку, 1922 г. Собрание Е.Б. Пастернака, Москва – II, 559

VI. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

Живопись, рисунок, графика

Е.А. Андреева (Бальмонт). Портрет работы М.В. Сабашниковой. 1909 г. Местонахождение портрета неизвестно. Фото портрета находится в собрании Н.К. Бруни. Москва – I, 131
Г.д'Аннунцио. Рисунок Е. Лильена. "Весы", 1901, № 9 – I, 382
А.А. Ахматова. Рисунок А.М. Ремизова. 1919–1920 гг. ГПБ. – II, 158
См. также: Г.С. Гумилев и А.А. Ахматова.
Ю.К. Балтрушайтис. Силуэт работы Е.С. Кругликовой. 1910-е годы – I, 51
К.Д. Бальмонт. Портрет работы Н.П. Ульянова. 1909 г. Третьяковская галерея, Москва – I, 213
К.Д. Бальмонт. Портрет работы Л.О. Пастернака. Акварель. Б.д. Частное собрание. Ленинград – I, 818
К.Д. Бальмонт. Силуэт работы Е.С. Кругликовой. 1915 – 1916 гг. – I, 732
К.Д. Бальмонт. Рисунок М.А. Волошина. Карандаш. Б.д. ИРЛИ – II, 253
А. Белый. Рисунок А.М. Ремизова. 1919–1920 гг. ГПБ – II, 161
О. Бердслей. Автопортрет. 1892 г. – II, 323
А.А. Блок. Рисунок А.М. Ремизова. 1921 г. ГПБ – II, 158
М.А. Волошин. Силуэт работы Е.С. Кругликовой. 1922 – 1924 гг. – I, 148
М.А. Волошин. Рисунок Б.М. Кустодиева. Карандаш. С.-Петербург, 8 мая 1924 г. ГЛМ – II, 393
П. Верлен. Автопортрет. "Весы", 1907, № 8 – I, 40
П. Верлен. Офорт А. Цорна. "Весы", 1907, № 12– I, 252
П. Верлен. Гравюра Ф. Валлотона. "Аполлон", 1910, № 6 – I, 641
Э. Верхарн. По рисунку Ф. Косси. "Весы", 1907, № 2 – I, 467
Вилье де Лиль-Адан. Гравюра Ф. Валлотона. "Весы", 1906, № 9 – I, 382
Рене Гиль в 1887 году. Рисунок. "Весы", 1904, № 12 – II, 313
Р. Гиль. Рисунок М.А. Волошина. 1910-е годы. Карандаш. ИРЛИ – II, 257
З.Н. Гиппиус. Рисунок Л.С. Бакста. Карандаш, мел, сангина. 1906 г. Третьяковская галерея – II, 81
М. Горький. Рисунок А.М. Ремизова. 1919–1920 гг. ГПБ – II, 161
Н.С. Гумилев. Портрет работы М.В. Фармаковского. Масло, холст. 1908 г. ИРЛИ – II, 401
Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова. Силуэты работы Е.С. Кругликовой. 1910-е годы. Линогравюра – II, 411
Н.С. Гумилев. Силуэт работы Е.С. Кругликовой. Линогравюра. 1910-е годы – II, 514
Ибсен. Гравюра Ф. Валлотона. "Весы", 1905, № 7 – II, 97
Вяч. Иванов. Рисунок А. Белого. 1922 г. ИРЛИ – II, 79
Н.А. Клюев. Рисунок А.М. Ремизова. 1921 г. ГПБ – II, 160
См. также: О.Э. Мандельштам и Н.А. Клюев
С. Малларме. Портрет работы Гогена. "Аполлон", 1910, № 6 – I, 659
О.Э. Мандельштам и Н.А. Клюев. Рисунок А.М. Ремизова. 1920 г. ГПБ – II, 161
С.А. Поляков. Гравюра А.Д. Гончарова. 1920-е годы. Собрание Р.Л. Щербакова, Москва – II, 7
А.М. Ремизов. Портрет работы Б.М. Кустодиева. Карандаш. 1907 г. ГЛМ – II, 173
А.М. Ремизов. Портрет работы В.Д. Милиоти. Тушь, перо. 1923 г. ЦГАЛИ – II, 218
А.М. Ремизов. Портрет работы С.В. Малютина. Тушь, перо. 1923 г. ЦГАЛИ – II, 148
С.М. Соловьев. Портрет работы Н.Н. Вышеславцева. Уголь. 1924 г. ГЛМ – II, 550
О. Уайльд. Ксилография Дж. Гекстера. "Весы", 1907, № 1 – I, 127
Н.Ф. Федоров на балконе Московского Румянцевского музея. Рисунок М.И. Шестеркина. "Весы", 1904, № 6 – II, 85
Н.П. Феофилактов. Портрет работы В.Д. Милиоти. Карандаш. 1900-е годы ЦГАЛИ – II, 331
Ф.Ф. Фидлер. Рисунок И.Е. Репина. Карандаш. 19 апреля 1893 г. ГЛМ – I, 412
И.Г. Эренбург. Портрет работы А.Федера. 1916 г. Местонахождение портрета неизвестно, репродукция картины находится в собрании И.И. Эренбург, Москва – II, 525

Фотографии

Е.А. Андреева. Фото А. Мола. Нерви, 1896 г. ГБЛ – I, 813

З.А. Бакулина. Фото Г. Кистенмахера. Москва, 1870-е годы ГБЛ – I, 736
Ю.К. Балтрушайтис. Фото. 1900-е годы. ГЛМ – II, 30
Ю.К. Балтрушайтис. Фото. 1920-е годы. Частное собрание. Москва – I, 346
В.Н. Бальмонт. Мать поэта. Фото. 1880-е годы. ЦГАЛИ – I, 101
Д.К. Бальмонт. Отец поэта. Фото. Владимир, 1890-е годы. ЦГАЛИ – I, 99
К.Д. Бальмонт. Фото. Середина 1880-х годов. ГЛМ – I, 31
К.Д. Бальмонт. Фото К. Фишера. 1891 г. ГЛМ – I, 672
К.Д. Бальмонт. Фото. 1899 г. ГБЛ – I, 49
К.Д. Бальмонт. Фото. 1912 г. Собрание Н.К. Бруни. Москва – I, 189
К.Д. Бальмонт. Фото. 1915 г. ГЛМ – I, 198
К.Д. Бальмонт. Фото. 1920-е годы. ГБЛ – I, 233
Н.К. Бальмонт (в замужестве Бруни). Фото Фр. Опитца. Москва, 1905 г. Собрание Н.К. Бруни, Москва – I, 168
Г. Бахман. Фото. Коломна, 1878 г. С пометой И.М. Брюсовой. ГЛМ – I, 122
А.Я. Билибин. Фото А. Семененко. С.-Петербург, середина 1890-х годов. ЛГИА – 452
И.Я. Билибин. Фото А. Семененко. С.-Петербург, середина 1890-х годов. ЛГИА – 499
И.М. Брюсова. Фото из альбома Б.А. Садовского. Начало 1900-х годов. ЦГАЛИ – I, 748
Н.Я. Брюсова. Фото П. Павлова. Москва, 1890-е годы. ГБЛ – I, 706
Н.Я. Брюсова. Фото С.В. Шицмана. Начало 1900-х годов. С дарственной надписью Б.М. Рунт, 18 сентября 1903 г. ГБЛ – I, 487
Э. Верхарн. Фото К. Буллы. Петербург. 1913 г. Архив кинофонофотодокументов. Ленинград – II, 259
М.А. Волошин. Фото М. Рубинчика. Керчь, 1901 г. ГБЛ – II, 252
М.А. Волошин. Фото Д. Антонопуло. Феодосия, 1903 г. ГЛМ – II, 279
М.А. Волошин. Фото. Париж. 1900-е годы. С дарственной надписью Брюсову. ИРЛИ – II, 341
М.А. Волошин. Фотоавтопортрет. Париж, весна 1905 г. ИРЛИ – II, 355
М.А. Волошин. Фотоавтопортрет. Париж, осень 1905 г. ИРЛИ – II, 357
М.А. Волошин. Фото. Петербург, январь 1908 г. ИРЛИ – II, 367
М.А. Волошин. Фото. Коктебель, 1916 г. ГЛМ – II, 386
Вл.В. Гиппиус. Фото Н. Чеснокова. С.-Петербург, 1890-е годы. ЛГИА – I, 519
З.Н. Гиппиус. Фото Фасетти с дарственной надписью Ф. Тетерникову (Сологубу), 29 марта 1895 г. ИРЛИ – II, 43
З.Н. Гиппиус. Фото. 1903 г. ИРЛИ – II, 427
М. Горький. Фото. 1901 г. Музей А.М. Горького. Москва – II, 15
А.М. Добролюбов. Фото Р. Соболева. С.-Петербург, 1890-е годы. ЛГИА – I, 434
М.А. Дурнов. Фото. Москва, 1904 г. ГЛМ – I, 109
П.С. Коган. Фото И. Курбатова. 1890-е годы ЦГИАМ – I, 293
Ив. Коневской (И.И. Ореус). Фото А. Семененко. С.-Петербург, середина 1890-х годов. ЛГИА – I, 425
А.А. Курсинский. Фото П. Павлова. Москва, 1895 г. ЦГИАМ – I, 270
Н.О. Лернер. Фото Э. Клара. Тифлис, 1901 г. С дарственной надписью Брюсову, 24 ноября 1901 г. ИМЛИ – II, 239
М.Ф. Ликиардопуло. Фото. 1910-е годы. С дарственной надписью М.А. Волошину, 18 октября 1911 г. ЦГАЛИ – II, 435
М.Л. Лозинский. Фото. 1924 г. Собрание И.В. Лозинской, Ленинград – II, 565
Н.Г. Львова. Фото. 1913 г. ГЛМ – II, 517
О. Маделунг. Фото Л. Раевского. Вологда, 1902 г. ГЛМ – II, 177
Д.Е. Максимов. Фото – II, 583
А. Мерсеро (Эсмер-Вальдор). Фото. Париж, 1905 г. ГБЛ – II, 363
А.Е. Ноздрин. Фото. Середина 1890-х годов. Собрание И.К. Гафнер, Иваново – I, 241
А.Е. Ноздрин. Фото. 1930-е годы. ГЛМ – I, 267
Н.Д. Облеухов. Фото Ю. Штейнберга. Петербург, 1897 г. С дарственной надписью Брюсову, 16 ноября 1897 г. ГЛМ – I, 305
Н.И. Петровская. Фото Фейхенвальда. Москва, 1900-е годы. ЦГАЛИ – I, 203
Н.К. Пиксанов. Фото. М.С. Напельбаума. 1927 г. ИРЛИ – II, 551
В.П. Полонский. Фото. 1920-е годы. ИМЛИ – II, 573
С.А. Поляков. Фото. Венеция, 1912 г. ГЛМ – II, 135
А.М. Ремизов. Фото. Пензенский тюремный замок, 1899 г. ЦГАЛИ – II, 138
А.М. Ремизов. Фото. Е. Хоршева. Пенза, 1900 г. ГЛМ – II, 150
А.М. Ремизов. Фото К. Буллы. С.-Петербург, 1910-е годы. Архив кинофонофотодокументов, Ленинград – II, 184
А.М. Ремизов. Фото К. Буллы. С.-Петербург, 1910-1911 гг. Архив кинофонофотодокументов, Ленинград – II, 215
С.П. Ремизова-Довгелло. Фото. 1900 г. ЦГАЛИ – II, 210
Б.М. Рунт. Фото Бенделя. 1910 г. ГЛМ – II, 107
В.Ф. Саводник. Фото. 1894 г. ЦГИАМ – I, 794
В.Ф. Саводник. Фото Фр. Опитца. Москва, 1898 г. ЦГИАМ – I, 469
Б.А. Садовской. Фото. С дарственной надписью Ю.П. Анисимову, 4 января 1912 г. ГБЛ – II, 445
П.Н. Сакулин. Фото. 1920-е годы. ИМЛИ – II, 542
М.В. Самыгин. Фото И.Ф. Курбатова. Москва, 1892 г. ЦГИАМ – I, 363
М.В. Самыгин. Фото. 1910-е годы. Собрание К.А. Марцишевской, Москва – I, 376
И. Северянин. Фото. 1920-е годы. ГЛМ – II, 545
Ф.К. Сологуб. Фото А. Пасетти. С.-Петербург, 1900-е годы. С дарственной надписью Г.И. Чулкову, 1905 г. ГЛМ – I, 710
Ф.Ф. Фидлер в своем кабинете. Фото К. Буллы. С.-Петербург. 1910-е годы. Архив кинофонофотодокументов, Ленинград – I, 416
Ф.Ф. Фидлер. Фото. 1915 г. ЦГАЛИ – I, 420
К.М. Фофанов. Фото. 1903 г. ГЛМ – I, 341
Е.К. Цветковская. Фото. 1899 г. ЦГАЛИ – I, 146

К.И. Чуковский. Фото. 1920-е годы. ИМЛИ – II, 563
В.Г. Шершеневич. Фото. 1928 г. ИМЛИ – II, 541
В.М. Шулятиков. Фото. 1900-е годы. Собрание В.И. Шулятикова, Москва – I, 409
П.Е. Щеголев. Фото. 1917 г. ИМЛИ – II, 225
Т.Л. Щепкина-Куперник. Фото. Киев, 1890-е годы. ГЛМ – I, 638
И.Г. Эренбург. Фото. Париж, 1911 г. Собрание И.И. Эренбург, Москва – II, 516
Я.И. Эрлих. Фото Б. Флакса. С.-Петербург, середина 1890-х годов. ЛГИА – I, 458

Групповые фотографии

Кнут и Мария Гамсун. Фото J. Lomo. Elverum, 1910 г. ИМЛИ – II, 61
В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Фото. 1907 г. ГЛМ – II, 264
В.А. Курников (артельщик "Весов") с женой. Фото из альбома Б.А. Садовского. 1910-е годы. ЦГАЛИ – II, 91
А.А. Курсинский в кругу семьи и друзей Л.Н. Толстого. Фото С.А. Толстой. Ясная Поляна, 1895 г. Музей Л.Н. Толстого, Москва – I, 319
А.А. Ланг (Миропольский) и А.П. Ширяева. Фото. 1895 г. ГЛМ – I, 289
И.И. Ореус (Ив. Коневской) с матерью. Фото. С.-Петербург, 1880-е годы. ГПБ – I, 439
И.И. Ореус (Ив. Коневской), А.Я. Билибин, А.Ф.Каль, И.Я. Билибин. Фото Б. Флакса. С.-Петербург, 1899 г. ГПБ – I, 462
А.М.Ремизов. Говорова, П.Е.Щеголев, Н.А.Бердяев. Фото. Вологда, 1900-е годы. ИМЛИ – II, 229
Л.Н. Толстой с А.А. Курсинским, Э. Борелем и Т.Л. Толстой на крыльце яснополянского дома. Фото С.А. Толстой. 1895 г. Музей Л.Н. Толстого. Москва – I, 285

VII. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

Письмо К.Д. Бальмонта Брюсову. Оксфорд, 31 августа 1902 г. ГБЛ – I, 138
Письмо К.Д. Бальмонта Брюсову. Мехико, 18/31 марта 1905 г. ГБЛ – I, 159
Открытка К.Д. Бальмонта Брюсову. Пасси, 18 апреля/11 мая 1909 г. ГБЛ – I, 207
Открытка К.Д. Бальмонта Брюсову. Provence, Giens (Hyères), 14/27 января 1910 г. ГБЛ – I, 216
Открытка К.Д. Бальмонта Брюсову. St.-Brévin L'Océan, 28 августа 1911 г. ГБЛ – I, 228
Открытка К.Д. Бальмонта Брюсову. Омск, 22 ноября 1915 г. ГБЛ – I, 235
Письмо М.А. Волошина Брюсову. Коктебель, 1 ноября 1903 г. ГБЛ – II, 287
Письмо М.А. Волошина Брюсову. Петербург, 1 или 2 декабря 1906 г. ГБЛ – II, 365
Открытка Н.С. Гумилева Брюсову. Египет, 6/19 октября 1908 г. ГБЛ – II, 485
Открытка Н.С. Гумилева Брюсову. Джибути, 24 декабря 1909/6 января 1910 г. ГБЛ – II, 496
Письмо А.А. Курсинского Брюсову. Ясная Поляна, 3 июня 1895 г. ГБЛ – I, 279
Письмо И.И. Ореуса Брюсову. Петербург, 18 декабря 1898 г. ГБЛ – I, 446
Письмо И.И. Ореуса Брюсову. Петербург, 21 апреля 1901 г. ГБЛ – I, 531
Письмо А.И. Ремизова Брюсову. Вологда, 29 декабря 1902 г. ГБЛ – II, 152
Письмо А.И. Ремизова Брюсову. Херсон, 25 октября 1903 г. ГБЛ – II, 168
Письмо А.И. Ремизова Брюсову. Петербург, 3 февраля 1906 г. ГБЛ – II, 196
Письмо А.И. Ремизова Брюсову. Петербург, 15 мая 1906 г. ГБЛ – II, 200.
Стихотворение А.М. Ремизова "Калечина-Малечина". 1907 г. ГБЛ – II, 202
Письмо М.В. Самыгина Брюсову. 9 января 1898 г. ГБЛ – I, 388
Письмо М.В. Самыгина Брюсову. 23 декабря 1901 г. ГБЛ – I, 406
Письмо И.Г. Эренбурга Брюсову. Париж, 13 августа 1916 г. ГБЛ – II, 533

VIII. ЖИВОПИСЬ И РИСУНКИ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА

М.А. Волошин. Крымский пейзаж. Акварель. Б.д. ГБЛ – I, 337
Ш.А. Гоффмейстер. Илья Эренбург в Ротонде. Шарж. 1915 г. – II, 529
М.В. Нестеров. На горах. Холст, масло. 1896 г. Музей русского искусства. Киев – I, 744
А.М. Ремизов. Подполье. Рисунок. Вологда, 1903 г. ЦГАЛИ – II, 141
Н.П. Феофилактов. Экслибрис С.А. Полякова. Рисунок. 1900-е годы – II, 34
Фидус (Г. Хеппенер). Эскизы обложки книги К.Д. Бальмонта "Будем как солнце". Начало 1900-х годов. ГБЛ, собрание Р.Л. Щербакова – I, 56, 58, 60

IX. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ БРЮСОВА, АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

А. Ахматова. Четки. Спб., "Гиперборей", 1914. С дарственной надписью Брюсову, 1914 г. ГБЛ – II, 505
Ю. Балтрушайтис. Земные ступени. М., "Скорпион", 1911. Титульный лист с дарственной надписью Н.Д. Эттингеру, 19 марта 1912 г. ГБЛ – II, 101
К. Бальмонт. В безбрежности. М., 1895. Обложка М.А. Дурнова и форзац с дарственной надписью Брюсову, декабрь 1895 г. ГБЛ – I, 37
К. Бальмонт. Только любовь. М., "Гриф", 1903. Обложка М.А. Дурнова и форзац с дарственной надписью Брюсову, октябрь 1903 г. ГБЛ – I, 152
К. Бальмонт. Злые чары. М., "Золотое руно", 1906. Обложка Е.Е. Лансере и титульный лист с дарственной надписью А. Белому, 5 марта 1907 г. ГБЛ – I, 171
К. Бальмонт. Песни мстителя. Париж, 1907. Титульный лист с дарственной надписью Брюсову. ГБЛ – I, 67
К. Бальмонт. Змеиные цветы. М., "Скорпион", 1910 – I, 164
К.Д. Бальмонт. Собрание лирики. Кн. 2-я.

М., Изд. В.В. Пашуканиса, 1917. Обложка Д.И. Митрохина и форзац с дарственной надписью Брюсову, 29 декабря 1916 г. ГБЛ – I, 225

Г. Бахман. Мечты и звуки. Берлин, 1897. Титульный лист и оборот форзаца с дарственной надписью Брюсову. ГБЛ – I, 796

А. Белый. Пепел. СПб., "Шиповник", 1909. Обложка и авантитул с дарственной надписью Брюсову, 16 декабря 1908 г. ГБЛ – I, 65

А. Березин (А.А. Ланг). Одинокий труд. М., 1899. Титульный лист с дарственной надписью А.А. Ланга Брюсову, 2 декабря 1899 г. ГБЛ – I, 687

М. Волошин. Иверни. М., "Творчество", 1918. Титульный лист с дарственной надписью Брюсову, 19/28 марта 1924 г. ГБЛ – II, 271

К. Гамсун. Пан. М., "Скорпион", 1901. Перевод С.А. Полякова. Титульный лист с автографом стихотворения Полякова, посвященного Брюсову, 7 августа 1899 г. ГБЛ – II, 47

С. Городецкий. Ярь. Спб., 1907. Титульный лист с дарственной надписью Брюсову. ГБЛ – II, 369

Н.С. Гумилев. Романтические цветы. Париж, 1908. Титульный лист с дарственной надписью И.Ф. Анненскому. Собрание А.К. Станюковича, Москва – II, 403

Н. Гумилев. Жемчуга. М., "Скорпион", 1910. Обложка Д.Н. Кардовского – II, 489

А. Добролюбов. Natura naturata. Спб., 1895 – I, 776

А. Добролюбов. Собрание стихов. М., "Скорпион", 1900. Титульный лист и страница с пометами А.М. Добролюбова и И.М. Брюсовой. ГБЛ – I, 476

А.Н. Емельянов-Коханский. Обнаженные нервы. М., 1895. Титульный лист с пометкой Брюсова. ГБЛ – I, 668

Вяч. Иванов. Прозрачность. М., "Скорпион", 1904. Обложка Н.П. Феофилактова с пометой Брюсова и авантитул с дарственной надписью автора Брюсову, 19 апреля 1904 г. ГБЛ – II, 21

И. Коневской. Мечты и думы. Спб., 1900. Титульный лист с пометами Брюсова и шмуцтитул с дарственной надписью Брюсову, ноябрь 1899 г. ГБЛ – I, 427

С. Кречетов. Летучий голландец. М., "Гриф", 1910. Обложка. А. Арнштама и шмуцтитул с дарственной надписью Брюсову, 24 октября 1909 г. ГБЛ – I, 183

М. Криницкий. Чающие движения воды. М., 1903. Титульный лист с дарственной надписью Брюсову, 18 июня 1903 г. ГБЛ – I, 368

А. Курсинский. Полутени. М., 1896. Обложка, титульный лист с дарственной надписью Н.Р. Таировой. Собрание Л.М. Турчинского, Москва – I, 271

А. Курсинский. Сквозь призму души. М., 1906. Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью Брюсову, 14 июня 1906 г. ГБЛ – I, 355

М.А. Лохвицкая (Жибер). Стихотворения. М., 1896. Титульный лист с дарственной надписью К.Д. Бальмонту, 27 февраля 1896 г. ГБЛ – I, 790

Молодая поэзия. Спб., 1895. Сост. П.П. и В.П. Перцовы. Титульный лист и форзац с дарственной надписью составителей Брюсову, 15 февраля 1895 г. ГБЛ – I, 651

Авенир Ноздрин. Старый парус. М., Московское т-во писателей, 1927. ГЛМ – I, 247

Памяти Ивана Ивановича Ореуса (1930–1909). Спб., 1910. ГПБ – I, 533

Борис Пастернак. Близнец в тучах. М., 1914. С дарственной надписью Брюсову, 19 марта 1914 г. Собрание Е.Б. Пастернака. Москва – II, 556

Станислав Пшибышевский. De Profundis. М., "Скорпион", 1905. Обложка Н.П. Феофилактова и форзац с дарственной надписью С.А. Полякова Брюсову, 18 ноября 1904 г. ГБЛ – II, 98

Алексей Ремизов. Посолонь. М., "Золотое руно", 1907. Титульный лист с дарственной надписью Брюсову, 9 января 1907 г. ГБЛ – II, 207

Алексей Ремизов. Пруд. Спб., "Сириус", 1908. Обложка М.В. Добужинского и титульный лист с дарственной надписью Брюсову, 10 декабря 1907 г. ГБЛ – II, 145

Алексей Ремизов. Чертов лог и полунощное солнце. Спб., "Eos", 1908. Обложка М.В. Добужинского и титульный лист с дарственной надписью Брюсову, 3 января 1908 г. ГБЛ – II, 188

Русские символисты. Вып. 1. М., 1894. Титульный лист и оборот форзаца с дарственной надписью А. Ланга Брюсову. ГБЛ – I, 686

Russische Dichterinnen ⟨Русские поэтессы⟩. Лейпциг, 1907. Сост. и переводчик Ф. Фидлер. Титульный лист с дарственной надписью переводчика Брюсову, 14 декабря 1907 г. ГБЛ – I, 413

Северные цветы на 1902 год. М., "Скорпион". Обложка К.А. Сомова – I, 117

Северные цветы. М., "Скорпион". 1903. Обложка. Гравюра О. Вениуса, рамка Л.С. Бакста, текст М.А. Волошина – II, 68

Цветник Ор. Кошница первая. 1907. Обложка М.В. Добужинского – II, 442

Шелли. Полное собрание сочинений. Т. 1 и 2. Перевод К.Д. Бальмонта. Спб., "Знание", 1904. Титульные листы с дарственными надписями переводчика Брюсову, январь 1903 г.; декабрь 1903 г. ГБЛ – I, 786, 787

Эллис. Русские символисты. М., "Мусагет", 1910. С дарственной надписью Брюсову, 23 июня 1910 г. Собрание Л.М. Турчинского, Москва – II, 375

И. Эренбург. Стихи о канунах. 1916. Обложка М. Воробьевой-Стебельской и литография Д. Риверы, наклеенная Эренбургом на авантитул. С дарственной надписью Брюсову, 1916 г. ГБЛ – II, 520

X. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Обложки, заставки, рисунки, иллюстрации

"Весы"

Виньетка по рисунку М.А. Волошина. 1904, № 2 – II, 301

Виньетки по рисункам Н.П. Феофилактова. 1904, № 2 – II, 320

Заставка М.А. Волошина к статье К.Д. Бальмонта. 1904, № 3 – I, 157
Виньетка по рисунку М.А. Волошина. 1904, № 3 – II, 301
Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко. 1904, № 3 – II, 289
Виньетки по рисункам О. Редона. 1904. № 4 – II, 329, 337
Виньетка по рисунку Д.И. Митрохина. 1904, № 6 – II, 359
Заставка по рисунку Ш. Лакоста. 1904, № 7 – II, 294
В горах. Рисунок М.А. Волошина. 1904, № 8 – II, 347
Виньетка по рисунку Н.Н. Сапунова. 1904, № 8 – I, 501
Виньетка по рисунку М.А. Волошина. 1904, № 9 – II, 333
Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко. 1904, № 9 – II, 289
Виньетки по рисункам японских художников. 1904, № 10 – II, 310
Обложка по рисунку А.Г. Якимченко. 1904, № 12 – II, 90
L'Insaisissable. Офорт М.В. Якунчиковой. 1905, № 1 – II, 346
Обложка по рисунку В.Я. Борисова-Мусатова. 1905, № 2 – II, 104
Виньетка по рисунку В.Э. Борисова-Мусатова. 1905, № 2 – II, 71
Виньетка по рисунку Н.П. Феофилактова. 1905, № 2 – II, 103
Проект обложки для журнала "Весы". Рисунок Н.П. Феофилактова. 1905, № 5 – II, 306
Заставка Е. Надельмана. 1905, № 6 – I, 165
Виньетка по рисунку А.Г. Якимченко. 1905, № 7 – II, 93
Рисунок Н.К. Рериха. 1905, № 8 – II, 73
Виньетки по рисункам А.А. Арапова. 1905, № 9 – I, 178; II, 108
Проект обложки "Северных цветов". По рисунку Л.С. Бакста. 1906, № 2 – II, 68
Заставка. 1906, № 3 – I, 741
Дьяволы потешаются надо мной. Рисунок Дж. Энсора. 1906, № 5 – II, 471
Виньетка по рисунку Э. Каррьера. 1907, № 1 – II, 295
Виньетка по рисунку П. Синьяка. 1907, № 1 – II, 385
Виньетка по рисунку К.А. Сомова. 1907, № 1 – II, 51
Ночь. Рисунок Н.В. Зарецкого. 1907, № 7 – II, 112
Виньетка по рисунку Ф. Кристофа. 1907, № 7 – II, 483
Хромолитография К.А. Сомова для фронтисписа книги К.Д. Бальмонта "Жар-птица". 1907, № 9 – I, 176
Гроза. Рисунок Н.П. Крымова. 1908, № 12 – II, 121
Венецианские сумерки. Рисунок А. Мартини. 1909, № 4 – II, 53
Обложка по рисунку Н.П. Феофилактова. 1909, № 12 – II, 126
Осень. Рисунок Н.П. Феофилактова. 1909, № 12 – II, 118

"Золотое руно"

У лисы бал. Рисунок М.В. Добужинского к книге А.М. Ремизова "Посолонь". 1907, № 11–12 – II, 211
Рисунок И.Я. Билибина к стихотворению К.Д. Бальмонта "Октябрь" 1907, № 11–12 – I, 71

"Сириус"

Титульный лист (№ 1) и обложка (№ 2). 1907 – II, 420
Заставка к стихам Н.С. Гумилева по рисунку М.В. Фармаковского. 1907, № 2 – II, 425

XI. МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СКОРПИОН"

Издательская марка "Скорпиона". По рисунку Н.П. Феофилактова – II, 9
Каталог книгоиздательства "Скорпион". 1907. Обложка по рисунку С.Ю. Судейкина – II, 11
Каталог книгоиздательства "Скорпион". Титульный лист. 1911 – II, 13
Реквизиты книгоиздательства "Скорпион". Фрагменты – II, 86
Русский и французский варианты реквизитов журнала "Весы" на почтовой бумаге – II, 123

XII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Дом, где родился Брюсов. Москва. Милютинский пер. (ныне ул. Мархлевского), д. 14. Фото. 1980-е годы. – I, 567
Дом, где Брюсов жил в раннем детстве. Москва. Яузский бульвар, д. 10. Фото. 1970-е годы. – I, 571
Дом, где жил Брюсов. Москва. 1-я Мещанская ул., д. 32 (ныне ул. Мира, 30). Фото. 1960-е годы. – I, 218
Мемориальный кабинет Брюсова. Фото. Москва. 1960-е годы. ГЛМ – I, 19
Дом семьи Бальмонта. Шуя. Малая Соборная ул. (ныне ул. Садовая). Фото. 1967 г. ЦГАЛИ – I, 88
Париж. Улица Башни. Дом, где К.Д. Бальмонт с семьей жил в 1909–1916-х годах. Собрание Н.К. Бруни, Москва – I, 195
Могила К.Д. Бальмонта и Е.К. Цветковской-Бальмонт. Нуази де Гранд. Фото. 1960-е годы. Собрание Н.К. Бруни, Москва – I, 78
Дом М.А. Волошина в Коктебеле. Вид с моря. Фото М.А. Волошина. 1910–1911 гг. ИРЛИ – II, 389
Стена кабинета А.М. Ремизова, названного им "Обезьяньей палатой". С.-Петербург. Фото К. Буллы. 1910–1911 гг. Архив кинофонофотодокументов, Ленинград – II, 192
Москва. Славянский базар. Открытка. 1900-е годы. ГЛМ – II, 42

XIII. РАЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Метрическое свидетельство о рождении К.Д.Бальмонта. Выдано 4 сентября 1896 г. ЦГАЛИ – I, 82
Афиша литературно-музыкального вечера, посвященного 25-летию поэтической деятельности К.Д. Бальмонта. 1912 г. ГБЛ – I, 232

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Составила Ю.П. Благоволина

А. Б. – см. Богданович А.И.
А. Д. – см. Добролюбов А.М.
А. З., псевд. критика "Звезды" – I, 686, 690
А. К., – псевд. Курсинского А.А. – I, 277, 294
А. Л. Т. – см. Толстая А.Л.
А. М. Д. – см. Добролюбов А.М.
А. П., псевд. сотр. ж. "Жизнь" – II, 26
А. С., псевд. перев. Пшибышевского Ст. – II, 153
А. Э. – см. Элиасберг А.С.
А. Я-ко – см. Якимченко А.Г.
Абади Поль – II, 280
Абрамович (Кадмин) Николай Яковлевич – I, 374; II, 497
Аввакум, протопоп – II, 146, 149
Август Гай Октавий – I, 8, 162, 163, 328, 403, 404, 715, 731; II, 417
Авдеева О.Ю. – см. Ускова О.Ю.
Авербах Леопольд Леонидович – II, 565
Аверченко Аркадий Тимофеевич – II, 504
Аврелий, псевд. Брюсова В.Я. – I, 116, 119, 449, 483; II, 83, 95, 111, 327, 328, 330, 368, 374, 383, 408, 414, 444
Аврелий Антонин Марк – см. Каракалла С.Б.
Авсеенко Василий Григорьевич – I, 689
Авсоний (Авзоний) Децим Марк – II, 236, 267, 377
Аґриков Николай Дмитриевич – I, 143.
Агриппа Неттесгеймский Генрих Корнелий – I, 326
Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна – II, 394–398, 538, 556, 570, 571
Адан Поль – I, 468, 492; II, 296
Адрианов Сергей Александрович – II, 501
Азадовский Константин Маркович – I, 81, 147, 411, 418, 419, 441, 459, 470; II, 24, 115, 191, 192, 205, 233, 251, 281, 300, 319, 336, 348, 359, 383, 407, 428, 591
Азов Вл. (Ашкенази Владимир Александрович) – II, 249
Айа – см. Адалис А.Е.
Айхенвальд Юлий Исаевич (псевд. Ю. А-ъ) – I, 389; II, 43, 500
Аксаков Александр Николаевич – I, 389
Аксаков Иван Сергеевич – I, 113, 405
Аксаков Сергей Тимофеевич – II, 233
Аксенов Митрофан Семенович – I, 389
Александр – подпись под текстом телеграммы, написанной рукой Брюсова В.Я. – I, 826
Александр II, российский имп. – II, 396
Александр III, российский имп. – I, 186, II, 104
Александр Александрович – см. Ланг А.А.
Александр Васильевич, лицо неуст. – II, 22
Александр Македонский – I, 516, 716; II, 266, 376
Александр-ский, псевд. Койранского А.А. (?) – II, 89, 318, 319
Александра Васильевна – см. Гольштейн А.В.
Александров, домовладелец (Москва) – II, 32, 39
Александров Анатолий Александрович – I, 339, 631
Александрович Ю. (Потеряхин Александр Николаевич) – II, 483, 484
Александровский Василий Дмитриевич – II, 574
Алексеев Евгений Иванович – II, 310, 311
Алексеев Илья – I, 312, 315
Алексеев Михаил Павлович – I, 303, 419; II, 222
Алексей I Комнин, византийский имп. – II, 475
Алексей Михайлович, русский царь – I, 479
Алексей Петрович, русский царевич, сын Петра I – II, 66
Али – см. Эфрос Н.Е.
Алкей – II, 247
Алкивиад – II, 475
Альберг Енсен Петер – II, 177
Альберт Великий – II, 372
Альмендинген Георгий Александрович – II, 514
Альталена – см. Жаботинский В.Е.
Альтенберг Петер(?) – II, 68, 70, 72
Альтман Моисей Семенович – II, 278
Альфиери Витторио – I, 454
Амари – см. Цетлин М.О.
Амен-Готеп (Аменхотеп) IV, египетский фараон – I, 226, 227
Амичис Э. Де – см. Де Амичис Э.
Амфитеатров Александр Валентинович (псевд. Old Gentlman) – I, 180, 185, 186, 211, 374, 442, 489, 655, 690, 693; II, 38, 94, 276, 352
Ангарский (Клестов) Николай Семенович – II, 535, 549
Англада-и-Камараза Эрменхильдо – II, 130, 131, 345, 348
Андерсен Ганс Христиан – I, 49
Анджелико фра Джованни да Фьезоле (Беато Анджелико) – II, 62, 416, 419, 508
Андре Альбер – II, 296
Андреев, псевд. Чернышевского Н.Г. – I, 477
Андреев Леонид Николаевич – I, 5, 62, 66, 134, 186, 200, 272, 370, 406; II, 15, 75, 90, 91, 137–140, 217, 219, 221, 486, 504
Андреев Юрий Андреевич – II, 147
Андреева А.А. – см. Полякова А.А.
Андреева Е.А. – см. Бальмонт Е.А.
Андреева М.А. – см. Волконская М.А.
Андреева Т.А. – см. Бергенгрин Т.А.
Андреевич (Соловьев) Евгений Андреевич – I, 403
Андреевский Сергей Аркадьевич – I, 115, 116, 308, 342; II, 150, 252, 253, 272
Андреевы, семья Андреевой-Бальмонт Е.А. – I, 82
Андрусон Леонид Иванович – II, 10, 178
Андрусон С. – II, 178
Андруссен Николай Васильевич – I, 617, 619
Анисимов Юлиан Павлович – II, 445
Аничков Евгений Васильевич – II, 238, 244, 364, 368
Аничков Е.И. – см. Ореус Е.И.
Анна Матвеевна – см. Брюсова И.М.
Анна Рудольфовна – см. Минцлова А.Р.

Анненков Павел Васильевич – I, 475, 477, 734, 735, 747
Анненкова-Бернард (в замуж. Дружинина) Нина Павловна – I, 145, 147
Анненский (псевд. Кривич) Валентин Иннокентьевич – II, 402, 403, 413, 419, 420, 424, 457, 478, 484, 489
Анненский Иннокентий Федорович – I, 30, 64, 81, 444, 648; II, 403, 409, 413, 414, 439, 457, 487, 488–491, 494, 495, 509, 522
Аннунцио Габриеле – см. Д'Аннунцио Г.
Антонелло да Мессина – I, 609, 751
Антоний Марк – I, 6, 186, 327, 328, 712, 715
Антонины, римская имп. династия – II, 267, 377
Антоновский Ю.М., перев. Ницше Ф. – II, 483
Антонопуло Д., фотограф (Феодосия) – II, 279
Антуан Андре – I, 62
Анучин Дмитрий Николаевич – I, 231
Анчугова Татьяна Васильевна – I, 80; II, 572
Аня – см. Ахматова А.А.
Апетян Заруи Апетовна – I, 611
Аполлинер Гийом (Костровицкий Гийом Альбер Владимир Александр Аполлинарий) – II, 457, 518, 523
Аппий Клавдий – I, 282
Апухтин Алексей Николаевич – I, 97
Ар. Ар., имя, под которым шла корреспонденция Брюсову В.Я. до востребования в Гельсингфорс – II, 106, 189
Арапов Анатолий Афанасьевич – I, 178; II, 108
Арбузов Николай Александрович – II, 47
Арбузов Сергей Петрович – I, 293, 294
Арбушевская Любовь Юлиановна – II, 27
Арватов Борис Игнатьевич – II, 536, 574
Ардов Т. – см. Тардов В.Г.
Аренс (в замуж. Гаккель) Вера Евгеньевна – II, 454, 480, 484
Арина Родионовна – см. Яковлева А.Р.
Аристей – I, 696
Аристотель – I, 513; II, 472, 473
Аркос (Арко) Жан Рене – I, 206, 210; II, 256, 362, 380, 381, 419
Армянские, домовладельцы (Москва) – I, 182
Арнаут Даниель – I, 665
Арнольд Мэтью – I, 293, 294
Арнштам Александр Мартынович – I, 183
Арс. (Ростиславов (?) Александр Александрович) – II, 276
Арс. Г. – см. Гурлянд И.Я.
Арсений Г. – см. Гурлянд И.Я.
Артамонов Михаил Дмитриевич – I, 250
Архангельский Александр Григорьевич – II, 405, 409, 501
Архангельский Александр Семенович – I, 520
Архиппов Евгений Яковлевич – II, 276
Арцыбашев Михаил Петрович – I, 370, 375; II, 474, 475, 549
Асвагоша – см. Ашвагхоша
Асеев Николай Николаевич – II, 538, 574, 575
Асканий – см. Билибин А.Я.
Ассаргадон – I, 171, 172, 339, 518, 787, 795, 797; II, 16, 266
Ассур Бани Пал – см. Ашшурбанипал
Ауслендер Сергей Абрамович – I, 277; II, 208, 409, 486, 491, 492, 497
Ауслендер С.Е. – см. Нельдихен С.Е.
Ахматова (рожд. Горенко, в замуж. Гумилева) Анна Андреевна – II, 158, 243, 396, 400, 402, 405, 407–411, 413, 429, 431–433, 435, 454, 468, 473, 494, 497–499, 501, 503–505, 508, 511–513, 518, 524, 527, 543, 583, 589, 591
Афонин Леонид Николаевич – II, 221
Ахэн-Атэп – см. Амэн-Готеп
Ачарья Шри Шанкара – I, 11
Ашвагхоша – I, 286
Ашешов Николай Петрович – I, 434
Ашукин Николай Сергеевич – I, 214, 275, 332, 335, 461, 463, 515, 608, 609, 625, 631, 646, 647, 660, 679, 680, 767, 774; II, 111, 118, 120, 226, 277, 407, 586, 588
Ашшурбанипал – I, 505, 506

Б., псевд. сотр. "Московской газеты" – II, 277
Б. – см. Бахман Г.Г.
Б-н В. – см. Брусянин В.В.
Бабореко Александр Кузьмич – I, 815
Бабурин Михаил Евдокимович – I, 617, 618
Багницкий Дарий Викентьевич (псевд. Рич) – II, 334, 352
Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич – II, 407
Баев Иван Козьмич – I, 219; II, 131
Баженов Николай Александрович – I, 222; II, 46, 129, 130
Байков Александр Александрович – II, 395, 398
Байрон Джордж Гордон Ноэль – I, 90, 91, 96, 97, 131, 294, 304, 314, 470, 531; II, 544
Бакст Лев Самойлович – II, 65–68, 81, 94–96, 309, 486, 491
Бакулина Зоя Александровна – I, 15, 18, 28, 556, 573, 574, 577, 593, 618, 735–738, 741–743, 792, 793, 828
Бакулина М.А. – см. Брюсова М.А.
Балагин Александр Самойлович – I, 374
Балашов Василий Степанович – I, 110, 345, 471, 482
Балашов Иван Григорьевич – II, 9
Балашов Николай Иванович – II, 383
Балтрушайтец Ю.К. – см. Балтрушайтис Ю.К.
Балтрушайтис (рожд. Оловянишникова) Мария Ивановна – I, 113, 135, 344, 345; II, 6, 22, 99, 100, 331
Балтрушайтис Юргис Казимирович – I, 18, 23, 48, 49, 51, 54, 57, 58, 64, 71, 110–113, 120, 121, 124, 134–136, 139, 152, 153, 168, 172, 173, 191, 193, 196, 215, 236, 239, 344–346, 405, 408, 423, 424, 437, 444, 478, 483, 487, 488, 506, 509–511, 516, 528, 530, 532, 595, 611, 738, 834; II, 6, 8, 9, 11, 18, 19, 21–23, 26, 28–30, 32–34, 36, 37, 39–42, 44, 46, 48–51, 54–59, 65, 68, 71, 74, 80, 83, 86, 88, 90, 91, 101, 113, 125, 127, 138, 167, 201, 219, 220, 275, 284, 286, 288, 313, 331, 336, 345, 364, 431, 439, 484
Балтрушайтис Юргис Юргисович – II, 88, 331
Бальзак Оноре де – II, 284, 285
Бальмонт (рожд. Лебедева) Вера Николаевна – I, 83, 84, 101, 124; II, 319
Бальмонт Дмитрий Константинович – I, 83, 99
Бальмонт (рожд. Андреева) Екатерина Алексеевна – I, 43, 46, 48, 56, 66, 76, 81, 82, 96, 97, 110, 114, 118, 120–122, 124, 131, 134, 140, 144, 151, 153, 155, 171, 172, 175, 177, 180, 190, 192, 195–197, 200, 202, 210, 229, 231, 236, 237, 239, 760, 813, 815, 816, 821; II, 6, 100–106, 251, 253, 255, 283, 319, 338, 339, 590

Бальмонт Ел.К. – см. Цветковская Е.К.
Бальмонт Константин Дмитриевич – I, 6–23, 25, 26, 30–239, 247, 248, 252, 255–257, 264, 269, 271–273, 278, 280, 283–292, 294, 302, 305–307, 314, 316–319, 323, 325–330, 333, 334, 338–348, 350, 353, 355, 360, 361, 364, 365, 375–377, 386, 392, 394, 400, 401, 403, 405, 408, 412–415, 417, 423, 424, 426, 428, 435–438, 441, 443, 444, 450–452, 455, 461, 465, 466, 470–472, 481–484, 488–491, 493, 497, 498, 506, 509–511, 515, 516, 518, 520–522, 526, 527, 530–532, 536, 553, 556, 559, 563, 568, 574–577, 581–586, 590, 591, 594, 595, 597, 599, 601, 604, 607, 608, 619, 623, 628, 635–637, 646–648, 650, 651, 653, 655, 661, 664, 665, 671–674, 676, 680, 684, 686, 688, 691–693, 697–700, 703–709, 711–713, 716–718, 721, 722, 724, 725, 727–729, 732–735, 740, 741, 745–748, 750–757, 759–775, 781, 783, 784, 786–795, 797, 800, 809–821, 823, 824, 827, 828; II, 5–7, 11, 13, 15, 16, 19, 20, 22, 26, 28, 29, 31–37, 39, 42, 48–50, 52, 55, 56, 58–61, 63, 64, 67, 69, 71, 75, 78, 80, 83, 84, 86, 88, 89, 94, 97, 101, 102, 105, 106, 123, 129, 134, 140, 150, 165, 169, 170, 172, 174–179, 185, 189, 195, 197, 204, 206, 209, 218, 221, 228–232, 251, 253–256, 266–268, 272, 273, 275, 276, 280, 281, 283, 288, 308, 309, 312, 313, 319, 320, 325, 328, 332, 338–340, 342, 345, 353, 358, 361, 364, 372–374, 385–388, 390, 392, 400, 403, 406–409, 414, 416, 423, 424, 427, 430, 431, 447, 474, 500, 510, 516, 518, 521, 524, 531, 537, 540, 541, 543, 553, 554, 567, 568, 588, 590
Бальмонт (рожд. Гарелина) Лариса Михайловна – I, 43, 83
Бальмонт Михаил Дмитриевич – I, 236
Бальмонт Николай Константинович – I, 239
Бальмонт Н.К. – см. Бруни Н.К.
Бальмонты, семья – II, 474
Банвиль Теодор де – I, 643
Баранов, литератор – II, 487
Баранцевич Казимир Станиславович – I, 664, 666
Баратынский Евгений Абрамович – I, 17, 20, 89, 96, 97, 105, 107, 126, 167, 338, 366, 375, 377, 402, 403, 405, 431, 438, 473–477, 484, 489, 509, 511–513, 517, 518, 520, 528, 536, 537, 650, 713, 717, 727–729, 731, 738, 753, 754, 761, 763, 789–791, 796; II, 13, 33, 47, 150, 399
Баратынский Николай Евгеньевич – I, 477
Барбэ (Барбе) д'Оревильи Жюль Амеде – I, 208, 209; II, 87
Баретт И. – I, 330
Бари, домовладелец (Москва) – I, 377
Бариш Ф. – I, 792
Барклай де Толли Михаил Богданович – I, 316, 317
Барнай Людвиг – I, 21, 327, 328, 717, 733
Баррес Морис – II, 378, 380
Барсуков Александр Платонович – II, 230, 231
Барсуков Николай Платонович – II, 230, 231
Бартенев Петр Иванович – I, 57, 118, 332, 350, 404, 405, 409, 410, 463, 501, 507, 515, 789, 790, 794; II, 38, 64, 75, 224, 226, 235, 325, 331, 558
Бартенев Юрий Петрович – I, 23, 54, 113, 350, 404–410, 481, 482, 487, 506, 824; II, 31, 41, 43, 44, 84, 87, 188
Бартольди Фредерик-Огюст – II, 380
Баскер Майкл – II, 408
Баталин Иван Андреевич – I, 330
Батищев Генрих Степанович – I, 807
Баттифоль Луи – II, 322, 323
Батюшков Константин Николаевич – I, 316, 317
Батюшков Федор Дмитриевич – I, 741; II, 274
Баулер Анна – см. Гольштейн А.В.
Бауман Николай Эрнестович – I, 66
Бахман Георг Георгиевич – I, 14, 23, 48, 51, 54, 58, 90, 110–113, 122–124, 136, 156, 185–187, 190, 191, 209, 270, 340, 345, 423, 424, 426, 448, 449, 452–455, 463, 469, 470, 481, 489, 490, 505, 506, 516, 601, 611, 781, 791, 796, 816, 819, 824; II, 8, 33, 325
Бахман Ольга Михайловна – I, 48, 113, 122, 124, 191, 449, 796, 798
Бахметьев Владимир Матвеевич – II, 576
Бахтин (псевд. Нович, Провинциальный библиограф) Николай Николаевич – I, 134, 559, 564, 570, 609, 625–627, 634, 683, 684, 691, 692, 828
Бачинский Алексей Иосифович – II, 99, 365
Башилов Александр Александрович – II, 241
Баязет (Баязид) I Молниеносный, тур. султан – I, 819, 821
Бевер ван А. – см.: Ван Бевер А.
Бегас Болеслав – II, 187
Беда Достопочтенный – II, 372
Бедж В. – I, 215
Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) – I, 375; II, 565
Бедный Лелиан – см. Верлен П.
Безобразов Павел Владимирович – II, 475
Безобразова Елизавета Ивановна – II, 286
Безродный Михаил Владимирович – II, 149
Бедье Жак де – II, 523
Бекетов Платон Петрович – II, 558
Беклемишева В.Е. – см. Копельман В.Е.
Бёклин Арнольд – I, 431, 452, 453, 464, 495; II, 15
Бёкс Жозеф Анри – см. Рони (старший)
Бёкс Серафен Жюстен Франсуа – см. Рони (младший)
Бекю Август – I, 191
Беликов Павел Федорович – II, 457
Белинский Виссарион Григорьевич – I, 156, 473, 474; II, 150, 236, 536
Белинский Максим – см. Ясинский И.И.
Беллини, семья итал. живописцев – II, 97
Белов Е. (Броунд Наум Семенович) – II, 428, 464
Белов Сергей Владимирович – II, 397
Белозеров, домовладелец (Царское Село) – II, 432
Белоусов Иван Алексеевич – I, 483; II, 26, 35
Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) – I, 5, 12, 14, 16, 18, 21, 23, 25, 26, 29, 30, 57, 62–65, 70, 72, 75, 118, 141, 158, 166–169, 171, 186, 188, 192, 193, 199–201, 219, 221, 222, 239, 273, 277, 347, 354, 355, 357, 374, 437, 438, 442, 444, 459, 528, 631; II, 7, 13, 20, 22, 23, 28, 44, 45, 50, 54, 63, 65, 66, 79, 83, 88–90, 95, 98–102, 105, 106, 112, 116, 120, 122, 125–127, 129, 134, 137, 146, 148, 151, 161, 165, 172, 184, 185, 188, 194, 195, 198, 201, 204–206, 208, 209, 219–221, 234–240, 251, 252, 254, 268, 270, 272, 273, 275, 276, 278, 279, 285, 288, 308, 313, 318, 331–333, 335, 345, 353, 362, 364, 374, 383, 392, 396, 398–400, 402, 404, 408, 410, 419, 422, 423, 426–428, 430, 440, 451, 457, 460, 462, 470, 472, 473, 476, 477, 486, 490, 492, 500, 501, 543, 546, 556, 560, 580, 582, 583, 589
Бельтов Н. – см. Плеханов Г.В.
Беляшевский Николай Федотович – II, 186, 187

Бёме Якоб – I, 191
Бемер, нем. художник – II, 94
Бенар Поль – II, 280
Бендель Эмиль Сигурдович – II, 107
Бенедиктов Владимир Григорьевич – I, 321, 322, 788; II, 386, 387
Бенович, домовладелец (Херсон) – II, 160, 163, 166, 167
Бенуа Александр Николаевич – II, 291, 421, 422, 486, 504
Бер Борис Владимирович – I, 486
Берберова Нина Николаевна – II, 484
Бергенгрин Ф.К. – II, 22
Бергенгрюн (Бергенгрин; рожд. Андреева) Татьяна Алексеевна – II, 6, 22, 318, 319
Бердслей (Бердсли) Обри Винсент – II, 322–324
Бердяев Николай Александрович – II, 137, 138, 151, 154, 176, 178, 181, 183, 185, 220, 227, 229
Бердяева (рожд. Рапп) Лидия Юдифовна (Иудовна) – II, 183
Березин Александр, псевд. Ланга А.А. – I, 345, 673; II, 140, 151
Березин Илья Николаевич – II, 44, 45
Бержера Эмиль – II, 379
Бери Жан де, герцог – II, 27
Берков Валерий Павлович – II, 175
Берков Павел Наумович – II, 586
Бернар Эмиль – II, 330
Бернардацци Джованни – I, 315
Бернардацци Иосиф – I, 315
Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри – II, 244
Бернер Николай Федорович – II, 511
Бернштейн Арнольд Иосифович – I, 315
Берришон Патерн – I, 490; II, 31
Берто Жюль – II, 334
Бертран де Борн – I, 665
Бескин Осип Мартынович – II, 498
Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович – I, 90; II, 219, 221
Бестужев Вл. – см. Гиппиус Вл.В.
Бетховен Людвиг ван – II, 418
Бидшоф Фридрих – II, 22
Билибин Александр Яковлевич – I, 440, 444, 451, 452, 461, 462, 464, 466, 479, 486, 495, 503, 507, 520, 521, 540, 543, 545, 547, 549
Билибин Иван Яковлевич – I, 71, 200, 432, 444, 451, 461, 462, 466, 479, 489, 492, 495, 498–500, 507, 517, 519, 523–525, 527, 535, 540, 543, 549
Билибин Яков Иванович – I, 507
Бильфельд Якоб Фридрих де, барон – I, 772
Биндасова Вера Петровна – I, 14, 15, 18, 28, 556, 572, 616–618, 627, 628, 825, 828
Бинкерман И. – II, 249
Блаватская Елена Петровна – I, 767
Благоволина Юлия Павловна – I, 11, 249, 607, 608, 712, 786
Благонравов Вячеслав Николаевич – I, 647, 648
Блейк (Блэк) Уильям – I, 130, 131, 151, 181; II, 12
Блок Александр Александрович – I, 5, 6, 29, 30, 57, 66, 70, 71, 75, 82, 167, 168, 186, 192, 193, 206, 217, 277, 355, 411, 438–442, 444, 445, 459, 528; II, 7, 13, 20, 23, 24, 44, 63, 108, 110, 112, 118, 134, 137, 145, 146, 148, 149, 158, 172, 201, 205, 206, 208, 216, 219, 220, 252, 266, 267, 275, 276, 333, 334, 364, 367, 368, 372, 390, 400, 404, 409, 412, 431–434, 447, 451, 469, 480, 482, 486, 492, 500, 501, 504, 508–511, 514–516, 518, 522, 524, 543, 546, 547, 574, 577, 582–585, 587–591
Блок Александра Александровна – см. Кублицкая-Пиоттух А.А.
Блок Ж. – I, 291
Блок (рожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна – I, 193; II, 585, 590
Блэк У. – см. Блейк У.
Блюменберг Агнесса Францевна – II, 48
Боборыкин Петр Дмитриевич – I, 27, 264, 265, 664, 666; II, 9, 22
Бобров Павел Петрович – I, 563, 620, 621, 828
Бобров Сергей Павлович – I, 439, 445, 621; II, 492, 556, 574, 575, 582, 583
Богаевский Константин Федорович – II, 334, 398
Богат Евгений Михайлович – II, 511
Богданов (Малиновский) Александр Александрович – II, 137, 227
Богданов Федор Андреевич – I, 90
Богданова, лицо неуст. – II, 474, 475
Богданович (псевд. А.Б.) Ангел Иванович – I, 138, 139, 686, 690; II, 10, 58, 151, 154
Боголепов Николай Павлович – I, 55
Богомолов Николай Алексеевич – II, 251, 283, 372, 411
Богословская М.П. – I, 716
Богуславский Марк Моисеевич – I, 644
Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич – II, 233
Боделэр – см. Бодлер Ш.
Бодлей Томас – I, 129
Бодлер Шарль – I, 21, 32, 37, 42, 50, 64, 89, 90, 129, 185, 192, 199, 252, 255, 257, 269, 375, 482, 635–637, 656, 658, 660, 668, 674, 676, 686, 689, 693, 707, 795, 819, 821; II, 12, 25, 97, 163, 164, 237, 255, 316, 332, 403, 418
Божерянов Александр Иванович – II, 428, 477
Бокль Генри Томас – I, 376, 377
Больтрушайтец – см. Балтрушайтис Ю.К.
Бомарше Пьер Огюстен Карон де – I, 271
Бонифаций VIII, папа римский – I, 139
Боннар Пьер – II, 257, 258, 274, 291, 296, 317, 323
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич – II, 28, 584
Борейша Г.Л. – I, 535
Борель Жак – I, 614
Борель Эдуард – I, 285, 319
Борис Годунов – I, 33
Борисов Я. – I, 268
Борисов-Мусатов Виктор Ельпидифорович – II, 71, 104, 273, 318, 319
Борн Бертран де – см. Бертран де Борн
Боровиковский Владимир Лукич – I, 123
Боровой Алексей Алексеевич – II, 437
Боровская Надежда Павловна – II, 452
Бородаевская (рожд. Князева) Маргарита Андреевна – II, 499
Бородаевский Валериан Валерианович – II, 219
Бороздин Александр Корнилиевич (Корнилович) – II, 152, 224, 227, 228
Боря – см. Белый Андрей
Ботель Ж. – см. Борель Ж.
Ботичелли Сандро – I, 219, 334, 335, 740, 741, 747; II, 62, 97, 527
Боцяновский Владимир Феофилович – I, 615
Бочковская Тамара Яковлевна – I, 11
Бошо Адольф – II, 308

Боэмонд (Боэмунд I), князь Тарентский – II, 474, 475
Браиловский Александр Яковлевич – I, 320, 321, 704, 706
Братенши А.М. – см. Метнер А.М.
Братенши Е.М. – см. Метнер Е.М.
Браун, владелец кн. магазина – I, 109, 110
Браун Федор Александрович – I, 233
Брейгель Питер – I, 70, 177
Бремон Анри – I, 322, 326
Брик Осип Максимович – II, 402, 582
Брио Борис Петрович – I, 274
Брокгауз Фридрих Арнольд – I, 533; II, 223, 239, 244, 246, 250, 383, 544–546
Бронин А., псевд. Брюсова В.Я. – I, 634, 655, 690, 692, 699
Бронь Т.И. – I, 626
Бругнолус – I, 393
Брунеллески Умберто – II, 343
Бруни Николай Александрович – II, 513
Бруни (рожд. Бальмонт) Нина Константиновна – I, 11, 78, 80, 118, 131, 168, 169, 172, 175, 189, 195, 210; II, 319
Брусянин Василий Васильевич – II, 189
Брюк Олаф – II, 175
Брюммель (Бреммель) Джордж – II, 475
Брюнетье Фердинанд – I, 307, 688
Брюсов Александр Яковлевич – I, 305, 336, 344, 751; II, 131, 134, 430, 534
Брюсов Козьма Андреевич – I, 305, 336
Брюсов Яков Кузьмич – I, 113, 192, 305, 315, 316, 318, 319, 322, 323, 335, 336, 342, 355, 421, 560, 562, 563, 627, 628, 667, 702–704, 711, 729, 736, 737, 747, 751, 828; II, 8, 52, 77, 354, 355, 392, 397, 428–430, 465, 466, 468
Брюсова (в замуж. Калюжная) Евгения Яковлевна – I, 305, 335, 336, 344, 661, 707, 728, 729, 738, 749–751
Брюсова (в замуж. Михайлова) Елизавета Кузьминична – I, 736
Брюсова (рожд. Рунт) Иоанна Матвеевна – I, 11, 15, 21, 43, 45, 46, 73, 93, 98, 101, 107, 108, 113, 118, 121, 122, 126, 136, 163, 164, 175, 176, 191, 197, 205, 208–210, 212, 214, 234–236, 247, 250, 275, 276, 278, 335, 336, 342–345, 348, 350, 355, 356, 364, 372, 376–382, 384, 385, 388, 394, 399, 421–423, 440, 449, 451, 456, 460, 461, 464, 468, 475, 476, 502, 506, 528, 533, 534, 549, 553, 554, 556, 557–561, 573, 578, 608, 613, 665, 700, 714, 737, 748, 749–751, 753–755, 757–759, 763, 768, 770, 775–777, 792, 793, 809–811, 813, 821, 828; II, 29, 32, 36, 37, 39, 41, 45, 50, 52, 53, 55, 56, 60, 62, 64–70, 75, 76, 78, 85, 89, 92, 96, 99, 102, 110–112, 114, 120, 123, 125, 129, 130, 131, 134, 144, 160, 195, 197, 207, 209, 210, 213, 250, 254, 270, 271, 281, 311, 319, 325, 330, 331, 333, 339, 342, 346, 354, 362, 364, 376, 380–383, 480, 488, 495, 498, 501, 541, 546, 564, 569, 570, 584–589, 591
Брюсова (в замуж. Кисина) Лидия Яковлевна – I, 305, 335, 336, 344, 707, 728, 729, 749–751
Брюсова (рожд. Бакулина) Матрена Александровна – I, 208, 210, 315, 318, 335, 336, 344, 421, 560, 627, 712, 735–737, 750; II, 355, 428–430
Брюсова Надежда Яковлевна – I, 126, 163, 164, 209, 280, 282, 305, 335, 336, 344, 402, 403, 440, 487, 488, 506, 549, 550, 553, 554, 560, 661, 665, 667, 678, 702, 706, 707, 728, 729, 735, 738, 749, 750, 776, 777, 810, 826–828; II, 45, 46, 53, 55, 80, 83, 92, 96, 99, 195, 197, 311, 354, 355
Брюсовы, семья – I, 303, 336, 338, 703, 724, 751, 775, 809, 826, 828; II, 391
Буа Жюль – I, 632, 634
Буало (Буало Депрео) Никола – I, 379, 755, 757
Бугаев Б.Н. – см. Белый Андрей
Бугаев Николай Васильевич – II, 152
Бугаева (рожд. Егорова) Александра Дмитриевна – II, 331, 332
Бугон Андрей Эдмондович (псевд. Э. или Эрл. Мартов) – I, 559, 565, 582, 609, 621–623, 632–634, 645, 682, 691, 692, 696, 697, 825, 828
Будагов М. – I, 534
Буданцев Сергей Федорович – II, 22, 546, 547, 556
Будда – I, 285–287, 616; II, 430
Будхардт Г., типограф (Рига) – I, 647
Букингем (Букингам) Джодж Вильерс – II, 475
Булацель, литератор – II, 487
Булгаков Александр Яковлевич – I, 28
Булгаков Сергей Николаевич – II, 137, 178, 188
Булла Карл Карлович – I, 416; II, 184, 193, 215, 259
Буллан (д-р Иоанн), аббат – I, 634
Бульвер-Литтон Эдвард Джордж-Чарлз – II, 332
Бунин Иван Алексеевич – I, 5, 6, 12, 18, 30, 33, 51, 54, 55, 57, 90, 98, 100, 113, 117, 120, 138, 139, 144, 145, 186, 206, 272, 273, 276, 277, 340, 346, 347, 400, 401, 413, 414, 421, 423, 447, 455, 461, 465, 477, 481, 482, 487, 509–511, 515, 527, 595, 599, 600, 647, 655, 669, 788, 811, 813, 815, 823; II, 14–19, 24–28, 32–37, 39, 40, 72, 140, 157, 219
Бунин Юлий Алексеевич – II, 37
Бунина В.Н. – см. Муромцева В.Н.
Бунцельман, домовладелец (Херсон) – II, 169, 170, 172, 174
Бургуэн Луиза – см. Ландель Приска де
Буренин (псевд. Граф Алексис Жасминов) Виктор Петрович – I, 42, 43, 178, 188, 256, 257, 304, 332, 491, 493, 495, 690, 698, 699; II, 17, 41, 44, 102
Бурже Поль – I, 278, 280
Бурлюк Давид Давидович – I, 239; II, 172, 494, 513
Бурлюк (в замуж. Кузнецова) Людмила Давидовна – II, 172
Бурлюк (рожд. Михневич) Людмила Иосифовна – II, 169–172, 174
Бурлюк Николай Давидович – II, 513
Бурлюки, семья – II, 173
Бурнашев Михаил Николаевич – II, 190
Бурцев Александр Евгеньевич (в тексте ошибочно Е.П.) – I, 411
Бутиков Н.С. – I, 315
Бутурлин Петр Дмитриевич – I, 483; II, 494
Бутурлин Сергей Сергеевич – II, 549
Бутурлина Мария Сергеевна – II, 549
Бухбиндер Вольф Абрамович – I, 609
Бухов Аркадий Сергеевич – II, 504
Бухштаб Борис Яковлевич – I, 104
Бушор Морис – I, 307
Буэлье Эдуард Сен-Жорж де (Лепелетье де Буалье Стефан Жорж) – II, 256, 314, 322, 325–327, 331, 333, 335
Быков Петр Васильевич – II, 237, 251
Бьернсон Бьернстьерне Мартиниу – I, 356
Бэдж В. – см. Бедж В.

Бэкон Френсис – II, 308
Бэкю А. – см. Бекю А.
Бэла, лицо неуст. – I, 148, 149
Бэлза Станислав Игоревич – II, 544
Бэнар П. – см. Бенар П.
Бяковский Виктор Сергеевич – I, 249
Бялый Григорий Абрамович – I, 246, 250

В., псевд. Брюсова В.Я. – II, 113, 150
В., псевд. Гиппиуса Вл.В. – I, 484, 491
В. Б., псевд. сотр. "Московских ведомостей" – I, 545
В. Б-н – см. Брусянин В.В.
В. В., псевд. перев. Пшибышевского Ст. – II, 153
В. И. – см. Иванов В.И.
В. Лидия – см. Лидия В.
Вагнер Рихард – I, 134, 191, 219, 541; II, 45, 47
Ваксель Платон Львович – II, 51, 496
Валентинова Лёля, подпись-мистификация Брюсова В.Я. в письмах к Н.А. Дарузес – I, 825
Валлотон Феликс – I, 641; II, 97, 295, 296, 315, 317, 323, 382
Валтасар, царь Вавилонский – I, 239
Вальдор (Эсмер-Вальдор) – см. Мерсеро А.
Вальзер Карл – II, 112, 113
Вальмор М. – см. Дебор-Вальмор М.
Вальрафен Клаудия – II, 274
Валя, подруга Шевцовой И.И. – II, 568
Ван Бевер Адольф – II, 90–92, 94, 95, 182, 256, 314, 316, 317, 321–324, 326–336, 339–342, 346, 354, 359, 383
Ван Гог Винсент – II, 257, 299, 354
Ван Лерберг Шарль – II, 7, 112
Ванно Леон – II, 308
Ванье Леон – I, 657, 658, 661; II, 324–326
Варварин В. – см. Розанов В.В.
Варженевская Е.А. – I, 100
Варин (Варравин) Николай Константинович – I, 614, 615, 828
Варравин Н.К. – см. Варин Н.К.
Василевская Людмила Алексеевна (псевд. Дніпрова Чайка) – II, 163, 164
Василий – см. Курников В.А.
Васильев (Хвастунов) Михаил Васильевич – I, 419, 705, 821
Васильев Ю. (Соболев Юрий Васильевич) – I, 374
Васнецов Виктор Михайлович – I, 330, 331, 335, 453, 726, 728, 821
Ватсьяна – I, 158
Вахтель Майкл – II, 283
Вацуро Вадим Эразмович – II, 237
Вашкевич Николай Николаевич – II, 106, 423, 424
Введенский Александр Иванович – I, 453
Вебер Георг – I, 477
Вебер Лев Николаевич – II, 343, 346, 348, 349
Ведекинд Франк – II, 179
Веймарн Павел Платонович – I, 459
Вейнберг Петр Исаевич – I, 66, 339, 400, 414
Величко Василий Львович – I, 8, 35, 278, 280, 308, 314–317, 408, 409, 652, 654, 688
Веллей Патеркул – I, 326
Вельман Юрий Карлович – II, 112, 113, 300
Вельс (Вельш) Анна Лукинишна – I, 319
Венгеров Семен Афанасьевич – I, 83, 84, 91, 192, 237, 239, 294, 353, 415, 416, 440–445, 451, 459, 461, 476, 478, 486, 493, 494, 534, 655, 677; II, 124, 223, 225, 227, 229, 230, 238, 239, 242, 244, 250, 501, 535, 543–548, 587
Венгерова Зинаида Афанасьевна – I, 134, 389, 561, 565, 613, 641, 645, 646, 685, 689, 746, 809, 828; II, 272, 547
Венгеровы, дочери Венгерова С.А. – II, 547
Веневитинов Дмитрий Владимирович – I, 431, 441, 442, 713
Вениус Отто – II, 67, 68
Венкстерн Алексей Алексеевич – II, 58, 94, 95, 119
Вентцель Николай Николаевич – I, 414
Вера Петровна – см. Биндасова В.П.
Вербицкая (рожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна – I, 26, 504
Вергерен Э. – см. Верхарн Э.
Вергилий Марон Публий – I, 7, 43, 105, 107, 381, 405, 454, 506, 661, 662, 668, 672, 713, 745; II, 12, 45, 95, 245, 246, 319, 320, 399, 536, 568
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич – I, 272, 369, 373; II, 15, 541
Верещагин Василий Васильевич – I, 340
Верлен М. – см. Моте М.
Верлен Поль – I, 9, 16, 30, 33, 39–41, 45, 63, 65, 71, 89, 91, 140, 141, 185, 186, 242, 252, 266, 286, 289, 294, 340, 375, 377, 433, 447–450, 456, 457, 561, 571, 572, 579, 583, 586, 604, 608–610, 612–614, 619, 620, 623, 625, 626, 630, 631, 634, 640–644, 646–649, 657, 658, 660, 661, 670, 676, 678–680, 684, 685, 692, 701, 709, 711, 713, 734, 736, 749, 753–755, 762–764, 783, 789, 796, 798, 828; II, 8, 12, 130, 213, 219, 242, 255, 258, 268, 297, 316, 318, 381, 392, 501, 502, 518, 523, 531, 532
Верн Жюль – I, 775
Верочка, лицо неуст. – II, 93
Верхарн Эмиль – I, 5, 7, 8, 12, 23, 24, 69, 71, 116, 129, 130, 174, 175, 203, 210, 346, 402, 426, 432, 433, 442, 446–448, 450–452, 455, 457, 458, 464, 466–471, 474–476, 478, 489, 492, 495, 496, 498, 500, 501, 505, 511, 542, 631, 661, 782, 789, 811; II, 8, 12, 59, 65, 126, 127, 137, 166, 167, 201, 206, 219, 220, 243, 255, 256–263, 274, 275, 295–297, 299, 305, 320–322, 324–328, 333, 335, 337, 340, 342–345, 357, 358, 361, 363–369, 373, 377, 380, 384, 385, 415, 418, 480, 500, 534, 538, 556, 566, 574, 579
Верховский Юрий Никандрович – I, 236, 523; II, 109, 110, 123, 206, 211, 364, 486
Верхоустинский Борис Алексеевич – II, 513
Верхэрн – см. Верхарн Э.
Верье Шарль – II, 324, 331
Веселитская Л.И. – см. Микулич В.
Веселкова-Кильштедт Мария Григорьевна – II, 403
Веселов Алексей Михайлович – I, 540, 543
Веселовская Мария Васиотевна – II, 89
Веселовский Александр Николаевич – I, 816; II, 224
Веселовский Алексей Николаевич – I, 291, 292
Веселовский Н. – I, 374
Веселовский Юрий Алексеевич – I, 210, 237
Вестфален Эльза Христиановна – II, 332, 334, 335
Вестциндиус Херман Вольдемар – II, 106, 107
Ветцель, владелец гостиницы (?) в Крыму – I, 342
Виеле-Грифин – см. Вьеле-Гриффен Ф.
Вийон (Монкорбье или де Лож) Франсуа – II, 316, 381, 523, 524

Виктор Александрович – см. Гольцев В.А.
Викторов – I, 118
Викторов Давид Викторович – I, 90, 345, 347, 364, 400, 426, 738, 766, 800
Виленкин Н.М. – см. Минский Н.М.
Виленкина Л.Н. – см. Вилькина Л.Н.
Вильдрак Шарль – I, 210; II, 256, 362, 518, 523
Вилье де Лиль Адан Филипп Огюст Матиас – II, 166, 381–383
Вилькина (в замуж. Виленкина) Людмила Николаевна – I, 12, 19, 27–29, 92; II, 12, 65, 66, 108, 110, 201
Вильямс Гарольд – II, 486
Винокур Григорий Осипович – I, 815; II, 536, 574
Винокур Матильда Моисеевна – I, 607
Винчи – см. Леонардо да Винчи
Вир Обри Томас де – I, 129, 130
Виргиния – I, 282
Витвицкая Бажена Иосифовна – II, 409
Вл. С. – см. Соловьев В.С.
Владимир Г., Владимир Г...ъ, псевд. Гиппиуса Вл.В. – I, 494, 525; II, 36
Владимир Святославич, князь Киевский – I, 324
Владимиров, драматург – I, 616
Владимиров Василий Васильевич – II, 119(?), 120
Владимировы – II, 120
Влэдуц Сергей Георгиевич – II, 82
Вознесенский Ал. – II, 162
Войтоловский Лев Наумович – II, 526
Волжский А.С. – см. Глинка А.С.
Волков Александр Александрович – I, 357, 358
Волков М. – I, 257
Волков Николай Дмитриевич – II, 160, 165
Волконская (рожд. Андреева) Мария Алексеевна – I, 56
Волконская (рожд. Раевская) Мария Николаевна – II, 237
Волконский Дмитрий Алекс. – I, 56, 118
Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович – I, 7–9, 22–24, 26, 62, 121, 147, 148, 157, 172, 177, 180, 183, 191, 196, 209, 237, 337, 444; II, 22, 67, 68, 71, 91, 92, 96, 123, 175, 188, 195, 213, 251–399, 404, 409, 416, 419, 421, 422, 435, 457, 475, 488, 491–493, 516, 519, 523, 524, 543
Волошин (Цуккерман) Михаил Евсеевич – II, 337
Волошина Е.О. – см. Кириенко-Волошина Е.О.
Волошина М.В. – см. Сабашникова М.В.
Волошина (рожд. Заболоцкая) Мария Степановна – II, 270, 271, 288, 316, 395, 398
Волчанинов Михаил Гаврилович – I, 264, 299, 631
Волынский (Флексер) Аким Львович – I, 105–107, 253, 254, 389, 408, 441, 443, 686, 689, 727, 764, 766, 809; II, 41, 42, 44, 51, 65, 66, 363, 364, 419, 536
Волькенштейн Владимир Михайлович – I, 206
Вольтер (Аруэ Мари Франсуа) – I, 265, 266
Вольф Александр Маврикиевич – I, 330; II, 272
Вольф Борис Маркович – I, 652; II, 486(?)
Вольф Гуго – II, 89
Вольф Маврикий Осипович – I, 81, 172, 200, 419, 440, 689; II, 49
Вольфинг – см. Метнер Э.К.
Вольфсон Владимир Дмитриевич – I, 768, 816
Вордсворт (Уордсуорт) Уильям – I, 130
Воробьева (псевд. Владимирова) Прасковья Семеновна – II, 217
Воробьева-Стебельская Мария Брониславовна – II, 520
Воронов Василий Иванович – II, 48, 49, 52, 56, 59, 60, 70, 76, 77, 80, 82, 87, 88, 90, 101, 106, 130
Воронский Александр Константинович – I, 370, 374; II, 536, 557
Воронцова (рожд. Браницкая) Елизавета Ксаверьевна – II, 230–232
Востоков Александр Христофорович – I, 760, 761
Востряковы, домовладельцы (Москва) – II, 374
Врангель Николай Николаевич – II, 190
Вриенний Никифор – II, 475
Врубель Михаил Александрович – I, 340, 416; II, 22, 142, 143, 151, 163, 164, 217, 220, 402, 421, 422, 430
Врубель Н.И. – см. Забела Н.И.
Всеслав, князь Полоцкий – I, 524
Вуллерс Иоганн Антон – II, 45
Выгодский Давид Исаакович – II, 553, 554
Выспянский Станислав – II, 23
Вышеславцев Николай Николаевич – II, 550
Вьеле-Гриффен Франсис – I, 105, 107, 428, 432, 446–451, 457, 458, 460, 464, 469, 472, 474, 489, 492, 495–498, 500, 511, 542, 658, 660, 673, 676, 694, 811; II, 8, 255, 296, 523
Вюйар (Вийар, Вюийар, Вюиллар) Эдуард – II, 257, 274, 290, 291, 293, 296, 323, 333, 334
Вяземский Петр Андреевич – I, 501, 503, 504, 506; II, 47, 241
Вяткин Георгий Андреевич – I, 411, 418
Вячеслав, Вячеслав Иванович – см. Иванов В.И.
Вячеслав Павлович – см. Полонский В.П.

Г. Арсений – см. Гурлянд И.Я.
Г. Викт. – см. Гофман В.В.
Г. Ж., псевд. перев. Метерлинка М. – I, 689
Г. Н., псевд. сотр. ж. "Гиперборей" – II, 410
Габернат Иоанн – I, 282
Габрилович (Галич) Леонид Евгеньевич – II, 181, 197, 488
Габричевская (рожд. Северцева) Наталья Алексеевна – II, 279
Габричевский Александр Георгиевич – II, 279, 398
Гагарин Григорий Григорьевич – I, 565; II, 48
Гагарин Иван Сергеевич – I, 333
Гай Клавдий Марцелл – I, 722, 724
Гайдебуров Василий Павлович – I, 330, 730, 828
Гайдебуров Павел Александрович – I, 413
Галабутский Юрий Андреевич – II, 277, 282
Галахов Алексей Дмитриевич – I, 305, 306, 805
Галич Леонид – см. Габрилович Л.Е.
Галлен (Галэн)-Каллела Аксели Вальдемар – II, 102, 103
Галонен – см. Халонен
Галэн – см. Галлен-Каллела
Гамсун (Педерсен) Кнут – I, 7, 114, 126, 368, 480, 490, 493, 495, 515; II, 7, 8, 12, 22, 24, 47, 57, 60–62, 68, 153, 166–168, 199, 236
Гамсун (Педерсен) Мария – II, 60, 61
Ганзен (рожд. Васильева) Анна Васильевна – II, 174, 175
Ганзен Петр Готфридович – II, 174, 175
Ганнибал (Аннибал Барка) – I, 185, 186, 188
Ганфман Максим Ипполитович – II, 480
Гарднер Вадим Данилович – II, 513
Гарелина Л.М. – см. Бальмонт Л.М.

Гармодий, псевд. Брюсова В.Я. – II, 111, 549
Гарольд Прекрасноволосый, норвеж. король – I, 129
Гарпал – I, 686, 689
Гаршин Всеволод Михайлович – I, 328, 412
Гаспаров Михаил Леонович – I, 12, 449, 506, 579, 610, 620, 648, 654, 665, 806; II, 236, 274, 534
Гауптман Герхардт – I, 125, 332, 365, 369, 404, 405, 487, 488, 491, 495; II, 23, 69, 80, 160, 164
Гафиз – см. Хафиз
Гафнер Ирина Карловна – I, 241, 249
Гвельфы (Вельфы), герцогский род Баварии и Саксонии – I, 808
Ге Николай Николаевич – I, 280
Ге Николай Петрович (псевд. Николаев Н.) – II, 107, 108
Ге Петр Николаевич – II, 15
Гегель Георг Вильгельм Фридрих – I, 364, 798
Гедройц Вера Игнатьевна (псевд. Гедройц Сергей) – II, 513
Гей, владелец экспед. конторы (Москва) – II, 328, 329
Гейманс Адриан Жозеф – I, 175
Гейне Генрих – I, 115, 116, 191, 224, 256, 260, 261, 290, 338, 339, 415, 419, 454, 528, 625, 653, 679, 681, 781; II, 364
Гейне из Тамбова – см. Вейнберг П.И.
Геккель Эрнст Генрих – II, 312, 313
Гексли Томас Генри – II, 312, 313
Гекстер Дж. – I, 127
Гелиогабал, римский имп. – II, 58
Гельцер Екатерина Васильевна – I, 274
Генигин Иван Ф. – II, 103
Генкен В. – I, 689
Георг – см. Бахман Г.Г.
Георге Стефан – II, 199, 335, 336
Георгиевский, домовладелец (Царское Село) – II, 485, 493, 497
Гераклит Ефесский – II, 234, 237
Герасимов Константин Сергеевич – I, 648; II, 398, 588, 591
Герасимов Михаил Петрович – II, 538, 574
Гербановский Михаил Михайлович – I, 317, 647; II, 392, 397
Гербек Отто Осипович – I, 120
Гервег Георг – I, 255, 257
Гергардт, владелец экспед. конторы (Москва) – II, 328, 329
Герен Шарль – II, 281
Гермагор, юношеское прозвище Коневского И. – I, 507
Геродот – I, 325, 695, 696; II, 482
Герольд (Эрольд) Андре-Фердинанд – I, 498, 500; II, 298, 299, 305, 306, 311, 314
Герострат – I, 274
Герсилий Ефесский – I, 237
Герцен Александр Иванович – I, 12
Герценберг Владимир Робертович – I, 218
Герцык (в замуж. Жуковская) Аделаида Казимировна – II, 274
Герцык Евгения Казимировна – II, 486
Гершензон Михаил Осипович – II, 225, 237, 238, 240, 543, 577
Герштейн Эмма Григорьевна – II, 410
Герье Владимир Иванович – I, 329, 334, 556, 565, 568, 620, 709, 716, 734, 740, 828
Гескис, фотограф (Херсон) – II, 160, 163, 166, 167
Гёте Иоганн Вольфганг – I, 21, 77, 89, 108, 174, 175, 191, 329, 421, 435, 453, 454, 457, 460, 476, 542, 688, 738, 803, 805, 817, 820; II, 218, 234, 379, 387, 524, 531, 545–547
Гешель Артур Федорович – I, 796
Гидони Григорий Иосифович – II, 475
Гиль (Гильбер) Алиса – II, 273, 290
Гиль (Гильбер) Рене – I, 23, 206, 210, 445, 685, 770; II, 106, 124, 197, 198, 256, 257, 273, 281, 289–292, 297, 298, 300–303, 305–315, 317, 319, 320, 322, 324–326, 330, 332, 335–341, 346, 354, 361, 403, 419, 427, 428, 438, 439, 442, 444, 447, 455, 458, 472, 478, 500
Гиляровский Владимир Алексеевич – I, 256, 274, 568, 609
Гиме Эмиль Этьен – I, 201, 227
Гиндин Сергей Иосифович – I, 17, 32, 79, 268, 304, 358, 372, 389, 477, 550, 555, 609, 610, 641, 661, 665, 681, 711, 738, 783, 789, 809; II, 272
Гинзбург Лидия Яковлевна – I, 442, 610
Гиппиус Александр Васильевич (псевд. Заронин Г.) – I, 691, 693
Гиппиус Анна Николаевна – I, 486
Гиппиус Василий Васильевич (псевд. Росмер) – II, 409, 513
Гиппиус Владимир Васильевич (псевд. Бестужев Вл.) – I, 12, 48, 248, 253, 254, 329, 330, 433, 435, 440, 442, 443, 447, 450–452, 457, 459, 461, 466, 468, 473–482, 484–489, 491, 493–496, 502, 517, 519, 521, 524, 525, 531, 540, 560, 593, 594, 608, 631–636, 692, 693, 698, 701, 729, 731, 783, 809–815, 825, 827, 828; II, 16, 17, 33–36, 371, 513
Гиппиус (в замуж. Мережковская) Зинаида Николаевна – I, 12, 14, 16, 20, 22, 27, 55, 57, 70, 96, 97, 106, 115, 116, 118, 129, 130, 134, 142, 151, 153, 168, 182, 192, 193, 204, 205, 272, 306, 307, 331, 342, 370, 374, 400, 408, 412, 435, 436, 443, 444, 451, 484, 493, 494, 511, 517, 521, 525, 526, 528, 529, 537, 653, 698, 721, 727, 728, 740, 811; II, 16, 19, 20, 26, 28, 37, 41, 43, 44, 52, 63, 65, 66, 71, 74, 78–83, 97, 99, 108–112, 123, 164, 175, 180, 181, 201, 237, 254, 255, 284–286, 364, 374, 416, 419, 426–428, 430, 431, 448, 474, 543
Гирземан Карл В. – II, 49, 50
Глаголин (Гусев) Борис Сергеевич – II, 477
Гливенко Иван Иванович – II, 551, 552, 557
Глинка (Волжский) Александр Сергеевич – I, 373
Глинка Николай Григорьевич – I, 443
Глотов Яков Александрович – II, 252, 282, 343
Глотовы, семья – II, 343
Гнедич Петр Петрович – I, 334, 733
Говорова – II, 229
Гоген Поль Эжен Анри – I, 659; II, 82, 257, 291–293, 297, 299, 306, 312, 331, 381, 457, 479
Гоголь Николай Васильевич – I, 12, 205, 208, 209, 294, 307, 538, 788; II, 45, 94, 95, 141, 142, 146, 219, 224, 233, 234, 236, 434, 435, 530, 536, 562, 579
Годунов Борис Федорович – см. Борис Годунов
Гойя (Гойя-и-Лусентес) Франциско Хосе де – I, 48, 107–110
Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич – I, 97, 316–318, 486, 668, 669, 759, 761
Голиков Владимир Митрофанович – I, 14, 100, 368, 481, 483, 691–693; II, 392, 397
Голицына (рожд. Суворова) Мария Аркадьевна – II, 237, 238, 240(?)

Голлербах Эрих Федорович – II, 278, 429, 494
Голованов Николай Николаевич – II, 189
Головин Александр Яковлевич – I, 331, 728
Голубев В.В. – II, 292
Гольденвейзер Александр Борисович – I, 311, 312
Гольдин Семен Львович – I, 815
Гольдовский Онисим Борисович (?) – I, 239
Гольдфретер Ф. – II, 22
Гольстейн А.В. – см. Гольштейн А.В.
Гольцев Виктор Александрович – I, 153, 401
Гольштейн (рожд. Баулер, в первом браке Вебер) Александра Васильевна (псевд. А. В-г, A. Bauler, Баулер Анна) – I, 515; II, 252, 256, 277, 280–282, 290, 291, 298, 304, 310, 317, 334, 337–340, 344, 348, 361, 362
Гольштейн Владимир Августович – II, 334
Гольштейн (в замуж. Семенова) Наталья Владимировна – II, 334
Гомер – I, 7, 108, 283, 294, 328, 454, 684, 685, 688, 689, 745
Гонкур Жюль – I, 763; II, 348, 378, 379
Гонкур Эдмон – I, 45, 103, 763; II, 348, 378, 379
Гончаров Андрей Дмитриевич – II, 7
Гончаров Иван Александрович – I, 156, 684; II, 146
Гончарова Александра Николаевна – II, 226
Гончарова Н.Н. – см. Пушкина Н.Н.
Гоппе Герман Дмитриевич – I, 677
Гораций (Квинт Гораций Флакк) – I, 8, 162, 163, 652, 734, 755; II, 320
Горелик С. (псевд. Постоянный) – II, 189
Горенко Андрей Андреевич – II, 467
Горенко А.А. – см. Ахматова А.А.
Горенко И.А. – см. Штейн И.А.
Горн Фредерик Винкель – I, 130
Горнунг Лев Владимирович – II, 273, 408, 413, 475, 486, 502
Горнфельд Аркадий Георгиевич – II, 111, 543
Городецкий Сергей Митрофанович – I, 8, 71, 179, 180, 186, 192, 204–206, 444; II, 109, 110, 201, 205, 206, 212, 265, 363, 367–369, 371–373, 390, 402–406, 408–410, 469–471, 483, 484, 486, 487, 492, 501, 508–511, 513, 516, 518, 537, 557, 560, 561
Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) – I, 5, 6, 9, 10, 54–57, 66, 67, 81, 82, 113, 114, 116, 134, 180, 185, 186, 236, 272, 348, 370, 374, 406, 409, 411, 418, 421, 436, 443, 509–511, 530–532; II, 14–16, 18, 24–26, 32, 33, 39, 40, 67, 137–140, 147, 161, 163, 219–221, 243, 344, 370, 384, 385, 514, 538, 549, 557, 572, 575, 578, 588
Готье Владимир Гаврилович – II, 31
Готье Жюль де – II, 308
Готье Теофиль – I, 296, 707, 728, 764; II, 378, 379, 415
Гофайзен Михаил Александрович – I, 790
Гофман Виктор Викторович – I, 57, 62, 276, 369, 370, 449; II, 392, 402, 408, 434, 435, 444, 446, 486, 487, 492
Гофман Модест Людвигович – I, 440; II, 272, 504, 574
Гофман Эрнст Теодор Амадей – I, 191, 531, 749; II, 205, 218, 221, 233, 434, 435
Гофмансталь (Хофмансталь) Гуго фон – I, 205, 542; II, 166, 167, 335, 336
Гоффмейстер Адольф – II, 529
Грааль Арельский – см. Петров С.С.
Грабарь Игорь Эммануилович – II, 112, 384, 488
Граббе Христиан Дитрих – I, 499, 500
Гранат Александр Наумович – I, 266
Гранат Игнатий Наумович – I, 266
Грант Анатолий, псевд. Гумилева Н.С. – II, 432
Грачев Сергей Николаевич – II, 288
Гребенкова А.И. – I, 315
Греем Шилаф Дафин – II, 408
Грей Томас – I, 361
Греко – см. Эль-Греко
Грекова И. – см. Долгинцева Е.С.
Гречишкин Сергей Сергеевич – I, 169, 419, 483, 707, 712, 774, 775, 817; II, 21, 22, 137, 147, 149, 175, 188, 221, 272, 332, 371
Гржебин Зиновий Исаевич – I, 200, 423; II, 173, 244, 246–249, 514, 536, 555, 556
Грибовский Вячеслав Михайлович – I, 413
Грибоедов Александр Сергеевич – II, 236, 409, 537, 551, 552, 557, 558
Григорий IX, папа римский – I, 139
Григорьев Я. – I, 374
Григорьян Камсар Нерсесович – II, 588, 591
Грин (Гриневский) Александр Степанович – II, 504
Грингмут Владимир Андреевич – I, 90
Гриф – см. Соколов С.А.
Гриффен – см. Вьеле-Гриффен Ф.
Гришунин Андрей Леопольдович – I, 805
Гроссман Леонид Петрович – II, 270, 278, 396, 398, 399, 575
Гроссман-Рощин Иуда Соломонович – I, 374
Грот Николай Яковлевич – I, 422, 423, 801
Грот Яков Карлович – I, 679, 680; II, 13, 24, 146
Грузинов Иван Васильевич – II, 514
Грузинский Алексей Евгеньевич – I, 274, 277, 278
Губер Петр Константинович (псевд. Фырин Аркадий) – II, 409, 581
Губкина Мария Александровна – I, 305
Гудзий Николай Каллиникович – I, 411, 607–609, 622, 634, 648, 679, 688, 693, 697, 725, 774, 790, 812
Гуковский Григорий Александрович – II, 586
Гумбольдт Вильгельм – I, 807
Гумилёв Николай Степанович – I, 7, 22, 30, 220, 418; II, 20, 63, 123, 208, 209, 243, 362, 392, 400–514, 523, 543, 546, 579, 583
Гумилёв Степан Яковлевич – II, 414, 415, 475
Гумилёв Яков Степанович – II, 415
Гумилёва (рожд. Горенко) Анна Андреевна – см. Ахматова А.А.
Гумилёва (рожд. Фрейганг) Анна Андреевна – II, 435
Гумилёва (рожд. Львова) Анна Ивановна – II, 467, 503
Гумилёвы, семья – II, 428
Гуно Шарль – I, 326
Гунст Евгений Анатольевич – II, 383
Гуревич Любовь Яковлевна – I, 339, 403; II, 509
Гуревич Себастьян (Шебе) Абрамович – II, 477
Гуревич Яков Григорьевич – I, 466
Гурлянд Илья Яковлевич (псевд. Арс. Г., Арсений Г., Гуров Арсений) – I, 256, 257, 632–634, 661, 678–680, 689, 694, 700, 828; II, 408
Гурмон Жан де – I, 204–206; II, 256, 320, 356, 359
Гурмон Реми де – I, 158, 205, 206, 317, 472, 492; II, 8, 12, 89, 93, 94, 256, 290, 296, 302, 303, 305, 306,

308, 324, 334, 335, 345, 348, 351, 352, 356, 364, 379, 383
Гуров Арсений – см. Гурлянд И.Я.
Гурьев Арс.Як. – см. Гурлянд И.Я.
Гусев Николай Николаевич – I, 294
Гусева, домовладелица (СПб) – I, 251
Гутенберг Иоганн – I, 294, 300
Гхиль – см. Гиль Р.
Гюго Виктор Мари – I, 7, 116, 304, 454, 775, 810; II, 378, 447, 461
Гюисманс Жорж Карл (Жорж Шарль Мари) – I, 158, 492, 495; II, 308, 309, 321, 323
Гюйо Жан Мари – I, 611
Гюнтер Иоганнес фон – II, 199
Гюнцель Клаус – I, 749

Д. В. – см. Выгодский Д.И.
Д-о Вера, псевд. сотр. газ. "Далекая окраина" (Владивосток) – I, 192
Давид Жак Луи – II, 309
Давиденко Елизавета Николаевна – II, 291
Давингоф Николай Христианович – I, 669
Давыдов Владимир Николаевич (Горелов Иван Николаевич) – II, 60
Давыдов Денис Васильевич – II, 503
Давыдов Захар Д. – II, 251
Далматов (Лучич) Василий Пантелеймонович – I, 330; II, 60
Даль Владимир Иванович – II, 368
Д'Амелия Антонелла – II, 174, 591
Даниелян Эльвира Степановна – I, 5
Даниил, пророк – I, 239, 514
Данилевский Ростислав Юльевич – I, 418, 419
Данинос-паша (Данинос А., паша) – I, 215
Данишевский Семен Исаакович – II, 428
Д'Аннунцио Габриэле – I, 7, 92, 365, 381, 382, 509, 511, 762, 763; II, 12, 24, 41, 45, 54–57, 59, 84, 90, 91, 166–168, 276
Данте Алигьери – I, 36, 68, 91, 103, 442, 611, 626, 627, 665, 795, 808, 809; II, 243, 262, 275, 418, 420, 444, 446, 531, 543–545, 547, 567
Дантес (бар. Геккерен) Жорж-Карл – II, 236
Дарвин Чарлз – I, 388, 393; II, 313, 394
Даров Владимир, псевд. Брюсова В.Я. – I, 249, 678–680, 684, 691, 693
Дарузес (сцен. псевд. Раевская) Наталья Александровна – I, 286, 287, 296, 300, 302, 604, 613–615, 617, 618, 627, 628, 630, 631, 673, 708, 709, 714, 735, 738, 825, 828
Дарузес Петр Александрович – I, 296
Дауётите Виктория – II, 22, 331
Дашков Павел Яковлевич – II, 51
Дворецкий Иосиф Хананович – I, 749
Де Амичис Эдмондо – II, 56
Дебор-Вальмор Марселина – I, 317, 608, 634
Деген Евгений Викторович – II, 282, 283
Деген Юрий Евгеньевич – II, 283
Дедюлин Сергей Владимирович – II, 591
Дейбнер Вильгельм-Мориц – II, 178
Декарт Рене – I, 323, 364, 390, 391, 393, 395, 574, 798
Делакруа Эжен – II, 309
Делла-Вос-Кардовская Ольга Людвиговна – II, 475
Дель Рио – см. Рио Хулиан Санс
Дельвиг Антон Антонович – I, 551, 552, 650, 753; II, 47, 236, 237
Деман Эдмон – II, 31, 323–325, 330, 332, 336, 339
Демольдер Эжен – II, 322, 323, 327, 328
Демосфен – I, 288, 290, 686, 689
Демут-Малиновский Василий Иванович – I, 324
Ден фон, домовладелец (Екатериненталь) – I, 501; II, 31
Дени Морис – II, 257, 258, 274, 296, 317, 349, 352
Деникер Жозеф – II, 457
Деникер (рожд. Анненская) Любовь Федоровна – II, 457, 458
Деникер Никола – II, 456–458
Деникеры, семья – II, 457
Дёнкан И. – см. Дункан А.
Депре Камилл Филиппович – II, 69, 70
Дератани Николай Фелорович – II, 246
Дербенев Петр Тимофеевич – I, 249
Державин Гавриил Романович – I, 206, 314, 315, 327, 328, 351, 561, 621, 674, 677
Дестре Жюль – I, 321, 323
Дешан Леон – II, 288, 289
Дешарт (Шор) Ольга Александровна – II, 183, 331, 350, 372
Дешевова Наталья Михайловна – I, 650
Джелаль-Эддин Руми – см. Руми Джелаль-Эддин
Джером Джером Клапка – II, 474, 475
Джо (мистер Джо) – см. Поляков С.А.
Джунковская Евдокия Федоровна – II, 23
Диас-Плах Гильермо – I, 130
Диего Уртадо де Мендоса – см. Мендоса
Диесперов Александр Федорович – I, 445
Диккенс Чарлз – II, 145, 350
Дикман Минна Исаевна – I, 81, 811; II, 588
Диск Б. – см. Леман Б.А.
Динесман Татьяна Георгиевна – I, 130, 432, 442, 469, 789; II, 274, 296
Диоклетиан, римский имп. – I, 722, 724; II, 90, 91
Дион Кассий – I, 728, 729
Дионисий Иванович – см. Иванов В.И.
Диц Юлиус – II, 322, 324
Дмитриев, литератор – II, 427
Дмитриев Валентин Григорьевич – I, 440, 787
Дмитриев Иван Иванович – II, 558
Дмитриев П. – II, 462
Дмитриев С. – см. Масловский С.Д.
Дмитриев (псевд. Костромской) Федор Филиппович – I, 250
Дмитриева (в замуж. Васильева) Елизавета Ивановна (псевд. Черубина де Габриак) – II, 493, 494, 527
Дмитриевич (Розенталь) Семен Дмитриевич – II, 410
Дніпрова Чайка – см. Василевская Л.А.
Добровольский Лев Михайлович – I, 91
Добролюбов Александр Михайлович – I, 16, 21, 23, 30, 32, 51, 57, 125, 126, 147, 148, 248, 253, 254, 271, 303, 317, 323, 325, 329, 330, 339, 342, 417, 425, 427, 434–436, 441, 443, 445–447, 450, 451, 456, 457, 459–461, 463, 464, 466–469, 475–491, 493–497, 502, 506, 527–530, 537, 539, 543, 551, 556, 559, 562, 563, 565–568, 570, 571, 574, 577, 594, 597, 599, 600, 608, 609, 611, 613, 627, 631–635, 653, 661, 685, 687, 689–695, 697–703, 710, 713, 762, 775–785, 794, 808, 809, 811, 822, 823, 828; II, 19, 20, 24, 31–33, 140, 184
Добролюбов Георгий Михайлович – I, 479, 480, 484–488, 496, 502
Добролюбов Михаил Александрович – I, 457

Добролюбов Николай Александрович – I, 156, 256, 257; II, 281
Добролюбова Ирина Михайловна – I, 457
Добролюбова Мария Генриховна – I, 502; II, 106
Добролюбова Мария Михайловна – I, 459
Добролюбовы, семья Добролюбова А.М. – I, 501, 809
Добрышев Михаил Архипович – II, 161
Добужинский Мстислав Валерьянович – II, 145, 188, 211, 442, 486, 504
Довгелло Александра Никитична – II, 195
Довгелло Лидия Павловна – II, 195
Довгелло С.П. – см. Ремизова С.П.
Долгинцев Василий Федорович – I, 289, 290, 294, 304, 318, 604, 635, 681–683, 828
Доде Альфонс – I, 254; II, 501
Долгинцев Сергей Федорович – I, 681
Долгинцев Федор Васильевич – I, 681
Долгинцева (в замуж. Вентцель) Елена Сергеевна (псевд. И. Грекова) – I, 681
Долгополов Леонид Константинович – I, 529, 653, 654
Долматов В.П. – см. Далматов В.П.
Долматова Г. – II, 591
Домициан Тит Флавий, римский имп. – I, 389
Дон, прозвище Бальмонта К.Д. – I, 125
Донкан А. – см. Дункан А.
Доржиев Агван – II, 282
Дорни Жан – II, 326
Дорошевич Влас Михайлович – I, 274; II, 70
Дорф (Зимницкий) П.Ц. – I, 535
Досекин Николай Васильевич – II, 100, 335–337
Досекины, семья – II, 336
Достоевский Федор Михайлович – I, 12, 26, 114, 116, 145, 188, 192, 411, 419, 491, 503, 607, 731, 741, 822; II, 28, 42, 103, 110, 141, 219, 220, 228, 348, 549, 585
Досужий обыватель, псевд. Курсинского А.А. – I, 272, 353, 354
Дрезден М. – I, 720
Дрейфус Альфред – I, 255, 265, 266, 401, 443, 770; II, 18, 36, 37, 63, 87
Дриттенпрейс Владимир Петрович – II, 122
Дриттенпрейс С.Ю. – см. Судейкина С.Ю.
Дробыш-Дробышевский (псевд. Перо) Алексей Алексеевич – I, 119,
Дронов Владимир Сергеевич – I, 5, 80, 130, 275, 312, 442, 619, 665, 702, 705, 706, 737; II, 274
Дувакина Наталья Викторовна – II, 21
Думнов Владимир Васильевич – I, 306
Дункан Айседора – II, 334, 336, 337
Дурнов Модест Александрович – I, 14, 15, 23, 37, 48, 49, 58, 90, 109–111, 121, 124, 136, 141, 152, 153, 191, 327, 340, 345, 401, 423, 451, 481, 482, 489–491, 517, 819, 821; II, 8, 22, 251, 333, 334, 385
Дурян Петрос – I, 237
Дымов (Перельман) Осип Исидорович – I, 66, 459; II, 107, 108
Дымова, актриса народного дома – I, 274
Дымшиц-Толстая С.И. – см. Толстая С.И.
Дьеркс Леон – II, 417, 419, 423
Дьяков Дмитрий Дмитриевич – I, 319
Дьяконов Николай Григорьевич – I, 467, 468, 534, 544, 545, 547, 548
Дэман Э. – см. Деман Э.
Дюамель Жорж – I, 210; II, 256, 362, 419
Дюжарден Эдуард – II, 308
Дюма Александр (отец) – I, 775
Дю-Прель Карл – I, 326, 364, 388, 389, 392, 393, 764, 766, 767
Дюпюи, фабрикант – II, 190, 191
Дягилев Сергей Павлович – I, 56, 452, 453, 515, 529, 602, 809; II, 17, 27, 28, 51, 65, 100–103, 420–422, 455

Е. А. – см. Бальмонт Е.А.
Е. И. П. – см. Павловская Е.И.
Е. С. – см. Кругликова Е.С.
Евг. Л. – см. Ляцкий Е.А.
Евгения – см. Павловская Е.И.
Евгеньев-Максимов (Максимов) Владислав Евгеньевич – II, 178, 397, 590
Евдокимов Евгений Антонович – I, 329, 401, 635; II, 39
Евдокимов Николай Иванович – I, 532
Евреинов Алексей Владимирович – II, 84
Еврипид – I, 123; II, 328, 505
Евстигнеева (Спиридонова) Лидия Алексеевна – I, 374; II, 288, 504
Евтушенко Евгений Александрович – II, 410
Еголин, домашний врач семьи Брюсовых – I, 84
Егоров Ефим Александрович – II, 170, 174, 175
Егоров Иван Васильевич – II, 134
Егоров Николай Георгиевич – II, 26
Езерский Иван, предполагавшийся псевд. Ореуса (Коневского) И.И. – I, 440, 464
Екатерина II, российская имп. – II, 422
Екатерина Алексеевна – см. Бальмонт Е.А.
Елагин Африкан Африканович – II, 28
Елачич Михаил Александрович – I, 535
Елачич С.А. – I, 535
Елена – см. Коршунова Е.Е.
Елена – см. Краскова Е.А.
Елена – см. Цветковская Е.К.
Елена Евгеньевна – см. Коршунова Е.Е.
Елена Константиновна – см. Цветковская Е.К.
Елена Оттобальдовна – см. Кириенко-Волошина Е.О.
Елизавета Викторовна – см. Федорова Е.В.
Елизавета Сергеевна – см. Кругликова Е.С.
Ельницкая Людмила Михайловна – I, 634
Емельянов А.Н. – см. Емельянов-Коханский А.Н.
Емельянов Юрий Николаевич – II, 227, 230
Емельянов-Коханский (Емельянов) Александр Николаевич – I, 57, 96, 98, 289, 290, 292, 294, 302, 303, 317, 318, 489, 490, 589, 604, 632, 635, 655, 667–669, 681, 686, 687, 689, 690, 692–694, 696, 697, 752, 753, 828; II, 17, 22, 27, 220, 388, 397
Енишерлов Владимир Петрович – II, 410
Епифаний Премудрый – II, 146, 149
Ермак Тимофеевич, казачий атаман – I, 256
Ермолова Мария Николаевна – I, 32
Есенин Сергей Александрович – I, 371, 374; II, 514, 560, 576
Ефимов Д.Н. – см. Фридберг Д.Н.
Ефимов Дмитрий Памфилович – II, 28
Ефремов Петр Александрович – II, 230
Ефрон Илья Абрамович – I, 538; II, 223, 239, 244, 246, 247, 249, 250, 383, 544–546
Ещбоев В., псевд. Полякова С.А. – I, 16; II, 89, 161

Жаботинский Владимир Евгеньевич (псевд. Altalena) – I, 117, 119, 120
Жакоб Макс – II, 518
Жамм Франсис – II, 410, 518, 523, 528, 529
Жан – см. Бунин И.А.
Жандр Андрей Андреевич – II, 552
Жанен Клеман – II, 294, 296
Жанна, Жанна Матвеевна – см. Брюсова И.М.
Жасминов Алексис – см. Буренин В.П.
Жданов Иван Николаевич – I, 474, 518, 520, 536; II, 224
Жданов (Гельман) Лев Григорьевич – II, 33
Жемчужников Алексей Михайлович – I, 14, 30, 481, 483, 810
Женя – см. Брюсова Е.Я.
Женя – см. Павловская Е.И.
Жеффруа Г. – см. Жофруа Г.
Жид Андре – II, 379
Жирмунский Виктор Максимович – II, 406, 410, 554
Жирмунский Роман Маркович – II, 47
Жижин Иван Ипатьевич – I, 250; II, 538, 556, 557
Жофруа (Жеффруа) Гюстав – II, 308, 309, 312, 321, 323
Жохов Михаил Александрович – I, 248
Жуков, литератор – II, 487
Жуковский Валентин Алексеевич – II, 44, 45
Жуковский Василий Андреевич – I, 96, 97, 220, 358, 359, 361, 689, 708, 759, 760; II, 234, 235
Жуковский Дмитрий Евгеньевич – II, 26, 138, 178, 194, 197–199, 213, 214, 216, 354, 355
Жуковский Павел Васильевич – II, 235
Жураковский Евгений Дмитриевич – I, 90
Журден Франсис – II, 312
Жюльен Родольф – I, 172

Забела (в замуж. Врубель) Надежда Ивановна – II, 422
Заболоцкий Николай Алексеевич – II, 589
Заборов Петр Романович – II, 281, 290, 298, 316, 318, 362
Загуляев П.М. – II, 413
Зайцев Андрей Дмитриевич – I, 463
Зайцев Борис Константинович – I, 182, 184, 277, 374; II, 206, 211, 212
Зайцев Петр Никанорович – I, 441, 444, 445; II, 398, 518, 556, 580
Зайцева (рожд. Орешникова, в первом браке Смирнова) Вера Алексеевна – I, 184
Замятнина Мария Михайловна – II, 76, 197, 313, 344, 499
Занд Жорж – см. Санд Жорж
Зандрок Адель – II, 41
Заратуштра (Заратустра, Зороастр), – I, 720, 776, 777, 806; II, 483
Зарецкий Николай Васильевич – II, 112, 113
Зарин (псевд. Талин) Федор Ефимович – I, 559, 563, 569, 570, 600, 623, 624, 625, 669, 677, 828
Заронин Григорий – см. Гиппиус А.В.
Здобнов Дмитрий Спиридонович – I, 581
Зейер Юлиус – II, 179
Зеленецкий Константин Петрович – II, 231, 232
Зелепукин Николай Павлович – I, 621
Зенкевич Михаил Александрович – II, 401, 405, 410, 511, 513
Зильберштейн Илья Самойлович – II, 227
Зимницкий П.Ц. – см. Дорф П.Ц.
Зина, Зинаида Николаевна, Зиночка – см. Гиппиус З.Н.
Зинаида Фукс – см. Фукс З.
Зиновьев Дмитрий Васильевич – II, 350
Зиновьева-Аннибал (рожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон, во втором – Иванова) Лидия Дмитриевна – I, 444; II, 76, 78, 90, 91, 93, 96, 106, 110, 179, 186, 197, 264, 275, 294, 313, 344, 350, 363, 364, 370, 372, 486
Змейка – см. Павловская Е.И.
Знаменский Н.А. (Муромцева Надежда Александровна) – II, 311
Зноско-Боровский Евгений Александрович – II, 494, 495, 497, 503, 506, 507
Золя Эмиль – I, 265, 266, 443, 644, 770
Зонов (псевд. Павлов) Аркадий Павлович – II, 148, 161, 162, 167, 169, 186, 191, 194, 199
Зороастр – см. Заратуштра
Зоя – см. Бакулина З.А.
Зубков Владимир Григорьевич – I, 286, 287
Зудерман Герман – I, 365, 369, 404, 405
Зулоага Игнасио – II, 130, 131
Зунделович Яков Осипович – II, 579

И. А. – см. Анненский И.Ф.
И. А. С. – см. Сац И.А.
И. М. – см. Брюсова И.М.
Ибсен Генрик – I, 91, 144, 145, 365, 404, 405, 458, 460, 464, 480, 485, 486, 488, 489, 501; II, 7, 12, 24, 39, 67, 97, 142, 145, 164, 166, 168, 169, 174, 175, 373, 458, 473
Иван, русский царевич, сын Ивана IV – II, 178
Иван IV Грозный, русский царь – I, 505; II, 178
Иван Иванович, князь Рязанский – I, 518, 521
Иван Иванович, повар (Париж) – II, 220
Иванникова Нелли Михайловна – II, 408
Иванов Алексей Иванович – I, 609, 632, 634
Иванов Вячеслав Иванович – I, 5, 12, 14–16, 24–27, 29, 30, 62, 64, 66, 71, 74, 75, 158, 167–169, 186, 205, 206, 232, 236, 239, 382, 411, 412, 438, 439, 444, 445, 515; II, 8, 13, 19–21, 24, 28, 63, 76, 78, 79, 88–92, 94–96, 101, 104–110, 112, 115, 122, 148, 179, 183, 185, 186, 195, 197, 201, 206, 208, 227, 247, 253, 263–267, 273, 275, 276, 281, 299, 312, 343, 327, 328, 331–333, 335, 342–346, 349, 350, 353, 359, 363, 364, 367–374, 376, 382, 390, 392, 397, 403–406, 409, 416–419, 423, 426, 433, 435, 447, 448, 473, 479, 480, 482, 484, 486, 488, 490–492, 494–498, 500, 501, 506, 508–510, 532, 541, 543–545, 547, 549, 550
Иванов Георгий Владимирович – II, 407, 513
Иванов Евгений Павлович – I, 444; II, 198
Иванов-Орловский Алексей Иванович – I, 320, 321
Иванов-Разумник (Иванов Разумник Васильевич) – II, 131, 133, 134, 144, 213, 214, 216, 217, 584, 589
Иванова Анна Николаевна – I, 195
Иванова В.К. – см. Шварсалон В.К.
Иванова Евгения Викторовна – I, 389, 441, 609, 611, 613, 633, 634, 694, 779, 785
Иванова Л.Д. – см. Зиновьева-Аннибал Л.Д.
Иванова Надежда Павловна – I, 319
Иванушка Дурачок, псевд. сотр. "Нового времени" – I, 624, 625
Ивановы, семья Иванова В.И. – II, 93, 96, 364, 447
Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич – II, 241

Ивашкевич Ярослав – II, 525
Ивойлов В.Н. – см. Княжнин В.Н.
Игнатов Иван, псевд. Максимова Д.Е. – II, 591
Игорь Святославич, русский князь – I, 301
Игумнов Константин Николаевич – I, 312
Иегер Генрик – I, 91, 145
Иезекииль, пророк – I, 782, 784
Иероним – см. Ясинский И.И.
Ижоров Г. – II, 37
Изабелла, королева Кастилии – I, 618
Изгоев (Ланда) Александр Соломонович – II, 336
Изергина Антонина Николаевна – II, 396, 399
Изергина Мария Николаевна – II, 396, 399
Измайлов Александр Алексеевич – I, 12, 411, 418, 435, 443
Измайлов Николай Васильевич – II, 227
Изяслав, рус. князь – I, 342
Иисус Христос – I, 18, 44, 266, 278, 335, 344, 360, 365, 366, 373, 386, 389, 398, 401, 454, 470, 471, 501, 512, 538, 539, 616, 628, 720, 727, 728, 749, 758, 775, 777, 779, 802; II, 211, 212, 295, 344, 353, 413, 430, 472, 527
Иловайский Дмитрий Иванович – I, 797
Иловайский Михаил Андреевич – I, 294
Ильёв Степан Петрович – I, 115, 440; II, 76, 147
Ильинский (Блюменау) Александр Адольфович – I, 532, 607, 608, 714; II, 588
Ильюнина Людмила Александровна – II, 591
Ингрэм Джон-Кельс – I, 715
Иоанн II, визант. имп. – II, 475
Иоанн Богослов – II, 372
Иоанн Креститель (Предтеча) – II, 107, 296
Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич) – II, 22
Иоанна Матвеевна – см. Брюсова И.М.
Иоаннисиан – (Иоаннисян) Иоаннес Мкртичевич – I, 237
Иогансон Франц Александрович – I, 689
Иоканаан – см. Иоанн Креститель (Предтеча)
Ионов (Бернштейн) Илья Ионович – II, 546, 547
Иорданский Николай Иванович – I, 181
Ипсен – см. Ибсен Г.
Ирелтуев Бандидо, хамбо-лама – II, 282
Ирецкий (Гликман) Виктор Яковлевич – II, 480
Ирма, корресп. Брюсова В.Я. – I, 565, 643, 644, 828
Ирод Антиппа – I, 197
Исаакян Аветик Саакович – I, 236
Исаия, пророк – I, 16, 808, 809

Йепп Дж. – см. Масперо Дж.
Йепп Изабель – II, 350
Йепп К. – см. Фийоно К.
Йепп Флоренс – II, 350
Йепп Эдвард – II, 350
Йепп Элизабет – II, 350
Йепп, семья – II, 350, 351
Йитс (Йетс, Ейтс) Уильям Батлер – II, 23

К. Д. – см. Бальмонт К.Д.
К-в Ф.Д., псевд. автора статьи в прилож. к "Ниве" – I, 791
К. К. К., псевд. Брюсова В.Я. – II, 89
К-ль – см. Кугель А.Р.
К-о, псевд. Гумилева Н.С. – II, 426
Кавальканти Гвидо – II, 456
Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович – I, 591, 610
Каверин Федор Николаевич – I, 378
Кадмин Н. – см. Абрамович Н.Я.
Казалис Анри (псевд. Лагор Жан) – II, 350
Казецкий, брат Казецкого Н.Л. – I, 23, 408
Казецкий Николай Львович – I, 23, 353, 408; II, 466
Казимирова Ника Валентиновна – I, 486
Казин Василий Васильевич – II, 538, 557, 574, 575
Кайдалова Наталья Аркадьевна – I, 11; II, 21
Калас Жан – I, 265, 266
Калас Марк Антуан – I, 266
Калашников, лицо неуст. – I, 483
Калигула Гай Юлий Цезарь – II, 417
Калидаса – I, 499, 500
Калинин, дачевладелец (Петровско-Разумовское) – II, 35
Калишевский Антон Иеронимович – II, 542
Каллаш Владимир Владимирович – I, 14, 481, 483
Каль Алексей Федорович – I, 461, 462, 503, 543, 547, 549
Кальдерон Педро де ла Барка – I, 48, 64, 98, 99, 108, 123, 128, 134–136, 144, 150, 151, 179, 180, 184, 499, 767, 768, 816
Каляев Иван Платонович – II, 138, 139, 161
Каменская Виктория Александровна – II, 591
Каменский Анатолий Павлович – II, 487
Камоэнс Луиш ди – I, 661, 665, 713, 715
Кан Гюстав – I, 446, 447; II, 88, 89, 256, 317, 318, 381
Кангиласки Як Юханович – II, 273
Кандауров Константин Васильевич – II, 398
Кандинский Василий Васильевич – II, 537
Канисский Александр Яковлевич – II, 164
Канкрин Егор Францевич – I, 532
Кант Иммануил – I, 113, 115, 338, 364, 388, 391, 392, 413, 422, 476, 477, 505, 506, 551, 766, 768, 769–771, 790, 798, 800, 803, 805–807, 819; II, 453
Каплуновский В.В. – см. Уманов В.В.
Карабанов Николай Владимирович – I, 274
Каракалла Септимий Бассиан (имп. имя – Аврелий Антонин Марк) – I, 290, 291, 615; II, 417–419, 446, 461, 465
Каракаш (в замуж. Мурзаева) Юлия Сергеевна – II, 396, 399
Карамзин Николай Михайлович – I, 318, 806, 807; II, 463
Карамзина Екатерина Николаевна – II, 242
Карамов Игнатий, псевд. Максимова Д.Е. – II, 589
Кара-Мурза (псевд. Крымский) Сергей Георгиевич – I, 441, 444, 549
Каратыгин Вячеслав Гаврилович – II, 140
Карбасников Николай Павлович – II, 36, 37, 49, 54, 125
Кардек Алан (Ипполит Ривай) – I, 326
Кардовский Дмитрий Николаевич – II, 489
Кареев Николай Иванович – I, 807, 820
Карлейль Томас – I, 254
Карлос дон (Дон Карлос, сын исп. имп. Филиппа II) – I, 313
Каролинги, королевская и императорская династия Франкского гос-ва – I, 802
Карпов Василий Николаевич – II, 275
Карпов Вл. – II, 410
Каррьер (Карьер) Эжен – II, 295–297, 352
Картер Ник, псевд. Карабанова (?) Н.В. – I, 274

Каспрович Ян – II, 10, 171, 173–177
Кастальская Ольга Николаевна – I, 602, 603
Кастро Мигуэль де – I, 172
Катков Михаил Никифорович – I, 404, 406; II, 58
Катловкер Бенедикт Адольфович – II, 480
Катулл Гай Валерий – I, 753; II, 320
Катя, предмет увлечения Брюсова В.Я. в Пятигорске – I, 381
Катя – см. Бальмонт Е.А.
Каулен Франц-Филипп – II, 107, 108
Квашнин-Самарин Евдоким Николаевич – I, 451, 486, 502, 809
Келдыш Всеволод Александрович – II, 15, 25, 148
Келлерман Бернхард – II, 574, 578
Керженцев В. (Лебедев Платон Михайлович) – II, 249
Керлон (Де Гашон) Пьер – II, 94, 303, 322, 324, 331, 334
Кетчер Николай Христофорович – I, 733
Кивлицкий Евгений Александрович – II, 182
Кизеветтер Александр Александрович – II, 207, 208
Киреева Мария Николаевна – II, 523
Кириенко Эмилиан, псевд. Волошина М.А. – II, 298
Кириенко-Волошин М.А. – см. Волошин М.А.
Кириенко-Волошина (рожд. Глазер) Елена Оттобальдовна – II, 272, 292, 312, 336, 344, 349, 354, 356–358, 365, 368, 369, 376, 381
Кириллов Владимир Тимофеевич – II, 574
Киселева, домовладелица (Луга) – II, 78
Киселева (рожд. Ушакова) Елизавета Николаевна – II, 240, 241
Киселевский Иван Платонович – I, 268
Кистенмахер Г. – I, 736
Кистер О. – I, 681
Кистяковский Богдан Александрович – II, 227
Китс Джон – I, 342, 485, 487
Клавдиан Клавдий – II, 236
Клар Э., фотограф (Тифлис) – II, 239
Клейст Генрих фон – II, 247
Клементьев, сотр. ж. "Знамя" – I, 798
Клеопатра VII, царица Египта – I, 33, 292, 518, 667; II, 16, 388
Клестов Н.С. – см. Ангарский Н.С.
Клетнова Екатерина Николаевна – I, 356, 689
Клименков В.Т. – II, 450
Климент I святой, папа римский – I, 726, 728
Климент V, папа римский – I, 139
Клингер Макс – II, 335, 336
Клодия, дочь Марка Антония – I, 327, 328
Клодт Петр Карлович – I, 324
Клочков Василий Иванович – II, 44, 45
Клычков (Лешенков) Сергей Антонович – II, 504, 557
Клюев Николай Алексеевич – I, 22; II, 160, 410, 513
Ключевский Василий Осипович – I, 740
Кнопф Фернанд – I, 175
Княжнин (Ивойлов) Владимир Николаевич – II, 208, 209
Князев Василий Васильевич(?) – II, 503
Кобылинский Л.Л. – см. Эллис Л.Л.
Ковалева Т.Ю. – I, 121
Ковалевская Александра Семеновна – I, 289
Коган Григорий Семенович – I, 318, 319
Коган Лев Семенович – I, 324
Коган Петр Семенович – I, 12, 72, 293, 294, 304, 319, 324, 338, 339, 362, 363, 664, 665, 696, 729, 734; II, 397, 536, 537, 540, 577
Кодрянская Наталья Владимировна – II, 142, 148, 149, 167, 221
Кожебаткин Александр Мелетьевич – II, 9, 23
Кожевников Владимир Александрович – II, 88
Кожевников Всеволод Абрамович – II, 148, 183
Кожевников Петр Алексеевич – II, 362
Козка Татьяна Владимировна – I, 607
Козловский Алексей Алексеевич – I, 124, 269, 594, 611
Козьмин Борис Павлович – II, 28, 415
Койранский Александр Арнольдович (псевд. Александр-ский) – I, 62; II, 219, 318, 319
Койранский Борис Арнольдович – I, 62; II, 219
Койранский Генрих Арнольдович – I, 62
Коковцев Дмитрий Иванович – II, 413
Коллет Габриель Сидони – II, 326
Колмогоров Андрей Николаевич – I, 677
Колридж Самюэл Тейлор – I, 123, 130, 137, 139, 192
Колумб Христофор – I, 624, 634, 789
Кольридж С.Т. – см. Колридж С.Т.
Кольцов Алексей Васильевич – I, 97, 167, 244, 257, 411, 431, 456, 489, 517, 518, 520, 536, 537, 761; II, 253
Коля – см. Филипенко Н.Н.
Комаровский Василий Алексеевич – II, 513
Комиссаржевская Вера Федоровна – I, 405; II, 13, 56, 59, 60, 110, 148, 167, 182, 199, 278, 367, 368, 423
Комнина (Комнен) Анна – II, 474, 475
Кондер Шарль – II, 322, 324
Кондратьев Александр Алексеевич – II, 107, 108, 431, 489, 495, 501
Коневской (Ореус) Иван Иванович – I, 6–10, 14–16, 18, 20, 23–25, 30, 48, 50, 81, 107, 110–112, 118, 130, 151, 231, 271, 340, 342, 345–347, 365, 398, 400–403, 405, 424–554, 562, 563, 577, 581, 587, 595, 603, 611, 636, 694, 811, 819, 821, 828; II, 7, 8, 19, 20, 24, 29, 31–33, 38, 39, 49, 56, 59, 60, 63, 78, 80, 82–85, 87, 110, 150, 151, 246, 251, 311, 312, 314, 317–319, 322, 323, 326–328, 385, 387, 397
Кони Анатолий Федорович – II, 244
Конисский А.Я. – см. Канисский А.Я.
Конради Павел Павлович – I, 432, 443, 444, 523–525, 538, 540, 541
Константинов К.М. – см. Азадовский К.М.
Констанция, дочь франц. короля Филиппа I – II, 475
Кончаловский Петр Петрович – I, 681
Коншина Елизавета Николаевна – I, 472, 528, 556, 607, 608, 620
Копельман (рожд. Беклемишева) Вера Евгеньевна – I, 420, 423
Копельман Соломон Юльевич – I, 420, 423; II, 209
Коперник Николай – I, 736, 739
Корецкая Инна Витальевна – I, 11, 142; II, 166, 178
Коринфский Аполлон Аполлонович – I, 314–317, 360, 413, 414, 477, 647, 652, 686, 688, 689, 784, 811–813, 815, 821
Корнеев Юрий Борисович – I, 746
Корнель Пьер – I, 294
Корнилович Николай Павлович – II, 546, 547

Корнфельд Михаил Германович – II, 504
Коробка Николай Иванович – I, 755
Коровин Константин Алексеевич – II, 504
Королев Е.Е. – I, 616
Короленко Владимир Галактионович – II, 138–140
Корпачевская М.Б. – II, 22
Корсак Казимир Валентинович – I, 304, 356
Кортес Фернандо – I, 10, 159, 160
Корф Модест Андреевич – II, 230, 231
Корш Федор Адамович – I, 268
Коршунова Елена Евгеньевна – I, 87, 91, 364, 380, 381, 708, 709, 713, 714, 716, 728, 733, 734
Косоротов Александр Иванович – II, 334, 344, 353
Косси Ф. – I, 467
Костенко Константин Евтихиевич – II, 398
Костромской – см. Дмитриев Ф.Ф.
Котарбинский Вильгельм Александрович – I, 335
Котляревская (рожд. Пехливанова, по сцене Пушкарева) Вера Васильевна – II, 22, 486
Котляревские, семья Котляревского Н.А. – I, 155
Котляревский Нестор Александрович – I, 156; II, 486
Котляревский Сергей Андреевич – II, 92, 94
Котошихин Григорий Карлович – I, 740
Котрелев Николай Всеволодович – I, 110, 169, 202, 345, 472, 511, 515, 531, 548, 607, 608; II, 5, 21, 23, 37, 48, 61, 251, 288
Котылев Александр Иванович – II, 486, 487, 491
Кохановский Ян – I, 654
Кошеверов Александр Сергеевич – II, 160
Кошутич Родован – II, 136
Кравченко Алексей Ильич – II, 539
Краг Томас – II, 88, 89, 177
Краевская В.А. – см. Курсинская В.А.
Крайний Антон, псевд. Гиппиус З.Н. – II, 112, 284, 285
Крандиевская Анастасия Романовна – I, 118
Кранихфельд Владимир Павлович – II, 276
Красиньский Зигмунт – I, 124, 269, 276, 347, 348, 350, 762, 764; II, 12, 24, 38, 48, 58, 291
Красков Андрей Андреевич – I, 618
Краскова Варвара Андреевна – I, 617, 618
Краскова Елена Андреевна – I, 614, 617–619, 622, 708, 709, 735, 737–739
Краскова Мария Ивановна – I, 572, 605, 618, 825, 828
Красковы, семья – I, 15, 617, 618
Краснов В. – см. Мазуркевич В.А.
Краснов Платон Николаевич – I, 625, 690, 741, 773
Красовский Юрий Александрович – I, 477, 784, 811
Краузе Карл – I, 130
Крейман Франц Иванович – I, 283, 798
Кремер Яков Иванович – I, 283
Кремнев Бор. – см. Чулков Г.И.
Кречетов С. – см. Соколов С.А.
Кривич В.И. – см. Анненский В.И.
Криницкий Марк – см. Самыгин М.В.
Кристенсен Дагни – I, 58, 128, 129, 134, 140, 141, 145, 179
Кристов Ф. – II, 483
Кроз Жозеф – II, 247
Кроммелинк Фернан – I, 201–203
Кругликов Николай Сергеевич – II, 491
Кругликова Елизавета Сергеевна – I, 51, 62, 143, 148, 548, 549, 732; II, 280–282, 286, 290–292, 314, 329, 330, 337, 338, 349, 362, 381, 411, 419, 477, 478, 514
Крупская (в замуж. Ульянова) Надежда Константиновна – I, 66, 82
Крутикова Нина Евгеньевна – II, 25
Крыленко С.В. – II, 578
Крылов Иван Андреевич – I, 637, 688
Крымов Николай Петрович – II, 121, 122
Крымский С. – см. Кара-Мурза С.Г.
Крэг Гордон – II, 23
Крюкова Алиса Михайловна – II, 383
Ктесий – II, 473
Кубасов Иван Андреевич – II, 240
Кубин Альфред – II, 94–96
Кублицкая-Пиоттух (рожд. Бекетова, в первом браке Блок) Александра Александровна – II, 486
Кувакин Валерий Александрович – II, 178
Куванова Людмила Кирилловна – II, 5, 223, 226
Кугель (псевд. К-ль А.) Александр Рафаилович – I, 268
Кугульский Семен Лазаревич – II, 440
Кудряшов Михаил Иванович – I, 665
Кузмин Михаил Алексеевич – I, 71, 179, 180, 186, 193; II, 20, 63, 109–110, 129 130, 146, 197, 204, 206, 208, 209, 212, 235, 265, 276, 364, 367, 368, 370, 372, 390, 440, 441, 473, 480, 488, 491, 494–496, 513, 515, 517, 523, 526, 543, 546, 560, 561
Кузнецов Ю. – II, 410
Кузьмина Л.И. – 552
Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович – II, 509–511
Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко, во втором браке Скобцова) Елизавета Юрьевна (в монашестве – мать Мария) – II, 401, 405, 510, 511, 513
Кузьмины-Караваевы, семья – II, 503, 511
Куинси Томас де – I, 129
Кук Джемс – I, 223
Кульюс Светлана Константиновна – I, 11, 372, 373, 455, 477, 765, 766, 771, 790, 801, 824
Куманин Василий Николаевич – I, 148
Кунцман Александр Иосифович – I, 499, 500
Кунцман (рожд. Ореус) Александра – I, 500
Кунцман Иосиф – I, 500
Куприн Александр Иванович – I, 180, 186, 273; II – 140, 504
Куприянов Игорь Терентьевич – II, 272, 275, 276, 336
Куприяновский Павел Вячеславович – I, 248, 250, 389; II 591
Купченко Владимир Петрович – II, 251, 272, 275, 278, 286, 288, 318, 337, 344, 370, 383, 398
Курбатов Иван Фролович – I, 363
Курдюмов Всеволод Валерьянович – II, 513
Курников Василий Андрианович (или Ардальонович) – I, 204, 205; II, 87, 89–91, 98, 101, 106, 111, 122, 123, 127, 178, 179, 354, 355
Курникова, жена Курникова В.А. – II, 91
Куропаткин Алексей Николаевич – II, 96
Курсинская (рожд. Краевская) Ванда (Норбертина) Андреевна – I, 269, 279, 303, 324–326, 337, 338, 342, 343, 816
Курсинская Нина Александровна – I, 270, 274–276, 278

Курсинская (рожд. Михайлова) Софья Матвеевна – I, 345
Курсинский Александр Антонович – I, 6–9, 13–18, 20–23, 38, 40, 43, 47, 48, 80, 81, 83–85, 90, 92, 100, 101, 106, 108, 110, 118, 119, 122, 124, 125, 178–180, 248, 256, 259, 260, 269–361, 372, 373, 377, 400, 401, 409, 426, 441, 447, 471, 481–483, 490, 560, 562, 563, 572, 583, 594, 595, 611, 618, 635, 646, 648, 655, 661, 664, 667, 671, 673, 681, 690, 691, 693, 696, 698–701, 704–706, 708, 712, 715–719, 722, 724, 725, 727, 729, 732–735, 740, 764, 773, 785, 788–790, 800, 816, 819, 821, 826–828; II, 31, 33, 38, 47, 48, 55, 74, 75, 111, 151, 199, 203, 204, 373, 564
Курсинский Антон Адамович – I, 269, 303, 326, 337, 338
Кусаков Лев Михайлович – I, 318
Кусиков (Кусикян) Александр Борисович – II, 534, 536–538, 540, 576
Кустодиев Борис Михайлович – II, 173, 393, 504
Кустодиева Татьяна Борисовна – I, 11, 728
Кутузов А.А. – см. Голенищев-Кутузов А.А.
Кутырин, домовладелец (Петровское-Разумовское) – I, 349; II, 34, 36, 38
Кушнерев Иван Николаевич – I, 199, 265, 625, 632, 701
Кюбелье де Бейнак – II, 308
Кювилье (в первом браке Кудашева, во втором Роллан) Мария (Майя) Павловна – II, 273
Кюхельбекер Вильгельм Карлович – I, 346, 437, 443, 552

Л. Всеволод лицо неуст. – I, 119
Л.Л.Л., инициалы, данные Брюсовым для корреспонденции "до востребования" – I, 633
Л.О. – см. Оболенский Л.Е.
Лабрюйер Жан де – I, 746
Лаверычев Владимир Яковлевич – II, 21
Лавров Александр Васильевич – I, 10, 11, 112, 130, 147, 169, 186, 205, 210, 277, 347, 424, 532, 707, 712, 817; II, 10, 24, 137, 166, 175, 178, 188, 192, 251, 272, 332, 362, 371, 523, 584, 591
Ладыженский Владимир Николаевич – I, 652, 654
Ладыжников Иван Павлович – II, 384
Лазарев Валентин Александрович – I, 205; II, 148
Лазаревский Борис Александрович – I, 371
Лазарик П.А. – I, 313, 315
Лазурский Владимир Федорович – I, 158, 280, 294
Лакост Шарль – II, 257, 293, 294, 296, 300, 303–305, 313, 315, 316, 318, 319, 322, 327, 328, 331, 333, 335, 345
Лакюзон Адольф – II, 256, 281, 305
Ламарк Жан Батист Пьер – II, 313
Ланг, владелец пансиона в Неваде – I, 466
Ланг (рожд. Ширяева) Авдотья Павловна – I, 84, 288–290, 314, 628, 708
Ланг Александр Александрович (отец) – I, 290, 565, 624; II, 48
Ланг (псевд. Березин, Миропольский А., Миропольский А.Л.) Александр Александрович (сын) – I, 14, 40, 54, 84, 90, 113, 124, 248, 254, 255, 282, 283, 286, 288–290, 294, 300, 302, 306, 310, 314–316, 320–322, 335, 340, 344–347, 365, 389, 400, 401, 423, 426, 434, 435, 439, 441, 443, 470, 471, 475, 478–485, 488, 495, 497, 506–510, 544–546, 558, 560, 562–565, 604, 608, 609, 619, 623–625, 627, 628, 631–636, 645, 655, 661, 669, 671, 673, 685–688, 691, 693, 696, 699, 700, 705–709, 714, 716, 731, 737, 825–828; II, 8, 33, 48, 56, 60, 130, 140, 151, 172, 391, 397
Ланг Роберт – I, 615
Ланге Тор Нэве – I, 151, 155, 156, 270; II, 177
Ландау Ефим Иосифович – II, 526
Ландель Приска де (Бургуэн Луиза) – I, 18, 559, 561, 586, 596, 643, 649, 650, 656–661, 670, 671, 682, 715, 828
Ландельт, владелец кафе в Женеве – II, 96, 343
Ландсберг Ганс – II, 70, 80
Лансере Евгений Евгеньевич – I, 171, 489, 490, 492
Ланский Леонид Рафаилович – I, 277; II, 540
Лао-цзы (Лаотзы) – I, 200
Лапин Борис Матвеевич – II, 580
Лаплас Пьер Симон – II, 313
Лаппа, литератор – II, 487
Лапрад Пьер – II, 291, 296
Лапшин Иван Иванович – I, 340, 800
Лапшина, дочь Лапшина И.И. – I, 340
Ларошфуко Франсуа де – I, 746
Лас Касас (Лас Казас) Бартоломе – I, 616, 618
Лафорг Жюль – I, 431, 442, 445, 447, 448, 450, 452, 492, 495, 511, 514, 519, 525, 540, 544; II, 255, 288, 321, 326, 327, 354
Лебедев А.В. – I, 781
Лебедев Владимир Петрович – I, 315, 652, 654
Лебедев Петр Семенович – I, 124; II, 58, 59
Лебедева Лидия Петровна – I, 124; II, 56–59, 162
Леблан-Метерлинк Жоржетта – I, 356; II, 73, 83
Левенсон Александр Александрович – I, 100, 106, 681, 701; II, 241, 523
Леви Элифас (о. Констант) – II, 420, 422
Левин Александр Михайлович – I, 792
Левинсон Андрей Яковлевич – II, 244, 410, 487
Левицкий Дмитрий Григорьевич – I, 123
Легкова Екатерина – I, 763
Легран Луи – II, 308, 309
Ле Гран Мари – II, 361
Ледерле Михаил Михайлович – I, 84, 493, 696
Лежнев (Горелик) Абрам Зеликович (Захарович) – I, 591, 610
Лейбниц Готфрид Вильгельм – I, 17, 115, 191, 362, 364, 372, 385, 386, 391–393, 455, 459, 531, 584, 667, 713, 716, 764–768, 781, 790, 801, 803, 805–807, 819
Леконт де Лиль Шарль – I, 492, 687, 691, 773; II, 419, 480, 482, 492, 502, 566
Леконт Себастьян-Шарль – II, 308
Леконт Эмиль – I, 223
Лелевич Г. (Колманзон Лабори Гилелевич) – II, 226, 586
Лелечкин И.О. – см. Лялечкин И.О.
Лелиан (Бедный Лелиан) – см. Верлен П.
Лёля – см. Краскова Е.А.
Лёля Валентинова – см. Валентинова Лёля
Леман (псевд. Диск) Борис Алексеевич – II, 201
Леметр Жюль Франсуа Эли – II, 334
Лемке Михаил Константинович – I, 490
Лена – см. Коршунова Е.Е.
Ленау Николаус (Штреленау Франц Нимош Эдлер фон) – I, 191, 454, 531; II, 60
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич – I, 66, 82, 247, 370, 807; II, 537, 538, 557
Ленский (Вервициотти) Александр Павлович – II, 423

Леонардо да Винчи – I, 32, 389, 488, 544, 725, 727, 728, 764, 766; II, 41, 54, 234, 328, 351, 352
Леонтьев-Щеглов Иван Леонтьевич – I, 118, 373, 513; II, 150
Леонтьева Татьяна Николаевна – I, 607
Леопарди Джакомо – I, 338, 339
Леото Поль – II, 316, 334
Лепская Наталья Ильинична – I, 607
Лерберг Шарль ван – I, 194–196, 200, 210, 211, 222, 223; II, 299
Лермонтов Михаил Юрьевич – I, 53, 64, 96, 97, 167, 312, 313, 315–317, 322, 338, 387, 412, 442, 476, 495, 528, 536, 704, 705, 759–761, 822; II, 111, 238, 579, 588, 589
Лернер Николай Осипович – I, 204, 205, 429, 437, 443; II, 13, 14, 24, 38, 54–56, 59, 60, 62, 65, 68, 69, 71–73, 75, 123, 192, 227, 228, 229, 235–242, 250, 409, 497
Лесков Николай Семенович – II, 141, 146
Лесман Михаил Семенович – I, 488, 546
Лессинг Готхольд Эфраим – I, 294, 476
Лжедимитрий I – II, 502
Либерман Я., типограф (СПб) – I, 97
Ливий Друз Марк (младший) – I, 325, 326
Ливий Тит – I, 6, 186, 619, 620, 665, 709, 713, 716; II, 464
Лившиц Бенедикт Константинович – II, 407, 504
Лидин Владимир Германович – I, 706
Лидин В., несостоявшийся псевд. Брюсова В.Я. – I, 249, 684
Лидия Дмитриевна – см. Зиновьева-Аннибал Л.Д.
Ликиардопуло Михаил Федорович – I, 179, 180, 193, 194, 198, 202–204, 206, 207, 214, 276; II, 13, 111, 116, 119, 120, 122–124, 126–129, 417, 418, 431, 435, 440, 456, 467, 490, 497
Ликофран (Ликофрон), древнегреч. писатель – I, 694
Лиль Адан – см. Вилье де Лиль Адан
Лильен (Лилиен) Эфраим Мозе – I, 382; II, 94, 95
Лимбурги, братья – II, 27
Лимонов, перев. Ибсена Г. – I, 145
Линецкая (Фельдман) Эльга Львовна – I, 746
Линская-Неметти (Колышкина) Вера Александровна – II, 175
Лионель, псевд. Бальмонта К.Д. – I, 128, 130; II, 48, 49
Липпи Фра Филиппо – II, 62, 97
Липскеров Константин Абрамович – II, 580
Лисий – I, 604
Лисицын Петр Николаевич – II, 36
Лисснер Артур Генрихович – I, 795
Лисснер Эрнест-Константин Антонович – I, 252, 322, 614, 698, 828
Лист Ференц – I, 134
Литвин Елена Юрьевна – I, 110; II, 147, 152, 223, 226, 227
Литвин Эсфирь Соломоновна – I, 82, 608, 636, 729, 731; II, 25, 126, 227
Литвинов Иван Михайлович – I, 145
Литовцев С.Л. – см. Поляков С.Л.
Литчфус (Личфусс) Виктор – II, 256, 335, 336
Лихачев Владимир Сергеевич – I, 413, 415
Лихачев Дмитрий Сергеевич – II, 149
Лобанов В., псевд. сотр. газ. "Руль" – II, 523
Лобачевский Николай Иванович – I, 21, 113, 115
Ловягин Александр Михайлович – I, 434
Лозинская И.В. – см. Платонова-Лозинская И.В.
Лозинский Михаил Леонидович – II, 401, 406, 407, 494, 495, 513, 524, 538, 565, 566
Локк Джон – I, 6, 667, 713, 716
Локс Константин Григорьевич – I, 445
Ломоносов Михаил Васильевич – I, 6, 307, 323 442, 553, 595, 712, 722, 757, 763
Лонгинов Михаил Николаевич – II, 558
Лонгфелло Генри Уодсворт – I, 269; II, 18
Лорис-Меликов Михаил Тариэлович – II, 244
Лоррен Жан – II, 312, 321, 323
Лосский Николай Онуфриевич – I, 171; II, 178
Лотман Юрий Михайлович – II, 591
Лохвицкая (в замуж. Жибер) Мирра (Мария) Александровна – I, 8, 58, 99, 100, 128, 168, 229, 400, 511, 517, 789–791; II, 26, 33
Лохвицкая Н.А. – см. Тэффи Н.А.
Луганский (Голяков) Алексей Яковлевич – I, 250
Лужский (Калужский) Василий Васильевич – II, 373
Луис Пьер – I, 489, 490, 492, 495
Лука, евангелист – I, 266
Лукницкий Павел Николаевич – II, 407, 413, 415, 468, 494, 502, 504, 505
Лукреций Кар Тит – II, 44, 84, 85, 87, 318, 319
Луксорий – II, 236
Лукьянов Александр Александрович – II, 357, 358
Луначарский Анатолий Васильевич – I, 5, 273, 371, 374, 716; II, 137, 138, 147, 181, 182, 220, 227, 394, 398, 514, 534, 537, 538, 540, 548, 572, 575, 577
Лурье Семен Владимирович – I, 202, 203, 216, 220, 221; II, 208, 210, 500
Лучицкий Иван Васильевич – II, 181, 182
Львов-Рогачевский (Рогачевский) Василий Львович – II, 268, 274, 497, 576
Львова Надежда Григорьевна – I, 15; II, 511, 515, 517, 518, 520
Льдов К. (Розенблюм Витольд-Константин Николаевич)– I, 96, 97, 365, 386, 387, 404, 650, 653, 680, 692
Льюис Джордж Генри – I, 768, 816
Л'Эспинас Жюли де – II, 324
Любич-Кошуров Иоасаф Арианович – I, 481, 483; II, 8
Любовь Дмитриевна – см. Блок Л.Д.
Любошиц Семен Борисович – II, 49, 50
Людовик XIII, франц. король – II, 323
Людовик XIV, франц. король – I, 379
Людовик XV, франц. король – I, 265; II, 322, 324
Людовик XVI, франц. король – I, 404
Людовик(Луи)-Филипп, франц. король – I, 393
Люксембургский, герцог (Монморанси-Бутвилль Франсуа Анри де) – II, 324
Люнгрен Магнус – II, 21
Люнье-По (Люнье) Орельен Мари – II, 257
Люси – см. Савицкая Л.И.
Лютер Александр – I, 502
Лютер Артур – I, 190, 506; II, 325
Лютер Федор Александрович – I, 432, 444, 502, 503, 543, 547, 551
Лялечкин (псевд. Сызранский) Иван Осипович – I, 30, 33, 246, 248, 250, 251, 317, 570, 646–650, 652, 700, 770, 828; II, 392, 397
Лямина Елена Сергеевна – II, 272
Ляцкий Евгений Александрович – I, 155, 156; II, 189, 199, 325, 405

М., псевд. Брюсова В.Я. – I, 684, 689, 693
М., псевд. Ланга А.А. – I, 691
М., псевд. сотр. "Нового времени" – I, 489
М., псевд. сотр. "Киевских откликов" – II, 182
М. А. – см. Алексеев М.П.
М. В. – см. Якунчикова М.В.
М. И. – см. Терещенко М.И.
М. О. И., псевд. перев. Шницлера А. – I, 515; II, 32, 40
М. Р., псевд. Балтрушайтиса Ю.К. – II, 336
Магеллан Фернан – I, 74
Магомедова Дина Махмудовна – II, 591
Магомет (Мухаммад) – I, 354
Маделунг Оге (Ааге, Аггей Андреевич) – II, 89, 148, 161–167, 169, 172, 174–178, 180–187, 189, 190, 204, 220, 221
Маевский Эразм – I, 269, 276, 343
Мазур Тамара Павловна – I, 812
Мазуркевич (псевд. Краснов) Владимир Александрович – I, 413, 689
Майков Аполлон Николаевич – I, 96, 97, 167, 361, 415, 513, 531, 677, 719, 720, 759, 797
Майков Леонид Николаевич – II, 223, 224, 226, 230
Маймин Евгений Александрович – I, 431, 442
Майоль Аристид Жозеф Бонавентюр – II, 317
Макагонова Тамара Мироновна – II, 160
Макаров Николай Петрович – I, 311, 312
Макеев Сергей Матвеевич – I, 734
Макиавелли (Макьявелли) Никколо – II, 266, 376
Маковский Константин Егорович – I, 453
Маковский Сергей Константинович – I, 233, 430, 441, 442, 452, 453; II, 102, 103, 190, 265, 276, 281, 407, 430, 457, 484, 486, 488, 491, 492, 494, 495, 507
Макогоненко Георгий Пантелеймонович – I, 610
Мак-Орлан Пьер – II, 23
Макридин Н.В. – II, 513
Макс – см. Волошин М.А.
Максим Эфесский – I, 388, 389
Максимов В.Е., Максимов-Евгеньев В.Е. – см. Евгеньев-Максимов В.Е.
Максимов Дмитрий Евгеньевич – I, 80, 81, 139, 257, 367, 373, 441, 455, 610; II, 24, 115, 178, 191, 192, 205, 233, 300, 348, 359, 383, 409, 428, 510, 574, 583–591
Максимович, владелец пансионата в Майоренгофе – II, 243
Макьявелли Н. – см. Макиавелли Н.
Малахиева (рожд. Мирович) Варвара Григорьевна – II, 209, 500
Малиновский, лицо неуст. – II, 99
Малицкий Неофит Владимирович – I, 248
Малкина Екатерина Романовна – II, 405, 409
Малларме Стефан – I, 7, 33, 89, 91, 181, 242, 249, 252, 433, 447–449, 454, 476, 478, 586, 622, 623, 631, 641, 658–660, 666, 684, 685, 688, 689, 693; II, 12, 255–257, 266, 274, 280, 288, 289, 293, 296, 297, 299, 312, 313, 317–319, 321, 324–326, 330, 333, 335, 346, 349, 350, 351, 370, 379, 381, 392, 403, 467, 468, 478, 518
Малышев Владимир Иванович – II, 149
Малышинский Аркадий Павлович – I, 330
Мальбранис Никола – I, 393
Малютин Сергей Васильевич – II, 148
Мамин-Сибиряк (Мамин) Дмитрий Наркисович – I, 412, 419
Мамонтов Анатолий Иванович – I, 221, 276; II, 26, 37, 46, 49, 58, 60, 61, 80, 86
Мамонтов Виктор Арамович – II, 272, 273, 275, 279
Мамонтов Савва Иванович – II, 5
Манасеин Михаил Петрович – II, 486
Манасеина Екатерина Михайловна – II, 486
Манасеина Наталья Ивановна – II, 198, 486
Манассия, царь Иудеи – I, 808
Мандельштам Осип Эмильевич – I, 440, II, 160, 407, 509, 513, 543, 574
Мане Эдуард – II, 93, 94
Манлий Капитолийский Марк – II, 464
Мануйлов Виктор Андроникович – II, 272, 278, 279, 380, 396
Маня – см. Ширяева М.П.
Марат Жан Поль – I, 456, 457
Маргарита Васильевна – см. Сабашникова М.В.
Маргарян Аралуйс Егишевна – II, 397
Маргерит Виктор – II, 322, 324
Маргерит Поль – II, 322, 324
Мариенгоф Анатолий Борисович – II, 576
Марина Мнишек – см. Мнишек Марина
Мария – см. Ширяева М.П.
Мария, случайная попутчица Брюсова В.Я. и адресат его стихов – I, 309
Мария Антуанетта, франц. королева – II, 324
Мария Васильевна – см. Якунчикова М.В.
Мария Львовна – см. Толстая М.Л.
Марк, евангелист – I, 266, 809
Марк Антоний – см. Антоний Марк
Марков Анатолий Федорович – II, 226, 276, 278, 286
Маркс Адольф Федорович – I, 135, 224, 495, 812; II, 237
Маркс Карл – I, 807; II, 394
Марлинский А.А. – см. Бестужев А.А.
Марло Кристофер – I, 766, 768
Марселина – см. Дебор-Вальмор М.
Мартини Альберто – II, 53, 129, 236
Мартов Вл. – см. Михайлов В.П.
Мартов Э (или Эрл) – см. Бугон А.Э.
Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович – II, 139
Маруся – см. Волошина М.С.
Марциал Марк Валерий – II, 320
Марцишевская Ксения Александровна – I, 376
Марья Ивановна – см. Балтрушайтис М.И.
Масанов Иван Филиппович – I, 634, 690
Маслов Владимир Александрович, псевд. Брюсова В.Я. – I, 240, 248, 251, 252, 565, 608, 615, 620, 622–627, 634, 635, 639, 646, 655, 657, 658, 661, 676, 683, 693, 696; II, 402
Маслов Дмитрий Степанович – I, 248
Масловский Сергей Дмитриевич (псевд. Дмитриев, М-ский, Мстиславский) – II, 249, 250
Масперо Гастон – I, 215, 220, 388, 389; II, 351
Масперо (рожд. Йепп) Джульетта (Этти) – II, 350, 351
Матвеев Борис Николаевич – II, 273, 348, 349
Матвеева Л.П. – II, 273, 349
Матерлинк М. – см. Метерлинк М.
Матерн Эмилий Эмильевич – II, 40
Матисс Анри Эмиль Бенуа – II, 258
Матфей, евангелист – II, 446
Машкин Николай Александрович – I, 714
Маяковский Владимир Владимирович – I, 5, 239; II, 518, 522, 538, 556, 574

Медведев Лев Михайлович (псевд. Comte Ours) – I, 14, 481, 483
Медведский Константин Петрович – I, 90, 118, 119, 324, 791, 815
Меергейм Рихард Альберт фон – I, 565
Мей Лев Александрович – I, 126, 315, 759
Мейер Макс Вильгельм – II, 7, 22
Мейер Эдуард – II, 90, 91
Мейерхольд Всеволод Эмильевич – I, 10; II, 110, 159, 160, 163–167, 169, 171, 174–176, 178–181, 190, 191, 199, 368, 486
Мейерхольд (рожд. Мунт) Ольга Михайловна – II, 159, 166
Мейстер Лидия Г. – II, 113
Меланхтон Филипп – I, 393
Меленевский Викентий – II, 60
Мелин Феликс Жюль – I, 265, 266
Мёллер Петер Ульф – II, 177
Меллерио Андре – II, 296, 308, 309
Мендоса (Дон Диего Уртадо де Мендоса) – I, 766, 768
Менелик II, эфиопский имп. – II, 495
Менжинский Вячеслав Рудольфович – I, 535
Менье Константен Эмиль – II, 296
Меньшиков Михаил Осипович – I, 651, 653
Мережковская З.Н. – см. Гиппиус З.Н.
Мережковские, Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна – I, 10, 48, 65, 117, 119, 139, 239; II, 19, 26, 41, 42, 44, 45, 65, 70, 71, 78, 80, 89, 108, 110, 162, 174, 180, 194, 220, 227, 272, 286, 402, 419, 474, 490
Мережковский Дмитрий Сергеевич – I, 20, 21, 30, 32, 33, 45, 48, 57, 72, 83, 84, 91, 92, 102, 103, 106, 114, 116–121, 123, 136, 142, 153, 167, 193, 206, 224, 296, 317, 334, 341, 342, 352, 360, 365, 369, 388–400, 402, 408, 409, 412, 424, 435, 436, 444, 475, 483, 484, 487, 491, 493, 494, 511, 513, 516, 517, 525, 526, 528, 529, 539, 625, 626, 648, 650–653, 680, 685, 686, 701, 713, 726, 727, 733–735, 739, 747, 752, 797, 809–811, 813–815; II, 9, 16, 17, 20, 24, 26–29, 37, 39–45, 52, 54, 65, 66, 70–72, 74, 78, 80, 82, 83, 94–96, 108, 110, 120, 127, 129, 140, 180, 254, 276, 286, 344, 353, 389, 426, 427, 431, 448, 474, 485, 487, 500, 501, 549
Меркушев Михаил Логгинович – I, 260, 329, 494, 639, 652, 711
Мерриль Стюарт – I, 446, 447, 450, 496–498, 500, 694, 698; II, 255, 296, 317, 318
Мерсеро Александр (псевд. Эсмер-Вальдор) – I, 210; II, 256, 362, 363, 380, 381
Месник, типограф (СПб) – I, 308
Мессарош Петр Ипполитович – I, 815
Местр Жозеф Мари де – II, 308
Метерлинк Ж. – см. Леблан-Метерлинк Ж.
Метерлинк Морис – I, 7, 28, 37, 43, 92, 174, 175, 205, 242, 252, 270, 281, 282, 322, 323, 334, 342, 354, 356, 365, 369, 372, 373, 380–382, 402, 403, 446–448, 450, 458, 460, 474, 482, 492, 495–497, 501, 542, 576, 622, 623, 632, 634, 641 658, 660, 679, 682, 684, 685, 688, 689, 697, 716, 734, 742, 743, 745, 757, 759, 765, 783, 784, 808, 809, 815; II, 10, 12, 15, 31, 32, 56–58, 73, 83, 85, 94, 95, 140, 147, 163–170, 182, 186, 237, 255, 256, 288, 296, 297, 316, 334, 335, 338, 340, 342, 345, 348, 355, 368, 392, 414
Метнер (рожд. Братенши) Анна Михайловна – I, 594, 611
Метнер (рожд. Братенши) Елена Михайловна – I, 611
Метнер Николай Карлович – I, 594, 611
Метнер (псевд. Вольфинг) Эмилий Карлович – I, 193, 611; II, 127, 234, 235, 332
Метсю Габриель – II, 134
Мечников Илья Ильич – II, 291
Мечникова (рожд. Белокопытова) Ольга Николаевна – II, 291
Мещерский Александр Иванович – I, 315, 351
Мещеряков Николай Леонидович – II, 557, 572
Мибруч, предполагавшийся коллективный псевд. Миропольского (Ланга) А.А., Брюсова В.Я. и Новича (Бахтина Н.Н.) – I, 709
Микельанджело Буонаротти (Микельаньоло ди Лодовико ди Леонардо ди Буонаррото Симони) – I, 380; II, 62, 384
Микулич В. (Веселитская Лидия Ивановна) – II, 426, 428
Милиоти Василий Дмитриевич – II, 128, 218, 331
Милорадовичи, домовладельцы (Москва) – II, 370, 374
Мильчина Вера Аркадьевна – I, 667
Милютин Алексей Дмитриевич – I, 120
Миляев Василий Евгеньевич – I, 652, 654
Минский (Виленкин) Николай Максимович – I, 16, 30, 33, 48, 57, 66, 106, 116, 119, 126, 186, 284, 317, 389, 400, 408, 412, 414, 424, 425, 435, 440, 441, 483, 484, 490, 491, 493, 511, 514, 517, 521, 525, 650–654, 684–686, 688, 701, 713, 717, 727, 811, 813–815; II, 9, 10, 12, 16, 17, 20, 28, 29, 33, 34, 65, 66, 74, 112, 139, 140, 147, 164, 167, 169, 272, 281, 427, 429, 437
Минуций Феликс – I, 403, 404
Минц Зара Григорьевна – I, 369; II, 149, 591
Минцлов Сергей Рудольфович – II, 244
Минцлова Анна Рудольфовна – I, 121, 122, 124, 136, 346, 347; II, 266
Мирбо Октав – II, 295–297, 326, 378
Мирза-Авакян Мира Леоновна – I, 419, 448, 820
Мириам – см. Пшесмыцкий З.
Мирович Анастасия Григорьевна – I, 443; II, 33, 49, 52, 71, 151
Мирович В.Г. – см. Малахиева В.Г.
Миролюбов Виктор Сергеевич – I, 12; II, 260
Миропольский А. – см. Ланг А.А.
Миропольский А.Л. – см. Ланг А.А.
Мирский Д.П. – см. Святополк-Мирский Д.П.
Миртова (рожд. Негрескул, в замуж. Котылева) Ольга Эммануиловна – II, 216
Митенька – см. Мережковский Д.С.
Митрохин Дмитрий Исидорович – I, 225; II, 359
Михаил Евдокимович – см. Бабурин М.Е.
Михаил Николаевич – см. Семенов М.Н.
Михайлов (псевд. Мартов) Владимир Петрович – I, 622
Михайлов Михаил Илларионович – I, 97, 759
Михайлова Анна Николаевна – II, 207, 500
Михайлова Екатерина Николаевна – II, 385
Михайлова С.М. – см. Курсинская С.М.
Михайловский Николай Константинович – I, 119, 268, 367, 373, 413, 634, 649, 669, 685, 686, 689; II, 392, 397
Михаловский Дмитрий Лаврентьевич – I, 810
Михельсон Иван Иванович – I, 532
Мицкевич Адам – I, 187, 191, 267; II, 12, 13

Мишель Андре – II, 308, 309
Мнишек Марина – I, 43, 334
Мовшензон Е.Г. – см. Полонская Е.Г.
Мовшензон Шарлотта Ильинична – II, 515
Модзалевский Борис Львович – I, 477; II, 240, 241
Модзалевский Лев Борисович – II, 64
Моисеенков Федор Павлович – I, 326
Моисей, пророк – II, 295
Мокель Альбер – II, 256, 298, 299, 305, 306, 311, 314
Моклер (Моклэр) Камиль – II, 288, 289, 293, 298, 303, 317, 318
Мол А., фотограф (Нерви) – I, 813
Молдаванов Н., псевд. Ремизова А.М. – II, 147, 217, 221
Мольер (Поклен Жан Батист) – I, 531; II, 544
Моммзен Теодор – I, 724
Моне Клод Оскар – II, 348–350, 352
Монигетти В.И. – I, 483
Монт – см. Бальмонт К.Д.
Монтескиу-Фезенсак Робер де – I, 317, 446, 447, 782, 783
Монфрейд Жорж Даниэль де – II, 299
Мопассан Ги де – I, 278, 280, 314, 369; II, 17
Мор Томас – II, 326
Моравская Мария Людвиговна – II, 513
Мордвин – см. Тихонов В.А.
Мордерер Валентина Яковлевна – I, 11, 424, 444, 532, 551, 553
Мореас Жан (Пападиамандопулос Яннис) – I, 446, 447, 685, 697, 698, 715; II, 255, 256, 327, 328, 356, 523, 576
Мори Жан Сиффрен – I, 393
Морис Шарль – I, 613, 642, 643, 661; II, 293, 381
Моро Гюстав – II, 252, 323, 352, 354, 467, 468
Морозов Николай Александрович – II, 209, 393, 397
Морозов Петр Осипович – II, 242, 243
Морозова (рожд. Мамонтова) Маргарита Кирилловна – II, 102
Морозовы, купеческая семья – II, 5
Морреас Ж. – см. Мореас Ж.
Моррис Уильям – I, 485, 487
Моррис Ш. – см. Морис Ш.
Морфилл (Морфиль) Уильям Ричард – I, 115, 130, 140, 212–214; II, 76
Морэ Александр – I, 226, 227
Мосалева Елена Константиновна – I, 607
Москвитянин, псевд. Брюсова В.Я. – I, 148
Моте (в замуж. Верлен) Матильда – I, 613, 614, 631
Мотовилова Софья Николаевна – I, 712
Моцарт Вольфганг Амадей – I, 186, 513; II, 408, 446
Мочалов Павел Степанович – I, 330, 331
М-ский С. – см. Масловский С.Д.
Мстиславский Сергей Дмитриевич – см. Масловский С.Д.
Мунштейн Леонид Григорьевич (псевд. Lolo) – I, 117, 119
Мур Томас – I, 22, 269, 271, 288, 292, 296, 298, 302, 303, 329, 360, 361, 646
Муравьев Александр Николаевич – II, 517
Муравьев Владимир Брониславович – II, 398
Муравьев-Апостол Сергей Иванович – II, 236
Мурад (Амурат) I, тур. султан – I, 819, 821
Муратова Ксения Дмитриевна – II, 25
Мурильо Бартоломе Эстебан – I, 632
Муромцева (в замуж. Бунина) Вера Николаевна – II, 27
Мусатов – см. Борисов-Мусатов В.Е.
Мусоргский Модест Петрович – II, 219
Мутер Рихард – II, 419
Муханов Александр Алексеевич – I, 515; II, 63
Мэгрон Луи – II, 270
Мэри – см. Ширяева М.П.
Мэтерлинк М. – см. Метерлинк М.
Мэстр Ж.М. де – см. Местр Ж.М. де
Мюссе Альфред де – I, 18, 305, 314, 316, 380, 381, 457, 528, 599, 664, 667, 680, 691, 740

Н., псевд. Черногубова(?) Н.Н. – II, 87
Н. Г., псевд. Гумилева Н.С. – II, 479, 513
Н. Г., псевд. перев. Верлена П. – I, 764
Н. Н. – см. Николаев Н.Н.
Н. Т., псевд. сост. книги "Русско-японская война" – II, 309
Навилль Эдуард Анри – I, 215
Навуходоносор II, вавилонский царь – I, 512, 514
Недельман Эльяш – I, 165
Надсон Семен Яковлевич – I, 21, 97, 328, 411, 412, 650, 653; II, 404, 409
Надя – см. Брюсова Н.Я.
Надя – см. Львова Н.Г.
Назаревский Алексей Владимирович – I, 294
Наполеон I Бонапарт, франц, имп. – I, 116, 266, 749; II, 266, 267, 376, 390
Наппельбаум Моисей Соломонович – II, 551
Нарбут Владимир Иванович – I, 445; II, 405, 406, 410, 511, 513, 527, 557
Нарзес, визант. полководец – I, 283, 284
Натансон Александр – II, 323
Натансон Альфред – II, 323
Натансон Таде – II, 321, 323
Наташа – см. Ремизова Н.А.
Натье Жан Марк – II, 324
Науман Эмиль – II, 447
Неведомская (рожд. Королькова) Вера Алексеевна – II, 503
Неведомский (Миклашевский) Михаил Петрович – II, 410
Неверов (Скобелев) Александр Сергеевич – II, 557
Недумов Сергей Иванович – I, 315
Нежданова Антонина Васильевна – II, 429
Нежный Игорь Владимирович – I, 374
Незеленов Александр Ильич – II, 225
Нейдгарт (Нейгард) Борис Александрович – I, 154; II, 232
Некрасов Константин Федорович – I, 203, 237
Некрасов Николай Алексеевич – I, 97, 113, 156, 167, 255, 257, 266, 402, 403, 487, 654, 666, 761; II, 14, 25, 51, 63, 151, 252, 253, 272
Нелли, псевд. Брюсова В.Я. – II, 406
Нельдихен (Ауслендер) Сергей Евгеньевич – II, 514
Неметти – см. Линская-Неметти В.А.
Немиров Валентин – II, 530
Немирович-Данченко Василий Иванович – I, 274, 411, 418; II, 89
Немирович-Данченко Владимир Иванович – II, 151, 373
Нерон Клавдий Цезарь – I, 43, 329, 713, 716

Нестеров Михаил Васильевич – I, 18, 93, 335, 576, 726, 728, 743, 744, 819, 821
Нестор, летописец – I, 6, 713, 716
Нетти – см. Семенова А.А.
Нефертити, древнеегип. царица – I, 227
Нечаев Сергей Геннадиевич – II, 26
Нибур Бартольд Георг – I, 665
Низовой П. (Тупиков Павел Георгиевич) – II, 557
Никитин Аким Александрович – II, 391
Никитин Дмитрий Александрович – II, 391
Никитин Иван Саввич – I, 97, 411, 759
Никитин Петр Александрович – II, 391
Никитина Евдоксия Федоровна – I, 371, 375
Никитина Марина Алексеевна – II, 207
Николадзе Яков Иванович – II, 428
Николаев Н. – см. Ге Н.П.
Николаев Николай Иванович – I, 791
Николаев Николай Николаевич (псевд. Н.Н.) – I, 690
Николаева Л.А. – I, 647, 815
Николай I, российский имп. – II, 236, 396
Николай II, российский имп. – I, 57, 136
Никольская Татьяна Львовна – II, 283
Никольский Борис Владимирович – I, 135, 484
Никольский Михаил Васильевич – I, 147
Никольский Николай Сергеевич – II, 78
Никольский Петр Петрович – I, 298, 299
Никольсон – I, 654
Никомед – II, 80
Никонов Леонид Николаевич – I, 418, 422, 423
Никотин, несостоявшийся псевд. Бахтина Н.Н. – I, 626
Нилендер Владимир Оттонович – II, 106, 237
Нина Ивановна – см. Петровская Н.И.
Нинов Александр Алексеевич – I, 30, 80, 81, 100, 114, 139, 147, 347, 506, 706, 733, 783, 784, 788, 810, 815, 820, 823; II, 11, 15, 24, 26, 27, 33, 40, 139, 147, 232, 361
Нитцше Карл – I, 329
Ницше Фридрих – I,8, 21, 50, 157, 162, 191, 321, 342, 364, 377, 388, 389, 396–398, 458, 459, 461, 464, 474, 478, 489, 492, 495, 497, 551, 686, 689, 777, 805, 806, 819; II, 15, 25, 26, 103, 160, 308, 473, 483, 491
Новалис (Гарденберг Фридрих фон) – I, 122, 460, 542; II, 12, 218, 221
Новгородцев Павел Иванович – II, 178
Новик Исаак Данилович – II, 10, 139, 220, 221
Новиков Иван Алексеевич – II, 23, 194, 198, 206, 212, 217
Новицкие, владельцы имения в Старом Селе Можайского уезда – II, 76, 80
Нович Н. – см. Бахтин Н.Н.
Нодье Шарль – I, 696
Ноздрин Авенир Евстигнеевич – I, 7, 9, 10, 240–268, 283, 290, 291, 307, 372, 401, 453, 559, 562, 630, 634, 635, 673–677, 683, 684, 691, 697, 770, 828; II, 397
Ноздрин Евстигней Евплыч – I, 240
Ноздрин Николай Авенирович – I, 246, 253
Ноздрина (рожд. Крестова) Наталья Максимовна – I, 246, 253, 262
Ноздрина Александра Андреевна – I, 254
Ноздрина Екатерина Авенировна – I, 246, 262
Нольде Борис Эммануилович – I, 535
Нольяк Пьер – II, 322, 323
Нордау Макс – I, 679, 685, 689
Нувель Вальтер Федорович – II, 109, 204, 486
Нуралов Эдуард Лазаревич – I, 268, 280, 609
Нурок Альфред Павлович – II, 109

Облеухов Антон Дмитриевич – I, 85, 87, 90, 118, 264, 265, 304–306, 314, 316, 338, 573, 680, 681. 691, 693, 699, 740, 747, 775, 789, 828
Облеухов Николай Дмитриевич – I, 88, 90, 118, 305, 306, 338, 339, 699, 740, 775, 789, 790, 798
Облеухова А.Д. – см. Пустошкина А.Д.
Обинье Агриппа д' – II, 316
Оболенский Леонид Егорович – I, 308
Образцова Анна Михайловна – II, 282
Образцова Евгения Ивановна – II, 45, 64
Овидий (Публий Овидий Назон) – I, 335, 754; II, 319, 320
Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич – I, 653, 812
Огарев Николай Платонович – I, 96, 722, 760, 761, 789
Одоевский Александр Иванович – I, 536, 760
Октавиан Август – см. Август Гай Октавий
Олег, князь киевский – I, 645
Олейничук Семен Никитич – II, 236
Оленины, семья Оленина А.Н. – I, 317
Оловянишникова М.И. – см. Балтрушайтис М.И.
Оловянишниковы, родители Балтрушайтис М.И. – I, 113, 344; II, 22
Ольга Михайловна – см. Бахман О.М.
Омар I (Омар ибн аль-Хаттаб), халиф – I, 507
Омар Хайям (Гиясаддин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахим) – II, 355
Онегин (Отто) Александр Федорович – II, 235
Опалов Василий Григорьевич – II, 278
Опекушин Александр Михайлович – I, 317
Опитц (Опиц) Франц Осипович – I, 168, 469
Опульская (в замуж. Громова) Лидия Дмитриевна – I, 609
Орвиц-Занетти де, баронесса – II, 461, 465, 468
Ореус Александра – см. Кунцман Александра
Ореус (рожд. Аничкова) Елизавета Ивановна – I, 439, 533
Ореус И.И. – см. Коневской И.И.
Ореус Иван Иванович (отец) – I, 425, 432, 433, 438, 439, 462, 488, 497, 500, 532–550, 553, 554; II, 38, 82
Ореус Иван Максимович – I, 532
Ореус Максим – I, 532
Ореусы, дворянский род – I, 532, 553
Орешникова В.А. – см. Зайцева В.А.
Орешникова Т.А. – см. Полиевктова Т.А.
Ориген – I, 776, 777
Орлов Александр Иванович – I, 248
Орлов В.И. – I, 329
Орлов Владимир Николаевич – I, 81, 143, 147, 177, 236, 444, 710, 820
Орлов П., крестьянин Оренбургской губ. – I, 488
Орловский Борис Иванович – I, 317
Орье Альбер – II, 288
Осипов, совладелец торгового дома П. Тимана и Ф. Рейнгардта – I, 358
Осипов Андрей Андреевич – I, 708, 730
Осипова, жительница Новочеркасска – II, 247
Осия, пророк – I, 18, 93, 743, 745
Осповат Александр Львович – I, 503
Островский Александр Николаевич – I, 378

Остроумова-Лебедева Анна Петровна – II, 270, 271, 278, 396–398
Остроухов Илья Семенович – II, 101
Отец, псевд. Самыгина М.В. – I, 398
Отрепьев Григорий – см. Лжедмитрий I
Оцеп Федор Александрович – II, 537
Оцуп Михаил Авдеевич – II, 514
Оцуп Николай Авдеевич – II, 407, 513, 514

Павел, апостол – I, 808
Павел I, российский имп. – II, 108
Павзаний – II, 148, 420
Павленков Флорентий Федорович – I, 254, 689
Павлов Петр Петрович – I, 270, 706
Павлова (рожд. Яниш) Каролина Карловна – I, 22, 30, 94, 95, 97, 338, 342, 509, 510, 761; II, 13, 14, 19, 33
Павлович Надежда Александровна – II, 538, 546, 547
Павлович П. фотограф (Москва) – I, 13
Павловская Евгения Ильинична – I, 6, 17, 18, 20–22, 28, 39, 87, 95, 98, 103, 276, 328, 329, 331–335, 364, 373, 378, 380–382, 384, 516, 521, 556, 559, 563, 564, 573–577, 584, 594, 595, 605, 609, 711–722, 724–728, 730–734, 737, 739, 740, 743–745, 750–753, 757–759, 769, 770, 800, 827, 828
Павловский Алексей Ильич – II, 410
Падучева Елена Викторовна – I, 688
Пажитнов Константин Алексеевич – II, 21
Палкин К.П. – I, 48
Пальмер Вильям – II, 240
Палянк Шарль – I, 215
Панин Н.Ф. – II, 131
Панина Алла Леонидовна – II, 274
Паниян Юрий Михайлович – I, 80, 716
Панков А.Н. – I, 655
Пантюхов Михаил Иванович – II, 91, 219
Панченко Александр Михайлович – II, 149
Папини Джованни – II, 343
Папюс, оккультист – II, 422
Парацельс (Гогенгейм Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон) – I, 326; II, 32, 40
Парнах (Парнок) Валентин Яковлевич – II, 560, 561
Парнис Александр Ефимович – I, 424, 440, 532
Парнок В.Я. – см. Парнах В.Я.
Парнок Софья Яковлевна – II, 560, 561
Парфенов, лицо неуст. – II, 84
Парфентьев Николай Николаевич – II, 103
Пасетти (Фасетти) Альфред – I, 710
Паскаль Блез – I, 380, 746
Паскевич Иван Федорович – I, 532
Пастернак Борис Леонидович – I, 339, 442, 445; II, 521, 522, 524, 535, 537, 538, 540, 555, 556, 558–561, 570, 574, 575
Пастернак Евгений Борисович – II, 535, 556, 559
Пастернак (рожд. Вальтер) Елена Владимировна – II, 561
Пастернак Леонид Осипович – I, 818; II, 88, 314
Патараки (псевд. Терзаев) Сергей Александрович – I, 689
Патеркул Веллей – см. Веллей Патеркул
Паханянц Канарик Акоповна – II, 540, 556
Пашуканис Викентий Викентьевич – I, 230, 237, 449; II, 545
Пеги Шарль – II, 530
Пеладан Сар Жозефен (Жозеф Эме)– I, 7; II, 166, 167, 327, 328, 351, 352
Пеллютье Морис – II, 28
Пеллютье Фернан – II, 28
Пентадий – II, 236
Пентуар, псевд. Брюсова В.Я. – I, 156
Перелетов Иван Гордеевич – II, 55
Перельман Арон Филиппович – II, 545–547
Перельмутер Вадим Гершевич – II, 274
Перемиловский В. – II, 102, 103
Перепелкина Зинаида Денисовна – I, 272
Перо – см. Дробыш-Дробышевский А.А.
Персий Флакк Авл – II, 320
Перцов Владимир Петрович – I, 33, 280, 293, 651, 652, 693
Перцов Петр Петрович – I, 6, 8, 11–15, 17, 22, 32–39, 56, 57, 62, 65, 80, 86, 87, 100, 106, 109, 110, 117, 119, 123, 153, 157, 158, 234, 243, 244, 249, 251, 252, 260, 270, 277, 280, 282–284, 290, 293, 302, 307, 310, 316, 329, 354, 361, 362, 369, 372, 373, 389, 395, 435, 443, 444, 448, 454, 481, 483, 484, 493, 525, 526, 529, 560, 563, 575, 577, 583, 584, 586, 588, 604, 610, 634, 636, 637, 639, 646, 648–656, 660, 661, 664–668, 670, 677, 679–681, 683, 684–690, 692–700, 702, 703, 705, 712, 742, 788, 790, 794–798, 809, 811, 826, 828; II, 10, 21, 26, 28, 33, 36, 45, 50, 52, 64–67, 70, 73, 79, 80, 82, 148, 150, 152–155, 159, 161, 162, 167, 170–175, 178, 180, 224, 230, 273, 284, 285, 335, 336, 400, 412, 586
Петерсон Николай Павлович – II, 27
Петр I (Великий), российский имп. – I, 403, 755; II, 16, 66, 71, 74
Петрарка Франческо – I, 294, 512, 514, 714
Петров Дмитрий Константинович – I, 766, 768
Петров Степан Степанович (псевд. Грааль Арельский) – II, 513
Петрова Александра Михайловна (II, 251, 255, 270, 273, 282, 285, 287, 290, 292, 299, 301, 309, 316, 334, 339, 342–344, 349, 355–358, 368, 369, 371
Петрова Мира Геннадиевна – I, 280, 490
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич – II, 477
Петровская (в замуж. Соколова) Нина Ивановна – I, 12, 28, 29, 72–74, 163, 164, 170, 173, 200, 202, 203, 210, 212, 214, 234, 273, 369, 370, 424, 440, 712; II, 8, 104, 107, 108, 118, 126, 189, 194, 205, 211, 212, 331, 332, 490
Петровский Алексей Сергеевич – II, 44
Петрунина Нина Николаевна – II, 226
Петруччи Рафаэль – I, 198, 200, 202
Пешков А.М. – см. Горький М.
Пешкова (рожд. Волжина) Екатерина Павловна – I, 55, 66, 81; II, 384
Пешковский Александр Матвеевич – II, 252, 282, 288, 318, 398
Пикассо (Руис-и-Пикассо) Пабло – II, 529
Пиксанов Николай Кирьякович – II, 226, 227, 537, 551, 552, 557, 558, 562
Пильняк (Вогау) Борис Андреевич – II, 538, 544, 548, 549, 560, 576
Пильский Петр Моисеевич (псевд. Фортунатов Л.) – I, 611; II, 409, 483, 484, 487, 493, 495, 501
Пильц Эразм Иванович – I, 339
Пинон Рене – II, 311
Пинус Сергей – II, 484

Пирожков Михаил Васильевич – I, 175, 443; II, 87, 110, 120
Писарев Александр Иванович – I, 331
Писарев Дмитрий Иванович – II, 393, 397
Писарева Екатерина Федоровна – I, 767
Писарро Камиль – II, 297
Писемский Алексей Феофилактович – I, 664, 666
Пискунов Владимир Максимович – II, 591
Питри-Флиндерс Уильям Мэтью – I, 215
Пифагор – I, 221–223, 816, 817
Платон – I, 282, 380, 513, 665; II, 372, 374, 375, 471, 472, 480
Платонова-Лозинская Ирина Витальевна – I, 11; II, 540, 565, 566
Плевако Федор Никифорович – I, 305
Плетнев Петр Александрович – I, 552
Плеханов Георгий Валентинович (псевд. Бельтов Н.) – I, 802, 807; II, 159
Плещеев Алексей Николаевич – I, 268
Плиний Младший – I, 671, 673
Плутарх – I, 290, 327, 328; II, 452
По Эдгар – I, 6, 30, 32, 35, 42, 50, 64, 89, 90, 117, 119, 120, 128, 145, 147, 150, 151, 153, 171, 172, 184, 185, 189, 191–193, 196, 197, 221, 227, 252, 269, 270, 282, 287, 291, 308, 314, 344, 372, 491, 515, 530, 532, 626, 627, 666, 680, 684–686, 688, 689, 692, 705, 713, 715–717, 736, 738, 747, 764–766, 772, 800, 807, 817, 819, II; 12, 14, 163, 165, 168, 169, 195, 197, 233, 246, 253, 254, 324–326, 330, 337, 338, 414, 415, 534, 538, 565, 566
Победоносцев Константин Петрович – I, 119, 136, 138, 139, 514
Подстриганьев Л. – см. Постриганьев Л.
Поздеев Иван Иванович – I, 401
Позняков Николай Иванович – I, 418
Покровская Зоя Арсеньевна – II, 199
Покровский Иван Васильевич – I, 466
Покровский Михаил Николаевич – II, 535, 572
Покровский Сергей Ильич – II, 111
Полевой Николай Алексеевич – I, 515
Полежаев Александр Иванович – I, 21, 96, 97, 328, 759–761
Поленов Василий Дмитриевич – I, 340
Полибий – I, 749
Поливанов Лев Иванович – I, 299, 555, 568, 602, 630, 631, 828; II, 223, 276
Полиевктова (рожд. Орешникова) Татьяна Алексеевна – I, 118, 120–124, 184, 197, 200, 210, 215, 217, 223, 227
Поликанов Александр Андреевич – I, 248
Полилов Н.Н. – II, 26
Полищук М. – II, 249
Полозкова Светлана Алексеевна – I, 11; II, 540
Полознев Д. – II, 413
Полонская (рожд. Мовшензон) Елизавета Григорьевна – II, 515, 523
Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович – II, 536, 572–583
Полонский Михаил Львович – II, 523
Полонский Яков Петрович – I, 97, 167, 412, 413, 415, 530, 531, 653, 760, 761, 788, 797; II, 14, 51, 64
Полоцкая Эмма Артемьевна – I, 609, 815; II, 226
Полоцкий Симеон – см. Симеон Полоцкий
Полубояринов, домовладелец (Царское Село) – II, 414
Поляков Александр Сергеевич – II, 136
Поляков Александр Яковлевич – II, 6, 22, 72
Поляков Григорий Александрович – I, 345; II, 22
Поляков Сергей Александрович – I, 9, 16, 23, 24, 48, 49, 51, 54, 55, 57, 58, 64, 72, 100, 109–115, 117, 119, 121, 122, 124, 126, 128, 129, 134, 137, 139, 146, 151–154, 163, 170–172, 178, 179, 181, 188, 192, 193, 196, 201–207, 213–216, 220, 223, 226, 227, 272, 273, 277, 345, 347, 349–352, 403, 408, 423, 472, 475, 476, 478, 483, 490, 492, 496, 497, 509–511, 515, 517, 521, 531; II, 5–136, 141, 151, 153, 160–163, 165, 167, 169, 176, 179, 180, 183, 184, 191, 194, 198, 205, 217, 256, 257, 273, 288, 290–292, 295, 300, 303, 304, 310, 312, 340, 342–345, 349, 350, 352, 355, 356, 383, 434, 435, 487, 492, 493, 499, 584, 590
Поляков (псевд. Литовцев) Соломон Львович – II, 273, 281
Поляков Яков Александрович – I, 110; II, 6, 29, 39, 590
Поляков Яков Соломонович – I, 284, 471
Полякова Анна Александровна – см. Семенова А.А.
Полякова (рожд. Андреева) Анна Алексеевна – I, 110, 237; II, 6, 590
Полякова Анна Ивановна – II, 6, 84
Полякова (рожд. Дузек) Софья Ромуальдовна – II, 99, 112–114, 120, 135, 151
Поляковы, купеческая семья – I, 48, 110; II, 6, 21, 22, 59
Померанцев Юрий Николаевич – I, 311
Помирчий Рудольф Евгеньевич – I, 372, 455, 654, 710, 765, II, 373, 590
Помпадур, маркиза де (Пуассон Жанна Антуанетта) – II, 322, 323
Помпей Гней – I, 724; II, 417, 452, 465
Понсерве, франц. писатель – I, 97
Понсон лю Террайль Пьер Алексис – I, 775
Понтий Пилат – I, 266
Попеско (Попеску) Стефан – II, 298, 299
Попов (псевд. Вир) Александр Александрович – II, 478
Попов Вячеслав Васильевич – II, 523
Попов Михаил Васильевич – I, 253, 254, 770, 771; II, 487
Попов Ф.Д. – I, 535
Попова Ольга Николаевна – I, 144, 145
Поппер Карл Раймунд – I, 610
Порфирий – II, 236
Порфиров Петр Федорович – I, 679
Порфиров С. – I, 728
Порфирьев Иван Яковлевич – I, 305, 306, 805
Поссе Владимир Александрович – II, 25, 28, 32
Постоянный – см. Горелик С.
Постриганьев (или Подстриганьев) Лев – I, 466, 502
Поступальский Игорь Стефанович – I, 648; II, 274, 584, 590
Потебня Александр Афанасьевич – I, 807
Потемкин Петр Петрович – II, 486, 487, 491–494, 504
Потресов (псевд. Яблоновский) Сергей Викторович – II, 374, 375
Поттер Дирк – II, 22
Поэ Э. – см. По Э.
Поярков В.А. – I, 331

Поярков Николай Ефимович – I, 172, 442, 445, 545; II, 9, 23, 91
Прево д'Экзиль Антуан Франсуа – II, 415
Прево Эжен Марсель – II, 334
Прединский Николай Петрович – II, 466
Прель Карл – см. Дю-Прель Карл
Прескотт Вильям Гиклин – I, 160
Пржевальский Владимир Владимирович – II, 100, 101
Пржевальский Владимир Михайлович – II, 101
Прибытков Виктор Иванович – I, 809
Приска де Ландель – см. Ландель Приска де
Пришвин Михаил Михайлович – I, 186; II, 208, 209, 212
Провинциальный библиограф, псевд. Бахтина Н.Н. – I, 134
Проперций Секст – II, 320
Прохоров, домовладелец (Москва) – I, 734
Прохоров Александр Владимирович – I, 677
Прудников Вадим Ильич – I, 11
Пти Жорж – II, 356
Пуассон Ж.-А. – см. Помпадур, маркиза
Пугачев Емельян Иванович – I, 532
Пуришев Борис Иванович – I, 609; II, 546
Пуришева (рожд. Сахарова) Клавдия Николаевна – I, 480; II, 276, 433, 438, 441, 449, 459, 466, 480, 498
Пуссен Никола – II, 107
Пустошкина (рожд. Облеухова) Анна Дмитриевна – I, 305, 321–323, 339, 680, 699, 708, 709, 729, 798
Пушкин Александр Александрович – II, 235
Пушкин Александр Сергеевич – I, 7, 12, 15–17, 19–22, 33, 39, 42, 43, 48, 58, 61, 63, 77, 84, 85, 89, 90, 92, 95–97, 100, 110, 118, 167, 174, 181, 186, 188, 191, 205, 208, 217, 223, 227, 253, 295, 309, 315–317, 329, 333, 335, 340, 345, 346, 377, 387, 402–404, 406, 414, 419, 429, 437, 442, 475–477, 488, 489, 500, 503, 509–515, 518, 520, 525, 530, 531, 538, 551, 552, 555, 579, 591, 594, 610, 623, 631, 645, 646, 648, 650, 654, 677, 697, 705, 722, 724, 733–735, 738, 746, 747, 752–756, 760, 761, 764, 766, 770, 790, 791, 796, 805, 810, 815–817, 822; II, 13, 14, 19, 24, 25, 46, 47, 51, 55, 63, 64, 69–71, 124, 134, 146, 149, 150, 223–228, 230–232, 234–250, 392, 402, 408, 444, 446, 447, 463, 531, 532, 534, 536, 537, 544, 547, 548, 551, 552, 557, 558, 562, 568, 569, 574–576, 579–581
Пушкин Василий Львович – II, 556
Пушкин Лев Сергеевич – I, 16; II, 64
Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Наталья Николаевна – II, 226, 230
Пшесмыцкий Зенон (псевд. Мириам) – II, 175, 182, 183, 186
Пшибышевская Дагни – II, 68
Пшибышевский Станислав – I, 269, 276; II, 7, 12, 48, 56, 58, 60, 61, 65–67, 69, 70, 72, 73, 87–91, 98, 103, 142, 147, 148, 153, 160–172, 174, 180, 201, 219, 220, 332, 334, 343, 354, 367, 368
Пыпин Александр Николаевич – I, 805
Пюви де Шаванн (Пювис де Шавань) Пьер – II, 257, 280, 350–352
Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич – I, 150, 440; II, 109, 146, 149, 199, 244, 372, 402, 408, 492, 509
Пятковский Александр Петрович – I, 330, 339, 340
Пятницкий Константин Петрович – I, 90, 126, 186

Р. В. – см. Иванов-Разумник Р.В.
Рабданов Будда Рабданович – II, 282
Рабинович Иосиф Яковлевич – II, 543
Радаков Алексей Александрович – II, 504
Радимов Павел Александрович – II, 410
Радищев Александр Николаевич – II, 576
Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) – II, 513
Радлова (рожд. Дармолатова) Анна Дмитриевна – II, 407
Раевская, сценич. псевд. Дарузес Н.А. – I, 614, 627
Раевская М.Н. – см. Волконская М.Н.
Раевский Владимир Федосеевич – II, 224, 227, 228
Раевский Л., фотограф (Вологда) – II, 177
Разин Степан Тимофеевич – I, 256
Разсохин С.Ф. – см. Рассохин С.Ф.
Райнис Ян (Плиекшанс Янис) – II, 538
Ракитин Юрий Львович – II, 355
Ракшанин (псевд. Рок) Николай Осипович – I, 660, 680, 690
Рамбоссон Иваное (Шарпантье Гранден Феликс) – II, 256, 317, 318
Рамиро Эрастен (Эристен) – II, 354, 355
Рамм Е. – I, 374
Рандон Г. – см. Рикт юс Ж.
Рансон Поль – II, 315–318
Рапп Л.Ю. – см. Бердяева Л.Ю.
Расин Жан – I, 631; II, 328, 537, 548
Рассохин Сергей Федорович – I, 498
Ратаев Леонид Александрович – I, 81
Ратгауз Грейнем Израилевич – I, 460
Рафалович Сергей Львович – I, 368; II, 65, 66, 274, 318, 319
Рафаэль (Рафаэлло Санти Санцио) – I, 632, 726, 727
Рачинский Иван Иванович – II, 87, 89, 319
Рашильд (Маргерит Эмери, в замуж. Валлет) – I, 492, 495; II, 256, 322, 323, 327, 328, 331
Рашковская Мария Аркадьевна – I, 445
Раевич Александр Михайлович – I, 448
Регер Макс – II, 198
Редон Одилон – II, 78, 252, 257, 258, 274, 280, 281, 288, 290, 291, 293, 294, 296, 298, 300, 303–306, 308–313, 315, 319, 321, 323, 325–330, 332–340, 343, 352
Редон (рожд. Фалот) Камилла – II, 293
Резник Яков Ефимович – I, 11 (в тексте ошибочно Л.С.); II, 540, 544, 546
Резникова Наталья Владимировна – II, 148, 186, 220, 221
Рейнгардт Ф., владелец фирмы "Торговый дом П. Тимана и Ф. Рейнгардта" – I, 358
Рейсбрек (Рейсбрук) Ян ван – II, 582, 583
Рейсер Соломон Абрамович – I, 418
Рейснер Михаил Андреевич – I, 180
Рейснер Лариса Михайловна – II, 411
Реклю Жан Жак Элизе – I, 747
Рембо Артюр – I, 21, 43, 91, 340, 448, 489, 490, 492, 613, 614, 641, 658, 660, 691, 693, 742, 783; II, 12, 30, 31, 159, 321, 392, 523
Рембрандт Харменс ван Рейн – I, 175; II, 134, 246, 247
Ремизов Алексей Михайлович – I, 7, 10, 22–24, 57, 141, 179, 180, 186, 204, 205, 224, 355, 558, 608; II, 10, 13, 24, 63, 103, 107, 134, 137–222, 224,

227–229, 243, 244, 320, 367, 368, 423, 457, 486, 487, 504, 543
Ремизов Виктор Михайлович – II, 159, 160
Ремизов Николай Владимирович – II, 504
Ремизов Сергей Михайлович – II, 159
Ремизова Наталья Алексеевна – II, 176, 185, 186, 194, 195
Ремизова (рожд. Довгелло) Серафима Павловна – II, 149, 154, 159, 160, 161–165, 168, 169, 171, 172, 174–177, 180, 181, 187, 195, 207, 209, 210, 213, 486
Ренар Жюль – II, 335, 354
Ренар Отто – II, 78
Ренсбрук Удивительный – II, 237
Ренуар Огюст – II, 352
Ренье Анри де – I, 428, 446, 447, 452, 453, 457 458, 469, 492, 495–498, 542, 811; II, 8, 146, 255, 296, 316, 334
Репин Илья Ефимович – I, 330, 331, 412, 495, 728; II, 278, 422
Рерих Николай Константинович – II, 73, 107, 456, 457, 477
Рескин (Раскин) Джон – I, 458, 460; II, 26
Ретте Адольф – I, 447, 658, 660, 685; II, 256, 258, 317–320, 327
Ривера Диего – II, 520, 523, 529, 531
Риенци – см. Риэнци
Ризнич (рожд. Рипп) Амалия – II, 228, 230–232, 236
Ризнич Иван Степанович – II, 231, 232
Риктюс Жеан (Рандон Габриэль) – II, 296
Риль Алоиз – I, 377, 388, 389
Рильке Райнер Мария – II, 335, 336
Риман Юдель – I, 308
Римбо А. – см. Рембо А.
Рио Хулиан Санс, дель – I, 129, 130
Риссельберг Тео ван – II, 259, 296
Рихерс Иоганнес – I, 393
Рихтер Владимир Федорович – I, 292
Рихтер Николай Александрович – I, 775
Рич – см. Багницкий Д.В.
Ричард III, англ. король – I, 328, 331
Ришпен Жан – I, 482; II, 255
Ришэ (псевд. Эйфер) Шарль – II, 355
Риэнци (Домени де Риенци Грегуар Луи) – I, 223
Роберт Гвискар – II, 475
Роден Огюст – II, 102, 295–298, 444
Роденбах Жорж – I, 448, 450, 745, 746; II, 88, 89, 526
Родопис, гетера – I, 696
Родэ Альберт – II, 160
Родэн О. – см. Роден О.
Рождественский Всеволод Александрович – II, 276, 407, 409
Рождественский Петр Андреевич – I, 294, 339
Розанов (псевд. Варварин В.) Василий Васильевич – I, 119, 153, 274, 352, 386, 408, 512, 525, 526, 529, 809; II, 25, 26, 28, 34–36, 42, 63, 65, 66, 70, 90, 91, 146, 192, 194, 197, 272, 389
Розанов Евгений Данилович – I, 609
Розанов Иван Никанорович – I, 329, 493; II, 233
Розенблюм Витольд-Константин Николаевич – см. Льдов К.
Розенблюм Лия Михайловна – I, 607
Розенкранц Иоганн Карл Фридрих – I, 801
Розенталь С. – см. Дмитриевич С.
Розина Раиса Иосифовна – I, 607
Ройзман Матвей Давидович – I, 374
Рок Н. см. Ракшанин Н.О.
Роллан М.П. – см. Кювеилье Майя
Роллан Ромен – II, 281, 534
Роман Юлий Иванович – I, 252, 322, 614, 698, 700, 828
Романовская Нина – II, 54
Романовы, царская династия – I, 76, 219
Ромер Федор Эмилиевич – I, 625
Рони, братья – I, 492, 495
Рони-старший (Бёкс Жозеф Анри) – I, 495; II, 295–297
Рони-младший (Бёкс Серафен Жюстен Франсуа) – I, 495
Ронсар Пьер – I, 698
Ропс Фелисьен – I, 142, 143; II, 94, 354, 355
Ропшин В. – см. Савинков Б.В.
Россетти Д.Г. – см. Россети Д.Г.
Рославлев Александр Степанович – I, 62; II, 409
Росмер – см. Гиппиус Вл.В.
Росс – см. Российский М.А.
Россетти Данте Габриэль – I, 456–458, 464, 492, 501, 542, 550; II, 418, 420
Российский (псевд. Росс) Михаил Александрович – II, 93, 94
Россинский Владимир Илиодорович – II, 22
Росский Александр Михайлович – II, 576
Россо Медардо – II, 297, 298, 302, 326
Рост Н.Ф. – I, 330, 331
Ростан Эдмон – I, 365, 404, 405
Ростовцев Михаил Иванович – II, 486
Ростовцева (рожд. Кульчицкая) Софья Михайловна – II, 486
Ростопчина (рожд. Сушкова) Евдокия Петровна – II, 502, 503
Ротчев Александр Гаврилович – I, 331; II, 236, 237
Рош Дени – II, 281
Рошгрос Жорж – I, 331
Руайер Жан – II, 381
Рубакин Николай Александрович – II, 28
Рубенс Питер Пауль – I, 175; 465; II, 134
Рубинчик М., фотограф (Керчь) – II, 252
Рудаков Василий Егорович – I, 534
Рудницкий Константин Лазаревич – II, 368
Рукавишников Иван Сергеевич – II, 484
Руми Джелаль-Эддин – I, 194
Рунт (в замуж. Погорелова) Бронислава Матвеевна – I, 487; II, 99, 106, 108, 191, 193, 383
Рунт И.М. – см. Брюсова И.М.
Рунт (в замуж. Стоша) Мария Матвеевна – I, 21, 113–115; II, 37
Рунт Матвей Францевич – I, 113; II, 131
Рунт Петр Матвеевич – I, 210
Рунт Софья Андреевна – I, 113
Руссель Кер Ксавье – II, 257
Руссо Анри – II, 479
Руссо Жан Жак – I, 43, 732, 734, 740, 807
Руставелли Шота – I, 236
Рутилий Намациан Клавдий – II, 267, 377
Рыкачев Андрей Михайлович – I, 535
Рыкова Надежда Януарьевна – II, 251, 396, 399
Рылеев Кондратий Федорович – II, 110
Рэдон О. – см. Редон О.
Рэттэ А. – см. Ретте А.
Рябушинский Владимир Павлович – II, 117, 118, 451
Рябушинский Николай Павлович (псевд. Шин-

ский Н.) – I, 68, 177, 272, 273, 277, 354; II, 201, 205, 206, 362, 365, 447–448, 451
Рязановский Иван Александрович – II, 208, 211–214

С., псевд. Брюсова В.Я. – I, 158
С. – см. Слонимский М.Л.
С.А. – см. Поляков С.А.
С.З., псевд. сотр. "Московских новостей" – II, 523
С.П. – см. Ремизова С.П.
С.П.М., псевд. автора публикации "Из дневников С.И. Танеева" – I, 312
С.Ш., псевд. сотр. ж. "Молва" – I, 331
Саади (Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин) – II, 243
Сабашников Михаил Васильевич – I, 56, 99, 123, 151, 191, 211, 223, 225, 227, 286, 405, 729, 768; II, 5, 36, 261, 505, 534, 536
Сабашников Сергей Васильевич – I, 99, 123, 151, 191, 211, 225, 286, 405, 768; II, 5, 536
Сабашникова (в замуж. Волошина) Маргарита Васильевна – I, 16, 131, 172, 177; II, 263–265, 275, 284, 285, 291, 295, 297–299, 339, 342, 344, 348, 349, 356, 357, 359, 362–365, 368–372, 374
Сабашникова (в замуж. Евреинова) Антонина (Нина) Васильевна – I, 157
Сабашниковы – I, 114, 115, 816; II, 36, 370, 374, 536
Саблин Владимир Михайлович – I, 180, 334; II, 97, 98, 102, 103, 153, 160–162, 175, 176, 178
Саблин Сергей Михайлович – I, 617, 618, 627, 628
Сабъянова Ольга – I, 328
Савельев, домовладелец (Пятигорск) – I, 315, 316, 318, 319, 322, 702
Савинков (псевд. Ропшин) Борис Викторович – II, 138–139, 147, 163, 220, 227, 249
Савинкова Вера Викторовна – II, 147
Савинкова (рожд. Успенская) Вера Глебовна – II, 138
Савицкая Людмила Ивановна (Люси) – I, 58, 121, 124, 129, 130
Саводник Владимир Федорович – I, 48, 87–90, 340, 363, 469, 481, 482, 489, 734, 790, 794–796, 798, 816; II, 33, 51
Садиа-Леви – II, 256
Садовской Борис Александрович – I, 7, 22, 23, 202, 205, 206, 209, 748; II, 91, 128, 237, 402, 409, 435, 444–446, 484
Садо-Якко, японская актриса – II, 463, 465
Сазонов Григорий Петрович – I, 330
Саитов Владимир Иванович – II, 235, 547, 548
Сакс Ганс – I, 9
Сакулин Павел Никитич – II, 537, 541, 542, 550–552, 561, 562, 576
Саломея, иудейская царевна – I, 197; II, 296
Саломоновский (Саламоновский, Саломонский) Альберт Иванович – II, 391
Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович – I, 647
Сальвини Густаво – I, 21, 327, 328, 733
Сальери Антонио – I, 186, 511, 513; II, 150, 408, 446
Сальмон Андре – II, 518
Самен Альбер – II, 166
Самойлович Иван, гетман Украины – II, 187
Самыгин Михаил Владимирович (псевд. Криницкий Марк, Отец) – I, 6, 7, 10, 15, 17–23, 80, 92, 95–98, 247, 262–265, 289, 290, 294, 300, 304, 325, 344, 345, 362–423, 427, 441, 455, 470, 478, 481, 482, 506, 511, 559, 562, 564, 573, 574, 576, 577, 582, 585–587, 590, 594, 597, 599, 604, 608, 611, 653, 667, 686, 689, 699, 700, 708, 712, 734, 737, 743, 745, 752–754, 758, 763, 766, 772, 777, 700, 800, 806, 812, 820, 821, 824, 827, 828; II, 31
Самыгин Сергей Михайлович – I, 418–421
Самыгина (рожд. Поздеева) Анна Ивановна – I, 385, 394, 420, 423
Самыгины, сыновья и дочери Самыгина М.В. – I, 362, 420, 421
Самэн А. – см. Самен А.
Санд Жорж (рожд. Дюпен Аврора, в замуж. Дюдеван) – I, 380, 381
Сансот-Орлан Эдмон – II, 94, 333–335, 352, 356
Сантерр Жан Батист – II, 246
Сапунов Николай Николаевич – I, фронтиспис, 501; II, 72
Сапфо (Сафо) – II, 247
Сапфо (Сафо), шуточное прозвище Лохвицкой М.А. – I, 789, 791
Сарабьянов Дмитрий Владимирович – II, 273
Сарданапал – см. Ашшурбанапал
Сарнов Бенедикт Михайлович – II, 522, 526, 533
Сафо – см. Сапфо
Сафонов (псевд. Печорин) Сергей Александрович – I, 413, 414, 813
Сафразбекян Ирма Рубеновна – I, 236
Сахаров А.Л. – I, 609
Сац Илья Александрович – II, 437
Саянов Виссарион Михайлович – I, 445
Сбирко Д., псевд. Брюсова В.Я. – I, 669
Сведенборг Эмануэль – I, 129, 130, 326
Сведомский Павел Александрович – I, 334, 335
Сверчков Николай Леонидович – II, 452
Сверчкова Мария Леонидовна – II, 490
Светоний Гай Транквилл – I, 716, 728, 729
Свинберн А.Ч. – см. Суинборн А.Ч.
Свирский Алексей Иванович – II, 487
Свифт Джонатан – I, 201, 209
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович – I, 441, 442; II, 402, 408
Святополк-Мирский Петр Данилович – II, 186
Святослав, князь Черниговский и Муромский – I, 342
Северная Мария – I, 377, 378
Северянин (Лотарев) Игорь Васильевич – I, 421; II, 404, 409, 410, 504, 537, 544, 545
Сегард Ахилл – I, 375, 377
Сегюр Пьер де – II, 322, 324
Сезанн Поль – II, 257, 352, 479
Сёке Каталин – II, 149
Селегей Павел Евдокимович – I, 365
Сельe Шарль – II, 351, 352
Селянин Сергей Алексеевич – I, 250
Семен Август Иванович – I, 791
Семененко А. – I, 425, 452, 499
Семенов Евгений Петрович (Коган Соломон Моисеевич) – II, 256
Семенов (Семенов-Тяньшаньский) Леонид Дмитриевич – I, 151; II, 103
Семенов Михаил Николаевич – I, 64, 205; II, 6, 13, 14, 19, 22–24, 27, 28, 61, 65–72, 74, 78, 87, 92–97, 103, 110, 117, 119, 151, 162, 165, 169, 219, 256, 273, 332, 335, 342, 343, 345, 348, 352–356, 358
Семенов Николай Петрович – II, 28

Семенов (Семенов-Тяньшаньский) Петр Петрович – II, 28, 66
Семенов С. – I, 689
Семенов Сергей Петрович – I, 443, 444, 520, 535, 540, 544
Семенов Юлий Федорович – II, 332, 334
Семенова (рожд. Полякова) Анна Александровна (Нетти) – II, 6, 22, 55, 60, 84, 91–93, 95, 151, 343
Семенова Василиса Михайловна – II, 95
Семенова Н.В. – см. Гольштейн Н.В.
Семеновский Дмитрий Николаевич – I, 248–250, 260
Сементковский Ростислав Иванович – I, 689; II, 34
Семин Сергей Афанасьевич – I, 250
Семирамида, ассир. царица – II, 328
Сен-Поль Ру (Ру Пьер Поль) – I, 382, 383, 497
Сенилов Владимир Алексеевич – II, 203
Сенкевич Генрих – I, 329, 330, 797
Серафима Павловна – см. Ремизова С.П.
Серафимович (Попов) Александр Серафимович – I, 186, 272; II, 15, 140, 211, 212, 564, 565
Сервантес Сааведра Мигель де – I, 180
Сергеев Николай Николаевич – I, 306
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич – I, 186, 370
Сергеенко Петр Алексеевич – II, 216, 500
Сергей Александрович – см. Поляков С.А.
Сергей Александрвоич, вел. князь – II, 186
Сергей Иванович – см. Танеев С.И.
Сергиевский, обществ. деятель – II, 487
Сергий Радонежский – I, 93
Серебров Н. – см. Тихонов А.Н.
Серен Вибий – I, 24; II, 115
Серов Валентин Александрович – I, 340, 568, 609; II, 244
Серюзье Поль – II, 257, 290, 291, 293, 296, 324
Сигма – см. Сыромятников С.Н.
Сизеранн Робен де ля – II, 322
Сизов Михаил Иванович – II, 237
Силин Александр Дмитриевич – II, 113
Симеон Полоцкий – I, 409
Синг Джон Миллингтон – II, 23
Синьяк Поль – II, 385
Сипил (Занея Асатур) – I, 236
Скабичевский Александр Михайлович – I, 805
Скалигер Юлий Цезарь – I, 393
Скворцов Сергей Петрович – II, 243
Скворцов-Степанов (Скворцов) Иван Иванович – II, 572
-ский Александр – см. Койранский А.А.
Скирмунт Сергей Аполлонович – I, 124, 125, 144, 145
Скиталец (Петров) Степан Гаврилович – II, 15, 219
Скобелев Иван Никитич – I, 532
Скороходько Эдуард Федорович – I, 609
Скорпион – см. Поляков С.А.
Скотт Вальтер – I, 311
Скрам (рожд. Альвер) Амалин – I, 733
Скрябин Александр Николаевич – I, 310
Славинская М. – II, 25
Славкин Виктор Иосифович – I, 591, 610
Славянский М. – см. Шевляков М.В.
Славятинский Николай Андреевич – II, 435
Слевинский Владислав – II, 344, 352
Словацкий Юлиан – I, 187, 191, 212, 227, 269; II, 163
Слонимский Михаил Леонидович – II, 513, 514
Слуховский Иван Осипович – I, 240–242, 248
Слуцкий Борис Абрамович – II, 518, 523
Случевский Константин Константинович – I, 30, 48, 57, 123, 341, 342, 346, 400, 413–415, 419, 449, 470, 491, 495, 511, 516, 524, 525, 561, 577, 603, 791, 812, 813, 815, 823; II, 33, 42, 65, 66, 74, 388, 403
Смидович Петр Гермогенович – II, 538, 564
Смирдин Александр Филиппович – II, 220
Смиренский Владимир Викторович – I, 419
Смирнов Александр Александрович – I, 428, 434, 438, 441, 442, 444; II, 486
Смирнов Василий Алексеевич – I, 250
Снегирев Александр Иванович – I, 16, 324, 325, 696, 701
Снегирев Леонид Леонтьевич – I, 483
Снегирева Александра Ивановна – I, 276, 316, 325, 696, 701
Соболев Родион Ксенофонтович – I, 434
Соболев Юрий Васильевич – II, 26
Созвонный излом, псевд. сотр. газ. "Новости дня" – II, 78
Созонтов К., псевд. Брюсова В.Я. – I, 692
Соколов М.А. – I, 419
Соколов Николай Матвеевич – I, 413, 434, 443, 770
Соколов Николай Михайлович – I, 438, 443, 444, 460, 508, 520, 534, 535, 537, 539, 540, 542–546, 548
Соколов (Кречетов) Сергей Алексеевич – I, 26, 62, 176, 177, 179, 183, 184, 186, 192, 272, 273, 277; II, 23, 74, 76, 117–120, 122, 124, 164, 172, 184, 185, 193, 194, 199, 210–212, 320, 331, 359, 363–368, 374, 410, 437
Соколов Сергей Иванович – I, 147
Соколовский Николай Владимирович – I, 761
Сокольников Михаил Порфирьевич – I, 248
Сократ – I, 781
Солдатенков Козьма Терентьевич – I, 389; II, 5
Солнце, псевд. сотр. газ. "Новости дня" – II, 78
Соловцев Николай Николаевич – I, 268
Соловьев Владимир Сергеевич – I, 22, 30, 62, 167, 242, 249, 317, 361, 364, 390–392, 414, 431, 438, 483, 486, 511–514, 559, 587, 625, 668, 669, 673, 679, 694, 768, 807, 809; II, 14, 19, 25–27, 63, 84, 106, 140, 149–151, 235
Соловьев Михаил Сергеевич – II, 43, 69
Соловьев Сергей Михайлович, историк – I, 303(?), 342
Соловьев Сергей Михайлович, поэт – I, 30; II, 44, 100, 116, 118–120, 125, 127, 212, 234, 237, 246, 402, 404, 444, 446, 492, 537, 549, 550
Соловьева Ольга Михайловна – II, 43, 69
Соловьева (псевд. Allegro) Поликсена Сергеевна – II, 107, 108, 198, 272, 358, 394
Соловьевы, семья Соловьева М.С. – II, 41, 44
Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич – I, 12, 20, 21, 24, 29, 30, 43, 48, 57, 66, 71, 106, 116, 118, 186, 224, 277, 323, 325, 326, 328–330, 406, 408, 412, 413, 425, 432, 435, 437, 438, 441, 443, 444, 447, 450, 451, 483, 484, 491, 493, 494, 509, 511, 517, 528, 539, 560, 573, 574, 587, 604, 653, 680, 685, 710, 711, 734, 751, 809, 811, 813, 827, 828; II, 12, 16, 20, 28, 29, 32–36, 43, 52, 66, 83, 87, 94, 95, 108, 110, 113, 118, 129, 134, 140, 144, 146, 148, 150, 178, 179, 181, 195, 197, 201, 206, 208,

243, 244, 247–249, 364, 368, 403, 421, 422, 426, 440, 444, 446, 447, 451, 486, 500, 504, 518, 537, 543, 556, 583
Соломин, литератор – II, 487
Соломко Сергей Сергеевич – I, 697
Соломон, царь Израильско-Иудейского царства – I, 810
Солон – I, 282, 665
Сомов Константин Андреевич – I, 117, 176, 524, 525; II, 23, 51, 65, 67, 72, 95, 102, 109, 110, 195, 197, 204, 322, 441, 486
Сончелей, библиотекарь в Уфе – I, 236
Сомновский Лев Семенович – II, 565
Софокл – I, 287, 382; II, 266
Софья Ромуальдовна – см. Полякова С.Р.
Спасович Владимир Дмитриевич – II, 58
Спенсер Герберт – I, 422, 531
Спенсер Эдмунд – I, 91
Спиноза Бенедикт – I, 284, 289, 362, 364, 372, 383, 391, 422, 423, 459, 474, 476–478, 531, 667, 765, 798, 803
Спиридонова Л.А. – см. Евстигнеева Л.А.
Спор Макс – I, 636
Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич – II, 5, 190, 191
Станюкович Андрей Кириллович – II, 403, 514
Станюкович Владимир Константинович – I, 12, 14, 18, 20–22, 38, 41, 43, 269, 304, 310, 333, 389, 400, 409, 453, 455, 469, 472, 481, 482, 560, 561, 563, 564, 608, 611, 680, 683, 691, 814, 826, 828
Стародум (Стечкин Николай Яковлевич) – II, 231
Стародубова Вероника Васильевна – II, 27
Стасюлевич Михаил Матвеевич – I, 90, 106, 129, 257, 292, 483, 810; II, 55, 231, 567
Стейнлэн (Стейнлейн) Теофиль – II, 293–295, 297, 298, 300
Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович – II, 537
Степанов Владимир Петрович – II, 558
Степанов Клавдий Петрович – II, 157
Степанов Н. – II, 103, 108
Степанов Николай Леонидович – I, 440, 443, 449, 457, 460, 464, 486, 488, 512, 531, 533–535, 542, 549; II, 227
Степанов Николай Степанович – I, 104
Степанов С.Д. – I, 685, 687, 688, 690, 696, 697
Стернин Григорий Юрьевич – I, 482, 745; II, 24
Стефания Михайловна, секретарь изд. Гржебина – II, 555, 556
Стечкин Н.Я. – см. Стародум
Столица (рожд. Ершова) Любовь Никитична – I, 178, 179
Столыпин Петр Аркадьевич – I, 180
Столяров Владимир Иванович – I, 11
Стороженко Николай Ильич – I, 37, 269, 270, 294
Стоша М.М. – см. Рунт М.М.
Стоюнин Владимир Яковлевич – II, 371
Стоюнина Мария Николаевна – II, 371
Стравинский Игорь Федорович – II, 28
Страда Ж. (Делярю Габриэль Жюль) – I, 800, 802
Страхов Николай Николаевич – II, 25
Страшкова Ольга – I, 334, 613, 614, 715, 733
Стрельская (в замуж. Стуколкина) Варвара Васильевна – II, 60
Стриндберг Август (Юхан Август) – I, 7, 23, 130, 402, 403, 476, 478, 489, 490, 501; II, 8, 12, 23, 166, 167
Струве Глеб Петрович – II, 415
Струве Петр Бернгардович – I, 12, 24, 26, 75, 219, 220, 224–227; II, 138, 144, 145, 146, 148, 149, 207–214, 246, 278, 384, 495, 500, 504, 506
Струмилин Станислав Густавович – II, 147, 153
Стук Ф. – см. Штук Ф.
Стэнк М. – см. Суганов М.А.
Суворин Алексей Алексеевич – I, 508; II, 86, 333, 334, 338, 352, 378
Суворин Алексей Сергеевич – I, 98, 100, 106, 135, 265, 266, 308, 317, 330, 402, 408, 482, 484, 509, 646, 761, 794, 812; II, 32, 49, 84, 95, 237, 334, 428
Суворинский Н. – см. Суворовский Н.П.
Суворова (рожд. Павлова) Клара Николаевна – II, 541
Суворовский Николай Павлович – I, 158; II, 94, 95, 186, 187
Суганов (псевд. Стэнк М., Талызин Михаил) Михаил Архипович – II, 539, 540
Судейкин Сергей Юрьевич – I, 309, 310; II, 11
Судейкина (в замуж. Дриттенпрейс) Софья Юрьевна (Георгиевна) – I, 309, 310
Судейкины, братья – I, 309
Судрака – см. Шудрака
Суинберн Алджернон Чарлз – I, 428, 458, 462–464, 474, 485, 492, 495, 542
Сукиасова И.М. – I, 441
Султанова (рожд. Леткова) Екатерина Павловна – II, 344
Сульпиций Север – I, 193
Сумароков Александр Дмитриевич – I, 250
Сумароков Александр Петрович – I, 307, 757
Сумбатов (псевд. Южин) Александр Иванович – I, 32; II, 151
Суперфин Габриэль Гаврилович – II, 591
Сур Р. – I, 313
Сусликова (в замуж. Толстых) Галина Алексеевна – I, 634
Сухарев Геннадий Михайлович – I, 81
Сухотина Т.Л. – см. Толстая Т.Л.
Схартен К.Т. – см. Шартен К.Т.
Схартен-Антик М.З.Э. – II, 302
Сызранский И. – см. Лялечкин И.О.
Сыромятников (псевд. Сигма) Сергей Николаевич – I, 741
Сытин Иван Дмитриевич – I, 227, 274, 276, 417; II, 243
Сэти I, егип. фараон – I, 226
Сюннерберг К.А. – см. Эрберг К.А.
Сютаев Василий Кириллович – II, 244

Т., псевд. сотр. ж. "Артист" – I, 356
Т.А. – см. Полиевктова Т.А.
Т-ая А.Л. – см. Толстая А.Л.
Т-еев – см. Танеев С.И.
Табурко Иероним Павлович – II, 480
Таиров (Корнблит) Александр Яковлевич – II, 537, 548, 555
Таирова Нина Робертовна – I, 271, 304
Тайад Лоран – I, 254, 255, 632, 634, 682, 683; II, 355, 378, 380
Тайлор Эдуард Бернетт – I, 129
Талин Ф. – см. Зарин Ф.Е.
Талызин Максим – см. Суганов М.А.
Тальский М. – I, 418
Тальяд Л. – см. Тайад Л.
Таля – см. Дарузес Н.А.

Тамерлан (Тимурленг) – I, 456, 457
Танеев Сергей Иванович – I, 280, 303, 304, 311, 312, 319; II, 75
Тарасов Евгений Михайлович – I, 180; II, 444, 446
Тарасова Аэлита Антониновна – I, 619, 631
Тардов Владимир Геннадиевич (псевд. Ардов Т.) – I, 273
Тарутин, владелец кн. магазина (Вологда) – II, 138
Тассо Торквато – I, 18, 661, 665, 672, 673, II, 539, 563, 564
Тастевен Генрих Эдмундович – I, 273; II, 205, 206, 276, 281
Татаринова Александра Павловна – II, 278
Татий Ахилл – II, 324
Татьяна Алексеевна – см. Полиевктова Т.А. .
Татьяна Львовна – см. Толстая Т.Л.
Тацит Публий Корнелий – I, 24, 728, 729; II, 115, 116
Твардовская (рожд. Горелова) Мария Илларионовна – I, 608
Твардовский Александр Трифонович – I, 608
Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Ленгхорн) – II, 444, 446
Телешов Николай Дмитриевич – II, 14
Тенишева Мария Клавдиевна – II, 455, 457, 477
Теннисон Альфред – I, 116, 130, 170, 184, 568, 764
Терехов Г.А. – II, 411
Терехова Мария Николаевна – II, 48
Терещенко Елизавета Ивановна – II, 134, 216, 217
Терещенко Михаил Иванович – II, 134, 216, 217
Терещенко Пелагея Ивановна – II, 134 216, 217
Терещенко, семья – II, 134
Терзаев С. – см. Патараки С.А.
Тернавцев Валентин Александрович – II, 74
Терьян Ваан – I, 236
Тест Жан Батист – I, 393
Тетерников Ф.К. – см. Сологуб Ф.К.
Тетмайер Казимеж – II, 154
Тиберий Клавдий Нерон – I, 24; II, 115
Тибулл Альбий – II, 319, 320
Тик Людвиг – II, 218, 221
Тиман П., владелец фирмы "Торговый дом П. Тимана и Ф. Рейнгардта" – I, 356, 358
Тименчик Роман Давидович – I, 418, 440, 508; II, 400, 410
Тимонин Александр Михайлович – I, 250
Тимофеев Леонид Иванович – II, 552, 553
Тимофеева Зинаида Ивановна – II, 552
Тинэр (рожд. Шасто) Марсель – II, 323
Тинторетто Якопо – II, 97
Тиняков Александр Иванович – II, 405, 409, 410
Тирсо де Молина (Тельес Габриель) – I, 144, 531
Тит Петроний Арбитр – II, 475
Тиханчева Екатерина Пантелеймоновна – I, 107, 477; II, 226, 272
Тихонов (псевд. Серебров) Александр Николаевич – I, 9, 10, 355; II, 384, 385, 565, 566
Тихонов Владимир Алексеевич (псевд. Мордвин) – II, 86
Тихонов Николай Семенович – II, 407, 538, 591
Тихонова (рожд. Шайкевич) Варвара Васильевна – II, 385
Тициан (Тициано Вечеллио) – I, 219; II, 167
Товарищ Герман, псевд. Гиппиус З.Н. – II, 112
Токарева, домовладелица (Казань) – II, 170
Толмачев Михаил Васильевич – II, 408, 410
Толстая Александра Львовна – I, 290, 291, 296, 319, 359, 361
Толстая (в замуж. Оболенская) Мария Львовна – I, 278, 280, 311, 319
Толстая (рожд. Бахметева, в первом браке Миллер) Софья Андреевна – I, 761
Толстая (рожд. Берс) Софья Андреевна – I, 270, 276, 280, 285, 292, 303, 304, 319
Толстая (рожд. Дымшиц) Софья Исааковна – II, 475
Толстая (в замуж. Сухотина) Татьяна Львовна – I, 285, 311, 312, 319
Толстой Алексей Константинович – I, 96, 97, 156, 181, 182, 257, 281, 282, 328, 411, 413, 431, 489, 491, 495, 513, 518, 520, 530, 531, 542, 561, 628, 653, 677, 719, 742, 759–761, 790; II, 252, 272
Толстой Алексей Николаевич – II, 212, 213, 227, 382, 383, 452, 459, 472–475, 490–492, 500, 501, 504, 560
Толстой Андрей Львович – I, 278, 280, 311, 319
Толстой Лев Николаевич – I, 16, 47, 55–57, 97, 116, 205, 224, 267–270, 276–280, 285, 286, 293, 294, 304–306, 308, 311, 312, 314, 319, 389, 418, 422, 423, 470, 512, 514, 561, 563, 564, 585, 609, 610, 631, 717, 767, 781, 804, 810, 815, 827, 828; II, 12, 43, 84, 142, 182, 218, 279, 348
Толстой Михаил Львович – I, 269, 278, 280, 303, 304, 311, 319
Толстой Сергей Львович – I, 276
Толстой Яков Николаевич – I, 17
Толстые, семья Толстого Л.Н. – I, 312
Томашевский Борис Викторович – II, 226, 238, 478, 580, 582
Тон Константин Андреевич – I, 324
Топоров Владимир Николаевич – I, 773; II, 5, 21, 591
Трегубов Иван Михайлович (в тексте опечатка: И.Н.) – I, 319
Тредиаковский Василий Кириллович – I, 307
Треккани делла Альфьери Джованни – I, 444
Тренке Александр Густавович – I, 332; II, 237
Трепалина Марина Ивановна – I, 607
Третьяков Сергей Михайлович – II, 574
Трифонов Николай Алексеевич – I, 80, 92, 263, 362, 423, 610, 611, 700; II, 398, 446, 534, 540
Трозинер, литератор – II, 487
Тройницкий Николай Александрович – II, 204
Тройницкий Сергей Николаевич – II, 190, 204
Тропинин Василий Андреевич – I, 123
Троповский Евгений – II, 102, 162, 169
Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович – II, 560
Трощинский Дмитрий Петрович – I, 532
Трубецкой Евгений Николаевич – II, 178
Трубецкой Сергей Николаевич – II, 43
Трубников Александр Александрович – II, 190
Трубников Константин Васильевич – I, 330, 340
Тулуз-Лотрек (Тулуз-Лотрек-Монфа) Анри де – II, 350–352
Тульчинский Л.М. – ошибочно; см. Турчинский Л.М.
Туманян Ованес Тадевосович – I, 237
Тумповская Маргарита Марионовна – II, 410, 502
Тургенев Иван Сергеевич – I, 72, 311, 314, 368, 412, 509, 510, 707, 730, 822, 826; II, 14, 42, 50, 51, 63, 64, 97, 146, 222, 232, 472, 503
Турист, псевд. Брюсова В.Я. – II, 124

Турчинский Лев Михайлович – I, 271; II, 375
Тучапская (рожд. Крыжановская) Вера Григорьевна – II, 153, 227
Тучапский Павел Лукич – II, 153, 227
Тынянов Юрий Николаевич – I, 488
Тыркова (в первом браке Борман, во втором Вильямс) Ариадна Владимировна – II, 139, 221, 486
Тэн Ипполит Адольф – I, 114, 116
Тэффи (рожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская) Надежда Александровна – I, 66, 274; II, 504
Тютчев Федор Иванович – I, 8, 25, 30, 37, 39, 42, 64, 79, 89, 90, 97, 112, 113, 119, 135, 137, 144, 157, 158, 167, 174, 181, 244, 278, 331–333, 338, 354, 384, 387, 398, 402–405, 430, 431, 438, 439, 441, 442, 444, 445, 449, 479, 480, 482, 487–489, 496, 497, 500, 505, 506, 513, 518, 520, 528, 576, 579, 584, 610, 647, 651, 653, 654, 667, 668, 690, 713, 716, 720, 721, 729–732, 736, 738, 740, 760, 761, 768, 789, 790, 793, 795–798; II, 13, 14, 25, 33, 51, 65, 74, 140, 149, 150, 235–237, 579, 587
Тютчева (рожд. Пфеффер, в первом браке Дёрнберг) Эрнестина Федоровна – I, 332
Тяпков Сергей Николаевич – I, 81, 240, 290, 643, 644, 676, 690, 699; II, 27

Уайльд Оскар – I, 127, 151, 153, 180, 184, 197, 224, 269, 276, 501; II, 100, 177–179, 181, 182, 258, 296, 379, 488
Удонова Зоя Васильевна – II, 25
Узин Владимир Самойлович – II, 590
Уитмен Уолт – I, 71, 180, 184, 215, 216, 220, 221, 224, 227; II, 241, 522
Ульянов Николай Павлович – I; 213
Уманов (Каплуновский) Владимир Васильевич – I, 419
Умов Иван Павлович – II, 504
Унгерн фон Штернберг Рудольф Альфредович – II, 179
Урусов Александр Иванович – I, 37, 90, 305, 525–527, 815, 816, 819, 821; II, 14, 19, 26, 27, 42
Ускова (рожд. Авдеева) Ольга Юрьевна – I, 11, 355
Услар Петр Карлович – II, 44, 45
Успенский Глеб Иванович – I, 411; II, 138, 160
Устинович Прокопий Андрианович – II, 47
Ухов (сцен. псевд. Акимов) Федор Акимович – I, 304
Ухтомский Эспер Есперович – I, 679
Ушаков Симон (Пимен) Федорович – I. 479
Ушакова Е.Н. – см. Киселева Е.Н.
Уэллс Герберт –I, 71; II, 488

Ф-ав Н., адресат письма Брюсова В.Я. – I, 571, 644, 828
Фабр Морис – II, 297–299
Фальк Герман (?) –I, 91, 106
Фальк Эдуард Германович – II, 220, 221
Фарафонтова Т.М. – II, 282
Фармаковский Мстислав Владимирович – II, 401, 422, 425, 428, 430–432, 457, 458, 477, 488
Фасетти А. – см. Пасетти А.
Февральский Александр Вильямович – II, 32
Федер Адольф (Айзик Екевович) – II, 525
Федор, старец – см. Федоров Н.Ф.
Федоров Александр Митрофанович – I, 30, 273, 317, 360, 652, 654; II, 33
Федоров Андрей Венедиктович – I, 812
Федоров Василий П. – II, 579
Федоров Николай Федорович – II, 27, 84, 85, 87, 88, 314
Федорова Вера Михайловна – I, 528
Федорова Елизавета Викторовна – I, 558, 608
Федорова Мария Викторовна – I, 608
Федотова Эмилия Максимовна – I, 721
Фейгин Яков Александрович – I, 118
Фельдштейн (рожд. Леви) Ева Адольфовна – II, 399
Фельдштейн Михаил Соломонович – II, 396, 399
Фенеон Феликс – II, 296
Фео – см. Феофилактов Н.В.
Феофилактов Николай Петрович – II, 9, 21, 34, 86, 95, 98, 100, 102, 106, 113, 118, 122, 123, 126, 162, 306, 312, 319, 320, 330, 331, 333–335, 421, 422
Фер Жорж де – II, 113
Фердинанд II, исп. король – I, 616, 618
Фермиани Э., издатель – II, 28
Феррана Аугусто – I, 151
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич – I, 8, 20–22, 30, 32, 35, 42, 56, 64, 85, 89, 97, 103, 104, 108, 119, 135, 137, 148, 156, 167, 182, 252, 278–282, 312, 383, 387, 411, 412, 415, 430, 465, 489, 509–511, 513, 515, 518, 520, 584, 631, 647, 651, 653, 674, 675, 677, 713, 714, 716, 727, 728, 743, 745, 754–756, 760, 761, 769, 783, 790, 796, 797, 810; II, 14, 25, 27, 33, 42, 49–51, 63, 64, 319, 320, 390, 585
Фет (рожд. Боткина) Мария Петровна – II, 63
Фефер Владимир Васильевич – II, 553
Фехнер Густав Теодор –I, 393
Фидлер Маргарита Федоровна – I, 417, 419
Фидлер Федор (Фридрих) Федорович – I, 411–423, 470, 812; II, 142, 147, 186
Фидус (Хеппенер Гуго) – I, 56, 58, 60, 142, 143, 147; II, 75
Фийоно (рожд. Йепп) Кэйт (Кэтрин) – II, 298, 299, 302, 322, 324, 350, 351
Фийоно Эрнест – II, 351
Филипенко Николай Николаевич – II, 393
Филипп I, франц. король – II, 475
Филипп II, исп. король – II, 167
Филипп IV, франц. король – I, 139
Филиппов Алексей Фролович – I, 23, 406–408
Филиппов Н. – II, 168
Филипченко Иван Гурьевич – II, 574
Философов Дмитрий Владимирович – I, 119, 199, 200, 453, 483, 529; II, 28, 41, 51, 103, 109, 138, 163–165, 173, 174, 176, 180, 197, 276, 372, 406, 410, 426, 428, 431, 492
Финкельштейн А. – II, 428
Фионо К. – см. Фийоно К.
Фихенвальд (ошибочно, см. Эйхенвальд, фотограф)
Фихте Иоган Готлиб – I, 393, 767, 768, 798
Фишер Карл Андреевич – I, 672; II, 242, 243
Фишер Куно – I, 767, 768
Флакс Бер Ефремович – I, 458, 462
Фланер, псевд. сотр. "Утра России" – II, 208
Флиндерс-Питри У.М. – см. Питри-Флиндерс У.М.
Флобер Гюстав – I, 6, 45, 90, 103, 114, 376, 389, 763; II, 348, 472, 550
Флоренский Павел Александрович – II, 130
Флорестан – см. Каль А.Ф.
Фокион, древнегреч. оратор – II, 318, 319, 335

Фомин Александр Григорьевич – I, 239
Фомичев Сергей Александрович – I, 110; II, 147, 152, 223, 226
Фор Поль – I, 151, 472; II, 8, 184, 281, 362, 531, 532
Форд Джон – I, 144
Фортунатов Л. – см. Пильский П.М.
Фофанов Константин Михайлович – I, 18, 19, 21, 30, 32, 35, 38, 91, 92, 252, 334, 341, 342, 376, 400, 450, 451, 456, 467, 472, 477, 478, 483, 508, 509, 511, 514, 515, 517, 650–653, 674, 675, 677, 685, 732, 738, 739, 784; II,16, 26, 33, 386
Фохт Борис Александрович – I, 800, 804
Фра Беато Анджелико – см. Анджелико фра Джованни
Франс Анатоль (Тибо Анатоль Франсуа) – I, 317; II, 297, 364, 378, 380
Франциск Ассизский – II, 186
Фрезинский Борис Яковлевич – II, 503, 515, 523
Френкель, лицо неуст. – I, 118
Фридберг (псевд. Ефимов) Дмитрий Наумович – I, 150, 151, 528, 538, 539; II, 33
Фриче Владимир Максимович – I, 17, 18, 83, 272, 282, 284, 286, 288, 292–294, 303, 304, 314, 317, 318, 321, 325, 332, 335, 338, 339, 362–364, 377, 400, 401, 566, 568, 581, 583, 655, 661–667, 692, 699, 700, 729, 734, 740, 745, 800, 803–806, 826, 828; II, 537, 539, 552, 553, 563, 564, 578
Фруг Семен Григорьевич – I, 726, 728
Фукс Зинаида, псевд. Брюсова В.Я. – I, 610, 655, 691, 693
Фульвия, жена Марка Антония – I, 328
Фурман Анна Федоровна – I, 317
Фырин Аркадий – см. Губер П.К.
Фьезоле Дж. – см. Анджелико фра Джованни да Фьезоле
Фюсно Карл Францевич – I, 332; II, 237

Хаггард Генри Райдар – I, 774, 775
Хайям Омар – см. Омар Хайям
Хайлов Андрей Иванович – II, 383
Халабаев Константин Иванович – II, 580
Хализев Валентин Евгеньевич – I, 607
Халонен (Галонен) Пекка – II, 102, 103
Хафиз Шамседдин Мохаммед – I, 459, 461
Хвастунов М.В. – см. Васильев М.В.
Хеппенер Г. – см. Фидус
Херасков Михаил Матвеевич – I, 553
Херсонский Хрисанф Николаевич – II, 557
Хесин, лицо неуст. – I, 62
Хлебников Велемир (Виктор) Владимирович – I, 445, 500; II, 22, 518, 574
Ходасевич Владислав Фелицианович – I, 115, 167, 169, 277; II, 404, 409, 410, 517, 523, 524
Холмовский Алекс. Васильевич – I, 559, 644, 645, 828
Холмская (Тимофеева) Зинаида Васильевна – I, 330
Холчев Иван Николаевич – I, 442
Хольц Арно – II, 167
Хомяков, лицо неуст. – II, 99
Хомяков Алексей Степанович – I, 61, 431, 825
Хомяков Н. – II, 109
Хондырева М. – II, 106
Хорошилова А.Г. – II, 181
Хоршев, фотограф (Пенза) – II, 150
Хрисонопуло В. – I, 679, 697
Христос – см. Иисус Христос
Хромова Татьяна Михайловна – II, 23
Хрулева Роза Павловна – II, 272

Ц. Елена – см. Цветковская Е.К.
Царевская Элеонора Ивановна – I, 87, 713, 716
Цатуриан Александр Осипович – I, 237
Цвейг Стефан – II, 500
Цветаева (в замуж. Эфрон) Марина Ивановна – I, 405; II, 410, 504, 515, 516, 518, 524
Цветкова И.В. – I, 689
Цветковская Елена Константиновна (псевд. Ц. Елена) – I, 78, 145–147, 149, 151, 153, 154, 160, 162, 167, 169, 174, 175, 184, 195, 197, 210, 234–236
Цветковский Константин Георгиевич – I, 147
Цветнов, лицо неуст. – II, 560
Цедербаум (в замуж. Дан) Лидия Осиповна – II, 139
Цезарь Гай Юлий – I, 716, 722; II, 267, 376, 417, 452
Цейтлин Александр Григорьевич – II, 561, 562
Цейтлин М.О. – см. Цетлин М.О.
Цензор Дмитрий Михайлович – II, 513
Цертелев Дмитрий Николаевич – I, 278, 280
Цетлин (Цейтлин) Михаил Осипович (псевд. Амари) – I, 239; II, 339, 340, 513
Цехновицер Орест Вениаминович – I, 180, 275, 278; II, 22, 119, 232
Цицерон Марк Туллий – I, 90, 186, 655, 671, 673; II, 95
Цорн Андерс Леонард – I, 252
Цуккерман М.Е. – см. Волошин М.Е.
Цыбенко Елена Захаровна – II, 148, 169
Цявловский Мстислав Александрович – I, 630; II, 226, 227

Чаверо Альфредо – I, 165, 166
Чайковский Петр Ильич – I, 158; II, 94, 95
Чарушникова Маргарита Васильевна – I, 239
Чаттерджи Браман – II, 111
Чеботаревская Александра Николаевна – I, 179, 209; II, 101
Чеботаревская (в замуж. Тетерникова) Анастасия Николаевна – II, 486
Чебышев Александр Александрович – I, 520
Чезаре да Сесто – I, 727
Чекановский Я.В. – II, 513
Чекашкина (рожд. Лялечкина) П.О. – I, 649
Черемисин Б.Е. – I, 515
Чернов А.С. – I, 668, 669
Черногубов Николай Николаевич – I, 509, 511, 515; II, 14, 49, 63, 64, 87, 88, 93, 106
Черноуцан Игорь Сергеевич – I, 11
Черный Саша (Гликберг Александр Михайлович) – II, 504
Чернышевский Николай Гаврилович – I, 7, 156, 477; II, 393, 397
Чернявский Владимир Степанович – II, 513
Черняк Яков Захарович – II, 536, 574, 575, 579–581
Чертков Леонид Николаевич – I, 445, 806
Черубина де Габриак – см. Дмитриева Е.И.
Чесноков Николай Андреевич – I, 519
Чехов Антон Павлович – I, 12, 25, 55–57, 99, 118, 136, 152, 158, 406, 412, 421, 483, 524, 527, 566, 567, 609, 681, 813, 814; II, 14, 17–19, 26, 27, 29, 32, 146, 163, 166, 171, 220, 221, 318, 391, 397
Чешихин Всеволод Евграфович – I, 646, 647

Чириков Евгений Николаевич – I, 66, 511; II, 32
Читатель, псевд. сотр. газ. "Крымский курьер" – I, 272
Чичагова-Россинская Елена Дмитриевна – II, 292
Чичерин Владимир Васильевич – I, 294
Чуваков Вадим Никитич – I, 277, 775
Чудовский Валериан Адольфович – II, 509
Чуев, домовладелец (Останкино)– I, 775
Чуйко Владимир Викторович – I, 727
Чуковский Корней Иванович – I, 12, 16, 179, 180, 184, 192, 273, 355, 568, 572, 573, 609; II, 199, 208, 265, 270, 272, 274, 275, 278, 374, 375, 472, 500–502, 506, 534, 539, 540, 563
Чуковский Николай Корнеевич – II, 514
Чулков Георгий Иванович (псевд. Кремнев Бор.) – I, 12, 14, 16, 24–26, 29, 66, 171, 185, 186, 188, 193, 326, 354, 439, 710; II, 102, 103, 110, 112, 175, 176, 180, 181, 186, 191, 194, 195, 205, 206, 221, 244, 272, 343, 345, 363, 367 368, 373, 374, 442, 444, 469, 470, 473, 486, 511
Чулкова (рожд. Петрова, в первом браке Степанова) Надежда Григорьевна – II, 486
Чуносов М., псевд. Ясинского И.И. – II, 497
Чюмина Ольга Николаевна – I, 639

Шаликов Петр Иванович – II, 241
Шаляпин Федор Иванович – II, 219
Шамполион Жан-Франсуа – I, 266
Шанкарачарья – см. Ачарья Шри Шанкара
Шанявский Альфонс Леонович – I, 238, 239
Шапиро Владимир Константинович – I, 528
Шапирштейн (псевд. Лерс, Эльсберг) Яков Ефимович – II, 556
Шапорина Любовь Васильевна – II, 477
Шарапов С.В. – I, 330
Шарко Жан Мартен – I, 15, 109–111
Шаронов Михаил Андреевич – II, 398
Шарпантье(?), жена поэта Рамбоссона (Шарпантье Г.Ф.) – II, 318
Шарпантье Г.Ф. – см. Рамбоссон Г.Ф.
Шартен (Скартен) Карел Теодорус – II, 301, 302, 306
Шарыпкин Дмитрий Михайлович – I, 156, 478; II, 175
Шафарик, домовладелец (Алупка) – I, 337, 342
Шахматов Алексей Александрович – I, 816; II, 138, 224
Шварсалон (в замуж. Иванова) Вера Константиновна – II, 372, 486
Шварц Александр Николаевич – I, 304, 305, 698, 699
Швейцер Ф. – I, 130
Швинд Мориц фон – I, 451, 470, 487
Швоб Марсель – II, 354, 379
Шебуев Николай Георгиевич – II, 486, 487
Шевляков (псевд. Славянский) Михаил Викторович – I, 689
Шевцов Иван – II, 671
Шевцова, мать Шевцовой И.И. – II, 568, 571
Шевцова Елена (?) Ивановна – II, 570, 571
Шевцова Ирина Ивановна – II, 534, 539, 566–571
Шекспир Уильям – I, 6, 7, 18, 21, 92, 99, 107, 108, 129, 136, 144, 327, 328, 330, 331, 334, 380, 454, 499, 531, 648, 666, 680, 682, 712, 713, 715, 733, 735, 738, 745, 749, 768, 773; II, 182, 531, 567
Шелли Перси Биши – I, 21, 30, 32, 35, 42, 46, 56, 57, 89–91, 107, 120, 122–126, 128, 129, 131, 134, 136, 146, 150, 151, 153, 155, 174, 175, 182, 184, 192, 269, 271, 292, 327, 329, 471, 485, 487, 488, 550, 568, 704, 706, 716, 784, 786–790, 816, 817, 821; II, 83, 86, 254
Шелльхас Пауль – II, 50
Шемшурин Андрей Акимович – II, 492
Шенгели Георгий Аркадьевич – II, 398, 407, 543, 574, 575, 579, 582
Шенфельд Борис Михайлович – II, 526
Шенье Андре – I, 28, 68
Шервашидзе Александр Константинович – II, 291
Шервинский Василий Дмитриевич – II, 279
Шервинский Сергей Васильевич – I, 753, 754; II, 279, 385, 398, 550
Шереметев Сергей Дмитриевич – II, 40
Шереметевы, дворянский род – II, 230, 231
Шерон Джордж – I, 547; II, 208
Шершеневич Вадим Габриэлевич – I, 445; II, 407, 410, 536, 538, 541, 564, 576
Шестаков Дмитрий Петрович – I, 484, 529, 652, 654; II, 31, 32
Шестеркин Михаил Иванович – I, 114; II, 8, 70, 72, 85
Шестеркина Анна Александровна – I, 12, 15, 16, 18, 21, 22, 27, 28, 68, 114–116, 276, 342, 405, 424, 441, 501, 506,534, 595, 611; II, 37, 45, 79, 92–98, 195, 325, 344, 345
Шестов (Шварцман) Лев Исаакович – II, 149
Шибанов Павел Петрович – II, 51
Шик Максимилиан Яковлевич – I, 62, 158; II, 23, 94–96, 201, 336
Шиллер Иоганн Кристофор Фридрих – I, 278, 453, 454, 694, 718; II, 444, 446
Шинский Н. – см. Рябушинский Н.П.
Ширская Н. – I, 809
Ширяева А.П. – см. Ланг А.П.
Ширяева Мария Павловна – I, 12, 16, 20, 28, 84, 85, 299, 303, 318, 604, 627, 628, 705, 706, 708, 709, 713, 714, 825–828
Шицман С.В. – I, 487
Шишков Александр Ардалионович – II, 532
Шкапская Мария Михайловна – II, 398, 538, 554
Шляпкин Илья Александрович – II, 55, 69, 70, 224, 231, 232
Шмелев Иван Сергеевич – II, 212
Шмидт Екатерина Оттовна – II, 523
Шмидт Иван Федорович – II, 151
Шмидт Петр Юльевич – II, 244
Шнейдер Саша – II, 15
Шницлер Артур – I, 515; II, 12, 24, 31, 32, 40, 164
Шопен Фредерик – I, 219; II, 163, 187
Шопенгауер Артур – I, 191, 364, 531, 765, 773, 790, 798, 800, 801, 805, 806, 819, 825; II, 308
Шор О.А. – см. Дешарт О.А.
Шохор-Троцкая Ирина Семеновна – I, 479
Шперк Федор Эдуардович – I, 386, 387
Шри-Шанкара-Ачарья (Шанкарачарья) – см. Ачарья Шри Шанкара
Штейн (рожд. Горенко) Инна Андреевна – II, 413
Штейн Сергей Владимирович фон – II, 402, 412, 413, 419, 422, 429, 431–433
Штейнберг С. – II, 26
Штейнберг Юлиус – I, 305
Штейнер Рудольф – I, 122
Штук (Стук) Франц – II, 15, 96
Шубинский Сергей Николаевич – II,235
Шудрака (Судрака) – I, 499, 500

Шульц Генрих, поэт, вымышленный Брюсовым В.Я. –I, 294, 773, 794
Шулятиков Владимир Игоревич – I, 409
Шулятиков Владимир Михайлович – I, 294, 304, 317, 362, 408, 409, 700, 806, 828
Шуф Владимир Александрович – I, 652, 654, 677
Шюре Эдуард – I, 326

Щ., псевд. Щеголева П.Е.
Щеглов – см. Леонтьев-Щеглов И.Л.
Щеголев Павел Елисеевич – I, 7, 19, 110; II, 138–140, 147, 148, 151–155, 157, 159, 160, 162–164, 166–169, 173, 174, 176, 178, 180, 181, 183, 186, 190, 193, 197, 218, 220, 221, 223–250
Щеголева (рожд. Богуславская) Валентина Андреевна – II, 234, 246
Щелкунов Михаил Ильич – II, 536
Щепкин Вячеслав Николаевич – I, 815
Щепкин Михаил Семенович – I, 331
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна – I, 20, 637–640, 828; II, 26
Щербаков Рем Леонидович – I, 30, 60, 80, 124, 214, 269, 278, 419, 482, 594, 608, 611, 665, 666, 692, 705, 756, 768, 821; II, 7, 148, 162, 186, 191, 194, 199, 400, 408
Щербина Николай Федорович – I, 322, 432, 442, 518, 520, 537, 539, 540, 544, 654, 761
Щукин Иван Иванович – II, 324, 355, 419, 424, 427, 428, 464
Щукин Сергей Иванович – II, 100
Щукины, купеческая семья – II, 5

Эверс Франц – I, 21, 240, 248, 255, 283, 294, 452–454, 560, 586, 608, 609, 635–637, 648, 657, 658, 661, 713, 716
Эврипид – см. Еврипид
Эглитс (Эглит, Эглитис) Виктор (Виктор Иванович) – I, 354, 355; II, 106
Эда – см. Брюсова И.М.
Эдгар – см. По Э.
Эдельфельт Альберт – II, 102, 103
Эзоп – I, 684, 688
Эйбушитц Павел Семенович – I, 483
Эйхенбаум Борис Михайлович – II, 518, 575
Эйхенвальд, фотограф (Москва) – I, 203
Эйхенвальд Николай Александрович – I, 558, 608, 664
Экауд (Экаут) Жорж – II, 256, 284, 285
Эккерман Иоганн Петер – II 379, 387
Экстер Александра Александровна – II, 494
Элеонора – см. Царевская Э.И.
Элиана де Марси, колл. псевд. сестер Йепп – II, 351
Элиасберг Александр Самойлович – I, 204, 205, 224; II, 123, 148, 461
Эллис (Кобылинский) Лев Львович – I, 186, 192, 219,221, 223, 707;II, 111, 112, 116, 120, 125, 127, 234, 235, 237, 267, 275, 374–376, 379, 380, 504
Эллис Фредерик Стартридж – I, 155
Эль Греко (Теотокопули) Доменико – I, 732
Эльзон Михаил Давидович – I, 527; II, 147, 410
Эльсберг Я.Е. – см. Шапирштейн Я.Е.
Эмберы (?) – II, 86
Эмерсон Ралф Уолдо – I, 458, 460, 542
Энгельгардт Михаил Александрович (в тексте ошибочно Н.) – I, 746
Энгельгардт Николай Александрович – I, 317, 652, 654
Эннекен Эмиль – II, 312, 321, 323, 328, 330, 338
Энсор Джеймс – I, 175; II, 323, 671
Эразм Роттердамский – I, 465
Эрберг (Сюннеберг) Константин Александрович – II, 194, 372, 486, 492, 546, 547
Эредиа Жозеф (Жозе, Хосе)-Мария де – I, 294, 298, 299, 646–648; II, 253, 274
Эренбург (рожд. Ареншгейн) Анна Борисовна – II, 515, 516
Эренбург Григорий Григорьевич – II, 515
Эренбург Изабелла Григорьевна – II, 530, 531
Эренбург Илья Григорьевич – I, 7, 22, 23; II, 404, 406, 410, 501, 503, 504, 515–533
Эренбург Ирина Ильинична – II, 516, 524, 525
Эрла-Мартов –см. Бугон А.Э.
Эрлих Яков (Яков-Вольф) Исаакович – I, 457–461, 466, 468, 475, 477, 478, 484–486, 497, 502, 538, 539, 809, 811
Эрн Сергей – II, 457
Эрольд А.Ф. – см. Герольд А.Ф.
Эсмер-Вальдор – см. Мерсеро А.
Эсхил – I, 304, 816, 817
Эттингер Павел Давидович – II, 100, 101
Эфрос Николай Ефимович (псевд. Али) – II, 26, 153

Ю. А-ъ – см. Айхенвальд Ю.И.
Ю.Б. – см. Бартенев Ю.П.
Ю-нъ, сотр. газ. "Новое время" – I, 373
Ювенал Децим Юний – II, 320
Юдин, литератор – II, 487
Южаков Сергей Николаевич – I, 809
Южин-Сумбатов А.И. – см. Сумбатов А.И.
Юлиан Медичи де – I, 335
Юлиан Милостивый – II, 472
Юлиан Отступник Флавий Клавдий – I, 389; II, 54
Юлий Август – см. Август Гай Октавий
Юнг – II, 23
Юнге (рожд. Толстая) Екатерина Федоровна – II, 358
Юнгер Александр Александрович – II, 504
Юнгер Владимир Александрович – II, 513
Юргис – см. Балтрушайтис Ю.К.
Юргисы – см. Балтрушайтисы М.И. и Ю.К.
Юрий Петрович – см. Бартенев Ю.П.
Юрьев Юрий Михайлович – I, 268
Юстиниан, визант. имп. – I, 284
Юшенька – см. Бартенев Ю.П.

Яблоновский С.В. – см. Потресов С.В.
Яворская (рожд. Гюббенет, в замуж. Барятинская) Лидия Борисовна – I, 330
Яворский Болеслав Леопольдович – II, 85, 86
Ягужинский Сергей Иванович – II, 72
Язвицкий Валерий Иоильевич – II, 277
Языков Николай Михайлович – II, 47
Якимченко Александр Георгиевич – II, 90, 93, 289, 290, 292, 294, 299, 304, 305, 311, 337, 342
Якир Ирина Петровна – II, 5, 137
Якобсон Йенс Петер – I, 499, 500
Якобсон Роман Осипович – I, 677
Яков Козьмич – см. Брюсов Я.К.
Яковенко В.И. – I, 254
Яковлев Николай Капитонович – I, 378
Яковлева Арина Родионовна – I, 733
Якубович Владимир Петрович – II, 21

Якубович (псевд. Мельшин) Петр Филиппович – I, 21, 90, 98, 100, 192, 252, 377, 527
Якунчикова Мария Васильевна – I, 330, 331; II, 343, 346, 348, 349, 356
Якушкин Евгений Иванович – I, 477
Ялгубцев Михаил Петрович – II, 487
Ямпольский Исаак Григорьевич – I, 5, 82, 433, 442, 451, 471, 495, 710
Янинка – см. Брюсова И.М.
Янковский М. – II, 175
Яновский, псевд. Бугаева Б.Н. – II, 148
Яремич Степан Петрович – II, 281
Ярков Ник – см. Поярков Н.

A.B-r – см. Гольштейн А.В.
Adam P. – см. Адан П.
Akhmatova A. – см. Ахматова А.А.
Allegro – см. Соловьева П.С.
Altalena – см. Жаботинский В.Е.
Anglada y Camarasa E. – см. Англада-и-Камараза Э.
André Charles – II, 95
Arcos J.-R. – см. Аркос Ж.-Р.
Arnold M. – см. Арнольд М.
Asvaghosha – см. Ашвагхоша

Bachmann G. – см. Бахман Г.
Balmont Const. – см. Бальмонт К.Д.
Bang Herman – II, 177
Barański Zbigniew – II, 148
Barbay d'Aurevilly – см. Барбе д'Оревильи
Barrés M. – см. Баррес М.
Battifol L. – см. Баттифоль Л.
Baudelaire Ch. – см. Бодлер Ш.
Bauler A. – см. Гольштейн А.В.
Beardsley O.V. – см. Бердслей О.В.
Beresine E. – см. Березин И.Н.
Berrichon P. – см. Берришон П.
Besnard P. – см. Бенар П.
Bever van Ad – см. Ван Бевер Ад
Biegas B. – см. Бегас Б.
Blond – I, 124
Boenig H. – I, 404
Bois J. – см. Буа Ж.
Botel J. – см. Ботель Ж.
Bouhélier E.S.-G. – см. Буэлье Э.С.-Ж.
Bouillet Marie Nicolas – II, 591
Bourgoin L. – см. Ландель Приска де
Bremont H. – см. Бремон А.
Briussov (Briussoff, Brussoff, Bryusov) – Брюсов В.Я.
Brucher R. – II, 31
Budha – см. Будда

Carriére E. – см. Каррьер Э.
Castro de Miguel – см. Кастро Мигуэль де
Ch., псевд. Брюсова В.Я. – II, 94
Charten C. – см. Шартен К.Т.
Cheron G. – см. Шерон Дж.
Comte Ours – см. Медведев Л.М.
Conder Ch. – см. Кондер Ш.
Craig G. – см. Крэг Г.
Crés George – II, 339
Cuddon John Anthony – I, 689

D'Annunzio G. – см. Д'Аннунцио Г.
Ярослав Мудрый, русский князь – I, 342
Ярхо Борис Исаакович – II, 298
Ярцев Петр Михайлович – II, 199
Ясинская Зинаида Иеронимовна – I, 123; II, 150
Ясинский Иероним Иеронимович (псевд. Белинский Максим, Чуносов М.) – I, 19, 123, 141, 147, 348, 400, 413, 414, 419, 436, 443, 517, 566, 568, 619, 828; II, 10, 31, 140, 147, 149, 150, 157, 497
Ясный А.М. – I, 254 (упом. ошибочно)
Яфа (в замуж. Синакевич) Ольга Викторовна – I, 441, 461, 462
Ященко Александр Семенович – I, 182; II, 254, 272, 282, 291, 358, 359

Dante – см. Данте
David J.L. – см. Давид Ж.Л.
Davidson P. – II, 544
Dehmel Richard – II, 166
Delacroix E. – см. Делакруа Э.
Delaney Grossman Joan – I, 361, 705, 815
Deman E. – см. Деман Э.
Demolder E. – см. Демольдер Э.
Deniker N. – см. Деникер Н.
Destré J. – см. Дестре Ж.
Diez J. – см. Диц Ю.
Dobroljubov A. – см. Добролюбов А.М.
Dujardin E. – см. Дюжарден Э.

Eckhoud G. – см. Экауд Ж.
Ehrenburg I. – см. Эренбург И.Г.
Einaudi. Giulio – II, 561
Ellis F.S. – см. Эллис Ф.С.
Emerson R.M. – см. Эмерсон Р.У.
Eshmer-Valdor – см. Мерсеро А.
Evers F. – см. Эверс Ф.
Exter псевд. хроникера газ. "Московские ведомости" – II, 41

Fabre M. – см. Фабр М.
Fermiani E. – см. Фермиани Э.
Feure G. – см. Фер Ж.
Fiedler F. – см. Фидлер Ф.Ф.
Filloneau-Yapp C. – см. Фийоно К.
Flammarion Ernest – I, 490
Förstemann Ernest Wilhelm – II, 49, 50
Fort Paul – см. Фор П.

G. B., псевд. Бахмана Г.Г. – II, 33
Galska Hanna – II, 148
Gauguin P. – см. Гоген П.
Gautier Th. – см. Готье Т.
Geffroy G. – см. Жоффруа Г.
Ghil R. – см. Гиль Р.
Giraldi – II, 54
Giuliano l'Apostata – см. Юлиан Отступник
Gogol Nicolas – см. Гоголь Н.В.
Goumileff N. – см. Гумилев Н.С.
Gourmont Remy de – см. Гурмон Реми де
Grabbe H.D. – см. Граббе Х.Д.
Graham S. – см. Греем Ш.
Griffin – см. Вьеле-Гриффен Ф.
Grossman Delaney – см. Delaney Grossman J.
Guenther J. – см. Гюнтер И.
Guimet E. – см. Гиме Э.
Guindine S.J. – см. Гиндин С.И.
Gumilyov – см. Гумилев Н.С.

Hachette Louis Christof François–II, 124
Haeckel E.G. – см. Геккель Э.Г.
Hafis – см. Хафиз
Haight Amanda – II, 409, 435, 454, 459
Hamsun K, – см. Гамсун К.
Hannibal – см. Ганнибал
Hennequin E. – см. Эннекен Э.
Herold A.F. – см. Герольд А.-Ф.
Heymans A.J. – см. Гейманс А.Ж.
Hiersemann Karl W. – см. Гирземанн К.В.
Hofmannsthal H. – см. Гофмансталь Г.
Holstein A. – см. Гольштейн А.В.
Holz Arno – II, 166
Huon de Bordeau – I, 665
Huxley T.H. – см. Гексли Т.Г.
Huysmans J.K. – см. Гюисманс Ж.К.

Ibsen H. – см. Ибсен Г.
Ivanov V. – см. Иванов В.И.

Jammes F. – см. Жамм Ф.
Janin C. – см. Жанен К.
Jensen Johannes V. – II, 177
Jésus – см. Иисус Христос

Kahn G. – см. Кан Г.
Kasprowicz J. – см. Каспрович Я.
Kaulen F.F. – см. Каулен Ф.Ф.
Keats J. – см. Китс Дж.
Khayyam Omar – см. Омар Хайям
Kleiner Juliusz – I, 191
Krag Th.P. – см. Краг Т.
Kristensen D. – см. Кристенсен Д.
Kubin – см. Кубин А.

Lacombles, бельг. издатель – II, 32
Lacoste Ch. – см. Лакост Ш.
Lacuzon A. – см. Лакюзон А.
La Fayette Oliver Calemard de – II, 124
Laforgue J. – см. Лафорг Ж.
Lamartine Alphonse Marie Louis de – II, 124
Lambiaso S. – II, 28
Lamme, франц. издатель – II, 31
Lample Horste – II, 147
Larousse Pière – I, 497
Lawrence Joseph – II, 351
Legrand L. – см. Легран Л.
Le Grand M. – см. Ле Гран М.
Leibnits G. – см. Лейбниц Г.
Lélian (Pauvre Lélian), прозвище Верлена П.
Lemerre Alphonse – I, 209
Lemus – см. Лемке М.К.
Leonardo da Vinci – см. Леонардо да Винчи
Litschfousse V. – см. Литчфус В.
Locke J. – см. Локк Дж.
Lolo – см. Мунштейн Л.Г.
Lo'mo L. – II, 61
Lorrain J. – см. Лоррен Ж.
Louis XV – см. Людовик XV
Louys Pierre – см. Луис Пьер
Lucretius – см. Лукреций
Lumholtz Karl Sofus – I, 164
Luther Arthur – см. Лютер Артур

M.V., псевд. Волошина М.А. – II, 361
Maciag Wlodzimierz – I, 191
Maeterlinck M. – см. Метерлинк М.
Mallarmé St. – см. Малларме Ст.
Mann Maurycy – I, 215
Marat J.-P. – см. Марат Ж.-П.
Marechal Christian – II, 124
Marpon, франц. издатель – I, 490
Marguérite P. – см. Маргерит П.
Marguérite V. – см. Маргерит В.
Martini A. – см. Мартини А.
Masloff – см. Маслов В.А.
Maucalaire C. – см. Моклер К.
Mellerio A. – см. Меллерио А.
Merril St. – см. Мерриль Ст.
Mercereau A. – см. Мерсеро А.
Metsu G. – см. Метсю Г.
Meurice Ch. – см. Морис Ш.
Michel A. – см. Мишель А.
Minutius Felix – см. Минуций Феликс
Mirbeau O. – см. Мирбо О.
Mokhel A. – см. Мокель А.
Mondor Henri – II, 350
Montesquiou – см. Монтескиу-Фезенсак Р.
More Th. – см. Мор Т.
Moréas J. – см. Мореас Ж.
Moreau O. – см. Моро Г.
Morfill William Richard – см. Морфилл У.Р.
Morice Ch. – см. Морис Ш.
Morris W. – см. Моррис У.
Musset A. – см. Мюссе А.

Nathanson T. – см. Натансон Т.
Nattier J.M. – см. Натье Ж.М.
Nietzsche F. – см. Ницше Ф.
Nolhac P. – см. Нольяк П.
Norche – II, 59

O. R. – см. Редон О.
Octavius – см. Август Гай Октавий
Old Gentleman – см. Амфитеатров
Omar Khayyam – см. Омар Хайам

Pauvre Lélian – см. Верлен П.
Péladan J. – см. Пеладан Ж.
Philippe II – см. Филипп II
Pierre et Paul, псевд. Верлена П. – I, 641
Pompadour – см. Помпадур, маркиза
Popescu St. – см. Попеско Ст.
Preuschen Erwin – II, 64
Prisca de l'Andelle – см. Ландель Приска де
Przesmyzki Z. – см. Пшесмыцкий З.
Przybyszewski St. – см.Пшибышевский Ст.
Puvis de Chavanne P. – см. Пюви де Шаванн П

Querlon P. – см. Керлон П.

Rabelais François – I, 308
Rachilde M.E. – см. Рашильд
Rambosson I. – см. Рамбоссон И.
Ramiro E. – см. Рамиро Э.
Ranson P. – см. Рансон П.
Redon G. – см. Редон О.
Reeve F.D. – I, 441
Regnier H. de – см. Ренье А.
Retté A. – Ретте А.
Richard Jean-Pierre – II, 350, 351
Richet Ch. – см. Ришэ Ш.
Ricker J. – II, 64
Rictus Jéhan – Риктюс Ж.

Riehl A. – см. Риль А.
Rimbaud A. – см. Рембо А.
Rodenbach G. – см. Роденбах Ж.
Rops F. – см. Ропс Ф.
Rosny – см. Рони, братья
Rossetti D.G. – см. Россетти Д.Г.
Rosso M. – см. Россо М.
Royère J. – см. Руайер Ж.

Sahagun Bernardino de – I, 164
Sand G. – см. Санд Жорж
Sansot-Orland E. – см. Сансот-Орлан Э.
Scharten K. Th. – см. Шартен К.Т.
Schick M. – см. Шик М.
Segard Achille – см. Сегард Ахилл
Ségur P. – см. Сегюр П.
Sellier Ch. – см. Селье Ш.
Semenov M.N. – см. Семенов М.Н.
Sérusier P. – см. Серюзье П.
Shelley P.B. – см. Шелли П.Б.
Sinani Hélène – II, 147
Sizeranne R. – см. Сизеранн Р.
Somoff K. – см. Сомов К.А.
Spohr M. – см. Спор М.
Steinlen Th. – см. Стейнлен Т.
Strada J. – см. Страда Ж.
Strindberg A. – см. Стриндберг А.
Swinburne A.Ch. – см. Суинберн А.Ч.

Tailhade L. – см. Тайад Л.
Tichomirova I. – II, 148
Tinayre M. – см. Тинэр М.
Tittemore, лицо неуст. – II, 53

-ur-ur-ur, псевд. сотр. ж. "Молва" – I, 331

Vuillard E. – см. Вюйар Э.
Valloton F. – см. Валотон Ф.
Valdor (Exhmer-Valdor) – см. Мерсеро А.
Valerius Antias – I, 329
Van Bever Ad. – см. Ван Бевер Ад.
Vanier L. – см. Ванье Л.
Vergine L., – II, 28
Verhaeren E. – см. Верхарн Э.
Varlaine P. – см. Верлен П.
Verrier Ch. – см. Верье Ш.
Viélé-Griffin F.см. – Вьеле-Гриффен Ф.
Villiers de l'Isle Adam F. – см. Вилье ле Лиль Адан Ф.
Villon F. – см. Вийон Ф.
Viot, домовладелица (Париж) – II,381
Visan Tancrède de – II, 273
Volochine M. – см. Волошин М.А.
Vullers I.A. – см. Вуллерс И.А.

W. – см. Уманов-Каплуновский В.В.
Wallrafen C. – см. Вальрафен К.
Walser K. – см. Вальзер К.
Wedekind F. – см. Ведекинд Ф.
Wega, псевд. Голикова В.М. – I, 483
Westzynthius W. – см. Вестцинтиус В.
Woloschin Margarita – см. Сабашникова М.В.
Wološin M. – см. Волошин М.А.

Yepp-Filloneau C. – см. Фийоно-Йепп К.

Zeyer J. – см. Зейер Ю.
Zuloaga I. – см. Зулоага И.

СОДЕРЖАНИЕ*

ПЕРЕПИСКА С С.А. ПОЛЯКОВЫМ (1899–1921)
Вступительная статья и комментарии Н.В. Котрелева. Публикация Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир 5

ПЕРЕПИСКА С А.М. РЕМИЗОВЫМ (1902–1912)
Вступительная статья и комментарии А.В. Лаврова. Публикация С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир 137
Приложение. А.М. Ремизов. Аделаидин цвет. Валерий Брюсов. 1873–1924
Публикация А.В. Лаврова 217

ПЕРЕПИСКА С П.Е. ЩЕГОЛЕВЫМ (1903–1917)
Вступительная статья Е.Ю. Литвин и С.А. Фомичева. Публикация и комментарии Л.К. Кувановой и Е.Ю. Литвин 223

ПЕРЕПИСКА С М.А. ВОЛОШИНЫМ (1903–1917)
Вступительная статья, публикация и комментарии К.М. Азадовского и А.В. Лаврова 251
Приложение I. М.А. Волошин. Книга Раздумий. К.Д. Бальмонт. Валерий Брюсов. Модест Дурнов. Ив. Коневской.
Публикация К.М. Азадовского и А.В. Лаврова 385
Приложение II. М.А. Волошин. ⟨В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты⟩
Публикация К.М. Азадовского и А.В. Лаврова 388

ПЕРЕПИСКА С Н.С. ГУМИЛЕВЫМ (1906–1920)
Вступительная статья и комментарии Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербаковой. Публикация Р.Л. Щербаковой 400

ПЕРЕПИСКА С И.Г. ЭРЕНБУРГОМ (1910–1916)
Вступительная статья, публикация и комментарии Б.Я. Фрезинского ... 515

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ (1918–1924)
Обзор, публикация и комментарии Н.А. Трифонова 534

ПЕРЕПИСКА С РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА "ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ" (1920–1923)
Вступительная статья, публикация и комментарии Т.В. Анчуговой 572
Приложение. ⟨Брюсов — в редакцию журнала "Печать и революция"⟩ 581

ПАМЯТИ Д.Е. МАКСИМОВА (1904–1987) 583
Статья К.М. Азадовского и А.В. Лаврова

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 592

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К КН. 1-2 594
Составила О.Ю. Авдиева

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К КН. 1-2 600
Составила Ю.П. Благоволина

*По независящим от редакции причинам вторая книга настоящего тома выходит с некоторыми сокращениями по сравнению с первоначально намеченным составом. Из нее исключены разделы, содержащие переписку Брюсова с Б.А. Садовским, Н.А. Клюевым и А.Н. Тихоновым. Ссылки на эти публикации, имеющиеся в первой книге тома, недействительны. В связи с тем, что подготовка 98 тома ЛН была завершена в 1987 г., в нем сохраняются прежние названия архивохранилищ и отсутствуют (за отдельными исключениями) ссылки на издания последних лет.

Литературное наследство

Том 98

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Книга вторая

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М. Горького
Российской академии наук

Руководитель фирмы "Наука–Культура"
А.И. Кучинская

Редактор издательства *В.Г. Шитарева*
Художник *А.М. Дроговой*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *И.Н. Жмуркина*
Корректор *Н.П. Гаврикова*

ИБ № 47848
ЛР № 020297 от 27 ноября 1991 г.

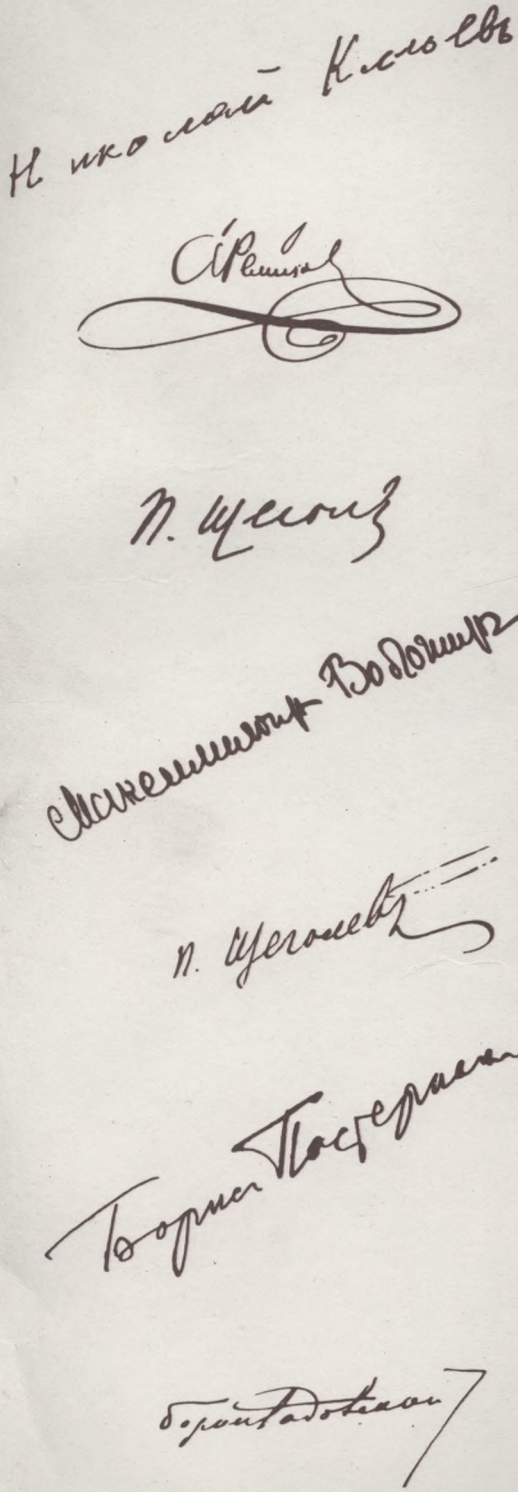
Сдано в набор 08.04.94
Подписано к печати 18.08.94
Формат 70×108 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л 56. Усл.кр. отт. 57,4. Уч.-изд.л 78,2
Тираж 4000 экз. Тип. зак. 3128

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Валерий БРЮСОВ и его корреспонденты



Валерий БРЮСОВ и его корреспонденты

«Наука»